

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзамасов Ю.Г. Метод правового регулирования: понятие, классификации.....	8
Баматкириева С.Х. Принципы технологии судебного правоприменения: понятие, классификация, характеристика.....	14
Васяев А.А. Кто защищал Ларису Богораз? История адвокатов-подвижников.....	18
Гузев В.А. Соотношение института ограничения ответственности перевозчика с общими принципами юридической ответственности.....	26
Гусаим И.В. Философско-правовые основания конституционного права как базис обеспечения общественной безопасности Российской Федерации	30
Емцов Г.Н., Панченко В.Ю. Общие закономерности функционирования государств, находящихся в состоянии войны.....	35
Журавлева А.И. Регулирование правоотношений: понятие и виды	41
Исаев Д.Ш. Трансформация корпоративного нормотворчества под воздействием цифровых технологий в Российской Федерации: комплексный анализ правовых, управленческих и социальных аспектов.....	45
Москалёв Ю.М. Развитие содержания принципов правотворчества в эпоху четвертой промышленной революции.....	52
Николаев В.Е. Изучение законовещения в средних учебных заведениях России XIX – начала XX вв. (на материалах гимназий г. Саратова)	58
Пыхтин А.В. Проблемы квалификации преступлений по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества.....	63
Толоконников С.И. Теоретико-правовой анализ места международного транспортного права в системе международного права: исторический аспект развития.....	69
Саенко С.И., Черенкова А.И. Правовая формализация гражданского общества в Российской Федерации: достигнутые результаты и перспективы совершенствования.....	74
Чирухин А.В. Историко-правовые аспекты формирования системы финансово-экономической экспертизы в СССР	79

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барabanова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багдад Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Шевцов Е.В. Влияние первичной партийной организации на деятельность колхоза «имени Ленина» Принцевского сельсовета.....	83

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Авдеева И.С. Проблемы соотношения и реализации принципов эффективности использования бюджетных средств и эффективности осуществления публичных закупок.....	86

Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун. Особенности защиты прокурором социальных прав граждан в Российской Федерации и Республике Ирак.....	91

Бежанов А.А. Инструменты международно-правового принуждения и правомерность их применения	96

Беликова М.П. Правовое регулирование искусственного интеллекта в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации ...	100

Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун. Прокурорский надзор за трудовыми и жилищными правами граждан: сравнительно-правовой анализ опыта России и Ирака	107

Британов А.Г. Этап оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности в России	112

Бутусов С.А. Соотношение генерального плана и правил землепользования застройки через призму правоприменительной практики на территории города Москвы.....	117

Гаджидадаева М.С., Гаджидадаев А.Ш. Конституционные проблемы реализации местного самоуправления как принципа народовластия в РФ.....	124

Гусейнова Л.Н. Правовые механизмы цифровой модернизации в государственных органах Российской Федерации	131

Дадашев А.А. Правовой нигилизм в условиях цифровизации общества: вызовы для правопорядка и государственности	135

Дворжецкая-Львова С.П. Роль в формировании представительных органов власти представителей дворянства и отдельных личностей.....	141

Дегтярев А.В. Историко-правовые особенности формирования финансово-экономической базы местного самоуправления в России	146

Добкин А.Г., Осавелюк А.М. К вопросу о юридической сущности процедуры пересмотра Конституции Российской Федерации.....	151

Искандарян Н.И. Развитие правового регулирования контроля налогообложения малого и среднего бизнеса	156

Дегтярев А.В. Эволюция законодательства о финансовом обеспечении местного самоуправления: историко-правовой анализ	162

Карымов Г.Т. Правовые модели предупреждения банкротства: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право	167

Качалов П.Н., Бульдяева К.А., Мукасева Н.Н. Использование электронных технологий в административном праве: плюсы и минусы	172

Лещинский С.В. Правовые аспекты высокодоходных банковских операций.....	176

Матаева М.Х., Гаврилов С.О., Вертков В.Д. Проблемы научной организации труда в системе советской государственной службы (на примере органов советской прокуратуры).....	181

Невенченко Я.А. Эволюция законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок	186

Ногин А.А. Полномочия органов местного самоуправления в условиях особого административно-правового режима военных действий: теоретико-правовой и историко-практический анализ	192

Пайгусов В.П. Особенности защиты чести, достоинства и деловой репутации судей	196

Поляков Д.В. Тенденции развития законодательства в области долевого строительства в России	200

Пулин А.О. Административно-правовое регулирование деятельности таможенных органов по контролю за перемещением контрафактной продукции: проблемы и пути решения.....	207

Романычев Н.О. Применение зарубежного опыта при реализации положений концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы в области защиты персональных данных в автоматизированном судопроизводстве.....	215

Седгарян К.А., Самылин Е.Д. Множественность ЕИО: плюсы и минусы управления	219

Степанов Р.Г. Внесудебное разрешение административных споров в Российской Федерации: теоретические основы, сравнительно-правовой анализ и пути совершенствования законодательства	223

Федоренко Т.Н. Институт правовой защиты прав человека	231

Федоров А.А. Современная практика применения досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров в Российской Федерации и пути ее совершенствования.....	236

Цветков Г.Э. Институт ограничения прав человека и гражданина в конституционном праве Российской Федерации: формы принуждения	239

Чирухин А.В. Развитие института финансово-экономической экспертизы в советской России: правовое регулирование и практика	244

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Батищев И.Р. Гражданско-правовые аспекты деятельности писателей-призраков с позиции злоупотребления личными неимущественными правами автора	249
Буряков В.С., Клепикова О.Г. Обстоятельства непреодолимой силы в цифровом секторе гражданского оборота: постановка проблемы	256
Вихров А.А. Вопросы совершенствования регулирования привлечения денежных средств посредством онлайн-платформ.....	260
Вронская М.В. Правовой режим самовольной постройки: материальные и процедурные аспекты	264
Губанова О.А. Увольнение работника по статье	269
Гудков Н.В. К вопросу о безусловности судебных решений	274
Дашевская Е.И., Свирин Ю.А. Правовые проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве: доказательственные аспекты и пути совершенствования законодательства	279
Добровольская А.В. Криптовалюта как предмет наследования: правовые и процедурные аспекты наследственного процесса	285
Канцер Ю.А. Административная ответственность арбитражного управляющего за совершение правонарушений в рамках дела о банкротстве.....	289
Карпенко В.А., Порхунов В.С. Взаимосвязь институтов оспаривания сделок и корпоративных конфликтов в делах о банкротстве: проблемы правового регулирования и судебной практики.....	295
Колтыгин И.Д. Особенности правового регулирования признания и приведения в исполнение российских судебных актов на территории стран ЕС	306
Мамаев А.А. Право суда устанавливать ответы на отдельные вопросы при назначении судебной экспертизы с учетом преюдициальности судебных актов	309
Новиков В.Б. Правовой статус федеральных территорий в РФ: становление и перспективы развития	312
Перякин А.В. Проблемы реализации права собственности в деятельности хозяйственных обществ	318
Пушилина Е.Э. Концепция развития смарт-контрактов в правовой системе Российской Федерации. Возможности реализации смарт-контракта в рамках повышения уровня цифровизации государства.....	323
Сулименко А.Д. К вопросу о возможности осуществления антиконкурентных согласованных действий на торгах.....	327
Четвериков А.М. Критерии контролирующего должника лица при несостоятельности (банкротстве) ...	330

Федин Д.А. Предварительная экспертиза как средство снижения нагрузки на судебную систему в рамках арбитражного и гражданского процесса	334
Харченко А.В. Индемнити и институт возмещения потерь	341
Чернякова С.А. Совершенствование механизмов защиты исключительных прав: новые подходы к расчету компенсаций	346
Четвериков А.М. Привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности	351
Чжао Лэ. Правовое регулирование компаний с государственным участием в Законе о компаниях КНР	354

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзамасов В.Ю., Бурмистров И.А., Голиков О.В. Разрешение проблем в применении норм процессуального права с использованием особенностей криминалистики при определении территориальности для разрешения проблем законопослушных лиц	359
Борисов В.В. Отсутствие страха уголовного наказания у лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции	364
Галекбаров Г.В. Предмет составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	368
Евсеева Е.В. Уголовно-правовые последствия уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ	374
Заливин А.Н. Теоретические и практические аспекты принятия решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела	379
Зашляпин Л.А. Процессуальное положение врача в освидетельствовании по Уставу уголовного судопроизводства	384
Канцер Ю.А. Использование досудебной оценки и судебной экспертизы в процессе оспаривания нерыночных сделок в рамках дела о банкротстве	391
Климов П.И. К вопросу о расположении статьи 207.3 УК РФ в главе 24 «Преступления против общественной безопасности»	401
Крюков А.В. Рисунки граффити как преступное деяние	406
Левин Д.И. Уголовно-правовая оценка деяний общего субъекта в составе должностных преступлений: противоречия теории и практики.....	409
Лях Л.А., Печеричкина К.В., Тарасов А.В. Негосударственная судебно-экспертная деятельность: проблемные аспекты в уголовном судопроизводстве	413

<i>Масной Е.А.</i> Проблемы судебного обжалования незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса.....	420
<i>Огарь Т.А.</i> Особенности установления размера, как признака преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, в теории и правоприменительной практике.....	425
<i>Пономарев В.Е.</i> Криминалистическое исследование цифровых изображений, изменённых ИИ: применимость новых и классических методов анализа.....	430
<i>Серов Н.Г.</i> Причины адвокатской преступности.....	435
<i>Шиханов С.Н.</i> Зарубежный опыт уголовной ответственности за неисполнение приказа.....	440
<i>Суховецкая Е.Ю.</i> Вопросы определения и классификации преступлений экстремистской направленности в юридической теории.....	445
<i>Трухин Н.Н.</i> Информационный терроризм: особенности, проблемы борьбы и меры противодействия.....	451
<i>Федюкина А.Ю.</i> Об эффективности производства неотложных следственных действий в современных условиях.....	454
<i>Шиханов С.Н.</i> Исторический очерк уголовной ответственности за неисполнение приказа в отечественном законодательстве.....	457

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Кривашенок М.П.</i> Международно-правовые основы сотрудничества государств по обеспечению безопасности морского судоходства.....	463
<i>Кузьменко С.С.</i> Мировой рынок мебели в условиях геополитической турбулентности.....	469
<i>Лыков А.Ю.</i> О политико-правовых идеалах в некоторых древних восточных цивилизациях (Египет, Месопотамия, Индия).....	477
<i>Шулус А.А.</i> Проблемы подзаконного нормотворчества органов федеральной исполнительной власти в США в практике Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в.	485
<i>Яцко Т.П.</i> О специальных принципах взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС.....	493

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Абрикосова О.А.</i> Недобросовестная конкуренция при использовании «клонированных» интернет-магазинов: квалификация и способы правовой защиты.....	498
<i>Бабоян Л.М.</i> Международный опыт борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике (ЕС, США, Китай).....	506

<i>Балибардина Н.Г.</i> Понятие, признаки, виды договоров в сфере инновационной деятельности и их место в системе гражданско-правовых договоров.....	511
<i>Гришин Л.П.</i> Эволюция международно-правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг.....	516
<i>Дао Ле Минь Чанг.</i> Гарантия стабильности условий инвестиционной деятельности по праву Вьетнама.....	520
<i>Егоров А.Н.</i> Множественность лиц в преступлении: теория и законодательство.....	526
<i>Жохова Н.А.</i> Проблемы использования оценочных понятий в рамках уголовного права.....	534
<i>Зорина Е.М., Кузьмин А.В., Малый М.В., Тихонравов Л.В.</i> Правовой нигилизм как необратимое состояние в праве.....	538
<i>Ихаров М.М.</i> Об обеспечении прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц требовать досрочного исполнения обязательств, либо прекращения обязательств и возмещения связанных с этим убытков, а также его роли в достижении целей устойчивого развития.....	544
<i>Кожамметова Г.К.</i> Патентоспособность изобретений и полезных моделей в соответствии с законодательством региональных организаций интеллектуальной собственности.....	549
<i>Кустарёв Р.А.</i> Понятие интерпретационных правоотношений.....	559
<i>Лернер С.Д.</i> Институт наследственного договора в России и Франции.....	563
<i>Лещинский С.В.</i> Правовые аспекты высокодоходных банковских операций.....	567
<i>Мельников Д.Г.</i> Эволюция законодательных подходов в России и странах СНГ.....	572
<i>Новикова Н.В.</i> Административные процедуры в системе государственного контроля (надзора) за соблюдением требований по обеспечению безопасности дорожного движения.....	575
<i>Павлов И.С., Павлов С.И., Грозин А.Н., Трифонов В.А., Дробышевская М.В.</i> Транспортная и авиационная безопасность: перевозка предметов и оружия в ручной клади, в багаже, в спецусловиях.....	580
<i>Серков М.А.</i> Система органов обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.....	588
<i>Скороходов А.К.</i> Проблемы квалификации фальсификации доказательств: вопросы разграничения со смежными составами и совершенствования диспозиции ст. 303 УК РФ.....	596
<i>Сморгунова В.Ю., Муходадаев М.О., Садакова Д.А., Метелёва Л.В.</i> Основы системы гражданско-правового образования: принципы компетенции.....	602
<i>Каландаришвили З.Н., Панфилов А.А.</i> Налоговые правоотношения как важное звено современной конституционной культуры общества.....	608

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Arzamasov Ju.G.</i> Method of legal regulation: concept, classifications	8
<i>Bamatkirieva S.Kh.</i> Principles of Judicial Law Enforcement Technology: Concept, Classification, and Characteristics	14
<i>Vasyev A.A.</i> Who defended Larisa Bogoraz? The history of the activist lawyers	18
<i>Guzeev V.A.</i> The correlation between the institute of carrier's limited liability and the general principles of legal liability	26
<i>Gusaim I.V.</i> Philosophical and legal foundations of constitutional law as the basis for ensuring public security of the Russian Federation	30
<i>Emtsov G.N., Panchenko V.Yu</i> General Patterns of Functioning of a State in a State of War	35
<i>Zhuravleva A.I.</i> Regulation of legal relations: the concept and types	41
<i>Isaev D.Sh.</i> Digital Transformation of Corporate Rulemaking in Russia: Legal, Managerial, and Social Dimensions	45
<i>Moskalov Yu.M.</i> Development of the Content of the Principles of Lawmaking in the Era of the Fourth Industrial Revolution	52
<i>Nikolaev V.E.</i> The study of jurisprudence in secondary educational institutions of Russia in the XIX – early XX centuries (based on the materials from Saratov gymnasiums)	58
<i>Pykhtin A.V.</i> Problems of qualification of crimes on legalization (laundering) of money or other property	63
<i>Tolokonnikov S.I.</i> A theoretical and legal analysis of the place of international transport law within the system of international law: the historical aspect of development.	69
<i>Sayenko S.I., Cherenkova A.I.</i> Legal formalization of civil society in the Russian Federation: the achieved results and prospects of improving	74
<i>Chirukhin A.V.</i> Historical and legal aspects of the formation of the system of financial and economic expertise in the USSR	79
<i>Shevtsov E.V.</i> The influence of the primary party organization on the activities of the Lenin collective farm of the Printsevsky village council	83

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Avdeeva I.S.</i> Principles of the efficiency of using budget funds and the efficiency of public procurement: problems of correlation and purchases	86
<i>Al-Musafir Duraid Mohammed Hassoon</i> The specifics of the Prosecutor's protection of the social rights of citizens in the Russian Federation and the Republic of Iraq	91
<i>Bezhanov A.A.</i> The tools of international legal coercion and the legality of their application	96

<i>Belikova M.P.</i> Legal regulation of artificial intelligence in ensuring the economic security of the Russian Federation	100
<i>Al-Msafir Duraid Mohammed Hassoun</i> Prosecutorial Oversight of Citizens' Labor and Housing Rights: A Comparative Legal Analysis of the Experience of Russia and Iraq	107
<i>Britanov Aleksey Gennadyevich</i> The stage of assessing the effectiveness and efficiency of control (supervisory) activities in Russia	112
<i>Butusov S.A.</i> The Relationship between the Master Plan and Land Use and Development Regulations through the Lens of Law Enforcement Practice in Moscow	117
<i>Gadzhidadaeva M.S., Gadzhiev Al.Sh.</i> Constitutional problems of the implementation of local self-government as a principle of democracy in the Russian Federation	124
<i>Guseinova L.</i> Legal mechanisms of digital modernization in government agencies of the Russian Federation	131
<i>Dadashev A.A.</i> Legal nihilism in the context of digitalization of society: challenges for law and statehood	135
<i>Dvorzhetskaya-Lvova S.P.</i> The role of representatives of the nobility and individuals in the formation of representative authorities	141
<i>Degtyarev A.V.</i> Historical and Legal Aspects of Forming the Financial and Economic Basis of Local Self-Government in Russia	146
<i>Dobkin A.G., Osavelyuk A.M.</i> On the legal nature of the procedure of revision of the Constitution of the Russian Federation	151
<i>Iskandaryan N.I.</i> Development of legal regulation of taxation control of small and medium-sized businesses	156
<i>Degtyarev A.V.</i> The Evolution of Legislation on the Financial Provision of Local Self-Government: A Historical and Legal Analysis	162
<i>Karymov G.T.</i> The Pre-Insolvency Framework: Foreign Practices and Implementation Prospects in Russian Law....	167
<i>Kachalov P.N., Buldyaeva K.A., Mukaseeva N.N.</i> The use of electronic technologies in administrative law: advantages and disadvantages	172
<i>Leshchinsky S.V.</i> Legal Aspects of High-Yield Banking Operations	176
<i>Mataeva M.H., Gavrilov S.O., Vertkov V.D.</i> Problems of scientific organization of labor in the system of soviet civil service (on the example of the soviet prosecutor's office)	181
<i>Nevencheny Ya.A.</i> Evolution of legislation on liability for abuse of public procurement participants	186
<i>Nogin A.A.</i> Powers of local self-government bodies in the context of a special administrative and legal regime of military operations: theoretical, legal, historical and practical analysis	192

<i>Paigusov V.P.</i> Features of protecting the honor, dignity and business reputation of judges	196
<i>Polyakov D.V.</i> Trends in the Development of Legislation in Shared Construction in Russia.....	200
<i>Pulin A.O.</i> Administrative and legal regulation of the activities of customs authorities to control the movement of counterfeit products: problems and solutions	207
<i>Romanychev N.O.</i> Application of foreign experience in the implementation of the provisions of the judicial information policy concept for 2020–2030 in the field of personal data protection in automated legal proceedings....	215
<i>Sedgaryan K.A., Samylin Ye.D.</i> Plural sole executive body: pros and cons of management	219
<i>Stepanov R.G.</i> Non-judicial resolution of administrative disputes in the Russian Federation: theoretical foundations, comparative legal analysis and ways to improve legislation	223
<i>Fedorenko T.N.</i> Institute for the Legal Protection of Human Rights	231
<i>Fedorov A.A.</i> Current Practices of Pre-Trial Civil Dispute Resolution in the Russian Federation and Ways to Improve It	236
<i>Tsvetkov G.E.</i> The Institute of Restriction of Human and Civil Rights in the Constitutional Law of the Russian Federation: Forms of Coercion.....	239
<i>Chirukhin A.V.</i> Development of the institute of financial and economic expertise in Soviet Russia: legal regulation and practice	244

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Batishchev I.R.</i> Civil law aspects of the activities of ghostwriters from the perspective of abuse of the author's moral rights	249
<i>Buryakov V.S., Klepikova O.G.</i> Force majeure circumstances in the digital sector of civil circulation: problem statement.....	256
<i>Vikhrov A.</i> Issues of improving the regulation of raising funds through online platforms	260
<i>Vronskaya M.V.</i> Legal regime of unauthorized construction: material and procedural aspects	264
<i>Gubanova O.A.</i> Dismissal of an employee under the article.....	269
<i>Gudkov N.V.</i> On the question of the unconditionality of court decisions	274
<i>Dashevskaya E.I., Svirin Yu.A.</i> Legal issues of using deepfakes in civil proceedings: evidentiary aspects and ways to improve legislation	279
<i>Dobrovolskaya A.V.</i> Cryptocurrency as an Inheritance Subject: Legal and Procedural Aspects of the Inheritance Process.....	285
<i>Kanzer Yu.A.</i> Administrative responsibility of the arbitration administrator for the commission of offenses in the framework of bankruptcy proceedings.....	289

<i>Karpenko V.A., Porkhunov V.S.</i> The relationship between institutions challenging transactions and corporate conflicts in bankruptcy cases: problems of legal regulation and judicial practice	295
<i>Koltygin I.D.</i> Legal Framework for the Recognition and Enforcement of Russian Judicial Acts in the EU	306
<i>Mamaev A.A.</i> The right of the court to determine the answers to certain questions when appointing a judicial examination, taking into account the prejudice of judicial acts	309
<i>Novikov V.B.</i> Legal status of federal territories in the Russian Federation: establishment and development prospects	312
<i>Peryakin A.V.</i> Problems of implementing ownership rights in business companies	318
<i>Pushilina E.E.</i> Concept of development of smart contracts in the legal system of the Russian Federation. The concept of development of smart contracts in the legal system of the Russian Federation. Possibilities of smart contract implementation within the framework of increasing the level of digitalization of the state	323
<i>Sulimenko A.D.</i> On the Possibility of Implementing Anti-Competitive Concerted Actions into the Bidding Process....	327
<i>Chetverikov A.M.</i> Criteria for a person controlling a debtor in case of insolvency (bankruptcy)	330
<i>Fedin D.A.</i> Preliminary examination as a means of reducing the burden on the judicial system in the framework of arbitration and civil proceedings.....	334
<i>Kharchenko A.V.</i> Indemnity and institute of compensation for losses	341
<i>Chernyakova S.A.</i> Improving mechanisms for protecting exclusive rights: new approaches to calculating compensation	346
<i>Chetverikov A.M.</i> Attracting a controlled debtor to subsidiary liability	351
<i>Zhao Le.</i> Legal regulation of companies with state participation in the Company Law of the People's Republic of China.....	354

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Arzamasov V.Yu., Burmistrov I.A., Golikov O.V.</i> Resolving problems in the application of procedural law using the specifics of forensic science in determining territoriality for resolving the problems of law-abiding persons.....	359
<i>Borisov V.V.</i> The absence of fear of criminal punishment among persons released from criminal liability in connection with participation in a special military operation.....	364
<i>Galekbarov G.V.</i> The subject of the elements of crimes involving liability for illegal production and/or trafficking ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products	368
<i>Evseeva E.V.</i> Criminal law consequences of evading serving a sentence of correctional labor	374
<i>Zalivin A.N.</i> Theoretical and practical aspects of decision-making on initiation or refusal to initiate a criminal case.....	379

<i>Zashlyapin L.A.</i> The procedural status of a doctor in the examination under the Criminal Procedure Code.....	384	<i>Baboyan L.M.</i> International Experience in Combating Unfair Competition in the Digital Economy (EU, USA, China)	506
<i>Kantser Yu.A.</i> The Use of Pre-Trial Valuation and Forensic Expertise in Challenging Non-Market Transactions in Bankruptcy Cases.	391	<i>Balibardina N.G.</i> Concept, characteristics, types of contracts in innovation activities, and their place in the system of civil contracts	511
<i>Klimov P.I.</i> On the issue of the location of article 207.3 of the criminal code of the Russian Federation in chapter 24 "Crimes against public safety"	401	<i>Grishin L.P.</i> The evolution of international legal regulation of cross-border securities trading.....	516
<i>Kryukov A.W.</i> Graphite drawings as a criminal act	406	<i>Dao Le Minh Trang.</i> Guarantee of stability of investment conditions under Vietnamese law	520
<i>Levin D.I.</i> Criminal law assessment of the acts of a common subject as part of official offenses: contradictions of theory and practice	409	<i>Egorov A.N.</i> The plurality of persons in a crime: theory and legislation.....	526
<i>Lyakh L.A., Pecherichkina K.V., Tarasov A.V.</i> Non-governmental forensic activity: problematic aspects in criminal proceedings	413	<i>Zhokhova N.A.</i> Problems of using evaluative concepts in criminal law	534
<i>Masnay Ye.A.</i> , Problems of judicial appeal of illegal actions (inaction) and decisions of officials at the pre-trial stages of the criminal process	420	<i>Zorina E.M., Kuzmin A.V., Maly M.V. Tikhonravov L.V.</i> Legal nihilism as an irreversible state in law.....	538
<i>Ogar T.A.</i> Peculiarities of establishing the size as a sign of a crime under Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in theory and law enforcement practice	425	<i>Ikharov M.M.</i> On ensuring the rights of creditors of reorganized legal entities to demand early fulfillment of obligations, or termination of obligations and compensation for related losses, as well as its role in achieving sustainable development goals.....	544
<i>Ponomarev V.E.</i> Forensic examination of digital images altered by ai: applicability of new and classical analysis methods.....	430	<i>Kozakhmetova G.K.</i> Patentability of inventions and utility models in accordance with the legislation of regional intellectual property organizations.....	549
<i>Serov N.G.</i> Causes of lawyer crime.....	435	<i>Kustarev R.A.</i> The concept of interpretative legal relations.....	559
<i>Shikhanov S.N.</i> Foreign experience of criminal liability for non-execution of an order.....	440	<i>Lerner S.D.</i> Institute of hereditary contract in Russia and France	563
<i>Sukhovetskaya E.Yu.</i> Definition and classification of extremist crimes in legal theory.....	445	<i>Leshchinsky S.V.</i> Legal Aspects of High-Yield Banking Operations	567
<i>Trukhin N.N.</i> Information terrorism: features, problems of struggle and counteraction measures.....	451	<i>Melnikov D.G.</i> Evolution of legislative approaches in Russia and cis countries.....	572
<i>Fedyukina A.Yu.</i> On the effectiveness of urgent investigative actions in modern conditions.....	454	<i>Novikova N.V.</i> Administrative procedures in the system of state control (supervision) over compliance with requirements for road safety.....	575
<i>Shikhanov S.N.</i> Historical outline of criminal liability for non-execution of an order in Russian legislation.....	457	<i>Grozin A.N., Pavlov I.S., Pavlov S.I., Trifonov V.A., Drobyshvetskaya M.V.</i> Transport security. Aviation safety. Transit and transportation of weapons of any kind and related items in hand luggage, in baggage, in special rules.....	580
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES		<i>Serkov M.A.</i> System of organs providing complex security in the arctic zone of the Russian Federation.....	588
<i>Krivashenok M.P.</i> International Legal Framework for State Cooperation in Ensuring Maritime Navigation Security.....	463	<i>Skorokhodov A.K.</i> Issues in the criminal qualification of evidence falsification: delineation from adjacent crimes and the enhancement of the elements of the crime under article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation	596
<i>Kuzmenko S.S.</i> The global furniture market in the geopolitical turbulence conditions	469	<i>Smorgunova V.Yu., Mukhudadaev M.O., Sadakova D.A., Meteleva L.V.</i> Fundamentals of the Civil Law Education System: Competence Principles	602
<i>Lykov A.Yu.</i> On political and legal ideals in some ancient eastern civilizations (Egypt, Mesopotamia, India).....	477	<i>Kalandarishvili Z.N. Panfilov A.A.</i> Tax relations as an important part of modern constitutional culture	608
<i>Shulus A.</i> Issues of subordinate rule-making by the federal executive branch in the USA in the jurisprudence of the United States Supreme Court in the Early 20s of the 21st Century	485		
<i>Yatsko T.P.</i> On special principles of interaction between customs authorities within the EAEU	493		
CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING			
<i>Abrikosova O.A.</i> Unfair competition using 'cloned' online stores: classification and methods of legal protection.....	498		

Метод правового регулирования: понятие, классификации

Арзамасов Юрий Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина
E-mail: mikheeva.i@gubkin.ru

В начале статьи автор определил предметное поле дискуссии, указав, несмотря на то, что тема метода правового регулирования неоднократно было предметом исследования, в настоящее время существуют такие дискуссионные вопросы, как понятие метода правового регулирования, его соотношение с предметом и способом правового регулирования, классификация методов правового регулирования.

В этой связи метод правового регулирования исследован совершенно с разных научных позиций. Для этого рассмотрены три дискуссии о системе права. Поднята дискуссия о существовании самостоятельного метода правового регулирования у каждой отрасли права и о структуре метода правового регулирования. Сделан вывод о недостаточности двух полярных методов правового регулирования, рассмотрены пути решения данной теоретической проблемы.

Сделан вывод, что стала просматриваться тенденция использования российским законодателем в большинстве отраслей права комплексного метода правового регулирования, объединяющего различные приемы и способы правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование, метод правового регулирования, предмет правового регулирования, способ правового регулирования, классификация методов правового регулирования, система права, отрасли права.

Несмотря на то, что тема метода правового регулирования неоднократно было предметом исследования, ее нельзя назвать досконально разработанной в отечественной юридической науке. В современной теории права и государства до сих пор существуют дискуссионные вопросы. К последним относятся, прежде всего, вопросы соотношения метода и предмета правового регулирования, проблемы их самостоятельности, проблемы соотношения способа и метода правового регулирования, а также классификации методов правового регулирования.

К спорным проблемам, на наш взгляд, вполне можно и следует отнести также вопрос о существовании своего самостоятельного метода правового регулирования у каждой отрасли права.

В советский период метод правового регулирования долгое время рассматривался при исследовании двух взаимосвязанных проблем. Во-первых, как способ формирования, то есть конструирования норм права и на их основе конкретных правоотношений, а во-вторых, как один из критериев для выделения группы однородных норм права, образующих определенную отрасль права.

Между тем, метод правового регулирования может быть исследован совершенно с иных позиций. Так, например, Ю.В. Сорокина предприняла попытку исследования метода правового регулирования с позиции «совокупности приемов и способов достижения конкретной цели» [15, с. 8].

Следует отметить, что первая неудачная попытка признать метод правового регулирования одним из основных критериев для выделения отраслей советского права была сделана во время первой дискуссии о системе права (1938–1940 г. г.). Явным противником такого признания был известный теоретик права С.Ф. Кечекьян, который отмечал, «что деление советского права по методу регулирования следует отбросить, т.к. оно приводит, во-первых, к выделению в качестве основной области такого правового материала, который не имеет основополагающего значения в системе советского социалистического права, и, во-вторых, к невозможности установить сколько-нибудь четкие границы между отдельными областями права» [7, с. 44]. Мнение профессора Ф. Кечекьяна на тот момент оказалось определяющим и его поддержали многие ученые.

При этом, во время первой дискуссии о системе советского права в качестве основания разделения права на определённые отрасли научное сообщество выделило только предмет правового регулирования, указав при этом на неясность роли и места метода правового регулирования в данном

процессе, который некоторыми отечественными правоведами в ходе данной дискуссии позиционировался как некий дополнительный критерий, носящий производный характер от предмета правового регулирования.

Однако данный теоретический монизм утвердился в отечественной юриспруденции не на долго. Во второй дискуссии о системе права, которая проходила на страницах журнала «Советское государство и право» с 1956 по 1958 гг., отечественными учёными обстоятельно было доказано, что помимо предмета правового регулирования при выделении отраслей права следует учитывать и метод (форму, способ) правового регулирования. В процессе этой дискуссии учёные пришли к выводу, что при отраслевой дифференциации права следует учитывать не только предмет, но и метод правового регулирования в качестве хотя и зависящего от предмета, но обладающего определённой самостоятельностью [11, с. 166–167]. В этой связи, главным критерием для выделения и классификации отраслей права стал предмет правового регулирования, представляющий совокупность общественных отношений, поддающихся и объективно нуждающихся в правовой регуляции, а дополнительным, вспомогательным критерием метод правового регулирования. Данную точку зрения поддержали такие известные теоретики права, как О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский [17, с. 104], а также профессор А.Ф. Шебанов [19, с. 12].

Кроме этого, профессор Л.С. Явич поднял проблему структуры, т.е. составных элементов метода правового регулирования. В результате научной общественности им была предложена структура, состоящая из «следующих компонентов: 1) порядок установления прав и обязанностей субъекта права; 2) степень определенности представленных прав и автономности действий субъектов; 3) взаимоотношения субъектов правоотношений; 4) наличие или отсутствие конкретной юридической связи между субъектами прав и обязанностей; 5) пути и средства обеспечения установленных субъективных прав и обязанностей» [20, с. 60].

Важное теоретическое значение имеет также проблема соотношения способа и метода правового регулирования. Относительно данной проблемы в теории права существуют два основных подхода. Первый, согласно которому эти понятия являются синонимичными [17, с. 260].

Определенный отход от такого понимания метода и способов правового регулирования сделал профессор С.С. Алексеев, который предложил следующую научную дефиницию: «Метод правового регулирования – это приемы юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование в данной области общественных отношений того или иного комплекта юридических средств воздействия» [1, с. 144].

Второй подход разделяли многие теоретики права. Например, данной точки зрения придерживался также профессор В.М. Горшенев [5, с. 62]. Суть данного подхода заключается в том, что спо-

соб правового регулирования является определенной структурной частью метода правового регулирования.

Как справедливо отмечает в своей диссертации С.А. Теряевский, «метод правового регулирования – это система юридических способов, закрепленная в нормах права и целенаправленно регулирующая общественные отношения субъектов на основе предоставления субъективных прав, наложения позитивных обязанностей, запрещения совершать определённые действия. Он состоит из трех основных, первичных способов воздействия на поведение людей – дозволения, обязывания и запрещения, тесно взаимодействующих между собой и закрепленных в правовых нормах» [16, с. 9]. По его мнению, «одновременное использование дозволения, обязывания и запрещения в различных предусмотренных законом ситуациях, когда один из компонентов выполняет роль непосредственного воздействующего фактора, а два других обеспечивают это воздействие, является совершенно необходимым условием эффективности правового метода. Именно эта особенность метода обеспечивает системный характер его действия, что делает его универсальным, способным одновременно, хотя и по-разному, воздействовать на все существующие общественные отношения» [16, с. 9].

Данная точка зрения представляется нам вполне логичной и научно обоснованной, поскольку позволяет соотнести сходные на первый взгляд теоретические понятия как «часть» и «целое». Следует заметить, что ее в последнее время стали разделять многие теоретики права.

Однако дискуссия по данной проблематике еще не окончена. Так, например, интересное видение по поводу соотношения способа и метода правового регулирования высказала К.Е. Игнатенкова, которая утверждала, что «способы правового регулирования – это первичные, исходные клеточки правовой материи, а методы – это в определённом смысле слова производные от них инструменты» [6, с. 15].

Что же касается классификации методов правового регулирования, то первоначально теоретики права выделяли только два основных, но в тоже время совершенно полярных, то есть противоположных по своему воздействию метода правового регулирования. Первый метод – это императивный (властный) метод, в котором использовались такие способы правового регулирования, как запреты (уголовные, административные, дисциплинарные и т.д.) и юридические обязанности. Особенностью норм права, написанных таким методом, было то, что субъекты правовых отношений фактически не могли отказаться от исполнения заложенных в них нормативно-правовых предписаний. На практике субъект, конечно, мог отказаться от соблюдения запретов и выполнения обязанностей, установленных государством, но это приводило субъекта к конфликту с государством, поскольку человек становился правонарушителем. Данный метод

широко применялся в особенной части уголовного закона, КоАП РФ. В основном, как показал проведенный анализ, он использовался разработчиками норм отраслей публичного права (уголовное право, административное, финансовое).

Второй метод – диспозитивный, он характеризуется тем, что в нем используются такие способы правового регулирования, как дозволения, т.е. данный метод предоставляет участникам правоотношений определенный простор для свободного волеизъявления. Фактически субъекты свободно без каких-либо последствий со стороны государственных органов власти, могут выбирать свой вариант поведения, приемлемый для их мировоззрения и для реализации их законных интересов, прав и свобод. Например, заключать, или не заключать договор найма жилого помещения, пролонгировать его, или расторгнуть.

При этом следует заметить, что диспозитивный метод правового регулирования, его еще называют автономным, свойственен не только отраслям частного права (гражданскому, семейному, трудовому), как считают отдельные исследователи. Сегодня в российском праве он используется во многих отраслях права, которые можно отнести, как к частному, так и к публичному праву, но как показывает анализ норм гражданского права, в основном он присущ в большей степени, именно, гражданскому праву, его нормам и подотраслям гражданского права (обязательственному, авторскому и т.д.), так как базируется он на формальном равенстве субъектов правовых отношений и их автономном положении.

Однако все разнообразие общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании нельзя было регулировать посредством только двух полярных методов. В такую классификацию не вписывались методы, направленные, прежде всего, на создание поощрительных норм права, в которых были закреплены так называемые поощрительные санкции. Такие санкции, в отличие от карательных санкций, выступают не просто в роли стимулов правомерного поведения субъектов правоотношений, а способствуют отличной работе граждан в своих учреждениях и организациях, повышению производительности труда, рационализаторскому движению, здоровой конкуренции на производстве, также они стимулируют социально активное поведение граждан необходимое и одобряемое, как большинством членов социума, так и государством.

С переходом Российской Федерации к «рынку», т.е. к новой рыночной экономике, связанной с реанимированием института частной собственности, с появлением и развитием демократических институтов и отношений в частном праве, например, в гражданском праве, в предпринимательском, а также в банковской сфере, появилась необходимость в подготовке и принятии, именно, рекомендательных норм права. Помимо этого, такая необходимость появилась в связи с тем, что юрисдикция государства заканчивалась, когда речь шла

об охране собственности банков и других коммерческих организаций.

Таким образом, общим признаком (правовой характеристикой) рекомендательных и поощрительных методов создания норм права является то, что они способствуют установлению желательного, с позиции органов государства и общества, урегулирования общественных отношений. Как справедливо заметил при характеристике рекомендательных норм В.Л. Кулапов «рекомендательная норма – это правило поведения, указывающее на желательное развитие относящихся к компетенции адресата общественных отношений, позволяющее ему учесть свои местные условия, возможности, резервы и поддерживаемое в своей реализации государственными мерами позитивного и негативного характера» [8, с. 59].

Многообразие правовой жизни, связанное с появлением новых разнообразных рыночных отношений внесло определённые коррективы в классифицирование методов правового регулирования и теории права стали называть диспозитивный и императивный методы правового регулирования *основными методами*, а такие методы, как поощрительный метод правового регулирования и метод рекомендаций *дополнительными* методами правового регулирования. Такая классификация научно и эмпирически вполне обусловлена, поскольку поощрительный и рекомендательный методы правового регулирования применяются в регулировании отношений в социуме гораздо реже, чем диспозитивный и императивный методы.

Между тем, несмотря на то, что в теории права ученые уже давно в классификации методов правового регулирования выделили дополнительные методы, серьёзных монографических исследований, посвящённых дополнительным методам правового регулирования написано довольно мало. Это касается и рекомендательных норм права, чего не скажешь о поощрительных нормах права, которым посвящены серьёзные научные монографические исследования [2, 10, 13].

В последнее время исследовались в основном рекомендательные нормы международных организаций, которые оказывают своё влияние на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации [3].

Д.Е. Петров, опираясь на научные труды, прежде всего, В.Д. Сорокина и М.И. Байтина, а также других исследователей, предложил научной юридической общественности строго выверенную, научно и методически обоснованную, хотя и не бесспорную по своему содержанию, концепцию. По его мнению, «категория метода правового регулирования должна применяться для характеристики регулирующего воздействия на общественные отношения различных правовых образований. В зависимости от вида последних следует различать: 1) общий (общеправовой) метод регулирования, характеризующий регулирующее воздействие права в целом; 2) отраслевой (общетраслевой) метод, раскрывающий специфику ре-

гулирования отдельной отраслью права соответствующего рода общественных отношений; 3) метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правовым институтом; 4) метод регулирования, присущий отдельной юридической норме» [12, с. 38].

Из этой классификации следует, что характеризую ту или иную отрасль, подотрасль права, правовой институт, либо норму права, мы можем определить какой метод правовой регуляции в ней заложен, т.е. мы уже заранее можем смоделировать действие механизма правового регулирования конкретной сферы общественной жизни, т.е. отрасли права, регулирования однородных общественных отношений, либо отдельной нормы права.

При разработке данной классификации на вооружение была взята идея выделения «общего метода правового регулирования», которую в своё время предлагал профессор В.Д. Сорокин, которую он потом экстраполировал и на предмет правового регулирования. В этой связи он писал: «Подобно тому как отраслевой предмет правового регулирования выступает в качестве первичного, определяющего социального явления по отношению к методу, так и единый предмет правового регулирования определяет объективную необходимость использования именно юридических средств регулирования отношений социально-правовой среды. Следовательно, применительно к сфере действия всей системы права как целостной системы юридические средства в своей совокупности совершенно безразличны к отраслевой дифференциации, проявляют себя в качестве единого метода правового регулирования» [14 с. 3].

В дальнейшем данную точку зрения поддержал А.М. Витченко, который предложил под общим методом правового регулирования понимать определённую «совокупность специфических юридически-нормативных средств воздействия права на общественные отношения, позволяющих отграничить правовое регулирование от других форм воздействия права на общественные отношения», а под отраслевым – «совокупность юридических приёмов, средств, способов, отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения, направленных непосредственно на формирование и выражение воле возможного и должного поведения субъектов регулируемых данной отраслью права отношений» [4, с. 52].

В своих работах А.М. Витченко, помимо общего метода правового регулирования выделял также и отраслевой метод правового регулирования, присущий конкретной отрасли права, под которым он предложил понимать «совокупность юридических приёмов, средств, способов, отражающих своеобразие воздействия отрасли права на общественные отношения, направленных непосредственно на выражение воле возможного и должного поведения субъектов регулируемых данной отраслью правовых отношений» [4, с. 52].

Общетеоретические важные научные идеи, положенные в основу этой классификации нашли поддержку и в диссертационном исследовании М.А. Лукашева [9].

Что касается таких классических отраслей права в российской правовой системе, как гражданское право, семейное право (за рубежом такую отрасль права не выделяют), то им присущ в основном диспозитивный метод правового регулирования, состоящий из дозволений. Такая же ситуация наблюдается в публичном праве, то есть в уголовном и административном праве, где в правовой регуляции успешно применяется императивный (властный) метод правового регулирования, состоящий в основном из запретов и позитивных обязанностей, характерных, в большей степени, для административного права. Однако, на сегодняшний день в большинстве отраслей права применяется весь комплекс методов правового регулирования, представляющий собой совокупность практически всей палитры методов правового регулирования (императивного, диспозитивного, поощрительного, рекомендательного, метода гарантий). Особенностью правового регулирования как отраслей и подотраслей права, так и правовых институтов является доминирование определенного метода правового регулирования.

Фактически здесь речь можно вести о существовании и применении комплексного метода правового регулирования. Данный метод включает в свою структуру, с одной стороны, все известные методы правового регулирования, а с другой, все способы правового регулирования, поскольку эти методы, основываются на таких способах правового регулирования, как запреты, обязывания и дозволения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Относительно понятия «метод правового регулирования» в теории государства и права сейчас нет особых дискуссий, поскольку под ним большинство теоретиков права понимают совокупность приемов, способов и средств юридического воздействия, направленных на регуляцию важных для общества и государства общественных отношений.
2. Просматривается тенденция использования законодателем в большинстве отраслей российского права комплексного метода правового регулирования, объединяющего различные приемы и способы правового регулирования.
3. Несмотря на то, что в основных базовых отраслях системы права (конституционное, гражданское, трудовое, административное, уголовное право) используются такие полярные методы правового регулирования, имеющие, конечно, одну цель, это регулирование общественных отношений, но совершенно противоположные задачи (установить запрет, разрешить определенные действия) четкой, общепризнанной классификации методов правового регулирования на сегодняшний день в общей теории

права и государства не существует. В этой связи можно сделать прогноз, что пульс дискуссии по данной проблематике, с учетом появления новых отраслей права и модернизацией норм классических отраслей права, а также креативных научных действий современных исследователей, будет учащаться, то есть научные дискуссии будут продолжаться.

Литература

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1966.
2. Баранов В.М. Поощрительная норма советского социалистического права / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1978.
3. Бризкун К.А. Влияние рекомендательных актов международных организаций на развитие международно-правовых и внутригосударственных норм Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
4. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1974.
5. Горшенёв В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
6. Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006.
7. Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Сов. гос-во и право. 1946. № 2. С. 41–50.
8. Кулапов В.Л. Рекомендательные нормы советского права / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов, 1987.
9. Лукашёв М.А. Предмет правового регулирования как категория теории государства и права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
10. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
11. Петров Д.Е. Основные подходы к разделению права на отрасли // Вопросы теории государства и права. Специальный выпуск, посвящённый 80-летию М.И. Байтина. 2001. № 3. С. 165–169.
12. Петров Д.Е. Метод и способ правового регулирования: вопросы соотношения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 37–42. Попова В.В. Поощрительные нормы современного российского права: дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2015.
13. Сизый А.Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права как средства формирования правомерного поведения осужденных: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 1995.
14. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования: теоретические проблемы. М., 1976.
15. Сорокина Ю.В. Метод правового регулирования как проявление сущностных свойств права // Вопросы российского и международного права. 2011. № 1. С. 6–30.
16. Теряевский С.А. Система методов правового регулирования в юридической практике современного российского государства: автореф. канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
17. Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101–110.
18. Шаргородский М. Д., Иоффе О.С. Вопросы теории права. М., 1961.
19. Шебанов А.Ф. Система советского социалистического права М., 1961.
20. Явич Л.С. К вопросу о предмете и методе правового регулирования // Вопросы общей теории советского права: Сб. статей. М., 1960.

METHOD OF LEGAL REGULATION: CONCEPT, CLASSIFICATIONS

Arzamasov Ju.G.

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

At the beginning of the article, the author defined the subject field of the discussion, indicating that despite the fact that the topic of the method of legal regulation has repeatedly been the subject of research, at present there are such debatable issues as the concept of the method of legal regulation, its relationship with the subject and method of legal regulation, classification of methods of legal regulation.

In this regard, the method of legal regulation is studied from completely different scientific positions. For this purpose, three discussions about the legal system are considered. A discussion is raised about the existence of an independent method of legal regulation for each branch of law and about the structure of the method of legal regulation. A conclusion is made about the insufficiency of two polar methods of legal regulation, and ways of solving this theoretical problem are considered.

It is concluded that a tendency has begun to be seen for the Russian legislator to use a comprehensive method of legal regulation in most branches of law, combining various techniques and methods of legal regulation.

Keywords: legal regulation, method of legal regulation, subject of legal regulation, method of legal regulation, classification of methods of legal regulation, legal system, branches of law.

References

1. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M., 1966.
2. Baranov V.M. Pooshhritel'naja norma sovetskogo socialisticheskogo prava / Pod red. M.I. Bajtina. – Saratov, 1978.
3. Brizkun K.A. Vlijanie rekomendatel'nyh aktov mezhdunarodnyh organizacij na razvitie mezhdunarodno-pravovyh i vnutrigosudarstvennyh norm Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011.
4. Vitchenko A.M. Metod pravovogo regulirovanija socialisticheskikh obshhestvennyh otnoshenij / pod red. M.I. Bajtina. Saratov, 1974.
5. Gorshen'ov V.M. Sposoby i organizacionnye formy pravovogo regulirovanija v socialisticheskom obshhestve. M., 1972.
6. Ignatenkova K.E. Dozvolenie kak sposob pravovogo regulirovanija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2006.
7. Kechek'jan S.F. O sisteme sovetskogo socialisticheskogo prava // Sov. gos-vo i pravo. 1946. № 2. S. 41–50.
8. Kulapov V.L. Rekomendatel'nye normy sovetskogo prava / Pod red. M.I. Bajtina. – Saratov, 1987.
9. Lukash'ov M.A. Predmet pravovogo regulirovanija kak kategorija teo-rii gosudarstva i prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2006.
10. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranichenija v prave. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2004.

11. Petrov D.E. Osnovnye podhody k razdeleniju prava na otrasli // Voprosy teorii gosudarstva i prava. Special'nyj vypusk, posvjashhjonnyj 80-letiju M.I. Bajtina. 2001. № 3. S. 165–169.
12. Petrov D.E. Metod i sposob pravovogo regulirovanija: voprosy sootnoshenija // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2016. № 1 (37). S. 37–42.
13. Popova V.V. Pooshhritel'nye normy sovremennogo rossijskogo prava: dis. ... dokt. jurid. nauk. Omsk, 2015.
14. Sizyj A.F. Pooshhritel'nye normy ugovno-ispolnitel'nogo prava kak sredstva formirovanija pravomernogo povedenija osuzhdennyh: problemy teorii i praktiki: dis. ... dokt. jurid. nauk. Rjazan', 1995.
15. Sorokin V.D. Metod pravovogo regulirovanija: teoreticheskie problemy. M., 1976.
16. Sorokina Ju.V. Metod pravovogo regulirovanija kak projavlenie sushhnostnyh svojstv prava // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2011. № 1. S. 6–30.
17. Terjaevskij S.A. Sistema metodov pravovogo regulirovanija v juridicheskoy praktike sovremennogo rossijskogo gosudarstva: avtoref. kand. jurid. nauk. Saratov. 2009.
18. Shargorodskij M.D., Ioffe O.S. O sisteme sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1957. № 6. S. 101–110.
19. Shargorodskij M. D., Ioffe O.S. Voprosy teorii prava. M., 1961.
20. Shebanov A.F. Sistema sovetskogo socialisticheskogo prava M., 1961.
21. Javich L.S. K voprosu o predmete i metode pravovogo regulirovanija // Voprosy obshhej teorii sovetskogo prava: Sb. statej. M., 1960.

Принципы технологии судебного правоприменения: понятие, классификация, характеристика

Баматкириева Селихат Хасановна,

младший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х.М. Бербекова

E-mail: Bamatkirievatv@mail.ru

В статье рассматриваются принципы технологии судебного правоприменения как основополагающие начала, обеспечивающие эффективность и результативность осуществления правосудия. Автор предлагает классификацию указанных принципов на судоустройственные, общие судопроизводственные и специальные, присущие отдельным видам юрисдикционных процессов. Особое внимание уделяется нормативной основе принципов, их функциональной роли в структуре судебной технологии, а также взаимосвязи с принципами права и юридического процесса. Подчеркивается значение принципов в условиях цифровизации и внедрения новых технологий в судебную сферу.

Ключевые слова: правоприменение, судебная технология, принципы судоустройства, судопроизводственные принципы, юрисдикционный процесс, законность, правосудие, цифровизация, судебная система.

В условиях усложняющегося процессуально-правового регулирования, возрастающей роли цифровизации и повышенных требований к качеству судебной деятельности возрастает значимость выработки и систематизации принципов, на которых основывается технология судебного правоприменения. Указанные принципы представляют собой фундаментальные начала, определяющие содержание, структуру и организацию судопроизводственной деятельности, обеспечивающие её целенаправленность, эффективность и соответствие конституционно-правовым установлениям.

В то же время, несмотря на наличие обширной научной литературы, посвященной принципам права и юридического процесса, принципы именно судебной технологии как самостоятельного предмета изучения до настоящего времени остаются малоисследованными. Между тем она, как совокупность правовых, организационных, процессуальных и интеллектуальных процедур, обеспечивающих принятие законных и обоснованных судебных решений, обладает собственными характеристиками, требующими специфического методологического подхода.

В этой связи цель настоящего исследования заключается в определении понятийных основ, классификации и характеристике принципов технологии судебного правоприменения с учетом их значения в обеспечении законности, справедливости и доступности правосудия.

В качестве исходной методологической позиции мы исходим из необходимости соотнесения анализируемых принципов с более широкими категориями – принципами судоустройства, общими процессуальными принципами, а также отраслевыми и специализированными принципами, характерными для конкретных форм юрисдикционной деятельности. Поэтому при выявлении, установлении и формировании системы принципов судебной технологии учтены те признаки, черты, функции принципов, которые имеют отношение (влияют, сопряжены и т.п.) к данной технологии.

Попутно заметим, что в определенной степени используем и отдельные наработки о принципах юридического процесса [1; 2], так как судебные юрисдикционные процессы составляют его разновидности, и их особенность основана, как правило, также на принципах права, правовых принципах и т.д., включая и отраслевые принципы. К примеру, В.Н. Баландин пишет, что принципы права и юридического процесса совпадают; принципы должны определять и содержание права, и содержание процесса [3, с. 35–38].

Рассматривая соотношение принципов права и принципов юридического процесса, была подтверждена мысль о том, что общие принципы определяют содержание как права, так и процесса. Соблюдение принципов права и процесса обеспечивают, особенно в правоприменении, единство их содержания; они же могут быть различными (совпадают по содержанию и по значению) [4, с. 24–46].

В свою очередь, в статье о принципах юридического процесса Н.А. Грешнова отмечает возрастание роли принципов процессуального права, определяющих сущность и содержание правосудия, и вслед за В.Н. Баландиным говорит о совпадении принципов права и юридического процесса [5].

Вместе с тем, особое внимание уделено правовым принципам, которые получили нормативное закрепление, включая Конституцию Российской Федерации, и имеют отношение к юрисдикционным процессам, то есть непосредственно к сфере судопроизводства в его конституционно установленных формах с соответствующими технологиями.

Отсюда первую группу принципов указанной технологии составляют принципы судоустройства (судоустройственные принципы, если так возможно их назвать в рамках стилистики русского языка).

Роль и значение судоустройственных принципов для осуществления судебной технологии очевидны, поскольку от их наличия и успешного применения зависит как само судопроизводство (правосудие), так и его технология, представляющая собой технологические операции для получения соответствующего судебного решения. Проиллюстрируем сказанное выдержкой из монографии о проблемах процессуального права, согласно которой при исследовании проблем судебной защиты прав надо исходить из того, что судоустройство есть опорная конструкция для осуществления судебной власти, для процессуального права, форма жизни процесса, а процессуальное право – опорная конструкция [6, с. 69].

Далее заметим, что, несмотря на значительное количество научных трудов о принципах судопроизводства, о судоустройственных принципах, тем более судебной технологии, практически никто не пишет; постараемся восполнить этот пробел, обращаясь, в первую очередь, к тексту Конституции Российской Федерации.

Так, принцип самостоятельности судебной власти вытекает из положений ст. 10 Конституции РФ (напомним, что судебная власть осуществляется посредством судопроизводства, правосудия – авт.). Это положение продублировано в ч. 2 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», означающее, что суды являются в государственно-правовом и организационном смысле самостоятельным органом.

В дополнение к вышеназванному принципу отметим и принцип автономности судебной системы, сформированной по территориальному, инстанци-

онному и предметному принципу, и ее самостоятельность и обособление для выполнения конституционно установленных функций (ст. 10, 118, 125 Конституции РФ).

Принцип независимости судей и подчинение их только закону предусмотрен ст. 120 Конституции РФ, и он напрямую связан с принципом самостоятельности судей и подчинении их только закону, а также имеет отношение и к судопроизводству во всех его формах и технологиях.

Принцип конституционности судебной власти и принцип законности, который характерен, заметим предварительно, для всех выделяемых нами принципов судебной технологии, тесно увязаны друг с другом, что вытекает из требований ст. 15 Конституции РФ.

Принцип полноты и недопустимости ограничений полномочий судебной власти означает ее распространимость на все сферы жизнедеятельности общества по вопросам правосудия и судебного контроля. Данный принцип базируется на тексте ст. 46 Конституции РФ в части гарантий каждому судебной защиты прав и свобод.

Следующими выступают принципы федерализма и единства судебной власти, имеющих первый из них особое значение в нашем федеративном государстве, где наличествует центральная власть и государственная власть субъектов Российской Федерации. Структура (система) органов государственной власти, включая и судебную, сформирована в соответствии с федеративным государственным устройством, в основу которого единство системы государственной власти страны. Принцип единства судебной системы вытекает из положений ст. 5, 71, 118, 128 Конституции РФ; установлен конституционный порядок исключительного ведения Федерации и совместного ведения.

Принципы федерализма и единства судебной власти тесно связаны, что обусловлено единственным источником власти (ст. 3 Конституции РФ). Ст. 3 Закона о судебной системе указывает, что единство судебной власти обеспечивается соблюдением всеми звеньями судебной системы правил судопроизводства, применения всеми судами Конституции РФ, ФЗК и ФЗ, принципов и норм международного права.

Отметим также принцип публичности судебной власти, базирующийся на принципе публичности государственной власти в целом и разделении права на частное и публичное. Как и принцип бюджетного финансирования судебной деятельности, установленный ст. 124 Конституции РФ. Порядок финансирования отечественных судов также установлен ст. 33 ФЗК о судебной системе и ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации».

Рассматривая принципы судоустройства в корреляции с судебной технологией, следует выделить и такой из них, как судебское руководство, реализуемый посредством осуществления действий руководящего (распорядительного) характера управомоченным субъектом судопроизводства. Примером могут быть служить тесты ст. 150, 152 ГПК РФ,

243 УПК РФ и некоторые другие законодательные акты (например, ст. 58 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Таким образом, названные судоустройственные принципы, опосредующие судебную власть, имеют непосредственное отношение и к судебной технологии судопроизводственной деятельности (правосудию) в пределах ее компетенции.

Следующую группу принципов судебной технологии возможно обозначить, как общие судопроизводственные, сквозные. поскольку они относятся ко всем видам юрисдикционного процесса, ко всей технологии судебного рассмотрения и разрешения различного рода юридических дел, правовых споров, конфликтов и т.п.

Начнем повествование с такого из них, как осуществление судебной технологии только уполномоченными на то субъектами (суды, судьи, присяжные и арбитражные заседатели).

Принцип законности (сквозной, в силу его многозначности) судебной технологии, включая и процессуальную законность, означает строгое соответствие осуществления всех правил, приемов, способов, методов, процедур и т.д. законодательно установленным нормам – нормам материального и процессуального права. В юриспруденции верно отмечается, что неправильное применение норм материального права влечет отмену судебного решения [7].

Спецификой отличается и такой принцип судебной технологии, как ее целеполагание. Он вытекает из сущности и цели данной технологии – создание (формирование) максимально оптимальных условий и их выполнение, реализация в полном объеме для успешного рассмотрения и разрешения всякого рода юридических дел.

Следующий принцип судебной технологии заключается в системности, что означает наличие в ней системы взаимосвязанных и взаимообусловленных, согласованных процедур, составляющих, стадий, этапов, то есть всех компонентов (элементов) содержания судебной технологии.

В продолжение отметим и такой специфический принцип судебной технологии, как ее технологическая повторяемость. Он проявляется в том, что ряд судебных действий (процедур) в силу их схожести и неоднократности применения должны быть стандартизированы и воспроизводиться в сходных ситуациях при рассмотрении и разрешении судебных дел. В этом плане можно предложить автоматизацию некоторых типовых юридических услуг, моделирование судебных решений с помощью искусственного интеллекта и другое [8; 9].

Принцип процедурно-процессуальной регламентации обусловлен таким элементом содержания судебной технологии, как ее форма, процедура, установленные, как правило, нормами процессуального права.

Из сказанного выше сформулируем и такой принцип судебной технологии, как ее нейтральность и беспристрастность. Он призван не допускать влияние субъективных факторов, обеспечить

объективное и справедливое, в то же время, рассмотрение и разрешение судебных дел с вынесением соответствующего решения.

Несколько проблемным в юриспруденции выступает такой принцип, как доступность к правосудию, обеспечение такой доступности, в том числе, к осуществлению судебной технологии. К нему тесно примыкает и принцип обеспечения каждому права на судебную защиту (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

В современный период становления и развития гражданского общества практически его развитие невозможно без доступного, эффективного и справедливого правосудия, роль которого постоянно возрастает как в качественном, так и в количественном измерении. Отсюда проистекает такой принцип правосудия (судебной технологии), как принцип справедливости.

В систему принципов судебной технологии включим и такой из них, как соблюдение разумности процессуальных сроков, получивший в процессуальных кодексах свое нормативное закрепление (например, ст. 6.1 ГПК РФ, ст. 6.1 УПК РФ).

Также назовем важные для судебной технологии такие принципы, как процессуальная экономия, непрерывность, последовательность (очередность), непосредственность и устность, национальный язык судопроизводства, участие общественности, гарантированность прав субъектов и участников процесса, а также рационализацию (оптимизацию) и инновационность, в своей основе содержащие технологическое предназначение.

Наряду с изложенным, судебная технология опосредована и теми принципами, которые мы условно поместили в третью группу и которые присущи конкретным видам юридического процесса – юрисдикционным (судебным) процессам; их рассмотрение требует самостоятельного изучения в дальнейшем.

Таким образом, принципы технологии судебного правоприменения, как ее базовые основы, правоустановления, следует подразделять на судоустройственные, общие судопроизводственные и относящиеся к конституционно-определенным видам судопроизводства (юрисдикционным процессам).

Литература

1. Беляев В.П., Нинчиева Т.М., Беляева Г.С. Общая теория процессуально-правового регулирования: концептуальные основания, методология, практика. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2024. 296 с.
2. Беляев В.П., Беляева Г.С. Принцип справедливости в юрисдикционном процессе: некоторые проблемы в правоприменении // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 6. С. 10–19.
3. Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 188 с.

4. Баландин В.Н., Павлушина А.А. Принципы юридического процесса / Под общ. ред. В.М. Ведяхина; М-во образования Рос. Федерации, Волж. ун-т им. В.Н. Татищева. Тольятти: Изд-во ВУИТ, 2001. 150 с.
5. Грешнова Н.А. Принципы юридического процесса: общая характеристика // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 142–145.
6. Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2016. 224 с.
7. Правосудие в современном мире: монография / Под ред.: Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.
8. Толстов А.С. Взаимодействие искусственного интеллекта с принципами судопроизводства // Закон и власть. 2025. № 4. С. 152–154.
9. Белянская О.В., Чомаев А.А. Влияние цифровизации в процессе осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 488–495.

PRINCIPLES OF JUDICIAL LAW ENFORCEMENT TECHNOLOGY: CONCEPT, CLASSIFICATION, AND CHARACTERISTICS

Bamatkirieva S.Kh.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article examines the principles of the judicial law enforcement technology as fundamental foundations ensuring the effectiveness and efficiency of justice. The author proposes a classification of these principles into judicial system principles, general procedural

principles, and specific principles characteristic of particular types of jurisdictional processes. Special attention is given to the legal basis of the principles, their functional role within the structure of judicial technology, and their interrelation with the principles of law and legal process. The significance of these principles is emphasized in the context of digitalization and the introduction of new technologies in the judiciary.

Keywords: law enforcement, judicial technology, principles of judicial system, procedural principles, jurisdictional process, legality, justice, digitalization, judicial system.

References

1. Belyaev V.P., Nintsieva T.M., Belyaeva G.S. General theory of procedural legal regulation: conceptual foundations, methodology, practice. Moscow: Publishing House "Yurlitinform", 2024. 296 p.
2. Belyaev V.P., Belyaeva G.S. Principle justice in the jurisdictional process: some problems in law enforcement // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. 2024. Vol. 14. No. 6. pp. 10–19.
3. Balandin V.N. Principles of the legal process: dis. ... kand. jurid. sciences'. Saratov, 1998. 188 p.
4. Balandin V.N., Pavlushina A.A. Principles of the legal process / Under the general editorship of V.M. Vedyakhin; Ministry of Education of the Russian Federation. Federation, Volga region. V.N. Tatishchev University. Tolyatti: Publishing house of VUIT, 2001. 150 p.
5. Greshnova N.A. Principles of the legal process: general characteristics // Legal policy and legal life. 2013. No. 3. pp. 142–145.
6. Problems of the development of procedural law in Russia: a monograph / A.V. Belyakova, L.A. Voskobitova, A.V. Gabov et al.; edited by V.M. Zhuikov; Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. 2016. 224 p.
7. Justice in the modern world: a monograph / Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. M.: Norm, Infra-M, 2012. 704 p.
8. Tolstov A.S. Interaction of artificial intelligence with the principles of judicial proceedings // Law and Power. 2025. No. 4. pp. 152–154.
9. Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. The impact of digitalization in the process of legal activity // Actual problems of the state and law. 2022. Vol. 6. No. 4. pp. 488–495.

Васяев Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовно-процессуального права Московского
государственного юридического университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

Статья посвящена изучению судебного процесса по делу «Ларисы Богораз», который стал одним из катализаторов зарождения правозащитного движения в СССР. Рассматривается предыстория и ход судебного разбирательства, дается оценка действий стороны защиты и обвинения, законность и справедливость вынесенного приговора.

История возникновения общественных правозащитных организаций в России остается не до конца изученной как в юридической, так и исторической науке. Данное исследование одной из своих целей ставит определение предпосылок возникновения и организацию в советский период развития России общественных правозащитных, сначала сообществ, а позже организаций. В статье делается вывод, что множество правозащитных организаций современной России, берут свое начало именно из отдельных случаев активного противостояния граждан государственной власти, с требованиями по реализации естественных прав, свобод и законных интересов человека.

Ключевые слова: уголовное дело, Лариса Богораз, судебное разбирательство, адвокат, сторона защиты, свобода слова, свобода творчества, правозащитное движение.

В СССР демонстрации и митинги проводились только по инициативе и под руководством партийных и профсоюзных органов. Не по указке свыше собраться и выйти на улицу с каким-то требованием или протестом подавляющему большинству граждан и в голову не приходило. Когда в газетных статьях, в радио и телерепортажах с положительной точки зрения рассказывали о демонстрациях протеста в капиталистических странах, простые советские люди смотрели на это с удивлением: как эти люди не боятся, что их разгонят, что могут арестовать? Слишком близка была память о времени сталинских репрессий.

Но 25 августа 1968 года восемь человек ушли у Лобного места на Красной площади в Москве, держа в руках самодельные плакаты. Участники демонстрации протестовали против ввода советских войск в Чехословацкую Социалистическую республику.

Напомним предысторию инцидента. В 1955 году в противовес НАТО была создана Организация Варшавского договора (ОВД) – военный союз европейских социалистических государств при ведущей роли СССР, – благодаря чему bipolarный мир оставался стабильным. Чехословакия входила в ОВД, проводила совместные военные учения, давала доступ к своей инфраструктуре, но до 1968 года на ее территории не было постоянных советских военных баз. При этом западные СМИ активно формировали образ «советской агрессии» в ЧССР. Рассекреченные архивные документы свидетельствуют о том, что западные спецслужбы активно участвовали в дестабилизации обстановки в ЧССР, поддерживая оппозиционные силы, финансируя их, готовя чехословацких эмигрантов для организации протестов в ЧССР, занимаясь пропагандой через радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки»¹.

Когда в январе 1968 года первым секретарем ЦК компартии Чехословакии был избран Александр Дубчек, в стране начался процесс демократизации. Это очень походило на процессы в СССР конца 1980-х: ослабление цензуры, критика сталинизма, планы экономических реформ. В 1968 г. Запад увидел шанс ослабить социалистический блок и активизировал работу своих разведок с чехословацкими диссидентами и антикоммунистами.

¹ Радиостанции «Свобода» и «Голос Америки» (признаны Минюстом России иноагентами), вещавшие через «железный занавес», были основаны в 1949 году специально для антикоммунистической пропаганды и первоначально финансировались ЦРУ. Работа радио «Свобода» и «Голос Америки» приостановлена 16 марта 2025 года по распоряжению президента США Дональда Трампа.

В июле-августе 1968 года страны ОВД проводили плановые военные учения на границах ЧССР, и одновременно у западных границ Чехословакии шли маневры вооруженных соединений НАТО. При этом, чтобы подогреть протестные настроения, в западной прессе появились сообщения о «готовящемся русском вторжении». Руководство СССР и других соцстран, получая данные о вмешательстве Запада, посчитали это достаточным обоснованием ввода в ЧССР войск ОВД (в основном советской армии).

21 августа 1968 г. группа войск ОВД численностью 500-тысяч, включая танки, вступила на территорию ЧССР. Этот акт демонстрации силы мог бы окончиться бескровно, поскольку по приказу военного руководства страны 200-тысячная армия ЧССР все время конфликта оставалась в казармах. Эскалации кризиса поспособствовали западные спецслужбы: они усилили поддержку подпольных групп, которые организовывали саботаж и пытались оказать вооруженное сопротивление вошедшим войскам. Оружие в ходе операции применялось в ответ на силовое сопротивление («коктейли Молотова» и пр.) По современным данным за 4 дня кризиса погибло 102 гражданина ЧССР, потери советских войск составили 96 человек.

В контексте эпохи и безопасности Восточной Европы силовое вмешательство СССР и его союзников было оправданным. Чехословакия являлась ключевым звеном в системе ОВД. Её возможный нейтралитет или сближение с Западом создали бы брешь в обороне стран соцлагеря против НАТО.

21 августа 1968 года ТАСС сообщило: «Группа чехословацких руководителей обратилась к СССР и другим социалистическим странам с просьбой об оказании помощи в борьбе с контрреволюционными силами». В газете «Известия» от 23 августа 1968 г. советским гражданам объяснили ввод войск в ЧССР так: «В Чехословакии активизировались силы, стремящиеся оторвать страну от социалистического содружества и передать её в руки империалистов».

А в западных СМИ ввод войск ОВД называли русской оккупацией. «Голос Америки», вещавший на все социалистические страны, включая СССР, делал акцент на массовых протестах, баррикадах в Праге, акциях гражданского неповиновения и жертвах среди мирного населения – о том, что игнорировала советская пресса. В эфирах говорили об осуждении вторжения со стороны ООН, США и западных стран – и это во время разгара войны во Вьетнаме!

Московские диссиденты больше прислушивались к «Голосу Америки», чем к советскому радиовещанию. Активных среди них было не так уж много – несколько десятков человек, все они были знакомы между собой. Пустили клич, что в воскресенье, 25 августа 1968 г., на Лобном месте Красной площади будет проходить сидячая демонстрация. Договорились написать лозунги, кто и какие именно – не распределяли. Предупредили об акции иностранных корреспондентов.

В полдень 25 августа 1968 года восемь человек – Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг и Лариса Богораз, собрались у Лобного места с плакатами: «Мы теряем лучших друзей», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!». Последний лозунг принадлежал польским повстанцам 1830-х годов, но стал символом проведенной демонстрации, которая длилась не более пяти минут.

Публика, гулявшая на площади, ничего не успела понять. Несколько человек, среди которых молодая женщина с коляской, уселись и развернули плакаты – и почти сразу со всех сторон к ним бросились мужчины в штатском и милиционеры. Отобрали и скомкали плакаты, начали бить демонстрантов. Зеваки со стороны отпускали реплики: «Это, наверно, чехи», «Ну и сидели бы у себя», «Сюда-то чего пришли», «А если не чехи, то в милицию их и всё», «Антисоветчики»... Вначале правоохранители затолкнули в подъехавшую «Волгу» мужчин-демонстрантов. Через несколько минут на другой машине увезли женщин, включая ту, что с грудным ребенком. В 12.20 у Лобного места уже никого не было.

Зеваки разошлись. Никто из них не знал, что одной из арестованных была Лариса Богораз – жена Юлия Даниэля, судебный процесс над которым послужил отправной точкой диссидентского движения в Советском Союзе, толчком к открытым акциям протеста.

Лариса Богораз родилась в 1929 году в Харькове, в интеллигентной еврейской семье. В 1934 году ее отца, инженера-экономиста, перевели на работу в Москву, где во время «чисток» 1937 г. он был арестован, приговорен к 5 годам в Воркутлаге, а после ему запрещалось возвращаться в столицу. Как дочь репрессированного, Ларису не приняли в пионеры. В одном из интервью Богораз говорила, что тогда поняла: государство может быть несправедливым. Войну Лариса с матерью провели в эвакуации в Сибири, а в 1946 году она поступила в Харьковский университет. После перевелась в МГУ и окончила филологический факультет по специальности лингвистика.

В молодежных литературных кругах Москвы Богораз познакомилась со своим будущим мужем, начинающим поэтом и переводчиком Юлием Даниэлем. Их сближали общие интересы: поэзия, языки (оба знали французский), любовь к запрещенной литературе и передачам западных радиостанций. Комната в коммуналке, где обосновались Богораз и Даниэль, стала местом сборищ творческой молодежи: там читали свои и чужие стихи, в том числе запрещенные – О. Мандельштама, Н. Гумилева и др. В дальнейшем почти все члены этого кружка стали диссидентами, а толчком послужил арест Синявского и Даниэля. Их опубликованные под псевдонимами за рубежом произведения суд признал антисоветскими.

На момент ареста мужа Богораз, только что защитившая кандидатскую диссертацию, преподавала на филфаке Новосибирского университета. Срочно вернувшись в Москву, она организовала кампанию в защиту Даниэля и Синявского: обращалась в органы власти, передавала письма в зарубежные СМИ. Вместе с женой Синявского, Марией Розановой, Богораз записывала ход процесса, на который пускали только по пригласительным билетам. Стенограмма процесса вместе со многими документами были собраны Александром Гинзбургом в «Белую книгу по делу Синявского и Даниэля», распространявшуюся в самиздате и опубликованную за рубежом.

Юлия Даниэля приговорили к 5 годам лагерей. Богораз жила в Москве, устроившись работать по специальности в НИИ технической информации и координирования. За женой осужденного следили сотрудники КГБ, но связь с друзьями, такими же инакомыслящими, она не прерывала.

В январе 1967 года по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, составлении и публикации «Белой книги по делу Синявского и Даниэля» и самиздатовского альманаха «Феникс» были арестованы Александр Гинзбург, Юрий Галансков, Алексей Добровольский и Вера Лашкова. Несмотря на то, что стенограмма процесса занимала почти половину книги, Ларису Богораз и Марию Розанову КГБ не тронул. Но Богораз сама «бросилась под танки». Судебный процесс начался 8 января 1968 года, а уже 11 января Лариса Богораз и Павел Литвинов (внук первого наркома иностранных дел М.М. Литвинова) написали «Обращение к мировой общественности». «Мы обращаемся к мировой общественности и в первую очередь – к советской, – писали Богораз и Литвинов. – Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости <...> Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи. Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей». В обращении упоминалось, что этот процесс «ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться. Мы передаем это обращение в западную прогрессивную печать и просим как можно скорее опубликовать его и передать по радио – мы не обращаемся с этой просьбой в советские газеты, так как это безнадежно»¹.

В тот же день обращение было передано на русском и английском языках радиостанцией Би-Би-Си, встретив широкий отклик как у общественности Запада, так и у тех советских граждан, которые слушали «вражеские голоса». Обращение стало первой «ласточкой» в новой практике советских правозащитников: апеллировать не к своим властям, не к советской общественности и даже не к советскому народу (они понимали, что широ-

кие народные массы их не поддерживают), а к зарубежным институтам – сначала общественным, а затем и властным. Обращение послужило началом поддержки диссидентов-правозащитников со стороны Запада – моральной, информационной, а с середины 70-х годов также материальной и политической: напомним, что USAID был создан в 1961 г. именно для противодействия СССР. Для Запада Богораз стала одной из первых советских правозащитниц. На родине за ней усилили слежку.

О намерении провести демонстрацию против ввода войск СВД в Чехословакию знали многие, но одобрили не все. Некоторые из тех, кто считал это неразумным, нецелесообразным, отговаривали Ларису Богораз от участия в акции, говоря, что если арестуют ее и Павла Литвинова, то диссидентское движение будет обезглавлено. Но сама она себя вождем не считала.

Богораз вспоминала, что еще до начала демонстрации заметила людей, следивших за ней и Литвиновым – возможно, поэтому демонстрация оказалась столь короткой. Ровно в полдень они уехали и молча развернули плакаты. Плакат с надписью на чешском и русском языке: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» в руки Ларисе Богораз дала Наталья Горбаневская – она пришла с грудным ребенком в коляске, там же были плакаты. Подошли предупрежденные иностранные корреспонденты с фотоаппаратами, начали собираться зеваки. В толпе Лариса заметила нескольких знакомых, не решившихся присоединиться к демонстрации.

Через 2–3 минуты к демонстрантам подбежали несколько мужчин, вырвали плакаты, стали бить – в лицо, по голове. Лариса Богораз заметила, что у нее на спине кровь – это выбили зубы Файнбергу².

Наталья Горбаневская, которую из-за ребенка в коляске забрали последней, вспоминала: «Подходили новые любопытные, спрашивали: «Что здесь?» – «Это сидячая демонстрация в знак протеста против оккупации Чехословакии», – объясняли мы. «Какой оккупации?» – искренне удивлялись некоторые. – Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибло, а они контрреволюцию устраивают». – Или же: «Мы их спасаем от Западной Германии». Или еще лучше: «Что же мы, должны отдать Чехословакию американцам?»³

Так что массовой поддержки действия демонстрантов не получили.

Уже в отделении милиции задержанные успели договориться, что самая молодая из них, Татьяна Баева, якобы не участвовала в демонстрации, а об остальном на допросах они будут молчать. Поэтому на скамье подсудимых не было Баевой, Горбаневской (из-за грудного ребенка ее отпусти-

¹ Богораз Л., Литвинов П. К мировой общественности. – Текст: электронный // URL: – http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/k_mirovoy_obsch.html (дата обращения: 01.08.2025).

² Дорога к Лобному месту. Беседа режиссера Владимира Синельникова с Ларисой Богораз. – Текст: электронный // URL: – <https://csdfmuseum.ru/articles/289> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Горбаневская Н. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. М.: Новое издательство, 2007. С. 74.

ли, а позже признали невменяемой и принудительно лечили), и Файнберга (его опасались показывать публике из-за выбитых при задержании зубов, сочли лучшим признать невменяемым и поместить в психиатрическую больницу).

По просьбе Ларисы Богораз и Павла Литвинова их адвокатом стала Дина Исааковна Каминская. Лариса Богораз еще во время подготовки процесса над Юлием Даниэлем выбрала защитником Каминскую и та начала работать по делу, но по указу сверху была отстранена председателем коллегии адвокатов. Павла Литвинова Каминская тоже хорошо знала, дружила с его родителями.

Всем участникам демонстрации было предъявлено обвинение в грубом нарушении общественного порядка и в клевете на советский общественный и государственный строй (ст.ст. 190–1, 190–3 УК РСФСР.) Расследование закончили за две недели, суд состоялся в начале октября. 14 сентября адвокаты приступили к ознакомлению с тремя томами материалов дела. Каминской разрешили ежедневно работать с обоими подзащитными.

Формулировка обвинения для всех привлеченных к ответственности совпадала: «Расследованием по делу установлено: (фамилия демонстранта) будучи не согласен с политикой КПСС и Советского Правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступил в преступный сговор с другими обвиняемыми по настоящему делу (фамилии других обвиняемых) с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран. Ранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (перечисление надписей на всех пяти плакатах), 25 августа сего года в 12 часов дня явились к Лобному месту на Красной площади, где совместно с (фамилии остальных обвиняемых) принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и нормальную работу транспорта: развернул вышеуказанные плакаты и выкрикивал лозунги аналогичного с плакатами содержания, то есть совершил преступления, предусмотренные статьями 190–1 и 190–3 Уголовного кодекса РСФСР»¹.

Дина Каминская заметила, что вопреки требованию закона вину каждого обвиняемого и степень его активности по сравнению с другими участниками групповых действий в обвинительном заключении не конкретизировали. В отношении Ларисы Богораз было выдвинуто дополнительное обвинение: «Будучи не согласна с действиями КПСС и Советского Правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу, она 22 августа 1968 года направила об этом два заявления на имя директора и в профсоюзную организацию Всесоюзного научно-исследовательского институ-

та технической информации и координирования». Из этой формулировки непонятно, какие именно заявления направила Богораз и почему они являются уголовным преступлением². К делу были приложены два абсолютно одинаковых заявления за подписью Ларисы Богораз: «В знак протеста против оккупации Чехословакии Советскими войсками я объявляю забастовку с 21 по 31 августа»³.

Каминская была уверена, что причиной неполных формулировок являлась не небрежность следствия, а указание сверху привлечь к уголовной ответственности всех без исключения участников демонстрации.

Адвокат изучала материалы предварительного следствия. На допросах все участники демонстрации отказались говорить о своих взглядах и убеждениях, ограничившись мотивами демонстрации. Самое обширное показание Ларисы Богораз выглядело так: «25 августа пришла на Красную площадь. Подняла транспарант с протестом против ввода войск в Чехословакию. На вопрос о том, какой плакат держала я и какие именно плакаты держали мои товарищи, отвечать отказываюсь. Мои действия не нарушили общественный порядок и движение транспорта, не препятствовали воскресной прогулке граждан. Само выражение протеста не нарушает общественного порядка. Лозунги не содержат клеветнических измышлений, а выражают критическую точку зрения по одному конкретному вопросу. Обвинение против нас считаю несостоятельным. Отказываюсь принимать участие в работе следствия и больше ни на какие вопросы отвечать не буду»⁴.

Конституция СССР гарантировала гражданам право на демонстрации. Поэтому участникам демонстрации 25 августа 1968 г. вменили в вину изготовление и распространение клеветнических измышлений, квалифицированное по статье 190–1 УК РСФСР, при этом без доказательств и аргументов, ограничившись простым перечислением текстов плакатов. Для подтверждения второй части обвинения (о нарушении порядка) следствию необходимы были доказательства, что демонстрация сопровождалась бесчинствами и нарушала нормальную работу транспорта.

Помимо показаний обвиняемых, имелись показания трех групп свидетелей. Первая группа – друзья и родственники подсудимых, дали аналогичные показания: участники демонстрации сели вокруг Лобного места и развернули плакаты; примерно через 2 минуты подбежали две группы мужчин и стали эти плакаты вырывать; один из них ударил ботинком в лицо Файнберга, других тоже били; побои наносили не из толпы собравшихся граждан, а определенные специальные люди, но без повязок.

Вторая группа – свидетели Ястребова и Леман, люди из толпы, абсолютно незаинтересованные. Показания Ястребовой, которая видела все от на-

² Там же С. 249.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 250.

¹ Каминская Д.И. Записки адвоката М.: Новое издательство, 2009. С. 248.

чала до конца, полностью подтверждали рассказы обвиняемых и их друзей. Леман подошел позже, привлеченный толпой, и увидел, что бьют сидящих у Лобного места. И почти сразу демонстрантов стали сажать в машины. Лемана тоже схватили, посчитав демонстрантом. «Они заломили мне руки, дали по шее и затолкали в машину; так я оказался в пятидесятом отделении милиции. Никого из задержанных я не знаю»¹.

Третья группа – свидетели обвинения, чьи показания использовались как доказательство вины в нарушении демонстрантами общественного порядка и нормальной работы транспорта. И вот тут адвокат обнаружила явные подтасовки.

Свидетели Веселов, Богатырев, Иванов и Васильев показали, что просто гуляли по Красной площади. Поодиночке. Услышав шум и увидев скопление народа, они приблизились к Лобному месту, где стояла группа людей, державших транспаранты и кричавших. Их сажали в машину, они сопротивлялись. Свидетель Веселов показал, что одна из женщин ударила его ногой и кричала: «Тираны», «Насильники». Свидетель Богатырев показал, что задержанные вырывались, оскорбляли граждан, выкрикивали лозунги. Одна из женщин обзывала собравшихся сволочами, провокационно кричала, что ее избивают, хотя никто ее не бил, визжала. В машине они продолжали кричать².

Внимание адвоката привлекло не только то, что эти показания расходятся с показаниями обвиняемых и других очевидцев демонстрации, а то, что все четверо свидетелей – сотрудники воинской части 1164, но в деле не указано ни звания, ни принадлежности части к одному из ведомств, как полагалось бы. Каминская знала, что только в системе КГБ, из-за секретности, в графе «должность» принято писать «сотрудник».

Адвоката привлекли и показания свидетеля Давидовича, указавшего местом работы воинскую часть 6592: «В Москве был проездом. Мое постоянное место жительства – Коми АССР. 25 августа был в ГУМе и вышел из него на Красную площадь около 12 часов. Увидел группу людей,двигающуюся по площади к Лобному месту. Они сели около Лобного места со стороны Красной площади. Тут же развернули плакаты «Руки прочь от ЧССР», второй на чешском языке. Стала собираться толпа. Участники этой группы начали произносить речи. Собравшиеся граждане требовали, чтобы их задержали. Мужчины в штатском стали активно сажать участников этой группы в подошедшие автомашины. Я тоже стал помогать. Их никто не бил»³.

Помимо расхождений с показаниями незаинтересованных свидетелей, Каминской бросилось в глаза, что гость столицы не мог находиться в ГУМе – по воскресеньям универмаг был закрыт. Однако в здании ГУМа, прилегающем к Красной площади и правительственной трассе, расположены круглосуточные посты оперативного наблюдения,

и Давидович мог находиться там как участник запланированного оперативного мероприятия.

Из адвокатского опыта Каминская знала, что участники «мероприятий» КГБ не опасаются привлечения к уголовной ответственности за дачу ложных показаний. А рассуждения адвоката, его оценка показаний свидетелей не могут быть использованы в суде без подтверждения того, что КГБ действительно оказывал давление на этих свидетелей. И Каминская нашла такое подтверждение.

Свидетель Куклин, инспектор отдела регулирования дорожного движения (ОРУД), на допросе 27 августа показал, что 25 августа, стоя на посту на углу улицы Куйбышева, заметил скопление людей, подбежал и увидел «что-то» в руках у граждан, которые сидели на тротуаре Лобного места... «Близко к Лобному месту я не подходил и потому лозунгов не видел и выкриков не слышал... В этот же день после сдачи смены я написал рапорт»⁴. Но в рапорте, тоже имеющемся в деле, написано другое: «25 августа во время несения постовой службы заметил на проезжей части Лобного места группу лиц с плакатами. Стоя на проезжей части с плакатами в руках, они кричали. Эта группа мешала движению транспорта, идущего из Спасских ворот Кремля на улицу Куйбышева и обратно. На мое требование уйти с проезжей части граждане не реагировали и продолжали стоять и кричать»⁵. Противоречия очевидны. Мало того, на рапорте Куклиным собственноручно поставлена дата – 3 сентября, тогда как 27 августа он показал на допросе, что рапорт составил 25 августа. Значит, в дело приобщен другой рапорт, который написан взамен первого, содержание которого следствие не устраивало.

Адвокат особенно тщательно и подробно обсуждала с Ларисой Богораз показания свидетелей, разъясняла намеченную линию защиты, учила тому, как правильно ставить вопросы, потому что Богораз решила, что в суде откажется от адвоката и будет защищаться самостоятельно. «Я должна сама произнести защитительную речь. Ведь кто-то должен от имени всех подсудимых открыто выступить против оккупации Чехословакии. Я думаю, что я это сделаю лучше других»⁶.

Такому решению имелась еще одна причина. В СССР адвокатам, участвующим в политических процессах, приходилось сознательно ограничивать себя чисто правовыми аспектами защиты. Нельзя было показывать солидарность с воззрениями и политическими оценками своих подзащитных – после этого было невозможно остаться в адвокатуре. Никто из диссидентов не осуждал адвокатов за это.

Намерение Богораз защищаться самостоятельно держалось в тайне, чтобы сохранить право на встречи с адвокатом. Но линию защиты выстроила Дина Каминская, а еще она предупредила Ла-

¹ Там же. С. 255.

² Там же. С. 256.

³ Там же. С. 256.

⁴ Там же. С. 256–257.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Там же. С. 256.

рис, что ей могут запретить говорить о взглядах и убеждениях, но никто не может лишить права рассказать о том, почему она пришла на Красную площадь, поскольку суд обязан установить мотивы действий, в которых ее обвиняют.

Процесс о демонстрации 25 августа 1968 года проходил 9–11 октября 1968 года в здании народного суда Пролетарского района Москвы. С утра возле входа собралась толпа, но охрана у дверей была бдительна: «нежелательную публику» и иностранных корреспондентов на слушание дела не пускали.

Статья 16 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР обязывала советских судей руководствоваться «социалистическим правосознанием», которое есть отражение партийных и государственных идей. Председатель суда, Валентина Григорьевна Лубенцова, ветеран Великой отечественной войны, судья с пятнадцатилетним стажем, была из тех советских людей, которые безоговорочно верили партии, и как бы ни менялись партийные установки, принимали каждую новую как единственно правильную. Тонкая прослойка либеральной интеллигенции воспринимала ввод советских войск в Чехословакию как национальный позор нашей страны, а судья Лубенцова, жена полковника из Министерства обороны, принадлежала к большинству и считала, что они заслуживают наказания. Приговор был предreshен, и от судьи почти ничего не зависело, однако Лубенцова избегала задавать вопросы, ответы на которые объясняли мотивы действий подсудимых.

Ходатайства подсудимых и их адвокатов вызывать на судебные заседания дополнительно 6 свидетелей, дававших показания в пользу обвиняемых, суд удовлетворил частично, вызвав лишь троих. На ходатайства направить дело на исследование для объединения его с делом Виктора Файнберга; направить дело на исследование для установления производивших задержание обвиняемых лиц и расследования правомерности их действий суд ответил, что «не видит в этом необходимости». Ходатайство Ларисы Богораз о предоставлении ей права на самостоятельную защиту было удовлетворено.

Во время допроса обвиняемых все участники демонстрации показали, что вышли на Красную площадь в знак протеста против решения правительства ввести войска в Чехословакию.

Благодаря подготовке адвоката защитительная речь Ларисы Богораз была юридически выверена, но стройность, логичность и лаконичность речи – заслуга самой Богораз – ведь ее профессией была структурная лингвистика.

Богораз старалась не повторять доводов, приведенных адвокатами других подсудимых, поскольку обвинения были одинаковыми. Но ей еще вменялись в вину два заявления, поданные по месту работы. В ходе следствия Каминская ходатайствовала об исключении этого пункта, поскольку заявление по месту работы не может рассматриваться как криминальное действие. Ей ответили,

что эти заявления не ставятся в вину, а включены для подтверждения несогласия с политикой партии и правительства. Однако в обвинительном заключении эти заявления именно ставились в вину. «Прошу изменить формулировку обвинения в этой части»¹, – заявила Богораз.

Перейдя к обвинениям по статье 190–3, об организации или активном участии «в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий», Богораз напомнила, что заявляя в ходе суда ходатайства о приобщении к делу дополнительных материалов и вызове свидетелей, она имела в виду доказать несостоятельность именно этой части обвинения и добиться снятия обвинения по этой статье. Суд отклонил эти ходатайства, что является нарушением права обвиняемого, то есть самой Богораз, на защиту.

Однако из имеющихся показаний, в частности двух работников ОРУД – ясно, что, сидя на тротуаре, нарушить нормальную работу транспорта демонстранты не могли. Скопление людей могло бы вызвать нарушение нормальной работы транспорта, однако те нарушения, которые могли бы произойти, но не произошли, нельзя ставить в вину. «Для обвинения нас по статье 190–3 необходимо доказать, что это нарушение было вызвано нашими действиями»², – заявила Лариса Богораз.

В ходе допроса свидетелей Богораз каждому из них задавала вопрос: «Почему вы подбежали (или подошли) к Лобному месту?» Ответы были одинаковы: «увидел, что другие бегут». Аргументы защищающей себя Богораз были строго логичны. Она проанализировала, как собралась толпа: «Определенную группу свидетелей составляют те, кто первыми кинулся к Лобному месту. Это несколько человек – пятеро из них служат в воинской части 1164. Все пятеро показывают, что очутились одновременно на Красной площади случайно, без предварительной договоренности. Именно они отнимали плакаты ... Именно они оскорбляли нас. Остальные же свидетели показывают, что побежали, увидев, как бегут и кричат эти несколько человек. Таким образом, именно они спровоцировали скопление и возмущение толпы. А наши действия вызвали активную реакцию только у этих несколько человек. Мы не нарушили нормальную работу транспорта, и мы не спровоцировали образование большой толпы, которая могла бы эту работу нарушить»³.

В своей защитительной речи Богораз коснулась формального нарушения в предъявленном обвинении по статье 190–3: общая формулировка «грубое нарушение общественного порядка» без конкрети-

¹ Горбаневская Н. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. М.: Новое издательство, 2007. С. 312.

² Там же. С. 314.

³ Там же. С. 314–315.

зации определенных действий. Несколько человек спокойно сидели, подняв плакаты. «Суд не имеет достаточных оснований утверждать, что мы «выкрикивали лозунги аналогичного с плакатами содержания», – сказала Богораз. Показания свидетелей противоречивы. Касательно показаний одного свидетеля о том, что, когда ее сажали в машину, она крикнула: «Свободу Дубчеку» или «Свободу Чехословакии», Богораз заявила, что свидетель говорил просто о женщине, а она была не единственной женщиной, и даже если она действительно выкрикнула или громко сказала эти слова или что-то кричала, возмущаясь грубыми действиями, это произошло, когда ее запикивали в машину. А то, что она говорила в машине или впоследствии, не имеет отношения к настоящему разбирательству.

«Считаю, что по имеющимся данным нет оснований обвинить меня по ст. 190–3 и прошу снять с меня это обвинение»¹, – завершила Богораз разбор данной части обвинения.

Касательно статьи 190–1, в которой говорится об ответственности за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания», Богораз сказала, что лозунги не являлись заведомо ложными измышлениями. Это всего лишь эмоции по поводу ввода войск в Чехословакию, то есть факта общеизвестного, и не вызывающего сомнений. Судья несколько раз запретила подсудимой объяснять содержание лозунгов на плакатах, между ними даже возник спор о значении слова «оккупация». «Если не оскорбителен сам факт ввода войск, тем более не оскорбителен и лозунг», – возражала Богораз. Разбор этого пункта обвинения Богораз завершила словами, что лозунги содержали не заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, а лишь критику отдельной ошибки правительства².

Относительно сговора группой лиц Богораз сказала, что это не доказано. Она бы выразила свой протест и в том случае, если бы пришла на площадь одна. Свою речь она завершила словами: «...считаю, что для какого бы то ни было уголовного преследования по ст. 190–1 и 190–3, моя вина не доказана и поэтому прошу оправдательного приговора»³.

11 октября 1968 года процесс завершался. Подсудимой Ларисе Богораз было предоставлено последнее слово.

Не имея возможности говорить о своих взглядах, она пыталась объяснить мотивы своих действий – почему вышла на демонстрацию на Красную площадь. Сказала, что отдавала себе отчет

в последствиях этого шага, и призналась: ей пришлось преодолеть свою нелюбовь к публичности.

«Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать – значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать – значило для меня солгать. <...> Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна. Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры, за...»

Тут прокурор выразил протест и попросил лишить подсудимую последнего слова. Адвокат Каминская протестовала. Судья сделала замечание Богораз и в очередной раз запретила говорить о своих убеждениях.

Богораз продолжила о том, что понимала – демонстрация не изменит ход событий, но решила, что пойти на нее не вопрос пользы, а вопрос личной ответственности. Она заявила, что не признает себя виновной. На слова прокурора о том, что предложенный им приговор будет одобрен общественным мнением, Богораз ответила так: «Суд не зависит от общественного мнения, а должен руководствоваться законом. Но я согласна с прокурором. Я не сомневаюсь, что общественное мнение одобрит этот приговор, как одобряло оно аналогичные приговоры и раньше, как одобрило бы любой другой приговор <...> Общественное мнение одобрит расправу над мирной демонстрацией, состоявшей из нескольких человек. Вчера в своей защитительной речи, защищая свои интересы, я просила суд об оправдательном приговоре. Я и теперь не сомневаюсь, что единственно правильным и единственно законным был бы оправдательный приговор. Я знаю закон. Но я знаю также и судебную практику, и сегодня, в своем последнем слове, я ничего не прошу у суда»⁴.

Суд признал подсудимых виновными по обоим предъявленным статьям. В отношении меры наказания суд удовлетворил требования прокурора. Ларису Богораз приговорили к четырем годам ссылки.

Обжалование в Верховном суде РСФСР, состоявшееся 19 ноября 1968 г., ничего не дало. В кассационных жалобах подсудимые и их адвокаты просили об отмене приговора: по ст. 190–1 – на том основании, что в лозунгах отсутствуют заведомо ложные измышления, порочающие советский государственный и общественный строй, а в части осуждения по ст. 190–3 – что действия осужденных не были нарушением общественного порядка. Интересы Богораз представляла адвокат Каминская. Она и адвокаты других подсудимых приводили весомые доводы в пользу отмены или смягчения приговора, однако Судебная коллегия по уголовным

¹ Там же. С. 316.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 323.

⁴ Там же. С. 324–328.

делам Верховного Суда РСФСР оставила приговор Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 октября 1968 года без изменений.

Ссылку Богораз отбывала в Иркутской области, в поселке Чуна; работала такелажницей на деревообделочном комбинате. После ссылки, по возвращении в Москву, она из-за «политической неблагонадежности» не могла устроиться ни на какую работу. В одном из интервью она упоминала, что знакомая «оформила» ее своей домработницей, чтобы избежать обвинения в тунеядстве. На жизнь зарабатывала репетиторством, переводами, и ни в какие правозащитные сообщества не входила. Однако в частном порядке, от своего имени писала письма властям (например, Ю.В. Андропову в защиту А.И. Солженицына), помогала в передаче писем и посылок заключенным, и в конце 70-х – начале 80-х годов принимала участие в создании самиздатского сборника «Память».

С началом перестройки Лариса Богораз стала публичной фигурой. Она дружила с Сахаровым, участвовала в воссоздании Московской Хельсинкской группы и некоторое время была ее председателем; организовала и вела Международный просветительский семинар, посвященный правам человека; публиковала статьи по истории и теории правозащитного движения в СССР, а также по актуальным общественно-политическим вопросам.

Кроме Константина Бабицкого, умершего в 1993 г., все участники демонстрации 1968 года эмигрировали из СССР в 1974–75 гг. – им «предложили» уехать (это была мягкая тактика избавления от инакомыслящих). Предлагали и Ларисе Богораз, но от эмиграции отказался ее тогдашний муж, писатель и правозащитник Анатолий Марченко, находившийся в заключении, и она была солидарна с ним. Знаменательно, что с началом перестройки ни один из этой группы правозащитников не вернулся в Россию.

Лариса Иосифовна Богораз скончалась в Москве 6 апреля 2004 года.

Литература

1. Богораз Л., Литвинов П. К мировой общественности. – Текст: электронный // URL: – http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/k_mirovoy_obsch.html (дата обращения: 01.08.2025).
2. Горбаневская Н. Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади. М.: Новое издательство, 2007. С. 74.
3. Дорога к Лобному месту. Беседа режиссера Владимира Синельникова с Ларисой Богораз. – Текст: электронный // URL: – <https://csdfmuseum.ru/articles/289> (дата обращения: 01.08.2025).
4. Каминская Д.И. Записки адвоката М.: Новое издательство, 2009. С. 248.

WHO DEFENDED LARISA BOGORAZ? THE HISTORY OF THE ACTIVIST LAWYERS

Vasyev A.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

The article is devoted to the study of the trial of «Larisa Bogoraz», which became one of the catalysts for the emergence of the human rights movement in the USSR. The background and course of the trial are considered, the actions of the defense and prosecution, the legality and fairness of the sentence are assessed.

The history of the emergence of public human rights organizations in Russia remains incompletely studied in both legal and historical science. One of the goals of this study is to determine the prerequisites for the emergence and organization of public human rights, first communities, and later organizations in the Soviet period of development of Russia. The article concludes that many human rights organizations in modern Russia originate from individual cases of active confrontation of citizens with state authorities, with demands for the implementation of natural rights, freedoms and legitimate interests of man.

Keywords: criminal case, Larisa Bogoraz, trial, lawyer, defense, freedom of speech, freedom of creativity, human rights movement.

References

1. Bogoraz L., Litvinov P. Toward the World Community. – Text: electronic // URL: – http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/k_mirovoy_obsch.html (date of access: 01.08.2025).
2. Gorbanevskaya N. Noon: The Case of the Demonstration of August 25, 1968 on Red Square. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2007. Page 74.
3. The Road to the Execution Ground. Conversation between director Vladimir Sinelnikov and Larisa Bogoraz. – Text: electronic // URL: – <https://csdfmuseum.ru/articles/289> (date of access: 01.08.2025).
4. Kaminskaya D.I. Notes of a Lawyer Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2009. Page 248.

Соотношение института ограничения ответственности перевозчика с общими принципами юридической ответственности

Гузев Виталий Алексеевич,

аспирант, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: vitalisk@inbox.ru

Статья посвящена комплексному анализу правовой природы института ограничения ответственности перевозчика в контексте его соотношения с фундаментальным принципом полного возмещения убытков в гражданском праве. Исследуется объективная обусловленность данного исключения спецификой транспортной деятельности, характеризующейся повышенными рисками, массовостью операций и необходимостью обеспечения экономической стабильности отрасли. Автор приходит к выводу, что ограничение ответственности не противоречит общим принципам юридической ответственности, а представляет собой их специализированную модификацию, направленную на достижение баланса интересов перевозчиков и потребителей транспортных услуг. В работе также анализируются случаи исключения применения ограничений, такие как умысел или грубая неосторожность перевозчика, что подтверждает компенсационную, а не исключительную сущность исследуемого института. Проводится историко-правовой и сравнительно-правовой анализ, подчеркивающий универсальный характер данного правового механизма. Особое внимание уделяется дифференциации видов и пределов ограничения ответственности в зависимости от вида транспорта и международно-правовой унификации соответствующих норм.

Ключевые слова: ограничение ответственности, перевозчик, принцип полного возмещения, гражданско-правовая ответственность, транспортное право, баланс интересов, историко-правовой анализ, сравнительное правоведение, виды транспорта, международные конвенции.

Фундаментальным принципом гражданского права, закрепленным в статье 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является принцип полного возмещения убытков [1]. Согласно ему, лицо, право которого нарушено, вправе требовать полного возмещения причиненных ему убытков, включая как реальный ущерб, так и упущенную выгоду. Данный принцип базируется на идее восстановительной функции гражданско-правовой ответственности, призванной максимально компенсировать пострадавшей стороне нанесенный ущерб и вернуть ее в положение, существовавшее до правонарушения.

Однако транспортное право, являясь подотраслью гражданского, формирует существенное исключение из этого правила, устанавливая институт ограничения ответственности перевозчика. Внешняя противоречивость данного подхода, позволяющего в определенных случаях компенсировать вред не в полном объеме, требует глубокого теоретического осмысления и выявления правовой природы указанного института, его места в системе юридической ответственности и соответствия базовым правовым началам. Целью настоящей статьи является комплексный анализ данного соотношения через призму исторического генезиса, экономической целесообразности, дифференциации по видам транспорта и сравнительно-правовых особенностей правового регулирования.

Ограничение ответственности перевозчика представляет собой специальный правовой механизм, устанавливающий предельные размеры компенсации за утрату, недостачу или повреждение груза и багажа, а также за вред, причиненный жизни и здоровью пассажиров. Данный механизм детализируется в транспортных уставах и кодексах (воздушном, железнодорожном, морском и др.) в соответствии с отсылочной нормой пункта 2 статьи 784 ГК РФ [1].

На первый взгляд, такое ограничение вступает в прямое противоречие с принципом полного возмещения. Однако это противоречие является лишь внешним и снимается при рассмотрении специфики транспортной деятельности. Как справедливо отмечали М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, институт ограничения ответственности следует рассматривать не как механизм ухода от возмещения, а как инструмент фиксации границ компенсации и обеспечения предсказуемости экономических последствий для субъектов транспортной деятельности [2]. Его введение объективно обусловлено рядом ключевых факторов.

Высокая капиталоемкость и рискоемкость отрасли: транспортная деятельность связана с эксплуатацией дорогостоящих активов и объективно высокими рисками (действие непреодолимой силы, погодные условия, внешние воздействия), многие из которых неподконтрольны перевозчику.

Массовый характер перевозок: транспортные компании заключают тысячи договоров, что создает риск одновременного возникновения множества крупных исков, способных поставить под угрозу финансовую устойчивость любого, даже самого надежного перевозчика.

Несоответствие между стоимостью услуги и потенциальным ущербом: тариф за перевозку часто несопоставим со стоимостью перевозимого имущества. Без ограничения ответственности стоимость транспортных услуг стала бы экономически необоснованно высокой из-за необходимости закладывать в тарифы риски колоссальных компенсаций.

Транспорт является кровеносной системой экономики, его стабильное и непрерывное функционирование – вопрос национальной безопасности и экономического суверенитета. Институт ограниченной ответственности стимулирует предпринимательскую активность в отрасли и привлекает инвестиции.

Таким образом, ограничение ответственности не отменяет принцип полного возмещения, а адаптирует его к особым условиям. В пределах установленного лимита действует общий принцип, а ограничение касается лишь максимального порога компенсации. Данный институт выполняет балансирующую функцию, обеспечивая, с одной стороны, защиту экономических интересов перевозчика и устойчивость транспортной системы, а с другой гарантируя пользователям транспортных услуг определенный, предсказуемый уровень защиты их прав.

Важной характеристикой исследуемого института является его дифференциация в зависимости от вида транспорта, что отражает специфику рисков и экономики каждой из транспортных отраслей.

Воздушный транспорт. Регулируется Воздушным кодексом РФ [3]. Ответственность за вред жизни и здоровью пассажира ограничена суммой в 2 млн рублей (ст. 117 ВК РФ). За утрату, недостачу или повреждение багажа/груза ответственность ограничивается 600 рублями за килограмм веса, а для ручной клади – 11 000 рублями (ст. 119 ВК РФ). Особенностью является двухуровневая система ответственности по Монреальской конвенции 1999 г. [7], имплементированной в российское право.

Железнодорожный транспорт. Согласно Уставу железнодорожного транспорта РФ [8], ответственность за утрату или недостачу груза ограничивается его действительной стоимостью, за повреждение – величиной обесценения. За просрочку доставки взыскивается неустойка в размере 6% провозной платы за каждые сутки просрочки,

но не более чем 50% размера платы за перевозку. Ответственность за вред жизни и здоровью пассажира также ограничена 2 млн рублей.

Морской транспорт. Кодекс торгового мореплавания РФ [9] устанавливает наиболее сложную систему ограничения, часто привязанную к расчетным единицам СПЗ (Специальные права заимствования МВФ). Например, ответственность за утрату или повреждение груза ограничивается суммой, эквивалентной 666,67 СПЗ за место или 2 СПЗ за килограмм веса брутто (ст. 170 КТМ РФ).

Автомобильный транспорт. По Уставу автомобильного транспорта [10] размер ответственности за утрату груза также ограничен его действительной стоимостью, а за просрочку доставки – размером провозной платы.

Данная дифференциация подтверждает гибкость института ограничения ответственности, его способность адаптироваться к конкретным экономическим и технологическим реалиям каждого вида перевозок.

Институт ограничения ответственности перевозчика не является изобретением современного законодателя. Его истоки прослеживаются еще в международных договорах Древней Руси с Византией (договоры князей Олега 911 г. и Игоря 944 г.), где закладывались первые принципы распределения рисков при морских перевозках [5, с. 46]. В дальнейшем, в Общем Уставе Российских железных дорог 1885 года, была создана развернутая система ограничения ответственности, учитывающая необходимость защиты отрасли от финансовых катастроф.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует универсальность данного подхода. Практически все развитые правовые системы мира, независимо от их принадлежности к романо-германской или англо-саксонской традиции, признают необходимость специального режима ответственности перевозчиков. Например, в Германии детальное законодательное регулирование лимитов ответственности сочетается с минимальной дискреционной ролью судов (Торговый кодекс Германии – HGB) [6]. В то же время в США, где велика роль прецедентного права, суды, как правило, поддерживают договорные ограничения ответственности, если они являются разумными и не противоречат публичному порядку. Эта универсальность подтверждает объективный, а не случайный характер данного правового механизма.

Важнейшую роль в унификации норм об ограничении ответственности играют международные конвенции: Варшавская и Монреальская (воздушный транспорт), КОТИФ (железнодорожный транспорт), Гаагско-Висбийские правила и Гамбургские правила (морской транспорт), КДПГ (автомобильный транспорт). Участие России в этих международных договорах способствует гармонизации отечественного законодательства с мировыми стандартами.

Важнейшим аспектом, подтверждающим компенсационную, а не исключительную природу ин-

ститута, являются случаи, когда перевозчик лишается права ссылаться на ограничение ответственности. Согласно статье 118 Воздушного кодекса РФ [3] и аналогичным нормам иных транспортных кодексов, ограничение ответственности не применяется, если вред причинен вследствие умысла или грубой неосторожности перевозчика.

Под грубой неосторожностью в транспортной практике понимается серьезное отступление от стандартов профессионального поведения: эксплуатация заведомо неисправного транспорта, несоблюдение элементарных правил техобслуживания, привлечение некомпетентного или непригодного к работе персонала, грубые нарушения правил безопасности [4, с. 85]. Наличие умысла (преднамеренное причинение вреда) полностью нивелирует право на какое-либо ограничение.

Данное правило свидетельствует о том, что государство, допуская ограничение ответственности для стимулирования развития отрасли и распределения объективных рисков, не допускает злоупотребления этим механизмом. Оно проводит четкую границу между предпринимательским риском, который подлежит ограничению, и виновным противоправным поведением, которое должно влечь полную ответственность. Таким образом, сохраняется сущность гражданско-правовой ответственности как последствия виновного поведения, а сам институт ограничения не превращается в инструмент необоснованного обогащения перевозчиков.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что институт ограничения ответственности перевозчика не противоречит общим принципам юридической ответственности, а представляет собой их специализированную модификацию, обусловленную объективными особенностями транспортной деятельности.

Историческое развитие и сравнительно-правовой анализ демонстрируют универсальный характер данного правового явления, что свидетельствует о его объективной необходимости, а не о случайности законодательного решения. Дифференциация видов и пределов ответственности по видам транспорта подчеркивает гибкость и практическую ориентированность данного института, его способность адекватно реагировать на отраслевую специфику.

Он является необходимым элементом системы правового регулирования транспортных отношений, выполняющим функцию достижения справедливого баланса интересов между перевозчиками, несущими повышенные коммерческие риски, и потребителями транспортных услуг, нуждающимися в защите своих имущественных прав и интересов.

Наличие исключений из правила об ограничении ответственности (умысел, грубая неосторожность) подчеркивает, что данный институт не является инструментом освобождения от ответственности, а выступает механизмом ее рационального распределения. Он обеспечивает как стабильность экономического оборота и доступность транспортных услуг, так и защиту прав потерпевшей стороны

в ситуациях, когда вред причинен вследствие виновного поведения перевозчика, а не реализации объективного предпринимательского риска. Таким образом, достигается гармонизация частных и публичных интересов в одной из ключевых отраслей экономики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. – 4-е изд. – М.: Статут, 2020. – 847 с.
3. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
4. Грицаева Н.Б., Худяков А.А. Некоторые особенности ответственности в транспортных обязательствах // Современное право России: проблемы и перспективы: Материалы VII международной научно-практической конференции. – М.: Университет мировых цивилизаций, 2023. – С. 85–96.
5. Морозов С.Ю. Транспортное право: учебник для вузов. – 6-е изд. – М.: Юрайт, 2025. – 322 с.
6. Рыжик А.В. Понятие и структура обязательства в германском праве // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 3. – С. 138–144.
7. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (Заключена в г. Монреале 28.05.1999) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 9.
8. Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ (ред. от 04.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 170.
9. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
10. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.

THE CORRELATION BETWEEN THE INSTITUTE OF CARRIER'S LIMITED LIABILITY AND THE GENERAL PRINCIPLES OF LEGAL LIABILITY

Guzeev V.A.

Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal nature of the institute of limitation of the carrier's liability in the context of its correlation with the fundamental principle of full compensation for losses in civil law. The objective conditionality of this exception by the specifics of transport activity, characterized by increased risks, mass operations and the need to ensure the economic stability

ty of the industry, is investigated. The author concludes that the limitation of liability does not contradict the general principles of legal liability, but is their specialized modification aimed at achieving a balance of interests of carriers and consumers of transport services. The paper also analyzes the cases of exclusion of the application of limitations, such as intent or gross negligence of the carrier, which confirms the compensatory, not exclusive nature of the institute under study. A historical-legal and comparative legal analysis is carried out, emphasizing the universal nature of this legal mechanism. Special attention is paid to the differentiation of types and limits of liability limitation depending on the mode of transport and the international legal unification of the relevant norms.

Keywords: limitation of liability, carrier, principle of full compensation, civil liability, transport law, balance of interests, historical-legal analysis, comparative law, modes of transport, international conventions.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on December 13, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
2. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law: General Provisions. – 4th ed. – M.: Statut, 2020. – 847 p.
3. Air Code of the Russian Federation No. 60-FZ of March 19, 1997 (as amended on April 21, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 12. – Art. 1383.
4. Gritsayeva N.B., Khudyakov A.A. Some Features of Liability in Transport Obligations // Modern Law of Russia: Problems and Prospects: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. – M.: University of World Civilizations, 2023. – P. 85–96.
5. Morozov S. Yu. Transport Law: Textbook for Universities. – 6th ed. – M.: Yurayt, 2025. – 322 p.
6. Ryzhik A.V. The Concept and Structure of Obligation in German Law // Bulletin of Economic Security. – 2024. – No. 3. – P. 138–144.
7. Convention for the Unification of Certain Rules for International Carriage by Air (Concluded in Montreal on 28.05.1999) // Bulletin of International Treaties. – 2005. – No. 9.
8. Charter of Railway Transport of the Russian Federation: Federal Law No. 18-FZ of January 10, 2003 (as amended on November 4, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 2. – Art. 170.
9. Merchant Shipping Code of the Russian Federation No. 81-FZ of April 30, 1999 (as amended on June 22, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 18. – Art. 2207.
10. Charter of Road Transport and Urban Ground Electric Transport: Federal Law No. 259-FZ of November 8, 2007 (as amended on February 24, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 46. – Art. 5555.

Философско-правовые основания конституционного права как базис обеспечения общественной безопасности Российской Федерации

Гусаим Иван Вячеславович,

аспирант кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН)
E-mail: GusaimIvan1997@yandex.ru

Современный геополитический контекст характеризуется ростом асимметричных угроз национальной безопасности, что выявляет ограниченность традиционных силовых подходов к обеспечению внутреннего порядка. В этих условиях возрастает значение философско-правовых оснований конституционного права как фундамента долгосрочной социальной стабильности. Целью исследования – анализ ключевых конституционных принципов: правового государства, верховенства права и гарантий прав человека – в их прикладном значении как инструментов предотвращения социальных конфликтов. Особое внимание уделяется их роли (в легитимации государственной власти), проблеме соотношения между ограничением прав интересах безопасности, необходимостью сохранения незыблемых основ конституционного строя. Актуальность работы обусловлена необходимостью преодоления ложной дихотомии «безопасность против прав человека» правоприменительной практики. Недостаточная теоретическая проработка связи создает риски эрозии легитимности власти, подрывает основы государственной стабильности (в долгосрочной перспективе).

Ключевые слова: общественная безопасность, конституционное право, философия права, правовое государство, верховенство права, права человека, национальная безопасность, конституционализм, разделение властей, легитимность государственной власти.

Введение

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется перманентной турбулентностью, обусловленной как традиционными военно-политическими вызовами, так и новыми асимметричными угрозами, включая международный терроризм, киберпреступность, информационные войны и гибридные конфликты. В этих условиях обеспечение общественной безопасности становится не только приоритетной функцией государства, но и фундаментальным условием его суверенного существования и поступательного развития. Традиционные подходы к безопасности, сводящиеся преимущественно к деятельности силовых структур, демонстрируют свою ограниченность. Долгосрочная и устойчивая безопасность не может быть построена исключительно на мерах принуждения; она требует прочного фундамента в виде легитимного правопорядка, разделяемых обществом ценностей и доверия к государственным институтам.

Именно в этом контексте возрастает значимость обращения к философско-правовым основаниям конституционного права. Конституция Российской Федерации, являясь актом высшей юридической силы, закрепляет не просто набор правовых норм, а целостную систему ценностных ориентиров, определяющих модель взаимоотношений между личностью, обществом и государством. Такие концепты, как «правовое государство», «верховенство права», «приоритет прав и свобод человека», представляют собой квинтэссенцию многовекового поиска человечеством оптимальной формулы социального общежития, способной минимизировать насилие и произвол.

Особую остроту данная проблематика приобретает в контексте глобальных и внутренних трансформаций, включая конституционную реформу 2020 года в России. Как отмечает Т.Я. Хабриева, современные конституционные реформы по всему миру часто направлены на укрепление государственного суверенитета и повышение эффективности власти в ответ на внешние вызовы [Хабриева Т.Я. С. 15–20]. В то же время, поправки в Конституцию РФ, затронувшие баланс властей, статус судебной системы и приоритет национального права, породили в юридической доктрине дискуссию о их влиянии на реализацию принципов правового государства. В этом свете анализ философских оснований конституционализма перестает быть сугубо теоретическим упражнением и становится ключом к пониманию вектора развития российской государственности и, как следствие, долгосрочной

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFPZ-2025–0001)»).

стратегии обеспечения общественной безопасности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления конституционных принципов не как декларативных лозунгов, а как прагматической основы для выстраивания эффективной системы общественной безопасности. В правоприменительной практике нередко возникает соблазн противопоставления «безопасности» и «прав человека», что является ложной дихотомией. Напротив, как будет показано в данной статье, именно последовательная реализация конституционных гарантий является наиболее надежным барьером на пути распространения экстремистских идеологий, социального отчуждения и делегитимации власти – ключевых факторов, подрывающих общественную безопасность изнутри. Цель работы – раскрыть эвристический потенциал философско-правовых идей, лежащих в основе конституционного строя России, для решения практических задач по обеспечению стабильного и безопасного развития общества.

Концепция правового государства как философский императив общественной безопасности

Идея правового государства (нем. *Rechtsstaat*), прошедшая длительный путь эволюции в трудах Дж. Локка, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и других мыслителей, нашла свое прямое закрепление в статье 1 Конституции Российской Федерации. Философский смысл данной концепции заключается в подчинении государственной власти праву, которое, в свою очередь, рассматривается не просто как воля суверена, а как формализованное выражение справедливости и разума. Правовое государство – это антитеза государству полицейскому (*Polizeistaat*), где усмотрение администрации превалирует над законом, а цели государственной целесообразности могут оправдать любые средства.

При этом важно разграничивать формальное и содержательное (субстантивное) понимание верховенства права. Как подчеркивает один из ведущих современных теоретиков права Джереми Уолдрон, формальный подход требует лишь, чтобы законы были ясными, общеизвестными, стабильными и применялись ко всем одинаково, не вдаваясь в их моральное содержание. Субстантивный же подход настаивает, что законы, помимо формальных качеств, должны защищать фундаментальные права человека [Waldron, J. P. 35]. Российская конституционная доктрина, закрепляя в статье 2 права и свободы человека как высшую ценность, очевидно, тяготеет к субстантивной модели. Однако на практике возникает постоянное напряжение между этими двумя подходами. Сведение верховенства права к формальной законности (соблюдению буквы закона, даже если он несправедлив) создает риски выхолащивания его гуманистической сущности, о чем предупреждал еще В.С. Нерсесянц, противопоставляя право и закон [Нерсесянц В.С. С. 60–65]. Именно содержательное наполнение принципа верховенства права является гарантией от превращения закона в инструмент репрессий и обеспечивает его легитимность в глазах общества.

В контексте общественной безопасности этот принцип имеет первостепенное значение. Во-первых, он устанавливает четкие, предсказуемые и равные для всех «правила игры». Когда граждане уверены, что действия представителей власти ограничены правовыми рамками, а в случае их нарушения существует независимый механизм защиты (суд), это кардинально снижает уровень социального напряжения и недоверия. Произвол и коррупция, неизбежные спутники отхода от принципов правового государства, являются мощнейшими катализаторами социального протеста, который в критических условиях может перерасти в насильственные формы. Как справедливо отмечает В.Д. Зорькин, «право – это наиболее эффективная технология снятия социальных антагонизмов, превращения их в состязательность по правилам» [Зорькин В.Д. С. 45].

Во-вторых, режим правового государства обеспечивает легитимность применения государственного принуждения. Государственное принуждение обретает легитимность только при строгом соблюдении закона. Необходимы процедурные гарантии и судебный контроль. Без этих условий силовые действия воспринимаются как произвол и насилие. Такая практика порождает ответную агрессию и маргинализирует социальные группы. Следовательно, верховенство права не ослабляет силовые структуры. Оно является фундаментом их легитимности и долгосрочной эффективности.

Конституционные гарантии прав и свобод человека как фундамент социального мира и стабильности

Конституционные гарантии прав и свобод человека как фундамент социального мира и стабильности

Центральным элементом философско-правовой доктрины российского конституционализма является положение статьи 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Этот постулат – не просто дань гуманистической традиции, а ключевой фактор обеспечения общественной безопасности. Исторический опыт убедительно доказывает, что общества, где систематически попираются базовые права человека, внутренне нестабильны и предрасположены к социальным взрывам.

Обеспечение фундаментальных прав создает прочную основу для социального мира по нескольким направлениям.

1. Политические права и свободы (свобода слова, собраний, объединений) выполняют функцию «предохранительного клапана», позволяя артикулировать и мирно разрешать социальные противоречия. Когда у граждан есть легальная возможность выражать свое мнение,

критиковать власть и объединяться для защиты своих интересов, это канализирует протестную энергию в конструктивное русло политического процесса. Запрет и подавление легальной оппозиционной деятельности неизбежно ведет к ее радикализации и уходу в подполье, что представляет прямую угрозу безопасности.

2. Социально-экономические права (право на труд, на достойный уровень жизни, на социальное обеспечение) напрямую влияют на уровень социальной стабильности. Массовая бедность, безработица и чувство социальной несправедливости являются питательной почвой для криминалитета и экстремизма. Эффективная реализация государством своих социальных обязательств, закрепленных в Конституции, является стратегической инвестицией в общественную безопасность, снижая маргинализацию населения.
3. Защита права частной собственности (ст. 35 Конституции РФ) формирует основу экономической стабильности и создает класс собственников, заинтересованных в поддержании правопорядка и устойчивом развитии страны. Незаконное перераспределение собственности, рейдерство и отсутствие у граждан уверенности в неприкосновенности их активов разрушают экономические стимулы и общественное доверие.

Безусловно, Конституция (в частности, ч. 3 ст. 55) предусматривает возможность ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, обороны страны и безопасности государства. Однако диалектика этого положения заключается в том, что такие ограничения должны быть соразмерными, вводиться только на основании федерального закона и не должны умалять саму сущность права. Баланс между свободой и безопасностью – одна из сложнейших проблем конституционного права. Нарушение этого баланса в сторону необоснованного ограничения прав под предлогом защиты безопасности в конечном счете приводит к обратному эффекту – росту отчуждения и подрыву той самой безопасности, которую государство стремилось защитить.

Проблема соразмерности ограничений прав человека в законодательстве о противодействии экстремизму

Ярким примером практического применения диалектики части 3 статьи 55 Конституции РФ служит сфера противодействия экстремистской деятельности. Безусловно, защита общества от идеологий насилия и вражды является легитимной целью, напрямую связанной с обеспечением общественной безопасности. Однако широкие и оценочные формулировки в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» создают существенные риски для

реализации таких конституционных прав, как свобода слова (ст. 29), свобода совести (ст. 28) и свобода объединений (ст. 30). Проблема заключается в поиске соразмерного баланса между необходимостью защиты конституционного строя и недопустимостью избыточного подавления инакомыслия.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к этой проблеме, формулируя важные правовые позиции. В своих решениях он последовательно указывал на то, что любые ограничения прав и свобод должны отвечать принципам необходимости, соразмерности и справедливости. Они не должны затрагивать само существо (ядро) конституционного права, а их применение должно быть адекватно социально необходимому результату. Суд подчеркивал, что при толковании антиэкстремистского законодательства необходимо отделять опасные формы экстремизма от дискуссионных мнений и критики.

Так, в Определении от 2 июля 2013 года № 1053-О Конституционный Суд прямо указал, что ограничение свободы слова и распространения информации «не должно иметь места в отношении какой-либо деятельности или информации на том лишь основании, что они не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или) религиозными предпочтениями». Суд постановил, что признание материалов экстремистскими возможно лишь тогда, когда установлено, что они направлены на возбуждение ненависти и вражды, а не просто содержат острую критику государственных органов или религиозных объединений. Иное, по мнению Суда, означало бы отступление от конституционного требования соразмерности и справедливости ограничений прав и свобод.

Несмотря на эти разъяснения, правоприменительная практика зачастую идет по пути расширительного толкования, что приводит к блокировке интернет-ресурсов, ликвидации организаций и привлечению к административной, уголовной ответственности граждан за действия, не несущие очевидной, прямой общественной опасности. С точки зрения философско-правового анализа, данная практика подрывает доверие к праву как к справедливому регулятору. Когда гражданин не может с уверенностью предсказать, будет ли его высказывание сочтено законной критикой или «возбуждением вражды», создается так называемый «охлаждающий эффект» (chilling effect) для всей общественной дискуссии, заставляя людей прибегать к самоцензуре.

Как показывают исследования в области сравнительного конституционного права, подавление легальных каналов для выражения недовольства ведет не к его исчезновению, а к его вытеснению в неправовое поле и радикализации. Таким образом, чрезмерно рестриктивная правоприменительная практика, направленная на тактическое обеспечение безопасности, в стратегической перспек-

тиве может порождать новые, более серьезные угрозы, разрушая социальный мир и подрывая легитимность государственных институтов.

Угрозы конституционному строю в современном мире: сравнительно-правовая перспектива

Анализ философско-правовых оснований безопасности был бы неполным без учета мирового контекста. Проблемы, с которыми сталкивается Россия, во многом универсальны. Как показывают в своем фундаментальном исследовании Т. Гинзбург и А.З. Хук, современные угрозы для конституционных демократий редко принимают форму классических переворотов. Чаще всего происходит «конституционная эрозия» – постепенное ослабление демократических институтов руками легально избранных лидеров [Ginsburg T., Huq A.Z. P. 15–18]. Авторы выделяют ключевые маркеры этого процесса: подчинение судебной власти, захват правоохранительных органов, ограничение свободы СМИ и подавление оппозиции.

Особенно показательным является пример Польши, детально проанализированный В. Садурски. Его работа «Poland's Constitutional Breakdown» демонстрирует, как формально законные процедуры (реформа Конституционного трибунала, изменения в порядке назначения судей) были использованы для подрыва принципа разделения властей и верховенства права [Sadurski W.P. 110–115]. Рассматриваемый опыт доказывает, что недостаточно лишь формального соблюдения конституционных норм; важен их реальный дух. Когда демократические институты, сохраняя свою внешнюю оболочку, выхолащиваются по содержанию, правовое государство неизбежно деградирует. Данный процесс закономерно приводит к росту внутренней социальной напряженности.

Из данного сравнительного анализа следует прямой вывод для России. Подлинная общественная безопасность достигается не ослаблением системы «сдержек и противовесов», а ее укреплением. Именно сильные, независимые институты – парламент, суд, гражданское общество – служат главным гарантом устойчивости государства. Они предотвращают узурпацию власти и обеспечивают мирное разрешение конфликтов, не давая им разрастись до угрозы национального масштаба.

Принцип разделения властей как механизм предотвращения узурпации власти и поддержания правопорядка

Философско-правовая доктрина разделения властей, разработанная Ш.Л. Монтескье и нашедшая отражение в статье 10 Конституции РФ, является не только принципом демократической организации государства, но и важнейшим элементом системы обеспечения безопасности. Ее основной смысл заключается в создании системы «сдержек и противовесов» (*checks and balances*), которая препятствует

концентрации всей полноты государственной власти в одних руках и, как следствие, предотвращает ее узурпацию и перерождение в тиранию.

Роль принципа разделения властей в обеспечении общественной безопасности многогранна и проявляется на всех уровнях государственного управления.

- Законодательная власть, как представительный орган, определяет правовые рамки деятельности силовых структур. Именно эти рамки служат источником легитимности их полномочий.
- Исполнительная власть, которой подчинены силовые структуры, действует строго на основании и во исполнение закона. Ее подотчетность парламенту и обществу является ключевым механизмом предотвращения злоупотреблений.
- Независимый суд выполняет функцию арбитра, защищая права граждан как от частных лиц, так и от самого государства. В его компетенцию входит последующий контроль за законностью действий правоохранительных органов, включая санкционирование оперативных мероприятий и проверку оснований для задержания.

Ослабление любой из ветвей власти, нарушение баланса между ними неминуемо ведет к возникновению угроз безопасности. Гипертрофия полномочий исполнительной власти может привести к формированию замкнутой, неподконтрольной обществу силовой корпорации. Деградация законодательной власти превращает ее в инструмент формальной легитимации любых решений исполнительной власти, лишая закон необходимого авторитета. Но наиболее опасным является подрыв независимости судебной власти. Без сильного и независимого суда право превращается в фикцию, а граждане лишаются главного инструмента защиты от произвола. Это порождает правовой нигилизм и стремление решать конфликты вне правового поля, что является прямой дорогой к хаосу и разрушению общественного порядка.

Следовательно, укрепление реальной, а не формальной независимости каждой из ветвей власти и отладка их взаимодействия – это не вопрос отвлеченной политической теории, а насущная практическая задача по укреплению фундамента общественной безопасности Российской Федерации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что философско-правовые основания конституционного права являются не надстройкой, а несущей конструкцией всей системы общественной безопасности. Принципы правового государства, верховенства права, приоритета прав человека и разделения властей формируют тот социальный и правовой каркас, который обеспечивает внутреннюю устойчивость государства к современным вызовам и угрозам.

Игнорирование этого фундаментального базиса и ставка исключительно на силовые, админи-

стративные методы обеспечения порядка в долгосрочной перспективе контрпродуктивны. То есть они могут дать тактический, кратковременный эффект, но стратегически ведут к накоплению социальных противоречий, эрозии легитимности власти, деградации правовой культуры. В конечном счете общество, лишённое надежных конституционных гарантий, становится хрупким, уязвимым перед любым серьёзным кризисом.

Таким образом, подлинное укрепление общественной безопасности в Российской Федерации требует последовательной и полной реализации их во всех сферах государственной и общественной жизни. То есть это предполагает совершенствование законодательства, повышение качества правоприменительной практики, укрепление независимости судебной системы и формирование в обществе глубокого уважения к праву и конституционным ценностям. Именно на этом пути лежит обеспечение безопасности и достойного, свободного и справедливого будущего для всех граждан России.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – Т. 1. – 864 с.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционной реформы 2020 года. 2-е изд., доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 544 с.
3. Зорькин В.Д. Право против хаоса. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 368 с.
4. Лебедев В.М. Конституционный правопорядок как основа национальной безопасности // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 15–25.
5. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 848 с.
6. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. – 2-е изд. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
7. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. – М.: Наука, 2018. – 240 с.
8. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.
9. Dyzenhaus, D. (2012). The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge University Press.
10. Ginsburg, T., & Huq, A. Z. (2018). How to Save a Constitutional Democracy. University of Chicago Press.
11. Sadurski, W. (2019). Poland's Constitutional Breakdown. Oxford University Press.
12. Waldron, J. (2011). The Rule of Law and the Measure of Property. In The Rule of Law and

the Measure of Property (pp. 25–50). Cambridge University Press.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF CONSTITUTIONAL LAW AS THE BASIS FOR ENSURING PUBLIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

Gusaim I.V.

Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The current geopolitical context is characterized by the rise of asymmetric threats to national security, which reveals the limitations of traditional force-based approaches to ensuring internal order. In these conditions, the significance of the philosophical and legal foundations of constitutional law as a basis for long-term social stability increases. The purpose of the research. This study examines key constitutional principles—the legal state (*Rechtsstaat*), rule of law, human rights guarantees – in their practical capacity as tools for preventing social conflict, rather than as mere abstract doctrines. It explores their role in reinforcing the legitimacy of state power, investigates inherent tension between restricting rights for security purposes, imperative to protect the core of the constitutional system. The relevance of this study stems from the need to overcome the false “security versus human rights” dichotomy often found in law enforcement practices. Insufficient theoretical engagement with this relationship risks eroding state legitimacy and, in the long term, undermines the foundations of national stability.

Keywords: public security, constitutional law, philosophy of law, legal state (*Rechtsstaat*), rule of law, human rights, national security, constitutionalism, separation of powers, legitimacy of state power.

References

1. Avakyan, S.A. (2021). Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs [Constitutional Law of Russia. A course book]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.).
2. Bondar, N.S. (2022). Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnoy reformy 2020 goda [Judicial constitutionalism in Russia in light of the 2020 constitutional reform]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.).
3. Zorkin, V.D. (2019). Pravo protiv khaosa [Law against Chaos]. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.).
4. Lebedev, V.M. (2023). Konstitutsionnyy pravoporyadok kak osnova natsional'noy bezopasnosti [Constitutional Legal Order as the Basis of National Security]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], (4), 15–25. (In Russ.).
5. Nersesyan, V.S. (2020). Filosofiya prava: Uchebnik [Philosophy of Law: A Textbook]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.).
6. Sinyukov, V.N. (2014). Rossiyskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [The Russian Legal System. Introduction to the General Theory]. 2nd ed. Moscow: Norma. (In Russ.).
7. Khabrieva, T.Ya. (2018). Konstitutsionnaya reforma v sovremennoy mire [Constitutional reform in the modern world]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
8. Ebzееv, B.S. (2013). Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnoy stroe Rossiyskoy Federatsii [The Person, the People, the State in the Constitutional System of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
9. Dyzenhaus, D. (2012). The Constitution of Law: Legality in a Time of Emergency. Cambridge University Press.
10. Ginsburg, T., & Huq, A. Z. (2018). How to Save a Constitutional Democracy. University of Chicago Press.
11. Sadurski, W. (2019). Poland's Constitutional Breakdown. Oxford University Press.
12. Waldron, J. (2011). The Rule of Law and the Measure of Property. In The Rule of Law and the Measure of Property (pp. 25–50). Cambridge University Press.

¹ The article was prepared as part of the implementation of the state assignment “Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFZ-2025–0001)”.

Общие закономерности функционирования государств, находящихся в состоянии войны

Емцов Григорий Николаевич,
кандидат юридических наук, независимый исследователь
E-mail: 08061977@mail.ru

Панченко Владислав Юрьевич,
доктор юридических наук; профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности; главный научный сотрудник Сибирского федерального университета; главный научный сотрудник НИИ ФСИН России
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Выявлены основные общие закономерности функционирования государств в условиях военного времени, в частности, трансформация государственных функций и методов их реализации, направленные на достижение приоритетных целей государства, централизация управления, преобладание централизованных подходов в государственной политике; адаптация системы разделения властей, возрастание роли военно-стратегических структур, перераспределение полномочий между ветвями власти, аппарат государства может дополняться экстраординарными (чрезвычайными) институтами управления.

Ключевые слова: государство, война, государственно-правовые закономерности, теория государства и права.

80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне
Светлой Памяти участников Великой Отечественной войны:
Емцова Александра Степановича (1925–2000, принимавшему участие во взятии Кёнигсберга и Берлина);
Лонина Павла Константиновича (1896–1944, умершему от ран при освобождении Польши от немецко-фашистских захватчиков);
Панченко Якова Никитича (1911–1981)
тружениц тыла:
Емцовой Варвары Григорьевны (1924–2004);
Лониной Ирины Афанасьевны (1893–1974);
Лониной Марии Павловны (1926–2001);
Панченко Анны Сергеевны (1920–1985)
посвящается...

Введение

2025 год – год 80-летия Победы Советского Народа в Великой Отечественной войне (1941–1945), а также окончания Второй Мировой войны (1939–1945). Ялтинско-Потсдамская система, сложившаяся благодаря усилиям стран-победительниц, вселяла надежду, что мир получил незыблемые предохранительные механизмы, оберегающие его от ужасов жестоких войн, выпавших на долю человечества в XX веке.

Однако послевоенная эпоха была не раз отмечена военными конфликтами в отдельных регионах земного шара. Также вызывала тревогу угроза развязывания новой мировой войны. Наступивший XXI век сохранил указанные тенденции. Подтверждением этому служат войны и вооруженные конфликты в Африке, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе, на территории стран бывшего Советского Союза. Высокий уровень напряженности сохраняется сегодня и в азиатском регионе (Мьянма, Китай и Тайвань, Южная и Северная Корея).

2024 год, согласно оценкам экспертов, стал рекордным по количеству активных вооруженных противостояний со времён Второй Мировой войны. Было отмечено, по меньшей мере, 56 военных конфликтов, в которых прямое или опосредованное участие приняли 92 государства¹. Явным признаком накала нынешних международных отношений является также заметное усиление роли военно-политических блоков в современном мире.

Названные факты придают особую актуальность вопросам изучения политико-правовых закономерностей, свойственных государствам, находящимся в состоянии войны.

Общий смысл слова «война» представляется интуитивно ясным. Хотя в юридической науке

¹ В мире насчитали самое большое число конфликтов со времен Второй мировой // РИА Новости. 2024. URL: <https://ria.ru/20240611/konflikty-1952184582.html> (дата обращения 10.01.2025).

(прежде всего, в науке международного права) не сложилось общепринятого подхода к этому понятию. Так, в нормах международного права довольно размытыми остаются границы между терминами «война», «военный конфликт» и «вооруженный конфликт»¹. В контексте настоящей статьи за основу принято следующее определение: «Война есть вооруженное противоборство государств, народов, классов, различных социальных, национальных, религиозных и прочих групп. Это крайнее средство разрешения противоречий между ними»². Такое определение не включает формально-юридических признаков войны, а отражает войну как факт социальной реальности.

В государственно-правовом смысле война представляет собой, в первую очередь, политическое противостояние. Даже если в ходе войны преследуются иные цели — экономические, религиозные, национальные и т.п. По выражению Карла фон Клаузевица, война есть «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»³. При этом политическая цель, по его убеждению, является не только «первоначальным мотивом войны». Она также служит «мерилом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий»⁴.

Предметом настоящего историко-теоретического исследования выбраны ряд базовых характеристик суверенной государственной организации. Речь идёт о функциях государства, форме и содержании государства и структуре государственного аппарата. Очевидно, что эти аспекты не охватывают всей палитры государственно-правовой реальности. Но они очень хорошо передают общий пульс деятельности государства. И дают возможность оценить общие изменения в государственной «экосистеме», когда меняются исторические «времена года».

Функциональные изменения государств

Обстоятельства военного времени объективно приводят к заметной перегруппировке функций государства. Как уже было отмечено выше, *политическая функция*, которой и без того является в государстве как бы «первой среди равных», в условиях войны занимает первостепенное значение и приобретает системообразующий характер. Здесь выделим несколько моментов.

История знает множество примеров когда в условиях войны государства сдаются «на милость победителя». Так, во время Второй Мировой войны

без особого сопротивления германской агрессии сдались Люксембург, Бельгия, Голландия, Югославия, Дания и Норвегия. Польша продержалась четыре недели, Франция чуть больше месяца. Фактически Европа была завоёвана Гитлером за 100 дней. Почему развитые европейские страны, имеющие собственные армии и теоретически способные дать отпор агрессору, капитулировали? Какими бы ни были причины и мотивы высшего руководства этих стран, итог для всех был один — все побежденные государства «де-факто» (а кто-то и «де-юре») утратили свой суверенитет, став либо частью Третьего Рейха, либо страной под оккупацией германских войск, либо полностью зависимым от Германии сателлитом. Отсюда с точки зрения государственно-правовой теории во всех трех сценариях наряду с военной капитуляцией европейских стран фактически произошло прекращение функционирования этих государств как суверенных политических организаций.

Если же государство вступает в военное противоборство с другим государством и ставит перед собой цель одержать победу в войне, то политическая функция проявляется в полной силе, мобилизуя все ресурсы для достижения поставленной цели.

Ядром политической функции в условиях войны выступают военные задачи. Представление о том, что в период войны у государства появляется самостоятельная военная функция, которая выделяется из политической⁵, вряд ли верно. Как известно, война есть ничто иное, как «орудие политики», её продолжение «другими средствами»⁶. Потому решение государством военных задач следует расценивать как реализацию его политической функции.

На неоспоримое верховенство военных задач в политической деятельности государства, находящегося в состоянии войны, указывает следующая практика:

- приоритетными делами в повестке высшего государственного управления становятся военные вопросы;
- глава государства (если это предусмотрено законами страны) позиционируется верховным главнокомандующим, осуществляет высшее руководство вооруженными силами;
- проводится усиленная мобилизация военнообязанных и добровольцев;
- в прифронтовых районах вводится военное (или осадное) положение, сопровождающееся подчинением гражданской администрации военным властям.

Также в условиях войны меняются акценты во внешнеполитическом курсе государства. В частности, усиленное внимание уделяется задаче расширения круга военных, политических и экономических союзников и партнёров, нейтрализации угроз со стороны потенциальных врагов, а также

¹ Толстых В.В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Научный журнал «Academy» URL: <https://academicjournal.ru/images/PDF/2017/Academy-3-18.pdf/normativno-pravovoe.pdf> (дата обращения 10.01.2025).

² Зотов, В.Д. Война, политика и право. (Навстречу Третьей конференции мира) // Московский журнал международного права. 1999. — № 2. С. 6.

³ Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука. 1994. С. 35.

⁴ Там же. С. 44–45.

⁵ См.: Спиридонов, Л.И. Теория государства и права. — М.: Проспект, 1996. С. 47–48.

⁶ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 55–56.

выигрышному позиционированию себя на мировой арене, обоснование законности и справедливости своих целей и действий.

Равным образом главной политической цели в условиях войны (победы над врагом) подчиняется *экономическая функция* государства. Здесь перед национальной экономикой во главу угла ставится задача бесперебойного обеспечения армии и фронта вооружением, боеприпасами, амуницией, продовольствием – всем необходимым. Наглядным воплощением такого подхода служит легендарный лозунг «Все для фронта, все для победы!», ставший символом героического подвига тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Он был провозглашен в первые дни войны, выйдя на первой полосе газеты «Правда» за 1 июля 1941 года (№ 180)¹. Там же, в этом номере, в передовой статье звучал призыв: «Необходимо быстро и решительно перестроить всю работу, подчинив её нуждам и интересам фронта»².

При этом экономическая мобилизация в условиях войны зачастую охватывает не только предприятия государственного сектора, но и частных лиц. Сюда относятся привлечение граждан к строительству оборонительных сооружений, постоянная повинность, реквизиция имущества для военных нужд, введение специальных налогов и сборов, увеличение продолжительности трудового дня и т.д.

Идеологическая функция государства в условиях войны заключается в оправдании собственных политических мер и военных действий. Причем в ситуации военных испытаний эта задача становится ещё более актуальной по сравнению с мирным временем. Поскольку война сама по себе является своего рода экзаменом прочности государства и легитимности действующего суверена. Как показывает история, одни правители в результате войн значительно укрепляли свою власть и авторитет (Петр I после Северной войны, Наполеон после Маренго и Аустерлица), другие же напротив – утрачивали народную поддержку (Николай II после Русско-Японской войны, Наполеон III после Седана).

Адресатами идеологического воздействия государства, как правило, выступают следующие группы субъектов и в следующих целях:

- собственное население – максимальное сплочение и мобилизация (военная и трудовая);
- население завоёванных территорий – привлечение на свою сторону;
- военнослужащие противоборствующей стороны и жители осажденных городов – убеждение в бессмысленности сопротивления;

¹ Все для фронта, все для победы! // Правда. 1941. 01 июля. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/05/Правда-№-180-от-1.07.1941.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

² Всё подчинить интересам обороны! // Правда. 1941. 01 июля. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://mpgu.su/wp-content/uploads/2020/05/Правда-№-180-от-1.07.1941.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

– третьи страны – укрепление международного имиджа, оправдание своей позиции в войне – здесь вопросы идеологии тесно переплетаются с задачами внешней политики государства.

Поскольку в современном мире «информационный фронт» приобретает не меньшее значение, чем фронт боевых действий, государство в рассматриваемых условиях стремится привлечь для достижения этих целей все имеющиеся ресурсы – средства массовой информации, деятелей культуры, усиливая пропаганду и цензуру.

Социальная функция государства в ситуации войны занимает второстепенную роль по сравнению с экономической, политической и идеологической функциями. Это объясняется тем, что меры социальной поддержки населения ситуационно ограничены военными приоритетами использования материальных средств, находящихся в распоряжении государства. Вместе с тем война всегда сопровождается резким увеличением числа людей, оказавшихся в крайне тяжелом положении (беженцы, сироты, инвалиды, неполные семьи и т.д.). Поэтому задачи социального обеспечения населения в период войны также требуют оперативного вмешательства государства в их решение.

Особенности формы и содержания государства

Условия войны оказывают определенное влияние на каждый из трех компонентов формы государства: форму правления, форму территориального устройства и форму политического режима.

Государство, которое военным способом пытается установить свой суверенитет на всей территории другого государства, стремится распространить последнее свою форму государства. Правда, в отдельных обстоятельствах на завоёванных территориях возможно сохранение атрибутов ранее существовавших форм правления, государственного устройства и политического режима, но качество суверенитета как способности действовать независимо во внешней и внутренней политике, по вполне очевидным причинам такими политическими образованиями утрачивается.

Форма правления

Форма правления, характеризующая, как известно, распределение полномочий между высшими государственными органами и участие населения в их формировании, в условиях войны обычно изменений не претерпевает.

Как показывает практика, в ситуации войны государства, как правило, сохраняют сложившуюся модель распределения полномочий между высшими государственными органами и способы их формирования. Радикальная смена формы правления (республики на монархию или монархии на республику) в разгар военного противостояния противоречит логике мобилизации народа и государства на борьбу с внешним врагом. Отдельные примеры, иллюстрирующие такой переход (например, отречение Николая II и провозглашение республики в России в разгар Первой Мировой войны), обыч-

но не связаны напрямую с войной, а обусловлены иными причинами. В частности, революционной ситуацией в стране или внутренней борьбой политических элит за власть.

Форма территориального устройства

В условиях войны происходит закономерная централизация государственной власти – перераспределение властных полномочий от регионов к центру. Так, во время Гражданской войны ВЦИК РСФСР принял постановление «О превращении Советской республики в военный лагерь». В нём, в частности, говорилось: «Все силы и средства социалистической республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников. Все граждане, независимо от занятий и возраста, должны беспрекословно выполнять те обязанности по обороне страны, какие будут на них возложены советской властью»¹. Начиная с этого момента и до окончания войны, формально федеративная Советская республика на деле представляла собой особую форму централизованного государства. Таким образом, в качестве ещё одной закономерности функционирования государства в период войны можно квалифицировать превращение государства *de facto* в унитарное. Независимо от того, какой является форма его государственно-территориального устройства *de jure*.

Форма политического режима

В соответствии с принципом, согласно которому «следует бороться, вовлекая в бой все силы»², в условиях войны в государстве наблюдается тенденция к усилению авторитарных методов ведения государственной политики. Обстоятельства военного времени требуют сосредоточения всех имеющихся ресурсов на направлениях, директивно определяемых суверенной властью. Поэтому диктаторский метод политического управления оказывается чаще более эффективным при решении таких задач, тогда как демократический метод, позволяющий обладателям ресурсов распоряжаться ими по собственному усмотрению, заметно снижает такую эффективность в военный период.

В *содержании государства*, понимаемом как непрерывное динамичное взаимодействие политических элит (прежде всего борьба, конкуренция) – групп (группировок) наиболее влиятельных лиц за осуществление своих интересов (а также интерпретируемых в соответствии с ними интересов управляемого ими общества в целом) при помощи государственно-го аппарата и юридических норм³, в условиях войны наблюдается возвышение влияния военной элиты.

¹ Постановление ВЦИК о превращении Советской республики в военный лагерь // «Правда» № 188 (1918. 4 сентября). Электрон. версия печ. изд. URL: <https://docs.historyrus-sia.org/ru/nodes/12466-2-sentyabrya-postanovlenie-vtsik-o-prevrashchenii-sovetskoy-respubliki-v-voenny-lager> (дата обращения: 10.01.2025).

² Артахаштра или наука политики. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1959. С. 436.

³ См. подр.: Малько А.В., Панченко В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. – 2024. – № 1. – С. 42–46.

Однако становление военной элиты в качестве элиты политической (захват, приход к власти в условиях военных действий), либо отсутствие такового, как показывает история, в целом являются равновероятными, поскольку политическая элита в целях сохранения собственного влияния проводит политику сдерживания, нейтрализации влияния элиты военной, за исключением критических ситуаций, когда для спасения государства в политическую элиту могут быть включены любые лица, которые в силу личных качеств способны это сделать.

Специфика функционирования государственного аппарата

В государстве, ведущем войну, наблюдается перераспределение полномочий между отдельными ветвями верховной власти. Здесь имеется в виду как классическая теоретическая модель разделения властей с самостоятельностью каждой ветви и системой их взаимных сдержек и противовесов, так и фактическое разделение труда в государственном аппарате, присутствующее во всех государствах. Поскольку в ситуации войны происходит трансформация функций государства, это влечет за собой и изменение ветвей его власти.

Военный уклад сам по себе имеет тенденцию к единоначалию. Потому в условиях войны обычно повышается роль главы государства (как верховного главнокомандующего, как символа единства нации и т.д.).

Также расширяется диапазон исполнительной ветви государственной власти – как наиболее схожей по своему характеру с военной организацией, поскольку ей присущи такие черты как иерархия, субординация, разветвлённый аппарат, административный ресурс и т.д.

Параллельно с ростом влияния исполнительной власти в условиях войны нередко происходит юридическое и фактическое ограничение представительных и выборных органов власти. Это обусловлено следующими причинами.

Во-первых, в условиях военного времени крайне затруднительно, а порой и невозможно провести выборы с соблюдением всех необходимых правил, сроков и процедур. К тому же сама организация выборов требует дополнительных расходов.

Во-вторых, военное время зачастую требует сверхоперативности в правотворчестве. Палаты народных избранников в этом смысле более медлительны и неповоротливы. Поэтому деятельность представительных органов в военный период часто временно сворачивается, а их функции делегируются органам исполнительной власти. Либо полномочия выборных органов продлеваются до того момента, пока не прекратятся военные действия (подобным образом был решен вопрос о деятельности Верховного Совета СССР во время Великой Отечественной войны – его полномочия два раза продлевали на год)⁴.

⁴ См.: Цечоев В.К., Власов В.И. История отечественного государства и права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. С. 514.

В судебной ветви власти основные изменения, вызванные обстоятельствами войны, касаются передачи ряда функций судов общей юрисдикции в ведение военно-полевых судов и трибуналов, в частности, в прифронтовых районах.

Кроме того, в условиях войны судебная власть испытывает непосредственное влияние и контроль исполнительной власти (прежде всего со стороны тех, которые именуют «силовыми структурами»). История знает и примеры учреждения специальных судов, созданных по итогам войны. Яркий тому пример – Международный военный трибунал в Нюрнберге, созданный в 1945 году для открытого суда над нацистскими лидерами, военными преступниками и теми, кто участвовал в планировании или осуществлении военных преступлений¹.

Можно ли утверждать, что на время войны в государственном аппарате образуется особая «военная ветвь власти»? Несмотря на то, что некоторые признаки классической ветви власти² присущи системе военных органов, всё же оснований для признания её самостоятельной ветвью государственной власти нет. Чаще всего военные структуры (в том числе во время войны) осуществляют свою деятельность в рамках исполнительной ветви власти. Например, в годы Гражданской войны в России вооружённые силы РККА были подчинены Реввоенсовету Республики, который являлся структурным подразделением Совета народных комиссаров РСФСР (т.е. правительства). Иногда военные структуры в государстве действуют под контролем высшего законодательного органа. Примером тому служит опыт войн революционной Франции в годы якобинской диктатуры. Национальный конвент Французской республики прикреплял к армиям своих полномочных комиссаров.

Отличительной чертой государств, находящихся в состоянии в ситуации войны, является создание в структуре государственного аппарата специальных органов экстраординарного (чрезвычайного) характера. Они учреждаются в тех сферах, где требуется предельная концентрация ресурсов и полномочий для реализации какой-то из функций государства. Условно их можно разделить на несколько групп (по функциональной направленности):

- чрезвычайные органы политического руководства (диктаторы в Древнем Риме, Государственный комитет обороны СССР в годы Второй Мировой войны и т.п.);
- чрезвычайные органы власти в секторе экономики (Главснабнефть, Главснабуголь, Главснаблес, Народный комиссариат танковой про-

мышленности СССР, Народный комиссариат минометного вооружения СССР и др.);

- чрезвычайные органы власти в области идеологии (Совинформбюро, Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и т.п.);
- чрезвычайные органы власти в социальной сфере (Совет по эвакуации, Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецкой оккупации и др.).

Приведенный перечень наиболее общих закономерностей функционирования государств в состоянии войны, разумеется, не является исчерпывающим и может быть дополнен иными теоретическими положениями. Содержание каждой из рассмотренных выше закономерностей может и должно, во-первых, конкретизироваться, и во-вторых, подвергаться критическому анализу на предмет установления исторических исключений, случайностей.

Литература

1. Артхашастра или наука политики. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1959. – 798 с.
2. Зотов, В.Д. Война, политика и право. (Навстречу Третьей конференции мира) // Московский журнал международного права. 1999. – № 2. – С. 5–25.
3. Клаузевиц К. О войне. – М.: Логос; Наука. 1994. 448 с.
4. Малько, А.В., Панченко, В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. – 2024. – № 1. – С. 42–46.
5. Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс в истории человечества // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – С. 15–54.
6. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права. – М.: Проспект, 1996. – 304 с.
7. Толстых В.В. Нормативно-правовое закрепление понятия «война» в российском и международном праве // Научный журнал «Academy» URL: <https://academicjournal.ru/images/PDF/2017/Academy-3–18.pdf/normativno-pravovoe.pdf> (дата обращения 10.01.2025).
8. Цечоев, В.К., Власов, В.И. История отечественного государства и права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 576 с.
9. Чиркин, В. Е. О понятии «ветвь государственной власти» // Право и политика. – 2003. – № 4. – С. 4–6.

GENERAL PATTERNS OF FUNCTIONING OF A STATE IN A STATE OF WAR

Emtsov G.N., Panchenko V.Yu

All-Russian State University of Justice, Russian State Academy of Intellectual Property, Siberian Federal University, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

¹ Савенков А.Н. Нюрнбергский процесс в истории человечества / Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов и выступлений Междунар. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – С. 22–23.

² О признаках ветви государственной власти см.: Чиркин, В.Е. О понятии «ветвь государственной власти» // Право и политика. – 2003. – № 4. – С. 4–6.

The study identifies the main general patterns of state functioning during wartime, including the transformation of state functions and methods of their implementation aimed at achieving the state's priority goals; centralization of management; the predominance of centralized approaches in state policy; adaptation of the separation of powers system; an increased role for military-strategic bodies; redistribution of powers among branches of government; and the potential supplementation of the state apparatus with extraordinary (emergency) management institutions.

Keywords: state, law, war, state and legal laws, theory of state and law.

References

1. Arthashastra or the Science of Politics. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1959. – 798 p.
2. Zotov, V.D. War, Politics and Law. (Towards the Third Peace Conference) // Moscow Journal of International Law. 1999. – No. 2. – Pp. 5–25.
3. Clausewitz, K. On War. – Moscow: Logos; Science. 1994. 448 p.
4. Malko, A.V., Panchenko, V. Yu. The Contents of the State: Controversial Issues // Legal Science. – 2024. – No. 1. – Pp. 42–46.
5. Savenkov, A.N. The Nuremberg Trials in the History of Mankind // Nuremberg: Court of Nations and World Legal Order: Coll. of Scientific Papers. Reports and Speeches of the Intern. Scientific and Practical Conf. of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences / edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.N. Savenkov. – Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2020. – Pp. 15–54.
6. Spiridonov, L.I. Theory of State and Law. – Moscow: Prospect, 1996. – 304 p.
7. Tolstykh, V.V. Normative and Legal Consolidation of the Concept of “War” in Russian and International Law // Scientific Journal “Academy” URL: <https://academicjournal.ru/images/PDF/2017/Academy-3–18.pdf/normativno-pravovoe.pdf> (accessed 10.01.2025).
8. Tsechoev, V.K., Vlasov, V.I. History of the Domestic State and Customs. Rostov-on-Don: Phoenix, 2003. – 576 p.
9. Chirkin, V.E. On the Concept of “Branch of State Power” // Law and Politics. – 2003. – No. 4. – P. 4–6.

Журавлева Анастасия Игоревна,

аспирант юридического института, Пензенский
государственный университет
E-mail: azz-58@mail.ru

Регулирование правоотношений играет основополагающую роль в обеспечении порядка, стабильности и справедливости в обществе, создавая правовые рамки, упорядочивающие взаимодействие между субъектами права, защищающими их права и интересы, а также предотвращающими конфликты и злоупотребления. Именно регулирование правоотношений обеспечивает баланс между свободой действий и необходимыми ограничениями, что способствует развитию экономических, социальных и культурных отношений на основе доверия и правовой определенности. Вместе с тем, традиционные подходы к пониманию сущности и видов регулирования правоотношений уже не в полной мере соответствуют современным условиям. Системный анализ научных трудов в сфере регулирования правоотношений выявил необходимость комплексного, многоуровневого и интегративного подхода, сочетающего нормативные и индивидуальные методы, учитывающие роль судебной практики и ценностных основ. Он заключается в следующих положениях. Во-первых, эффективное регулирование правоотношений достигается через синтез нормативных и индивидуальных методов, что позволяет адаптировать правовые нормы к конкретным жизненным ситуациям. Это свидетельствует об интеграции нормативного и индивидуального регулирования. Во-вторых, современные правоотношения требуют многоуровневого подхода, учитывающего международные, национальные и отраслевые нормы. В-третьих, судебная практика и саморегулирование имеют первостепенное значение в сфере регулирования правоотношений, так как являются элементами, дополняющими формальные нормы и обеспечивающими гибкость правового регулирования.

Ключевые слова: регулирование правоотношений, интегративный подход, нормативное регулирование, индивидуальное регулирование, правовая система.

Введение

Регулирование правоотношений является главным элементом правовой системы, обеспечивающим упорядочение социальных взаимодействий и защиту интересов субъектов права, которые возникают, изменяются и прекращаются на основе норм права. Регулирование правоотношений, как важный механизм правопорядка, представляет собой целенаправленное воздействие системы права на общественные отношения с целью их упорядочивания, стабилизации и защиты законных интересов участников. Понимание сущности такого регулирования, его основных методов и видов в зависимости от характера отношений и отраслевой принадлежности права является фундаментом для осмысления в правовой науке и обеспечивает эффективное функционирование правового государства.

Правовое регулирование, как целенаправленный процесс воздействия права на общественные отношения, осуществляется через систему специфических методов (дозволения, предписания, запреты) и средств (нормы, правоотношения, акты применения). В юридической науке регулирование рассматривается как процесс воздействия на общественные отношения с помощью правовых норм и других регуляторов, направленный на достижение стабильности и справедливости. Правоотношения являются основополагающим элементом этого процесса, выступая как динамическая форма реализации норм права в конкретных социальных связях между субъектами, наделенными взаимными правами и юридическими обязанностями [1, с. 45].

Согласно основополагающей в отечественной правовой литературе точке зрения, регулирование правоотношений представляет собой непосредственный результат действия механизма правового регулирования, который, в свою очередь, является системой юридических средств, организованных последовательным образом для результативного воздействия на общественные отношения [8, с. 12]. Целью такого регулирования является достижение определенного, социально полезного состояния упорядоченности отношений, их соответствия предписаниям права, обеспечение реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей [10, с. 78].

Исходя из сказанного, регулирование правоотношений в правовой доктрине понимается как сложный, динамический процесс, осуществляемый через механизм правового регулирования. Этот процесс направлен на придание общественным отношениям свойства правовой упорядоченности

посредством наделения участников конкретными субъективными правами и юридическими обязанностями. Многообразие видов регулирования правоотношений отражает сложность и многогранность общественных отношений, требующих дифференцированных подходов к их правовому оформлению и обеспечению, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методы и методология исследования

Для всестороннего исследования регулирования правоотношений использовалось сочетание формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового и социологического методов в рамках комплексной системной методологии с применением уровневого и аксиологического подходов. Такой методологический инструментарий обеспечил глубокий теоретический анализ и практическую значимость результатов исследования.

Результаты и обсуждение

Анализ общих подходов к понятию регулирования правоотношений не нивелирует роль частных подходов. Так, В.В. Ершов рассматривает регулирование правоотношений как комплексное явление, включающее нормативно-правовое и индивидуальное воздействие на правоотношения, подчеркивая интегративный характер регулирования и необходимость системного подхода к его изучению [4, 5]. Среди видов регулирования правоотношений В.В. Ершов выделяет два основных вида регулирования: нормативное и индивидуальное. Нормативное регулирование, по мнению вышеназванного автора, осуществляется через систему юридических норм, которые устанавливают общие правила поведения для неопределённого круга лиц и типичных жизненных ситуаций. В свою очередь, индивидуальное регулирование правоотношений реализуется посредством конкретных юридических актов, направленных на регулирование отношений в четко определённых случаях (например, договоры, решения судов и органов власти). В.В. Ершов подчеркивает, что современное развитие права идёт по пути интеграции нормативного и индивидуального регулирования, что позволяет более гибко и эффективно управлять общественными отношениями. Он также отмечает историческую динамику развития права, переход от догосударственного к интегративному этапу, что отражается и в способах регулирования.

С позицией В.В. Ершова стоит согласиться, поскольку выделение нормативного и индивидуального регулирования, как взаимодополняющих форм, отражает современную юридическую практику и обеспечивает гибкость правового воздействия на правоотношения. Особенно важной в современных условиях развития общества представляется его идея о том, что индивидуальное регулирование не является «правом» в классическом смысле, но играет ключевую роль в реализации и конкретизации правовых норм.

Однако отдельные аспекты позиции В.В. Ершова видятся весьма сомнительными. Так, В.В. Ершов, акцентируя внимание на индивидуальном регулировании правоотношений, даёт дифференциацию тому, что является правом в его классическом понимании, а что относится к «неправу». Это нивелирует ту важнейшую роль, которая отводится развитию судебного правотворчества, а также роль актов высших судов в вопросах индивидуального регулирования правоотношений. Тем не менее, общая концепция В.В. Ершова о необходимости сочетания нормативного и индивидуального регулирования представляется наиболее адекватной и практически применимой.

В работе П.А. Гука анализируется роль судебной практики в формировании правового регулирования правоотношений, указывается на динамичность и адаптивность регулирования в условиях меняющейся социальной среды. Особое внимание уделяется механизмам индивидуализации правовых норм через судебные решения [2, 3]. Таким образом, раскрывается роль правоприменительной практики в качестве механизма регулирования правоотношений. П.А. Гук, так же как В.В. Ершов, выделяет нормативное и индивидуальное регулирование правоотношений, однако делает больший акцент на роли правовых регуляторов как текстуального (информационно-ценностного) воздействия, вызывающего ответное поведение субъектов. В его понимании нормативные регуляторы представляют собой нормы права, содержащиеся в различных источниках, включая международное право. Тогда как индивидуальные регуляторы – это договоры, судебные решения и иные индивидуальные акты, конкретизирующие нормы права.

Отличительной чертой подхода П.А. Гука является более широкий взгляд на правовое регулирование, как на коммуникационный процесс, где важна именно реакция субъектов правоотношений на правовые тексты, отраженные в актах индивидуального судебного регулирования. Важно отметить и тот факт, что П.А. Гук подчёркивает значимость судебной практики в качестве динамичного механизма индивидуального регулирования и развития права.

Позиции В.В. Ершова и П.А. Гука в целом взаимодополняют друг друга и отражают современное понимание видов регулирования правоотношений. В основу позиции В.В. Ершова заложена идея о том, что нормативное и индивидуальное регулирование правоотношений – это базовые и взаимосвязанные формы правового воздействия, в то время как подход П.А. Гука расширяет понимание регулирования в качестве коммуникационного процесса с учётом международного права и судебной практики, обеспечивая его актуальность.

Таким образом, интеграция структурного подхода В.В. Ершова и коммуникативного подхода П.А. Гука позволяет получить более полное и гибкое понимание видов регулирования правоотношений, что важно для современной теории и практики.

П.П. Серков в своих работах рассматривает регулирование правоотношений как сложный и многоаспектный процесс, в котором важную роль играют методы правового регулирования. Он подчеркивает, что регулирование правоотношений представляет собой не просто применение норм права, а есть динамическое взаимодействие норм и субъектов, направленное на достижение баланса прав и обязанностей [9]. При этом, П.П. Серков выделяет два основных метода правового регулирования правоотношений: императивный и диспозитивный. Императивный метод характеризуется властным подчинением и обязательным исполнением предписаний, он преобладает в публичном праве. Диспозитивный метод, напротив, основан на равноправии и автономии субъектов, предоставляя им свободу выбора в пределах закона, и широко применяется в частном праве. По мнению П.П. Серкова, эффективное регулирование достигается через сочетание этих методов с учётом специфики отрасли права и характера регулируемых отношений, а важность индивидуального регулирования (например, договорных отношений) необходима для конкретизации и адаптации общих норм к конкретным ситуациям.

С вышеприведенной позицией нельзя не согласиться, поскольку она учитывает, как властные, так и автономные механизмы регулирования правоотношений, подчеркивая необходимость их сочетания для эффективного управления правоотношениями с учетом разнообразия социальных отношений, требующих дифференцированного подхода.

Особенно важным видится акцент П.П. Серкова на роли индивидуального регулирования, позволяющего адаптировать правовые нормы к конкретным условиям функционирования общества, что способствует повышению эффективности правового воздействия. При этом его разграничение императивного и диспозитивного методов регулирования соответствует общепринятой научной доктрине и подтверждается современной юридической практикой.

П.П. Серков выделяет несколько видов регулирования правоотношений: общерегулятивные правоотношения (формируют базис для всех остальных видов регулирования), процессуальные, административные, конституционные правоотношения (отражают специфику различных отраслей права и способов регулирования), а также правоотношения, связанные с юридической ответственностью, как особый вид регулирования, направленный на обеспечение исполнения норм [9].

По мнению П.П. Серкова, регулирование правоотношений нельзя сводить к простому применению норм права, поскольку это динамический механизм, в котором взаимодействуют юридические нормы, субъекты и социальные факты, формируя конкретные правовые ситуации.

Позиция П.П. Серкова в части классификации видов регулирования основана на глубоком и системном подходе к пониманию регулирования правоотношений. Его акцент на динамичности и мно-

гоаспектности регулирования отражает современную юридическую реальность, где нормы права постоянно адаптируются через судебную практику и иные формы индивидуализации. Отсюда традиционные узконаправленные общие определения регулирования правоотношений, сформировавшиеся в российской правовой доктрине, уже не способны адекватно описать сложность современных правоотношений и не учитывают того, что механизм правоотношений действительно является основой, вокруг которой строится правовое регулирование.

Вместе с тем, концепция П.П. Серкова требует дальнейшей конкретизации в части разграничения видов регулирования и методов их применения в различных отраслях права. Кроме того, высокая абстрактность некоторых положений может затруднять их практическое использование без дополнительного методологического инструментария.

Заключение

Системный анализ научных трудов в сфере регулирования правоотношений выявил необходимость комплексного, многоуровневого и интегративного подхода, сочетающего нормативные и индивидуальные методы, учитывающие роль судебной практики и ценностных основ. Он заключается в следующих положениях. Во-первых, эффективное регулирование правоотношений достигается через синтез нормативных и индивидуальных методов, что позволяет адаптировать правовые нормы к конкретным жизненным ситуациям. Это свидетельствует об интеграции нормативного и индивидуального регулирования. Во-вторых, современные правоотношения требуют многоуровневого подхода, учитывающего международные, национальные и отраслевые нормы. В-третьих, судебная практика и саморегулирование имеют первостепенное значение в сфере регулирования правоотношений, так как являются элементами, дополняющими формальные нормы и обеспечивающими гибкость правового регулирования. Полученные выводы могут служить основой для дальнейших исследований и совершенствования правового регулирования в различных сферах общественных отношений.

Литература

1. Алексеев, С.С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
2. Гук, П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex russica. – 2016. – № (7). – С. 14–27.
3. Гук, П.А. Судебное правоприменение в правовой системе России: Монография. – Пенза, 2024. – 436 с.
4. Ершов, В.В. Регулирование правоотношений: монография. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2020. – 568 с.

5. Ершов, В.В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие. – 2022. – № 1. – С. 8–27.
6. Иванов, И.И. Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права: монография / под ред. И.И. Иванова. – М.: Статут, 2019. – 192 с.
7. Ловцов, Д.А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере: монография. – М.: РГУП, 2016. – 316 с.
8. Матузов, Н. И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.
9. Серков, П.П. Правоотношение (теория и практика современного правового регулирования): монография. – М.: Норма, 2020. – 512 с.
10. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 352 с.

REGULATION OF LEGAL RELATIONS: THE CONCEPT AND TYPES

Zhuravleva A.I.

Penza State University

Regulation of legal relations plays a fundamental role in ensuring order, stability and justice in society by creating a legal framework that regulates the interaction between legal entities, protects their rights and interests, and prevents conflicts and abuses. It is the regulation of legal relations that ensures a balance between freedom of action and the necessary restrictions, which contributes to the development of economic, social and cultural relations based on trust and legal certainty. At the same time, traditional approaches to understanding the essence and types of regulation of legal relations no longer fully correspond to modern conditions. A systematic

analysis of scientific works in the field of regulation of legal relations has revealed the need for a comprehensive, multi-level and integrative approach combining normative and individual methods that take into account the role of judicial practice and value foundations. It consists of the following provisions. Firstly, effective regulation of legal relations is achieved through the synthesis of normative and individual methods, which makes it possible to adapt legal norms to specific life situations. This indicates the integration of regulatory and individual regulation. Secondly, modern legal relations require a multi-level approach that takes into account international, national and sectoral norms. Thirdly, judicial practice and self-regulation are of paramount importance in the field of regulating legal relations, as they are elements that complement formal norms and ensure the flexibility of legal regulation.

Keywords: regulation of legal relations, integrative approach, regulatory regulation, individual regulation, legal system.

References

1. Alekseev, S.S. Theory of law. – 2nd ed., revised. and add. – Moscow: BECK, 1995. – 320 p.
2. Guk, P.A. Judicial rulemaking: issues of theory and practice // Lex russica. – 2016. – № 7. – pp. 14–27.
3. Guk, P.A. Judicial law enforcement in the legal system of Russia: The monograph. Penza, 2024. – 436 p.
4. Yershov, V.V. Regulation of legal relations: monograph. – Moscow: Russian State University of Justice, 2020. – 568 p.
5. Ershov, V.V. Legal relations: emergence and regulation // Justice. – 2022. – № 1. – pp. 8–27.
6. Ivanov, I.I. The method of legal regulation: issues of theory and constitutional law: a monograph / edited by I.I. Ivanov. – Moscow: Statute, 2019. – 192 p.
7. Lovtsov, D.A. Systemology of legal regulation of information relations in the infosphere: monograph. – Moscow: RGUP, 2016. – 316 p.
8. Matuzov, N. I., Malko A.V. Theory of the state and law: textbook. – Moscow: Yurist, 2004. – 512 p.
9. Serkov, P.P. Legal relations (theory and practice of modern legal regulation): monograph. – Moscow: Norma, 2020. – 512 p.
10. Khalfina, R.O. The general doctrine of legal relations. – Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974. – 352 p.

Трансформация корпоративного нормотворчества под воздействием цифровых технологий в Российской Федерации: комплексный анализ правовых, управленческих и социальных аспектов

Исаев Давид Шахларович,

аспирант, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
E-mail: d.isaev_lawyer@mail.ru

Исследование посвящено комплексному анализу трансформации корпоративного нормотворчества в Российской Федерации под воздействием цифровых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, Big Data, IoT, облачные платформы). Цель работы – выявить системное влияние ключевых цифровых инструментов на все стадии жизненного цикла корпоративных норм (разработка, доведение, исполнение, контроль и актуализация) и предложить научно обоснованные рекомендации для правоприменительной и управленческой практики. Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе и включает сравнительно-правовой анализ, кейс-стади российских корпораций (Сбербанк, Росатом, Тинькофф, Wildberries и VK), изучение нормативных инициатив, эмпирический анализ статистических данных, а также методы правовой прогностики и сценарного моделирования. Результаты работы заключаются в выявлении ключевых трендов и рисков алгоритмизации корпоративных норм, в определении правовых коллизий, связанных с применением ИИ и смарт-контрактов, а также в разработке модели адаптивного корпоративного регулирования. Научная новизна проявляется в обосновании перехода от статичных корпоративных актов к алгоритмически управляемым нормам, где технологии выступают в роли новых субъектов регулирования.

Ключевые слова: корпоративное нормотворчество, цифровая трансформация, цифровые технологии, корпоративное управление, смарт-контракты, искусственный интеллект (ИИ).

Введение

Глобальная цифровая трансформация, ускоренная геополитическими сдвигами и политикой импорто-замещения в РФ, кардинально меняет ландшафт корпоративного управления. Из курса теории государства и права, известно, что корпоративные нормы – это регламентированные правила поведения, которые регулируют внутренние отношения, а также корректное функционирование хозяйственного общества [1]. Узкий подход к применению данного понятия декларирует корпоративные нормы как регуляторный инструмент хозяйственной деятельности. С точки зрения широкого подхода, корпоративные нормы охватывают также нормы НКО, трудовых коллективов, межкорпоративных стандартов [2].

В свою очередь корпоративное нормотворчество – это процесс формирования корпоративных норм для целей деятельности и организации общества, органов управления и ее членов. Финальной стадией процедуры корпоративного нормотворчества считается принятие корпоративного нормативного акта («внутреннего документа корпорации») как некоторого документа правотворческого характера, который обязательно должен быть облечен в письменную форму и принят компетентным органом управления общества в соответствии с его полномочиями, Конституцией РФ, а также релевантным законодательным регулированием и корпоративными актами, имеющими большую юридическую силу [2].

Корпоративные нормы – формализованные (уставы, кодексы, регламенты) и неформальные (корпоративная культура, традиции) правила поведения внутри организации – переживают революционную трансформацию [3]. Традиционные статичные документы уступают место **динамичным, адаптивным, алгоритмически управляемым системам регулирования**, интегрированным в цифровые экосистемы компаний [4–6]. Российский контекст уникален:

- **Государственный вектор:** Национальные проекты (национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», национальная цель развития «Цифровая трансформация», государственная программа Российской Федерации «Информационное общество», национальная программа «Цифровая экономика РФ»), Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития ис-

кусственного интеллекта на период до 2030 года») создают рамочные условия [15,19,20].

- Оборот цифровых платформ в РФ достиг 6.3 трлн руб. в 2024 г. [3], что требует новых регуляторных моделей.
- Активная миграция на отечественное ПО («P7-Офис», «VK Работа», «1С: ERP», «Postgres Pro») и создание собственных решений (Сбер, Яндекс, Ростех) формирует специфическую среду для развития норм [5,12].
- Быстрое развитие законодательства в сфере ЦФА, данных, ИИ (проекты ФЗ «Об искусственном интеллекте», поправки в ГК РФ) создает как возможности, так и неопределенности [15,16].

Актуальность исследования определяется масштабным внедрением технологий искусственного интеллекта, блокчейна, Big Data и IoT, которые изменяют не только способы управления, но и саму природу корпоративного нормотворчества [7,11,21,22]. В условиях растущей зависимости бизнеса от цифровых платформ и экосистем формируется новая нормативная среда, требующая адаптации правового регулирования, предотвращения правовых коллизий и переосмысления границ ответственности.

Научная значимость работы заключается в обосновании парадигмального сдвига – перехода от статичных «бумажных» актов к алгоритмически управляемым корпоративным нормам, где цифровые технологии выступают в качестве самостоятельных субъектов нормотворчества [6,7,19,20]. Такой подход позволяет переоценить традиционные концепции корпоративного права и предложить новые модели регулирования, отвечающие вызовам цифровой эпохи.

Методология исследования носит междисциплинарный характер и включает: сравнительно-правовой анализ отечественного и международного законодательства [1–2,21–22]; институциональный и системный анализ процессов цифровой трансформации корпоративного управления [4–5]; кейс-стади крупнейших российских корпораций (Сбер, Росатом, Тинькофф, Wildberries, VK) [6,8]; эмпирический анализ статистических данных [3,9,10]; методы правовой прогностики и сценарного моделирования [6,14], позволяющие оценить перспективы развития алгоритмизированного нормотворчества.

Цель исследования: выявить системное влияние ключевых технологий на все стадии жизненного цикла корпоративных норм (разработка, доведение, исполнение, контроль, актуализация) в российских корпорациях и сформулировать научно обоснованные рекомендации для правоприменения и стратегического управления [6,7].

Технологические драйверы: Механизмы воздействия на корпоративные нормы

Интенсивная цифровизация корпоративного управления формирует качественно новую архитектуру

нормообразования, в которой технологические решения становятся не только инструментом контроля, но и активным субъектом трансформации корпоративных норм [4,6,7] и практик. Среди ключевых драйверов можно выделить искусственный интеллект и аналитику больших данных, распределенные реестры и смарт-контракты, цифровые платформы и экосистемы, а также технологии интернета вещей и цифровых двойников [7,11,12]. Их влияние на корпоративное регулирование проявляется в переходе от декларативных норм к динамическим и адаптивным системам управления поведением сотрудников и бизнес-процессами.

Искусственный интеллект и предиктивная аналитика

Технологии ИИ и Big Data обеспечивают переход от традиционного постфактум-контроля к моделям проактивного управления нормативной средой [7,9]. Анализ больших массивов данных о поведении сотрудников, результатах деятельности и характере нарушений позволяет формировать адаптивные кодексы этики, персонализированные KPI и гибкие регламенты, реагирующие на изменения внешней и внутренней среды. Так, в ряде российских корпораций, включая Сбербанк, уже реализованы решения, использующие машинное обучение для выявления регуляторных «узких мест» и автоматической генерации предложений по оптимизации процедур [6,8]. Дополнительно чат-боты на основе технологий NLP (например, «Олег» от Tinkoff, «Салют для бизнеса» от Сбербанка) обеспечивают контекстное разъяснение норм и оперативное сопровождение сотрудников [6] в принятии решений, соответствующих корпоративным требованиям.

Применение предиктивной аналитики усиливает превентивный контроль, позволяя выявлять риски нарушений – от конфликтов интересов до некорректных сделок – на ранних стадиях [6,9].

По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ «Влияние цифровых технологий на бизнес российских компаний сектора интеллектуальных услуг» (2020), подобные механизмы внедрены в 49,7% крупных компаний сектора интеллектуальных услуг [23]. Значимую роль играют системы семантического анализа корпоративных коммуникаций (чаты, электронная почта) на предмет соответствия нормам комплаенса и корпоративной этики, что уже реализовано в инструментах VK Team и Яндекс Трекер.

Однако широкое использование ИИ ставит перед корпоративным правом новые вызовы, прежде всего касающиеся статуса решений алгоритмов и распределения ответственности [15,19,20]. В условиях отсутствия принятого федерального закона «Об искусственном интеллекте» правовая квалификация действий ИИ остается неопределенной: кто несет ответственность за ошибочные рекомендации алгоритма, повлекшие убытки или нарушение норм?

С этим связан запрос на развитие концепции объяснимого ИИ (Explainable AI, XAI), которая закреплена в рекомендациях OECD AI Principles

(2019) и проекте EU AI Act, и должна стать обязательным элементом российского корпоративного регулирования.

Блокчейн и смарт-контракты

Распределенные реестры и смарт-контракты радикально изменяют механизмы обеспечения исполнения корпоративных норм, переводя их из декларативной плоскости в алгоритмически закреплённую и автоматизированную. Смарт-контракты, представляющие собой программные коды, реализующие условия договоров и регламентов, обеспечивают автоматическое и необратимое исполнение норм при наступлении заранее определенных событий. На практике это используется для автоматизации корпоративных процедур – от выплат дивидендов до одобрения сделок. Так, в кейсе «Альфа-Банка» реализовано использование смарт-контрактов на платформе Masterchain для автоматизации выплат акционерам, что минимизирует операционные риски и повышает доверие к процессу [11].

Внедрение децентрализованных автономных организаций (DAO) поднимает вопрос о пересмотре традиционных иерархий корпоративного управления, поскольку принятие решений в DAO основано на механизмах децентрализации и прозрачного голосования, что фактически нивелирует роль ряда классических управленческих институтов [11]. Однако эти инновации сопровождаются правовыми коллизиями. Российское законодательство, включая Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, не охватывает в полной мере DAO и сложные смарт-контракты, а также не закрепляет однозначный статус записей в блокчейне как доказательства в суде [16].

Кроме того, автоматическое исполнение смарт-контрактов может вступать в противоречие с императивными нормами, например, при необходимости приостановки сделки по судебному решению. Эти вызовы свидетельствуют о необходимости комплексной адаптации правовой базы с учетом международного опыта, включая инициативы UNCITRAL по регулированию смарт-контрактов и рекомендации ISO/TC 307 (Blockchain and Distributed Ledger Technologies).

Цифровые платформы и корпоративные экосистемы

Цифровые платформы и экосистемы (1С, VK Работа, Битрикс24, СберБизнес) становятся ключевыми каналами трансляции корпоративных норм, интегрируя регуляторные требования непосредственно в интерфейсы и алгоритмы рабочих процессов [3,18]. Например, системы автоматически проверяют контрагентов при закупках, фиксируют рабочее время или инициируют комплаенс-проверку на эта-

пе согласования сделки. Исследования (CNews Analytics, 2024) показывают, что такая «встроенность» норм в цифровую среду снижает число нарушений на 34% [10]. Одновременно внутренние социальные сети и корпоративные порталы формируют неформальные нормы, отражающие реальную культуру организации. При этом действующее законодательство не решает проблему дифференциации регуляторных требований для различных типов платформ (маркетплейсы, финтех, HR-Tech), а также их ответственности за действия пользователей, что создает нормативный вакуум [16,18].

Интернет вещей и цифровые двойники

Технологии IoT и цифровых двойников расширяют сферу действия корпоративных норм в физическое пространство. Датчики, встроенные в оборудование, и виртуальные модели технологических процессов позволяют в реальном времени контролировать соблюдение норм безопасности, охраны труда и экологии [7,12]. Внедрение подобных решений в корпорациях, таких как «Росатом» и РУСАЛ, позволяет не только фиксировать отклонения, но и автоматически блокировать операции при нарушении регламентов [9,12]. В результате нормы становятся частью «цифрового следа» объекта, а контроль за их соблюдением приобретает непрерывный и автономный характер, что ставит новые задачи перед правовым регулированием в части допустимости автоматизированного вмешательства в производственные процессы и распределения ответственности за последствия таких решений.

Глубинные изменения в корпоративной культуре и социальных практиках

Технологическая трансформация корпоративного управления сопровождается изменением парадигмы организационной культуры, при котором нормы перестают быть исключительно декларативными установками и приобретают характер динамически измеряемых параметров. Ключевыми тенденциями выступают переход к метрикам измеримости, гибридизация коммуникационных форматов и пересмотр баланса между доверием и контролем [9,10].

Нормы, традиционно закреплённые в корпоративных кодексах и этических декларациях, становятся объектом количественного измерения. По данным исследования Potok.io (2025), более 31% крупных российских компаний внедрились метрики для оценки эффективности этических программ и систем комплаенс, включая процент сотрудников, прошедших обучение, количество выявленных алгоритмических рисков, скорость реагирования на инциденты и индекс доверия, формируемый на основе опросов [9]. Такой подход способствует объективизации оценки соблюдения норм, но одновременно порождает конфликт метрик: приоритет финансовых KPI (сокращение затрат, рост рентабельности), который фиксируется у 48,6% компаний, часто вступает в противоречие с инвестициями в развитие «человекоцентричных»

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».

норм, ориентированных на этику и культуру доверия.

Распространение дистанционных и гибридных моделей работы трансформирует каналы восприятия корпоративных норм. Согласно исследованию НН.ru (2025), для 70% сотрудников нормы транслируются преимущественно через цифровые интерфейсы – корпоративные порталы, чат-боты HR-служб, системы согласования документов и DLP-уведомления. Физическое взаимодействие с носителями корпоративных норм (HR-менеджерами, юристами, руководителями) минимизируется, что приводит к формированию «цифровой корпоративной культуры», в которой ритуалы очного взаимодействия заменяются онлайн-активностями, а лояльность оценивается через показатели цифровой вовлеченности [10].

Технологии мониторинга коммуникаций, анализа активности и трекинга рабочих процессов позиционируются как инструмент повышения объективности контроля, снижения субъективизма и человеческого фактора. Однако чрезмерная автоматизация порождает риски усиления тотального контроля, цифрового выгорания и сопротивления со стороны сотрудников [9,10]. Характерным примером является кейс 2024 года, когда внедрение системы полного цифрового мониторинга удаленных сотрудников в одном из крупных российских IT-холдингов вызвало массовое недовольство и привело к росту текучести персонала. Это подчеркивает необходимость поиска оптимального баланса между эффективностью контроля и сохранением доверия в условиях цифровой трансформации нормативной среды.

Правовые риски и регуляторные вызовы: акцент на российскую специфику

Системная интеграция технологий в процессы нормообразования и контроля выявляет масштабные пробелы и неопределенности в действующем законодательстве, а также порождает трансграничные коллизии [15,16,19].

Во-первых, в российском праве отсутствует целостный подход к регулированию алгоритмических решений, формирующих корпоративные нормы. Декларируемая политика цифрового суверенитета и импортозамещения сталкивается с рисками фактической монополизации нормотворчества крупными IT-экосистемами (Сбер, Яндекс, VK), чьи платформы задают стандарты для тысяч компаний-пользователей. Это требует актуализации антимонопольного регулирования цифровых экосистем [15,19].

Во-вторых, действующие стандарты информационной безопасности (ГОСТ Р, требования ФСТЭК и ФСБ) не учитывают специфические угрозы, связанные с эксплуатацией современных моделей ИИ: генеративных алгоритмов, атак на данные обучения, созданием deepfake-контента. Отсутствие обязательной сертификации сложных алгоритмических систем, используемых в управлении

корпоративными нормами, усугубляет риск инцидентов [17].

В-третьих, дополнительным фактором уязвимости являются киберугрозы, что особенно критично для субъектов критической информационной инфраструктуры: несмотря на усиление требований в рамках поправок к Федеральному закону от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹, атаки на логистические или производственные системы могут парализовать исполнение ключевых норм, связанных с безопасностью [17].

В-четвертых, одной из наиболее острых проблем остается вопрос ответственности за решения, принимаемые алгоритмами. Проект федерального закона «Об искусственном интеллекте» (в разработке с 2023 г.) до сих пор не принят, что приводит к правовой неопределенности [15,19,20].

В-пятых, использование ИИ-систем в нормообразовании усиливает проблему «черных ящиков»: высокая сложность алгоритмов делает невозможным понимание логики их решений рядовыми сотрудниками и даже специалистами по праву, что подрывает принцип прозрачности и предсказуемости норм. Параллельно сохраняется проблема цифрового разрыва: различия в уровне цифровых компетенций среди сотрудников ведут к несоблюдению норм по причине непонимания интерфейсов или недоверия к автоматизированным системам [7,15].

В-шестых, даже в условиях импортозамещения сохраняется зависимость от международных платформ и облачных сервисов, что порождает конфликт юрисдикций при обработке данных или исполнении сделок. В случае нарушения корпоративных норм в рамках трансграничных взаимодействий возникает необходимость согласования требований российского законодательства с нормами ЕС (GDPR), США и Китая, что требует развития механизмов международного правового сотрудничества и гармонизации стандартов [16,18].

Стратегические рекомендации для российских корпораций и регулятора

Цифровизация корпоративного управления и интеграция технологий искусственного интеллекта (ИИ), распределенных реестров и автоматизированных алгоритмов нормативного контроля создают необходимость формирования комплексных стратегий на уровне как корпоративных структур, так и государственных институтов. Эти стратегии должны учитывать не только технологические риски, но и правовые, этические и социокультурные аспекты функционирования алгоритмически управляемых систем.

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Для корпоративного сектора ключевым направлением является формирование интегрированной «техно-юридической» стратегии, предполагающей раннее взаимодействие юристов, специалистов по данным и руководителей цифровых трансформаций на этапе проектирования систем, регулирующих поведение и соблюдение норм. Такая интеграция должна обеспечивать превентивное управление правовыми рисками и распределение ответственности за алгоритмические решения посредством применения инструментов типа RACI-матриц. Одновременно важна дифференциация нормативных моделей: стандарты регулирования и контроля должны учитывать специфику различных цифровых экосистем – маркетплейсов, финтех-платформ, внутренних HR-систем и промышленных IoT-комплексов, поскольку универсальные подходы демонстрируют низкую эффективность в условиях высокой технологической и организационной вариативности [6,7].

Особое значение приобретает принцип *human-in-the-loop*, закрепленный в современных концепциях AI Governance: ключевые решения, влияющие на права и обязанности работников либо партнеров (санкции, увольнения, расследования нарушений), не могут быть полностью делегированы алгоритмам. Более того, обучение моделей ИИ с участием юристов и специалистов по комплаенсу снижает вероятность появления системных искажений (*bias*) и обеспечивает соответствие принципам справедливости и транспарентности [15].

Мониторинг соблюдения норм требует перехода от формального к поведенческому контролю, что предполагает использование цифрового аудита корпоративной культуры. Практическими инструментами здесь выступают системы предотвращения утечек (англ. *Data Leak Prevention*) с семантическим анализом, регулярные *pulse*-опросы и анализ цифровых следов, позволяющие оценивать фактический уровень приверженности нормам, а не только формальные показатели. Дополнительно корпорации должны инвестировать в технологии объяснимого ИИ (*Explainable AI*, *XAI*), обеспечивающие интерпретируемость алгоритмических решений, что является условием юридической устойчивости и доверия со стороны стейкхолдеров [7,10]. Управление данными должно рассматриваться как стратегический актив, формируя четкие *data governance*-политики в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ и отраслевыми стандартами, поскольку качество данных напрямую определяет надежность нормативных алгоритмов. Внедрение инновационных решений, включая смарт-контракты и сложные ИИ-модели, целесообразно осуществлять через пилотные проекты в регуляторных «песочницах» (например, под эгидой Банка России или Минцифры), что снижает риски нарушения законодательства и обеспечива-

ет адаптацию моделей к национальной правовой среде [16,18].

Не менее важным направлением является системное развитие цифровой грамотности и программ управления изменениями (*Change Management*), поскольку устойчивое восприятие цифровых норм сотрудниками всех уровней критически важно для успешной имплементации новых моделей корпоративного регулирования.

Для государства стратегической задачей остается ускоренная модернизация нормативно-правовой базы с учетом принципов «технологически нейтрального права» и адаптации традиционных институтов к алгоритмическим системам [15,16]. Приоритетными направлениями являются: принятие федерального закона «Об искусственном интеллекте» [15], фиксирующего распределение ответственности между человеком и алгоритмом; адаптация Гражданского кодекса для признания юридической силы смарт-контрактов и записей в распределенных реестрах [16], а также разработка концепции «квази-субъектов» – ИИ-агентов, обладающих ограниченной правоспособностью.

Дополнительно требуется актуализация положений закона о платформенной экономике, включая дифференциацию правил для различных типов цифровых экосистем и уточнение пределов их ответственности за действия пользователей, а также развитие законодательства о персональных данных, включая биометрические сведения и алгоритмическое профилирование сотрудников.

Важным направлением остается адаптация национальных стандартов безопасности к рискам, связанным с генеративными моделями ИИ, атаками на алгоритмы, а также с применением блокчейн и *IoT*. Государство должно стимулировать развитие регуляторных «песочниц» для тестирования децентрализованных автономных организаций (DAO), сложных смарт-контрактов и систем ИИ-комплаенса, обеспечивая их правовую апробацию в контролируемой среде. Антимонопольное регулирование цифровых экосистем должно предотвращать злоупотребления доминирующим положением платформ, которые де-факто формируют корпоративные стандарты для малого и среднего бизнеса. Завершающим элементом стратегии является формирование национальной инфраструктуры доверия на базе отечественных блокчейн-платформ (например, *Masterchain*), сертифицированных средств криптографической защиты и механизмов электронной подписи, гарантирующих юридическую силу цифровых транзакций и взаимодействий [11].

Заключение

Подводя итог, возникает последовательный вопрос: будущее корпоративных норм – алгоритмический порядок?

Технологии не просто меняют инструменты управления нормами – они переопределяют саму

¹ Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СПС «Консультант-Плюс».

природу корпоративного регулирования. К 2030 году в РФ вероятны сценарии:

1. «Алгоритмическая гармония» (Оптимистичный). Широкое внедрение адаптивных, основанных на данных норм, управляемых ИИ при эффективном человеческом контроле (Human-in-the-Loop) и сбалансированном регулировании. Доля ИИ-управляемых корпоративных процедур достигает 60–70%. Технологии обеспечивают беспрецедентную прозрачность, эффективность и персонализацию норм. Российские стандарты (особенно в финтехе и промышленности) становятся эталонными [6,7].

2. «Цифровой левиафан» (Рисковый). Гипертрофированный контроль, гиперрегулирование, монополизация нормотворчества IT-гигантами, потеря человеческого измерения. Это ведет к стагнации, утечке мозгов, падению ИТ-инвестиций на 10–15%. Юридические конфликты вокруг ИИ-решений парализуют суды [15,16].

3. «Фрагментированный ландшафт» (Базовый). Неравномерное внедрение. Крупные компании и государственный сектор активно используют технологии нормотворчества, малый и средний бизнес отстает из-за стоимости и сложности. Сохраняются правовые коллизии, но постепенно заполняются регуляторные пробелы [6,10].

Ключевой фактор успеха – триединство в технологической зрелости, адаптивном праве и человекоцентричной культуре [7,10].

Как корректно подметил Максим Геннадьевич Решетников (министр экономического развития России) на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) 4 июня 2021 года, что цель цифровизации – не просто перевести законы в электронный вид, а создать новую, более эффективную среду для бизнеса. Ключевая мысль заключается в том, что технологии (алгоритмы) должны работать в гармонии с правом (законом) и этическими принципами (мудростью человеческих ценностей), а не заменять их.

Литература

1. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2009.
2. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.
3. Платформенная экономика добавила 6,3 трлн рублей в российский ВВП в 2024 году // RB.RU. 2025. – URL: <https://rb.ru/news/platformennaya-ekonomika-dobavila-63-trln-rublej-v-rossijskij-vvp-v-2024-godu/> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Хохлов Р.Р., Погосян В.Г., Павлов Н.В. Особенности влияния современных технологий на управленческую деятельность в РФ // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 5. – С. 45–59.

5. Исследование «ИТ-рынок и технологии 2025» // Globus IT. – 2025. – URL: <https://globus-it.ru> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Сапунов А.В., Глазова С.А. Влияние информационных технологий на развитие предприятия // Вестник Кубанского государственного аграрного университета. – 2023. – № 7. – С. 88–95.
7. Петров Ф.И. Алгоритмизация права: корпоративный аспект // Журнал российского права. – 2025. – № 3. – С. 15–27.
8. Обзор «Корпоративные инновации 2025» // Акселератор ФРИИ. – 2025. – URL: <https://iidl.frii.org> (дата обращения: 23.07.2025).
9. Тренды корпоративной культуры 2025 // Potok.io. – 2025. – URL: <https://potok.io/research> (дата обращения: 23.07.2025).
10. Влияние цифровых технологий на социальные процессы // Snob.ru. – 2025. – URL: <https://snob.ru> (<https://snob.ru/>) (дата обращения: 23.08.2025).
11. Сидорова Е.Л. Блокчейн и смарт-контракты в корпоративном праве: теория и практика. – М.: Статут, 2024. – 214 с.
12. Прогноз развития ИТ в России 2025 // Skolkovo-resident.ru. – 2025. – URL: <https://skolkovo-resident.ru> (<https://skolkovo-resident.ru/>) (дата обращения: 15.08.2025).
13. Шаронов А. Цифровой шторм: технологии и регулирование платформ // ComNews. – 2025. – № 4. – С. 12–19.
14. Мазин А.К. Будущее корпоративного управления: вызовы цифровой эпохи // Вопросы экономики. – 2025. – № 1. – С. 103–121.
15. Проект Федерального закона «Об искусственном интеллекте в Российской Федерации» (версия для общественного обсуждения, май 2025). – URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
16. Федеральный закон от 24.06.2025 № 177-ФЗ «О платформенной экономике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 27. – Ст. 5123.
17. Стандарт Банка России № 765 «О требованиях к алгоритмам и моделям, используемым кредитными организациями при осуществлении скоринга». – 2024. – URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 16.08.2025).
18. Доклад ВШЭ «Цифровые платформы и трансформация рынка труда и корпоративных практик». – М.: НИУ ВШЭ, 2025. – 112 с.
19. OECD AI Principles. OECD. 2019. URL: <https://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/> (дата обращения: 25.08.2025).
20. EU AI Act. European Commission. 2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 20.08.2025).
21. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce. United Nations Commission on International Trade Law. 1996. URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/>

ecommerce/modellaw/electronic-commerce (дата обращения: 26.08.2025).

22. ISO/TC 307 Blockchain and Distributed Ledger Technologies. International Organization for Standardization. 2022. URL: <https://www.iso.org/committee/6266604.html> (дата обращения: 26.08.2025).

23. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Влияние цифровых технологий на бизнес российских компаний сектора интеллектуальных услуг: исследование / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 52 с. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/366167712.pdf>. (<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/366167712.pdf>) (дата обращения: 17.08.2025).

DIGITAL TRANSFORMATION OF CORPORATE RULEMAKING IN RUSSIA: LEGAL, MANAGERIAL, AND SOCIAL DIMENSIONS

Isaev D.Sh.

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs

This study explores the transformation of corporate rulemaking in the Russian Federation under the influence of digital technologies, including artificial intelligence, blockchain, Big Data, IoT, and cloud platforms. The purpose of the research is to identify the systemic impact of these technologies on all stages of the corporate norms life cycle (development, dissemination, enforcement, monitoring, and updating) and to provide evidence-based recommendations for legal practice and strategic management. The methodology combines an interdisciplinary framework encompassing comparative legal analysis, case studies of major Russian corporations (Sberbank, Rosatom, Tinkoff, Wildberries and VK), examination of regulatory initiatives, empirical data analysis, and the use of legal forecasting and scenario modeling. The results demonstrate the emergence of algorithmically governed normative systems, highlight key legal conflicts associated with AI and smart contracts, and propose an adaptive model of corporate governance tailored to the conditions of digital transformation in Russia. The scientific novelty lies in substantiating the paradigm shift from static, paper-based corporate acts to dynamic, technology-driven regulatory frameworks in which digital tools operate as new agents of rulemaking.

Keywords: corporate rulemaking, digital transformation, digital technologies, corporate governance, smart contracts, artificial intelligence (AI).

References

1. Melekhin A.V. Theory of State and Law: Textbook. 2nd ed., revised and enlarged [ConsultantPlus Legal Reference System]. 2009.
2. Corporate Law: textbook / A.V. Gabov, E.P. Gubin, S.A. Karelin et al.; ed. by I.S. Shitkina. Moscow: Statut, 2019. 735 p.

3. Platform Economy Added 6.3 Trillion Rubles to the Russian GDP in 2024 // RB.RU. – 2025. – URL: <https://rb.ru/news/platformennaya-ekonomika-dobavila-63-trln-rublej-v-rossijskij-vvp-v-2024-godu/>.
4. Khokhlov, R. R., Pogosyan, V. G., & Pavlov, N. V. (2024). Features of the impact of modern technologies on management activities in Russia. *Regional and Sectoral Economy*, (5), 45–59.
5. IT Market and Technologies 2025. (2025). Globus IT. Retrieved September 23, 2025, from <https://globus-it.ru>
6. Sapunov, A. V., & Glazova, S. A. (2023). The impact of information technologies on enterprise development. *Bulletin of Kuban State Agrarian University*, (7), 88–95.
7. Petrov, F. I. (2025). Algorithmization of law: The corporate aspect. *Journal of Russian Law*, (3), 15–27.
8. Corporate Innovations 2025. (2025). FRIL Accelerator. Retrieved September 23, 2025, from <https://iidl.frii.org>
9. Corporate Culture Trends 2025. (2025). Potok.io. Retrieved September 23, 2025, from <https://potok.io/research>
10. The Impact of Digital Technologies on Social Processes. (2025). Snob.ru. Retrieved September 23, 2025, from <https://snob.ru> (<https://snob.ru/>)
11. Sidorova, E. L. (2024). Blockchain and Smart Contracts in Corporate Law: Theory and Practice. Moscow: Statut.
12. IT Development Forecast in Russia 2025. (2025). Skolkovo-resident.ru. Retrieved September 23, 2025, from <https://skolkovo-resident.ru> (<https://skolkovo-resident.ru/>)
13. Sharonov, A. (2025). Digital storm: Technologies and platform regulation. *ComNews*, (4), 12–19.
14. Mazin, A. K. (2025). The future of corporate governance: Challenges of the digital era. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*, (1), 103–121.
15. Draft Federal Law “On Artificial Intelligence in the Russian Federation” (public discussion version, May 2025). Retrieved September 23, 2025, from <https://regulation.gov.ru>
16. Federal Law No. 177-FZ of June 24, 2025 “On Platform Economy in the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, (27), Art. 5123.
17. Central Bank of Russia. (2024). Standard No. 765 “On requirements for algorithms and models used by credit institutions in scoring”. Retrieved September 23, 2025, from <https://cbr.ru>
18. HSE Report. (2025). Digital Platforms and the Transformation of the Labor Market and Corporate Practices. Moscow: National Research University Higher School of Economics.
19. OECD AI Principles. OECD. 2019. URL: <https://www.oecd.org/going-digital/ai/principles/>.
20. EU AI Act. European Commission. 2021. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence>.
21. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce. United Nations Commission on International Trade Law. 1996. URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic-commerce>.
22. ISO/TC 307 Blockchain and Distributed Ledger Technologies. International Organization for Standardization. 2022. URL: <https://www.iso.org/committee/6266604.html>.
23. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics. The Impact of Digital Technologies on the Business of Russian Companies in the Intellectual Services Sector: Study / ISSEK, HSE. – Moscow: HSE, 2020. – 52 p. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/366167712.pdf>. (<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/366167712.pdf>)

Развитие содержания принципов правотворчества в эпоху четвертой промышленной революции

Москалёв Юрий Михайлович,

аспирант кафедры Теории государства и права,
Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: moskaleff.iura@gmail.com

Правотворчество в XXI веке переживает масштабную трансформацию под влиянием Четвёртой промышленной революции, характеризующейся интеграцией цифровых, биологических и физических технологий. Особое место в этом процессе занимает использование искусственного интеллекта (ИИ), который всё активнее применяется в юридической практике и начинает внедряться в сферу законотворчества. ИИ способен анализировать большие массивы нормативных данных, выявлять противоречия, прогнозировать последствия законодательных инициатив, а также повышать качество обоснования принимаемых решений. Эти возможности делают актуальным пересмотр содержания традиционных принципов правотворчества – законности, гласности, научной обоснованности и демократизма.

Трансформация принципа законности проявляется в переходе от формального соответствия действующему праву к активному обеспечению целостности и предсказуемости системы. Принцип гласности в цифровой среде дополняется требованиями прозрачности и объяснимости алгоритмов. Научная обоснованность предполагает верифицируемость цифровых моделей и обязательность экспертной оценки данных. Демократизм, традиционно носящий декларативный характер, получает новое развитие через цифровые платформы и механизмы участия граждан.

Таким образом, внедрение ИИ не отменяет фундаментальные принципы правотворчества, а требует их адаптации к цифровой реальности. В перспективе важным шагом станет законодательное закрепление трансформируемых принципов правотворчества, разработка этических стандартов и правовое закрепление правил применения ИИ в законодательном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правотворчество, Четвёртая промышленная революция, принципы права, законность, гласность, научная обоснованность, демократизм, цифровизация, алгоритмизация.

Введение

С начала XXI века правотворчество, как один из центральных институтов публичной власти, переживает глубокие изменения под влиянием Четвёртой промышленной революции, что обусловлено стремительным внедрением цифровых технологий, в частности систем искусственного интеллекта (ИИ). Возможности и перспективы Использования Искусственного интеллекта в правотворчестве затрагивают саму сущность этой деятельности, что приводит к необходимости пересмотру ключевых принципов правотворчества, регулирующих правотворчество, до сегодняшнего дня осуществляемое исключительно человеком.

Четвёртая промышленная революция (по терминологии К. Шваба) характеризуется интеграцией цифровых, биологических и физических технологий, а также массовым распространением технологий искусственного интеллекта, а также больших данных, машинного обучения и облачных вычислений [1, с. 105–124]. В отличие от предыдущих технологических революций, четвертая промышленная революция в силу ее влияния на все аспекты жизнедеятельности, носит системный характер, охватывая не только производство и экономику, но и фундаментальные институты общества, включая право. ИИ уже с начала XXI века активно применяется самими юристами анализа юридических текстов, прогнозирования правовых последствий, подготовки справок и простых документов и т.д., и больше начинает применяться в деятельности, связанной с правотворчеством [2, с. 161–182]. Это создает новые условия, в которых правотворчество развивается в тесной взаимосвязи с алгоритмами, цифровыми данными и машинным анализом, что, в свою очередь, требует пересмотра теоретико-правовых оснований правотворческой деятельности.

Если традиционные принципы правотворчества – законность, научная обоснованность, гласность, системность и другие – формировались на протяжении долгих лет и вырабатывались для применения их людьми, то в условиях цифровизации и алгоритмизации законодательного процесса они требуют пересмотра, уточнения и адаптации к новым технологическим реалиям, в которых основную функцию правотворчества может взять на себя ИИ. Принципы не утрачивают своей значимости, однако должны быть обновлены с учётом новых источников данных, логики машинного анализа и особенностей цифровой среды.

Актуальность данного исследования подтверждается появлением первых практических примеров внедрения ИИ в сферу правотворчества. Так, в странах Европейского союза, уже с 60-х годов XX века, позже и в других странах, реализуются проекты по разработке систем оценки регуляторного воздействия (ОРВ), делаются автоматизированного анализа нормативной информации, а также по выработке алгоритмизации юридических процедур. Европейская комиссия, например, применяет языковые модели для семантического анализа законодательства, в Канаде разрабатываются экспертные цифровые платформы для предварительной регуляторной оценки, а в Китае осуществляется пилотирование алгоритмических инструментов для прогнозирования последствий нормативных актов. В России также предпринимаются шаги, хотя и не столь активно, в направлении создания интеллектуальных правовых систем, включая программы для мониторинга и подготовки проектов нормативных актов. Эти примеры подтверждают: цифровые технологии начинают играть заметную роль в подготовке и сопровождении правотворческой деятельности, что требует переосмысления её теоретических оснований.

Объектом исследования является влияние цифровых технологий и систем ИИ на изменение принципов правотворчества как основу законодательного процесса.

Цель статьи: определить, каким образом технологии ИИ влияют на трансформацию содержания традиционных принципов правотворчества, какие вызовы возникают в процессе их применения, и насколько существенно должна быть произведена их трансформация для устойчивого регулирования правотворчества в цифровую эпоху.

Задачи исследования:

- Проанализировать содержание традиционных принципов правотворчества (законность, гласность, научная обоснованность, демократизм) и выявить тенденции их трансформации в цифровую эпоху.
- Сформулировать новые требования к принципам правотворчества с учётом цифровизации и алгоритмизации законодательного процесса.
- Определить основные направления развития принципов правотворчества под влиянием ИИ.
- Оценить риски и перспективы институционализации «цифровых принципов» правотворчества.

Методы исследования: сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, системный метод, метод анализа и синтеза, метод прогнозирования.

Принцип законности

Принцип законности традиционно рассматривается как фундаментальная основа правотворчества, обеспечивающая соответствие новых нормативных актов действующему законодательству, Консти-

туции и общепринятым правовым нормам. С внедрением технологий искусственного интеллекта характер реализации этого принципа претерпевает качественные изменения.

Во-первых, ИИ позволяет повышать уровень формальной законности на стадии разработки нормативных документов. ИИ способен выявлять противоречия между законопроектами и уже действующими правовыми актами, выявлять сходства и различия между нормативными актами [3], а также отслеживать изменения и обновления нормативных источников [4]. Такой подход снижает риск принятия противоречивых или неконституционных положений, обеспечивая более надёжный контроль за соблюдением законности на этапе подготовки нормативных актов.

Во-вторых, ИИ способствует прогнозированию и системной организации правотворческого процесса. Используя моделирование различных законодательных сценариев и анализ практики правоприменения, технологии позволяют предвидеть потенциальные правовые коллизии и оценивать последствия внедрения новых норм [5]. В этом смысле принцип законности трансформируется от пассивного соответствия действующему праву к активному инструменту обеспечения целостности и предсказуемости системы права.

В-третьих, технологии ИИ открывают возможности интеграции законности с другими ключевыми принципами правотворчества, включая научную обоснованность и демократичность. Анализ больших массивов статистической и научной информации повышает качество обоснования принимаемых решений [6]. Одновременно платформы цифрового участия и коллективного анализа нормативных актов создают прозрачность процесса и вовлечённость граждан, усиливая контроль общества за соблюдением принципа законности. Внедрение искусственного интеллекта в сферу правотворчества вызывает необходимость переосмысления традиционного понимания принципа законности, который ранее ассоциировался с обязательным соответствием правотворчества нормативным предписаниям. Новые цифровые реалии обуславливают расширение этого принципа за счёт увеличения возможностей систем ИИ, которые могут быть использованы в формировании правовых решений.

Принцип гласности

В современной правовой науке гласность традиционно рассматривается как фундаментальное условие функционирования демократического государства [7], направленное на обеспечение прозрачности процессов нормотворчества и доступа граждан к информации о деятельности государственных органов. В условиях цифровизации и интеграции технологий искусственного интеллекта в правотворчество, содержание данного принципа трансформируется и требует новой интерпретации.

Принцип гласности в эпоху ИИ приобретает дополнительные аспекты, включая необходимость

обеспечения технологической прозрачности, объяснимости решений, а также доступности сведений о функционировании алгоритмов, поскольку несмотря на возможности ИИ, нельзя исключать возможные ошибки в его работе [8, с. 160]. Применение непрозрачных моделей искусственного интеллекта, так называемых «черных ящиков», в процессе разработки проектов нормативных правовых актов может подрывать основы правовой определённости, делая невозможным объективный анализ оснований и фундамента принимаемых решений [9]. Прозрачность функционирования ИИ становится не только политико-правовой категорией, но и технологической задачей, требующей реализации механизмов, способных гарантировать возможность анализа алгоритмических процедур с позиций их правомерности и обоснованности.

Зарубежные подходы акцентируют внимание на важности обеспечения объяснимости принимаемых ИИ решений, а также прослеживаемости оснований и логики действий алгоритма [10]. Без внедрения этих механизмов гласность как принцип теряет эффективность в цифровой среде.

Европейская практика и рекомендации международных организаций подчёркивают приоритетность обеспечения этичности, понятности и подотчётности алгоритмических решений, используемых в нормативной деятельности.

Например, положения Общего регламента по защите персональных данных (GDPR) [11], а также принятый Закон в Европейском союзе об ИИ (AI Act) [12], относящие ряд ИИ-систем к категории повышенного риска и требуют от них соблюдения критериев прозрачности, воспроизводимости и юридической проверяемости.

Таким образом, существует необходимость обеспечения прозрачности и интерпретируемости алгоритмов, участвующих в разработке правовых норм [13, с. 633–705], поскольку невозможность отслеживания алгоритма действий и объяснимости результатов, генерируемых ИИ, снижает уровень общественного доверия к такому регулированию, порождая сомнения в его легитимности [14, с. 23–33].

Принцип научности (обоснованности)

Принцип научности традиционно требует, чтобы законодательные решения основывались на юридической теории, эмпирических данных и экспертной оценке [15]. В условиях внедрения технологий искусственного интеллекта этот принцип приобретает новое значение, связанное с необходимостью системного применения доказательной базы, включающей современные методы анализа и инструментальные средства, которые обеспечивают выработку обоснованного нормотворчества в эпоху цифровых преобразований. Использование искусственного интеллекта в законодательной деятельности также требует создания нормативно-методических стан-

дартов [16], которые должны стать основной для принимаемых с помощью ИИ решений.

Во-первых, технологии искусственного интеллекта позволяют обрабатывать большие массивы данных и выявлять устойчивые закономерности, что способствует формированию законодательства, основанного на данных data-driven decision making (с англ. принятие решений на основе данных). Как отмечается в исследовании «From pen to algorithm», использование языковых моделей и алгоритмов машинного обучения помогает создавать документы с учётом анализа информации и дезинформации, повышая тем самым обоснованность принимаемых норм в условиях информационных вызовов [17]. Вместе с тем возникает серьёзная проблема – необходимость обеспечения высокого уровня проверки и прозрачности методик, без которых использование таких алгоритмов может привести к искажению самого понятия обоснованности.

Во-вторых, общая концепция «применимых принципов» (actionable principles) подчёркивает, что деятельность с использованием ИИ сопровождаться чётко выстроенными процедурами: экспертной оценкой исходных данных, вовлечением мнения различных заинтересованных сторон, а также разработкой механизмов внедрения и контроля принимаемых решений [18]. Эта концепция должна применяться и к регулированию правотворческой деятельности с помощью ИИ, тем самым раскрывая принцип научности, что позволяет переходить от декларативных формулировок к практическому применению и обоснованию создаваемых норм.

Общественный контроль, участие экспертов и иных субъектов в правотворчестве с применением ИИ становится одним из важнейших условий обеспечения научности.

Кроме того, существует важный юридический аспект: внедрение искусственного интеллекта в процесс правотворчества – это не только технический процесс, но и юридически значимый акт, который должен сопровождаться публичной ответственностью. Так, в обсуждениях Европейского союза подчёркивается необходимость сохранения человеческого фактора и ответственности в принятии нормативных решений при использовании ИИ.

Таким образом, принцип научности в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта трансформируется и дополняется следующими элементами:

1. Внедрение комплексных процедур оценки и экспертизы с учётом мнения различных участников процесса;
2. Разработка и применение методологических стандартов для оценки корректности ИИ-решений;
3. Нормативный контроль за качеством исходных данных.

В результате, принцип научности становится неотъемлемой частью архитектуры цифрового правотворчества, формируя новые требования к законодательной деятельности и стимулируя взаимодействие юристов с техническими специалистами.

Принцип демократизма

Принцип демократизма традиционно занимает важное место в системе принципов правотворчества несмотря на то, что на практике участие граждан в законотворческом процессе является достаточно ограниченным. Реализация данного принципа зачастую носит формальный, декларативный характер. Тем не менее, его закрепление данного придаёт принимаемым нормативным актам легитимность, поскольку отражает потенциальное общественное согласие с ними, что, в свою очередь, формирует обязательность исполнения соответствующих норм.

Ключевым аспектом реализации принципа демократизма выступает обеспечение возможности общества ознакомиться с содержанием разрабатываемых законопроектов и выразить по ним свою позицию [19]. При этом не обязательна массовая вовлечённость граждан: достаточным считается наличие технической и процедурной возможности для реализации такого участия.

С развитием цифровых технологий и особенно в условиях Четвёртой промышленной революции, применение искусственного интеллекта в правотворчестве поднимает вопрос трансформации форм и механизмов реализации принципа демократизма. Хотя ИИ, как инструмент, не исключает участие граждан в законодательном процессе, важной задачей государства является создание новых каналов коммуникации и специализированных цифровых платформ, обеспечивающих доступ к информации и возможность обратной связи [20].

Важная функция демократизма в правотворчестве заключается в возможности принятия участия гражданами в разработке и обсуждении принимаемых нормативных актов [21]. В цифровой среде это означает доступ граждан к законопроектам, создаваемым с помощью ИИ, их обсуждение, возможность выражения своего мнения касательно того или иного вопроса.

Несмотря на существующую формальность реализации этого принципа и пассивность большей части граждан, сама возможность участия, как институциональная гарантия, играет ключевую роль. В соответствии с проведенными в 2019 году исследованиями ОЭСР, развитие технологий способствует вовлечению большего числа граждан в процесс законотворчества [22, с. 72]. Она закрепляет общественное признание правотворческого процесса, осуществляемого с помощью ИИ, и обеспечивает восприятие его результатов как легитимных и обязательных для исполнения. Таким образом, в эпоху цифровой трансформации задача правотворчества заключается не только в технологическом обновлении процедур, но и в переосмыслении способов реализации демократических основ законодательной деятельности.

Заключение

Несмотря на кардинальные технологические трансформации, традиционные принципы правотворче-

ства — законность, гласность, научная обоснованность, демократизм продолжают выполнять основополагающую роль правотворческого процесса, однако в скором времени они уже не могут реализовываться в прежней форме: их содержание усложняется, требует учета возможностей ИИ и технологической адаптации. Цифровизация не отменяет правовые принципы, но требует их переосмысления с учетом новых рисков и возможностей, порождаемых алгоритмизированными процессами.

На сегодняшний день правовая регламентация ИИ в сфере правотворчества остаётся фрагментарной. Современная практика свидетельствует о том, что примеры использования ИИ в подготовке нормативных решений носят точечный, экспериментальный характер и в основном осуществляются без должного институционального и нормативного сопровождения.

Это создаёт риск возникновения правотворческих решений с низкой прозрачностью, недостаточной правовой верификацией и слабой социальной легитимностью. В связи с этим особую актуальность приобретает задача институционализации цифровых принципов правотворчества: требуется дополнение содержания принципов, внедрение этических и технологических стандартов для ИИ-систем, участвующих в подготовке нормативных актов, а также закрепление на государственном уровне принципов правотворческой деятельности с использованием ИИ.

Литература

1. Кушнир А. М., Кушнир А. А. Критический анализ концепции Четвёртой промышленной революции Клауса Шваба // Социально-политические науки. — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 105–124. — DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-105-124.
2. Kabytov P. P., Nazarov N. A. Transparency in Public Administration in the Digital Age: Legal, Institutional, and Technical Mechanisms // Legal Issues in the Digital Age. — 2025. — Vol. 6, № 2. — P. 161–182. — DOI: 10.17323/2713-2749.2025.2.161.182.
3. Киселёв А. С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности [Электронный ресурс] // Lex Russica. — 2025. — Т. 78, № 6. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-pravovoy-analitiki-i-pravotvorcheskoy-deyatelnosti>. — Дата обращения: 01.08.2025.
4. Machine Executable Regulations: fiction or reality? [Электронный ресурс] — URL: <https://www.apus.ai/post/machine-executable-regulations-fiction-or-reality>. — Дата обращения: 01.08.2024.
5. Шаршун В. А. О применении искусственного интеллекта в государственной системе правовой информации [Электронный ресурс] // ResearchGate. — 2024. — Режим доступа: <https://>

- www.researchgate.net/publication/378555828. – Дата обращения: 01.08.2025.
6. Тимохин М. Ю., Шаранин В.Ю. Искусственный интеллект и теория принятия решений: современные тенденции // Инженерный вестник Дона. – 2023. – № 10.
 7. Будаев А.М. Принцип гласности в деятельности представительных органов муниципальных образований // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 2.
 8. Рябова О.А. Адвокатура и искусственный интеллект: проблемные аспекты // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 12 (228). – С. 160.
 9. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «Черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник КГУ. – 2024. – № 3. – С. 290–297. – DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.
 10. Бирюков Д. Н., Дудкин А.С. Объяснимость и интерпретируемость – важные аспекты безопасности решений, принимаемых интеллектуальными системами (обзорная статья) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 373–386. – DOI: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.
 11. General Data Protection Regulation [Электронный ресурс] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Дата обращения: 01.08.2025.
 12. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence [Электронный ресурс] – URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence>. – Дата обращения: 01.08.2025.
 13. Kroll J. A., Huey J., Barocas S. et al. Accountable Algorithms // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Vol. 165, № 3. – P. 633–705.
 14. Баксанский О. Е., Сорокина С.Г. Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 1. – С. 23–33. – DOI: 10.24158/fik.2025.1.2.
 15. Шушаева Т.А. Принцип научности как основание прогнозирования в правотворческой деятельности // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4.
 16. Куттыбаева А.К. Использование искусственного интеллекта в законотворчестве: организационные и правовые аспекты // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 29, № 4(116). – С. 60–69. – DOI: <https://doi.org/10.31489/2024L4/60-69>
 17. Guzyal H., Waddington M., Qiu L. From pen to algorithm: optimizing legislation for the future with artificial intelligence // AI & Society. – 2025. – Vol. 40. – P. 3075–3086. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02062-3>
 18. Stix C. Actionable Principles for Artificial Intelligence Policy: Three Pathways // Science and Engineering Ethics. – 2021. – Vol. 27, № 15. – DOI: 10.1007/s11948-020-00277-3.
 19. Олинович Д.А. Принцип демократизма как принцип формирования государственного аппарата // Вопросы теории и истории государства и права. – 2012. – № 3 (58).
 20. Плеханов С.В. Правовое регулирование деятельности цифрового государства Российской Федерации // Юридическая наука. – 2023. – № 4.
 21. Бошно С.В. Принципы правотворчества // Право и современные государства. – 2019. – № 2.
 22. OECD. Hello, World: Artificial Intelligence and its Use in the Public Sector [Электронный ресурс] // OECD Working Papers on Public Governance. – 2019. – No. 36. – P. 72. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/innovative-government/workingpaper-hello-world-artificial-intelligence-and-its-use-in-the-public-sector.htm>. – Дата обращения: 01.08.2025.

DEVELOPMENT OF THE CONTENT OF THE PRINCIPLES OF LAWMAKING IN THE ERA OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Moskalov Yu.M.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Legislative activity in the 21st century is undergoing profound transformation under the influence of the Fourth Industrial Revolution, which is characterized by the integration of digital, biological, and physical technologies. A key role in this process is played by artificial intelligence (AI), which is increasingly applied in legal practice and is now entering the sphere of lawmaking. AI is capable of analyzing large volumes of normative data, detecting contradictions, predicting the consequences of legislative initiatives, and enhancing the quality of justification for adopted decisions. These capacities necessitate a rethinking of the traditional principles of lawmaking – legality, publicity, scientific validity, and democracy.

The transformation of legality is manifested in the shift from formal compliance with existing law to proactive maintenance of legal coherence and predictability. Publicity, in the digital environment, requires transparency and explainability of algorithms. Scientific validity now implies the verifiability of digital models and mandatory expert evaluation of data. Democracy, which traditionally had a largely declarative character, gains new significance through digital platforms and mechanisms of public participation.

Thus, the introduction of AI does not abolish the fundamental principles of lawmaking but rather demands their adaptation to digital realities. In the future, institutionalization of digital principles, the development of ethical standards, and legal regulation of AI use in legislative processes will be crucial steps.

Keywords: artificial intelligence, lawmaking, Fourth Industrial Revolution, principles of law, legality, publicity, scientific validity, democracy, digitalization, algorithmization.

References

1. Kushnir A. M., Kushnir A.A. Critical Analysis of Klaus Schwab's Concept of the Fourth Industrial Revolution // Social and Political Sciences. – 2023. – Vol. 13, No. 4. – P. 105–124. – DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-105-124.
2. Kabytov P. P., Nazarov N.A. Transparency in Public Administration in the Digital Age: Legal, Institutional, and Technical Mechanisms // Legal Issues in the Digital Age. – 2025. – Vol. 6, No. 2. – P. 161–182. – DOI: 10.17323/2713-2749.2025.2.161.182.
3. Kiselev A.S. Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in the Field of Legal Analytics and Lawmaking [Electronic resource] // Lex Russica. – 2025. – Vol. 78, No. 6. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sfere-pravovoy-analitiki-i-pravotvorcheskoy-deyatelnosti>. – Date of access: 01.08.2025.
4. Machine Executable Regulations: Fiction or Reality? [Electronic resource] – URL: <https://www.aptus.ai/post/machine->

- executable-regulations-fiction-or-reality. – Date of access: 01.08.2024.
5. Sharshun V.A. On the Application of Artificial Intelligence in the State System of Legal Information [Electronic resource] // ResearchGate. – 2024. – Access mode: <https://www.researchgate.net/publication/378555828>. – Date of access: 01.08.2025.
 6. Timokhin M. Yu., Sharanin V. Yu. Artificial Intelligence and Decision-Making Theory: Current Trends // Engineering Bulletin of the Don. – 2023. – No. 10.
 7. Budaev A.M. The Principle of Publicity in the Activities of Representative Bodies of Municipalities // Education. Science. Scientific Personnel. – 2024. – No. 2.
 8. Ryabova O.A. Advocacy and Artificial Intelligence: Problematic Aspects // Agrarian and Land Law. – 2023. – No. 12 (228). – P. 160.
 9. Golovin K.S. The Need for Legal Regulation of the “Black Box” of Artificial Intelligence // Vestnik of KSU. – 2024. – No. 3. – P. 290–297. – DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-3-290-297.
 10. Biryukov D. N., Dudkin A.S. Explainability and Interpretability – Important Aspects of the Security of Decisions Made by Intelligent Systems (review article) // Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics. – 2025. – Vol. 25, No. 3. – P. 373–386. – DOI: 10.17586/2226-1494-2025-25-3-373-386.
 11. General Data Protection Regulation [Electronic resource] – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Date of access: 01.08.2025.
 12. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence [Electronic resource] – URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence>. – Date of access: 01.08.2025.
 13. Kroll J. A., Huey J., Barocas S. et al. Accountable Algorithms // University of Pennsylvania Law Review. – 2017. – Vol. 165, No. 3. – P. 633–705.
 14. Baksansky O. E., Sorokina S.G. Ethics of Artificial Intelligence: A Balanced Approach to Development and Application // Society: Philosophy, History, Culture. – 2025. – No. 1. – P. 23–33. – DOI: 10.24158/fik.2025.1.2.
 15. Shushaeva T.A. The Principle of Scientificity as a Basis for Forecasting in Law-Making Activity // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2015. – No. 4.
 16. Kuttybaeva A.K. Use of Artificial Intelligence in Law-Making: Organizational and Legal Aspects // Bulletin of Karaganda University. Series “Law”. – 2024. – T. 29, No. 4(116). – P. 60–69. – DOI: <https://doi.org/10.31489/2024L4/60-69>
 17. Guzyal H., Waddington M., Qiu L. From pen to algorithm: optimizing legislation for the future with artificial intelligence // AI & Society. – 2025. – Vol. 40. – P. 3075–3086. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-024-02062-3>
 18. Stix C. Actionable Principles for Artificial Intelligence Policy: Three Pathways // Science and Engineering Ethics. – 2021. – Vol. 27, No. 15. – DOI: 10.1007/s11948-020-00277-3.
 19. Olinovich, D.A. The Principle of Democratism as a Principle of Formation of the State Apparatus // Questions of Theory and History of State and Law. – 2012. – No. 3 (58).
 20. Plekhanov, S.V. Legal Regulation of the Activities of the Digital State of the Russian Federation // Legal Science. – 2023. – No. 4.
 21. Boshno, S.V. Principles of Lawmaking // Law and Modern States. – 2019. – No. 2.
 22. OECD. Hello, World: Artificial Intelligence and its Use in the Public Sector [Electronic resource] // OECD Working Papers on Public Governance. – 2019. – No. 36. – P. 72. – Access mode: <https://www.oecd.org/gov/innovative-government/workingpaper-hello-world-artificial-intelligence-and-its-use-in-the-public-sector.htm>. – Date of access: 01.08.2025.

Изучение законоведения в средних учебных заведениях России XIX – начала XX вв. (на материалах гимназий г. Саратова)

Николаев Владимир Евгеньевич,

доцент кафедры истории государства и права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: nivlev@list.ru

На основе архивных источников и опубликованных материалов показан процесс регулирования преподавания законоведения в средних учебных заведениях (гимназиях) в дореволюционной России. Рассмотрена специфика преподавания предмета в различных видах этих учреждений, а также вопросы регламентации практического ознакомления учащихся с изучаемыми в курсе законоведения вопросами.

Сделан вывод о том, что регламентация преподавания дисциплин, связанных с правом, в структуре гимназического курса отражала те задачи, которые ставило государство, вводя данный предмет в учебные программы. Основной целью изучения законоведения стала подготовка будущих выпускников к государственной службе, что отражало сохранявшийся в целом сословный характер гимназического образования. При этом формированию у учеников базовых правовых знаний и навыков, необходимых в повседневной практической жизни, уделялось весьма незначительное внимание, а возможности знакомства с правовой жизнью вне стен учебного заведения организовано пресекались.

Ключевые слова: среднее образование, законоведение, гимназии, женское образование, посещение судебных заседаний, изучение воинских уставов.

Продолжающаяся дискуссия о месте общественных дисциплин в современной средней школе вновь заставляет обратиться к изучению вопроса о практике преподавания сходных по содержанию предметов в предшествующие исторические периоды. В дореволюционный период дисциплиной, знакомящей учащихся с общей теорией права, базовыми положениями действовавшего законодательства являлось законоведение.

Вопрос о преподавании законоведения в средних учебных заведениях Российской империи уже получил свое рассмотрение в ряде публикаций [1; 2]¹. В настоящем исследовании на примере гимназий – наиболее распространенного типа средних учебных заведений, функционировавших в г. Саратове – крупном губернском центре, изучаются особенности регулирования преподавания данного предмета в различных видах этих учреждений, а также регламентация деятельности по знакомству учащихся с изучаемыми вопросами на практике.

История гимназического образования в Саратовской губернии начинается с открытием здесь в 1820 г. губернской мужской гимназии (после открытия в 1897 г. другого подобного заведения получившей наименование первой). С момента своего открытия и до 1835 г. преподавание в ней велось в соответствии с положениями высочайше утвержденного устава учебных заведений, подведомственных университетам, от 5 ноября 1804 г., где предусматривалось обучение «праву естественному» и «праву народному», однако в 1819 г. эти дисциплины были исключены из гимназического курса [3, с. 14; 4, с. 7]. Указом Правительствующему Сенату от 8 декабря 1828 г. «Об Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского», введенным в действие в Саратовской гимназии с 1835 г., перечень предметов был изменен, однако юридических дисциплин в нем также не предполагалось [5, стлб. 150–209].

Частичное восстановление преподавания законоведения произошло с принятием Высочайшего повеления от 2 сентября 1847 г. «Об учреждении при гимназиях классов российского законоведения» [6]. Несмотря на то, что указ касался лишь

¹ См.: Иванова С.П. Становление дисциплины «законоведение» в гимназиях второй половины XIX – начала XX вв. // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5–2. С. 94–102; Лебедева О.В. Историко-генетические аспекты изучения законоведения в российской школе // Интеграция образования. 2004. № 4. С. 59–65.

поименованных в нем учебных заведений, и Саратовская губернская гимназия в нем не упоминалась, сохранившаяся ведомость об успехах учеников VII класса по разным предметам за 1846–1847 академический год, позволяет утверждать, что по крайней мере часть учащихся изучала этот предмет уже в 1847 г.¹ В 1849 г. с утверждением новых обязательных программ для всех гимназий, изучение русского законоведения было введено для лиц, готовящихся ко вступлению в службу [7, с. 146–153].

Предписанием министра народного просвещения от 14 мая 1852 г. были выделены три типа гимназий, в т.ч. гимназии с преподаванием законоведения или с преподаванием законоведения и естественной истории. Для данных типов было предусмотрено наличие специальных предметов, преподававшихся с IV по VII классы, перечень которых зависел от категории слушателей. Для готовящихся к поступлению в университет преподавался латинский язык, для готовящихся в службу – законоведение (по 4 урока в V, VI и VII классах) [8, с. 27–55]. Сохранившиеся документы за конец 1850-х – первую половину 1860-х гг. подтверждают преподавание в Саратовской мужской гимназии данной дисциплины².

Уставом гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г. законоведение как предмет было отменено, однако в § 41 было указано, что во всех типах гимназических учебных заведений «сообщается ученикам высшего класса пред выпуском директором или по его выбору инспектором или одним из учителей в кратком изложении по особо составленному <...> учебнику или руководству, понятие о нашем государственном устройстве, об основных законах империи, касающихся верховной власти, о значении разных присутственных мест и о главных законах гражданских и уголовных» [9, стлб. 1309]. Таким образом, законоведение было выведено из числа учебных предметов, не было определено и количество отводимых на него часов. Сведения о каком-либо знакомстве с ним саратовских гимназистов со второй половины 1860-х гг. также отсутствуют. В измененной редакции устава, принятой 30 июля 1871 г., все упоминания о законоведении были исключены [7, с. 301–302].

Очередное появление законоведения в образовательных программах связано с циркуляром министерства народного просвещения от 5 июня 1905 г. № 10957, согласно которому предмет вводился с 1905/1906 учебного года в VII классе большинства мужских гимназий в объеме одного урока в неделю, а со следующего учебного года – и в VIII классе при двух уроках [10]. Циркулярами от 16 июня – 4 июля 1905 г. № 11657 были утверждены программы преподавания законоведения в мужских гимназиях [11].

В начале XX столетия в Саратовских первой и второй мужских министерских гимназиях, законоведение преподавалось согласно министерской программе в седьмых и восьмых классах³. Согласно циркуляру министерства народного просвещения от 23 августа 1906 г. № 16683 испытанию зрелости по законоведению должны были подвергаться лишь посторонние лица, ученикам же должны были выставляться лишь годовичные отметки [12, с. 172]⁴.

С появлением в конце XIX в. частных мужских гимназий курс законоведения вводился там на общих основаниях (сохранились сведения о преподавании законоведения в Саратовской мужской гимназии Саратовского общества по открытию школ среднего образования⁵ и в Саратовской полноправной гимназии А.М. Добровольского) [13, с. 101].

Программы преподавания женских средних учебных заведений изучения законоведения не предусматривали. Анализ документов (учебные программы, списки преподавательского состава и ведомости на выдачу жалования, протоколы заседаний педагогических советов, уставы, годовые отчеты, экзаменационные ведомости, свидетельства об окончании и т.п.) в сохранившихся фондах женских гимназий (1-я женская гимназия, бывшая Э.К. Ульрих; 2-я женская гимназия, бывш. А.Д. Куфельд, 3-я женская гимназия министерства народного просвещения, 4-я женская гимназия, бывш. М.И. Горенбург; Ильинская профессиональная женская гимназия, городская частная женская гимназия А.И. Воротынской, женская гимназия, учрежденная инженером Курныгиным), свидетельствует о том, что в их программах законоведение отсутствовало, а в качестве специального предмета, как правило, значилась педагогика, изучаемая в дополнительных (восьмых) классах.

Исключение составляла Саратовская Мариинская женская гимназия, где законоведение было включено в перечень дисциплин, изучаемых в рамках прохождения обучения в дополнительном педагогическом классе на словесном и математическом отделениях в количестве двух уроков в неделю. Данный факт подтверждается документами за период с осени 1911 г. по лето 1918 года⁶ (документов за более ранний период не сохранилось).

Архивные материалы также позволяют говорить о попытках введения законоведения в курс ряда частных женских гимназий в середине 1900-х гг. Так, например, в списке преподавателей, поданных Саратовской женской гимназией М.И. Горенбург на утверждение попечителя Казанского

³ См.: ГАСО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 39. Л. 17, 53 об., 81 об.; Д. 52. Л. 7 об.–8; Д. 63. Л. 31, 54 об.; Д. 103. Л. 2 об., 20, 60 об.; Д. 127. Л. 18, 44 об.; Д. 152. Л. 18, 46 об., 49 об., 53 об.; Д. 195. Л. 2 об., 24, 33, 54 об.; Д. 227. Л. 3, 22, 31, 52; Д. 251. Л. 2, 9, 12, 21, 55; Д. 272. Л. 69а об.–69 б.

⁴ См. также: См.: ГАСО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 6. Л. 21–23.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 47. Л. 19; Д. 58. Л. 2.

⁶ См.: ГАСО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 413. Л. 5–6; Ф. 245. Оп. 1. Д. 162. Л. 7 об., 7а, 12; Д. 64. Л. 3 об., 24 об., 25; Д. 77. Л. 14–14 об.; Д. 78. Л. 29 об., 32; Д. 89. Л. 92–95 об.; Д. 105. Л. 2.

¹ См.: ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 1.

² См.: ГАСО. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.–23; Д. 6. Л. 11, 11 об., 14, 14 об.; Д. 7. Л. 8 об.–9, 33 об.–48 и др.; Д. 8.

учебного округа в 1908 г., упоминается преподаватель законоведения И.П. Глебов¹. В 1906 г. попытку введения законоведения в учебную программу предпримет и частная женская гимназия А.И. Воротынской². Однако материалы делопроизводства за последующие годы говорят о том, что обе эти попытки окончились неудачей.

В некоторых женских гимназиях законоведение как дисциплина была введена в 1917/1918 учебном году. Соответствующую оценку, например, можно обнаружить во временном свидетельстве одной из учениц VIII дополнительного общеобразовательного класса Саратовской женской гимназии министерства народного просвещения, учрежденной А.Д. Куфелем, выданном 28 июня 1918 г.³ Бланк свидетельства об окончании восьми классов Саратовской 3-й Ильинской женской гимназии министерства народного просвещения, учрежденной попечительным советом Ильинской профессионально-ремесленной школы, выданный другой ученице летом 1918 г., также содержит указание на преподавание законоведения в качестве дополнительного предмета, однако оценка по нему выставлена не была, сохранившиеся документы о преподавательском составе за тот же период говорят о том, что данный курс фактически не преподавался⁴.

Таким образом, положение с преподаванием основ права в женских учебных заведениях оставалось неудовлетворительным. Их выпускницы, за редким исключением, могли лишь с сожалением согласиться с мнением своей предшественницы Е.А. Дьяконовой, автора популярного в молодежной среде в начале XX века «Дневника русской женщины», написавшей в начале 1890-х гг.: «Хочу просить студента принести мне лекции государственного права, именно те, где читается о гражданском управлении России. Мы, русские девушки, к стыду нашему, даже не имеем об этом понятия, — так курс наших гимназий краток, и так мало стараются сообщать нам сведения о своем отечестве; огромное большинство, почти все женщины среднего круга, в особенности из купечества, совсем не знают, как управляется страна, а ведь это вопрос очень живой и серьезный» [14, с. 89].

Наряду с изучением законоведения как общегражданской дисциплины в период Первой мировой войны руководством страны была предпринята попытка организации изучения положений воинских уставов. С конца 1915 г. в мужских средних учебных заведениях вводится «мобилизация спорта», т.е. подготовка учеников старших классов допризывного возраста к несению строевой военной службы в рядах русской армии. Согласно высочайше утвержденному 8 декабря 1915 г. «Положению о мобилизации спорта», а также разработанным на его основе нормативно-методическим докумен-

там, указанная работа возлагалась на учебные заведения, а также спортивные общества.

Занятия предполагалось вести во всех средних учебных заведениях, где имелись ученики старше 16-летнего возраста (в гимназиях — с учащимися восьмых, в реальных училищах — седьмых выпускных классов) в объеме не менее трех часов в неделю в качестве отдельного курса, который можно было разделить на два года. Изучение допризывной подготовки завершалось производством испытаний, производимых особой комиссией с участием представителей военно-спортивных комитетов. В качестве альтернативного варианта предлагалась также организация специальных курсов, устраиваемых военно-спортивными комитетами, с которыми администрации учебных заведений должны были входить в соглашение о правильной постановке занятий [15, с. 253–311; 16].

Имевшие ограничения по здоровью или другим уважительным причинам освобождались от прохождения части курса по постановлению педагогического совета и заключению гимназического врача. «Принимая, однако, во внимание, что в курс допризывной подготовки военного строя входят воинский устав и много других полезных сведений, изучение которых может способствовать приучению учащихся к совместным действиям и дисциплине, развивая в них вместе с тем сознание долга и преданности Царю и Родине», было признано необходимым, «чтобы ученики, освобожденные от физических упражнений, прошли остальную (словесную) часть программы, изложенную в Высочайше одобренном руководстве по допризывной подготовке, изданном Главнаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской империи и разосланном учебным заведениям при циркулярном распоряжении министерства народного просвещения от 23 декабря 1915 г. № 124» [17]. В первую очередь, это касалось правил и требований воинских уставов [15, с. 87–141, 232–249].

Фактическая реализация программы допризывной подготовки, как можно видеть из проведенных на этот счет исследований, в период 1915–1917 гг. столкнулась со значительными трудностями и в виду краткости отведенного для нее историей срока не была осуществлена полностью [18]. Материалов, отражающих реализацию данной программы в Саратове, не обнаружено.

В рамках внеклассной работы, получавшей все больше распространение в начале XX в., практиковалась организация для учащихся различного рода экскурсий (естественно-исторических, промышленных и т.д.), которые могли бы способствовать практическому знакомству с явлениями, изучаемыми в стенах учебных заведений. Область законоведения в этом смысле являлась исключением. Ученикам средних учебных заведений было категорически запрещено посещать судебные заседания (циркулярное предложение попечителя округа от 26 июля 1907 г. № 15687) и земские собрания (предложение от 9 сентября 1907 г. № 2663). Указанные положения были включены впоследствии

¹ См.: ГАСО. Ф. 244. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

² См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3091.

³ См.: ГАСО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 138. Л. 1; Д. 134; 139.

в параграф 12 «Правил относительно соблюдения порядка и приличия учениками средних учебных заведений г. Саратова», которыми ученикам запрещалось присутствовать в числе публики в залах судебных заседаний и всех вообще общественных собраниях иначе как с разрешения начальства учебного заведения. Данные положения были отменены лишь циркулярным предложением министерства народного просвещения от 20 апреля 1917 г.¹

Другим министерским распоряжением от 21 января 1887 г. ученикам не позволялось участвовать не только в различных незаконных объединениях (сообществах и землячествах), но и в разрешенных законом обществах, равно как и составлять между собою какие бы то ни было сборища и собрания без разрешения начальства под угрозой увольнения из учебного заведения [19, с. 23–24]. Позднее указанное положение было повторено в параграфах 15 и 16 упоминавшихся выше «Правил...»². Таким образом, исключалась в том числе и возможность участия в научных или просветительных обществах: например, Саратовском юридическом обществе (в прим. 1 параграфа 4 его устава также был установлен прямой запрет на включение в состав членов несовершеннолетних, за исключением имевших классные чины) [20, с. 3].

Преподавание законоведения в гимназиях как учебной дисциплины в рамках действующих образовательных программ было прекращено осенью 1918 г. в связи с принятием ВЦИК РСФСР «Положения об единой трудовой школе» [21].

Таким образом, регулирование преподавания законоведения в средних учебных заведениях в исследуемый период прошло несколько этапов, отражающих те задачи, которые ставило государство, вводя данный предмет в учебные программы. Основной целью изучения базовых положений правоведения в школе стала подготовка будущих выпускников к государственной службе, что отражало сохранявшийся в целом вплоть до 1917 г. сословный характер гимназического образования. К началу XX века, несмотря за изменившиеся условия, требовавшие, в первую очередь, наличия у учеников базовых правовых знаний и формирования навыков для повседневной практической жизни, соответствующих изменений в образовательные программы внесено не было, изучение дисциплины продолжало носить формальный характер, а попытки знакомства учащихся с существующей правовой жизнью пресекались практически полностью в целях исключения вовлечения молодежи в политическую деятельность.

Литература

1. Иванова С.П. Становление дисциплины «Законоведение» в гимназиях второй половины

¹ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4230. Л. 101.

² См.: ГАСО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 102. Л. 33–33 об.

- XIX – начала XX вв. // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5–2. С. 94–102.
2. Лебедева О.В. Историко-генетические аспекты изучения законоведения в российской школе // Интеграция образования. 2004. № 4. С. 59–65.
3. Устав учебных заведений, подведомственных университетам, утв. 5 ноября 1804 г. СПб.: б.и., 1805. 76 с.
4. Отчет Саратовской губернской гимназии за 1885–1886 учебный год / Сост. В.А. Боголюбовым. Саратов: тип. П.С. Феофритова, 1886. 104, 20 с.
5. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение первое. 1825–1839. СПб.: тип. Императ. акад. наук, 1864. 1224 стлб.
6. Высочайшее повеление от 2 сентября 1847 г. «Об учреждении при гимназиях классов русского законоведения» // Журнал министерства народного просвещения. 1847. Т. 56. С. 9–10.
7. Алешинцев И.А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: издание О. Богдановой, 1912. IX, 346, VI с.
8. Распределение учебных предметов по классам для гимназий // Журнал министерства народного просвещения. 1852. № 8. С. 27–55.
9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб.: тип. Императ. акад. наук, 1865. 1434, 140, 42 стлб.
10. Циркуляр министерства народного просвещения попечителям учебных округов от 5 июня 1905 г. № 10974 // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 8. С. 94–98.
11. Циркуляр министерства народного просвещения от 16 июня – 4 июля 1905 г. № 11657 «О программах преподавания в мужских гимназиях законоведения и философской пропедевтики» // Журнал министерства народного просвещения. 1905. № 9. С. 39–45.
12. Программы и правила об испытаниях для мужских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения / Сост. А.М. Лаурсон. СПб.: тип. В.Д. Смирнова, 1913. XIV, 172 с.
13. Весь Саратов: адресно-справочная книга на 1916 год / Сост. А. Майзульс. Саратов: тип. «Саратовская почта», 1916. [4], 132 с.
14. Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 672 с.
15. Мобилизация спорта: руководство для допризывной подготовки к военной службе, согласно высочайше утвержденному 8 декабря 1915 г. Положению о мобилизации спорта. 3-е изд. Пг.: Главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи, 1916. 317, IX с.

16. О допризывной подготовке учащихся мужских учебных заведений // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1916. № 9–10. С. 244–246.
17. Дополнение к циркулярным распоряжениям о мобилизации спорта // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1916. № 5–6. С. 126–128.
18. Сидорчук И.В. От «Положения о мобилизации спорта» к советской физкультуре // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI Международной научно-практической конференции (Брянск, 17–18 мая 2019 г.). Брянск: БГИТУ, 2019. С. 339–347.
19. Отчет Саратовской губернской гимназии за 1886–87 учебный год / Сост. В.А. Боголюбовым. Саратов: тип. П.С. Феокритова, 1887.
20. Устав Саратовского юридического общества. Саратов: типо-лит. П.С. Феокритова, 1903. 9 с.
21. Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 74. Ст. 812.
3. The Charter of educational institutions subordinate to universities, approved on November 5, 1804, St. Petersburg: B.I., 1805. 76 p.
4. Report of the Saratov Provincial Gymnasium for the 1885–1886 academic year / Comp. by V.A. Bogolyubov. Saratov: Printing house of P.S. Feokritov, 1886. 104, 20 p.
5. Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 2. The reign of Emperor Nicholas I. 1825–1855. Department one. 1825–1839. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1864. 1224 clm.
6. The Supreme Decree of September 2, 1847 “On the establishment of classes of Russian law studies at gymnasiums” // Journal of the Ministry of National Education. 1847. Vol. 56. pp. 9–10.
7. Aleshintsev I.A. The history of gymnasium education in Russia (XVIII and XIX centuries). St. Petersburg: O. Bogdanova edition, 1912. IX, 346, VI p.
8. The distribution of academic subjects by classes for gymnasiums // Journal of the Ministry of Public Education. 1852. No. 8. pp. 27–55.
9. Collection of resolutions on the Ministry of National Education. Vol. 3. The reign of Emperor Alexander II. 1855–1864. St. Petersburg.: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1865. 1434, 140, 42 clm.
10. Circular of the Ministry of Public Education to the trustees of educational districts dated June 5, 1905, No. 10974 // Journal of the Ministry of Public Education. 1905. No. 8. pp. 94–98.
11. Circular of the Ministry of Public Education dated June 16 – July 4, 1905 No. 11657 “On programs for teaching law and philosophical propaedeutics in men’s gymnasiums” // Journal of the Ministry of Public Education. 1905. No. 9. pp. 39–45.
12. Programs and rules on tests for men’s gymnasiums and progymnasiums of the Department of the Ministry of National Education / Comp. A.M. Laurson. SPb.: Printing House of V.D. Smirnov, 1913. XIV, 172 p.
13. The whole of Saratov: an address and reference book for 1916 / Comp. A. Maizuls. Saratov: Printing House of Saratov Post, 1916. [4], 132 p.
14. Dyakonova E.A. Diary of a Russian woman. Moscow: Publishing House of the International University in Moscow, 2006. 672 b.p.
15. Mobilization of sports: a guide for pre-conscription preparation for military service, in accordance with the Regulations on the Mobilization of Sports, which were highly approved on December 8, 1915. 3rd ed. Pg.: Chief Observer of the physical development of the population of the Russian Empire, 1916. 317, IX p.
16. On pre-conscription training of students of men’s educational institutions // Circular on the Kazan educational District. 1916. No. 9–10. pp. 244–246.
17. Supplement to the circular orders on the mobilization of sports // Circular on the Kazan Educational District. 1916. No. 5–6. pp. 126–128.
18. Sidorchuk I.V. From the “Regulations on the mobilization of sports” to Soviet physical education // Problems and trends in the development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity: proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference (Bryansk, May 17–18, 2019). Bryansk: BГИТУ, 2019. pp. 339–347.
19. Report of the Saratov Provincial Gymnasium for the 1886–87 academic year / Comp. by V.A. Bogolyubov. Saratov: Printing house of P.S. Feokritov, 1887.
20. Charter of the Saratov Law Society. Saratov: Printing house of P.S. Feokritov, 1903. 9 p.
21. Regulations on the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic // Collection of laws and regulations of the workers’ and Peasants’ government. 1918. No. 74. St. 812.

THE STUDY OF JURISPRUDENCE IN SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS FROM SARATOV GYMNASIUMS)

Nikolaev V.E.

Saratov State Law Academy

The article shows the process of regulating the teaching of jurisprudence in secondary schools (gymnasiums) in pre-revolutionary Russia based on archival sources and published materials. The specifics of teaching the subject in various types of gymnasium institutions, as well as issues of regulating the practical familiarization of students with the issues studied in the course of jurisprudence are considered.

It is concluded that the regulation of teaching law-related subjects in the structure of the gymnasium course reflected the tasks set by the state when introducing this subject into the curricula. The main purpose of studying jurisprudence was to prepare future graduates for public service, which reflected the generally class-based nature of gymnasium education. At the same time, very little attention was paid to the formation of students’ basic legal knowledge and skills necessary in everyday practical life, and opportunities for familiarization with legal life outside the walls of an educational institution were systematically suppressed.

Keywords: secondary education, law studies, gymnasiums, women’s education, attendance at court sessions, study of military regulations.

References

1. Ivanova S.P. The formation of the discipline “Jurisprudence” in gymnasiums of the second half of the XIX – early XX centuries // Actual issues of modern science. 2009. No. 5–2. pp. 94–102.
2. Lebedeva O.V. Historical and genetic aspects of the study of jurisprudence in the Russian school // Integration of education. 2004. No. 4. pp. 59–65.

Проблемы квалификации преступлений по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества

Пыхтин Александр Витальевич,
независимый исследователь
E-mail: sashacool2018@yandex.ru

В современном мире с развитием технологий злоумышленникам все проще маскировать совершенные преступления, из-за чего возникают серьезные трудности с обнаружением и квалификацией преступлений по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. В связи с этим у судей могут возникать серьезные проблемы с правильной квалификацией того или иного преступления. Это же в свою очередь удлинняет судебный процесс и перегружает суд. В данной статье будет рассмотрена история возникновения и криминализации преступления по легализации имущества, полученного преступным путем, а также будет проанализирована судебная практика по вопросам квалификации преступлений по легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества. После анализа особенностей статей 174 и 174.1 Уголовного кодекса РФ будут даны рекомендации для предупреждения преступлений, предусмотренных данными статьями.

Ключевые слова: квалификация, отмывание денег, судебная практика, преступления.

Для осуществления различных целей физических лиц, юридических лиц нужны определенные средства. Но не всегда их получают законным путем, и чтобы данные средства стали законными, злоумышленники проводят процесс легализации этих средств. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (далее ПП ВС РФ N 32) этими средствами являются не только валюта определенной страны, но движимое и недвижимое имущество и даже различные права.

Именно процесс легализации средств является самым опасным преступлением в экономической сфере общества, потому что при отмывании средств скрывается их источник. Эта проблема также важна не только для юридических лиц, но и для обычных людей, потому что изъятое имущество, которое позже легализовали, сильно затрудняет поиск злоумышленника и настоящего владельца.

Тем более постоянно развивающиеся технологии усложняют процесс квалификации преступлений по различным статьям. Но это было не всегда, сам по себе термин «отмывание» денег возник еще в США, когда мафиозные организации создавали большую сеть прачечных, для того чтобы скрыть преступную природу происхождения денежных средств. После чего преступные организации использовали «доходы» от прачечных для организации последующих преступлений. И только в 1980-х годах в США преступления в сфере отмывания денег были криминализированы. Отмывание денег признано преступлением международного характера [9]. Были приняты ряд конвенций, которые документально закрепили криминальный характер этого преступления. Спустя некоторое время уже в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 28.05.2001 N 62-ФЗ, который ратифицировал международный документ об отмывании денежных средств. После данного документа уже в Российской Федерации официально появился термин «отмывание денег».

Как и во многих правовых сферах, в уголовном праве имеются свои сложности в квалификации преступлений, которые могут выражаться в следующих аспектах:

- Скрытость (латентность) преступлений, что проявляется в сложности выявления основного

преступления, благодаря которому злоумышленник незаконно получил имущество.

- Из первого пункта вытекает еще одна сложность в квалификации, которая заключается в том, что данные преступления являются предикатными, т.е. они не могут существовать отдельно от других статей УК РФ.
- В современном мире постоянно развиваются технологии, которыми злоумышленники пользуются и успешно легализуют денежные средства и иное имущество. Данная причина также усложняет квалификацию, потому что тяжело отследить цепочку событий.

В данной работе будет рассмотрена различная судебная практика по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ. Также помимо судебной практики будет рассмотрена и проанализирована научная деятельность по вопросам квалификации преступлений по легализации.

Прежде чем начать рассматривать судебную практику по противодействию легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества уголовно-правовыми средствами, стоит ознакомиться с вопросами квалификации. Это довольно важный аспект, потому что именно с правильной квалификации можно рассматривать вопросы правоприменительной практики.

В соответствии с УК РФ под легализацией денежных средств понимается «совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом» [1]. Особого внимания из этого определения заслуживают следующие слова:

- Операции
- Сделки
- Денежные средства
- Иное имущество

Для определения данных понятий стоит обратиться к ПП ВС РФ N 32. В соответствии под первым термином понимается любые операции такие как: размен денежных средств, расчеты (как наличные, так и безналичные), обмены различных валют друг на друга и т.д. Также стоит отметить, что все операции, проделываются для того, чтобы скрыть связь имущества с источником, которые является нелегальным и преступным.

В данном постановлении под сделками понимается «действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей», а также создание определенной иллюзии и видимости перехода определенных прав от одного лица к другому.

В соответствии с ПП ВС РФ N 32 в понятие денежным средств входят как наличные, так и безналичные денежные средства, валюта государств (как валюта РФ, так и других стран), если говорить про иное имущество, то под ним понимается любое

движимое и недвижимое имущество, различные документальные и бездокументальные ценные бумаги, имущественные права, определенное имущество, полученное от переработки той или иной вещи, которую злоумышленник получил преступным путем. В пример можно привести обычный дом, который построен из стройматериалов, полученных преступным путем. Получается, что денежные средства и иное имущество можно назвать, одним словом, капитал, который получили злоумышленники в противоречии с законом. Того же мнения В.Б. Букарев «Легализация как финансово-экономическая категория на сегодняшний день представляет собой процесс преобразования криминального капитала в легальный» [8, с. 23]

Как было рассмотрено ранее, многое имущество в разных формах может быть легализовано в рамках преступной деятельности. Из формулировок диспозиций ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ следует, что капитал изначально был получен нелегально. Само по себе преступление по легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества очень тяжело квалифицировать, потому что прежде чем эту статью применить к подозреваемому, нужно изначально выявить такие денежные средства и (или) имущество. А их тяжело выявить, потому что они легализовывались и становились юридически чистыми. Того же мнения придерживаются Страмилова Т.П. и Лисичников Д.Н. В своей работе [5, с. 139–142] они утверждают данные преступления обладают крайне большой латентностью из-за того, что после удачной легализации субъектов преступления почти невозможно найти. Также они считают, что и в экономической сфере эти преступления тяжело расследовать в отличие от общегосударственных преступлений.

Еще одной сложностью в квалификации данного преступления является процесс доказывания вины злоумышленника, который изначально знал о нелегальном происхождении имущества. В случаях, когда это лицо не признало свою вину и при отсутствии показательных признаний лица, которое передало такое имущество, будет очень тяжело доказать вину из-за банального отсутствия доказательств.

Таким образом, правоприменитель сталкивается со сложностью в правильной квалификации преступления в тот момент, когда необходимо выявить незаконное происхождение денежных средств, различного имущества и доказывания вины подозреваемого.

Для подтверждения этой позиции стоит рассмотреть приговор № 1–328/2024 от 24 июля 2024 г. по делу № 1–328/2024. В материалах данного дела некий гражданин А. осуществлял хранение для будущего распространения наркотические средства. За данные действия он получал плату в криптовалюте, а именно в биткойнах. Данную криптовалюту он конвертировал в рубли через одноименного бота в Telegram для придания правомерного вида пользованию, владению и распоряжению денежными средствами, после чего денежные средства

перевел себе на банковскую карту. В данном деле у сотрудников правоохранительных не было никаких сложностей в квалификации данного преступления по ст. 174.1 УК РФ, потому что гражданин А. заключил досудебное сотрудничество со следствием, полностью рассказал свои мотивы и какие он совершил деяния, которые позже образовали полный состав преступления, предусмотренной статьей, которую я указал выше. Также во время суда он полностью признал свою вину.

Совершенно аналогичная ситуация рассмотрена в приговоре № 1–123/2024 от 3 июня 2024 г. по делу № 1–123/2024. В данном деле злоумышленник совершил ряд преступлений, заключающихся в сбыте наркотических веществ, за что получал оплату в виде криптовалюты Биткоин. Позже он через сторонний сайт конвертировал ее в рубли и переводил себе на карту, чем придавал легальный вид пользованию, владению и распоряжению полученным средствам за совершение преступления. Данный злоумышленник сотрудничал со следствием и полностью признал свою вину, что сильно помогло в квалификации преступления.

Приговор № 1–436/2024 от 10 июля 2024 г. по делу № 1–436/2024 – крайне схожая фабула. Злоумышленник хранил у себя наркотики для будущей продажи, вознаграждение он получал в криптовалюте, которую конвертировал через сторонние сайты.

Как видно из приведенных примеров выше, квалификация преступления злоумышленников не вызвала какой-либо проблемы, потому что злоумышленники сотрудничали со следствием.

Еще одной особенностью данного преступления, предусмотренные статьей 174 и 174.1 УК РФ, является постоянно меняющийся способ его совершения. Потому что со временем появляются различные технологии, которые помогают скрыть нелегальный источник средств или имущества. Одной из этих технологий стоит считать оплату за совершение того или иного преступления осуществляемую в криптовалюте. Данные способ передачи денежных средств я считаю очень удачным, потому что он способствует главной особенности преступления предусмотренные двумя статьями, упомянутыми выше, а именно латентности преступления. Это все связано с особенностью перевода криптовалюты между субъектами, которая заключается в том, что для перевода нужен только адрес кошелька получателя. Данный перевод нигде ни у кого не отображается, в отличие от обычного банковского перевода. В последствии данная криптовалюта конвертируется в нужную валюту, позже чего эта валюта легализуется и ничем не отличается от той, которую получают в соответствии с законодательством.

Из вышесказанного следует, что квалификация преступления в соответствии с статьями о легализации сильно зависит от признания самого виновного лица, потому что современные технологии помогают скрыть факт отмыывания.

Примером может также послужить два дела, рассмотренные ранее (дело № 1–123/2024 и дело № 1–436/2024), в них злоумышленники полностью признали свою вину и вместе с тем содействовали раскрытию преступления, рассказали, как именно и когда с помощью чего легализовали денежные средства, которые они получил в качестве оплаты за преступление. Как мы видим из материалов дела, кроме сведений, предоставленных злоумышленниками, у органов дознания и следствия не было, которые бы указывали на состав преступлений, указанных в статьях 174.1 УК РФ. Данные дела показывают, насколько может быть скрытым легализация с помощью электронных средств и децентрализованной электронной валюты Биткоин.

Но не стоит забывать, что и у правоохранительных органов тоже технологии не стоят на месте. Они могут с помощью отслеживания различных операций выявить легализацию денежных средств или иного имущества. Для наглядности стоит рассмотреть приговор № 1–231/2015. В данном деле злоумышленник А. с помощью соучастников легализовал денежные средства путем дробление изъятой суммы денег и вместе с этим проведения большого количества финансовых операций, благодаря чему изъятая денежная сумма приобретала легальный вид, потому что он просто теряется в множестве других операций. Несмотря на сложность схемы злоумышленников, органы следствия и дознания смогли выявить факт легализации, потому что с помощью современных технологий в виде электронной банковской системы они смогли проанализировать больше 10 банковских операций, что было достаточно для квалификации преступления по ст. 174.1 УК РФ. Все же я бы считал это дело больше исключением, чем явным показателем равенства сил, потому что технологии очень быстро развиваются и не всегда правоохранительные органы к ним успевают адаптируются, тем более адаптация начинается только в тот момент, когда возникает необходимость противодействию преступности.

Если рассмотреть другие дела, включая те, которые представленные в данной работе, то можно сделать вывод, что данные преступления являются предикатными [7]. Это означает, что для совершения основного состава преступления (легализация), нужно еще одно преступление, в результате которого у злоумышленника появится незаконные денежные средства и имущество, которое он получил в качестве вознаграждения или злоумышленник его изъяс. Еще может быть другая ситуация, которую я изображу в виде примера: один злоумышленник совершил тайное хищение чужого имущества и получил за это определенное вознаграждение, а другой помог ему его легализовать полученное вознаграждение. Два рассмотренных мной случая показывают большую особенность квалификации данных преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ. Это и создает некоторую сложность в судебной практике в целом. Потому что в большинстве случаев за пре-

ступления, предусмотренные статьями 127.1, 158, 172, 198, 290 УК РФ и т.д. преступники получали вознаграждение, которое нужно обязательно ввести в общий оборот денежных средств путем передачи им правомерного вида пользованию, владению и распоряжению. Получается, что данная статья не имеет самостоятельного характера, из-за чего чтобы подтвердить подозрения в виновность человека, нужно сначала найти источник средств, что бывает тяжело из-за латентности преступлений по легализации, поэтому очень часто злоумышленник бывает оправдан по причине отсутствия состава преступления (п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК).

Примером могут послужить следующие дело:

- Приговор № 22–6299/2024 от 30 августа 2024 г. по делу № 1–75/2024. В рамках данного дела прокурор оспаривает решение суда первой инстанции ссылаясь на то, что был произведен сбыт, и злоумышленник получил оплату в криптовалюте, потом перевел с помощью сторонник сайтом в рубли тем самым легализовав ее. По итогу суд решил оставить без изменений приговор первой инстанции. Данное дело очень сильно контрастирует с тем, что я рассматривал ранее, потому что в других судебных разбирательствах подобное деяние считалось легализацией и квалифицировалось по статье 174.1 УК РФ. Из этого можно сделать вывод, что в судебной практике еще не устоялись признаки и понятия, которые бы явно помогали без проблем правильно квалифицировать преступные деяния.

Так как этот вид преступления является предикатным, чтобы можно было возбудить дело по одной из статей по легализации нужно найти источник незаконных средств. Схожего мнения и Белова Марина Александровна, в своей работе она задается вопросом понятия преступный путь. Многие учёные в том числе Белова М.А для ответа на поставленный вопрос ссылаются на ч. 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации [3]. В соответствии с этой нормой человек считается невиновным, пока не будет доказана вступившим в законную силу постановлением суда. Поэтому «преступный путь» может быть разным и всегда определяется судом. Для наглядности стоит рассмотреть Приговор Новгородского городского суда Новгородской области от 15 декабря 2006 г., хоть дело является очень старым, но оно наглядно показывает суть нормы, указанной выше. В рамках данного судебного разбирательства женщина обвинялась по ч. 4 ст. 174.1 и ст. 176 УК РФ, но по итогу она была оправдана, потому что не было обнаружено другого преступления, которое бы позволило заполучить денежные средства преступным путем. Женщина взяла крупный кредит в банке, позже его погасила в соответствии с условиями договора, также средства она использовала для хозяйственной деятельности. Так как не была нарушена статья 176 УК РФ, то квалифицировать по статье деяния этой женщины по статье 174.1 УК РФ нельзя. Как мы видим, «преступный путь» крайне необходим для квали-

фикации преступлений по легализации. И неважно будет ли он доказан в рамках одного дела, либо будет использоваться как преюдиция.

Дальше в своей работе я бы хотел сконцентрировать внимание в целом на понятии легализации в статьях 174 и 174.1 УК РФ. Я считаю, что нужно разграничивать понятие «легализация» от просто пользования денежными средствами и другого имущества, полученные преступным путем. То же мнения и Кириленко Виктория Сергеевна [4]. Она считает, что то или иное деяние стоит квалифицировать только при наличии одного из следующих показателей и признаков:

1. «Денежные средства капитализируются» т.е. они используются злоумышленником для того, чтобы приумножить свое финансовое положение. В пример приводится банковский счет, на который были внесены денежные средства, а потом полученные обратно с процентами и уже имеющие легальный вид.

2. Денежные средства поступают в свободный оборот. Т.е. банк или другая кредитная организация размещает на счету денежные средства, полученные преступным путем, и злоумышленник может ими свободно пользоваться. По моему мнению, этот признак является самым важным и распространенным, потому что считается наиболее простым, так как в современном мире много электронных технологий, которые могут упростить и облегчить процесс легализации денежных средств. В пример своих я бы хотел привести приговор № 1–144/2024 от 4 июля 2024 г. по делу № 1–144/2024. В данном приговоре злоумышленница получала вознаграждение с помощью криптовалюты, позже она ее конвертировала в рубли и уже легально владела, пользовалась и распоряжалась своими денежными счетами.

Развивая тему первого пункта, Векленко В.В. [7] выделяет еще один критерий, это денежные средства, которые являются предметом договора кредита или займа, где одна сторона получает их без процентов или с небольшим процентом.

- От себя бы я добавил еще один критерий, который бы ярко выделял легализацию денежных средств от других составов преступления. Он заключается в том, чтобы раздробить сумму, полученную незаконным путем, а потом уже с помощью различных платежей «за-терять» эти переводы среди других легальных финансовых операций и по итогу скопить сумму уже на нужном злоумышленнику счете. Для наглядности стоит рассмотреть приговор № 1–231/2015. В рамках данного преступления Злоумышленник А. должен был осуществить перевод крупной суммы денег с счета одного юридического лица на счет другого по договору. Но вместо это А. использовал свое служебное положение и с помощью соучастников перевел средства на счет другого юридического лица, которое не было указано в договоре. Позже с помощью дробления полученной сум-

мы денежных средств и проведения большого количества финансовых операций легализовал изъятую сумму.

Я считаю эти критерии очень важными, потому что от правильной квалификации зависит дальнейшая судебная практика, а вместе с тем и судьба человека, который совершил преступление. При этом правильная квалификация поможет сильно упростить судопроизводство, потому что при уже разработанных критериях квалификация может сильно упроститься.

Проанализировав множество судебной практики и различных научных работ по вопросам квалификации преступлений по легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества можно сделать следующие выводы: данные преступления являются крайне скрытными, это связано с тем, что их главная цель направлена на придание правомерного вида пользования, владения и распоряжения незаконно полученному имуществу. И как раз из-за таких действий очень тяжело найти источник такого имущества.

Следующая сложность в квалификации является то, что данные преступления являются предикатными, т.е. самостоятельно они существовать не могут. Но они являются скрытыми, то главное преступления тяжело выявить и квалифицировать, а так как основное преступление тяжело выявить, то и квалифицировать по статьям 174 и 174.1 УК РФ преступление будет нельзя из-за отсутствия состава преступления. Получается своего рода замкнутый круг, который вызывает много проблем в судебной практике.

Из-за развивающихся технологий у злоумышленников появляется все больше способов скрывать преступления и легализовывать полученное имущество. Из-за этого у судебных и правоохранительных органов возникают большие сложности в вопросах выявления таких преступлений и их квалификации.

Также было выявлено, что статья 174 УК РФ почти не применяется, потому что законодатель разделяет простую легализацию от легализации, совершенной во время преступления. Цель законодателя вполне понятна. Она заключается в том, чтобы можно было правильно квалифицировать преступление, когда выяснится уже после судебного разбирательства, что уже 3 лицо занималось легализацией. Но, к сожалению, данную статью можно считать мертвой по причине первого вывода в заключении.

Для решения проблемы квалификации в первую очередь нужно улучшить средства поиска тех действий, которые приводят в легализации имущества, полученного незаконным путем. Например, более пристальное наблюдение со стороны банка за денежными операциями своего клиента. Данные действия позволят предупредить преступления, предусмотренные 174 и 174.1 УК РФ, потому что банк будет сразу замечать подозрительные операции и в случае необходимости принимать меры по их заморозке.

Также стоит предложить рекомендацию по переквалификации следственных органов или же формирования специализированного органа, который будет специально отслеживать те действия, которые приводят к «отмыванию» имущества.

Тем не менее данная тема по вопросам квалификации до сих пор остается дискуссионной, есть множества мнений по данному вопросу, поэтому будет выпущена еще не одна работа на эту тему.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»
3. Белова Марина Александровна Некоторые проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-prestupnym-putem> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Кириленко Виктория Сергеевна Проблемы квалификации ст. 174 уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-st-174-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 13.04.2025).
5. Страмилова Т.П., Лисичников Д.Н. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. // Молодой ученый. 2018. № 30 (216). С. 139–142.
6. Крюков Антон Владимирович Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ // Юридическая наука. 2023. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-predusmotrennyh-statyami-174-i-1741-uk-rf> (дата обращения: 08.04.2025).
7. Векленко Василий Владимирович, Акиев Арби Русланович. Проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (Ст. 174, 174.1 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-prestupnym-putem-st-174-174> (дата обращения: 12.04.2025).

8. Букарев В.Б. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: общественная опасность и вопросы квалификации: канд. юрид. наук. – М., 2006. – с. 23
9. Нугуманов Азат Римович. Понятие отмывания денежных средств // E-Scio. 2022. № 10 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv> (дата обращения: 15.04.2025).

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES ON LEGALIZATION (LAUNDERING) OF MONEY OR OTHER PROPERTY

Pykhtin A.V.

In the modern world, with the development of technology, it is becoming easier for attackers to disguise their crimes, which causes serious difficulties in detecting and qualifying crimes related to the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means. In this regard, judges may have serious problems with the correct qualification of a crime. This, in turn, lengthens the trial and overloads the court. This article will examine the history of the emergence and criminalization of the crime of legalizing property obtained by criminal means, as well as analyze the judicial practice on the qualification of crimes of legalizing (laundering) money or other property. After analyzing the features of Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, recommendations will be given to prevent the crimes provided for by these articles.

Keywords: qualifications, money laundering, judicial practice, crimes.

References

1. "Criminal Code of the Russian Federation" of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.07.2015 N 32 (as amended on 26.02.2019)

"On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property known to have been obtained by criminal means"

4. Belova Marina Aleksandrovna Some problems of qualification of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-prestupnym-putem> (date of access: 15.04.2025).
5. Kirilenko Victoria Sergeevna Problems of qualification of Art. 174 of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-st-174-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 13.04.2025).
6. Stramilova T.P., Lisichnikov D.N. Problems of qualification of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means.// Young scientist. 2018. No. 30 (216). P. 139–142.
7. Kryukov Anton Vladimirovich Problems of qualification of crimes provided for in Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal science. 2023. No. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-predusmotrennyh-statyami-174-i-174-1-uk-rf> (date of access: 08.04.2025).
8. Veklenko Vasily Vladimirovich, Akiev Arbi Ruslanovich Problems of qualification of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means (art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-legalizatsii-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv-ili-inogo-imuschestva-priobretennyh-prestupnym-putem-st-174-174> (date of access: 12.04.2025).
8. Bukarev VB Legalization (laundering) of proceeds from crime: social danger and qualification issues: PhD in Law. – М., 2006. – p. 23
9. Nugumanov Azat Rimovich. The concept of money laundering // E-Scio. 2022. No. 10 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-otmyvaniya-denezhnyh-sredstv> (accessed: 15.04.2025).

Теоретико-правовой анализ места международного транспортного права в системе международного права: исторический аспект развития

Толоконников Сергей Игоревич,

аспирант, Московский гуманитарно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: sergey.tolokonnikov@internet.ru

В статье проводится теоретико-правовой анализ места международного транспортного права в системе международного права с акцентом на историческое развитие данной отрасли. Рассматриваются основные этапы становления международного транспортного права, влияние международных договоров и организаций, а также эволюция его норм и принципов. Анализируется взаимодействие международного транспортного права с публичным, частным и экономическим международным правом, выявляются особенности институционального механизма и специфические принципы отрасли. Представлены современные теоретические подходы к классификации международного транспортного права, а также обсуждаются перспективы его дальнейшего развития. Результаты исследования способствуют углублению понимания комплексной природы международного транспортного права и его роли в международной правовой системе.

Ключевые слова: международное транспортное право, международное экономическое право, международные транспортные конвенции, транспортно-экспедиционная деятельность.

Международный транспорт играет критически важную роль в современной глобализированной экономике, обеспечивая эффективность и безопасность международных перевозок грузов и пассажиров. В связи с этим правовое регулирование транспортных отношений приобретает особое значение, требующее четкого понимания его места и роли в системе международного права. Кроме того, международное транспортное право представляет собой комплексную отрасль, сочетающую элементы публичного и частного международного права, что создает необходимость теоретического анализа для выявления его специфики и границ.

Исторический аспект развития отрасли позволяет понять эволюцию норм и принципов, а также влияние международных организаций и договоров на формирование современного законодательства, что важно для прогнозирования дальнейших изменений и совершенствования правового регулирования.

Исследование способствует углубленному пониманию международного транспортного права, укреплению его теоретической базы и эффективному применению в условиях динамично меняющейся международной среды. Это делает тему особенно актуальной для науки и практики международного права.

И.В. Спирин верно заметил, что, «несмотря на то, что сохранившиеся памятники культуры весьма скупо повествуют нам о транспорте и транспортном законодательстве ранних периодов, имеющиеся отрывочные сведения позволяют судить о существовании норм транспортного права с древнейших времен».

Существуют различные точки зрения на то, какой статус занимает международное транспортное право среди отраслей права. Н.Ю. Ерпылева считает, что следует разграничивать транспортные правоотношения на публичные и частные, при этом ключевым критерием для их разделения выступает предмет регулирования. В рамках международного публичного права регулируются властные межгосударственные отношения, обладающие публично-правовой основой, а международное частное право охватывает имущественные и неимущественные связи, не связанные с властными полномочиями, обладающие частноправовым, преимущественно гражданско-правовым, содержанием.

По мнению Ю.М. Колосова и Э.С. Кривчиковой, международное транспортное право представляет собой комплексную сферу международного права, включающую как публично-правовые, так и преи-

мущественно частноправовые отношения. В рамках такого подхода регулированию подлежат взаимоотношения между субъектами транспортных услуг (например, предприятиями) и другим сторонам, возникающие при использовании транспортных средств для перевозок, а также публично-правовые вопросы, связанные с предоставлением иностранным компаниям права вести перевозочную деятельность на территории государства. Однако при этом данные авторы определяют международное транспортное право именно как часть, а не самостоятельную отрасль.

Г.М. Вельяминов определяет статус международного транспортного права в системе отраслей как составную часть международного экономического права. Сходный взгляд придерживается И.И. Лукашук, считая международное транспортное право подотраслью международного экономического права. В научной литературе также выделяется идея тесной связи между институтами международного публичного и международного частного права, что отмечают многие исследователи, в том числе Г.В. Игнатенко, указывающий на процесс сближения этих двух сфер. Л.И. Волова подчеркивает, что несмотря на взаимосвязь публично-правовых и частноправовых институтов, они не образуют самостоятельных комплексных отраслей, а функционируют во взаимодействии.

Особенностью правоотношений, урегулированных международным транспортным правом, является их вспомогательная роль для торгового оборота. По мнению Г.М. Вельяминова, международное экономическое право охватывает как торговые отношения, так и обслуживающие торговлю направления, к которым относятся и транспортные связи. Такую же позицию разделяют А.Я. Капустин и С.В. Черниченко, считая, что международное транспортное право не нуждается в жёстком делении на публичное и частное, а располагает общими принципами и структурой обеих отраслей, но правовая ориентация преобладает в сторону международного права как его самостоятельной отрасли.

В целом же на этапе своего зарождения правовое регулирование общественных отношений из транспортной деятельности развивалось на основе обычаев делового оборота вместе с торговым и таможенным правом.

Основные вехи развития международного транспортного права прослеживаются через ключевые исторические этапы, отражающие развитие транспортных технологий, международной торговли и формирования правовых норм, регулирующих перевозки на трансграничном уровне.

Средневековье и эпоха Великих географических открытий. В этот период транспортная деятельность находилась преимущественно в руках морских республик, таких как Генуя и Венеция, а также испанских и португальских мореплавателей. Практика международных перевозок складывалась на основе местных обычаев и договоров, часто неформальных, что создавало предпосылки для формирования международных норм. Напри-

мер, уже в XV–XVI веках возникали первые международные соглашения о безопасном проходе судов и обеспечении морской безопасности, что можно считать прообразом будущих конвенций.

XIX век – формирование первых международных конвенций. С началом индустриализации усилилось значение железнодорожного и морского транспорта. В 1838 году была заключена Гагская Международная конвенция по унификации правил перевозки грузов морским путем, заложившая основы унификации транспортно-правовых норм. Позже, в конце XIX века, появились такие значимые договоры, как Брюссельская конвенция 1924 года (Правила Гааги) и Варшавская конвенция 1929 года, регулирующие ответственность перевозчиков и условия перевозки грузов и пассажиров, что стало важным шагом к международному признанию правовых стандартов.

XX век – развитие и расширение международного транспортного права. Период после Второй мировой войны характеризуется значительным совершенствованием международных транспортных норм. Создаются международные организации, такие как Международная морская организация (ИМО), которая играет ключевую роль в разработке международных правил по безопасности мореплавания и охране морской среды.

В 1999 году была принята Монреальская конвенция, заменившая Варшавскую и значительно обновившая нормы международного воздушного права, включая вопросы ответственности перевозчиков. Это является важной вехой в развитии международного транспортного права, демонстрирующей тенденции к модернизации и гармонизации правовых норм.

Современная эпоха – цифровизация и автоматизация. В последние десятилетия с развитием информационных технологий в международном транспорте появляются новые вызовы и возможности. Электронные коносаменты, цифровые платформы и автоматизация логистики требуют актуализации существующих правовых норм и создания новых инструментов для регулирования электронных документов и процессов в международных перевозках.

Россия также находится на пути активной цифровизации транспортной отрасли, что существенно влияет на развитие международного транспортного права и практики перевозок. Возможность использования электронных транспортных накладных в стране была внедрена сравнительно давно, что стало важным шагом в направлении повышения эффективности и прозрачности грузоперевозок.

Такое развитие оценивается российскими учеными как необходимое и своевременное. Так в статье Смирновой Е.С. и Палкиной Е.С. «Электронные транспортные накладные: переход к обязательному использованию и влиянию на бизнес» подчеркивается, что цифровизация транспортных документов открывает новые возможности для интеграции России в международные транспортно-

логистические цепочки и содействует гармонизации национального и международного правового регулирования. В свою очередь, Жакова В.В. в статье «Автоматизация транспортных услуг на основе электронной транспортной накладной – перспективная технология повышения экономической эффективности логистических бизнес процессов» отмечает, что переход к электронному документообороту способствует снижению затрат и административных барьеров в транспортной сфере, а также стимулирует развитие инновационных моделей управления перевозками.

Таким образом, Россия не только следует мировым трендам цифровизации в международном транспорте, но и выступает активным участником реформ, направленных на создание современной и эффективной системы регулирования транспортной деятельности в цифровую эпоху. Возможность использования электронных транспортных накладных в стране появилась уже давно, что значительно повысило оперативность и прозрачность перевозок. Более того, с 1 сентября 2026 года планируется полный переход на электронный документооборот по транспортно-экспедиционной деятельности, что существенно ускорит процессы, снизит риски ошибок и повысит уровень контроля над грузоперевозками.

Исторический опыт показывает, что развитие международного транспортного права всегда шло в ногу с техническим прогрессом и изменениями в структуре мировой экономики, что подчеркивает необходимость его постоянного совершенствования и адаптации к новым реалиям.

Таким образом, основные вехи развития отрасли характеризуются переходом от разрозненных обычаев и локальных договоров к созданию международных правовых актов и организаций, обеспечивающих единство и предсказуемость правового регулирования в сфере международных перевозок, что является фундаментом для эффективного функционирования глобальной транспортной системы.

Первое ключевое теоретическое направление связано с определением предмета международного транспортного права и его функций. Предметом этой отрасли выступают общественные отношения, возникающие в связи с организацией, осуществлением и контролем международных перевозок грузов и пассажиров различными видами транспорта: морским, воздушным, железнодорожным, автомобильным и трубопроводным. Функция международного транспортного права заключается в обеспечении безопасности, эффективности, справедливости и предсказуемости транспортных отношений на международном уровне.

Классификационные подходы к международному транспортному праву различаются в зависимости от методологических установок и теоретических позиций исследователей. Одним из традиционных подходов является разделение отрасли на публичное и частное международное транспортное право, согласно которым регулирование

распределяется между отношениями властного характера в сфере допуска и контроля перевозок (публичное) и договорными отношениями между участниками перевозочного процесса (частное). Как уже упоминалось, многие ученые считают такое разделение недостаточным, поскольку международное транспортное право представляет собой интегративную отрасль, сочетающую оба элемента.

В рамках более комплексного видения международного транспортного права рассматривается как самостоятельная отрасль международного права, включающая элементы международного публичного, частного и экономического права. В этом контексте международное транспортное право характеризуется своей многопрофильностью и универсальностью, что отражается в многообразии источников и норм: международных конвенций, двусторонних соглашений, национального законодательства, а также обычаев международного делового оборота.

С точки зрения институционального подхода, отрасль связана с деятельностью международных организаций, таких как Международная морская организация (ИМО), Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международный союз железных дорог (МСЖД), Всемирная таможенная организация (ВТО) и других, которые создают стандарты и руководящие принципы для международных транспортных операций.

Теоретический анализ классификации также включает рассмотрение видов международного транспорта и связанных с ними специфических отраслей права: морское, воздушное, железнодорожное, автомобильное, трубопроводное право. Каждая из этих подотраслей обладает своими особенностями, связанными с техническими, экономическими и юридическими условиями транспортировки. Также выделяются связанные отрасли, такие как международное транспортно-экспедиционное право.

Особое внимание уделяется взаимосвязи международного транспортного права с другими отраслями международного и национального права, что требует разработки комплексных правовых механизмов регулирования, учитывающих специфику транспортных операций и необходимость взаимодействия между участниками международного транспортного процесса.

В теоретико-правовом аспекте существенное значение имеет концепция комплексной отрасли права, предполагающая объединение норм из различных областей права для регулирования многоаспектных общественных отношений. В международном транспортном праве эта концепция проявляется в объединении норм международного публичного права (вопросы безопасности, допуска на транспортные рынки) и международного частного права (договорные отношения, ответственность перевозчиков).

Взаимосвязь международного транспортного права с другими отраслями международного права

является одним из ключевых аспектов, определяющих его функционирование и развитие. Международный транспорт, обслуживая глобальный товарооборот, затрагивает широкий спектр правовых отношений, что требует комплексного и интегративного подхода к его регулированию.

Прежде всего, международное транспортное право тесно связано с международным экономическим правом. Транспорт обеспечивает физическую реализацию международной торговли, и соответственно, его нормы служат инструментом поддержки экономических отношений между государствами. При этом международное экономическое право регулирует торговые соглашения, таможенные вопросы, инвестиции и финансовые аспекты, которые напрямую влияют на эффективность и безопасность международных перевозок. Это взаимное влияние требует синхронизации норм для устранения правовых коллизий и обеспечения стабильности хозяйственных отношений.

Далее, международное транспортное право переплетается с международным частным правом, регулирующим гражданско-правовые отношения между субъектами международных перевозок – перевозчиками, грузоотправителями, экспедиторами и получателями. Например, вопросы договорных обязательств, ответственности, компенсаций за убытки и споры рассматриваются в контексте норм международного гражданского права, которые интегрируются с транспортно-правовыми нормами. Такая связь позволяет создавать комплексные правовые механизмы защиты интересов участников перевозок.

Международное публичное право играет важную роль в регулировании отношений между государствами относительно допуска перевозчиков на национальные рынки, обеспечения безопасности и охраны окружающей среды при транспортировке, а также в вопросах морского, воздушного и таможенного суверенитета. Государства через международные организации, такие как ИМО, ИКАО, устанавливают обязательные стандарты и правила, обеспечивающие равноправие и безопасность международного транспорта.

Кроме того, международное экологическое право все чаще переплетается с международным транспортным правом, поскольку транспортная деятельность оказывает значительное воздействие на окружающую среду. Вопросы сокращения выбросов, защиты морской среды от загрязнений, экологической безопасности воздушных перевозок требуют координации норм обеих отраслей для обеспечения устойчивого развития транспорта.

Также важной является связь с международным морским правом, которое регулирует правила судоходства, морских границ, прав и обязанностей при морских перевозках. Морское транспортное право, являясь частью международного транспортного права, тесно интегрировано с нормами Конвенции ООН по морскому праву и другими морскими соглашениями.

Итоги исследования международного транспортного права показывают, что данная отрасль является сложной и многогранной системой правовых норм, сочетающей элементы международного публичного, частного и экономического права. Исторический анализ подчеркивает, что международное транспортное право формировалось под влиянием развития транспортных технологий, роста международной торговли и потребности в едином правовом регулировании трансграничных перевозок. Современная практика характеризуется усилением роли международных организаций и постоянной цифровизацией транспорта, что способствует гармонизации и эффективному применению норм.

Перспективы развития международного транспортного права связаны с несколькими важными направлениями. Во-первых, продолжается интеграция и унификация правовых норм на международном уровне для упрощения и ускорения процедур перевозок, включая переход к электронному документообороту и использование цифровых платформ. Во-вторых, возрастающее внимание уделяется экологической безопасности и устойчивому развитию транспорта, что требует дополнения правовых норм новыми стандартами и механизмами контроля.

Кроме того, с учетом быстрого технологического прогресса, включая автоматизацию и развитие новых видов транспорта, предстоит адаптировать существующие нормы и разрабатывать новые инструменты регулирования, способные обеспечить баланс интересов всех участников международных перевозок. Значительную роль будет играть совершенствование механизма ответственности перевозчиков и разрешения споров в условиях глобальной транспортной системы.

Таким образом, международное транспортное право продолжает эволюционировать как ключевая отрасль международного права, обеспечивая правовую основу для эффективного, безопасного и устойчивого развития глобальных транспортных процессов в условиях современной экономики и цифровой трансформации.

Литература

1. Аметистов А.М. Международное транспортное право в условиях глобализации: Современные вызовы и перспективы. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 452 с.
2. Гуценко К.Ф. Транспортное право в XXI веке: сравнительный анализ современных тенденций. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. – 285 с.
3. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учебник для вузов / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – (Учебники Высшей школы экономики). – 655 с.
4. Стрельникова И.А. Понятие и место транспортного права в системе права России: дис.

- ... канд. юр. наук / Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. – М., 2009 г.. – 241 с.
5. Романов В.В. Ответственность перевозчика в современном международном праве. – Казань: Казанский университет, 2023. – 246 с.
 6. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник для вузов. В 3 т. Т. 2: Особенная часть. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 470 с.
 7. Зимин А.Р. Исторические корни современного морского права // История государства и права. – 2022. – № 2. – С. 45–53.
 8. Комаров А.С. Современные транспортные конвенции: эффективность и проблемы имплементации в национальные правовые системы // Lex russica. – 2022. – № 4. – С. 35–48.
 9. Смирнова Е.С., Палкина Е.С. Электронные транспортные накладные: переход к обязательному использованию и влиянию на бизнес // Счисляевские чтения: актуальные проблемы экономики и управления: сборник трудов конференции. – [Место издания]: [Издательство], 2024 г. – С. 364–367.
 10. Жакова В.В. Автоматизация транспортных услуг на основе электронной транспортной накладной – перспективная технология повышения экономической эффективности логистических бизнес-процессов // Экономика и управление на транспорте: стратегические приоритеты и цифровая трансформация: сборник трудов конференции. – [Место издания]: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2022 г.. – С. 60–62.
 11. Лазарев Д.В. Ответственность перевозчика в цифровую эпоху: сопоставительный анализ национальных и международных норм // Российский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 85–97.

A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE PLACE OF INTERNATIONAL TRANSPORT LAW WITHIN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL LAW: THE HISTORICAL ASPECT OF DEVELOPMENT.

Tolokonnikov S.I.

Moscow Humanitarian-Technological University – Moscow Architectural and Construction Institute

The article provides a theoretical and legal analysis of the place of international transport law within the system of international law, with a focus on the historical development of this branch. It examines the main stages of the formation of international transport law, the influence of international treaties and organizations, as well as the evolution of its norms and principles. The interaction of international transport law with public, private, and economic international law is analyzed, highlighting the features of its institutional mechanism and specific principles. Contemporary theoretical approaches to the classification of international transport law are presented, and the prospects for its further development are discussed. The research results contribute to a deeper understanding of the complex nature of international transport law and its role in the international legal system.

Keywords: international transport law, international economic law, international transport conventions, transport forwarding activities.

References

1. Ametistov, A.M. International Transport Law in the Context of Globalization: Modern Challenges and Prospects. Moscow: YurLitinform, 2023. 452 p.
2. Gutsenko, K.F. Transport Law in the 21st Century: Comparative Analysis of Modern Trends. St. Petersburg: SPbSU Publishing, 2022. 285 p.
3. Erpyleva, N. Yu. International Private Law: Textbook for Universities / National Research University Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2015. (Textbooks of the Higher School of Economics). 655 p.
4. Strelnikova, I.A. The Concept and Place of Transport Law in the Russian Legal System [Dissertation]. Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. 241 p.
5. Romanov, V.V. Carrier Liability in Modern International Law. Kazan: Kazan University, 2023. 246 p.
6. Getman-Pavlova, I.V. International Private Law in 3 Vols. Vol. 2: Special Part: Textbook for Universities. 6th ed., revised and supplemented. Moscow: Yurayt, 2025. 470 p.
7. Zimin, A.R. Historical Roots of Modern Maritime Law. History of State and Law, 2022, No. 2, pp. 45–53.
8. Komarov, A.S. Modern Transport Conventions: Efficiency and Problems of Implementation in National Legal Systems. Lex Russica, 2022, No. 4, pp. 35–48.
9. Smirnova, E.S., Palkina, E.S. Electronic Transport Waybills: Transition to Mandatory Use and Impact on Business. In: Schislyaevskie Readings: Current Issues of Economics and Management, Conference Proceedings, pp. 364–367.
10. Zhakova, V.V. Automation of Transport Services Based on Electronic Transport Waybill – a Promising Technology for Increasing Economic Efficiency of Logistics Business Processes. In: Economy and Management in Transport: Strategic Priorities and Digital Transformation, Conference Proceedings, pp. 60–62.
11. Lazarev, D.V. Carrier Liability in the Digital Era: Comparative Analysis of National and International Norms. Russian Law Journal, 2023, No. 2, pp. 85–97.

Правовая формализация гражданского общества в Российской Федерации: достигнутые результаты и перспективы совершенствования

Саенко Сергей Иванович,

доктор юридических наук, профессор, начальник филиала,
Луганский филиал Воронежского института МВД России
E-mail: sergeisaenko@rambler.ru

Черенкова Анна Игоревна,

преподаватель кафедры государственных и гражданско-
правовых дисциплин, Луганский филиал Воронежского
института МВД России
E-mail: anna.cherenkova.99@mail.ru

В статье авторами проведено исследование формализации гражданского общества в системе российского права. Проанализировано содержание законодательных актов, посвященных общественному контролю в Российской Федерации. Обозначены варианты совершенствования действующей нормативной правовой базы в контексте повышения эффективности народовластных ресурсов. Определены направления оптимизации правового регулирования гражданского общества в России. Осуществлен сравнительно-правовой анализ национального законодательства с зарубежным опытом правового регулирования институтов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, общественный контроль, гражданский контроль, демократия, Общественная палата, органы государственной власти.

Вектор современного этапа государственного строительства Российской Федерации направлен на совершенствование народовластия, что подтверждается содержанием её Основного Закона, утверждающего, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3) [1]. Однако делегирование гражданами собственных полномочий государственным органам или органам местного самоуправления порождает определенные риски ввиду возможного злоупотребления властью со стороны последних. Именно поэтому для минимизации негативных последствий обязательным элементом любого демократического государства должно выступать наличие развитой системы гражданского общества.

Проблематика становления и развития, форм проявления и содержательной наполненности, определения сущностных характеристик и принципов функционирования гражданского общества исследовалась многими мыслителями: С.А. Абакумовым [11], С.А. Авакьяном [12], Г.А. Багиряном [14], Л.Ю. Грудцовой [15], С.В. Калашниковым [16], Н.А. Колесниковой [17] и др. На протяжении долгого времени шли споры относительно корреляции государственной власти и гражданского общества, а также о роли последнего в формировании подлинного народовластия. В этой связи С.С. Алексеев отмечал, что: «в условиях развитого гражданского общества, власть благодаря приверженности к демократическим и высоким духовным ценностям умеряет свои императивные административно-приказные стремления, сдерживает свои властные порывы и во имя общественной пользы вводит властно-императивную государственную деятельность в строгие рамки» [13, С. 200].

Функционируя в социально-правовом пространстве того или иного государства, гражданское общество предоставляет возможность выстроить эффективную коммуникацию населения и публичной власти, основанную на принципе «сдержек и противовесов». Более того, указанный социальный феномен позволяет самым оптимальным образом развивать партнерские отношения между публичными и частными субъектами, без превалирования силы какой-либо из сторон. При этом следует себе отдавать отчет в том, что для соблюдения баланса публичных и частных интересов необходимо наличие грамотного правового регулирования данного

сотрудничества, которое может сопровождаться некоторыми трудностями.

Дело в том, что органы государственной власти и органы местного самоуправления – это такие субъекты общественных отношений, статус, полномочия и обязанности которых строго регламентированы нормативно-правовыми актами. Противоположная ситуация наблюдается с гражданским обществом: последнее предстает настолько обширным и многогранным социальным явлением, что делает достаточно затруднительным описание его механизмов развития, структурного выражения и содержательного наполнения в рамках одного какого-то специализированного нормативно-правового акта. Вместе с тем, без соответствующей правовой формализации гражданское общество – это лишь эфемерная теоретическая субстанция, лишенная формы и содержания, а также правовых возможностей для представления общественных интересов.

Какова степень нормативно-правовой регламентации институтов гражданского общества на данный момент наблюдается в Российской Федерации? Отвечая на данный вопрос, следует, прежде всего, указать на то, что термин «гражданское общество» сегодня редко встречается в действующих источниках нормативно-правовых положений. Так, к примеру, ст. 114 Конституции России устанавливает, что в полномочия Правительства Российской Федерации входит осуществление мер по поддержке институтов гражданского общества [1]. В ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ указывается на то, что адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления [3]. Еще в одном нормативном акте, – Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», – зафиксировано, что необходимо развивать механизмы взаимодействия государства и гражданского общества [8].

Как видим, одного лишь упоминания о гражданском обществе в действующих законодательных и подзаконных нормативных актах недостаточно для того, чтобы сформировать четкое понимание о его сущности и содержании, механизмах функционирования в социально-правовом пространстве России. Параллельно с этим возникают вопросы по поводу того:

- 1) какие задачи должны быть возложены на институты гражданского общества в России?;
- 2) кого в Российской Федерации следует признавать представителями гражданского общества?;
- 3) в чем и каким образом должно проявляться взаимодействие органов государственной власти, местного самоуправления и представителей гражданского общества?

Отметим, что попытка закрепить отдельные общие задачи институтов гражданского общества была предпринята в процессе принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21.07.2014 № 212. Путем анализа данного нормативного источника можно прийти к заключению, что в качестве основных задач рассматриваемого социального феномена выступают: обеспечение тесного взаимодействия с государством и его органами, должностными лицами; формирование и развитие гражданского правосознания; реализация гражданских инициатив и др. (ст. 5). В целом, данный нормативный документ можно расценивать как одну из попыток признания за институтами гражданского общества статуса субъектов, наделенных определенными полномочиями по осуществлению наблюдения за деятельностью органов публичной власти Российской Федерации. Такими субъектами анализируемый источник права признает:

- 1) общественные палаты, осуществляющие деятельность на трех территориальных уровнях (федеральном, региональном, местном);
- 2) общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 3) общественные наблюдательные комиссии;
- 4) общественные инспекции;
- 5) группы общественного контроля;
- 6) иные организационные структуры общественного контроля (ст. 9) [7].

Заметим, что указанный перечень субъектов общественного контроля российский законодатель попытался сделать достаточно исчерпывающим, что в некоторой степени входит в диссонанс с принципами функционирования гражданского общества в Российской Федерации. Сегодня такой «лимитированный» законодательный подход создает ощущение, что кроме перечисленных уполномоченных субъектов иные представители гражданского общества не имеют право осуществлять общественный контроль за публичной властью. Вместе с тем, в иных нормативно-правовых актах такие полномочия предусмотрены также для других субъектов-представителей гражданского общества. В частности, Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ [5] и Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 [2] предусматривают также право для общественных объединений и СМИ осуществлять контроль (наблюдение) за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления. Более того, и сами граждане России тоже имеют право получать доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, реализация которого (такого права) по своей природе и форме является одной из форм общественного контроля.

Отдельно хотелось бы акцентировать внимание на одной особенности, которая прослеживается в подходе российского законодателя к определению субъектного состава общественного контроля. Сущность ее заключается в следующем: ранее упомянутые общественные палаты всех территориальных уровней сегодня формируются по согласованию с публичной властью. Так, например, члены Общественной палаты Российской Федерации назначаются после утверждения их кандидатур Президентом России [4]. На региональном же уровне составы общественных палат образуются в таком порядке: 1/3 состава утверждается высшим должностным лицом субъекта, а другая 1/3 – законодательным органом субъекта [6]. После такого утверждения члены региональных общественных палат определяют состав остальной части органа из числа кандидатур, представленных местными общественными объединениями. В итоге получается, что описанный механизм формирования общественных палат в качестве одних из органов общественного контроля предполагает некоторое подчинение последних государственной власти.

На наш взгляд, описанная законодательная модель формирования и функционирования отдельных институтов гражданского общества нуждается в совершенствовании. Вышеперечисленные, а также другие дополнительные сложности, связанные с функционированием гражданского общества в России, возникают в основном из-за отсутствия базового нормативного правового акта, который регламентировал бы все вопросы, связанные с анализируемым социальным феноменом. Однако возможно ли, а главное целесообразно ли принятие такого источника права в Российской Федерации?

В данном случае интересным представляется опыт Республики Беларусь, которая задалась целью урегулировать все вопросы жизнедеятельности институтов гражданского общества на своей территории. Так, 14 февраля 2023 года Президент Республики Беларусь подписал Закон «Об основах гражданского общества», в котором появилось следующее определение анализируемого социального феномена: «гражданским обществом являются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в стране, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещённых законодательством» (ст. 1) [9]. Как видим, данное определение является достаточно абстрактным. Более того, многие аспекты в данном нормативном правовом акте также обозначены без подробной конкретизации. Речь идет о принципах функционирования гражданского общества; общих и особых формах его взаимодействия с государственными органами и др.

Что касается других держав мира (например, Анголы, Болгарии, Бразилии, Ирака, Мексики, Туниса, Туркменистана, Уругвая, Эквадора и т.д.) то они, как и Российская Федерация, в текстах

конституционных документов лишь упоминают о «гражданском обществе», но также не раскрывают его содержание и сущность. Исключение составляет Конституция Республики Узбекистан, которая содержит отдельную главу XIII «Институты гражданского общества». В последней сказано: «Институты гражданского общества, в том числе общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, органы самоуправления граждан, средства массовой информации образуют основу гражданского общества» (ст. 69) [10].

Показательно, что абстрактный подход некоторых государств к определению сущности и содержания, а также механизмов функционирования гражданского общества признается ими определенным преимуществом, хотя исследователи зачастую критикуют такой подход в описании того или иного социального явления. Мы же, в свою очередь, стоим на позиции того, что гражданское общество – это такой социальный феномен, цель правовой формализации которого должна заключаться исключительно в формировании системного и конкретного представления о его сущности и содержании, механизмах функционирования последнего в социально-правовом пространстве России. Такой подход, на наш взгляд, будет способствовать: повышению уровня правовой культуры российского общества; укреплению демократических основ его развития; осознанию гражданами своей ответственности за судьбу Отечества.

Учитывая вышеизложенное, в заключении сделаем следующие выводы:

1) несмотря на существование определенных рисков относительно того, что при определенных перегибах дальнейшая правовая формализация институтов гражданского общества в Российской Федерации может превратиться в своеобразное препятствие для их эффективного функционирования, нам все же представляется, что она необходима (при условии взвешенного подхода и просчитанных прогнозах), поскольку лишь оптимальное правовое регулирование данного социального феномена будет способствовать укреплению демократических основ развития Российской Федерации;

2) избранная отечественным законодателем модель правового регулирования вопросов функционирования гражданского общества в России требует дальнейшей совершенствования. В этой связи целесообразно, прежде всего, легально зафиксировать содержание понятия «гражданское общество», а также принять такой нормативно-правовой акт, который позволит сформировать всем участникам общественных отношений представление о данном социальном явлении и его роли в жизнедеятельности российского государства. Важно также будет внести изменения и в Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» касательно расширения перечня субъектов, уполномоченных на его осуществление.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 // Российская газета. – № 32. – 08.02.1992.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/fd43b85fe3eabc97ca739a7f1859e26adf152a84/
4. Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f4b1637ce291cae5a4efcfada80b047a7baf757b/
5. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 22.05.1995. – № 21. – Ст. 1930.
6. Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.06.2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3852.
7. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2014 г. – № 30. – Ст. 4213 (Часть I)
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
9. Об основах гражданского общества: Закон Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З // <https://www.bsmu.by/upload/docs/news/2023/2-23/22/osnovy.pdf?ysclid=mfaxvy-0jat901553338>
10. Конституция Республики Узбекистан // <https://constitution.uz/ru/clause/index#section15>
11. Абакумов С.А. Гражданское общество и власть: противники или партнеры? / С.А. Абакумов. – М.: Галерея, 2015. – 296 с.
12. Авакьян С.А. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы: Монография / Рук. авт. колл. и отв. редактор – д.ю.н., профессор Авакьян С.А. – М.: Юстицинформ, 2015. – 652 с.
13. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 752 с.
14. Багирян Г.А. Гражданское общество в конституциях зарубежных стран / Г.А. Багирян // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 3(160). – С. 180–194.
15. Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России / Л.Ю. Грудцына // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 33–40.
16. Калашников С.В. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества / С.В. Калашников // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 17–25.
17. Колесникова Н.А. Гражданское общество в современной России / Н.А. Колесникова, Е.Л. Рябова. – Москва: Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2016. – 266 с.

LEGAL FORMALIZATION OF CIVIL SOCIETY IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE ACHIEVED RESULTS AND PROSPECTS OF IMPROVING

Sayenko S.I., Cherenkova A.I.

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In this article, the authors conducted a study of the formalization of civil society in the system of Russian law. The content of legislative acts devoted to public control in the Russian Federation is analyzed. The options for improving the current regulatory framework in the context of increasing the effectiveness of national resources are outlined. The directions of optimization of the legal regulation of civil society in Russia are determined. A comparative legal analysis of national legislation with foreign experience in the legal regulation of civil society institutions has been carried out.

Keywords: civil society, public control, civil control, democracy, Public Chamber, public authorities.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. On mass media: The Law of the Russian Federation dated December 27, 1991 No. 2124-1 // Rossiyskaya Gazeta. – No. 32. – 02/08/1992.
3. On advocacy and advocacy in the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 05/31/2002 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/fd43b85fe3eabc97ca739a7f1859e26adf152a84/
4. On the Public Chamber of the Russian Federation: Federal Law No. 32-FZ of 04.04.2005 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f4b1637ce291cae5a4efcfada80b047a7baf757b/
5. On public associations: Federal Law No. 82-FZ dated 05/19/1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 05/22/1995. – No. 21. – Art. 1930.
6. On the general principles of the organization and activities of public Chambers of the subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 183-FZ dated 06/23/2016 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 06/27/2016. – No. 26 (Part I). – Art. 3852.
7. On the basics of public control in the Russian Federation: Federal Law No. 212-FZ of 07/21/2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation of 2014 – No. 30. – Art. 4213 (Part I)
8. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 07/05/2021. – No. 27 (part II). – Art. 5351.
9. On the foundations of civil society: Law of the Republic of Belarus No. 250-Z dated February 14, 2023 // <https://www.bsmu.by/upload/docs/news/2023/2-23/22/osnovy.pdf?ysclid=mfaxvy-0jat901553338>

10. The Constitution of the Republic of Uzbekistan // <https://constitution.uz/ru/clause/index#section15>
11. Abakumov S.A. Civil society and government: opponents or partners? / S.A. Abakumov, Moscow: Galeria, 2015. 296 p.
12. Avakian S.A. Civil society as a guarantee of political dialogue and countering extremism: key constitutional and legal problems: A monograph / Author's col. and editor-in-chief – Doctor of Law, Professor Avakian S.A. Moscow: Justicinform, 2015. 652 p.
13. Alekseev S.S. Ascension to the law. Searches and solutions. Moscow: NORMA Publishing House, 2001. 752 p.
14. Bagiryan G.A. Civil society in the constitutions of foreign countries / G.A. Bagiryan // Actual problems of Russian law. – 2024. – Vol. 19, No. 3(160). – pp. 180–194.
15. Grudtsyna L.Y. Private property and civil society in Russia / L.Y. Grudtsyna // State and Law. – 2008. – No. 6. – pp. 33–40.
16. Kalashnikov S.V. The system of constitutional guarantees for ensuring the rights and freedoms of citizens in the context of the formation of civil society in Russia / S.V. Kalashnikov // State and Law. – 2002. – No. 10. – pp. 17–25.
17. Kolesnikova N.A. Civil society in modern Russia / N.A. Kolesnikova, E.L. Ryabova. Moscow: International edition "Ethnoscium and Interethnic Culture", 2016. 266 p.

Историко-правовые аспекты формирования системы финансово-экономической экспертизы в СССР

Чирухин Анатолий Викторович,

кандидат экономических наук, директор ООО ОЛИМП

E-mail: ooo.olimp.ru@mail.ru

Статья посвящена историко-правовому анализу становления и развития финансово-экономической экспертизы в Советском Союзе. Показано, что формирование данного института происходило в условиях командно-административной системы и плановой экономики, где основной целью экспертных процедур являлся контроль за выполнением хозяйственных планов. Выделены ключевые этапы институционализации. Представлен также вывод о том, что развитие советской финансово-экономической экспертизы определялось задачами государственного контроля, а её специфика существенно отличалась от современных процедур, ориентированных на рыночные механизмы.

Ключевые слова: финансово-экономическая экспертиза, экономическая экспертиза, бухгалтерская экспертиза, судебная экспертиза, СССР, НЭП.

Финансово-экономическая экспертиза представляет собой разновидность экономической экспертизы, проводимой как во внепроцессуальном порядке (внесудебная экспертиза), так и в рамках судебного разбирательства. Сущность данной процедуры заключается в системном документальном изучении «согласно поставленным вопросам экономических (учетных, финансовых) и хозяйственных составляющих деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, аналогичных операций физических лиц и составление по результатам экспертного исследования соответствующего документа на основании специальных познаний эксперта в экономической сфере» [1, с. 92].

Актуальность изучения финансово-экономической экспертизы в историческом контексте обусловлена рядом причин. Во-первых, анализ советского опыта позволяет выявить, как зарождались и институционализировались методы экспертного контроля в условиях плановой экономики. Во-вторых, изучение специфики экспертизы в правоприменительной практике демонстрирует, каким образом правовые механизмы адаптировались к специфике централизованного хозяйственного устройства. В-третьих, некоторые механизмы и методы, разработанные в СССР легли в основу современных экспертных технологий и применяются на постсоветском пространстве.

Исторически об экспертизе, затрагивающей финансовые и экономические аспекты деятельности юридических и физических лиц, можно говорить начиная с середины XVII в. В 1654 г. был создан Приказ счетных дел, в полномочия которого были включены «государевы счетные и сыскные, и описные дела», что можно считать прообразом экономической экспертизы. С 1699 г. начался период петровских реформ, которые привели, помимо прочего, к учреждению Ближней канцелярии, наделенной полномочиями в областях оценки финансового состояния государства, оценки численности армии, оценки количества военных и продовольственных запасов. Канцелярия стала одной из первых институций, выполнявший контрольно-экспертные функции. В 1711 г. был учрежден Сенат, обязанный «смотреть во всем государстве расходы, и ненужные, а особливо напрасные оставить» [4, с. 83]. Эти и иные нововведения позволили упорядочить процедуры контроля и экспертизы. В документе «Регламент адмиралтейской коллегии» были впервые представлены правила ведения бухгалтерского учета, отчетности и контроля.

В 1822 г. было учреждено Главное управление ревизии государственных счетов, что позволило

реализовывать контрольные и экспертные функции в рамках деятельности самостоятельного ведомства. Все вышеописанное позволяет говорить о том, что первичной формой финансового контроля была внепроцессуальная. В дальнейшем финансовый контроль стал обретать процессуальные формы. Так, в период судебных реформ 1864 г. финансовая (прежде всего бухгалтерская и налоговая) проверка стала неотъемлемой частью судебных разбирательств по делам экономического характера. На данном этапе, кроме того, в отечественной науке стали появляться первые изыскания, посвященные принципиальным аспектам экономической экспертизы (А.Х. Гольмстен, Г.Ф. Шершеневич, Л.Е. Владимиров и проч.) [4, с. 83].

Следует сказать, что с приходом советской власти история экономической экспертизы начинается заново. По мнению ряда специалистов, именно в советский период органы государственной власти и суды стали активно использовать выводы экспертов в области экономики как при оценке финансового состояния производственных структур и прочих учреждений, так и при рассмотрении уголовных и гражданских дел. Так, к примеру, судебно-экспертные подразделения в составе уголовного розыска были учреждены 1 марта 1919 г., и в их составе работали финансовые инспекторы и бухгалтеры [1, с. 95].

Безусловно, финансово-экономическая экспертиза в СССР как отдельная услуга и процедура в современном понимании не существовала. Тем не менее, уже с самого начала установления советской власти функционировали аналогичные формы контроля и проверки, имела место ревизия финансово-хозяйственной деятельности и различные формы аудита в плановой экономике. Подобные проверки проводились государственными органами (к примеру, Комитетом народного контроля). Их приоритетными задачами были следующие: оценка соответствия деятельности предприятий плановым показателям, соблюдение законодательства и выявление нарушений.

Подобная деятельность СССР имела специфические черты, обусловленные особенностями советской экономической системы и правовой практики. Как известно, после Октябрьской революции 1917 г. в Советской России была установлена командно-административная модель управления экономикой. Централизация хозяйственной деятельности и отказ от рыночных механизмов, которые в той или иной степени имелись в Российской Империи, потребовали создания специфических форм контроля, направленных на обеспечение плановой дисциплины, рациональное использование государственных ресурсов и предотвращение хозяйственных правонарушений.

В 1920–1930-е гг. стали учреждаться специализированные органы, осуществлявшие финансово-экономическую проверку. Так, функции, возложенные на Рабоче-крестьянскую инспекцию, в первые годы создания напоминают функции, возложенные на современную Счётную палату. В частности, кон-

тролёры Рабкрина осуществляли финансовые ревизии и сверки с планами расходования средств [2]. Деятельность данных структур была направлена не столько на выявление нарушений финансовой дисциплины, сколько на контроль за выполнением народнохозяйственных планов.

Развитие советского уголовного и хозяйственного права формировало запрос на специальные знания в области бухгалтерского учета, налогообложения и планирования. Введение в практику судебных органов судебно-бухгалтерских экспертиз стало одной из первых форм институциональной финансово-экономической экспертизы [3, с. 230].

Судебная экспертиза получила развитие уже в первые годы Советской власти. Так, положения «Декрета о судах» от 1918 г., утвержденного Совнаркомом РСФСР, указывали: органы суда при рассмотрении гражданских дел, требующих специальных знаний, имеют право приглашать экспертов-специалистов, высококвалифицированных бухгалтеров. Кроме того, этот документ зафиксировал цели и задачи проведения экспертизы, описал процессуальный статус эксперта, признал экспертное заключение полноценным доказательством [4, с. 85].

Новая экономическая политика (НЭП), основанная на сочетании рыночных и административных механизмов, потребовала принципиально нового уровня финансового и экономического контроля [7, с. 122]. Увеличение числа предприятий, участие бывших собственников в управлении производством и торговлей породили широкий спектр правонарушений в сфере налогообложения и хозяйственной деятельности в целом. В этих условиях именно финансово-экономическая экспертиза стала ключевым инструментом обеспечения законности и прозрачности хозяйственной деятельности. Фининспекторы разрабатывали специальные методики анализа: проверку правильности начисления заработной платы, выявление необоснованного завышения производственных затрат, изучение динамики фондов оплаты труда и соотношения материальных расходов к прибыли. Подозрительные отклонения в учете сырья и продукции рассматривались как возможные признаки уклонения от налогов или злоупотребления. Экспертиза также касалась точности расчетов арендной платы, соответствия условий эксплуатации договорам и выявления незаконной передачи объектов в субаренду.

В 1920–1930-е гг. судебно-бухгалтерская экспертиза в СССР прошла этап институционализации. Первоначально функции экспертов возлагались на практикующих бухгалтеров, что порождало проблемы объективности и квалификации. Создание в 1921–1925 гг. специализированных институтов обеспечило формирование профессионального корпуса экспертов и закрепление их исключительных полномочий в сфере проверки отчетности.

Важную роль в рассматриваемой нами прикладной области играл Институт государственных бухгалтеров-экспертов (ИГБЭ), созданный в 1924 г.

при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции СССР. Институт, безусловно, стал ключевым звеном в системе финансового контроля и экспертизы. В структуру Института входили центральное бюро и сеть местных органов. Экспертизы проводились по запросу государственных, судебных и следственных органов, а также по инициативе должностных лиц и учреждений. Сотрудники Института осуществляли квалифицированную проверку отчетности и документов, формулировали заключения и разрабатывали стандарты учета. В задачи ИГБЭ входили составление отчетности, создание номенклатуры счетов, стандартизация документации и документооборота, разработка типовых инструкций, консультирование по вопросам учета, анализ балансов и подготовка рекомендаций по устранению выявленных дефектов. Важным направлением деятельности стало изучение условий хозяйственных преступлений, связанных с нарушениями учета.

Подбор кадров предполагал привлечение опытных специалистов, что обеспечивало высокий уровень экспертиз. Техническая экспертиза оценивала производственные процессы и эффективность использования ресурсов с привлечением инженеров и технологов. Экономическая экспертиза была направлена на анализ показателей эффективности и устойчивости организации. Бухгалтерская экспертиза была сосредоточена на законности и корректности ведения учета и отчетности [1, с. 100].

Дальнейшее развитие связано с организационной трансформацией объединений работников учета: их реорганизация в 1931 г. во Всесоюзное общество содействия социалистическому учету отражала стремление государства усилить контроль над финансовой дисциплиной. Однако недостаточная эффективность деятельности общества привела к передаче функций Центральному бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при прокуратуре СССР (1936 г.), где были сосредоточены задачи методического руководства и подготовки кадров.

К концу 1930-х гг., на фоне репрессивной политики и предвоенных трудностей, судебно-бухгалтерская экспертиза фактически утратила организационное ядро. Ликвидация координирующих центров и привлечение к экспертизам отдельных специалистов в 1938–1952 гг. привели к стагнации института экономической экспертизы и отсутствию единой системы подготовки кадров. Таким образом, процесс становления судебно-бухгалтерской экспертизы в СССР характеризовался чередованием институционального развития и кризисов [4, с. 86].

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время экономика СССР находилась, как очевидно, в депрессивной фазе, что негативно повлияло на процесс институционального развития экономической экспертизы [6]. Тем не менее, в 1952 г. было создано Бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Минфине СССР, которому было поручено проведение экспертиз по уголовным и гражданским делам, а также разработка ме-

тодических основ экспертной деятельности. Вскоре филиалы Бюро были учреждены и в союзных республиках. В 1957 г. Бюро было упразднено, а его функции переданы Минюсту СССР, где на базе подразделений сформировались специализированные лаборатории судебно-экономических экспертиз.

Постановление Совета Министров РСФСР «О передаче учреждений бухгалтерской экспертизы в систему Юридической комиссии Совета Министров РСФСР» от 1 октября 1962 г. сыграло важную роль в институционализации экономической экспертизы. Реформа закрепила права экспертов, укрепив их процессуальный статус. Объединение судебно-бухгалтерской экспертизы с другими видами экспертных исследований позволило сформировать единую сеть экспертных учреждений, что способствовало стандартизации методики и повышению качества заключений.

Реорганизация 1970 г. и создание Центрального НИИ судебной экспертизы стали важнейшими этапами развития данного института. Значимым результатом стало принятие Типовой инструкции от 1987 г., которая зафиксировала стандарты проведения экспертиз, структуру заключений и правила проведения исследований [4, с. 88].

К концу 1980-х гг. в связи с формированием института аудита и появлением дипломированных аудиторов-бухгалтеров экономическая экспертиза получила новое направление развития. Аудиторы начали привлекаться к судебным исследованиям по запросам следственных и судебных органов [1, с. 102].

Эволюция финансово-экономической экспертизы происходила в условиях полной государственной собственности на средства производства; отсутствия рыночной конкуренции; планово-директивного управления; отсутствия четких границ между правовыми и политико-идеологическими функциями государственного управления. Таким образом, становление финансово-экономической экспертизы в СССР было детерминировано не потребностями рынка, как в других странах, а задачами государственного контроля за выполнением планов, дисциплиной в сфере распределения ресурсов и охраной социалистической собственности.

Сопоставляя современную финансово-экономическую экспертизу и процедуры, аналогичные ей в Советском Союзе, можно прийти к выводу о том, что в СССР главной целью ревизий и экспертиз была проверка соответствия деятельности предприятий директивам партии и правительства, а также соблюдение норм централизованного планирования. На современном этапе целью является, скорее, выявление соответствия нормам законодательства и анализ финансовой деятельности.

Кроме того, различаются исполнители экспертизы: в советское время проверки проводились государственными ревизионными органами и органами народного контроля, а в современном формате экспертиза проводится независимыми экспертами и организациями, а также представителями экспертных организаций, сотрудничающих с органами суда. Ключевым отличием можно считать

отсутствие рыночных отношений и конкуренции в СССР, что влияло на цели и методы анализа финансовой деятельности. В СССР акцент делался на соблюдении плановых показателей, а не на эффективности и прибыльности [5, с. 28].

Таким образом, на основе представленного материала можно выделить следующие этапы становления и развития финансово-экономической (судебно-бухгалтерской) экспертизы в СССР.

1. Начальный этап (1917–1920-е гг.) – формирование правовых основ экспертизы; закрепление процессуального статуса эксперта; создание подразделений в системе уголовного розыска; возникновение первых форм ревизий и финансового контроля в условиях становления командно-административной модели управления.

2. Этап институционализации (1920–1930-е гг.), учреждение специализированных институтов, формирование профессионального корпуса экспертов; разработка методик анализа и стандартизация учета.

3. Этап восстановления (1950-е – 1960-е гг.) – создание Бюро государственной бухгалтерской экспертизы при Минфине СССР (1952 г.); передача функций Минюсту СССР (1957 г.).

4. Этап развития научно-методологических основ экспертизы (1970–1980-е гг.) – создание Центрального НИИ судебной экспертизы, формирование лабораторий бухгалтерской экспертизы; проведение научных исследований, подготовка кадров; фиксация единых стандартов производства экспертизы.

5. Этап трансформации (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) – появление института аудита, привлечение аудиторов к судебным исследованиям; переход от государственной монополии к рыночным механизмам контроля.

Литература

1. Довнар, Л.А. Экономическая экспертиза: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития / Л.А. Довнар // Перспективные научные исследования: опыт, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Уфа, 26 ноября 2021 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 92–105.
2. История возникновения и развития судебной экспертизы // Научный портал КРИМИНАЛИСТЫ.РУ. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kriminalisty.ru/stati-istorija-kriminalistiki-istorija-vozniknovenija-i-razvitiya-sude/>. – Дата доступа: 10.09.2025.
3. История развития судебной экономической экспертизы / Ю.А. Торчилова // Материалы III Международной студенческой научной конференции. – С. 229–232.
4. Кеворкова, Ж.А. Эволюция развития судебно-бухгалтерской экспертизы в России как

специальной отрасли экономических знаний / Ж.А. Кеворкова // Учет. Анализ. Аудит. – 2018. – Т. 5, № 2. – С. 80–89.

5. Скрипкина, О.В. Судебная экономическая экспертиза в России: исторический и современный аспекты / О.В. Скрипкина, О.В. Киселева // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2018. – № 2 (434). – С. 25–34.
6. Финансы СССР в годы войны. 1941–1945 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rgae.ru/ep.shtml/finansy-pobedy.shtml>. – Дата доступа: 12.09.2025.
7. Щербakov, А.А. История развития судебной бухгалтерской экспертизы в отечественном праве / А.А. Щербakov // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 96. – С. 122–125.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF FINANCIAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN THE USSR

Chirukhin A.V.
OLIMP LLC

The article contains the historical and legal analysis of the formation and development of financial and economic expertise in the Soviet Union. It is shown that the formation of this institution took place in the context of the command-administrative system and planned economy, where the main goal of expert procedures was control over the implementation of national economic plans. Key stages of institutionalization are highlighted. It is also concluded that the development of Soviet financial and economic expertise was determined by the tasks of state control, and its specificity differed significantly from modern procedures oriented towards market mechanisms.

Keywords: financial and economic expertise, economic expertise, accounting expertise, forensic expertise, USSR, NEP.

References

1. Dovnar, L.A. Economic Expertise: Historical Experience, Current Status, and Development Prospects / L.A. Dovnar // Advanced Scientific Research: Experience, Problems, and Development Prospects: Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Ufa, November 26, 2021. – Ufa: Limited Liability Company “Scientific Publishing Center “Vestnik Nauki”, 2021. – Pp. 92–105.
2. History of the Emergence and Development of Forensic Science // Scientific Portal KRIMINALISTY.RU. – 2014. – [Electronic Resource]. – Access Mode: <https://kriminalisty.ru/stati-istorija-kriminalistiki-istorija-vozniknovenija-i-razvitiya-sude/>. – Access Date: 09/10/2025.
3. History of the development of forensic economic expertise / Yu.A. Torchilova // Proceedings of the III International Student Scientific Conference. – P. 229–232.
4. Kevorkova, Zh.A. Evolution of the development of forensic accounting in Russia as a special branch of economic knowledge / Zh.A. Kevorkova // Accounting. Analysis. Audit. – 2018. – Vol. 5, No. 2. – P. 80–89.
5. Skripkina, O.V. Forensic economic expertise in Russia: historical and modern aspects / O.V. Skripkina, O.V. Kiseleva // Accounting in budgetary and non-profit organizations. – 2018. – No. 2 (434). – P. 25–34.
6. Finances of the USSR during the war. 1941–1945. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://rgae.ru/ep.shtml/finansy-pobedy.shtml>. – Access date: 12.09.2025.
7. Shcherbakov, A.A. History of the development of forensic accounting examination in domestic law / A.A. Shcherbakov // Trends in the development of science and education. – 2023. – No. 96. – P. 122–125.

Влияние первичной партийной организации на деятельность колхоза «имени Ленина» Принцевского сельсовета

Шевцов Евгений Валерьевич,

аспирант, кафедра «Теория и история государства и права», БУКЭП

Статья посвящена анализу первичных партийных организаций в колхозах, их структуре и задач, а также влиянию партийных решений на эффективность сельскохозяйственных объединений. Приводятся примеры обсуждений на партийных комитетах, освещающие систему управления и контроля, сформированную КПСС, что позволяет лучше понять взаимодействие партийного руководства и колхозного хозяйства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, колхозы, первичные партийные организации, партийный комитет, протокол партийной организации колхоза.

Историческую эпоху России со второй половины 60-х годов до начала 80-х годов XX века в советологии принято называть «Застоем». Действительно, для сложившейся в тех условиях политической системы определение верное. В отношении руководящих кадров партийного и государственного аппарата превалирует их несменяемость и постоянство.

Однако несколько иные процессы наблюдаются в системе народного хозяйства. В условиях доминирующей роли и авторитета КПСС, её ключевых органов в лице Политбюро ЦК КПСС, Секретариата ЦК КПСС и Пленума ЦК КПСС наблюдается небольшой экономический рост, упразднение совнархозов и возврат к отраслевым министерствам.

Партийное доминирование в общественной жизни окончательно было закреплено в 6-й статье Конституции СССР от 1977 года. Говорилось, что КПСС является: «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» [1, с. 51]. Именно партийные органы стали превалировать над государственными в вопросах внешней и внутренней политики, а также в вопросах агитации и пропаганды [4, с. 169].

Для более полного, всестороннего и объективного изучения колхозного права эпохи «развитого социализма» неотъемлемым условием является углублённое исследование нормативно-правовой базы первичной партийной организации колхоза, а также принятых ею руководящих и регламентирующих документов. Первичные партийные организации формируются по месту работы членов партии и создаются при наличии не менее трёх её членов. Высшим органом является партийное собрание, которое проводят не реже одного раза в месяц. Для обеспечения текущей деятельности первичная партийная организация формирует на один год бюро в количестве, определяемом партийным собранием. [2, с. 22–23].

Колхозы советского периода 60–80-х годов XX века выступали не только юридическими лицами и субъектами социалистических правоотношений, но и инструментом реализации партийной власти. Пропаганда того времени позиционировала колхоз как «школу коммунизма» для крестьян, призванную на протяжении всего советского периода искоренять частную собственность на землю, формировать коллективистский дух и продвигать кооперативно-колхозную собственность как единственно экономически целесообразный путь эпохи социализма.

Устав 1969 года фиксировал, что коммунистическое воспитание колхозников осуществлялось под руководством партийной организации. Это следует подчеркнуть, потому что именно первичные партийные организации колхозов обладали доминирующими управленческими и агитационно-пропагандистскими полномочиями по сравнению с местными советскими органами [3, с. 643].

Так, на заседании партийного комитета колхоза «имени Ленина» от 13 января 1969 года, в повестке дня значился вопрос о роли и задачах культурно-просветных учреждений в воспитании трудящихся в духе преданности делу коммунизма.

Большинство выступивших членов парткома подвергло критике работников культурных учреждений в виду слабой идеологической работы. И.С. Никонов заметил, что: «работа культурных учреждений еще не отвечает требованиям жизни. Мало проводится тематических вечеров, не работает художественная самодеятельность» [5, Л. 38]. Кроме того, на заседании отмечалось о недостаточной роли в воспитательной работе с детьми и школьниками колхозников.

Несмотря на неудовлетворительную работу ведущих клубов, в течение 3 месяцев, предшествующих данному заседанию было прочитано 8 лекций, столько же было проведено тематических вечеров, не считая 2 диспута и 6 вечеров отдыха. В конечном итоге партийный комитет постановил о выделении правлением средств для приобретения библиотекой книг, о проведении читательских конференций и дискуссий для колхозников, а также о возобновлении работы художественной самодеятельности [5, Л. 39].

Основой трудового и общественного воспитания колхозников являлась марксистско-ленинская идеология. В этом свете весьма примечательно партийное собрание колхоза «Красный Октябрь» приуроченное к 110-й годовщине рождения В.И. Ленина. В повестке этого мероприятия агитационно и пропагандистски значилось: «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически».

Первой выступила секретарь парткома Л.С. Середа: «Годовщину рождения В.И. Ленина мы должны встретить достойно, повысить активность всех коммунистов, поднять выше трудовую дисциплину, а то ведь много ее нарушений» [6, Л. 17].

Директор школы П.В. Татаренко заметил, что: «Каждый должен определить сегодня свою линию, как жить, как работать, чтобы быть примером для людей. Наш идеологический актив сегодня занят пропагандой о жизни и деятельности В.И. Ленина, работа эта ведется в трудовых коллективах... Нужно своими делами и словами агитацию вести, воспитывать тружеников колхоза» [6, Л. 18].

Директор дом культуры и член КПСС М.Ф. Кравцов в своем выступлении подметил: «Работники культуры делает все, чтобы Ленинское наследие стало достоянием каждого, чтобы мы воспитывали в себе ленинские черты. Клуб и библиотека подготовили торжественное мероприятие... готовится

тематическое обозрение к торжественному собранию. К севу – агитбригада, таким образом подготовлена агитация» [6, Л. 19].

Свое слово на партийном собрании сказал и член КПСС, слесарь А.В. Шаповалов: «К 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина готовимся все. Коллектив коммунистов, механизаторов настроен по-боевому. Полностью подготовлен сельхозинвентарь, качество хорошее. Техника готова к севу, есть кадры, но плохо, что механизаторы не собрались, из-за занятости работой. Требовательность надо повышать и не только к рядовым, но и специалистам» [6, Л. 17].

В конечном итоге партийное собрание приняло решение о необходимости пропаганды социалистического образа жизни, досрочном выполнении сельскохозяйственных планов, а также о совершенствовании производства через партийный комитет и актив колхоза, состоящих в КПСС.

Следующим примером исполнением агитационно-пропагандистских функций партийного комитета колхоза «имени Ленина» является заседание, проходившее 25 июня 1970 года, повесткой дня которого был вопрос об ответственности коммунистов за состояние политико-массовой работы в колхозе.

Первым выступил с докладом секретарь бригадной партийной организации Е.В. Агошков. Он отметил, что: «политико-массовая работа в колхозе проводится силами агитаторов колхоза,...из числа учителей, разъясняются колхозникам постановления партии и нашего правительства, читаются лекции на темы международной жизни, экономики сельского хозяйства, медицинские темы и т.д. На фермах нашей бригады можно видеть часто наших агитаторов, которые проводят беседы и доклады работникам животноводства, в клубе, особенно в зимнее время, проводятся лекции с колхозниками на различные темы, сейчас, в летнее время, наши агитаторы работают на полевых станах и у агрегатов» [5, Л. 98]. Вместе с тем член парткома И.И. Прибылов подчеркнул высокую дисциплинированность местных коммунистов в вопросах агитации и пропаганды членов колхоза, однако критично отнесся к деятельности секретарей бригадных организаций.

Анализируя многочисленные протоколы первичной партийной организации можно прийти к выводу об осуществлении организационно-хозяйственных и управленческих функций правления и общего собрания колхозников парткомом данного колхоза. Данная практика была свойственна большинству советским колхозам, что на наш взгляд являлось грубым нарушением Примерного Устава колхоза. Однако здесь нет ничего удивительного в системе доминирования однопартийной политической системы.

На многочисленных заседаниях партийного комитета и партийных собраниях колхоза «имени Ленина», первичная парторганизация возлагает на себя обязанности правления тем, что организует труд колхозников, заслушивает отчеты долж-

ностных лиц, а также следит за соблюдением дисциплины труда.

В свете сказанного примечательны многочисленные доклады колхозников по вопросам выполнения намеченной партийной организацией мероприятий по увеличению производства молока, мяса и других продуктов животноводства; готовности техники к сельскохозяйственным работам; планам работ агротехнических мероприятий.

Немаловажным событием является партийное собрание от 20 мая 1970 года, посвященное борьбе за экономию и сохранность социалистической собственности. Явно исполняя обязанности правления колхоза на нем было решено эффективнее использовать пахотные земли, скоординировать логистические пути, а также устранение сорняков и эрозии почв [4, Л. 12].

В конечном итоге необходимо сказать, что автором проанализировано множество протоколов первичных партийных организаций различных колхозов Белгородской области и в подавляющем большинстве случаев повестка дня того или иного заседания была посвящена «коммунистическому воспитанию» колхозников их агитации и пропаганде марксистско-ленинской идеологии, а также разъяснению и толкованию политических решений партии и правительства.

Таким образом, первичные партийные организации становились активными участниками управления и формирования колхоза как «школы коммунизма» для крестьян, что влияло как на внутреннюю структуру объединения, так и на эффективность выполнения государственных обязанностей, подчеркивая потребность в дальнейшем исследовании для понимания динамики и особенностей советского правового поля. На примере партийного собрания и заседания парткома колхоза «Имени Ленина» видно, что партийные решения и обсуждения органов колхоза играли важную роль в анализе и выявлении недостатков хозяйственной деятельности и пропаганды, что способствовало улучшению управления и реализации социальных и экономических задач.

Литература

1. Конституция Союза Советских Социалистических Республик, принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 года. Конституции социалистических государств: Сборник в двух томах. Том 1 / Под редакцией Б.А. Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова. – М.: Юридическая литература, 1987. – 384 с.

2. Устав Коммунистической партии Советского Союза. – Текст: непосредственный. – М.: Политиздат, 1966. – 36 с.
3. Примерный устав колхоза: принят 3-м Всесоюзным съездом колхозников и утвержден постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 28.11.1969 г. (утратил силу) // СП СССР. – 1969. – № 26. – Ст. 150. – Текст: непосредственный.
4. Хомуков, А.А. Роль КПСС в функционировании советской правовой системы / А.А. Хомуков // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 4–2 (79). – С. 168–174.
5. ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Белгородской области», Фонд 1595, опись 1, дело 28.
6. ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Белгородской области», Фонд 1590, опись 1, дело 52.

THE INFLUENCE OF THE PRIMARY PARTY ORGANIZATION ON THE ACTIVITIES OF THE LENIN COLLECTIVE FARM OF THE PRINTSEVSKY VILLAGE COUNCIL

Shevtsov E.V.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article is devoted to the analysis of primary party organizations in collective farms, their structure and tasks, as well as the impact of party decisions on the effectiveness of agricultural associations. Examples of discussions at party committees are given, highlighting the system of management and control formed by the CPSU, which allows for a better understanding of the interaction of the party leadership and the collective farm during the period under review.

Keywords: Agriculture, collective farms, primary party organizations, party committee, protocol of the party organization of the collective farm.

References

1. Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics, adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977. Constitutions of Socialist States: A Collection in Two Volumes. Volume 1 / Edited by B.A. Strashun, B.N. Topornin, G. Kh. Shakhnazarov. – Moscow: Legal Literature, 1987. – 384 p.
2. Charter of the Communist Party of the Soviet Union. – Text: direct. – Moscow: Politizdat, 1966. – 36 p.
3. Model Charter of a Collective Farm: adopted by the 3rd All-Union Congress of Collective Farmers and approved by the resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR on November 28, 1969 (no longer in effect) // SP USSR. – 1969. – No. 26. – Art. 150. – Text: direct.
4. Khomukov, A.A. The Role of the CPSU in the Functioning of the Soviet Legal System / A.A. Khomukov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – No. 4–2 (79). – Pp. 168–174.
5. State Archive of Contemporary History of Belgorod Oblast, Collection 1595, Inventory 1, File 28.
6. State Archive of Contemporary History of Belgorod Oblast, Collection 1590, Inventory 1, File 52.

Проблемы соотношения и реализации принципов эффективности использования бюджетных средств и эффективности осуществления публичных закупок

Авдеева Ирина Сергеевна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
E-mail: irenkob712gmail.com

В работе рассматриваются актуальные проблемы соотношения и реализации двух смежных принципов бюджетной системы России и контрактной системы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: принципа эффективности использования бюджетных средств и принципа эффективности осуществления публичных закупок. Подчеркивается значимость правового анализа воплощения этих принципов для современного развития государства. Анализируются правоотношения, возникающие в ходе осуществления публичных закупок.

Ключевые слова: контрактная система в сфере для обеспечения государственных и муниципальных нужд, публичные закупки, частно-публичные закупки, принцип эффективности осуществления публичных закупок, принципы бюджетной системы, принцип эффективности использования бюджетных средств.

Более десяти лет в России действует особая система удовлетворения государственных и муниципальных потребностей – контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внедренная федеральным законом № 44-ФЗ в 2013 году (далее по тексту – контрактная система закупок) [2].

Реализация положений федерального закона о контрактной системе закупок строится на следующих принципах, закрепленных в статье 5: открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Данное исследование анализирует один из самых неоднозначных аспектов контрактной системы, принцип эффективности осуществления государственных и муниципальных закупок, при этом рассматривая его в соотношении с принципом иной системы, бюджетной, – принципом эффективности расходования бюджетных средств. Данная проблематика носит как теоретический, так и практический характер, ибо от умелого сочетания этих принципов в правотворчестве и правоприменении зависит в конечном счете состояние экономики в государстве.

При всей важности и сложности рассматриваемого механизма термин «эффективность закупки» в законодательстве четко и ясно не определен.

Статья 12 вышеуказанного закона о закупках уточняет смысл и значение двух последних принципов: государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, муниципальные органы, казенные учреждения, иные юридические лица в случаях, установленных законом, при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд. При этом должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе.

Принцип эффективности осуществления публичных закупок отмечается также в Письме Минэкономразвития России «О применении положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ

«О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в частности, указывается, что «44-ФЗ регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг» [5].

Исходя из положений вышеуказанной нормы статьи 12 закона о контрактной системе закупок можно констатировать, что законодатель отождествляет термины «эффективность» и «результативность». Этой же точки зрения придерживаются и некоторые правоведы [8, с. 30]. Однако такое определение этих явлений представляется некорректным, так как не отражает их сущности.

Иные авторы признают, что данные категории неравнозначны, а понятие эффективности шире понятия результативности [12, с. 45].

Результативность и эффективность – важнейшие принципы экономической деятельности в условиях рыночной системы хозяйствования. Поэтому обратимся вначале к экономической науке в силу того, что указанные термины имеют экономическое содержание.

В толковых словарях исследуемые понятия трактуются следующим образом: «Результативность – мера эффективности, характеризующаяся достижением результата / цели деятельности или степенью приближения к ней» [14].

«Эффективность – достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов» [16].

В стандарте ИСО 9000:2000 результативность (performance) – степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, а эффективность (effectiveness) – соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами [2].

«Результативность характеризует достижение поставленных целей, а эффективность – средства, методы, способы, используемые для достижения этих целей. Пример результативности – выпуск продукции без брака, эффективности – минимизация ее стоимости. Таким образом, в данном определении результативность «опирается» на конкретные цели (запланированные результаты), а не на образ некоторого неизвестного идеала» [13, с. 135].

Представляется, что исследуемые термины неравнозначны: результативность предполагает достижение цели, результата, тогда как эффективность подразумевает одновременно и наличие самого результата, и минимизацию затрат, при этом без потери качества.

Здесь, на наш взгляд, появляется новый критерий – качество. На качество реализуемых товаров, работ и услуг далее будет обращено особое внимание.

Качество, согласно положениям вышеуказанного документа, «(en quality; fr): Степень соответствия совокупности присущих характеристик объекта требованиям».

При этом качество как элемент принципа или как самостоятельный принцип контрактной системы закупок законодателем не используется. Можно предположить, что качество как критерий включён в понятие эффективности. Однако это никак не отражено в нормативных актах. Напротив, в методиках оценки эффективности осуществления закупок определены следующие критерии: конкурентности закупок; экономности; соблюдения законодательства; эффективности планирования; подозрительности закупок; соблюдения принципа профессионализма. Как видим, о качестве закупаемых товаров, работ и услуг речь не идет [4].

Тем не менее представляется, что законодатель все же ориентирует участников контрактной системы на добросовестное поведение, при котором качество товаров, работ и услуг презюмируется. Однако отражение этой презумпции в законодательстве все же является необходимым условием ее соблюдения. Так, важным является описание в статье 12 Закона о контрактной системе закупок значения термина «эффективность» с обязательным указанием не только нацеленности на достижение результата, но и соответствия закупаемых товаров (работ, услуг) требованиям к качеству.

Проблема понимания принципа эффективности осуществления публичных закупок носит как теоретический, так и практический характер. И переоценить важность решения этой проблемы крайне сложно, так как от верного определения всеми участниками закупок сущности принципа эффективности зависит конечное выполнение цели всей контрактной системы. Зачастую не только заказчик, но и государственные органы отождествляют рассматриваемый принцип с минимизацией расходов бюджета при осуществлении закупочной деятельности.

Однако стоит обратить внимание на норму, содержащуюся в ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе закупок: «закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг...». То есть речь не идет конкретно о минимизации расходов, ведь эффективность и результативность нередко совсем не предполагают минимизацию и экономию, особенно если закупки связаны с реализацией важнейших национальных проектов. Соответственно осложняется также и проверка контролирующими органами соблюдения соответствующего принципа.

На это обращает внимание и М.В. Шмелева, говоря о концепции государственных закупок в России: «закупки не могут рассматриваться в качестве эффективных, если отбор поставщиков (подрядчиков, исполнителей) будет осуществляться только на основании одного критерия – низкой цены. Закупки по низкой цене не всегда могут удовлет-

ворить потребности заказчиков в необходимых товарах (работах, услугах)... Закупки должны признаваться эффективными, если товары (работы, услуги или иные объекты закупки) приобретаются за оптимальную цену и в наибольшей степени удовлетворяют государственные, муниципальные потребности или потребности отдельных категорий юридических лиц» [15, с. 17].

В целях разрешения данной проблемы следует рассмотреть смежный принцип бюджетной системы – принцип эффективности использования бюджетных средств, закрепленный в ст. 34 Бюджетного кодекса РФ [1].

В силу того, что принцип эффективности использования бюджетных средств, безусловно, распространяется и на публичные закупки, следует вывод о неразрывной связи исследуемых принципов. Поэтому представляется вполне оправданной точка зрения А.Э. Катвалаяна, утверждающего, что «принцип эффективности осуществления закупок вытекает из БК РФ и является дополнением к этому принципу» [10, с. 77]. В обоснование данного вывода автор а том числе привел позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой «принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок является конкретизацией общего принципа эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ)...» [6].

В бюджетном законодательстве термин «эффективность» описан намного более четко по сравнению с законодательством о контрактной системе закупок. Так, согласно норме указанной статьи, «принцип эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности)».

В 2009 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ разъяснил некоторые вопросы понимания и реализации этого принципа: «Оценивая соблюдение участниками бюджетного процесса указанного принципа, судам необходимо учитывать, что участники бюджетного процесса в рамках реализации поставленных перед ними задач и в пределах выделенных на определенные цели бюджетных средств самостоятельно определяют необходимость, целесообразность и экономическую обоснованность совершения конкретной расходной операции.

В связи с этим конкретная расходная операция может быть признана неэффективной расходом бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием мень-

шего объема средств или что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата» [7].

Рассматривая категорию «эффективность», следует подчеркнуть её различие с термином «экономность», ведь только лишь через экономию невозможно достичь нужного результата, он может оказаться ущербным, бесполезным для государства и общества.

Однако вовсе не учитывать критерий экономности расходования также не стоит. Во-первых, экономность предусмотрена самим законодателем, а во-вторых, без реализации данной установки возможны злоупотребления со стороны должностных лиц, необоснованное завышение показателей необходимых затрат.

Для отождествления терминов «эффективность» и «результативность» также нет оснований, так как Бюджетный кодекс четко определил два элемента эффективности: экономность и результативность.

Представляется целесообразным включение ещё одного элемента – качества, при котором расходования должны в полной мере удовлетворять публичные потребности, то есть эффективность расходов должна предполагать не только экономию и достижение результата, но сам результат должен быть максимально полезным для государства и общества. Такой вывод можно сделать и исходя из существующей формулировки закона. На качественную составляющую результата – эффективность, обращает внимание и Н.А. Поветкина [11, с. 18].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется необходимым сочетание рассматриваемых принципов в рамках осуществления публичных закупок, а также их уточнения в законодательстве путем внесения изменений как в ст. 34 Бюджетного кодекса РФ, так и в ст. 12 Закона о контрактной системе закупок.

Во-первых, видится целесообразным подробное определение в законе терминов «эффективность» и «результативность» по аналогии с бюджетным законодательством, при этом включив в эффективность такой элемент, как качество закупаемых товаров, работ и услуг.

При этом в законе должно быть отражено, что принцип эффективности осуществления закупок означает, что при осуществлении публичных закупок участники контрактной системы с минимальными затратами и в рамках выделенных бюджетных средств должны достичь наилучшего результата с учетом соответствующего установленным требованиям к качеству закупаемых товаров, работ и услуг. То есть эффективной закупки станет не только экономная, а при экономности ещё и обеспечивающая качество закупаемых активов.

Во-вторых, логичным было бы закрепление в нормативных актах методики оценки эффективности расходования, ведь несмотря на достаточное количество нормативных актов в этой сфере,

пока что нет общей методики и единых понятий и обоснованных критериев оценки [9, с. 66]. Соответственно и в контрактную систему закупок также следует ввести общие критерии, согласующиеся с методикой оценки эффективности расходования бюджетных средств.

В-третьих, следует согласиться с мнением А.Э. Катваляна о необходимости использования иной формулировки принципа формулирования принципа ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд. Так, предлагается «отказаться от термина «результативность» и формулировать принцип ответственности за эффективность осуществления закупок, который будет включать в себя и результативность» [10, с. 80].

Безусловно, нелегко сочетать все государственные стратегии и планы, однако основополагающие базовые положения, на которых основывается законодательство, к коим относятся принципы как бюджетной системы, так и контрактной, необходимо определять максимально конкретно. Это будет способствовать реализации экономической политики государства и наиболее полному обеспечению его интересов.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Российская газета. 1998. 12 августа.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Российская газета. 2013. 12 апреля.
3. ГОСТ Р ИСО 9000–2015 «Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь»: утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии 28 сентября 2015 г. № 1390-ст // Национальные стандарты. 2016. № 10.
4. Об утверждении Методики оценки эффективности осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Тюменской области: распоряжение Управления государственных закупок Тюменской области от 17 октября 2028 г. № 002-р // Справочная правовая система ГАРАНТ.
5. О разъяснении положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: Письмо Министерства экономического развития РФ от 5 сентября 2016 г. № Д28и-2294 // Справочная правовая система ГАРАНТ.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Преминина Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьей 9 и частью 1 статьи 12 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

обеспечения государственных и муниципальных нужд»: Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 601-О // Справочная правовая система ГАРАНТ.

7. Постановление Пленума ВАС РФ от 26.02.2009 № 17 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 5.
8. Арбатская Ю.В. Проблемы реализации принципа эффективности в бюджетном праве / Ю.В. Арбатская // Академический юридический журнал. 2013. № 1 (51). С. 29–33.
9. Афанасьев Р.С. Понятие эффективности бюджетных расходов: теория и законодательство / Р.С. Афанасьев, Н.В. Голованова // Финансовый журнал. 2016. № 1. С. 61–69.
10. Катвалян А.Э. Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок / А.Э. Катвалян // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 75–83.
11. Поветкина Н.А. Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации / Н.А. Поветкина // Финансовое право. 2015. № 3. С. 16–22.
12. Пашков А.С. Эффективность действия правовой нормы / А.С. Пашков, Л.С. Явич // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 40–48.
13. Пыткин А.Н. Взаимосвязь эффективности и результативности деятельности хозяйственной организации / А.Н. Пыткин, Н.М. Блаженкова // Журнал экономической теории. 2008. № 3. 131–139.
14. Словарь бизнес-терминов // Академик. 2000–2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (дата обращения: 26.05.2024).
15. Шмелева М.В. Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации: автореф. дис... доктора юр. наук / М.В. Шмелева. Саратов, 2022. 50 с.
16. Экономика. Толковый словарь. / под общей ред. И.М. Осадчей. М.: ИНФРА-М, 2024. 644 с.

PRINCIPLES OF THE EFFICIENCY OF USING BUDGET FUNDS AND THE EFFICIENCY OF PUBLIC PROCUREMENT: PROBLEMS OF CORRELATION AND PURCHASES

Avdeeva I.S.

Russian State University of Justice named after. V.M. Lebedev

The article considers the actual issues of correlation and implementation of two related principles of the Russian budget system and the contract system of purchases to ensure state and municipal needs: the principle of the efficiency of using budget funds and the principle of the efficiency of public purchases. The importance of legal analysis of the implementation of these principles for the modern development of the state is emphasized. Legal relations arising in the course of public purchases are analyzed.

Keywords: the contract system of purchases to ensure state and municipal needs, public procurement, private-public procurement, the principle of efficiency of public procurement, principles of the budget system, the principle of efficiency of using budget funds.

References

1. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ dated July 31, 1998 // Rossiyskaya Gazeta. 1998. August 12.
2. On the Contract System for Procuring Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs: Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. April 12.
3. GOST R ISO 9000–2015 “Quality management systems. Basic provisions and dictionary”: approved by By Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology on September 28, 2015 No. 1390-st // National Standards. 2016. № 10.
4. On Approval of the Methodology for Assessing the Effectiveness of Procurement of Goods, Works, and Services for the Needs of the Tyumen Region: Order of the Department of State Procurement of the Tyumen Region dated October 17, 2028, No. 002-r // Reference Legal System GARANT.
5. On Clarification of the Provisions of Federal Law No. 44-FZ dated April 5, 2013: Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated September 5, 2016, No. D28i-2294 // Reference Legal System GARANT.
6. On the refusal to accept for consideration the complaint of Anatoly Nikolaevich Preminin, a citizen, on the violation of his constitutional rights by Part 2 of Article 7.30 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as by Article 9 and Part 1 of Article 12 of the Federal Law “On the Contract System for Procuring Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs”: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 27, 2018, No. 601-O // Reference Legal System GARANT.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 26.02.2009 No. 17 “On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 22.06.2006 No. 23 “On Certain Issues of Application of the Budget Code of the Russian Federation by Arbitration Courts” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 5.
8. Arbatskaya, Yu.V. Problems of Implementing the Principle of Efficiency in Budget Law / Yu.V. Arbatskaya // Academic Law Journal. 2013. No. 1 (51). Pp. 29–33.
9. Afanasyev R.S. The Concept of Budget Expenditure Efficiency: Theory and Legislation / R.S. Afanasyev, N.V. Golovanova // Financial Journal. 2016. No. 1. Pp. 61–69.
10. Katvalyan A.E. The Principle of Responsibility for the Effectiveness of Meeting State and Municipal Needs, and the Effectiveness of Procurement / A.E. Katvalyan // Current Issues in Russian Law. 2020. No. 8. Pp. 75–83.
11. Povetkina N.A. Efficiency of Budget Funds Expenditure: Problems of Legal Qualification / N.A. Povetkina // Financial Law. 2015. No. 3. Pp. 16–22.
12. Pashkov, A.S. The Effectiveness of Legal Norms / A.S. Pashkov, L.S. Yavich // Soviet State and Law. 1970. No. 3. Pp. 40–48.
13. Pytkin, A.N. The Relationship between the Efficiency and Effectiveness of an Economic Organization’s Activities / A.N. Pytkin, N.M. Blazhenkova // Journal of Economic Theory. 2008. No. 3. Pp. 131–139.
14. Dictionary of Business Terms // Academic. 2000–2024. [Electronic resource]. Access mode: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (accessed: 26.05.2024).
15. Shmeleva M.V. The concept of state (municipal) procurement in the Russian Federation: abstract. Dissertation of the Doctor of Law / M.V. Shmeleva. Saratov, 2022. 50 p.
16. Economics. Explanatory dictionary. / under the general editorship of I.M. Osadcha. Moscow: INFRA-M, 2024. 644 p.

Особенности защиты прокурором социальных прав граждан в Российской Федерации и Республике Ирак

Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ФГАОУ ВО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: duraidmhmd78@gmail.com

В статье приводится сравнительный анализ полномочий прокуратуры по защите социальных прав граждан в Республике Ирак и Российской Федерации. Исследуются особенности осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав граждан, защитой их социальных свобод в области социальных прав, защиты несовершеннолетних и здоровья, оплаты жилищно-коммунальных услуг, предоставления льгот и пособий социально уязвимым категориям граждан. Автором выявлены сходства и различия в прокурорской деятельности на исследуемом участке в обеих странах – России и Ираке, даны рекомендации по совершенствованию практики защиты прокурором прав человека и гражданина в контексте современных социально-экономических вызовов.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, прокурорская деятельность, социальные права граждан, Республика Ирак, Российская Федерация.

Согласно иракскому законодательству, прокуратура *Республики Ирак* имеет специальную компетенцию, с помощью которой она утверждает свою независимость от исполнительной власти и тесно связана с судебной системой. Однако, в отличие от судов и судебной власти в целом, прокуратура выполняет надзорные и следственные функции. Это наделяет её особым правовым статусом, определяющим её задачи и полномочия. Генеральная прокуратура – это часть федеральной судебной власти (ст. 86 Конституции Республики Ирак)¹.

Прокуратура Республики Ирак защищает интересы государства, общества и отдельных граждан посредством участия прокуроров в уголовных и гражданских разбирательствах в качестве процессуального истца или государственного обвинителя либо путём обжалования судебных решений по этим делам, если они нарушают закон или наносят ущерб интересам государства или социальным правам отдельных лиц. Как, например, в области социальных прав: семьи, несовершеннолетних, женщин, пропавших без вести лиц, работников и др.

Прокуратура Республики Ирак традиционно играет важную роль и в судебном рассмотрении дел различных категорий. Следует также отметить, что после вступления в силу Закона о прокуратуре Республики Ирак № 49 от 2017 года² (далее – Закон о прокуратуре Республики Ирак) была значительно расширена сфера деятельности прокуратуры, включая защиту социальных прав граждан. Среди наиболее значимых изменений – чёткое разделение функций и деятельности прокурора (за счет разделения следственных и надзорных полномочий в его работе), что повысило эффективность

¹ Уголовно-процессуальная система Ирака: монография / А.Ф. Абдулбасит, П.А. Гусенова, А.Д. Назаров, Н.Г. Стойко; под науч. ред. Н.Г. Стойко. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 152 с.

² قانون مقرر ماعال اءاعال نوناق 49 قنسل 2017. URL: <https://bcled.org/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AF%D8%B9%D8%A7%D8%A1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%85-%D8%B1%D9%82%D9%85-49-%D9%84%D8%B3%D9%86%D8%A9-2017/#:~:tex=D8%A7%D9%88%D9%84%D8%A7%3A%20%D9%8A%D8%A4%D8%B3%D8%B3%20%D8%AC%D9%87%D8%A7%D8%B2,%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%AF%D8%B9%D8%A7%D8%A1%20%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%A7%D9%85%20%D8%A7%D9%88%20%D9%85%D9%86%20%D9%8A%D8%AE%D9%88%D9%84%D9%87>. (дата обращения: 02.07.2025).

реагирования на нарушения в социальной сфере (особенно в сфере жилищно-коммунальных услуг, трудовых прав граждан, предоставления льгот, прав несовершеннолетних).

Это также позволило создать специализированные подразделения в органах прокуратуры для защиты прав уязвимых групп населения (жертв террористических актов, инвалидов, детей и малоимущих), что усилило надзор за выполнением социальных гарантий, закрепленных в Конституции Республики Ирак.

Кроме того, данные процедуры упрощают доступ граждан к правосудию благодаря их праву обращаться непосредственно в прокуратуру с исками о защите социальных прав, минуя длительные бюрократические процедуры, которым следуют судебные органы.

Действующий закон о прокуратуре категорически не устанавливает обязанность прокурора вмешиваться в гражданское дело и не предусматривает конкретного механизма обеспечения такого вмешательства.

Фактически прокурор в Республике Ирак может вмешиваться в судебный процесс в качестве стороны по гражданскому иску. Это позволяет ему участвовать в слушаниях, представлять доказательства и аргументы. Такое вмешательство обязательно, если законодатель прямо предусматривает участие прокурора в качестве основной стороны.

Конституция и Закон о прокуратуре Республики Ирак также предоставляют одно из важнейших юридических полномочий, а именно право обжаловать решения суда: если прокурор считает, что решения, принятые по делу, нарушают закон, затрагивают социальные права или оказывают негативное влияние на общество, он может обжаловать такие решения. При этом прокуроры имеют право делать выводы в соответствии с установленными законом требованиями, не присоединяясь ни к одной из спорящих сторон.

Прокуратура Республики Ирак вправе проводить проверки и собирать доказательства, связанные с гражданским иском, оказывать юридическую помощь, участвовать в судебном процессе, предоставлять необходимые консультации гражданам для разрешения спора, который будет предъявлен в суд¹.

Закон о прокуратуре Республики Ирак дает прокурору полномочие вмешиваться в правоотношения при необходимости защиты социальных прав граждан.

Согласно статье 6 упомянутого закона, прокуратура Республики Ирак осуществляет полномочия в судах по уголовным делам, судах по гражданским делам, в том числе в делах, связанных с несовершеннолетними, задержанными, пропавшими без вести, разводом и материнством, раздельным

проживанием, оставлением семьи без кормильца, перемещением несовершеннолетних детей и любыми другими делами, в которых прокурор считает необходимым вмешаться, чтобы защитить социальные права граждан.

Отметим, что вне зависимости от того, является ли лицо истцом или ответчиком по гражданскому или уголовному делу, а также от того, каким образом оно представлено в этих судебных процессах, независимо от того, есть ли у несовершеннолетнего законный представитель, прокурор уполномочен выступать в качестве стороны по делу.

Кроме того, положения статьи 7 («Прокурор Республики Ирак принимает меры для обеспечения того, чтобы нарушение закона было предотвращено») будут применяться в случае, если иракский прокурор обнаружит нарушение закона в решении или постановлении суда, за исключением решений, вынесенных уголовными судами ранее, или в решении, вынесенном судебным комитетом, генеральным директором Департамента по делам несовершеннолетних или директором Департамента по делам несовершеннолетних или средствами любого из них при выявлении нарушения общественного порядка, который предусмотрен Конституцией Республики Ирак и принципами гуманного правосудия в соответствии с Уставом ООН, то он должен обжаловать судебное решение «в интересах закона» даже по истечении установленного законом срока апелляционного обжалования. Обжалование в интересах закона в соответствии с положениями статьи не допускается, если прошло 5 лет с тех пор, как судебное решение приобрело императивную силу.

Вмешательство прокуратуры в эти дела обусловлено защитой семьи и детства, поскольку семья является основой иракского общества.

Суд по трудовым спорам компетентен рассматривать дела, связанные с применением положений Иракского закона о труде № 71 от 1987 года², а также Закона о выходе на пенсию и социальном обеспечении работников № 39 от 1971 года³, в дополнение к решениям и нормативным актам, изданным в связи с применением трудового законодательства или Закона о социальном обеспечении.

В тексте оговаривается, что прокуратура должна вмешиваться в эти дела главным образом для защиты прав работника и отстаивания его интересов, поскольку часто более слабой стороной в трудовых правоотношениях является работник, что обеспечивает применение положений закона для достижения справедливости и баланса в этих отношениях.

Прокуратура Российской Федерации имеет уникальный статус, поскольку она является независи-

¹ Аль-Амер А. М. А.В. Правовые системы вмешательства прокуратуры в судопроизводство в иракском праве // Журнал правовых и политических исследований «Аль-Муфакир». 2020. Т. 3, № 4. С. 11.

² مجلس (71) مؤر لمعلا نوناق 1987. URL: <https://investpromo.gov.iq/wp-content/uploads/2013/06/labor-law-no-71-of-1987-Ar.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

³ مجلس 39 مؤر ني فظومل ي عامتجال نامضل او دعاقتل نوناق 1971. URL: <https://www.molsa.gov.iq/upload/1949758531.docx> (дата обращения: 02.07.2025).

мым органом с широкими полномочиями и не принадлежит ни к одной из ветвей власти.

Следует отметить, что основной целью деятельности органов прокуратуры Российской Федерации является обеспечение конституционного соблюдения прав человека и гражданских свобод. Чтобы работала эффективно, прокуратура должна сотрудничать с другими государственными органами, организациями и институтами гражданского общества, которые борются за социальные права граждан.

Согласно статье 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»), одной из целей деятельности органов прокуратуры является защиты прав и свобод человека и гражданина, к которым относятся и социальные.

В дополнение к Конституции Российской Федерации и ФЗ «О прокуратуре РФ», деятельность прокуратуры в этой области регулируется значительным количеством приказов Генерального прокурора Российской Федерации, среди которых особое внимание уделяется следующим:

- Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»²;
- Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и соблюдением их законных прав и интересов»³;
- Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан»⁴;
- Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.03.2017 № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере жилищно-коммунального хозяйства»⁵;

Наша точка зрения состоит в том, что прокурорский надзор за соблюдением социальных прав граждан требует четкого определения пределов

полномочий прокурора. Нарушения закона должны быть раскрыты в рамках полномочий прокуратуры.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»⁶ задачами участвующих в гражданском и административном судопроизводстве прокуроров является защита и фактическое восстановление прав граждан, государства и неопределенного круга лиц, которые были нарушены.

В этом документе важно подчеркнуть, что социально незащищенные группы должны получать специальную государственную защиту, в том числе от прокуратуры. К ним относятся инвалиды, пенсионеры, дети-сироты и другие.

В части ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁷ (далее – ГПК РФ) прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением, направленным на защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Прокурор может подать заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина только в случае, если гражданин не может сам пойти в суд из-за возраста, состояния здоровья или недееспособности.

В силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ по делам, касающимся выселения, восстановления на работе, возмещения реального ущерба, причиненного жизни или здоровью, прокурор вступает в процесс и дает заключение, в целях осуществления возложенных на него полномочий.

В обеих странах органы прокуратуры наделены полномочиями по надзору за исполнением законов в социальной сфере, защите прав социально незащищенных категорий населения и рассмотрению жалоб граждан на нарушения их социальных прав.

В Российской Федерации осуществляется комплексный надзор со стороны прокуратуры, чтобы решить проблему демографического развития, учитывая права граждан на получение медицинской помощи и доступность специальных лекарственных средств для лечения критических заболеваний по доступным ценам.

Прокуроры осуществляют надзор за деятельностью и принимаемыми решениями органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, иных органов и организаций, включая коммерческие, особенно в сферах труда, занятости, социального обеспечения, здравоохранения, образования, ухода за пожилыми людьми и других социальных сферах не нарушали законы.

Нельзя не отметить, что при выявлении нарушений социальных прав граждан прокуроры уполномочены принимать необходимые меры и оперативно реагировать, в частности, вносить представ-

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и соблюдением их законных прав и интересов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 03.03.2017 № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере жилищно-коммунального хозяйства» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ления об устранении нарушений закона, приносить протесты и возбуждать дела об административных правонарушениях, в том числе по результатам проведенных проверок на основании жалоб граждан на нарушения социальных прав. Более того, прокуроры наделены правом обращаться в суд с исками и заявлениями в защиту социальных прав граждан, что также выступает мерой прокурорского реагирования.

Особое внимание в России уделяется защите социальных прав наиболее уязвимых групп населения, таких как несовершеннолетние, инвалиды, пенсионеры, многодетные семьи.

Прокуроры в Республике Ирак и Российской Федерации могут принимать меры реагирования, такие как представления и протесты, и возбуждать административные дела в случае выявления нарушений закона.

Прокуратура координирует деятельность других государственных органов в области защиты социальных прав граждан.

Сравнительно-правовой анализ двух систем позволил нам выделить некоторые различия в подходах двух государств в сфере защиты социальных прав граждан:

Во-первых, в Республике Ирак прокуратура более децентрализована и может отличаться по эффективности в разных регионах, но в России она является единой федеральной централизованной системой органов, подчиняющейся Генеральному прокурору Российской Федерации.

Во-вторых, в России Генеральная прокуратура имеет более давнюю историю и обширный опыт, в то время как в Республике Ирак эта система претерпела значительные изменения после правления Саддама Хусейна и решений, которые были узаконены американской оккупацией и наложены на конституцию Республики Ирак.

В-третьих, эффективность защиты социальных прав граждан прокуратурой в Республике Ирак ограничена нестабильной политической ситуацией, последствиями военных конфликтов и слабостью государственных институтов в некоторых регионах.

В-четвертых, в России прокуратура является независимым государственным органом, тогда как в Республике Ирак её независимость фактически не закреплена, а зависит от подчинения судебной власти.

Таким образом, хотя полномочия прокуратуры по защите социальных прав граждан в Ираке и России похожи, их эффективность может существенно отличаться в зависимости от политических, экономических и исторических условий, существующих в каждой стране.

Защита социальных прав граждан прокуратурой в Республике Ирак сталкивается с рядом серьезных проблем:

1) Нестабильная политическая ситуация в Ираке, последствия вооруженных и межплеменных конфликтов и распространение оружия среди граждан без правительственной лицензии ос-

лабляют государственные институты, включая органы прокуратуры.

- 2) Недостаточно развитая правовая база, устаревание законов и отсутствие, в частности, законодательства в социальной сфере затрудняют прокурорам контроль за соблюдением социальных прав граждан и реагирование на нарушения, затрагивающие общество.
- 3) Постоянные угрозы безопасности со стороны вооруженных групп в отношении представителей судебной системы серьезным образом усложняют прокурорам выявление нарушений социальных прав граждан в отдельных районах, находящихся под их контролем.
- 4) Представляется недостаточным качество подготовки кадров для осуществления прокурорского надзора за соблюдением социальных прав граждан в Республике Ирак. Помимо этого, существует необходимость повышения уровня правовой культуры населения, что обусловлено низким уровнем доверия к государственным органам и правовым институтам, в целом. В этой связи, многие граждане из-за незнания не обращаются в прокуратуру за защитой своих социальных прав.

Тем не менее, на сегодняшний день прокуратура Республики Ирак стремится выполнять свои установленные законом полномочия по защите социальных прав граждан, особенно социально незащищенных категорий населения. Однако для повышения его эффективности необходимы меры по укреплению верховенства закона, борьбе с коррупцией, обеспечению прозрачности деятельности в установленной сфере уполномоченных государственных органов, а также принятие дополнительных мер безопасности прокуроров, а повышение профессиональных навыков.

Литература

1. Гладышева О.В. Правозащитные организации Ирака: проблемы законодательного регулирования и пути их решения / О.В. Гладышева, Хайдер Рияд Флайх // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 511–513.
2. Головки И.И. Защита прокурором прав граждан, интересов общества и государства в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики: конспект лекций для магистратуры / И.И. Головки. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. 59 с.
3. Аль-Амер А. М. А.В. Правовые системы вмешательства прокуратуры в судопроизводство в иракском праве // Журнал правовых и политических исследований «Аль-Муфакир». 2020. Т. 3, № 4.
4. Ковалев А.А. Защита органами прокуратуры РФ социальных прав граждан в судах общей юрисдикции: текущее состояние и перспективы // Теория и практика общественного раз-

вития. 2019. № 5 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-organami-prokuratury-rf-sotsialnyh-prav-grazhdan-v-sudah-obschey-yurisdiktsii-tekushee-sostoyanie-i-perspektivy>

5. Уголовно-процессуальная система Ирака: монография / А.Ф. Абдулбасит, П.А. Гусенова, А.Д. Назаров, Н.Г. Стойко; под науч. ред. Н.Г. Стойко. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 152 с.

THE SPECIFICS OF THE PROSECUTOR'S PROTECTION OF THE SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF IRAQ

Al-Musafir Duraid Mohammed Hassoon

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article provides a comparative analysis of the powers of the Prosecutor's Office to protect the social rights of citizens in the Republic of Iraq and the Russian Federation. The article examines the specifics of prosecutorial supervision over the observance of citizens' rights, protection of their social freedoms in the field of social rights, protection of minors and health, payment of housing and communal services, provision of benefits and allowances to socially vulnerable categories of citizens. The author identifies similarities and differences in prosecutorial activities in the study area in both countries – Russia and Iraq and makes recommendations for im-

proving the practice of protecting human and civil rights by the prosecutor in the context of modern socio-economic challenges.

Keywords: prosecutor, powers of the prosecutor, prosecutorial activity, social rights of citizens, Republic of Iraq, Russian Federation.

References

1. Gladysheva O.V. Pravozashitnye organizatsii Iraka: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i puti ih resheniya / O.V. Gladysheva, Hajder Riyad Flajih // Molodoj uchenyj. 2023. № 20 (467). S. 511–513.
2. Golovko I.I. Zashita prokurorom prav grazhdan, interesov obshchestva i gosudarstva v grazhdanskom sudoproizvodstve: problemy teorii i praktiki: konspekt lekcij dlya magistratury / I.I. Golovko. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2019. 59 s.
3. Doktor Abdul Monejm Abdul Vahab Al-Amer «Pravovye sistemy vmeshatelstva prokuratury v sudoproizvodstvo v irakskom prave» Zhurnal pravovyh i politicheskikh issledovanij «Al-Mufakir». Tom 3. Vypusk 4.
4. Kovalev A.A. Zashita organami prokuratury RF socialnyh prav grazhdan v sudah obshej yurisdikcii: tekushee sostoyanie i perspektivy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2019. № 5 (135). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-organami-prokuratury-rf-sotsialnyh-prav-grazhdan-v-sudah-obschey-yurisdiktsii-tekushee-sostoyanie-i-perspektivy>
5. Uголовно-процессуальная система Ирака: монография / Abdulkarim Fakil Abdulbasit A, P.A. Gusenova, A.D. Nazarov, N.G. Stojko; nauch. ruk. avtorskogo kollektiva N.G. Stojko. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2022. 152 s.

Инструменты международно-правового принуждения и правомерность их применения

Бежанов Александр Александрович,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

E-mail: Bezhanov_aa@mail.ru

В статье исследуются правовые основания и критерии правомерности применения инструментов международно-правового принуждения. Автор анализирует эволюцию и современное состояние доктринального разграничения между коллективными санкциями Совета Безопасности ООН и односторонними контрмерами государств. Особое внимание уделяется проблеме смешения данных понятий в современной международной практике, что ведет к правовой неопределенности и подрыву принципа верховенства права. На основе анализа резолюций ООН, трудов отечественных и зарубежных правоведов доказываем, что односторонние ограничительные меры, применяемые без мандата Совета Безопасности ООН, не соответствуют критериям правомерности и противоречат основным принципам международного права. Делается вывод о необходимости строгого соблюдения Устава ООН для обеспечения стабильности международной системы.

Ключевые слова: международное право, принудительные меры, санкции ООН, контрмеры, односторонние ограничительные меры, Совет Безопасности ООН, верховенство права, международная ответственность.

В п. 9 Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от «08» сентября 2000 года главы государств и правительств государств, членов ООН, в целях установления мира, безопасности и разоружения подтвердили приверженность принципу верховенства права, причем как в международных, так и во внутренних делах [1].

Позже, в 2005 году, на страницах Итогового документа Всемирного саммита, принятого резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 года, члены ООН также многократно ссылались на принцип верховенства права при достижении целей, поставленных перед ООН в рамках Декларации тысячелетия [2].

Вместе с тем, практика принуждения в международном праве, сложившаяся за последние 25 лет, дает основание полагать, что вышеуказанный принцип уступил место политической воле некоторых членов ООН, действия которых идут вразрез с нормами международного права.

Правомерные инструменты международного принуждения установлены Уставом Организации Объединенных Наций (ООН), в которую на 2025 год входит 193 государства. Так целью деятельности ООН согласно ст. 1 ее Устава является поддержание международного мира и безопасности принятия для достижения этой цели эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира, проведение мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира.

Для реализации заявленных целей главой VII Устава ООН Совету Безопасности предоставлены полномочия принимать решения о применении мер, не связанных с использованием вооруженных сил, и требовать их применения членами ООН. К таким мерам, в частности, относятся поименованные в ст. 41 Устава ООН полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. При этом конструкция статьи предполагает, что перечень не является исчерпывающим. В крайних случаях Совет Безопасности ООН вправе осуществлять срочные военные мероприятия силами объединенных вооруженных сил ООН. Совокупность мер, доступных Совету Безопасности ООН, в меж-

дународной доктрине называют «принудительными мерами».

Термин «санкции» прямо не поименован Уставе ООН, но активно используется в иных документах ООН и в соответствующем разделе на сайте ООН «Санкции Совета Безопасности» в значении принудительных мер [3]. Так, согласно информации, опубликованной в указанном разделе Совет Безопасности, ООН с 1966 года ввел 31 режим санкций в Южной Родезия, Южной Африка, бывшей Югославия (2), Гаити (2), Ангола, Либерия (3), Эритрея / Эфиопия, Руанда, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуар, Ирак (2), Сомали/Эритрея, ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каида, Демократическая Республика Конго, Судан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Ливия (2), Талибан, Гвинея-Бисау, Центральноафриканская Республика, Йемен, Южный Судан, Мали и Иран.

Вместе с тем, наравне с санкциями, международное право выделяет меры, к которым на законных основаниях может прибегнуть потерпевшее государство в отношении государства-правонарушителя, именующиеся как «контрмеры». Правовое обоснование их применения установлено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», ст. ст. 22, 49–53 которой определяют законность контрмер, их цели и пределы, пропорциональность и условия применения, а также порядок прекращения.

Проблема разграничения санкций и контрмер в современном международном праве

Несмотря на чёткое доктринальное разграничение между санкциями (как коллективными мерами, применяемыми международными организациями) и контрмерами (как ответными односторонними мерами государств), на практике наблюдается тенденция к их смешению. Это создаёт правовую неопределённость и подрывает принцип верховенства права в международных отношениях.

Как справедливо отмечает Л.Н. Тарасова, принудительные меры по Уставу ООН – это коллективные меры, применяемые по решению Совета Безопасности в целях устранения угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. К ним относятся как меры невоенного характера (например, экономические ограничения), так и действия объединённых вооружённых сил ООН. Ключевым здесь является именно коллективный и институциональный характер санкций, что принципиально отличает их от односторонних действий государств [4, с. 85].

В то же время, как подчёркивает М.В. Кешнер, контрмеры – это ответные меры, которые являются «односторонними» и «горизонтальными» (государство по отношению к государству) и выступают как виды реагирования на противоправные деяния [5, 45]. Они применяются в случае, если государство-правонарушитель отказывается прекратить противоправные действия или выполнить законные требования потерпевшего государства. Важно отме-

тить, что контрмеры не носят карательного характера и должны быть прекращены сразу после достижения своей цели – прекращения противоправного деяния и восстановления нарушенных прав.

Комиссия международного права ООН (КМП) специально подчеркнула это различие, зарезервировав термин «санкция» для мер, принимаемых международными органами, а для односторонних мер государств предложив использовать термин «контрмеры» или «ответные меры». Это было сделано для того, чтобы избежать впечатления, что одно государство имеет власть над другим, что противоречит принципу суверенного равенства.

Односторонние ограничительные меры как вызов международному правопорядку

Однако в современной международной практике это различие зачастую игнорируется. Ряд государств, в первую очередь США и страны ЕС, всё чаще прибегают к односторонним ограничительным мерам (рестрикциям), которые они ошибочно или намеренно называют «санкциями». Как отмечает К.В. Крицкий, такие односторонние рестрикции представляют собой совершенно иное правовое явление, не вписывающееся в современную систему международного права [6, с. 63]. Они применяются по решению национальных органов, носят, как правило, финансово-экономический характер и направлены на защиту государственных интересов путём принуждения другого государства к изменению его политики.

Правомерность таких односторонних мер вызывает серьёзные сомнения. Как подчёркивается в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (например, «Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введённой Соединёнными Штатами Америки против Кубы»), они противоречат принципам международного права, включая принципы суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела, угрожают суверенитету государства, отрицательно сказываются на реализации прав человека и сдерживают социально-экономическое развитие [7]. Генеральная Ассамблея ООН неоднократно «решительно возражала против экстерриториального характера таких мер» и «отвергала все попытки их введения».

Более того, односторонние рестрикции подменяют собой эксклюзивные полномочия Совета Безопасности ООН, на которые возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Это подрывает систему коллективной безопасности, основанную на Уставе ООН.

Ярким примером неправомерного использования принудительных мер являются так называемые «санкции» в отношении Российской Федерации, введённые США, ЕС и другими странами с 2014 года. Как отмечает А.М. Грачева, эти меры были введены в одностороннем порядке без какого-либо мандата Совета Безопасности ООН и под

предлогом «защиты прав человека» и «обеспечения международной безопасности» [8, 160]. Фактически они представляют собой попытку оказать политическое и экономическое давление с целью изменения внешней политики суверенного государства. Подобные действия не только не соответствуют критериям правомерности принудительных мер, но и сами могут рассматриваться как международно-противоправные деяния.

Критерии правомерности принудительных мер в международном праве

Для того чтобы принудительные меры были правомерными, они должны отвечать строгим критериям, вытекающим из Устава ООН и обычных норм международного права. Как следует из доктрины и практики, можно выделить следующие условия правомерности санкций Совета Безопасности ООН:

- **наличие правового основания** – решение о применении санкций должно быть принято Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН после определения наличия угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии (ст. 39 Устава ООН). Это решение должно быть принято в установленном порядке и не должно быть произвольным;
- **соразмерность** – принимаемые меры должны быть пропорциональны серьезности угрозы и поставленным целям. Они не должны приводить к чрезмерным гуманитарным последствиям для гражданского населения;
- **целенаправленность** – современная практика Совета Безопасности тяготеет к точечным санкциям, направленным на конкретных лиц, организации или секторы экономики, ответственные за противоправное поведение, а не на всё население страны;
- временный характер и возможность пересмотра – санкции должны иметь временные рамки, подлежать регулярному пересмотру и быть отменены сразу после достижения своих целей.

Что касается контрмер, то их правомерность также обусловлена соблюдением ряда строгих условий, закреплённых в Статьях об ответственности государств:

- предварительное требование – потерпевшее государство должно предварительно потребовать от государства-правонарушителя прекратить противоправное деяние и предоставить возмещение;
- исчерпание мирных средств – контрмеры могут быть применены только после того, как были исчерпаны все возможные мирные средства урегулирования спора;
- пропорциональность – контрмеры должны быть соразмерны причинённому ущербу и не должны выходить за рамки необходимого для достижения цели, а именно прекращения правонарушения и получения возмещения;

- запрет на применение силы – контрмеры не должны включать применение вооружённой силы;
- временный характер – контрмеры должны быть прекращены, как только государство-правонарушитель выполнит свои обязательства.

Нарушение этих условий делает применение как санкций, так и контрмер неправомерным и само по себе становится международным правонарушением.

Современная практика применения ограничительных мер продолжает развиваться, порождая новые правовые вызовы. В последние годы наблюдается тенденция к расширению практики введения так называемых «умных» или «целевых» санкций, направленных на конкретных физических и юридических лиц. Однако, как отмечает С.В. Малинин, даже такие меры зачастую применяются в обход установленных процедур и без должных доказательств [9, 80].

Еще одной актуальной проблемой остается экстерриториальное применение односторонних ограничительных мер, когда государства пытаются распространять действие своих национальных санкций на третьи страны и иностранные компании. Эта практика представляет собой серьезное нарушение принципов государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела [10, 47].

В заключение следует отметить, что современная практика международно-правового принуждения переживает глубокий кризис, связанный с эрозией принципа верховенства права и подменой коллективных действий, санкционированных ООН, односторонними мерами отдельных государств или групп государств. Это ведёт к дестабилизации международной системы, подрыву авторитета ООН и усилению конфронтации.

Для исправления сложившейся ситуации необходимо неукоснительное соблюдение Устава ООН и норм международного права. Применение любых принудительных мер должно быть строго обосновано, пропорционально и санкционировано уполномоченными международными органами. Односторонние рестрикции, маскирующиеся под «санкции», должны быть признаны противоправными и подлежать осуждению со стороны международного сообщества. Только так можно обеспечить верховенство права в международных отношениях и достичь целей, провозглашённых в Декларации тысячелетия ООН.

Литература

1. Декларации тысячелетия Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 01.09.2025).
2. Итоговый документ Всемирного саммита, принятый резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16.09.2005. URL: <https://www.un->

- .org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1 (дата обращения 01.09.2025).
3. Разделе «Санкции Совета Безопасности» на сайте ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (дата обращения 01.09.2025).
4. Тарасова Л.Н. Правомерные принудительные меры по Уставу ООН // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 85–96.
5. Кешнер М.В. Контрмеры и санкции как инструменты имплементации международной ответственности государств // Вестник ТИСБИ. 2013. № 2. С. 45–52.
6. Крицкий К.В. Односторонние ограничительные меры в контексте международно-правового принуждения // Московский журнал международного права. 2018. № 2. С. 63–72.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/5 от 27.10.2015. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/5> (дата обращения 01.09.2025).
8. Грачева А.М. Понятие и виды экономических санкций в международном праве // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 1. С. 160–171.
9. Малинин С.А. Современные практики применения целевых санкций: правовые аспекты // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 78–85.
10. Иванов Д.В. Экстерриториальное применение ограничительных мер: проблемы правовой легитимности // Московский журнал международного права. 2021. № 4. С. 45–57.

THE TOOLS OF INTERNATIONAL LEGAL COERCION AND THE LEGALITY OF THEIR APPLICATION

Bezhanov A.A.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the legal grounds and criteria for the legality of the use of instruments of international legal coercion. The author analyzes the evolution and current state of the doctrinal distinction between collective sanctions of the UN Security Council and unilateral countermeasures by states. Special attention is paid to the problem of mixing these concepts in modern international practice, which leads to legal uncertainty and undermines the rule of law. Based on the analysis of UN resolutions and the works of domestic and foreign jurists, it is proved that unilateral restrictive measures applied without a UN Security Council mandate do not meet the criteria of legality and contradict the basic principles of international law. It is concluded that strict observance of the UN Charter is necessary to ensure the stability of the international system.

Keywords: international law, coercive measures, UN sanctions, countermeasures, unilateral restrictive measures, UN Security Council, rule of law, international responsibility.

References

1. United Nations Millennium Declaration. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (date of access 09/01/2025).
2. Outcome document of the World Summit, adopted by resolution 60/1 of the UN General Assembly of 16.09.2005. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1> (date of access 09/01/2025).
3. Section «Security Council Sanctions» on the UN website. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (date of access 09/01/2025).
4. Tarasova L.N. Legitimate coercive measures under the UN Charter // Obozrevatel-Observer. 2011. No. 8. P. 85–96.
5. Keshner M.V. Countermeasures and sanctions as instruments for implementing the international responsibility of states // TISBI Bulletin. 2013. No. 2. P. 45–52.
6. Kritsky K.V. Unilateral restrictive measures in the context of international legal coercion // Moscow Journal of International Law. 2018. No. 2. P. 63–72.
7. UN General Assembly Resolution A/RES/70/5 of 27.10.2015. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/70/5> (date of access 01.09.2025).
8. Gracheva A.M. Concept and types of economic sanctions in international law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 1. P. 160–171.
9. Malinin S.A. Modern practices of applying targeted sanctions: legal aspects // Russian Law Journal. 2022. No. 3. P. 78–85.
10. Ivanov D.V. Extraterritorial application of restrictive measures: problems of legal legitimacy // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 4. P. 45–57.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации

Беликова Мария Петровна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
ФГБОУ ВО Российский государственный университет
правосудия им В.М. Лебедева
E-mail: Marri-m@bk.ru

Данная статья посвящается рискам и возможным преимуществам, связанным с внедрением искусственного интеллекта в экономические институты Российской Федерации. Автором проведен подробный анализ «мягких» нормативных правовых актов, регулирующих вопросы ИИ, на предмет возможной разработки норм, обязательных к исполнению, а также изучена судебная практика, свидетельствующая о резкой необходимости введения в гражданский оборот искусственного интеллекта, а также о целесообразности его последующей легализации. В числе прочего, автором приводятся различные определения искусственного интеллекта, отмечаются некоторые особенности американского и китайского опыта по урегулированию вопросов ИИ, указывается как на положительные, так и отрицательные стороны рассматриваемых подходов, аргументируются риски и безусловные преимущества, связанные с чрезмерно интенсивным влиянием ИИ на рынок труда и финансовую сферу, а также высказывается предположение о целесообразности введения системы «умных городов». Методической основой статьи выступил экономико-правовой анализ, выражающийся в обработке исследований в области экономики, юриспруденции и других смежных с ними наук. В заключении предлагается внести изменения в статью 128 ГК РФ, определив искусственный интеллект как объект гражданского права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юридическая ответственность, экономическая безопасность, рынок труда, китайское право, американское право, автопром.

Введение

Тематика искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ) является одной из самых обсуждаемых в российской науке, в том числе в правовых и экономических исследованиях. Это обусловлено как рисками, связанными с использованием подобных технологий, так и невообразимыми преимуществами, способными вывести практически любую отрасль экономики на принципиально новый уровень. Подобные условия создают необходимость в создании нормативно-правовой базы, способной обеспечивать эти преимущества, а также минимизировать возможные риски. В настоящее время в Российской Федерации практически отсутствуют нормативные правовые акты, регулирующие ИИ и являющиеся обязательными к исполнению. Законодатель достаточно осторожно подходит к данному вопросу, ограничиваясь «мягким правом». Таким образом, исследование этих документов, а также необходимость в разработке новых норм, регулирующих ИИ на основе уже имеющихся документов и судебной практики составляют безусловную актуальность данного исследования.

Научной новизной исследования выступают предложения по внесению изменений в статью 128 ГК РФ, заключающиеся во введении ИИ в комплекс объектов гражданских прав [3]. В свою очередь, практическая значимость работы заключается в реальной возможности использования рекомендаций по формированию будущей законодательной базы, касающейся ИИ, автоматизированных программ и других компьютерных технологий.

Материалы и методы

Основой исследования является экономико-правовой анализ, заключающийся в совмещении экономического и юридического исследования. Кроме того, в работе использовались формально-юридический научный метод, метод юридической герменевтики, метод сравнительного анализа, а также формально-логический научный метод. Работа основана на научных статьях современных авторов в области права, экономики, нейропсихологии, информатики и других науки. Предметной основой статьи являются «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года», а также «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».

На сегодняшний день основным нормативным правовым актом, регулирующим работу ИИ в Российской Федерации, выступает «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее по тексту – Стратегия).

В подпункте «а» пункта 5 дается определение ИИ, в соответствии с которым под данным словосочетанием понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». Также в подпункте «х» пункта 5 авторами стратегии подчеркивается, что существуют особые формы ИИ: «Сильный искусственный интеллект – тип искусственного интеллекта, который способен выполнять различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям».

Важно отметить, что определение искусственного интеллекта в данном случае выступает не более чем термином, используемом в письменной речи. Например, согласно исследованию В.А. Лаптева, тот или иной механизм можно считать искусственным интеллектом только в том случае, если он обладает мышлением, а не только способностью к самообучению [5, с. 79]. В свою очередь, мышление подразумевает наличие так называемого «эго» (отражения «я» в мире; восприятия себя отдельно от окружающего мира), и в этом смысле то, что принято считать ИИ на самом деле является лишь предтечей возможных разработок реально искусственного интеллекта с точки зрения естественной науки [10, с. 133]. Определение В.А. Лаптева представляется достаточно компромиссным на фоне мнения, высказанного И.Р. Бегишевым, Э.Ю. Латыповой и Д.В. Кирпичниковым о том, что для ИИ обязательно не просто мышление, а наличие воли. При таких условиях речь идет о способности выхода из-под контроля человека [1, с. 79].

Согласно пункту 12 Стратегии, государство рассчитывает на ИИ как на средство оптимизации управления собственными институтами. Кроме того, в Стратегии в пункте 17(10) прямо указывается, что лидерами в сфере государственных инвестиций ИИ являются Китай и США. В этом смысле нормотворческий и инвестиционный опыт данных стран выступает ориентиром для Российской Федерации. В пункте 17(11) указываются показатели США 2022 года, в соответствии с которыми объем венчурных инвестиций североамериканского государства составил 92 млрд долларов (в 1,7 раза больше, чем в 2019 года).

Важно отметить, что американское законодательство об ИИ развивается, в первую очередь, на уровне штатов. Нововведения касаются запрета на создание ИИ детской порнографии; общего запрета на использования в преступной деятельности; ограничения на использование в образовании;

ограничения во влиянии на рынок труда; запрета использования при обработке голосов на выборах; ограничения на использование государственными, в том числе правоохранительными органами; ограничения на использование в здравоохранении; ограничения в сфере установления цен на арендную плату; ограничения в правовой сфере, включая институт доказательства [22]. Отдельно отметим Закон штата Аляска, определяющий, что такое жизнь, подчеркивающий невозможность правосубъектности ИИ. В законе указывается на обязательное наличие процессов метаболизма для биологического организма, из чего следует, что ИИ, какой бы он ни был совершенный, не может считаться личностью, даже если он сам изъявит желание обладать теми или иными правами [21].

Если сравнивать американский и китайские подходы к урегулированию ИИ, то, как отмечается в исследовании И.А. Филиповой, американский подход является более человекоориентированным. В этом российский подход представляется более родственным евро-американскому подходу, нежели китайскому. Суть китайской стратегии формирования законодательства об ИИ отличается стремлением к ограничению доступа к подобным технологиям частных компаний, а также его использованием в государственном и муниципальном управлении (например, ИИ частично управляет системой социального рейтинга) [18, с. 46]. Если обращаться к безусловным плюсам китайского использования ИИ, то здесь следует обратиться к опыту так называемой концепции «умного города», суть которой заключается в автоматизации муниципального управления, ЖКХ, градостроительства, развития бизнеса и многих других важнейших социально-экономических аспектов [13, с. 145]. Например, подобные технологии не могли бы позволить строительство МКД без наличия соответствующей инфраструктуры. В этом смысле крупнейшие города-миллионники могли бы перенять китайский опыт в данном конкретном направлении использования ИИ.

Кроме того, в пункте 17(12) Стратегии отмечается рост количества вакансий в Евросоюзе, Австралии, США, Канаде, который на данный момент составляет 0,7–1,5% от рынка труда (в России – около 1% с регулярной тенденцией к росту).

В пунктах 23,24 Стратегии прямо указывается, что данный нормативный правовой акт направлен на укрепление российской экономики, что подразумевает выполнение следующих задач: развитие инфраструктуры, поддержка организаций, развитие науки в области ИИ, в том числе в области международного сотрудничества (в рамках БРИКС, Евразийского экономического союза, а также G20, пункт 51(12)); внедрение ИИ в социальную сферу.

Основные способы к исполнению данных задач и достижению целей по развитию ИИ заключаются в повышении инвестиций в коммерческие предприятия, предоставляющих услуги и выполняющих работы в области информационных технологий; в предоставлении грантов научным коллективам,

занимающимся вопросами ИИ и в целом компьютерными технологиями; в усилении качества высшего образования в области ИИ; в более глубоком участии ИИ в управлении социальной сферой, а также ЖКХ (пункт 51(2)-51(7) Стратегии); в развитии специальной федеральной экономической зоны Краснодарского края – «Сириус».

Также в Стратегии особое внимание уделяется апробированию новых программ с точки зрения их угроз публичной власти и государственным органам. Проверенные программы должны размещаться на специальной платформе – «ГосТех», которая должна формировать специальный реестр по возможному внедрению в той или иной сфере экономики, государственного и муниципального управления (пункт 51(8) Стратегии).

С точки зрения формирования будущего законодательства особое нормативное значение несёт в себе пункт 51(10) Стратегии, включающий в себя следующие принципы: безопасность; приоритет защиты прав и свобод человека; недопустимость дискриминации отдельных социальных групп; сопоставимость уровня риска и внедряемых технологий; недопустимость делегирования системам ИИ нравственного выбора; обязательное учитывание мнений специалистов в области информационных технологий [14].

Вторым нормативным правовым актом, прямо регулирующим правовое положение ИИ в Российской Федерации, выступает Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (далее по тексту – Концепция).

Безусловно, и Концепция, и Стратегия относятся к «мягкому» законодательству, то есть носят рекомендательно-декларативный характер (отсутствует общеобязательная нормативность) [15, с. 28]. В этой связи в Концепции указывается, что в РФ, в отличие от многих других государств, отсутствует первичное законодательство, которое имело бы не только рекомендательный, но и обязательный характер. При этом в Концепции больше внимания уделяется безопасности в отношении человека. В этом смысле уместно вспомнить знаменитую трилогию Джеймса Кэмерона – «Терминатор», сюжет которой уже не кажется таким уж невообразимым, с учетом развития ИИ и нормативных актов разных стран, регулирующих его положение. Среди принципов Концепции следует выделить: безопасность использования ИИ для человека как биологического вида; стремление к технологическому суверенитету; поддержка конкуренции; недопустимость противоправной манипуляции поведением человека (пункт 3 части 1 Концепции). В то же время в Концепции отмечается, что опасения общества по поводу чрезмерно интенсивного внедрения ИИ завышены. В этой связи авторами Концепции указывается, что новые технологии должны стремиться к балансу между созданием подобных новшеств и соблюдением интересов граждан, а также прав и свобод человека

(например, касательно ФЗ «О персональных данных») [17].

Стоит отметить, что в настоящее время в гражданско-правовых спорах все чаще употребляется понятие искусственного интеллекта. Например, согласно Решению Железнодорожного районного суда г. Ульяновска, истец потребовал взыскать компенсацию морального вреда с ПАО «Сбер» на основании нарушения ответчиком ФЗ № 230, регулирующим, в том числе, порядок взаимодействия кредиторов и должников при возникновении задолженности [4]. Истец пожаловался не только на количественные нарушения по числу звонков, но и на письма от искусственного интеллекта, который, по его словам, отвечает на вопросы в чате и не урегулирован нормами российского законодательства. В итоге суд частично удовлетворил данное требование [9]. Кроме того, подобное дело было рассмотрено уже в рамках административного судопроизводства, в котором ООО МФК «МигКредит» была признана судом виновной и привлечена к административной ответственности в соответствии со статьей 14.57 КоАП РФ – «Нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» [16]. В Постановлении Октябрьского районного суда г. Иркутска отмечается, что общение с должником посредством ИИ не подпадает под нормы ФЗ № 230, не является законным взаимодействием с должником, а значит может расцениваться как противоправное психологическое воздействие, которое недопустимо в процессе взыскания [6]. Так, судебная практика ярко иллюстрирует, как отсутствие правовой базы, касающейся ИИ, может являться способом и фактором злоупотребления правом (отсутствием права). Отметим, что речь идет о правовых взаимоотношениях важнейших финансовых институтов и физических лиц, следовательно подобные недостатки могут оказывать негативное воздействие на общее экономическое положение страны и финансовое благосостояние его граждан.

Вопросы уголовной ответственности также недостаточно урегулированы законодателем с точки зрения возможности признания ИИ участником преступления либо правонарушения, как в качестве исполнителя, так и подстрекателя, сообщника, а главное – орудия преступления [2, с. 10]. В Концепции указывается, что необходимо разработать механизмы, которые могли бы справедливо дифференцировать ответственность между человеком, организациями, владеющими программами ИИ и самим ИИ (пункт 2 части 2 Концепции). Использование ИИ, в той или иной степени, при совершении экономических преступлений – очевидный и неоспоримый факт, встречающийся в повседневности. В первую очередь, это касается различного рода мошенничества с использованием мессенджеров: от Telegram до программы, предоставляющей переписку на сервисе «Авито». Например, из Приговора Салаватского городского суда сле-

дует, что интернет-магазин по продаже наркотиков был создан в мессенджере Telegram. При этом сам магазин регистрировался не непосредственно злоумышленником, а ботом (программой), который, в свою очередь, занимался продажей незаконных психотропных веществ. В данном случае создание бота, способного общаться с покупателями в качестве владельца интернет-магазина, существенно затрудняло процесс поиска злоумышленника и доказательства его вины. В итоге лишь после обыска было доказано, кто является владельцем бота. Если же приводить в пример сугубо экономические преступления, то отметим Приговор Копейского городского суда, из которого следует, что мужчина оформил кредит на счет умершей матери посредством приложения «Сбербанк Онлайн». Сотрудники банка отметили, что при оформлении онлайн-кредитов решение принимает ИИ в течение 2 минут, и при таких условиях они не имели возможности проверить всю полноту информации надлежащим образом [7]. В этом смысле отсутствие норм, регулирующих подобные ситуации «размывает» гражданско-правовую ответственность сотрудников банка и одновременно с этим создает питательную среду для противоправной деятельности, а также несёт угрозы финансовой системе в целом. Как отмечается в Концепции в пункте 3 части 3, разрешение вопросов юридической ответственности предполагает раскрытие информации о владельце программы, повышение степени публичности таких разработчиков (организаций). Причем подобные нововведения могут касаться самых разных отраслей экономики и права: от вопросов защиты прав потребителей до борьбы с организованным банковским мошенничеством.

Современный ИИ – это в первую очередь дополнительный источник информации. Неконтролируемое генерирование предоставляемых данных может являться фактором риска для государственной безопасности. В Концепции в пункте 7 части 2 говорится о том, что необходимо разработать нормативную базу, которая регулировала бы подобные вопросы. На наш взгляд, программы ИИ следует рассматривать как объект собственности, и в некотором роде источник повышенной информационной опасности. В этой связи недопустимо считать ИИ даже объектом права с признаками субъекта, и ответственность должна возлагаться именно на собственника того или иного приложения [19, с. 6].

Реальная угроза ИИ заключается, во-первых, в значительном влиянии на рынок труда, во-вторых, в подмене реального искусства продуктами компьютерного разума. При этом первый фактор оказывает непосредственное влияние на экономику уже сейчас, лишая работы либо существенно сокращая её объемы у представителей самых разных профессий (художников, дизайнеров, копирайтеров, программистов и многих других). Что касается второго фактора, то в данном случае теряется культурный потенциал, альтернативой которому выступает некий суррогат, лишь формаль-

но называемый произведением. Частично данные аспекты упоминаются в пункте 12 части 2 Концепции. В тексте данного пункта также указывается на проблему нарушений в области авторского права. Результаты интеллектуальной деятельности с использованием ИИ без использования человека не защищаются авторским правом, что может дестимулировать инвестиции в данную область. На наш взгляд, необходимо соблюсти баланс между сдерживанием негативного влияния на рынок труда, а также культуры и развитием защиты авторского права, касающегося произведений, созданных с помощью ИИ.

Градостроительство как одна из сфер, существенно пострадавших после 2022 года, также упоминается в Концепции. ИИ здесь предлагается использовать как инструмент государственного контроля, а также создания так называемого «умного города», активно используемого в КНР [20]. Поэтому разработка норм, позволяющих существенно сократить бюрократические процедуры по согласованию тех или иных построек и строительных площадей предполагает своей целью снижение расходов на сложные юридические задачи, связанные со строительством (пункт 4 части 3 Концепции).

Финансовый сектор как основа любой рыночной экономики является одним из наиболее подверженных риску с точки зрения гипотетического внедрения ИИ. Это связано с тем, что банки обладают всей полнотой личных данных физических лиц. Более того – современные финансовые организации выступают в качестве посредников между собственными клиентами и государственными органами. В первую очередь, это касается регистрации юридических лиц, ИП, самозанятости. Сами эти возможности уже в текущем положении создают для граждан и для экономики в целом дополнительные риски. Соответственно, внедрение ИИ без разработки дополнительной нормативной базы может не только улучшить работу финансового сектора, но и нанести вред как физическим лицам, так и представителям предпринимательского сообщества (пункт 6 части 3 Концепции).

Безусловно, ИИ является не только фактором риска для финансовой системы, но и самым сильным барьером в борьбе с отмыванием денежных средств, незаконными валютными операциями и другими экономическими преступлениями. При этом по некоторым вопросам ИИ может принимать более взвешенные и правильные решения, относительно той или иной банковской операции, нежели банковские сотрудники. Поэтому общие положения и Стратегии, и Концепции предполагают, что ИИ следует использовать в качестве помощника, окончательное решение – область человеческой ответственности. Например, в исследовании И.А. Сушковой и Л.Н. Мамаевой говорится о том, что в финансовой сфере ИИ должен выступать как нейтрализатор угроз соблюдения действующего законодательства [12, с. 44].

Одной из тех отраслей, для которых ИИ в целом безопасен выступает промышленность. В пункте 8 Концепции обращается внимание лишь на проблему передачи данных, связанных с коммерческой тайной, однако данная проблема относится, скорее, к вопросам общей экономической безопасности, чем к рискам, связанным с ИИ (пункт 8 части 3 Концепции) [8].

На постепенное внедрение ИИ в экономику возлагаются большие надежды, вплоть до существенного изменения уровня жизни, сопоставимого с последствиями индустриализации. В некотором роде это связано с еще большей автоматизацией процессов, но уже на уровне менеджмента, а не рабочих специальностей, как это было на рубеже XIX и XX веков. Это обусловлено повышенными возможностями подобных технологий с точки зрения глубины анализа данных, а также прогнозирования: в сфере регулирования рынка ценных бумаг и его использования (алгоритмическая торговля), в бюджетной и социальных сферах. Парадокс состоит в том, что и преимущества, и риски, связанные с ИИ, заключаются в его беспристрастности (отсутствии человеческого фактора). В этой связи будущие законопроекты не должны стать преградой для развития подобных технологий. Поэтому при формировании тех или иных предложений необходимо, в первую очередь, снизить возможности вреда от принимаемых решений. И банковская сфера здесь играет одну из ключевых ролей [11, с. 63].

Результаты

Стратегия представляет собой нормативный правовой акт рекомендательного характера, где обозначены основные термины, связанные с тематикой ИИ, а также проблемы, которые необходимо решать как правовыми, так и техническими средствами. Очевидно, что Стратегия могла бы стать основной для формирования федерального закона, регулирующего вопросы ИИ и его использования как физическими лицами, так и организациями. На наш взгляд, в подобном ФЗ отдельная глава должна быть посвящена сфере финансово-технической деятельности, так как в ней ИИ в целом используется гораздо чаще, чем в других секторах экономики.

В Концепции во многом приводятся рекомендации по разрешению задач, обозначенных в Стратегии. В этом смысле Концепция, наряду с судебной практикой, может являться основой для разработки рекомендаций Пленумом Верховного Суда, касательно вопросов ИИ, как в гражданских, так и в уголовных и административных делах.

Заключение

На сегодняшний день ИИ представляет собой угрозу для экономической безопасности государства лишь по некоторым аспектам, которые могут быть урегулированы созданием специальных нормативных правовых актов, обязательных к исполнению

(с наличием санкций в правовых нормах). В первую очередь, это касается сложности прогнозирования состояния рынка труда по ряду интеллектуальных специальностей. При этом положительное влияние ИИ должно заключаться, скорее, в недопущении создания тех или иных ошибок. Например, ИИ может более активно внедряться в градостроительной сфере, регулируя вопросы рынка недвижимости, занимающего традиционно значимое положение в Российской Федерации.

Анализ судебной практики, Стратегии и Концепции свидетельствует о необходимости создания правовых норм, регулирующих ИИ в Российской Федерации. В этой связи считаем необходимым внести изменения в статью 128 ГК РФ, дополнив список объектов гражданских прав «искусственным интеллектом и другими автоматизированными программами».

Внесение данного изменения позволит собственникам программ ИИ нести гражданско-правовую ответственность за любую деятельность (действия), являющуюся результатом работы искусственного разума. Подобное нововведение может послужить началом постепенного урегулирования законодательства об ИИ в России.

Литература

1. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // *Russian Journal of Economics and Law* № 1. Казань. 2020. С. 79–91.
2. Бессонов А.А. Искусственный интеллект как орудие преступлений и средство их расследования // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.). С. 10–18.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // «Парламентская газета», N 2–5, 05.01.2002.
5. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики* № 2. Москва. 2019. С. 79–102.
6. Постановление от 11 декабря 2023 г. по делу № 5–548/2023 Октябрьского районного суда г. Иркутска // [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/regular/doc/3BRHKbifKnm0/ (дата обращения: 11.12.2024).
7. Приговор от 25 июня 2021 г. по делу № 1–476/2021 Копейского городского суда // [Электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/reg-

- ular/doc/OpEPFASVGDZ1/ (дата обращения: 11.12.2024).
8. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 N 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // «Собрание законодательства РФ», 31.08.2020, N 35, ст. 5593.
 9. Решение от 13 февраля 2024 г. по делу № 2–191/2024 Железнодорожного районного суда г. Ульяновска // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dqcNBk3Bik6O/> (дата обращения: 11.12.2024).
 10. Рыжов Б.Н. Общая психология: Введение в общую психологию; Психология познавательных процессов: учебное пособие для студ. психологических специальностей и направлений подготовки. – 2-е изд., перераб. и доп. / Б.Н. Рыжов, Д.А. Донцов, М.В. Донцова, Л.В. Сенкевич. – Москва: Флинта, 2021. – 400 с.
 11. Саламова А.А., Федоровская И.Е., Васильев И.И. Роль искусственного интеллекта в финансах // Финансовые рынки и банки № 1. Москва. 2023. С. 63–68.
 12. Сушкова И.А., Мамаева Л.Н. Искусственный интеллект в экономике и системе экономической безопасности // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова № 4(130). 2023. С. 44–53.
 13. Сыщикова Е.Н., Батова А.В. Цифровая трансформация промышленности и промышленного сотрудничества // Управление инновационно-инвестиционной деятельностью: к 80-летию юбилею профессора Юрия Петровича Анисимова: сборник материалов Всероссийской юбилейной научно-практической конференции (Воронеж, 21–23 мая 2019 года). С. 145–148.
 14. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, N 41, ст. 5700.
 15. Усенков И.А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики № 1. Москва. 2022. С. 28–58.
 16. Федеральный закон от 03.07.2016 N 230-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, N 27 (Часть I), ст. 4163.
 17. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О персональных данных» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3451.
 18. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law № 2(1). Казань. 2024. С. 46–73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>.
 19. Харитова Е.М. Технологии искусственного интеллекта как источник повышенной опасности в деликтных обязательствах: перспективы правового регулирования: выпускная квалификационная работа бакалавра: направление 40.03.01 «Юриспруденция». Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Гуманитарный институт. DOI: 10.18720/SPBPU/3/2024/vr/vr24-6595.
 20. Kolotouchkina O., Barroso C., Sanchez J. Smart cities, the digital divide, and people with disabilities // Cities 123. 2022 [electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026427512200052X> (date of access: 11.12.2024).
 21. The official website of The Alaska State Legislature. HB 107: “An Act relating to criminal law definitions.” // [Electronic resource]. – URL: <https://www.akleg.gov/basis/Bill/Text/33?Hsid=HB0107A> (date of access: 11.12.2024).
 22. The official website of the National Conference of State Legislatures of the USA. Artificial Intelligence 2024 Legislation // [Electronic resource]. – URL: <https://www.ncsl.org/technology-and-communication/artificial-intelligence-2024-legislation> (date of access: 11.12.2024).

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Belikova M.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

This article is devoted to the risks and possible benefits associated with the introduction of artificial intelligence in the economic institutions of the Russian Federation. The author conducts a detailed analysis of the “soft” regulatory legal acts governing the issues of AI, for the possible development of mandatory norms, and studies judicial practice indicating the urgent need to introduce artificial intelligence into civil circulation, as well as the expediency of its subsequent legalisation. Among other things, the author provides various definitions of artificial intelligence, notes some features of the American and Chinese experience in resolving AI issues, points out both the positive and negative aspects of the approaches under consideration, argues the risks and unconditional advantages associated with the excessively intensive impact of AI on the labour market and the financial sector, and suggests the feasibility of introducing a system of “smart cities”. The methodological basis of the article is the economic and legal analysis, expressed in the processing of research in the field of economics, jurisprudence and other related sciences. In conclusion, it is proposed to amend Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation, defining artificial intelligence as an object of civil law.

Keywords: artificial intelligence, legal liability, economic security, labor market, Chinese law, American law, automotive industry.

References

1. Begishev I.R., Latypova E.Yu., Kirpichnikov D.V. Artificial Intelligence as a Legal Category: A Doctrinal Approach to the Development of a Definition // Russian Journal of Economics and Law No1. Kazan. 2020. P. 79–91.

2. Bessonov A.A. Artificial Intelligence as a Tool of Crimes and a Means of Their Investigation // State Scientific and Technical Policy in the Field of Forensic Support of Law Enforcement: Collection of Scientific Articles on the Materials of the International Scientific and Practical Conference "64th Annual Forensic Readings" (Moscow, May 26, 2023). P. 10–18.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) // "Rossiyskaya Gazeta", N 238–239, 08.12.1994.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on November 30, 2024) // "Parlamentskaya Gazeta", N 2–5, 01/05/2002.
5. Laptev V.A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Responsibility for its Work // Law. Journal of the Higher School of Economics No. 2. Moscow. 2019. P. 79–102.
6. Resolution of December 11, 2023 in the case No 5–548/2023 of the Oktyabrsky District Court of Irkutsk // [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3BRHKbifKnm0/> (accessed: 11.12.2024).
7. Verdict of June 25, 2021 in the case No 1–476/2021 of the Kopeysk City Court. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OpEPFASVG-DZ1/> (accessed: 11.12.2024).
8. Order of the Government of the Russian Federation dated 19.08.2020 No. 2129-r <On Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024> // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 31.08.2020, No. 35, art. 5593.
9. Decision of February 13, 2024 in the case No 2–191/2024 of the Zheleznodorozhny District Court of Ulyanovsk // [Electronic resource]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/dqcNBk3Bik6O/> (accessed: 11.12.2024).
10. Ryzhov B.N. General Psychology: Introduction to General Psychology; Psychology Of Cognitive Processes: a Textbook for Students of Psychological Specialties and Areas of Training. – 2nd ed., revised and supplemented / B.N. Ryzhov, D.A. Dontsov, M.V. Dontsova, L.V. Senkevich. – Moscow: Flint, 2021. – 400 p.
11. Salamova A.A., Fedorovskaya I.E., Vasilyev I.I. Role of Artificial Intelligence in Finance // Financial Markets and Banks No1. Moscow. 2023. P. 63–68.
12. Sushkova I.A., Mamaeva L.N. Artificial Intelligence in the Economy and the System of Economic Security // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics No4(130). 2023. P. 44–53.
13. Syshchikova E.N., Batova A.V. Digital Transformation of Industry and Industrial Cooperation // Management of Innovation and Investment Activities: to the 80th anniversary of Professor Yuri Petrovich Anisimov: collection of materials of the All-Russian Anniversary Scientific and Practical Conference (Voronezh, May 21–23, 2019). C. 145–148.
14. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030") // "Collected Legislation of the Russian Federation", 14.10.2019, No. 41, Art. 5700.
15. Usenkov I.A. National Soft Law as a Legal Phenomenon and a Tool for Improving the Stability of Legislation. Journal of the Higher School of Economics No1. Moscow. 2022. P. 28–58.
16. Federal Law of 03.07.2016 No. 230-FZ (as amended on 04.08.2023) "On the Protection of the Rights and Legitimate Interests of Individuals in the Implementation of Activities for the Return of Overdue Debts and on Amendments to the Federal Law "On Microfinance Activities and Microfinance Organizations" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 04.07.2016, No. 27 (Part I), Art. 4163.
17. Federal Law of 27.07.2006 N 152-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Personal Data" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 31.07.2006, N 31 (1 part), st. 3451.
18. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: China's Experience // Journal of Digital Technologies and Law No2(1). Kazan. 2024. P. 46–73. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.4>.
19. Kharitova E.M. Artificial Intelligence Technologies as a Source of Increased Danger in Tort Obligations: Prospects for Legal Regulation: Bachelor's Graduation Qualification Work: Direction 40.03.01 "Jurisprudence". Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Institute of Humanities. DOI: 10.18720/SPB-PU/3/2024/vr/vr24-6595.
20. Kolotouchkina O., Barroso C., Sanchez J. Smart cities, the digital divide, and people with disabilities // Cities 123. 2022 [electronic resource] URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026427512200052X> (date of access: 11.12.2024).
21. The official website of The Alaska State Legislature. HB 107: "An Act relating to criminal law definitions." // [Electronic resource]. – URL: <https://www.akleg.gov/basis/Bill/Text/33?Hsid=HB0107A> (date of access: 11.12.2024).
22. The official website of the National Conference of State Legislatures of the USA. Artificial Intelligence 2024 Legislation // [Electronic resource]. – URL: <https://www.ncsl.org/technology-and-communication/artificial-intelligence-2024-legislation> (date of access: 11.12.2024).

Прокурорский надзор за трудовыми и жилищными правами граждан: сравнительно-правовой анализ опыта России и Ирака

Аль-Мсафир Дурайд Мохаммед Хассун,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)
E-mail: duraidmhmd78@gmail.com

В статье проведен сравнительный анализ деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Ирак в обеспечении трудовых и жилищных прав граждан. Автор рассматривает судебную практику, выявляет достоинства и недостатки деятельности прокуратуры и предлагает рекомендации по совершенствованию системы. В частности, для Республики Ирак видится полезным заимствование российского опыта в области законодательства и непосредственного участия в защите прав граждан по упомянутым категориям.

Ключевые слова: прокурорский надзор; социальные права; право на труд; право на жилище; сравнительный анализ; Россия; Ирак; права человека.

Введение

Стратегия обеспечения трудовых и жилищных прав граждан во многом зависит от модели организации прокуратуры и правовых механизмов надзора. В России система относится к континентальной (романо-германской) правовой семье, ее прокуратура исторически выделена в самостоятельную систему с надведомственными полномочиями¹. Ирак, находясь под влиянием исламского права, выстроил прокуратуру как часть судебной власти, подчиненную Высшему судебному совету².

Цель статьи – оценить эффективность деятельности двух прокуратур по защите трудовых и жилищных прав граждан, выявить сходства и различия двух систем, а также предложить направления совершенствования. Для этого рассмотрено актуальное законодательство и практика прокурорского надзора в сфере труда и жилья.

Защита трудовых прав органами прокуратуры

Ст. 37 Конституции РФ закрепляет право на труд и обязанность государства защищать труд и заработную плату³, а трудовой кодекс ТК РФ устанавливает гарантии⁴. Надзор за соблюдением законодательства носит межведомственный характер: осуществляется Федеральной инспекцией труда⁵ и органами прокуратуры. Прокуратура, пользуясь надведомственным статусом и независимостью от органов исполнительной власти, наделена правом проводить проверки соблюдения трудовых прав, опротестовывать противоречащие закону акты, вносить представления об устранении нарушений, а при необходимости – обращаться в суд в интересах работников⁶. К примеру, в 2023 г. на Дальнем Востоке вмешательство прокуратуры позво-

¹ Ст. 21–22. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Закон Республики Ирак № 49 от 2017 г. «О публичном обвинении» // Iraq Official Gazette, No. 4437, 06.11.2017.

³ Конституция Российской Федерации: офиц. текст [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutionrf.ru/> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ Ст. 136, 142, 236. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ Там же. Ст. 354.

⁶ Ст. 45. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 05.04.2025).

лило вернуть свыше 1,5 млрд руб. в пользу 23 тыс. работников¹; в 2024 г. московская транспортная прокуратура добилась выплаты 25 млн руб. задолженности по зарплате работникам одного из крупнейших перевозчиков², а в Кемеровской области после прокурорской проверки было возбуждено уголовное дело в отношении руководства предприятия, не выплатившего 382 работникам около 46 млн руб. заработной платы³.

В случае грубых или систематических нарушений прокурор добивается привлечения виновных лиц к административной⁴ или уголовной ответственности⁵. Более того, Постановление КС РФ от 11.04.2023 № 16-П, вынесенное вследствие дела по иску гражданина И.Б. Сергеева⁶, разъяснило: проценты за задержку заработной платы начисляются с момента установленного срока выплаты. Принятие этой нормы заметно повлияло на дисциплину оплаты труда: работодатели предпочитают не доводить дело до суда и выполняют требования работников добровольно.

В Ираке Конституция закрепляет право на труд⁷, реализуемое Законом № 37/2015 «О труде»⁸. Его дополняют Закон № 11/2014 «О социальной защи-

те»⁹ и Закон № 18/2023 о соцстраховании¹⁰. При этом отсутствуют целостный государственный надзор и статистический мониторинг нарушений, который, однако, присутствует в России в виде системы ГАС ПС¹¹. Прокуратура Ирака как часть судебной системы не располагает ресурсами и мандатом для активного внесудебного контроля. Практика регулярно фиксирует инциденты детского труда и торговли людьми. Федеративная раздробленность, в т.ч. автономия Курдистана, ведет к несогласованности действий по защите граждан, из-за чего трудовые права в неформальном секторе, сельских районах, а также у женщин и детей остаются без эффективного прокурорского надзора¹².

В Ираке, несмотря на наличие правовой базы, прокурорский надзор остается ограниченным из-за интеграции прокуратуры в судебную систему, отсутствия целостного контроля и статистики, а также федеративной раздробленности, что ведет к недостаточной защите наиболее уязвимых категорий работников. В России прокурорский надзор за трудовыми правами обладает действенными механизмами защиты, включая судебные и внесудебные формы реагирования.

Защита прокурором жилищных прав граждан

Ст. 40 Конституции РФ закрепляет право на жилище и обязанность государства его обеспечивать, а Жилищный кодекс РФ конкретизирует: критерии признания нуждающимися, порядок учета и предоставления соцжилья¹³. Прокурорский надзор направлен на справедливое обращение с гражданами в этой сфере. Более того, в задачи прокурора входит контроль расселения аварийного жилья, определенного как аварийного согласно критериям Постановления № 47¹⁴. Прокуроры добиваются признания домов

¹ По требованию прокуратуры на Дальнем Востоке выдали зарплату 23 тысячам работников [Электронный ресурс] // SakhaNews. — URL: <https://1sn.ru/po-trebovaniyu-prokuratury-nadalnem-vostoke-vydali-zarplatu-23-tysyacam-rabotnikov> (дата обращения: 05.04.2025).

² После вмешательства Московской межрегиональной транспортной прокуратуры погашена задолженность по заработной плате на сумму свыше 25 млн рублей [Электронный ресурс] // Московско-Рязанская транспортная прокуратура. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/mmt/mass-media/news?item=99462638> (дата обращения: 05.04.2025).

³ Прокуратурой Кемеровской области — Кузбасса проводится проверка по факту невыплаты заработной платы на угольном предприятии [Электронный ресурс] // Прокуратура Кемеровской области — Кузбасса. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_sibfo/mass-media/news/news-regional?item=98611498 (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ Ст. 5.27. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07.06.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.06.2025).

⁵ Ст. 145.1 УК РФ. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.04.2023 № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второй части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.Б. Сергеева» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444469/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Ст. 22. Конституция Республики Ирак: офиц. текст [Электронный ресурс]. — URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸ Закон Ирака № 37 от 2015 г. «О труде» [Электронный ресурс]. — URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/96652/111629/F-1770248051/IRQ96652.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

⁹ Закон Ирака № 11 от 2014 г. «О социальной защите» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2014/en/122532> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁰ Закон Ирака № 18 от 2023 г. «О пенсионном обеспечении и социальном страховании работников» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eastlaws.com/legislation-full-text/ar/iraq/law/28-08-2023/no-18?id=2101324&type=1> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС) [Электронный ресурс]. — URL: <https://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

¹² Guide to Employment Rights in Federal Iraq [Электронный ресурс] — International Rescue Committee (IRC) & Al Tamimi & Company; TrustLaw (Thomson Reuters Foundation), март 2023. — URL: <https://www.nrc.no/globalassets/pdf/guidelines/guide-to-employment-rights/federal-iraq-employment-rights-guide—english.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³ Ст. 51. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 01.04.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 10.06.2025).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 19.10.2024) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58867/ (дата обращения: 05.04.2025).

непригодными и переселения жителей, используют представления и судебные иски, а проект «Жилье и городская среда» устанавливает целевые показатели расселения¹.

Надзор распространяется и на жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). Постановление Правительства РФ № 354 устанавливает порядок предоставления коммунальных услуг², а прокуроры проверяют управляющие компании, инициируют перерасчет платежей, взыскивают компенсации. К примеру, суд по заявлению прокурора может наложить штраф в пользу потребителей³. При этом в сфере ЖКХ стабильно фиксируются нарушения: в 2022 г. количество выявленных нарушений увеличилось на 5,5%, исков – на 11,7%, представлений – на 3,3%, уголовных дел – на 6,4%⁴.

В Ираке право на жилище остается одной из самых острых социальных проблем. Более 2,5 млн человек живут в неофициальных поселениях без базовой инфраструктуры, около 300 тыс. внутренне перемещенных лиц не имеют стабильного жилья; лишь 27% городского населения проживает в зарегистрированных объектах⁵. При этом ст. 30 Конституции возлагает на государство обязанность обеспечивать граждан жильем, а Закон № 43 от 1971 г. о регистрации недвижимости, обеспечивая правовую основу сделок, служит основанием для прокурорского надзора⁶.

На практике деятельность прокуратуры сводится к борьбе с коррупцией в сфере распределения земли и жилья. Совместно с Комиссией по добросовестности прокуратура пресекает незаконные включения в списки получателей, мошеннические компенсации и попытки захвата госсобственности⁷, а защита прав граждан, особенно уязвимых

групп, остается слабой. К примеру, женщины и религиозные меньшинства фактически не получают помощи⁸. Причины – кадровый дефицит власти, слабое взаимодействие с местными властями и зависимость прокуратуры от судебной и исполнительной ветвей власти. В итоге надзор концентрируется на уголовно-правовых аспектах, тогда как социальная составляющая – непосредственная защита граждан, лишенных жилья, – остается на периферии.

Выводы и предложения

Сравнение опыта двух государств продемонстрировало, что институциональная независимость прокуратуры и полнота ее мандата на надзор за законностью являются главными факторами эффективности защиты социальных прав. На основании проведенного исследования можно сформулировать рекомендации.

Во-первых, целесообразно усилить роль иракской прокуратуры в несудебном надзоре: внести изменения в Закон о публичном обвинении, расширив компетенцию прокуроров по надзору за законностью в сфере труда и жилья, а также закрепить право обращаться в суд в интересах неопределенного круга лиц по социальным вопросам. Данный нормативный тезис – аналог ст. 45 ГПК РФ, которая позволяет успешно защищать права граждан.

Во-вторых, следует наладить систему сбора и анализа информации о нарушениях социальных прав в Ираке – к примеру, через создание единого реестра обращений граждан по трудовым и жилищным вопросам, который уже существует в РФ. Это позволит прокуратуре Ирака выявлять проблемные тенденции и реагировать на них.

В-третьих, предлагается дальнейшее совершенствование законодательства и деятельности прокуратуры РФ. Требуется усилить ответственность должностных лиц за неисполнение требований прокурора и судебных решений и продолжить внедрение цифровых систем мониторинга в социальной сфере.

Реализация изложенных рекомендаций будет способствовать укреплению гарантий трудовых и жилищных прав граждан, повышению уровня законности и социальной справедливости в России и Ираке.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 05.04.2025).
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. dia. – URL: <https://en.964media.com/36144/> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸ UN-Habitat. Iraq Urban Issues [Электронный ресурс]. – URL: <https://unhabitat.org/iraq-urban-issues> (дата обращения: 05.04.2025).

¹ Национальный проект «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]. – Минстрой России. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 05.04.2025).

² Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 07.03.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/ (дата обращения: 05.04.2025).

³ Ст. 13. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 09.06.2025).

⁵ Роль прокуратуры в гражданском процессе [Текст]: исследовательская работа / Р.Х. Армих; под ред. А.С. Абдурахмана; Совет судей Иракского Курдистана. – Эрбиль, 2024. – 42 с.

⁶ Закон Ирака № 43 от 1971 г. «О регистрации недвижимости» [Электронный ресурс]. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86%D8%A8%D9%8A%D8%B9%20%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%AC%D8%A7%D8%B1%20%D8%A7%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9_759.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Integrity Commission blocks seizure of 385 state properties valued at nearly \$5 million [Электронный ресурс] // +964 Me-

- от 01.04.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 10.06.2025).
3. Закон Ирака № 43 от 1971 г. «О регистрации недвижимости» [Электронный ресурс]. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86%D9%86%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%AC%D8%A7%D8%B1%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9_759.pdf (дата обращения: 05.04.2025).
 4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 05.04.2025).
 5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 07.06.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.06.2025).
 6. Конституция Республики Ирак: офиц. текст [Электронный ресурс]. – URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/> (дата обращения: 05.04.2025).
 7. Национальный проект «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]. – Минстрой России. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 05.04.2025).
 8. ОнлайнИнспекция.рф – портал трудовых прав [Электронный ресурс]. – URL: <https://онлайнинспекция.рф/> (в транслитерации: <https://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/>) (дата обращения: 05.04.2025).
 9. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 (ред. от 19.10.2024) «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58867/ (дата обращения: 05.04.2025).
 10. Роль прокуратуры в гражданском процессе [Текст]: исследовательская работа / Р.Х. Армих; под ред. А.С. Абдурахмана; Совет судей Иракского Курдистана. – Эрбиль, 2024. – 42 с.
 11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 09.06.2025).
 12. Guide to Employment Rights in Federal Iraq [Электронный ресурс] – International Rescue Committee (IRC) & Al Tamimi & Company; TrustLaw (Thomson Reuters Foundation), март 2023. – URL: <https://www.nrc.no/globalassets/pdf/guidelines/guide-to-employment-rights/federal-iraq-employment-rights-guide—english.pdf> (дата обращения: 05.04.2025).
 13. Integrity Commission blocks seizure of 385 state properties valued at nearly \$5 million [Электронный ресурс] // +964 Media. – URL: <https://en.964media.com/36144/> (дата обращения: 05.04.2025).
 14. UN-Habitat. Iraq Urban Issues [Электронный ресурс]. – URL: <https://unhabitat.org/iraq-urban-issues> (дата обращения: 05.04.2025).

PROSECUTORIAL OVERSIGHT OF CITIZENS' LABOR AND HOUSING RIGHTS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND IRAQ

Al-Msafir Duraid Mohammed Hassoun

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article presents a comparative analysis of the activities of the prosecution authorities of the Russian Federation and the Republic of Iraq in ensuring citizens' labor and housing rights. The author examines judicial practice, identifies the strengths and weaknesses of prosecutorial activity, and offers recommendations for improving the system. In particular, for the Republic of Iraq it appears useful to adopt Russian experience in the field of legislation and in the direct participation in the protection of citizens' rights in the mentioned categories.

Keywords: prosecutorial oversight; social rights; right to work; right to housing; comparative analysis; Russia; Iraq; human rights.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 31.07.2025) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (date of access: 05.04.2025).
2. Housing Code of the Russian Federation: federal law of 29.12.2004 No. 188-FZ (as amended on 01.04.2024) [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference and legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (date of access: 10.06.2025).
3. Law of Iraq No. 43 of 1971 “On Registration of Real Estate” [Electronic resource]. – URL: https://moj.gov.iq/upload/pdf/%D9%82%D8%A7%D9%86%D9%88%D9%86%D9%86%D9%88%D8%A7%D9%8A%D8%AC%D8%A7%D8%B1%D9%84%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%A9_759.pdf (date of access: 05.04.2025).
4. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 (as amended on 08.08.2024) “On the Protection of Consumer Rights” [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (date of access: 05.04.2025).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 07.06.2025) [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference and legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 10.06.2025).
6. Constitution of the Republic of Iraq: official text [Electronic resource]. – URL: <https://iq.parliament.iq/%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/>

- 84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A/ (accessed: 05.04.2025).
7. National Project "Housing and Urban Environment" [Electronic resource]. – Ministry of Construction of the Russian Federation. – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (accessed: 05.04.2025).
 8. OnlineInspection.rf – a labor rights portal [Electronic resource]. – URL: <https://онлайнинформационная.рф/> (in transliteration: <https://xn-80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/>) (date of access: 05.04.2025).
 9. RF Government Resolution of 28.01.2006 No. 47 (as amended on 19.10.2024) "On approval of the Regulation on recognizing premises as residential premises, residential premises as unfit for habitation, an apartment building as emergency and subject to demolition or reconstruction, a garden house as a residential building, and a residential building as a garden house" [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58867/ (date of access: 05.04.2025).
 10. The Role of the Prosecutor's Office in Civil Procedure [Text]: research work / R.H. Armikh; edited by A.S. Abdurrahman; The Council of Judges of Iraqi Kurdistan. – Erbil, 2024. – 42 p.
 11. Statistical data on the main performance indicators of the prosecutor's offices of the Russian Federation for January-December 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (accessed: 09.06.2025).
 12. Guide to Employment Rights in Federal Iraq [Electronic resource] – International Rescue Committee (IRC) & Al Tamimi & Company; TrustLaw (Thomson Reuters Foundation), March 2023. – URL: <https://www.nrc.no/globalassets/pdf/guidelines/guide-to-employment-rights/federal-iraq-employment-rights-guide—english.pdf> (accessed: 05.04.2025).
 13. Integrity Commission blocks seizure of 385 state properties valued at nearly \$5 million [Electronic resource] // +964 Media. – URL: <https://en.964media.com/36144/> (accessed: 05.04.2025).
 14. UN-Habitat. Iraq Urban Issues [Electronic resource]. – URL: <https://unhabitat.org/iraq-urban-issues> (accessed: 05.04.2025).

Этап оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности в России

Британов Алексей Геннадьевич,

аспирант Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: britanovag@mail.ru

В статье рассматривается проблематика оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности в России, прежде всего, с точки зрения субъектного состава. Несмотря на постепенное развитие соответствующего правового механизма, делается вывод о необходимости привлечения к оценке контролируемых лиц и в целом институтов гражданского общества.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), оценка эффективности и результативности, контрольные (надзорные) органы, государственное управление.

Всестороннее развитие общества и государства, формирование новых и углубление существующих каналов взаимодействия к общественным и государственным институциям, поступательный и устойчивый экономический рост и, как общее следствие, в целом повышение благосостояния населения – все это является важнейшей целью общегосударственного развития. В свою очередь, Российская Федерация, будучи провозглашенной в статье 1 Конституции правовым демократическим государством [5, с. 5], в полной мере организует и проводит государственную политику таким образом, чтобы деятельность органов публичной власти отвечала важнейшему принципу, закрепленному в статье 18 Конституции, согласно которой права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием [5, с. 9].

Разумеется, сами по себе права без их содержательного наполнения и, что немаловажно, соответствующей защиты, могут превратиться в миф. Более того, отсутствие или недостаточная работоспособность на практике правовых механизмов, опосредующих проверку (контроль) исполнения обязательных требований со стороны государства, предъявляемых к экономическим субъектам (причем не только к частным, но и в том числе государственным – например, образовательным учреждениям, государственным и муниципальным предприятиям и др.) способна нанести непоправимый вред не только отдельно взятой личности, но и соответствующей отрасли, и даже обществу в целом. Неслучайно, как указывает известный ученый, доктор юридических наук Ю.А. Тихомиров, «государственный контроль призван обеспечивать нормативно урегулированную деятельность путем анализа и проверки реализации законов и иных правовых актов и обоснованности совершаемых действий» [9, с. 3].

В этой связи в России действует ряд нормативных актов, которые регулируют вопросы осуществления государством в лице его органов власти соответствующих контрольных (надзорных) мероприятий. Отметим, что хотя контрольная функция существует в различных формах и осуществляется тем более разными органами публичной власти, в настоящей статье предметно будет рассматриваться такая деятельность в свете положений Федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контро-

ле в Российской Федерации» [12] (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) и, в меньшей степени, Федерального закона N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [11] (далее – Федеральный закон № 294-ФЗ). С точки зрения правовой природы рассматриваемых отношений нельзя не согласиться с тем, что «контроль по своей природе имеет публично-правовой характер и предполагает осуществление квалифицированной, профессиональной проверки (наблюдения) со стороны уполномоченных публичных (государственных) органов контроля за тем, чтобы фактическая деятельность подконтрольных органов и должностных лиц строго соответствовала предписаниям, содержащимся в законе и в максимальной степени обеспечивала бы выполнение ими своих функций, охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан» [7, с. 48].

В то же время, одной из важнейших целей контрольной функции органов публичной власти непременно является максимальное повышение эффективности и результативности как проводимых проверок (как бы они не назывались – инспекции, контрольные (надзорные) мероприятия и т.п.), так и в целом общей деятельности. Совершенно очевидно и не вызывает сомнений, что «веерные» проверки хотя и могут привести к снижению нарушений в контролируемой среде, но сопряжены со значительными затратами (временными, финансовыми), причем с обеих сторон – и со стороны проверяющих, и со стороны проверяемых. Именно поэтому законодателем еще в 2015 году был введен институт риск-ориентированного подхода к осуществлению проверок, призванный заменить устаревший механизм всеобщих проверок более точечными, направленными на наиболее опасные объекты контроля. В связи с этим любопытно отметить оценку профессора С.М. Зубарева, который указывал, что «мировой опыт использования риск-ориентированного подхода свидетельствует, что его применение позволило сократить общее количество проверок от 30 до 90%, а отдельные категории бизнеса и вовсе освободить от необходимости прохождения плановых проверок» [2, с. 19].

Следовательно, возникает резонный вопрос – как же выстроить административно-правовой механизм оценки эффективности (результативности) контрольной деятельности так, чтобы такой механизм в действительности бы обеспечивал как совершенствование (модернизацию) правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений с одной стороны, но при этом вовлекал бы в этот процесс как можно более широкий круг лиц с другой, при желании могущих давать свои комментарии и предложения относительно результатов деятельности инспекторского состава.

Как известно, порой для наиболее качественного понимания сути того или иного процесса и наиболее эффективного осуществления своей деятельности участников тех или иных общественных

отношений, самым естественным образом встает вопрос о получении обратной связи со стороны «внешнего наблюдателя» относительно самого исполнителя. Ведь действительно, как отмечается в литературе, «сущность контроля состоит в том, что субъект управления осуществляет учет и проверку того, как управляемый объект выполняет его предписания. Основной целью данной функции является блокирование отклонений деятельности субъекта управления заданной управленческой программы, а при обнаружении таких отклонений – приведение управляемой системы в устойчивое положение при помощи всех социальных регуляторов» [1, с. 80].

Необходимо отметить, что формы и виды такой контрольной функции в самом широком смысле множественны – они являются как социальными (наставления родителей своему ребенку, меры воспитательного характера к нарушителям сложившихся в обществе правил и норм общежития и поведения), так и правовыми (получение в административном порядке субъектом в установленной законом форме предписаний, предостережений и др. документов, являющихся по своей сути актами реагирования уполномоченных органов публичной власти на определенное действие (бездействие) со стороны поднадзорного субъекта). Более того, нельзя не согласиться с тем, что «ориентация управленческого процесса на «good government» требует широкого взаимодействия субъектов предпринимательства с органами контроля (надзора)» [3, с. 34].

Что же касается роли обратной связи в государственном управлении и в том числе при осуществлении органами публичной власти своих контрольных функций, то немаловажную (а, возможно, даже приоритетную) роль должно играть получение релевантной обратной связи от поднадзорных субъектов и – в широком смысле слова – от общества. Это обеспечит достижение не только ранее указанной цели по совершенствованию административно-правового механизма контрольной (надзорной) функции органов публичной власти на всех уровнях, но также и благотворно скажется на общем уровне доверия между обществом и государством. Не случайно Управление ООН по наркотикам и преступности применительно к получению информации от частных субъектов (НКО, граждан) в целях ее дальнейшего применения органами власти отмечало: «Государства-участники должны обеспечить регулярную и релевантную обратную связь с учреждениями, сообщающими информацию, в отношении качества, деталей и пригодности предоставленной информации и взаимодействовать с учреждениями с целью уточнения и определения приоритетности предоставляемой информации. Конечная цель заключается в создании коллективной среды, благоприятной для сотрудничества между публичными и частными организациями, которая будет варьироваться в зависимости от существующей практики, учреждений и целей применяемой системы» [8, с. 84].

Таким образом, возможно констатировать, что сама по себе деятельность органов публичной власти по осуществлению контрольной (надзорной) деятельности как минимум нуждается в особом, пристальном наблюдении со стороны не только самой же власти (речь, главным образом, идет об органах прокуратуры), но и со стороны общества и, в особенности, самих контролируемых лиц – тем самым находится оригинальный ответ на злосчастный вопрос «Кто будет контролировать контролеров?».

Развивая эти теоретические воззрения, в практической плоскости в Федеральном законе № 294-ФЗ, по существу, не содержится сколько-нибудь серьезного правового механизма, позволяющего транспарентно, последовательно осуществлять общую оценку эффективности контрольной (надзорной) деятельности, проводимой контрольными органами. Применительно к Федеральному закону № 294-ФЗ фактически можно говорить лишь о зачатках такого инструментария. В частности, в статье 24 только определяется возможность объединений юридических лиц и ИП, а также СРО: А) обращаться в органы прокуратуры с просьбой принести протест на противоречащие закону нормативные правовые акты, на основании которых проводятся проверки; Б) обращаться в суд в защиту нарушенных при осуществлении контроля (надзора) прав и (или) законных интересов членов указанных объединений, СРО.

Оценивая указанные нормы, в литературе еще в 2009 году указывалось, что «фактически контроль со стороны общества контролирующих органов незначителен. <...> Таким образом, общественный контроль и общественная защита лиц, подлежащих государственному контролю (надзору), Федеральным законом № 294-ФЗ фактически не предусмотрена» [4, с. 93].

Позднее, только в 2016 г. – однако лишь на подзаконном уровне – Правительством России были утверждены основные направления разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности [10] (далее – Основные направления). Так, впервые нормативно были введены категории «эффективность» и «результативность» контрольной (надзорной) деятельности. В настоящей работе мы не будем заострять внимание непосредственно на разборе указанных дефиниций, но лишь подспудно заметим, что указанные параметры находятся через показатели, определяемые через минимизацию причинению вреда контролируемым субъектами охраняемым законом ценностям, а также общий уровень защиты охраняемых законом ценностей с учетом объема задействованных трудовых, материальных и финансовых ресурсов, а также степени вмешательства в деятельность подконтрольных субъектов.

Непосредственно также в 2016 г. Правительственной комиссией по проведению административной реформы были утверждены соответствующие Методические указания, направленные

на повышение эффективности и результативности осуществляемых проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности [6] (далее – Методические указания). В разделе 7 Методических рекомендаций «Обеспечение мер по повышению результативности и эффективности проверок» указывается, что «в целях проведения мер по повышению результативности и эффективности проверок <...> контрольно-надзорным органам рекомендуется разработать и утвердить планы мероприятий, направленных на повышение результативности и эффективности проверок с учетом осуществляемых видов государственного контроля (надзора), муниципального контроля».

Симптоматично, что ни в Основных направлениях, ни в Методических рекомендациях не содержится какого-либо механизма (или хотя бы предложений по внедрению и использованию такового в будущем), который бы позволял учитывать мнение непосредственно лиц, в отношении которых осуществляются проверочные, а также контрольные (надзорные) мероприятия и, в более широком смысле, общества в целом. То есть по сути, институт оценки эффективности и результативности проверок, контрольных (надзорных) мероприятий замыкается сам на себя, поскольку внешние предикторы для дальнейшего развития и совершенствования такого механизма попросту отсутствуют.

Что же касается нормативного закрепления оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности в Федеральном законе № 248-ФЗ, то этому посвящена статья 30 (которая почему-то находится в главе закона под названием «Контрольные (надзорные) органы. Должностные лица контрольных (надзорных) органов» в разделе «Участники отношений государственного контроля (надзора), муниципального контроля»).

В действительности рассматриваемые подходы к определению как эффективности, так и результативности контрольной (надзорной) деятельности, ранее определенные в Основных направлениях и развитых в Методических рекомендациях, «закрементировали» уже на законодательном уровне. Пожалуй, наиболее значимыми отличиями от ранее предложенной модели стали два аспекта. Во-первых, в целом ушло разделение на эффективность и результативность – отныне законодатель эти термины не просто не выделяет, но перечисляет их и, будто бы не разобравшись в их различии, превращает в тавтологический ряд. Во-вторых, была введена обязанность контрольных (надзорных) органов подготавливать ежегодный доклад о виде контроля, в котором необходимо указывать сведения о ключевых и индикативных показателях вида контроля, а также влияние профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий на достижение ключевых показателей (часть 8 статьи 30 Федерального закона № 248-ФЗ).

Безусловно, само по себе то обстоятельство, что ранее обсуждавшийся лишь в доктрине, а за-

тем закрепленный в подзаконных актах Правительства административно-правовой механизм оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности был законодательно определен и стал общеобязательным, причем не только на виды государственного контроля (надзора), осуществляемые федеральными и региональными органами исполнительной власти, но и на все виды муниципального контроля, заслуживает позитивной оценки и одобрения. Однако же вновь обращает на себя внимание отсутствие как таковой возможности участия контролируемых субъектов и общества в целом в оценке эффективности и результативности осуществляемой контрольной (надзорной) деятельности.

Таким образом, нормативно закрепленная система оценки эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности сегодня хотя и призвана обеспечить дальнейшее развитие такой деятельности и систематизировать подходы контрольных (надзорных) органов к ее осуществлению, вместе с тем без учета «обратной связи» от контролируемых лиц фактически, на наш взгляд, выпадает одно из «звеньев» такого механизма, что негативным образом сказывается на рассматриваемый институт в целом.

Подводя итог стоит сказать, что идея повышения эффективности и результативности осуществления органами публичной власти контроля (надзора), изначально нашедшая активное развитие в доктринальной плоскости, а затем внедрения крайне ограниченного инструментария в Федеральном законе № 294-ФЗ и последующим принятия решений на подзаконном уровне, на сегодняшний день выкристаллизовалась в цельный административно-правовой механизм, нормативно закрепленный в Федеральном законе № 248-ФЗ. Между тем, из этого механизма до сих пор исключены все субъекты, кроме одного – непосредственно самих контрольных (надзорных) органов. Как видится, такое положение дел не только неправильно и во многом способно привести к «откату» от достигнутого дерегуляторного прогресса, но и в целом дезавуирует саму идею оценивания эффективности и результативности контрольной (надзорной) деятельности. Таким образом, полагаем, что существующий механизм нуждается в доработке в части включения в орбиту участников оценки эффективности (результативности) контрольной (надзорной) деятельности как самих контролируемых лиц, так и существующие институты гражданского общества.

Литература

1. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. – М., 2000.
2. Зубарев С.М. О современном этапе реформы надзорной деятельности в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Куцафина. 2018. № 1 (41).
3. Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов по предупреждению нарушений обязательных требований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019 г. № 3.
4. Кононов Р.В. Недостатки отдельных новелл Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и их возможные последствия // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4.
5. Конституция Российской Федерации с изменениями от 04.07.2020. – СПб.: Питер, 2022.
6. «Методические рекомендации по реализации органами государственного контроля (надзора) Российской Федерации, органами государственного контроля (надзора) субъектов Российской Федерации и органами муниципального контроля мер, направленных на повышение результативности и эффективности осуществляемых ими в рамках контрольно-надзорной деятельности проверок». Утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 09.06.2016 N 142 [Электронный ресурс]. URL: [Режим доступа: свободный] <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-organami-gosudarstvennogo-kontrolja-nadzora-rossiiskoi/> (дата обращения: 28.08.2025)
7. Миронов А.Л. Сущность государственного контроля // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9.
8. Техническое руководство по осуществлению Конвенции ООН против коррупции // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, ООН. Нью-Йорк, 2010 г. URL: [режим доступа: свободный] https://www.unodc.org/documents/treaties/UN-CAC/Publications/TechnicalGuide/10-53208_ebook_r.pdf (дата обращения: 20.08.2025 г.)
9. Тихомиров Ю.А. Закон – основа стратегии // Президентский контроль. 2002, № 8.
10. Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 N 934-р // «Собрание законодательства РФ», 23.05.2016, N 21, ст. 3075.
11. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6249.
12. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5007.

THE STAGE OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS AND EFFICIENCY OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES IN RUSSIA

Britanov Aleksey Gennadyevich

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines the issues of evaluating the effectiveness and efficiency of control (supervisory) activities in Russia, primarily from the perspective of the composition of participants. Despite the gradual development of the corresponding legal mechanism, the conclusion is made about the necessity of involving controlled entities and, in general, civil society institutions in the evaluation process.

Keywords: state control (supervision), evaluation of effectiveness and efficiency, control (supervisory) bodies, public administration.

References

1. Gracheva E. Yu. Problems of Legal Regulation of State Financial Control. – Moscow, 2000.
2. Zubarev S.M. On the Modern Stage of Reform in Supervisory Activities in the Russian Federation // Bulletin of Kutafin University. 2018. No. 1 (41).
3. Zyryanov S.M., Kalmikova A.V. Approaches to Evaluating the Effectiveness of Control and Supervisory Bodies in Preventing Violations of Mandatory Requirements // Issues of State and Municipal Management. 2019. No. 3.
4. Kononov R.V. Shortcomings of Certain Amendments to the Federal Law of December 26, 2008, No. 294-FZ “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control” and Their Possible Consequences // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4.
5. Constitution of the Russian Federation with Amendments of July 4, 2020. – St. Petersburg: Piter, 2022.
6. “Methodological Recommendations for the Implementation by State Control (Supervision) Bodies of the Russian Federation, State Control (Supervision) Bodies of its Subjects, and Municipal Control Bodies of Measures Aimed at Increasing the Effectiveness and Efficiency of Inspections Conducted within the Framework of Control and Supervisory Activities”. Approved by the Minutes of the Meeting of the Government Commission on Administrative Reform of June 9, 2016, No. 142 Electronic Resource. URL: Access Mode: Free <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-realizatsii-organami-gosudarstvennogo-kontrolja-nadzora-rossiiskoi/> (accessed: 28.08.2025)
7. Mironov A.L. The Essence of State Control // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 9.
8. Technical Guide for the Implementation of the United Nations Convention against Corruption // United Nations Office on Drugs and Crime, UN. New York, 2010. URL: Access Mode: Free <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/TechnicalGuide/10-53208ebookr.pdf> (accessed: 20.08.2025)
9. Tikhomirov Yu.A. The Law as the Basis of Strategy // Presidential Control. 2002, No. 8.
10. Order of the Government of the Russian Federation of 17.05.2016 No. 934-r // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 23.05.2016, No. 21, Art. 3075.
11. Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs during the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 29.12.2008, No. 52 (Part 1), Art. 6249.
12. Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 03.08.2020, No. 31 (Part I), Art. 5007.

Соотношение генерального плана и правил землепользования застройки через призму правоприменительной практики на территории города Москвы

Бутусов Станислав Андреевич,

аспирант кафедры земельного и экологического права,
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия» им. В.М. Лебедева

В статье анализируется соотношение правоприменительно-го значения генерального плана и правил землепользования и застройки в городе Москве, исследуется соответствие нормативно-правовой базы субъекта федеральному законодательству. Автор стремится отразить неактуальность генерального плана города Москвы, объяснить причины необходимости модернизации генерального плана в столице Российской Федерации и выработать предложения по его усовершенствованию.

Ключевые слова: генеральный план, правила землепользования и застройки, принцип первичности, комплексное и устойчивое развитие, территориальное планирование.

Территориальное планирование и правила землепользования и застройки являются основными инструментами для обеспечения устойчивого и гармоничного развития города.

Ежегодно темпы и объемы строительства в Российской Федерации значительно растут, по данным Министерства строительства Российской Федерации объем работ в строительстве с 2019 года вырос на 30,7%¹. Появляются новые концепции и идеи застройки, направленные на модернизацию городов и территорий, так, в городе Москве активно реализуется программа реновации жилья, развитие присоединенных территорий Новой Москвы. В целях реализации принципа комплексного и устойчивого развития территории осуществляется программа комплексного развития территории нежилкой застройки.

Однако, градостроительное законодательство, регламентирующее территориальное планирование и градостроительное зонирование, в основном, было сформировано в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Ключевым этапом стало принятие Градостроительного кодекса РФ 29 декабря 2004 года (вступил в силу 1 января 2005 года), поэтому неизбежно возникает вопрос о соответствии градостроительного законодательства современным потребностям строительной отрасли, возможности реализации новых подходов на его основе.

Проблемы соотношения территориального планирования и градостроительного зонирования наиболее остро проявляются в городе Москве, так как принятие решений о подготовке проектов правил землепользования и застройки, принимается без соответствующих изменений в документацию территориального планирования г. Москвы.

К примеру, по данным интернет-ресурса Правительства Москвы² в столице за 2024 год одобрено 1356 поправок по внесению изменений в Правила землепользования и застройки города Москвы. В тоже время в Генеральный план города Москвы с момента утверждения правил землепользования и застройки, в период с 2017 по 2024 года не внесено ни одного изменения.

¹ Комментарий Министра строительства и ЖКХ РФ Ирека Файзуллина к данным Росстата по строительству за 2024 год // Сайт Минстроя России. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/kommentariy-ministra-stroitelstva-i-zhkhk-rf-ireka-fayzullina-k-dannym-rosstata-po-stroitelstvu-za-2/> (дата обращения: 03.02.2025).

² В Москве внесено более 1,3 тыс. изменений в ПЗЗ в 2024 году // Градостроительный комплекс Москвы. URL: <https://stroj.mos.ru/news/v-moskvie-vniesieno-bolieie-1-3-tys-izmienienii-v-pzz-v-2024-ghodu> (дата обращения: 03.02.2025).

В соответствии со ст. 1 ГрК РФ территориальное планирование – планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, определения планируемого размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения.

В свою очередь градостроительное зонирование – зонирование территорий муниципальных образований в целях определения территориальных зон и установления градостроительных регламентов.

В соответствии с ч. 3 и 9 ст. 31 ГрК РФ подготовка проекта ПЗЗ осуществляется с учетом документов территориального планирования, а проект ПЗЗ проверяется на соответствие указанным документам.

Так, на основании федерального законодательства генеральный план представляет собой основополагающий документ стратегического планирования, определяющий направления развития городской территории на долгосрочную перспективу. Научное сообщество в том числе отмечает значимость генерального плана и в практическом аспекте: «сбалансированность города предопределяется на стадии планирования его развития»¹.

Вопрос соотношения генерального плана и правил землепользования и застройки (ПЗЗ) в научной литературе рассматривается как одна из ключевых проблем градостроительного регулирования, обусловленная как несовершенством нормативной конструкции статьи 31 Градостроительного кодекса РФ, так и отсутствием четкой иерархии между этими документами.

Наиболее распространённой в научном сообществе является позиция о первичности генерального плана как базового документа территориального планирования. Так, Д.Г. Лебедев настаивает на обязательности следования ПЗЗ генеральному плану, подчёркивая, что «ПЗЗ лишь конкретизируют положения генерального плана, а при его изменении должны соответственно пересматриваться»². Данная точка зрения логично вытекает из положений ч. 9 ст. 31 и пп. 2 п. 1 ст. 34 ГрК РФ, устанавливающих необходимость соответствия ПЗЗ генеральному плану.

Вместе с тем, альтернативная позиция, представленная, в частности, М.В. Бочаровым, подвергает сомнению как обязательность, так и практическую необходимость жёсткой иерархии между генеральным планом и ПЗЗ³. Указывается, что в реальности эти документы существуют обособленно, а их взаимосвязь недостаточно нормативно обеспечена. Более того, отсутствие механизма

синхронного обновления обоих документов приводит к рассогласованию целей планирования и фактического использования территорий. На этом основании автор ставит под сомнение целесообразность существования функциональных зон как промежуточного звена между стратегией и регламентом.

Н.В. Кичигин предлагает компромиссную модель, «согласно которой ПЗЗ должны соответствовать обязательной части генерального плана – тем его положениям, которые утверждаются в установленном порядке, таким как границы населённых пунктов, размещение объектов местного значения и карта функциональных зон»⁴. В остальном допускается более гибкий подход, позволяющий ПЗЗ учитывать необязательные положения (например, аналитико-обосновывающие материалы). Такой подход позволяет сбалансировать стратегичность генерального плана с оперативностью и прикладным характером ПЗЗ.

Особое внимание в научной дискуссии уделяется функциональным зонам, отображаемым в генеральных планах. Большинство исследователей (включая Э.К. Трутнева и Л.Е. Бандорина) признают, что функциональные зоны не устанавливают правовой режим земель, а определяют лишь направления их перспективного развития⁵. В отличие от территориальных зон ПЗЗ, которые прямо регулируют виды разрешённого использования, функциональные зоны имеют проектный и прогностический характер. Тем не менее, в судебной практике и правоприменении продолжается спор о степени их обязательности. Некоторые авторы (например, Д.Г. Лебедев) предлагают исключить функциональное зонирование как самостоятельную категорию и заменить его понятием «функциональное назначение», что позволило бы уйти от юридической неопределённости.

В судебной практике поэтому вопросы была выработана позиция Верховного Суда РФ, что градостроительные регламенты территориальных зон не могут противоречить установленным генеральным планом функциональным зонам, что указывает на принцип первичности генерального плана перед ПЗЗ⁶.

Так, в Определении № 81-АПГ18–11 Верховный Суд РФ указал на недопустимость противоречия между территориальными зонами, установленными правилами землепользования и застройки, и функциональными зонами, определёнными генеральным планом⁷. Суд подтвердил, что размеще-

¹ Трутнев Э.К. Сбалансированность города: правовые аспекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 9 (168). С. 36–45. EDN: UHLICL

² Лебедев Д.Г. Правовое регулирование территориального планирования использования земель городов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.06 / Лебедев Денис Георгиевич. – М., 2007. – 29 с.

³ Бочаров М.В. К обсуждению типовых правил землепользования и застройки / М.В. Бочаров // Управление развитием территории. – 2012. – № 2.

⁴ Кичигин Н.В. Актуальные проблемы применения генеральных планов и правил землепользования и застройки / Н.В. Кичигин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 2 (149). – С. 24–33.

⁵ Трутнев Э.К., Бандорин Л.Е. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации / Э.К. Трутнев, Л.Е. Бандорин. – М.: Проспект, 2010. – 744 с.

⁶ п. 57 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018);

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 81-АПГ18–11 // Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=553762&>

ние территориальных зон Ж2 и Ж1.1 на участках, отнесённых по генеральному плану к особо охраняемым природным территориям, нарушает требования ГрК РФ, поскольку градостроительные регламенты не могут изменять функциональное назначение территории, установленное документами территориального планирования.

Решения Верховного суда Российской Федерации подтверждают, что градостроительные регламенты территориальных зон не могут противоречить установленным генеральным планом функциональным зонам, и на принцип первичности генерального плана перед ПЗЗ¹.

С советских времен институт территориального планирования в части генеральных планов не претерпел значительных изменений, несмотря на то что изменился политический и экономический строй, что само по себе означает смену целей и направлений развития государства.

Москва является лидером отечественной строительной отрасли² (к примеру, объем введенных в эксплуатацию объектов жилого фонда составляет 17 487 тыс. кв.м), однако правоприменительная практика свидетельствует о том, что девелоперы не руководствуются генеральным планом при планировании развития территории, а органы исполнительной власти города Москвы не препятствуют этому.

Генеральный план города Москвы был принят в 2010 году³. Его основная цель заключается в стратегическом планировании и управлении развитием столицы на долгосрочную перспективу, обеспечение учета общественных интересов и обеспечение социальных гарантий жителям города Москвы в части экологической, санитарно-эпидемиологической и технической безопасности городской среды, сохранности объектов природного и культурного наследия, доступности жилищ, социально значимых объектов и территорий общего пользования, надежности функционирования инженерной и транспортной инфраструктур города Москвы.

С 1 июля 2012 года, в соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27.12.2011 № 560-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации горо-

дом федерального значения Москвой и Московской областью», Соглашение об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью, к городу Москве присоединили территории, получившие название «Новая Москва». Это было самое крупное административное расширение границ столицы за всю ее историю. Площадь присоединенной территории составила 148 тысяч гектаров. Все земли, вошедшие в состав Москвы по своему целевому назначению, были включены в категорию земель населенных пунктов.

В тоже время значимое место в иерархии градостроительной документации занимают акты градостроительного зонирования, которые в соответствии с положениями законодательства должны основываться на документации территориального планирования и соответствовать генеральным планам⁴. Основное значение градостроительного зонирования состоит в делении земель на территориальные зоны, которыми устанавливаются градостроительные регламенты, регулирующие пределы осуществления градостроительной деятельности.

В ходе анализа правоприменительной практики Москвы и законодательных инициатив органов исполнительной власти Москвы, прослеживается фактическое выдвигание правил землепользования и застройки (далее – ПЗЗ) на первый план, и, соответственно, снижение значимости генерального плана.

Фактически в столице стратегическое планирование осуществляется на уровне ПЗЗ. Данный тезис подтверждается утвержденными в апреле 2022 г. постановлениями Правительства Москвы о внесении изменений в ПЗЗ, которые были одновременно внесены в части установления более 2500 территорий, в границах которых предусматривается Комплексное развитие территории (Например ППМ № 776⁵, 777⁶, 785⁷), в том числе и в отношении территорий Новой Москвы (ППМ № 1322⁸, 1768⁹).

⁴ п. 2 ч. 1 ст. 34 Градостроительного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Российская газета», № 290, 30.12.2004.

⁵ Постановление Правительства Москвы от 27.04.2022 N 776-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 120-ПП» // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Постановление Правительства Москвы от 27.04.2022 N 777-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 120-ПП» // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Постановление Правительства Москвы от 27.04.2022 N 785-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 120-ПП» // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Постановление Правительства Москвы от 1 июля 2022 года № 1322-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 120-ПП» // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Постановление Правительства Москвы от 5 августа 2024 года № 1768-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 28 марта 2017 г. N 120-ПП» // СПС «Консультант Плюс».

cacheid=E7DA0AC05E6276C7A08E920B85C6B9F1&-mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#iV7VeqUwtMz4cTD71 (дата обращения: 11.07.2025).

¹ п. 57 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018); п. 6 Обзора практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка от 14.11.2018; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2017 г. N 32-АПГ17-1; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 июля 2017 г. N 51-АПГ17-8; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2016 г. N 44-АПГ16-22 // СПС «КонсультантПлюс».

² Основные показатели жилищного строительства по данным на 21.01.2025 // https://наш.дом.рф/аналитика/показатели_жилищного_строительства (дата обращения, 21.01.2025)

³ Закон г. Москвы от 05.05.2010 N 17 «О Генеральном плане города Москвы» // СПС «КонсультантПлюс»

Все эти территории КРТ довольно разнообразны как по площади, так и по предполагаемым объемам размещения. То есть Москва побуждает девелоперов развивать городскую территорию не по нуждению к соблюдению положений генерального плана, а посредством установления зон КРТ с уже разработанным потенциалом и планами по развитию.

В тоже время внимания заслуживает тот факт, что ч. 3 ст. 9 ГрК РФ в прямо указывает: «Документы территориального планирования являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления при принятии ими решений и реализации таких решений. Документы территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации, документы территориального планирования субъекта Российской Федерации и документы территориального планирования муниципальных образований не подлежат применению в части, противоречащей утвержденным документам территориального планирования Российской Федерации, со дня утверждения».

То есть на документацию территориального планирования в первую очередь должны опираться органы исполнительной власти при принятии решений об установлении того или иного правового режима земельного участка, согласовывая внесение изменений в ПЗЗ. Исходя из п.п. 2, 3 ч. 1 ст. 18 ГрК РФ следует, что подготовка документов территориального планирования, состав, порядок подготовки планов реализации таких документов, порядок их согласования устанавливаются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Соответственно, соблюдение положений генерального плана – это в первую очередь ответственность уполномоченных органов власти.

Данная норма права бесспорно справедлива, так как призвана сдерживать произвольность согласования градостроительных инициатив отдельных инвесторов и необходима для обеспечения баланса частных и общественных интересов. Более того, обращаясь к принципам, на которые должны в своей деятельности опираться государственные органы, Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях¹ неоднократно обращал внимание, что именно принципы направлены на обеспечение рациональности при принятии решений, сохранение стабильности правовой системы.

Тем не менее, в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо нормы права, устанавливающие ответственность государственных органов или должностных лиц за несоблюдение документации территориального планирования.

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2004 г. № 9-П, Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 415-О, от 4 апреля 2006 г. № 89-О

Однако справедливо отметить, что не предлагается полный отказ от генерального плана, а выдвигаются инициативы по его модернизации².

Соответственно несмотря на то, что разработка генерального плана в настоящее время включает в себя исследования и учет широкого спектра экономических и социальных факторов³, тем не менее, все равно не отвечает современным темпам развития такого мегаполиса, как Москва.

Подтверждением данному тезису служат многочисленные несоответствия территориальных зон в ПЗЗ функциональным зонам в генеральном плане, что, как уже было отмечено, является существенным нарушением действующих норм права. При этом законодательство субъекта не противоречит федеральным нормам в части главенства и первичности документации территориального планирования.

Территориальное планирование в столице Российской Федерации не только не выполняет роль стратегического прогнозирования, но и отстает от актуальных тенденций и потребностей города.

Обратим внимание, что хотя одной из не менее важных задач генерального плана является минимизация точечного строительства и обеспечение комплексности развития территорий, но фактически с этой ролью может справиться рациональное зонирование при условии, если органы исполнительной власти выступают «фильтром» в вопросах согласования внесений изменений в ПЗЗ и установлении территориальных зон.

Несмотря на то, что столичные ПЗЗ не являются примером самого успешного зонирования в стране, но современная тенденция развития территорий путем комплексного развития территории с тщательной проработкой градостроительного потенциала как раз отвечает требованиями комплексного и устойчивого развития, не позволяя девелоперам реализовывать точечные проекты.

В целях определения необходимости преобразования регулирования генеральных планов нельзя не принять во внимание активные дискуссии в научном сообществе, которые длятся уже несколько лет, и суть которых заключается в предложениях по замене генерального плана мастер-планом. Например, высшее должностное лицо Москвы и министры Правительства Москвы сами неоднократно выдвигали инициативы по внедрению мастер-плана на уровне документации территориального планирования⁴, аргументируя данное предложение неактуальностью действующей системы планирования, которая фактически исполне-

² Перечень поручений по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 23 ноября 2018 г. (утв. Президентом РФ 18 декабря 2018 г. № Пр-2426-ГС) // СПС «Гарант»

³ Грахов В.П., Кислякова Ю.Г., Худякова В.В. «Генеральный план как социально-экономического развития территории» // Проблемы экономики и менеджмента. 2014 № 4 (32). 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-kak-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii>.

⁴ Эксперты: генплан Москвы давно устарел как градостроительный документ // <https://realty.ria.ru/20210804/genplan-1744227563.html>

на в современном градостроительном законодательстве по образу и подобию советской системы.

Данные причины являются обоснованными, учитывая, что фундаментом советского государства являлась плановая экономика, предполагающая достижение конкретных задач с четко обозначенным сроком. Современная Россия перешла на рыночную экономику, которая характеризуется наличием частной собственности. Соответственно, модели советского и российского государства являются противоположными друг другу. То есть система планирования, которая устроена на основе принятия генерального плана, позволяющего эксплуатировать земельные участки только в полном соответствии этому документу, была эффективна в условиях абсолютной собственности государства на все земельные ресурсы. Напротив, наличие частной собственности становится причиной снижения как эффективности генерального плана, так и возможности принуждения частных инвесторов следовать этому плану.

В научной литературе обоснованно подчеркивается, что система территориального планирования и градостроительного зонирования, сложившаяся в городе Москве, обладает рядом институциональных и правовых особенностей, отличающих её от общероссийской модели, основанной на положениях Градостроительного кодекса РФ.

Как справедливо отмечает В.Ю. Метальников, «правовое регулирование в Москве основывается на специфических методах управляющего воздействия, реализуемых органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации»¹. Установление градостроительных ограничений в столице представляет собой не просто исполнение федеральных норм, а выражается в создании целостной и автономной модели управления территорией, ключевыми элементами которой являются линии градостроительного регулирования и СПРИТ. Указанные инструменты, не имеющие прямых аналогов в федеральной нормативной системе, позволяют органам власти города формализовать все действующие требования и ограничения, распространяющиеся на земельные участки и объекты капитального строительства. Тем самым в московской практике наблюдается своеобразная трансформация градостроительного зонирования: от формального инструмента детализации территориального планирования – к полноценному средству текущего управленческого воздействия.

Наиболее значимой особенностью московской модели является введение понятия «линии градостроительного регулирования», под которыми понимаются границы, определяющие зоны с особыми условиями использования территории, красные линии, а также иные территории, в отношении которых установлены градостроительные ограниче-

ния. Следует отметить, что понятие «иных территорий» не раскрывается в федеральном законодательстве, а потому правовые акты города Москвы формируют оригинальную категориальную структуру, отличную от федеральной. В рамках СПРИТ систематизируются четырнадцать видов линий градостроительного регулирования, включая территории будущего размещения объектов транспортной инфраструктуры, особо охраняемые зелёные территории, зоны внеуличных пешеходных переходов, природный комплекс Москвы и иные специальные территории.

В научной литературе (в частности, у Э.К. Трутнева) подчёркивается, что проект ПЗЗ Москвы, по сути, выполняет двойственную функцию: «с одной стороны, он вводит ограничительные меры, препятствующие деструктивным воздействиям на городскую среду, а с другой – обеспечивает реализацию допустимых и желательных сценариев территориального развития в рамках существующего законодательства»². Таким образом, московские ПЗЗ выходят за пределы традиционного понимания градостроительных регламентов как инструмента юридической конкретизации положений генерального плана. Они становятся своего рода кодексом нормативного регулирования городской среды, содержащим как технические параметры, так и управленческие установки. Данный подход поддерживается и другими исследователями (например, Н. Косаревой), указывающими, что «ПЗЗ в Москве определяют для всей территории города не только вид разрешенного использования, но и параметры плотности и этажности застройки, в том числе в части их правового воздействия на участников строительной деятельности»³.

Примечательно, что действующее законодательство в Москве оперирует понятием «градостроительные ограничения» в широком смысле, включая как ограничения, установленные федеральными законами (например, санитарно-защитные зоны, охранные зоны культурного наследия), так и локальные требования, сформированные исключительно в рамках московского законодательства. В этой связи В.Ю. Метальников предлагает классифицировать ограничения на «внутренние» и «внешние», в зависимости от источника их правового регулирования. Внутренние ограничения формируются в рамках документов территориального планирования, нормативов градостроительного проектирования, ПЗЗ и документации по планировке территорий, тогда как внешние закреплены в федеральных нормативных правовых актах. При этом автор указывает на важную закономерность: внутренние ограничения, как правило, явля-

¹ Метальников В.Ю. Понятие и особенности использования градостроительных ограничений, устанавливаемых на территории города Москвы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 3 (46). – С. 209–221.

² Трутнев Э.К. Вопросы о проекте правил землепользования и застройки для Москвы // Сайт Высшей школы экономики. URL: https://urban.hse.ru/discussion_trutnev_pzz (дата обращения: 11.07.2025).

³ Надежда Косарева – Открытые и публичные регламенты будут выгодны и горожанам и инвесторам // Институт экономики города. URL: <https://urbaneconomics.ru/research/mind/nadezhda-kosareva-otkrytye-i-publichnye-reglamenti-budut-vygodny-i-gorozhanam-i> (дата обращения: 11.07.2025).

ются следствием внешних, формируя правовой механизм их пространственной локализации и правовой конкретизации.

Необходимо отметить, что московская модель отличается высокой степенью институциональной детализации. Например, в границах природного комплекса города может быть установлено ограничение на осуществление капитального строительства, которое, в свою очередь, должно быть компенсировано включением в состав природного фонда равной или большей по площади территории. Такой механизм, основанный на принципе баланса природных и застроенных территорий, демонстрирует тесную связь градостроительных регламентов с задачами экологического регулирования.

Судебная практика, в частности апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.11.2019 № 5-АПА19–79, подтверждает приоритет генерального плана по отношению к правилам землепользования и застройки (ПЗЗ) в правовом регулировании территории города Москвы. В рассматриваемом деле было установлено, что «включение в ПЗЗ территориальной зоны сохраняемого землепользования с видом разрешённого использования «размещение кладбища» противоречит функциональному зонированию генерального плана, определившему данную территорию как жилую»¹. Верховный Суд пришёл к выводу о недопустимости применения таких положений ПЗЗ, поскольку они нарушают стратегические ориентиры территориального планирования, закреплённые в генеральном плане, а согласно Градостроительному кодексу города Москвы, ПЗЗ, не соответствующие генеральному плану, не подлежат применению. Данное решение подтверждает устойчивую правоприменительную позицию о верховенстве генерального плана и необходимости его обязательного соблюдения при принятии и реализации ПЗЗ на территории Москвы.

Актуальная правоприменительная практика Москвы демонстрирует несостоятельность существующего регулирования генеральных планов: уполномоченными органами исполнительной власти санкционируется повсеместное внесение изменений в генеральный план – в Москве генеральному плану не следуют как частные лица, так и государственные органы. В данном контексте необходимо сделать поправку на то, что государственные органы принимают решения в противоречие генеральному плану именно в части согласования предложений от частных инвесторов, с другой стороны, анализ положений генерального плана Москвы и фактические градостроительные решения в области развития транспортной инфраструктуры города, реализуемые за счет бюджетного финансирования, отражают, что уполномоченные органы

по крайней мере стараются исполнять генеральный план.

Таким образом, можно констатировать, что стратегическое планирование и управлении развитием столицы на долгосрочную перспективу ведётся с отклонениями от Генерального плана города Москвы и соответственно, складывается положение, при котором законодательство закрепляет главенство генерального плана, судебная практика отдаёт приоритет генеральному плану, а правоприменительная практика органов исполнительной власти г. Москвы позволяет вносить изменения в градостроительную документацию по волеизъявлению частных лиц, без внесения изменений в Генеральный план города Москвы.

Становится ясно, что документация территориального планирования как в рамках столицы, так и иных субъектов требует существенной модернизации. Значение генерального плана для органов государственной власти должно быть основополагающим при принятии градостроительных решений, но и сам документ представляется более гибким и позволяющим определять как приоритетные планы по развитию территорий, так и оставлять определённую меру дозволенности для частных лиц.

Также необходимо закрепить роль ПЗЗ как документа, нацеленного на детализацию положений генерального плана, закрепить его роль для землепользователей.

Представляется оправданным предоставление городам федерального значения полномочий по самостоятельному определению формата и содержания генерального плана, с целью обеспечения соответствия документа территориального планирования темпам и целям развития города.

Литература

1. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Российская газета», № 290, 30.12.2004.
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
3. Грахов В.П., Кислякова Ю.Г., Худякова В.В. Генеральный план как стратегия социально-экономического развития территории // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 4 (32). С. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-kak-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii>.
4. Трутнев Э.К. Сбалансированность города: правовые аспекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. N 9 (168). С. 36–45. EDN: UHLCIL
5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка от 14 ноября 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. N 5

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2019 № 5-АПА19–79 // Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=610085#rMVaeqUKloN8LJhs> (дата обращения: 11.07.2025).

6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 89-О «По запросу Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности положений пунктов 9, 10 и 19 статьи 44 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьи 14, пункта 2 статьи 15 и статьи 23.1 Федерального закона «О ветеранах» // «Собрание законодательства РФ», 05.06.2006, № 23, ст. 2553
7. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 415-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности части первой статьи 128 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2003 год» и подпункта 16 пункта 1 приложения 20 к данному Федеральному закону» // «Собрание законодательства РФ», 12.01.2004, № 2, ст. 162
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // «Российская газета», № 89, 28.04.2004
9. Основные показатели жилищного строительства по данным на 21.01.2025 // https://наш.дом.рф/аналитика/показатели_жилищного_строительства
10. Эксперты: генплан Москвы давно устарел как градостроительный документ // <https://realty.ria.ru/20210804/genplan-1744227563.html>

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE MASTER PLAN AND LAND USE AND DEVELOPMENT REGULATIONS THROUGH THE LENS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN MOSCOW

Butusov S.A.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article analyzes the relationship between the law enforcement significance of the master plan and land use and development regu-

lations in Moscow, examining the compliance of the region's regulatory framework with federal legislation. The author seeks to address the current relevance of the Moscow master plan, explain the need to modernize the master plan in the capital of the Russian Federation, and develop proposals for its improvement.

Keywords: master plan, land use and development regulations, primacy principle, integrated and sustainable development, territorial planning.

References

1. "Urban Planning Code of the Russian Federation" of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 08.08.2024) // "Rossiyskaya Gazeta", No. 290, 30.12.2004.
2. "Land Code of the Russian Federation" of 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 08.08.2024) // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 29.10.2001, No. 44, Art. 4147.
3. Grakhov V.P., Kislyakova Yu. G., Khudyakova V.V. General Plan as a Strategy for Socioeconomic Development of a Territory // Problems of Economics and Management. 2014. No. 4 (32). P. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generalnyy-plan-kak-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-territorii>.
4. Trutnev E.K. City Balance: Legal Aspects // Property Relations in the Russian Federation. 2015. No. 9 (168). Pp. 36–45. EDN: UHLICL
5. Review of Court Practice in Considering Cases Related to Changing the Type of Permitted Use of a Land Plot, November 14, 2018 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. N 5
6. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.04.2006 No. 89-О "At the request of the Sormovsky District Court of the city of Nizhny Novgorod on the verification of the constitutionality of the provisions of paragraphs 9, 10 and 19 of Article 44 of the Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ "On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Laws "On Amendments and Supplements to the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and "On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and Article 14, paragraph 2 of Article 15 and Article 23.1 of the Federal Law "On Veterans" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 05.06.2006, No. 23, art. 2553
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2003 No. 415-О "At the request of a group of State Duma deputies to review the constitutionality of Part One of Article 128 of the Federal Law "On the Federal Budget for 2003" and Subparagraph 16 of Paragraph 1 of Appendix 20 to this Federal Law" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 12.01.2004, No. 2, Article 162
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.04.2004 No. 9-Р "In the case of reviewing the constitutionality of certain provisions of the Federal Laws "On the Federal Budget for 2002", "On the Federal Budget for 2003", "On the Federal Budget for 2004" and Appendices thereto in connection with the request of a group of members of the Federation Council and the complaint of citizen A.V. Zhmakovsky" // "Rossiyskaya Gazeta", No. 89, April 28, 2004
9. Key indicators of housing construction as of January 21, 2025 // https://наш.дом.рф/аналитика/показатели_жилищного_строительства
10. Experts: Moscow's general plan has long been outdated as an urban planning document // <https://realty.ria.ru/20210804/genplan-1744227563.html>

Конституционные проблемы реализации местного самоуправления как принципа народовластия в РФ

Гаджидадаева Мадина Саадулаевна,

студент аспирантуры кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Дагестанского государственного университета
E-mail: ispagieva2016@yandex.ru

Гаджидадаев Алисултан Шамсулаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Дагестанского государственного университета
E-mail: alisultandgu@mail.ru

Статья посвящена исследованию конституционно-правовых проблем реализации принципа народовластия через институт местного самоуправления в современной России. Рассматриваются теоретические основы народовластия, закрепленные в Конституции РФ и Европейской хартии местного самоуправления, а также изменения, вызванные конституционной реформой 2020 года и новым Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Особое внимание уделяется институту публичных слушаний как консультативной форме прямой демократии, анализируются ключевые проблемы их функционирования: размытость правового регулирования, возможность манипуляций с составом участников, недостаточная гласность процедур и необязательный характер решений. На основе анализа научных позиций и правоприменительной практики предложены пути реформирования, направленные на повышение действенности публичных слушаний, усиление политической конкуренции, гарантии доступности органов МСУ и развитие правовой культуры граждан. Сделан вывод о необходимости комплексных правовых и организационных мер для превращения народовластия из декларации в реальную практику и укрепления демократических основ российского государства.

Ключевые слова: народовластие, Конституция РФ, местное самоуправление, прямая демократия, публичные слушания, единая система публичной власти, муниципальная реформа, политическая конкуренция, участие граждан, правовая культура.

Народовластие представляет собой ключевой конституционно-правовой принцип демократического государства. В соответствии со статьей 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ, осуществляющий ее как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Конституция закрепляет дуализм форм народовластия – прямую демократию и представительное управление. Особое значение придается местному самоуправлению (ст. 12, 130 Конституции РФ), гарантирующему гражданам право участвовать в решении вопросов локального значения. Близость этого института к населению обусловлена тем, что именно на муниципальном уровне предоставляются жизненно важные услуги и создаются условия для реального влияния жителей на качество своей жизни.

Реализация конституционного принципа народовластия через местное самоуправление сопряжена с правовыми и организационными трудностями. Современные демократические модели преимущественно основаны на представительстве, что ведет к отчуждению граждан от непосредственного участия и снижению контроля над избранными представителями. При этом даже закрепленные законом институты прямой демократии на муниципальном уровне часто действуют формально и малоэффективно. В последние годы усилилось обсуждение путей их реформирования – от референдумов и публичных слушаний до народной инициативы. Конституционные поправки 2020 года, которые ввели концепцию единой системы публичной власти, придали этой дискуссии новый импульс, так как они одновременно закрепили практику интеграции всех уровней власти и расширили дискреционные полномочия государства в отношении муниципалитетов. Это вызвало споры о пределах автономии местного самоуправления и о сохранении гарантий народовластия в обновленных конституционных условиях.

В конституционно-правовой науке народовластие понимается как форма организации власти, при которой ее полнота принадлежит народу. По определению С.А. Авакьяна, непосредственная демократия представляет собой совокупность институтов, позволяющих народу выражать свою волю и самостоятельно осуществлять государственную и муниципальную власть. Конституция РФ закрепляет этот принцип в ст. 3 и ст. 32, гарантируя гражданам участие в управлении делами государства напрямую и через представителей. Местное самоуправление, согласно ст. 12 и главе

8 Конституции, выступает самостоятельным уровнем публичной власти, а ст. 130 закрепляет право населения решать вопросы местного значения [1, с. 203]. Таким образом, Основной закон 1993 г. создал правовую базу для народовластия на местах, обеспечив возможность граждан участвовать в управлении через выборные органы и прямые демократические процедуры. Дополнительно значимость этого института подтверждается Европейской хартией местного самоуправления 1985 г., ратифицированной Россией и действующей с 1998 г., которая относит местное самоуправление к числу фундаментальных демократических принципов.

Важнейший конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления не исключает его связи с государством. В соответствии с ч. 2 ст. 132 Конституции РФ органы МСУ могут наделяться государственными полномочиями, а федеральные и региональные власти осуществляют надзор за законностью их деятельности. При этом вмешательство в вопросы местного значения недопустимо, население должно решать их самостоятельно и под свою ответственность. Такая модель предполагает баланс – местное самоуправление встроено в правовую систему государства, но сохраняет институциональную и функциональную автономию. Народ, обладая суверенитетом, делегирует часть власти государству, а часть реализует напрямую через органы МСУ. На практике именно муниципальный уровень, наиболее близкий к гражданам, обеспечивает реальное участие населения, тогда как прямое влияние на решения федерального и регионального масштаба затруднительно. Не случайно местное самоуправление называют «школой демократии», где граждане осваивают политические права и практику непосредственного воздействия на власть.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закреплял широкий спектр форм прямого волеизъявления граждан. Среди них – местный референдум, муниципальные выборы, отзыв депутата или выборного должностного лица, опросы, собрания и сходы граждан, публичные слушания, общественные обсуждения, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление и др. (ст. 22–28). В юридической науке эти институты подразделяются на императивные и консультативные в зависимости от обязательности их результатов для органов власти. Императивные формы (референдум, выборы, отзыв) влекут прямые юридические последствия и обязательны к исполнению. Консультативные (опросы, слушания, обсуждения) носят рекомендательный характер: их итоги не определяют решения, но должны учитываться властью. С.А. Авакьян подчеркивал, что игнорирование воли большинства, выраженной на публичных слушаниях, противоречит назначению этих институтов и подрывает доверие к ним [1, с. 209].

На 2025 год правовое регулирование форм непосредственной демократии на местном уровне изменилось с учетом конституционной реформы. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» заменил положения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем сохранены основные институты прямой демократии, но изменена их классификация: выделены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления (местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан) и формы участия в его осуществлении (опросы, публичные слушания, обсуждения, инициативные проекты, ТОС и др.). Закон также закрепил обязанность органов публичной власти содействовать прямому участию граждан, создавая условия для реализации их прав. Тем не менее наличие таких институтов не означает их эффективного функционирования, что подтверждается исследованиями и практикой. Наиболее наглядным примером является институт публичных слушаний, через который выявляются ключевые проблемы реализации принципа народовластия.

Публичные слушания являются формой участия граждан в обсуждении проектов решений органов власти и вопросов местного значения до их окончательного утверждения. В муниципальной практике они широко применяются как инструмент диалога между населением и органами публичной власти. В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» их проведение было обязательным при утверждении устава муниципального образования, бюджета, планов застройки и развития территории. Кроме того, жители могли инициировать слушания по любому значимому вопросу. На федеральном уровне данный институт также закреплен, так, ст. 5.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации предусматривает его при обсуждении градостроительных проектов, а Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» относит слушания к формам общественного контроля. Таким образом, публичные слушания нормативно закреплены как канал реализации народовластия, позволяющий органам власти учитывать мнение населения при принятии ключевых решений, а гражданам – непосредственно выражать позицию и влиять на содержание муниципальных актов.

На практике, однако, реализация народовластия через публичные слушания столкнулась с целым рядом проблем. Анализ опыта многих муниципалитетов показывает, что нередко слушания проводятся формально, без подлинного учета мнения жителей, либо сопровождаются процедурными нарушениями. В научной литературе и докладах правозащитных органов указываются следующие

щие основные недостатки действующей системы публичных слушаний, так, во-первых, размытость правового регулирования процедур слушаний. Федеральный закон описывал их организацию лишь в самых общих чертах, предоставив муниципалитетам самим устанавливать подробные правила в уставах и местных положениях. Это привело к тому, что в разных городах и районах требования к инициированию и проведению слушаний существенно различались, а отдельные аспекты вообще не были урегулированы, что породило множество споров и неопределенностей. Например, закон прямо не называл основания, по которым представительный орган МСУ мог отказать гражданам в проведении слушаний по их инициативе, не устанавливал четких критериев такого отказа. На практике это позволяло властям произвольно отклонять инициативы жителей, ссылаясь на надуманные причины или процедурные формальности.

Во-вторых, отсутствует единое регулирование статуса и состава участников публичных слушаний. Помимо общего указания на жителей муниципалитета, четких требований не установлено, что позволяет местным администрациям манипулировать составом участников. Нередко залы заполняются преимущественно лояльными лицами, тогда как активистам и критически настроенным гражданам ограничивается доступ под формальными предлогами. Такие практики искажают суть публичного обсуждения и подрывают доверие к его результатам [2, с. 176].

В-третьих, проблемой остается низкая степень открытости публичных слушаний. Информация о них часто публиковалась только на официальных сайтах или в печатных изданиях, что ограничивало охват населения. Недостаток разъяснительной работы и использование цифровых каналов приводили к малой явке, а многие заинтересованные жители вовсе не знали о проведении обсуждений. Отсутствие видеотрансляций и записей снижало прозрачность: итоги фиксировались лишь в протоколе организаторов, что позволяло субъективно трактовать высказанные мнения.

В-четвертых, ключевая проблема связана с необязательностью результатов публичных слушаний. Закон придавал им лишь рекомендательный характер, что позволяло органам местного самоуправления принимать решения вопреки позиции большинства участников. Особенно это проявлялось при обсуждении застройки, изменений генпланов и размещения экологически опасных объектов, где мнение жителей систематически игнорировалось. При этом даже серьезные процедурные нарушения – неполная документация, фальсификация протоколов, недопуск граждан – не влекли юридических последствий, так как отсутствовал механизм признания слушаний недействительными и ответственности должностных лиц. В результате слушания нередко превращались в формальность, что подрывало доверие к власти и усиливало социальное напряжение [7, с. 95]. Общественные протесты в Екатеринбурге, на станции Шиес

и в Москве в 2018–2019 гг. показали прямую связь между неэффективностью институтов прямой демократии и ростом протестной активности населения.

Выявленные проблемы публичных слушаний имеют конституционно-правовой характер, поскольку затрагивают сам принцип народовластия. Если право граждан на участие в управлении местными делами сводится к формальной имитации, это противоречит духу Конституции. В научной литературе активно обсуждается необходимость реформирования данного института. Так, С.М. Арзуманова предлагает меры, способные повысить его эффективность, во-первых, закрепить на федеральном уровне единый порядок организации слушаний, устранив произвольное толкование процедур; во-вторых, четко регламентировать основания отказа в их проведении и порядок формирования состава участников, обеспечив равный доступ всех желающих; в-третьих, придать результатам слушаний обязательный характер для учета органами МСУ, например, запретив принимать решения, прямо противоречащие воле большинства без повторного обсуждения или мотивированного обоснования; в-четвертых, узаконить обязательное использование аудио- и видеофиксации и онлайн-трансляций, что обеспечит прозрачность процесса и повысит доверие населения [2, с. 179].

Исследователи отмечают, что реализация предложенных мер способна существенно повысить эффективность публичных слушаний и придать им статус полноценного института местной демократии. Из формальной процедуры они превратились бы в действенный инструмент диалога власти и общества, обеспечивая гражданам реальное участие в принятии ключевых решений о развитии муниципалитета. Это позволило бы населению почувствовать влияние на итог обсуждений, способствовало укреплению доверия к органам местного самоуправления, снижению социальной напряженности и консолидации основ правового государства на наиболее близком к гражданам уровне [6, с. 106].

Следует подчеркнуть, что изменения законодательства 2025 года частично учли обозначенные предложения. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» усилил регулирование публичных слушаний и обсуждений: установлена обязанность заблаговременного информирования населения, размещения материалов в сети Интернет и учета поступивших замечаний. Закон также закрепил возможность проведения как очных, так и дистанционных обсуждений, что расширяет участие граждан. Кроме того, мотивированное заключение по итогам слушаний теперь должно отражать все высказанные мнения и публиковаться в открытом доступе. Хотя обязательность следования воле большинства не введена, новые нормы существенно повысили прозрачность и значимость процедур, приближая их к современным стандартам.

Следует также отметить, что конституционная реформа 2020 года ввела в текст Основного закона категорию «единая система публичной власти» (ст. 132, ч. 3; ст. 77, ч. 1 Конституции РФ). На первый взгляд, новелла лишь закрепила существующую практику, однако ее влияние на местное самоуправление существенно. Теперь органы государственной власти и МСУ рассматриваются как элементы единой системы, действующей на принципах взаимодействия и координации в интересах населения. Задачей реформы стало укрепление сотрудничества разных уровней власти для комплексного развития территорий и повышения качества жизни граждан. Конституционный Суд РФ в Заключении от 16.03.2020 № 1–З [10] указал, что местное самоуправление является частью публичной власти, поскольку все ее органы производны от власти народа и должны служить ему. При этом подчеркивается, что включение МСУ в единую систему не умаляет их самостоятельности, закрепленной ст. 12 Конституции.

Тем не менее внедрение концепции единой системы публичной власти вызвало у исследователей опасения относительно сокращения автономии местного самоуправления. Поправки 2020 года расширили полномочия федерального законодателя в определении структуры муниципальной власти: из ч. 1 ст. 131 Конституции была исключена гарантия сохранения поселений как базового уровня МСУ. Это открыло путь к реформе территориальной организации с переходом от двухуровневой системы (поселение – район) к одноуровневой (муниципальный округ). Хотя формально отказ от поселений не обязателен, закон стимулирует их укрупнение. Такая централизация может быть оправдана с экономической и административной точек зрения, но одновременно несет риск отдаления власти от граждан. В крупных округах жители малых населенных пунктов теряют возможность реального влияния, что ведет к ослаблению локальной идентичности и гражданской активности. В научной литературе подчеркивается, что чрезмерное укрупнение подрывает доступность местной власти, тогда как эффективное народовластие требует сохранения оптимального масштаба муниципальных образований, сочетающего управленческую эффективность с близостью к населению [5, с. 408].

Еще один важный аспект связан с порядком формирования органов местного самоуправления. До реформы 2020 года основой муниципальной демократии были выборы, то есть граждане напрямую избирали депутатов представительных органов и глав муниципальных образований. Однако постепенно в ряде регионов распространилась практика отказа от прямых выборов в пользу модели «сити-менеджера» или конкурсных процедур. Поправки 2020 года и последующие законы закрепили за субъектами РФ право самостоятельно определять, будут ли сохраняться прямые выборы мэров либо применяться альтернативные схемы. Это привело к снижению гарантий непосредствен-

ного народного волеизъявления, так, главы городов могут назначаться представительными органами по контракту, а сами представительные органы – формироваться без прямых выборов. Как отмечает А.В. Лейс, замена прямых выборов конкурсными процедурами существенно ограничивает принцип народовластия именно на уровне, где он должен проявляться наиболее полно. В результате возникает противоречие: народ, провозглашенный Конституцией источником местной власти, фактически лишается возможности напрямую избирать руководителей, что ослабляет легитимность муниципальной власти и снижает гражданскую вовлеченность [9, с. 240].

Конституционные поправки изменили и характер взаимодействия муниципальной и государственной власти, усилив контроль регионального уровня. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414–ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Федеральный закон от 20.03.2025 № 33–ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предоставили главам субъектов дополнительные инструменты воздействия на муниципальных руководителей: возможность выносить предупреждения и выговоры за ненадлежащее исполнение переданных полномочий, а при серьезных нарушениях – инициировать досрочное отрешение. Кроме того, основанием для отставки главы МО стало систематическое недостижение установленных показателей эффективности по представлению губернатора. Эти меры ориентированы на дисциплинирование муниципальной власти и интеграцию ее в вертикаль управления субъектом, что соответствует концепции «единой публичной власти». Однако возникает вопрос о соответствии столь жесткого контроля принципу самостоятельности МСУ. Если речь идет о делегированных полномочиях, государственный надзор оправдан, но его распространение на вопросы местного значения означало бы ограничение народовластия. Пока нормы формально не затрагивают автономную компетенцию, однако важно соблюсти баланс: взаимодействие должно оставаться координацией, а не превращаться в подчинение, иначе местное самоуправление утратит свою конституционную сущность как форма народовластия.

Следует также отметить всеобщность местного самоуправления.

Поправки 2020 года ввели возможность создания федеральных территорий (ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ), что уже реализовано в форме территории «Сириус» (Федеральный закон от 22.12.2020 № 437–ФЗ «О федеральной территории «Сириус»»). Данный эксперимент вызвал дискуссию о соответствии нового режима принципам федерализма и местного самоуправления. На федеральной территории формируются специальные органы публичной власти, наделенные полномочиями федеральных, региональных и муниципальных органов, тогда как собственно органы МСУ отсут-

ствуют. Это означает, что жители лишены права избирать представителей и напрямую участвовать в местной власти, что ставит под сомнение исполнение ст. 12 Конституции РФ о всеобщности местного самоуправления. Хотя специфика «Сириуса» объясняется его особым статусом, подобная модель создает опасный прецедент: в случае расширения числа федеральных территорий может возникнуть параллельная система публичной власти, исключая муниципальный уровень и противоречащая конституционным основам народовластия.

Исследователи предлагают несколько решений данной проблемы. Первый подход предполагает внесение изменений в Конституцию с закреплением там минимальных институтов местного самоуправления, например, создание совета общественного самоуправления из числа жителей или проведение местных референдумов по вопросам локального значения. Второй вариант заключается в установлении особого порядка взаимодействия через соглашение между федеральным центром и субъектом РФ о распределении полномочий и координации управления, что сближает модель с практикой договорных федераций. Третий подход, предложенный А.В. Лейсом, ориентирован на сближение статуса федеральных территорий с городами федерального значения: они могли бы обладать полномочиями субъекта РФ в сфере государственного управления, но при этом иметь собственные органы местного самоуправления для решения вопросов населения. Для «Сириуса», например, предлагалось сформировать в его пределах поселковое или городское муниципальное образование с выборным представительством, действующим параллельно с администрацией федеральной территории. Все эти варианты остаются предметом научных дискуссий, однако ясно одно: правовой статус федеральных территорий требует уточнения во избежание подрыва принципа народовластия и всеобщности местного самоуправления. Публичная власть даже в особых зонах должна сохранять связь с народом, иначе возникает риск создания прецедента «власти без народа» [3, с. 281].

Рассматривая проблемы народовластия, важно помнить, что народ – это совокупность конкретных граждан, обладающих правами и обязанностями. В системе публичной власти именно они должны выступать первичным субъектом, однако действующее законодательство явно этого не подчеркивает. Так, Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», определяя субъектов единой системы публичной власти, упоминает лишь государственные и муниципальные органы, исключая самих граждан. Это противоречие отмечается в научной литературе. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что единая система публичной власти по сути является системой народовластия, где народ участвует как напрямую, так и через избранные органы, оставаясь источником всей публич-

ной власти. Для устранения терминологического пробела предлагается закрепить в законе категорию «единая система органов публичной власти», оставив за гражданами статус самостоятельного субъекта власти. Такое решение имеет не только теоретическое, но и практическое значение: органы публичной власти должны воспринимать население как равноправного участника процесса принятия решений, а не как объект управления.

На муниципальном уровне признание центральной роли граждан предполагает активное вовлечение населения в решение местных дел и поддержку инициатив «снизу». Общественные палаты, молодежные парламенты и иные консультативные структуры при органах МСУ должны обладать реальными полномочиями, а не выполнять декоративную функцию. Важную роль играют и новые формы самоорганизации, такие как «городские практики», инициативные группы и экологические движения. Их следует интегрировать в официальные механизмы управления. Показателен опыт инициативного бюджетирования, когда жители сами предлагают и выбирают проекты благоустройства, что повышает их ответственность и ощущение сопричастности. Формирование культуры гражданского участия является необходимым условием народовластия. Сегодня низкая явка на выборах и слабая активность на слушаниях объясняются дефицитом правового просвещения, формальностью процедур и нередко сопротивлением властей. Решение видится в комплексных мерах: повышении открытости органов МСУ, регулярной отчетности, использовании цифровых коммуникаций и образовательных программ для молодежи. Осознание гражданами реального влияния на решения способно наполнить принцип народовластия практическим содержанием.

Главная проблема реализации народовластия через местное самоуправление заключается в разрыве между конституционно закрепленными возможностями участия граждан и их практической реализацией. Несмотря на широкий набор институтов непосредственной демократии, фактически они либо ограничиваются (например, отмена прямых выборов глав муниципалитетов), либо действуют формально и неэффективно (как публичные слушания). Усиление централизации и бюрократизации также смещает акцент с учета инициатив населения на «вертикальную управляемость». В результате принцип народовластия ослабляется как вследствие недостатков законодательства, так и из-за искаженной практики его применения. Решение требует комплексного подхода, объединяющего правовые реформы с организационными мерами, направленными на развитие реального участия граждан [8, с. 442].

В научной литературе предлагается комплекс мер для укрепления народовластия на муниципальном уровне. Прежде всего, необходимо совершенствовать законодательство о формах непосредственной демократии. На примере публичных слушаний видно, что четкая регламентация проце-

дуры, придание обязательной силы их результатам и установление ответственности за нарушения должны быть закреплены на федеральном уровне. Аналогичные изменения требуются для местных референдумов и опросов: упрощение процедуры их инициирования, расширение круга допустимых вопросов и обеспечение обязательности реализации итогов. Важно также гарантировать минимальный уровень доступности МСУ для каждого гражданина. При ликвидации поселений как самостоятельных муниципальных образований следует создавать альтернативные формы участия – советы территориального общественного самоуправления с реальными полномочиями или выборных старост, чтобы обеспечить представительство интересов малых сообществ [4, с. 47].

Не менее значимо обеспечить честные и конкурентные выборы на местном уровне. Без политической конкуренции народовластие через представительные органы теряет смысл. В ряде муниципалитетов сложилась фактическая монополия одной политической силы, а избыточные барьеры, такие как «муниципальный фильтр» при выборах глав регионов, дополнительно ограничивают участие оппозиции и снижают мотивацию избирать независимых депутатов. Ученые и политики предлагают отменить или смягчить этот фильтр, а также упростить регистрацию кандидатов: снизить требования к числу подписей, восстановить избирательный залог, разрешить исправление ошибок и предоставление недостающих документов. Эти меры, хотя формально относятся к избирательному праву, напрямую связаны с реализацией народовластия, так как расширяют возможности граждан реально выбирать и быть избранными. Как отмечал В.Д. Зорькин, демократия немыслима без сменяемости власти и сильной оппозиции: даже двухпартийная система лучше монополии, поскольку обеспечивает «проветривание» политической системы и учет интересов разных социальных групп [8, с. 561]. Следовательно, создание условий для реальной политической конкуренции, особенно на уровне муниципалитетов, является важнейшей гарантией конституционного принципа народовластия.

Нельзя также недооценивать значение просветительской и воспитательной работы. Народовластие возможно лишь в обществе с высоким уровнем правовой культуры и гражданской ответственности. Поэтому органы власти, муниципалитеты и институты гражданского общества должны активно формировать у граждан знания о правах, механизмах взаимодействия с властью и основах самоуправления. Эффективными инструментами могут стать курсы гражданского образования в школах и вузах, публичные лекции и семинары по вопросам местного бюджета и городского планирования. Чем выше уровень информированности и вовлеченности населения, тем полнее реализуется конституционный принцип, согласно которому народ является единственным источником власти.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип народовластия является основой конституционного строя России, а местное самоуправление – важнейшей его формой, позволяющей гражданам решать наиболее значимые для них вопросы. Анализ показал наличие системных проблем: пробелы законодательства (в частности, в регулировании публичных слушаний), тенденции к централизации, снижающие автономию местной демократии, неопределенность роли граждан в системе публичной власти, ограниченность политической конкуренции и низкая гражданская активность.

Тем не менее большинство этих проблем поддается решению. Актуальность темы в 2025 году обусловлена продолжающейся реформой местного самоуправления и становлением модели единой публичной власти. Важно не утратить фундаментальные ценности народовластия: необходимо законодательно закрепить центральную роль граждан в системе публичной власти, подчеркнув, что органы власти – лишь институциональные формы выражения воли народа, а не самостоятельные носители власти.

Опыт института публичных слушаний показал, что даже значимые демократические механизмы могут превращаться в формальность при недостатках правового регулирования и недобросовестной практике. Решение – дальнейшее реформирование процедур с возможным приданием отдельным формам прямой демократии императивного характера, а также усиление судебного контроля. Возможность оспаривания нарушений и назначения повторных слушаний позволит повысить ответственность органов МСУ перед населением.

Внедрение предложенных мер позволит превратить народовластие на местном уровне из декларации в реальную практику. Граждане будут систематически вовлечены в управление через публичные слушания, обсуждение инициатив и конкурентные выборы. Органы местного самоуправления, опираясь на активную поддержку населения, укрепят свою легитимность и доверие. В итоге реализация принципа народовластия станет фундаментом устойчивого развития демократического государства: власть будет восприниматься как народная, а общество – как подлинный источник власти. Именно к этому должно стремиться реформирование институтов местного самоуправления в современной России.

Литература

1. Авакьян С.А. Муниципальное право России: учебник. М.: Проспект, 2009. 544 с.
2. Арзуманова С.М. Актуальные проблемы реализации форм взаимодействия населения и органов местного самоуправления / С.М. Арзуманова // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 175–180.

3. Бондарь Н.С. Местное самоуправление: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 386 с.
4. Галоян А.Р. Публичные слушания в муниципальных образования // Вестн. Амурского гос. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2018. № 82. С. 46–50.
5. Ерыгина В.И. Конституционно–правовой принцип народовластия и проблемы его реализации в законодательстве современной России конституционно–правовой принцип народовластия и проблемы его реализации в законодательстве современной России // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 405–409.
6. Гончаров В.В. Проблемы и перспективы закрепления и реализации форм прямой демократии в российском законодательстве // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. 2020. № 13. С. 104–107.
7. Захаров И.В. К вопросу о существовании публичных слушаний и общественных обсуждений // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 2. С. 91–98.
8. Зорькин В.Д. Конституционно–правовое развитие России / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА–М, 2011. – 719 с.
9. Лейс А.В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально–экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 4(28). С. 235–252.
10. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1–З «О соответствии положений глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/?ysclid=mf8f0sx7tk880130750>.

CONSTITUTIONAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A PRINCIPLE OF DEMOCRACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gadzhidadaeva M.S., Gadzhiev Al.Sh.
Dagestan State University

The article is devoted to the study of constitutional and legal problems of the implementation of the principle of democracy through the institution of local self–government in modern Russia. The the-

oretical foundations of democracy, enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the European Charter of Local Self–Government, are considered, as well as the changes caused by the constitutional reform of 2020 and the new Federal Law No. 33–FZ of March 20, 2025 “On the General Principles of the Organization of Local Self–Government in the Unified System of Public Power”. Special attention is paid to the institution of public hearings as an advisory form of direct democracy, and the key problems of their functioning are analyzed: the lack of clear legal regulation, the possibility of manipulating the composition of participants, the lack of transparency in procedures, and the non–binding nature of decisions. Based on the analysis of scientific positions and law enforcement practice, the article proposes ways of reform aimed at increasing the effectiveness of public hearings, strengthening political competition, guaranteeing the accessibility of local government bodies, and developing the legal culture of citizens. The article concludes that comprehensive legal and organizational measures are necessary to transform popular sovereignty from a declaration into a reality and strengthen the democratic foundations of the Russian state.

Keywords: popular rule, Constitution of the Russian Federation, local self–government, direct democracy, public hearings, unified system of public authority, municipal reform, political competition, citizen participation, and legal culture.

References

1. Avak'yan S.A. Municipal'noe pravo Rossii: uchebnik. M.: Prospekt, 2009. 544 s.
2. Arzumanova S.M. Aktual'nye problemy realizatsii form vzaimodejstviya naseleniya i organov mestnogo samoupravleniya / S.M. Arzumanova // Ural'skij Forum konstitucionalistov: materialy sed'mogo Ural'skogo Forum konstitucionalistov. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet, 2022. S. 175–180.
3. Bondar' N.S. Mestnoe samoupravlenie: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2020. 386 s.
4. Galoyan A.R. Publichnye slushaniya v municipal'nyh obrazovaniya // Vestn. Amurskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitar. nauki. 2018. № 82. S. 46–50.
5. Erygina V.I. Konstitucionno–pravovoj princip narodovlastiya i problemy ego realizatsii v zakonodatel'stve sovremennoj Rossii konstitucionno–pravovoj princip narodovlastiya i problemy ego realizatsii v zakonodatel'stve sovremennoj Rossii // Yuridicheskaya tekhnika. 2020. № 14. S. 405–409.
6. Goncharov V.V. Problemy i perspektivy zakrepleniya i realizatsii form pryamoj demokratii v rossijskom zakonodatel'stve // Vestn. Polockogo gos. un-ta. 2020. № 13. S. 104–107.
7. Zaharov I.V. K voprosu o sushchestve publichnyh slushanij i obshchestvennyh obsuzhdenij // Municipalitet: ekonomika i upravlenie. 2019. № 2. S. 91–98.
8. Zor'kin V.D. Konstitucionno–pravovoe razvitie Rossii / V.D. Zor'kin. – M.: Norma: INFRA–M, 2011. – 719 s.
9. Leys A.V. Mestnoe samoupravlenie v novyh konstitucionnyh usloviyah // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no–ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2021. T. 7, № 4(28). S. 235–252.
10. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1–Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshih v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizatsii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti», a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dsotupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/?ysclid=mf8f0sx7tk880130750>.

Правовые механизмы цифровой модернизации в государственных органах Российской Федерации

Гусейнова Лейла Назим кызы,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

E-mail: guseinova_leyla@mail.ru

Статья посвящена анализу правовых механизмов, обеспечивающих цифровую модернизацию деятельности государственных органов Российской Федерации. В работе рассмотрены теоретические основы правового регулирования цифровой трансформации, выявлены ключевые проблемы нормативного обеспечения внедрения электронных технологий в сферу государственного управления. Особое внимание уделено вопросам соотношения цифровизации и защиты прав граждан, в частности, рискам навязывания исключительно электронной формы взаимодействия. На основе анализа судебной практики, включая позицию Верховного Суда РФ, показано, что правоприменительная практика выявляет пробелы в законодательстве, препятствующие реализации принципов доступности и равенства в предоставлении государственных услуг. В заключение предложены конкретные направления совершенствования законодательства, включая внесение изменений в Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», направленные на закрепление гарантий выбора формы обращения граждан. Полученные результаты позволяют оценить современные правовые механизмы цифровой модернизации как динамично развивающуюся, но требующую уточнения систему.

Ключевые слова: цифровая модернизация, государственное управление, правовое регулирование, электронные государственные услуги, информационные технологии, доступность правосудия, правовые механизмы, административная процедура.

Цифровая модернизация государственного управления – это процесс системного внедрения современных информационных технологий в деятельность органов власти, направленный на повышение эффективности и прозрачности их работы. В настоящее время цифровые технологии играют ключевую роль во исполнении функций госорганов. Цифровизация государственного управления стала стратегией повышения эффективности взаимодействия государства с обществом и сокращения административных издержек. Внедрение таких технологий способствует качественным изменениям в реализации государственных функций и предоставлении услуг, делая взаимодействие граждан с государством более удобным [1, С. 115]. Цифровая трансформация органов власти определяется как комплекс мер по изменению системы госуправления и способов предоставления госуслуг за счет использования данных в электронном виде и внедрения IT-решений. Этот процесс признан одной из национальных целей развития до 2030 года. Так, Распоряжением Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р [2] была утверждена стратегия цифровой трансформации госуправления до 2030 года, которая предусматривает переход на электронный документооборот, автоматизацию межведомственного взаимодействия и перевод как можно большего числа услуг в онлайн-формат. По данным Минцифры, к 2025 году на портале госуслуг зарегистрировано около 117 млн пользователей [3], а полностью в электронном виде доступно 480 видов услуг. Однако столь масштабное внедрение технологий требует соответствующей правовой базы: необходим пересмотр нормативных норм, регулирующих использование цифровых инструментов в госорганах. Успешная цифровизация возможна только при соблюдении принципов законности, защиты данных и кибербезопасности. Таким образом, правовые механизмы – законы, подзаконные акты, государственные программы – должны обеспечивать как стимулирование цифровой модернизации, так и защиту прав граждан в новых цифровых условиях [4, С. 90].

Одним из ключевых затруднений цифровой модернизации долгое время являлось несоответствие устаревших норм процессуального права современным возможностям электронного взаимодействия. Яркий пример – порядок обжалования административных штрафов. До недавнего времени Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) фактически не позволял гражданам подавать жалобы и иные процессуальные документы в электронном виде, за исключе-

нием узкого случая автоматической фиксации правонарушения. Так, подать жалобу через Единый портал госуслуг, систему «Правосудие» или онлайн-форму на сайте суда было допустимо только при автоматической фиксации нарушения (ч. 3.1 ст. 30.2 КоАП РФ). Во всех прочих ситуациях КоАП РФ не предусматривал возможность электронного обращения – ни в форме подписанного ЭЦП электронного документа, ни даже скана с подписью заявителя. Судебная практика подтверждала эту лазейку: Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что действующее законодательство не допускает электронный подачу жалоб по делам об административных правонарушениях, требуя обращения на бумажном носителе. В частности, в Решении Верховного Суда РФ от 07.04.2016 № 38–ААД16–1 [6] прослеживается позиция о невозможности подачи жалобы через интернет при отсутствии прямого указания в КоАП РФ. Подобный нормативный пробел противоречил государственной политике на развитие электронных услуг и вызывал на практике сложности: граждане, технически способные направить документы онлайн, сталкивались с их непринятием по формальным основаниям. Только недавно законодатель устранил данное противоречие. Федеральным законом от 07.04.2025 № 59–ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [7] в КоАП РФ внесены изменения, вводящие полноценный электронный документооборот по делам об административных правонарушениях. С 1 июля 2025 года заявления, ходатайства, жалобы и иные документы могут подаваться участником производства через Единый портал госуслуг либо через специальные информационные системы при наличии технической возможности у суда. Кроме того, закреплена возможность дистанционного участия в судебных заседаниях посредством веб-конференции. Принятие этих поправок – важный шаг, демонстрирующий, как правовой механизм (изменение кодифицированного закона) позволяет преодолеть тормозящие цифровизацию нормы. Теперь правовая основа приведена в соответствие с технологической реальностью, что облегчает реализацию принципа «цифрового правительства» в сфере административной юстиции.

Особое внимание в контексте цифровой модернизации следует уделить проблеме обеспечения соблюдения прав и законных интересов граждан. На практике нередко возникают ситуации, когда государственные органы фактически навязывают исключительно электронный формат взаимодействия, не принимая во внимание, что значительная часть населения не располагает необходимыми навыками либо техническими возможностями для его использования. Показательным в этом отношении является Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2025 г. № 5–КГ24–127–К2 [8], в котором заявительница, являясь лицом пожилого возраста, обратилась за назначением региональной социальной доплаты к пенсии и предпочла подать заявление в традици-

онной письменной форме на бумажном носителе. Свою позицию она мотивировала отсутствием цифровых компетенций, а также опасениями относительно безопасности персональных данных.

Органы социальной защиты отказали в приеме заявления, настаивая на подаче обращения исключительно через городской портал государственных услуг. Решения судов первой и апелляционной инстанций подтвердили законность подобного отказа, фактически поддержав приоритет цифровой формы как единственно допустимой. Однако Верховный Суд РФ в марте 2025 года отменил данные судебные акты, признав действия органов власти неправомерными. Высшая судебная инстанция указала на недопустимость формального подхода, подчеркнув, что действующее законодательство не содержит предписаний, обязывающих граждан иметь учетную запись на портале госуслуг, а реализация конституционно гарантированных прав не может быть обусловлена обязательным использованием электронных сервисов.

Верховный Суд отметил необходимость дифференцированного подхода при рассмотрении подобных обращений. Органы социальной защиты обязаны были учитывать жизненные обстоятельства заявительницы, ее преклонный возраст и отсутствие цифровых навыков, предоставив возможность подачи заявления в бумажной форме. Отказ в предоставлении государственной услуги исключительно по причине неготовности или нежелания гражданина использовать электронные каналы взаимодействия был признан нарушающим принцип доступности государственных услуг и противоречащим основополагающим конституционным гарантиям.

Приведенный прецедент закрепил важное правовое положение: цифровизация системы государственного управления не может носить принудительный характер для населения. У граждан должно сохраняться реальное право выбора формы взаимодействия с государством, а органы власти обязаны обеспечивать равные условия доступа к услугам вне зависимости от предпочтений заявителя.

Примечательно, что право гражданина выбирать форму получения услуги уже заложено в законодательстве. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 210–ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [9] (далее ФЗ № 210), заявитель вправе получать государственные услуги в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством, по своему выбору. Сходная обязанность возложена и на органы государственной власти: в силу п. 2 ч. 1 ст. 6 ФЗ № 210 они обязаны обеспечивать возможность получения услуги как в электронной, так и в иных формах, исходя из выбора заявителя. Следовательно, действующее законодательство исходит из принципа отсутствия монополии какой-либо одной формы взаимодействия между гражданином и государством. Вместе с тем практика свидетель-

ствуется об обратном: как показал пример дела Бобровой, отдельные ведомства, а также региональные нормативные акты фактически ограничивают право выбора, предписывая использование исключительно электронного способа обращения. Такая ситуация демонстрирует, что общих декларативных положений закона недостаточно; необходимы более детализированные правовые механизмы и конкретные гарантии их реализации. Суд, рассматривая указанный спор, прямо указал на существование данной проблемы и тем самым обозначил необходимость устранения правовых пробелов, позволяющих органам власти навязывать гражданам цифровой формат взаимодействия вопреки их воле. Если подобные пробелы не будут ликвидированы, цифровая модернизация может трансформироваться в процесс, подрывающий фундаментальные принципы справедливости и равной доступности государственных услуг, что неизбежно повлечет снижение уровня доверия общества к институтам электронного правительства [10, С. 1640].

Для решения обозначенных проблем необходим комплексный подход, сочетающий устранение устаревших норм и введение прямых гарантий прав граждан в условиях цифрового государства. Первую проблему – недостаточную правовую основу для электронного взаимодействия – законодатель уже начал решать путем внесения изменений в процессуальные кодексы, как это произошло с КоАП РФ в 2025 году. Аналогичные обновления целесообразно осуществить и в других сферах. Например, следует проверить на предмет цифровой готовности законодательство о нотариате, о предоставлении государственных услуг в отдельных отраслях, административные регламенты ведомств – и устранить нормы, требующие излишних бумажных процедур там, где может эффективно работать электронный документооборот. Вторая проблема – защита права на альтернативные формы получения услуг – требует четких законодательных гарантий. Опираясь на правовую позицию Верховного Суда, предлагается напрямую закрепить в законе недопустимость отказа в услуге по причине неиспользования гражданином электронного сервиса. В частности, представляется возможным дополнить ФЗ № 210 новой нормой. К примеру, в статью 5 данного закона (регулирующую права заявителей) можно дополнить нормой, следующего содержания: «Запрещается отказывать в предоставлении государственной или муниципальной услуги по основанию, связанному с неиспользованием заявителем электронной формы обращения, если иные формы обращения предусмотрены законодательством. Органы, предоставляющие услуги, обязаны обеспечить возможность подачи запроса на услугу в альтернативной (не электронной) форме в случаях, когда заявитель не имеет возможности или желания воспользоваться электронной формой». Внесение такой поправки конкретизирует право выбора, уже установленное законом, и исключит возможность его обходить на уровне подзаконных актов. Кро-

ме того, следует усилить контроль за исполнением требований законодательства о равной доступности услуг: например, ввести административную ответственность должностных лиц за необоснованный отказ принять обращение на бумаге, если это допускается правилами. Параллельно необходимо проводить разъяснительную работу и обучение сотрудников госорганов, чтобы изменить устоявшуюся практику и ориентировать их на клиентоориентированный, «гибкий» подход в цифровую эпоху.

Проведенный анализ показывает, что правовые механизмы цифровой модернизации государственных органов Российской Федерации находятся в стадии активного развития, но сталкиваются с рядом проблем. С одной стороны, государство последовательно обновляет законодательство в поддержку цифровой трансформации – принимаются стратегические акты и вносятся изменения в законы, устраняющие препятствия для электронного взаимодействия (примером служит реформа КоАП РФ, легализовавшая электронное судопроизводство). С другой стороны, практика выявляет узкие места: отдельные нормативные пробелы и коллизии могут тормозить внедрение цифровых решений или приводить к ущемлению прав граждан. Судебная практика – в особенности позиция Верховного Суда РФ – сыграла важную роль в выявлении таких проблем и придании им публичной значимости. Реальные дела (например, отказ в услуге из-за отсутствия регистрации на портале госуслуг) подтвердили необходимость корректировки правовых механизмов. К основным результатам исследования следует отнести вывод о том, что для успешной цифровой модернизации требуется не только техническое внедрение IT-систем, но и своевременное законодательное обеспечение. Важно устранить устаревшие требования (такие как обязательность бумажных носителей там, где доступны электронные аналоги) и одновременно закрепить на уровне закона баланс интересов – недопущение «цифрового диктата», то есть ситуации, когда цифровая форма общения становится безальтернативной. Предложенное точечное изменение в ФЗ № 210 является одним из примеров мер, направленных на укрепление правовых основ цифрового государства. В целом, цифровая модернизация государственных органов в РФ должна сопровождаться развитием комплексного правового механизма, который обеспечивает эффективную, безопасную и доступную для всех граждан работу электронных сервисов. Только при условии такого гармоничного нормативного сопровождения цифровая трансформация госуправления достигнет поставленных целей – повысит качество государственного управления и укрепит доверие общества к государственным институтам в цифровую эпоху.

Литература

1. Москвитина Н.В. Цифровая трансформация государственного управления / Н.В. Москвитина // Социология. – 2021. – № 4. – С. 114–128.

2. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – № 0001202403200032.
3. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL.: <https://digital.gov.ru/news-feed> (дата обращения: 28.08.2025).
4. Латышева А.Ю. Устойчивое развитие цифровой экономики как основа формирования социально-экономической сферы регионов / А.Ю. Латышева, С.В. Нечаева, А.К. Карасева // Финансовый менеджмент. – 2024. – № 4. – С. 87–97.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
6. Решение Верховного Суда РФ от 07.04.2016 № 38-ААД16-1 // Судебные и нормативные акты РФ.
7. Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 15. – Ст. 1785.
8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2025 г. № 5-КГ24-127-К2 // Судебные и нормативные акты РФ.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
10. Чиркунова Е.К. Развитие институтов цифровой трансформации экономики регионов России / Е.К. Чиркунова, Е.С. Попов // Экономический анализ: теория и практика. – 2024. – № 9(552). – С. 1631–1645.

LEGAL MECHANISMS OF DIGITAL MODERNIZATION IN GOVERNMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Guseinova L.

Saint-Petersburg State Marine Technical University

The article is devoted to the analysis of legal mechanisms that ensure the digital modernization of the activities of government agencies of the Russian Federation. The paper examines the theoretical foundations of the legal regulation of digital transformation, identifies the key problems of regulatory support for the introduction of electronic technologies in the field of public administration. Particular attention is paid to the relationship between digitalization and the protection of citizens' rights, in particular, the risks of imposing an exclusively electronic form of interaction. Based on the analysis of judicial practice, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation, it is shown that law enforcement practice reveals gaps in legislation that hinder the implementation of the principles of accessibility and equality in the provision of public services. In conclusion, specific directions for improving legislation are proposed, including amendments to Federal Law No. 210-FZ dated 27.07.2010 «On the Organization of the provision of State and Municipal Services», aimed at securing guarantees for the choice of the form of citizens' treatment. The results obtained allow us to evaluate modern legal mechanisms of digital modernization as a dynamically developing, but requiring clarification system.

Keywords: digital modernization, public administration, legal regulation, electronic public services, information technology, accessibility of justice, legal mechanisms, administrative procedure.

References

1. Moskvitina N.V. Digital Transformation of Public Administration / N.V. Moskvitina // Sociology. – 2021. – No. 4. – Pp. 114–128.
2. Order of the Government of the Russian Federation of March 16, 2024 No. 637-r "On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Public Administration" // Official Internet Portal of Legal Information. – 2024. – No. 0001202403200032.
3. Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. [Electronic resource] – URL: <https://digital.gov.ru/news-feed> (accessed: 28.08.2025).
4. Latysheva A. Yu. Sustainable Development of the Digital Economy as the Basis for the Formation of the Socio-Economic Sphere of Regions / A. Yu. Latysheva, S.V. Nechaeva, A.K. Karaseva // Financial Management. – 2024. – No. 4. – Pp. 87–97.
5. Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on July 31, 2025) (with amendments and additions effective from September 1, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part I). – Art. 1.
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2016 No. 38-AAD16-1 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation.
7. Federal Law of April 7, 2025 No. 59-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 15. – Art. 1785.
8. Ruling of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of March 3, 2025 No. 5-KG24-127-K2 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation.
9. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ (as amended on July 31, 2025) "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 31. – Art. 4179.
10. Chirkunova E.K. Development of Institutions of Digital Transformation of the Economy of Russian Regions / E.K. Chirkunova, E.S. Popov // Economic Analysis: Theory and Practice. – 2024. – No. 9(552). – Pp. 1631–1645.

Правовой нигилизм в условиях цифровизации общества: вызовы для правопорядка и государственности

Дадашев Артур Аронович,

слушатель магистратуры Академии управления МВД России
E-mail: draivi@bk.ru

В статье рассматривается феномен правового нигилизма как угроза устойчивости правопорядка и государственности в условиях цифровизации общества. Показано, что трансформация правосознания под влиянием информационно-коммуникационных технологий способствует возникновению новых форм нигилизма, включая сетевой и кибернигилизм. Анализируется рост преступности в цифровой среде и снижение доверия к государственным институтам. Выделена особая опасность конституционного нигилизма, подрывающего легитимность права и государственных основ. Предлагаются меры по преодолению данного явления: совершенствование законодательства, развитие правового и цифрового просвещения, повышение уровня правовой культуры и формирование нового конституционного правосознания. Подчеркивается необходимость международного сотрудничества для противодействия транснациональным угрозам и экстремистским проявлениям в сети. Сделан вывод о том, что комплексный подход является ключом к снижению уровня правового нигилизма и укреплению правового государства в цифровую эпоху.

Ключевые слова: правовой нигилизм, цифровизация, правосознание, государственность, конституционный нигилизм, правопорядок.

Правовой нигилизм в современной России рассматривается как одно из значимых проявлений проблем в сфере правовой культуры. Его суть заключается не только в снижении уважения к закону и правопорядку, но и в ослаблении доверия к механизмам правового регулирования. В последние десятилетия исследователи отмечают, что это явление вышло за рамки бытового неповиновения и приобрело системный характер, охватывая как массовое сознание, так и практику функционирования власти. Утрата веры в справедливость правовых норм и возможность их равного применения приводит к росту правонарушений, распространению коррупционных практик и снижению устойчивости государственной системы.

Цифровизация общества придает феномену правового нигилизма новые формы и масштабы. Интернет-среда и цифровые платформы становятся не только пространством социальной коммуникации, но и ареной, где активно формируются антиправовые установки. Высокая скорость распространения информации, анонимность пользователей и слабая защищенность от манипуляций создают условия, в которых недоверие к закону получает мгновенную публичность и поддержку. Цифровая трансформация затрагивает фундаментальные основы правосознания: если ранее пренебрежение правом проявлялось преимущественно в традиционной социальной среде, то сегодня оно закрепляется в повседневной практике сетевого общения, порождая новые вызовы для правопорядка.

Особая опасность заключается в том, что правовой нигилизм начинает переплетаться с глобальными социальными и политическими процессами. Транснациональный характер цифровых коммуникаций стирает государственные границы и снижает эффективность национального законодательства. Право теряет способность выступать универсальным регулятором, поскольку часть общественных отношений оказывается вне правового поля. Одновременно усиливается угроза радикализации молодежи в виртуальной среде, где антиправовые идеи распространяются быстрее, чем позитивные программы правового просвещения.

Исследование правового нигилизма в условиях цифровизации необходимо для выявления его новых форм, анализа факторов, подрывающих доверие к праву, и поиска эффективных механизмов противодействия. Рассмотрение этой проблемы в контексте современного правового государства позволяет не только зафиксировать масштабы угрозы, но и определить перспективы укрепления

правопорядка и государственности в эпоху цифровых преобразований.

Правовой нигилизм традиционно определяется как отрицательное отношение к праву, выражающееся в игнорировании его норм и подрыве авторитета закона. Он имеет двойственную природу: с одной стороны, является элементом массового и индивидуального правосознания, с другой – проявляется в реальных моделях поведения, когда индивид или социальная группа систематически нарушают правопорядок [5; 8]. Подобное явление нельзя свести исключительно к юридической плоскости, оно имеет культурологические, социальные и политические корни.

В научной литературе выделяются различные формы правового нигилизма. Классическими считаются бытовой, выражающийся в незнании закона и нежелании его применять; институциональный, связанный с произволом властей; философский, когда отрицается ценность права как регулятора общественных отношений; и конституционный, проявляющийся в пренебрежении к основам правового строя [4; 10]. Конституционный нигилизм считается наиболее опасным, поскольку подрывает доверие к самой системе государственного управления, формирует предпосылки для кризиса легитимности власти.

Особую значимость правовой нигилизм приобретает в цифровую эпоху. Информационное общество с его сетевой коммуникацией и быстрым оборотом данных изменило способы распространения антиправовых установок. Интернет и социальные сети стали ареной, где негативные установки получают массовое тиражирование. Низкий уровень цифровой и правовой грамотности усиливает риск того, что люди, не обладающие знаниями о нормах права, воспринимают деструктивные модели поведения как норму [5; 7]. Это формирует новые формы нигилизма – кибернигилизм и сетевой нигилизм, которые выражаются в демонстративном пренебрежении правовыми нормами в сети, от пиратства до киберпреступности.

В 2021 году в России было зарегистрировано около 320 тысяч киберпреступлений. В 2022 году показатель вырос до 510 тысяч, что свидетельствует о закреплении негативных тенденций. В 2023 году их количество достигло почти 676 тысяч, а в 2024 году превысило 765 тысяч, увеличившись на 13,1% по сравнению с предыдущим годом. Доля ИТ-преступлений от общего числа зарегистрированных преступлений за этот период выросла с 25,8% в 2021 году до 40% в 2024 году.

Согласно данным МВД, наибольшую часть преступлений составляют деяния, совершённые через интернет, а также с использованием мобильной связи. Только в 2024 году было зафиксировано свыше 649 тысяч интернет-преступлений и 346 тысяч преступлений, связанных с мобильными устройствами. Это подтверждает, что цифровая среда становится основной сферой проявления правового нигилизма и площадкой для криминальных практик.

Динамика числа киберпреступлений в 2021–2024 гг. отражена на графике (рис. 1), демонстрирующем стремительный рост масштабов проблемы.

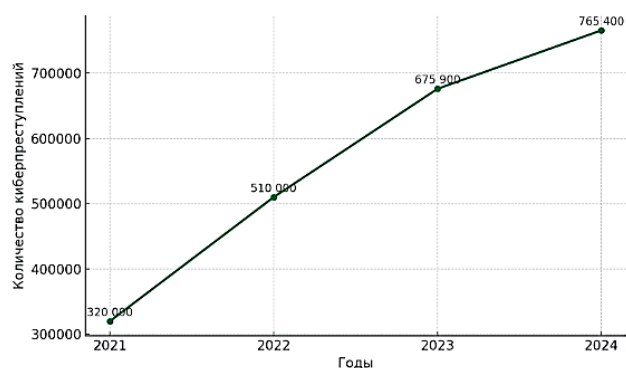

Рис. 1. Динамика преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России (2021–2024 гг.)

Причины распространения правового нигилизма многоплановы. Среди них называются несовершенство законодательства и правоприменения, избыточная декларативность норм, низкий уровень доверия к институтам власти, а также исторически укоренившееся недоверие к государству [3; 4]. В условиях цифровизации эти факторы усиливаются: доступность информации о правонарушениях и спорных ситуациях в сфере управления формирует у части общества ощущение недостаточной эффективности правовых механизмов [8]. Дополнительным источником становится противоречие между стремительным развитием технологий и медленным реагированием права, что порождает правовые лакуны и укрепляет ощущение формальности норм.

Нельзя не учитывать и глобальный контекст. Влияние процессов глобализации и транснационального обмена информацией приводит к тому, что национальные правовые системы утрачивают прежнюю роль универсальных регуляторов. Усиление надгосударственных структур, приоритет международных установлений и правовых норм, не всегда учитывающих национальные особенности, способствует росту отчуждения общества от права [3]. В этих условиях формируется особый вид нигилизма, связанный с ощущением утраты государством контроля над правовой сферой.

Исследователи отмечают, что правовой нигилизм в цифровую эпоху становится не только проблемой сознания, но и фактором социальной практики. Его последствия проявляются в росте киберпреступности, экстремистских настроений в сети, снижении эффективности правового регулирования и общей эрозии правовой культуры [2; 9]. В совокупности это превращает правовой нигилизм в одну из ключевых угроз устойчивости правопорядка и государственности в XXI веке.

Современная цифровизация общества усилила проявления правового нигилизма, придав им новые формы и каналы распространения. Интернет-

пространство стало площадкой, где массовое сознание испытывает давление как позитивных, так и деструктивных тенденций. Цифровые технологии, облегчая доступ к информации, одновременно стимулируют рост недоверия к государственным институтам и правовым нормам. Согласно исследованиям, развитие виртуальной среды создает условия для искажения восприятия права и формирования у значительной части населения устойчивого скепсиса в отношении его регулятивных возможностей [5; 7].

Особое внимание исследователей привлекает процесс трансформации правосознания в условиях цифровизации. Виртуальная реальность порождает новые виды социальных и правовых взаимодействий, в которых формальные правовые механизмы отстают от фактических потребностей граждан. Наблюдается рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В 2020 году в России было зарегистрировано свыше двух миллионов преступлений, из которых более 268 тысяч связаны с ИТ-сферой; к маю 2021 года уже было зафиксировано почти 340 тысяч подобных деяний [6]. Эти данные отражают не только рост киберпреступности, но и кризис доверия к действующему законодательству, что подтверждает укоренение цифровых форм правового нигилизма [3; 6].

Правовой нигилизм в цифровой среде проявляется в нескольких плоскостях. Первая – бытовой уровень, связанный с массовым незнанием цифровых прав и обязанностей. Многие пользователи интернета пренебрегают требованиями безопасности, не владеют правовыми механизмами защиты персональных данных, что формирует установку на бесполезность права в цифровом пространстве [6; 7]. Вторая – протестный уровень, выражающийся в распространении в сети экстремистской и радикальной идеологии. Социальные сети и мессенджеры становятся платформой для манипуляций, пропаганды и вербовки, что способствует формированию нигилистического отношения к государственному правопорядку [8]. Третья плоскость – философский нигилизм, связанный с восприятием права как неэффективного инструмента регулирования в условиях глобализации и транснационального влияния. Ослабление роли национальных законодательств при одновременном росте влияния надгосударственных норм приводит к тому, что часть общества начинает воспринимать право, как условность [1; 5].

Существенный вклад в укрепление нигилистических установок вносит несовершенство законодательной базы. Несогласованность и декларативность правовых норм, а также низкая правовая культура общества приводят к обесцениванию закона. Исследователи отмечают, что массовое восприятие права как «отчужденного» явления формирует ощущение его ненужности в повседневной жизни, что в свою очередь порождает правовой нигилизм [6; 9].

В цифровую эпоху нарастают угрозы, связанные с разрывом между традиционными институтами права и новыми общественными процессами. Развитие искусственного интеллекта, больших данных, роботизации и других технологий формирует правовые вакуумы, которые активно используются для обхода закона. В этой связи деформация правосознания становится особенно заметной у молодежи, которая усваивает правовые установки преимущественно через цифровые каналы коммуникации. Исследования показывают, что критическое мышление и способность отличать достоверную информацию от манипулятивной выражены далеко не у всех, что повышает восприимчивость к нигилистическим установкам [6; 7].

Возрастающая сложность цифрового мира делает необходимым формирование новых форм правовой социализации, в противном случае угроза правовому порядку будет только усиливаться. Правовой нигилизм перестает быть локальной проблемой и приобретает характер глобального вызова для государственности, что подтверждается ростом масштабов его проявления в цифровом обществе [5; 8].

Современные вызовы, связанные с распространением правового нигилизма, требуют формирования комплексной системы его преодоления. Одним из ключевых направлений выступает укрепление конституционно-правовых основ государства. Конституция остается главным источником легитимности и доверия к праву, и именно её нормы способны формировать устойчивые ориентиры правового сознания граждан. Исследователи подчеркивают, что конституционный нигилизм представляет наиболее опасную форму данного явления, поскольку он подрывает саму основу государственности и легитимность власти [4; 7]. В этой связи приоритетными мерами становятся развитие конституционного правосознания и укрепление механизмов реализации основополагающих принципов правового государства.

Не менее значимым является совершенствование правотворчества и правоприменительной практики. Массовая декларативность норм, противоречия законодательства и пробелы в регулировании усиливают скепсис в отношении права и способствуют укоренению нигилистических установок [8]. Отсутствие четких и прозрачных процедур реализации прав нередко вызывает у граждан убеждение в формальности правового регулирования. Эффективное устранение данных факторов возможно лишь при условии соблюдения требований юридической техники, унификации правовых норм и повышения качества законов.

Особое внимание уделяется сфере правового воспитания и просвещения. Низкий уровень правовой и цифровой грамотности усиливает восприятие права как абстрактного и ненужного института. В этих условиях ключевым становится внедрение программ, направленных на формирование у молодежи устойчивого представления о ценности права и его связи с цифровой безопасностью. Ис-

следователи отмечают, что образовательные инициативы, включающие изучение цифровой гигиены, норм интернет-этики и механизмов правовой защиты, способны существенно снизить уровень нигилизма в цифровой среде [1; 2]. Эффективность подобных программ возрастает при их интеграции в школьное и университетское образование, а также при использовании онлайн-платформ, ориентированных на широкую аудиторию, что наглядно отражено в таблице 1.

Таблица 1. Основные направления преодоления правового нигилизма в цифровую эпоху

Направление	Меры реализации	Ожидаемый эффект
Правовое воспитание	Внедрение программ по изучению основ права и цифровой гигиены в школьное и вузовское образование	Формирование устойчивого представления о ценности права у молодежи
Цифровая грамотность	Создание онлайн-курсов и обучающих платформ по интернет-этике и защите данных	Снижение правового нигилизма в цифровой среде
Общественное просвещение	Проведение просветительских кампаний и семинаров в СМИ и социальных сетях	Расширение знаний о правовых механизмах среди широких слоев населения
Международное сотрудничество	Адаптация лучших зарубежных практик и интеграция международных стандартов	Повышение эффективности борьбы с киберугрозами
Государственная политика	Совершенствование законодательства и развитие цифровых прав	Укрепление доверия к правовым институтам

Значительный вклад в формирование позитивного правосознания может внести государство посредством информационной политики. Средства массовой информации и интернет-платформы должны использоваться не только как пространство коммуникации, но и как инструмент просвещения. Сегодня именно цифровая среда формирует массовое восприятие правовой действительности, а значит, активное распространение правовых знаний, противодействие дезинформации и продвижение ценностей верховенства права в сетевом пространстве становятся стратегической задачей.

Нельзя обойти вниманием и международный аспект. Процессы глобализации и транснационального обмена информацией требуют гармонизации правовых стандартов и выработки единых подходов к регулированию цифрового пространства. Сохранение национального суверенитета и правовой идентичности возможно только при активном участии в международных инициативах, направленных на обеспечение информационной безопасности и защиту прав человека в цифровой среде [1; 8]. Одновременно с этим развитие сотрудничества с надгосударственными структурами позволяет

выработать механизмы борьбы с транснациональными формами правового нигилизма, включая экстремизм и киберпреступность.

Преодоление правового нигилизма в условиях цифровизации невозможно без комплексного подхода, включающего конституционно-правовые меры, повышение качества законодательства, развитие правового образования и международное сотрудничество. Только сочетание этих элементов способно сформировать устойчивую правовую культуру, способную противостоять вызовам цифровой эпохи [5; 7; 9].

Проведённое исследование подтвердило, что правовой нигилизм в условиях цифровизации общества выступает фактором, подрывающим основы правопорядка и государственности. Его распространение в цифровой среде усиливается не только низкой правовой культурой населения, но и структурными проблемами законодательства, а также несоответствием между темпами технологического прогресса и скоростью правового регулирования.

Определено, что ключевую опасность представляет конституционный нигилизм, так как именно он затрагивает фундаментальные правовые ценности и подрывает доверие к государственным институтам. Нарастание этого явления в условиях цифровизации свидетельствует о необходимости укрепления конституционно-правовых основ как ядра всей системы противодействия нигилистическим установкам.

Установлено, что цифровизация трансформировала формы правового нигилизма, превратив интернет в пространство тиражирования антиправовых идей и экстремистских практик. Статистика преступлений в информационно-коммуникационной сфере показывает закрепление деструктивных моделей поведения в массовом сознании, что указывает на необходимость целенаправленного регулирования и профилактики в сетевой среде.

Выявлено, что преодоление правового нигилизма возможно лишь при комплексном подходе, включающем совершенствование законодательства, повышение качества юридической техники, развитие правового и цифрового просвещения, формирование правосознания нового уровня и укрепление международного сотрудничества.

Сделан вывод, что эффективная стратегия противодействия правовому нигилизму в цифровую эпоху должна объединять усилия государства, образовательных институтов и гражданского общества. Только при этом условии возможно сохранение устойчивого правопорядка и укрепление государственности в условиях стремительных технологических преобразований.

Литература

- Алтунин, А.Е. Государство и право в условиях глобализации / А.Е. Алтунин // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы:

- сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI-ого круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России», Курск, 26 марта 2021 года. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 70–74. – EDN SEKKJC.
2. Афанасьева, С. А. О правах человека в условиях цифровизации / С.А. Афанасьева // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 21 апреля 2022 года / Под общей редакцией Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. – С. 12–16. – EDN YGAUZZ.
 3. Бровкина, А.А. Трансформация правосознания в условиях цифровизации общества / А.А. Бровкина // Международный форум молодых ученых: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 декабря 2021 года. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 33–42. – EDN NHEYND.
 4. Драбина, Т.В. Актуальные проблемы конституционно-правового механизма преодоления правового нигилизма в Российской Федерации в условиях цифровизации / Т.В. Драбина // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 марта 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 156–161. – EDN WB-ZFQY.
 5. Кутовой, Р.В. Правовой нигилизм в информационном обществе / Р.В. Кутовой // Проблемы права: теория и практика. – 2021. – № 54. – С. 186–194. – EDN GPGBZR.
 6. Право, общество, государство: проблемы теории и истории: Сборник материалов Международной студенческой научной конференции, Москва, 27–28 апреля 2018 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – 550 с. – ISBN 978-5-209-08668-0. – EDN UVQZAQ.
 7. Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Том 3. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2018. – 184 с. – ISBN 978-5-6040755-3-1. – EDN XVZLOH.
 8. Райз, Д.А. Правовой нигилизм: особенности проявления и опасность для государства / Д.А. Райз // Наука, общество, образование в условиях цифровизации и глобальных изменений: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 июня 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 148–149. – EDN DVYREL.
 9. Юридическая деятельность в условиях цифровизации: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 23 марта 2021 года / Под редакцией Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – 656 с. – ISBN 978-5-907438-81-1. – EDN FJOXSP.
 10. Янчуревич, К.В. Противодействие развитию правового нигилизма и проявлению его форм в сети Интернет как основа формирования личности с высоким уровнем правовой и цифровой грамотности / К.В. Янчуревич, Т.А. Масюк // Инновационные научные исследования 2022: право и экономика: сборник материалов VIII международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2022 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2022. – С. 201–204. – EDN UOLPOK.

LEGAL NIHILISM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY: CHALLENGES FOR LAW AND STATEHOOD

Dadashev A.A.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the phenomenon of legal nihilism as a threat to the stability of law and statehood in the context of digitalization. It is shown that the transformation of legal consciousness under the influence of information and communication technologies leads to new forms of nihilism, including online and cyber nihilism. The study highlights the increase in cybercrime and the decline of public trust in state institutions. Special attention is given to constitutional nihilism, which undermines the legitimacy of law and the foundations of statehood. Measures to overcome this phenomenon are proposed: improvement of legislation, development of legal and digital literacy, strengthening of legal culture, and the formation of new constitutional legal consciousness. The need for international cooperation to counter transnational threats and extremist practices online is emphasized. The conclusion states that a comprehensive approach is the key to reducing legal nihilism and consolidating the rule of law in the digital age.

Keywords: legal nihilism, digitalization, legal consciousness, statehood, constitutional nihilism, law and order.

References

1. Altunin, A.E. State and Law in the Context of Globalization / A.E. Altunin // Evolution of the State and Law: Problems and Prospects: Collection of Scientific Papers of the 3rd International Scientific Conference with the Inclusion of Materials of the XI Round Table "Values and Norms of Legal Culture in Russia", Kursk, March 26, 2021. Volume 2. – Kursk: South-West State University, 2021. – Pp. 70–74. – EDN SEKKJC.
2. Afanasyeva, S.A. On Human Rights in the Context of Digitalization / S.A. Afanasyeva // Problems of Realizing the Rights of Man and Citizen in the Context of Modern Social Transformations: Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor F.M. Rudinsky, Moscow, April 21, 2022 / Generally edited by D.A. Pashent-

- sev, N.M. Ladhushkina. – Saratov: Saratov Source Publishing House, 2022. – Pp. 12–16. – EDN YGAUUZ.
3. Brovkina, A.A. Transformation of Legal Awareness in the Context of Digitalization of Society / A.A. Brovkina // International Forum of Young Scientists: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 1–2, 2021. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – Pp. 33–42. – EDN NHEYND.
 4. Drabina, T.V. Actual Problems of the Constitutional and Legal Mechanism for Overcoming Legal Nihilism in the Russian Federation in the Context of Digitalization / T.V. Drabina // Legal Activity in the Context of Digitalization: Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference, Simferopol, March 23, 2021 / Edited by E.V. Evsikova, V.S. Tikhomaeva. – Simferopol: Limited Liability Company “Izdatelstvo Tipografiya “Arial”, 2021. – Pp. 156–161. – EDN WB-ZFQY.
 5. Kutovoy, R.V. Legal nihilism in the information society / R.V. Kutovoy // Problems of law: theory and practice. – 2021. – No. 54. – Pp. 186–194. – EDN GPGBZR.
 6. Law, society, state: problems of theory and history: Collection of materials from the International student scientific conference, Moscow, April 27–28, 2018. – Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), 2018. – 550 p. – ISBN 978-5-209-08668-0. – EDN UVQZAQ.
 7. Law. Society. State: Collection of scientific papers of students and postgraduates. Volume 3. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)”, 2018. – 184 p. – ISBN 978-5-6040755-3-1. – EDN XVZLOH.
 8. Raiz, D.A. Legal nihilism: features of manifestation and danger for the state / D.A. Raiz // Science, society, education in the conditions of digitalization and global changes: collection of articles from the II International scientific and practical conference, Penza, June 12, 2022. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – P. 148–149. – EDN DVYREL.
 9. Legal Activity in the Context of Digitalization: A Collection of Articles Based on the Results of the International Scientific and Practical Conference, Simferopol, March 23, 2021 / Edited by E.V. Evsikova, V.S. Tikhomaeva. – Simferopol: Limited Liability Company “Arial Publishing House Printing House”, 2021. – 656 p. – ISBN 978-5-907438-81-1. – EDN FJOXSP.
 10. Yanchurevich, K.V. Counteracting the development of legal nihilism and the manifestation of its forms on the Internet as a basis for the formation of a personality with a high level of legal and digital literacy / K.V. Yanchurevich, T.A. Masyuk // Innovative scientific research 2022: law and economics: collection of materials from the VIII international in-person and correspondence scientific and practical conference, Moscow, November 25, 2022. – Moscow: Scientific Publishing Center “Empire”, 2022. – P. 201–204. – EDN UOLPOK.

Роль в формировании представительных органов власти представителей дворянства и отдельных личностей

Дворжецкая-Львова Светлана Петровна,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сочинский государственный университет» (ФГБОУ ВО «СГУ»)
E-mail: university@sutr.ru

В данной статье проводится комплексный анализ роли, которую играли представители дворянского сословия и отдельные выдающиеся личности в процессе формирования и деятельности представительных органов власти в России XVIII столетия. Исследование охватывает ключевые периоды правления монархов от Петра Первого до Павла Первого, включая Екатерину Вторую, Анну Иоанновну, Анну Леопольдовну, Елизавету Петровну и Петра Третьего (также Петр Второй). В работе подробно рассматривается, как изменялось влияние аристократических элит на государственное управление: от служилой бюрократии Петра Великого до усиления сословных привилегий при Екатерине Второй. Центральное внимание уделяется механизмам лоббирования интересов, борьбе за власть в высших органах и тому, как личность самодержца определяла степень участия дворянства в работе властных институтов.

Ключевые слова: представительные органы, формирование, представители дворянства, Россия.

Введение

Институт представительства выступает фундаментальным элементом правовой системы, существенно расширяющим потенциал субъекта права. Данный правовой механизм позволяет индивиду преодолевать ограничения своей физической природы и географической локации. Через него становится возможным активное участие в разнообразных правоотношениях. Субъект получает легальную возможность опосредованно создавать, модифицировать и прекращать свои права и юридические обязанности. Это обеспечивает высокую эффективность взаимодействия в правовом поле. Институт освобождает от обязательности личного присутствия в каждом юридически значимом процессе. Указанные обстоятельства обуславливают научную актуальность исследования генезиса сословного представительства и его трансформации в общенациональное.

Становление представительных органов в Российской империи на протяжении XVIII – начала XIX столетия являлось сложным и внутренне противоречивым историко-правовым процессом. В его рамках происходило диалектическое переплетение двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, неуклонно усиливалась централизация абсолютной монархической власти. С другой стороны, наблюдалось осторожное и ограниченное внедрение отдельных элементов сословного представительства. Важно подчеркнуть, что данный процесс в России имел принципиальные отличия от западноевропейского пути развития. В государствах Европы к указанному периоду уже сформировались устойчивые традиции парламентаризма и развитого местного самоуправления.

Российская модель развивалась в принципиально иных условиях жесткой административной иерархии, всецело подконтрольной верховной власти монарха. Формирующиеся представительные институты носили фрагментарный и утилитарный характер, будучи жестко привязанными к сословной структуре общества.

Актуальность обусловлена необходимостью выявления исторических предпосылок и конкретных механизмов становления представительных начал в специфических условиях абсолютистского режима. Важной исследовательской задачей является определение роли ключевых политических сил и отдельных сословий, в первую очередь дворянства, в данном процессе. Особого внимания заслуживает анализ личностного фактора, а именно влияния конкретных монархов, чьи властные реше-

ния непосредственным образом детерминировали допустимые рамки политической активности всех социальных групп.

Целью настоящего исследования выступает научная реконструкция процесса эволюции представительных органов власти в России в XVIII – начале XIX века.

Научной новизной является определение степени влияния монархов и дворянства на формирование данных институтов, а также последующая оценка их функциональной эффективности и специфического характера в сравнительной перспективе с западноевропейскими аналогами.

Методологическую основу работы составляет комплексный анализ нормативно-правовых актов, архивных материалов и современных историографических интерпретаций. Такой подход позволяет выявить системные закономерности и фундаментальные особенности становления уникальной российской модели представительства в эпоху абсолютизма.

Методы

Для достижения поставленной цели в исследовании был применен комплекс взаимодополняющих научных методов. Методологическая основа включала историко-догматический, сравнительно-правовой, институциональный и биографический подходы. Реализация исследовательской программы осуществлялась в рамках последовательных этапов работы.

На первоначальном этапе проводился сбор и систематизация широкого круга источников. Были изучены ключевые нормативные акты указанного исторического периода. Особое внимание уделялось анализу текстов статей, регламентировавших порядок формирования и функционирования органов местного управления. Исследовались правовые нормы, определявшие компетенцию выборных институтов.

Второй этап был посвящен анализу научной литературы. Проведен историографический обзор трудов ведущих историков и юристов. Это позволило интегрировать существующие научные интерпретации в контекст данного исследования.

Третий этап предполагал проведение биографического анализа. Изучалось правление ключевых монархов, чьи решения непосредственно влияли на развитие представительных институтов. Анализировалась политика Петра I, Екатерины II и Павла I. Рассматривались также периоды правления других монархов XVIII века. Целью было выявление персонального вклада каждой из правящих персон в эволюцию представительных начал.

Четвертый этап заключался в институциональном анализе. Исследовалась структура и полномочия различных представительных органов. Анализировались дворянские советы, городские думы, магистраты и ратуши. Особое внимание уделялось вопросам выборности данных институтов. Изучалась сословная принадлежность их участников. Важным аспектом анализа стало взаимодействие

этих органов с центральной властью. Оценивалась степень их реальной автономии в управленческой системе империи.

Методологической основой исследования стало понимание представительства как сложного социального и правового института. Признавалось, что его формирование происходило под влиянием множества факторов. На него воздействовала политическая воля верховной власти. Существенное влияние оказывала социальная структура общества. Важную роль играли конкретные исторические условия развития Российского государства.

Для обработки и интерпретации полученных данных использовался метод критического анализа источников. Этот метод позволил выявить существовавшие несоответствия. Устанавливался разрыв между формальными нормами, закрепленными в законодательстве, и реальной практикой управления. Такой подход обеспечил комплексность и достоверность проведенного исследования. Он позволил реконструировать процесс становления представительных институтов во всей его сложности и многогранности.

Результаты

Проведенное исследование позволяет констатировать, что генезис представительных институтов власти в России в XVIII – начале XIX века детерминировался двумя ключевыми факторами. Существенное влияние на этот процесс оказывала персональная политика правящих монархов. Не менее важную роль играла жесткая сословная структура российского общества.

Первые попытки институционализации элементов представительной системы были инициированы Петром I. Изданный им Указ от 10 марта 1702 года [1] ознаменовал начало создания дворянских советов при воеводах. Данные советы формировались через выборы из числа уездного дворянства. Их функциональное назначение заключалось в коллегиальном решении местных вопросов совместно с воеводской администрацией.

Законодатель особо подчеркивал административную самостоятельность этих органов. Без участия выборных дворянских представителей воеводы не обладали правом принимать окончательные решения по уездным делам. Это положение создавало определенный противовес единоличной власти коронных чиновников на местах.

Однако данный институт не смог получить устойчивого развития в политической системе Российской империи. В последующий период наблюдалась устойчивая тенденция к усилению централизации государственного управления. Дворянские советы постепенно утрачивали свое значение и вытеснялись иными формами административного устройства.

Следующим этапом стало учреждение магистратов и ратуш в соответствии с Генеральным регламентом 1720 года [2]. Эти органы представляли собой коллегиальные институты городского

управления. Формально их члены должны были избираться из числа наиболее уважаемых и состоятельных горожан.

Законодательство предъявляло строгие требования к кандидатам в члены магистратов. Они должны были принадлежать к категории первостатейных граждан. От них требовались добропорядочность, материальная обеспеченность и деловые качества. Однако на практике принцип выборности часто нарушался центральной властью.

Фактическое назначение кандидатов осуществлялось через царские указы или определения Сената. Дополнительным ограничением автономии являлось обязательное утверждение избранных членов Главным магистратом. Данная практика свидетельствует о существенном расхождении между формальными нормами и реальной управленческой практикой.

Учреждение магистратов отражало стремление власти создать упорядоченную систему городского управления. Однако их деятельность жестко контролировалась центральными государственными органами. Фактическая независимость этих коллегиальных органов оставалась крайне ограниченной.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о формальном характере многих выборных процедур того периода. Представительные органы создавались преимущественно как вспомогательные институты при администрации. Их реальная автономия в системе государственного управления была минимальной.

Развитие представительных институтов носило противоречивый и непоследовательный характер. Периоды некоторой либерализации управления сменялись усилением административного контроля. Сословный принцип формирования органов оставался доминирующим на протяжении всего изучаемого периода [10].

Таким образом, становление представительных начал в России происходило в уникальных исторических условиях. Этот процесс существенно отличался от западноевропейских моделей развития парламентаризма. Российская версия представительства формировалась в рамках жесткой иерархической системы под постоянным контролем верховной власти.

Проведенный анализ политического развития России в указанный период выявляет отсутствие существенных преобразований в сфере представительства при преемниках Петра I. Правление Петра II характеризовалось крайне непродолжительным временным промежутком, что объективно не позволило осуществить какие-либо системные изменения в управленческой структуре.

Эпоха Анны Иоанновны ознаменовалась усилением влияния иностранных деятелей на государственные дела. Феномен бироновщины сопровождался последовательным ослаблением роли сословных институтов. Власть становилась более персонализированной и менее зависимой от традиционных общественных структур [9].

Краткий период регентства Анны Леопольдовны не внес значимых новаций в политическую систему страны. Это время не оставило заметного следа в истории развития представительных учреждений. Правление Елизаветы Петровны, несмотря на ее воспитание в духе петровских преобразований, не привело к системным реформам местного самоуправления.

Основное внимание власти было сосредоточено на укреплении вертикали управления и централизации государственного аппарата. Крайне непродолжительное правление Петра III также не позволило реализовать какие-либо инициативы в области представительства. Лишь с восшествием на престол Екатерины II начался новый этап в развитии сословных институтов.

Политика императрицы была направлена на консолидацию различных социальных групп и легитимизацию собственной власти через расширение сословных привилегий. Особое внимание уделялось дворянству и городским обывателям. Апогеем этой политики стало принятие Городового положения 1785 года [3].

Этот фундаментальный документ установил новый порядок городского самоуправления. В нем впервые был четко прописан имущественный ценз для участия в выборах [8]. Законодательный акт учреждал двухуровневую систему городских представительных органов. Общая городская дума формировалась как широкое представительное собрание.

Шестигласная дума выступала в качестве постоянно действующего исполнительного органа. Представительство в думе охватывало шесть основных категорий городского населения. Такая структура обеспечивала определенный баланс интересов различных социальных групп. Законодатель особо подчеркивал обязательность исполнения решений думы местными магистратами [4].

Это положение формально закрепляло верховенство представительного органа в решении местных вопросов. Городская дума получала значительные полномочия в финансовой сфере. Она обладала правом формирования городской казны и утверждения бюджетных расходов. Важным аспектом стало законодательное закрепление взаимодействия думы с губернской администрацией.

Однако центральная власть сохраняла действенные механизмы контроля над деятельностью выборных органов. Губернаторы и казенные палаты наделялись правом отмены решений, противоречащих государственным интересам. Это создавало систему сдержек и противовесов в местном управлении.

Городовое положение 1785 года стало важным этапом в развитии российского представительства [3]. Оно создало правовые основы для деятельности городских сословных институтов. При этом сохранялся постоянный административный надзор за их работой. Данная модель отражала общую тенденцию ограниченного представительства в условиях абсолютизма.

Реформы Екатерины II демонстрируют сложный компромисс между сословными интересами и потребностями централизованного государства. С одной стороны, предоставлялись определенные права самоуправления, с другой – сохранялся действенный механизм государственного контроля. Этот дуализм стал характерной чертой российской модели представительства.

Правление Павла I ознаменовалось решительным поворотом к политике жесткой централизации государственного управления. Император отменил значительную часть положений «Городового положения» 1785 года, существенно усилил административный контроль губернаторов, ограничил принцип выборности и ликвидировал отдельные институты местного самоуправления [5]. Данные меры демонстрируют целенаправленный возврат к ортодоксальной абсолютистской модели управления, при которой любые формы автономии рассматривались как потенциальная угроза стабильности режима. Таким образом, представительные органы в Российской империи сохраняли сугубо подчиненный и декларативный характер. Их функционирование всецело детерминировалось интересами центральной власти и не предполагало реального перераспределения властных полномочий.

Обсуждение

Проведенное исследование демонстрирует, что развитие представительных институтов в России XVI–II – начала XIX века осуществлялось в условиях абсолютного доминирования монархической власти и не достигло уровня западноевропейских аналогов. В отличие от стран с развитыми парламентскими традициями, российские органы самоуправления носили сугубо вспомогательный характер и были лишены реальной автономии [7]. Сравнительный анализ подтверждает тезис П. Андреевски об «имитационном» характере отечественной модели представительства, формально копировавшей европейские институты при сохранении административного контроля. Научная новизна работы заключается в системном анализе эволюции этих институтов сквозь призму персональной политики монархов и выявлении ключевой роли дворянства. Исследование также выявляет зарождение буржуазных элементов через имущественный ценз, опережавшее формирование гражданского общества [6].

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что генезис представительных органов власти в России XVIII – начала XIX века детерминировался исключительно политической волей монархов и рамками сословной структуры. Петр I институционализировал первоначальные формы дворянского участия в управлении, однако созданные им органы не приобрели системного характера. Екатерина II осуществила системное оформление представи-

тельных начал через «Городовое положение», но сохранила жесткий административный контроль над их деятельностью. Правление Павла I ознаменовалось демонтажем значительной части этих институтов и возвратом к унитарной модели управления.

Дворянство выступало единственным социальным слоем, обладавшим политической субъектностью, однако его роль ограничивалась реализацией административных функций. Российская модель представительства носила сугубо утилитарный и сословно-ограниченный характер, что препятствовало формированию традиций демократического управления. Эта институциональная специфика обусловила запаздывающее развитие гражданского общества по сравнению с западноевропейскими странами. Исследование подтверждает, что в условиях абсолютизма представительные институты функционируют как механизм легитимации власти, а не канал реального участия в управлении.

Литература

1. Указ от 10.03.1702 г. «Об отмене в городах губных старост и сыщиков, и об определении в приказы дворян по выборам, в больших городах по четыре, а в малых по два дворянина, для заседания в приказных избах вместе с воеводами, и решения всяких дел по общим приговорам» // ПСЗ-1. – Т. 4. – № 1899.
2. Генеральный регламент от 27 февраля 1720 г. // Законодательные акты Петра 1. – С. 411–447.
3. Городовое положение (Жалованная грамота городам) от 21 апреля 1785 г. // Законодательство Екатерины 11. В 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2000. С. 77–177
4. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. – М., 1879.
5. Кошкидько В.Г. Формирование и функционирование представительной власти в России 1904–1907: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2000. – 46 с.
6. Крупейченко, М.А. Развитие идей народного представительства в политико-правовой мысли / М.А. Крупейченко // Право в современном белорусском обществе. – 2024. – № 19. – С. 96–106.
7. Подусовская, М.О. Эпоха «просвещённого абсолютизма» при Екатерине II / М.О. Подусовская, И.А. Коробецкий // Наука и производство Урала. – 2024. – Т. 20. – С. 164–166.
8. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2, Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М., 1985. 520 с.
9. Упоров, И.В. Развитие представительных органов в российской системе государственного управления на местном уровне (XVIII век) / И.В. Упоров // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110–7. – С. 231–234.

10. Чиркова, Е.С. Развитие института представительства от сословного до национального / Е.С. Чиркова // Актуальные вопросы публично-го права: Материалы XXIII Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 14–15 ноября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 1225–1235

THE ROLE OF REPRESENTATIVES OF THE NOBILITY AND INDIVIDUALS IN THE FORMATION OF REPRESENTATIVE AUTHORITIES

Dvorzhetskaya-Lvova S.P.
Sochi State University

This article provides a comprehensive analysis of the role played by representatives of the nobility and individual prominent personalities in the process of formation and activity of representative authorities in Russia of the XVIII century. The study covers key periods of the reign of monarchs from Peter the Great to Paul the First, including Catherine II, Anna Ioannovna, Anna Leopoldovna, Elizabeth Petrovna and Peter the Third (also Peter the Second). The work examines in detail how the influence of aristocratic elites on public administration changed: from the servile bureaucracy of Peter the Great to the strengthening of class privileges under Catherine II. Central attention is paid to the mechanisms of lobbying interests, the struggle for power in the highest authorities and how the personality of the autocrat determined the degree of participation of the nobility in the work of government institutions.

Keywords: representative bodies, formation, representatives of the nobility, Russia.

References

1. Decree of March 10, 1702, "On the abolition of labial elders and detectives in cities, and on the appointment of nobles to the prikazy by election, four in large cities, and two in small cities, for meetings in the prikazy izbas together with the governors, and the resolution of all cases by general verdicts" // PSZ-1. – Vol. 4. – No. 1899.
2. General Regulations of February 27, 1720 // Legislative Acts of Peter I. – Pp. 411–447.
3. City Regulations (Charter to the Cities) of April 21, 1785 // Legislation of Catherine II. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Legal Literature, 2000. Pp. 77–177
4. Belyaev I.D. Lectures on the History of Russian Legislation. – M., 1879.
5. Koshkidko V.G. Formation and Functioning of Representative Power in Russia 1904–1907: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Moscow, 2000. – 46 p.
6. Krupeychenko, M.A. Development of Ideas of Popular Representation in Political and Legal Thought / M.A. Krupeychenko // Law in Modern Belarusian Society. – 2024. – No. 19. – Pp. 96–106.
7. Podusovskaya, M.O. The Era of "Enlightened Absolutism" under Catherine II / M.O. Podusovskaya, I.A. Korobetsky // Science and Production of the Urals. – 2024. – Vol. 20. – Pp. 164–166.
8. Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries. In nine volumes. Vol. 2, Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / under the general editorship of O.I. Chistyakov. – M., 1985. 520 p.
9. Uporov, I.V. Development of representative bodies in the Russian system of public administration at the local level (18th century) / I.V. Uporov // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 110–7. – Pp. 231–234.
10. Chirkova, E.S. Development of the institution of representation from class to national / E.S. Chirkova // Current issues of public law: Materials of the XXXVII All-Russian scientific conference of students and young scientists, Ekaterinburg, November 14–15, 2024. – Ekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovleva, 2024. – P. 1225–1235

Историко-правовые особенности формирования финансово-экономической базы местного самоуправления в России

Дегтярев Алексей Владимирович,
специалист, ООО ЭПЦ «Бизнес-Консультант»
E-mail: b-kons@bk.ru

Обеспечение самостоятельности местного самоуправления (в финансово-экономическом контексте) является одним из ключевых вызовов в современной России. Невзирая на законодательно закрепленный принцип независимости, на практике муниципалитеты сталкиваются с хронической нехваткой собственных доходов – в сочетании с высокой зависимостью от межбюджетных трансфертов. В данной статье автор нацелен на анализ историко-правовых предпосылок формирования финансовой базы в характеризуемой области, выявление истоков сопутствующих проблемы. Цель – проследить эволюцию правовых норм и их практической реализации в отношении финансовых основ местного самоуправления, чтобы определить, почему декларируемый принцип не был достигнут ни в один из периодов российской истории. В статье обосновывается, что противоречие между юридически закрепленными полномочиями и отсутствием адекватного финобеспечения является системным; оно уходит корнями в дореволюционные и советские правовые традиции. Автор приходит к выводу, что без комплексного пересмотра подходов к формированию муниципальных бюджетов и налоговых полномочий, а не только формального закрепления норм, невозможно добиться реальной финансовой самостоятельности. Излагаемые материалы будут полезны специалистам в области конституционного и финансового права, исследователям государственного, муниципального управления, представителям органов власти, которые занимаются вопросами местного самоуправления.

Ключевые слова: бюджет, историко-правовой подход, местное самоуправление, муниципальные финансы, правовое регулирование, финансовая самостоятельность, финансово-экономическая база.

Введение

Проблема формирования финансово-экономической базы местного самоуправления представляет собой один из ключевых вопросов в теории и практике муниципального права. Самостоятельность в данном контексте служит весьма значимым условием для реальной децентрализации власти, обеспечения эффективности управления на местном уровне и, в конечном счёте, для реализации конституционных принципов народовластия. При отсутствии адекватной финансовой базы любое самоуправление рискует стать номинальным, утратив способность решать вопросы местного значения. Анализ исторического пути России в этой связи помогает выявить глубинные закономерности, противоречия, которые определяют современное положение дел.

Исследователи проявляли особо повышенный интерес к рассматриваемой проблеме в два исторических периода. Первый всплеск пришёлся на конец XIX – начало XX столетия, что было вызвано развитием земского и городского самоуправления, а также последующим формированием финансовой системы местных органов власти во времена НЭПа. Тогда большинство изысканий было сфокусировано на вопросах формирования доходной части бюджетов на местах и обеспечении их фискальной автономии. Второй этап возрождения интереса к теме сопряжён с началом 1990-х годов, когда в условиях конституционной реформы и перехода к рыночной экономике возникла насущная потребность в создании реальных механизмов финансовой самостоятельности муниципалитетов. Невзирая на закрепление в Конституции РФ 1993 года и в последующем законодательстве положения о местном самоуправлении как самостоятельном уровне публичной власти, эксперты признают, что действенная система до сих пор не сформирована.

В увязке с отмеченным выше очень важно рассмотреть эволюцию правовых норм, регулирующих финансовую основу самоуправления, и оценить, как они влияли на степень его фактической автономии.

Материалы и методы

Анализ источников, изученных при подготовке статьи, позволяет выявить ряд наиболее часто встречающихся подходов к раскрытию обсуждаемой темы.

Так, многие авторы, в том числе, А.Р. Еремин, В.В. Гришин [2], Н.В. Паршина, Н.К. Бурлаков [7] прослеживают эволюцию местного самоуправле-

ния от реформ Александра II до конституционных изменений 2020 года. Они показывают, как менялись законодательные основы, принципы, сама структура этого института, что помогает понять особенности его современного состояния (в причинно-обусловленном контексте). В частности, И.В. Упоров [8] детально анализирует структурные нюансы и содержание НПА в различные исторические периоды, что является ценным вкладом в осмысление правовой преемственности и разрывов.

Другие исследователи, включая Н.П. Носову, Д.Л. Савельева, О.В. Алиеву [6], сосредоточены на конституционно-правовом аспекте, рассматривая роль Конституции РФ в модернизации характеризуемого института. Они анализируют, как конституционные нормы определяют его правовой статус и принципы функционирования, в том числе, и в финансовой сфере.

Авторы, посвятившие свои труды финансово-экономической базе (Е.С. Визичканич и Р.В. Шагошев [1], Т.В. Файберг и Д.Ю. Багинова [9]), используют финансово-правовой подход. Они исследуют правовое обеспечение принципа финансовой самостоятельности, выявляют ключевые проблемы (недостаточность собственных доходов, высокая зависимость от вышестоящих бюджетов и т.д.). И.В. Игнатьева и А.В. Прудников [4] рассматривают реформирование системы местного самоуправления через призму нормативно-правового и финансового регулирования, что предоставляет возможность комплексно оценить взаимодействие законодательства и финобеспечения.

Некоторые публикации, к примеру, А.Н. Чертова [10], отражают социо-правовой подход – проблемы рассматриваются с позиции местного сообщества, его участия в управлении. Подобный исследовательский вектор позволяет выйти за рамки формального юридического анализа и понять, как правовые нормы реализуются в практической плоскости и насколько они соответствуют интересам граждан. Аналогично, Э.Л. Ковров, В.Л. Кукушкин, А.Е. Ухов [5] исследуют местное самоуправление как основу демократии, что расширяет границы исследования от узко-правовых до общественно-политических.

При обзоре литературы зафиксировано, что, несмотря на общее согласие в вопросах необходимости исторического и правового анализа, в изысканиях присутствуют определенные расхождения, пробелы. Например, одни авторы подчёркивают значимость конституционных реформ для укрепления местного самоуправления, другие указывают на сохраняющиеся проблемы и недостатки, особенно в сфере финансовой самостоятельности. Наличествуют различия в оценке фактической реализации принятых норм (формально правовая база может быть сильной, но на практике финансовая – остаётся слабой).

Что касается недостаточно освещённых вопросов, то в изученных работах превалирует анализ общих правовых и финансовых вопросов. Однако почти не затрагиваются конкретные механизмы

и последствия децентрализации, к примеру, влияние различных моделей межбюджетных трансфертов на развитие отдельных муниципалитетов.

Для раскрытия темы при написании данной статьи использованы следующие методы: ретроспективный, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правового анализа, синтеза, обобщения.

Результаты и обсуждение

Эпоха Великих реформ Александра II стала временем кардинальных преобразований, в том числе, и в сфере местного управления. С утверждением императором 1 января 1864 года «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» в губерниях и уездах Европейской России было создано всесословное местное самоуправление. Выборы в земские органы, где участвовали все владельцы недвижимости, в том числе, крестьяне, позволили сформировать представительные органы, в которых главенствующую роль часто играли помещики, которые обладали образованием, управленческим опытом.

Ключевым аспектом характеризуемых реформаторских преобразований стало предоставление этим органам права на финансовую самостоятельность, которая достигалась, в частности, за счет введения собственных налогов, сборов. Фискальные полномочия земств давали возможность им осуществлять деятельность по решению вопросов местного значения. В их компетенцию входили столь жизненно важные сферы, как:

- начальное образование;
- народное здравоохранение;
- устройство и содержание местных дорог;
- страхование от огня и прочие меры общественного призрения.

На законодательном уровне была заложена идея о том, что земства сами, опираясь на имеющуюся у них материальную базу, обеспечивают нужды населения [1–3, 7].

Вместе с тем, детальное изучение реформы показывает, что задекларированная финансовая независимость имела существенные практические ограничения. Юридический акт, предоставляющий право на сбор средств, не стал достаточным условием для его действенной реализации в практической плоскости. «Земское положение» 1864 года, а также его более поздняя редакция 1890 года, не создали мелкой единицы, которая могла бы приблизить органы самоуправления к населению, а также обеспечить адресность помощи. Это ставило земства в затруднительное положение, особенно в вопросах организации общественного призрения в крестьянских общинах. Итак, невзирая на формальную юридическую автономию, отсутствие низового структурного звена (подобия прихода) привело к тому, что органы земского самоуправления оказались оторваны от непосредственных нужд и самодеятельности населения.

Параллельно с описываемой реформой, в 1870 году было утверждено новое «Городовое по-

ложение», которое заменило прежние сословные думы всесословными городскими учреждениями – Городской думой и управой. На упомянутые органы возлагалась забота о хозяйстве, благоустройстве, строительстве больниц, школ, а также снабжении предметами первой необходимости. Финансовая основа нового самоуправления формировалась за счет сборов с недвижимости, доходов от эксплуатации городского имущества, отчислений из казны. Примечательной особенностью анализируемого положения была прямая связь между правом голоса и уплатой налогов. При этом все избиратели делились на три разряда: крупных, средних, мелких налогоплательщиков, каждый из которых избирал в Думу одинаковое число представителей. Характеризуемая система обеспечивала определенное уравнивание интересов, но, в то же время, ограничивала доступ к управлению для неимущих слоев населения [2, 4, 10].

Между тем, как и в случае с земствами, законодательное закрепление права на сбор средств имело свои ограничения. На городское управление были возложены «обязательные расходы», включая содержание полиции, пожарной охраны, тюрем, казарм. Как представляется, это создавало скрытое противоречие, поскольку государство, предоставляя право на сбор средств, одновременно устанавливало приоритетные и, по существу, принудительные направления их расходования. Это существенно сужало пространство для самостоятельных решений органов самоуправления – является историческим прообразом современной проблемы «необеспеченных мандатов» – делегирования полномочий без адекватного финансового обеспечения.

После Октябрьской революции и установления советской власти концепция в анализируемой области претерпела кардинальные изменения. В рамках теории государственного права местные Советы рассматривались как представительные органы нового типа, которые, в соответствии с принципом демократического централизма, сочетали в своей деятельности принятие решений, их исполнение, контроль. Эта модель существенно отличалась от дореволюционной, поскольку местная власть перестала быть самостоятельным институтом, существующим параллельно с госвластью.

Единый Государственный бюджет СССР объединял союзный, государственные бюджеты союзных республик, а также местные. Данный подход исключал саму идею финансовой автономии.

Хотя законодательно местное (территориальное) самоуправление определялось как самоорганизация граждан, основывающаяся на материальной и финансовой базе, на практике она полностью контролировалась центральными органами власти [8]. В результате создавалась видимость самостоятельности, но по сути исключалась какая-либо действительная независимость и возможность принимать решения, не согласованные с центром.

Распад Советского Союза и принятие новой Конституции Российской Федерации в 1993 году ознаменовали собой возвращение к принципам децентрализации и местного самоуправления. В 1995 году был принят Федеральный закон № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот акт впервые в новейшей истории страны определил правовые, экономические, финансовые основы. Целая глава V включала статьи, детально регулирующие муниципальную собственность, местные бюджеты, налоги, дотации, займы, другие механизмы [5, 6, 9]. Принятие рассматриваемого закона стало революционным шагом, формально возродившим принципы финансовой автономии, которые существовали до 1917 года. Однако его вступление в силу совпало с глубочайшим экономическим кризисом 1990-х годов, что не позволило в полной мере реализовать заложенные в нём широкие полномочия. В итоге многие из них остались декларативными.

Для детализации финансовых основ был принят Федеральный закон от 25 сентября 1997 года № 126-ФЗ, который, хотя и утратил силу в 2009 году, сыграл важную роль в становлении новой системы. В нём детализировались источники собственных доходов местных бюджетов, включая доходы от эксплуатации муниципального имущества, приватизации, аренды, а также налоги и сборы на местах. На описываемом этапе межбюджетные трансферты уже стали играть заметную роль в структуре доходов, что предвещало будущую проблему фискальной зависимости.

С 2003 года основным нормативно-правовым актом, регулирующим местное самоуправление, является Федеральный закон № 131-ФЗ. Закреплено, что экономическая основа опирается на муниципальную собственность, местные бюджеты, и регулируется порядок формирования доходов, в том числе, местные налоги, межбюджетные трансферты (таблица 1).

Таблица 1. Систематизация этапов формирования финансово-экономической базы местного самоуправления в России (составлено автором)

Период	Хронология	Основные характеристики
Дореволюционный	До 1917 г.	Финансовая база формировалась из местных сборов и налогов (главным образом, на недвижимость, промыслы) и дотаций из государственного бюджета. Основными распорядителями средств были земства, городские думы.
Советский	1917–1991 гг.	Рассматриваемая база утратила самостоятельность. Местные бюджеты стали частью единой государственной бюджетной системы. Управление финансами и распределение средств осуществлялось централизованно из Москвы.

Период	Хронология	Основные характеристики
Переходный	1991–2003 гг.	Началось формирование двухуровневой бюджетной системы (федеральный и местный уровни). Основными источниками доходов стали налоговые поступления (часть федеральных налогов) и безвозмездные перечисления (дотации, субвенции, субсидии). В характеризуемый период были приняты законы, закрепившие право муниципальных образований на собственность, финансовую самостоятельность.
Современный	2003 г. – настоящее время	Вступил в силу Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где четко разграничены полномочия и расходные обязательства между уровнями власти. Основными источниками доходов стали собственные доходы (местные налоги, сборы, доходы от использования муниципального имущества) и финансовая помощь из вышестоящих бюджетов.

Одной из главных проблем, которая проявляется в современной России, является финансовая необеспеченность, на что обращают внимание, например, Э.Л. Ковров, В.Л. Кукушкин, А.Е. Ухов. Она выражается в очевидном несоответствии доходной базы местных бюджетов объему возложенных на них расходных обязательств. Указанный дисбаланс усугубляется практикой делегирования государственных полномочий без адекватного финансового обеспечения [5].

Фискальная зависимость ограничивает возможности муниципалитетов самостоятельно решать вопросы местного значения. Это искажает саму суть самоуправления и, как следствие, отдаляет органы власти от населения. Сопоставление современного положения с историческими периодами даёт возможность резюмировать: российская модель формирования финансово-экономической базы в анализируемой области на протяжении веков тяготела к централизации. Дореволюционные реформы, современные законы, хотя и провозглашали принципы автономии, на практике ограничивались организационными недостатками (земства), подрывались обязательными расходами (Городовые положения) либо искажались структурным дисбалансом доходов (современность).

Заключение

Историко-правовой анализ формирования финансово-экономической базы местного самоуправления в России помогает выделить повторяющуюся на протяжении столетий закономерность – напряжение между декларируемой автономией и фактической централизацией. В пореформенную эпоху был заложен юридический «фундамент» финансовой самостоятельности, но реализация на практике столкнулась с организационными барьерами. В советский период автономия была полностью нивелирована на концептуальном уровне, поскольку местные бюджеты стали лишь составной частью единой централизованной системы.

Современный этап, невзирая на конституционные гарантии в сочетании с наличием законодательно закрепленных собственных источников доходов, характеризуется преобладанием межбюджетных трансфертов, что приводит к критической фискальной зависимости муниципалитетов. Ука-

занный дисбаланс, в свою очередь, является одним из серьёзных препятствий для полноценного развития местного самоуправления, воплощения в жизнь его потенциала как наиболее приближенного к населению уровня публичной власти.

Таким образом, необходимо пересмотреть подходы к формированию финансовой основы. По мнению автора, это должно включать как совершенствование механизмов межбюджетных отношений, так и, что более важно, укрепление собственной доходной базы муниципалитетов. Предложения по реформированию целесообразно ориентировать на создание условий, при которых органы местного самоуправления будут заинтересованы в эффективном управлении муниципальным имуществом. Именно так реально обеспечить действительную финансовую самостоятельность, которая позволит в полной мере соответствовать конституционному предназначению – быть надежным «фундаментом» для решения вопросов, исходящих из интересов населения.

Литература

1. Визичканич Е.С., Шхагошев Р.В. Правовое обеспечение принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления в Российской Федерации // Совершенствование и развитие социально-экономических систем в современной России: сборник научных статей. – Ульяновск: 2024. – С. 133–136.
2. Еремин А.Р., Гришин В.В. Историко-правовые вопросы развития местного самоуправления в России // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 2. – С. 88–95.
3. Жамкочян А.Х. О местном самоуправлении в России: историко-правовой аспект // Закон и право. – 2023. – № 9. – С. 41–43.
4. Игнатьева И.В., Прудников А.В. Реформирование системы местного самоуправления: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 663–666.
5. Ковров Э.Л., Кукушкин В.Л., Ухов А.Е. Местное самоуправление в России как основа демократии: проблемы правовой теории и практики // История и современность. – 2020. – № 1 (35). – С. 45–65.

6. Носова Н.П., Савельев Д.Л., Алиева О.В. Конституционная модернизация института местного самоуправления в Российской Федерации (историко-правовой аспект) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8. – № 3 (31). – С. 58–75.
7. Паршина Н.В., Бурлаков Н.К. Эволюция местного самоуправления в России: от «великих реформ» Александра II к конституционной реформе 2020 г. // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: 2021. – С. 172–176.
8. Упоров И.В. Структура и содержание законов о местном самоуправлении в СССР, РСФСР, Российской Федерации: краткий историко-правовой обзор // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 115–9. – С. 118–124.
9. Файберг Т.В., Багинова Д.Ю. Проблемы финансового обеспечения местного самоуправления в России // Global and Regional Research. – 2024. – Т. 6. – № 1. – С. 22–28.
10. Чертков А.Н. Местное самоуправление в России с позиции местного сообщества: историко-правовой взгляд на современные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 8. – С. 37–41.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF FORMING THE FINANCIAL AND ECONOMIC BASIS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Degtyarev A.V.

Business Consultant, LLC

Ensuring the independence of local self-government in a financial and economic context is one of the key challenges in modern Russia. Despite the principle of independence being legally enshrined, municipalities in practice face a chronic shortage of their own revenues, combined with a high dependence on inter-budgetary transfers. In this article, the author aims to analyze the historical and legal prerequisites for the formation of the financial basis in this field, identifying the origins of the associated problems. The goal is to trace the evolution of legal norms and their practical implementation regarding the financial foundations of local self-government, to determine why this declared principle has not been achieved during any period of Russian history. The article argues that the contradiction

between legally established powers and the lack of adequate financial provision is systemic; it is rooted in pre-revolutionary and Soviet legal traditions. The author concludes that without a comprehensive review of approaches to forming municipal budgets and tax powers—not just formally enshrining norms—it is impossible to achieve true financial autonomy. The presented materials will be useful for specialists in constitutional and financial law, researchers of state and municipal administration, and government officials working on issues of local self-government.

Keywords: budget, financial and economic basis, financial autonomy, historical and legal approach, local self-government, municipal finance, legal regulation.

References

1. Vizichkanich E.S., Shkhagoshev R.V. Legal Support for the Principle of Financial Autonomy of Local Self-Government in the Russian Federation // Improvement and Development of Socio-Economic Systems in Modern Russia: Collection of Scientific Articles. – Ulyanovsk: 2024. – Pp. 133–136.
2. Eremin A.R., Grishin V.V. Historical and Legal Issues of Local Self-Government Development in Russia // Social and Political Sciences. – 2021. – Vol. 11. – No. 2. – Pp. 88–95.
3. Zhamkochyan A. Kh. On Local Self-Government in Russia: Historical and Legal Aspects // Law and Law. – 2023. – No. 9. – Pp. 41–43.
4. Ignatieva I.V., Prudnikov A.V. Reforming the Local Self-Government System: Normative and Legal Issues, Financial Support, and Regulation // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 663–666.
5. Kovrov E.L., Kukushkin V.L., Ukhov A.E. Local Self-Government in Russia as the Foundation of Democracy: Problems of Legal Theory and Practice // History and Modernity. – 2020. – No. 1 (35). – Pp. 45–65.
6. Nosova N.P., Savelyev D.L., Alieva O.V. Constitutional Modernization of the Institute of Local Self-Government in the Russian Federation (Historical and Legal Aspect) // Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic, and Legal Research. – 2022. – Vol. 8. – No. 3 (31). – Pp. 58–75.
7. Parshina N.V., Burlakov N.K. The Evolution of Local Self-Government in Russia: From Alexander II's "Great Reforms" to the 2020 Constitutional Reform // The Life of Law: Legal Theory, Legal Tradition, and Legal Reality. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference. – Krasnodar: 2021. – Pp. 172–176.
8. Uporov I.V. Structure and Content of Laws on Local Self-Government in the USSR, RSFSR, and the Russian Federation: A Brief Historical and Legal Overview // Trends in Science and Education. – 2024. – No. 115–9. – P. 118–124.
9. Faiberg T.V., Baginova D. Yu. Problems of financial support for local self-government in Russia // Global and Regional Research. – 2024. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 22–28.
10. Chertkov A.N. Local self-government in Russia from the perspective of the local community: a historical and legal view of current problems // State Power and Local Self-Government. – 2020. – No. 8. – Pp. 37–41.

К вопросу о юридической сущности процедуры пересмотра Конституции Российской Федерации

Добкин Андрей Геннадьевич,

аспирант кафедры Конституционного и муниципального права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: dobkin.andr@yandex.ru

Осавелюк А.М.,

доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается вопрос о юридической сущности процедуры пересмотра Конституции Российской Федерации. Автором рассматриваются и анализируются существующие подходы к отграничению пересмотра от иных процедур внесения изменений. Особое внимание уделяется ценностно-нормативному содержанию изменяемых исключительно в порядке пересмотра положений и принципов, а также критике концепции «надконституционных норм». Автором предлагается собственное определение понятия пересмотра Конституции Российской Федерации и делается вывод о политико-правовой сущности процедуры.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, пересмотр, пределы пересмотра, конституционные ценности, конституционные принципы, «надконституционные нормы».

За 32 года с момента принятия Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) в нее 5 раз вносились поправки и 17 раз вносились изменения в ст. 65. Это свидетельствует о высоких темпах ее динамического развития. В частности, об этом свидетельствуют «Поправки 2020» как прецедент внесения масштабных и существенных изменений (в т.ч. закрепляющих новые конституционные принципы и ценности без внесения изменений в положения, изменяемые исключительно в порядке пересмотра) в конституционный текст в рамках специально разработанной для данного случая процедуры принятия поправок.

Данное событие показывает, что сохраняется востребованность процедур внесения изменений в конституцию, в том числе и процедуры пересмотра, если не как действующего механизма, то как элемента сдерживания конституционных изменений, стабилизации ее ценностно-нормативного ядра.

Пересмотр является элементом диверсифицированной системы внесения изменений в Конституцию РФ (т.е. закреплена как один из способов внесения изменений непосредственно в ее текст). Попытки разработки и принятия Федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации», призванного, как следует из названия, урегулировать вопросы формирования и функционирования Конституционного Собрания предпринимаются с 1994 года [1] [2]. Соответственно, система способов внесения изменений в Конституцию РФ имеет незавершенный характер.

Данная проблема давно привлекает внимание отечественных ученых-конституционалистов. В частности, вопросам изменения Конституции и ее пересмотра посвящены научные работы С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, Н.В. Витрука, Е.В. Гриценко, В.Д. Зорькина, С.Д. Князева, В.В. Маклакова, К.В. Малофеева, А.Н. Медушевского, А.Н. Туманова, Т.Я. Хабриевой, В.Е. Чиркина, Д.Г. Шустрова, О.Е. Шишкину, Б.С. Эбзеева и многих других отечественных ученых-конституционалистов.

Однако на данный момент соответствующий нормативный правовой акт так и не принят, что свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

Для того, чтобы разработать оптимальную для отечественной действительности процедуру пересмотра Конституции, необходимо определить с его сущностью, то есть установить, что именно отличает ту часть Конституции, которая может

быть изменена лишь в порядке пересмотра, и каковы могут быть причины и последствия такого изменения.

Итак, основными инструментами воздействия на конституционный процесс являются: внесение текстуальных изменений в конституцию, официальное толкование ее текста, детализация ее положений в рамках иных нормативных и правоприменительных актов. Однако данные методы, как правило, ориентированы непосредственно на действующую Конституцию и, соответственно, оказывают воздействие лишь на конституционный процесс в узком смысле – в рамках и в пределах срока действия данной конституции.

В то же время, существует некий предел изменений, после прохождения которого конституция считается «новой». Так, например, в отечественной и зарубежной конституционно-правовой науке существует дискуссия относительно природы и преемственности Конституции Японии (1947 г.). Как отмечает М.И. Шевчук, «Японская Конституция формально стала результатом изменения прежнего Основного закона на основании инициативы императора; Вместе с тем в преамбуле нового Основопологающего документа было написано, что японский народ устанавливает настоящую Конституцию, т.е. власть установления Конституции принадлежит народу. Это означало, что народ обладает суверенитетом, но также и то, что такое положение противоречит одному из основополагающих принципов Конституции Мэйдзи; Следовательно, в результате изменений основных принципов прежнего Основного закона была рождена новая японская Конституция. Поэтому возник спор, продолжавшийся и поныне, о том, как интерпретировать отношения Конституций Мэйдзи и новой Конституцией» [3].

В свою очередь, многие «бессменные» конституции ряда государств, такие, как, например, Конституция Аргентины (1853 г.) и Конституция США (1878 г.), существующих достаточно долго и перенесших ряд существенных политических, экономических, культурных и иных изменений, представляют собой наглядную иллюстрацию парадокса Тесея в том смысле, что хотя формально и представляют собой «тот же» документ, фактически претерпели существенное количество изменений и на сегодняшний момент в большей степени отражают современные конституционно-правовые реалии, чем имевшиеся на момент их принятия.

В любом случае закономерным представляется то, что во многих конституционных правовых порядках изменения, в результате которых образуется «новая конституция», отграничиваются от более точечных и менее содержательных изменений конституционного текста, либо запрещаются частично или полностью.

Так, например, абз. 3 ст. 140 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что Разделы I (Основы конституционного строя), II (Личность, общество государство), IV (Президент, парламент, правительство, суд), VIII (Действие Конституции

Республики Беларусь и порядок ее изменения) Конституции могут быть изменены только путем референдума¹.

Конституция Эквадора похожим образом предусматривает, что изменение основной структуры или природы конституции, состава территории государства, ограничение прав и гарантий граждан или изменение процедуры внесения изменений в конституцию также может быть осуществлено исключительно в рамках референдума².

Статья 135 Конституции РФ предусматривает, что положения глав 1 (Основы конституционного строя), 2 (Права и свободы человека и гражданина) и 9 (Поправки и пересмотр) могут быть изменены только Конституционным Собранием Российской Федерации или посредством референдума³.

Статья 288 Конституции Португалии, именуемая непосредственно «материальные пределы пересмотра» закрепляет следующие институты, принципы и ценности, которые «Законы о пересмотре Конституции должны уважать»: «национальная независимость и единство государства»; «республиканская форма правления»; «отделение церкви от государства»; «права свободы и гарантии граждан»⁴.

А статья 139 Конституции Италии указывает следующее: «Республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра»⁵.

Как видно из вышеприведенных примеров, к «неизменяемым» или «изменяемым в более сложном порядке» могут быть отнесены различные положения Конституции или даже конкретные конституционные принципы, однако чаще всего это основы конституционного строя (или отдельные элементы основ конституционного строя, как в последних двух примерах), правовой статус личности и порядок внесения изменений в конституцию.

Самоочевидно, что положения о порядке внесения изменений не имели бы смысла, если бы могли меняться в том же порядке, который сами предусматривают для остального текста конституции. Однако по поводу остальных «неизменяемых положений» в отечественной юридической науке существует дискуссия.

Так, например, как отмечают Н.И. Грачев и А.А. Тихонов, «основы конституционного строя рассматриваются как общеправовые принци-

¹ <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>

² Constitución de la Republica del Ecuador 2008// https://www.oas.org/juridico/pdfs/mesicic4_ecu_const.pdf. Дата обращения: 08.04.2025.

³ Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, N 0001202210060013

⁴ Португалия [Текст]: Конституция и законодательные акты: [Сборник: Пер. с португ. / Сост. С. Ястржембский]; Под общ. ред. И.П. Ильинского; [Предисл. И. Ильинского, С. Ястржембского, с. 5–24]. – Москва: Прогресс, 1979. – 216 с.; 20 см.

⁵ Италия: Конституция и законодат. акты: [Пер. с итал.] / Под ред. В.А. Туманова; Вступ. ст. Т.А. Васильевой, Н.Ю. Попова [с. 13–28]. – Москва: Прогресс, 1988. – 391с.

пы, содержащие в себе базовые социально-нравственные ценности общества» [4].

Аналогичным образом Н.Е. Таева констатирует: «Ценностная логика присуща и содержанию глав Конституции РФ. При этом наибольшей «ценностной насыщенностью» обладают конституционные нормы-принципы. Так, в нормах-принципах Конституции РФ формализованы такие социальные ценности, как народовластие и народный суверенитет, гуманизм и признание верховенства права, связанность государства правом, социальная справедливость и социальное государство» [5].

Из вышеприведенных утверждений, по нашему мнению, следует, что существующая в Конституции иерархия правовых норм в определенной части является также отражением иерархии конституционных ценностей. Другими словами, основополагающий характер конституционных норм-принципов проявляется не только в их универсальном общем характере, но в их субъективном осмыслении в таком качестве как конституционно-правовых ценностей.

В то же время, несколько иную точку зрения предлагает С.В. Володина: «Конституционные ценности имеют собственную правовую сущность, несводимую к идее или установке, принципу или норме. Они являются выражением самоидентификации многонационального народа Российской Федерации, учреждающего конституционный строй, и в силу этого выступают конституционными ценностями в абсолютном значении данного термина; В таких конституционных ценностях, как Отечество, добро, справедливость, доверие, гражданский мир, согласие, проявляются устои и закрепляются правовые ориентиры развития общества и государства. В них содержится то, что признается многонациональным народом России в качестве «абсолютного и безусловного»; В конституционных ценностях находит отражение социальное и бытийное существование многонационального народа России на своей земле; Они обладают правовым свойством регулятивного воздействия на иные положения Конституции РФ, которые изложены в виде принципов, норм, презумпций и т.п. и являются основой для правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти» [6].

С данной точкой зрения мы согласиться не можем в той части, в которой конституционные ценности обладают «свойством регулятивного воздействия» на конституционные принципы и нормы. По нашему мнению, конституционными могут называться лишь непосредственно нормативно закрепленные в Конституции ценности. В большинстве своем они закреплены в гл. 1 Конституции.

Большинство отечественных ученых-конституционалистов сходятся во мнении, что преамбула не имеет нормативного содержания, однако служит объяснению причин принятия Конституции и выступает в качестве одного из источников ее доктринального толкования [7][8].

Закрепление тех или иных ценностей непосредственно в Конституции представляет собой не механическое перечисление индивидуальных ценностей, разделяемых большинством граждан Российской Федерации, а целенаправленную деятельность по систематизации социальных ценностей (а в случае необходимости – и формированию новых ценностей) в интересах общества как единого целого.

Соответственно, речь, по нашему мнению, должна идти не о конституционных ценностях, определяющих смысл и содержание конституционных принципов и норм, а о конституционных принципах, непосредственно закрепляющих или подразумевающих признание тех или иных социальных ценностей как конституционных. Другими словами, задача конституционного законодателя заключается в том, чтобы определить, как именно социальные ценности на данном этапе исторического развития являются наиболее значимыми и нуждаются в конституционном закреплении.

Однако некоторые авторы идут и дальше. Так, Д.Г. Шустров, отмечает следующее: «Надконституционные нормы могут иметь естественно-правовой или позитивный характер. Естественно-правовые надконституционные нормы носят этическую или политическую направленность, то есть не имеют свойств позитивных правовых норм; Если использовать другую классификацию, то надконституционные нормы могут иметь внутриконституционный характер и включаться в текст конституции, а также внешнеконституционный характер, находиться за пределами текста конституции и принадлежать естественному или международному праву» [9].

В данной трактовке считаем концепцию надконституционных норм несостоятельной.

С одной стороны, как нами уже было отмечено, термин «надконституционные конституционные нормы» содержит явное и самоочевидное противоречие. Как мы уже отмечали ранее, существует иерархия конституционных норм, на которую, в частности, указывает ч. 2 ст. 16 Конституции. В то же время наличие иерархии в рамках нормативного правового акта никак не выводит содержащиеся в нем правовые нормы за его пределы.

С другой стороны, «внеконституционные надконституционные нормы» представляют еще большую проблему. Так, если «естественно-правовые надконституционные нормы, которые, по мнению Д.Г. Шустрова, «носят этическую или политическую направленность, то есть не имеют свойств позитивных правовых норм», действительно «не имеют свойств позитивных правовых норм», то это именно потому, что они не находят непосредственного отражения в конституционном законодательстве. Другими словами, они не являются правовыми или, по крайней мере, конституционно-правовыми нормами с точки зрения российского права.

При этом автором также упоминаются «надконституционные нормы, принадлежащие международному праву». Данная формулировка противоречит положениям ч. 1, 2 и 4 ст. 15 Конституции.

ции, указывающим на высшую юридическую силу Конституции и место общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров в системе российского права.

Кроме того, концепция надконституционных норм сама по себе направлена «*contra constitutionem*», поскольку непосредственно противоречит положениям вышеупомянутой ч. 1 ст. 15 Конституции, то есть фактически отрицает ее верховенство и высшую юридическую силу.

Таким образом, Конституция Российской Федерации неоднородна как по своему содержанию, так и по юридической силе ее отдельных структурных элементов. Именно этим, по нашему мнению, обусловлено то, что конституционный законодатель не ограничивается указанием на конкретные принципы или ценности как правовые нормы, а устанавливает процедуры внесения изменений в Конституцию в зависимости от структурного элемента, в котором эти нормы содержатся. Другими словами, диверсифицированная система процедур внесения изменений в Конституции обусловлена содержательной и нормативной неоднородностью самой Конституции.

Положения ст. 135 гл. 9 Конституции в совокупности позволяют формально определить пересмотр как иницилируемую субъектами пересмотра Конституции (они же – субъекты внесения предложений о поправках) процедуру пересмотра положений гл. 1 и (или) 2 и (или) 9 Конституции, осуществляемую посредством созыва Конституционного Собрания, разработки им и принятия им же или всенародным голосованием новой Конституции.

В то же время, данное определение, по нашему мнению, не является полным. Так, положения гл. 9 Конституции не предполагают возможности внесения изменений в преамбулу вообще, а ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 04.03.1998 № 33-ФЗ не предполагает возможности внесения поправок иначе как на уровне статей, частей и пунктов¹.

Понимание того, что представляют собой «неизменяемые положения конституции», или «материальные пределы пересмотра конституции», или даже «надконституционные конституционные нормы» само по себе не дает полного представления о сущности пересмотра Конституции как процедуры.

Если процедуры внесения изменений в ст. 65 и принятия поправок ограничены формальными и материальными пределами, то процедура пересмотра гл. 1, 2 и 9, положения которых сами выступают в качестве таких пределов, никаких пределов, кроме непосредственно устанавливаемых самой процедурой пересмотра, не предполагает. Другими словами, пересмотр Конституции происходит за пределами «пределов пересмотра» и предполагает изменение «неизменяемых положений».

¹ Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04.03.1998 N 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 10, 09.03.98.

Следовательно, в силу того, что процедура пересмотра предполагает разработку и принятие новой конституции, форма и структура вновь принимаемого документа определяется субъектом конституционного правотворчества по своему усмотрению.

Соответственно, содержательный смысл данной процедуры, по нашему мнению, может выражаться в двух аспектах:

- а) изменение программно-ценностных основ Конституции, заложенных в ее преамбуле, гл. 1 и 2 – т.е. наиболее прямое и непосредственное воздействие на ее социально-политическую сущность;
- б) изменение формы и (или) структуры Конституции – изменение процедуры внесения в неё изменений, добавление новых глав, разделов и др.

Таким образом, считаем возможным утверждать, что пересмотр конституции, как правило, является способом юридического оформления существенных общественных изменений, что, с одной стороны, обуславливает его особое место среди процедур внесения изменений в конституцию как наиболее сложной в реализации процедуры, однако также налагает на конституционного законодателя обязанность по обеспечению жизнеспособности и реализуемости соответствующей процедуры с тем, чтобы вышеупомянутые существенные общественные изменения могли происходить упорядоченно, эффективно и легитимно – с тем, чтобы обеспечить преемственность конституционного развития и конституционной стабильности.

Литература

1. Стрельников Антон Олегович Правовое регулирование формирования Конституционного Собрания в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-formirovaniya-konstitutsionnogo-sobraniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.05.2025).
2. Кузнецов Дмитрий Алексеевич, Макаров Валентин Александрович Конституционное собрание: модели законодательного закрепления // Юридическая наука. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-sobranie-modeli-zakonodatel'nogo-zakrepleniya> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Шевчук Михаил Иванович Из истории конституционализма в Японии (Конституция 1947 г.) // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2005. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-konstitutsionalizma-v-yaponii-konstitutsiya-1947-g> (дата обращения: 03.04.2025).
4. Грачев Николай Иванович, Тихонов Александр Александрович Основы конституционного строя как общеправовые принципы // Legal Concept. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-konstitutsionnogo-stroya>

kak-obschepравovye-printsiipy (дата обращения: 08.04.2025).

5. Таева Наталья Евгеньевна Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм // Вестник ВятГ У. 2014. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnoe-soderzhanie-i-pryamoe-deystvie-konstitutsionnyh-norm> (дата обращения: 08.04.2025).
6. Володина С.В. Конституционная ценность доверия. Актуальные проблемы российского права. 2025;20(3):75–86. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.172.3.075-086/>
7. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2007. 784 с.
8. Артемьева Р.В. Преамбула Конституции РФ: нормативное содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
9. Д.Г. Шустров Надконституционные нормы в конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. – 2021. – № 1(140).

ON THE LEGAL NATURE OF THE PROCEDURE OF REVISION OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dobkin A.G., Osavelyuk A.M.

Kutafin Moscow State Law University

This article discusses the legal nature of the procedure of revision of the Constitution of the Russian Federation. The author reviews and analyzes the existing approaches to differentiating constitutional revision from other procedures for amending constitutions and constitutional acts. Special attention is given to the normative and social value aspects of the provisions and principles that can only be amended via constitutional revision and the critique of the concept of «super-constitutional norms». The author proposes an original definition to procedure of revision of the Constitution of the Russian Federation and makes a conclusion regarding the legal and political nature of the procedure.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, revision, revision limits, constitutional values, constitutional principles, «super-constitutional norms».

References

1. Strelnikov Anton Olegovich, Legal Regulation of the Formation of the Constitutional Assembly in the Russian Federation // Current Problems of Russian Law. 2017. No. 8 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-formirovaniya-konstitutsionnogo-sobraniya-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 04.05.2025).
2. Kuznetsov Dmitry Alekseevich, Makarov Valentin Aleksandrovich, Constitutional Assembly: Models of Legislative Enshrinement // Legal Science. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-sobranie-modeli-zakonodatel'nogo-zakrepleniya> (date of access: 04.05.2025).
3. Shevchuk, Mikhail Ivanovich, From the History of Constitutionalism in Japan (the 1947 Constitution) // Scientific Notes of the V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy. 2005. No. 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-konstitutsionalizma-v-yaponii-konstitutsiya-1947-g> (accessed: 03.04.2025).
4. Grachev, Nikolai Ivanovich, Tikhonov, Aleksandr Aleksandrovich, Fundamentals of the Constitutional System as General Legal Principles // Legal Concept. 2013. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-konstitutsionnogo-stroya-kak-obschepравovye-printsiipy> (accessed: 08.04.2025).
5. Taeva Natalia Evgenievna. Value Content and Direct Effect of Constitutional Norms // Vestnik of Vyatka State University. 2014. No. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnoe-soderzhanie-i-pryamoe-deystvie-konstitutsionnyh-norm> (date of access: 08.04.2025).
6. Volodina S.V. Constitutional Value of Trust. Actual Problems of Russian Law. 2025; 20 (3): 75–86. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.172.3.075-086/>
7. Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow, 2007. 784 p.
8. Artemyeva R.V. Preamble to the Constitution of the Russian Federation: Normative Content and Implementation Issues: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2007.
9. D. G. Shustrov Supra-constitutional Norms in Constitutional Law // Comparative Constitutional Review. – 2021. – No. 1(140).

Развитие правового регулирования контроля налогообложения малого и среднего бизнеса

Искандарян Норайр Искандарович,

независимый исследователь
E-mail: norik.norik0101@mail.ru

Автором статьи рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования налоговой системы в Российской Федерации, а именно – её современное состояние, перспективы развития и пути совершенствования в рамках обеспечения эффективного налогового администрирования для малых и средних предприятий (МСП). Проанализированы ключевые аспекты законодательства, регулирующего порядок взимания и администрирования налогов, таких как НДС и акцизы, а также возможности их корректировки с целью оптимизации налогового бремени и повышения доходности бюджета при условии соблюдения правовых гарантий налогоплательщиков. Отдельное внимание уделено внедрению современных информационных технологий в налоговое право и практику, что позволяет повысить прозрачность и эффективность налогового контроля, снизить уровень налоговых правонарушений и упростить процедуру налогового учета. Также проанализированы юридические основы балансирования интересов государства и налогоплательщиков, а именно – вопроса правового обеспечения адекватных механизмов налоговой политики, обеспечивающих стабильность доходов бюджета и создание условий для развития бизнеса. В статье отражены международный опыт и рекомендации по модернизации налогового законодательства, а также роль правовых институтов в формировании эффективной системы налогового регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговое регулирование, перспективы, основные направления совершенствования налоговой системы, субъекты малого и среднего бизнеса.

Цель: при исследовании темы главной задачей было определить важные особенности налоговой модели регулирования малого и среднего бизнеса субъектов малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, а также определить дальнейшие векторы развития, перспективы и сложности развития налогообложения коммерческих организаций.

Метод: обобщение, сравнение, сопоставление, комплексный анализ, теоретик-практическая оценка, а также изучение выводов из научных трудов отечественных и зарубежных экспертов в теме налогообложения предпринимательства в Российской Федерации.

Введение

В современной экономической системе Российской Федерации налогообложение представляет собой ключевой компонент. Налоговая система является одним из краеугольных камней финансовой инфраструктуры государства и служит незаменимым инструментом в организации экономических процессов, в том числе в сфере бизнеса. Существенное значение имеют действия государственных институтов, которые занимаются сбором, мониторингом и контролем денежных потоков. Благодаря налоговой системе обеспечивается работа государственных механизмов на всех уровнях – от центральной власти до местных органов управления. Она оказывает влияние на множество сфер жизни: от социального обеспечения и культурного развития до киберпространства и оборонной сферы, а также способствует реализации проектов в области науки и образования. Кроме того, комплекс правовых отношений, формируемых налоговой системой, выступает значимым фактором, способствующим динамичному росту экономики страны. По этой причине налогообложение для малого и среднего бизнеса является важной темой, всегда актуальной (из-за постоянного влияния налоговой системы на формирование бюджета государства) [1].

Отечественные исследователи уверены, что всесторонний анализ и грамотная оценка текущей налоговой политики Российской Федерации в этом секторе является наиболее важной задачей для устранения ряда проблем и недостатков финансовой модели государства. В долгосрочной перспективе это позволит создать фундамент для снижения долговой нагрузки, подготовить базовые инструменты поддержки налоговой системы в периоды санкционного давления и внутренних финансовых дефицитов. В актуальных условиях нало-

гообложение страны признается несовершенным, отличающимся низкой стабильностью и эффективностью. Стабильное развитие бюджетной сферы и финансовой системы невозможно без активного участия правительства. Для повышения эффективности механизмов формирования доходов требуется обновление подходов к законодательному регулированию, контролю и управлению – необходимы инновационные решения. В ходе исследования были изучены перспективы разработки усовершенствованной налоговой системы, которая сможет стать надёжным фундаментом для обеспечения социально-экономической безопасности страны, деятельности государственных органов всех уровней, бизнеса и благополучия населения.

Основные направления развития налогообложения в сфере малого и среднего бизнеса

В современных условиях одним из приоритетных направлений государственной экономической политики становится совершенствование налоговой системы. Основная задача проводимых реформ – обеспечить достаточный объём финансовых ресурсов для финансирования деятельности учреждений, работающих в различных областях общественной жизни.

Чтобы добиться желаемого результата, необходимо не только увеличить объём налоговых поступлений на всех уровнях, но и сформировать условия, которые будут способствовать развитию отраслей экономики, имеющих важное социальное значение. В настоящее время к таким отраслям, несомненно, относится сектор малого и среднего предпринимательства.[2]

Компании и организации представляют собой значимый ресурс, который может стать катализатором экономического развития и помочь сохранить баланс в социально-экономической сфере страны. Это, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня жизни граждан и преодолению финансовых проблем в отдельных субъектах Федерации.

Проблемы развития малого и среднего бизнеса и разработка эффективной системы его государственной поддержки должны оставаться в фокусе внимания как федеральных и региональных властей, так и представителей бизнес-сообщества и общественности.

Малый и средний бизнес является краеугольным камнем экономической системы государства, поэтому его регулирование предполагает применение разнообразных налоговых механизмов и мер по защите предприятий. Помимо стандартной схемы уплаты налогов, существуют и альтернативные подходы. Специальные налоговые режимы предлагают особые методики расчёта и взимания обязательных платежей в бюджет.[3]

Многие отечественные исследователи уверены, что положения раздела 8.1 НК РФ, где описы-

ваются принципы альтернативной схемы, требуют кардинального пересмотра. В налоговом законодательстве Российской Федерации есть критические недостатки и ошибки, ставящие под сомнение правильность реализации функций налогов, как специфической меры финансового контроля государства. Ниже на рисунке № 1 приведены наиболее важные формы воздействия, определяющие значимость системы налогообложения.[4]

Необходимо отметить, что в Российской Федерации система налогообложения субъектов малого и среднего бизнеса строится главным образом на основе норм, закреплённых в Налоговом кодексе. При этом она дополняется целым рядом правовых инструментов, включая президентские указы, правительственные постановления и распоряжения, а также разнообразие нормативные документы, которые принимаются на федеральном, региональном и местном уровнях.

Наличие расхождений, неточностей в этих нормативно-правовых актах влекут за собой несоблюдение налогового законодательства представителями различных предприятий, коммерческих организаций и иных налогоплательщиков. [5] Рассматривая дальнейшее регулирование отрасли МСП, можно выделить два основных способа эволюции существующей системы:

1. корректировку, дополнение актуальных правил и комплексную перестройку;

2. трансформацию с учетом зарубежного опыта, с применением цифровых технологий.

Анализ работы рыночной экономики в России и специфики существующего законодательства показывает, что требуется гармоничное сочетание различных подходов. Недавно внесённые поправки в Налоговый кодекс РФ дали возможность усовершенствовать систему взимания налогов и провести детальный анализ эффективности регулирования финансовой деятельности малых предприятий, выявив как достоинства, так и недостатки.

Тем не менее, даже регулярные изменения в налоговом законодательстве не способны кардинально трансформировать структуру налогообложения и существенно повысить эффективность сбора средств с налогоплательщиков. Если продолжать двигаться исключительно в рамках такого подхода, есть риск замедлить улучшение инвестиционной привлекательности страны и вызвать сокращение доли неформального сектора экономики.

К тому же в обозримом будущем могут усилиться экономические угрозы из-за предполагаемого увеличения минимального размера оплаты труда и инициатив по устранению недостатка средств в пенсионном фонде – нельзя исключать, что правительство примет такие меры.

В настоящее время наиболее многообещающим путём развития налогового регулирования малого и среднего бизнеса в России выглядит всесторонняя переоценка действующего законодательства. Требуется не просто скорректировать Налоговый кодекс, но и активно интегрировать цифровые технологии, а также сформировать благоприятные ус-

ловия для стабильного роста финансовых показателей. У российской налоговой системы есть все возможности для проведения глубоких и масштабных реформ.

Главной перспективой в таком случае станет обеспечение достаточного уровня доходов бюджета, создание благоприятных условий для развития промышленности, предпринимательской деятельности. Однако для этого предстоит пройти этап оптимизации процессов управления налогообложением МСП, повысить прозрачность и сформировать надежную модель мониторинга [6] [7].

При оценке перспектив развития налогового регулирования МСП отечественные исследователи придерживаются целей и задач, которые в полной мере соответствуют современным тенденциям повышения эффективности налоговых систем.

Продолжится заимствование и адаптация зарубежного опыта, реализация стратегий, принятых в странах Евросоюза и в США. Важно понимать, что налоговые поступления являются главным элементом в бюджетном процессе, подчеркивая практическую значимость налоговой политики в обеспечении финансовых средств, требуемых правительства для выполнения основных обязанностей. Государственный надзор должен стать неотъемлемой частью развития налогообложения для малого и среднего бизнеса (так как создание новой системы и разработка более совершенной политики в бюджетной сфере не могут происходить бессистемно, непредусмотрительно). [8] Для достижения хороших результатов изменения модели налоговых поступлений со стороны предприятий и коммерческих организаций необходимо обеспечить последовательность законодательства. В процессе оптимизации налоговой системы необходимо стремиться к тому, чтобы её структура была максимально понятной и прозрачной. Это позволит избежать частых и масштабных изменений и придерживаться уже проверенных временем решений.

Одним из ключевых направлений развития налоговой системы, особенно в контексте поддержки малого и среднего бизнеса, является осторожное повышение налогового бремени. Такой путь может привести к положительным результатам: созданию дополнительных рабочих мест, активизации рынка труда и высвобождению финансовых средств у физических и юридических лиц. В результате это будет способствовать росту и развитию отечественной промышленности. [9]

Кроме того, необходимо тщательно пересмотреть налоговое законодательство. Это позволит сохранить функциональные возможности государства и снизить вероятность уменьшения бюджетных поступлений. В долгосрочной перспективе такие шаги могут лечь в основу масштабных преобразований налоговой системы страны.

Важную роль в улучшении налогового регулирования для малого и среднего бизнеса играет совершенствование методов контроля и управления налоговыми долгами. Для достижения этой цели нужно действовать поэтапно. Сначала необходи-

мо расширить применение механизма налогового залога на все активы должников, независимо от суммы их задолженности. Также будет разумно законодательно закрепить возможность автоматического удержания определённого процента от поступающих денежных средств для погашения налоговых обязательств. [10]

Ряд экспертов полагает, что значительного улучшения ситуации можно добиться, если ввести ограничения для лиц, которые ранее руководили обанкротившимися предприятиями, на создание новых коммерческих организаций. В России такая практика не является редкостью и требует более строгого контроля.

Также следует уделить внимание совершенствованию процедуры автоматизации налогообложения с использованием современных технологий. Это одно из наиболее перспективных направлений развития налогового регулирования в отношении субъектов малого и среднего бизнеса.

В наши дни Федеральная налоговая служба России сталкивается с необходимостью реализации комплекса мер по совершенствованию налоговой системы. Среди приоритетных направлений – активизация работы над системами электронного документооборота и электронного управления НДС, а также усовершенствование механизмов формирования и подачи налоговой отчётности. Не менее значимым аспектом является создание условий, которые позволят налогоплательщикам оперативно получать исчерпывающую информацию о своих операциях через интернет.

Цифровые технологии всё активнее проникают в сферу налогового регулирования, и это открывает новые возможности для оптимизации работы. Благодаря инновационным решениям можно добиться более эффективного сбора налогов, усовершенствовать систему учёта финансовых потоков и усилить контроль за компаниями, испытывающими финансовые трудности. В перспективе это приведёт к тому, что как физические, так и юридические лица будут более добросовестно выполнять свои налоговые обязательства, а случаи незаконного уклонения от уплаты налогов станут реже. [11]

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема улучшения специальных налоговых режимов для представителей малого и среднего бизнеса. Некоторые эксперты считают, что для увеличения доходов бюджета через эти режимы необходимо провести глубокий анализ и внести существенные изменения в законодательную базу.

В первую очередь необходимо пересмотреть параметры, которые определяют выбор предприятиями специальных налоговых режимов. Ведь изначально эти режимы были разработаны с целью оказать поддержку малому бизнесу, стимулировать его развитие и расширить его финансовые перспективы.

Однако постепенно ситуация на рынке трансформировалась и началось сдерживание темпов роста небольших компаний и некоторых отечественных предприятий. Поэтому сейчас перед эко-

номистами стоит задача реформирования специальных режимов налогообложения для субъектов МСП [12].

В долгосрочной перспективе ключевая цель налогового регулирования в сфере малого и среднего предпринимательства заключается не просто в снижении налогового бремени, но и в значительном улучшении результативности работы компаний. Уже предприняты некоторые шаги, которые положительно сказались на налоговой и финансовой стабильности предприятий. Тем не менее остаётся весомый барьер – размытость положений налогового законодательства и отсутствие чётких алгоритмов взаимодействия между государственными структурами и налогоплательщиками, независимо от их правового статуса.

В грядущие годы важно обеспечить рост авторитета и доверия к Федеральной налоговой службе РФ со стороны населения. Эксперты полагают, что добиться такого результата позволит применение комплексной стратегии, которая предусматривает реализацию нескольких важных направлений:

- строгая приверженность нормам налогового законодательства;
- создание и внедрение сервисов для налогоплательщиков, которые будут максимально отвечать их интересам и обеспечивать удобство взаимодействия;
- оперативное и профессиональное сопровождение налогоплательщиков на всех этапах взаимодействия;
- усовершенствование системы получения и обработки обратной связи от налогоплательщиков;
- модернизация процедур, позволяющих обжаловать административные решения (рис. 1).

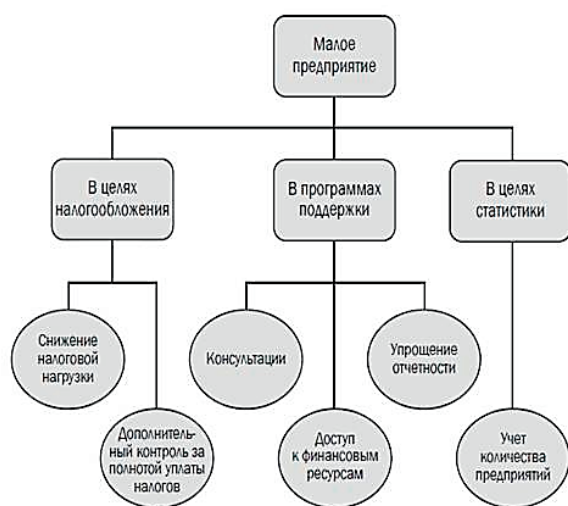

Рис. 1. Определение МСП для реализации трех основных целей

На рисунке № 1 показаны основные компоненты феномена малого и среднего бизнеса, которые указывают на значимость этих субъектов экономической деятельности. Давно доказано, что предприятия и коммерческие организации играют определяющую роль в пополнении государствен-

ного бюджета, обеспечении роста благосостояния граждан и развитии национальной экономики. Для повышения прибыли компаний в долгосрочном налоговом регулировании необходимо упростить ведение отчетности, увеличить эффективность учета числа предприятий, а также снизить налоговую нагрузку и создать условия для дополнительного контроля за полной уплатой налогов. Подводя итог, следует сделать одним простым вывод, что перспективой развития налогового регулирования для субъектов МСП в Российской Федерации в современном мире крайне актуально формирование благоприятных предпосылок для притока инвестиций в различные области хозяйственной деятельности. Достичь этого возможно за счёт оптимизации налогового бремени и создания эффективной системы правовой защиты личных и имущественных интересов граждан и предприятий.[13]

Современные концепции экономического развития уделяют особое внимание вопросам сбалансированности и равноправия в сфере налогообложения. Необходимо, чтобы фискальная стратегия учитывала уровень экономической эффективности и не противоречила законодательным актам о труде и собственности.

Реализация такого подхода способствует модернизации инструментов государственного регулирования, что позитивно сказывается на росте финансовых показателей и открывает новые возможности для преодоления острых социально-экономических вызовов.

Заключение

Исходя из проведённого анализа, можно сделать вывод: налоговая система России требует глубокой модернизации. Необходимо привести её в соответствие с текущими экономическими реалиями и глобальными вызовами.

В ходе исследования удалось разработать ряд предложений, направленных на совершенствование налогового регулирования в сфере малого и среднего предпринимательства. Реализация этих мер способна оказать стабилизирующее воздействие на экономику страны.

Особое внимание следует уделить нескольким аспектам:

- совершенствованию механизмов взимания налогов с предприятий и компаний;
- обновлению подходов к управлению налоговыми потоками;
- пересмотру существующих специальных налоговых режимов;
- активному внедрению цифровых технологий в налоговую сферу.

Налоги – неотъемлемый элемент финансовой системы государства, они обеспечивают экономическую безопасность страны и стабильность её социально-экономического развития. Грамотно выстроенная налоговая политика и продуманное законодательство в этой области станут катализатором роста благосостояния граждан и повышения

эффективности работы государственных институтов.

Литература

1. Темиров С.Л., Гасиева З.П. Проблемы налогообложения субъектов малого бизнеса // В сб.: Актуальные направления и перспективы развития национальной экономики: Сб. науч. тр. по мат. Междунар. конф. 2018.;
2. Гасиева З.П., Льянов З.М. Специальные налоговые режимы в развитии малого и среднего бизнеса // Бухучет в сельском хозяйстве. 2016. № 12. С. 27–30.;
3. Гасиева З.П., Льянов З.М., Туаева Н.В. Проблемы налогообложения малого бизнеса в РФ // В сб.: Перспективы развития АПК в современных условиях: Мат. 7-й Междунар. науч.-практ. конф. 2017.;
4. Гасиева З.П. Проблемы налогообложения малого бизнеса и пути их решения // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–2 (86). С. 784–788.;
5. Осадчук Л.М., Осадчук М.С. Специальные налоговые режимы как инструмент стимулирования предпринимательской деятельности в регионе // Экономика и предпринимательство. 2018. № 1 (90). С. 315–318.;
6. Семенова, Г.Н. Налоговая нагрузка в России: проблемы, перспективы и пути оптимизации / Г.Н. Семенова // Восточно-Европейский научный журнал. – 2022. – № 7–1(83). – С. 48–53.;
7. Баранова, Д.А. Современные проблемы налогообложения юридических лиц и перспективные возможности налогового регулирования / Д.А. Баранова – DOI 10.26140/anie-2021–1001–0016 // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10, № 1(34). – С. 72–75.;
8. Баранова, Д.Д. Антимонопольный комплаенс и перспективы создания системы комплаенс – контроля в Минфине России / Д.Д. Баранова // Плехановский барометр. – 2022. – № 1(29). – С. 16–21.;
9. Ляшенко, Е.А. Оценка эффективности налогового мониторинга как инструмента налогового контроля / Е.А. Ляшенко, Е.А. Наумова // Современные проблемы инновационной экономики. – 2023. – № 10.;
10. Якимова, В.А. Особенности применения комплаенс-процедур в системе внутреннего контроля экспортной деятельности предприятий / В.А. Якимова // Международный бухгалтерский учет. – 2021. Т. 24, № 4(478). – С. 459–486.;
11. Макарова, Е.Е. Комплаенс в системе внутреннего контроля организаций / Е.Е. Макарова, Е.В. Мигачева // Современная школа России. Вопросы модернизации. – 2021. – № 8–2(37). – С. 44–45.;
12. Староверова, О.В. Налоговое планирование и налоговый аудит как основные элементы

налогового комплаенса / О.В. Староверова // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 5. – С. 279–282.;

13. Зарипов, В.М. Проблема дробления бизнеса и необходимость комплексного реформирования налогового законодательства / В.М. Зарипов // Закон. – 2023. – № 10. – С. 136–144.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF TAXATION CONTROL OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Iskandaryan N.I.

St. Petersburg State University

The author of the article discusses current issues of the legal regulation of the tax system in the Russian Federation, namely, its current state, development prospects and ways to improve in the framework of ensuring effective tax administration for small and medium-sized enterprises (SMEs). The key aspects of legislation regulating the collection and administration of taxes, such as VAT and excise taxes, as well as the possibility of their adjustment in order to optimize the tax burden and increase budget profitability, subject to compliance with the legal guarantees of taxpayers, are analyzed. Special attention is paid to the introduction of modern information technologies into tax law and practice, which makes it possible to increase the transparency and effectiveness of tax control, reduce the level of tax offenses and simplify the tax accounting procedure. The article also analyzes the legal basis for balancing the interests of the state and taxpayers, namely, the issue of legal support for adequate tax policy mechanisms that ensure the stability of budget revenues and create conditions for business development. The article reflects international experience and recommendations on the modernization of tax legislation, as well as the role of legal institutions in the formation of an effective system of tax regulation in the Russian Federation.

Keywords: tax regulation, prospects, main directions for improving the tax system, small and medium-sized businesses.

References

1. Temirov S.L., Gasieva Z.P. Problems of taxation of small businesses // In the collection: Current directions and prospects for the development of the national economy: Collection of scientific papers on the materials of the International Conf. 2018.;
2. Gasieva Z.P., Lyanov Z.M. Special tax regimes in the development of small and medium businesses // Accounting in agriculture. 2016. No. 12. pp. 27–30.;
3. Gasieva Z.P., Lyanov Z.M., Tuaeva N.V. Problems of taxation of small businesses in the Russian Federation // In the collection: Prospects for the development of the agro-industrial complex in modern conditions: Materials of the 7th International Scientific and Practical Conf. 2017.;
4. Gasieva Z.P. Problems of taxation of small businesses and ways to solve them // Economy and entrepreneurship. 2017. No. 9–2 (86). P. 784–788.;
5. Osadchuk L.M., Osadchuk M.S. Special tax regimes as a tool for stimulating entrepreneurial activity in the region // Economy and entrepreneurship. 2018. No. 1 (90). P. 315–318.;
6. Semenova, G.N. Tax burden in Russia: problems, prospects and ways of optimization / G.N. Semenova // East European scientific journal. – 2022. – No. 7–1 (83). – P. 48–53.;
7. Baranova, D.A. Modern problems of taxation of legal entities and promising possibilities of tax regulation / D.A. Baranova – DOI 10.26140/anie-2021–1001–0016 // Azimut of Scientific Research: Economics and Management. – 2021. – Vol. 10, No. 1(34). – Pp. 72–75.;
8. Baranova, D.D. Antimonopoly Compliance and Prospects for Creating a Compliance Control System in the Ministry of Finance of Russia / D.D. Baranova // Plekhanov Barometer. – 2022. – No. 1(29). – Pp. 16–21.;
9. Lyashenko, E.A. Assessing the Effectiveness of Tax Monitoring as a Tax Control Tool / E.A. Lyashenko, E.A. Naumova // Modern Problems of Innovative Economics. – 2023. – No. 10.;

10. Yakimova, V.A. Features of the Application of Compliance Procedures in the Internal Control System of Enterprises' Export Activities / V.A. Yakimova // International Accounting. – 2021. Vol. 24, No. 4 (478). – P. 459–486.;
11. Makarova, E.E. Compliance in the Internal Control System of Organizations / E.E. Makarova, E.V. Migacheva // Modern School of Russia. Modernization Issues. – 2021. – No. 8–2 (37). – P. 44–45.;
12. Staroverova, O.V. Tax Planning and Tax Audit as the Main Elements of Tax Compliance / O.V. Staroverova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 5. – P. 279–282.;
13. Zaripov, V.M. The problem of business fragmentation and the need for a comprehensive reform of tax legislation / V.M. Zaripov // Law. – 2023. – No. 10. – P. 136–144.

Эволюция законодательства о финансовом обеспечении местного самоуправления: историко-правовой анализ

Дегтярев Алексей Владимирович,

специалист, ООО ЭПЦ «Бизнес-Консультант»

E-mail: b-kons@bk.ru

Статья посвящена анализу эволюции законодательства о финансовом обеспечении местного самоуправления в России; обращение к теме обусловлено его центральным значением для эффективности муниципальной власти. Несмотря на закрепление принципа финансовой самостоятельности, в научной и правовой практике существует очевидное противоречие между декларативными нормами и реальной бюджетной зависимостью муниципалитетов от вышестоящих уровней власти. Целью в рамках статьи является ретроспективный анализ правовых норм, выявление закономерностей, ключевых тенденций, которые сформировали современную финансовую базу местного самоуправления. В ходе исследования установлено, что с конца XIX века и до настоящего времени прослеживается устойчивая тенденция к централизации и перераспределению финансовых потоков, что ведет к ослаблению собственной доходной базы муниципалитетов. Эта закономерность проявлялась как в советскую эпоху, так и в постсоветский период, а законодательные реформы последних лет, включая положения Закона № 33-ФЗ от 2025 года, вероятно, лишь усилят данный тренд. Авторский вклад проявляется в комплексном историко-правовом осмыслении проблемы, что помогает критически оценить причины несостоятельности реформ. Представляемые материалы будут полезны для юристов, экономистов, государственных / муниципальных служащих, преподавателей, студентов, интересующихся вопросами управления.

Ключевые слова: бюджетное право, местное самоуправление, муниципальные финансы, правовое регулирование, финансовая самостоятельность, эволюция законодательства.

Введение

Эффективное функционирование местного самоуправления (МСУ) как фундаментального института народовластия и важного звена системы публичной власти в значительной степени определяется его финансовой автономией. Без надлежащей экономической основы, которая обеспечивает исполнение возложенных на него задач, МСУ рискует превратиться в сугубо декоративный институт, лишенный реальных рычагов воздействия на решение вопросов локального значения.

Очевидно, что обеспечение (финансы) составляет «ядро» самостоятельности муниципалитетов. В этой связи историко-правовое осмысление развития законодательства в рассматриваемой сфере помогает выявить ключевые тенденции, закономерности, а также определить причины и условия, обусловившие современное состояние правового регулирования.

Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, которые сопряжены с формированием и расходованием финансовых ресурсов муниципальных образований. В свою очередь, предметом анализа является нормативно-правовое регулирование на различных этапах исторического развития российского государства.

Материалы и методы

При изучении научной литературы обнаруживается, что авторы используют комплексные подходы к исследованию. Большинство работ, как правило, сочетают теоретико-правовой анализ с эмпирическими данными. Например, Г. Агаджанян [1] и Г.В. Морунова, Н.Г. Иванова, А.В. Румянцева [7] в своих исследованиях активно применяют статистические показатели для оценки роли межбюджетных трансфертов и трансформации муниципальных финансов. При этом, несмотря на обилие публикаций, посвященных проблемам, некоторые авторы (Е.С. Визичканич, Р.В. Шагошев [3] и Н.А. Луякова [5]) сосредотачиваются на правовом обеспечении принципа финансовой самостоятельности. Другие исследователи, в частности, И.В. Игнатьева, А.В. Прудников [4] и Л.А. Андреева [2], рассматривают вопросы реформирования местного самоуправления в более широком контексте, включая нормативно-правовые и организационные аспекты. Отдельно уместно выделить историко-правовой анализ А.А. Тимофеевой [8] и сравнение с зарубежным опытом Н.П. Медведева [6], которые позволяют оценить эволюцию идей и подходов.

В ходе обзора источников выявлено несколько существенных противоречий. Во-первых, наблюдается диссонанс между юридическим закреплением принципа финансовой самостоятельности и его практической реализацией. Во-вторых, слабо освещенным остается вопрос о долгосрочных последствиях централизации бюджетной системы. В литературе активно обсуждается возрастающая роль межбюджетных трансфертов [1, 7], но недостаточно внимания уделяется комплексному анализу того, как эта тенденция влияет на стимулы местных властей к развитию собственной доходной базы, инвестиционной привлекательности территорий.

Наконец, в публикациях практически не затрагивается тема взаимосвязи финансовой обеспеченности и качества жизни населения. Хотя самостоятельность муниципалитетов напрямую воздействует на предоставление качественных публичных услуг, этот аспект остается на периферии исследований; авторы в большей степени сосредоточены на правовых и бюджетных механизмах.

При написании статьи были использованы следующие методы: историко-правовой (для анализа эволюции законодательных актов, регулирующих финансовые основы местного самоуправления в России), сравнительно-правовой (сопоставление отечественного и зарубежного опыта в характеризующей сфере), формально-юридический (для толкования и анализа правовых норм), системный анализ (рассмотрение финансовой системы как совокупности взаимосвязанных элементов – налоговые и неналоговые доходы, межбюджетные трансферты, муниципальное имущество).

Результаты и обсуждение

История становления финансовой автономии органов местного самоуправления в России уходит корнями в дореволюционное прошлое. Одним из наиболее значимых этапов характеризующего периода уместно считать принятие Городового положения 1870 года, в котором предоставилось городским думам и управам право на самостоятельное решение вопросов местного хозяйства и, как следствие, на формирование собственной базы финансов. В законодательном акте исходили из концепции, что городские финансы должны являться независимой экономической основой для удовлетворения нужд населения городов.

В качестве базовых источников доходов самоуправления в тот период выступали оценочный сбор с недвижимых имуществ, а также налог с промышленных, торговых и прочих предприятий. Примечательно, что с учётом данного подхода предполагалось не просто наделение правом сбора средств, но и четкое определение их источников, что служило весьма значимой правовой гарантией. Финансовая самостоятельность в анализируемый период была не только провозглашена, но и реально подкреплялась возможностью муниципалитетов активно управлять своим имуществом. Обеспе-

ченность напрямую зависела от хозяйственной активности и умелого управления, что создавало мощный стимул для развития [1, 5, 10].

Ретроспективный опыт дореволюционной России показывает модель, где финансовая база местного самоуправления формировалась, главным образом, за счет собственных, закрепленных законом источников, и была тесно связана с управлением городской собственностью. Это создает разительный контраст с современной ситуацией, при которой доходы от использования муниципального имущества и приватизации играют второстепенную роль на фоне межбюджетных трансфертов.

С приходом советской власти концепция финансовой автономии местного самоуправления претерпела существенные изменения. На смену идее хозяйственной самостоятельности пришла модель жесткой централизации, в которой местные органы власти стали лишь исполнительными звеньями единой государственной машины. Законодательство того периода, включая Конституцию СССР, четко определяло, что местные бюджеты являются неразрывной составной частью единой бюджетной системы СССР. Это положение стало фундаментальным правовым принципом, исключавшим любую возможность самостоятельного маневрирования.

Утверждение единого государственного бюджета, а также налогов, доходов, поступающих в бюджеты всех уровней, включая местные, подлежало ведению высших органов власти Союза ССР. Таким образом, вместо того, чтобы самостоятельно формировать доходную базу, местные Советы народных депутатов лишь распределяли средства, которые выделялись им в соответствии с народно-хозяйственным планом. Финансовые ресурсы включали бюджетные и внебюджетные средства, но их формирование и использование было строго регламентировано сверху [3, 7, 8].

С авторской точки зрения, рассматриваемую модель неуместно рассматривать как эволюцию финансового обеспечения, а скорее как его полную ликвидацию в классическом понимании. Финансы местных Советов не являлись инструментом самоуправления, а выступали исключительно как механизм для реализации общегосударственных задач на местах. Это предопределило функционал и структуру бюджетов, сделав их зависимыми от директив и дотаций из вышестоящих уровней.

После распада Советского Союза Россия встала на путь формирования новой системы публичной власти, базирующейся на принципах федерализма и местного самоуправления. В 1990-е годы началось полномасштабное восстановление налоговой системы, и уже в этот период была принята попытка законодательно закрепить финансовую самостоятельность муниципалитетов. С принятием Федерального закона от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» была сделана первая серьезная попытка отойти от советской модели. Определялись основные

принципы организации местных финансов, устанавливались источники формирования, использования соответствующих ресурсов, а также основы бюджетного процесса. Законодатель провозглашал принципы самостоятельности, государственной финподдержки, гласности.

Однако, несмотря на прогрессивные идеи, закон столкнулся с рядом существенных проблем, что в конечном счёте и привело к его отмене на основании Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Среди основных недостатков, которые помешали результативной реализации положений ФЗ-126, исследователи выделяют:

- несовершенство механизмов расходования бюджетных средств;
- нечеткость в вопросах финансирования переданных государственных полномочий;
- отсутствие оптимальных источников формирования доходов [1, 3, 9, 10].

Как следствие, на практике принцип самостоятельности оставался во многом декларативным, а зависимость муниципалитетов от вышестоящих бюджетов сохранялась. Это обстоятельство и стало одной из ключевых причин для последующей реформы, целью которой стало устранение обнаруженных противоречий. Таким образом, законодательство 1990-х годов целесообразно охарактеризовать как переходный период, который, хотя и обозначил отход от централизованной модели, так и не сопровождался действенным механизмом финансовой автономии.

Вступивший в силу Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стал ключевым нормативным актом, определившим модель МСУ на долгие годы. В этом законе, в совокупности с Бюджетным кодексом РФ, установлены правовые, территориальные, организационные, экономические принципы функционирования муниципальной власти. Согласно законодательным положениям, каждое МО имеет собственный бюджет, а его бюджетные полномочия устанавливаются БК РФ. К их числу относится право и обязан-

ность органов МСУ самостоятельно обеспечивать сбалансированность своих бюджетов, составлять, исполнять их, а также управлять муниципальным долгом, активами.

Между тем, декларируемые принципы самостоятельности на практике сталкиваются с системными проблемами, прежде всего, с хроническим несоответствием доходной и расходной частей местных бюджетов. Полномочия муниципалитетов не подкреплены достаточными финансовыми ресурсами, что ставит под вопрос саму возможность решения вопросов местного значения.

Новый виток реформаторских преобразований связан с принятием Федерального закона № 33-ФЗ от 20 марта 2025, что направлено на реализацию положений Конституции РФ о единой системе публичной власти. С помощью законодательного акта вносятся существенные изменения в правовое регулирование МСУ, в том числе, в финансовые аспекты. Устанавливается, что финансирование переданных государственных полномочий будет осуществляться за счет субвенций из соответствующего бюджета. Однако при этом содержится положение, согласно которому финансовое обеспечение некоторых полномочий не является обязанностью муниципального образования, осуществляется при наличии возможности, не является основанием для выделения дополнительных средств из других бюджетов. Такое положение создает правовую неопределенность и может усилить зависимость муниципалитетов, поскольку фактически оставляет вопрос финансирования на усмотрение вышестоящих властей [2, 4].

Параллельно с реформой МСУ происходят значительные изменения в налоговом законодательстве (2024–2025 гг.), которые также окажут влияние на финансовое положение муниципалитетов. К местным добавляется новый туристический налог, что потенциально может дать дополнительный, пусть и ограниченный, источник доходов.

По результатам проведенного анализа составлена сводная таблица 1 с описанием этапов.

Таблица 1. Эволюция законодательства о финансовом обеспечении местного самоуправления в России (составлено автором)

Период	Основные правовые акты	Принципы финансирования	Характер	Ключевые особенности
Дореволюцион-ый (вторая половина XIX в.)	Городовое положение 1870 г., Земские положения	Финансовая самостоятельность, доходы от налогов (недвижимость, бизнес) и имущества	Относительная финансовая автономия	Доходы росли за счет эффективного управления городским имуществом и развития хозяйственной деятельности.
Советский (1920-е – 1980-е гг.)	Конституция СССР, законодательство о бюджете	Полная централизация, местные бюджеты как часть единой бюджетной системы	Полное отсутствие финансовой самостоятельности	Местные бюджеты утверждались высшими органами власти, средства выделялись сверху в рамках общегосударственного плана.
Становление РФ (1990-е гг.)	Конституция РФ, Федеральный закон от 25.09.1997 № 126-ФЗ	Декларативная самостоятельность, государственная финподдержка	Переходный период	Законом провозглашалась самостоятельность, но на практике – проблемы реализации.

Период	Основные правовые акты	Принципы финансирования	Характер	Ключевые особенности
Модель ФЗ-131 (2003–2024 гг.)	Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ, Бюджетный, Налоговый кодексы РФ	Сочетание собственных доходов и межбюджетных трансфертов	Высокая зависимость от трансфертов	Доля трансфертов в доходах превышает 60%, что подрывает принцип автономии.
Новейшая реформа (с 2025 г.)	Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ	Финансирование в рамках единой системы публичной власти	Законодательное закрепление централизации	Уточнение понятия МСУ как формы самоорганизации граждан, правовая неопределенность финансирования полномочий.

Изучение моделей финансового обеспечения местного самоуправления в развитых странах показывает разнообразие подходов, однако у них есть одна общая черта – наличие реальной автономии в плане финансов. Например, в англосаксонской модели (на примере США) местные органы действуют автономно в рамках своих полномочий, а контроль со стороны государства осуществляется косвенно. В Германии общины обладают финансовой автономией, что даёт им возможность самостоятельно формировать и исполнять свои бюджеты [6]. Подобные варианты могут быть полезны для адаптации в РФ, поскольку содержат образцы результативного функционирования местных органов.

Одновременно с этим, потенциал адаптации зарубежного опыта в России ограничен не столько правовыми, сколько политическими, экономическими условиями. Отсутствие сильной налоговой базы на местном уровне, сохраняющаяся зависимость от межбюджетных трансфертов свидетельствуют о том, что для внедрения полноценной автономии в характеризуемом контексте требуется как законодательная реформа, так и кардинальное изменение бюджетной и налоговой политики на федеральном уровне, ориентированное на перераспределение фискальной власти.

Заключение

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно изменения законодательства о финансовом обеспечении местного самоуправления в России. Эволюция правового регулирования прошла сложный путь – от ограниченной, но реальной финансовой самостоятельности дореволюционного периода, через полную ликвидацию автономии в условиях советской централизации, к декларативной, но так и не полностью реализованной на практике самостоятельности в современный период.

Сегодня финобеспечение МСУ характеризуется высоким уровнем зависимости от межбюджетных трансфертов. Хроническое несоответствие между возложенными на муниципалитеты расходными полномочиями и их собственной доходной базой остается ключевой системной проблемой.

Вступление в силу нового Федерального закона № 33-ФЗ, вероятно, закрепит сложившуюся тен-

денцию к централизации, формализуя концепцию «единой системы публичной власти» и тем самым создавая предпосылки для последующего размытия границ фиавтономии. Как представляется, для преодоления сложившейся ситуации требуется кардинальная реформа межбюджетных отношений, которая должна быть нацелена на укрепление собственной налоговой базы муниципалитетов, расширение их фискальных прав, снижение зависимости от финансовой помощи из вышестоящих бюджетов. Лишь такой подход поможет создать условия для превращения местного самоуправления из зависимого института в по-настоящему самостоятельный и эффективный уровень публичной власти.

Литература

1. Агаджанян Г. Роль официальных трансфертов в процессе формирования местного бюджета // Вестник Армянского государственного экономического университета. – 2020. – № 2. – С. 74–84.
2. Андреева Л.А. Актуальные вопросы реформирования местного самоуправления // Наука. Образование. инновации: новые подходы и актуальные исследования. Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции. – Анапа: 2025. – С. 5–18.
3. Визичканич Е.С., Шхагошев Р.В. Правовое обеспечение принципа финансовой самостоятельности местного самоуправления в Российской Федерации // Совершенствование и развитие социально-экономических систем в современной России: сборник научных статей. – Ульяновск: 2024. – С. 133–136.
4. Игнатьева И.В., Прудников А.В. Реформирование системы местного самоуправления: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 663–666.
5. Лунякова Н.А. Обеспечение финансовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – № 3 (52). – С. 12–21.
6. Медведев Н.П. Из истории развития муниципальной власти в зарубежных странах: мест-

ные финансы и рынок капиталов // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2020. – Т. 7. – № 4 (22). – С. 272–278.

7. Морунова Г.В., Иванова Н.Г., Румянцева А.В. Трансформация муниципальных финансов в современных условиях // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 1649–1664.
8. Тимофеева А.А. Местное самоуправление в России: генезис и эволюция // Современный юрист. – 2023. – № 1 (42). – С. 8–17.
9. Файберг Т.В., Багинова Д.Ю. Проблемы финансового обеспечения местного самоуправления в России // Global and Regional Research. – 2024. – Т. 6. – № 1. – С. 22–28.
10. Шереметьева О.В. Правовое регулирование финансового обеспечения местного самоуправления в РФ: проблемы и перспективы // Известия Института систем управления СГЭУ. – 2021. – № 2 (24). – С. 206–208.

THE EVOLUTION OF LEGISLATION ON THE FINANCIAL PROVISION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Degtyarev A.V.

Business Consultant, LLC

This article is dedicated to analyzing the evolution of legislation on the financial provision of local self-government in Russia, a topic of central importance for the effectiveness of municipal power. Despite the legal enshrinement of the principle of financial autonomy, a clear contradiction exists in academic and legal practice between declarative norms and the actual budgetary dependence of municipalities on higher levels of government. The goal of this article is to conduct a retrospective analysis of legal norms, identifying the patterns and key trends that have shaped the contemporary financial foundation of local self-government. The study reveals a persistent trend toward centralization and redistribution of financial flows from the late 19th century to the present day, which weakens municipalities' own revenue bases. This pattern was evident during both the Soviet and post-Soviet eras, and recent legislative reforms, including the provisions of Federal Law No. 33-FZ of 2025, are likely to only intensify

this trend. The author's contribution lies in a comprehensive historical and legal interpretation of the issue, which helps to critically assess the reasons for the failure of reforms. The materials presented will be of use to legal professionals, economists, state and municipal employees, as well as to academics and students interested in public administration.

Keywords: budget law, local self-government, municipal finance, legal regulation, financial autonomy, evolution of legislation.

References

1. Agadzanyan G. The Role of Official Transfers in the Formation of the Local Budget // Bulletin of the Armenian State University of Economics. – 2020. – No. 2. – Pp. 74–84.
2. Andreeva L.A. Current Issues of Reforming Local Self-Government // Science. Education. Innovations: New Approaches and Relevant Research. Collection of Scientific Papers based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference. – Anapa: 2025. – Pp. 5–18.
3. Vizichkanich E.S., Shkhagoshev R.V. Legal Support for the Principle of Financial Autonomy of Local Self-Government in the Russian Federation // Improvement and Development of Socio-Economic Systems in Modern Russia: Collection of Scientific Articles. – Ulyanovsk: 2024. – Pp. 133–136.
4. Ignatieva I.V., Prudnikov A.V. Reforming the Local Self-Government System: Legal Issues, Financial Support, and Regulation // Law and State: Theory and Practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 663–666.
5. Lunyakova N.A. Ensuring the Financial Basis of Local Self-Government in the Russian Federation // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. – 2020. – No. 3 (52). – Pp. 12–21.
6. Medvedev N.P. From the History of the Development of Municipal Power in Foreign Countries: Local Finance and the Capital Market // Regional and Municipal Administration: Issues of Politics, Economics, and Law. – 2020. – Vol. 7. – No. 4 (22). – Pp. 272–278.
7. Morunova G.V., Ivanova N.G., Rumyantseva A.V. Transformation of Municipal Finance in Modern Conditions // Economic Security. – 2022. – Vol. 5. – No. 4. – Pp. 1649–1664.
8. Timofeeva, A.A. Local Self-Government in Russia: Genesis and Evolution // Modern Lawyer. – 2023. – No. 1 (42). – Pp. 8–17.
9. Faiberg T.V., Baginova D. Yu. Problems of Financial Support for Local Self-Government in Russia // Global and Regional Research. – 2024. – Vol. 6. – No. 1. – Pp. 22–28.
10. Sheremetyeva O.V. Legal Regulation of Financial Support for Local Self-Government in the Russian Federation: Problems and Prospects // Izvestiya of the Institute of Management Systems of the Siberian State University of Economics and Management. – 2021. – No. 2 (24). – Pp. 206–208.

Правовые модели предупреждения банкротства: зарубежный опыт и перспективы имплементации в российское право

Карымов Герман Тимофеевич,

аспирант кафедры частноправовых дисциплин, ФГНИУ
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: germankar6@gmail.com

В статье рассматриваются существующие в зарубежных правовых системах правовые модели предупреждения банкротства. Анализируются как досудебные инструменты, позволяющие предотвратить возбуждение самого дела о банкротстве, так и процедуры несостоятельности, направленные на восстановление платежеспособности должника, рассматриваются их особенности, преимущества и недостатки, выявляются общие тренды, характерные для иностранных правовых систем. Полученные в ходе проведенного сравнительно-правового исследования результаты используются для оценки законодательных инициатив, направленных на реформирование института реабилитации в отечественном правовом порядке.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), предупреждение банкротства, реабилитационные процедуры, восстановление платежеспособности, предприятие.

Введение

Современная экономика диктует субъектам предпринимательской деятельности определенную модель поведения, связанную с оперативностью и возможностью быстрого принятия управленческих решений, направленных на оптимизацию бизнеса, преодоление кризисных ситуаций и предупреждение неплатежеспособности бизнеса.

Банкротство хозяйствующих субъектов затрагивает не только частные интересы, но и интересы государства, поскольку от эффективности и результативности бизнеса зависит общий уровень экономического благосостояния страны.

Действительно, реабилитация должника порождает целый ряд последствий, выгодных с точки зрения публичного интереса. К ним можно отнести и сохранение рабочих мест, которое, в свою очередь, позволяет работникам должника продолжать вкладывать денежные средства в экономику посредством покупки товаров и услуг, и продолжение уплаты восстановившим платежеспособность должником налогов. Кроме того, наличие эффективного механизма реабилитации должников может стимулировать развитие предпринимательской деятельности.

Именно поэтому большинство правовых систем показывают нацеленность на развитие как досудебных, так и судебных мер по предупреждению банкротства.

С учетом недостаточно эффективного функционирования указанной системы в отечественном правовом порядке, представляется интересным рассмотреть правовые модели функционирования реабилитационного механизма несостоятельности известные зарубежным правовым порядкам.

Основное содержание

В зарубежных правовых системах поэтому в зарубежной практике концепция предупреждения банкротства (pre-insolvency) трактуется более широко: многочисленные правовые системы допускают применение реабилитационных мер, когда должник лишь потенциально рискует стать неплатежеспособным, но еще не достиг формальной стадии банкротства.

Наиболее распространенными способами антикризисного управления в досудебном периоде считаются корпоративное финансовое оздоровление и принудительное мировое соглашение, включая мораторий на время проведения переговоров с кредиторами.

Корпоративное финансовое оздоровление – активное «вливание» учредителями должника денежных средств через докапитализацию, предоставление займов, привлечение инвесторов, а также привлечение специалиста по антикризисному управлению.

Несмотря на кажущуюся простоту обозначенных мер, в реальности они мало применимы. Все правовые порядки содержат «лоскутный» характер норм, направленных на применение указанных мер. Не является исключением и отечественный правовой порядок.

Статья 31 Закона о банкротстве предусматривает возможность предоставления должнику финансовой помощи в размере, достаточном для погашения требований кредиторов и восстановления платежеспособности (санацию). Однако в законодательстве отсутствует закрепление сроков процедуры, упоминание о графиках поступления платежей, нет объективного контроля за возможностью восстановления платежеспособности. Более того, расширение практики субординации требований таких инвесторов отталкивает их от попытки спасения бизнеса через представление заемных средств.

Иная форма досудебного предупреждения банкротства – принудительное мировое соглашение. Оно характеризуется тем, что кредиторы или суд инициируют принятие должником принудительного для него мирового соглашения с кредиторами, сопряженное с мероприятиями по антикризисному управлению. Активной сторонницей данного метода является Франция [11, С. 87].

Во Франции представители кредиторов инициируют примирительное производство под контролем судебного администратора, задачей которого является разработка плана по восстановлению платежеспособности, достижение соглашения с кредиторами и, как следствие, устранение риска возбуждения дела о банкротстве.

Вспышка новой коронавирусной инфекции стала отправной точкой появления во многих правовых порядках такого механизма как мораторий на возбуждение дел о банкротстве. В пример можно привести Италию, Германию, США, а также Россию. Так, в Закон о банкротстве была введена статья 9.1, которая установила запрет на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в определенных условиях [12].

Приведенные меры досудебного предупреждения банкротства можно назвать универсальными, поскольку они применимы ко всем категориям должников. Однако в некоторых правовых порядках возможностью досудебного предупреждения банкротства имеют право воспользоваться не все.

В Германии он применим до определенного момента в отношении финансовых организаций. В США он возможен только в отношении малого бизнеса [10].

В случае не достижения цели досудебной профилактики банкротства, следующим этапом становится возбуждение дела о банкротстве должника.

В данных обстоятельствах встает выбор между проведением реабилитационных или ликвидационных процедур. Несмотря на общую направленность зарубежных правовых порядков на реабилитацию должника, некоторые исследователи отмечают разницу между системами, стремящимися обеспечить реорганизацию любой ценой (например, Франция), и системами, допускающими ее только в тех случаях, когда она дает возможность оптимальным образом использовать активы должника, что выгодно кредиторам (например, Германия) [3, С. 100].

Законодательство Великобритании предусматривает несколько реабилитационных процедур. Первая из них – мировое соглашение с кредиторами (CVA). Характерными чертами процедуры являются совместная разработка кредиторами и участниками должника плана выплат; продолжение деятельности компании под руководством должника; наложение моратория на требования кредиторов. Вторая процедура – соглашение о реструктуризации. Процедура схожа с мировым соглашением с кредиторами, отличие заключается в том, что план восстановления платежеспособности предлагает назначаемый управляющий, который осуществляет управление должником. Для введения указанных процедур необходимо получить одобрение кредиторов, требования которых составляют более 75%. Обычно план блокируется кредитором, обладающим «правом плавающего обеспечения», которое не позволяет реализовывать предприятие по частям для удовлетворения требований кредиторов.

Так, в Великобритании предусмотрена процедура Pre-pack administration [1, С. 85]. Суть указанной процедуры состоит в том, что руководство должника заранее или в момент назначения управляющего договаривается с кредиторами и с потенциальным покупателем о продаже бизнеса и удовлетворении после этого требований кредиторов. Управляющий же должен добиться, во-первых, максимально выгодных условий предстоящей сделки, во-вторых, доказать, что условия разумны, в-третьих, обеспечить соблюдение интересов всех кредиторов должника.

Тем не менее, у указанной процедуры есть существенный недостаток – отсутствие контроля со стороны суда. Этот недостаток привел к появлению так называемых компаний «фениксов» (phoenix company) – компаний, управляемых старым менеджментом и использующих те же активы, но формально перешедших в собственность иных лиц, аффилированных с должником.

Законодательство США также направлено на реабилитацию должника. Если должник подает заявление о реорганизации по правилам Главы 11 Кодекса о несостоятельности, он не должен реально выполнять разработанный им план по восстановлению платежеспособности.

Должника стимулируют самостоятельно инициировать реорганизационные процедуры банкротства. В данном случае у кредиторов в течение

определенного времени нет реальной возможности влиять на ее ход ввиду эксклюзивного права на предоставление плана реорганизации должником. Кроме того, законодательство США предусматривает схему «должника во владении» (*debtor in possession*), которая предоставляет должнику право самостоятельно управлять компанией без назначения управляющего. Введение указанного механизма было вызвано соображениями о том, что никто не может быть заинтересован в сохранении бизнеса сильнее, чем его собственники и управленцы [4].

Только в случае, если руководство должника проявило неспособностью самостоятельно осуществлять надлежащее управление, совершило мошеннические действия, суд может передать управленческие полномочия арбитражному управляющему [6].

Основная идея, которую преследовал законодатель – это реабилитация должника без остановки его производственной деятельности через успешную продажу компании новому владельцу или восстановление ее платежеспособности, что такое позволяет сохранить его деловую репутацию [5].

Во Франции реабилитационная процедура вводится, если компания прекратила платежи по обязательствам и ее сохранение на досудебном этапе невозможно. Суд через введение реорганизации стремится сохранить бизнес через продажу третьему лицу либо всего, либо части бизнеса. Продажа подразумевает отчуждение именно активов должника, а не акций/долей уставного.

Таким образом, мы видим развитие реабилитационных мероприятий в рамках возбужденных дел о банкротстве. Именно смещение акцентов с сохранения юридического лица, на сохранение бизнеса действующим (*as a going concern*) предопределяет успешность реабилитационных процедур за рубежом [2].

В данном контексте представляет интерес дело *InreCTLI, LLC* № 14–33564, рассмотренное Южным окружным судом штата Техас. Обстоятельства дела таковы. Небольшой магазин по продаже оружия обратился с заявлением о признании себя банкротом по правилам Главы 11 Кодекса о несостоятельности США. Утвержденный судом план реорганизации предполагал продажу бизнеса новому собственнику. В ходе обсуждения проекта сделки, возник вопрос о том, должен ли бывший владелец бизнеса передать покупателю доступ к социальной странице магазина в социальной сети Facebook.

Бывший собственник бизнеса отказался это делать, сославшись на то, что страница в социальной сети не является активом бизнеса, представляет для него личную ценность. Тем не менее, суд обязал бывшего владельца передать приобретателю бизнеса в том числе и доступ к странице магазина в социальной сети Facebook, мотивировав это тем, что через указанную страницу проходило около 30% продаж магазина, и она, таким образом, является важным и неотъемлемым активом предприятия.

К сожалению, в отечественном правовом порядке такого тренда не наблюдается. Установленный в Гражданском кодексе РФ подход к определению понятия предприятия, как имущественного комплекса не отражает экономической сущности предприятия.

Д.В. Егоров отмечает, что определение предприятия как совокупности разнородных объектов гражданских прав, а не как «дела» или «промысла» является существенным недостатком правового регулирования [8, с. 5].

А.З. Бобылева, в свою очередь, считает, что объективной причиной продажи несостоятельного предприятия по цене, значительно заниженной, чем продажа аналогичной благополучной компании, является приобретение в процедурах банкротства, как правило, имущественного комплекса или его отдельных элементов, а не полноценного бизнеса [7].

Нерезультативность реабилитационных процедур стала причиной попытки реформ законодательства еще в 2021 году [9].

Предложенный Минэкономразвития законопроект № 1172553–7 базировался на положениях рекомендаций Института европейского частного права, посвященных спасению бизнеса.

В качестве целей законодательства о несостоятельности предлагалось выделить в том числе справедливое и экономически эффективное регулирование несостоятельности в интересах всех затрагиваемых ею лиц, разрешение возникших в связи с ней конфликтов, а также содействие предупреждению банкротства, сохранение в ситуации несостоятельности работоспособных бизнесов, рабочих мест и налогоплательщиков.

Безусловным преимуществом установления таких целей в качестве целей механизма правового регулирования отношений несостоятельности является признание со стороны разработчиков законопроекта существенной роли реабилитационного механизма несостоятельности и его потенциальную возможность быть эффективным средством выхода из финансового кризиса.

По нашему мнению, являлась удачной и формулировка «сохранение в ситуации несостоятельности работоспособных бизнесов». Данная формулировка могла позволить решить проблему узкого подхода к определению понятия «предприятие».

Кроме того, законопроект предусматривал введение вместо существующих ныне процедур финансового оздоровления и внешнего управления новой реабилитационной процедуры – реструктуризацию долгов.

При этом, универсальность процедуры реструктуризации долгов заключалась в ее гибкости и диспозитивности правового регулирования, возможности установления различных вариантов управления должником, различных вариантов порядка проведения процедуры и возможности применения различных реабилитационных мер.

Не без сожаления отметим, что ни один из указанных законопроектов в части модернизации ре-

абилитационного механизма несостоятельности развития не получил.

Заключение

Проведенный анализ зарубежных правопорядков демонстрирует устоявшуюся тенденцию к развитию комплексных институтов как досудебного предупреждения банкротства, так и реабилитационных процедур в процедуре несостоятельности. Такие механизмы как корпоративное финансовое оздоровление, принудительное мировое соглашение и мораторий, применяются на ранних стадиях финансовых трудностей, когда должник еще не достиг формальной неплатежеспособности, что значительно повышает шансы на спасение бизнеса.

Правопорядки с наиболее эффективным правовым механизмом реабилитации должников демонстрируют гибкость и диспозитивность в подходах к регулированию судебных реабилитационных процедур. При этом ключевой тенденцией является направленность указанных мероприятий не на сохранение юридического лица, а на сохранение предприятия действующим.

В свою очередь правопорядок характеризуется фрагментарностью и недостаточной проработанностью мер по предупреждению банкротства. Такие инструменты, как санация по статье 31 Закона о банкротстве, лишены детальной процедурной регламентации, что на практике делает их малоэффективными. Узкое понимание предприятия как совокупности имущественных прав, не как хозяйственной единицы, представляющей собой сложную систему со всеми ее внутренними и внешними связями, не позволяет эффективно реализовывать потенциал реабилитационных процедур несостоятельности.

Предпринятая в 2021 году попытка реформы реабилитационного механизма несостоятельности может быть охарактеризована положительно. Обозначенные в законопроекте цели и подходы остаются актуальным ориентиром для будущих изменений.

Литература

1. Bo X. Role of Insolvency Practitioners in the UK Pre-pack Administrations: Challenges and Control // International Insolvency Review. Vol. 21. 2012;
2. Cowenberg, O. Survival Rates in Bankruptcy Systems: Overlooking the Evidence // European Journal of Law and Economics. 12. 2001. С. 253–273;
3. Habakukk K. The importance of the structure of the insolvency system for facilitation of business operators' reorganisation // Juridica international. Tartu, 2012. Vol. XIX. P. 99–106;
4. Lynn M. LoPucki & William C. Whitford. Corporate Governance in the Bankruptcy of Large, Publicly Held Companies, 141 U. PA. L. REV. 669, 694 (1993);

5. Skeel, David A. Creditors' Ball: The 'New' New Corporate Governance in Chapter 11. University of Pennsylvania Law Review. Vol.152. № 2. 2003. P. 917–951;
6. U.S. Bankruptcy Code, Chapter 11. Available at <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11>;
7. Бобылева А.З. Раскрытие ценности неблагополучных компаний путем слияний и присоединений// Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. // СПС «Консультант Плюс»;
8. Егоров Д.В. Правовое регулирование продажи предприятия в процедуре внешнего управления при несостоятельности (банкротстве) должника. Дис... канд. юрид. наук. М. 2013;
9. Законопроект № 1172553–7 от 17.05.2021 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;
10. Карелина С.А. Реформирование законодательства о несостоятельности (банкротстве): от точечной настройки к изменению концепции (Устный)// Реформирование законодательства в сфере несостоятельности (банкротства): проблемы правовой эффективности. Меж. науч. конф. 15 окт 2020 г. Москва;
11. Подколзина Е.А. Формирование института банкротства в России: стимулы и поведение участников процедуры банкротства: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.01. – ВШЭ, Москва, 2007;
12. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

THE PRE-INSOLVENCY FRAMEWORK: FOREIGN PRACTICES AND IMPLEMENTATION PROSPECTS IN RUSSIAN LAW

Karymov G.T.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

This article examines existing legal models of bankruptcy prevention (pre-insolvency) in foreign jurisdictions. It analyzes both pre-litigation tools designed to prevent the initiation of bankruptcy proceedings themselves, and insolvency procedures aimed at restoring a debtor's solvency. Their specific features, advantages, and disadvantages are scrutinized to identify common trends characteristic of foreign legal systems.

The findings from this comparative legal research are subsequently used to assess legislative initiatives aimed at reforming rehabilitation mechanisms within the domestic legal framework.

Keywords: Insolvency (Bankruptcy), Bankruptcy prevention, Rehabilitation procedures, Financial recovery, enterprise.

References

1. Bo X. Role of Insolvency Practitioners in the UK Pre-pack Administrations: Challenges and Control // International Insolvency Review. Vol. 21. 2012;

2. Cowenberg, O. Survival Rates in Bankruptcy Systems: Overlooking the Evidence // *European Journal of Law and Economics*. 12. 2001. pp. 253–273;
3. Habakukk K. The importance of the structure of the insolvency system for facilitation of business operators' reorganization // *Juridica international*. Tartu, 2012. Vol. XIX. P. 99–106;
4. Lynn M. LoPucki & William C. Whitford. Corporate Governance in the Bankruptcy of Large, Publicly Held Companies, 141 U. PA. L.REV. 669, 694 (1993);
5. Skeel, David A. Creditors' Ball: The 'New' New Corporate Governance in Chapter 11. *University of Pennsylvania Law Review*. Vol. 152. No. 2. 2003. P. 917–951;
6. U.S. Bankruptcy Code, Chapter 11. Available at <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11>;
7. Bobyleva, A.Z. Uncovering the Value of Troubled Companies through Mergers and Acquisitions // *The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement: Monograph* / A.B. Baranova, A.Z. Bobyleva, V.A. Vaypan et al.; eds. S.A. Karelina, I.V. Frolov. Moscow: Yustitsinform, 2020. // SPS «Consultant Plus»;
8. Egorov D.V. Legal regulation of the sale of an enterprise in the procedure of external management in case of insolvency (bankruptcy) of the debtor. Diss... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2013;
9. Bill No. 1172553–7 of May 17, 2021 «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus»;
10. Karelina S.A. Reforming the legislation on insolvency (bankruptcy): from fine-tuning to changing the concept (Oral) // *Reforming the legislation in the field of insolvency (bankruptcy): problems of legal efficiency*. Int. scientific conf. October 15, 2020, Moscow;
11. Podkolzina E.A. Formation of the Bankruptcy Institution in Russia: Incentives and Behavior of Bankruptcy Proceedings Participants: Dis. ... Cand. of Economic Sciences: 08.00.01. – HSE, Moscow, 2007;
12. Federal Law of October 26, 2002, No. 127-FZ «On Insolvency (Bankruptcy)» // *Collected Legislation of the Russian Federation*, October 28, 2002, No. 43, Art. 4190.

Использование электронных технологий в административном праве: плюсы и минусы

Качалов Павел Николаевич,

канд. филос. наук, доцент, Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: kachalovpn@mail.ru

Бульдяева Ксения Андреевна,

студентка, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
E-mail: Aa18041205@yandex.ru

Мукасеева Надежда Николаевна,

канд. экономических наук, Средне-Волжский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: mukaseeva1209@mail.ru

В статье проанализирован институт развития российского информационного общества и процесс введения электронных технологий в административное право. Исследована роль цифровизации на взаимодействие граждан с государственными органами, а также на объективность, общедоступность осуществления государственных услуг, результативность проведения административных процедур. При этом отмечено влияние бюрократии, неустойчивости технических систем, киберпреступности на цифровизацию. Данная работа подчеркивает важность и актуальность формирования норм права, всецело регулирующих применение современных технологий в административном праве с целью минимизации возникновения вышеуказанных рисков. Кроме того, в статье проанализирована судебная практика, отражающая пробелы права по исследуемой тематике.

Ключевые слова: информационные технологии, административное право, кибератаки, цифровизация, судебная практика, государственное управление.

В настоящее время особую уникальность обретает вопрос влияния информационных технологий на человека, общество и государство в целом. В связи с их развитием и огромным влиянием на каждую сферу жизнедеятельности человека важным представляется вопрос понимания института информационного общества. Сегодня об информационном обществе указано во множестве нормативно-правовых актах. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» говорится о том, что оно представляет собой «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1].

Его образование и постоянное совершенствование повлекло возникновение зависимости человека от информационных технологий. Другими словами, без существования информационного пространства в настоящее время современное общество не может осуществлять ранее привычные ему действия. По нашему мнению, процесс цифровизации может представлять собой введение цифровых технологий в каждую сферу жизнедеятельности человека, когда ранее поставленные задачи могли выполняться людьми самостоятельно. Однако с появлением информационных технологий и введением их в жизнь человека осуществлять множество функций стало более легко, оперативно и эффективно [2].

На современном этапе технологии оказывают постоянное влияние и на правовую сферу. Не исключением осталось и административное право, что отразилось на взаимодействии граждан с органами государства и на саму работу властей. Этим обуславливается актуальность данного вопроса, так как информационные технологии в целом помогают человеку более просто и быстро получить доступ к государственным услугам. Однако стоит задуматься, действительно ли безопасно использовать их в правовой системе, защищены ли данные гражданина, а также его права?

Минькович Т.В. считает, что под информационными технологиями стоит понимать комплекс средств и методов, которые основываются на применении электронных технологий для обработки, хранения и передачи данных [3, с. 379].

В соответствии с положениями Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) к информационным технологиям в данной отрасли права стоит отнести, например, автоматическую фиксацию адми-

нистративных правонарушений с помощью специализированных технических средств, вынесение и направление постановлений в виде электронных документов с применением электронной подписи, извещение или вызов в суд участников дела с использованием различных средств связи, которые обеспечивают фиксацию извещения или вызова и его вручение адресату, направление запроса на предоставление сведений посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, обращение с жалобой в электронном виде, заверенной электронной подписью при помощи Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – Госуслуги) или официальных сайтов, направление в виде электронного документа, подписанного электронной подписью уполномоченным должностным лицом, через Госуслуги с предоставлением копий решений по жалобе, если административное правонарушение было зафиксировано автоматическими техническими средствами с фото-, кино- и видеофиксацией и т.д.[4].

Компьютерные технологии особо активно применяются в совершенствовании механизма управления государством. К примеру, они помогают улучшать прохождение различных административных процедур, контролировать их, повышать доступность получения государственных услуг и обеспечить прозрачность деятельности органов государства. Так, они помогают гражданам при помощи компьютера или смартфона подавать различные заявления в государственные структуры, минуя «живые» очереди (запись к врачу, подача заявлений на замену водительского удостоверения, о регистрации/расторжении брака и т.д.). Для граждан это особенно удобно, поскольку им не нужно для этого выходить из дома, отпрашиваться с работы, ехать из удаленных периферий ради дела, которое по сути может занять непродолжительное время.

При этом, стоит отметить, что использование электронных платформ существенно снижает «бумажную» работу, уменьшает число промежуточных действий, что позволяет быстро реагировать на поступающие запросы и обращения. Также, как мы указывали ранее, институт информатизации общества может помочь исключить подозрения граждан в необъективности действий органов государства. Например, на сайте Госуслуги можно отследить статус поданного заявления и убедиться в том, что оно в действительности зарегистрировано и находится в работе с установленными законом сроками.

Здесь немаловажную роль играет искусственный интеллект, который для используется для принятия каких-либо решений на электронных порталах услуг. Это существенно ускоряет процесс обработки и принятия решения по заявлению гражданина (например, при подаче заявление на получение справки об отсутствии/наличии судимости, необходимо прикрепить фото паспорта с определенными страницами. Если человек загрузит в систему не те страницы или на них будет нечеткое изображение, система определит это и заявление будет отклонено. При этом гражданину не нужно

будет физически приезжать в территориальный орган Министерства внутренних дел РФ или Многофункциональный центр, достаточно лишь самостоятельно загрузить исправленный файл). Несмотря на плюсы использования информационных технологий, существуют и недостатки их внедрения в рассматриваемые отрасли.

Как мы указывали выше, их применение снижает количество «бумажной» и число бюрократических действий, что удобно как для граждан, так и для государственных работников. Однако, например, электронное заявление может не зарегистрировано в связи с перезагрузкой системы, файл может быть удален, к серверу удаленно может получить неправомерный доступ злоумышленник и т.д.

Информационные технологии используются в государственных структурах относительно недавно, когда бумажный электронный документооборот отработывался десятками лет, а система регистрации и учета заявлений, обращений и иных документов граждан имеет уже сложившуюся структуру работы. Привычная каждому человеку печать канцелярии является практически для всех основным доказательством непосредственного обращения в орган власти, тогда как электронная альтернатива, в полной мере подтверждающая это, в настоящее время, к сожалению, до сих пор не создана.

Еще одним недостатком цифровизации права является навязчивость их использования. Например, поступление ненужных push-уведомлений, заключение в одном электронном ресурсе абсолютно всех документов гражданина и использованных государственных услуг. У гражданина может возникнуть подозрение относительно сбора информации о нем органами власти без его согласия. Из изложенного следует, что использование современных электронных возможностей требует тщательной всесторонней проработки, начиная от регистрации документа, заканчивая кибербезопасностью.

Применение информационных технологий в области управления государством тесно взаимосвязано с постоянно растущей зависимостью от них. Сейчас уже тяжело представить полностью рукописные документы, журналы их учета и другое. Благодаря современным технологиям стало возможно намного быстрее и удобнее анализировать и обрабатывать огромное количество информации. Отсюда следует, что органам власти необходимо постоянно инвестировать в развитие технологий, обучать сотрудников работе с такими программами, обеспечивать постоянный и безопасный доступ в сеть Интернет, исключить отключение электроэнергии [6, с. 7].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что цифровизации органов государственной власти необходима четкая, конкретизированная и всесторонне проработанная нормативная база. Современное законодательство может не успевать за постоянными модернизациями информационного общества, что приводит к возникновению правовых пробелов в практической деятельности.

Так, в г. Москва мировым судьей г. Аэропорт вынесено постановление о признании виновным на-

чальника Головинского ОСП УФССП России в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ. Суть вины заключается в том, что начальник нарушил установленный законом порядок рассмотрения обращений граждан, в связи с чем назначено административное наказание в виде штрафа в размере 5000 рублей. Судом указано, что при нарушении правил работы с документами сотрудники службы обязаны в течение часа устно сообщить об этом своему руководителю и в управление делопроизводства, однако указанный сотрудник этого не сделал [7].

Здесь нам хотелось бы согласиться с мнением Р.В. Амелина, который считает, что «данный прецедент весьма показателен, поскольку суд совершенно справедливо учел, что установленная законом обязанность по соблюдению порядка работы с обращениями граждан никак не связана с использованием информационных систем и не может быть поставлена в зависимость от корректной работы последних» [8, с. 461].

Еще одним ярким примером является решение Верховного Суда Российской Федерации об отказе в удовлетворении просьбы ФГУП «Почта России» об отсрочке оплаты государственной пошлины. Так, в рамках судебного разбирательства компания подала кассационную жалобу и обратилась с ходатайством о временной отсрочке оплаты пошлины до завершения рассмотрения жалобы, аргументируя тем, что ее оплата на предприятии осуществляется при помощи безналичных расчетов через электронную систему Единой информационной системы казначейства (далее – ЕИС). Однако в момент согласования платежа в программном обеспечении произошёл технический сбой, который привёл к задержке в осуществлении оплаты пошлины.

В данном примере показана проблема применения современных информационных систем, направленных на выполнение финансовых транзакций. Технический сбой в системе ЕИС независимо от её функций по обеспечению осуществления государственных платежей может привести к задержкам и негативным последствиям для структур, не имеющих возможности быстро урегулировать подобные трудные ситуации. Однако, согласно позиции Верховного Суда РФ, «техническая неисправность оборудования не относится к обстоятельствам, свидетельствующим о невозможности заявителя уплатить государственную пошлину в установленном законом размере» [9].

Изложенное подтверждает важность и необходимость формирования нормативно-правовой базы для регулирования электронных процессов, в том числе в административно-правовых институтах. Это также обуславливается внедрением в право такого нового является как искусственный интеллект. Перспективы его использования в последнее время все чаще обсуждаются среди современных правоведов. Использование искусственного интеллекта в работе государственных органов с гражданами подразумевает создание виртуальных помощников для автоматического

предоставления типовой информации, а также обработки стандартных заявлений и вопросов. Как указано ранее, сейчас искусственный интеллект активно используется при обработке поступивших документов в приложении «Госуслуги».

Также данный институт может использоваться для мониторинга административных стандартов (анализ технических данных, позволяющих выявить возможные нарушения и отклонения от норм). Это не только ускоряет процесс, но и снижает вероятность допущения человеческих ошибок. Использование искусственного интеллекта помогает в анализе судебной практики, например, при классификации решений суда (например, оправдательный или обвинительный приговор), при составлении правовых рекомендаций. Также можно использовать его при мониторинге отклонения заявлений граждан (обоснованное или необоснованное), либо вмешательства в административные процессы.

Компьютеризация административных процессов имеет как плюсы (доступность и прозрачность государственных услуг), так и минусы (угрозы безопасности, недостаточность эффективных мер правового регулирования). При создании грамотной и четко структурированной нормативной базы данные проблемы могут разрешиться.

Одним из примеров действий злоумышленников в данной сфере может служить следующее. В настоящее время они занимаются рассылкой различных вредоносных писем, маскируя их под официальные уведомления от Межрайонного отдела судебных приставов по исполнению постановлений налоговых органов г. Москва. При открытии данного письма на электронное устройство автоматически устанавливается вирусная программа, обеспечивающая киберпреступникам возможность сбора конфиденциальных данных (фишинговые программы, письма). Преступники используют адреса электронных почт, схожие с настоящим адресом организации, допуская незаметное изменение в наименовании адреса (добавление цифры, лишней буквы, символа) и обычный человек не заметит подмены. В каждом сообщении содержится архив с названием вроде «Исполнительный лист № 27186421–25 от <дата>.zip». Внутри архива находится исполняемый файл, который при запуске устанавливает DarkWatchman RAT на устройство пользователя-жертвы.

В вирусный файл входит кейлоггер – это ИТ-инструмент, который незаметно записывает все нажатия клавиш, позволяя хакерам перехватывать пароли, банковские данные и другую личную информацию. Кроме того, DarkWatchman обладает возможностями бэкдора, который предоставляет удаленный доступ к зараженной ИТ-системе, позволяя загружать дополнительные файлы, выполнять команды и управлять устройством на расстоянии. Все это особенно опасно для корпоративных сетей, в том числе и государственных служб [11].

Таким образом, подводя итоги проведенному исследованию, нам хотелось отметить следующее. Внедрение информационных технологий в жизне-

деятельность человека, в том числе и в правовую сферу, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Их роль в институте государственного управления выражается в обеспечении доступности граждан к государственным услугам, что позволяет им быстро получать необходимые справки, и не выходя из дома, направлять в различные органы государства соответствующие заявления. При этом, многие вопросы законодателем еще не урегулированы, так как законодатель фактически не успевает за развитием информационных технологий, а также могут возникнуть риски попадания конфиденциальных данных в руки злоумышленников.

Следовательно, в будущем использование электронных технологий в административном праве зависит от создания гибкой законодательной базы, которая сможет быстро реагировать на технологические изменения и обеспечивать безопасность, минимизируя риски и угрозы, связанные с киберпреступностью.

Литература

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2018 № 428 // Доступ из Справочной правовой системы «Гарант».
3. Минькович, Т.В. Информационные технологии: понятийно-терминологический аспект // ОТО. – 2012. – № 2. – С. 371–389.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
5. Жуманазаров, В.С. Инновации в административном праве: роль технологий и цифровизации // Молодой ученый. – 2023. – № 42 (489). – С. 204–206.
6. Чертков, А.Н. Цифровизация публичного управления: преимущества и риски // Российское право онлайн. – 2024. – № 4. – С. 5–10.
7. Решение Савеловского районного суда г. Москвы № 12–417/14 от 15 мая 2014 // Доступ из базы судебных актов «СудАкт».
8. Амелин, Р.В. Информационно-правовой режим государственных и муниципальных информационных систем // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2018. – № 4. – С. 455–466.
9. Об отказе в предоставлении отсрочки по уплате государственной пошлины: Определение Верховного Суда РФ по делу № 305-ЭС14–

5836, А40–50680/2013 от 11.11.2014 // Доступ из Справочной правовой системы «Гарант».

10. Легашов, М.А. Основы и перспективы применения методов искусственного интеллекта в государственном управлении // Известия СПбГЭУ. – 2023. – № 6–2 (144). – С. 26–32.
11. Хакеры под видом российских судебных приставов рассылают усовершенствованные вредоносные программы: сайт. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2025-03-20_hakery_pod_vidom_rossijskih. – Загл. с экрана.

THE USE OF ELECTRONIC TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE LAW: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

Kachalov P.N., Buldyayeva K.A., Mukaseeva N.N.

Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice

This article analyzes the institute for the development of the Russian information society and the process of introducing electronic technologies into administrative law. The article examines the role of digitalization on the interaction of citizens with government agencies, as well as on the objectivity, accessibility of public services, and effectiveness of administrative procedures. At the same time, the impact of bureaucracy, instability of technical systems, and cybercrime on digitalization was noted. This work highlights the importance and relevance of the formation of legal norms that fully regulate the use of modern technologies in administrative law in order to minimize the occurrence of the above risks. In addition, the article analyzes judicial practice reflecting the gaps in law on the subject under study.

Keywords: information technology, administrative law, cyberattacks, digitalization, judicial practice, public administration.

References

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 // SZ RF. – 2017. – No. 20. – Art. 2901.
2. On approval of the Explanations (methodological recommendations) for the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation of 01.08.2018 No. 428 // Access from the Reference Legal System "Garant".
3. Minkovich, T.V. Information technologies: conceptual and terminological aspect // OTO. – 2012. – No. 2. – P. 371–389.
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ // SZ RF. – 2002. – No. 1 (Part I). – Art. 1.
5. Zhumanazarov, V.S. Innovations in Administrative Law: the Role of Technology and Digitalization // Young Scientist. – 2023. – No. 42 (489). – P. 204–206.
6. Chertkov, A.N. Digitalization of Public Administration: Advantages and Risks // Russian Law Online. – 2024. – No. 4. – P. 5–10.
7. Decision of the Savelovsky District Court of Moscow No. 12–417/14 dated May 15, 2014 // Access from the database of judicial acts "SudAkt".
8. Amelin, R.V. Information and legal regime of state and municipal information systems // News of Saratov University Nov. series. Series: Economy. Management. Law. – 2018. – No. 4. – P. 455–466.
9. On refusal to grant a deferment of payment of state duty: Determination of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 305-ES14–5836, A40–50680 / 2013 dated 11.11.2014 // Access from the Reference Legal System "Garant".
10. Legashov, M.A. Fundamentals and Prospects of Applying Artificial Intelligence Methods in Public Administration // News of SPbGEU. – 2023. – No. 6–2 (144). – P. 26–32.
11. Hackers posing as Russian bailiffs are sending out advanced malware: website. – Access mode: https://www.cnews.ru/news/top/2025-03-20_hakery_pod_vidom_rossijskih. – Title from the screen.

Лещинский Станислав Валерьевич,

аспирант Московского университета им. А.С. Грибоедова;
заместитель генерального директора, АО «Синтезпроект»
E-mail: Stas777s1@ya.ru

Тема высокодоходных операций вообще, и таких операций, совершаемых банками в недостаточной мере освещена в научной литературе. В то же время в условиях сложной и нестабильной экономической ситуации риски таких операций являются повышенными. В статье рассматриваются различные аспекты совершения банками высокодоходных операций.

Ключевые слова: банк, предпринимательская деятельность, прибыль, высокодоходные операции, риски.

В современной экономике банки являются одним из ключевых элементов, обеспечивающих интенсивное и бесперебойное функционирование других экономических субъектов. С этой точки зрения, банки играют важную общественную роль для всей экономической системы, не замыкаясь только на собственные интересы.

С другой стороны, согласно действующего законодательства банки могут создаваться в форме хозяйствующих обществ¹. Хозяйствующие общества представляют собой корпоративные коммерческие организации². Гражданским кодексом РФ создание хозяйствующих обществ предусмотрено в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью.

Таким образом, банки представляют собой коммерческие организации, т.е. организации осуществляющие предпринимательскую деятельность. В соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ такая деятельность осуществляется самостоятельно, на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли. И, следовательно, чем выше прибыль, которая является величиной, определяемой как доход, уменьшенный на величину расходов, тем успешнее деятельность банка.

Данное обстоятельство определяет значительный интерес обычного банка к высокодоходным операциям. Высокодоходная операция в экономическом смысле по цели совершения таких операций – это финансовая или инвестиционная деятельность, которая позволяет получить значительную большую прибыль на вложенные ресурсы в сравнении с обычными операциями.

Такие операции характеризуются высоким уровнем риска, поскольку потенциальная доходность часто связана с нестабильностью рынка или другими неопределенными факторами.

В современных экономических отношениях примерами высокодоходных операций могут служить:

1. Инвестиции в акции. Покупка акций быстрорастущих компаний, которые могут обеспечить высокий рост капитала.

2. Вложения в недвижимость. Инвестиции в коммерческую или жилую недвижимость, которая может приносить доход от аренды и увеличивать свою стоимость.

3. Вложения в стартапы. Вложение средств в новые компании с высоким потенциалом роста, хотя риск потери капитала также высок.

4. Совершение операций на рынке форекс.

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ

5. Операции с криптовалютами. Торговля валютами или криптовалютами, которые могут иметь высокую волатильность и, соответственно, высокий доход.

Правовые аспекты высокодоходных банковских инструментов охватывают множество тем, включая регулирование финансовых рынков, защиту прав инвесторов и соблюдение норм антимонопольного законодательства. Важно учитывать, что такие инструменты могут быть связаны с повышенными рисками, что требует тщательного анализа и понимания правовых последствий для участников рынка.

Российское законодательство на сегодня не предусматривает нормативного регулирования, что подобного рода операций, не выделяет их в отдельную категорию, что не ограничивает деятельность банков по совершению таких операций.

Последнее обстоятельство, наряду с отсутствием научного экономического и правового осмысления такой деятельности обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Современное российское законодательство не содержит норм, регулирующих высокодоходные операции банков или устанавливающее критерии высокодоходных операций. Но нельзя говорить о том, что правовое воздействие на данную сферу полностью отсутствует. По нашему мнению, правовое воздействие на лиц, совершающих высокодоходные операции осуществляется косвенно и представляет собой комплексное межотраслевое воздействие.

Такое комплексное межотраслевое воздействие осуществляется банковским законодательством, законодательными актами о финансовом рынке, другими законодательными и подзаконными актами.

Специальное банковское законодательство, состоящее из закона о Центральном банке Российской Федерации¹, упомянутого выше закона о банках и банковской деятельности и других правовых актов, включая правовые акты Банка России.

Регулирование деятельности банков состоит в установлении норм и правил, которые обеспечивают стабильность финансовой системы, защиту интересов вкладчиков и предотвращение финансовых преступлений.

Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования споры о правомерности участников отношений, которые могут быть определены как высокорисковые операции, являются все более и более частыми предметами судебных споров.

Значительная часть таких споров вытекает из действий банков по приостановке операций по счетам или из-за блокировки банковской карты.

Потребительский кооператив социальных программ для пайщиков обратился в арбитражный суд с иском к банку о признании незаконными действий банка, выраженных в применении к истцу

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»

мер, предусмотренных пунктом 5 статьи 7.7 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), введении ограничений по распоряжению денежными средствами на расчетном счете и об обязанности банка снять ограничения по распоряжению денежными средствами на расчетном счете².

Признавая законность и обоснованность решений нижестоящих судов, кассационная инстанция отметила, что решение о приостановке операций по счету основано на детальной информации, подтвержденной представленными в суд письменными пояснениями Банка России. Кроме того, суд отметил, что заявитель не обжаловал в суды решение полномочной межведомственной комиссии, в которую кооператив обратился за разрешением спора во внесудебном порядке.

Аналогичный порядок рассмотрения судебного спора имеет место и при ином формулировании требований истца. Так, общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением к банку с требованием восстановить доступ к системе дистанционного банковского обслуживания в отношении основного и резервного расчетных счетов, открытых обществу, путем электронного документооборота, и разблокировать банковскую карту к расчетному счету³.

Несмотря на то, что операции с использованием указанного счета и привязанной к нему карты проводились между физическими лицами, и истец, по его мнению, представил доказательства обоснованности операций, суды признали операции общества высокорисковыми и оставили в силе ограничительные меры.

В контексте рассматриваемого вопроса наиболее важными представляются следующие направления правового регулирования:

1. Лицензирование. Банки должны получать лицензии для ведения своей деятельности, что подразумевает соблюдение определенных требований.

2. Капитализация. Установление минимальных требований к капиталу, чтобы банки могли выдерживать финансовые потери.

Регулирование финансовых рынков включает в себя множество аспектов, направленных на обеспечение стабильности, прозрачности и честности в финансовых операциях.

Основные элементы регулирования финансовых рынков могут быть изложены следующим образом:

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2025 г. № Ф05–11506/2025 по делу № А40–158918/2024

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.05.2024 г. № Ф09–2281/24 по делу № А60–43705/2023

1. Формирование законодательной базы, т.е. установление правовых норм, регулирующих деятельность участников финансового рынка, включая банки, инвестиционные компании и другие финансовые институты.

2. Осуществление надзора и контроля путем создания регулирующих органов, таких как центральные банки и финансовые регуляторы, которые следят за соблюдением законодательства и предотвращают финансовые преступления.

3. Лицензирование соответствующих видов деятельности, т.е. регламентация требований к деятельности финансовых учреждений, что призвано обеспечить защиту интересов инвесторов и клиентов.

4. Установление требований к раскрытию информации. Обязанность компаний предоставлять полную и достоверную информацию о своей финансовой деятельности, что позволяет инвесторам принимать обоснованные решения.

5. Защита инвесторов, что представляет собой меры, направленные на защиту прав инвесторов, включая механизмы компенсации в случае банкротства финансовых учреждений.

6. Регулирование торговли высокодоходными активами, т.е. установление правил для проведения сделок, включая запреты на манипуляции рынком и противодействие инсайдерской торговле.

Регулирование финансовых рынков играет ключевую роль в предотвращении финансовых кризисов и поддержании доверия к финансовым системам в целом, частью которых являются и банковские системы.

Регулирование финансовых рынков включает в себя установление правил и норм, которые способствуют стабильности и прозрачности финансовых систем. Основные аспекты этого направления регулирования включают в себя:

1. Контроль за рыночной деятельностью – государственные органы следят за тем, чтобы участники рынка действовали в рамках закона.

2. Защита инвесторов – создание механизмов, которые обеспечивают безопасность средств и прав инвесторов.

3. Предотвращение манипуляций – меры по предотвращению мошенничества и манипуляций на рынке.

4. Установление стандартов – правила и стандарты для финансовых инструментов и участников рынка.

5. Мониторинг и отчетность – обязательства по предоставлению информации о финансовых операциях и состоянии рынков.

Таким образом, регулирование финансовых рынков играет ключевую роль в обеспечении их функционирования и защиты интересов и всех участников в связи с совершением высокодоходных операций.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы правового регулирования защиты прав инвесторов.

Правовое регулирование защиты прав инвесторов – это система норм и правил, направленных на обеспечение безопасности и правомерности вложений инвесторов в различные финансовые инструменты и предприятия. Оно включает в себя законодательные акты, регулирующие деятельность инвестиционных фондов, бирж, компаний и других участников рынка, а также механизмы, обеспечивающие защиту прав инвесторов от мошенничества, манипуляций и других неправомерных действий.

Основные аспекты правового регулирования включают:

1. Регистрация и лицензирование. Обязательно для финансовых учреждений и компаний, чтобы гарантировать их надежность.

2. Информационная прозрачность. Компании обязаны предоставлять полную и достоверную информацию о своей деятельности и финансовом состоянии.

3. Механизмы разрешения споров. Наличие четких процедур для решения конфликтов между инвесторами и компаниями.

4. Механизмы обеспечения права на получение возмещения убытков.

Эффективное правовое регулирование способствует формированию доверия к инвестиционному рынку и увеличивает приток капитала, что в свою очередь способствует экономическому развитию.

Еще одним важным аспектом в рамках рассматриваемой тематики является правовое регулирование взаимоотношений банков и инвесторов.

Взаимодействие между банками и инвесторами является ключевым элементом финансовой системы.

Основная проблема в данной сфере относится к вопросам кредитования и инвестирования. Банки предоставляют кредиты компаниям и частным лицам, которые затем могут использовать эти средства для инвестиций в различные проекты. Инвесторы, в свою очередь, могут вкладывать средства в банки через депозиты или другие финансовые инструменты.

Банки играют важную роль в финансовой системе, и их поведение как инвесторов может быть многогранным. Для того чтобы понять банки в этой роли, следует рассмотреть несколько ключевых аспектов:

1. Роль банков в экономике: Банки не только хранят деньги и выдают кредиты, но и активно участвуют в инвестировании. Они могут вкладывать средства в различные активы, чтобы увеличить свою прибыль.

2. Типы инвестиций: Банки могут инвестировать в облигации, акции, недвижимость и другие активы. Их инвестиционная стратегия может зависеть от рыночной ситуации и внутренней политики.

3. Управление рисками: Как инвесторы, банки должны оценивать риски, связанные с их инвестициями. Это включает в себя анализ финансовых показателей компаний и макроэкономических факторов. Важно учитывать, что высокодоходные

операции требуют тщательного анализа и понимания рисков, связанных с ними.

4. Регулирование: Банки подвержены строгому регулированию, что влияет на их инвестиционные решения. Знание этих регуляторных рамок важно для понимания их действий на рынке.

5. Инвестиционные фонды: Многие банки создают инвестиционные фонды, которые позволяют клиентам вкладывать деньги в разнообразные активы. Это также отражает их роль как инвесторов.

Изучение этих аспектов поможет лучше понять, как банки действуют как инвесторы и какую роль они играют на финансовых рынках.

Для России важным вопросом является соблюдение норм антимонопольного законодательства.

Соблюдение норм антимонопольного законодательства означает выполнение правил и требований, направленных на предотвращение монополизации рынка и защиту конкуренции. Антимонопольное законодательство регулирует действия компаний, чтобы обеспечить честные условия для всех участников рынка.

Антимонопольное регулирование включает в себя:

1. Запрет на злоупотребление доминирующим положением: Компании не могут использовать свое влияние для устранения конкурентов или манипулирования ценами.

2. Контроль за слияниями и поглощениями: Необходима проверка сделок, которые могут привести к созданию монополий или значительному уменьшению конкуренции.

3. Запрет на картели: Компании не могут вступать в соглашения, направленные на фиксирование цен или разделение рынков.

Соблюдение этих норм важно для обеспечения справедливой конкуренции и защиты интересов потребителей.

Антимонопольное регулирование банковской деятельности представляет собой систему мер и правил, направленных на предотвращение монополизации рынка банковских услуг и обеспечение справедливой конкуренции среди финансовых учреждений. Основная цель антимонопольного регулирования заключается в защите интересов потребителей и создании условий, при которых различные банки могут свободно конкурировать друг с другом.

Ключевые аспекты антимонопольного регулирования в банковской сфере включают в себя:

1. Предотвращение слияний и поглощений: Регуляторы могут блокировать сделки, которые могут привести к значительному сокращению конкуренции на рынке.

2. Контроль за ценами: Регулирование цен на банковские услуги с целью предотвращения злоупотреблений и установления несправедливых тарифов.

3. Обеспечение прозрачности: Создание правил, которые требуют от банков раскрытия информации о своих услугах и тарифах, что позволяет потребителям делать осознанный выбор.

4. Защита прав потребителей: Антимонопольное регулирование также направлено на защиту интересов клиентов банков, обеспечивая им доступ к разнообразным финансовым продуктам и услугам.

Эти меры помогают создать более стабильную и конкурентоспособную финансовую систему, что в свою очередь способствует экономическому росту и развитию.

Поскольку высокодоходные операции связаны со значительными коммерческими и финансовыми рисками, то необходимо выделить еще ряд особенностей, характерных именно для высокорисковых операций банков.

Высокорисковые банковские операции – это финансовые транзакции, которые связаны с высоким уровнем риска потерь. К таким операциям могут относиться:

1. Кредитование – предоставление займов клиентам с низким кредитным рейтингом.

2. Инвестиции – вложение средств в высоковолатильные активы, такие как акции или криптовалюты.

3. Торговля деривативами – операции с финансовыми инструментами, стоимость которых зависит от базовых активов.

Хотя в российское законодательство не разделяет банки по видам деятельности (сберегательные и другие виды), однако в контексте рассматриваемой темы целесообразно выделить особенности так называемых инвестиционных и инновационных банков. Данная проблематика заслуживает внимания и в связи с тем внимание, которое российское правительство уделяет инвестициям и инновациям. При этом инвестиционной и инновационной деятельностью могут заниматься не только банки, но и иные кредитные организации.

Инновационные банки традиционно работают с венчурными предприятиями и венчурными проектами. Венчурный бизнес направлен на внедрение в практику новейших технических и технологических разработок, результатов научных исследований и изысканий, срок окупаемости которых достаточно может быть различен.

В сравнении с банками, рассмотренными выше, инновационные кредитные организации представляют собой высокорискованные предприятия, поэтому основная доля пассивов формируется в виде вноса учредителя.

В большинстве стран национальное банковское законодательство существенно ограничивает для них возможность привлечения средств из иных источников, тогда как в России этот вопрос законодательно не урегулирован.

Добросовестные банки и финансовые учреждения самостоятельно тщательно анализируют риски, связанные с такими операциями, чтобы минимизировать потенциальные убытки.

Инновационные банки, которые работают с венчурными предприятиями и проектами, имеют особый подход к анализу рисков. Венчурный бизнес направлен на внедрение в практику новейших тех-

нических и технологических разработок, а также результатов научных исследований и изысканий, при этом срок окупаемости таких инвестиций зачастую бывает достаточно высоким.

В отличие от традиционных банков, инновационные кредитные организации считаются высокорискованными предприятиями. Основная доля их пассивов формируется в виде вноса учредителя, что делает их финансовую структуру более уязвимой. Как уже было сказано выше, в большинстве стран национальное банковское законодательство существенно ограничивает для них возможность привлечения средств из иных источников, что дополнительно усложняет процесс управления рисками.

Анализ рисков в инновационных банках включает в себя:

1. Оценку инновационного потенциала проектов: Исследование технологических новшеств и их коммерческой жизнеспособности.

2. Анализ финансовой устойчивости: Оценка структуры капитала и зависимости от учредительских взносов.

3. Регуляторные ограничения: Учет законодательно установленных рамок для привлечения внешнего финансирования.

Эти факторы делают инновационные банки уникальными в контексте анализа и управления рисками, требуя специфических методов и подходов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51
2. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2025 г. № Ф05–11506/2025 по делу № А40–158918/2024
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.05.2024 г. № Ф09–2281/24 по делу № А60–43705/2023

LEGAL ASPECTS OF HIGH-YIELD BANKING OPERATIONS

Leshchinsky S.V.

A.S. Griboyedov Moscow State University

The topic of high-yield operations in general, and such operations conducted by banks, is insufficiently covered in the scientific literature. At the same time, in a complex and unstable economic environment, the risks of such operations are heightened. This article examines various aspects of high-yield operations conducted by banks.

Keywords: bank, entrepreneurial activity, profit, high-yield operations, risks.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51
2. Federal Law of December 2, 1990, No. 395–1 “On Banks and Banking Activities”
3. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of July 31, 2025, No. F05–11506/2025 in Case No. A40–158918/2024
4. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of May 13, 2024, No. F09–2281/24 in Case No. A60–43705/2023

Проблемы научной организации труда в системе советской государственной службы (на примере органов советской прокуратуры)

Матаева Майгуль Хафизовна,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: maigulm@mail.ru

Гаврилов Станислав Олегович,

к.ю.н., д.и.н., профессор, профессор кафедры государственного и административного права, Кемеровский государственный университет
E-mail: gavrosh66@mail.ru

Вертков Владимир Денисович,

аспирант, Кемеровский государственный университет
E-mail: n.vertkov93@mail.ru

Статья посвящена истории развития и внедрения принципов научной организации труда (НОТ) в деятельность органов прокуратуры Советского Союза в 1920-х годах. Автор подробно описывает процесс формирования и становления методов рационализации труда, начиная с первых экспериментов и заканчивая созданием специальных комиссий и бюро, занимающихся этими вопросами.

Одним из ключевых моментов является введение карточной системы учета документов, заменившей традиционные журналы и реестры. Эта система позволила значительно сократить сроки обработки документов и повысить эффективность работы сотрудников. Особое внимание уделяется роли Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ), который играл ведущую роль в распространении идей НОТ в государственных учреждениях.

Кроме того, статья подчеркивает важность планирования и координации работы прокуратуры, включая разработку календарных графиков и инструкций по распределению обязанностей. Эти мероприятия способствовали повышению производительности и упорядоченности в деятельности прокурорских органов.

В заключение автор отмечает, что внедрение принципов НОТ в прокуратуру было частью общего процесса модернизации государственного аппарата, характерного для 1920-х годов. Это позволило органам прокуратуры адаптироваться к новым условиям и эффективно выполнять свои функции в условиях индустриализации и экономического роста.

Ключевые слова: советская прокуратура, научная организация труда.

Уже в первые месяцы существования большевистского государства новая власть постоянно транслировала идею необходимости разработки новых принципов функционирования государственного аппарата, основанных, в числе прочего, на научной организации труда. В плоскость реальных практических задач политика научной организации труда (НОТ) была перенесена после окончания внутреннего гражданского противостояния и начала работ по восстановлению народного хозяйства. Следует отметить, что движение за внедрение принципов НОТ не было исключительной российской особенностью: в двадцатые годы оно получило широкий размах в ряде европейских государств. Повсеместно (в Германии, Франции, Италии, Испании, Швеции, Бельгии, Польше, Чехословакии) создавались научно-исследовательские институты, международные конгрессы, посвященные организации делопроизводства в учреждениях [16, с. 34]. За границу командировались специалисты, закупалась литература по НОТ – на английском, французском, немецком языках.

Широкая работа по внедрению научной организации в деятельность государственного аппарата стала разворачиваться в СССР с конца 1923 г., после образования общесоюзного Наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

В п. 16 Положения о НК РКИ СССР отмечалось, что на наркомат возлагается «организация и утверждение непосредственно или через НК РКИ союзных республик положений об органах рационализации ведомственного аппарата (плановые и организационные бюро, опытные станции, ячейки содействия по улучшению госаппарата)» [3, 1923, № 10, ст. 3110.

Первое положение о Совноте (Совете по научной организации труда) СССР было утверждено 26 декабря 1923 г. Совещанием при наркомате РКИ СССР. В дальнейшем на Совнот были возложены также задачи по внедрению НОТ в практику работы государственного аппарата [5]. Новое положение о Совноте было утверждено наркомом РКИ СССР 31 декабря 1924 г. [14, 1925, № 1]. Затем в связи с необходимостью конкретизации задач Совнота по рационализации госаппарата и регулированию деятельности учреждений, изучающих научную организацию труда, 8 января 1926 г. коллегией НК РКИ СССР было утверждено последнее положение о Совноте [18, л. 4–5].

Оргбюро в Наркомюсте РСФСР было образовано распоряжением по Народному Комиссариату юстиции и Прокуратуре РСФСР № 37 от 16 октября 1924 года [7, 1924, № 39–40]. Согласно по-

ложению об Оргбюро оно непосредственно подчинялось заместителю наркома юстиции РСФСР, возглавлявшему одновременно в то время так называемый отдел прокуратуры, фактически руководивший всей прокурорской системой республики.

Следует подчеркнуть, что ещё задолго до учреждения Организационного бюро периодическими инициативами в региональных прокуратурах осуществлялись исследования и разработки в области научной организации труда. Например, в 1923 году был реализован эксперимент по внедрению карточной системы учёта документов взамен ранее использовавшейся громоздкой журнальной системы делопроизводства в аппарате Московской губернской прокуратуры.

Значительная научно-практическая работа проводилась также подразделением административной техники Народного комиссариата рабоче-крестьянского контроля Союза ССР совместно с Верховным судом РСФСР. Докладчик указанного подразделения Ю.А. Тиличев, выступая на V Всероссийском съезде представителей советской юстиции 15 марта 1924 года, особо подчеркнул эффективность мероприятий по оптимизации организационной структуры согласно принципам НОТ («Научной организации труда»), выразившуюся в сокращении сроков выдачи справочной документации до десяти минут одним сотрудником и замене прежних четырнадцати журналов единой систематизированной картотекой.

«Картина движения бумаг внутри здания Верховсуда, где размещалась также Прокуратура при Верховсуде РСФСР ...совершенно изменилась. Прежде продвижение бумаг требовало до 10 курьеров при 16-ти разносных книгах. Сейчас это делается двумя курьерами без каких бы то ни было разносных книг».

По докладу Ю.А. Тиличева съезд принял следующую резолюцию: «...Съезд целиком присоединяется к указанию на важность и необходимость введения научной системы организации труда в технику производства ... предлагая всем председателям губсудов и прокуратуре применять, по-скольку возможно, эту технику при производстве дел в своих учреждениях» [7, 1924, № 12–13].

Во исполнение этой резолюции съезда заместителем Наркома юстиции и старшим помощником прокурора республики Н.В. Крыленко 13 октября 1924 г. издается циркуляр НКЮ № 169 «О реорганизации делопроизводства местных прокуратур». В этом Циркуляре, в частности, говорилось о том, что не позже 1 апреля 1925 г. им будут преподаны указания «по рационализации делопроизводства, а именно: а) о введении карточной системы взамен существующих книг и разнородных реестров по делам и, б) о создании более гибкой упрощенной системы делопроизводства на основе научной организации труда [7, 1924, № 41].

В последующие три года рационализация делопроизводства на принципах НОТ становится центральной проблемой, обсуждению которой будут в основном посвящены страницы раздела «Вопро-

сы НОТа» в «Еженедельнике советской юстиции», а также практическая деятельность Оргбюро Наркомюста. Введению новой системы делопроизводства предшествовали эксперименты в Москве, Ленинграде, Твери, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, деятельное участие в которых принимал Отдел улучшения госаппарата НК РК РСФСР [7, 1925, № 44–45]. Таким образом, именно оргбюро НКЮ РСФСР являлось одним из пионеров широкого внедрения принципов НОТ в делопроизводство органов прокуратуры.

Реформа делопроизводства заинтересовала оперативных и технических работников губернских (краевых и областных) и низовых органов прокуратуры, привлекла их внимание к вопросам научной организации труда. На страницах юридических журналов (особенно «Еженедельника советской юстиции») детально обсуждаются порядок регистрации деловых бумаг, содержание карточек, нарядов, печатаются сообщения о вышедшей литературе по НОТ и рецензии на опубликованные работы по данной проблематике [7, 1925, № 50–51]. На периферии начинают подбираться организационные формы для проведения постоянной работы по научной организации труда в органах юстиции. Так, в марте 1925 г. в Саратовском губсуде и губпрокуратуре образовывается ячейка НОТ. В Твери 21 июня 1925 г. создается специальная комиссия для внедрения карточной системы в делопроизводство. 12 ноября 1925 г. при Нижегородской губпрокуратуре учреждается оргбюро по рационализации труда в составе председателя – губернского прокурора и двух членов. [7, 1926, № 2].

Но, в основном, для проведения работы по НОТ в органах юстиции при месткомах образуются экономкомиссии, создание которых было рекомендовано НК РК СССР и ЦК Союза совработников всем низовым профорганизациям советских учреждений для «вовлечения работников в активную работу по улучшению госаппарата» [4, с. 7].

Таким образом, работа по внедрению принципов НОТ в деятельность органов юстиции, в том числе прокуратуры, проводилась не только в центре, но и на местах. В марте 1926 г. на страницах «Еженедельника советской юстиции» была опубликована статья одного из ответственных работников Наркомюста, в которой были указаны следующие основные направления работы экономкомиссий: рационализация размещения подразделений учреждения и отдельных его работников с точки зрения гигиены труда и сокращения лишних передвижений, организация «живой и немой» справки, организация и улучшение работы машинописных бюро, организация службы внутренней связи, рационализация делопроизводства путем убыстрения операций и большей четкости отдельных приемов, быстроты прохождения и обработки документов, сокращения числа инстанций, стандартизации документов, выработки правил писмоводства, рационального построения текущего архива, улучшения контроля исполнения бумаг, изучение личного состава в целях надлежащего

подбора кадров и правильного распределения обязанностей, установления нагрузки и распределения норм выработки, разработки вопросов дисциплины и исполнительности, борьба с бюрократизмом, неряшливостью, грубым обращением с посетителями, организация учета и отчетности в форме оперативного учета, своевременной бухгалтерской отчетности, систематического контроля, изучение структуры аппарата и его функций в целях упрощения аппарата и ликвидации ненужных частей, установления единства плана, руководства системы и мотивов работы.

Автор рекомендовал экономкомиссиям поддерживать тесный контакт с Оргбюро НКЮ, которые связаны при разработке проблем НОТ с отделами административной техники НК РКИ ССРСР и РСФСР. Отделы располагают соответствующими специалистами, услугами которых оргбюро пользуется для консультаций. Все это «...поможет начинающим свою работу экономкомиссиям направлять ее по определенному руслу, тем более что задуманный регулярный выпуск информационных бюллетеней оргбюро на страницах «Еженедельника советской юстиции» сможет перенести опыт отдельных мест путем инструктирования через печать во все уголки РСФСР» [7, 1926, № 12].

Как видим, автор намечал большую и разнообразную программу, в которой, правда, в основном преобладали технические стороны внедрения НОТ в органы юстиции. Обращают на себя внимание детально разработанные вопросы рационализации делопроизводства. Дело в том, что в указанный период именно им повсеместно уделялось особое внимание. На необходимость в первую очередь рационализировать делопроизводство в учреждениях неоднократно ориентировал и НК РКИ.

В журналах того времени демонстрировались полтора пудовые книги регистрации различных делопроизводственных операций, сложнейшие реестры и т.д. Вместе с тем начинает появляться обширная литература по рационализации делопроизводства [1, с. 5; 2, с. 11]. Самым тщательным образом изучается, переводится и обсуждается иностранная литература по рационализации делопроизводства в целях возможного ее использования в работе советских учреждений, в том числе органов прокуратуры [17, с. 6].

Еще более повышенное внимание стало уделяться НОТ в период индустриализационных преобразований. Была объявлена борьба за режим экономии, которая потребовала «жесткого сокращения штатов» во всех учреждениях, в том числе за счет освобождения низших звеньев системы от излишнего «контроля и отчетности» [11, с. 312].

Анализ архивных материалов отчетливо свидетельствует о чрезвычайной важности вопросов совершенствования системы отчетности органов прокуратуры. Так, участковым прокуратурам ежегодно приходилось готовить 96 отчетов, включавших ответы на 5864 конкретных запроса, формировать два обобщенных документа средней объемом пять-шесть листов, а также четыре специа-

лизированных доклада о деятельности в сельской местности [13, с. 518].

Отдел прокуратуры Народного комиссариата юстиции РСФСР своевременно отреагировал на соответствующее решение Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 11 июня 1926 г. Новая форма статистического мониторинга функционирования нижестоящих органов прокуратуры была введена циркуляром № 108 от 24 июня 1927 г. Отчетность производилась преимущественно по направлениям надзорной деятельности. Общая структура предусматривала заполнение четырех таблиц, содержащих 208 соответствующих разделов и клеток. Частота представления такой отчетности составляла ежеквартально для участковых прокуратур и дважды в год для областных, краевых и губернских учреждений [7, 1926, № 12]. Очевидно, данные меры способствовали существенному снижению трудозатрат на ведение статистики и повышению уровня ее качества.

Карточки использовались для рационализации делопроизводства, учета, постановки контроля, а также для поиска законодательного материала. Причем издание карточек было централизовано в масштабе всей республики. Сначала юридическую картотеку публиковало издательство «Жизнь и знание», а с июля 1927 г. – Юридическое издательство НКЮ РСФСР. Вопрос об издании этой картотеки по инициативе НКЮ 9 ноября 1927 г. рассматривался инспекцией советского строительства. На совещании были представители НКЮ, Юриздата, РКИ, Института техники управления. Совещание признало издание юридической картотеки «необходимым и целесообразным», поскольку применение подвижной карточной системы облегчает пользование законодательными материалами. Вопрос об этой картотеке рассматривался также на заседании Совнаркома РСФСР 5 декабря 1927 г., где было отмечено большое значение рационализации кодификации законодательства [7, 1927, № 52].

Оргбюро Наркомюста завело картотеку на литературу по НОТу, имеющуюся в НКЮ [7, 1926, № 7]. Вообще разработке всевозможных карточек оргбюро Наркомюста в тот период уделяло много внимания. Были, в частности, разработаны карточки по учету личного состава ответственных работников органов юстиции, а все делопроизводство и учет кадров, расплывшиеся ранее по разным отделам, централизовано в подотделе учета и личного состава. Вводились также карточки по учету работы прокуроров и других функционеров (инструкторов, консультантов), в которых содержалась и графа «Время, затраченное для исполнения». Для обработки этих карточек предложены форма учета «работа каждого функционера и отдела в целом» [7, 1926, № 7]. Разработан был также ряд карточек и по другим вопросам: по учету протокольного производства в НКЮ, по учету дел и газетных заметок для отдела прокуратуры, по дисциплинарному производству, по контролю за исполнением

бумаг и поручений и т.д. [7, 1925, № 44–45, 1926, № 19, 20].

Нужно отметить, что в двадцатые годы во всем мире отмечалось повальное увлечение карточками [15, с. 23]. В эти же годы начинаются попытки практического применения ранее изобретенных карт с краевой перфорацией. Такие работы проводились в различных организациях для учета личного состава. По-видимому, попытки применения однорядных перфокарт с краевой перфорацией были предприняты и НКЮ [9, с. 20].

Таким образом, в двадцатые годы Наркомюст, в систему которого тогда входила и прокуратура, по уровню использования оргтехники находился в первых рядах советских учреждений.

Ещё одной значимой задачей, активно решавшейся с точки зрения принципов НОТ в указанный исторический период, стало внедрение элементов планирования в деятельность прокурорских структур. Уже в 1923 г. отмечены первые успешные опыты реализации планово-программных подходов в Уральской области [10, с. 7], позднее аналогичные инициативы получили распространение и развитие. Особенно показательными стали события второй половины 1925 г., когда подавляющее большинство губернских прокуратур приступило к разработке планов своей деятельности. Коллегия Народного комиссариата юстиции СССР своим постановлением от 10 октября 1925 г. одобрила инициативу внедрения планирующего подхода в работу ведомства в целом и поручила всем соответствующим подразделениям разработать детализированные календарные графики работы, подлежащие коллегиальному согласованию [7, 1925, № 44–45]. Первопроходцем здесь выступил отдел прокуратуры Народного комиссариата юстиции.

Все это дало возможность прокурору НКЮ Н. Лаговиеру поставить вопрос о повсеместном переходе на плановые начала в работе прокуратуры. Он предлагал составлять единый план работы губернской прокуратуры с разбивкой «по отдельным отраслям работы, так, чтобы из плана отчетливо видно было, какая конкретно работа намечена в области, скажем, общего надзора, надзора за следствием, местами заключения, политработы и т.д.» [12, с. 77].

Тем не менее, впоследствии оценки эффективности функционирования прокуратуры зачастую основывались лишь на формально-количественных показателях, что вызвало обоснованные критические замечания со стороны руководителей территориальных подразделений [2, с. 39].

Наконец, вопросом, который все время был в центре внимания органов рационализации НКЮ и руководства прокуратуры республики – это определение функций подразделений наркомата и распределение обязанностей между прокурорами.

Циркуляром № 255 от 13 декабря 1923 г. «...в целях введения единообразной и повсеместной практики в вопросах распределения обязанности между лицами прокурорского надзора» была утверждена и разослана на места «Инструкция

о распределении обязанностей», которая вводилась в действие с 1 января 1924 г. [7, 1923, № 49].

Сказанное выше позволяет утверждать, что среди мероприятий по внедрению принципов НОТ в деятельность работников советской прокуратуры в 1920-е гг. на первом месте всегда стояло четкое и рациональное распределение обязанностей, предельно точное определение их функций. Данное обстоятельство, безусловно, не могло преодолеть все погрешности советской модели прокуратуры, обеспечить реальную независимость и самостоятельность ведомства от органов партийно-советской бюрократии, однако, способствовало оптимизации прокурорской практики в отдельных направлениях надзорной деятельности.

Литература

1. Бабин-Корень Б. Механизация карточек // Время. 1924. № 1.
2. Брун С. Карточная система делопроизводства и вертикальный способ хранения переписки. – Л., 1926.
3. Вестник рабочего и крестьянского Правительства Союза ССР.
4. Витте Р., Дрезен Э. НОТ в советском учреждении (ячейки НОТ и экономкомиссии). – М., 1925.
5. Время. 1925. № 3.
6. Доклад Н.В. Крыленко о прокуратуре на IV съезде деятелей юстиции 27 января 1922 года // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 5.
7. Ежегодник советской юстиции.
8. Котков В. Как планировать работу прокуратуры // Ежегодник советской юстиции. 1929. № 17.
9. Карп Н. Обзор работы Оргбюро НКЮ // Ежегодник советской юстиции. 1926. № 19.
10. Кожевников М. В. О проведении планового начала в работе прокуратуры на местах // Ежегодник советской юстиции. 1924. № 45.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1983.
12. Лаговиер Н. Плановость в работе прокурорского надзора // Ежегодник советской юстиции. 1926. № 13.
13. Моршнев А. Море, в котором мы тонем. (К вопросу о рационализации отчетности) // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 17.
14. Организация труда.
15. Отле П. Организация умственного труда. – Рязань, 1925.
16. Розмирович Е. НОТ в СССР // Время. 1924. № 12.
17. Русинов Н. Проект классификации административных документов и архивных дел по международной десятичной системе // Вопросы организации и управления. 1923. № 1/4.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 374. Оп. 17. Д. 49.

PROBLEMS OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOR IN THE SYSTEM OF SOVIET CIVIL SERVICE (ON THE EXAMPLE OF THE SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE)

Mataeva M.H., Gavrilov S.O., Vertkov V.D.

Kemerovo State University

The article is devoted to the history of the development and implementation of scientific labor organization (SLO) principles in the Soviet Union's prosecutorial authorities in the 1920s. The author describes in detail the development and establishment of labor rationalization methods, from the first experiments to the creation of special commissions and bureaus dedicated to these issues. One of the key moments was the introduction of a card-based document accounting system, which replaced traditional journals and registers. This system significantly reduced document processing times and increased employee efficiency. Particular attention is given to the role of the People's Commissariat of Workers' and Peasants' Inspection (NK RKI), which played a leading role in disseminating SLO ideas throughout government agencies. Furthermore, the article emphasizes the importance of planning and coordinating the work of the prosecutor's office, including the development of calendar schedules and instructions for assigning responsibilities. These measures contributed to increased productivity and streamlining the work of prosecutorial authorities. In conclusion, the author notes that the introduction of SLO principles into the prosecutor's office was part of the overall process of modernization of the state apparatus that characterized the 1920s. This allowed the prosecutor's office to adapt to new conditions and effectively perform its functions in the context of industrialization and economic growth.

Keywords: Soviet prosecutor's office, scientific organization of labor

References

1. Babin-Koren, B. "Mechanization of Cards." *Vremya*. 1924. No. 1.
2. Brun, S. "Card System of Office Work and Vertical Method of Storing Correspondence." Leningrad, 1926.
3. Bulletin of the Workers' and Peasants' Government of the USSR.
4. Witte, R., Dresen, E. "NOT in a Soviet Institution (NOT Cells and Economic Commissions). Moscow, 1925.
5. *Vremya*. 1925. No. 3.
6. N. V. Krylenko's Report on the Prosecutor's Office at the IV Congress of Justice Figures, January 27, 1922." *Soviet Justice Weekly*. 1922. No. 5.
7. *Soviet Justice Weekly*.
8. Kotkov, V. "How to Plan the Work of the Prosecutor's Office." *Soviet Justice Weekly*. 1929. No. 17.
9. Karp, N. Review of the Work of the Orgburo of the People's Commissariat of Justice // *Weekly of Soviet Justice*. 1926. No. 19.
10. Kozhevnikov, M.V. On the Implementation of a Planned Beginning in the Work of the Prosecutor's Office at the Local Level // *Weekly of Soviet Justice*. 1924. No. 45.
11. The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee. Vol. 3. Moscow, 1983.
12. Lagovier, N. Planning in the Work of the Prosecutor's Supervision // *Weekly of Soviet Justice*. 1926. No. 13.
13. Morshnev, A. The Sea in Which We Are Drowning. (On the Issue of Rationalizing Reporting) // *Weekly of Soviet Justice*. 1927. No. 17.
14. Organization of Labor.
15. Otle P. Organization of Mental Labor. – Ryazan, 1925.
16. Rozmirovich E. NOT in the USSR // *Vremya*. 1924. No. 12.
17. Rusinov N. Project for the Classification of Administrative Documents and Archival Files Using the International Decimal System // *Questions of Organization and Management*. 1923. No. 1/4.
18. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 374. Op. 17. D. 49.

Эволюция законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок

Невенченко Ярослав Александрович,

аспирант кафедры антикоррупционной деятельности
и общественного противодействия Российского
Государственного Социального Университета
E-mail: cdispb@mail.ru

Автор обозначил ретроспективу российского законодательства по вопросам злоупотребления в сфере публичных закупок. Это позволило сформулировать вывод о наибольшем объеме уголовно-правовых норм об ответственности специальных субъектов публичных закупок, который обозначен в нормах ст. 514–533 главы 11 Уложения 1845 года, что предопределяет высокий потенциал их тщательного исследования на предмет развития в положениях действующего законодательства. Также отмечено, что содержание второй группы правовых механизмов ответственности в сфере публичных торгов, установленных ст. 520–532 Уложения 1845 года, определяет целесообразные для исследования злоупотребления, связанные: с нарушениями требований качества продукции, продажи исполнителю поставляемого товара, приписки в ходе приемки товара и т.д. Вместе с этим установлено, что отсутствие с 1960 года в нормах советского уголовного законодательства специальных составов преступлений в сфере государственных торгов отражает необходимость исследования вопросов влияния плановой экономики СССР на снижение уровня преступных злоупотреблений в области публичных закупок.

Ключевые слова: история регулирования злоупотреблений; казенный подряд, сфера публичных закупок, Свод российских законов, УК РСФСР, специальный субъект.

Введение

История развития правовых механизмов ответственности за правонарушения, связанные со злоупотреблениями участниками публичных закупок начинается с XVIII века в документах о порядке покупки товара за счет государственной казны, положения которых отличались повышенным вниманием руководства страны, разноотраслевым и системным подходом к регламентации особенностей казенных закупок.

Первыми в этой сфере документами считаются Регламент кriegс-комиссариата 1711 года [4], Морской устав 1720 года [5] и пр. акты, подписанные лично российским императором Романовым П.А. (Петром I) [15, с. 20–23].

В следующий период дореволюционного развития Российской империи было издано Уложение о наказаниях уголовных 1845 года (далее – Уложение 1845 года [8]), которое стало первым документом с инструментами уголовно-правовой ответственности за злоупотребления при проведении казенных подрядов и закупок. Вхождение норм Уложения 1845 года в состав Свода российских законов 1835 года (далее – Свод законов [6]) отражает важное место механизмов ответственности за злоупотребления субъектов казенного подряда в системе дореволюционного российского права.

Документы советского периода развития также указывают на важное место инструментов уголовного наказания за должностные преступления, охватывающие признаки злоупотребления участниками публичных закупок, которые были отражены в положениях ст. 110, 128–130 УК РСФСР 1922 года [9], ст. 129–132 УК РСФСР 1926 года [10], ст. 92–94 УК РСФСР 1960 года [11].

В новейшей истории важность исследований законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок определяется существенным объемом федеральной системы контрактных закупок (далее – ФКС), которая регулируется положениями Федерального закона № 44-ФЗ от 2013 года (далее – Закон о ФКС [2]). Так в 2024 году посредством инструментов ФКС зарегистрировано и реализовано более 2,51 млн публичных контрактов с общей суммой бюджета более 9,37 трлн руб. [21]

Таким образом, важность исследования правовых аспектов эволюции законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок обусловлена ключевыми факторами имущественного характера и государственными факторами сбалансированного управления бюджетом.

Исследованию исторических аспектов развития законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок посвящено немало работ. В частности, Е.В. Фоменко [20, с. 138–142] выделила ключевые антикоррупционные особенности наказания участников закупок, которые берут начала в указаниях княжичей Древней Руси по ограничению срока пребывания на должности чиновников до двенадцати месяцев для снижения угрозы их непомерного обогащения.

Как отметила автор, в Судной грамоте 1561 года Ивана IV устанавливалось наказание за полученную мзду чиновниками земского управления в виде смертной казни с поощрением соответствующих доносчиков. При этом обращено внимание на отсутствии в средние века системности и четкости в требованиях об ответственности чиновников за проступки, связанные со службой [19, с. 32–39], которые были обобщены и в целом детализированы нормами первого системного источника российского уголовного права, Уложении 1845 года [8].

Ученая выделила обозначенные в 6 главе 5 Раздела Уложения 1845 года субъективные признаки основных участников злоупотреблений в виде лихоимства (взятки), включающих должностных лиц, их помощников и посредников в передаче подкупа. Кроме этого систематизированы объективные признаки запрета чиновникам в отношении: нарушения обязательных требований по службе, проведения любых сделок, касающихся вопросов их службы, а также соответствующие пределы ответственности [18, с. 133].

По данному поводу стоит отметить, что в ст. 533 главы 11 Раздела 5 Уложения 1845 года предусмотрено применение к чиновникам, производящим публичные торги, наказания на общих основаниях, установленных в Разделе о служебных преступлениях, если соответствующее деяние чиновника не отражено в ст. 514–534 об ответственности участников публичных торгов этого же Раздела.

В рамках анализа источников советского и современного уголовного права Е.В. Фоменко обобщила следующие аспекты ответственности за злоупотребления в сфере должностных преступлений.

Во-первых, установлено, что УК РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года включали составы должностных и хозяйственных преступлений, связанных с публичными закупками. В УК РСФСР 1960 года, таких составов не было.

Во-вторых, наибольшую детализацию среди служебных преступлений получил состав взяточничества, которое было расширено квалифицирующими признаками ст. 114, 114а УК РСФСР 1922 года (статусный признак ответственного положения взятополучателя; материальный признак нанесения либо угрозы нанесения государству ущерба; рецидивный признак непогашенной судимости; психологический признак вымогательства взятки; группой признак посредничества в получении взятки) и специальным условием позитивной

ответственности в виде освобождения от наказания в случае активного содействия в раскрытии преступления. Схожие аспекты взяточничества характеризовали нормы УК РСФСР 1926 года и УК РСФСР 1960 года.

В-третьих, нормы действующего УК РФ [1] о составах служебных преступлений с момента издания в 1996 году, также как и положения УК РСФСР 1960 года, не включали специальных норм о злоупотреблениях в сфере публичных закупок, которые были внесены лишь в 2018 году [3].

То есть, в работах Е.В. Фоменко обозначены общие эволюционные признаки диспозиций и санкций за преступления, проступки должностного лица в виде подкупа, которые могут применяться к участникам публичных торгов в качестве общих норм, если для конкретного деяния отсутствуют специальные положения о наказании субъектов публичных закупок.

В историко-правовых исследованиях М.П. Белинской [14, с. 21–24] среди первых правовых механизмов ответственности участников публичных торгов выделено установление в XVIII веке запрета для служивых лиц выступать исполнителями казенных подрядов, поставок, поручителями, залогодателями по обязательствам публичных закупок, связанных с их полномочиями. При этом автор обратила внимание на лексическое многообразие термина «казенный подряд», предметом которого выступали непосредственно подрядные работы, услуги найма работников, поставки продукции для казны. Понятие казенного подряда впервые было включено в нормы Положения о казенных подрядах, поставках 10 тома Свода законов [7]), которые действовали до 1917 года.

Ученая обозначила ключевые аспекты регулирования ответственности за злоупотребления в сфере казенных подрядов XVIII века: отсутствие единого документа, регулирующего механизм казенных закупок; отсутствие общих требований к содержанию и оформлению обязательств, связанных с казной; отсутствие системы обмена сведениями о недобросовестности казенных подрядчиков; низкий уровень прозрачности сферы казенных подрядов. Также автор обосновала ключевой субъективный признак наказания участников казенных подрядов, отраженный в нормах Свода законов, в виде условия установления исполнителей закупок по критериям национального режима, исходя из местонахождения производства, страны происхождения товара, с приоритетом российских и местных производителей.

Вместе с этим, М.П. Белинская отметила начало криминализации деяний в рамках казенных подрядов нормами V раздела главы XI «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особым родам службы», Уложения 1845 года [8]. Характерные аспекты указанных норм, по мнению автора, включали:

1) бланкетный характер ссылки относительно вредных последствий к другим статьям Уложения 1845 года, которые предусматривали ответствен-

ность за служебный подлог, взяточничество, разглашение секретной информации, вымогательство, мошенничество;

2) отсутствие четкого разграничения между проступком и преступлением со смешением дисциплинарных проступков с должностными преступлениями [13, с. 88];

3) специфику преступлений, связанных с казенным подрядом (ст. 514–533 отделения 6 главы 11 Уложения 1845 года), включающую:

- задачи пресечения злоупотреблений в системе казенного обеспечения с участием должностных лиц;
- установление запретов, ограничений для субъектов – должностных лиц (запрет личного и опосредованного участия в системе казенных подрядов, запрет на сделки с подрядчиками, связанными с местом их служения) [12, с. 14];
- классификацию противоправных деяний приемщиков казенной продукции: прием вещей, несхожих с образцами или не соответствующих требованиям качества, взятие денег взамен товара, взятие в ссуду товара, указанного в договоре поставки, показание в документе большего числа принятого товара;
- виды общих санкций для должностных лиц за противозаконные действия в рамках казенных подрядов: лишение всех гражданских прав, имущества со ссылкой в отдаленные поселения; лишение всех особых, индивидуальных прав и привилегий со ссылкой в Тобольскую или Томскую губернии с запретом на участие в сделках и на работу в системе власти; заключение на установленный срок; кратковременный арест; определенные телесные наказания для установленных законом лиц; исключение из служебных реестров; лишение должности; конфискация; денежное взыскание; вычет жалования до одного года по службе; строгий выговор;
- возможность назначения наказания за противозаконные действия в рамках казенных подрядов вне уголовного судопроизводства только в виде кратковременного ареста или строгого выговора;
- обязательное условие публикации каждого судебного приговора об уголовном наказании должностного лица;
- регламентация конкурентных средств выбора казенного подрядчика с условиями поддержки российского производителя, защиты исполнителей подрядных договоров от злоупотреблений чиновников [15, с. 120–123].

Относительно последующего советского и современного российского законодательства М.П. Белинская также обозначила развитие общие признаки должностных преступлений, которые могут применяться к участникам публичных торгов в качестве общих норм, если для конкретного деяния отсутствуют специальные положения о наказании субъектов публичных закупок.

Таким образом, в исследованиях М.П. Белинской обобщены эволюционные признаки становления российского законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок, которые определяются исходным формированием документами XVIII века правовых запретов для субъектов казенного подряда; установлением нормами ст. 514–533 Уложения 1845 года множества первых отечественных механизмов уголовной ответственности участников казенного подряда, объем регулирования которых не был превзойден в последующем российском законодательстве советской и современной стадий развития.

Схожие признаки становления российского законодательства об ответственности за злоупотребления участниками публичных закупок отражены в работах других российских ученых.

В комплексном исследовании М.А. Волковой [16] в криминологическом контексте обобщены признаки-детерминанты уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок в рамках исполнения норм ст. 200.4 и 200.5 УК РФ.

В работе И.А. Любого [17] исследована эволюция признаков составов преступлений, установленных ст. 200.4, 201.1, 285.4 УК РФ, без учета ст. 514–534 Уложения 1845 года об ответственности участников публичных торгов, с детализацией объективных признаков конституционно-правового, конкурентно-экономического, системного, материального характера и субъективных признаков отраслевого, классификационного, волевого содержания.

Обобщая внушительный объем исследований по вопросам исторического развития правовых механизмов уголовной ответственности за злоупотребления в сфере российских публичных закупок, следует отметить, что в трудах российских ученых представлены эволюционные аспекты общего и специального содержания без акцента на статус участников торгов, которые не относятся к должностным лицам.

Методология исследования

С учетом относительного небольшого периода развития с 1845 года норм о злоупотреблениях участников публичных закупок в предлагаемом исследовании применялись общеизвестные и отраслевые подходы, включающие формальный, системный, сравнительный, ретроспективный методы анализа теоретических трудов, законодательства разных периодов и соответствующей правоприменительной практики.

Гипотезы

Приведенные тезисы российских ученых и нормы правовых источников прошлых лет определяют ряд инструментов противодействия преступным деяниям в сфере публичных закупок, которые целесообразно использовать в действующем уголовном

законодательстве. Для этого изначально следует сравнить объем и содержание норм соответствующих источников.

Как отмечалось выше, наибольший в российской истории объем уголовно-правых норм о преступлениях в сфере публичных закупок регламентирован содержанием ст. 514–533 главы 11 Уложения 1845 года [8], которые определяли две группы уголовно-наказуемых деяний и соответствующих правовых механизмов уголовной ответственности в сфере публичных закупок.

Первая группа включала составы проступков и преступлений чиновников, должностных лиц, связанных:

- с нарушением запретов для чиновников, должностных лиц: на участие в публичных торгах (ст. 514), на участие в обязательствах, связанных с публичными торгами (ст. 515); на денежные сделки с казенными подрядчиками (ст. 516);
- с нарушением их обязанностей: уведомлять о сделках с казенным подрядчиком (ст. 517); соблюдать конфиденциальность запечатанных объявлений, др. документов о торгах (ст. 518).
- с распространением действия ст. 514–518 на всех чиновников, контролирующих сферу публичных торгов (ст. 519).

Вторая группа уголовно-наказуемых деяний и соответствующих правовых механизмов ответственности согласно ст. 520–532 Уложения 1845 года включала составы проступков и преступлений всех участников публичных закупок в случаях: нарушения требований качества к участникам торгов и их продукции (ст. 520, 521); получения mzды вместо товара под казенному договору (ст. 522), продажи приемщиком подрядчику казенного товара, назначенного по договору поставки (ст. 523), приписки в ходе приемки, оплаты товара (ст. 524); недосмотра при исполнении казенного договора (ст. 525); и т.д.

В положениях законодательства советского периода относительно норм Уложения 1845 года было установлено меньше составов преступных деяний, связанных со злоупотреблениями в сфере публичных закупок. Так в нормах ст. 110, 128–130 УК РСФСР 1922 года [9] были определены:

1) состав должностного преступления в виде злоупотребления властью с заключением заведомо невыгодных договоров или иным расточением государственного достояния (ст. 110);

2) составы преступлений хозяйственных: срыв производственного плана из-за бесхозяйственной деятельности руководителей государственных учреждений, предприятий (ст. 128); расточение средств производства, предоставленного по условиям договора (ст. 129); злонамеренное нарушение обязательств договора с государственным предприятием, учреждением, включая сговор с агентом, контрагентом казны (ст. 130).

В предписаниях ст. 129–132 УК РСФСР 1926 года [10] были предусмотрены хозяйственные преступления: расхищение государственного иму-

щества с помощью невыгодных сделок (ст. 129); расточение государственного имущества, предоставленного по договору (ст. 130); злонамеренное нарушение обязательств перед государственным предприятием, учреждением (ст. 131); совершение деяний, установленных ст. 128–131 в условиях боевой обстановки или поставок для Красной Армии (ст. 132).

В содержании ст. 92–94 УК РСФСР 1960 года [11] были регламентированы общие составы должностных преступлений, без детализации объективных признаков проведения публичных закупок: хищение государственного имущества путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 92); хищение государственного имущества путем злоупотребления доверием (ст. 93); причинение ущерба государству путем злоупотребления доверием (ст. 94).

Вместе с этим действующие нормы УК РФ определяют следующие преступные злоупотребления в сфере публичных закупок: корыстные злоупотребления с крупным ущербом субъектом-представителем интересов заказчика (ст. 200.4); корыстное злоупотребление в рамках оборонного заказа (ст. 201.1 и ст. 285.4 УК РФ [1]).

Выводы

Обобщение представленных тезисов сравнительного исторического анализа позволяет сформулировать следующие выводы:

1) наибольший объем уголовно-правовых норм об ответственности специальных субъектов публичных закупок обозначен в нормах ст. 514–533 главы 11 Уложения 1845 года, что предопределяет высокий потенциал их тщательного исследования на предмет развития в положениях действующего законодательства;

2) содержание второй группы правовых механизмов ответственности в сфере публичных торгов, установленных ст. 520–532 Уложения 1845 года, определяет целесообразные для исследования злоупотребления, связанные: с нарушениями требований качества продукции, продажи исполнителю поставляемого товара, приписки в ходе приемки товара и т.д.;

3) отсутствие с 1960 года в нормах советского уголовного законодательства специальных составов преступлений в сфере государственных торгов отражает необходимость исследования вопросов влияния плановой экономики СССР на снижение уровня преступных злоупотреблений в области публичных закупок.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной систе-

- ме в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // *Собрание законодательства РФ*. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
3. Федеральный закон от 23.04.2018 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. – 2018. – № 18. – Ст. 2569.
 4. Регламент кriegs-комиссариату, № 2456, 10 декабря 1711 года // *ПСЗРИ. Собрание (1649–1825): Том 4 (1700–1712) С. 746*. [Электронный ресурс], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 26.08.2025).
 5. Морской устав № 3485, 13.01.1720 года // *ПСЗРИ. Собрание (1649–1825): Том 6 (1720–1722) С. 2–116*. [Электронный ресурс], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 26.08.2025).
 6. Свод законов Российской Империи. Томы I–XVI (1833–1912 годы). [Электронный ресурс], URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения 26.08.2025).
 7. Положение о казенных подрядах, поставках 10 тома Свода российских законов 1835 года. [Электронный ресурс], URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/393.html> (дата обращения 26.08.2025).
 8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург тип. Второго отд-ния Собств.е.и. вел. канцелярии, – III, 592, XIV, – 1845. – 37 с.
 9. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.», утратило силу согласно Постановлению ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928) // *СУ РСФСР*. 1922. № 15. Ст. 153.
 10. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.», утратил силу согласно Указу Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961) // *СУ РСФСР*. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
 11. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960, утратил силу с 1 января 1997 года согласно Федеральному закону от 13.06.1996 № 64-ФЗ) // *Ведомости ВС РСФСР*. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
 12. Белинская М.П. Противозаконные поступки в системе казенного подряда по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // *Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова, Д.В. Наметкина*. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, – 2015. – Вып.21. – С. 14–17.
 13. Белинская М.П. Ограничения и запреты в системе казенных подрядов в Российской империи // *Юридическая техника*. – 2018. – № 12. – С. 88–90.
 14. Белинская М.П. Система казенных подрядов в Российской империи. Теория и история государства и права. – Монография. – Москва, 2018. – 152 с.
 15. Белинская, М.П. Правовые основы противодействия злоупотреблениям в системе казенных подрядов в Российской империи: историко-правовое исследование: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Белинская Мария Петровна. – Нижний Новгород, 2016. – 209 с.
 16. Волкова, М.А. Коррупционная преступность в сфере публичных закупок и ее предупреждение: дис... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Волкова Маргарита Андреевна. Красноярск, 2024. 279 с.
 17. Любый, И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Любый Иван Александрович. Омск, 2022. 225 с.
 18. Фоменко Е.В. История развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с подкупом. Часть 1 // *Закон и право*. – 2015. – № 10. – С. 133–136.
 19. Фоменко Е.В. Уголовно-правовые средства противодействия подкупу: закон, теория, практика. – Монография. – Москва, 2022. – 352 с.
 20. Фоменко, Е.В. Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно – правовыми средствами: дис... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Фоменко Елена Владимировна. – Москва, 2021. – 460 с.
 21. Сведения специализированного портала РБК. [Электронный ресурс], URL: <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej/> (дата обращения 26.08.2025).

EVOLUTION OF LEGISLATION ON LIABILITY FOR ABUSE OF PUBLIC PROCUREMENT PARTICIPANTS

Nevencheny Ya.A.
Russian State Social University

The author outlined a retrospective of Russian legislation on abuse in the field of public procurement. This allowed us to formulate a conclusion about the largest volume of criminal law norms on the responsibility of special subjects of public procurement, which is indicated in the norms of Articles 514–533 of Chapter 11 of the Code of 1845, which determines the high potential for their thorough research for development in the provisions of current legislation. It was also noted that the content of the second group of legal liability mechanisms in the field of public auctions, established by art. 520–532 of the Code of 845, defines abuses appropriate for research related to: violations of product quality requirements, sales of the supplied goods to the contractor, postings during acceptance of the goods, etc. At the same time, it was found that the absence of special offences in the field of public procurement in the norms of Soviet criminal legislation since 1960 reflects the need to study the impact of the planned economy of the USSR on reducing the level of criminal abuse in the field of public procurement.

Keywords: history of abuse regulation; government contract, public procurement, Code of Russian Laws, Criminal Code of the RSFSR, special entity.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 23.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Federal Law No. 44-FZ dated 05.04.2013 (as amended on 26.12.2024) "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for ensuring state and municipal needs" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 14. – Art. 1652.
3. Federal Law No. 99-FZ of 04/23/2018 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 18. – Art. 2569.
4. Regulations of the Krigs Commissariat, No. 2456, December 10, 1711 // PSZRI. Collection (1649–1825): Volume 4 (1700–1712) P. 746. [Electronic resource], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 26.08.2025).
5. Maritime Charter No. 3485, January 13, 1720 // PSZRI. Collection (1649–1825): Volume 6 (1720–1722) pp. 2–116. [Electronic resource], URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (accessed 08/26/2025).
6. Code of Laws of the Russian Empire. Volumes I–XVI (1833–1912). [Electronic resource], URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (accessed 08/26/2025).
7. Regulations on government contracts and Supplies of Volume 10 of the Code of Russian Laws of 1835. [Electronic resource], URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/393.html> (accessed 26.08.2025).
8. The Code of Criminal and Correctional Punishments. – St. Petersburg type. The Second Department of the E.I. Chief Chancellery, – III, 592, XIV, – 1845. – 37 p
9. The Decree of the Central Executive Committee of 06/01/1922 "On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R." (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.", became invalid according to Resolution of the Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR dated 01/25/1928) // SU RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.
10. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee dated 11/22/1926 (as amended on 04/27/1959) "On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. as amended in 1926" (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.", abrogated by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 03/28/1961) // SU RSFSR. – 1926. – no. 80. – Art. 600..
11. The Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 10/27/1960, expired on January 1, 1997 in accordance with Federal Law No. 64-FZ of 06/13/1996) // Vedomosti VS RSFSR, 1960, No. 40, article 591.
12. Belinskaya M.P. Illegal acts in the system of state contracts under the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Problems of legal science in the research of doctoral students, adjuncts and applicants: a collection of scientific papers / edited by M.P. Polyakov, D.V. Nametkin. – N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, – 2015. – Issue 21. – pp. 14–17.
13. Belinskaya M.P. Restrictions and prohibitions in the system of government contracts in the Russian Empire // Legal technology. – 2018. – No. 12. – pp. 88–90.
14. Belinskaya M.P. The system of government contracts in the Russian Empire. Theory and history of the State and law. – A monograph. – Moscow, 2018. 152 p.
15. Belinskaya, M.P. The legal foundations of countering abuses in the system of government contracts in the Russian Empire: a historical and legal study: dis... cand. jurid. sciences': 12.00.01 / Belinskaya Maria Petrovna. – Nizhny Novgorod, 2016. – 209 p.
16. Volkova, M.A. Corruption crime in the field of public procurement and its prevention: dis... Candidate of Sciences. jurid. Sciences: 5.1.4. / Volkova Margarita Andreevna. Krasnoyarsk, 2024. 279 p.
17. Lyuby, I.A. Criminal law measures to counter abuse in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs: dis... Candidate of Sciences. jurid. sciences': 12.00.08 / Lyuby Ivan Alexandrovich. Omsk, 2022. 225 p.
18. Fomenko E.V. The history of the development of domestic criminal legislation on liability for crimes related to bribery. Part 1 // Law and the Law. 2015. No. 10. pp. 133–136.
19. Fomenko E.V. Criminal law means of countering bribery: law, theory, practice. – A monograph. – Moscow, 2022. – 352 p.
20. Fomenko, E.V. Conceptual approaches to countering bribery by criminal legal means: dis... doct. jurid. sciences': 12.00.08 / Fomenko Elena Vladimirovna. – Moscow, 2021. – 460 p.
21. Information from the specialized RBC portal. [Electronic resource], URL: <https://companies.rbc.ru/news/YbHe6j0r5x/v-2024-godu-v-zakupkah-zaklyucheno-4-mln-dogovorov-na-26-trln-rublej/> (accessed 08/26/2025).

Полномочия органов местного самоуправления в условиях особого административно-правового режима военных действий: теоретико-правовой и историко-практический анализ

Ногин Алексей Алексеевич,

аспирант, Российский университет дружбы народов
им. Патрисы Лумумбы
E-mail: noginalex2@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования полномочий органов местного управления в годы Великой Отечественной войны и в условиях специальной военной операции. Освещаются исторические примеры мобилизационной и хозяйственной деятельности местных Советов, а также практика муниципалитетов Курской области с 2022 года. Рассматриваются правовые основания, вызовы и проблемы межуровневой координации. Предлагаются направления для совершенствования правового механизма в условиях особых режимов.

Ключевые слова: органы местного управления, мобилизация, Великая Отечественная война, специальная военная операция, Курская область, правовой режим, муниципалитеты, Советы депутатов, мобилизационная подготовка.

В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования полномочий органов местного управления в годы Великой Отечественной войны и в условиях специальной военной операции. Освещаются исторические примеры мобилизационной и хозяйственной деятельности местных Советов, а также практика муниципалитетов Курской области с 2022 года. Рассматриваются правовые основания, вызовы и проблемы межуровневой координации. Предлагаются направления для совершенствования правового механизма в условиях указанного особого административно-правового режима.

Д.Н. Бахрах в зависимости от условий деятельности органов публичной власти разделяет административно-правовые режимы на общий режим деятельности, который «рассчитан на повседневную административную деятельность, типичные социально-управленческие ситуации и специальные режимы, которые применяются на определенной территории, в отношении определенного объекта или предмета, когда требуются особые меры исполнительной деятельности» [10].

Категория «особый административно-правовой режим» остаётся недостаточно детализированной в отечественной правовой доктрине. По определению Д.Н. Бахраха, такие режимы возникают в условиях отклонения от нормального функционирования государственной власти и требуют применения нестандартных мер правового реагирования. Военные действия представляют собой крайнюю форму особого режима, при котором нарушается стабильность гражданского оборота, приостанавливаются или ограничиваются обычные формы публичного управления и осуществляется перераспределение полномочий между органами власти различных уровней. В условиях военных действий функции органов местного самоуправления трансформируются как в содержательном, так и в юридическом аспекте.

С теоретической точки зрения особый режим военных действий можно охарактеризовать через совокупность следующих признаков: правовое ограничение ряда конституционных гарантий (например, свободы передвижения, неприкосновенности жилища), повышение роли исполнительной власти, концентрация ресурсов, усиление координации между уровнями управления, а также возможное перераспределение компетенций без внесения изменений в законодательство. На муниципальном уровне эти особенности проявляются

через мобилизацию материальных ресурсов, участие в эвакуации и расселении населения, обеспечение устойчивости объектов инфраструктуры, взаимодействие с военными структурами и чрезвычайными службами.

В условиях режима военных действий правовой статус органов местного самоуправления приобретает двойственный характер. С одной стороны, формально сохраняется их автономия как элемента публичной власти, закреплённая в Конституции Российской Федерации и Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). С другой стороны, фактически происходит подчинение муниципальных органов вертикали исполнительной власти, особенно в части реализации задач мобилизационного характера. Это ведёт к юридическому конфликту между принципом местной автономии и необходимостью единого централизованного управления в условиях угрозы национальной безопасности.

Изучение полномочий местных органов власти в условиях военных действий представляет собой важный историко-правовой аспект, имеющий значение и для современных реалий. В военное время система государственного управления претерпевает изменения, происходит перераспределение функций между уровнями власти, что позволяет быстрее реагировать на чрезвычайные ситуации. В условиях специальной военной операции, начатой в 2022 году, муниципалитеты приграничных регионов, таких как Курская область, оказались на передовой линии мобилизационного и гуманитарного обеспечения. Цель настоящей статьи – провести комплексный анализ эволюции полномочий местных органов управления в условиях военных конфликтов на примере Великой Отечественной войны и современных мобилизационных реалий, выявить общие черты, правовые пробелы и практические механизмы реализации функций в условиях чрезвычайных режимов.

В советский период государственная власть строилась на принципе демократического централизма, что означало жёсткую иерархию с формальным признанием местной автономии. Конституции СССР 1936 года и РСФСР 1937 года провозгласили Советы депутатов трудящихся основой политической системы. Они наделялись полномочиями по управлению хозяйством, соблюдению правопорядка, социальному обеспечению и формированию местных бюджетов. Система управления была выстроена на «двойном подчинении»: исполкомы Советов одновременно подчинялись и избравшему их Совету, и вышестоящим органам. При этом все ключевые решения принимались в рамках вертикальной системы, что позволяло централизованно реагировать на вызовы военного времени. [7]

Истоки правового регулирования в чрезвычайных условиях уходят к началу Гражданской войны, когда правительство РСФСР вводило военное положение на отдельных территориях и объектах. Уже в 1920 году декретом ВЦИК местным властям

предписывалось беспрекословно исполнять распоряжения военного командования [8]. В 1925 году был принят общесоюзный нормативный акт, установивший три типа особых режимов: исключительное положение, военное положение вне театра военных действий и военное положение непосредственно на фронте [8]. Эти режимы различались по степени вовлечённости военных органов и объёму полномочий местных властей. При исключительном положении органы местной власти сохраняли самостоятельность, а при военном – управление передавалось специально созданным военнореволюционным комитетам [11].

В годы Великой Отечественной войны система местного управления оказалась под огромной нагрузкой. Помимо закреплённых конституционно функций, органы Советов выполняли мобилизационные задачи, организовывали набор в народное ополчение, обеспечивали тыл, участвовали в управлении трудовыми ресурсами и в перестройке экономики. После начала войны директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года предписывала мобилизовать все силы на борьбу с врагом, что привело к резкому увеличению объёма полномочий местных исполкомов [9]. Они обеспечивали проведение призывных кампаний, готовили списки военнообязанных, организовывали военную подготовку и формировали отряды народного ополчения.

Органы местного управления контролировали выполнение государственных заказов, занимались перепрофилированием предприятий на производство военной продукции, мобилизовали трудовые резервы. В условиях нехватки рабочей силы активно привлекались женщины, подростки и эвакуированные рабочие. Советы организовывали обучение новых кадров, создавали курсы по освоению военных специальностей, поддерживали трудовую дисциплину и следили за выполнением норм. Указы и постановления устанавливали строгие правила труда: отмена отпусков, удлинённый рабочий день, дисциплинарная и даже уголовная ответственность за прогулы. Советы обеспечивали размещение эвакуированных предприятий, доставку оборудования и запуск производств на новых площадках [13].

В социальной сфере органы Советов обеспечивали учёт семей фронтовиков, оформление пособий, сбор средств, а также организацию медицинского и жилищного обеспечения работников. Все эти меры проводились в условиях недостатка ресурсов, постоянной угрозы воздушных налётов, нехватки кадров и эвакуации населения. Однако благодаря централизованному управлению и мобилизационному энтузиазму удалось создать устойчивую систему, поддерживавшую функционирование тыла и обеспечивавшую фронт необходимыми ресурсами [5].

Современное правовое регулирование участия муниципалитетов в мобилизационных мероприятиях строится на нормах федеральных законов № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мо-

билизации» и № 131-ФЗ. Указ Президента РФ от 21 сентября 2022 года ввёл частичную мобилизацию, а Указ от 19 октября 2022 года – режим военного положения в приграничных субъектах, включая Курскую область. Эти документы не содержали детальной регламентации функций местных властей, однако на практике муниципалитеты оказались непосредственными участниками мобилизационной кампании.

Постановлением губернатора Курской области главам муниципальных образований было поручено обеспечить оповещение мобилизованных, предоставление транспорта и помещений, содействие военкоматам [5]. Администрации районов формировали списки граждан, отвечали за выплату помощи, сопровождали эвакуацию жителей, организовывали гуманитарную помощь. Органы местного самоуправления координировали действия с МВД, МЧС и Министерством обороны, налаживали логистику, охрану правопорядка, продовольственное обеспечение [6]. Однако при этом возникали проблемы: правовая неопределённость, отсутствие единых регламентов, неравномерное ресурсное обеспечение и перегрузка персонала. Часто решения приходилось принимать в экстренном порядке, без правовых гарантий и должной ответственности за перераспределение функций.

Современное законодательство, включая Указ Президента РФ № 756 от 19 октября 2022 года, вводит военное положение в приграничных субъектах, но не содержит конкретных правовых норм, регулирующих полномочия органов местного самоуправления. Это приводит к правовой неопределённости, которая восполняется на практике за счёт поручений региональных властей и ведомственной инструкции. Таким образом, можно говорить о наличии т.н. «неформализованного перераспределения полномочий», когда фактический объём обязанностей муниципалитетов расширяется, а нормативное обеспечение этих изменений остаётся на минимальном уровне.

Сравнительный анализ позволяет выявить общие черты и различия. В советский период управление было централизованным, нормативно жёстко регламентированным, с полным подчинением нижестоящих звеньев. Это обеспечивало высокую эффективность в условиях тотальной войны. Современные органы местного самоуправления работают в условиях большей юридической автономии, но при этом сталкиваются с правовой фрагментарностью и нехваткой ресурсов. И тогда, и сейчас муниципалитеты стали элементами мобилизационной системы, однако в настоящее время необходима правовая конкретизация, поддержка на федеральном уровне и выработка универсальных алгоритмов действий для работы в особых правовых режимах.

Исторический опыт Великой Отечественной войны и современная практика приграничных субъектов Российской Федерации свидетельствуют о важной роли местных органов в обеспечении обороноспособности и социальной устойчивости.

Учитывая вызовы времени, необходимо формирование единого подхода к участию муниципалитетов в мобилизационных мероприятиях, разработка типовых регламентов и механизмов межуровневой координации, а также предоставление нормативной и ресурсной поддержки должностным лицам, действующим в условиях ограниченного мандата и высокой ответственности.

В целях правового обеспечения эффективной работы органов местного самоуправления в условиях чрезвычайных режимов представляется целесообразным внесение ряда нормативных изменений. Прежде всего необходимо разработать и утвердить на федеральном уровне типовой регламент действий муниципалитетов при введении режима мобилизации или военного положения, что обеспечит правовую определённость и оперативность реагирования. Кроме того, следует внести изменения в Федеральный закон № 131-ФЗ, закрепив за органами местного самоуправления чётко очерченные полномочия по участию в мобилизационных мероприятиях в условиях ограниченного мандата. Также важно предусмотреть механизм временного расширения компетенций глав муниципальных образований с одновременной правовой защитой принимаемых ими решений, что позволит минимизировать юридические риски и повысить управленческую ответственность в условиях особых правовых режимов.

Литература

1. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26 февр. 1997 г. № 31-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/ (дата обращения: 12.06.2025).
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 12.06.2025).
3. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 сент. 2022 г. № 647 // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (дата обращения: 12.06.2025).
4. О введении военного положения в отдельных субъектах Российской Федерации: указ Президента РФ от 19 окт. 2022 г. № 756 // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (дата обращения: 12.06.2025).
5. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647: постановление Губернатора Курской области от 22 сент. 2022 г. № 268-пг // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (дата обращения: 12.06.2025).

pravo.gov.ru/document/4600202209230001?index=3 (дата обращения: 12.06.2025).

6. Об установлении меры социальной поддержки граждан, вынужденно покинувшим территорию...: постановление Правительства Курской области от 9 авг. 2024 г. № 641-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202408130001> (дата обращения: 12.06.2025).
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята чрезвычайным VIII Съездом Советов СССР 5 дек. 1936 г. // Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 12.06.2025).
8. Постановление ВЦИК и СТО о местностях, объявленных на военном положении // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 21. Ст. 249.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. № 8/160 «О военном положении».
10. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник. – М.: Норма, 2001. – 576 с.
11. Берцинский С.М. Военное положение по советскому праву: учебное пособие. – М.: Госюриздат, 1941. – 148 с.
12. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право: учебник. – М.: Юрист, 2010. – 448 с.
13. Ильясова М.К. Государственная система власти СССР в период Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-sistema-vlasti-sssr-v-period-velikoi-otechestvennoi-voiny> (дата обращения: 12.06.2025).
14. См.: Устинова О.Ю. Советы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovety-yuzhnogo-urala-v-gody-velik> (дата обращения: 12.06.2025).

POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE CONTEXT OF A SPECIAL ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME OF MILITARY OPERATIONS: THEORETICAL, LEGAL, HISTORICAL AND PRACTICAL ANALYSIS

Nogin A.A.

Peoples' Friendship University of Russia

The article provides a comparative analysis of the legal regulation of the powers of local governments during the Great Patriotic War and in the context of a special military operation. Historical examples of the mobilization and economic activities of local Councils, as well

as the practice of municipalities of the Kursk region since 2022, are highlighted. The legal grounds, challenges and problems of inter-level coordination are considered. The directions for improving the legal mechanism under special regimes are proposed.

Keywords: local government bodies, mobilization, the Great Patriotic War, special military operation, Kursk region, legal regime, municipalities, Councils of Deputies, mobilization training.

References

1. On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation: Federal Law of February 26, 1997, No. 31-FZ // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/ (accessed on June 12, 2025).
2. On the general principles of organizing local self-government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003, No. 131-FZ // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (accessed on June 12, 2025).
3. On the announcement of partial mobilization in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2025. 2022, No. 647 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (accessed: 12.06.2025).
4. On the introduction of martial law in certain constituent entities of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022, No. 756 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (accessed: 12.06.2025).
5. On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022, No. 647: Resolution of the Governor of the Kursk Region dated September 22, 2022. 2022, No. 268-pg // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202209230001?index=3> (accessed: 12.06.2025).
6. On the establishment of social support measures for citizens forced to leave the territory...: Resolution of the Government of Kursk Oblast dated August 9, 2024, No. 641-pp // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202408130001> (accessed: 12.06.2025).
7. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 // Гарант. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (date accessed: 12.06.2025).
8. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of Defense and Labour on localities declared under martial law // Collection of Laws of the RSFSR. 1923. No. 21. Art. 249.
9. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941, No. 8/160 «On Martial Law».
10. Bakhrah, D.N. Administrative Law: Textbook. Moscow: Norma, 2001. 576 p.
11. Bertsinsky, S.M. Martial Law under Soviet Law: Textbook. – М.: Gosyurizdat, 1941. – 148 p.
12. Ovchinnikov I.I., Pisarev A.N. Municipal Law: Textbook. – М.: Yurist, 2010. – 448 p.
13. Ilyasova M.K. State System of Power in the USSR during the Great Patriotic War. Diss. ... Doctor of History. – М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-sistema-vlasti-sssr-v-period-velikoi-otechestvennoi-voiny> (date of access: 12.06.2025).
14. See: Ustinova O. Yu. Soviets of the Southern Urals during the Great Patriotic War. Diss. ... Cand. History. – Chelyabinsk, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/sovety-yuzhnogo-urala-v-gody-velik> (date of access: 12.06.2025).

Пайгузов Владимир Петрович,

аспирант, Московский университет «Синергия»

E-mail: Juice_82@mail.ru

В статье исследуются действующие в Российской Федерации механизмы и способы защиты чести, достоинства и деловой репутации судей, а также их особенности. Тема поддержания чести, достоинства и безупречной репутации судей, судейского сообщества и судебной власти в целом имеет существенное значение для поддержания принципов независимости, беспристрастности и неприкосновенности правосудия и является актуальной во все времена. По результатам анализа действующего законодательства, судебной практики, научных исследований рассматривается проблема защиты чести, достоинства и деловой репутации судей с помощью имеющихся механизмов, а также их достаточность. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу о том, что в настоящее время имеются противоречия между имеющимися способами и механизмами защиты чести, достоинства и деловой репутации судей, и позицией судейского сообщества, выражающегося в мотивировании судей к избежанию огласки, излишней публичности конфликтов, связанных с умалением чести, достоинства и деловой репутации судей, либо всего судебного сообщества, что влечет за собой малое количество обращений судей в судебные органы, либо внесудебные органы и фактическое побуждение лиц, злоупотребляющих своими правами на свободу слова и выражения мнения, продолжать совершать противоправные действия.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, защита, судья, судебная власть, Кодекс судейской этики, Гражданский кодекс, личные неимущественные права, независимость, беспристрастность.

Введение

Государство гарантирует каждому защиту чести, достоинства и деловой репутации, декларируя в Конституции РФ охрану государством достоинства личности и определяя пределы защиты в процессуальном законе.

Честь, достоинство и деловая репутация носителей судебной власти в силу особого статуса судей имеют многогранный профиль, поскольку являются не только неотъемлемыми и важными нематериальными ценностями судей как граждан, но и их защита представляет собой особую важность для всей судебной системы правосудия Российской Федерации как одной из ветвей государственной власти.

Особенности и проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации судей

Безупречность чести, достоинства и репутация каждого судьи в отдельности, а также всего судебного корпуса выступают отражением основных принципов правосудия, выраженных в независимости и беспристрастности судей, являющихся основой справедливого и эффективного правосудия. Защита этих ценностей — одна из приоритетных задач государства и общества.

При этом защита чести, достоинства и деловой репутации судей обеспечивается законом не только от посягательства со стороны, но и требует соблюдения зеркальных норм безупречного поведения судьями, возлагая на них обязанность избегать совершения поступков, порочащих честь и достоинство судьи, закрепляя нарушение норм такого поведения как самостоятельное основание для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности ответственность судьи, и устанавливая взыскание в том числе в виде прекращения полномочий судьи.

Такой подход позволяет судить о формировании уникальной ситуации, когда речь идет о защите чести и достоинства не только самих судей, но и поддержания деловой репутации целой ветви власти — судебной. Это нашло свое отражение в положениях статей 83 и 102 Конституции РФ, а также положениях Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Кодексе судейской этики, утвержденного утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 г.

Другой стороной высоких требований к судебной системе в целом и судьям в частности повлекло за собой и необходимость защиты чести, достоинства и деловой репутации судей от посягательств третьих лиц.

Таким образом многогранность феномена защиты чести, достоинства и деловой репутации судьи складывается из того, что судья обязан защищать свои честь, достоинство и деловую репутацию от посягательств третьих лиц, одновременно с этим, нормы действующего законодательства о судебной системе Российской Федерации предусматривают защиту от умаления репутационного облика судебной власти самими судьями, допускающими нарушения норм Федерального закона «О статусе судей Российской Федерации» и положений Кодекса судейской этики.

В положениях пункта 3 статьи 8, статьи 10, статьи 13 Кодекса судейской этики судейское сообщество Российской Федерации закрепили основные требования к поведению судьи в ходе судебного процесса, а также поведения публичного и в ходе взаимодействия со средствами массовой информации. Вышеперечисленные нормы Кодекса судейской этики содержат в себе не только указание судьям на то, что они должны быть терпеливы, внимательны, осмотрительны, а также предпринимать все возможные меры к избежанию конфликтных ситуаций, которые могут «отбросить тень» на авторитет и беспристрастность судебной власти.

При этом, судебное сообщество предоставляет судьям самостоятельно выбрать форму защиты чести, достоинства и деловой репутации исходя из тех прав, которые предоставлены законодателем гражданину, однако меры реагирования в виде обращения в средства массовой информации или правоохранительные органы могут использоваться судьей только при исчерпании иных мер реагирования.

Следует обратить внимание на то, что Кодекс судейской этики неоднократно указывает судьям на то, что необходимо проявлять сдержанность и осмотрительность.

Вместе с тем, не смотря на то, что выбор способа защиты чести, достоинства и деловой репутации возложен на судью, ответы на материалы, опубликованные в средствах массовой информации, которые негативно отзываются на репутации судебной системы, рекомендуется давать прессслужбам судов или соответствующих судебных департаментов.

Полагаем, что такой подход оправдывает себя тем, что зачастую такие публикации в средствах массовой информации, несущие негативную окраску деятельности судов связаны с каким-либо конкретным судебным процессом, что соответственно можно расценивать как форму давления на суд в ходе рассмотрения такого дела по существу. При этом судья ограничен нормативно-правовыми актами каким-либо образом давать комментарии и оценки в связи с рассматриваемым делом, либо комментировать деятельность своих коллег, и фактически имеет только возможность давать информацию о стадии процесса и проведенных процессуальных действиях. Таким образом, возникает противоречие между правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации судьи путем размещения каких-либо комментариев в сред-

ствах массовой информации, а с другой стороны проявить какое-либо суждение о представленных доказательствах либо позициях сторон до вынесения решения или приговора суда по существу дела, чем нарушить принцип беспристрастности рассмотрения дел и равноправия сторон.

Вместе с тем, критика судебной системы со стороны средств массовой информации является наглядным отображением работы системы сдержек и противовесов, поскольку фактически в настоящее время средства массовой информации, имея возможность формировать общественное мнение, проявляют себя как «четвертая» ветвь власти, а именно как внесударственный, публичный орган контроля.

Неоднозначность ситуации видится в том, что судьи должны защищать честь, достоинство и деловую репутацию во-первых применяя способы и средства, которые обозначены в Кодексе судейской этики как «иные» прежде, чем публичный ответ посредством средств массовой информации, либо обращение в органы внутренних дел.

Во-вторых Кодекс судейской этики не раскрывает понятие или перечень «иных» средств защиты, а также отсутствуют какие-либо разъяснения или комментарии от органов судейского сообщества. При этом из анализа действующего законодательства Российской Федерации можно сделать вывод о том, что таким иным способом является только обращение в суд в порядке статьи 152 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Однако, судебная практика показывает, что такие обращения в суды за защитой нарушенного права в порядке статьи 152 ГК РФ, крайне редки. Примером защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц, которые были подвергнуты диффамации, мотивом совершения которой была работа пострадавших именно в качестве судей, на основании ст. 152 ГК РФ, может служить решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 15.03.2024 г. по гражданскому делу?2–240/2024 и апелляционное определение Московского городского суда от 30 апреля 2025 г. по делу N 33–743/2025. [1]

Как следует из фабулы дела, истец, являясь судьей Арбитражного суда, обратился в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации в связи с распространением сведений о его научной работе в свете, указывающем на его непрофессиональное поведение, порочащем его деловую репутацию с требованиями о признании сведений, содержащиеся на сайте dissnnet.org, в отношении судьи порочащими его честь, достоинство и деловую репутацию и не соответствующими действительности в контексте внесения сведений о заявителе на ресурс dissnnet.org, распространяемой в сети «Интернет». Кроме того, истец просил признать не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию судьи сведения, изложенные в заявлении ответчика поданном в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

о лишении судьи ученой степени доктора юридических наук; обязанности ответчика опровергнуть сведения, указанные в заявлении. По мнению истца, исходя из смысловой направленности содержания сайта dissernet.org и его поддомена rosvuz.dissernet.org, все лица, внесенные в базу данных dissernet.org, названы данным сайтом «мошенниками, фальсификаторами и лжецами», то есть содержат негативную информацию, выраженную в форме утверждения.

Оценив содержание спорной статьи, построение фраз и подачу информации, доводы сторон, суд пришел к выводу о том, что спорные утверждения, размещенные в сети «Интернет», не соответствуют действительности и порочат деловую репутацию судьи, поскольку создают ложное представление о том, что истцы защитили диссертации неэтичными способами и не достойны ученого звания; что формирует негативное общественное отношение к деятельности заявителей и наносят им репутационный вред[1].

Проанализировав положения Кодекса судейской этики, Федерального закона Российской Федерации «О статусе судей», Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» прихожу к выводу, что судебное сообщество стремится избежать огласки и, или вовлечения в распространение какой-либо негативной информации о судьях и судебном сообществе в публичном пространстве, в связи с чем накладывают ограничения на способы противодействия распространению ложной и негативной информации в отношении указанных лиц. Одновременно с этим жестко регулируется поведение самих судей, которые должны следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи.

Выводы

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о наличии противоречий между имеющимися способами и механизмами защиты чести, достоинства и деловой репутации судей, и позицией судейского сообщества, выражающегося в мотивировании судей к избежанию огласки, излишней публичности конфликтов, связанных с умалением чести, достоинства и деловой репутации судей, либо всего судебного сообщества, что влечет за собой малое количество обращений судей в судебные органы, либо внесудебные органы и фактическое побуждение лиц, злоупотребляющих своими правами на свободу слова и выражения мнения совершать противоправные действия.

Литература

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.04.2025 N 33–743/2025 по делу N 2–240/2024 (УИД 77RS0004–02–2023–009139–95) // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=MAR-B&n=2939396&cacheid=4C870ED-B50859F663954885E46A4C65B&mode=splus&rnd=7XtrEw#JFyFcxUg8osO6t-Cu#VmJOcxUm4paT2p9y#4ZMOcxUst493OM3C-2> (дата обращения 23.09.2025 г.)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=17B2A008B-90B4E0A9D8265A4FAD4D7D4&mode=-backrefs&base=LAW&n=52017&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=7XtrEw#To1qbxUkvX9z3tkm2> (дата обращения 23.09.2025 г.)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=17B2A008B-90B4E0A9D8265A4FAD4D7D4&mode=-backrefs&base=LAW&n=125973&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=y-jD25g#ps6AcxUI2bfX6NRG1> (дата обращения 23.09.2025 г.)
4. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 21.05.2024 N ДК24–68 // СПС «Консультант Плюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F33EE08716C19A2BF2095A04DCC6B109&mode=-backrefs&base=ARB&n=818622&BASENODE=liliMiwymDMsQVJCQSIIlCiiMiwylEFSQililg&rnd=FY8lfQ#u7kKfxUCN4cj2PCS> (дата обращения 23.09.2025 г.)
5. Момотов В., Федотов М., Иванов А., Жуйков В., Андреева Т., Беше-Головко К., Ходыкин Р., Брановицкий К., Пепеляев С., Марисин И., Кузнецов В., Иванов М., Московкин А., Никитинский Л. Скандализация правосудия // Закон. 2019. N 4. С. 35–53. // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F33EE08716C19A2BF2095A04DCC6B109&mode=-backrefs&base=CJI&n=123354&BASENODE=liliMSwzMjc5OCwzMjc5OClilCiiMiw0LENNVCililg&rnd=LzhMdw#ZBvjcxUkjE6aeHKc1> (дата обращения 23.09.2025 г.)
6. Жуков А.А. Проявление стороной неуважения к суду в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2022. N 1. С. 84–89. // СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=123832&cacheid=028B312933E66DB577EF24E4AB9F4CDE&mode=splus&rnd=uiS5O->

Q#jLiUexUcxUbbXT2C2 (дата обращения 23.09.2025 г.)

7. Головизнина, Ю.И. Этический аспект взаимодействия судей со средствами массовой информации / Ю.И. Головизнина, И.А. Синьков // Законность и правопорядок. – 2023. – № 4(40). – С. 30–38. – EDN GLWWEZ.
8. Нуисков, Е.В. Механизм законной защиты человеческого достоинства, деловой репутации и чести каждого гражданина в России / Е.В. Нуисков // Юридическая гносеология. – 2024. – № 1. – С. 71–80. – EDN PHFDPE.
9. Жилина, О.А. Гражданско-правовая характеристика вопроса защиты достоинства и чести участников судопроизводства / О.А. Жилина, И.Г. Стужук // Право и общество. – 2023. – № 4(13). – С. 59–62. – EDN KYRUPR.
10. Аркатова, А.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве / А.В. Аркатова // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, 11(80). – С. 458–461. – EDN FTUEMI.

FEATURES OF PROTECTING THE HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF JUDGES

Paigusov V.P.

Moscow University "Synergy"

This article examines the mechanisms and methods of protecting the honor, dignity, and business reputation of judges in the Russian Federation, as well as their specific features. The topic of maintaining the honor, dignity, and impeccable reputation of judges, the judicial community, and the judiciary as a whole is essential for upholding the principles of independence, impartiality, and inviolability of justice and remains relevant at all times. Based on an analysis of current legislation, judicial practice, and scientific research, the article explores the issue of protecting the honor, dignity, and business reputation of judges through existing mechanisms and assesses their sufficiency. As a result of the conducted research, the author of the article comes to the conclusion that there are currently contradictions between the existing methods and mechanisms for protecting the honor, dignity, and business reputation of judges, and the position of the judicial community, which is expressed in motivating judges to avoid publicity and excessive publicity of conflicts related to the diminishment of the honor, dignity, and business reputation of judges or the entire judicial community, which leads to a low number of judges' appeals to judicial or extrajudicial bodies and actually encourages individuals who abuse their rights to freedom of speech and expression to continue committing illegal acts.

Keywords: honor, dignity, business reputation, protection, judge, judicial authority, Code of Judicial Ethics, Civil Code, personal non-property rights, independence, impartiality.

References

1. Appeal ruling of the Moscow City Court of 30.04.2025 No. 33–743/2025 in case No. 2–240/2024 (UID 77RS0004–02–2023–009139–95) // SPS "ConsultantPlus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2939396&cacheid=4C870ED-B50859F663954885E46A4C65B&mode=splus&rnd=7XtrEw#-JFyFcxUg8osO6tCu#VmJOcxUm4paT2p9y#4ZMOcxUs-t493OM3C2> (date of appeal 09/23/2025)
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/24/2005 N 3 "On judicial practice in cases of protecting the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of citizens and legal entities" // SPS "ConsultantPlus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=17B2A008B90B4E0A9D8265A4FAD-4D7D4&mode=backrefs&base=LAW&n=52017&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=7XtrEw#To1qbxUkv-X9z3tkm2> (date of appeal 09/23/2025)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/15/2010 No. 16 "On the practice of application by courts of the Law of the Russian Federation "On Mass Media" // SPS "ConsultantPlus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=17B2A008B90B4E0A9D8265A4FAD4D7D4&mode=backrefs&base=LAW&n=125973&BASENODE=liliMSwwLDEiliwiljlsMSxMQVcilil&rnd=yjD25g#ps6AcxUI2bfX6NRG1> (date of application 09/23/2025)
4. Decision of the Disciplinary Board of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/21/2024 N DK24–68 // SPS "Consultant Plus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F33EE08716C19A2BF2095A04DC-C6B109&mode=backrefs&base=ARB&n=818622&BASENODE=liliMSwzMjc5OCwzMjc5OCliLcliMiw0LENNVClilg&rnd=FY-8lfQ#u7kKfxUCN4cj2PCS> (accessed 23.09.2025)
5. Momotov V., Fedotov M., Ivanov A., Zhuykov V., Andreeva T., Beshe-Golovko K., Khodykin R., Branovitsky K., Pepelyaev S., Marisin I., Kuznetsov V., Ivanov M., Moskovkin A., Nikitinsky L. Scandalization of Justice // Zakon. 2019. N 4. pp. 35–53. // SPS "ConsultantPlus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F33EE08716C19A2BF2095A04DCC6B109&mode=backrefs&base=CJI&n=123354&BASENODE=liliMSwzMjc5OCwzMjc5OCliLcliMiw0LENNVClilg&rnd=LzhMdw#ZBvjcx-UkjE6aeHKc1> (date of appeal 09/23/2025)
6. Zhukov A.A. A party's manifestation of contempt for the court in civil proceedings // Modern law. 2022. N 1. pp. 84–89. // SPS "ConsultantPlus" URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=123832&cacheid=028B312933E66DB577EF24E4AB9F4CDE&mode=splus&rnd=uiS5OQ#jLiUexUcxUbbXT2C2> (accessed 23.09.2025)
7. Goloviznina, Yu.I. The Ethical Aspect of Judges' Interaction with the Mass Media / Yu.I. Goloviznina, I.A. Sinkov // Legality and Law Order. – 2023. – No. 4(40). – Pp. 30–38. – EDN GLWWEZ.
8. Nuiskov, E.V. The Mechanism of Legal Protection of Human Dignity, Business Reputation, and Honor of Every Citizen in Russia / E.V. Nuiskov // Legal Epistemology. – 2024. – No. 1. – Pp. 71–80. – EDN PHFDPE.
9. Zhilina, O.A. Civil-legal characteristics of the issue of protecting the dignity and honor of participants in legal proceedings / O.A. Zhilina, I.G. Stuzhuk // Law and Society. – 2023. – No. 4(13). – Pp. 59–62. – EDN KYRUPR.
10. Arkatova, A.V. Protection of honor, dignity and business reputation in Russian civil law / A.V. Arkatova // Bulletin of Science. – 2024. – Vol. 2, No. 11(80). – Pp. 458–461. – EDN FTUEMI.

Тенденции развития законодательства в области долевого строительства в России

Поляков Дмитрий Владимирович,

студент магистрант, практикующий юрист по гражданскому праву, Институт государственной службы и Управления РАНХиГС

E-mail: mrdm97@inbox.ru

В статье автор указывает на основные изменения и тенденции развития законодательства в области долевого строительства в России начиная с 2020 года.

Ключевые слова: долевое строительство, договор долевого участия, участник долевого строительства, застройщик, недвижимое имущество, сделки с недвижимостью.

Обеспечение граждан жильем выступает приоритетным направлением для государства. Для ее решения предлагаются определённые средства, меры, разработки, программы поддержки граждан и законодательные инициативы.

Долевое строительство зародилось в России в 2004 году. Необходимость его появления связана в первую очередь с социальным аспектом государства, а именно, с возможностью граждан приобрести жилье в строящихся домах у проверенных застройщиков.

Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция России)¹, Российская Федерация является социальным государством, которое стремится создать условия для достойной жизни и свободного развития граждан. Это означает, что государство берет на себя ответственность за благополучие населения, предоставляя ему социальные гарантии и поддержку.

Одним из ключевых этапов социальной поддержки граждан выступает удовлетворение **жилищных потребностей населения**. Инструментом, способствующим решению данного социального вопроса, выступает в том числе и долевое строительство.

Правовое регулирование в области долевого строительства регламентировано принятым 30.12.2004 года Федеральным законом № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 214).

ФЗ № 214 вступил в силу в 2005 году. Закон направлен на регулирование правоотношений, связанных с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, для возмещения затрат на такое строительство и возникновения у его участников права собственности на объекты, права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также установление гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) Ст. 7 [Электронный ресурс]: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6–ФКЗ, от 30.12.2008 № 7–ФКЗ, от 05.02.2014 № 2–ФКЗ, от 21.07.2014 № 1–ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в действ. ред.). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Наличие пробелов в области долевого строительства порождает ошибки при заключении договоров, что вытекает в значительное количество судебных споров. Решению данной проблемы способствует должным образом урегулированная законодательная база и единая правоприменительная судебная практика между субъектами спорных правоотношений¹.

Благодаря принятию данного закона спала волна мошенничеств и афер в сфере жилищного строительства. Застройщикам установили запрет на сбор денежных средств на разрешительные документы в строительстве.

Ранее существовали различные варианты привлечения денежных средств граждан (дольщиков) для финансирования долевого строительства. Например, путем приобретения квартиры подрядным способом, путем заключения договора цессии², договора долевого финансирования, договора простого товарищества, договора инвестиционной деятельности, а также приобретением объекта долевого строительства через жилищно-строительные кооперативы (ЖСК).

Краткая характеристика договора долевого участия:

субъекты – участник долевого строительства (дольщик – физические, юридические лица), застройщик;

срок – определяется в договоре;

существенные условия – в заключенном договоре должны быть указаны:

1) *характеристика передаваемого объекта (с указанием: площади, строительного адреса, количеством комнат, этажа, планировки);*

2) *определена цена передаваемого объекта;*

3) *сроки передачи объекта;*

4) *порядок оплаты по договору;*

5) *гарантийный срок на передаваемый объект долевого строительства;*

возмездность: ДДУ является возмездным договором (дольщик оплачивает строительство квартиры, а застройщик обязуется передать ему эту квартиру в собственность).

регистрация – подлежит обязательной государственной регистрации в Росреестре;

форма – ДДУ всегда заключается в письменной форме. Устная форма для ДДУ не допускается;

не является публичным договором.

Приобретение жилья по договору долевого участия имеет ряд преимуществ. К таким можно отнести:

1) строго определенные критерии к субъектам правоотношений (участнику долевого строительства и застройщику) определенные законодательством в области долевого участия³;

2) детальное правовое регулирование при заключении договора долевого участия и его обязательная регистрация в Росреестре⁴;

3) оплата за будущий объект недвижимости по данному виду договора только через эскроу-счета⁵;

4) передача объекта долевого строительства после введения дома в эксплуатацию, что подтверждается свидетельством качества, соответствия условиям договора заключение о соответствии (далее – ЗОС) и разрешением на ввод объекта в эксплуатацию (далее – РНВ)⁶;

5) штрафные санкции за нарушение условий договора (штраф, компенсация морально вреда)⁷;

6) гарантийный срок по приобретенному объекту недвижимости установленный на законодательном уровне⁸;

7) цена приобретаемого объекта по договору долевого участия ниже среднерыночной цены на этот же объект, если покупать его после введения дома в эксплуатацию с полученным РНВ.

Вместе с тем, законодательство в области долевого строительства в последние годы претерпевает существенные изменения. Это связано с рядом различных социально-экономических факторов.

Ключевые изменения в 214-ФЗ:

1) снижение минимального срока гарантии на отделочные работы в объектах долевого строительства с 3-х лет до 1-го года:

³ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). Ст. 3, 3.1., 3.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁴ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). Ст. 16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). Ст. 15.5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁶ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). Ст. 7, 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁷ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). ст. 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁸ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). пп. 4 ч. 4, ст. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

¹ А.Р. Кирсанов «Обеспечение качества объектов долевого строительства» / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10. С. 15–22. Статья. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawinfo.ru/articles/6689/sravnitelno-pravovaya-karakteristika-dogovora-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve-mnogokvartirnyx-zilyx-domov-i-dogovora-uchastiya-v-dolevom-stroitelstve-individualnyx-zilyx-domov>

² Е.Ю. Ржанникова «Исторические аспекты становления долевого участия в строительстве», Вестник магистратуры. 2019. № 11–1 (98) Статья. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/poliakovdv/Downloads/istoricheskie-aspekty-stanovleniya-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve.pdf>

г) дополнить частью 5.2 следующего содержания:

«5.2. Гарантийный срок на результат производства отделочных работ на объекте долевого строительства и входящих в состав такого объекта долевого строительства элементов отделки устанавливается договором и не может составлять менее чем один год. Указанный гарантийный срок исчисляется со дня передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства»¹;

По общему правилу гарантийный срок исчисляется с момента подписания сторонами передаточного акта и (или) составления акта осмотра с приведенным перечнем замечаний по объекту долевого строительства.

На инженерное и технологическое оборудование, которое входит в состав объекта долевого строительства гарантийный срок составляет минимум 3 года.

2) ограничение суммы по результату требований связанных с производством отделочных работ по установке оконных и дверных блоков, сантехнического оборудования и входящих в состав такого объекта элементов отделки 3% процентами от цены заключенного договора долевого участия².

Если по заключенному договору цена квартиры составляет 15 000 000,00, а по проведенному исследованию в ней выявлены строительные недостатки на сумму 800 000,00 (800 000,00 = 5,3% от цены договора), то сумма, максимально подлежащая удовлетворению за строительные недостатки, составит 450 000,00 (15 000 000,00 × 3% = 450 000,00 коп.). Вся оставшаяся сумма строительных недостатков компенсируется за счет денежных средств дольщика (собственника квартиры). Стоит отметить, что критерии ограничения суммы в 3% распространяются только на отделочные работы и не распространяется на другие виды недостатков объекта долевого строительства (перечень работ входящих в ограничение в 3% указан в ч. 4 ст. 10 ФЗ № 214).

При приемке квартир участникам долевого строительства необходимо обращать внимание на следующие элементы входящие в состав их объекта недвижимости: качество выполнения оконных и дверных блоков, качество выполненных работ по электромонтажу, потолок и стяжку полов, а также обратить внимание на системы вентиляции и отопления, водоотведения и водоснабжения³.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.12.2024 № 482-ФЗ (в действ. ред.) пп. Г) п. 1 ст. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

² Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). ч. 4 ст. 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

³ А.Р. Кирсанов «Обеспечение качества объектов долевого строительства» / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10. С. 1. Статья. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawinfo.ru/articles/6689/sravnitelno-pravovaya-karakteristika-dogovora-dolevogo-ucastiya-v-stroitelstve>

Если при приемке готового объекта долевого строительства обращать внимание на имеющиеся строительные недостатки, отражать их в акте осмотра, вызвать строительного эксперта, который имеет соответствующую квалификацию, подтвержденную сведениями из национального реестра специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования.

3) возможность установления стандартов качества строительных и отделочных работ застройщиками⁴.

Ранее застройщики при строительстве объектов и проведении в них отделочных работ обязаны были соблюдать технические регламенты, СНиПы и ГОСТы, регулирующие строительство и производство сопутствующих материалов в России.

С 1 марта 2025 года застройщикам предоставилась возможность разработать и применить собственные стандарты. Ключевым выступает тот факт, что стандарт застройщика не должен быть ниже минимальных требований, установленных Минстроем.

Минимальные требования регламентированы Приказом Минстроя России от 19.02.2025 года № 91/пр «Об утверждении минимальных требований к результату производства отделочных работ на объекте долевого строительства и входящих в состав такого объекта долевого строительства элементов отделки» (Зарегистрированного в Минюсте России 28.02.2025 года № 81412)⁵.

Реализуя положения Федерального закона от 26 декабря 2024 г. № 482-ФЗ документ предусматривает минимальные требования к результату производства работ по отделке стен, устройству напольных покрытий, отделке потолков в объектах долевого строительства.

Для того, чтобы последующие пункты были корректно понятны читателю, укажу на еще один ключевой аспект, касающийся долевого строительства.

Особенностью применения ФЗ № 214 заключается с установлениями мораториев на определенные периоды, регламентированные принятием ряда соответствующих постановлений Правительства.

Положения принятых постановлений устанавливают не только периоды мораториев связанных с неначислением неустойки за неисполнение

mnogokvartirnyx-zilyx-domov-i-dogovora-ucastiya-v-dolevom-stroitelstve-individualnyx-zilyx-domov

⁴ Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). ч. 4.7 ст. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁵ Приказ Минстроя России от 19.02.2025 года № 91/пр «Об утверждении минимальных требований к результату производства отделочных работ на объекте долевого строительства и входящих в состав такого объекта долевого строительства элементов отделки» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2025 года № 81412) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

надлежащим образом обязательств застройщика, а также указывают на особенности взыскания с застройщика штрафа, иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве.

В связи с принятыми Правительством Российской Федерации Постановлениями от 02.04.2020 года № 423, от 26.03.2022 года № 479, от 18.03.2024 года № 326, от 26.12.2024 года № 1916, от 19.06.2025 г. № 925:

которыми установлены особенности, связанные с применением штрафных санкций (неустойки, штрафа и иных) к застройщикам за неисполнение обязательств по заключенным договорам участия в долевом строительстве неустойка за нарушение сроков передачи объектов не начисляется за периоды:

- с 03.04.2020 по 31.12.2020 включительно в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 423 от 02.04.2020 (далее – Постановление № 423)¹;
- с 29.03.2022 по 30.06.2023 включительно, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 479 от 26.03.2022 (далее – Постановление № 479)²;
- с 22.03.2024 по 31.12.2024 включительно, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 326 от 18.03.2024 (далее – Постановление № 326)³;
- с 01.01.2025 по 30.06.2025 включительно, в соответствии с Постановлением Правительства

¹ Постановление Правительства РФ № 423 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» от 02.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

² Постановление Правительства РФ № 479 (ред. от 30.09.2022) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» от 26.03.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

³ Постановление Правительства РФ № 326 (ред. от 19.06.2025) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» от 18.03.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

РФ № 1916 от 26.12.2024 (далее – Постановление № 1916)⁴;

- с 30.06.2025 по 31.12.2025 включительно, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 925 от 19.06.2025 (далее – Постановление № 925)⁵.

Установление мораториев вышеперечисленными Постановлениями связано с различными социально-экономическими аспектами.

Моратории направлены на снижение мер ответственности за неисполнение застройщиками возложенных на них обязанностей по заключенным договорам.

Таким образом, государство устанавливает некий баланс между сторонами, ведь далеко не во всех случаях ненадлежащее исполнение условий договора, например, сдача объекта в срок, установленный договором, зависит только от застройщика.

Необходимо понимать, что, например, Постановлением № 423 установлен период моратория в связи с распространением коронавирусной инфекции. Этим и регламентирована мера по принятию данного акта.

Стройка – это системно сложная процедура, состоящая из различных этапов, связанных между собой.

Во время распространения коронавирусной инфекции ряд предприятий и организаций приостанавливали свою деятельность, а те, что работали, снижали производственные темпы.

В ряде случаев нарушались сроки сдачи объектов строительства, в том числе и в связи с недопоставкой в установленные ранее сроки строительных материалов и как следствие, сопровождались невозможностью проведения необходимых работ в установленные сроки, были сокращены рабочие бригады, проводящие работы на строящихся объектах, в ряде случаев были кадровые сокращения, а также ограничения на количество рабочих смен для меньшего взаимодействия людей между собой и минимизации рисков по распространению вирусной инфекции.

В сложившихся условиях установление моратория было вынужденной, необходимой мерой, принятой государством для установления баланса между сторонами (дольщиками и застройщиками) и минимизации убытков ключевой составляющей для экономической сферы страны.

4) ограничение неустойки на будущее (длящуюся неустойку) не более суммы строительных недостатков.

Он выступает как один из способов стимулирования застройщиков к исполнению решения судов по выплате неустойки по дате фактического испол-

⁴ Постановление Правительства РФ № 1916 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 г. № 326» от 26.12.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Правительства РФ от 19.06.2025 № 925 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 г. № 326» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

нения вынесенного решения из расчета, установленного ч. 8 ст. 7 № 214-ФЗ. Срок для предъявления исполнительного листа составляет три года.

При определении размера взыскиваемой с застройщика неустойки суды исходят из общих принципов гражданского законодательства о добросовестности и разумности применения прав, принадлежащих участникам гражданских правоотношений, а также разумного баланса между мерой ответственности, применяемой к нарушителю, и размером действительного ущерба, причиненного в результате конкретного правоотношения.

Возможность снижать неустойку судам дает ст. 333 ГК РФ, но снижение размера неустойки возможно только в исключительных случаях.

В пункте 75 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» указано, что при оценке соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а также то, что неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования (пункты 3, 4 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ))¹.

Доказательствами обоснованности размера неустойки могут служить, в частности, данные о среднем размере платы по краткосрочным кредитам на пополнение оборотных средств, выдаваемым кредитными организациями лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, либо платы по краткосрочным кредитам, выдаваемым физическим лицам, в месте нахождения кредитора в период нарушения обязательства, а также о показателях инфляции за соответствующий период. Установив основания для уменьшения размера неустойки, суд снижает сумму неустойки.

6) Взыскание штрафа в размере 5% от взысканной судом суммы.

Суд, удовлетворяя требования участника долевого строительства, заключившего договор исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, взыскивает с застройщика в пользу гражданина штраф в размере 5% от присужденной судом суммы, если требования не были удовлетворены застройщиком в добровольном порядке (ч. 3 ст. 10 ФЗ № 214). Ранее размер штрафа составлял 50% от взысканной судом суммы.

Отдельно стоит отметить, что ограничение при расчете размера неустойки связано и с ключевой ставкой рефинансирования Центрального банка России. Ее размер составляет 7,5% годовых.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

Долевое строительство выступает важным социальным институтом, играющим ключевую роль в удовлетворении жилищных потребностей населения. Он позволяет гражданам, которые не имеют достаточно средств на покупки готового жилья, приобретать недвижимость по более низкой цене, что стимулирует в том числе развитие строительной отрасли. Государство, озаботившись этим вопросом, задалось целью поддержать обедневшие слои населения и способствовать обеспечению жильем людей, нуждающихся в этом². Таким образом, сфера долевого строительства была под полным контролем государства, что исключало совершение каких-либо противоправных деяний по отношению к дольщикам.

В последние годы тенденции изменений в законодательстве направлены на установление баланса между сторонами. С одной стороны, приняты меры по ужесточению ответственности перед участниками долевого строительства, с другой, ряд мер носит ограничительный характер, касающийся в том числе и ответственности застройщиков за ненадлежащее исполнение ими возложенных на них обязанностей по заключенным договорам долевого участия.

Отдельно стоит отметить, что законодательство о долевом строительстве преимущественно направлено на возведение именно жилого жилья. Применение государством эффективных механизмов защиты прав участников долевого строительства позволяет снизить уровень преступлений в этой области и способствует обеспечению гарантий и благонадежности для граждан.

На основании изложенного можно утверждать, что приобретение права собственности на объекты недвижимости путем участия в долевом строительстве является одним из наиболее доступных.

Совершенствование законодательства в удовлетворении жилищных потребностей населения формирует более доступный рынок жилья, что выступает одним из приоритетных направлений государственной жилищной политики. Примером тому выступают в том числе различные целевые программы такие как «Доступное и комфортное жилье гражданам России», Федеральная целевая программа «Жилище», государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» и многие другие.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 1–

² А.Ю. Терехов, Вестник Алтайской академии экономики и права № 5, часть 2, научный журнал ISSN 1818-4057, 2022 г. С. 139. Статья. [Электронный ресурс] URL: <https://vaael.ru/article/view?id=2188>

- ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138–ФЗ (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95–ФЗ (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 4. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.12.2024 № 482-ФЗ (в действ. ред.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 6. Постановление Правительства РФ № 423 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве» от 02.04.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 7. Постановление Правительства РФ № 479 (ред. от 30.09.2022) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» от 26.03.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 8. Постановление Правительства РФ № 326 (ред. от 19.06.2025) «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по до- говорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» от 18.03.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 9. Постановление Правительства РФ № 1916 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 г. № 326» от 26.12.2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 10. Постановление Правительства РФ от 19.06.2025 № 925 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 18 марта 2024 г. № 326» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 11. Приказ Минстроя России от 19.02.2025 года № 91/пр «Об утверждении минимальных требований к результату производства отделочных работ на объекте долевого строительства и входящих в состав такого объекта долевого строительства элементов отделки» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.02.2025 года № 81412) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
 12. А.Р. Кирсанов «Обеспечение качества объектов долевого строительства» / А.Р. Кирсанов // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10. С. 15–22. [Электронный ресурс]. Статья. URL: <https://lawinfo.ru/articles/6689/sravnitelno-pravovaya-xarakteristika-dogovora-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve-mnogokvartirnyx-zilyx-domov-i-dogovora-uchastiya-v-dolevom-stroitelstve-individualnyx-zilyx-domov>
 13. Е.Ю. Ржанникова «Исторические аспекты становления долевого участия в строительстве», Вестник магистратуры. 2019. № 11–1 (98) Статья. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/poliakovdv/Downloads/istoricheskie-aspekty-stanovleniya-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve.pdf>
 14. А.Ю. Терехов «Вестник Алтайской академии экономики и права № 5», часть 2, научный журнал ISSN 1818-4057, 2022 г. – 141 с. Статья. [Электронный ресурс]. URL: <https://vaael.ru/article/view?id=2188>.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN SHARED CONSTRUCTION IN RUSSIA

Polyakov D.V.

Institute of Public Administration and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In this article, the author highlights the main changes and trends in the development of legislation in shared construction in Russia since 2020;

Keywords: shared construction, shared construction agreement, shared construction participant, developer, real estate, real estate transactions.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by a nationwide vote on 12.12.1993) (taking into account amend-

ments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 1-FKZ, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.

2. “The Civil Procedure Code of the Russian Federation” of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended). [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
3. “Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended). [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
4. Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated December 30, 2004, No. 214-FZ (as amended). [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
5. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated December 26, 2024, No. 482-FZ (as amended). [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
6. RF Government Resolution No. 423 “On Establishing the Specifics of Applying Penalties (Fines, Late Fees), Other Financial Sanctions, and Other Liability Measures for Failure to Perform or Improper Performance of Obligations under Shared Construction Participation Agreements Established by the Legislation on Shared Construction, and on the Specifics of Including in the Register of Problematic Apartment Buildings and (or) Other Real Estate Objects in Relation to Which the Developer Has Delayed by More Than 6 Months the Completion Date (Creation) of the Apartment Building and (or) Other Real Estate Object and (or) the Obligation to Transfer the Shared Construction Object to the Shared Construction Participant Under a Registered Shared Construction Participation Agreement” dated 02.04.2020 [Electronic Resource]. – Access Mode: SPS ConsultantPlus.
7. RF Government Resolution No. 479 (as amended on September 30, 2022) “On Establishing the Specifics of Applying Penalties (Fines, Late Interest), Other Financial Sanctions, and Other Liability Measures for Failure to Perform or Improper Performance of Obligations under Shared Construction Participation Agreements Established by the Legislation on Shared Construction” dated March 26, 2022 [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
8. RF Government Resolution No. 326 (as amended on June 19, 2025) “On Establishing the Specifics of Applying Penalties (Fines, Late Interest), Other Financial Sanctions, and Other Liability Measures for Failure to Perform or Improper Performance of Obligations under Shared Construction Participation Agreements Established by the Legislation on Shared Construction” dated March 18, 2024 [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
9. RF Government Resolution No. 1916 “On Amending RF Government Resolution No. 326 of March 18, 2024” dated December 26, 2024 [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
10. RF Government Resolution No. 925 of June 19, 2025 “On Amending RF Government Resolution No. 326 of March 18, 2024” [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
11. Order of the Ministry of Construction of Russia dated February 19, 2025, No. 91/pr “On Approval of Minimum Requirements for the Results of Finishing Work on a Shared Construction Project and the Finishing Elements Included in Such a Shared Construction Project” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on February 28, 2025, No. 81412) [Electronic resource]. – Access mode: SPS ConsultantPlus.
12. A.R. Kirsanov “Quality Ensuring for Shared Construction Projects” / A.R. Kirsanov // Property Relations in the Russian Federation. 2021. No. 10. pp. 15–22. [Electronic resource]. Article. URL: <https://lawinfo.ru/articles/6689/sravnitelno-pravovaya-xarakteristika-dogovora-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve-mnogokvartirnyx-zilyx-domov-i-dogovora-uchastiya-v-dolevom-stroitelstve-individualnyx-zilyx-domov>
13. E. Yu. Rzhannikova, “Historical Aspects of the Development of Shared Participation in Construction,” Magistracy Bulletin. 2019. No. 11–1 (98) Article. [Electronic resource]. URL: <file:///C:/Users/poliakovdv/Downloads/istoricheskie-aspekty-stanovleniya-dolevogo-uchastiya-v-stroitelstve.pdf>
14. A. Yu. Terekhov “Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law No. 5”, part 2, scientific journal ISSN 1818-4057, 2022–141 p. Article. [Electronic resource]. URL: <https://vaael.ru/article/view?id=2188>

Административно-правовое регулирование деятельности таможенных органов по контролю за перемещением контрафактной продукции: проблемы и пути решения

Пулин Александр Олегович,

соискатель Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС; преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии
E-mail: a.pulin@customs-academy.ru

Целью статьи является рассмотрение актуальных проблем административно-правового регулирования деятельности таможенных органов по контролю за перемещением контрафактной продукции. Задачами, которые решает автор, являются раскрытие актуальных направлений деятельности таможенных органов в сфере контроля за перемещением контрафактной продукции, их особенностей, также отдельно обращено внимание на специфику деятельности таможенных органов по контролю за перемещением контрафактной продукции в международных почтовых отправлениях.

В публикации раскрываются основные проблемные вопросы, с которыми сталкивается Федеральная таможенная служба при контроле за перемещением контрафактной продукции, как в целом, так и в частности, например, в сфере международных почтовых отправлений. Данные проблемы связаны: с отсутствием четкого определенного толкования того, что считать контрафактным товаром и как следствие недостаточными знаниями должностных лиц таможенных органов по идентификации таких товаров; с наличием сложностей взаимодействия (информирования) правообладателей и таможенных органов; с недостаточно развитым и активным уровнем сотрудничества таможенных органов ФТС России с таможенными органами зарубежных государств по борьбе с перемещением контрафактной продукции, а также определенными пробелами в законодательстве относительно уничтожения изъятых или арестованных контрафактных товаров. В итоге автором для решения указанных проблем предложены пути решения, связанные с развитием понятийного аппарата, организационных и правовых основ таможенного контроля товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, с повышением правовой культуры граждан в сфере интеллектуальной собственности и развитием таможенного сотрудничества с зарубежными странами по вопросам борьбы с перемещением контрафактной продукции.

Ключевые слова: административная ответственность, интеллектуальная собственность, контрафактная продукция, таможенное сотрудничество, таможенные органы.

Введение

Актуальность данного исследования продиктована, в первую очередь, объемами выявления контрафактной продукции и размером предотвращенного ущерба таможенными органами в отношении правообладателей. По данным ФТС России, в 2024 г. было выявлено 5,8 млн единиц контрафактной продукции (далее – ЕКП), что несколько больше, чем в 2023 г. (4,9 млн. ЕКП), в свою очередь в 2022 г. было выявлено 8,2 млн. ЕКП, в 2021 г. – 7,2 млн. ЕКП, а в 2020 г. – 13,3 млн. ЕКП [28]. Размер потенциального предотвращенного ущерба правообладателям за данный период представлен в табл. 1 [28].

Таблица 1. Размер предотвращенного ущерба правообладателям за 2020–2024 гг.

Год	Ущерб (млрд руб.)
2020 г.	4,7
2021 г.	7
2022 г.	5,7
2023 г.	3,7
2024 г.	3,7

Как видно из представленных данных, объем выявления контрафактной продукции и размер потенциального ущерба правообладателям остается на достаточно высоком уровне. Это связано с постковидным периодом, санкционной политикой.

ФТС России является ключевым профильным ведомством, находящиеся на переднем крае борьбы с перемещением контрафактной продукции, однако, в данной деятельности имеется ряд проблем анализу и систематизации основных из них и посвящена данная статья.

Материалы и методы

Методологическая база исследования продиктована использованием определенных общих и частных методов познания, включая, в частности: диалектический метод познания, формально-юридический, системный, комплексный, метод опроса, нормативистский и другие.

Обсуждение

Отметим, что рамках заявленной предметной области статьи отдельные аспекты и проблемные вопросы административно-правового регулирования дея-

тельности таможенных органов, в том числе по контролю за перемещением контрафактной продукции были рассмотрены в трудах многих отечественных ученых-правоведов, таких как: О.В. Гречкина [10], Н.М. Кожуханов [11], А.Г. Гетман [12], Ю.А. Максимов [13], А.Н. Шашкина [14], И.В. Веретенцева [15], Д.С. Власенко [16], Н.В. Шайдуко [17], А.В. Сюсюкина [18], В.П. Капыша [19], С.В. Максимова [20] и др. Исследовательской задачей автора является обозначение актуальных направлений правового регулирования деятельности таможенных органов в сфере контроля за перемещением контрафактной продукции, выявление и систематизация проблемных вопросов, имеющих место быть в данной деятельности.

Результаты исследования

В рамках контроля за перемещением контрафактной продукции, деятельность ФТС России связана с: контролем за соблюдением законности, выявлением правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов и последующем судопроизводстве, а также взаимодействием с правообладателями. Данные направления деятельности таможенных органов регламентируются следующими основными актами: глава 52 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [1], а также глава 57 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – 289-ФЗ) [4].

При реализации таможенными органами данных направлений деятельности в рамках контроля за перемещением контрафактной продукции, возникают определенные правовые проблемы, а именно:

Первая проблема связана с неопределенным толкованием того, что считать контрафактным товаром с точки зрения законодательства. Следует отметить, что и в международном законодательстве, и в законодательстве ЕАЭС, и в законодательстве Российской Федерации данный термин не регламентирован [22, с. 90–92], частично об этой проблеме мы говорили в одной из прошлых публикаций [21, с. 132–133]. В рамках данной публикации дополним, что должностные лица таможенных органов (далее – ДЛТО) вынуждены осуществлять выявление контрафактной продукции, опираясь только на свои знания и опыт, и по мнению Берловой Н.В. и Чадовой Т.В., возможны ситуации, когда ДЛТО в целом не хватает данных знаний навыков [23, с. 47–48] по идентификации таких товаров.

Вторая проблема, которую можно выделить, заключается в правовой неурегулированности взаимодействия между таможенными органами и правообладателями, которая выражается в ряде аспектов, а именно:

Во-первых, отметим, что на сегодняшний день наиболее действенным инструментом взаимодействия таможенных органов и правообладателей яв-

ляется Таможенный реестр ОИС (далее – ТРОИС), порядок и особенности ведения которого регламентированы Приказом ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» [8]. Однако, в данный реестр включаются не все ОИС, а только те, которые определены ч. 3 ст. 334.289-ФЗ [4]. Более того, в отношении некоторых ОИС, представленных в указанном перечне, имеются сложности при администрировании в ТРОИС, например, в отношении объектов авторского и смежных с ним прав.

Во-вторых, эта проблема также проявляется в следующих аспектах

- взаимодействие таможенных органов и правообладателей осуществляется посредством совокупности разрозненных правовых норм, а единого сводного документа по их взаимодействию не имеется;
- несвоевременный ответ либо игнорирование направляемых запросов от имени таможенных органов со стороны правообладателей.

По положению п. 5.65 Постановления Правительства РФ: «Таможенные органы выносят решения, связанные с ведением ТРОИС и принимают меры по защите прав на ОИС» [6], то есть они выступают инициатором взаимодействия. Однако, нередки случаи, когда при выявлении товаров с признаками контрафактных ДЛТО осуществляют уведомление тех правообладателей, которые зарегистрировали ОИС в таможенном реестре, а в дальнейшем, правообладатели просто не отвечают на уведомление таможенных органов [24, с. 147]. Как итог, товары, имеющие признаки контрафактности, вынуждено выпускаются в свободное обращение. Известны случаи, когда правообладатели отказываются применять административные меры воздействия к нарушителям и в целом не желают защищать свою ИС, мотивируя это меньшим вредом для них, а также боязнью запятнать свою репутацию из-за длительного процесса защиты.

Третья проблема, на которой также хотели бы заострить внимание, связана с недостаточно развитым правовым регулированием сотрудничества таможенных органов ФТС России с таможенными органами зарубежных государств по борьбе с перемещением контрафактной продукции. В соответствии с главой 49 ТК ЕАЭС таможенные органы осуществляют информационное и иное взаимодействие как в рамках Союза, так и с таможенными органами государств, которые не являются членами Союза [1].

На практике же, если говорить про ФТС России, то взаимодействие осуществляется, в том числе в рамках борьбы с перемещением контрафактной продукции, с достаточно ограниченным числом государств. В последнее время, очень активное взаимодействие осуществляется с Китаем в рамках заседаний Рабочей группы по защите интеллек-

туальной собственности при подкомиссии по таможенному сотрудничеству Российско-Китайской комиссии по подготовке регулярных встреч Глав Правительств. В 2025 г. состоялось уже несколько совещаний, где были обсуждены актуальные взаимные предложения и направления деятельности, организатором данных совещаний выступила Российская таможенная академия. Аналогичный инструментарий по обмену информацией и взаимной работе по борьбе с перемещением контрафактной продукции создан и в рамках таможенных служб ЕАЭС, СНГ, однако, отсутствует с иными странами, у которых с РФ достаточно большой объем взаимной торговли и вероятность попытки перемещения контрафакта велика. В частности, можно отметить такие страны как: Турция, Вьетнам, ОАЭ и др.

Четвертой проблемой, которую мы бы хотели затронуть, является тот факт, что фактически существуют два механизма правового регулирования, обеспечивающие защиту ОИС, то есть за совершение одних и тех же действий в зависимости от порядка перемещения товаров, содержащих ОИС, наступают отличные друг от друга юридические последствия, что нелогично и не отвечает принципу «ответственность только на основании закона, действовавшего во время и по месту совершения административного правонарушения».

С точки зрения Коренева А.П., механизм административно-правового регулирования – это система административно-правовых средств, которая воздействуя на общественные отношения, организует их в соответствии с задачами государства и общества [25, с. 40]. В структуру данного механизма, с точки зрения Коренева А.П. [25, с. 41] и Макарейко Н.В. [26] входят следующие элементы: нормы административного права, акты толкования норм административного права, акты применения норм административного права и административно-правовые отношения. Исследуя механизм административно-правового регулирования деятельности таможенных органов по контролю за перемещением контрафактной продукции, исходя из представленной структуры, можно сделать вывод, что в случае перемещения контрафактной продукции через таможенную границу, в зависимости от порядка перемещения (в качестве коммерческих партий или для личного пользования) наступают отличные друг от друга юридические последствия, то есть в случае выявления контрафакта в коммерческих партиях, товары подлежат изъятию и аресту, а декларант – привлечению к административной ответственности; в случае выявления контрафакта в товарных партиях для личного пользования – товары возвращаются отправителю.

Пятой проблемой, которую можно отметить в рамках данной статьи, является наличие определенных пробелов в отечественном административном законодательстве относительно уничтожения изъятых или арестованных контрафактных товаров перемещаемых в коммерческих партиях.

Так, таможенные органы уполномочены осуществлять производство по делам об административных правонарушениях (далее – АП), связанных с нарушениями прав на ОИС, по ст. 6.33, ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП РФ [2]. Анализируя перечень видов ОИС, отмеченных выше, а также составы правонарушений по вышеназванным статьям, можно отметить очевидную ограниченность спектра защиты таможенными органами прав на ОИС при перемещении товаров их содержащих через границу. Об этом также свидетельствует и то, что, например, по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ объектом защиты являются не сами произведения и фонограммы, а материальные носители, на которых они зафиксированы. Данной позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который в п. 5 Постановления Пленума № 14 отмечает, что «под экземпляром произведения следует понимать копию произведения, изготовленную в любой материальной форме, в том числе в виде информации, зафиксированной на машиночитаемом носителе (CD– и DVD–диске, MP3–носителе и др.), а экземпляр фонограммы представляет собой копию на любом материальном носителе, изготовленную непосредственно или косвенно с фонограммы и включающую все звуки или часть звуков, зафиксированные в этой фонограмме (звуковой записи исполнений или иных звуков)» [9]. С нашей точки зрения, законодатель ограничил спектр защиты теми ОИС, которые на практике являются наиболее распространенными при перемещении товаров через таможенную границу.

Однако, кроме того, данная ограниченность правового регулирования выражается еще в ряде аспектов:

Не все ОИС, перемещаемые в составе товарных партий через границу защищены в равной степени. В частности, это касается товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях (далее – МПО). Также выделяются категории товаров, на которые административная юрисдикция таможенных органов по защите прав на ОИС не распространяется, даже если указанные товары содержат ОИС, в отношении которых по общему правилу могут принимать меры по защите.

Также следует заметить, с нашей точки зрения, ключевую особенность, связанную с распоряжением изъятыми либо арестованными товарами в части их уничтожения. В ст. 32.4 КоАП РФ отмечается, «в случае изъятия либо ареста в порядке, определенном ст. 27.10 и 27.14 КоАП РФ подлежат уничтожению только конфискованные экземпляры произведений и фонограмм, материалы и оборудование, используемые для их воспроизведения, и иные орудия совершения АП, предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, за исключением случаев их передачи правообладателю по его просьбе» [2]. Соответственно уничтожение либо передача производится судьей, либо по его поручению должностным лицом органа, которым было осуществлено изъятие либо арест. То есть, таможенные органы могут произвести уничтожение ранее изъ-

ятых или арестованных товаров только по решению суда. Отметим, что в рамках производства дел об АП уничтожение товаров регулируется постановлением Правительства РФ от 29.05.2003 № 311 «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства» [5], в данном случае товары могут быть уничтожены по решению специальной комиссии. Говоря о таможенных органах, существует акт об уничтожении товаров под таможенным контролем, регламентированный Приказом ФТС России от 22.12.2010 № 2523 «Об утверждении формы акта об уничтожении товаров под таможенным контролем» [7].

Продолжая анализировать положения ст. 32.4 КоАП РФ, отметим, что положений, «устанавливающих уничтожение орудий совершения АП, предусмотренных ч. 1 ст. 6.33 и ст. 14.10 КоАП РФ, либо возможность их передачи правообладателю по его просьбе, в случае если они были изъяты или арестованы не установлено» [27, с. 28]. Данный факт приводит к тому, что при рассмотрении дел по указанным статьям и решении вопроса о дальнейших действиях в отношении арестованных либо изъятых таможенными органами товаров, которые обладают признаками контрафактных, судебные органы ограничиваются только решением об их конфискации.

Шестая проблема, которая в какой-то степени является следствием третьей проблемы, отмеченной нами выше, выражается в правовой неурегулированности вопросов уничтожения контрафактных товаров перемещаемых в рамках МПО для личного пользования физическими лицами. В случае выявления и подтверждения признаков контрафактности товаров, пересылаемых в МПО для личного пользования, в порядке предусмотренном ст. 125 ТК ЕАЭС [1] принимается решение об отказе в выпуске МПО и осуществляется его возврат в страну отправления. С точки зрения автора, данный факт создает потенциальные риски для повторной отправки таких товарных партий, а также отправки их в большем количестве, по причине того, что российская юрисдикция не распространяется на международных отправителей товаров, а так как на территории РФ не предусмотрен законодательно механизм уничтожения таких товаров, отправление действует безнаказанно.

Седьмая, заключительная проблема, которую мы бы хотели отметить, связана с тем фактом, что ст. 310 ТК ЕАЭС определяет срок проведения таможенного контроля после выпуска товаров (далее – ТК ПВТ) в 3 года [1], а в свою очередь ст. 4.5 КоАП РФ устанавливает срок давности привлечения к административной ответственности за АП, предусмотренные ч. 1 ст. 6.33, ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 продолжительностью в 1 год. Такая ситуация в судебной практике формирует случаи отказа в привлечении к административной ответственности за указанные АП, которые выявляются таможенными органами на этапе ТК ПВТ по причине истечения срока давности привлечения к административной ответственности, а потенциально

опасные контрафактные товары доходят до конечных потребителей.

Отмеченные выше проблемы, с нашей точки зрения, носят системный характер, систематизируем их по следующим основаниям:

- 1) *Неполное правовое определение понятийного аппарата*, к которому можно отнести проблему отсутствия четкого легального толкования того, что считать контрафактным товаром;
- 2) *пробелы в организационных и правовых основах таможенного контроля товаров, содержащих ОИС*, к которым следует отнести такие проблемы как:
 - правовая неурегулированность взаимодействия между таможенными органами и правообладателями;
 - недостаточно развитый и активный уровень сотрудничества таможенных органов ФТС России с таможенными органами зарубежных государств по борьбе с перемещением контрафактной продукции;
 - правовая неурегулированность вопросов уничтожения контрафактных товаров перемещаемых в рамках МПО для личного пользования физическими лицами;
- 3) *не полностью урегулированный порядок привлечения к административной ответственности*, который включает в том числе проблему распоряжения изъятыми либо арестованными товарами в части их уничтожения;
- 4) *несоответствие срока проведения ТК ПВТ и срока давности привлечения к административной ответственности за АП*, предусмотренные ст. 6.33, ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП РФ.

Для решения данных проблем, а также развития данной сферы деятельности таможенных органов нами предлагается:

1. С целью развития понятийно-терминологического аппарата законодательно закрепить термин «контрафактный товар» со следующей формулировкой: «товар, перемещаемый через таможенную границу Союза, в котором содержатся нарушения, связанные с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, являющиеся интеллектуальной собственностью».

2. Для правового урегулирования взаимодействия таможенных органов и правообладателей считаем необходимым:

а) во-первых, на уровне ФТС России утвердить в рамках Приказа ФТС России Положение о взаимодействии таможенных органов РФ с правообладателями по обеспечению защиты их прав на ОИС;

б) во-вторых, для обеспечения более эффективного механизма защиты правообладателями прав на ОИС предлагается дополнить отмеченное выше Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 положением, устанавливающим полномочие по оказанию таможенными органами дополнительных мер содействия правообладателям в за-

щите их прав на ОИС, связанных с проведением методической, информационной и иной работы.

3. В целях совершенствования порядка привлечения к административной ответственности за АП в сфере ИС и решения проблемы в части ликвидации пробела в административном законодательстве относительно уничтожения изъятых или арестованных контрафактных товаров предлагается дополнить ч. 3 ст. 32.4 КоАП РФ п. 3.2 и 3.3, следующего содержания:

«3.2. Конфискованные лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, и иные орудия совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.33 настоящего Кодекса, подлежат уничтожению, за исключением случаев их передачи правообладателю по его просьбе. Если указанные орудия или предметы были изъяты в соответствии со статьей 27.10 настоящего Кодекса или арестованы в соответствии со статьей 27.14 настоящего Кодекса, то их уничтожение или передача производится судьей или по его поручению органом, должностное лицо которого произвело изъятие или арест».

«3.3. Конфискованные орудия и предметы совершения административного правонарушения, предусмотренного статьей 14.10 настоящего Кодекса, содержащие средства индивидуализации товаров (работ, услуг), подлежат уничтожению, за исключением случаев их передачи правообладателю по его просьбе. Если указанные орудия или предметы были изъяты в соответствии со статьей 27.10 настоящего Кодекса или арестованы в соответствии со статьей 27.14 настоящего Кодекса, то их уничтожение или передача производится судьей или по его поручению органом, должностное лицо которого произвело изъятие или арест».

4. Для правового урегулирования вопросов уничтожения контрафактных товаров перемещаемых в рамках МПО для личного пользования физическими лицами, предлагается:

а) внести поправки в ТК ЕАЭС путем дополнения ст. 384 пунктом 8 следующего содержания:

«8. В целях обеспечения безопасности населения законодательством государств-членов о таможенном регулировании могут быть установлены дополнительные меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, принимаемые таможенными органами в случае, если при совершении таможенных операций, связанных с выпуском товаров без помещения под таможенные процедуры, в отношении товаров, приобретенных физическими лицами в рамках международной электронной торговли, перемещаемых международными почтовыми отправлениями, обнаружены признаки нарушения прав правообладателя на объекты интеллектуальной собственности, включенные в национальный таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, который ведется таможенным органом государства-члена, на территории которого совершаются тамо-

женные операции», в том числе уничтожение таких товаров»;

б) внести изменения в 289-ФЗ, а именно дополнить главу 16 ст. 112.1 об уничтожении товаров как дополнительной мере по защите прав на ОИС.

5. В целях решения проблемы несоответствия срока проведения ТК ПВТ и срока давности привлечения к административной ответственности за АП, предусмотренные ст. 6.33, ч. 1 ст. 7.12 и ст. 14.10 КоАП РФ, предлагается внести поправки в ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, а именно: увеличить срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства об охране здоровья граждан, в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения (в части обращения фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок), об авторском праве и смежных правах, о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров с 1 года до 3 лет.

6. Для обеспечения безопасности конечных потребителей и борьбы с перемещением контрафактной продукции, предложена перспективная мера, связанная с информатизацией и введением системы маркировки товаров, содержащих ОИС, специальными знаками (QR кодами), с помощью которых в рамках таможенного контроля и последующего введения в оборот можно получить всю необходимую информацию о товаре, начиная с этапа его производства, что позволит убедиться в безопасности товара и даст гарантии соблюдения прав правообладателя на ОИС, содержащиеся в товаре; также предлагается законодательно закрепить во всех государствах-членах ЕАЭС механизм «ex-officio», что даст возможность возбуждать дела об АП и приостанавливать выпуск товаров без внесения ОИС в таможенные реестры.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что все указанные проблемы имеют системный, комплексный характер, что усугубляется внешнеэкономическими вызовами и внутренними организационными трудностями и, требует принятия комплексных мер правового характера по их устранению.

Решение данных правовых проблем позволит повысить результативность деятельности таможенных органов по контролю за товарами, содержащими ОИС, перемещаемыми через таможенную границу и будет способствовать укреплению законности в данной сфере.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019 с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономи-

ческого союза) // Справочно-правовая система «Консультант плюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006 г. № 52 (часть I). Ст. 5496.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.08.2018 г. № 32 (часть I). Ст. 5082.
5. Постановление Правительства РФ от 29.05.2003 № 311 «О порядке учета, оценки и распоряжения имуществом, обращенным в собственность государства» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/5425423/?ysclid=mdspogd8aq706891871> (дата обращения: 29.07.2025).
6. Постановление Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.05.2021 г. № 18. Ст. 3146.
7. Приказ ФТС России от 22.12.2010 № 2523 «Об утверждении формы акта об уничтожении товаров под таможенным контролем» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/10pr2523/?ysclid=mdspp5b2gr259739984> (дата обращения: 30.07.2025).
8. Приказ ФТС России от 28.01.2019 № 131 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению государственной услуги по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019 (дата обращения: 10.09.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007 г. № 7.
10. Гречкина О.В. Административная юрисдикция таможенных органов Российской Федерации: теоретико-прикладное исследование: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. Челябинск, 2011. 384 с.
11. Кожуханов Н.М. Проблемы функционирования таможенных органов Российской Федерации в условиях внедрения новых информационных технологий // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 1(50). С. 41–50.
12. Гетман А.Г. Таможенная логистика перемещения через таможенную границу ЕАЭС товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАН-ХиГС, 2025. 146 с.
13. Максимов Ю.А. Обеспечение экономической безопасности внешней торговли и информационной защиты критической инфраструктуры таможенных органов. – Текст: непосредственный // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 1.
14. Клейменова (Шашкина) А.Н. Административно-правовое регулирование таможенного контроля после выпуска товаров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Люберцы, 2014. 177 с.
15. Веретенцева И.В. Административно-юрисдикционная деятельность таможенных органов в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Люберцы, 2019. 202 с.
16. Власенко Д.С. Совершенствование административно-правового регулирования таможенного контроля как инструмента обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Люберцы, 2019. 223 с.
17. Шайдуко Н.В. Административная деятельность таможенных органов в сфере обеспечения общественной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Люберцы, 2013. 195 с.
18. Сюсюкин А.В. Административно-правовое регулирование в сфере обеспечения экономической безопасности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Ростов-на-Дону, 2004. 191 с.
19. Капыш В.П. Административно-правовое регулирование обеспечения экономической безопасности: на примере государственной корпорации «Ростех»: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2017. 532 с.
20. Максимов С.В. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2014. 298 с.
21. Пулин А.О. Обеспечение таможенными органами защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 1. С. 131–137.
22. Кожуханов Н.М. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях: исследование понятийного аппарата // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 1. С. 87–95.
23. Берлова Н.В., Чадова Т.В. Идентификация контрафактных товаров при таможенном кон-

троле // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2 (83). С. 47–58.

24. Таможенные инструменты обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях: монография / Н.М. Кожуханов, С.В. Новиков, А.О. Пулин, С.В. Шкляев; под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента Н.М. Кожуханова. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2022. – 224 с.
25. Коренев А.П. Административное право России. Учебник. В 3-х частях. Часть I. – М.: МЮИ МВД России. Изд-во «Щит-М», 1999. – 280 с.
26. Макарейко Н.В. Административное право. Учебное пособие для вузов – 12-е изд., изм. и доп. – М: Юрайт, 2024.
27. Кожуханов Н.М., Пулин А.О. Тенденции и особенности производства по делам об административных правонарушениях, отнесенных к компетенции таможенных органов // Таможенное дело. 2023. № 4. С. 25–28.
28. Ежегодный сборник «Таможенная служба Российской Федерации (данные за 2020–2024 гг.) // Официальный сайт ФТС РФ <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 18.07.2025).

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES TO CONTROL THE MOVEMENT OF COUNTERFEIT PRODUCTS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Pulin A.O.

North-West Institute of Management, Russian Customs Academy

The purpose of this article is to consider the current problems of administrative and legal regulation of the activities of customs authorities in controlling the movement of counterfeit goods. **The tasks** that the author solves are to disclose the current areas of activity of customs authorities in the field of control over the movement of counterfeit goods, their features, and special attention is paid to the specifics of the activities of customs authorities in controlling the movement of counterfeit goods in international mail. The publication reveals the main problematic issues that the Federal Customs Service faces when controlling the movement of counterfeit goods, both in general and in particular, for example, in the field of international mail. These problems are associated with: the lack of a clearly defined interpretation of what is considered counterfeit goods and, as a consequence, insufficient knowledge of customs officials in identifying such goods; the presence of difficulties in interaction (informing) copyright holders and customs authorities; with the insufficiently developed and active level of cooperation between the customs authorities of the Federal Customs Service of Russia and the customs authorities of foreign countries in combating the movement of counterfeit goods, as well as certain gaps in the legislation regarding the destruction of seized or arrested counterfeit goods. **As a result**, the author proposed solutions to solve the above problems related to the development of the conceptual apparatus, organizational and legal foundations of customs control of goods containing intellectual property, with increasing the legal culture of citizens in the field of intellectual property and the development of customs cooperation with foreign countries on issues of combating the movement of counterfeit goods.

Keywords: administrative responsibility, intellectual property, counterfeit products, customs cooperation, customs authorities.

References

1. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 29.05.2019 as amended on 18.03.2023) (Appendix No. 1 to

the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // Reference and legal system "Consultant Plus".

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002 No. 1 (Part I). Art. 1.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of 18.12.2006 No. 230-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 25.12.2006 No. 52 (Part I). Art. 5496.
4. Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ "On Customs Regulation in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. August 6, 2018, No. 32 (Part I). Art. 5082.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of May 29, 2003 No. 311 "On the Procedure for Accounting, Valuation, and Disposal of Property Transferred to State Ownership" [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/5425423/?ysclid=mdspogd8aq706891871> (accessed: July 29, 2025).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 23, 2021 No. 636 "On Approval of the Regulation on the Federal Customs Service, Amendments to the Regulation on the Ministry of Finance of the Russian Federation, and Recognition of Certain Acts and Individual Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid" // Collected Legislation of the Russian Federation. May 3, 2021, No. 18. Article 3146.
7. Order of the Federal Customs Service of Russia of December 22, 2010 No. 2523 "On Approval of the Form of the Act on the Destruction of Goods under Customs Control" [Electronic resource]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/10pr2523/?ysclid=mdspp5b2gr259739984> (accessed: July 30, 2025).
8. Order of the Federal Customs Service of Russia dated 28.01.2019 No. 131 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Customs Service for the Provision of the Public Service for Maintaining the Customs Register of Intellectual Property Objects" [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 07.06.2019 (date of access: 10.09.2025).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.04.2007 No. 14 "On the Practice of Considering Criminal Cases by Courts on Violation of Copyright, Related, Inventor's and Patent Rights, as well as on the Illegal Use of a Trademark" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007, No. 7.
10. Grechkina O.V. Administrative Jurisdiction of the Customs Authorities of the Russian Federation: Theoretical and Applied Research: Dis. ... Dr. of Law. Sciences: 12.00.14. Chelyabinsk, 2011. 384 p.
11. Kozhukhan N.M. Problems of functioning of customs authorities of the Russian Federation in the context of the introduction of new information technologies // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2020. No. 1 (50). Pp. 41–50.
12. Getman A.G. Customs logistics of movement of goods containing intellectual property across the customs border of the EAEU. St. Petersburg: IPC SZIU RANEP, 2025. 146 p.
13. Maksimov Yu.A. Ensuring the economic security of foreign trade and information protection of the critical infrastructure of customs authorities. – Text: direct // Bulletin of Eurasian Science. 2025. Vol. 17, No. 1.
14. Kleymenova (Shashkina) A.N. Administrative and legal regulation of customs control after the release of goods: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Lyubertsy, 2014. 177 p.
15. Veretentseva I.V. Administrative and jurisdictional activities of customs authorities in the field of protecting intellectual property rights: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Lyubertsy, 2019. 202 p.
16. Vlasenko D.S. Improving the administrative and legal regulation of customs control as a tool for ensuring the economic security of the Russian Federation: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Lyubertsy, 2019. 223 p.
17. Shaiduko N.V. Administrative activities of customs authorities in the field of ensuring public security of the Russian Federation: diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Sciences: 12.00.14. Lyubertsy, 2013. 195 p.
18. Syusyukin A.V. Administrative and legal regulation in the sphere of economic security: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.14. Rostov-on-Don, 2004. 191 p.

19. Kapysh V.P. Administrative and legal regulation of economic security: on the example of the state corporation "Rostec": Dis. ... Doctor of Sciences (Law): 12.00.14. Moscow, 2017. 532 p.
20. Maksimov S.V. Administrative and legal support of economic security in the Russian Federation: conceptual and methodological aspects: Dis. ... Doctor of Sciences (Law): 12.00.14. Moscow, 2014. 298 p.
21. Pulin A.O. Ensuring the Protection of Intellectual Property Rights in Relation to Goods Sent by International Postal Item by Customs Authorities // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021. No. 1. pp. 131–137.
22. Kozhukhanov N.M. Protection of Intellectual Property Rights in Relation to Goods Sent by International Postal Item: A Study of the Conceptual Apparatus // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021. No. 1. pp. 87–95.
23. Berlova N.V., Chadova T.V. Identification of Counterfeit goods under customs control // Customs Policy of Russia in the Far East. 2018. No. 2 (83). Pp. 47–58.
24. Customs instruments for ensuring the protection of intellectual property rights in relation to goods sent by international postal items: monograph / N.M. Kozhukhan, S.V. Novikov, A.O. Pulin, S.V. Shklyayev; edited by Cand. Sci. (Law), Associate Professor N.M. Kozhukhan. – Moscow: RIO Russian Customs Academy, 2022. – 224 p.
25. Korenev A.P. Administrative Law of Russia. Textbook. In 3 parts. Part I. – Moscow: MUI MVD of Russia. Publishing house "Shchit-M", 1999. – 280 p.
26. Makareiko N.V. Administrative Law. Textbook for Universities – 12th ed., rev. and add. – M: Yurait, 2024.
27. Kozhukhanov N.M., Pulin A.O. Trends and Features of Proceedings in Cases of Administrative Offenses Within the Competence of Customs Authorities // Customs Business. 2023. No. 4. pp. 25–28.
28. Annual Digest "Customs Service of the Russian Federation (data for 2020–2024)" // Official Website of the Federal Customs Service of the Russian Federation <https://customs.gov.ru/> (accessed: 18.07.2025).

Применение зарубежного опыта при реализации положений концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы в области защиты персональных данных в автоматизированном судопроизводстве

Романычев Никита Олегович,

аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева

Научная статья исследует нормативные механизмы защиты персональных данных в контексте имплементации положений «Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы». Проведен компаративный анализ законодательных актов Великобритании и Германии 2021–2025 годов. Особое внимание уделено правовому статусу специалистов, курирующих обработку персональных данных, регламентации процедур информационной безопасности, системе оповещения субъектов персональных данных. Выявлены универсальные методы ограничения доступа к конфиденциальной информации, характерные российской и зарубежной правовым системам. Методологическую базу формируют системный и структурно-функциональный подходы, дополненные сравнительным и формально-юридическим инструментарием. Исследование направлено на выявление перспективных норм зарубежного права для совершенствования российского законодательства в сфере защиты персональных данных. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по расширению компетенций уполномоченных специалистов в области обработки персональных данных, созданию нормативной базы защиты персональных данных районных судов, установлению обязанности операторов информировать граждан о фактах компрометации персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, судебная система, Концепции информационной политики судебной системы, лица, ответственных за организацию обработки персональных данных, ограничение доступа, утечка данных.

Введение

Стратегия национальной безопасности определяет приоритетную задачу – «снижение до минимально возможного уровня количества утечек информации ограниченного доступа и персональных данных.» Масштабное внедрение цифровых технологий порождает новые риски информационной безопасности граждан. Современные реалии требуют усиленных мер защиты персональных данных, предотвращающих незаконный сбор и криминальное использование конфиденциальной информации.

В ходе развития информационного общества в России обработка информации с помощью компьютерной техники стала широко встречаться в работе всех государственных органов, в том числе и работников судов. Кроме того, очевидно, что в настоящее время без современных технологий невозможно будет справиться с потоком судебных дел.

Материалы и методы

Методологическую основу работы формируют комплексный анализ британского и германского законодательства в сфере автоматизации судебного делопроизводства при обработке персональных данных. Научный аппарат исследования базируется на сочетании системного и структурно-функционального подходов с применением сравнительного и формально-юридического методов познания.

Результаты и обсуждения

Современный этап развития российской судебной системы характеризуется принятием «Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы» [1]. Документ выделяет ключевые области модернизации судопроизводства, акцентируя внимание на обеспечении безопасности персональных данных, полученных в процессе отправления правосудия и выполнения служебных функций.

Реализация поставленных задач предполагает многовекторный подход: внедрение передовых систем электронной защиты, совершенствование алгоритмов обработки информации, расширение компетенций специалистов, ответственных за работу с персональными данными.

Исследование действующих механизмов защиты персональных данных в судебной системе ба-

зируется на положениях Федерального закона N 152-ФЗ от 27.07.2006 г. «О персональных данных» [2]. Судебные органы выступают государственными операторами персональных данных, осуществляющими обработку информации участников судопроизводства. Законодательство предъявляет повышенные требования к государственным структурам – статья 13 N 152-ФЗ предписывает «создать информационную систему персональных данных.» Практическая реализация данного требования обеспечивается функционированием ГАС «Правосудие».

Нормативную базу обеспечения безопасности персональных данных расширяет Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 18 февраля 2013 г. N 21 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». Регламентированные меры защиты реализованы в повседневной практике судебных инстанций [3]. Среди них опознавание лиц, пытающихся получить доступ к информации, способы разделения доступа, шифрованию, ведению регистрационных записей и так далее.

Сфера информационного права развивается с невероятной скоростью и, чтобы законодательное регулирование поспевало за инновациями, стоит применять все доступные знания, в том числе и зарубежный опыт.

19 июня британское законодательство пополнилось новым нормативным актом – «Data (Use and Access) Act» (далее – DUAA) [4]. Документ содержит ряд положений, аналогичных российскому законодательству, включая принцип целевой обработки персональных данных, закрепленный в Section 70; Schedule 4 [4].

Принципиальное значение DUAA приобретает в контексте регулирования деятельности Data controllers. Данный институт впервые получил правовое закрепление в «Data Protection Act 2018» (далее – DPA 2018) и европейском регламенте GDPR. Согласно нормативному определению, «Data controller – это либо сотрудник, либо юридическое лицо, которое определяет цели и средства обработки персональных данных.»

Обязанностями такого лица, помимо наиболее общих, таких как Следование принципам защиты данных, установлены и более конкретные действия по защите данных, он обеспечивает разграничение доступа и приводит в жизнь другие технические и организационные меры безопасности – шифрование, ведение записи действий с данными, проверки, обучение персонала.

Российское законодательство предусматривает схожий правовой институт, закрепленный в статье 22.1 Федерального закона от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». Функционал лица, ответственного за организацию обработки персональных данных, охватывает контроль соблюдения установленных требований опе-

ратором и сотрудниками, интерпретацию законодательных норм, работу с обращениями субъектов персональных данных.

Таким образом в DUAA ответственному лицу добавлены обязанности по обеспечению защиты персональных данных и контролю за соблюдением требований, тогда как в российском законодательстве остались только обязанности по осуществлению контроля.

При это в целом дополнительные обязанности по обеспечению распределены между другими работниками, например, недопущение неавторизованных лиц к физическому доступу к технике, на которой обрабатываются данные, обеспечивается сотрудниками ФССП;

Мерами по псевдоанонимизации и упорядочиванием алгоритмов обработки данных занимаются скорее секретари судебных заседаний и помощники судей. Также они выкладывают тексты судебных решений в ГАС «Правосудие» [5] в рамках статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»

Обеспечение безопасности персональных данных в автоматизированной системе ГАС «Правосудие» возложено на ФГБУ ИАЦ Судебного департамента [6], выполняющее функции централизованного оператора по шифрованию и защите информации. Данная модель исключает делегирование полномочий отдельным сотрудникам судебных инстанций.

Особый порядок реализован в Конституционном Суде Российской Федерации. Согласно Положению об обработке и защите персональных данных в Конституционном Суде РФ, утверждённому приказом Председателя Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2021 года № 36, ответственное лицо назначается непосредственно Председателем Суда. Кандидат должен занимать руководящую должность высшей группы среди гражданских служащих Конституционного Суда [11].

В этом положении прописан порядок сбора, цели, ради которых он допустим, алгоритм обработки данных с учетом автоматизированных средств и без них, а также меры по защите данной информации.

Подобные детальные положения с выделением конкретного работника, занимающегося вопросами защиты информации в судах общей юрисдикции, могут сильно повлиять на степень защищённости персональных данных в судебной системе.

В статье 82 DUAA отменяется требование о записи регистрационной информации операций с персональными данными, таких как цель операции. Это требование было введено в DPA 2018 с целью помощи в обнаружении несанкционированного доступа, однако это оказалось неэффективным, поскольку любой, кто получает незаконный доступ к системе, вряд ли внесет какую-либо цель в журнал операций. Однако требования по со-

хранению даты и личности лица, которое обрабатывало персональные данные все еще действуют.

Также научный интерес представляет статья 85 DУАА, устанавливающая регламент трансграничной передачи персональных данных иностранным государствам и международным организациям. Законодатель вводит дополнительный критерий оценки допустимости передачи информации – уровень защиты данных принимающей стороны должен быть «ненамного ниже» британских стандартов.

Обращаясь к другим зарубежным актам, стоит обратить внимание на положения Федерального акта о защите данных (Federal Data Protection Act) – закон Германии, регулирующий обработку персональных данных [7]. Закон дополняет Общее регулирование защиты данных Европейского Союза (GDPR) и устанавливает дополнительные положения, специфические для Германии.

Положения статьи 66 закрепляют обязательное информирование граждан о случаях компрометации персональных данных, способных создать значительные риски нарушения законных интересов физических лиц. Функции по оповещению субъектов персональных данных выполняют уполномоченные специалисты, курирующие процессы обработки конфиденциальной информации.

Подобная норма необходима в России для защиты информационного общества от мошенников. Она может быть реализована без огромных затрат ресурсов через «Единую систему идентификации и аутентификации»

В акте можно также найти уже имеющиеся в российском законодательстве нормы о таких методах защиты как: [7]

- повышение осведомленности персонала, участвующего в операциях по обработке данных;
- назначение сотрудника по защите данных;
- ограничение доступа к персональным данным третьим лицам;
- псевдонимизация персональных данных;
- шифрование персональных данных.

Заключение

В заключении необходимо подчеркнуть масштабность проблемы несанкционированного доступа к персональным данным, представляющей угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Актуальность вопроса подтверждается выступлением Президента России на пленарном заседании Международной конференции «Artificial Intelligence Journey 2023» 24 ноября 2023 года. В докладе на тему «Революция генеративного ИИ: новые возможности» глава государства акцентировал внимание на необходимости «свести к минимуму любые угрозы для граждан от внедрения цифровых решений, в том числе искусственного интеллекта, для сохранения персональных данных.» [8]. Совершенствование механизмов защиты персональных данных предполагает расширение компетенций специалистов, ответственных за организацию обработ-

ки персональных данных. Существенное значение приобретает разработка нормативных положений по защите персональных данных для районных судов. Особую актуальность представляет введение обязательного информирования субъектов персональных данных операторами при выявлении фактов утечки информации.

Литература

1. Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы // // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/?ysclid=mf12jwzry2221754423> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных» // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://base.garant.ru/12148567> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
3. Приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 18 февраля 2013 г. N 21»Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных»// ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://base.garant.ru/70380924> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
4. Data (Use and Access) Act // Информационный веб-сайт государственного сектора Соединённого Королевства URL: <https://www.gov.uk/government/publications/data-use-and-access-act-2025-factsheets/data-use-and-access-act-factsheet-uk-gdpr-and-dpa> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
5. Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://base.garant.ru/194582> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
6. Общая информация // Сайт ФГБУ ИАЦ Судебного департамента URL: <https://iac.cdep.ru/общая-информация> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
7. Federal Data Protection Act // сайт от Федерального министерства юстиции Германии и Федерального управления юстиции, содержащие законы и нормативные акты Германии. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bds/englisch_bds.html (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
8. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Официальный сайт Администрации Президента Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72811> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.

9. Data Protection Act 2018 // Информационный веб-сайт государственного сектора Соединённого Королевства URL: <https://www.gov.uk/government/collections/data-protection-act-2018> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
10. Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) // Complete guide to GDPR compliance URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.
11. Положение об обработке и защите персональных данных в Конституционном Суде Российской Федерации // ЭПС «Система ГАРАНТ» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403221058/?ysclid=mf15u5p7y909684926> (дата обращения: 31.08.2025). – Текст: электронный.

APPLICATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE JUDICIAL INFORMATION POLICY CONCEPT FOR 2020–2030 IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROTECTION IN AUTOMATED LEGAL PROCEEDINGS

Romanychev N.O.

Lebedev Russian State University of Justice

The scientific article examines the regulatory mechanisms for the protection of personal data in the context of the implementation of the provisions of the “Concept of Information Policy of the judicial system for 2020–2030”. A comparative analysis of the legislative acts of Great Britain and Germany in 2021–2025 has been carried out. Special attention is paid to the legal status of specialists in charge of personal data processing, the regulation of information security procedures, and the notification system for personal data subjects. Universal methods of restricting access to confidential information, typical of Russian and foreign legal systems, have been identified. The methodological base is formed by systematic and structural-functional approaches supplemented by comparative and formal legal tools. The research is aimed at identifying promising norms of foreign law for improving Russian legislation in the field of personal data protection. The practical significance of the work lies in the development of recommendations to expand the competencies of authorized specialists in the field of personal data processing, the creation of a regulatory framework for the protection of personal data of district courts, and the establishment of the duty of operators to inform citizens about the facts of personal data compromise.

Keywords: personal data, judicial system, Concepts of information policy of the judicial system, persons responsible for the organization of personal data processing, access restriction, data leakage.

References

1. Concept of the Information Policy of the Judicial System for 2020–2030 // EPS “GARANT System” URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/?ysclid=mf12jwz-ry2221754423> (accessed on August 31, 2025). – Text: electronic.
2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ “On Personal Data” // EPS “GARANT System” URL: <https://base.garant.ru/12148567> (accessed on August 31, 2025). – Text: electronic.
3. Order of the Federal Service for Technical and Export Control of 18 February 2013 No. 21 “On Approval of the Composition and Content of Organizational and Technical Measures to Ensure the Security of Personal Data When Processing them in Personal Data Information Systems” // EPS “GARANT System” URL: <https://base.garant.ru/70380924> (date of access: 31.08.2025). – Text: electronic.
4. Data (Use and Access) Act // Information website of the public sector of the United Kingdom URL: <https://www.gov.uk/government/publications/data-use-and-access-act-2025-factsheets/data-use-and-access-act-factsheet-uk-gdpr-and-dpa> (date of access: 31.08.2025). – Text: electronic.
5. Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ “On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation” // EPS “GARANT System” URL: <https://base.garant.ru/194582> (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
6. General Information // Website of the Federal State Budgetary Institution Information and Analytical Center of the Judicial Department URL: <https://iac.cdep.ru/obshchaya-informacion> (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
7. Federal Data Protection Act // website of the Federal Ministry of Justice of Germany and the Federal Office of Justice, containing laws and regulations of Germany. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bdsge/englisch_bdsge.html (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
8. Conference “Journey into the World of Artificial Intelligence” // Official website of the Administration of the President of the Russian Federation URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72811> (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
9. Data Protection Act 2018 // Information website of the United Kingdom public sector URL: <https://www.gov.uk/government/collections/data-protection-act-2018> (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
10. General Data Protection Regulation (GDPR) // Complete guide to GDPR compliance URL: <https://gdpr.eu/tag/gdpr> (date of access: August 31, 2025). – Text: electronic.
11. Regulation on the processing and protection of personal data in the Constitutional Court of the Russian Federation // EPS “GARANT System” URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403221058/?ysclid=mf15u5p7y909684926> (date of access: 31.08.2025). – Text: electronic.

Седгарян Кристина Амаяковна,

старший преподаватель кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Самылин Евгений Дмитриевич,

специалист Центра международного сотрудничества, молодежной политики и продвижения образовательных продуктов Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье исследуется институт множественности единоличного исполнительного органа (ЕИО) в российском корпоративном праве: цель – определить правовую природу и практические последствия введения нескольких ЕИО, оценить преимущества и риски и выработать рекомендации для уставного и регистрационного оформления. Методология сочетает нормативно-правовой анализ положений ГК РФ и профильных законов, контент-анализ записей ЕГРЮЛ и уставов, обработку доступной судебной практики и тематический анализ практических рекомендаций специалистов.

Результаты показывают четыре устойчивые модели множественности: совместное осуществление полномочий, раздельные независимые ЕИО, назначение управляющей организации и функционально-разделённая (гибридная) модель. Выявлены ключевые плюсы – делегирование функций, снижение концентрации власти, профессионализация управления – и минусы: замедление решений, правовая неопределённость, сложности распределения ответственности и повышенные административные издержки. На основе анализа предложены практические меры: детализированные уставные формулировки, точная регистрация в ЕГРЮЛ, внутренние регламенты с аварийными процедурами, информирование контрагентов и оценка экономической целесообразности внедрения множественности. Работа опирается на действующую нормативную базу, официальные разъяснения регистраторов и аналитические публикации.

Ключевые слова: множественность ЕИО, единоличный исполнительный орган, ЕГРЮЛ, устав, корпоративное управление, ответственность руководителей, регистрация.

Единоличный исполнительный орган представляет собой ключевой элемент управления хозяйственным обществом, через который реализуется его правоспособность во внешних отношениях. Согласно пункту 1 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), юридическое лицо приобретает и осуществляет гражданские права, а также несет обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом и учредительными документами. Таким образом, правовая природа ЕИО заключается в том, что он является посредником между юридическим лицом и внешней средой изъясняя волю общества и придавая ей юридическое значение.

До 2014 года законодатель исходил из того, что у общества может быть только один руководитель, наделенный функциями ЕИО. Однако внесенные в Гражданский кодекс изменения (Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ) закрепили возможность существования нескольких единоличных исполнительных органов. В пункте 3 статьи 65.3 ГК РФ прямо предусмотрено, что полномочия ЕИО могут быть возложены на нескольких (физических) лиц либо на юридическое лицо. В основе деятельности ЕИО лежит принцип остаточной компетенции, который означает, что именно этот орган отвечает за оперативное управление деятельностью компании¹. В случае, если в обществе несколько ЕИО их взаимодействие и распределение компетенции должны определяться уставом общества.

Нормативная база множественности ЕИО складывается на данный момент на основании общих положений ГК РФ. Специальные законы, регулирующие деятельность хозяйственных обществ, такие как Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» не содержат нормы, регламентирующие деятельность нескольких ЕИО. Дополнительно регулирование конкретизируется, например, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и разъяснениями регистрирующих органов, в частности Федеральной налоговой службы, которая контролирует корректность внесения записей в ЕГРЮЛ при регистрации таких моделей.

Практика применения института множественного ЕИО подтверждает наличие обеих тенденций. В уставах хозяйственных обществ встречаются разные варианты закрепления полномочий:

¹ Седгарян К.А. Принципы деятельности единоличного исполнительного органа // Гражданское право. 2025. N 3. С. 28–31.

совместное управление, при котором решения принимаются только при согласии всех директоров; раздельное управление, когда каждый вправе действовать самостоятельно; существуют также смешанная модель, однако, как отмечает профессор Шиткина И.С. «на практике возникла так называемая гибридная модель, когда по наиболее существенным вопросам компетенции единоличного исполнительного органа решение принимается совместно всеми директорами, а по остальным вопросам директора действуют независимо друг от друга»¹. Однако законность данной модели вызывает вопросы, поскольку в пункте 3 статьи 65.3 ГК РФ используется союз «или» – действующим совместно, или образование нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга.

Судебная практика постепенно формирует подходы к разрешению споров, связанных с множественностью ЕИО. Арбитражные суды рассматривают дела о признании недействительными договоров, подписанных одним из директоров без учета ограничений устава, а также споры о распределении ответственности за убытки общества. При этом суды исходят из принципа добросовестности и разумности поведения сторон, но подчеркивают приоритет ясного и детализированного закрепления полномочий в учредительных документах.

Следовательно, доктрина и практика демонстрируют двойственную природу множественности ЕИО: с одной стороны, она расширяет возможности для гибкого управления, с другой – требует внимательного правового оформления и выработки устойчивых правоприменительных подходов.

Первый вариант – совместное осуществление полномочий (так называемый «принцип двух ключей») – предполагает, что полномочия единоличного органа могут быть реализованы только при участии всех (или определённого кворума) назначенных лиц. На практике это используют для усиления контроля и защиты от злоупотреблений: одна подпись не действует без второй, что удобно при управлении рисками в финансовых или доверительных структурах. Одновременно такая модель замедляет операционную работу и требует чёткой уставной регламентации порядка принятия решений. Как отмечает профессор Шиткина И.С. «чаще всего эта модель используется в обществе с несколькими участниками, где каждый доверяет управление текущей деятельностью общества своему директору, хотя несколько директоров могут быть назначены и в так называемой компании одного лица, когда единственный участник желает обезопасить систему управления, создав систему сдержек и противовесов»².

Второй вариант – образование нескольких единоличных исполнительных органов, действующих

независимо друг от друга. Здесь каждый ЕИО имеет полномочия подписывать и совершать сделки сам по себе в пределах своей компетенции; для третьих лиц такие лица обычно выглядят равноправными представителями общества, если иное прямо не отражено в ЕГРЮЛ или уставе. На практике это удобно для больших корпоративных структур с диверсифицированной деятельностью, но повышает риск разногласий между руководителями и усложняет определение ответственности при спорах.

Так, О.А. Беляева к числу недостатков множественности ЕИО относит: – возможные споры между директорами и, как следствие, низкую эффективность управления обществом; финансовые затраты на содержание директоров; возможные проблемы с контрагентами, которые не будут понимать, кто в обществе принимает основные решения; даже при отсутствии корпоративного конфликта в обществе наличие одновременно двух директоров создает предпосылки для его образования»³.

На практике встречаются и гибридные (функционально-разделённые) модели: полномочия распределяются по сферам (финансы, коммерция, производство), причём в уставе конкретно указывают, кто за что отвечает и какие решения требуют совместного согласования. Такой подход сочетает оперативность (за счёт делегирования) и разделение ответственности, но требует внимательной уставной формулировки и точной регистрации изменений в ЕГРЮЛ. Анализ уставов показывает широкую вариативность формулировок и отсутствие единого стандарта, что подчёркивает необходимость грамотного правового оформления при внедрении любой из моделей.

Основное преимущество множественности единоличного исполнительного органа заключается в возможности распределения управленческих функций между несколькими руководителями. Это особенно важно для крупных обществ с разветвленной структурой, где один генеральный директор объективно не может охватить все направления деятельности. Наличие нескольких ЕИО позволяет закрепить за каждым из них отдельные сферы ответственности: финансы, производственный процесс, коммерческая деятельность, стратегическое развитие. Такой подход повышает эффективность управления, поскольку решения принимаются более профессионально и с учетом специфики отдельных направлений бизнеса.

Другим значимым плюсом является снижение рисков чрезмерной концентрации власти. В традиционной модели вся полнота полномочий сосредоточена в руках одного лица, что создает угрозу злоупотреблений и ошибочных решений. При множественности ЕИО полномочия распределяются, что обеспечивает взаимный контроль руководителей и делает систему более устойчивой. На прак-

¹ Подробнее: Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. Москва: Статут, 2022. 316 с.

² Шиткина И.С. Множественный единоличный исполнительный орган: проблемы законодательства и практики // Закон. 2021. № 9. С. 117–130.

³ Беляева О.А. Управление юридическими лицами корпоративного типа // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: Монография / Отв. ред. О.В. Гутников. М., 2021 С. 158.

тике это выражается в применении так называемой «двухключевой» модели, когда сделка требует согласия двух руководителей, что существенно снижает вероятность правонарушений. Именно для минимизации риска принятия неправильных решений и заключения ошибочных либо заведомо недобросовестных сделок и целесообразно применение правила «двух ключей», т.е. совместное принятие решения по подобным сделкам несколькими лицами в рамках одного единоличного исполнительного органа. В этом случае риск принятия негативных управленческих решений минимизируется¹.

Несмотря на очевидные преимущества, множественность ЕИО несет в себе и существенные недостатки, которые необходимо учитывать при выборе модели управления.

Прежде всего, усложняется процесс принятия решений. Когда полномочия распределены между несколькими руководителями, согласование действий может занимать больше времени, чем в классической модели с одним генеральным директором. Особенно остро это проявляется в случаях совместного осуществления полномочий, когда для заключения сделки требуется согласие всех назначенных ЕИО. В условиях оперативного бизнеса такие задержки способны негативно сказаться на эффективности хозяйственной деятельности.

Второй важный риск связан с неопределенностью правового регулирования. Гражданский кодекс допускает множественность ЕИО, но конкретные механизмы разграничения полномочий и ответственность руководителей часто остаются на усмотрение устава. Недостаточно четкие формулировки создают почву для споров как внутри общества, так и во взаимоотношениях с контрагентами. Судебная практика подтверждает, что если ограничения полномочий одного из ЕИО не отражены в ЕГРЮЛ, третьи лица вправе полагаться на его право действовать от имени компании. В результате сделки могут признаваться действительными даже при нарушении внутренних правил, что увеличивает риски для участников общества.

Еще одна проблема – сложность распределения ответственности. При совместном осуществлении полномочий возникает вопрос о солидарной ответственности всех руководителей за последствия действий одного из них. При раздельной модели ситуация также неоднозначна: суды нередко анализируют, выходил ли конкретный ЕИО за пределы своих полномочий, и это усложняет процесс привлечения к ответственности. Для самих руководителей это означает повышенные юридические риски, а для общества – возможность затяжных судебных споров.

Таким образом, множественность единоличного исполнительного органа сопряжена с рядом рисков: замедлением оперативных решений, правовой неопределенностью, трудностями с распре-

делением ответственности, возможными конфликтами и ростом административных расходов. Эти обстоятельства должны учитываться при выборе модели управления и особенно при формулировке уставных положений.

Множественность единоличного исполнительного органа в российском праве – законная и практическая опция, закреплённая в пункте 3 статьи 65.3 ГК РФ и уточняемая в уставных положениях обществ. Она даёт реальные преимущества: позволяет делегировать функции по направлениям, снижает риск концентрации власти и даёт возможность привлечь профессионального управляющего. Вместе с тем модель несёт конкретные риски: замедление принятия решений при совместной модели, правовая неопределённость при неточных уставных формулировках, сложности с распределением ответственности и повышенные операционные издержки на учёт и регистрацию в ЕГРЮЛ.

Практическая безопасность множественности напрямую зависит от трёх факторов: полноты и ясности уставных положений, точности отражения порядка действий в записях ЕГРЮЛ и наличия подробных внутренних регламентов (порогов по суммам, процедур согласования, аварийных механизмов разрешения блокировок). Для малых компаний рекомендуется предварительная оценка экономической целесообразности – выгоды от распределения полномочий должны превосходить дополнительные административные затраты.

В практическом плане оптимальная реализация предполагает: чёткое распределение полномочий в уставе, одновременную корректную регистрацию изменений, разработку внутренних процедур согласования и механизмов замещения, информирование ключевых контрагентов и, при необходимости, страхование ответственности руководителей. При соблюдении этих условий множественность ЕИО может повысить управляемость и устойчивость общества; при пренебрежении – породить длительные споры и управленческие риски.

Литература

1. Беляева О.А. Управление юридическими лицами корпоративного типа // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: Монография / Отв. ред. О.В. Гутников. М., 2021. С. 158.
2. Крылов В.Г., Самойлов И.А., Седгарян К.А. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса: учебное пособие. Москва: Статут, 2024. 272 с.
3. Седгарян К.А. Принципы деятельности единоличного исполнительного органа // Гражданское право. 2025. N 3. С. 28–31.
4. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. Москва: Статут, 2022. 316 с.
5. Шиткина И.С. Множественный единоличный исполнительный орган: проблемы законода-

¹ Крылов В.Г., Самойлов И.А., Седгарян К.А. Хозяйственные общества как форма ведения бизнеса: учебное пособие. Москва: Статут, 2024. 272 с.

PLURAL SOLE EXECUTIVE BODY: PROS AND CONS OF MANAGEMENT

Sedgaryan K.A., Samylin Ye.D.

Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the institution of plurality of a sole executive body in Russian corporate law: the purpose is to determine the legal nature and practical consequences of the introduction of several sole executive body, assess the advantages and risks, and develop recommendations for statutory and registration registration. The methodology combines regulatory and legal analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and relevant laws, content analysis of the Unified State Register of Legal Entities and charters, processing of available judicial practice and thematic analysis of practical recommendations from specialists. The results show four stable models of plurality: joint exercise of authority, separate independent sole executive body, appointment of a governing organization, and a functionally separated (hybrid) model. The key advantages are identified – delegation of functions, reduced concentration of power, professionalization of management – and disadvantages: slowing down decisions, legal uncertainty, complex-

ity of responsibility allocation and increased administrative costs. Based on the analysis, practical measures are proposed: detailed statutory formulations, accurate registration in the Unified State Register of Legal Entities, internal regulations with emergency procedures, informing counterparties and assessing the economic feasibility of implementing multiplicity. The work is based on the current regulatory framework, official explanations from registrars and analytical publications.

Keywords: the plurality of the sole executive body, the sole executive body, the Unified State Register of Legal Entities, the charter, corporate governance, executive responsibility, registration.

References

1. Belyaeva O.A. Management of corporate legal entities // Modern corporate law: current problems of theory and practice: Monograph / Ed. O.V. Gutnikov. Moscow, 2021, p. 158.
2. Krylov V.G., Samoilov I.A., Sedgaryan K.A. Business entities as a form of doing business: a textbook. Moscow: Statut, 2024. 272 p.
3. Sedgaryan K.A. Principles of activities of a sole executive body // Civil law. 2025. N 3. pp. 28–31.
4. Shitkina I.S. Executive bodies of a business entity: monograph. Moscow: Statut, 2022. 316 p.
5. Shitkina I.S. Multiple sole executive bodies: problems of legislation and practice // Law. 2021. N 9. P. 117–130.

Внесудебное разрешение административных споров в Российской Федерации: теоретические основы, сравнительно-правовой анализ и пути совершенствования законодательства

Степанов Радик Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного администрирования, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: stepanovrg@bk.ru

Статья посвящена анализу современных механизмов внесудебного разрешения административных споров в Российской Федерации. На основе историко-правового, сравнительно-правового и нормативного исследования раскрываются теоретические основы, правовые формы и практика применения медиации, третейского разбирательства, досудебного урегулирования и судебного примирения. Автор отмечает, что несмотря на прогрессивное законодательство, эффективность этих процедур остаётся низкой из-за формального подхода, недостаточной информированности граждан и отсутствия экономических стимулов. Предлагаются пути совершенствования законодательства: усиление гарантий исполнения соглашений, создание специализированных примирительных комиссий, цифровизация процессов и введение санкций за недобросовестное поведение сторон. Подчёркивается, что внесудебные механизмы не заменяют судебную защиту, а дополняют её, способствуя реализации конституционного права на справедливое и доступное правосудие.

Ключевые слова: внесудебное разрешение споров, административный спор, медиация, третейское разбирательство, досудебное урегулирование, судебное примирение, Конституция РФ, альтернативное разрешение споров (АРС).

Функционирование правового государства неразрывно связано с наличием эффективных инструментов защиты субъективных прав и законных интересов. Хотя судебная защита традиционно признаётся основным способом реализации конституционных гарантий, её применение зачастую сопряжено с длительными сроками, значительными издержками и высокой нагрузкой на судебную систему [1, с. 11]. В этих условиях внесудебные процедуры урегулирования конфликтов приобретают особую значимость, предлагая гибкие, конфиденциальные и менее формализованные пути разрешения споров [2, с. 34].

В Российской Федерации в последние годы активно развивается законодательная база альтернативного разрешения споров. На нормативном уровне закреплены такие формы, как медиация, третейское разбирательство и досудебное урегулирование административных конфликтов [3, с. 67]. Однако на практике их применение сталкивается с рядом системных трудностей: низкий уровень правовой осведомлённости участников, недостаточная детализация процессуальных механизмов и отсутствие единообразия в правоприменении [4, с. 122].

Под внесудебным разрешением споров понимается совокупность процедур, направленных на достижение соглашения между сторонами без обращения в суд. В отличие от судебного производства, характеризующегося жёсткой регламентацией и обязательной силой решений, данные механизмы основаны на принципах добровольности, конфиденциальности и процедурной гибкости [5, с. 89]. Единого законодательного определения в российском праве не существует, однако содержание понятия раскрывается через конкретные правовые институты.

Наиболее значимыми из них являются:

- медиация – процесс поиска взаимоприемлемого решения с участием нейтрального посредника, регулируемый Федеральным законом № 193-ФЗ от 27.07.2010 [8, с. 5];
- третейское разбирательство – рассмотрение спора коллегиальным или единоличным составом на основании соглашения сторон, предусмотренное Федеральным законом № 382-ФЗ от 29.12.2015 [7, с. 12].

Как отмечает Е.А. Виноградова, медиация представляет собой особую форму реализации права на защиту, в которой акцент смещается с установления формальной правовой истины на восста-

новление отношений между сторонами [4, с. 145]. А.Н. Кузбагаров подчёркивает, что такие процедуры не дублируют, а дополняют судебную систему, способствуя её разгрузке и повышению доступности правосудия [5, с. 67].

Ключевые характеристики внесудебных процедур включают:

- добровольность – участие сторон осуществляется исключительно на основе свободного волеизъявления (ст. 3 Федерального закона «О медиации») [8, с. 3];
- конфиденциальность – запрет на использование информации, ставшей известной в ходе процедуры, в других целях (ст. 5 указанного закона) [8, с. 5];
- гибкость – стороны вправе самостоятельно определять порядок, сроки и правила проведения процесса [5, с. 91];
- ориентация на компромисс – цель заключается не в выявлении проигравшего, а в поиске взаимовыгодного решения [10, с. 23];
- экономическая целесообразность – существенное сокращение временных и финансовых издержек по сравнению с традиционным судопроизводством [11, с. 78].

Современное российское законодательство предусматривает несколько устоявшихся форм внесудебного урегулирования конфликтов, каждая из которых ориентирована на определённые категории споров и участников правоотношений [6, с. 3].

Медиация, регулируемая Федеральным законом № 193-ФЗ от 27.07.2010, с 2019 года допускается и в административных спорах. По данным судебной практики, значительная часть медиативных процедур завершается заключением соглашения между сторонами, и большинство таких соглашений исполняются добровольно, что свидетельствует о доверии к процедуре [8, с. 5].

Третейское разбирательство, установленное Федеральным законом № 382-ФЗ от 29.12.2015, представляет собой институт, при котором спор рассматривается третейским судом на основании соглашения сторон. Принятые им решения обладают обязательной силой и подлежат принудительному исполнению через государственные органы, что придаёт данной форме значительную юридическую устойчивость [7, с. 12].

Досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров является обязательным для ряда категорий дел, включая споры в сфере государственных закупок, налоговые разногласия и корпоративные конфликты. Его правовое основание закреплено в статьях 132 ГПК РФ и 135 АПК РФ. Несмотря на формальную обязательность, практика показывает, что данная процедура зачастую носит декларативный характер, не приводя к реальному диалогу между сторонами [3, с. 67].

Судебное примирение, предусмотренное статьёй 153.6 ГПК РФ, представляет собой особую форму внесудебного урегулирования, осуществляемую с участием бывших судей, назначенных Вер-

ховным Судом Российской Федерации. Этот институт не имеет прямых аналогов в зарубежных правовых системах и демонстрирует стремление к профессионализации примирительных процедур [12, с. 3].

Нотариальное урегулирование включает в себя удостоверение соглашений сторон и выдачу исполнительных надписей, что позволяет придать гражданско-правовым договорённостям юридическую силу без обращения в суд. Данный механизм особенно востребован в спорах, связанных с имущественными обязательствами и семейными вопросами [5, с. 78].

В совокупности все указанные формы не дублируют судебную систему, а дополняют её, способствуя повышению доступности правосудия, снижению нагрузки на суды и сохранению деловых и социальных взаимоотношений между сторонами [6, с. 3].

Корни внесудебного урегулирования конфликтов в России уходят в эпоху, предшествовавшую формированию централизованного государства. Уже в XII–XIII веках берестяные грамоты фиксируют случаи добровольного заключения соглашений между купцами – раннюю форму примирения без участия властных структур [2, с. 3]. Псковская судная грамота 1397 года закрепляет понятия «урядиться» и «мировой ряд», что свидетельствует о наличии формализованной процедуры примирения с обязательным участием свидетелей и публичным удостоверением договорённостей [2, с. 5].

Первым системным законодательным актом, легализовавшим альтернативные формы разрешения споров, стало Соборное уложение 1649 года. Оно признало юридическую силу решений третейских судов, заложив основы правового регулирования данного института. Однако в тот период примирение было тесно связано с религиозно-нравственными установками, а не с принципом свободного волеизъявления сторон, что ограничивало его автономию от церковного и государственного влияния [2, с. 7].

В XVIII веке наблюдалась неоднозначная правовая динамика. Указ Петра I от 1723 года фактически ограничил применение внесудебных процедур, однако уже в 1727 году были учреждены «совестные суды», рассматривавшие дела, по внутреннему убеждению, и активно использовавшие примирительные механизмы [2, с. 9]. В сфере торговли Коммерц-коллегия (учреждена в 1719 году) применяла нормы разрешения споров через выборных купеческих старост, что стало прообразом современного третейского судопроизводства [2, с. 67].

Ключевым этапом развития стал судебный уклад 1864 года. Устав гражданского судопроизводства содержит 35 статей, посвящённых третейским судам – рекордный уровень детализации для европейского законодательства того времени. Статья 1366 прямо предусматривала, что дело, оконченное мировым соглашением, не подлежит повторному рассмотрению, что заложило основу

принципа окончательности примирительных решений [3, с. 12].

После Октябрьской революции 1917 года советская правовая система значительно сузила сферу применения внесудебных процедур. Примирительные механизмы сохранились лишь в двух областях: международные отношения и трудовые споры. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года допускал заключение мировых соглашений в ходе судебного разбирательства, а Постановление Совета Труда и Оборона от 1923 года ввело примирительные комиссии в арбитражную практику, что свидетельствует о сохранении интереса к диалоговым формам урегулирования [3, с. 122].

Настоящий качественный скачок произошёл в 1990–2000-е годы. Принятие Гражданского процессуального кодекса РФ в 2003 году и Арбитражного процессуального кодекса РФ в 2002 году закрепило важнейшие новеллы:

- иммунитет медиатора от свидетельствования;
- обязанность суда содействовать примирению сторон;
- возможность проведения медиации на любой стадии процесса;
- предоставление до 60 дней на проведение примирительных процедур по ходатайству участников [4, с. 145].

Современное законодательство расширяет эти подходы. Статья 153.3 ГПК РФ закрепляет широкий перечень внесудебных процедур – переговоры, медиация, судебное примирение. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 года № 18 установило, что досудебное урегулирование является необходимым условием реализации права на судебную защиту, если это предусмотрено законом [6, с. 3].

Таким образом, эволюция внесудебного разрешения споров в России представляет собой длительный процесс перехода от общинных обычаев и религиозно-этических норм к сложной, многоуровневой системе, основанной на законодательно закреплённых принципах и соответствующей современным международным стандартам [6, с. 3].

Современные правовые системы демонстрируют устойчивую тенденцию к интеграции механизмов альтернативного разрешения споров. Российская модель, сформированная под влиянием континентальной и англосаксонской правовых традиций, отличается детализированным законодательным регулированием, закреплённым в Федеральных законах № 193-ФЗ и № 382-ФЗ. В то же время в странах общего права развитие данных механизмов происходило преимущественно через судебную практику и частные инициативы, что предопределило большую гибкость процедур [10, с. 4].

В Соединённых Штатах Америки, где впервые была предложена концепция «многоступенчатого доступа к правосудию», судебная система предлагает различные каналы урегулирования конфликтов в зависимости от характера спора. По данным судебной практики, медиация применяется в зна-

чительной части гражданских дел, что свидетельствует о высокой степени её институционализации и доверия со стороны участников процесса [10, с. 4].

Германия выбрала путь постепенной интеграции. Лишь в 2012 году был принят специальный закон о медиации, однако уже сейчас значительная доля споров разрешается внесудебно. Отличительной чертой немецкой модели является тесная связь с социальными институтами – профсоюзами, работодательскими ассоциациями и муниципальными органами, что способствует формированию культуры диалога на уровне сообществ [9, с. 23].

Япония сочетает заимствованные западные механизмы с глубоко укоренившимися традиционными ценностями, в которых судебное противостояние воспринимается как социальный стигмат. Подавляющее большинство гражданских дел завершается мировыми соглашениями, достигнутыми на ранних стадиях или до обращения в суд. Такая высокая эффективность обусловлена культурной установкой на сохранение гармонии и избегание конфронтации [10, с. 4].

Китайская модель представляет собой уникальный случай конституционного закрепления медиации. На законодательном уровне действуют специализированные акты, что обеспечивает широкое распространение примирительных процедур на всех уровнях общественной жизни [10, с. 4].

Сравнительный анализ эффективности применения АРС показывает, что российская правовая система занимает промежуточное положение между континентальными и англосаксонскими моделями. Она сочетает законодательно закреплённые процедуры – медиацию, третейское разбирательство, судебное примирение – с элементами добровольности и гибкости, характерными для систем общего права [9, с. 23].

Уникальные институты Российской Федерации:

1. Судебное примирение, предусмотренное статьёй 153.6 ГПК РФ, – процедура с участием бывших судей, назначенных Верховным Судом РФ. Этот институт не имеет прямых аналогов в зарубежных правовых системах. По данным судебной практики, он активно применяется в гражданских и арбитражных спорах [6, с. 3].

2. Обязательный досудебный порядок в административных спорах (ст. 213 КАС РФ) – в отличие от Германии и Франции, где такая процедура носит факультативный характер, в России она установлена как обязательная, что усиливает ответственность сторон за попытки досудебного урегулирования [3, с. 67].

Основные проблемные зоны в РФ:

- Отсутствие жёстких санкций за недобросовестное ведение переговоров;
- Низкий уровень доверия к медиации среди населения;
- Ограниченное применение онлайн-механизмов, несмотря на законодательные инициативы в этой сфере [8, с. 5].

Таким образом, внесудебные механизмы в Российской Федерации развиваются динамично, постепенно становясь важным элементом системы защиты прав. Их дальнейшее совершенствование требует не механического копирования зарубежных моделей, а адаптации наиболее эффективных подходов с учётом национальных особенностей правовой культуры и конституционных рамок [10, с. 4].

Соответствие принципам правового государства, закреплённым в ст. 1 Конституции Российской Федерации, предполагает не только верховенство закона и разделение властей, но и обеспечение реальной доступности защиты прав и свобод. В этом контексте внесудебные механизмы выступают не как замена судебной власти, а как её функциональное дополнение, способствующее реализации конституционных гарантий при минимальных затратах времени, финансов и социальных издержек [1, с. 3].

Статья 46 Конституции РФ провозглашает право на судебную защиту, однако не исключает возможность досудебного урегулирования споров. Напротив, часть 2 данной нормы прямо предусматривает участие граждан в отправлении правосудия, что интерпретируется как допустимость и поощрение альтернативных форм защиты прав, включая медиацию, третейское разбирательство и примирительные процедуры [1, с. 46]. Аналогичный смысл содержится в ст. 33, закрепляющей право обращаться в государственные органы, что открывает пространство для досудебного взаимодействия между гражданином и властью [1, с. 33].

Как отмечает Д.В. Потапов, эффективность внесудебного механизма определяется его способностью гармонизировать публичные и частные интересы без нарушения принципа законности и при сохранении права последующего судебного контроля [15, с. 153]. Это положение особенно актуально в административной сфере, где конфликт возникает между индивидом и государственным органом, обладающим значительными полномочиями.

Теоретически внесудебное разрешение споров основывается на следующих ключевых принципах:

- добровольность участия сторон, выраженная в свободе выбора процедуры и отказа от неё;
- конфиденциальность процесса, исключающая разглашение информации, ставшей известной в ходе урегулирования;
- нейтральность посредника, будь то медиатор, третейский судья или омбудсмен;
- процедурная гибкость, позволяющая сторонам самостоятельно определять порядок и сроки;
- ориентация на компромисс, а не на установление формального «победителя» и «проигравшего» [13, с. 3].

Эти принципы нашли своё отражение в Федеральном законе № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника», который закрепляет добровольность (ст. 3), конфиденциальность (ст. 5) и нейтральность медиатора (ст. 4) как базовые условия проведе-

ния медиации [8, с. 3–5]. Схожие нормы установлены и в отношении третейского разбирательства (ФЗ № 382-ФЗ), где особое внимание уделяется автономии сторон и обязательной силе решений [7, с. 12].

Важно подчеркнуть, что внесудебные процедуры не ограничивают, а, напротив, расширяют доступ к правосудию. Они позволяют сторонам избежать длительных тяжб, сохранить деловые отношения и получить более гибкое решение, учитывающее не только правовые, но и экономические, социальные и моральные аспекты конфликта [4, с. 67]. В этом проявляется их качественное отличие от жёстко регламентированного судебного процесса.

Международные стандарты также признают важность таких механизмов. Директива ЕС 2008/52/ЕС устанавливает рамки применения медиации в гражданских и коммерческих делах, подчёркивая необходимость сохранения права на судебное разбирательство даже после попытки внесудебного урегулирования [14, с. 1]. Это полностью согласуется с положением ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, которая требует обеспечения возможности эффективного судебного контроля [13, с. 2].

Таким образом, конституционные и теоретические основы внесудебного разрешения административных споров в России базируются на сочетании верховенства закона, права на защиту и необходимости повышения эффективности правовой системы. Эти механизмы не противоречат конституционному строю, а служат его укреплению, обеспечивая многоуровневую модель защиты прав, адаптированную к современным вызовам [5, с. 78].

Административные споры, возникающие между гражданами, организациями и государственными органами, составляют существенную часть конфликтов в сфере публичных правоотношений. Их особенность заключается в неравенстве сторон: одна из них обладает властными полномочиями, что усложняет достижение взаимоприемлемого решения. В этих условиях внесудебные процедуры призваны не только разрешить конфликт, но и способствовать восстановлению доверия к власти, минимизировать административное давление и обеспечить оперативное восстановление нарушенных прав [3, с. 213].

Правовая основа для досудебного урегулирования таких споров закреплена в ст. 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, устанавливающей обязательный претензионный порядок обращения в суд по определённым категориям дел, включая жалобы на действия (бездействие) должностных лиц, отказ в предоставлении информации, нарушения при проведении проверок и иные споры, связанные с реализацией государственных функций [3, с. 213]. Дополнительно применяются Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан» и ведомственные регламенты, определяющие сроки и формы реагирования на жалобы [6, с. 1].

Несмотря на нормативное закрепление, практика показывает низкую эффективность досудебного этапа. По данным судебной статистики, лишь незначительная часть административных споров разрешается без обращения в суд, тогда как в таких странах, как Германия, этот показатель существенно выше [9, с. 23]. Основными причинами неэффективности являются:

- формальный характер ответов на жалобы;
- отсутствие мотивированных решений;
- игнорирование требований заявителей;
- нежёсткая ответственность за нарушение сроков рассмотрения обращений.

Кроме того, в России отсутствуют специализированные примирительные комиссии при федеральных и региональных органах исполнительной власти, которые могли бы выступать в качестве независимых посредников. В отличие от германской модели, где такие комиссии действуют при министерствах и рассматривают значительную часть жалоб, российская система ограничивается внутренним административным контролем, не предполагающим участия внешних экспертов [9, с. 23].

Медиация в административной сфере, хотя и допускается с 2019 года на основании Федерального закона № 193-ФЗ, применяется крайне редко. Это связано с рядом факторов:

- недостаточной правовой осведомлённостью граждан о возможности такого урегулирования;
- отсутствием стимулов для государственных органов участвовать в медиации;
- слабой проработанностью процедурного механизма, включая выбор медиатора, обеспечение конфиденциальности и последующее исполнение соглашений [8, с. 5].

Практика применения других форм также остаётся ограниченной. Третейское разбирательство в чисто административных спорах невозможно из-за отсутствия равноправия сторон, однако может применяться в смешанных конфликтах, например, в сфере госзакупок или экономических споров с участием государственных компаний. Судебное примирение, предусмотренное ст. 153.6 ГПК РФ, используется преимущественно в гражданских и арбитражных делах, а не в административных спорах, что снижает его потенциал в данной области [6, с. 3].

Цифровизация процессов, начатая с принятием Приказа Минюста РФ, открывает новые возможности для онлайн-подачи жалоб и проведения досудебных консультаций, однако на текущий момент эта практика не систематизирована и не интегрирована с порталом «Госуслуги», что затрудняет доступ граждан к единым цифровым платформам [8, с. 5].

Таким образом, несмотря на наличие правовых оснований, внесудебное урегулирование административных споров в России сталкивается с серьёзными практическими трудностями. Для повышения его эффективности требуется не просто совершенствование норм, но и создание институци-

ональной среды, способствующей диалогу между властью и обществом [8, с. 5].

Современная правовая система требует не только наличия эффективных механизмов защиты прав, но и их реальной применимости в условиях публичных правоотношений. В этой связи совершенствование институтов внесудебного урегулирования административных споров становится одной из ключевых задач законодательной политики. Несмотря на нормативное закрепление медиации, претензионного порядка и судебного примирения, их практическая реализация носит фрагментарный характер, что обусловлено как системными пробелами в законодательстве, так и слабой правовой культурой участников процесса [3, с. 213].

1. Углубление применения медиации в административной сфере

Медиация, формально допущенная в административные споры с 2019 года, на практике применяется крайне редко. Основными препятствиями выступают:

- отсутствие мотивации у государственных органов участвовать в процедуре;
 - недостаточная информированность граждан о возможности такого урегулирования;
 - отсутствие механизма придания соглашению обязательной исполнительной силы [8, с. 5].
- Для повышения эффективности предлагается:
- закрепить в Кодексе административного судопроизводства РФ возможность направления дела на медиацию до подачи заявления в суд или на ранней стадии рассмотрения;
 - предусмотреть возможность нотариального удостоверения медиативных соглашений для придания им статуса исполнительного документа;
 - ввести возмещение расходов на медиацию из бюджета в случаях, когда спор возник по вине государственного органа [5, с. 78].

Важно сохранять добровольный характер процедуры. Введение обязательной медиации противоречит принципу свободы волеизъявления, закреплённому в ст. 3 Федерального закона № 193-ФЗ, и может быть расценено как ограничение права на судебную защиту, гарантированного статьёй 46 Конституции РФ [1, с. 46].

2. Трансформация претензионного порядка из формальности в инструмент диалога

Досудебный (претензионный) порядок, установленный ст. 213 КАС РФ, в большинстве случаев выполняет лишь формальную функцию. Ответы на жалобы зачастую носят шаблонный характер, не содержат мотивировки и не предполагают реального диалога. Причины этого – отсутствие последствий за игнорирование претензии и устаревшие требования к форме её подачи [3, с. 213].

Решением может стать:

- введение экономических санкций за недобросовестное поведение: если орган власти проигнорировал обоснованную претензию или отказался от разумного предложения, он должен

компенсировать истцу все судебные издержки, включая расходы на представителя;

- если же истец отклонил разумное предложение ответчика без уважительных причин, суд вправе частично или полностью отказать взыскивать с ответчика такие расходы [6, с. 3].

Цифровизация процесса также способна повысить его эффективность. Необходимо закрепить в законодательстве равнозначность электронных обращений, отправленных через портал «Госуслуги», мессенджеры или официальную электронную почту органов власти, при условии аутентификации отправителя и фиксации времени подачи [8, с. 5].

3. Создание специализированных примирительных комиссий при госорганах

Опыт Германии показывает, что значительная часть административных споров разрешается внесудебно благодаря действию специализированных комиссий при министерствах [9, с. 23]. В России аналогичный потенциал остаётся невостребованным.

Перспективным шагом является создание постоянных примирительных комиссий при ключевых федеральных и региональных органах – Минэкономразвития, Минфине, Минцифры, Роспотребнадзоре, ФНС. Эти комиссии должны состоять из представителей органа, независимых экспертов и общественных наблюдателей. Их решения, хотя и носят рекомендательный характер, должны быть мотивированными и подлежать опубликованию, что повысит прозрачность и ответственность администрации [3, с. 213].

4. Развитие третейского разбирательства в публично-правовых конфликтах

Третейское разбирательство, регулируемое Федеральным законом № 382-ФЗ, практически не применяется в спорах с участием государства. Это связано с отсутствием готовности госорганов передавать свои полномочия независимым структурам [7, с. 12].

Для преодоления этого барьера предлагается:

- учредить специализированные третейские учреждения для рассмотрения споров в сферах госзакупок, налогового администрирования, земельных и градостроительных отношений;
- установить, что третейский суд рассматривает фактические и экономические аспекты спора, тогда как правовые вопросы остаются в компетенции государственного суда (по аналогии с доктриной «первичной административной юрисдикции» в США);
- упростить процедуру выдачи исполнительного листа – автоматически, если в течение 10 дней после принятия решения не поступило возражение [7, с. 35].

5. Цифровизация и интеграция в единую экосистему

Цифровые технологии становятся необходимым условием массового внедрения внесудебных процедур. Приказ Минюста РФ уже предусматри-

вает проведение медиации в онлайн-формате, однако практика пока ограничена [8, с. 5].

Необходимо:

- создать федеральную онлайн-платформу для досудебного урегулирования споров, интегрированную с порталом «Госуслуги»;
- обеспечить возможность подачи жалоб, проведения переговоров, медиации и получения исполнительных документов в одном цифровом пространстве;
- использовать элементы искусственного интеллекта для предварительной оценки перспектив разрешения спора и подбора подходящего медиатора или третейского судьи.

6. Повышение правовой культуры и профессионализма участников

Любые реформы окажутся малоэффективными без доверия граждан и квалифицированных кадров. Для этого требуется:

- внести изменения в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи», обязав юридические бюро информировать граждан о возможности внесудебного урегулирования споров;
- ввести обязательные учебные курсы по АРС в программах юридических вузов;
- создать единый федеральный реестр сертифицированных медиаторов с рейтинговой системой и возможностью публичного отзыва;
- закрепить в законодательстве понятие «недобросовестное ведение переговоров» и предусмотреть за него санкции – штрафы, возмещение убытков, отказ во взыскании судебных расходов [5, с. 78].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что внесудебные механизмы разрешения административных споров в Российской Федерации трансформируются из формальных процедур в значимый элемент правовой системы, способствующий повышению доступности, эффективности и гибкости защиты прав. Их развитие отвечает ключевым принципам правового государства, закреплённым в ст. 1 Конституции РФ, и соответствует международным тенденциям в области альтернативного урегулирования конфликтов [1, с. 3].

Историческая эволюция этих институтов, начавшаяся с древнерусских «мировых рядов» и третейских судов XVII века, демонстрирует их глубокие корни в правовой культуре России. Современное законодательство, включая Федеральные законы № 193-ФЗ и № 382-ФЗ, Кодекс административного судопроизводства РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ, создало прочную нормативную базу для реализации медиации, третейского разбирательства, досудебного урегулирования и судебного примирения [6, с. 3].

Однако между уровнем законодательного совершенства и практической реализацией сохраняется существенный разрыв. По данным судебной практики, лишь незначительная часть административных споров разрешается без обращения в суд,

тогда как в таких странах, как Германия или Япония, этот показатель существенно выше [9, с. 23]. Основными причинами низкой эффективности являются:

- формальный характер претензионного порядка;
- отсутствие экономических стимулов и санкций за недобросовестное поведение сторон;
- низкий уровень доверия граждан к медиации и третейским судам;
- слабая информированность населения о возможностях внесудебного урегулирования;
- ограниченное применение цифровых технологий [8, с. 5].

Российская модель сочетает континентальные и англосаксонские черты, предлагая детально регламентированные процедуры при сохранении элементов добровольности и гибкости. Уникальные институты, такие как судебное примирение и обязательный досудебный порядок, не имеют прямых аналогов в зарубежных правовых системах и могут служить примером для адаптации в других юрисдикциях [6, с. 3].

Дальнейшее совершенствование системы требует комплексного подхода, ориентированного на три ключевые составляющие:

Институциональная модернизация предполагает создание специализированных примирительных комиссий при федеральных и региональных органах власти, моделируемых на германском опыте. Такие комиссии должны состоять из представителей госорганов, независимых экспертов и общественных наблюдателей, обеспечивая прозрачность и объективность рассмотрения жалоб [9, с. 23].

Цифровая трансформация является необходимым условием массового внедрения. Необходимо создать единую федеральную платформу для досудебного урегулирования споров, интегрированную с порталом «Госуслуги», где можно было бы подавать жалобы, проводить онлайн-медиацию, отслеживать статус рассмотрения и получать исполнительные документы [8, с. 5].

Культурно-правовая реформа направлена на формирование у граждан и бизнеса установки на диалог, а не на конфронтацию. Для этого требуется:

- включение курсов по APC в программы юридических вузов;
- информирование граждан через систему бесплатной юридической помощи о возможности внесудебного урегулирования;
- развитие федерального реестра сертифицированных медиаторов с рейтинговой системой;
- закрепление понятия «недобросовестное ведение переговоров» и установление за него ответственности [5, с. 78].

Важнейшим принципом всех преобразований должно быть сохранение баланса между эффективностью и гарантиями прав граждан. Внесудебные процедуры не заменяют судебную защиту, а дополняют её, выполняя функцию первого уров-

ня в многоуровневой системе правовой защиты [1, с. 46].

Таким образом, для перехода от формального закрепления институтов к их реальной практике необходимо:

- наделить медиативные соглашения исполнительной силой через нотариальное удостоверение;
- ввести экономические стимулы – снижение госпошлины при участии в медиации, возмещение расходов в случае отказа от разумного предложения;
- развивать специализированные третейские учреждения для публично-правовых споров;
- обеспечить правовую культуру компромисса как неотъемлемого элемента правового государства.

Лишь при таком комплексном подходе внесудебные механизмы станут не формальной процедурой, а востребованным, эффективным и доверенным инструментом защиты прав, соответствующим духу и букве Конституции Российской Федерации [15, с. 78].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Куницын А.П. Историческое изображение судопроизводства. СПб., 2023. 151 с.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Виноградова Е.А. Альтернативное разрешение споров в современном праве. М.: Норма, 2020. 320 с.
5. Кузбагаров А.Н. Внесудебные механизмы защиты прав: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. 280 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22062021-n-18/> (дата обращения: 19.09.2025).
7. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Загайнова С.К. Альтернативное разрешение споров: учебное пособие. Екатеринбург: Ур-ГЮУ, 2021. 184 с.
10. Папулова З.А. Альтернативные методы разрешения споров: сравнительно-правовой анализ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2025. 184 с.
11. Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник. М.: Городец, 2023. 784 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-31102019-n-41/> (дата обращения: 20.09.2025).
13. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
14. Директива 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета от 21 мая 2008 г. о некоторых аспектах медиации в гражданских и коммерческих делах // Официальный журнал ЕС. L 136, 24.05.2008. С. 38.
15. Потапов Д.В., Потапова Л.В. Концепция примирительных процедур // Международный журнал. 2023. № 3. С. 153–155.

NON-JUDICIAL RESOLUTION OF ADMINISTRATIVE DISPUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL FOUNDATIONS, COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Stepanov R.G.

North-Western Institute of Management branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the analysis of modern mechanisms for the non-judicial resolution of administrative disputes in the Russian Federation. Based on historical, comparative and regulatory research, the theoretical foundations, legal forms and practice of mediation, arbitration, pre-trial settlement and judicial reconciliation are revealed. The author notes that despite progressive legislation, the effectiveness of these procedures remains low due to formalism, insufficient public awareness and lack of economic incentives. Ways to improve legislation are proposed: strengthening enforcement guarantees, creating specialized conciliation commissions, digitalization of processes and introducing sanctions for bad faith conduct. It is emphasized that non-judicial mechanisms do not replace judicial protection but complement it, contributing to the realization of the constitutional right to fair and accessible justice.

Keywords: non-judicial dispute resolution, administrative dispute, mediation, arbitration, pre-trial settlement, judicial reconciliation, Constitution of the RF, alternative dispute resolution (ADR).

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Reference and legal system "ConsultantPlus".
2. Kunitsyn A.P. Historical depiction of legal proceedings. St. Petersburg, 2023. 151 p.
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 01.04.2025) // Reference and legal system "ConsultantPlus".
4. Vinogradova E.A. Alternative dispute resolution in modern law. Moscow: Norma, 2020. 320 p.
5. Kuzbagarov A.N. Extrajudicial Mechanisms for the Protection of Rights: Monograph. St. Petersburg: Legal Center Press, 2022. 280 p.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 18 "On Certain Issues of Pre-Trial Settlement of Disputes Considered in Civil and Arbitration Proceedings" [Electronic resource] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-22062021-n-18/> (date of access: September 19, 2025).
7. Federal Law of 29.12.2015 No. 382-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System.
8. Federal Law of 27.07.2010 No. 193-FZ (as amended on 26.07.2019) "On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" // ConsultantPlus Legal Reference System.
9. Zagaynova S.K. Alternative Dispute Resolution: A Study Guide. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2021. 184 p.
10. Papulova Z.A. Alternative Dispute Resolution Methods: A Comparative Legal Analysis. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2025. 184 p.
11. Treushnikov M.K. Civil Procedure: Textbook. Moscow: Gorodets, 2023. 784 p.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2019 No. 41 "On Approval of the Rules for Conducting Judicial Conciliation" [Electronic resource] // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-31102019-n-41/> (date accessed: September 20, 2025).
13. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, November 4, 1950) // Legal Reference System "ConsultantPlus".
14. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Official Journal of the EU. L 136, 24.05.2008. P. 38.
15. Potapov D.V., Potapova L.V. Concept of conciliation procedures // International Journal. 2023. No. 3. P. 153–155.

Федоренко Татьяна Николаевна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», Крымский филиал

Статья посвящена теме правового института правовой защиты прав человека; институт правовой защиты прав человека характеризуется как юридический инструмент, обеспечивающий охрану правового статуса личности, автономию личности, юридические гарантии защиты её прав, свобод, объем обязанностей. Указывается, что правовая защита прав человека, в зависимости от правовой регламентации, проявляется на внутригосударственном и международном уровне как коррелирующие явления.

Теоретическая разработка темы позволяет решать ряд научных проблем, связанных с пониманием механизма формирования конституционного института правовой защиты прав человека; позволяет выделить этапы формирования данного конституционного института и перспективы его дальнейшего развития; охарактеризовать соотношение данного института с международными принципами и нормами в сфере правовой защиты человека. Поддержана позиция о том, что правовая защита человека «как целостное» явление классифицируется как межотраслевой институт, принципы и нормы которого регулируют правоотношения, являющиеся частью предмета нескольких смежных отраслей права. В статье характеризуются причины обособления института правовой защиты прав человека.

Практический аспект темы открывает возможности совершенствования юридической техники, систематизации норм права, составляющих конституционный институт правовой защиты прав человека.

Ключевые слова: институт права, правовая защита прав человека, межотраслевой правовой институт, конституционный институт, норма права

Правовая защита прав человека выступает фундаментальным институтом права, приобретающим особую значимость в контексте базовых конституционных принципов современного государства. Конституция Российской Федерации в статье 2 закрепляет обязательство государства признавать, соблюдать и защищать права граждан. Данный институт представляет собой основополагающий юридический механизм, гарантирующий охрану правового положения личности, устанавливающий пределы индивидуальной автономии и обеспечивающий правовые гарантии реализации прав, свобод и обязанностей граждан.

Многоуровневая структура правовой защиты прав человека проявляется через взаимосвязь национальных и международных правовых механизмов. Рассматривая международные стандарты защиты прав человека в контексте правовой глобализации, А.В. Стремоухов подчеркивает уникальность Конституции РФ как первого отечественного документа, интегрировавшего расширенный каталог прав человека под влиянием глобальных правовых тенденций [11]. Современный этап развития института правовой защиты характеризуется устойчивой тенденцией к институционализации. Взаимодействие различных социальных стратегий в сфере защиты прав способствует трансформации спонтанных механизмов в организованные юридические структуры, что подтверждается научными исследованиями о становлении межотраслевого института правовой защиты прав человека [12; 13; 16].

Теоретическая разработка темы позволяет решать ряд научных проблем, связанных с пониманием, во-первых, механизма формирования конституционного института правовой защиты прав человека; во-вторых, соотношением данного института с международными принципами и нормами в сфере правовой защиты человека; а также, в-третьих, позволяет выделить этапы формирования данного конституционного института и перспективы его дальнейшего развития.

Практический аспект данной темы открывает дополнительные возможности совершенствования юридической техники, систематизации норм права, составляющих конституционный институт правовой защиты прав человека, что самым непосредственным образом отображается на повышение эффективности правоприменения.

Материальную основу темы представляют явления нескольких порядков, во-первых, это, безусловно, совокупность общественных отношений, которые объективируются в защитных нормах права и конституционного права прежде всего; во-вто-

рых, это непосредственно сами конституционные нормы, образующие институт правовой защиты прав человека.

Методологическую основу данной статьи составляет совокупность универсальных, общенаучных и юридических методов познания. Формально-юридический метод использовался для характеристики норм, составляющих конституционный институт правовой защиты прав человека и необходим для определения сущностных характеристик данного института.

Плодотворной исследовательской позицией является обращение к конституционному институту правовой защиты прав человека с позиций компаративистики. Уточним, что сравнительно-правовой метод, исходя из направлений юридической науки, помогает выявить различные аспекты данной темы.

Так с позиций аналитической юриспруденции, которая формулирует аксиомы, определяет термины и предписывает методы, которые наилучшим образом позволяют рассматривать право, как внутренне непротиворечивую логическую систему, сравнительно-правовой метод позволяет охарактеризовать право, как иерархическую структуру и определить положение в данной структуре конституционного института правовой защиты прав человека.

В аксиологии права сравнительная методология оценивает и анализирует право с точки зрения идеалов или целей, которые оно должно выражать, данный аспект позволяет сформулировать цель конституционного института правовой защиты прав человека.

Компаративистика в социологической юриспруденции направлена на изучение фактического воздействия права на общество и его влияния на социальные явления, на материальные и процессуальные аспекты права; соответственно данный аспект сравнительной методологии позволяет выявить социальную ценность конституционного института правовой защиты прав человека.

Выбор методологии исследования обусловлен объектом и предметом исследования, а также и необходимостью обеспечить всесторонний анализ конституционного института правовой защиты прав человека.

Развитие научной мысли в области прав человека и механизмов правовой защиты получило мощный импульс после принятия Конституции РФ в 1993 году, знаменуя новый этап эволюции правовой системы государства. Фундаментальный вклад в разработку проблематики внесли выдающиеся правоведы: Б.С. Эбзеев, Н.В. Витрук, Ф.М. Рудинский, Т.Н. Радько, А.В. Стремоухов, Е.А. Лукашева, С.С. Алексеев. Научные изыскания позволили разграничить ключевые понятия правозащитной сферы: «правовая защита», «правовая защищенность», «социальная защита», «правовая охрана», а также сформулировать концептуальное определение правовой защиты человека.

А.В. Стремоухов заложил концептуальные основы изучения института правовой защиты прав человека как целостного правового феномена. Ученый провел комплексный анализ целевых установок, базовых принципов и механизмов правовой защиты, выдвинув перспективную идею кодификации правозащитного законодательства [12].

Правовая доктрина рассматривает защиту прав человека как межотраслевой институт права [12, с. 44], нормы которого регулируют правоотношения в рамках нескольких смежных отраслей права [14, с. 198–199]. А.В. Стремоухов предложил развернутую дефиницию правовой защиты, определяя ее как межотраслевой институт российского права, объединяющий нормы различных правовых отраслей, консолидированных единой правозащитной направленностью [12, с. 45].

В современных реалиях, характеризующихся усилением регионализации и актуализацией вопросов государственного суверенитета как ответной реакции на глобализационные процессы, особую актуальность приобретает концепция трансформации института правовой защиты человека. Перспективное направление развития предполагает формирование комплексной надотраслевой структуры – «права правовой защиты человека» [12, с. 45].

Становление института правовой защиты прав человека обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. К ним относятся общесоциальные детерминанты, результаты научных исследований правоведов, накопленный массив юридической практики, а также существующие правовые системно-структурные образования. Значимым фактором выступает наличие обширного нормативно-правового материала, включающего институты правовой защиты человека в основных отраслях права и правозащитные нормы в комплексных отраслях – морском, воздушном, жилищном праве [12, с. 45].

Общесоциальная обусловленность защиты прав человека базируется на признании прав личности высшей социальной ценностью, требующей многоуровневой защиты со стороны государственных структур и институтов гражданского общества. Данные причины проявляются в международно-правовой сфере, национальном законодательстве, деятельности общественных организаций и функционировании судебной системы. Структурно общесоциальные детерминанты подразделяются на международный и национальный уровни.

Принципы глобализации во многом сформировались под влиянием универсальных международных норм в сфере прав человека. Всеобщая декларация прав человека закрепляет право каждого на международный порядок, обеспечивающий полную реализацию провозглашенных прав и свобод [2; 1]. Международная правовая система выстраивает социальный порядок на основе признания человеческого достоинства, права на самоопределение, социального прогресса и равноправия в условиях мирного сосуществования [2]. Глобализа-

ционные процессы порождают новые вызовы, требующие совершенствования международных механизмов защиты прав человека.

ООН выступает ключевой площадкой обсуждения транснациональных проблем, требующих многостороннего взаимодействия. Организация выделяет широкий спектр глобальных вызовов: развитие Африки, демографическое старение, ВИЧ/СПИД, искусственный интеллект, ядерная энергетика, цифровизация, кибербезопасность, климатические изменения, противодействие терроризму, кризисное реагирование, деколонизация, демократизация, разоружение, наркотрафик, продовольственная безопасность, гендерное равенство, здравоохранение, права человека, урбанизация, международное правосудие, миграционные процессы, морское право, освоение космоса, безопасность, демография, проблемы беженцев, водные ресурсы, молодежная политика [2].

Международные правозащитные соглашения характеризуются целевой направленностью, фокусируясь на конкретных проблемах и защите уязвимых социальных групп. Правозащитная документация ООН непрерывно развивается, расширяя базовые права Международного билля. Современные акты охватывают проблематику расовой дискриминации, пыток, насильственных исчезновений, защиты прав инвалидов, женщин, детей, мигрантов, меньшинств, коренных народов [4]. Универсальность декларации подтверждается ратификацией минимум одного базового договора всеми государствами-членами ООН, причем 80% стран ратифицировали четыре и более соглашений [15].

Рассматривая деятельность конкретного государства в сфере правовой защиты прав человека, можно также выделить общесоциальные причины, которые обусловлены конституционно-правовым статусом государства, а также задачами, возложенными на государство в связи с интеграцией и организацией общества в целом. Общесоциальные причины, укрепляющие формирование конституционного института защиты прав человека могут носить экономический, социальный, политический и правовой характер.

Следующая группа причин, влияющих на формирование (оформление) института правовой защиты прав человека обусловлена содержанием обобщений, связывающих конституционную теорию и юридическую практику в сфере защиты прав человека. Главным критерием оценки эффективности является анализ результативности национального механизма защиты прав человека в целом, а также отдельных элементов данной системы (например, научные публикации, доклады уполномоченного по правам человека, обзоры судебной практики, данные судебной статистики [9] и т.д.).

И, наконец, обособлению правовой защиты человека способствует наличие норм права, которые образуют право на защиту прав человека. Отметим, что нормы, составляющие право на защиту прав человека, занимают определенные место в системе права входят как в основные (профили-

рующие) отрасли права (конституционное, административное, гражданское, уголовное и др.), так и в производные отрасли (трудовое право, семейное право и др.). Верховное место в данной совокупности норм занимают принципы и нормы конституционного права.

Процессы дифференциации и унификации в праве [7; 8], отображают как диалектику формирования института права на защиту прав человека, так и целеполагание правового регулирования в целом. Цели правовой защиты прав человека обуславливают наличие в каждой отрасли правозащитных норм, ориентированных на правовую защиту прав человека; распределение нормативного материала в системе права видится следующим образом «основные отрасли права в своем большинстве обязательно включают в себя институты правовой защиты человека, а комплексные отрасли (морское, воздушное, жилищное и т.п.) – правозащитные нормы» [12, с. 45].

С.В. Поленина разработала концептуальную модель формирования правовых институтов в контексте становления новых отраслей права. Исследовательница выделяет промежуточные формы, сигнализирующие о потенциальном зарождении отрасли права. Первый путь характеризуется возникновением правового института, примыкающего к существующей отрасли права, где специфика предмета регулирования порождает новые свойства метода, принципов и механизма правового регулирования [8, С. 355]. Второй путь реализуется через обособление группы норм от одной или нескольких отраслей права, приобретающих качественно новые характеристики и формирующих комплексный межотраслевой институт [8, С. 355].

Конституционно-правовой институт представляет собой комплекс взаимосвязанных правовых норм, регулирующих определенную область общественных отношений [5]. Отличительная особенность конституционно-правовых институтов проявляется в отсутствии жестких границ – отдельные нормы могут одновременно входить в структуру различных правовых институтов. Нормативную базу конституционно-правового института формируют положения конституции и конституционных законов. Специфические характеристики конституционно-правовых норм и принципов создают предпосылки для оформления правовой защиты прав человека в самостоятельный институт конституционного права. Эволюция правовой системы привела к консолидации защитных норм в различных отраслях права, что обусловило постановку вопроса о формировании межотраслевого института правовой защиты.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/>

- documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.07.2025).
2. Глобализация и ее воздействие на осуществление в полном объеме всех прав человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/development/globalization/hr.shtml> (дата обращения: 20.07.2025).
 3. Глобальные проблемы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/en/global-issues> (дата обращения: 20.07.2025).
 4. Декларации ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl2010.shtml (дата обращения: 20.07.2025).
 5. Демичев Д.М. Конституционно-правовые институты: содержание, признаки, специфика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1754503811&tld=ru&lang=ru&name=6_Демичев.pdf&text=Демичев%20Д.М.%20 (дата обращения: 25.07.2025).
 6. Ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 25.07.2025).
 7. Кругликов Л. Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 310 с.
 8. Система права: сборник / сост. Т.Н. Иванова, О.В. Монченко. М.: Юстицинформ, 2021. 560 с.
 9. Статистика по обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/> (дата обращения: 25.07.2025).
 10. Судебная статистика Верховного Суда РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/statistics/?year=2024> (дата обращения: 25.07.2025).
 11. Стремоухов А.В. Международные стандарты прав человека как явление правовой глобализации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/StremoukhovAV_sec3_rus_izd.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
 12. Стремоухов А.В. Человек и его правовая защита: Теоретические проблемы: монография. СПб: Санкт-Петербургский институт МВД России, 1996. 375 с.
 13. Тарасов Д.Н. Институционализация защиты прав человека в современном политическом континууме: методология, технология и политическая практика: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук: специальность 23.00.02. Полит. ин-ты, этнополит. конфликтология, нац. и полит. процессы и технологии. Нижний Новгород, 2004. 18 с.
 14. Теория государства и права: учебник / под ред. В.В. Ершова, отв. ред. Т.В. Власова, Т.С. Лесовая. М.: РГУП, 2023. 464 с.
 15. Универсальные ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/udhr/foundation-of-international-human-rights-law> (дата обращения: 20.07.2025).
 16. Федоренко Т.Н. Права человека как объект правовой защиты // Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции «Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве» // под ред. д.ю.н, доцента С.А. Трофимова, к.ю.н., доцента Т.Ю. Новиковой, сост. И.В. Хмиль. 13.12.2024 г. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. Т. 1. С. 468–474.

INSTITUTE FOR THE LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Fedorenko T.N.

Crimean branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «V.M. Lebedev Russian State University of Justice»

The article is devoted to the topic of the legal institution of legal protection of human rights; the institution of legal protection of human rights is characterized as a legal instrument that ensures the protection of the legal status of an individual, the autonomy of an individual, and the legal guarantees for the protection of their rights, freedoms, and obligations. It is noted that legal protection of human rights, depending on the legal regulation, manifests itself at the domestic and international levels as correlated phenomena.

The theoretical development of the topic allows us to solve a number of scientific problems related to understanding the mechanism of formation of the constitutional institution of legal protection of human rights; the relationship of this institution with international principles and norms in the field of legal protection of human rights; and the stages of formation of this constitutional institution and the prospects for its further development. The article supports the position that legal protection of human rights «as a whole» is classified as an interdisciplinary institution, whose principles and norms regulate legal relations that are part of the subject of several related branches of law. The article describes the reasons for the separation of the institution of legal protection of human rights.

The practical aspect of the topic opens up opportunities for improving legal technique and systematizing the legal norms that make up the constitutional institution of legal protection of human rights.

Keywords: legal institution, legal protection of human rights, intersectoral legal institution, constitutional institution, legal norm.

References

1. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948. [Electronic resource]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed on 20 July 2025).
2. Globalization and its impact on the full enjoyment of all human rights. [Electronic resource]. Available at: <https://www.un.org/ru/development/globalization/hr.shtml> (accessed on 20 July 2025).
3. Global issues. [Electronic resource]. Available at: <https://www.un.org/en/global-issues> (accessed on 20 July 2025).
4. UN Declarations. [Electronic resource]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl2010.shtml (Accessed: 20.07.2025).
5. Demichev D.M. Constitutional and legal institutions: content, features, specifics. [Electronic resource]. Available at: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1754503811&tld=ru&lang=ru&name=6_Демичев.pdf&text=Демичев%20Д.М.%20 (Accessed: 25.07.2025).
6. Annual reports of the Human Rights Commissioner in the Russian Federation. [Electronic resource]. Available at: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (Accessed: 25.07.2025).

7. Kruglikov, L. L., Smirnova, L.E. Unification in Criminal Law. St. Petersburg: R. Aslanov's Publishing House "Legal Center Press", 2008. 310 p.
8. The System of Law: collection / compiled by T.N. Ivanova, O.V. Monchenko. Moscow: Yustitsinform, 2021. 560 p.
9. Statistics on appeals to the Constitutional Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: // <https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/> (date of access: 25.07.2025).
10. Judicial statistics of the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/?year=2024> (date of access: 25.07.2025).
11. Stremoukhov A.V. International standards of human rights as a phenomenon of legal globalization. [Electronic resource]. Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/StremoukhovAV_sec3_rus_izd.pdf (accessed: 15.07.2025).
12. Stremoukhov A.V. Man and his legal protection: Theoretical problems: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 375 p.
13. Tarasov D.N. Institutionalization of human rights protection in the modern political continuum: methodology, technology and political practice: author's abstract. dis. for the dissertation of a candidate of political sciences: specialty 23.00.02. Political institutes, ethnopolitical. Conflictology, National and Political Processes and Technologies. Nizhny Novgorod, 2004. 18 p.
14. Theory of State and Law: Textbook / edited by V.V. Ershov, responsible editors T.V. Vlasov, T.S. Lesovaya. Moscow: Russian State University of Printing Arts, 2023. 464 p.
15. Universal Values. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.un.org/ru/about-us/udhr/foundation-of-international-human-rights-law> (date accessed: 20.07.2025).
16. Fedorenko T.N. Human Rights as an Object of Legal Protection // Collection of Articles Based on the Results of the IV International Scientific and Practical Conference "Protection and Defense of Rights and Legitimate Interests in Modern Law" // edited by Doctor of Law, Associate Professor S.A. Trofimova, PhD in Law, Associate Professor T. Yu. Novikova, compiled by I.V. Khmil. December 13, 2024. Simferopol: Limited Liability Company "Ariel Publishing House Printing House", 2025. Vol. 1. Pp. 468–474.

Современная практика применения досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров в Российской Федерации и пути ее совершенствования

Федоров Александр Александрович,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
ЧОУ «Международный юридический институт»
E-mail: Alexandr.fox97@mail.ru

В статье на основе комплексного анализа судебной статистики, правоприменительной практики и результатов эмпирического исследования мнений судей исследуется современное состояние института досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров в Российской Федерации. Выявлены системные проблемы, характеризующиеся фрагментарностью правового регулирования, отсутствием единообразия в практике судов, чрезмерной формализацией процедур и критически низкой эффективностью в снижении нагрузки на судебную систему. На основе проведенного анализа обоснована необходимость кардинального реформирования данного института и предложена концепция комплексного решения, включающая принятие специального федерального закона «О досудебном порядке урегулирования споров» и внесение соответствующих изменений в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: досудебный порядок урегулирования споров, претензионный порядок, судебная статистика, судебная нагрузка, гражданский процесс, арбитражный процесс, эффективность правосудия, медиация, правовая реформа.

Институт досудебного порядка урегулирования споров занимает ключевое место в системе механизмов защиты прав участников гражданского оборота. Его основное предназначение заключается в создании эффективного фильтра, позволяющего сторонам разрешить конфликт без обращения в суд, что способствует разгрузке судебной системы, экономии времени и ресурсов как самих сторон, так и государства. Однако на современном этапе в Российской Федерации данный институт переживает системный кризис, что подтверждается данными официальной статистики и анализом судебной практики.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ практики применения досудебного порядка урегулирования гражданско-правовых споров, выявление системных проблем и разработка на этой основе научно обоснованных предложений по его совершенствованию.

Исследование базируется на диалектическом методе познания. В процессе работы применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные методы: формально-юридический (анализ норм процессуального законодательства), сравнительно-правовой (сопоставление подходов судов различных инстанций и регионов), статистический (анализ данных Судебного департамента при ВС РФ за 2022–2024 гг.), а также метод анкетирования (опрос 347 судей федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей).

Проведенный анализ свидетельствует об устойчивом росте судебной нагрузки. За период 2022–2024 гг. поступление гражданских дел в суды увеличилось с 26,02 млн до 29,29 млн (на 12,6%). При этом рост числа дел, оставленных без рассмотрения (с 92 889 до 121 826), опережает общую динамику, что косвенно указывает на ужесточение процессуального контроля, в том числе за соблюдением досудебного порядка. Однако официальная статистика не детализирует причины оставления дел без рассмотрения, что затрудняет прямую оценку вклада данного института в указанный показатель.

Эмпирическое исследование выявило критический уровень нарушений досудебного порядка. По данным опроса, 71,3% судей отмечают, что доля исковых заявлений с такими нарушениями составляет от 40% до 80%, а 15,4% респондентов указывают на долю нарушений свыше 80%. Это свидетельствует о неинформированности участников оборота, сложности процедур и формальном характере института.

Ключевой проблемой является отсутствие единого образа правоприменительной практики. Суды по-разному подходят к оценке доказательств направления претензии, ее содержания, соответствия исковым требованиям. Региональные различия создают неравные условия для сторон, нарушая конституционный принцип равенства перед законом и судом. Основным источником регулирования де-факто выступает Постановление Пленума ВС РФ № 18, что порождает проблему нелегитимности, поскольку судебные разъяснения, подменяя законодателя, устанавливают новые обязательные правила.

Экономический анализ демонстрирует значительные потери от неэффективности системы. Прямые бюджетные затраты на рассмотрение возвращенных и оставленных без рассмотрения дел, а также косвенные потери сторон (повторная уплата госпошлины, юридические расходы, упущенная выгода) оцениваются в 46–51 млрд рублей ежегодно.

Для преодоления выявленных системных проблем предлагается кардинальное реформирование института на основе следующих направлений.

Принятие специального федерального закона «О досудебном порядке урегулирования споров». Данный закон должен стать системообразующим актом, который:

Закрепит единые принципы (системность, единообразие, доступность, технологичность).

Установит исчерпывающий перечень споров, по которым досудебный порядок является обязательным или добровольным.

Унифицирует требования к форме, содержанию претензии, срокам и способам ее направления.

Детализирует критерии оценки соблюдения порядка судами, разграничив существенные и несущественные нарушения.

Заложит правовые основы для создания единой федеральной цифровой платформы досудебного урегулирования.

Внесение изменений в процессуальные кодексы. Параллельно с принятием закона необходимо внести поправки в ГПК РФ и АПК РФ, направленные на:

Конкретизацию перечня документов, подтверждающих соблюдение досудебного порядка (ст. 131 ГПК РФ, ст. 126 АПК РФ).

Четкую регламентацию оснований и процедур возвращения искового заявления (ст. 135 ГПК РФ, ст. 129 АПК РФ) и оставления его без рассмотрения (ст. 222 ГПК РФ, ст. 148 АПК РФ).

Введение механизма зачета государственной пошлины при повторном обращении в суд после устранения нарушений.

Установление гарантий защиты от злоупотреблений, в том числе механизма оспаривания необоснованных отказов в удовлетворении претензий.

Создание организационной и технологической инфраструктуры. Реформа должна включать:

Разработку и внедрение единого федерального реестра претензий.

Создание системы обучения и повышения квалификации специалистов (судей, медиаторов, адвокатов).

Введение экономических и нефинансовых стимулов для использования добровольных досудебных процедур (снижение госпошлины, налоговые льготы).

Проведенное исследование убедительно доказывает, что современное состояние института досудебного урегулирования гражданско-правовых споров в Российской Федерации характеризуется глубоким системным кризисом. Фрагментарность регулирования, противоречивость судебной практики, ее чрезмерная формализация и низкая эффективность в достижении декларируемых целей требуют не точечных изменений, а комплексной реформы.

Предложенная концепция, центральным элементом которой является принятие специального федерального закона, направлена на создание прозрачной, единообразной и эффективной системы, способной реально снизить нагрузку на суды, обеспечить доступность правосудия и повысить правовую культуру участников гражданского оборота. Реализация предлагаемых мер будет способствовать оптимизации гражданского и арбитражного процесса, а также укреплению доверия к правовым институтам государства в целом.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 // Российская газета. – 2021. – № 144.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) утв. Президиумом ВС РФ от 23.12.2020 [Электронный ресурс]. // КонсультантПлюс (дата обращения: 01.08.2025).
5. Илюшников Д.С. Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Д.С. Илюшников. – Саратов, 2023. – 276 с.
6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 01.08.2025).

CURRENT PRACTICES OF PRE-TRIAL CIVIL DISPUTE RESOLUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO IMPROVE IT

Fedorov A.A.

International Law Institute

This article examines the current state of pre-trial civil dispute resolution in the Russian Federation based on a comprehensive analysis of judicial statistics, law enforcement practice, and the results of an empirical study of judges' opinions. Systemic problems characterized by fragmented legal regulation, a lack of uniformity in court practice, excessive formalization of procedures, and critically low efficiency in reducing the workload on the judicial system are identified. Based on the analysis conducted, the need for a fundamental reform of this institution is substantiated and a concept for a comprehensive solution is proposed, including the adoption of a special federal law "On the pre-trial procedure for dispute resolution" and the introduction of corresponding amendments to procedural legislation.

Keywords: pre-trial dispute resolution, claims procedure, judicial statistics, judicial workload, civil procedure, arbitration process, judicial efficiency, mediation, legal reform.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on July 31, 2025) [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on December 28, 2024) [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
3. "On Certain Issues of Pre-Trial Settlement of Disputes Considered in Civil and Arbitration Proceedings": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021, No. 18 // Rossiyskaya Gazeta. – 2021. – No. 144.
4. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020) approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.12.2020 [Electronic resource]. // ConsultantPlus (date of access: 01.08.2025).
5. Ilyushnikov D.S. Pre-trial Settlement as a Condition for Exercising the Right to Appeal to Court in Certain Categories of Civil Cases: Dis. ... Cand. of Law: 12.00.15 / D.S. Ilyushnikov. – Saratov, 2023. – 276 p.
6. Official Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://cdep.ru/> (date of access: 01.08.2025).

Институт ограничения прав человека и гражданина в конституционном праве Российской Федерации: формы принуждения

Цветков Глеб Эдуардович,

аспирант кафедры конституционного и административного права, СПбГЭУ

Современная законодательная система России основана на согласовании демократических принципов и необходимости восполнения структурной стабильности правительства. На данной стадии ключевую роль играют органы принуждения. Через эти органы верховенство выполняет свои функции по защите конституционного порядка и прав и свобод граждан, одновременно обеспечивая баланс между интересами разрозненных лиц, общества и правительства. Актуальность данной статьи заключается в том, что в последние годы дилеммы, касающиеся допустимых пределов ограничения прав и механизмов, с помощью которых государство оказывает правовое воздействие на граждан, стали предметом научных дискуссий и практических споров. Это явление особенно видно на фоне усиления угроз национальной безопасности и реформ судебной системы.

В рамках данной статьи было рассмотрено несколько ключевых элементов в вопросе регулирования конституционно-правового принуждения. Основной упор был направлен на вопрос мер (форм принуждения) в конституционных правовых отношениях, и общую теорию права, которая касается регулирования применения этих норм, равно как и описание условий, при которых можно классифицировать применяемые ограничения. Был предоставлен общий анализ как принципа справедливости, так и принципа соразмерности, а также подходы известных юристов-теоретиков.

Ключевые слова: Конституционное право, институт принуждения, конституционно-правовое принуждение, меры (формы) принуждения, цель взаимодействия, предполагаемая классификация, принцип справедливости, принцип соразмерности.

Одним из ключевых вопросов публичного права, в частности, конституционного, является регулирование ограничения прав человека и гражданина со стороны государства, равно как и ограничения государственных структур. Данная проблема является актуальной и в современной юридической доктрине. Эта актуальность связана не только с правовой системой регулирования, но и социальной, как и в равной степени психологической.

Право, как всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях, зависит от участников этого взаимодействия. Участники правового взаимодействия являются независимыми друг от друга субъектами, каждый из которых выражает и осуществляет в социальной сфере собственную волю. Для всех правовых лиц (физических и юридических), право служит общим источником их социальной свободы, ее оплотом и главным гарантом. Свобода для социальных субъектов существует в правовом облике, в виде общих законов, единых принципов взаимоотношений, системы правосудия, органов охраны общественного порядка. Индивиды обладают свободой не только как адресаты существующих норм, но и как совместные творцы права. Действительная и полная правосубъектность индивидов предполагает и их законотворческую правосубъектность, их участие в законотворчестве, их право на участие в установлении правового закона. Право, обеспечивая гражданам и организациям, определенные социальные возможности, вместе с тем устанавливает границы дозволенного, пресекая произвол, злоупотребления в общественной сфере.

По мнению В.С. Нерсесянца, специфика правовой формы обусловлена тем, что юридическая независимость субъектов одновременно предполагает их равную подчиненность общей норме, единому масштабу поведения¹. В этом смысле право есть одновременно источник свободы и ее ограничитель. Ученый справедливо отмечал, что свобода в праве имеет разные проявления, формы: она может быть связана с отрицанием, отменой какого-либо гнета, произвола и соответственно иметь отрицательный характер («свобода от»). Она может также касаться предоставления субъектам каких-либо позитивных возможностей, необходимых им правовых средств, каналов для преследования ими разнообразных социальных интересов («свобода для»).

Особенное место в дискуссии по регулированию ограничения прав, свобод и полномочий субъек-

¹ В. С. Нерсесянц. Проблемы общей теории права и государства. 2010. 816 стр.

ектов конституционного права, занимает вопрос форм (мер) принуждения, которые используются для реализации данной системы. В современной теории права отсутствует единое мнение по классификации мер конституционного принуждения. В первую очередь это связано с тем, что Конституция Российской Федерации не включает в себя нормы-санкции как таковые, так как она закрепляет только основные принципы существования государства, то есть строгая формулировка «за нарушение следует наказание» отсутствует¹. К тому же, вся ответственность, закрепленная в Основном законе, предположительно относится к должностям лицам, вина которых в совершении конституционного деликта доказана. Среди таких мер можно выделить лишение общего или специального конституционно-правового статуса, досрочное прекращение полномочий, роспуск, расформирование, отмена регистрации, ликвидация, запрещение деятельности². Тем не менее, попытки классифицировать меры конституционно-правового принуждения были предприняты³.

Меры конституционного принуждения представляют из себя отдельный перечень ограничительных мер, объединённых уставленной четкой целью, имеющих реальное и правовое основание для применения, при наличии факта нарушения норм права, при применении которых, в отношении лица, допустившего нарушение, будет применено принудительное воздействие, которое несет четкий «негативный» эффект (ограничение или лишение определённых прав)⁴. Стоит отметить, что такие меры имеют ряд уникальных свойств (принципов), которые позволяют выделить их в отдельную категорию: во-первых, такие меры принуждения могут быть введены только в качестве «последней меры», то есть при исчерпывании более мягких форм воздействия, во-вторых, меры должны приниматься «экономно», то есть допустимо применение минимально необходимого количества санкций, для обеспечения функционирования конституционно-правовых отношений и обеспечения правопорядка, в-третьих, должен быть соблюден принцип соразмерности, закреплённый из смысла статьи 55 Конституции РФ, который требует, чтобы ограничения прав и свобод были минимально необходимыми и преследовали конституционно значимые цели.

Можно сказать, что принцип соразмерности, равно как и справедливости, относится к категории «принципы-нормы», что подразумевает четкое определение в нормативных актах (формальное

установление). Законность и справедливость при рассмотрении и разрешении дела являются одним и основополагающих принципов судопроизводства⁵. Справедливость принято воспринимать как выражение соразмерности наказания совершенному деянию, соответствие наказания личности человека, которое включает все положительные (смягчающие) и отрицательные (отягчающие) качества личности, с целью исправления поведения лица, которое нарушило закон. В праве под справедливостью понимают необходимость, соразмерность и пропорциональность наказания совершенному, так называемой «индивидуализации ответственности»⁶.

В теории права, принято разделять формы принуждения на следующие меры⁷:

- Меры предупреждения;
- Меры пресечения;
- Меры защиты (восстановления) нарушенного права;
- Меры назначения ответственности за нарушение действующего права.

Так, к мерам предупреждения относят не только запретительные нормы, которые осуществляют ограничительную функцию путем постулирования условий, за нарушение которых законодательством установлена ответственность, но и проведение профилактических мер, которые направлены на предотвращение правонарушений. Так, среди профилактических мер предупреждения нарушения законодательства можно выделить как административное влияние со стороны государственного аппарата (правовое просвещение и информирование, предостережение, консультирование уполномоченными органами и иные формы административного «образования»), так и в рамках социального взаимодействия (социальная адаптация, моральное суждение, соблюдение общепринятых обычаев и иные виды частно-социальных взаимоотношений). Исходя из такой классификации становится очевидно, что правоотношения между государственными органами и обществом, отдельным лицом, в частности, носит не только правовой характер, но и социальный, в котором, влияние имеет не только угроза применения государственного принуждения, но и общественного осуждения, которое, в свою очередь, является дополнительным фактором воздействия на отдельное частное лицо⁸. Стоит отметить, что меры предупреждения включают в себя не только фактическое взаимодействие между государственными органами и обществом, но и оценку действующего законодатель-

¹ Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

² Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение к должностным лицам и органам государственной власти субъектов Российской Федерации и федеральное вмешательство: соотношение мер. Известия ИГЭА. 2006. № 6.

³ Колосова Н.М. Конституционная ответственность в российской Федерации. М., 2000.

⁴ Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008.

⁵ Принципы правосудия и их развитие в информационном обществе: коллективная монография / под ред. А.А. Дорской, В.А. Косовской. – СПб.: Астерион, 2023.

⁶ Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992.

⁷ Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1996.

⁸ Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2010.

ства на соответствие Конституции Конституционным судом Российской Федерации. В случае, если принимаемый законопроект или применяемое право противоречит положениям Конституции РФ, то такой акт должен быть отозван и пересмотрен с учетом условий, установленных Основным законом. Подводя итоги, можно сказать, что смысл такой формы принуждения заключается в предотвращении неблагоприятных последствий, которые могут наступить в случае противоправных действий субъектов конституционно-правовых отношений, предупреждении правовых казусов (коллизий) путем анализа правовых норм государственными институтами, которые имеют полномочия на такой род деятельности.

Меры пресечения, согласно своему названию, применяются для прекращения противоправных действий, деяний. Данный тип мер принуждения вводится уполномоченными государственными органами в случае, если меры предупреждения не смогли обеспечить сохранность конституционно-правовых отношений, в результате чего возникло нарушение норм права. Данная мера имеет своей целью прекращение деликта. Однако, важным условием ввода этих форм принуждения является отсутствие наступления материальных последствий, ущерба интересам субъектов конституционного реагирования. В данном случае, такие меры применяются для уменьшения, минимализации потенциального ущерба, который может быть причинен правам человека и гражданина, то есть, купирование на начальной стадии возможных неблагоприятных последствий нанесенного ущерба. Важно отметить, что цель данных мер – не привлечь субъекта правоотношений к ответственности напрямую, но создать условия, при которых возможно такое привлечение. То есть, необходимо создать условия, когда смежные отрасли права смогут отрегулировать данный конфликт в своей сфере, для ликвидации или уменьшения ущерба действующему правопорядку во время совершения нарушения¹. Вопрос конституционности и соразмерности, в таком случае, влияет в меньшей степени, чем ущерб, который может быть нанесен продолжающемуся правонарушением.

Меры защиты (восстановления) нарушенного права представляют из себя не только охрану действующего законодательства, но и возмещение нанесенного вреда, а точнее приведение сторон конфликта к той позиции, при которой не были нарушены конституционные права участвующих субъектов правоотношений (физических и юридических лиц, а также государственных представителей в «различной апостасии»)². В целом, можно утверждать, что такие формы принуждения относятся к принудительной силе, обусловленной го-

сударственным аппаратом, целью которой является восстановление «изначального статуса» субъекта, к которому было применено насилие в том или ином виде, что подразумевает установление условий, при которых права потерпевшей стороны не были нарушены, в то время как нарушившая сторона соблюдает обозначенные обязанности³. Такое определение усложняет дифференциацию между двумя формами принуждения – пресечения и защиты. Одни авторы считают⁴, что меры восстановления не связаны в той степени с фактом правонарушения, так как деликт может быть допущен неосознанно, исполняя обязанность, которая была установлена государством, чья суть противоречит действующей Конституции, в то время как совершаемое нарушение (мера пресечения), при аналогичных обстоятельствах, имеет все шансы на прекращение действий, которые потенциально могут привести к негативным последствиям, без нанесения реального ущерба. Подводя итоги, можно сказать, что меры защиты в рамках конституционного производства (восстановления) имеют своей целью восстановление изначального состояния конституционно-правовых отношений путём принуждения сторон конфликта к изначальному исполнению возложенных на них юридических обязанностей, тем самым обеспечивая стабильность конституционного правопорядка⁵.

Последним элементом меры принуждения, из приведенной в данной статье классификации, является меры назначения ответственности за нарушение действующего права (конституционно-правовая ответственность). Данная мера является наиболее спорной в отечественной теории конституционного права, в первую очередь из-за противоречия мнений исследователей права⁶. В первую очередь, это связано с двойственностью данного понятия – в нем сочетаются такие понятия как негативная ответственность в качестве ответственности за правонарушение, так и государственно-правового поощрения, включая процедуру назначения государственных наград⁷. Такой вид мер, как конституционная ответственность, относится, в основном, к должностным лицам, чья деятельность не отвечает государственным интересам и конституционной стабильности. Обобщая, данная мера вводится в случае нарушения установленного порядка осуществления публичной власти (дея-

³ Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Апольский Е.А. Общая теория права. классические и современные вопросы. Москва, 2020. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

⁴ Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968.

⁵ И. А. Володько. Виды мер конституционно-правового принуждения. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40).

⁶ А. В. Безруков. Конституционно-правовые поощрения и принуждения как средства обеспечения правопорядка в России. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67).

⁷ П. А. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. А.Ю. Согомонова. М., 1992.

¹ Туктамышева С.В. Санкции как форма выражения конституционно-правовой ответственности / С.В. Туктамышева // Modern Science. 2021. № 2–2.

² Урюпина Надежда Александровна Соотношение терминов «федеральный государственный орган» и «орган государственной власти» // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2019. № 2.

тельности), то есть, властных полномочий¹. Данная трактовка имеет наибольший вес в толковании права, так как включает в себя политический, безусловный аспект конституционного права, так и материальный, который уставлен смежными отраслями права (позитивная правовая ответственность)². Подводя итоги, можно сказать, что именно конституционная ответственность относится к представителям публичной власти, в то время как «общие» формы ответственности закреплены в иных отраслях права, которые имеют непосредственное отношение к правовому взаимодействию, например, как административное право.

Правовое поощрение, в свою очередь, является тождественным понятием принуждению (в противоположную сторону принуждению), так как представляет из себя стимул действий, которые отвечают действующему законодательству и являются общественно одобряемым. Данный подход строится не только на основании позиции о том, что личность (отдельный индивид) является не только главной ценностью государственного режима, но и целью. Суть данной цели заключается в обучении субъектов правоотношений соблюдению уставленных общественных норм, за исполнение которых государством предоставляются льготы, а также в позитивной оценке деятельности со стороны общественных институтов, то есть, формирование правового стимула – установленного законодательством института, способствующего возрастанию мотивации к правомерному поведению³.

Данная статья раскрыла общие принципы применения конституционно-правового принуждения – законность, соразмерность, справедливость и прозрачность, а также меры воздействия на субъектов вышеуказанных правоотношений, которые формируют основу для его легитимного использования. Эти принципы, вытекающие из статей 15, 45 и 55 Конституции Российской Федерации, не только устанавливают рамки полномочий для государственных институтов, но и задают ориентиры для их действий, что особенно важно в условиях современных вызовов, таких как противодействие отдельным превышениям полномочий или обеспечение конституционного строя государства.

Литература

1. Богмацера, Э.В. Теория государства и права: учебно-методическое пособие, в 3-х ч. Ч. I / Богмацера Э.В, Лысенко В.А. Крамской И.С. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2013–128 с.
2. Латушкин Михаил Аркадьевич К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения //

¹ Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право в Российской Федерации: курс лекций: в 9 т. – Т. 1: Основы теории конституционного права. – М.: Весь Мир, 2005

² Боброва Н. А., Степанова В.В. Существует ли позитивная конституционная ответственность? // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53).

³ Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1997.

- Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2.
3. В. С. Нерсисянц. Проблемы общей теории права и государства. 2010. 816 стр.
4. Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
5. Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение к должностным лицам и органам государственной власти субъектов Российской Федерации и федеральное вмешательство: соотношение мер. Известия ИГЭА. 2006. № 6.
6. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в российской Федерации. М., 2000.
7. Суркова И.С. Конституционно-правовое принуждение, применяемое к органам государственной власти субъектов Российской Федерации в системе федеративных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2008.
8. Принципы правосудия и их развитие в информационном обществе: коллективная монография / под ред. А.А. Дорской, В.А. Косовской. – СПб.: Астерион, 2023
9. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992.
10. Макарейко Н.В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1996.
11. Латушкин М.А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2010.
12. Туктамышева С.В. Санкции как форма выражения конституционно-правовой ответственности / С.В. Туктамышева // Modern Science. 2021. № 2–2.
13. Урюпина Надежда Александровна Соотношение терминов «федеральный государственный орган» и «орган государственной власти» // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2019. № 2.
14. Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Апольский Е.А. Общая теория права. Классические и современные вопросы. Москва, 2020. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
15. Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1968
16. Володько И.А. Виды мер конституционно-правового принуждения. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40).
17. Безруков А.В. Конституционно-правовые поощрение и принуждение как средства обеспечения правопорядка в России. Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6 (67).
18. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. А.Ю. Согомонова. М., 1992.

19. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю.А. Конституционное право в Российской Федерации: курс лекций: в 9 т. – Т. 1: Основы теории конституционного права. – М.: Весь Мир, 2005
20. Боброва Н. А., Степанова В.В. Существует ли позитивная конституционная ответственность? // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53).
21. Мирошник С.В. Правовые стимулы в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1997.
22. Горбунов Максим Дмитриевич Проблема самоограничения государства в классическом правовом позитивизме // Право и практика. 2025. № 2

THE INSTITUTE OF RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: FORMS OF COERCION

Tsvetkov G.E.

Saint Petersburg State University of Economics

Russia's modern legislative system is based on the reconciliation of democratic principles and the need to restore structural stability to the government. At this stage, coercive bodies play a key role. Through these bodies, the rule of law fulfills its functions of protecting the constitutional order and the rights and freedoms of citizens, while simultaneously ensuring a balance between the interests of disparate individuals, society, and the government. The relevance of this article lies in the fact that in recent years, dilemmas concerning the permissible limits of limiting rights and the mechanisms by which the state exerts legal influence on citizens have become the subject of academic debate and practical disputes. This phenomenon is particularly evident against the backdrop of increasing threats to national security and judicial reforms.

This article examined several key elements in the regulation of constitutional coercion. The primary focus was on the measures (forms of coercion) in constitutional legal relations and the general legal theory governing the application of these norms, as well as a description of the conditions under which applicable restrictions can be classified. A general analysis of both the principle of fairness and the principle of proportionality was provided, along with the approaches of renowned legal theorists.

Keywords: Constitutional law, institution of coercion, constitutional and legal coercion, measures (forms) of coercion, purpose of interaction, proposed classification, principle of justice, principle of proportionality.

References

1. Bogmatsera, E.V. Theory of State and Law: a teaching aid, in 3 parts. Part I / Bogmatsera E.V., Lysenko V.A., Kramskoy I.S. –

- Belgorod: Bel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013–128 p.
2. Latushkin Mikhail Arkadyevich On the Issue of the Concepts of State, Legal, and State-Legal Coercion // Leningrad Law Journal. 2010. No. 2.
3. V. S. Nersesyants. Problems of the General Theory of Law and State. 2010. 816 p.
4. Magomedrasulov M.M. Features of Coercion in a Rule of Law State: Dis. ... Cand. of Law. – Moscow, 2010.
5. Surkova I.S. Constitutional and legal coercion applied to officials and government bodies of the constituent entities of the Russian Federation and federal intervention: the ratio of measures. Izvestiya IGEA. 2006. No. 6.
6. Kolosova N.M. Constitutional liability in the Russian Federation. Moscow, 2000.
7. Surkova I.S. Constitutional and legal coercion applied to government bodies of the constituent entities of the Russian Federation in the system of federal relations: diss. ... Cand. of Law. – Omsk, 2008.
8. Principles of justice and their development in the information society: collective monograph / edited by A.A. Dorskaya, V.A. Kosovskaya. – St. Petersburg: Asterion, 2023
9. Bonner A.T. Legality and fairness in law enforcement. Moscow: Russian Law, 1992.
10. Makareiko N.V. State Coercion as a Means of Ensuring Public Order: Dis. ... Cand. of Law. – Nizhny Novgorod, 1996.
11. Latushkin M.A. Ensuring the Legality of the Application of Measures of State and Legal Coercion (Theoretical and Legal Analysis): Dis. ... Cand. of Law. – Volgograd, 2010.
12. Tuktamysheva S.V. Sanctions as a Form of Expression of Constitutional and Legal Responsibility / S.V. Tuktamysheva // Modern Science. 2021. No. 2–2.
13. Uryupina Nadezhda Aleksandrovna The Correlation of the Terms “Federal Government Body” and “State Authority” // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2019. No. 2.
14. Lyubashits V.Ya., Mordovtsev A.Yu., Mamychev A.Yu., Apol'sky E.A. General theory of law. Classical and modern issues. Moscow, 2020. Lomonosov Moscow State University
15. Kozhevnikov S.N. Protective Measures in Soviet Law: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. – Sverdlovsk, 1968
16. I.A. Volodko. Types of constitutional and legal coercion measures. Bulletin of Omsk University. Law Series. 2014. No. 3 (40).
17. A.V. Bezrukov. Constitutional and legal incentives and coercion as means of ensuring law and order in Russia. Current issues of Russian law. 2016. No. 6 (67).
18. P. A. Sorokin. Man. Civilization. Society: trans. from English / general. ed., compiled by A. Yu. Sogomonova. Moscow, 1992.
19. Avdeenkova M. P., Dmitriev Yu.A. Constitutional law in the Russian Federation: a lecture course: in 9 volumes. – Vol. 1: Fundamentals of the theory of constitutional law. – Moscow: Ves' Mir, 2005
20. Bobrova N. A., Stepanova V.V. Does positive constitutional liability exist? // Leningrad Law Journal. 2018. No. 3 (53).
21. Miroshnik S.V. Legal Incentives in Russian Legislation: Dis. ... Cand. of Law. – Rostov n / D, 1997.
22. Gorbunov Maxim Dmitrievich. The problem of state self-restriction in classical legal positivism // Law and Practice. 2025. No. 2

Развитие института финансово-экономической экспертизы в советской России: правовое регулирование и практика

Чирухин Анатолий Викторович,

кандидат экономических наук, директор ООО ОЛИМП

E-mail: ooo.olimp.ru@mail.ru

В статье рассматривается эволюция института финансово-экономической экспертизы в СССР в судебной и внесудебной формах. Показано, что развитие экспертизы носило исторически детерминированный характер и было тесно связано с социально-экономическими трансформациями государства. Судебная экспертиза, преимущественно бухгалтерская, выполняла функцию доказательственного инструмента в расследовании и рассмотрении экономических преступлений, ее правовое регулирование закреплялось в процессуальном законодательстве. Внесудебная экспертиза имела более широкий функционал, интегрированный в систему государственного финансового контроля и административного управления, а ее правовая база формировалась посредством декретов, постановлений и позднее – Закона СССР «Об органах народного контроля».

Ключевые слова: финансово-экономическая экспертиза, экономическая экспертиза, бухгалтерская экспертиза, судебная экспертиза, внесудебная экспертиза, СССР.

Многие сферы деятельности человека требуют применения специальных знаний. Специальные знания могут применяться как в процессуальных формах, обладая при этом доказательственным значением, так и в непроцессуальных формах. В перечень процессуальных форм использования специальных знаний включаются: заключение эксперта, показания эксперта, заключение и показания специалиста. Непроцессуальные формы представлены, как правило, процедурами ревизии, аудита, составлением актов экономических исследований [7, с. 78].

Экономическую экспертизу Ж.И. Ковган определяет как разновидность экспертиз, направленных на решение вопросов несоблюдения норм законодательства в сфере экономики и финансов, а также связанных с ними задач правоприменительной практики [5, с. 187].

По мнению Н.В. Городновой и С.В. Феофанова, экономическая экспертиза имеет ярко выраженный прикладной характер, так как эксперт проводит исследование не в целях углубления научного знания, а в целях получения не практического результата. В данной связи, отмечают авторы, экономическая экспертиза может и должна проводиться посредством специфических апробированных методов и методик, которые должны соответствовать критериям проверяемости. Следовательно, экономическая экспертиза может быть реализована исключительно в рамках положений соответствующих актов законодательства, регламентов, инструкций [1].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что основания и условия назначения экономической экспертизы предопределяются нормативно-законодательной базой. Законодатель описывает принципы оценки и применения результатов экспертизы, их взаимосвязи с процессуальной практикой, идентифицирует права и обязанности участников процесса, косвенно или прямо вовлеченных в проведение экспертизы.

Финансово-экономическая экспертиза, согласно определению Ж.И. Ковган, выступает такой разновидностью экспертизы, которая сосредоточена на анализе конкретных аспектов финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, в т.ч. процедур закупок товаров, работ, услуг, проверкой соблюдения очередности и полноты осуществления платежей, установления признаков криминальной экономической несостоятельности и проч. [5, с. 187].

С.А. Лукьянчикова определяет финансово-экономическую экспертизу аналогичным образом:

разновидность экономической экспертизы, которая назначается для оценки финансового состояния предприятий, оценки объективности и правильности задокументированных расчетов [6, с. 165].

Судебная финансово-экономическая экспертиза в СССР

В своем развитии экономическая экспертиза прошла достаточно продолжительный путь. Трансформации процедур и регулирования процедуры экспертизы были детерминированы трансформациями социальной и экономической системы государства.

Сама по себе финансово-экономическая экспертиза зародилась в качестве реакции на усложнение ведения хозяйственной деятельности, учета ее результатов, а также на тенденцию повышения числа злоупотреблений и преступлений экономического характера. Как указывает С.А. Звягин с соавт., потребность в проведении разного рода экономических экспертиз исторически детерминирована потребностью в учете материальных ценностей и контроле за их правильным и рациональным распределением между членами общества [2, с. 11].

Ю.А. Торчилова говорит о том, что в Российской Империи в начале XX в. профессиональных экспертов в экономической области было крайне мало. После переворота 1917 г., на первом этапе становления советской власти, учреждений экономической, бухгалтерской, судебно-бухгалтерской, финансовой, налоговой и т.п. экспертизы еще не существовало, и сами экономические экспертизы проводились довольно редко. Тем не менее, уже в 1918 г. Совнарком РСФСР разрешил судебным органам приглашать для участия в процессе специалистов, обладающих экономическим знанием (чаще всего речь шла о бухгалтерской экспертизе) [4, с. 230].

Уже в 1923 г. экспертиза, порядок её производства, процессуальное положение эксперта были зафиксированы на законодательном уровне – в положениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 23.02.1923 г. (далее – УПК РСФСР) Так, к примеру, ст. 63 УПК РСФСР содержала следующий тезис: «эксперты вызываются в случаях, когда при расследовании или рассмотрении дел необходимы специальные познания в науке, искусстве, ремесле»; в ст. 58 отмечалось, что заключение эксперта может выступать доказательством в суде [4, с. 230].

Интерес к экономической экспертизе в советской науке, праве и судопроизводстве существенно вырос в период реализации новой экономической политики (НЭП) в 1920-х гг. Реализация НЭП предполагала внедрение экономических методов управления в условиях расширения масштабов товарно-денежных отношений, частичное внедрение механизмов рыночной экономики при сохранении за государством контрольной функции [2, с. 14]. В данной связи законодательство продолжило направление ужесточения воздействия

на предпринимателей, уклоняющихся от государственного надзора, учета и контроля. Экстенсивное и интенсивное расширение производства приводило к увеличению объема финансовых средств, циркулирующих на предприятиях и, пропорционально этому, к увеличению числа злоупотреблений и правонарушений экономического характера.

Постепенно совершенствовалась система правового регулирования применения специальных познаний в расследовании экономических преступлений. Так, уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. исключили термин «сведущие лица», употребляемый в текстах судебных уставов Российской Империи 1864 г., заменив его на термин «эксперт» [3].

В рассматриваемой нами области правоприменения важнейшим этапом в эволюции финансово-экономической экспертизы стало учреждение 18 мая 1925 г. органа независимого финансового контроля – Института государственных бухгалтеров-экспертов при Народном Комиссариате Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР. Институт стал сетью, представленной на различных уровнях власти, в т.ч. на уровне местных органов. Республиканские, губернские, окружные и уездные экспертные организации занимались реализацией экономических (в первую очередь – бухгалтерских) экспертиз по требованию судебных и административных органов. Официально выделялось три направления проведения экспертиз, проводимых в отношении организаций: техническое, экономическое и бухгалтерское.

Изменились, кроме того, подходы к подготовке и отбору экспертов. Сотрудники Института проходили квалификационный отбор, ключевым критерием которого был практический опыт работы по одному или нескольким направлениям – в области экономики промышленности, в кооперативных или торговых структурах, в банковской сфере, в сельском хозяйстве.

С.А. Звягин с соавт. пишет о том, что в работе Института государственных бухгалтеров-экспертов наблюдался существенный недостаток: его деятельность осуществлялась преимущественно в крупных городах, поэтому многие районные центры и деревни не имели возможности воспользоваться услугами экспертов [2, с. 15].

Следующим этапом в развитии экспертизы в стране стал 1926 г., когда научно-технический отдел уголовного розыска Центрального административного управления НКВД РСФСР представил «Инструкцию по организации научно-технических кабинетов при губернских и областных учреждениях уголовного розыска». Данные кабинеты в 1927 г. были созданы в Воронеже, Царицыне, Донском окружном розыске, в 1928 г. – в Свердловске и Рязани.

В 1928 г. был опубликован циркуляр НКВД РСФСР «Об организации научно-технических частей в уголовно-розыскных учреждениях». В 1928 г. под руководством С.М. Потапова были

открыты первые курсы экспертов. В течение последующих лет криминалистические экспертные учреждения развивались, укреплялись материально, пополнялись подготовленными кадрами.

В 1930 г. Института государственных бухгалтеров-экспертов был реорганизован в Объединение работников учета, а впоследствии во Всесоюзное общество содействия социалистическому учету (ВОССУ), к которому перешли все права на проведение судебно-бухгалтерской экспертизы.

Стали активно разрабатываться и публиковаться методические пособия по производству экономической экспертизы. В 1936 г. ВОССУ было ликвидировано, а его полномочия были возложены на Центральное бюро судебно-бухгалтерской экспертизы при Прокуратуре СССР с филиалами на местах [2, с. 15]. В первой половине XX в. учреждения, экспертная деятельность которых велась в области финансов и экономики неоднократно меняли ведомственную принадлежность. Кроме того, на данном этапе наблюдалось явное доминирование бухгалтерской экспертизы над другими видами экономических экспертиз.

Ю.В. Третьяков отмечает, что до 1953 г. не существовало четкого разграничения между ревизией и экспертизой. Тем не менее, постепенно это разграничение стало более четким. Так, ст. 1331 УПК РСФСР 1961 г. «Участие специалиста» регламентировалась деятельность следователя по привлечению специалиста, в том числе экономиста, к участию в следственных действиях в форме экспертизы, а его процессуальное положение закреплялось в ст. 66, 67, 106. [9, с. 116].

К 1962 г. вопросы проведения экономических экспертиз были переданы в ведение республиканских министерств юстиции, иногда они работали при научно-исследовательских институтах. Деятельность экспертных подразделений регулировалась в рамках положений, действующих на территории конкретной республики.

Действовал, помимо прочего, и центральный орган – Центральный научно-исследовательский институт судебной экспертизы (ЦНИИСЭ), которому была подчинена основная часть бюро экспертизы и научно-исследовательских лабораторий.

В 1988 г. было создано новое научно-практическое подразделение – Всесоюзный научно-криминалистический центр (ВНКЦ) [2, с. 15]. В последующем данная прикладная область развивалась уже в новых социально-политических условиях, обусловленных распадом СССР.

Еще раз следует подчеркнуть, что бухгалтерская экспертиза превалировала над иными видами экономических экспертиз. По мнению О.В. Скрипкиной с соавт., вплоть до 1980-х гг. предметная область судебной экономической экспертизы была сужена до анализа бухгалтерской отчетности, а анализ хозяйственной деятельности, налогообложение, финансы, сметная работа – все это оставалось на периферии внимания [8, с. 28].

Внесудебная финансово-экономическая экспертиза в СССР

Таким образом, в судебной сфере в СССР именно **бухгалтерская экспертиза** стала наиболее распространенной. Это объясняется особенностями хозяйственных споров и необходимостью установления фактов бухгалтерского учета: правильности отражения хозяйственных операций, выявления признаков хищений, растраты, злоупотреблений должностных лиц.

Внесудебная экспертиза в СССР охватывала более широкий спектр задач. Она использовалась преимущественно в рамках государственного финансового контроля, хозяйственной деятельности органов власти, партийных структур и народных комиссариатов. Здесь особое значение имела **финансово-экономическая экспертиза**, которая применялась не столько для разрешения конфликтов, сколько для оценки эффективности управления, исполнения планов, анализа использования материальных и трудовых ресурсов.

После Октябрьской революции 1917 г. в условиях перехода к командной экономике контрольная функция государства была институционализирована в форме Народного комиссариата государственного контроля (1918 г.), а затем – Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. Эти структуры сочетали учетные и контрольные функции, что соответствовало принципу централизации управления.

Контрольные органы осуществляли надзор за поставками сырья, топлива, мобилизацией ресурсов. В последующие десятилетия их функции эволюционировали от чисто финансового надзора к выполнению политико-административных задач: обеспечение исполнения директив ЦК КПСС, мобилизационная деятельность, контроль пятилетних планов.

Особый этап связан с органами народного контроля, формирование которых (1965–1977 гг.) ознаменовало переход к общественной вовлеченности в контрольные мероприятия. К середине 1980-х гг., на фоне перестройки и ослабления командной экономики, эффективность государственного финансового контроля снижалась. Усиление самостоятельности предприятий разрушало централизованную систему надзора.

Таким образом, внесудебная финансово-экономическая экспертиза являлась элементом управленческой практики, встроенной в систему государственного контроля. Она выполняла функции диагностики и прогнозирования, а также служила инструментом повышения эффективности планирования и ресурсного распределения.

В отличие от судебной экспертизы, нормативная база которой была «встроена» в процессуальное законодательство, внесудебная экспертиза опиралась на акты государственного управления и партийные решения. В период с 1917 по 1920 гг. -правовое регулирование носило организационно-административный характер: его основанием служили декреты и постановления Совета Народных

Комиссаров. В период индустриализации и централизованного планирования (1930–1950 гг.) внесудебная экспертиза регулировалась на основании приказов, постановлений, регламентов Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, Министерства государственного контроля СССР. Финансовая экспертиза встраивалась в плановую систему, а её нормативное оформление подчинялось задаче обеспечения исполнения пятилеток, мобилизационной готовности.

В 1965 г. был принят важнейший нормативный акт: Закон СССР «Об органах народного контроля в СССР», согласно которому внесудебная финансово-экономическая экспертиза получила законодательное закрепление в виде прав и обязанностей органов народного контроля.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Экономическая экспертиза в СССР прошла длительный путь становления, тесно связанный с социально-экономическими трансформациями советского государства. Судебная экономическая (в первую очередь бухгалтерская) экспертиза сформировалась как реакция на рост экономических злоупотреблений и необходимость профессиональной оценки хозяйственных операций. Уже в 1918 г. Совнарком РСФСР санкционировал привлечение специалистов-экономистов в суд, а УПК РСФСР 1923 г. закрепил процессуальный статус эксперта. Создание Института государственных бухгалтеров-экспертов (1925), его реорганизация демонстрируют постепенное усиление роли экспертизы. В дальнейшем формируются централизованные структуры – ЦНИИСЭ и ВНКЦ, обеспечивавшие научную, методическую и организационную базу для судебных экспертиз. В судебной практике именно бухгалтерская экспертиза стала доминирующей, так как она позволяла решать вопросы правильности учета и выявления фактов хищений, растраты, подлога.
- Внесудебная финансово-экономическая экспертиза имела иное назначение. Она применялась в системе государственного финансового контроля, партийного управления, в деятельности народных комиссариатов и органов власти. Основной ее задачей было не установление фактов преступлений, а оценка эффективности управления, контроль выполнения планов, анализ использования ресурсов. Внесудебная экспертиза регулировалась преимущественно административными и партийными актами. Лишь в 1965 г. с принятием Закона СССР «Об органах народного контроля» данный вид экспертизы получил законодательное закрепление, что придало ему правовой статус в системе государственного управления.

Литература

1. Городнова, Н.В. Судебная экономическая экспертиза: понятие, сущность и методический

инструментарий / Н.В. Городнова, С.В. Феофанов // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 605–622.

2. Звягин, С.А. Ретроспективный анализ развития судебно-бухгалтерской экспертизы в России / С.А. Звягин, Ю.Н. Ширимов // Вестник ВИ МВД России. – 2013. – № 2. – С. 11–17.
3. История возникновения и развития судебной экспертизы // Научный портал КРИМИНАЛИСТЫ.РУ. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kriminalisty.ru/stati-istorija-kriminalistiki-istorija-vozniknovenija-i-razvitiya-sude/>. – Дата доступа: 10.09.2025.
4. История развития судебной экономической экспертизы / Ю.А. Торчилова // Материалы III Международной студенческой научной конференции. – С. 229–232.
5. Ковган, Ж.И. Финансово-экономическая экспертиза как средство установления обстоятельств по уголовному делу / Ж.И. Ковган // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 13. – С. 186–190.
6. Лукьянчикова, С.А. Производство финансово-экономической экспертизы в ходе предварительного расследования / С.А. Лукьянчикова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 5 (39). – С. 164–171.
7. Сарыгина, Э.С. Особенности назначения судебной финансово-экономической экспертизы / Э.С. Сарыгина // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4. – С. 78–83.
8. Скрипкина, О.В. Судебная экономическая экспертиза в России: исторический и современный аспекты / О.В. Скрипкина, О.В. Киселева // Бухгалтер и закон. – 2017. – № 3 (183). – С. 25–33.
9. Третьяков, Ю.В. Становление специальных экономических знаний для нужд уголовного судопроизводства / Ю.В. Третьяков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). – С. 112–117.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF FINANCIAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN SOVIET RUSSIA: LEGAL REGULATION AND PRACTICE

Chirukhin A.V.
OLIMP LLC

The article presents the evolution of the institute of financial and economic expertise in the USSR in judicial and extra-judicial forms. It is shown that the development of expertise was historically determined and was closely related to the socio-economic transformations of the state. Forensic expertise, primarily accounting, served as an evidentiary tool in the investigation and consideration of economic crimes, its legal regulation was enshrined in procedural legislation. Extrajudicial examination had a broader functionality, integrated into the system of state financial control and administrative management, and its legal basis was formed through decrees, regulations and later – the USSR Law “On the Institutions of Public Control”.

Keywords: financial and economic expertise, economic expertise, accounting expertise, forensic expertise, extra-judicial expertise, USSR.

References

1. Gorodnova, N.V. Forensic Economic Expertise: Concept, Essence, and Methodological Tools / N.V. Gorodnova, S.V. Feofanov // *Economy, Entrepreneurship, and Law*. – 2021. – Vol. 11, No. 3. – Pp. 605–622.
2. Zvyagin, S.A. Retrospective Analysis of the Development of Forensic Accounting in Russia / S.A. Zvyagin, Yu.N. Shirimov // *Bulletin of the Foreign Intelligence Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2013. – No. 2. – Pp. 11–17.
3. History of the Emergence and Development of Forensic Expertise // Scientific Portal KRIMINALISTY.RU. – 2014. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://kriminalisty.ru/stati-istoriya-kriminalistiki-istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-sude/>. – Access date: 10.09.2025.
4. History of the development of forensic economic examination / Yu.A. Torchilova // *Proceedings of the III International Student Scientific Conference*. – Pp. 229–232.
5. Kovgan, Zh.I. Financial and economic examination as a means of establishing the circumstances of a criminal case / Zh.I. Kovgan // *Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. – 2015. – No. 13. – Pp. 186–190.
6. Lukyanchikova, S.A. Production of financial and economic examination during the preliminary investigation / S.A. Lukyanchikova // *Innovative economy: prospects for development and improvement*. – 2019. – No. 5 (39). – P. 164–171.
7. Sarygina, E.S. Features of the appointment of forensic financial and economic examination / E.S. Sarygina // *Current problems of Russian law*. – 2015. – No. 4. – P. 78–83.
8. Skripkina, O.V. Forensic economic examination in Russia: historical and modern aspects / O.V. Skripkina, O.V. Kiseleva // *Accountant and law*. – 2017. – No. 3 (183). – P. 25–33.
9. Tretyakov, Yu.V. Formation of special economic knowledge for the needs of criminal proceedings / Yu.V. Tretyakov // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2012. – No. 3 (22). – pp. 112–117.

Гражданско-правовые аспекты деятельности писателей-призраков с позиции злоупотребления личными неимущественными правами автора

Батищев Иван Романович,

аспирант кафедры гражданского права, Уральский
государственный юридический университет имени
В.Ф. Яковлева
E-mail: i.r.batitshev@mail.ru

В статье рассматривается явление, получившее название «гострайтинг» или труд писателей-призраков, то есть создание по заказу заинтересованного лица произведения за плату с последующим опубликованием произведения под именем заказчика либо указанного им известного лица без указания имени фактического автора с точки зрения злоупотребления личными неимущественными правами. На текущий момент в российском правовом порядке отсутствует адекватное правовое регулирование рассматриваемого явления. При этом с учетом появления новых сфер, в которых применяется труд писателей-призраков (например, деятельность блогеров), актуальность его регулирования увеличивается. С целью изучения возможных моделей юридической регламентации рассматриваемого явления автор также обращается к зарубежному опыту. Рассмотрев случаи использования труда писателей-призраков, автор статьи приводит примеры случаев злоупотребления личными неимущественными правами автора как со стороны писателя-призрака, так и со стороны лица, указанного в качестве автора созданного писателем-призраком произведения. Автор приходит к выводу о том, что в некоторых случаях привлечение писателей-призраков не должно допускаться, в то время как в других случаях целесообразно рассмотреть вопрос правовой регламентации этого явления. Такая регламентация должна соответствовать основополагающим принципам неотчуждаемости и непередаваемости личных неимущественных прав автора.

Ключевые слова: писатели-призраки, гострайтинг, злоупотребление личными неимущественными правами автора, злоупотребление правом на имя, злоупотребление правом авторства.

Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Автору принадлежат в том числе право авторства и право на имя. Согласно абзацу 2 пункта 2 статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), право авторства и право автора на имя неотчуждаемы и непередаваемы, отказ от этих прав ничтожен.

С точки зрения классификации интеллектуальных прав, право авторства и право автора на имя относятся к личным неимущественным правам.

В.Л. Вольфсон обращает внимание на следующее: «Важнейшая особенность личных неимущественных прав автора по сравнению с «обычными» правами этой категории в том, что они существуют не в автономном (изолированном) измерении по отношению к имущественным (исключительным) правам (как это имеет место в большинстве правовых режимов за рамками авторского законодательства), а, по существу, образуют необходимое условие самой возможности осуществления последних: уникальная авторская репутация, по нашему убеждению, в свою очередь, составляет цель, предмет потребляющего интереса пользователя в авторском правоотношении, так что отсутствие или искажение авторской репутации равнозначно лишению уже имущественного отношения интереса, являющегося одним из его оснований»¹. Он также справедливо указывает, что существует «тесная взаимосвязь имущественных интересов всех участников авторских правоотношений с неимущественными интересами авторов и, как следствие, неизбежность коллизий между выражающими (охраняющими) эти интересы правами»².

Одним из распространенных явлений, когда могут возникать такие коллизии, выступает создание по заказу заинтересованного лица произведения за плату с последующим опубликованием созданного произведения под именем заказчика либо указанного им известного лица (с согласия такого лица) без указания имени фактического автора и самого факта создания произведения иным лицом. В результате публичной произведение воспринимается как созданное творческим трудом лица, фактически не создававшего его.

В английском языке это явление получило название «ghostwriting»³ от английских слов «ghost»

¹ Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве: монография. М.: Проспект, 2021. С. 80.

² Там же. С. 80–81.

³ Stern S., Lemmens T. Legal Remedies for Medical Ghostwriting: Imposing Fraud Liability on Guest Authors of Ghostwritten Ar-

и «write», в переводе на русский язык означающих «призрак» и «писать» соответственно. В русском языке используются термины «гострайтинг»¹, «писатели-призраки»², «копирайтеры», «литературные рабы»³.

Практика привлечения авторов для создания и обнародования произведения под своим именем без указания имени подлинных авторов существует уже очень давно. Так, Д.А. Братусь упоминает случай времен Древнего Рима, когда Марциал предлагал приобрести за плату авторство на его эпиграммы⁴. Труд писателей-призраков и сегодня широко распространен и используется во многих сферах: в литературной, научной, академической, политической среде, а также в деятельности блогеров и других сетевых знаменитостей. Н.В. Зайцева приводит в пример описанный К.М. Симоновым случай: во время обсуждения вопроса о присуждении Сталинской премии книге Я.К. Иосселиане «Записки подводника» в переводе с грузинского И.Л. Кремлева выяснилось, что книга была написана непосредственно И.Л. Кремлевым и основана на воспоминаниях Я.К. Иосселиане, который не мог их изложить в соответствующей литературной форме, поскольку не знал грузинского языка⁵. И.Л. Кремлев, указывая себя в качестве переводчика, получал права на «перевод», что делало его положение более устойчивым с точки зрения рисков присвоения авторства Я.К. Иосселиане. Между «автором» и «переводчиком» даже был подписан договор, согласно которому в случае присуждения книге Сталинской премии они эту премию разделят пополам⁶.

В научной среде обращают внимание на практику опубликования медицинских научных статей, подготовленных нанятыми за плату авторами (по сути писателями-призраками), но подписанных известными в научной среде специалистами, которым было предложено указать себя в качестве автора, хотя они не принимали участия в создании статьи. Гострайтинг также может иметь место, когда исследовательская группа ученых привлекает профессионального автора для написания статьи, основанной на данных, собранных такой группой ученых. Нередко заказчиком таких публикаций выступают крупные фармацевтические компании, заинтересованные в представлении определенно-

го продукта или результатов исследования в выгодном им свете. Эту практику считают негативной и неэтичной, поскольку с ее помощью фармацевтические компании заимствуют имена ученых именно из-за ценности и престижа, связанных с ожидаемой от ученого прозрачностью и независимостью академического исследования. Контролируемые фармацевтическими компаниями подготовленные авторами-призраками статьи, подписанные именными учеными, могут искажать восприятие фармацевтического продукта с точки зрения его безопасности и эффективности⁷. Стоит отметить, что и в сфере культурной, художественной деятельности может возникнуть потребность в использовании одного авторского имени для идентификации работы группы людей: «Коллективный литературный проект как вариант авторской стратегии, таким образом, столь же востребован обществом, как и использование авторского псевдонима»⁸.

Писатели-призраки также участвуют в подготовке проектов речей политических деятелей, что в целом воспринимается как обычное явление, поскольку никто не ожидает, что видные политические деятели будут самостоятельно готовить и выверять тексты своих выступлений.

В деятельности блогеров и других сетевых знаменитостей писатели-призраки могут привлекаться для создания текстов, публикуемых в дальнейшем в социальных сетях от имени блогера. Кроме того, привлеченные на возмездной основе лица могут создавать аудиовизуальные произведения, например, видеоролики, также публикуемые в социальных сетях от имени заказчика.

В академической среде труд писателей-призраков также достаточно распространен. Колесникова И.А., изучив рынок «академического гострайтинга», пришла к выводу о том, что на рынке теневого академического письма можно заказать и приобрести практически все виды зачетных, контрольных, квалификационных работ, которые призваны выполнять школьники, студенты, магистранты, аспиранты, докторанты на различных этапах непрерывного образования, чтобы сформировать определенные компетенции⁹.

Вторым кассационным судом общей юрисдикции не так давно было рассмотрено дело № 8Г-128/2025, в котором речь идет об использовании труда автора-призрака при подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора наук: «Согласно п. 1.1 договора оказания услуг, ФИО1 взяла на себя обязательство по тематическому заданию заказчика предоставить информацию и (или) показать на конкретном примере порядок и принципы выполнения докторской диссертационной работы в рамках научного процесса, разработав и представив макет докторской

articles // PLoS Med. 2011. № 8(8). P. 1–5; Robbins I. Ghostwriting: Filling in The Gaps of Pro Se Prisoners' Access to the Courts // The Georgetown Journal of Legal Ethics. Vol. 23, № 2 (Spring 2010). P. 271–321.

¹ Колесникова И.А. Академический гострайтинг – рынок имитации научно-образовательной активности // Непрерывное образование: XXI век. 2017. Вып. 2, № 18. С. 130.

² Зайцева Н.В. Писатели-призраки как правовое явление: особенности и перспективы правового регулирования их деятельности // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 19–27.

³ Братусь Д.В. Организационные авторские права. М.: Статут, 2022. С. 75.

⁴ Братусь Д.А. Авторское право и древний Рим: Исторический фундамент этической концепции. М.: Статут, 2018. С. 168.

⁵ Зайцева Н.В. Указ. соч. С. 21.

⁶ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М.: Книга. 1990. С. 182.

⁷ Stern S., Lemmens T. Op. cit. P. 1.

⁸ Овчинников И.В. Личные неимущественные права автора на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 125.

⁹ Колесникова И.А. Указ. соч. С. 10.

работы (образец)»¹. Предметом этого спора было взыскание заказчиком с исполнителя денежных средств и неустойки по упомянутому договору, поскольку услуги были оказаны частично, а результат заказчика не удовлетворил. Исполнитель заявил встречный иск о взыскании задолженности по оплате за оказанные им услуги. Суды апелляционной и кассационной инстанции в рамках этого дела не исследовали вопрос допустимости такого договора с позиции вопросов авторства диссертации заказчика. Второй кассационный суд общей юрисдикции обратил внимание на то, что «предметом договора является разработка макета докторской работы (образца), не авторская работа (научная диссертация)». Несмотря на это, приведенное в пример судебное дело показывает, что между писателем-призраком и его заказчиком может возникнуть спор, требующий разрешения в суде.

В определенной степени сложности правового регулирования деятельности писателей-призраков связаны как раз с тем, что их труд используется в самых разных сферах деятельности, что затрудняет установление границ, в которых труд писателей-призраков мог бы быть разрешен.

Сложности также вызывает тот факт, что го-страйтинг до некоторой степени сходен, однако все же отличается от такого явления как плагиат. Под плагиатом традиционно понимается присвоение результата чужого интеллектуального труда. Апостолос Параликас пишет, что основное различие между плагиатом и деятельностью писателей-призраков заключается в том, что при плагиате настоящий автор произведения не знает, что кто-то другой использует его произведение без указания авторства. Деятельность же писателей-призраков, напротив, требует согласия между автором и заказчиком². Однако насколько значимо согласие писателя-призрака с юридической точки зрения?

Конечно, с позиции действующего российского законодательства³ право авторства и право автора на имя неотчуждаемы и непередаваемы (пункт 1 статьи 150, абзац 2 пункта 2 статьи 1228, пункт 1 статьи 1265, пункта 2 статьи 1370, подпункт 2 пункта 1 статьи 1408, статьи 1418, пункт 2 статьи 1430, статья 1453, пункт 2 статьи 1461 ГК РФ), а сделка, направленная на их передачу, ничтожна. Соответственно, отношения между автором-призраком и лицом, указанным в качестве автора произведе-

дения, находятся за пределами правового поля. Такая модель правового регулирования является традиционной для стран романо-германской правовой семьи. В то же время в англо-американских странах деятельность писателей-призраков традиционно допускается за счет возможности отказа от права⁴.

Н.В. Зайцева указывает: «само по себе авторство не может быть предметом гражданско-правовой сделки»⁵ и добавляет, что «для писателей-призраков возможно или заключение иных видов договорных отношений, которые, с одной стороны, позволяют им требовать компенсацию, а с другой стороны, не станут основанием для последующего оспаривания авторства, или использование устных договоренностей с расчетом на «порядочность» или личные доверительные отношения с заказчиком»⁶. Оба варианта Н.В. Зайцева считает неэффективными.

С.А. Судариков высказал точку зрения, позволяющую обосновать допустимость привлечения писателя-призрака и опубликования произведения под именем заказчика. По его мнению, подлинный автор произведения и его заказчик всегда могут рассматриваться как соавторы – один рассказывает о свершившемся или выдуманном, а другой это записывает и перерабатывает. Подлинный автор произведения получает разовую сумму за свой труд при условии, что выразит желание опубликовать произведение анонимно, а заказчик – под своим собственным именем и что подлинный автор откажется от притязаний на авторское вознаграждение при опубликовании произведения⁷. Эта точка зрения интересна тем, что не предполагает передачи права авторства от одного лица к другому, поскольку писатель-призрак и заказчик произведения считаются соавторами. В зарубежной правоприменительной практике можно найти примеры, в которых такая точка зрения помогала разрешить спорную ситуацию. Окружной суд Кельна, рассматривая спор между писателем-призраком и его заказчиком, установил, что заказчик и писатель-призрак являются соавторами в силу наличия подтвержденного творческого вклада писателя-призрака в произведение⁸. Однако такая позиция не бесспорна и в некоторых случаях не может быть применена к отношениям, связанным с привлечением писателей-призраков, например, когда творческий вклад лица, указанного в качестве автора, в создание произведения вовсе отсутствует. В таком случае в силу пункта 1 статьи 1258 ГК РФ писатель-призрак и заказчик не могут считаться соавторами, так как не являются гражданами, соз-

¹ Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 по делу № 8Г-128/2025.

² Apostolos P. Can ghostwriting be considered consensual plagiarism? // IDEA: The Law Review of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property. 2023. Vol. 63, № 1. P. 74.

³ Позиция о неотчуждаемости и непередаваемости личных неимущественных прав автора признается не только в российском законодательстве. Например, согласно статье L121-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции автор имеет право на уважение своего имени, положения и произведения. Это право связано с его личностью. Оно является бессрочным, и неотчуждаемым. Кодекс интеллектуальной собственности Франции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22588> (дата обращения: 05.09.2025).

⁴ Овчинников И.В. Указ. соч. С. 124.

⁵ Зайцева Н.В. Указ. Соч. С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Судариков С.А. Основы авторского права. Минск: Амалфея. 2000. С. 254.

⁸ Landgericht Köln, 13.07.2023, 14 O 237/22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nrwe.justiz.nrw.de/lgs/koeln/lg_koeln/j2023/14_O_237_22_Urteil_20230713.html (дата обращения: 04.09.2025).

давшими произведение совместным творческим трудом.

Как отмечает И.В. Овчинников, похожий вариант предлагается во французской юриспруденции, считающей, что договорные условия, в соответствии с которыми лицо обязуется не раскрывать свое авторство, следует расценивать как осуществление им своего права в силу того, что очень трудно провести разграничительную линию между автором, реализующим право на анонимность, и автором, берущим на себя обязательство не разглашать свое авторство. В рамках этой конструкции автор, в сущности, не связан условием о неразглашении подлинного авторства и может в любой момент изменить способ осуществления права, объявив о своем настоящем имени, но это условие не является и ничтожным¹.

При этом в рамках отношений, связанных с привлечением авторов-призраков, возможны ситуации, которые можно отнести к ситуациям злоупотребления личными неимущественными правами, причем как автором-призраком, так и лицом, указанным в качестве автора.

Например, известный автор, в течение длительного времени создававший литературные произведения самостоятельно, для создания очередного произведения привлек писателя-призрака за вознаграждение. Написанное писателем-призраком произведение было опубликовано под именем известного автора и стало достаточно популярным. Спустя некоторое время писатель-призрак потребовал от заказчика публичного раскрытия информации о фактическом авторе произведения, сообщил об этом в издательство. С точки зрения статьи 1265 ГК РФ писатель-призрак не утратил ни право авторства, ни право на имя, поскольку они неотчуждаемы и непередаваемы. Даже если между писателем-призраком и заказчиком было заключено некое соглашение, по которому право авторства на это произведение должно было перейти к заказчику, это соглашение было бы ничтожным и не повлекло бы каких-либо юридических последствий. Соответственно, с точки зрения действующего российского законодательства требования писателя-призрака являются обоснованными. Однако для известного автора, прибегнувшего к привлечению писателя-призрака, придание этого обстоятельства огласке может привести к значительным репутационным потерям, что, в свою очередь, неминуемо повлечет и снижение продаж любых его произведений, может породить трудности в отношениях с издателями. При этом очевидно, что писатель-призрак, соглашаясь на создание произведения для заказчика, понимал, что это повлечет опубликование произведения под чужим именем, не был заинтересован в самостоятельной реализации права авторства на это произведение, своей волей и в своем интересе вступил в такие отношения с заказчиком и получил за это вознаграждение. Заказчик полагался на это, иначе вообще не стал бы привлекать писателя-призрака.

¹ Овчинников И.В. Указ. соч. С. 126.

Писатель-призрак может по-разному мотивировать желание реализовать право авторства по отношению к созданному по заказу третьего лица произведению: он может быть искренне заинтересован в том, чтобы публика знала фактического автора произведения, а может руководствоваться желанием «насолить» известному автору, с которым произошел конфликт, или получить больше денег от публикации произведения. Чей интерес в данном случае заслуживает защиты: неимущественный интерес автора-призрака или интерес заказчика, который можно считать как имущественным, так и неимущественным, поскольку репутационный риск тесно связан с финансовым успехом деятельности автора? Может ли заказчик взыскать с писателя-призрака убытки, которые возникли у него в связи с раскрытием информации о фактическом авторе произведения? С одной стороны, с точки зрения действующего законодательства сделка между писателем-призраком и заказчиком ничтожна, стороны вступают в такие отношения на свой риск и должны быть готовы к тому, что у них не будет эффективных правовых средств защиты в случае, если одна из сторон нарушит договоренности. С другой стороны, если писатель-призрак намерен осуществить право авторства вразрез с его предназначением, например, исключительно из желания таким образом отомстить заказчику, такое осуществление права авторства можно считать злоупотребительным и запрещенным на основании статьи 10 ГК РФ. Убытки могут возникнуть не только у заказчика, но и у издательства. По мнению Н.В. Зайцевой, «оптимальной моделью является возмещение убытков издательствам, если информация о настоящем авторстве привела к отказу читателей от приобретения соответствующих произведений и если есть возможность проследить зависимость между уменьшением покупательского спроса и информацией о написании книги другим автором»². Стоит отметить, что доказывание таких убытков представляется достаточно сложной задачей.

Может также возникнуть ситуация, когда заказчик, опубликовав от своего имени результат творческого труда писателя-призрака, откажется выплачивать писателю-призраку вознаграждение за подготовку произведения в полном объеме. Формально сделка между заказчиком и писателем-призраком о создании произведения является ничтожной и правовых последствий не порождает. Ссылаясь на это, заказчик может отказаться исполнять обязательство по оплате, а писатель-призрак будет вынужден обратиться в суд. В этой ситуации возражение ответчика о ничтожности сделки может быть преодолено на основании пункта 5 статьи 166 ГК РФ. Согласно пункту 70 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³, сделанное в любой фор-

² Зайцева Н.В. Указ. соч. С. 26.

³ Российская газета, № 140, 30.06.2015.

ме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (пункт 5 статьи 166 ГК РФ).

Интерес с точки зрения злоупотребления личными неимущественными правами автора вызывает и описанная выше ситуация опубликования написанной писателем-призраком научной статьи от имени авторитетного ученого (в примере рассматривается фармацевтическая сфера)¹. Заказчиком такой статьи может выступать третье лицо, например, фармацевтическая компания, заинтересованная в продвижении своего продукта. Эта компания как оплачивает труд писателя-призрака, так и выплачивает авторитетному ученому, от имени которого будет опубликована статья, вознаграждение за «использование его имени». Для заказчика указание конкретного ученого в качестве автора может быть крайне выгодно, поскольку благодаря его репутации научное сообщество и потенциальные потребители могут с большим доверием отнестись к продукту фармацевтической компании, чем если бы автором научной статьи было указано менее авторитетное лицо.

Личные неимущественные права фиксируют статическое состояние – принадлежность интеллектуального достижения творцу², а основанием правоотношения, возникающего в связи с осуществлением личных неимущественных прав автора, можно считать неразмениваемый интерес автора в созидании своей уникальной репутации³. Авторитетное лицо, предоставляя свое имя за вознаграждения для продвижения коммерческих интересов конкретной компании, действует вразрез с назначением права авторства и права на имя. Такое лицо руководствуется не желанием зафиксировать принадлежность себе своего интеллектуального достижения и не намерением внести очередной вклад в свою уникальную репутацию, а желанием извлечь финансовую выгоду из ранее сформированной репутации, из своего имени. Такую практику можно отнести к злоупотреблению правом авторства и правом автора на имя. В зарубежной литературе предлагается в таких случаях привлекать к гражданско-правовой ответственности не писателя-призрака, а авторитетное лицо, предоставляющее свое имя за вознаграждение⁴.

Приведенные примеры показывают, что привлечение писателей-призраков может приводить в том числе к ситуации, в которой писатель-

призрак или заказчик допустит злоупотребление личным неимущественным правом. Противодействие таким злоупотреблениям может быть затруднено, поскольку, согласно действующему российскому законодательству, право авторства и право на имя непередаваемы и неотчуждаемы, а сделки, направленные на передачу этих прав, ничтожны.

Примечательно также и то, что в зависимости от ситуации привлечение писателя-призрака может быть более или менее «вредным» для потребителей результата творческого труда писателя-призрака, например, для читателей. Так, в случае с литературными произведениями, предназначенными для широкого круга читателей, привлечение писателей-призраков хоть и противоречит литературной этике⁵, но по крайней мере не способно оказать влияние на жизнь и здоровье людей. Случаи с использованием труда писателей-призраков в научной, например, в медицинской сфере, когда в качестве автора указывают авторитетного ученого, могут привести к искажению представлений о безопасности и эффективности конкретного продукта, например, лекарственного средства. Привлечение же писателей-призраков для подготовки диссертаций на соискание ученых степеней, очевидно, противоречит самому смыслу процедуры подготовки и защиты таких диссертаций.

Как верно отмечает Н.В. Зайцева, отсутствие понятной правовой регламентации привлечения и использования наемного литературного труда не отвечает потребностям экономического оборота в сфере интеллектуальной собственности. Работа писателей-призраков в некоторых сферах стала повседневной практикой и отсутствие ее легального закрепления приводит к переходу таких отношений в теневой сектор⁶.

Ранее было упомянуто, что в странах англо-американской правовой семьи деятельность писателей-призраков является законной, в то время как для романо-германских стран легализация данной деятельности характерна в меньшей степени. При этом страны обеих правовых семей сталкиваются с этим явлением. В этой связи интерес представляет перечень правовых и доктринальных оснований для регулирования деятельности писателей-призраков в разных странах, предлагаемый Марленой Янковской:

- 1) Возможность отказа от права авторства, устанавливаемая в соответствии с законом;
- 2) Возможность отказа от права авторства, устанавливаемая в соответствии с правовой доктриной;
- 3) Возможность отказа от осуществления права авторства, устанавливаемая в соответствии с доктриной авторского права;
- 4) Распространение произведения под именем заказчика, если имя заказчика считается псевдонимом писателя-призрака;
- 5) Возможность передачи права авторства;

¹ Stern S., Lemmens T. Op. cit. P. 1.

² Братусь Д.В. Указ. соч. С. 77.

³ Вольфсон В.Л. Моральные (личные неимущественные) права авторов в странах общего права и странах континентальной системы: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 10.

⁴ Stern S., Lemmens T. Op. cit. P. 2.

⁵ Зайцева Н.В. Указ. соч. С. 25.

⁶ Там же. С. 26.

6) Возможность установления для автора обязательства не осуществлять его права¹.

Интересно, что в разных правовых системах отказ от осуществления права, как отмечает Марлена Янковская, может быть сопряжен с различными условиями, в частности, с использованием разных форм отказа от осуществления права (например письменной или устной), разной продолжительностью такого отказа и т. д.².

Важно отметить, что правовая регламентация привлечения писателей-призраков не может быть общей для всех возможных случаев. Допущение на законодательном уровне привлечения писателей-призраков в некоторых сферах сопряжено со значительными рисками для третьих лиц как, например, в случае с созданием научных медицинских статей, либо противоречит смыслу создания определенного произведения, такого как диссертация на соискание ученой степени. В таких случаях привлечение писателей-призраков не должно допускаться.

В отношении некоторых других случаев, например, привлечения писателей-призраков для создания литературных произведений для широкого круга читателей, текстов речей для политических деятелей, текстов, публикуемых в социальных сетях от имени блогеров и иных сетевых знаменитостей, было бы целесообразно рассмотреть вопрос их правовой регламентации с тем, чтобы предусмотреть механизмы защиты прав и интересов как писателей призраков, так и лиц, указываемых в качестве авторов созданных ими произведений, создать правовую основу для противодействия возможным злоупотреблениям личными неимущественными правами в рамках таких отношений.

Такая регламентация не должна приводить к безусловному отступлению от основополагающих принципов неотчуждаемости и непередаваемости личных неимущественных прав автора. В частности, представляется допустимой точка зрения о том, что писатель-призрак фактически реализует право на анонимность, а не совершает ничтожную сделку с неотчуждаемым правом авторства и правом автора на имя. Интерес представляет также позиция, при которой допускается отказ не от самого права, а от его осуществления при определенных условиях.

Литература

1. Братусь Д.А. Авторское право и древний Рим: Исторический фундамент этической концепции. М.: Статут, 2018. 288 с.
2. Братусь Д.В. Организационные авторские права. М.: Статут, 2022. 236 с.
3. Вольфсон В.Л. Моральные (личные неимущественные) права авторов в странах обще-

¹ Jankowska M. On the implications of the unalienability of the right of authorship for ghostwriting contracts // *Review of European and Comparative Law*. 2013. Vol. 18. P. 85.

² Jankowska M. *Op. cit.* P. 86.

го права и странах континентальной системы: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 217 с.

4. Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве: монография. М.: Проспект, 2021. 144 с.
5. Зайцева Н.В. Писатели-призраки как правовое явление: особенности и перспективы правового регулирования их деятельности // *Lex Russica*. 2021. Т. 74. № 5. С. 19–27.
6. Колесникова И.А. Академический гострайтинг – рынок имитации научно-образовательной активности // *Непрерывное образование: XXI век*. 2017. Вып. 2, № 18. С. 127–148.
7. Овчинников И.В. Личные неимущественные права автора на произведения науки, литературы и искусства: правовая природа и содержание: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 199 с.
8. Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. М.: Книга. 1990. 435 с.
9. Судариков С.А. Основы авторского права. Минск: Амалфея. 2000. 512 с.
10. Apostolos P. Can ghostwriting be considered consensual plagiarism? // *IDEA: The Law Review of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property*. 2023. Vol. 63, № 1. P. 67–83.
11. Stern S., Lemmens T. Legal Remedies for Medical Ghostwriting: Imposing Fraud Liability on Guest Authors of Ghostwritten Articles // *PLoS Med*. 2011. № 8(8). P. 1–5.
12. Jankowska M. On the implications of the unalienability of the right of authorship for ghostwriting contracts // *Review of European and Comparative Law*. 2013. Vol. 18. P. 77–92.
13. Robbins I. Ghostwriting: Filling in The Gaps of Pro Se Prisoners' Access to the Courts // *The Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2010. Vol. 23, № 2. P. 271–321.

CIVIL LAW ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF GHOSTWRITERS FROM THE PERSPECTIVE OF ABUSE OF THE AUTHOR'S MORAL RIGHTS

Batishchev I.R.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article discusses the phenomenon known as «ghostwriting», or the work of ghostwriters, i.e., the creation of a work on behalf of an interested party for a fee, followed by the publication of the work under the name of the customer or a well-known person specified by them, without indicating the name of the actual author, from the point of view of abuse of personal non-property rights. At present, there is no adequate legal regulation of this phenomenon in Russian legal system. At the same time, given the emergence of new areas in which ghostwriting is used (e.g., blogging), the relevance of its regulation is increasing. In order to study possible models of legal regulation of this phenomenon, the author also refers to foreign experience. Having examined cases of the use of ghostwriters, the author of the article provides examples of abuse of the author's moral rights by both the ghostwriter and the person named as the author of the work created by the ghostwriter. The author concludes that in some cases the use of ghostwriters should not be allowed, while in other cases it is advisable to consider the legal regulation of this phenomenon. Such regulation should comply with the fundamental principles of the inalienability and non-transferability of the author's moral rights.

Keywords: ghostwriters, ghostwriting, abuse of an author's moral rights, abuse of the right to a name, abuse of the right of authorship.

References

1. Bratus, D.A. Copyright and Ancient Rome: A Historical Foundation of the Ethical Concept. Moscow: Statut, 2018. 288 p.
2. Bratus, D.V. Organizational Copyright. Moscow: Statut, 2022. 236 p.
3. Wolfson, V.L. Moral (Personal Non-Property) Rights of Authors in Common Law Countries and Countries of the Continental System: Diss. ... Cand. Sci. (Law). St. Petersburg, 2006. 217 p.
4. Wolfson, V.L. Counteracting Abuse of Rights in Russian Civil Legislation: A Monograph. Moscow: Prospect, 2021. 144 p.
5. Zaitseva, N.V. Ghostwriters as a Legal Phenomenon: Features and Prospects of Legal Regulation of Their Activities // *Lex Russica*. 2021. Vol. 74, No. 5, pp. 19–27.
6. Kolesnikova, I.A. Academic Ghostwriting: A Market for Imitating Scientific and Educational Activity // *Continuous Education: 21st Century*. 2017. Vol. 2, No. 18, pp. 127–148.
7. Ovchinnikov, I.V. Personal Non-Property Rights of the Author to Works of Science, Literature, and Art: Legal Nature and Content: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2017. 199 p.
8. Simonov, K. Through the Eyes of a Man of My Generation: Reflections on Stalin. Moscow: Kniga. 1990. 435 p.
9. Sudarikov, S.A. Fundamentals of Copyright. Minsk: Amalfeya. 2000. 512 p.
10. Apostolos P. Can ghostwriting be considered consensual plagiarism? // *IDEA: The Law Review of the Franklin Pierce Center for Intellectual Property*. 2023. Vol. 63, No. 1. P. 67–83.
11. Stern S., Lemmens T. Legal Remedies for Medical Ghostwriting: Imposing Fraud Liability on Guest Authors of Ghostwritten Articles // *PLoS Med*. 2011. No. 8(8). P. 1–5.
12. Jankowska M. On the implications of the unalienability of the right of authorship for ghostwriting contracts // *Review of European and Comparative Law*. 2013. Vol. 18. P. 77–92.
13. Robbins I. Ghostwriting: Filling in The Gaps of Pro Se Prisoners' Access to the Courts // *The Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2010. Vol. 23, No. 2. P. 271–321.

Обстоятельства непреодолимой силы в цифровом секторе гражданского оборота: постановка проблемы

Буряков Вячеслав Сергеевич,

магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: buryakov.slava@yandex.ru

Клепикова Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru

В статье рассматривается трансформация института непреодолимой силы в условиях цифровизации гражданского оборота. Установлено появление специфических рисков в контексте расширения использования дистанционных форм заключения договоров, развития институтов цифровых активов и цифровых прав, связанных с киберугрозами. Проведен анализ судебной практики, на основе которого выявлено разграничение между сбоями программного обеспечения внутреннего характера и внешними обстоятельствами, относимыми к форс-мажору. Указывается, что современное правоприменение стремится исключить квалификацию кибератак как форс-мажора для участников IT-бизнеса, расценивая их как прогнозируемые и управляемые риски. Сделан вывод о недостаточной определенности действующего законодательства, чрезмерной зависимости от судебного усмотрения и необходимости уточнения легального определения непреодолимой силы, а также установления на нормативном уровне перечня событий, подлежащих квалификации как форс-мажор.

Ключевые слова: гражданское право, обязательственное право, непреодолимая сила, форс-мажор, гражданский оборот, цифровизация, цифровой сектор гражданского оборота, ограничение ответственности.

Период первой четверти XXI века характеризуется стремительным развитием информационных технологий, которые не могли не затронуть и функционирование гражданского оборота [1, С. 65–66]. В этой части следует отдельно выделить всемерное распространение дистанционного способа заключения договора с использованием сети Интернет, появление цифровых финансовых активов и законодательное закрепление их регулирования, узаконение цифровых прав. В этой связи, многие традиционные институты гражданского права, известные ещё со времён частного права Римской Республики, претерпевают определенные изменения, ориентируясь на особенности проявлений технического прогресса. Одним из таких институтов, безусловно, является непреодолимая сила.

Специфика трансформации гражданско-правового форс-мажора в условиях расширения цифровизации определяется, прежде всего, существованием и прогрессирующим ростом киберугроз. Как отмечает А.М. Султангареев, к киберугрозам, в частности, относят рассылку спама, фишинг, шпионские программы, вирусы, трояны [2, С. 25–28]. Одним из видов киберугроз является и кибератака. По мнению Г.А. Костюрина и Е.Ю. Хрусталева, кибератака – это «покушение на информационную безопасность компьютерной системы». Указанные авторы выделяют несколько форм кибератак:

- кибертерроризм, характеризующийся 1) наличием финансирования со стороны заинтересованных лиц, в том числе и образованиями публично-правового характера; 2) направленностью на слом нормальной работы объекта атаки либо на получение секретных сведений;
- киберрэккет, основным квалифицирующим признаком которого является цель – требование выкупа за возобновление нормальной работы объекта атаки либо за прекращение противоправного доступа субъекта атаки к чужим сведениям;
- бытовые кибератаки, представляющие собой мелкое мошенничество в общественных отношениях, осложненных цифровыми технологиями [3, С. 1188].

Среди последствий кибератак следует выделить репутационный ущерб, поскольку факт такой атаки формирует негативный образ атакованного лица, сотрудничество с которым небезопасно, и возникновение убытков, как в форме реального ущерба, так и упущенной выгоды, ввиду того, что атака информационных систем субъекта гражданско-правовых отношений имеет сво-

им следствием нарушение естественного течения и условий сложившихся деловых процессов, в результате чего хозяйственная эффективность атакованного лица ухудшается.

Необходимо обратить особое внимание на то, что организация и проведение кибератаки зачастую не оставляет следов, достаточный для идентификации правонарушителя. Ввиду этого обстоятельства взыскание убытков, причинённых таким правонарушением с делинквента в ряде случаев возможным не представляется. Во многом эти обстоятельства аналогичны тем, которые имели место в случае с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, ибо согласно одной из наиболее широко распространенных теорий происхождения данного вируса, он был создан в лабораторных условиях. В то же время, данная версия на текущий момент не имеет неопровержимых доказательств своей истинности, равно как и не представляется возможным установить конкретных лиц, которые несли бы в случае соответствия действительности данной гипотезы ответственность за последствия своего правонарушения.

Кроме того, отношения в сфере цифровых прав, как и прочие, осложнены системами санкционного давления. Вводимые, в частности против России как государства, против её физических и юридических лиц недружественными странами направлены на ограничение хозяйственной деятельности, ввиду чего нередки случаи, когда таковые рестрикции приводили к невозможности исполнения контрактов.

Стабильность гражданского оборота обязывает законодателя и правоприменителей адекватно реагировать на события и (или) явления действительности, во имя чего существующий в гражданском законодательстве институт непреодолимой силы обеспечивают защиту контрагента при форс-мажорных обстоятельствах. В соответствии с пунктом 3 статьи 401 ГК РФ если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

На текущий момент судебная практика в РФ по анализируемой проблематике в полной мере не сформировалась. Однако, имеются отдельные заслуживающие внимания позиции судебных инстанций. Так, в п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015, указано, что сбой программного обеспечения, не являющийся следствием непреодолимой силы, не освобождает обязанное лицо (применительно к анализируемому казусу – банк) от ответственности перед контрагентом [4]. Аналогичной позиции ВС РФ придерживается и поныне, что отражено, например в определении Верховно-

го Суда РФ от 02.04.2024 N 46-КГ24–1-К6 [5]. Следует согласиться с данным суждением Верховного Суда РФ, поскольку оно предполагает установление причин сбой программного обеспечения для целей применения нормы п. 3 ст. 401 ГК РФ, так как в случае, если таковые носят внешний характер, то они должны быть квалифицированы как форс-мажор, тогда как внутренний говорит о вине в форме неосторожности самого участника гражданского оборота. Это согласуется с точкой зрения Е.А. Павлодского, который считал, что внешняя природа есть важнейший признак непреодолимой силы. Суть данного признака сводится к тому, что непреодолимая сила не находится в сфере деятельности должника, а её причины не имеют основания в таковой деятельности. Совершенно справедливо, на наш взгляд, О.В. Дмитриева находит данный признак определяющим в вопросе ограничения безвиновной ответственности должника, поскольку обстоятельства, могущие возникнуть в сфере контроля должника, хотя бы они являлись чрезвычайными и непредотвратимыми, представляют, по нашему мнению, зону его ответственности [6, С. 116]. Е.А. Павлодский полагал, что с учетом иных признаков непреодолимой силы, внешний её характер является фактором, позволяющим отграничить её от категории случая [7, С. 58].

Следует отметить, что наиболее новая судебная практика стоит на позиции максимального учёта контекста современных условий гражданского оборота, при которых проблемы в области обеспечения функционирования, в частности, веб-сайта, в том числе являющиеся последствиями правонарушений кибератак третьих лиц, относятся к категории управляемых, прогнозируемых и характерных для ведения бизнеса в области информационных технологий рисков [8]. Следовательно, указанные проблемы и кибератаки не могут рассматриваться в качестве форс-мажорных обстоятельств для профессионального участника гражданского оборота в области телекоммуникаций и ИТ. Полагаем, что данная позиция является обоснованной, учитывающей наиболее полно признак непредотвратимости в контексте возможности участника гражданского оборота в сфере ИТ принять все возможные меры к недопущению негативного воздействия хакерской атаки на выполнение гражданских обязательств.

В то же время, количество событий, которые могут быть квалифицированы в качестве непреодолимой силы в цифровом секторе гражданского оборота, неуклонно растёт. Так, в 2025 году криптобиржа Garantex сообщила о блокировке цифрового актива USDT на сумму 2,5 млрд рублей на электронных криптокошельках, кастодианом которых была названная биржа [9]. Меры, фактически аналогичные санкционным, привели к тому, что Garantex с момента блокировки не имеет возможности в полном объеме оказывать услуги в соответствии с Пользовательским соглашением. Полагаем, что таковая невозможность безусловна должна квалифицироваться как возникшая в результате форс-мажора.

Отметим, что судебная практика на текущий момент чаще идёт по пути квалификации невозможности исполнения вследствие иностранных санкций как обусловленную непреодолимой силой [10]. Это качественный и весьма положительный сдвиг в направлении обеспечения эффективной защиты прав и справедливости правопорядка в сравнении с позицией судов, которая превалировала в 2014–2022 гг., когда экономические санкции против российских участников гражданского оборота либо их контрагентов не рассматривались в качестве форс-мажора и считались формой предпринимательского риска. Впрочем, указанная практика охватывает собой, главным образом, общественные отношения, которые возникли до начала проведения Специальной военной операции 24 февраля 2022 года. Ужесточение санкционного давления на РФ в контексте отношений, возникших позднее указанной даты, как правило, не квалифицируются в качестве обстоятельств непреодолимой силы со ссылкой на возможность сторонами гражданских правоотношений предвидения невозможности надлежащего исполнения ввиду этих обстоятельств [11].

Тем не менее, полагаем, что институт непреодолимой силы в его нынешнем виде не готов к тем вызовам, которые возникают как в связи с динамикой внешнеполитических событий, так и с усложнением самого гражданского оборота, появлением новых объектов гражданских прав. Это обусловлено чрезмерной неопределенностью института, слишком высокой ролью судейского усмотрения при правовой квалификации спорных правоотношений. Исходя из данного обстоятельства, необходимо уточнить легальное определение непреодолимой силы, чётко определить составляющие его признаки, установить на уровне Постановления Правительства РФ перечень событий (действий), квалифицируемых как непреодолимая сила. Указанные меры позволят стабилизировать гражданский оборот, предоставив его участникам большую уверенность в правовых последствиях тех или иных событий (действий), что положительно скажется на инвестиционной привлекательности РФ, эффективности работы судов и защите прав граждан.

Литература

1. Севостьянов В.В., Минеев О.А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития // *Legal Concept*. 2022. № 1. С. 64–69.
2. Султангареев А.М. Безопасность в сети интернет и методы борьбы с киберугрозами // *Умная цифровая экономика*. 2023. Т. 3. № 1. С. 25–28.
3. Хрусталёв Е.Ю., Костюрин Г.А. Киберугрозы: причины возникновения и рекомендации по предупреждению // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15, № 6. С. 1185–1194.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/15147/> (дата обращения: 08.09.2025).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.04.2024 N 46-КГ24–1-К6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2025).
6. Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 164 с.
7. Павлодский Е.А. Случай и непреодолимая сила в гражданском праве // *Избранное / Составители: канд. юрид. наук Ю.Н. Кашеварова, канд. юрид. наук М.Л. Шелютто*. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 160 с.
8. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 01.06.2025 по делу № А56–85885/2024 // Картотека Арбитражных Дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).
9. Криптовалюта Garantex сообщила о блокировке 2,5 млрд рублей на кошельках // *Журнал «Эксперт»*. URL: <https://expert.ru/news/kriptobirzhagarantex-soobshchila-o-blokirovke-2-5-mlrd-rublej-na-koshelkakh/> (дата обращения: 08.09.2025).
10. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2024 N 12АП-3283/2024 по делу N А12–4231/2023 // Картотека Арбитражных Дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).
11. Решение Арбитражного суда Чукотского автономного округа от 20.09.2024 по делу N А80–358/2024 // Картотека Арбитражных Дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

FORCE MAJEURE CIRCUMSTANCES IN THE DIGITAL SECTOR OF CIVIL CIRCULATION: PROBLEM STATEMENT

Buryakov V.S., Klepikova O.G.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article examines the transformation of the doctrine of force majeure in the context of the digitalization of civil transactions. It identifies specific risks arising from the increased use of remote forms of contract conclusion and the development of digital asset and digital rights institutions associated with cyber threats. An analysis of judicial practice has been conducted, on the basis of which a distinction has been made between internal software failures and external circumstances attributable to force majeure. It is pointed out that modern legal practice seeks to exclude the classification of cyberattacks as force majeure for IT business participants, considering them to be predictable and manageable risks. The conclusion is made that the current legislation is insufficiently clear, overly dependent on judicial discretion, and that there is a need to clarify the legal definition of force majeure, as well as to establish at the regulatory level a list of events that qualify as force majeure.

Keywords: civil law, contract law, an act of God, force majeure, civil turnover, digitalization, digital sector of civil turnover, limitation of liability.

References

1. Sevostyanov V.V., Mineev O.A. Digitalization of Civil Circulation in the Context of the Digital Socioeconomic Paradigm: Main Problems and Development Prospects // Legal Concept. 2022. No. 1. pp. 64–69.
2. Sultangareev A.M. Internet Security and Methods of Combating Cyber Threats // Smart Digital Economy. 2023. Vol. 3. No. 1. pp. 25–28.
3. Khrustalev E.Yu., Kostyurin G.A. Cyber Threats: Causes and Recommendations for Prevention // National Interests: Priorities and Security. 2019. Vol. 15, No. 6. pp. 1185–1194.
4. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2015), approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, June 26, 2015 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/practice/15147/> (accessed on September 8, 2025).
5. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, April 2, 2024, No. 46-KG24–1-K6 // SPS “ConsultantPlus” (accessed on September 8, 2025).
6. Dmitrieva, O.V. Liability without fault in civil law: a textbook for universities. – Moscow: Yurait Publishing House, 2023. – 164 p.
7. Pavlowsky, E.A. Chance and Force Majeure in Civil Law // Selected Works / Authors: Cand. Jurid. Yu.N. Kashevarova, Ph.D. Jurid. M.L. Shelyutto. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. – 160 p.
8. Decision of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated June 1, 2025, in case No. A56–85885/2024 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (date accessed: September 8, 2025).
9. Cryptocurrency exchange Garantex reported the blocking of 2.5 billion rubles in wallets // Expert Magazine. URL: <https://expert.ru/news/kriptobirzha-garantex-soobshchila-o-blokirovke-2-5-mlrd-rublej-na-koshelkakh/> (accessed: 09/08/2025).
10. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated 07/08/2024 No. 12AP-3283/2024 in case No. A12–4231/2023 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: 09/08/2025).
11. Decision of the Arbitration Court of the Chukotka Autonomous Okrug dated 09/20/2024 in case No. A80–358/2024 // Arbitration Case File. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed: 09/08/2025).

Вопросы совершенствования регулирования привлечения денежных средств посредством онлайн-платформ

Вихров Алексей Александрович,

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Целью работы является изучение действующих нормативных правовых актов, регулирующих деятельность в сфере привлечения денежных средств с помощью онлайн-платформ, для выявления необходимых изменений, направленных на улучшение положения участников отношений в данной сфере и повышения эффективности ее регулирования. Для достижения указанной цели проводится анализ правовых актов, регулирующих вопросы финансирования с помощью онлайн-платформ, исследуются особенности регулирования и приводятся примеры отдельных механизмов регулирования данной сферы в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. Результатом исследования является выдвижение предложений для совершенствования правового регулирования сферы привлечения денежных средств с помощью онлайн-платформ. Достижение данного результата позволяет сделать вывод о том, что законодательство Российской Федерации о привлечении денежных средств посредством онлайн-платформ возможно усовершенствовать, в том числе путем использования зарубежного опыта.

Ключевые слова: привлечение денежных средств, краудфандинг, инвестиции, онлайн-платформы, инвестиционные платформы.

Развитие механизмов привлечения денежных средств с помощью онлайн-платформ связано с технологическим развитием общества и появлением возможности аккумулировать денежные средства для достижения какой-либо цели посредством направления предложения внести свои средства как можно более широкому кругу лиц посредством Интернета. Данное явление получило в международной практике название «краудфандинг».

Краудфандинг является новым инструментом финансирования коммерческой и некоммерческой деятельности, который получил свое развитие с цифровизацией экономики. В связи с тем, что рост объемов краудфандинга начался только в конце первого – начале второго десятилетия XXI века, его регулирование ранее отсутствовало как в России, так и в других странах.

Первые законодательные акты, регулирующие сферу краудфандинга, появились в начале второго десятилетия XXI века. 5 апреля 2012 г. в США был принят Закон о бизнес-стартапах (Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act) [1]. В частности, данным актом устанавливаются:

- требования к сделкам с помощью онлайн-платформ;
- требование о регистрации лица, содействующего привлечению денежных средств, в американской Комиссии по ценным бумагам и биржам (далее – Комиссия) в качестве брокера или портала финансирования;
- требования к лицам, привлекающим денежные средства, в части предоставления информации о своей деятельности не только инвесторам и брокерам или онлайн-платформам финансирования, но и Комиссии;
- особенности предъявления исков инвесторами по отношению к лицам, привлекающим денежные средства;
- специальное регулирование по отношению к онлайн-платформам финансирования, функционирующим в США.

Видится важным возложение на онлайн-платформы финансирования обязанности по размещению обучающей информации для инвесторов. Например, в Российской Федерации аналогичная обязанность отсутствует.

В Европейском союзе регулирование сферы краудфандинга появилось позднее, нежели в США.

7 октября 2020 г. был принят Регламент о европейских поставщиках краудфандинговых услуг для бизнеса (Regulation (EU) 2020/1503 of the European Parliament and of the Council of 7 October 2020 on European crowdfunding service providers for busi-

ness, and amending Regulation (EU) 2017/1129 and Directive (EU) 2019/1937) (далее – Регламент) [2]. Регламентом устанавливаются основы регулирования сферы краудфандинга на территории Европейского союза. В данном Регламенте указывается на факт самостоятельного развития правового регулирования в отдельных странах Европейского союза, что повлекло за собой необходимость установления общих основ регулирования данной сферы.

Следует сказать, что в Регламенте устанавливаются основные понятия, используемые при установлении регулирования сферы краудфандинга. В частности, под услугой краудфандинга понимается «сопоставление интересов инвесторов и владельцев проектов в области финансирования бизнеса посредством использования краудфандинговой платформы» [2].

Согласно Регламенту операторы краудфандинговых платформ могут предлагать краудфандинговые проекты отдельным инвесторам на основе одного или нескольких конкретных параметров или индикаторов риска, таких как тип или сектор деловой активности или кредитный рейтинг, которые были заранее сообщены оператору инвестором. При этом предоставление данных рекомендаций следует организовывать с учетом обязанности операторов краудфандинговых платформ оставаться нейтральными в отношении краудфандинговых проектов, а также не предоставлять преимущество какому-либо проекту, размещенному на их платформе.

В Регламенте также указывается на необходимость предоставлять неопытным инвесторам «период охлаждения», в течение которого возможно отозвать предложение об инвестировании или выражение заинтересованности в конкретном краудфандинговом предложении без объяснения причин и без наложения штрафа.

В Российской Федерации соответствующий законодательный акт был принят в 2019 году. Данным актом является Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о привлечении инвестиций) [3].

Закон о привлечении инвестиций не содержит непосредственно понятие «краудфандинг». В то же время в статье 2 данного акта содержатся в том числе понятия инвестиционной платформы, инвестиций и деятельности по организации привлечения инвестиций. Пунктом 3 части 1 статьи 2 Закона о привлечении инвестиций установлено: «деятельность по организации привлечения инвестиций – оказание услуг по содействию в инвестировании и услуг по привлечению инвестиций с использованием инвестиционной платформы» [3].

Помимо общих положений, Закон о привлечении инвестиций определяет правовой статус оператора инвестиционной платформы, порядок и условия инвестирования с использо-

ванием инвестиционной платформы, а также нормы, относящиеся к регулированию деятельности по организации привлечения инвестиций, контролю и надзору за деятельностью по организации привлечения инвестиций. В указанном законе определяются полномочия Банка России в данной сфере, а также предусматривается создание реестра операторов инвестиционных платформ, ведение которого осуществляет Банк России.

Ведение реестра операторов инвестиционных платформ регулируется Указанием Банка России от 4 декабря 2019 г. № 5342-У «О порядке ведения реестра операторов инвестиционных платформ» (зарегистрировано Минюстом России 10 января 2020 г., регистрационный № 57116). Данное Указание определяет перечень сведений об операторах, включаемых в данный реестр, требования к заявлению и комплекту документов, направляемых в Банк России для включения в реестр, способы направления указанных заявления и документов, а также порядок внесения изменений в сведения, содержащиеся в реестре, с учетом различных обстоятельств.

Кроме того, операторам инвестиционных платформ предоставляются субсидии в целях компенсации части затрат на обеспечение доступа к платформе для коллективного инвестирования. Правила предоставления таких субсидий утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 1898 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку российских организаций в целях компенсации части затрат на обеспечение доступа к платформе для коллективного инвестирования» [4].

При этом особое внимание в актах законодательства Российской Федерации, США и Европейского союза уделяется защите прав инвесторов. В США и ЕС, как было указано ранее, предусматриваются некоторые обязанности операторов краудфандинговых платформ, направленные на содействие потенциальным инвесторам для совершения инвестиций. В то же время в законодательстве Российской Федерации такие положения отсутствуют.

Проанализировав вышеуказанные акты, также необходимо сделать вывод о том, что специальное регулирование краудфандинга распространяется только на отдельные его виды.

Различными российскими и зарубежными авторами предлагаются разные классификации краудфандинга.

Так, Стивен Бредфорд в 2012 году предложил разделить краудфандинг на следующие виды: благотворительная модель, модель вознаграждения, модель предварительного приобретения, модель кредитования (она же краудлендинг) и модель инвестирования (она же краудинвестинг), при этом также отмечается, что на одной платформе сочетаются более одного вида [5, Р. 5].

Некоторые авторы, помимо классификации краудфандинга, осуществляют и классификацию его отдельных видов. Краудлендинг, например, делят на 3 вида: P2P (Peer-to-Peer) – предоставление займа физическим лицам от частных кредиторов, P2B (Peer-to-Business) – предоставление займа юридическим лицам от частных кредиторов, B2B (Business-to-Business) – предоставление займа юридическим лицам от юридических лиц [6, С. 47].

Некоторыми исследователями отмечается, что краудинвестинг разделяется на две модели: капитальное вложение и одноранговое кредитование [7, С. 59].

Помимо приведенной выше классификации, краудфандинг по основанию, зависящему от того, получает ли вкладчик что-либо за предоставление средств (на основании чего проводил свою классификацию Бредфорд), делит на следующие виды:

- без вознаграждения (она же благотворительная модель);
- с вознаграждением, который делится на краудинвестинг, краудлендинг и краудревординг (получение вознаграждения инвестором в виде продукта либо доступа к услугам, осуществляемым лицом, привлекающим средства) [8, С. 80].

Кроме того, в литературе встречается классификация краудфандинга, основанная на лежащих в его основе договорных правоотношениях. Так, С.П. Саяпин считает, что двумя основными формами краудфандинговых правоотношений являются коммерческая и некоммерческая формы [9, С. 30–31].

Некоторые авторы делят краудфандинг только на краудинвестинг и краудлендинг [10, С. 110].

Таким образом, краудфандинг обладает многообразием своих форм, в то время как законодательное регулирование данного механизма установлено только в отношении его отдельных коммерческих форм.

Возникает проблема отсутствия регулирования некоммерческих форм краудфандинга.

При этом к возможному введению регулирования некоммерческих форм краудфандинга следует подходить с осторожностью, поскольку многие социально ориентированные организации используют механизм краудфандинга для сбора средств. Излишнее регулирование деятельности данных организаций, которое заключается в том числе в установлении новых видов отчетности, может негативным образом сказаться на их деятельности.

Таким образом, видится возможным рассмотреть вопрос об использовании зарубежных механизмов, направленных на содействие инвесторам в осуществлении инвестиций (например, обязать инвестиционные платформы размещать обучающие материалы либо разрабатывать алгоритмы, предлагающие предоставить свои денежные средства исходя, например, из их статуса, интересов, кредитного рейтинга).

В то же время отсутствие регулирования некоммерческих форм краудфандинга не должно вызы-

вать проблем при непосредственном правоприменении.

Литература

1. Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act // U.S. Securities and Exchange Commission: сайт. – URL: <https://www.sec.gov/rules-regulations/jumpstart-our-business-startups-jobs-act>. – Дата обращения: 13.04.2025.
2. Regulation (EU) 2020/1503 of the European Parliament and of the Council of 7 October 2020 on European crowdfunding service providers for business, and amending Regulation (EU) 2017/1129 and Directive (EU) 2019/1937 // EU-law – EUR-lex: сайт. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R1503>. – Дата обращения: 13.04.2025.
3. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 31. – Ст. 5018.
4. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку российских организаций в целях компенсации части затрат на обеспечение доступа к платформе для коллективного инвестирования: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 1898 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912300106>. – 30.12.2019. – Дата обращения: 13.04.2025.
5. C. Steven Bradford. Crowdfunding and the Federal Securities Laws / C. Steven Bradford. – Columbia Business Law Review, Vol. 2012, 2012. – P. 14.
6. Пашковская И.В. Краудлендинговые операции: основные модели и перспективы развития / И.В. Пашковская // Вестник евразийской науки. – 2018. – № 3. – С. 47.
7. Шальнева М.С., Цицикиев М.М. Краудинвестинг как альтернативный источник финансирования коммерческих организаций / М.С. Шальнева, М.М. Цицикиев // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 6–2. – С. 59.
8. Папаскуа Г.Т. Краудфандинг: понятие, виды и риски / Г.Т. Папаскуа // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7 (128). – С. 80.
9. Саяпин С.П. Виды гражданско-правовых отношений в сфере коллективного финансирования (краудфандинга) / С.П. Саяпин // Юридическая наука. – 2019. – № 7. – С. 30–31.
10. Дробышевская Л.Н., Саляхутдинов Д.К. Краудфандинг как альтернативный механизм инвестирования физических лиц / Л.Н. Дробышевская, Д.К. Саляхутдинов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 11–1. – С. 110.

ISSUES OF IMPROVING THE REGULATION OF RAISING FUNDS THROUGH ONLINE PLATFORMS

Vikhrov A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,

The purpose of this work is to study the current regulatory legal acts regulating activities in the field of raising funds through online platforms in order to identify the necessary changes aimed at improving the situation of participants in relations in this area and increasing the effectiveness of its regulation. To achieve this goal, an analysis of legal acts regulating financing through online platforms is carried out, regulatory features are investigated and examples of individual regulatory mechanisms in the Russian Federation and some foreign countries are given. The result of the study is to put forward proposals for improving the legal regulation of the sphere of raising funds through online platforms. Achieving this result allows us to conclude that the legislation of the Russian Federation on raising funds through online platforms can be improved, including through the use of foreign experience.

Keywords: raising funds, crowdfunding, investments, online platforms, investment platforms.

References

1. Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act // U.S. Securities and Exchange Commission: website. – URL: <https://www.sec.gov/rules-regulations/jumpstart-our-business-startups-jobs-act>. – Date of access: 13.04.2025.
2. Regulation (EU) 2020/1503 of the European Parliament and of the Council of 7 October 2020 on European crowdfunding service providers for business, and amending Regulation (EU) 2017/1129 and Directive (EU) 2019/1937 // EU-law – EUR-lex: website. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX-?uri=CELEX%3A32020R1503>. – Date of access: 13.04.2025.
3. On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 31. – Art. 5018.
4. On approval of the Rules for providing subsidies from the federal budget for state support of Russian organizations in order to compensate for part of the costs of ensuring access to the platform for collective investment: Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2019 No. 1898 // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). – <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912300106>. – 12/30/2019. – Date of access: 04/13/2025.
5. C. Steven Bradford. Crowdfunding and the Federal Securities Laws / C. Steven Bradford. – Columbia Business Law Review, Vol. 2012, 2012. – P. 14.
6. Pashkovskaya I.V. Crowdlending Operations: Main Models and Development Prospects / I.V. Pashkovskaya // Bulletin of Eurasian Science. – 2018. – No. 3. – P. 47.
7. Shalneva M.S., Tsitsikiyev M.M. Crowdfunding as an Alternative Source of Financing for Commercial Organizations / M.S. Shalneva, M.M. Tsitsikiyev // Economy and Business: Theory and Practice. – 2019. – No. 6–2. – P. 59.
8. Papascua G.T. Crowdfunding: Concept, Types, and Risks / G.T. Papascua // Current Issues of Russian Law. – 2021. – No. 7 (128). – P. 80.
9. Sayapin S.P. Types of civil law relations in the field of collective financing (crowdfunding) / S.P. Sayapin // Legal science. – 2019. – No. 7. – P. 30–31.
10. Drobyshevskaya L.N., Salyakhutdinov D.K. Crowdfunding as an alternative mechanism for investing individuals / L.N. Drobyshevskaya, D.K. Salyakhutdinov // Economy and business: theory and practice. – 2022. – No. 11–1. – P. 110.

Правовой режим самовольной постройки: материальные и процедурные аспекты

Вронская Мария Владимировна,

канд.юрид.наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владивостокский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВВГУ»)
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

В настоящей статье осуществлен комплексный анализ правового режима самовольных построек в Российской Федерации с выделением специфики признания права собственности и процедур их легализации. Исследование охватывает как судебные, так и внесудебные механизмы узаконения, выявляя при этом существующие пробелы и правовую неопределённость, обусловленные частыми изменениями российского законодательства. Особое внимание уделено критериям, влияющим на судебные решения, включая добросовестность владельцев, наличие разрешительной документации, а также соответствие объектов строительным нормам и градостроительным требованиям. Рассмотрены основания для осуществления сноса самовольных построек и условия, при которых суды могут отказать в иске о сносе. Автор акцентирует значимость модернизации нормативно-правовой базы и институционализации процедур внесудебной легализации как ключевых факторов повышения прозрачности гражданского оборота и усиления защиты прав его субъектов.

Выводы статьи направлены на поиск баланса между упрощением правоприменительных процедур и соблюдением норм безопасности, способствующего упорядоченному развитию градостроительной сферы и обеспечению устойчивой защиты прав всех участников правоотношений в сфере недвижимости.

Ключевые слова: самовольная постройка; правовой режим; право собственности; недвижимое имущество; правовые проблемы; внесудебный порядок; легализация.

Основная часть

Самовольная постройка представляет собой сложное правовое и социальное явление, находящееся на пересечении интересов как государства, так и частных лиц, получившее свое легальное закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ГК РФ), в частности в статье 222 [1]. В соответствии с данной статьей, самовольной постройкой считается здание, сооружение или иное строение, которое было возведено на земельном участке без соблюдения установленных законом процедур, а равно, в случаях, когда земельный участок не был предоставлен в установленном порядке, или его разрешенное использование не допускает строительство данного объекта.

Законодательное определение самовольной постройки позволяет выделить квалифицирующие признаки, которые необходимо учитывать при судебных разбирательствах, связанных с признанием прав собственности на такие объекты или их сносом. Во-первых, самовольно возведенный объект должен относиться к недвижимому имуществу, а это означает, нахождение признаков капитальности и неразрывной связи с землей. Во-вторых, возведенная постройка нарушает принцип целевого назначения земельного участка, на котором осуществлялось строительство, и в-третьих, при возведении самовольного объекта имеют место нарушения строительных и градостроительных норм и правил, которые были допущены при отсутствии надлежащих документов на строительство. [2, с. 27].

При этом следует иметь в виду, что самовольные постройки могут возникать не только в результате недобросовестных действий граждан, но и по причине недостатков в законодательстве или неэффективности административных процедур. В ряде случаев лица могут иметь искажённое представление о легитимности своих действий, обусловленное ограниченным доступом к информации о необходимых разрешительных процедурах и высокой степенью сложностного институционального регулирования согласований. Данная ситуация акцентирует необходимость систематического правового просвещения и повышения уровня доступности официальной информации для обеспечения эффективной юридической компетенции граждан. В этой связи, полагаем прогрессивным, изменения редакции ст. 222 ГК РФ, положения которой определяют в каждом случае при рассмотрении спора о законности возведения постройки, устанавли-

вать субъективный критерий добросовестности лица, осуществившего постройку. В частности, знал, и мог ли знать последний о действии ограничений в отношении земельного участка, на котором осуществлялось строительство, а равно, соответствуют ли требования, предъявляемые к строительству на дату выявления постройки тем, которые существовали на момент начала возведения постройки.

Правовыми последствиями самовольного строительства выступают требования заинтересованных лиц и (или) уполномоченных государственных органов о сносе самовольной постройки или приведении ее в соответствие первоначальным ориентирам (при реконструкции объекта недвижимости). В судебной практике часто возникают споры о праве собственности на такие объекты. Судебные органы рассматривают каждый случай индивидуально, принимая во внимание все обстоятельства, включая добросовестность владельца, наличие или отсутствие разрешений, а также возможные последствия для третьих лиц [3, с. 28].

Гражданское законодательство содержит два основных последствия возведения самовольной постройки, каждая из которых имеет особый порядок их применения – судебный, и предполагает осуществление ряда процессуальных и процедурных действий всех заинтересованных лиц. Судебный порядок легализации самовольной постройки представляет собой сложный и многоступенчатый процесс. Он используется в тех случаях, когда лицо не смогло получить разрешение на строительство по каким-либо причинам, например, из-за отсутствия необходимых документов или несоответствия проектной документации действующим нормам. Важно отметить, что суд может признать право собственности на самовольную постройку только в том случае, если будет доказано, что строительство не нарушает права третьих лиц и не создает угрозу для окружающей среды. Это означает, что в процессе судебного разбирательства необходимо учитывать интересы собственников смежных земельных участков и объектов недвижимости и другие факторы, которые могут повлиять на решение суда. В этой связи, расширение законодательных оснований по применению внесудебного порядка легализации самовольных построек, позволило бы упростить процедуру признания права собственности на самовольные постройки за добросовестными лицами [4, с. 58]. В этом контексте следует отметить, что действующая редакция ч. 4 ст. 222 ГК РФ содержит лишь основания и порядок административного порядка сноса, но не признания самовольных построек, что следует пересмотреть в порядке совершенствования правового режима самовольных построек.

Однако в настоящий момент внесудебный порядок установлен в ограниченных случаях, а сама ст. 222 ГК РФ содержит правила, определяющие применение такого порядка к внесудебному сносу, а не узаконению самовольных построек.

В большинстве случаев легализация самовольных построек осуществляется именно через суд,

так как внесудебный порядок не всегда активно применяется, что создает правовую неопределенность. К тому же, законодательные акты, регулирующие вопросы самовольного строительства, часто подвергаются изменениям, что также усложняет процесс легализации. Например, в некоторых регионах могут действовать специальные нормы в области земельных или градостроительных правил, которые не всегда согласуются с федеральным законодательством, что приводит к ситуации, когда одни и те же действия могут оцениваться по-разному в зависимости от места их совершения [5, с. 29].

Согласно последним изменениям в законодательстве, органы местного самоуправления получили больше полномочий в вопросах легализации самовольных построек. Данные изменения направлены на упрощение процедуры, однако на практике часто возникает бюрократическая волокита, и многие владельцы самовольных построек сталкиваются с отказами в легализации, даже если формально все условия для этого соблюдены [6, с. 59]. Отсюда следует, что законодательство о самовольных постройках нуждается в дальнейшей доработке и уточнении. Для достижения эффективной легализации самовольных построек необходимо создать четкие и прозрачные механизмы, которые позволят избежать правовой неопределенности и защитить интересы всех сторон. Это, в свою очередь, будет способствовать улучшению ситуации на рынке недвижимости и повышению доверия граждан к государственным органам. В связи с чем положительным, как нам представляется, может выступать предложение, diskutируемое в научной среде, относительно обязательного участия прокуратуры по спорам о сносе/признании права собственности, что особенно актуально для требований о сносе самовольной постройки по заявлению органов местного самоуправления и других представителей органов власти, поскольку позволит обеспечить в судебном процессе баланс частных и публичных интересов.

В случае выявления факта самовольного строительства уполномоченный орган государственного надзора обладает правом обращения в судебный орган с иском о сносе соответствующего объекта недвижимости. Данное требование может предусматривать как полное устранение самовольной постройки, так и восстановление её характеристик к изначально утвержденным параметрам проектной документации. Как правило, основания для предъявления иска о сносе возникают при условии, что строительство осуществлено на основании выданного разрешения, однако объект не был введен в эксплуатацию в установленном порядке. Такая ситуация имеет место, например, когда значительная часть здания выходит за границы нормативно установленных зон допустимого размещения, что противоречит градостроительным регламентам. В частности, если объект был запроектирован в границах жилой функциональной зоны, но фактическое размещение его ча-

сти приходится на территории, предназначенные для общественных нужд или озеленённых зон, это создает правовую основу для возбуждения искового производства о принудительном сносе.

Также стоит отметить, что даже если объект был надлежаще введен в эксплуатацию, он может оказаться в зоне с особыми условиями использования территорий (ЗООИТ). Это может быть связано с тем, что на данной территории существуют ограничения, касающиеся строительства, например, вблизи охраняемых природных зон, исторических памятников или объектов культурного наследия. В таких случаях, если постройка не соответствует установленным требованиям, контролирующий орган также имеет право обратиться в суд для решения вопроса о сносе или реконструкции объекта [7, с. 101].

В соответствии с действующим законодательством, в частности, статьей 222 ГК РФ, существует несколько оснований, по которым суд может отказать в удовлетворении иска о сносе самовольной постройки [8].

Во-первых, если у собственника есть разрешительная документация на строительство или реконструкцию оспариваемого объекта, это может стать весомым аргументом в защиту его прав. Разрешение на строительство является официальным документом, который подтверждает законность возведения здания и его соответствие установленным нормам и правилам. Это может быть как разрешение на новое строительство, так и на реконструкцию существующего объекта.

Во-вторых, если реконструкция не проводилась, но площадь объекта увеличилась в результате перепланировки или капитального ремонта, это также может служить основанием для отказа в сносе. Важно понимать, что перепланировка и капитальный ремонт могут не требовать получения нового разрешения, если они не затрагивают несущие конструкции и не изменяют функциональное назначение объекта.

При этом объекты, возведенные до 1995 года, также могут быть защищены от сноса. Согласно действующему законодательству, статья 222 ГК РФ применяется только к постройкам, возведенным после 1 января 1995 года.

Таким образом, если объект был построен до этой даты, он не может быть признан самовольным в силу прямого предписания закона. Если же указанные обстоятельства отсутствуют, существует возможность защиты прав собственника путем обоснования того, что объект не создает угрозу жизни и здоровью граждан. В таких случаях суд может учесть факторы, касающиеся безопасности эксплуатации здания, его соответствие санитарным нормам и требованиям пожарной безопасности. Нельзя забывать о сроках исковой давности, которые также могут служить основанием для отказа в иске о сносе [2, с. 56]. При этом важным является также учет ввода в эксплуатацию объекта, что может поставить под сомнение, обоснованность требований о его сносе и квалификации в ка-

честве самовольной постройки, что подтверждается арбитражной практикой [9].

Таким образом, при рассмотрении иска о сносе самовольной постройки необходимо учитывать множество юридических факторов, включая наличие разрешительных документов, дату возведения постройки, безопасность объекта и соблюдение сроков исковой давности.

Наряду с вышеизложенным, одним из юридически значимых условий рассмотрения вопроса о признании права на самовольную постройку является установление отсутствия условий для угрозы жизни и здоровью граждан сохранением постройки. В таких делах первостепенным доказательственным значением выступает судебная экспертиза, которая позволяет оценить безопасность объекта. Эксперты, проводящие такую экспертизу, исследуют различные аспекты, включая соответствие строительным нормам и правилам, а также соблюдение противопожарных требований. Например, если размеры ступеней лестниц в здании не соответствуют стандартам, это может создать потенциальную угрозу для пользователей, особенно в экстренных ситуациях, когда необходимо быстро покинуть помещение. При этом результаты судебной экспертизы могут быть оспорены. Одним из способов является вызов эксперта в суд для дачи пояснений по его заключению, ходатайствовать о назначении повторной или дополнительной экспертизы. Это особенно актуально, если возникли новые обстоятельства или если первоначальная экспертиза была проведена с нарушениями. Дополнительная экспертиза может быть инициирована для выяснения возможности устранения выявленных нарушений. Например, эксперты могут оценить, возможно ли привести объект в соответствие с нормами безопасности, что позволит избежать угрозы для жизни и здоровья граждан.

При этом, такие решения принимаются на основе тщательного анализа, и суд может учитывать рекомендации экспертов при вынесении решения. Ключевым моментом в таких делах является определение капитальности объекта. Если суд установит, что строение не является капитальным, то зарегистрированное право на него может быть признано отсутствующим, что, в свою очередь, не может привести к сносу объекта. Капитальность здания определяется по ряду критериев, включая его прочность, долговечность и конструктивные особенности. Если объект не отвечает этим критериям, он может быть признан самовольным и подлежащим сносу.

Таким образом, судебная экспертиза играет центральную роль в процессе, определяя как правовую судьбу самовольных построек, так и обеспечение безопасности граждан. Судебные решения в таких делах основываются на комплексной оценке всех обстоятельств, что подчеркивает важность квалифицированного подхода к проведению экспертиз и анализа представленных доказательств [10].

Заключение

Правовой институт самовольных построек в Российской Федерации на протяжении всей истории своего развития подвергался существенным трансформациям, отражающим динамическое изменение нормативно-правовых подходов, колеблющихся между либеральными моделями регулирования и более жёсткими, карательными методами правового воздействия.

В прошлом существовали попытки узаконивания самовольных построек, что позволяло гражданам приобретать право собственности на такие объекты, однако впоследствии законодательство стало более императивным, ограничивая возможности легализации самовольных строений и рассматривая их, как исключительные случаи. Ранее право собственности на самовольную постройку могло быть признано только за теми лицами, которые предпринимали попытки получить разрешение на строительство, но по причинам, не зависящим от них, не смогли его получить.

Судебная практика в этом направлении была довольно консервативной и не давала возможности многим гражданам сохранить свои постройки. Однако в августе 2018 года произошли значительные изменения в ГК РФ, которые открыли новые перспективы для владельцев самовольных строений. Теперь собственники таких объектов получили дополнительные возможности для легализации своих построек. Прежде всего, изменилось само понятие самовольной постройки, что позволило расширить рамки для легализации [11, с. 1139], были введены ограничения на возможность сноса таких объектов. Административный снос самовольных построек, расположенных на частных землях, теперь запрещен, за исключением случаев, когда существует угроза жизни и здоровью граждан. Эти изменения в законодательстве стали ответом на реалии современного общества, где многие граждане, стремясь улучшить свои жилищные условия, возводят постройки без необходимых разрешений. Законодатели, учитывая сложные экономические условия и необходимость защиты прав граждан, решили гуманизировать подход к самовольному строительству, что также связано с изменением общественного мнения, которое стало более терпимым к самовольным постройкам, особенно в условиях нехватки доступного жилья.

Институт самовольной постройки характеризуется онтологической двойственностью, выражающейся в его природе как юридического правонарушения и одновременно механизма возникновения права собственности на конкретный объект недвижимости. Принимая во внимание объективную необходимость в сохранении самовольной постройки как института вещного права и борьбу с неконтролируемым градостроительством на уровне субъектов Российской Федерации, в целях обеспечения и защиты права собственности граждан необходимо дальнейшее углублённое научно-

практического осмысления и диалектического развития данного института.

При этом, важно понимать, что эти изменения должны не только гармонизировать и упрощать процедуру легализации, но и сохранять императивные требования о соблюдении норм и правил строительства, что в конечном итоге, должно привести к более упорядоченному развитию инфраструктуры муниципальных образований и безопасному обеспечению жилищных прав граждан. В этой связи, перспективным направлением развития института самовольной постройки видится законодательная конкретизация механизма внесудебного порядка легализации и сноса самовольной постройки, а также обязательного участия прокурора по спорам о самовольной постройке [12, с. 63].

Литература

1. Виниченко Ю.В. О правовой судьбе постройки, самовольно возведенной частично на чужом земельном участке / Ю.В. Виниченко // *Хозяйство и право*. – 2025. – № 1 (576). – С. 57–68.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред. 24.06.2025 № 178-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/ (дата обращения: 06.09.2025).
3. Жилкина Н.А. Особенности правового режима самовольных построек в российском гражданском праве / Н.А. Жилкина // *Теория права и межгосударственных отношений*. – 2021. – № 3 (15). – С. 59–63.
4. Ильин А.М. Сравнительный Обзор Постановления Пленума Верховного Суда № 44 «о некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» / А.М. Ильин // *Правоприменение: от теории к практике: Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию БАМа, Хабаровск, 24–25 мая 2024 года*. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2024. – С. 100–104.
5. Кабанова И.Е. Самовольные постройки: правовые проблемы и последствия сноса (муниципальный аспект) / И.Е. Кабанова // *Муниципальное имущество: право, экономика, управление*. – 2022. – № 2. – С. 28–33.
6. Корнилова Н.В. К вопросу о первоначальных способах приобретения права собственности: реформа в России и мировой опыт / Н.В. Корнилова // *Российское правосудие*. – 2024. – № 1. – С. 56–67.
7. Корнилова Н.В. Правовой режим самовольных построек в российском гражданском праве / Н.В. Корнилова // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. – 2023. – № 4–5. – С. 24–32.
8. Определение Шестого Кассационного суда общей юрисдикции от 19 сентября 2022 г. по делу

№ 88–19750/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Tjdae97Hs5SoJ/> (дата обращения: 06.09.2025).

9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 января 2022 г. по делу № А40–70414/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=410751#naVe6UC6yvRLR2n> (дата обращения: 06.09.2025).
10. Туманов Д.А. Защита общественных интересов исками и судебными решениями о сносе самовольной постройки: некоторые вопросы / Д.А. Туманов // Правовые вопросы недвижимости. – 2025. – № 1. – С. 29–31.
11. Яблоновская Н.В. Порядок легализации самовольной постройки в России / Н.В. Яблоновская // Эволюция российского права: Материалы XXII международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 25 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – С. 1138–1148.
12. Яцкевич Ю.С. Актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении судом вопроса о возможности сохранения объекта самовольного строительства / Ю.С. Яцкевич, М.С. Кротов // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2024. – № 2 (33). – С. 60–65.

LEGAL REGIME OF UNAUTHORIZED CONSTRUCTION: MATERIAL AND PROCEDURAL ASPECTS

Vronskaya M.V.

Vladivostok State University

This article provides a comprehensive analysis of the legal regime of unauthorized buildings in the Russian Federation, highlighting the specifics of the recognition of property rights and procedures for their legalization. The study covers both judicial and non-judicial mechanisms of legalization, while identifying existing gaps and legal uncertainties caused by frequent changes in Russian legislation. Special attention is paid to the criteria influencing court decisions, including the integrity of the owners, the availability of permits, as well as the compliance of facilities with building regulations and urban planning requirements. The grounds for the demolition of unauthorized buildings and the conditions under which the courts may dismiss a claim for demolition are considered. The author emphasizes the relevance of improving legislation and institutionalizing extrajudicial legalization procedures in order to increase transparency and protect the rights of subjects of civil turnover. The conclusions of the article are aimed at finding a balance between simplification of law enforcement procedures and compliance with safety standards, contributing to the orderly development of the urban development

sector and ensuring sustainable protection of the rights of all participants in legal relations in the real estate sector.

Keywords: unauthorized construction; legal regime; ownership; real estate; legal problems; extrajudicial procedure; legalization.

References

1. Vinichenko Yu.V. On the legal fate of a building that was partially built on someone else's land / Yu.V. Vinichenko // Economy and law. – 2025. – № 1 (576). – Pp. 57–68.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended 06/24/2025 № 178-FZ) // SPS "Consultant Plus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76277/ (date of access: 09/06/2025).
3. Zhilkina N.A. Features of the legal regime of unauthorized buildings in Russian civil law / N.A. Zhilkina // Theory of law and interstate relations. – 2021. – № 3 (15). – Pp. 59–63.
4. Ilyin A.M. Comparative Review of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 44 "on some issues arising in judicial practice in the application of norms on unauthorized construction" / A.M. Ilyin // Law enforcement: from theory to practice: Collection of reports of the X All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of the BAM, Khabarovsk, May 24–25 In 2024. Khabarovsk: Far Eastern State University of Railway Transport, 2024, pp. 100–104.
5. Kabanova I.E. Unauthorized buildings: legal problems and consequences of demolition (municipal aspect) / I.E. Kabanova // Municipal property: law, economics, management. – 2022. – No. 2. – pp. 28–33.
6. Kornilova N.V. On the issue of the initial methods of acquiring property rights: reform in Russia and world experience / N.V. Kornilova // Russian justice. – 2024. – No. 1. – Pp. 56–67.
7. Kornilova N.V. The legal regime of unauthorized buildings in Russian civil law / N.V. Kornilova // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. – 2023. – No. 4–5. – pp. 24–32.
8. Ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated September 19, 2022 in case no. 88–19750/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/Tjdae97Hs5SoJ/> (date of access: 09/06/2025).
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated January 31, 2022 in case no. А40–70414/2020 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation: [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=410751#naVe6UC6yvRLR2n> (date of application: 09/06/2025).
10. Tumanov D.A. Protection of public interests by lawsuits and court decisions on the demolition of unauthorized buildings: some issues / D.A. Tumanov // Legal issues of real estate. – 2025. – No. 1. – pp. 29–31.
11. Yablonovskaya N.V. The procedure for legalizing unauthorized construction in Russia / N.V. Yablonovskaya // The Evolution of Russian Law: Proceedings of the XXII International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 25, 2024. Yekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2024. pp. 1138–1148.
12. Yatskevich Yu.S. Actual problems arising when the court considers the possibility of preserving an unauthorized construction site / Yu.S. Yatskevich, M.S. Krotov // Economic justice in the Russian Far East. – 2024. – № 2 (33). – С. 60–65.

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В нашей публикации мы будем рассматривать порядок проведения мероприятий для оформления необходимых документов при увольнении работника по инициативе работодателя за дисциплинарные нарушения. Рассмотрим наиболее частые ошибки, ведущие к восстановлению работника в должности и выплате расходов (выплата за моральный ущерб, компенсация расходов в суде) при увольнении с нарушением юридических процедур. В статье на примерах продемонстрированы нарушения, которые недопустимы при проведении процедуры увольнения работников по инициативе работодателя (за нарушения дисциплины), которые могут быть в суде расценены в пользу работника. В публикации рассказано о курсе повышения квалификации для слушателей МЧС России, в должностные обязанности которых входят вопросы увольнения и дисциплинарных взысканий, в том числе, в отношении работников Министерства. [1]

Ключевые слова: увольнение по статье, дисциплинарное взыскание, нормативные акты, нарушения дисциплины, повышение квалификации.

Введение

В данной статье мы напомним, как правильно производить увольнение работника по инициативе работодателя за дисциплинарные нарушения. Взысканий в отношении работника всего лишь три: замечание, выговор и увольнение и они выбираются в зависимости от степени вины работника. Вначале может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде выговора, а потом объявлено замечание, в дальнейшем, за тяжкие правонарушения его можно будет уволить. Вспомним алгоритм применения дисциплинарного взыскания:

- создаются документы, фиксирующие дисциплинарный проступок (жалоба, акт, служебная записка и др.);
- берется объяснение от работника (2 рабочих дня) либо акт об отсутствии объяснений;
- готовится приказ о применении дисциплинарного взысканий (замечание, выговор, увольнение).

Но делать это нужно строго по правилам, иначе действия работодателя могут признать незаконными. Рассмотрим возможные ошибки при применении дисциплинарного взыскания.

Основная часть

Освежим базовые вещи при этом увольнении работника по инициативе работодателя, а именно, существуют грубые не грубые нарушения трудового распорядка. Пункты а, б части 6 статья 81 Трудового кодекса РФ – рассматривают увольнения работников за грубые нарушения дисциплины, в частности:

а) однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей:

прогула, то есть отсутствия на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены);

б) появления работника на работе (на своем рабочем месте либо на территории организации – работодателя или объекта, где по поручению работодателя работник должен выполнять трудовую функцию) в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. [2]

Если у работодателя допущено хотя бы одно грубое нарушение трудового распорядка, то это уже может быть основанием для увольнения. Но если нарушение не является грубым, а работник наглеет и не исполняет свои обязанности надлежащим образом, то применим следующий алго-

ритм: производим фиксацию нарушения при помощи акта, знакомим работника с этим документом. Напомним, в абзаце один ст. 193 ТК РФ прописано: «до применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт». [2]

Начнем с того, как должно быть правильно запрошено у работника объяснение, ведь ТК не закрепляет в каком виде у работника оно должно быть затребовано, с учетом практики желательно направить сотруднику письменное уведомление. В одном из споров работодатель отмечал, что затребовал у работника объяснение устно, а после составил акт об отказе в даче письменных объяснений. Суд подчеркнул, что истребование объяснения в устной форме не свидетельствует о соблюдении порядка применения дисциплинарного взыскания, подобное требование надлежит предъявить работнику в письменной форме под роспись. При этом, истребование объяснений не было затруднено в связи с отсутствием работника на рабочем месте.

По другому делу о трудовых спорах, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о том, что работодателем дважды были затребованы объяснения, однако данное получение объяснений от работника посредством телефонного звонка трудовым законодательством не предусмотрено, дополнительно судебной коллегией по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда указано на то, что приказ об увольнении истца не содержит сведений об истребовании от работника объяснений о причинах невыхода на работу и о не предоставлении истцом таких объяснений, акт о том, что объяснения истребованы и не предоставлены, работодателем не составлен.

Поэтому составляем уведомление о необходимости предоставления письменных объяснений и сделать это можно в произвольной форме. Следующая ошибка может состоять в том, что были не востребованы объяснения по всем дням прогула. Например, сотрудника уволили за длительные прогулы в течение трех месяцев, но работодатель лишь однажды запросил пояснения от работника, а по другим дням такие объяснения не запрашивались. Также суд апелляционной инстанции аргументированно отметил, что со стороны ответчика не предоставлено доказательств соблюдения установленной законом процедуры привлечения истца к дисциплинарной ответственности, поскольку в силу требований ст. 193 Трудового кодекса Российской Федерации при увольнении работника за длительный прогул – объяснения от работника должны быть истребованы за весь период его отсутствия на рабочем месте, однако работодателем объяснения с истца были затребованы с более поздней даты отсутствия работника на работе, а не с даты начала прогула и соответственно не были получены. [3]

Обращаем внимание, что нужно требовать объяснения за все дни отсутствия работника, которые планируются упоминать в приказе об увольнении. Итак, требуем у работника объяснительную по поводу допущенного нарушения, у работника есть два рабочих дня, чтобы написать объяснительную. Если работник отказывается предоставлять объяснительную, составляется акт (с подписями не менее 3 сотрудников, непосредственного руководителя и желательно представителей кадровой и юридической служб). Далее готовится дисциплинарный приказ в отношении работника – ему объявляют выговор за грубое нарушение служебной дисциплины. И если есть желание уволить работника по дисциплинарной статье и подстраховать работодателя, то лучше всего повторить эту же процедуру и повторно объявить работнику выговор. У работника в наличии имеется два выговора и он продолжает нарушать дисциплину, то следующий шаг – увольнение. И далее готовится приказ на увольнение. Если изначально нарушение на являлось грубым, то рекомендуется несколько раз применить процедуру дисциплинарных взысканий и в конце можно уволить работника по статье.

Напомним, какой должен быть соблюден порядок – предположим, работник не выходит на работу:

Во-первых, составляется акт, в котором подробно указывается суть произошедшего, очень подробно описывается происшествие (какого числа, работник не вышел на работу по неуважительной причине, что должно быть подтверждено распечаткой электронной системы пропусков либо подтверждением показаний свидетелей). Напомним, данное нарушение является грубым нарушением дисциплины и основанием для увольнения. Повторимся, работнику дается два рабочих дня для написания объяснений по произошедшему инциденту. Работник должен под роспись ознакомиться с актом, если он отказывается, то составляется дополнительный акт об отказе в ознакомлении, который подписывается двумя свидетелями (с учетом сотрудника, составившего акт, их количество будет три). Данный акт рекомендуется отправить работнику по электронной почте и заказным письмом с уведомлением по адресу проживания работника. Чтобы у кадровой службы остались документы, подтверждающие факт того, что данные документы были предоставлены работнику. С моменты предоставления данных через два дня если не получено письменных объяснений, составляется акт о непредоставлении объяснений. И кадровые службы приступают к процедуре увольнения: готовится приказ об увольнении в котором подробно описывается какое конкретно грубое нарушение было допущено работником, как оно было зафиксировано, кто конкретно составил акт, кем он был подписан, какого числа, указывается почему не признали уважительными объяснения работника по поводу произошедшего (если оно вообще поступало), если не поступало – то это обязательно указывается.

Во-вторых, важно, чтобы работник обязательно под роспись должен быть ознакомлен с приказом. Если работник отказывается ставить свою подпись в ознакомлении с приказом – составляется акт. В день увольнения работнику финансовым отделом производится полный расчет, отделом кадров выдается трудовая книжка, в которой сделана отметка статьи по которой он был уволен.

Алгоритм процедуры увольнения должен быть следующий: составление акта, ознакомление с актом, запрос объяснений от работника, готовится акт об отсутствии объяснений, издается приказ об увольнении и наконец, производится полный расчет с работником и выдается трудовая книжка.

И в заключении очень важный момент: если в процессе увольнения работник сообщает, что готов уволиться по собственному желанию, возможно стоит пойти ему навстречу, если работодатель не вполне уверен в четкости произведенных юридических процедур при увольнении и если где-то закралась ошибка, то в суде работника могут восстановить в занимаемой должности на работе с выплатой окладов за вынужденные прогулы и оплатой судебных издержек и морального вреда. Очень важно изучить и проанализировать судебную практику по аналогичным вопросам и после этого принимать решение относительно работника. Рассмотрим несколько случаев, из судебной практики: сотрудника уволили за неоднократные опоздания. Первые две судебные инстанции сочли решение работодателя законным и не нашли нарушений. Работник дошел до Верховного суда и Верховный суд отменил решений нижестоящих судов и отправил дело на новое рассмотрение. Верховный суд указал, что работодатель не учел тяжесть проступков работника и его предшествующее поведение. Сотрудник 30 лет проработал в компании, никогда не имел взысканий, а имел благодарности и грамоты. На основании этого Верховный суд счел, что взыскание в виде увольнения – как самой крайней меры не соответствует тяжести проступка, поэтому перед увольнением за неоднократные нарушения дисциплины важно:

- правильно оценить предшествующее поведение сотрудника и его отношение к труду;
- правильно оценить тяжесть проступков и соответствующее наказание;
- важно правильно оформить документ с оценкой проступков и предшествующего поведения работника.

Ведь в случае с судом, будут выявляться все факты того, учел ли работодатель предшествующее поведение работника и тяжесть проступков и соответствующую тяжесть наказания. Данные ситуации приводят к нарушению применения дисциплинарных взысканий и в случае судебной практики могут быть истолкованы в пользу работника.

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России создана программа повышения квалификации «Кадровое обеспечение МЧС России» для руководителей кадровых подразделений, в должностные обязанности которых входят вопросы

увольнения и дисциплинарных взысканий. Форма обучения – заочная с применением дистанционных образовательных технологий. Данный курс основан на проведении онлайн-занятий: лекций и практических занятий по этим же темам. Стоит заметить, что практические занятия с интерактивными заданиями с автоматизированной проверкой – важнейшая часть данного онлайн-курса. [4,5]

Во-первых, практические онлайн-занятия позволяют слушателям непосредственно применять теоретические знания, полученные во время лекций, ведь многие слушатели ощущают определенные трудности в применении теории на практике и данное обучение избавляет их от данной проблемы.

Во-вторых, практические онлайн-занятия предоставляют слушателям возможность получить обратную связь и задавать интересующие их вопросы по теме занятия. В таких случаях присутствие опытного преподавателя, способного проанализировать и объяснить правильное решение, является весьма полезным. Благодаря обратной связи слушатели улучшают свои навыки и могут не повторять свои ошибки в дальнейшем.

В-третьих, практические онлайн-занятия способствуют развитию самостоятельности и ответственности у слушателей. Ведь в отличие от обычных аудиторных занятий, где преподаватель присутствует непосредственно, онлайн-формат требует большей самостоятельности от обучаемого, которые должны сами организовать свое время, выполнять задания в заданные сроки и следить за процессом обучения. Это способствует развитию дисциплины и самоорганизации, что очень важно для дальнейшей успешной карьерной деятельности. [6,7,8]

Одним из главных преимуществ данного обучения является гибкость в выборе времени и места для занятий. Участники курса могут присоединиться к онлайн-занятиям из любой точки, используя компьютер или смартфон. Другим преимуществом является доступность информации. Онлайн-занятия записываются и предоставляются слушателям для дальнейшего просмотра, что позволяет слушателям в случае необходимости вернуться к материалам и повторить необходимые темы. В курсе программы особое внимание уделено вопросам судебной практики и нарушениям в вопросах увольнения со стороны работодателя. Данный курс может облегчить задачу в решении спорных вопросов увольнения работников. [9,10,11,12,13]

Курс повышения квалификации выполнен с использованием электронной информационно-образовательной среды университета, при помощи дистанционных образовательных технологий и предоставляет возможность слушателям МЧС России обучаться независимо от времени и места их нахождения. [14,15,16,17]

Заключение

Работодателю с учетом современного подхода судов при решении вопросов увольнения работников

по отрицательным основаниям необходимо помнить о тщательности соблюдения процедуры взыскания и доказательства его обоснованности. Из этого делаем следующие выводы: знание нормативно-правовых документов недостаточно, очень важно держать на контроле и анализировать текущую судебную практику и позиции Верховного суда, что ориентирует руководителей кадровых подразделений при учете ошибок других работодателей и поможет выиграть трудовые споры.

Литература

1. Губанова О.А. Порядок проведения служебных проверок в МЧС России // Юридическая наука, 2025, № 3. С. 79–82.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. От 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. »Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
5. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
6. Губанова О.А. Продвижение по службе квалифицированных специалистов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 2 (31). С. 28–30.
7. Губанова О.А., Агеев П.М., Сурмило С.В. Психолого-педагогические основы воспитания лидерских качеств курсантов МЧС России // Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2021. № 3. С. 132–136.
8. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2 (19) С. 58–63.
9. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82.
10. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215.
11. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40.
12. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
13. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70.
14. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
15. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
16. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
17. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271.

DISMISSAL OF AN EMPLOYEE UNDER THE ARTICLE

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

In our publication, we will consider the procedure for carrying out activities to draw up the necessary documents when dismissing an employee at the initiative of the employer for disciplinary violations. We will consider the most common mistakes that lead to the reinstatement of the employee in the position and payment of expenses (payment for moral damages, compensation for expenses in court) when dismissing with violation of legal procedures. The article demonstrates examples of violations that are unacceptable when dismissing employees at the initiative of the employer (for violations of discipline), which can be assessed in court in favor of the employee. The publication tells about the advanced training course for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia, whose job responsibilities include issues of dismissal and disciplinary sanctions, including in relation to employees of the Ministry.

Keywords: dismissal under the article, disciplinary sanction, regulations, violations of discipline, advanced training.

References

1. Gubanova O.A. Procedure for conducting official inspections in the Ministry of Emergency Situations of Russia // Legal Science, 2025, No. 3. P. 79–82.
2. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on December 28, 2024). Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
3. "Review of the practice of considering cases by courts on disputes related to the termination of an employment contract at the initiative of the employer" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 9, 2020) Access from the reference and legal system "Consultant-Plus".

4. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia, 2022. 176 p.
5. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2022. No. 4. Pp. 42–47.
6. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia: diss... candidate of ped. sciences: 13.00.08 / O.A. Gubanova. – St. Petersburg, 2008. – 154 p.
7. Gubanova O.A., Ageev P.M., Surmilo S.V. Psychological and pedagogical foundations for developing leadership qualities of cadets of the EMERCOM of Russia // Scientific and analytical journal "Bulletin of St. Petersburg. University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2021. No. 3. P. 132–136.
8. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Law. Security. Emergencies. 2013 No. 2 (19) P. 58–63.
9. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2018 No. 2 (39). P. 79–82.
10. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // Abstracts of the international. conf.// SPbUGPS 2019. SPb., 2019. P. 212–215.
11. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Pension for years of service // Legal science, 2024, No. 4. pp. 37–40.
12. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // Law and power. 2023. No. 1. pp. 26–28.
13. Vorobeychikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with the personnel reserve at the St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia. Scientific and analytical journal. "Bulletin of the St. Petersburg University of the GPS EMERCOM of Russia". 2010, No. 2. pp. 62–70.
14. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2022. 176 p.
15. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of an electronic educational and methodological complex in distance learning by students of the advanced training course // Pedagogical journal. 2021. No. 5–1. Pp. 412–418.
16. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of the university // Pedagogical journal. 2022. No. 1–1. P. 313–318.
17. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Pedagogical journal, 2023, No. 6–1. P. 265–271.

Гудков Николай Валерьевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет им. академика
С.П. Королева»

E-mail: nikolay_gudkoff@mail.ru

Научная статья посвящена анализу требования безусловности судебных решений. В работе исследуется развитие подходов к формированию доктрины безусловности в советский и современный периоды, рассматриваются теоретико-правовые основания данного требования и вопросы его практической реализации. Предметом исследования является требование безусловности судебных решений в системе требований, предъявляемых к ним процессуальным законодательством и доктриной. Объектом настоящего исследования являются судебные решения, содержащие условия для их исполнения. Целью статьи является оценка целесообразности пересмотра концепции безусловных судебных решений в современном гражданском и арбитражном судопроизводстве. Автор ставит вопросы допустимости наличия отлагательных и отменительных условий в судебных решениях, условного присуждения, факультативных решений и возможности утверждения мировых соглашений под условием. Научная новизна статьи заключается в оценке безусловности судебного решения как самостоятельного требования. Такая точка зрения практически не освещена в науке процессуального права. Автор ограничивает требование безусловности от понятий окончательности и правовой определенности. Автор оценивает возможность и допускает правомерность включения условных элементов в судебные решения, если их наступление не требует отдельного специального доказывания и не порождает новых споров. Такие условия должны возникнуть по объективным основаниям. Автор допускает, что условные решения могут выноситься в целях процессуальной экономии и эффективной защиты прав сторон.

Ключевые слова: безусловность судебных решений, требования к решениям, судебные решения, условные решения, условное присуждение, допустимость условного присуждения, мировое соглашение, факультативные решения, исполнение судебных решений, исполнение условных решений.

Введение

Отдельным требованием, предъявляемым к судебному решению, является требование безусловности. Оно состоит в недопустимости принятия условий, от которых зависит исполнение решения.

Требование безусловности не всегда выделялось в качестве самостоятельного.

Материалы и методы

В работе применяются сравнительно-правовой, историко-правовой и аналитический методы. Особое внимание уделено анализу доктринальных точек зрения советских и российских ученых и судебной практики.

Литературный обзор

М.А. Гурвич отмечал, что судебное решение должно дать определенный ответ на заявленные требования, в правоотношение между сторонами должна быть внесена полная определенность. Решение не должно оставлять место для каких-нибудь уловок, почву для новых споров и жалоб. Отмечалось, что определенность судебного решения не только повышает его авторитет, но и является существенным условием для его последующего добровольного исполнения [1].

Требование безусловности понимается М.А. Гурвичем как составляющая часть определенности. Кроме безусловности в нее входят конкретность, точность указаний, которыми устанавливаются содержание и объем подтвержденного или преобразованного права, сроки исполнения, лица, участвующие в нем, и все прочее, что необходимо для осуществления решения.

Сущность требования безусловности заключается в том, что в решение суда нельзя включать условия, от которых зависит реализация решения. Их включение означало бы необходимость установления факта наступления или ненаступления определенного события, для чего потребовалось бы новое исследование, т.е. потенциальный новый спор. М.А. Гурвич подчеркивал, что это привело бы к необоснованному выделению из области правосудия вопросов, которые относятся непосредственно к нему. Тем самым, эти вопросы были бы отданы на разрешение органам принудительного исполнения, которые не вправе изменять или дополнять решение суда.

Условные решения были запрещены Верховным судом РСФСР в письме от 11.06.1929 по алиментным делам.

Тем не менее, отмечалось, что из безусловно допустимы некоторые исключения, например, в виде альтернативных решений.

Н.Б. Зейдер отмечал, что решение суда должно быть безусловным, т.е. его действие не может ставиться в зависимость от наступления или ненаступления какого-либо условия. Например, исключена возможность вынесения решения ответчика ввиду невозможности совместного с ним проживания в одной квартире или в одном доме, если ответчик в течение определенного срока не исправится. Не может быть также решения о восстановлении на работе при условии, если последует приказ об открытии у ответчика новой штатной единицы. Делается вывод о том, что условные решения недопустимы, как не устраняющие спора между сторонами и оставляющими неясность в их отношениях [2].

Н.А. Чечина полагала, что наличие условия в решении создаст волокиту и подрвет авторитет судебной власти – как может быть поставлено под условие веление компетентного властного органа. Тем не менее, она признавала, что условные решения реально существовали в практике судов. Более того, существовали альтернативные решения, которые, в свою очередь, не составляли отдельного вида судебных решений [3].

М.А. Авдюков писал, что из требования определенности резолютивной части решения вытекает положение о недопустимости условных решений в советском гражданском процессе. Включение в решение суда условий, от которых зависит его реализация, могло бы породить споры между сторонами о том, наступило ли условие. В стадии исполнения пришлось бы устанавливать это обстоятельство (с участием сторон, с исследованием доказательств и т.д.). Допущение условных решений привело бы к выделению из области правосудия вопросов, которые по своему существу и значению составляют предмет правосудия [4].

Это положение находило подкрепление и в судебной практике. Так, одним из оснований к отмене Верховным Судом СССР решения народного суда и определения Верховного Суда Грузинской ССР по делу о выселении явилось то, что выселение ответчиков было поставлено в зависимость от уплаты истцом 15516 рублей. Верховный Суд СССР отметил, что, вынося условное решение, суды тем самым по существу не разрешили иска о восстановлении нарушенного права собственности [5].

Указанная позиция нашла закрепление в советских учебниках по процессуальному праву [6].

Отдельно отмечалось, что безусловными должны быть и определения суда первой инстанции и постановления других судов. Недопустимо разрешать, например, процессуальный вопрос и ставить действие постановления в зависимость от каких-то условий (вынести определение о вызове свидетеля, если он не уехал в командировку, оставить решение в законной силе, при условии, что сторона представит копии определенных докумен-

тов и др.). От безусловности, как процессуального требования, предъявляемого к судебным постановлениям, следует отличать условный характер отдельных определений по отношению к развитию судопроизводства. Так, например, определением об оставлении заявления, жалобы без движения дальнейшее развитие процесса ставится в зависимость от наступления или ненаступления каких-либо условий [7].

Современное российское процессуальное законодательство не выделяет безусловность в качестве самостоятельного требования к судебному решению. Однако это не означает возможность вынесения решений, содержащих в себе условия возникновения прав и обязанностей сторон, как и не означает категоричный запрет на вынесение подобных решений.

На необходимость допущения условных решений указывают специалисты в гражданском праве. В частности, А.Г. Карапетов, комментируя положения ГК РФ о способах защиты гражданских прав, отмечает, что абсолютным препятствием к удовлетворению иска об исполнении обязательства в натуре является невозможность его исполнения. Специального упоминания требуют временные препятствия, отличающиеся от подлинной невозможности исполнения только отсутствием у них признака постоянной непреодолимости. В качестве таких препятствий упоминаются юридические (временные эмбарго или экспортные ограничения) и фактические (например, военные действия в регионе). Сами по себе они не влекут прекращения обязательства, но кредитор не лишается права отказать от договора, если вследствие просрочки он утратит интерес в его исполнении. Соответственно, при наличии указанных препятствий суд должен отказать в удовлетворении иска [8].

Более того, Верховный Суд в Постановлении Пленума № 6 от 11.06.2020 г. указал, что наступление обстоятельств непреодолимой силы само по себе не прекращает обязательство должника, если исполнение остается возможным после того, как они отпали. Данное положение косвенно обязывает суд проанализировать возможность отпадения обстоятельств форс-мажора для оценки возможности исполнения обязательства должником в будущем.

А.Г. Карапетов отмечает, что, с учетом того, что такое препятствие может отпасть, не разумно сразу отказывать в удовлетворении иска. Такой подход находит отражение в судебной практике, когда суды исследуют вопрос об определенности срока существования временного препятствия. Иск об исполнении обязательства в натуре может быть удовлетворен, если очевидно, что препятствие будет устранено, но неизвестно в какие сроки это произойдет. Решение суда в таком случае должно содержать информацию о сроке совершения определенных действий с момента устранения препятствий.

В этой связи интересен опыт Германии, где допускается вынесение решений на случай отпа-

дения препятствий к исполнению обязательства в натуре. Чтобы принудительно исполнить такое решение, кредитор (истец) должен доказать, что условие соблюдено и препятствия действительно устранены, а не инициировать рассмотрение дела с самого начала и обосновывать наличие права требования.

Такой подход основан на принципе процессуальной экономии и, на первый взгляд, должен снизить судебную нагрузку. Однако он оставляет несколько вопросов, которые возникнут в ходе исполнительного производства:

- кто вправе разрешить вопрос о наличии/отсутствии препятствия к исполнению, суд или судебный пристав?
- как формально установить факт отпадения препятствия к исполнению решения суда?

Рассмотрим примеры решений арбитражных судов, содержащих отлагательные условия.

Арбитражным судом Красноярского края было вынесено решение от 21.02.2022 г., подтвержденное Третьим арбитражным апелляционным судом 12.07.2022 г. по делу № А33–6553/2021.

В арбитражный суд с иском к застройщику обратилась управляющая компания, которая представляла интересы собственников квартир в многоквартирном доме. Предметом спора стало устранение недостатков общедомового имущества многоквартирного дома в рамках гарантийных обязательств по договору строительного подряда.

На основании заключения эксперта арбитражным судом первой инстанции был сделан вывод о возникновении дефектов в результате ненадлежащего выполнения застройщиком подрядных работ. Спорные недостатки были поделены на две категории:

- недостатки, выявленные на придомовой территории;
- недостатки, выявленные в помещениях общего пользования.

Принимая во внимание климатические условия г. Красноярска, арбитражный суд вынес решение о понуждении застройщика устранить недостатки второй категории в течение двух месяцев с момента вступления решения суда в законную силу, а первой – в течение месяца «с момента установления устойчивой положительной температуры воздуха». Арбитражный апелляционный суд также посчитал разумным и достаточным установление срока с указанием на установление положительной температуры.

В таком решении суды поставили решение под условие отпадения его временной невозможности исполнения, поскольку отсутствует сомнение в наступлении такого условия. Тем не менее, суд не разъяснил сторонам, что считать моментом установления устойчивой положительной температуры воздуха, при которой возможно выполнить работы по устранению недостатков. В таком виде открытыми остаются вопросы о том, в какой момент истец может обратиться в орган ФССП для принудительного исполнения решения, а также

с какого момента ответчику может быть присуждена судебная неустойка за неисполнение судебного решения.

Аналогичное решение по схожему делу было принято тем же Арбитражным судом Красноярского края в 2016 году – исполнение решения по осуществлению ремонтно-восстановительных работ участков межпанельных швов было поставлено под условие установления устойчивых положительных температур наружного воздуха (решение от 17.11.2016 по делу № А33–58/2016).

Несмотря на то, что решение было поставлено под условие, которое объективно наступит, а его исполнение может быть осуществлено принудительно, его вынесение представляется не соответствующим требованиям. В частности, оно не является определенным и полным и не отвечает свойству окончательности. Такие решения не подлежат отмене, поскольку это не соответствует принципу процессуальной экономии, но, полагаем, что в подобных ситуациях является необходимым разъяснение решения вынесшим его судом. В таком разъяснении должны быть указаны конкретные значения температуры воздуха, при которых должно начаться исполнение решения.

Основываясь на сложившейся практике, считаем допустимым наличие в решении суда отлагательного условия, которое объективно наступит, а для подтверждения факта его наступления не требуется специальных знаний или отдельного доказывания. В исполнительном производстве проверку наступления такого условия может осуществить судебный пристав-исполнитель.

Еще одно проявление необходимости допущения условных судебных решений, по мнению специалистов в гражданском праве, заключается в существовании так называемых несозревших обязательств. Например, когда срок исполнения обязательств еще не наступил, а должник уже сообщает кредитору о нежелании их исполнить, или, когда должник просрочил исполнение части длящегося обязательства и есть обоснованные предположения о том, что дальнейшее исполнение будет также невозможным. Возможно ли наделить кредитора правом предъявить иск о присуждении, не дожидаясь момента формальной просрочки, для ускорения получения судебного решения? Может ли суд вынести решения по будущим требованиям?

Если ответить на поставленные выше вопросы положительно, то решения неминуемо будут содержать условия. В решении суда, например, будут указываться новые сроки исполнения обязательств, если оно не исполнено в сроки, установленные соглашением сторон, или, например, обязанность поставщика поставить товары по графику только при получении от покупателя авансовых платежей.

Подобный подход в российском праве реализован в виде условного присуждения. Его цель – обеспечить истцу компенсацию за несвоевременное исполнение судебного акта и за его исполнение са-

мостоятельно [9]. Условное присуждение будет отличаться от условного решения тем, что под условие поставлено не возникновение прав и обязанностей сторон как таковое, а размер фактически присужденного.

К решениям об условном присуждении относятся решения:

- о взыскании периодических платежей в будущем;
- о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами по день фактической выплаты долга;
- о присуждении судебной неустойки (астрента).

Под факультативными решениями понимаются судебные решения, в которых определены два варианта исполнения – основной и дополнительный, который может быть использован при невозможности исполнения основного варианта. Как уже отмечалось, советская наука и практика допускали вынесение факультативных решений и рассматривали их как исключение из требования категоричности судебных решений.

Современное процессуальное законодательство также допускает вынесение факультативных решений. Так, суд в решении указывает стоимость присужденного в натуре имущества на случай, если его не окажется в наличии (ст. 205 ГПК РФ, 171 АПК РФ) или дает истцу право совершить определенные действия, не связанные с передачей имущества, самостоятельно с отнесением расходов на их совершение на ответчика, если ответчик не совершил их в указанный в решении срок (ст. 206 ГПК РФ).

Вынесение факультативных решений в науке связано с институтом изменения порядка и способа исполнения решения. Как справедливо указывал М.Л. Гальперин, суд в состязательном процессе установил все обстоятельства дела, разрешил спор о праве, определил способы защиты и указал условия их применения, т.е. установил все элементы юридического состава, необходимые для вынесения решения, тем не менее, в дополнительной процедуре должен установить, возможно ли исполнение решения в основном варианте [10].

Условность факультативных решений связана с невозможностью исполнения в том виде, в котором оно было возможно на момент его вынесения. При этом, ни одна из сторон не вправе выбирать способ исполнения решения самостоятельно, как это возможно при исполнении факультативных обязательств. Основной способ исполнения факультативного решения предполагает принуждение ответчика к исполнению обязательства в натуре. Поскольку суд не вправе изменять иски требования, можно сделать вывод о том, что интерес истца при заявлении таких исков о присуждении заключается в исполнении обязательства в натуре. Но для исключения ситуации вынесения заведомо неисполнимых решений законодателем предусмотрены конструкции денежной оценки неисполнения обязательств в натуре. В таком случае, суд в отдельном заседании должен решить вопрос

о невозможности исполнения основного варианта и замены его альтернативным. Таким образом, это вопрос изменения порядка и способа исполнения решения. Его условный характер не влияет установление прав и обязанностей сторон в процессе.

Мировое соглашение может быть утверждено не только при условии, что оно не противоречит закону, не нарушает интересы других лиц, но и его текст отвечает определенным требованиям. Мировое соглашение не может заключаться под условием совершения одной из сторон какого-либо действия, не может содержать варианты способов его исполнения и должно быть в принципе исполнимым.

Двойственная правовая природа мирового соглашения как гражданско-правового договора и процессуального акта позволяет выдвинуть гипотезу о том, что мировое соглашение может содержать любые условия, которые должны быть согласованы сторонами и не должны нарушать закон и права третьих лиц. В связи с этим, некоторые ученые допускают утверждение мировых соглашений под условием.

О.А. Поротикова пишет, что при разрешении вопроса об условности необходимо понимать, что конкретно ставится под условие – сделка, т.е. само мировое соглашение, или элементы его содержания. По аналогии с институтами гражданского права, под отлагательное или отменительное условие ставится не сделка, а её правовой эффект, т.е. права и обязанности сторон [11].

В науке и судебной практике мировые соглашения, содержащие отменительные условия, вызывают меньшее количество вопросов, чем мировые соглашения с отлагательными условиями. Это связано с тем, что оценить событие, прекращающее правоотношения, проще, чем порождающее.

Тем не менее, в судебной практике превалирует подход о недопустимости включения в мировое соглашение любых условий.

Результаты

Считаем целесообразным рассмотреть возможность вынесения судами общей юрисдикции и арбитражными судами следующих видов решений, в которых могут содержаться условия:

- решения, содержащие отлагательные или отменительные условия их исполнения;
 - решения, содержащие условное присуждение;
 - решения, содержащие несколько вариантов их исполнения, т.е. факультативные решения;
- а также возможность утверждения мировых соглашений под условием.

Заключение

Следует отметить, что требование безусловности судебных решений, вытекающее из принципов правовой определенности и окончательности судебного разбирательства, традиционно рассматривалось как неотъемлемая составляющая эффективного

правосудия. Его соблюдение обеспечивает ясность в правовом положении сторон, способствует добровольному исполнению судебных актов и укрепляет авторитет судебной власти. Однако современная судебная практика демонстрирует определённую гибкость в трактовке этого требования, особенно в контексте временных или объективных препятствий, мешающих немедленному исполнению решения.

Условные элементы в судебных решениях, возникающие по объективным основаниям и не порождающие новых споров о наступлении или ненаступлении условий, могут быть допустимы в целях соблюдения принципа процессуальной экономии и эффективной защиты прав сторон. Таким образом, современное понимание требования безусловности должно сочетать уважение к традиционным правовым принципам с практической необходимостью учитывать реалии исполнения судебных актов. Это требует развития нормативного регулирования и уточнения процессуальных норм о допустимости условных решений.

Литература

1. Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы. – М.: Юрид. лит-ра, 1976. – С. 76–77.
2. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юрид. лит-ра, 1966. – С. 67–68.
3. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – С. 51.
4. Авдюков М.Г. Судебное решение. – Москва: Госюриздат, 1959. – С. 54–55.
5. Советский гражданский процесс: учеб. для вузов / отв. ред. М.С. Шакарян. – Москва: Юрид. лит., 1985. – С. 272–273.
6. Советский гражданский процесс: Учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Аргунов В.Н., Добровольский А.А., Иванова С.А. и др.; Под ред. М.К. Треушников. – Москва: Изд-во МГУ, 1989. – С. 259.
7. Ткачев Н.И. Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам / Н.И. Ткачев; Под ред. И.М. Зайцева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 21–23.
8. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1–16.1 ГК РФ [Электронное издание] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М., 2020. – С. 201–202.
9. Ерохова М.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8. – С. 97.
10. Гальперин М.Л. Будущее исполнительного производства: проблемы взаимодействия материального и процессуального права // Закон. – 2012. – № 4. – С. 45–46.

11. Поротикова О.А. Мировое соглашение под условием: усмотрение сторон или неоконченный конфликт // Закон. – 2023. – № 4. – С. 42–43.

ON THE QUESTION OF THE UNCONDITIONALITY OF COURT DECISIONS

Gudkov N.V.

Samara National Research University named after Akademika S.P. Koroleva

The scientific article is devoted to the analysis of the requirement of the unconditionality of judicial decisions. The paper examines the development of approaches to the formation of the doctrine of unconditionality in the Soviet and modern periods, examines the theoretical and legal foundations of this requirement and the issues of its practical implementation. The subject of the study is the requirement of the unconditionality of judicial decisions in the system of requirements imposed on them by procedural legislation and doctrine. The object of this study is court decisions containing conditions for their execution. The purpose of the article is to assess the feasibility of revising the concept of unconditional judgments in modern civil and arbitration proceedings. The author raises the issues of the permissibility of suspensive and cancellative conditions in court decisions, conditional award, optional decisions and the possibility of approving settlement agreements under the condition. The scientific novelty of the article lies in the assessment of the unconditionality of a court decision as an independent requirement. This point of view is practically not covered in the science of procedural law. The author distinguishes the requirement of unconditionality from the concepts of finality and legal certainty. The author evaluates the possibility and allows the legality of the inclusion of conditional elements in court decisions, if their occurrence does not require a separate special proof and does not generate new disputes. Such conditions should arise for objective reasons. The author admits that conditional decisions may be made for the purposes of procedural economy and effective protection of the rights of the parties.

Keywords: unconditionality of court decisions, requirements for decisions, court decisions, conditional decisions, conditional awarding, admissibility of conditional awarding, settlement agreement, optional decisions, enforcement of court decisions, enforcement of conditional decisions.

References

1. Gurvich M.A. Sudebnoe reshenie: teoreticheskie problemy. – M.: Yurid. lit-ra, 1976. – P. 76–77.
2. Zeider N.B. Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu. – M.: Yurid. lit-ra, 1966. – P. 67–68.
3. Chechina N.A. Norma prava i sudebnoe reshenie. – Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1961. – P. 51.
4. Avdyukov M.G. Sudebnoe reshenie. – Moskva: Gosyurizdat, 1959. – P. 54–55.
5. Sovetskii grazhdanskii protsess: ucheb. dlya vuzov / отв. red. M.S. Shakaryan. – Moskva: Yurid. lit., 1985. – P. 272–273.
6. Sovetskii grazhdanskii protsess: Ucheb. dlya vuzov po spets. "Pravovedenie" / Argunov V.N., Dobvol'skii A.A., Ivanova S.A. i dr.; Pod red. M.K. Treushnikova. – Moskva: Izd-vo MGU, 1989. – P. 259.
7. Tkachev N.I. Zakonnost' i obosnovannost' sudebnykh postanovlenii po grazhdanskim delam / N.I. Tkachev; Pod red. I.M. Zaitseva. – Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. – P. 21–23.
8. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postateinyi kommentarii k st. 1–16.1 GK RF [Elektronnoe izdanie] / Otv. red. A.G. Karapetov. – M., 2020. – P. 201–202.
9. Erokhova M.A. Kommentarii k Obzoru sudebnoi praktiki po nekotorym voprosam zashchity prav sobstvennika ot narushenii, ne svyazannykh s lisheniem vladeniya // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. – 2013. – № 8. – P. 97.
10. Galperin M.L. Budushchee ispolnitel'nogo proizvodstva: problemy vzaimodeistviya material'nogo i protsessual'nogo prava // Zakon. – 2012. – № 4. – P. 45–46.
11. Porotikova O.A. Mirovoe soglasenie pod usloviem: usmotrenie storon ili neokonchennyi konflikt // Zakon. – 2023. – № 4. – P. 42–43.

Правовые проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве: доказательственные аспекты и пути совершенствования законодательства

Дашевская Екатерина Игоревна,

магистрант Академии труда и социальных отношений

E-mail: ekaterina.dashewskaya@yandex.ru

Свирин Юрий Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор, академик

РАЕН; академик Российской академии фундаментальных

наук; вице-президент Гильдии российских адвокатов

E-mail: usvirin@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта и широким распространением дипфейков, которые создают серьезные угрозы для объективности гражданского судопроизводства и достоверности доказательств. Цель работы заключается в выявлении и анализе правовых рисков использования дипфейков в гражданском процессе, определении основных проблем доказывания и выработке рекомендаций по совершенствованию законодательства. Основными задачами являются исследование правовой природы дипфейков как объектов гражданско-правовых отношений, анализ существующих механизмов судебной экспертизы цифровых доказательств, изучение зарубежного опыта правового регулирования и формулирование предложений по модернизации российского законодательства. Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе доказательственных аспектов использования дипфейков в российском гражданском процессе и разработке системы правовых мер противодействия цифровым фальсификациям. В результате исследования установлено, что действующее российское законодательство не содержит эффективных механизмов выявления и оценки дипфейков в качестве судебных доказательств, что создает риски для справедливого судебного разбирательства. Автором предложены конкретные изменения в гражданское процессуальное законодательство, включающие введение обязательной технической экспертизы цифровых доказательств.

Ключевые слова: дипфейк, цифровые доказательства, гражданское судопроизводство, судебная экспертиза.

Введение

Термин «дипфейк» (англ. deepfake) обозначает медиаконтент (изображение, аудио– или видеозапись), созданный или модифицированный при помощи алгоритмов искусственного интеллекта (прежде всего – технологии глубокого машинного обучения), в результате чего оригинальные цифровые данные претерпевают изменения, визуально практически неотличимые от реальности [9].

Технически дипфейк создаётся путём обработки большого объёма реальных изображений или записей голоса конкретного человека при помощи специальных программных комплексов. В зависимости от используемого формата дипфейки подразделяются на несколько видов: видео-дипфейки (подмена лиц или тел на видео), аудио-дипфейки (синтез голоса конкретного человека) и фото-дипфейки (создание реалистичных изображений лица или телесных форм человека, которых не существует в реальности) [8].

Принципиальным отличием дипфейка от классических форм фальсификации доказательств (поддельных документов, подписей, фотомонтажа) является его повышенная реалистичность и сложность выявления фальсификации при визуальном анализе. С правовой точки зрения дипфейк представляет собой сложный объект, одновременно относящийся к сферам гражданского, информационного и уголовного права. Гражданско-правовые аспекты использования дипфейков возникают преимущественно в контексте нарушений личных немущественных прав граждан и юридических лиц, таких как право на изображение, честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 150, 152.1 Гражданского кодекса РФ). Однако в ряде случаев использование дипфейков может иметь признаки состава преступления, например, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ («Клевета»), ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни») и др. [4].

Правовые риски использования дипфейков в гражданском процессе

Внедрение технологии дипфейков в сферу гражданского оборота несёт существенные правовые риски, обусловленные особой ролью доказательств при рассмотрении гражданских дел. Поддельные видео– и аудиоматериалы могут использоваться для создания ложных сведений, порочащих конкретных

лиц, включая бизнесменов, политиков и публичных персон, а также организации в целом. Примером реального кейса является дело № 2–4003/2022, рассмотренное Тверским районным судом г. Москвы в 2022 году, где истец ссылаясь на распространение фальсифицированной видеозаписи, порочащей его деловую репутацию и созданной с применением технологии дипфейк. Несмотря на обращение сторон к техническим экспертам, суд столкнулся с серьёзными трудностями в оценке подлинности спорного доказательства ввиду отсутствия нормативно закреплённых стандартов экспертизы подобных цифровых материалов [5].

Особую опасность дипфейки представляют и в наследственных спорах, брачно-семейных, а также имущественных спорах, где доказательства зачастую формируют основу судебного решения. Фальсифицированные аудио– и видеозаписи переговоров, признания задолженности, поручительства или иных обязательств могут быть приобщены к делу, влияя на исход разбирательства. Так, согласно аналитическому отчёту Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (2023), число обращений в суды с подозрением на использование дипфейков за последние два года выросло более чем на 35%, причём около 60% случаев приходится именно на споры имущественного характера и семейные разбирательства [6].

В 2023 году Московский арбитражный суд впервые официально признал дипфейк объектом авторского права и взыскал компенсацию в размере 500 000 рублей с компании, распространявшей дипфейк-видео с изображением актёра Киану Ривза без соответствующего разрешения. Этот прецедент указал на необходимость правовой защиты авторов цифровых материалов и подтверждает, что российская судебная система готова признавать дипфейки самостоятельными юридическими объектами [17].

Большая проблема – отсутствие признанных стандартов для экспертиз; суд руководствовался нормами об авторском праве и неприемлемости публикации без согласия, что перекликается с проблемами оценки правомерности дипфейков в контексте гражданских споров.

В декабре 2023 года концертный директор Александра Буйнова столкнулся с мошенничеством: через Telegram ему отправлялись короткие видео с поддельным образом артиста, созданные с помощью дипфейка, чтобы убедить его выдать \$10 000. Злоумышленник убедил, что общается с артистом, однако это была фальсификация [16].

Еще одна проблема – мошенничество с использованием дипфейков выгодно злоумышленникам; потерпевшие могут вводиться в заблуждение, при этом традиционных юридических механизмов проверки таких материалов недостаточно (табл. 1).

Особенности применения существующих критериев к дипфейкам также связаны с отсутствием формальной презумпции достоверности таких материалов, поскольку статьи 57 ГПК РФ и 60 АПК

РФ предусматривают возможность назначения судебной экспертизы при наличии сомнений в подлинности представленных доказательств. Однако на практике отсутствие единых стандартов и методик экспертизы дипфейков, а также невозможность идентифицировать и подтвердить авторство цифровых материалов с использованием биометрических маркеров или цифровых водяных знаков на основе международных стандартов ISO/IEC затрудняют проведение такой проверки.

Таблица 1

Проблема	Последствия
Суд не располагал стандартными методиками оценки дипфейков	Подлинность материала оценивалась нерелевантными нормами (например, по авторскому праву)
Отсутствие чётких критериев проверки цифровых медиа в гражданском процессе	Суды вынуждены принимать решения без экспертной базы
Злоупотребления участниками процессов через дипфейки	Риск неконтролируемого влияния на решения суда и гражданину важно уметь опровергать

В целях устранения данных недостатков и повышения эффективности судебного доказывания предлагается внести изменения в ГПК РФ и АПК РФ, установив обязанность сторон представлять расширенный набор исходных технических данных (метаданные цифровых материалов, информацию о методе создания и обработки файлов). Важным направлением является также разработка и внедрение системы цифровой аттестации цифровых медиафайлов (digital watermarking) на базе международных стандартов ISO/IEC, что обеспечит возможность оперативной проверки и подтверждения подлинности таких доказательств. Наконец, судебной системе следует шире использовать практику привлечения квалифицированных специалистов в области цифровых технологий в качестве независимых судебных экспертов, что позволит обеспечить объективность и высокую достоверность судебного разбирательства.

Проблемы доказывания и судебной экспертизы дипфейков

В настоящее время российская судебная практика уже сталкивается с кейсами, когда стороны гражданских споров заявляют о наличии в материалах дела дипфейков или поддельных цифровых доказательств, созданных на основе технологии нейросетей. Например, в деле, рассмотренном Куйбышевским районным судом Санкт-Петербурга в 2023 году (дело № 2–1347/2023), сторона ответчика представила в качестве доказательства аудиозапись телефонного разговора, достоверность которой была оспорена истцом со ссылкой на признаки дипфейка. В ходе разбирательства возникли существенные трудности, так как привлечённые эксперты не смогли предоставить однозначный вывод по причине

отсутствия утверждённых методик экспертного анализа нейросетевых цифровых материалов [1].

Особую остроту приобретает вопрос роли нотариусов, которые в настоящее время не обладают достаточной компетенцией и техническими средствами для выявления признаков дипфейков при удостоверении цифровых доказательств. Согласно действующему законодательству (ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате), нотариус осуществляет лишь визуальный осмотр и фиксацию информации, не проводя углублённого технического исследования, что делает возможным удостоверение и последующее приобщение в суд материалов с признаками фальсификации [2].

Судебная техническая экспертиза дипфейков должна быть основана на объективных, технологически обоснованных критериях, позволяющих идентифицировать признаки цифровой фальсификации с высокой степенью достоверности. В настоящее время эксперты по всему миру активно работают над созданием и апробацией новых методик судебно-технического анализа, направленных на выявление цифровых манипуляций, включая дипфейки. В международной практике успешно применяется метод цифрового форензика (digital forensics), который подразумевает комплексный анализ цифрового файла, включая его бинарную структуру, кодеки, потоки данных и следы редактирования. Эксперты используют специализированные программы, такие как Amped Authenticate, FotoForensics и Forensically, позволяющие детально изучить файл на наличие признаков искусственной обработки и вмешательства нейросетевых технологий.

Судебная экспертиза дипфейков также предполагает использование биометрического анализа, особенно в отношении видео- и аудиозаписей. Эксперты сопоставляют поведенческие паттерны, мимику, жесты и голосовые характеристики предполагаемого источника записи с оригинальными данными, устанавливая тем самым факт подделки. Несмотря на высокую эффективность описанных инструментов, необходимо учитывать, что ни один из существующих методов не является стопроцентно надёжным в отдельности. Поэтому в судебной практике предпочтительна комбинация нескольких подходов, обеспечивающих комплексную проверку и максимально объективные результаты.

Зарубежный опыт правового противодействия дипфейкам

В Соединённых Штатах Америки законодательное регулирование проблемы дипфейков активно развивается с 2019 года, когда был принят первый закон штата Вирджиния (Virginia HB 2678), предусматривающий уголовную ответственность за создание и распространение дипфейков с целью нанесения вреда репутации или вмешательства в выборы [9]. Позднее аналогичные законы были приняты в Калифорнии (Assembly Bill 730), Техасе (SB 751), а также ряде других штатов. В гражданском процессе

США активно применяются технические экспертизы на основе международных стандартов ISO и IEEE, которые позволяют эффективно выявлять признаки использования нейросетевых технологий при создании спорных материалов.

В Европейском Союзе подход к проблеме дипфейков определяется комплексно, на основании Регламента ЕС 2022/2065 (Digital Services Act), вступившего в силу в ноябре 2022 года. Согласно Регламенту, интернет-платформы обязаны принимать меры по выявлению и удалению дипфейков, а также маркировать контент, созданный искусственным интеллектом, при наличии риска введения пользователей в заблуждение. В Германии на законодательном уровне закреплены правила проведения обязательной судебной технической экспертизы цифровых доказательств с применением нейросетевых технологий (ZPO § 371a «Электронные документы и технические доказательства»), что значительно снижает риски фальсификации доказательств в судебном процессе [11].

Великобритания в рамках реформы цифровой безопасности приняла Online Safety Bill (2022), устанавливающий стандарты и требования к цифровым материалам, представленным в судебных процессах, включая обязательную маркировку контента, созданного с использованием искусственного интеллекта, и применение судебной технической экспертизы [13].

Опыт зарубежных стран показывает, что эффективное применение подобных стандартов значительно повышает качество и объективность судебной экспертизы, обеспечивая чёткие алгоритмы действий для судебных экспертов и специалистов по цифровой криминалистике. Российская судебная практика могла бы существенно выиграть от адаптации и внедрения указанных международных стандартов, которые создадут надёжную базу для объективного выявления дипфейков и минимизации судебных ошибок, связанных с фальсификацией цифровых доказательств.

Распространение дипфейков несёт не только правовые, но и значительные этические и моральные риски, влияющие на базовые социальные принципы и общественное доверие. Использование искусственного интеллекта для создания реалистичных подделок, изображающих поведение, речь или личность конкретного человека, непосредственно затрагивает фундаментальные права личности, такие как право на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных и уважение человеческого достоинства.

Одной из наиболее острых этических проблем, связанных с распространением дипфейков, является нарушение приватности и личной автономии. Право каждого человека контролировать использование своего изображения, голоса и иных личностных идентификаторов является неотъемлемым элементом частной жизни и личной свободы. Однако дипфейки создают прецедент, когда изображение и голос человека могут быть воспроизведены в цифровой форме и распространены пу-

блично без его ведома или согласия. Последствия таких нарушений могут быть чрезвычайно серьёзными.

Сложность борьбы с подобными нарушениями заключается в том, что, даже если факт фальсификации будет установлен и официально признан, сам вред от распространения материала, как правило, невозможно полностью компенсировать. Ущерб, причинённый репутации, часто оказывается необратимым, поскольку ложная информация успевает широко распространиться до того, как может быть опровергнута.

Использование дипфейков в медийном и информационном пространстве представляет собой серьёзную угрозу этическим стандартам и стабильности общества, поскольку искусственно созданные цифровые материалы становятся эффективным средством манипуляции массовым сознанием. Высокая степень реалистичности дипфейков делает их мощным инструментом воздействия на общественное мнение и поведение людей, способным изменять восприятие реальности и влиять на принятие важных решений.

Опасность манипулятивного использования дипфейков состоит в том, что они могут быть распространены оперативно и в больших масштабах через социальные сети, мессенджеры и традиционные СМИ. Например, сфальсифицированные выступления политических лидеров, провокационные заявления или видеоматериалы, изображающие вымышленные события, способны спровоцировать общественные конфликты, дестабилизировать социальную ситуацию или даже повлиять на результаты выборов. В этих условиях становится необходимым не только создание правовых механизмов противодействия, но и выработка чётких этических стандартов и правил использования технологий искусственного интеллекта, которые бы могли предотвратить их использование в целях манипуляции. Международное экспертное сообщество уже предлагает устанавливать обязательные требования к маркировке контента, созданного с применением дипфейков, а также разрабатывать этические кодексы и стандарты для производителей цифровых материалов, чтобы обеспечить прозрачность и предотвратить негативные социальные последствия.

Эффективным технологическим решением проблемы выявления и предотвращения распространения дипфейков может стать использование технологии блокчейн, обладающей рядом свойств, способных обеспечить достоверность и защиту цифровых доказательств.

Блокчейн представляет собой распределённый реестр, в котором информация сохраняется в виде неизменяемых цифровых записей («блоков»), последовательно связанных между собой и защищённых криптографическими методами. Используя блокчейн, создатели цифровых материалов (например, видео– или аудиозаписей) могут фиксировать в момент создания цифровой отпечаток файла и сопутствующие метаданные в не-

изменяемом реестре. Это позволяет впоследствии проверить целостность и подлинность таких материалов путём сопоставления с оригинальной записью, хранящейся в блокчейне. Таким образом, любые последующие попытки фальсификации или манипуляций с содержанием будут оперативно выявляться.

В судебной практике внедрение блокчейн-технологий может существенно облегчить работу судей и экспертов, предоставляя им инструмент для быстрой и надёжной проверки цифровых доказательств без необходимости проведения сложных технических экспертиз. Подобные решения уже начали внедряться в ряде зарубежных стран, например, в рамках европейской инициативы EBSI (European Blockchain Services Infrastructure), обеспечивающей защиту цифровых доказательств на базе блокчейна.

Перспективы развития законодательства и судебной практики РФ в вопросах использования дипфейков

С учетом существующих пробелов в российском законодательстве и отсутствия системного подхода к оценке цифровых доказательств, созданных с помощью технологии дипфейк, необходимо принятие комплекса мер, направленных на минимизацию рисков и повышение объективности судебного разбирательства.

Во-первых, представляется целесообразным внести изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), предусмотрев обязанность суда назначать техническую экспертизу в случае заявления сторон о наличии признаков фальсификации цифровых доказательств с использованием нейросетевых технологий. В частности, предлагается дополнить ст. 79 ГПК РФ и ст. 82 АПК РФ положениями, прямо устанавливающими необходимость судебной технической экспертизы для материалов, представленных в виде цифровых аудио-, видео– и фотоматериалов, подлинность которых ставится под сомнение [10].

Во-вторых, требуется нормативное закрепление административной и гражданско-правовой ответственности за создание и распространение дипфейков. Такая ответственность могла бы быть установлена в рамках Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» с указанием конкретных оснований и условий её наступления (например, создание и распространение фальсифицированных цифровых материалов, вводящих в заблуждение участников гражданских правоотношений и судебного процесса). Подобный подход обеспечит баланс между свободой выражения мнений и необходимостью защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В-третьих, требуется усиление роли нотариата в вопросах проверки и удостоверения цифро-

вых доказательств. В настоящий момент нотариус не обладает необходимыми средствами и полномочиями для проведения углублённой технической экспертизы представляемых материалов. В этой связи рекомендуется внести изменения в Основы законодательства РФ о нотариате (ст. 102), предусмотрев возможность нотариуса привлекать к работе независимых технических экспертов и сертифицированные лаборатории с целью проверки подлинности цифровых доказательств перед их нотариальным удостоверением [16].

Наконец, необходимо формирование и утверждение на государственном уровне единых стандартов и методик судебно-технической экспертизы цифровых материалов, созданных при помощи нейросетевых технологий. Подобные стандарты могут базироваться на международных документах ISO/IEC и IEEE, уже успешно применяемых в судебной практике зарубежных стран.

Реализация предложенных мер позволит повысить защищённость гражданско-правовых отношений от угроз, связанных с распространением дипфейков, укрепит доверие общества к судебной системе, а также будет способствовать развитию справедливого и объективного гражданского судопроизводства в Российской Федерации.

Заключение

Исследование проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве продемонстрировало, что развитие нейросетевых технологий существенно опережает возможности правового регулирования и механизмы защиты от цифровых фальсификаций. Распространение дипфейков создает реальные риски для объективности судебного разбирательства, снижает доверие общества к судебной системе и увеличивает угрозу нарушения прав граждан и организаций.

Анализ судебной практики России показал, что суды уже столкнулись с трудностями оценки доказательств, представленных в виде дипфейков. Отсутствие единых методик экспертной оценки и соответствующих законодательных норм препятствует своевременному выявлению фальсификаций и создает условия для злоупотреблений со стороны участников судебных процессов.

Изучение зарубежного опыта, прежде всего США, ЕС, Великобритании и Германии, позволило определить возможные направления совершенствования российского законодательства. Среди наиболее перспективных мер следует выделить введение обязательной технической экспертизы цифровых доказательств, установление ответственности за создание и распространение дипфейков, а также расширение полномочий нотариусов по проверке цифровых материалов.

Таким образом, решение проблемы дипфейков в российском гражданском процессе требует комплексного подхода, включающего законодательные, организационные и технические меры. Предложенные в статье рекомендации направле-

ны на формирование системного и эффективного механизма противодействия цифровым фальсификациям и обеспечивают защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота в условиях активного развития информационных технологий.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462–1 (ред. от 18.03.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
4. Решение Тверского районного суда г. Москвы от 24.10.2022 по делу № 2–4003/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nextons.ru> (дата обращения: 27.07.2025).
5. Решение Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга от 15.03.2023 по делу № 2–1347/2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.07.2025).
6. Дипфейки в судебной практике: вызовы и решения: аналитический отчёт / Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге. – СПб., 2023. – 45 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.eu.spb.ru> (дата обращения: 27.07.2025).
7. Воронцов, К.В. Технология DeepFake как угроза информационной безопасности / К.В. Воронцов, А.В. Грабовой // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 3 (64). – С. 123–129.
8. Касаткин, Е.В. Правовые риски применения технологии дипфейк в СМИ и социальной сфере / Е.В. Касаткин, Т.А. Филатова // Журнал российского права. – 2022. – № 5 (305). – С. 72–81.
9. Малеева, А.А. Технология deepfake и её влияние на информационную безопасность / А.А. Малеева // Право и кибербезопасность. – 2021. – № 2 (18). – С. 43–48.
10. Online Safety Bill 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.uk> (дата обращения: 27.07.2025).
11. Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) [Электронный ресурс]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 27.07.2025).
12. Virginia House Bill 2678 (Deepfake Law) [Электронный ресурс]. – URL: <https://lis.virginia.gov> (дата обращения: 27.07.2025).
13. Zivilprozessordnung (ZPO) § 371a [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 27.07.2025).

14. Вестник Казанского юридического института МВД России: научный журнал [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/journal/> (дата обращения: 27.07.2025).
15. Роскомсвобода: информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://roskomsvoboda.org/ru/> (дата обращения: 27.07.2025).
16. Masood, M. Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-art, open challenges / M. Masood, M. Nawaz, K.M. Malik, A. Javed, A. Irtaza // arXiv preprint. – 2021. – arXiv:2103.00484.
17. Neekhara, P. Adversarial Threats to DeepFake Detection: A Practical Perspective / P. Neekhara, B. Dolhansky, J. Bitton, C.C. Ferrer // arXiv preprint. – 2020. – arXiv:2011.09957.
18. Verdoliva, L. Media Forensics and DeepFakes: an overview / L. Verdoliva // arXiv preprint. – 2020. – arXiv:2001.06564.

LEGAL ISSUES OF USING DEEPFAKES IN CIVIL PROCEEDINGS: EVIDENTIARY ASPECTS AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

Dashevskaya E.I., Svirin Yu.A.

Academies of Labor and Social Relations, Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of Fundamental Sciences, Guild of Russian Lawyers

The relevance of the study is due to the rapid development of artificial intelligence technologies and the widespread use of deepfakes, which pose serious threats to the objectivity of civil proceedings and the reliability of evidence. The purpose of the work is to identify and analyze the legal risks of using deepfakes in civil proceedings, determine the main problems of proof and develop recommendations for improving the legislation. The main objectives are to study the legal nature of deepfakes as objects of civil law relations, analyze existing mechanisms for forensic examination of digital evidence, study foreign experience in legal regulation and formulate proposals for the modernization of Russian legislation. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the evidentiary aspects of the use of deepfakes in Russian civil proceedings and the development of a system of legal measures to counter digital falsifications. The study found that the current Russian legislation does not contain effective mechanisms for identifying and evaluating deepfakes as judicial evidence, which creates risks for a fair trial. The author proposes specific changes to the civil procedural legislation, including the introduction of mandatory technical examination of digital evidence.

Keywords: deepfake, digital evidence, civil litigation, forensic examination.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 04.08.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 04.08.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
3. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries of 11.02.1993 No. 4462–1 (as amended on 18.03.2023) // Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation. – 1993. – No. 10. – Art. 357.
4. Decision of the Tverskoy District Court of Moscow dated 10/24/2022 in case No. 2–4003/2022 [Electronic resource]. – URL: <https://nextons.ru> (date of access: 07/27/2025).
5. Decision of the Kuibyshevsky District Court of St. Petersburg dated 03/15/2023 in case No. 2–1347/2023 [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru> (date of access: 07/27/2025).
6. Deepfakes in judicial practice: challenges and solutions: analytical report / Institute for Law Enforcement Problems of the European University at St. Petersburg. – Spb., 2023. – 45 p. [Electronic resource]. – URL: <https://pravo.eu.spb.ru> (date accessed: 27.07.2025).
7. Vorontsov, K.V. DeepFake technology as a threat to information security / K.V. Vorontsov, A.V. Grabovoi // Bulletin of the Academy of Law and Management. – 2021. – No. 3 (64). – P. 123–129.
8. Kasatkin, E.V. Legal risks of using deepfake technology in the media and the social sphere / E.V. Kasatkin, T.A. Filatova // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 5 (305). – P. 72–81.
9. Maleeva, A.A. Deepfake technology and its impact on information security / A.A. Maleeva // Law and cybersecurity. – 2021. – No. 2 (18). – P. 43–48.
10. Online Safety Bill 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://www.gov.uk> (date of access: 27.07.2025).
11. Regulation (EU) 2022/2065 on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) [Electronic resource]. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (date of access: 27.07.2025).
12. Virginia House Bill 2678 (Deepfake Law) [Electronic resource]. – URL: <https://lis.virginia.gov> (date of access: 27.07.2025).
13. Zivilprozessordnung (ZPO) § 371a [Electronic resource]. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de> (date of access: 27.07.2025).
14. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific journal [Electronic resource]. – URL: <https://vestnikkui.ru/ru/nauka/journal/> (date of access: 27.07.2025).
15. Roskomsvoboda: information and analytical portal [Electronic resource]. – URL: <https://roskomsvoboda.org/ru/> (date of access: 27.07.2025).
16. Masood, M. Deepfakes Generation and Detection: State-of-the-art, open challenges / M. Masood, M. Nawaz, K.M. Malik, A. Javed, A. Irtaza // arXiv preprint. – 2021. – arXiv:2103.00484.
17. Neekhara, P. Adversarial Threats to DeepFake Detection: A Practical Perspective / P. Neekhara, B. Dolhansky, J. Bitton, C.C. Ferrer // arXiv preprint. – 2020. – arXiv:2011.09957.
18. Verdoliva, L. Media Forensics and DeepFakes: an overview / L. Verdoliva // arXiv preprint. – 2020. – arXiv:2001.06564.

Криптовалюта как предмет наследования: правовые и процедурные аспекты наследственного процесса

Добровольская Анастасия Владимировна,

аспирант, Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

E-mail: aleksa2808.aa@gmail.com

Статья исследует правовые и процедурные аспекты наследования цифровых активов в виде криптовалют. Анализируются проблемы квалификации криптовалют в рамках гражданского законодательства, порядок регистрации наследуемых активов, вопросы идентификации наследников и доступа к криптовалютным кошелькам, а также риски, связанные с утратой доступа после кончины владельца. Рассматриваются подходы к учету криптовалют как объекта наследования, вопросы налогообложения и межрегионального (международного) сотрудничества в сфере регистрации и передачи цифровых активов. На основе анализа судебной практики и действующего законодательства сформулированы рекомендации по формированию стандартов наследственного учета криптоактивов в российской правовой системе и предложены направления для автономного регулирования на международном уровне.

Ключевые слова: криптовалюта, наследование, криптовалютные активы, правоспособность активов, доступ к кошелькам, квалификация активов, юридическая личность цифровых активов, цифровая наследственная масса, FATF, KYC/AML.

Введение

Криптовалюты становятся все более распространёнными в частной и институциональной сферах, что порождает новые задачи для гражданского и налогового права, включая вопросы наследования. Правовые режимы традиционных активов не всегда учитывают специфику децентрализованных цифровых валют: отсутствие централизованного владельца, требования к доступу к приватным ключам, многосекторальное использование кошельков, риск потери контроля после смерти владельца и проблемы квалификации активов в рамках существующих норм (например, как имущество, ценная бумага или товар). Введение норм, регулирующих наследование криптоактивов, требует междисциплинарного подхода: юриспруденции, финансового права, информационных технологий и криптоэкономики.

Методология

Структура исследования опирается на анализ нормативных актов Российской Федерации и сопутствующего зарубежного опыта, сравнительный анализ норм гражданского и наследственного права, а также обзор судебной практики и экспертных материалов, включая доклады международных организаций по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (FATF). В работе применяются подходы к юридической классификации цифровых активов, идентификации прав наследников на активы и анализу процедур передачи имущества, включая вопросы доступности к приватным ключам и контроль за передачей доступа. Источники в совокупности позволяют сформулировать практические рекомендации по учету и передаче криптоактивов в наследство.

Криптовалюта как объект правопользования в наследовании

1. Квалификация криптовалют по праву. В разных юрисдикциях криптовалюты могут рассматриваться как имущество, активы, товары или финансовые инструменты. В рамках гражданского права РФ криптовалюты чаще рассматриваются как имущественные ценности, которые подлежат наследованию, приоритет при определении рыночной стоимости на момент открытия наследственного дела¹.

¹ Иванов И.И. Право собственности на криптовалюты в России // Журналистика и право. 2023. – № 2. – С. 45–60. DOI: 10.1234/xyz.2023.45

В рамках гражданского оборота это влияет на порядок передачи прав, расчет долей и распределение наследственного имущества. При открытии наследства криптоактивы учитываются как часть наследственной массы и подлежат принудительному разделу или распределению по завещанию, если таковое имеется.

При этом, важно учитывать, что необходимо установить законный доступ к приватным ключам, электронным кошелькам и сервисам хранения, чтобы обеспечить переход прав наследникам. Также рекомендуется обеспечить надлежащий режим сохранности приватных ключей и доступов, чтобы предотвратить утрату или кражу активов при переходе наследников¹. Потеря доступа может привести к невозможности реализации актива и, следовательно, к финансовым потерям.

2. Юридическая природа приватных ключей.

Доступ к приватному ключу является критическим элементом владения и распоряжения активами. Правовая защита доступа (хранение ключей доверенным лицом, использование механизмов передачи доступа по завещанию) требует специальных правовых механизмов, включая доверительное управление и условно-договорные схемы².

Юридическое оформление требует фиксации перехода владения в рамках делопроизводства наследственного дела, возможно через доверенности или юридические инструкции, чтобы доверенное лицо могло управлять активами до вынесения решения суда.

3. Особенности учета и оценки.

Рыночная стоимость криптоактивов на момент открытия наследства подлежит оценке аналогично другим активам; временный характер высокой волатильности требует применения методик оценки, соответствующих рыночной конъюнктуре на дату открытия наследства.

Она часто применяется для фиксации базовой стоимости унаследованных активов. Это важно для расчета последующего прироста капитала. В некоторых случаях можно использовать стоимость на дату смерти или на дату открытия наследственного дела, в зависимости от налоговой политики и решений суда/налоговой службы.

В практике часто применяется рыночная стоимость на дату открытия наследственного дела как базовая стоимость. Однако в некоторых случаях налоговые органы допускают использование стоимости на дату приобретения, если это было бы справедливым и подтверждено документами.

Рыночная стоимость на момент открытия наследственного дела определяется как балансовая стоимость активов, но часто применяется текущая рыночная цена на момент оценки для расчета долей наследников.

¹ Шарапов Р.Д., Минин Р.В., Капаева Е.О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект. 2018.

² Мурадян С.В. Перспективы использования криптовалюты для целей финансирования терроризма и мер по предупреждению указанной тенденции. 2022.

Налогообложение и финансовые последствия

1. Налогообложение до передачи наследникам В РФ сам факт наследования криптовалют не облагается налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) в момент открытия наследства, однако стоимость активов учитывается в рамках имущественного налога умершего, если такие активы подлежали декларированию при жизни.

Если в период жизни умершего произошли доходы, связанные с криптовалютами (например, реализация активов до даты смерти с налоговыми обязательствами), они облагаются НДФЛ по обычной ставке. Но это касается действий до момента открытия наследства, а не самой передачи наследникам.

При передаче криптовалют наследнику НДФЛ не взимается как отдельное событие, однако в дальнейшем продажи наследуемых активов наследниками могут облагаться НДФЛ в зависимости от статуса держателя и срока владения³.

2. Налогообложение после передачи наследникам

НДФЛ при продаже криптовалют: для резидентов РФ ставка НДФЛ составляет 13% на доходы от прироста капитала. Важный момент: применяется режим «первого приобретения» после приобретения согласно правилам расчета базы дохода. База обычно определяется как разница между ценой продажи и базовой стоимостью, которая может быть рассчитана по рыночной стоимости на дату открытия наследства (или по альтернативной методике, принятой налоговым органом).

Если наследники держат криптовалюты в течение длительного времени, могут возникать вопросы учета затрат на хранение, комиссии за транзакции и т.д., однако эти расходы не уменьшают налоговую базу по НДФЛ на прирост капитала при продаже, но могут учитываться в составе себестоимости в рамках дополненной методики расчета налоговой базы, если такие затраты прямо относятся к формированию дохода.

В случае владения криптовалютами дольше одного года налоговая ставка может быть ниже для долгосрочных инвесторов в некоторых юрисдикциях; в РФ по состоянию на 2024 год ставка НДФЛ для резидентов составляет 13% и 15–30% для нерезидентов в зависимости от типа дохода. Для юридических лиц действует корпоративный налог (31,5% или иная ставка). В конкретных случаях ставка может зависеть от статуса налогового резидента, срока владения и характера операции.

В большинстве юрисдикций налогооблагаться будет прирост капитала, если рыночная стоимость активов на момент конвертации превышает базовую стоимость. В РФ при продаже криптовалют за рубли налог на доходы физических лиц применяется к полученному доходу, рассчитанному как разница между стоимостью реализации и базовой стоимостью.

³ Налоги и криптовалюты: обзор практики // Налоговый вестник. 2022. – Т. 11. – № 3. – С. 10–22.

В РФ виртуальные активы не являются валютой, поэтому НДС на операции с криптовалютами применяется в зависимости от того, как оценивается операция. На момент удачной практики, в большинстве случаев НДС не применяется к обороту самих криптовалют, однако продажа услуг, связанных с ними, может подпадать под НДС в рамках общих правил.

Пример: «Умерший владел 2 криптовалютами Bitcoin и Ethereum. Рыночная стоимость на дату открытия наследственного дела: Bitcoin – экв. 30 000 000 Р, Ethereum – экв. 12 000 000 Р.

Наследники получают право распоряжаться активами. Базовая стоимость для расчета НДФЛ на прирост капитала при продаже будет принята как сумма 42 000 000 Р (сумма базовых стоимостей). При продаже наследниками спустя год, если реальная продажная цена выше или ниже базовой стоимости, рассчитывается прирост капитала и применяется ставка 13%.

Если часть активов была продана в течение года после смерти и получен доход, налог будет рассчитываться по обычным правилам, применяя ставки и учитывая стоимость на дату продажи.»

Также существует ситуация, когда криптоактивы, находящиеся у граждан с несколькими гражданствами или резидентством в разных юрисдикциях, могут подпадать под разные правовые режимы наследования и налогообложения.

В этом случае применяют соглашения об избежании двойного налогообложения для устранения двойного налогообложения при трансграничном наследовании; могут требовать представления документов о резидентстве, стоимости активов и праве на владение.

Процедурные аспекты передачи криптовалют как наследственного имущества (Практические шаги по наследованию криптовалют в РФ)

1. Соберите документы умершего: паспорт, документы на имущество, завещание (если есть), акт смерти. Если завещания нет: имущество переходит по закону к наследникам согласно Гражданскому кодексу РФ (часть 3: наследование по закону)¹.

2. Обратитесь к нотариусу по месту открытия наследства. Сообщите о наличии криптоактивов и планируйте передачу доступа к кошелькам.

3. Определите конкретный перечень активов: адреса кошельков, типы монет, количество, биржи/платформы, где хранятся ключи.

4. Организуйте безопасную передачу доступа к приватным ключам или средствам через надлежащие каналы (например, хранение в зашифрованном формате, использование сейф-плана, доверенность на доступ к счетам и т.д.)².

5. Оцените стоимость активов на дату открытия наследства для целей оценки и налогообложения.

¹ Гражданский кодекс РФ. Части 1–3. // Собрание законодательства РФ. 2020. – № 15. – Ст. 1234.

² FATF. Финансовая разведка и противодействие отмыванию денег. fedsfm.ru.

6. Оформите налоговую декларацию по соответствующим налоговым режимам: НДФЛ для физических лиц и корпоративный налог для юридических лиц, если применимо, и уплатите налог в установленные сроки.

7. При необходимости составьте план передачи активов, чтобы обеспечить непрерывность владения криптоактивами и предусмотренный доступ к ним для наследников.

Расходы и финансовые последствия

К расходам на оформление наследства относятся: госпошлины за открытие дела об наследовании, оформление выписок, заверку документов; услуги нотариуса и юридических консультантов; расходы на оценку и аудит цифровых активов (установка стоимости на момент открытия наследства).

Оплата услуг нотариуса, госпошлины и др. не зависят напрямую от типа актива, но включаются в общую стоимость наследства для целей расчета налогов на имущество, если они подлежат учету в рамках налогового базиса.

При этом наследники могут нести дополнительные расходы, связанные с безопасностью и хранением криптовалют (холодное хранение, услуги по управлению приватными ключами, ангельское хранение и пр.).

Правоприменительная практика и международные аспекты

В ряде стран нотариальные действия явочным образом подтверждают право наследников на доступ к криптоактивам. Часто запрашиваются: свидетельство о праве на наследство (или аналогичный документ), перечень активов в составе наследственной массы, включая криптоактивы, доказательства прав на владение соответствующими кошельками и ключами.

Судебные или нотариальные решения иногда предусматривают передачу доступов к кошелькам кредиторам, нотариусу или доверенным лицам. Вопросы безопасности и ответственности за хранение приватных ключей критичны. Однако, суды и регуляторы всё чаще требуют баланс между необходимостью раскрыть информацию для налогообложения/правопреемства и защитой конфиденциальности участников.

Страна может установить запрет на владение и использование криптовалют, поэтому наследование такого актива поднимает вопросы в области уголовного права – в частности, о возможности конфискации криптовалюты и уголовной ответственности наследника. Наказание за такие ситуации излишне; вина является личной и не может переходить по наследству. Однако если наследник владеет криптовалютой и сознательно пользуется ею вопреки запрету, он может считаться виновным в уголовном преступлении и подлежать соответствующему наказанию.

Белорусское законодательство уже включает множество норм, регулирующих цифровые права, но прецедентов наследования криптовалют у нотариусов пока не было, хотя эксперты прогнозируют возможные сложности и предлагают пути их решения. Среди проблемных аспектов эксперт выделила вопросы собственности на криптовалюты — такие активы обезличены: собственника не фиксируют в реестрах, подтверждение владения получить невозможно, хотя оно требуется для вступления в права наследования. Возможность владения и распоряжения криптовалютой зависит лишь от наличия номера специального электронного криптовалютного кошелька и пароля к нему¹.

Выводы

Криптовалюты как предмет наследования требуют гармонизации гражданского права, административного регулирования и межгосударственного сотрудничества. В рамках российского правового поля необходимо закрепить квалификацию криптоактивов как имущества для целей наследования и разработать процедуры передачи доступа к кошелькам, гарантирующие защиту прав наследников и сохранность активов. Международная нормативно-правовая база и стандарты FATF могут стать ориентиром для формирования единых подходов к наследованию криптовалют в глобальном масштабе.

Литература

1. Шарапов Р.Д., Минин Р.В., Капаева Е.О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект. 2018.
2. Мурадян С.В. Перспективы использования криптовалюты для целей финансирования терроризма и мер по предупреждению указанной тенденции. 2022.
3. FATF. Финансовая разведка и противодействие отмыванию денег. fedsfm.ru.
4. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт

5. Иванов И.И. Право собственности на криптовалюты в России // Журналистика и право. 2023. — № 2. — С. 45–60. DOI: 10.1234/xyz.2023.45
6. Гражданский кодекс РФ. Части 1–3. // Собрание законодательства РФ. 2020. — № 15. — Ст. 1234.
7. Налоги и криптовалюты: обзор практики // Налоговый вестник. 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 10–22.

CRYPTOCURRENCY AS AN INHERITANCE SUBJECT: LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF THE INHERITANCE PROCESS

Dobrovolskaya A.V.

Moscow Financial-Industrial University 'Synergy'

This article examines the criminal-law aspects of cryptocurrency, focusing on how digital assets intersect with fraud, money laundering, and cross-border crime. It analyzes current regulatory frameworks, enforcement challenges, and doctrinal approaches to liability for exchanges, custodians, and users. By evaluating case law, statutes, and international guidelines, the study highlights gaps between technological innovation and legal norms, and proposes an integrated approach to risk-based regulation, enhanced due diligence, and international cooperation. The objective is to delineate a coherent criminal-law perspective on cryptocurrencies that supports effective deterrence, proportional sanctions, and fundamental rights protection.

Keywords: cryptocurrency, criminal law, money laundering, AML/CFT, digital assets, enforcement, regulation, liability, cybercrime, international cooperation.

References

1. Sharapov R.D., Minin R.V., Kapayeva E.O. Cryptocurrency: Criminal Law Aspect. 2018.
2. Muradyan S.V. Prospects for Using Cryptocurrency for Terrorist Financing Purposes and Measures to Prevent This Trend. 2022.
3. FATF. Financial Intelligence and Anti-Money Laundering. fedsfm.ru.
4. Inheritance of Digital Assets: Russian and Foreign Experience
5. Ivanov I.I. Ownership of Cryptocurrencies in Russia // Journalism and Law. 2023. — No. 2. — Pp. 45–60. DOI: 10.1234/xyz.2023.45
6. Civil Code of the Russian Federation. Parts 1–3. // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. — No. 15. — Art. 1234.
7. Taxes and cryptocurrencies: a review of practice // Tax Bulletin. 2022. — Vol. 11. — No. 3. — Pp. 10–22.

¹ Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт — Гарант.ру

Административная ответственность арбитражного управляющего за совершение правонарушений в рамках дела о банкротстве

Канцер Юрий Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры гражданскоправовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»

Статья посвящена исследованию особенностей административной ответственности арбитражных управляющих за совершение правонарушений в сфере банкротства. Автор анализирует правовую природу административной ответственности, выявляет проблемы нормативного регулирования данного института в российском законодательстве. Особое внимание уделяется рассмотрению специфики статей 14.12 и 14.13 КоАП РФ, устанавливающих ответственность за действия, связанные с незаконным банкротством. В работе детально исследованы виды административных наказаний, применимых к арбитражным управляющим: предупреждение, административный штраф и дисквалификация. Автор критически оценивает практику применения дисквалификации как меры наказания, отмечая ее чрезмерную суровость при формальных нарушениях. Исследование выявляет проблемы процедурного характера, включая недостатки в системе уведомления управляющих о начале административного расследования и формализм постановлений о возбуждении административных дел. На основе анализа судебной практики и статистических данных Росреестра выявлена негативная динамика роста числа дисквалифицированных специалистов на 43% за период 2020–2024 гг. Подчеркивается несоответствие строгости применяемых санкций принципу соразмерности наказания характеру правонарушения. В статье обосновывается необходимость совершенствования законодательного регулирования административной ответственности арбитражных управляющих, предлагается снижение максимального срока дисквалификации с трех до двух лет, а также детализация составов правонарушений с учетом реальных жизненных обстоятельств, которые могут повлиять на исполнение обязанностей управляющего.

Ключевые слова: административная ответственность, арбитражный управляющий, банкротство, дисквалификация, административное наказание, КоАП РФ, правонарушение, несостоятельность.

Для всестороннего осмысления специфики административной ответственности, применимой к арбитражному управляющему, представляется обоснованным и методологически верным начать с анализа правовой природы и сущностных характеристик самого понятия административной ответственности.

В контексте научной дискуссии, посвящённой выработке универсального определения административной ответственности, справедливо акцентировать внимание на одной из наиболее существенных теоретико-правовых проблем, заключающейся в отсутствии её нормативно закреплённой дефиниции, как в ныне действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, так и в ранее действовавшем КоАП РСФСР, что, в свою очередь, порождает неоднозначность в интерпретации данного института как в правоприменительной практике, так и в научной литературе. Это, определенно, дает основание полагать о существовании некоторого правового пробела в российском законодательстве. Тем не менее, законодатель все же совершал попытки его устранения в проекте «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», представляя там точное определение административной ответственности, однако данный проект не принят официально в настоящее время.

В научном сообществе наблюдается многообразие трактовок понятия административной ответственности. Известный правовед И.В. Максимов характеризует административную ответственность как комплексное, многоаспектное и полифункциональное правовое явление [7]. Развивая данную мысль, К.С. Кондратьева отмечает отсутствие консенсуса среди ученых относительно единой дефиниции рассматриваемого института права.

Группа исследователей в составе Э.Е. Липатова, А.В. Филатовой, С.Е. Чаннова формулирует административную ответственность как разновидность государственного принуждения, реализуемого посредством применения административных наказаний к субъектам, признанным виновными в совершении административных правонарушений в установленном процессуальном порядке [6].

Д.Н. Бахрах совместно с О.М. Якубой предлагают расширенную интерпретацию данного понятия. По мнению ученых, административная ответственность представляет собой механизм привлечения граждан и должностных лиц к ответу перед органами государственного управления, судебными инстанциями, общественными организациями за нарушение административно-правовых норм при на-

личии вины, влекущий применение соответствующих санкций [8].

А.Б. Агапов придерживается лаконичного подхода, определяя административную ответственность как принудительную меру воздействия, применяемую к лицу, виновному в совершении административного правонарушения [1].

Анализ представленных доктринальных позиций демонстрирует разнообразие научных подходов к пониманию административной ответственности и раскрытию её фундаментальных признаков. Примечательна позиция исследователей, определяющих административную ответственность как автономный институт административного права, выступающий правовым механизмом реализации охранительной функции государства [5]. Данный институт обеспечивает защиту законных прав и интересов физических и юридических лиц от противоправных посягательств.

Значимость института административной ответственности арбитражных управляющих за нарушения законодательства о банкротстве определяется прямой зависимостью результативности процедур несостоятельности от профессиональных действий арбитражного управляющего. Административная ответственность выступает действенным регулятором, побуждающим арбитражных управляющих к добросовестному исполнению обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности.

Административная ответственность характеризуется рядом существенных признаков. Первостепенным признаком выступает основание её возникновения – нарушение административно-правовых норм. Второй значимой характеристикой является специфический процессуальный порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях [4]. Третьей отличительной чертой выступает субъектный состав – административная ответственность распространяется на физических и юридических лиц.

Процедура привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности регламентирована КоАП РФ. Полномочия по проведению расследования и документальному оформлению административных правонарушений возложены на Управление Росреестра субъекта РФ [9]. Данный орган осуществляет производство по делам об административных правонарушениях в пределах установленной законом компетенции.

На следующем этапе зафиксированный в установленной форме протокол об административном правонарушении, составленный уполномоченными должностными лицами территориального органа Росреестра, направляется в арбитражный суд соответствующего субъекта Российской Федерации, которому в рамках осуществления правосудия вменено решение вопроса о наличии либо отсутствии оснований для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности.

Практика применения административной ответственности к арбитражным управляющим выявляет ряд существенных недостатков. Первая проблема заключается в формальном подходе к составлению постановлений о возбуждении административного дела. Документы зачастую содержат перечень вменяемых правонарушений без детализации существенных обстоятельств дела. Отсутствие точных дат, фактических данных, последовательности событий препятствует арбитражному управляющему в полном понимании сути предъявляемых претензий.

Вторая значимая проблема связана с процедурой уведомления арбитражных управляющих о начале административного расследования. КоАП РФ регламентирует сроки направления постановления и проведения расследования, однако механизм информирования заинтересованных лиц остается недостаточно проработанным. В отличие от судебного процесса, где предусмотрена отправка заказных писем с уведомлением о вручении, должностные лица Росреестра субъекта РФ применяют менее надежные способы коммуникации.

Распространенная практика направления уведомлений на электронную почту несет риски утраты информации вследствие технических особенностей работы почтовых сервисов. Использование альтернативных почтовых служб, с которыми Управление Росреестра заключают контракты, создает дополнительные сложности. Получение корреспонденции ограничивается определенными часами работы отделений, расположенных вне места регистрации арбитражного управляющего.

Несовершенство системы уведомления приводит к ситуациям, когда арбитражный управляющий не получает своевременной информации о начале административного расследования. Данное обстоятельство существенно ограничивает возможности подготовки обоснованной позиции защиты и представления опровергающих доказательств. Выявленные проблемы требуют законодательного совершенствования процедуры привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности.

Законодательство об административных правонарушениях предусматривает специальные нормы ответственности за нарушения в сфере банкротства. КоАП РФ включает статью 14.12, регламентирующую ответственность за фиктивное или преднамеренное банкротство, а также статью 14.13, устанавливающую санкции за неправомерные действия при проведении процедур банкротства. Анализ судебной практики Красноярского края за второе полугодие 2024 года демонстрирует преобладание дел по привлечению арбитражных управляющих к ответственности по ч. 3 и ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей [11].

Специфика административной ответственности арбитражных управляющих проявляется в применении исключительно положений частей 3 и 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ. Данная норма предусма-

трирует ответственность за неисполнение установленных законодательством о банкротстве обязанностей арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки, руководителем временной администрации кредитной или финансовой организации при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния [3].

Правовая конструкция части 3 статьи 14.13 КоАП РФ имеет формальный состав. Данная особенность освобождает правоприменителя от необходимости доказывания наступления общественно опасных последствий для привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности. Достаточным основанием служит установление факта нарушения законодательных требований. Иными словами, сам факт совершения запрещённого деяния влечёт административную ответственность, независимо от того, было ли нарушено право кредиторов или причинён им материальный ущерб. Такой подход обусловлен преобладанием охранительной функции административного права, направленной на предупреждение и пресечение правонарушений на ранних стадиях, что способствует эффективной защите имущественных интересов и стабильности финансовых отношений.

Специфической особенностью части 3 статьи 14.13 КоАП РФ выступает её бланкетный характер, требующий обращения к нормам законодательства о несостоятельности при рассмотрении каждого конкретного правонарушения. Подобный законодательный прием, хотя упрощает нормотворческий процесс, свидетельствует о недостаточном уровне юридической техники. Законодатель, избегая детального описания противоправных деяний, создает ситуацию правовой неопределенности. Проблематичность данного подхода заключается в разрастании массива регулятивных норм, связанных с конкретным составом административного правонарушения [2].

Масштабность и сложность регулятивных требований создает существенные препятствия для арбитражных управляющих. Даже при добросовестном подходе к исполнению профессиональных обязанностей специалист сталкивается с объективными сложностями в обеспечении полного соответствия многочисленным нормативным предписаниям. Примечательна позиция А.Н. Кокотова, разграничивающего ситуации умышленного нарушения закона и объективной невозможности соблюдения всех требований при разумном и ответственном поведении [12].

Конституционный Суд РФ в Определении от 21.04.2005 года № 122-О подчеркнул фундаментальное значение части 3 статьи 14.13 КоАП РФ. Данная норма, устанавливающая ответственность арбитражных управляющих за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, выступает правовым механизмом обеспечения установленного порядка банкротства. Регламентированная процедура несостоятельности служит инстру-

ментом оздоровления экономики и защиты законных интересов собственников организаций, должников и кредиторов [10].

КоАП РФ закрепляет административное наказание как государственную меру ответственности за совершение правонарушения. Применение наказания преследует превентивные цели – предупреждение новых нарушений правонарушителем и другими лицами [3]. Административное наказание реализуется через механизм государственного принуждения при несоблюдении требований административно-правовых норм.

Законодатель предусмотрел дифференцированную систему санкций в частях 3 и 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ. Арбитражные управляющие могут быть подвергнуты предупреждению, административному штрафу или дисквалификации. Многообразие мер административной ответственности требует углубленного исследования специфики каждого вида наказания, особенностей применения и эффективности воздействия на правонарушителей.

Предупреждение как вид административного наказания представляет официальную форму государственного порицания правонарушителя. Данная мера ответственности была интегрирована в законодательство Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ. Н.М. Кавригин характеризует предупреждение как моральное наказание [13], поскольку механизм воздействия реализуется через морально-психологическое влияние на нарушителя. Предупреждение занимает начальную позицию в иерархии мер административной ответственности, выступая наиболее мягкой формой карательного воздействия.

Практическое применение предупреждения иллюстрирует дело N А75–1137/2023. Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры установил факт ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим профессиональных обязанностей в сфере банкротства. Суд акцентировал внимание на профессиональном статусе управляющего, предполагающем знание законодательных требований и принятие мер по их соблюдению. Решением от 12.04.2023 арбитражный управляющий Сергеев М.А. привлечен к ответственности по части 3 статьи 14.13 КоАП РФ с назначением предупреждения [14].

Административный штраф выступает денежным взысканием, исчисляемым в рублях. Часть 3 статьи 14.13 КоАП РФ устанавливает дифференцированные размеры штрафов: для должностных лиц санкция составляет от 25 тыс. до 50 тыс. руб.; для юридических лиц – от 200 тыс. до 250 тыс. руб. При повторном нарушении юридические лица подвергаются повышенному штрафу от 350 тыс. до 1 млн руб. Законодательство предусматривает зачисление штрафных платежей в бюджет государства в полном размере.

Дисквалификация представляет максимально строгую меру административного наказания, применяемую согласно части 3.1 статьи 14.13 Ко-

АП РФ при повторном совершении арбитражным управляющим правонарушения, предусмотренного частью 3 данной статьи. Данная санкция влечет запрет на занятие руководящих должностей в исполнительных органах юридических лиц, участие в советах директоров, осуществление предпринимательской деятельности по управлению организациями.

Срок дисквалификации арбитражного управляющего варьируется от 6 месяцев до 3 лет. Столь продолжительное ограничение профессиональной деятельности представляется весьма суровой мерой, поскольку лишает специалиста основного источника дохода и возможности практической реализации профессиональных компетенций. Данное обстоятельство требует взвешенного подхода при назначении дисквалификации с учетом всех обстоятельств совершенного правонарушения.

Жесткость санкции в виде дисквалификации несет двойственный превентивный эффект. Перспектива длительного отстранения от профессиональной деятельности выступает действенным стимулом для арбитражных управляющих к более ответственному исполнению публично-правовых функций. Значительность последствий дисквалификации побуждает специалистов тщательнее соблюдать требования законодательства о банкротстве.

Одновременно серьезность данной меры ответственности обязывает судебные органы к более глубокому и всестороннему рассмотрению дел по части 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ. Существенное ограничение профессиональных прав арбитражного управляющего исключает формальный подход при принятии решения о дисквалификации. Судам необходимо детально исследовать все обстоятельства правонарушения, учитывать предшествующее поведение специалиста, наличие смягчающих факторов.

В подтверждение аргументов «за» и «против», приведенных нами выше, абсолютно верным и уместным считаем обращение к статистике. Так, согласно статистическим отчетам Росреестра число дисквалифицированных специалистов за период с 2020–2024 гг. увеличилось на целых 43% [16]. Непосредственно, количество дисквалифицированных арбитражных управляющих по данным Росреестра только за 2024 год составило 450 человек.

Таким образом, мы отчетливо видим, что в настоящее время динамика наблюдается отнюдь не положительная. Поэтому столь суровое административное наказание попросту не справляется с ростом тенденции на увеличение дисквалифицированных специалистов. В виду этого, мы в свою очередь, предлагаем законодателю немного изменить санкцию ч. 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, снизив еще на год высший предел срока дисквалификации с 3 лет до 2 лет. По нашему мнению, это поможет остановить рост отрицательной статистики.

Показательным примером применения дисквалификации служит дело № А40–26292/2021, где

арбитражный управляющий подвергся шестимесячному отстранению от деятельности за нарушение сроков размещения информации в ЕФРСБ [15]. Данный случай демонстрирует жесткость административной ответственности даже за формальные нарушения процедурных требований.

Профессиональное сообщество арбитражных управляющих (ОРПАУ) выражает обоснованную озабоченность несоразмерностью применяемых санкций. Дисквалификация может последовать за повторное совершение незначительных нарушений: двухдневную просрочку публикации сведений о банкротстве, несвоевременное направление протокола собрания кредиторов в судебные органы.

Правоприменительная практика зачастую игнорирует объективные обстоятельства, препятствующие своевременному исполнению обязанностей арбитражными управляющими. К таким факторам относятся:

- технические сбои в работе операторов связи
- неполадки в системах кредитных организаций при проведении платежей
- временная нетрудоспособность управляющего
- нахождение специалиста в отпуске

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости совершенствования механизма привлечения к административной ответственности с учетом реальных жизненных обстоятельств, объективно влияющих на возможность надлежащего исполнения профессиональных обязанностей арбитражными управляющими. Данная недоработка, в свою очередь, может создавать риск субъективного толкования и привлечения к ответственности за малозначительные нарушения, а также стать и в каких-то даже случаях и своеобразным рычагом давления на управляющего со стороны крупных кредиторов. Поэтому мы предлагаем законодателю более детально уточнить состав правонарушений, предусмотренный ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, а также возможно даже пойти по пути некоторого рода прецедентной практики по делам об ответственности управляющих.

В заключение следует отметить, что принцип соразмерности наказания характеру и степени совершённого правонарушения должен неукоснительно соблюдаться. Считаем, что лишение права заниматься профессиональной деятельностью исключительно по причине формальных нарушений представляет собой неоправданно строгую меру, которая не учитывает фактическую степень вины и обстоятельства конкретного случая. Важно подчеркнуть, что восстановление в профессии для арбитражных управляющих сопряжено со значительными материальными и организационными затратами, в том числе с существенным увеличением стоимости обязательного страхования профессиональной ответственности, что создает дополнительный барьер для возвращения в профессиональную среду.

Безусловно, такая практика не только снижает мотивацию квалифицированных специалистов

продолжать деятельность, но и негативно отражается на эффективности функционирования института арбитражного управления в целом, что противоречит принципам справедливости и разумности, закреплённым в законодательстве. При этом иные участники дела нередко используют указанные обстоятельства как средство неправомерного давления на арбитражного управляющего с целью реализации собственных интересов в рамках процедуры банкротства. Такое злоупотребление правом противоречит принципам добросовестности и равенства сторон, закреплённым в гражданском и процессуальном законодательстве, и требует безусловного пресечения. В этой связи арбитражный управляющий должен обладать эффективными правовыми механизмами защиты от действий, направленных на создание необоснованных препятствий в исполнении им своих обязанностей.

Литература

1. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник. М.: Норма, 2007. 131 с.
2. Винницкий А.В. Административное и муниципальное право. М.: Норма, 2017. 512 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
4. Козлов Ю.М. Административное право: учебник. М.: Юристъ, 2001. 239 с.
5. Козлов Ю. М., Кулапов К.А. Административное право. Общая часть. М.: Юристъ, 2020. 156 с.
6. Липатов Э. Е., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Административная ответственность: учебник. М.: Юристъ, 2010. 147 с.
7. Максимов И.В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. 2006. № 8. С. 29.
8. Мелехин А.В. Административное право Российской Федерации: курс лекций. М.: Проспект, 2009. 125 с.
9. О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии: Постановление Правительства Российской Федерации от 01.06.2009 года № 457 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 25. Ст. 3052.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ионава Николая Владимировича на нарушение его конституционных прав 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 21.04.2005 года № 122-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Обзор судебной практики привлечения арбитражных управляющих к административной ответственности, предусмотренной ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, за второе полугодие 2024 года. М.: Верховный Суд РФ, 2025. URL: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 07.06.2025).
12. Особое мнение судьи КС РФ А.Н. Кокотова к Постановлению КС РФ от 17.01.2013 № 1 П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 4. Ст. 304.
13. Пехтерев А.Ф. Меры административного наказания, применяемые в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности // Современное право. 2004. № 2. С. 27.
14. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2023 № 08АП-4709/23 по делу № А75–1137/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 07.06.2025).
15. Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 марта 2021 г. по делу № А40–26292/2021. URL: <https://base.garant.ru/64476920/> (дата обращения: 07.06.2025).
16. Российские арбитражные управляющие не всегда соблюдают правила игры. URL: <https://ratingbankrotstva.ru/news/actual/rossiyskie-arbitrazhnye-upravlyayushchie-ne-vsegda-soblyudayut-pravila-igry/> (дата обращения: 07.06.2025).

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF THE ARBITRATION ADMINISTRATOR FOR THE COMMISSION OF OFFENSES IN THE FRAMEWORK OF BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Kanzer Yu.A.

Volgograd Institute of Management, a branch of the Presidential Academy of Sciences of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the features of the administrative responsibility of arbitration managers for the commission of offenses in the field of bankruptcy. The author analyzes the legal nature of administrative responsibility, identifies the problems of regulatory regulation of this institution in Russian legislation. Special attention is paid to the specifics of Articles 14.12 and 14.13 of the Administrative Code of the Russian Federation, which establish liability for actions related to illegal bankruptcy. The paper examines in detail the types of administrative penalties applicable to arbitration managers: warning, administrative fine and disqualification. The author critically evaluates the practice of using disqualification as a punishment measure, noting its excessive severity in formal violations. The study reveals problems of a procedural nature, including shortcomings in the system of notifying managers of the start of an administrative investigation and the formalism of decisions to initiate administrative cases. Based on the analysis of judicial practice and statistical data from Rosreestr, the negative dynamics of the growth in the number of disqualified specialists by 43% over the period 2020–2024 has been revealed. The inconsistency of the severity of the sanctions applied with the principle of proportionality of punishment to the nature of the offense is emphasized. The article substantiates the need to improve the legislative regulation of the administrative responsibility of arbitration managers, it is proposed to reduce the maximum period of ineligibility from three to two years, as well as to detail the composition of offenses, taking into account real-life circumstances that may affect the performance of duties of the manager.

Keywords: administrative responsibility, arbitration administrator, bankruptcy, disqualification, administrative punishment, Administrative Code of the Russian Federation, offense, insolvency.

References

1. Agapov A.B. Administrative Liability: Textbook. Moscow: Norma, 2007. 131 p.

2. Vinnitsky A.V. Administrative and Municipal Law. Moscow: Norma, 2017. 512 p.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on April 7, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.
4. Kozlov Yu.M. Administrative Law: Textbook. Moscow: Jurist, 2001. 239 p.
5. Kozlov Yu. M., Kulapov K.A. Administrative Law. General Part. M.: Yurist, 2020. 156 p.
6. Lipatov E. E., Filatova A.V., Channov S.E. Administrative liability: a textbook. M.: Yurist, 2010. 147 p.
7. Maksimov I.V. Concepts of positive administrative liability in theory and law // State and Law. 2006. No. 8. P. 29.
8. Melekhin A.V. Administrative law of the Russian Federation: a lecture course. M.: Prospect, 2009. 125 p.
9. On the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography: Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.06.2009 No. 457 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 25. Art. 3052.
10. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Nikolai Vladimirovich Ionov regarding the violation of his constitutional rights under Article 14.13 3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 21, 2005, No. 122-O. Accessed from the ConsultantPlus legal reference system.
11. Review of judicial practice in bringing arbitration managers to administrative liability, provided for in Parts 3 and 3.1 of Article 14.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, for the second half of 2024. Moscow: Supreme Court of the Russian Federation, 2025. URL: <https://www.vsrfr.ru/> (date of access: June 7, 2025).
12. Dissenting opinion of Judge A.N. Kokotov of the Constitutional Court of the Russian Federation to the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.01.2013 No. 1 P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 4. Article 304.
13. Pekhterev A.F. Administrative Penalties Applied in the Sphere of Maintaining Public Order and Public Safety // Modern Law. 2004. No. 2. Page 27.
14. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal of 27.06.2023 No. 08AP-4709/23 in Case No. A75-1137/2023. URL: <https://sudact.ru/> (accessed: 07.06.2025).
15. Decision of the Moscow Arbitration Court dated March 18, 2021, in case No. A40-26292/2021. URL: <https://base.garant.ru/64476920/> (accessed: June 7, 2025).
16. Russian insolvency practitioners do not always comply with the rules of the game. URL: <https://ratingbankrotstva.ru/news/actual/rossiyskie-arbitrazhnye-upravlyayushchie-ne-vsegda-soblyudayut-pravila-igry/> (accessed: June 7, 2025).

Взаимосвязь институтов оспаривания сделок и корпоративных конфликтов в делах о банкротстве: проблемы правового регулирования и судебной практики

Карпенко Виталий Андреевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ); адвокат АБ «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»
E-mail: vkarpenko@live.ru

Порхунов Владимир Сергеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)
E-mail: vladimir_law@mail.ru

В корпоративных спорах большое значение имеет возможность пересмотра сделок компании, находящейся на грани банкротства, что служит защитой интересов кредиторов от недобросовестного вывода активов. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает правовые инструменты для оспаривания таких сделок.

В статье анализируются основания для признания недействительными сделок, совершённых в преддверии банкротства, взаимосвязь этих процедур с корпоративными конфликтами, а также правовые проблемы, возникающие при применении соответствующих норм.

Особое внимание уделено судебной практике, выявлению пробелов и противоречий в регулировании, а также выработке предложений по совершенствованию законодательства и повышению эффективности судебной защиты интересов кредиторов и участников компаний.

Ключевые слова: банкротство юридических лиц, недействительность сделок, подозрительные сделки, оспаривание сделок, корпоративные конфликты, корпоративное право, арбитражный процесс, правовое регулирование, судебная практика.

Введение

Актуальность темы продиктована тем, что институты оспаривания сделок и корпоративных конфликтов в делах о банкротстве имеют разные правовые особенности и цели.

В условиях корпоративных споров особое значение приобретает возможность пересмотра сделок, проведённых компанией, находящейся в преддверии процедуры банкротства. Такая практика служит важнейшей мерой для защиты интересов кредиторов, препятствующей попыткам недобросовестного вывода активов или ущемления их прав.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает правовые инструменты, которые позволяют инициировать оспаривание сделок должника, совершённых непосредственно перед началом процедуры банкротства. Применение этих механизмов направлено на укрепление гарантий удовлетворения требований кредиторов и обеспечение прозрачности имущественных операций в сложных корпоративных конфликтах.

Цель работы – на основании норм законодательства о банкротстве, правоприменительной практики, доктрины выявить взаимосвязь и некоторые проблемы институтов оспаривания сделок и корпоративных конфликтов, определить их характер, предложить некоторые пути их решения.

Корпоративный конфликт как фактор риска наступления несостоятельности общества

Согласно определению, закреплённому в статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ [3], под банкротством понимается неспособность должника исполнить полностью денежные обязательства перед кредиторами, а также обязательства по выплате выходных пособий или заработной платы работникам по трудовым договорам, либо по уплате обязательных платежей; эта неспособность признаётся либо арбитражным судом, либо возникает по итогам внесудебной процедуры для граждан. Анализируя формулировку данной правовой нормы, можно отметить, что законодатель явно рассматривает банкротство исключительно через призму платёжеспособности субъекта, не придавая ему значимости как инструменту разрешения корпоративных конфликтов или средству корпоративной защиты.

Более того, содержательное исследование действующего процессуального законодательства подтверждает этот подход. В частности, в статье 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] даётся перечень споров, относящихся к корпоративной категории, среди которых указаны вопросы создания, реорганизации и ликвидации юридического лица, однако упоминания банкротства среди них не встречается. Это дополнительно иллюстрирует то обстоятельство, что банкротство не отнесено к числу юридических механизмов, направленных на решение либо предотвращение внутренних корпоративных разногласий.

Дальнейший логический анализ применимости норм о банкротстве выявляет, что законодательство не рассматривает конкурсных так называемых «внутренних» кредиторов – например, участников общества, предъявляющих требования о выплате действительной стоимости доли. Указанные субъекты и их требования не включены в реестр кредиторов должника. Судебная практика подтверждает данную трактовку: выработана устойчивая позиция, согласно которой отношения между учредителями (либо участниками) юридического лица и этим лицом, вытекающие из принадлежности к обществу, не формируют статуса кредитора в рамках дела о несостоятельности. Соответственно, обязательства должника относительно таких лиц квалифицируются как внутренние, выходящие за рамки конкурсного производства [10, С. 396–403].

В Обзоре судебной практики, утверждённом Верховным Судом РФ № 4(2020) [5], подчёркивается, что корпоративные разногласия не должны разрешаться через институт банкротства, что также подтверждается в ряде судебных актов, касающихся толкования соответствующих правовых норм.

При анализе пунктов 27 и 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [4] становится очевидно, что только те кредиторы, требования которых были признаны обоснованными и внесены в реестр кредиторов в процессе банкротства, могут по его окончании инициировать привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Это правило также распространяется на случаи, предусмотренные пунктом 4 статьи 142 закона о банкротстве, а также пунктами 3 и 4 статьи 61.14 того же нормативного акта.

Таким образом, одно из ключевых условий рассмотрения соответствующего заявления в судебном порядке – подтверждение наличия у заявителя процессуального статуса кредитора, закреплённого включением требования в кредиторский реестр. Такой статус определяет не только отраслевую правосубъектность, но и допустимость процессуальных действий в рамках дела о несостоятельности.

При этом перечень оснований и субъектов, обладающих правом инициировать применение субсидиарной ответственности, исчерпывающим образом определён законодателем. Их процессуаль-

ные возможности прямо зависят от факта внесения требования в соответствующий реестр. Следовательно, первоочередная функция описанного инструмента – предоставление гарантированного механизма защиты интересов исключительно внешних кредиторов организации. Вместе с тем, существует ограниченное число ситуаций, когда отдельные категории споров разрешаются в рамках самостоятельного производства по делу о банкротстве.

Согласно пункту 68 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [4], с момента начала любой процедуры банкротства и на всем её протяжении требования о возмещении убытков должнику, если они связаны с действиями членов органов управления и лиц, определяющих решения должника, рассматриваются в рамках дела о банкротстве. Тем не менее, такие требования не относятся к корпоративным спорам, поскольку их основная цель – обеспечить защиту интересов конкурсных кредиторов.

В научной литературе отмечается, что, несмотря на определенное сходство между корпоративными механизмами и банкротством, это самостоятельные категории; банкротство не тождественно корпоративному спору, хотя отдельные споры с участием лиц, обладающих корпоративными правами, действительно могут возникать в процедуре банкротства. Как отмечает Е.Г. Шенделова, как в делах о банкротстве, так и в корпоративных спорах участниками арбитражного процесса могут выступать физические лица, не ставившие перед собой предпринимательских целей [18, С. 49].

При этом судебная практика подтверждает, что корпоративные разногласия обычно не разрешаются посредством банкротства, а попытка их решения через этот институт расценивается как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ [2]).

При оценке добросовестности поведения сторон необходимо ориентироваться на стандарты, характерные для участников гражданского оборота: учитывать права и законные интересы контрагента, а также оказывать содействие, в том числе предоставляя требуемую информацию. Согласно пункту 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, презюмируется, что участники гражданско-правовых отношений действуют разумно и добросовестно, пока не доказано обратное. Часто инициатива по введению процедуры банкротства используется заявителем как средство воспрепятствовать выплате реальной стоимости доли другому участнику, что противоречит принципам права. Такая позиция подтверждается судебной практикой, например, Определением Верховного Суда РФ от 5 февраля 2021 г. № 305-ЭС20–22816(1,2) по делу № А40–27690/2020 [19].

Корпоративный конфликт может привести к завершению дела о банкротстве или отказу в защите прав при их недобросовестной реализации. Подобные ситуации иногда сопровождаются признаками преднамеренного либо фиктивного банкротства, что входит в сферу уголовно-правовой оценки.

Типичными проявлениями корпоративного противостояния, потенциально ведущего к банкротству, являются: образование противоборствующих групп с различными взглядами на дальнейшее функционирование компании; невозможность коллективной работы участников в прежнем составе; блокирование ключевых решений; а также споры по поводу смены руководства, способные поставить под угрозу процедуру банкротства или финансовое восстановление предприятия.

Позиция Верховного Суда РФ однозначна: банкротство не предназначено для разрешения корпоративных конфликтов, его задача – обеспечить защиту интересов независимых кредиторов. Банкротство не эквивалентно корпоративному спору; в него вовлекаются лица с корпоративными правами, однако сама процедура не должна рассматриваться как средство разрешения внутренних конфликтов общества.

В современной практике банкротство всё чаще рассматривается не как инструмент взаимодействия между должником и его кредиторами, а как средство борьбы за ресурсы предприятия и контроль над важнейшими направлениями компании. В условиях российского бизнеса конфликты между совладельцами фирм встречаются достаточно часто. Их отправная точка – противоречия между участниками хозяйственного общества, которые усугубляются конкретными ситуациями, способными привести не только к невозможности принятия управленческих решений, но и к утрате платёжеспособности организации, а также к невыполнению ранее взятых обязательств [9, С. 53–58].

Столкновение взглядов партнеров между собой или с внешними субъектами, как правило, актуализируется вокруг разделения прав собственности, управления компанией и доступа к её ключевым активам – недвижимому имуществу, финансовым потокам, объектам интеллектуальной собственности и другим ценностям. Итогом подобных противостояний становятся значительные убытки или утрата собственниками контроля над предприятием.

Причины возникновения корпоративных споров, которые увеличивают риск банкротства, разнообразны. Среди них: сознательно невыгодные сделки, например реализация имущества по заниженной стоимости или неоднозначные условия оплаты; использование активов компании при формировании уставного капитала зависимых или подконтрольных организаций; реализация производственных средств с последующей их арендой на заведомо неудовлетворительных условиях; эмиссия ничем не обеспеченных векселей; получение кредитов на чрезмерно невыгодных условиях; заключение рискованных соглашений или соглашений без взаимной выгоды; намеренное запугивание банкротством – когда один из акционеров использует свою позицию в качестве кредитора для оказания давления на партнёров; возбуждение процедуры банкротства с целью воспрепятствования по-

лучению выплат по доле другим участникам; а также споры о распределении прибыли или активов.

Последствия корпоративных разногласий могут выражаться в парализации или существенном снижении эффективности управления обществом – например, при наличии непримиримых групп среди собственников, что приводит к затруднению принятия решений по критически важным вопросам. Кроме того, внутренние противоречия способны препятствовать смене руководителя в ходе процедур финансового оздоровления, подрывая возможности для реструктуризации долгов и исполнения установленного графика выплат кредиторам. Нередко такие конфликты приводят к необходимости реорганизации структуры бизнеса или его ликвидации [13, С. 80–82].

Верховный Суд Российской Федерации указывает, что банкротство не должно использоваться как механизм решения внутрикорпоративных споров. Например, в определении № 301-ЭС21–23374 (4) от 15 мая 2024 года [20] ВС указал, что наличие корпоративного конфликта между участниками должника свидетельствует скорее о цели одного из участников разрешить корпоративный конфликт в свою пользу, нежели получить удовлетворение требований через процедуру банкротства [14, С. 84–89].

Основное назначение банкротства – защита прав и интересов кредиторов, не связанных с корпоративным управлением. Для устранения противоречий между участниками компании наилучшим образом подходит поиск договорённости, а при отсутствии согласия возможно обращение к судебным или правоохранительным органам.

Процессуальные механизмы защиты участников при оспаривании сделок в условиях корпоративного конфликта представляют собой комплекс инструментов, направленных на обеспечение справедливого разрешения споров и минимизацию негативных последствий для бизнеса. Эти механизмы включают этапы досудебного урегулирования, арбитраж и специальные обеспечительные меры, предусмотренные законом. Материалы дела собираются путем правового аудита, сбора доказательств и подготовки документов для подачи иска. Важно отметить, что арбитражный суд вправе применять обеспечительные меры, направленные на сохранение статуса-кво до завершения разбирательства, включая арест имущества и ограничение на совершение сделок.

Помимо процессуального аспекта, существует ряд материально-правовых механизмов, позволяющих участникам корпорации защищать свои права и интересы. К ним относятся оспаривание сделок, взыскание убытков с директоров и исключение недобросовестных участников из состава общества. Каждый из этих механизмов имеет свою специфику и применяется в зависимости от конкретных обстоятельств спора [16, С. 31–38].

Таким образом, защита интересов субъектов корпоративных отношений требует комплексного подхода, включающего взаимодействие различ-

ных инструментов и структур, что предоставляет не только эффективные способы судебной защиты, но и способствует укреплению бизнеса и его развитию.

Следует отметить, что прямого законодательного регулирования корпоративных конфликтов не предусмотрено; подобные споры решаются исключительно через суд. Кроме того, возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности ограничена – инициировать такую процедуру вправе лишь кредиторы, не связанные с внутренними конфликтами в компании.

Оспаривание сделок должника в условиях корпоративного конфликта

В рамках процедур банкротства, включая ситуации, сопровождающиеся корпоративным конфликтом, спорные сделки должника могут быть оспорены на основаниях, определённых как Гражданским кодексом РФ, так и специальными положениями Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Признание таких сделок недействительными зависит как от объективных критериев (временной промежуток, условия заключения), так и от субъективных обстоятельств – например, недобросовестности сторон.

Статьи 61.2 и 61.3 названного закона предоставляют механизм оспаривания подозрительных сделок, а также операций, которые устанавливают преимущество одного кредитора относительно других. Статья 61.2 затрагивает случаи, когда сделка заключена на заведомо невыгодных условиях для должника – например, если цена существенно отличается от рыночных в аналогичных ситуациях; при этом подобные сделки можно признать ничтожными, если они были совершены в течение года до подачи заявления о банкротстве либо после этого момента.

Согласно статье 61.3, оспариваются сделки, ведущие к предпочтительному удовлетворению требований одного из кредиторов. К таковым относятся: операции, направленные на обеспечение исполнения обязательства перед конкретным кредитором; действия, способные изменить порядок очередности выплат; сделки, при которых одни кредиторы получили удовлетворение требований до наступления установленного срока при наличии просрочки перед другими; а также ситуации, когда отдельному кредитору фактически оказывается преимущество по сравнению с порядком расчётов, предусмотренным законодательством о несостоятельности.

Для признания сделки ничтожной по основаниям статьи 61.2 требуется установить одновременное наличие всех следующих условий: сделка совершена с намерением нанести ущерб имущественным интересам кредиторов; этот вред действительно возник; а вторая сторона в момент заключения соглашения знала или должна была знать о мотиве должника.

В спорах, отражающих корпоративное противостояние, в доказательственный материал включаются обстоятельства, указывающие на незаконные действия управляющего – сюда относится всякое поведение, оцениваемое судом как неразумное или недобросовестное, даже при отсутствии личной выгоды или предварительного согласования действий с другим участником. Кроме того, оценивается наличие значительного ущерба, что подтверждается анализом параметров сделки и их соответствием рыночным стандартам и обычаям делового оборота. В случаях, когда лица, заинтересованные в совершении сделки, состоят в тесной связи с контрагентом, презюмируется их осведомлённость о характере соглашения либо отсутствии согласия на его проведение. Признаками зависимости сторон суд может считать любые фактические обстоятельства, свидетельствующие о наличии аффилированности.

Заключение соглашений с организациями, находящимися в состоянии разногласий между участниками, сопровождается существенными рисками. Формирование объективного представления о деятельности потенциального контрагента должно предшествовать любому решению о деловом взаимодействии, особенно если у компании затяжной внутренний конфликт.

Проявления конфликта часто удаётся выявить при анализе информации из общедоступных реестров, в том числе посредством изучения арбитражной практики. В подобных ситуациях существует значительная вероятность, что контрагенты могут впоследствии попытаться оспорить полномочия лица, заключившего сделку, поэтому даже формальные сведения из государственных реестров о представителе контрагента не всегда однозначно свидетельствуют о легитимности сделки. В то же время наличие корпоративных противоречий на момент совершения действий может стать самостоятельным основанием для последующего обжалования сделки по мотивам нарушения интересов участников юридического лица либо отсутствия необходимых одобрений. Когда руководитель общества не раскрывает свой конфликт интересов перед другими лицами, ущерб, причинённый компании, рассматривается как результат деятельности этого управленца. Кроме того, доказательством наличия конфликта интересов считается не только формальная зависимость сторон операции, но и установление их реальной взаимосвязи или совместной аффилированности [8, С. 51–54.].

В соответствии со статьёй 61.2 закона о банкротстве, подозрительные сделки должника подразделяются на две категории с учётом приоритетного признака. В частности, пункт 1 обозначенной нормы касается ситуаций, где ключевым считается неравноценность встречного исполнения (объективный экономический критерий). Для отнесения соглашения к этой разновидности подозрительных сделок требуется установить два обстоятельства:

во-первых, сделка была заключена в определённый временной промежуток – не позднее од-

ного года до инициирования процедуры или уже после подачи заявления о банкротстве;

во-вторых, имело место несоответствие между предоставленными сторонами имущественными ценностями или услугами. На практике основная сложность возникает при доказывании второго параметра, поскольку понятие «неравноценности» носит оценочный характер. Конституционный Суд РФ отмечает, что именно такой подход позволяет максимально гибко и продуктивно применять норму к самым разнообразным случаям [11, С. 43–44].

Практика российских судов при рассмотрении вопроса о неравноценности встречного предоставления основывается на тщательном сопоставлении стоимости спорной сделки и иных условий с теми показателями, которые должник мог бы получить на аналогичном рынке при сопоставимых обстоятельствах. Аналогичная оценка проводится и по сходным соглашениям других субъектов гражданского оборота. Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 10.07.2018 № Ф05–9223/2018 по делу А40–43496/2016 [22] суд признал неравноценность сделки, выявив, что квартира продавалась за 1 миллион рублей, в то время как аналогичная жилплощадь ранее приобреталась должником почти за 2 миллиона рублей, а также обосновав вывод данными независимой экспертизы.

Помимо цены, суды оценивают все обстоятельства заключения соглашения с целью объективного установления подозрительности сделки, уделяя внимание и характеру взаимоотношений между должником и его контрагентом. Таким образом, оценка проводится комплексно, включая анализ поведения сторон, а также использование отчетов профессиональных оценщиков в качестве доказательственной базы. Сделка может быть признана подозрительной даже при формальной эквивалентности встречного исполнения, если установлено, что должник, заключая договор, был осведомлён о невозможности исполнения условий другим участником сделки.

Вопрос о квалификации сделки по заниженной стоимости приобретения также остаётся дискуссионным. Для оценки, может ли покупка недвижимости по сниженной цене быть признана неравноценной, важно определить, распространяется ли предложение на неопределённый круг покупателей («акции», традиционные для массового рынка) или касается только конкретного лица. Если скидка предоставляется индивидуально, это может свидетельствовать о специфических обстоятельствах, связанных с участниками, либо о возможных финансовых трудностях самого застройщика, что тоже учитывается судами при анализе неравноценности.

Пункт 2 статьи 61.2 закона о банкротстве устанавливает возможность признания сделки недействительной, если её заключение осуществлялось с намерением нанести ущерб имущественным интересам кредиторов. Для применения данной нормы необходимо соблюдение двух условий помимо

временного ограничения, согласно которому оспариваемое действие должно быть совершено не ранее чем за три года до подачи заявления о банкротстве.

Во-первых, последствия сделки должны повлечь негативные изменения для имущественных притязаний кредиторов.

Во-вторых, доказывается осведомлённость другой стороны о целях должника при заключении спорной сделки.

На практике сложности вызывает унификация критериев, позволяющих выявить осведомлённость контрагента о намерении нанести ущерб. При анализе возникает необходимость устанавливать, могла ли другая сторона исходя из обстоятельств и при проявлении обычной предусмотрительности распознать существование подобного умысла. Именно такие стандарты поведения раскрывают содержание принципа добросовестности, являющегося краеугольным элементом гражданского права [12, С. 148–154].

Наибольшие трудности при выявлении недобросовестных намерений между участниками гражданских отношений возникают при оспаривании сделок, заключённых до официального начала процедуры банкротства. В подобных случаях нередко затруднено доказательство осведомлённости второй стороны о финансовой несостоятельности должника. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 03.11.2023 № Ф05–7240/2021 по делу № А41–70837/2017 [23] пришёл к выводу, что отсутствие доказательств аффилированности сторон и сведений о предстоящем банкротстве обуславливает невозможность признания умысла на причинение ущерба кредиторским правам. Подход, избранный кассационной инстанцией, строго соотносится с буквальной интерпретацией пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В свою очередь, Верховный Суд РФ в определении от 4.08.2022 № 305-ЭС21–21196 [21] обратил внимание на чрезмерно заниженную стоимость земельного участка, отчуждённого должником: сумма сделки составляла лишь девятую часть рыночной, что подтверждалось экспертным заключением. В этом случае суд сравнил действия покупателя с поступками гипотетического, разумного участника рынка. Коллегия сделала вывод, что приобретая имущество фактически безвозмездно, контрагент не мог не сознавать негативных последствий для должника и его кредиторов.

Верховный Суд РФ выделил две возможные ситуации информированности контрагента: «прямая заинтересованность», когда покупатель осведомлён о попытке должника уклониться от удовлетворения требований, и «косвенная», при которой лицо понимает неэкономическую природу сделки по заниженной цене. Доказывание отсутствия осведомлённости и обоснованной экономической мотивации суд возлагает на сторону, получившую выгоду. В рассматриваемом деле покупатель не смог представить объяснения совершения такой сдел-

ки, не ходатайствовал о проведении экспертизы и не подтвердил добросовестность своих действий.

Именно поэтому Верховный Суд РФ рекомендует нижестоящим инстанциям оценивать сделки с точки зрения их экономической осмысленности и соответствия стандартам поведения на рынке, а не ограничиваться только анализом аффилированности или прямой заинтересованности участников.

Хотя Определение Верховного Суда РФ используется нижестоящими судами в качестве ключевого методологического ориентира, возникает необходимость обсудить и возможные недостатки сформировавшейся позиции. Такой подход может осложнять правовое положение добросовестных приобретателей, которые приобрели имущество по низкой цене, если при этом отсутствовали явные признаки, что продавец действовал с намерением нанести ущерб кредиторам.

Например, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.10.2021 № Ф03–4275/2021 по делу № А73–23969/2019 [24] сделка признана подозрительной уже по причине значительного отклонения цены от рыночной, несмотря на отсутствие доказательств нарушений со стороны покупателя. Альтернативная судебная концепция исходит из того, что естественная логика рынка подразумевает желание приобретателя минимизировать издержки при стабильном уровне качества.

В целом, статья 61.2 закона о банкротстве разграничивает две категории сделок, которые могут быть оспорены: операции с неэквивалентным встречным предоставлением и сделки, совершённые с намерением навредить имущественным интересам кредиторов. Практическую сложность по-прежнему представляют вопросы доказывания факта неэквивалентности предоставления и подтверждения осведомлённости второй стороны о недобросовестных намерениях должника на момент заключения сделки.

Комплексный анализ и предложения по совершенствованию законодательства институтов оспаривания сделок и корпоративных конфликтов в делах о банкротстве

Совершенствование законодательства оспаривания сделок и урегулирования корпоративных конфликтов в делах о банкротстве неразрывно связаны с разработкой критериев, позволяющих разграничивать добросовестное и недобросовестное поведение участников таких споров, что увеличит эффективность правоприменения и защиту интересов кредиторов и участников компаний.

Сделки, направленные на причинение вреда кредиторам, подлежат оспариванию согласно пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Такие сделки характеризуются наличием умысла причинить ущерб имущественным интересам кредиторов пу-

тем отчуждения активов или иным способом, приводящим к уменьшению конкурсной массы. Критерии признания сделки недействительной включают её совершение в период трехлетнего срока перед подачей заявления о признании банкротом или после возбуждения дела о банкротстве, фактическое причинение ущерба и информированность контрагента о вредоносной цели сделки.

Отсутствие любого из перечисленных признаков позволяет стороне оспорить выводы суда относительно недобросовестности участников сделки посредством представления доказательств своей добросовестности и отсутствия злого умысла [6, С. 479–484].

Кроме того, отдельно выделяются сделки с предпочтением (статья 61.3 указанного закона), характеризующиеся нарушением установленной законом очередности удовлетворения требований кредиторов. Подобные действия предполагают осведомлённость сторон о финансовом положении должника и намеренное создание преимущества одному кредитору над остальными путём предоставления исполнения обязательств вне предусмотренной законом процедуры распределения имущества.

Закон предусматривает возможность возражения против вывода о злоупотреблении правом, если контрагент докажет свою добросовестность, незнание финансового состояния должника и соблюдение стандартных процедур хозяйствования.

Оценивая обоснованность заявлений сторон в процессе арбитражного разбирательства, суд руководствуется принципом внутреннего убеждения, установленным статьей 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Умысел и недобросовестность устанавливаются на основании совокупности обстоятельств, включая использование конфиденциальной информации, нарушение установленных сроков и очередности платежей, стремление избежать законных последствий финансовой нестабильности должника [7, С. 304–307].

Таким образом, установление факта недобросовестности требует наличия объективных доказательств нарушения прав кредиторов и осознанного стремления одной из сторон извлечь необоснованные выгоды за счёт ухудшения положения остальных кредиторов.

На основании вышеизложенного разработаем ключевые критерии разграничения добросовестного и недобросовестного поведения сторон, применимые в данной сфере.

1. Субъективные факторы

а. Наличие намерения причинить вред имущественным правам кредиторов.

Согласно пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ («Закона о банкротстве»), сделка признается недействительной, если доказано, что одна из сторон сделки имела цель причинить вред имущественным правам кредиторов. Данный критерий носит субъективный характер и требует под-

тверждения мотивов, что осложняет доказательство факта нарушения.

Критерий добросовестности включает:

- Отсутствие прямого умысла. Если сделка заключалась исключительно для целей хозяйственной деятельности, добросовестность считается подтвержденной.
- Экономическое обоснование сделки. Оцениваются коммерческие причины заключения сделки, рыночная стоимость передаваемого имущества и выгоды, извлекаемые сторонами.

b. Другой важный элемент установления недобросовестности – осведомленность второй стороны сделки о целях первой стороны. Законодатель установил презумпцию осведомленности в ряде случаев, но эта презумпция опровергается доказательствами обратного.

Критерий добросовестности заключается в следующем:

- Невозможность доказать осведомленность. Стороны обязаны представить убедительные аргументы относительно отсутствия у них сведений о противоправных действиях должника.
- Незнание объективных фактов. Неведение о признаках неплатежеспособности должника и ситуации ухудшения финансового положения.

2. Объективные обстоятельства

a. Один из наиболее значимых объективных факторов – период совершения сделки относительно начала процедуры банкротства. Чем ближе дата заключения сделки к подаче заявления о банкротстве, тем больше вероятность ее признания недействительной.

К критериям добросовестности относятся:

- Соблюдение разумных сроков. Когда сделка состоялась задолго до возникновения признаков финансовой нестабильности, ее признание добросовестной значительно облегчено.
- Рыночность условий. Соответствие договорных условий среднерыночным условиям снижает риск признания недобросовестности.

b. Последствия сделки для конкурсного производства.

Последствия сделки определяют степень риска нанесения ущерба интересам кредиторов. Примеры неблагоприятных последствий:

- Уменьшение конкурсной массы,
- Привлечение необоснованных платежей третьим лицам,
- Нарушение приоритетов удовлетворения требований кредиторов.

Критерии добросовестности:

- Добросовестность проявляется в поддержании операционной активности и обеспечении продолжения нормальной коммерческой деятельности.
- Стремление минимизировать потери кредиторских средств и поддержание стабильности бизнес-процессов свидетельствует о добросовестности.

3. Применение презумпций

Использование законодательно установленных презумпций облегчает выявление нарушений и способствует повышению прозрачности правосудия. Презумпции предполагают автоматическое установление факта недобросовестности, если противоположное не доказано. Примером служит положение пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, согласно которому другая сторона должна обосновать свое незнание целей причинения вреда кредиторам.

Добросовестность определяется следующим образом:

- Предоставление достаточных доказательств отсутствия злого умысла и не владения информацией о противоправных целях сделки.
- Использование юридически обоснованной аргументации для отклонения презумпций.

Установленные критерии позволяют разграничить добросовестное поведение участников от попыток умышленного вывода активов и нанесения вреда кредиторам. Основной задачей суда становится оценка всей совокупности обстоятельств каждой конкретной сделки с точки зрения мотивации сторон, характера сделки и ее влияния на экономическую ситуацию должника и конкурсную массу. Применение изложенных подходов обеспечит баланс интересов всех заинтересованных сторон и повысит уровень законности и прозрачности в делах о банкротстве.

Дела о банкротстве являются сложной категорией судебных разбирательств, требующих особого подхода к решению вопросов, связанных с имущественными спорами и корпоративными конфликтами. Одним из ключевых аспектов таких дел является институт оспаривания сделок должника, который направлен на восстановление нарушенных прав кредиторов и недопущение вывода активов. Однако существующая практика показывает наличие ряда проблем и недостатков, препятствующих эффективному применению данного института.

Одним из основных препятствий в применении института оспаривания сделок является сложность квалификации тех или иных сделок как подозрительных или ничтожных. Практика показывает, что суды часто сталкиваются с трудностями при определении признаков мнимости или притворности сделок, особенно в случаях, когда должник совершает сделку накануне банкротства. Например, передача актива аффилированному лицу по заниженной цене может быть квалифицирована как сделка, направленная на уменьшение конкурсной массы, однако отсутствие четких критериев оценки добросовестности сторон создает значительные трудности для судов.

Еще одной проблемой является недостаточная защита прав кредиторов в процессе рассмотрения дел о банкротстве. Несмотря на наличие норм, предусматривающих возможность привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, на практике реализация этого механизма сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, недостаточно развит механизм доказывания вины

контролирующего лица. Во-вторых, процедура признания сделок недействительными зачастую затягивается, что ведет к увеличению расходов на ведение процесса и снижению эффективности защиты прав кредиторов.

Несовершенство процедуры восстановления нарушенных прав. Процедура восстановления нарушенных прав в рамках дела о банкротстве также вызывает много вопросов. Действующее законодательство предусматривает возможность возврата незаконно отчужденного имущества в конкурсную массу, однако порядок реализации этой нормы остается неясным. Отсутствие четкого регламента обращения взыскания на имущество третьих лиц, полученных в результате недействительных сделок, приводит к возникновению правовых коллизий и неопределенности.

Для устранения выявленных недостатков предлагается внести изменения в действующее законодательство следующим образом:

- Четкое определение критериев сомнительных сделок. Необходимо разработать конкретные критерии, позволяющие однозначно определять признаки подозрительных или ничтожных сделок. Для этого целесообразно ввести специальную процедуру проверки сделок, совершаемых должником перед банкротством, включающую оценку рыночной стоимости имущества, проверку наличия взаимозависимости сторон и анализ цели совершения сделки.
- Повышение уровня защищенности прав кредиторов. Предлагается усилить ответственность контролирующих лиц, предусмотрев обязательную публичную отчетность о крупных сделках и внесение изменений в порядок привлечения к субсидиарной ответственности. Следует установить минимальный срок исковой давности для предъявления требований о признании сделок недействительными, обеспечив таким образом своевременную защиту прав кредиторов.
- Оптимизация процедуры восстановления нарушенных прав. Требуется усовершенствовать процедуру возврата имущества в конкурсную массу, установив четкий порядок обращения взыскания на активы, полученные третьими лицами в результате недействительной сделки. Необходимо обеспечить прозрачность и доступность информации о ходе судебного разбирательства, а также создать специальный реестр сделок, совершенных должником в преддверии банкротства [15, С. 65–68].

Таким образом, проведенный анализ показал необходимость внесения существенных изменений в законодательство, регулирующее институт оспаривания сделок и разрешение корпоративных конфликтов в делах о банкротстве. Предлагаемые меры позволят повысить эффективность судебной системы, защитить права кредиторов и минимизировать риски, связанные с неправомерными действиями должников и контролирующих лиц. Реализация указанных предложений позволит до-

стичь большей справедливости и предсказуемости в разрешении сложных имущественных споров, возникающих в рамках процедур банкротства.

Заключение

Контроль над сделками, оспариваемыми в ходе банкротства, призван обеспечивать защиту прав и интересов кредиторов, не связанных с внутренними корпоративными конфликтами. Законодательство четко ограничивает круг лиц, наделённых правом обращения с такими требованиями: это арбитражный управляющий, кредиторы, а также уполномоченные органы, чьи притязания превышают десятипроцентный порог от общего объёма требований к должнику, включённых в реестр. Представители акционеров и участников юридического лица не обладают аналогичными полномочиями.

Конфликты, возникающие внутри самой корпорации, не могут разрешаться посредством процедур банкротства. Если недовольство акционеров или участников связано с определёнными условиями заключённой сделки, у них отсутствует возможность обжаловать её в рамках дела о несостоятельности по корпоративным основаниям. Учитывая частноправовую сущность подобных разбирательств, их рассмотрение относится к корпоративному спору, что предполагает отдельное судебное производство за пределами процесса банкротства.

Таким образом, оспаривание сделок служит обеспечению интересов кредиторов и не распространяется на урегулирование внутрикорпоративных разногласий. Попытки использовать институт банкротства исключительно ради достижения корпоративных целей закономерно встречают справедливое сопротивление со стороны судебной системы.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета, N 238–239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 3, март, 2018

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) (ред. от 25.04.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 5, май, 2021.
6. Алешина, А.В. Корпоративные банкротства: тенденции и современные особенности / А.В. Алешина, А.Л. Булгаков // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 6. – С. 479–484.
7. Андриевская, А.Н. Подозрительные сделки должника при банкротстве юридического лица / А.Н. Андриевская, Д.А. Косторнов // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 304–307.
8. Габриелян, С.С. Оспаривание сделок должника в рамках дел о банкротстве: актуальные проблемы арбитражной практики / С.С. Габриелян // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 115–7. – С. 51–54.
9. Гладышева, Е.В. Банкротство компании вследствие корпоративного конфликта / Е.В. Гладышева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 3(258). – С. 53–58.
10. Жилин, К.С. Институт банкротства в корпоративных конфликтах: судебная практика и международно-правовой анализ / К.С. Жилин // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 6(87). – С. 396–403.
11. Засим, В.Е. Оспаривание подозрительных сделок должника в процессе банкротства / В.Е. Засим, Д.С. Щипанова // Государство и право: Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–26 апреля 2023 года. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. – С. 43–44.
12. Колпашникова, К.В. Оспаривание подозрительных сделок должника при несостоятельности (банкротстве) / К.В. Колпашникова // Академическая публицистика. – 2024. – № 2–1. – С. 148–154.
13. Короткова, Д.Д. Банкротство как способ разрешения корпоративного конфликта / Д.Д. Короткова // Молодой ученый. – 2023. – № 30(477). – С. 80–82.
14. Крюков, Е. Суды взыскали с директора убытки. ВС запретил разрешать корпоративные конфликты через банкротство / Е. Крюков, А. Самойлова // Арбитражная практика для юристов. – 2024. – № 8(108). – С. 84–89.
15. Разумных, А.В. Актуальные вопросы оспаривания подозрительных сделок должника в процедуре банкротства: проблемы и пути решения / А.В. Разумных // Мировая наука. – 2024. – № 10(91). – С. 65–68.
16. Сиракян, С.А. Особенности оспаривания подозрительных сделок должника в процедуре банкротства / С.А. Сиракян // Современная экономика и право: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 06 марта 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научно-го партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. – С. 31–38.
17. Хоменко, П.А. Банкротство как инструмент шантажа в рамках корпоративного конфликта / П.А. Хоменко // II Декабрьские корпоративные чтения «Трансформация правового регулирования корпоративных отношений в современных условиях»: сборник тезисов докладов Всероссийского научного форума, Новосибирск, 14–16 декабря 2022 года / Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ». – Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2023. – С. 71–76.
18. Шенделова Е.Г. Особенности рассмотрения корпоративных споров в арбитражном суде / Е.Г. Шенделова // Обмен знаниями в образовательном процессе: Сборник научных трудов. Казань, 2021. С. 49
19. Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2021 N 305-ЭС20–22816(1,2) по делу N A40–27690/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=654896&cacheid=3E45AF60F099D38B-1FB3FF90319F615C&mode=splus&rnd=N4NU-vwUAta4NZZTk1#23V1wwUSxGZt13SA> (дата обращения – 16.09.2025)
20. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2024 N 301-ЭС21–23374(4) по делу N A43–230/2021[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811176&cacheid=7829F903F6DD3996AEAD162BD8547293&mode=splus&rnd=N4NU-vwUAta4NZZTk1#IFU2wwUsDfXWMBi1> (дата обращения – 16.09.2025)
21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2022 N 305-ЭС21–21196(5) по делу N A41–70837/2017[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724042&cacheid=EBE-D2AE90179E412335F93008632D256&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#agpF-wwUy43SDVDLy> (дата обращения – 16.09.2025)
22. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.07.2018 № Ф05–9223/2018 по делу № А40–43496/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=297241#nAG3wwUmCKXK-say31> (дата обращения – 16.09.2025)
23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.11.2023 N Ф05–7240/2021 по делу N A41–70837/2017[Электронный ресурс]. – Режим доступа:

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=497693&cacheid=E F 3 8 4 E F 0 5 4 4 F 7 0 E - 46C46ABDD2949A98&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#W5m3wwUG8okJk6x> (дата обращения – 16.09.2025)

24. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.10.2021 N Ф03–4275/2021 по делу N А73–23969/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=121638&cacheid=2C954EE1F7B0E507E-678B2A936E66066&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#Xf44wwU9bTg2KTHA> (дата обращения – 16.09.2025)

THE RELATIONSHIP BETWEEN INSTITUTIONS CHALLENGING TRANSACTIONS AND CORPORATE CONFLICTS IN BANKRUPTCY CASES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND JUDICIAL PRACTICE

Karpenko V.A., Porkhunov V.S.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

In corporate disputes, the possibility of reviewing the transactions of a company on the verge of bankruptcy is of great importance, which protects the interests of creditors from unfair asset withdrawal. The Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” provides legal instruments for challenging such transactions. The article analyzes the grounds for invalidating transactions made on the eve of bankruptcy, the relationship of these procedures with corporate conflicts, as well as legal problems arising from the application of relevant regulations. Particular attention is paid to judicial practice, identifying gaps and contradictions in regulation, as well as developing proposals to improve legislation and increase the effectiveness of judicial protection of the interests of creditors and company participants.

Keywords: bankruptcy of legal entities, invalidity of transactions, suspicious transactions, contesting transactions, corporate conflicts, corporate law, arbitration process, legal regulation, judicial practice.

References

1. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 N 95-FZ (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/29/2002, N 30, art. 3012.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 11/30/1994 N 51-FZ (as amended on 07/31/2025) (as amended and supplemented, introduction, effective from 08/01/2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, 12/08/1994.
3. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 31.07.2025) “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended and supplemented, intro. effective from 09/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 “On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to responsibility in bankruptcy” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3, March, 2018
5. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/23/2020) (as amended on 04/25/2025) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 5, May, 2021.
6. Alyoshina, A.V. Corporate bankruptcies: trends and modern features / A.V. Alyoshina, A.L. Bulgakov // Financial markets and banks. – 2025. – No. 6. – pp. 479–484.
7. Andrievskaya, A.N. Suspicious transactions of the debtor in the bankruptcy of a legal entity / A.N. Andrievskaya, D.A. Kostornov // Law and Management. – 2025. – No. 4. – pp. 304–307.

8. Gabrielyan, S.S. Challenging debtor's transactions in bankruptcy cases: actual problems of arbitration practice / S.S. Gabrielyan // Trends in the development of science and education. – 2024. – No. 115–7. – pp. 51–54.
9. Gladysheva, E.V. Bankruptcy of a company due to a corporate conflict / E.V. Gladysheva // Property relations in the Russian Federation. – 2023. – № 3(258). – Pp. 53–58.
10. Zhilin, K.S. Institute of bankruptcy in corporate conflicts: judicial practice and international legal analysis / K.S. Zhilin // Bulletin of Science. – 2025. – Vol. 4, No. 6(87). – pp. 396–403.
11. Z asim, V.E. Challenging suspicious debtor transactions in the bankruptcy process / V.E. Z asim, D.S. Shchipanova // State and Law: Proceedings of the 61st International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 17–26, 2023. Novosibirsk: CPI NSU, Novosibirsk National Research State University, 2023. pp. 43–44.
12. Kolpashnikova, K.V. Challenging suspicious debtor transactions in case of insolvency (bankruptcy) / K.V. Kolpashnikova // Academic journalism. – 2024. – No. 2–1. – pp. 148–154.
13. Korotkova, D.D. Bankruptcy as a way to resolve a corporate conflict / D.D. Korotkova // Young Scientist. – 2023. – № 30(477). – Pp. 80–82.
14. Kryukov, E. The courts recovered damages from the director. The Supreme Court forbade resolving corporate conflicts through bankruptcy / E. Kryukov, A. Samoilova // Arbitration practice for lawyers. – 2024. – № 8(108). – Pp. 84–89.
15. Razumnykh, A.V. Actual issues of challenging suspicious debtor transactions in bankruptcy proceedings: problems and solutions / A.V. Razumnykh // World Science. – 2024. – № 10(91). – Pp. 65–68.
16. Sirakanyan, S.A. Peculiarities of challenging suspicious transactions of the debtor in bankruptcy proceedings / S.A. Sirakanyan // Modern economics and law: the experience of theoretical and empirical analysis: Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, March 06, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2023, pp. 31–38.
17. Khomenko, P.A. Bankruptcy as a tool of blackmail in the context of a corporate conflict / P.A. Khomenko // December II corporate readings “Transformation of legal regulation of corporate relations in modern conditions”: collection of abstracts of the All-Russian Scientific Forum, Novosibirsk, December 14–16, 2022 / Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management “NINH”, 2023, pp. 71–76.
18. Shendelova E.G. Features of corporate dispute resolution in the arbitration court / E.G. Shendelova // Knowledge exchange in the educational process: A collection of scientific papers. Kazan, 2021. p. 49.
19. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/05/2021 N 305-ES20–22816(1,2) in the case N A40–27690/2020 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=654896&cacheid=3E45AF60F099D38B-1FB3FF90319F615C&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#23V1wwUSxGZt13SA> (date of request – 09/16/2025)
20. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/15/2024 N 301-ES21–23374(4) in case N A43–230/2021 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=811176&cacheid=7829F903F6DD3996AEAD162BD8547293&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#IFU2wwUsDifXWMBi1> (date of request – 09/16/2025)
21. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/11/2022 N 305-ES21–21196(5) in case N A41–70837/2017 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724042&cacheid=EBE-D2AE90179E412335F93008632D256&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#agpFwwUy43SDVDLy> (date of request – 09/16/2025)
22. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 07/10/2018 No. F05–9223/2018 in case No. A40–43496/2016 [Electronic resource]. – Access mode: URL: [https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=](https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724042&cacheid=EBE-D2AE90179E412335F93008632D256&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#agpFwwUy43SDVDLy)

- doc&base=AMS&n=297241#nAG3wwUmCKXKcay31 (date of request – 09/16/2025)
23. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 03.11.2023 N F05–7240/2021 in the case N A41–70837/2017[Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=497693&cacheid=EF384EF0544F70EE-46C46ABDD2949A98&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4N-ZZTk1#W5m3wwUG8okJkj6x> (date of request – 09/16/2025)
24. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 04.10.2021 N F03–4275/2021 in the case N A73–23969/2019 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ADV&n=121638&cacheid=2C954EE1F7B0E507E678B2A936E66066&mode=splus&rnd=N4NUvwUAta4NZZTk1#Xf44wwU9bT-g2KTHA> (date of request – 09/16/2025)

Особенности правового регулирования признания и приведения в исполнение российских судебных актов на территории стран ЕС

Колтыгин Иван Денисович,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Статья исследует особенности признания и приведения в исполнение российских судебных актов (включая решения по делам о несостоятельности) на территории государств – членов Европейского союза. Показано, что унифицированный режим автоматического признания Регламента (ЕС) 2015/848 применим только к «внутри-ЕС» отношениям и не распространяется на решения судов третьих стран, в том числе Российской Федерации. Для российских актов применяются национальные коллизионные и процессуальные нормы государств – членов ЕС, дополненные оговоркой публичного порядка и санкционными ограничениями. На материале судебной практики 2023–2025 гг. рассматриваются Германия, Франция, Италия, Испания и Нидерланды; анализируются вопросы COMI, вторичных производств, «vis attractiva concursus», признания паулианских исков и влияние пакетов санкций ЕС 2024–2025 гг. Сформулированы практические рекомендации для сторон, инициирующих признание российских судебных актов в ЕС.

Ключевые слова: признание иностранных судебных решений; несостоятельность; ЕС; COMI; публичный порядок; экзекватура; санкции ЕС.

Проблематика признания и приведения в исполнение российских судебных актов в странах Европейского союза (ЕС) имеет межотраслевой характер, находясь на стыке международного частного права, процессуального права и специального регулирования трансграничной несостоятельности. Регламент (ЕС) 2015/848 предусматривает автоматическое признание решений об открытии и ходе процедур несостоятельности лишь между государствами-членами ЕС [1]. Для решений судов третьих стран – к которым относится и Россия – применяются национальные режимы признания (часто через *exequatur*), основанные на критериях международной компетенции, надлежащего уведомления и непротиворечия публичному порядку [3; 12–17]. Это создает неоднородную картину правоприменения, усиливаемую санкционными ограничениями [18].

Для корректной квалификации отношений следует разграничивать: (i) унифицированный «внутри-ЕС» режим Регламента (ЕС) 2015/848 и (ii) «внешний» режим для судебных актов третьих стран. Первому присущи автоматическое признание и координация процедур (ст. 19, 32–38, 41–44), второму – национальные процедуры признания и фильтры *ordre public* [1]. На стыке с гражданско-коммерческими спорами действует Регламент Брюссель I bis (№ 1215/2012), но иски, «непосредственно вытекающие из несостоятельности и тесно с ней связанные», исключаются из его сферы действия [3; 7–8]. В качестве руководящих материалов применяются доктринальные комментарии и Virgos–Schmit Report [11–12].

Суд Европейского союза (CJEU) последовательно вырабатывал тесты определения центра основных интересов должника (COMI) и распределения юрисдикции. В делах *Staubitz-Schreiber*, *Eurofood* и *Interedil* закреплена презумпция места зарегистрированного офиса и критерии её опровержения объективными связями, а также значение стабильности COMI на момент возбуждения дела [4–6]. Параллельно практика по *Seagon* и *F-Tex* прояснила объём «vis attractiva concursus» для связанных исков [7–8]. Хотя эти ориентиры прямо адресованы «внутри-ЕС» отношениям, национальные суды используют их как методологическую рамку и во «внешних» делах о признании российских актов.

Национальные подходы государств – членов ЕС к признанию российских судебных актов

Германия

§ 343 InsO устанавливает принцип автоматического признания иностранного производства по несостоя-

тельности (включая третьи страны) при соблюдении условий международной компетенции и публично-го порядка; для иных судебных решений действует § 328 ZPO [12–13]. После 2024 г. санкционный «над-слой» усиливает применение *ordre public* и может блокировать экзекутуру российских актов [18].

Франция

При отсутствии применимого международного до-говора применяется общий режим экзекутуры по ст. 509 CPC с проверкой юрисдикции, надлежа-щего уведомления и непротиворечия публичному порядку [14].

Италия

Закон № 218/1995 (ст. 64–71) предусматривает при-знание без отдельной процедуры при соблюдении установленных условий; при спорах используется *exequatur*. Кассационный суд подтверждал возмож-ность признания российских решений вне санкци-онного контекста при соблюдении процессуальных гарантий [15; 23].

Испания

Закон 29/2015 требует получения *exequatur* для ре-шений третьих стран; применяются стандартные основания отказа, включая публичный порядок [16].

Нидерланды

При отсутствии конвенции используется констру-кция «замаскированного экзекутура» по ст. 431 Rv (HR Gazprombank, 26.09.2014): возможно вынесение нового национального решения при соблюдении тестов юрисдикции, должной процедуры и *ordre public*; это релевантно и для российских актов [17].

Судебная практика 2023–2025 гг. по признанию российских актов

Германия (OLG Stuttgart, 13.05.2025)

Суд отказал в признании и исполнении российского арбитражного решения с учётом санкционного ре-жима ЕС, увязав экзекутуру с риском нарушения Регламента № 833/2014 и публичного порядка. Хо-тя кейс касается арбитража, выводы о приоритете санкционных норм и защите *ordre public* показатель-ны и для судебных актов [19; 18].

Латвия (Рижский окружной суд; позиция подтверждена вмешательством Верховного суда)

По данным обзора практики, повторно отказано в признании и исполнении российского судебного акта; это иллюстрирует ужесточение фильтров для российских решений в странах Балтии [22].

Италия (Corte di Cassazione, 02.02.2023, № 3199)

Суд подтвердил подход к признанию решения мо-сковского суда и разъяснил соотношение Закона № 218/1995 и двусторонних соглашений, показы-вая возможность признания российских актов при соблюдении классических критериев и отсутствии санкционных препятствий [23; 15].

Нидерланды (практика 2023 г.)

Суды подчёркивают, что для российских конкурс-ных управляющих требуются процессуальные шаги по ст. 431 Rv; «автоматический доступ» к активам в Нидерландах на основании российского реше-ния невозможен без соблюдения местных условий признания [17].

С 2024–2025 гг. усиливается влияние санкцион-ной регламентации на решения о признании: об-новления к Регламенту № 833/2014 (включая но-вую ст. 11с) устанавливают запрет на признание и исполнение решений российских судов, вынесен-ных во исполнение «анти-судебных» норм (напр., ст. 248.1 АПК РФ). В результате классический тест *ordre public* дополняется «санкционным фильтром», который национальные суды применяют в приори-тетном порядке [18].

Поскольку на уровне ЕС отсутствует единый режим признания для производств третьих стран, важен статус Модельного закона ЮНСИТРАЛ (1997). Его имплементация охватывает лишь часть государств-членов; в остальных странах действу-ют национальные режимы *exequatur* и общие кол-лизионные нормы. Заметим, что доклад Комис-сии COM(2012) 743 анализирует действие Регла-мента 1346/2000 и предпосылки его переработки, но не содержит прямой «рекомендации» по импле-ментации Модельного закона; соответствующие подходы развиты в материалах ЮНСИТРАЛ [9–10].

Заключение

Признание и исполнение российских судебных ак-тов в ЕС остаётся полем с высокой степенью фраг-ментации и значительным влиянием публичного порядка и санкционных норм. При этом общие евро-пейские ориентиры – COMI, тест «непосредственно вытекает и тесно связано», координация процедур – оказывают методологическое воздействие и на де-ла о признании решений третьих стран. Практиче-ская стратегия должна сочетать тщательную под-готовку доказательств по национальным фильтрам признания с ранней оценкой санкционных ограниче-ний и использованием признанных в ЕС подходов к координации и подсудности.

Литература

1. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parlia-ment and of the Council of 20 May 2015 on insol- vency proceedings (recast). OJ L 141, 5.6.2015, p. 19–72 (EUR-Lex).
2. Council Regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings. OJ L 160, 30.6.2000, p. 1–18 (EUR-Lex).
3. Regulation (EU) No 1215/2012 (Brussels I bis) of 12 December 2012 on jurisdiction and the recog- nition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (EUR-Lex).
4. Case C-1/04 Susanne Staubitz-Schreiber, ECLI: EU: C:2006:39.

5. Case C-341/04 Eurofood IFSC Ltd, ECLI: EU: C:2006:281.
6. Case C-396/09 Interedil Srl, ECLI: EU: C:2011:671.
7. Case C-339/07 Christopher Seagon v Deko Marty Belgium NV, ECLI: EU: C:2009:83.
8. Case C-213/10 F-Tex SIA v Lietuvos-Anglijos UAB “Jadecloud-Vilma”, ECLI: EU: C:2012:215.
9. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (1997) and Guide to Enactment and Interpretation (2013), UNCITRAL official website.
10. Report from the Commission on the application of Council Regulation (EC) No 1346/2000, COM(2012) 743 final (EUR-Lex).
11. Virgos M., Schmit E. Report on the Convention on Insolvency Proceedings (1996).
12. Insolvenzordnung (InsO) § 343 – Anerkennung (Gesetze im Internet).
13. Zivilprozessordnung (ZPO) § 328 – Anerkennung ausländischer Urteile (Gesetze im Internet).
14. Code de procédure civile (France), art. 509 – Exequatur (Légifrance).
15. Legge 31 maggio 1995, n. 218 – Riforma del sistema italiano di diritto internazionale privato (Normattiva).
16. Ley 29/2015, de cooperación jurídica internacional en materia civil (BOE).
17. Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering (Netherlands), art. 431; HR 26.09.2014 (Gazprombank), ECLI: NL: HR:2014:2838.
18. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures (consolidated 2025), incl. art. 11c (EUR-Lex).
19. OLG Stuttgart, Beschluss vom 13.05.2025 (arbitral award unenforceable under EU sanctions) – case note / decision text.
20. COBALT law firm note: Riga Regional Court repeatedly refuses recognition and enforcement of a Russian judgment in Latvia (news/case note).
21. Corte di Cassazione (Italy), 02.02.2023, n. 3199, ECLI: IT: CASS:2023:3199CIV (Aldricus, 30.03.2023).
22. Телюкина М.В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002.
23. Ершов О.Г. Международное частное право. М.: Юрист, 2018.
24. Витрянский В.В. Реформа законодательства о банкротстве. М.: Статут, 2015.
25. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М.: Статут, актуальное изд.
26. Бублик В.А. О правовом регулировании трансграничной несостоятельности в Российской Федерации. Российское право: образование, практика, наука, 2020.

LEGAL FRAMEWORK FOR THE RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF RUSSIAN JUDICIAL ACTS IN THE EU

Koltygin I.D.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines recognition and enforcement of Russian court judgments (including insolvency-related decisions) within the European Union. It shows that the automatic recognition regime of Regulation (EU) 2015/848 applies only intra-EU and does not extend to judgments from third countries, including the Russian Federation. Recognition and enforcement of Russian judgments therefore rely on Member States' private international law and procedural rules, complemented by public policy and EU sanctions. Drawing on case law from 2023–2025 (Germany, France, Italy, Spain, the Netherlands), the paper analyses COMI, secondary proceedings, vis attractiva concursus, avoidance actions and the impact of the EU sanctions packages 2024–2025. It provides practical recommendations for parties seeking recognition of Russian judgments in the EU.

Keywords: recognition of foreign judgments; insolvency; EU; COMI; public policy; exequatur; EU sanctions.

References

1. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast). OJ L 141, 5.6.2015, p. 19–72 (EUR-Lex).
2. Council Regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings. OJ L 160, 30.6.2000, p. 1–18 (EUR-Lex).
3. Regulation (EU) No 1215/2012 (Brussels I bis) of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (EUR-Lex).
4. Case C-1/04 Susanne Staubitz-Schreiber, ECLI: EU: C:2006:39.
5. Case C-341/04 Eurofood IFSC Ltd, ECLI: EU: C:2006:281.
6. Case C-396/09 Interedil Srl, ECLI: EU: C:2011:671.
7. Case C-339/07 Christopher Seagon v Deko Marty Belgium NV, ECLI: EU: C:2009:83.
8. Case C-213/10 F-Tex SIA v Lietuvos-Anglijos UAB “Jadecloud-Vilma”, ECLI: EU: C:2012:215.
9. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (1997) and Guide to Enactment and Interpretation (2013), UNCITRAL official website.
10. Report from the Commission on the application of Council Regulation (EC) No 1346/2000, COM(2012) 743 final (EUR-Lex).
11. Virgos M., Schmit E. Report on the Convention on Insolvency Proceedings (1996).
12. Insolvenzordnung (InsO) § 343 – Anerkennung (Gesetze im Internet).
13. Zivilprozessordnung (ZPO) § 328 – Anerkennung ausländischer Urteile (Gesetze im Internet).
14. Code de procédure civile (France), art. 509 – Exequatur (Légifrance).
15. Legge 31 Maggio 1995, n. 218 – Riforma del sistema italiano di diritto internazionale privato (Normattiva).
16. Ley 29/2015, de cooperación jurídica internacional en materia civil (BOE).
17. Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering (Netherlands), art. 431; HR 26.09.2014 (Gazprombank), ECLI: NL: HR:2014:2838.
18. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures (consolidated 2025), incl. art. 11c (EUR-Lex).
19. OLG Stuttgart, Beschluss vom 05.13.2025 (arbitral award unenforceable under EU sanctions) – case note / decision text.
20. COBALT law firm note: Riga Regional Court repeatedly refuses recognition and enforcement of a Russian judgment in Latvia (news/case note).
21. Corte di Cassazione (Italy), 02.02.2023, n. 3199, ECLI: IT: CASS:2023:3199CIV (Aldricus, 03/30/2023).
22. Telyukina M.V. Bankruptcy Law: Theory and Practice of Insolvency (Bankruptcy). Moscow: Delo, 2002.
23. Ershov, O.G. Private International Law. Moscow: Yurist, 2018.
24. Vitryansky, V.V. Bankruptcy Legislation Reform. Moscow: Statut, 2015.
25. Commentary on the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” / edited by V.V. Vitryansky. Moscow: Statut, current edition.
26. Bublik, V.A. On the Legal Regulation of Cross-Border Insolvency in the Russian Federation. Russian Law: Education, Practice, Science, 2020.

Право суда устанавливать ответы на отдельные вопросы при назначении судебной экспертизы с учетом преюдициальности судебных актов

Мамаев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье дается анализ модели движения судебного процесса при возникновении вопросов, требующих специальных познаний. Автор анализирует последствия принятия судом определения о назначении экспертизы и отмечается, что данное определение суда устанавливает определённый факт, который прямо в определении суда никогда не указывается – факт невозможности дальнейшего рассмотрения судом принятого к производству гражданского дела ввиду необходимости применения при его разрешении специальных познаний. Автор приводит критическую оценку подхода о том, что заключение эксперта не является исключительными средствами доказывания в ситуации, когда суд, выражая несогласие с экспертизой, делает самостоятельные выводы по вопросам, которые в рамках рассмотрения дела ставились перед экспертом. Далее автором доказывается обоснованность предоставления суду права, устанавливая рамки проведения судебной экспертизы, предпринимать выводы эксперта относительной стоимости ряда объектов оценки ввиду преюдициальности.

Ключевые слова: суд, назначение экспертизы, преюдиция, обязательность, постановка вопроса.

В силу универсальности гражданско-процессуальной формы в судах рассматривается широкое разнообразие гражданско-правовых дел. Указанное преимущество процессуальной формы приводит к возникновению ситуаций, в которых суд, рассматривающий дело, фактически не обладает необходимой компетенцией для разрешения вопроса о наличии либо отсутствии того, либо иного юридически значимого обстоятельства, для установления которых требуются компетенции в экономических, технических и иных областях.

Для устранения возникающих вопросов в отдельных отраслях науки и техники у суда имеется возможность, при наличии волеизъявления истца и/или ответчика (по общему правилу), назначить по делу судебную экспертизу. Здесь сразу подчеркнем, как представляется, важную особенность движения процесса – в случае назначения судом экспертизы, определение суда о назначении экспертизы устанавливает определённый факт, который прямо в определении суда никогда не указывается – факт невозможности дальнейшего рассмотрения судом принятого к производству гражданского дела ввиду необходимости применения при его разрешении специальных познаний. Принятие данного подхода имеет существенное значение с точки зрения дальнейшего развития гражданско-процессуальных отношений. После проведения судебной экспертизы и поступления в материалы дела заключения, любое несогласие с выводами эксперта должно быть подтверждено наличием специальных познаний.

В этой связи отметим, что согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 N 23 «О судебном решении» заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами... оценка судом заключения должна быть полно отражена в решении. Данное разъяснение не вызывает никаких возражений, если речь не идет о ситуации, когда суд, выражая несогласие с экспертизой, не делает самостоятельных выводов по вопросам, которые в рамках рассмотрения дела ставились перед экспертом. Видится недопустимым вынесение судом решения суда со своим видением ответов на вопросы экспертизы, в случае непринятия судом выводов судебного эксперта. В связи с чем следует не согласиться с позицией о том, что в том случае, если суд не соглашается с выводами эксперта и при этом не назначает повторную экспертизу, в мотивировочной

части решения должна присутствовать убедительная критика заключения эксперта и все доводы, по которым суд отвергает это экспертное заключение и выносит решение на основании других доказательств [1]. Представляется, что при данной позиции суд в некоторой степени вступает в противоречие с ранее вынесенным самим судом определением о назначении экспертизы.

Но обоснованное негодование вызывает п. 13 Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», согласно которому заключение эксперта по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, а равно заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы, не могут признаваться экспертными заключениями по рассматриваемому делу... такое заключение может быть признано судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со статьей 89 АПК РФ.

С одной стороны итак очевидно, что заключение судебной экспертизы в одном деле не является заключением экспертизы в другом деле (поскольку данное доказательство возникает в процессе рассмотрения конкретного дела и на основании судебного акта), но при этом также очевидно, что ни в одном деле не назначается экспертиза без оснований, в том плане, что результаты экспертизы в любом случае будут отражены в итоговом судебном акте. А вот эти выводы суда, относительно заключения экспертизы в судебном акте и установленных на основании судебной экспертизы фактах являются обязательными, особенно если речь идет о том же субъектом составе в ином споре.

Отметим позицию П.Г. Федорова, который указывает, что возведение выводов эксперта (просто потому, что они отражены в судебном акте) в ранг установленных обстоятельств, которые впоследствии могут иметь преюдициальное значение, приводит к подмене суда экспертами в вопросе установления обстоятельств. Поэтому суды должны парировать стремления сторон участников судебного дела полагаться на отраженные в решении суда по другому делу выводы эксперта как на установленные по делу обстоятельства, поскольку это приводит к нарушению принципа состязательности [2].

К данному подходу необходимо отнестись критически: свойством преюдициальности обладают установленные судом конкретные обстоятельства, содержащиеся в мотивировочной части судебного акта [3], поэтому позиция П.Г. Федорова видится дискуссионной, противоречащей базовым принципам общеобязательности судебного решения и правовой определенности.

Вместе с тем, сама процедура назначения экспертизы вызывает обоснованные дискуссии по различным аспектам. Обозначим следующий вопрос – может ли суд при назначении экспертизы ограничить эксперта в оценке ряда объектов оценки, которые входят в перечень тех объектов,

которые эксперту необходимо оценить? Может ли суд в определении о назначении экспертизы прямо указать эксперту конкретную стоимость ряда объектов, из перечня объектов, подлежащих оценке?

Данный вопрос становится актуальным тогда, когда в предмет доказывания по разным делам, рассматриваемых судами, входят одни и те же юридически значимые факты, например факт рыночной стоимости объекта недвижимости на определенную дату.

Разберем данную ситуацию на примере дела о выплате действительной стоимости доли, вышедшему из состава участников Общества участнику.

Как известно, для разрешения вопроса о действительной стоимости доли необходимо определить размер чистых активов общества на дату выхода из общества. В состав активов, в том числе, включаются объекты недвижимости, принадлежащие Обществу на последнюю отчетную дату.

Для моделирования ситуации представим, что в последнем отчетном периоде, который предшествовал выходу участника из Общества, была заключена сделка купли-продажи объекта недвижимости, которая впоследствии была признана судом недействительной ввиду продажи объекта по нерыночной стоимости. И в рамках дела о признании сделки недействительной судом назначалась оценочная экспертиза, определившая рыночную стоимость объекта на дату продажи, которая была принята судом и выводы которой отражены во вступившем в законную силу решении суда. При этом период сделки также совпадает с последним отчетным периодом в целях иска о выплате действительной стоимости доли.

Далее в деле о выплате действительной стоимости доли суд назначает экспертизу, потому что вопросы определения рыночной стоимости доли на дату выхода требуют специальных познаний. Назначая эту экспертизу суд устанавливает, что у общества в числе активов несколько объектов, но по одному из них уже есть преюдициальный факт, имеется решение суда, вступившее в законную силу, в котором определена стоимость этого одного актива.

Представляется, что суд должен иметь возможность дать эксперту указания о том, что иные активы, проводя экспертизу, эксперт может оценить самостоятельно, но стоимость одного конкретного актива, например здания эксперт в целях расчета действительной стоимости доли, должен принять в качестве установленной конкретную стоимость, которая отражена в решении суда в другом деле. В этом случае суд обеспечивает обязательность судебного акта, так как если в другом деле в решении суд установил данное обстоятельство, то в рамках иного дела суд не может данное обстоятельство оценить иным способом.

Литература

1. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражд-

данским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. С. 320. СПС «КонсультантПлюс».

2. Федоров П.Г. Ограничение преюдиции в арбитражном процессе предметом судебного разбирательства // Вестник арбитражной практики. 2025. N 1. С. 6. СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.12.2023 N Ф01–5781/2023 по делу N А11–11978/2021; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.06.2023 N Ф02–2398/2023 по делу N А19–14636/2022; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.01.2024 N Ф03–3658/2023 по делу N А04–5830/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.07.2023 N Ф07–5394/2023 по делу N А56–32081/2022; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.04.2017 N 305-ЭС16–21318 по делу N А40–41417/2015.

THE RIGHT OF THE COURT TO DETERMINE THE ANSWERS TO CERTAIN QUESTIONS WHEN APPOINTING A JUDICIAL EXAMINATION, TAKING INTO ACCOUNT THE PREJUDICE OF JUDICIAL ACTS

Mamaev A.A.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article provides an analysis of the model of the judicial process movement in the event of issues requiring special knowledge. The

author analyzes the consequences of the court's decision on the appointment of an expert examination and notes that this court ruling establishes a certain fact that is never explicitly stated in the court ruling – the fact that the court cannot further consider the civil case due to the need to apply special knowledge in its resolution. The author provides a critical assessment of the approach that the expert's opinion is not the exclusive means of proof in a situation where the court, expressing disagreement with the examination, makes independent conclusions on the issues that were put before the expert during the consideration of the case. Further, the author proves the validity of granting the court the right, setting the framework for conducting a forensic examination, to prejudge the expert's conclusions about the relative value of a number of valuation objects due to prejudice.

Keywords: court, appointment of an expert examination, prejudice, obligation, raising a question.

References

1. Commentary to the rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on civil cases / E.A. Borisova, S.A. Gerasimenko, B.A. Gorokhov et al.; edited by V.M. Zhukov. 2nd ed., revised M.: NORMA, 2008. p. 320. SPS "ConsultantPlus".
2. Fedorov P.G. Limitation of prejudice in the arbitration process by the subject of judicial proceedings // Bulletin of Arbitration Practice. 2025. N 1. P. 6. SPS "ConsultantPlus".
3. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 05.12.2023 N F01–5781/2023 in case N A11–11978/2021; Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 29.06.2023 N F02–2398/2023 in case N A19–14636/2022; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 16.01.2024 N F03–3658/2023 in case N A04–5830/2022; Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 07/03/2023 N F07–5394/2023 in case N A56–32081/2022; Ruling of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/28/2017 N 305-ES16–21318 in case N A40–41417/2015.

Правовой статус федеральных территорий в РФ: становление и перспективы развития

Новиков Виталий Борисович,

адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

E-mail: 91100911@bk.ru

Статья посвящена исследованию вопроса нормативного закрепления юридического статуса «федеральных территорий», создание которых стало возможным вследствие дополнения Конституции Российской Федерации соответствующей правовой нормой.

Отсутствие базового комплексного нормативного акта, регулирующего порядок создания и правовой статус территорий федерального подчинения, специфический порядок наделения полномочиями органов публичной власти на конкретной территории, вызвали достаточно оживленную дискуссию в научном сообществе, отличающуюся порой диаметрально противоположными во взглядах на проблему.

Правовой анализ юридического закрепления статуса федеральной территории осуществлен на примере единственного пока в российской правовой системе нормативного правового акта – Федерального закона «О федеральной территории «Сириус».

Недостаточная правовая регламентация этого нового для российской правовой системы публично-правового института, может стать препятствием в продолжении этого существенного направления по совершенствованию системы управления территориями особого значения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, федеральная территория, территориальная организация государства, территория Российской Федерации, публично-правовое образование «Сириус», государственное управление, органы публичной власти, территориальное устройство.

Введение в проблему

Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, потребовало от законодателя принятия целого ряда нормативных правовых актов, регулирующих принципиально новые правоотношения. Одним из первых таких правовых актов стал Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» (далее ФЗ № 437) [16].

Исследователи отмечают, что «...ранее, в российском правовом поле, термин «федеральные территории» не применялся. При этом он достаточно широко используется в законодательстве ряда зарубежных стран» [14]. Закрепление в Конституции РФ нормы, устанавливающей понятие «федеральная территория» но не закрепляющей ее правовой статус, позволило законодателю самостоятельно решать этот вопрос в каждом конкретном случае.

Высокая вероятность создания комплекса специфических территориальных образований подобно «Сириусу», требует правового осмысления данной проблемы и выработки единого научного подхода к ее реализации.

Краткий обзор исследований (литературы)

Создание в России нового публично-правового образования «федеральная территория», «...имеющего общегосударственное стратегическое значение...» [16], возбудило достаточно высокий интерес к данному феномену в научном сообществе. Как следствие, этот новый для российской правовой системы конституционно-правовой институт стал объектом изучения в трудах таких исследователей как Е.А. Василькова, Н.В. Васильева, Н.И. Дорохов, Р.М. Дзидзоев, Р.О. Зуев, В.А. Майборода, А.Н. Надин, С.В. Праскова, Ю.В. Пятаковская, Н.К. Семёнова, С.С. Стариков, А.Ю. Сибилева и ряда других.

Отметим, что среди исследователей нет единого подхода к изучаемой проблеме. Ученые-государствоведы указывают и на «...недостаточное нормативное закрепление правового статуса федеральных территорий, и на отсутствие единой концепции обоснования необходимости создания федеральных территорий в России, и на неопределенность взаимоотношений федеральных территорий с субъектом Федерации в пределах которого она создается» [10, 11, 14, 15, 16].

Большинство научных публикаций ставит перед законодателем и научным сообществом вопрос о дальнейшей более детальной регламентации

статуса федеральных территорий в случае создания в Российской Федерации новых подобных «Сириус», публично-правовых образований.

Методы (методики)

В рамках проведенного исследования использовался диалектический метод, позволивший выявить закономерности создания исследуемого феномена.

Использование формально-юридического и сравнительно-правового методов, а также анализ действующего законодательства, позволили дать правовую оценку норм, регулирующих правоотношения в сфере функционирования федеральной территории, как объекта правового регулирования.

Результаты и их обсуждение

Конституционно-правовое закрепление федеральных территорий посредством внесения соответствующей поправки в Основной закон нашей страны и принятие соответствующего федерального закона, провозглашающего создание территории с особым статусом в Имеретинской низменности на берегу Черного моря, не явилось для Российской Федерации принципиально новым правовым явлением.

Указанные территориальные образования наделены специфическим статусом, обусловленным задачами, реализуемыми на данных территориях. Появление в Российской Федерации еще одного вида территорий со специальным статусом, с одной стороны явилось определенной неожиданностью, с другой – может повлечь за собой формирование целого комплекса подобного выделения территории, связанного с особенностями как местоположения, так и важности государственных задач, возлагаемых на них. Данные задачи отражены в ряде государственных документов: «Стратегии развития РФ до 2030 года», «Концепции воспитания в РФ до 2025 г.», в Национальном проекте «Образование» и пр. Специфический статус федеральных территорий призван содействовать реализации стратегических направлений, которые важны для государства на современном этапе развития.

Именно поэтому, создав «Сириус», как территорию, наделенную особым статусом, законодатель аргументировал это комплексом специфических задач. Это и «...обеспечение комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, и повышение ее инвестиционной привлекательности, и необходимость сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, и создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации...» [19].

Впервые понятие «федеральной территории» было отражено в законодательстве в контексте де-

ятельности рабочей группы по изменению и дополнению текста Конституции РФ. В тот период председатель Тульской областной Думы С.А. Харитонов отметил, что создание подобных территорий необходимо, но осуществимо лишь при одобрении законодательными органами 2/3 субъектов РФ [2]. Это обусловлено тем, что специфический статус подобных территорий требует значительных административных, финансовых ресурсов и, конечно же, корректировки законодательства. Содержание функционирования, задачи и направления деятельности федеральных территорий актуализировали необходимость разработки специального «рамочного» федерального закона и анализа практики его применения. Особенности данной территории определяют то, что она имеет определенную структуру, управление, органы публичной власти и это должно быть регулировано не общим, а специальным законом. Именно подобный закон устанавливает порядок создания подобных территорий, их функционирование и взаимоотношения с административно-территориальными единицами, социальными партнерами и иными субъектами правоотношений.

Однако, в законодательстве был определен специфический путь и вместо базового нормативного акта, унифицирующего деятельность всех федеральных территорий в РФ, был разработан федеральный закон, касающийся непосредственно «Сириуса» – его структуры и содержания деятельности. Он конкретизирует множество положений, отражающих особенности статуса данного образовательного центра, однако не содержит собственно универсального понятия «федеральная территория» [19].

В дополнение к этому С.А. Авакьяном раскрывается дефиниция термина «федеральная территория» и конкретизируется то, что эта территория не входит в состав административно-территориальной единицы РФ и находится в управлении федеральных органов власти [1]. Данный исследователь подчеркивает, что данные территории входят в состав субъекта РФ в одних случаях, а в других – приближены к данному субъекту в качестве самостоятельной части государственной территории [1], что не предоставляет возможности конкретизировать положение данного субъекта правоотношений.

А.С. Матвеев также в своей работе отмечает, что в современной нормативно-правовой базе РФ, как в законах, так и в Конституции, невозможно найти правовое определение федеральной территории [11, с. 89]. В связи с этим исследователь выводит свое определение, которое характеризует подобную территорию как полноценную часть территории РФ, однако имеющую особо организованную публичную власть [11, с. 91].

А.Ю. Сибилева подчеркивает еще одну особенность «Сириуса», как территории, которая в состав субъекта федерации не входит, а находится в управлении федеральных органов власти» [14, с. 55].

Именно дифференциация подобных субъектов от административно– территориальных образований обуславливает возможность создания новых административных единиц– федеральных территорий. с особым статусом, функциями и задачами, которые поставлены государством. Нам представляется необходимым не только разработка закона, определяющего статус данных образований, но и введение в действие отдельных нормативно– правовых актов, устанавливающих конкретную по отношению к различным территориям (к примеру, ФЗ «О федеральной территории «Сириус»), где прописаны основные положения, касающиеся устройства и управления центром.

Кроме того, важно оптимизировать механизм взаимодействия таких территорий и административно– правовых образований РФ, учитывая их неоднозначное положение и то, что города, регионы обладают более значительным финансовым, кадровым и иным потенциалом. Опираясь на это, правовой инструментарий должен определять направления, объем и длительность действия соглашений, которые заключаются федеральными территориями с субъектами РФ для осуществления своих функций.

Рассуждая о понятии «федеральная территория» многие исследователи высказывают различные точки зрения относительно того, самостоятельный ли это субъект правоотношений, либо административно– правовое образование, либо всего лишь территориальное понятие, которое ограничивает данный термин площадью и расположением. И в данном случае необходимо определить и территориальные, и функциональные, и управленческие границы, которые позволяют конкретизировать данную юридическую категорию.

Это в свою очередь полностью совпадает с аргументацией авторов поправки о необходимости создания территорий с особым статусом, приводивших примеры природных территорий «нуждающихся в защите и охране окружающей среды», а также наиболее важных для развития государства[2].

Однако, несмотря на довольно «поспешное» принятие закона о создании федеральной территории «Сириус», за последующие четыре с лишним года, новых территорий создано не было.

Не может не вызвать вопросов и сам факт применения термина «федеральная территория». Обосновывая внесение в Конституцию РФ возможности создания федеральных территорий, у сторонников данного предложения в качестве основного аргумента была ссылка на зарубежный опыт [2].

При этом анализ нормативного регулирования данных территорий за рубежом показывает, что, во-первых, их создание было вызвано достаточно серьезными причинами, такими как, например, длительное нахождение данной территории под влиянием другого государства или отдаленность от основной территории; а во-вторых, в большинстве зарубежных федераций, подобные территории не входят в состав субъектов федерации и на-

ходятся в прямом подчинении у федерального центра. В данном случае для Российской Федерации подобные основания отсутствуют. При этом все субъекты РФ являются равноправными, имеющими полноценный статус части государства наделяющий их определенными полномочиями.

В данной ситуации, сам факт формирования территорий с особым правовым статусом вероятно можно объяснить стремлением руководства страны к совершенствованию системы управления. Управление на территориях, подобных «Сириусу» на настоящий момент является темой дискуссий в науке и практике, т.к. механизм реализации властных полномочий еще полностью не отлажен. При этом нужно отметить, что управление, кроме функций организации и структурирования власти, механизма подчинения и взаимоотношений различных уровней, ориентировано еще и на отраслевые цели центра: содействие образованию и развитию талантливой молодежи, активизацию интеллектуального потенциала Российской Федерации. Поэтому важно говорить о представительстве в органах власти и представителей жителей «Сириуса».

В данном случае, выделение территорий, нуждающихся в непосредственном управлении со стороны федерального центра, должно помочь решить ряд насущных задач, стоящих сегодня перед государством. Данные задачи, как мы ранее отмечали, конкретизированы в различных стратегических документах и должны обязательно отражаться в «рамочных» нормативно– правовых актах.

Возможно в данной связи, более логично подобные территории наделять статусом – «территория прямого федерального управления», что не исключает вхождение территории в состав административно– правового образования РФ, но при этом определяет ее независимость и необходимость деятельности в соответствии с теми задачами, для решения которых она была создана.

Возвращаясь к характеристике правового статуса федеральной территории, отметим, что его основа закреплена Федеральным законом № 437-ФЗ (ст. 2). со всей уверенностью можно утверждать, что федеральная территория являясь частью субъекта Российской Федерации не наделяется собственными правами в области государственного управления. Однако, в законодательстве не конкретизируется специфика взаимодействия федеральной, региональной и местной, территориальной власти.

Это также вызывает противоречие, т.к. в случае принятия конкретных управленческих решений необходимо четко понимать их уровень (федеральный, региональный, местный), а также ответственность, которая может наступить в отдельных случаях. Разграничение полномочий, определение функционала является объективной необходимостью, при которой решение стратегических задач, поставленных государством, является максимально эффективным.

Более того, закон закрепляет, что в данных органах устанавливаются государственные должности, при этом должности федеральной государственной службы устанавливаются указом Президента Российской Федерации (ч. 4 ст. 10 ФЗ № 437). Данная норма позволяет сделать вывод о том, что данные органы власти являются государственными органами. Однако, необходимо конкретизировать дифференциацию терминов «государственные органы» и «органы государственной власти» и разграничить их функционал, т.к. он непосредственным образом связан с полномочиями и структурой органов управления. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что вопросы, которые решаются в ходе управления подобными территориями, нужно разделять на две категории: общего, стратегического характера, которые соотносятся с целями и задачами, прописанными в федеральных документах и непосредственно обеспечивающие деятельность подобной территории (коммунальные, хозяйственные и пр.). И конечно же, решением данных проблем должны заниматься различные органы управления.

Граждане, которые проживают на территории «Сириуса» также в полной мере осуществляют свое право на местное самоуправление: через органы местного управления, а также публичную власть, они решают вопросы, связанные с организацией и деятельностью образовательного центра, выражая свое мнение. Вопросы, решаемые на территории «Сириуса», касаются жизнеустройства, организации непосредственной деятельности, связанной с целями и задачами «Сириуса» и поэтому никто лучше его жителей не может знать эту проблематику. Безусловно, решение таких вопросов требует привлечения сторонних ресурсов (финансовых, административных, коммунальных и пр.) и поэтому в нормативно-правовых актах необходимо отразить и механизм взаимодействия федеральной территории и регионального субъекта правоотношений.

Впоследствии, Законом Краснодарского края поселок городского типа Сириус Краснодарского края наделен статусом городского округа [6]. Данное обстоятельство позволяет еще раз убедиться, что федеральная территория «Сириус» осталась в рамках правового поля, формируемого субъектом Российской Федерации на территории которого она находится. И взаимоотношения, которые возникают у «Сириуса» с городом Сочи и Краснодарским краем, регулируются различными уровнями законодательства. В подобных законах необходимо прописывать инструменты регулирования взаимоотношений федеральной территории и региональных субъектов, а также те направления и вопросы, которые решаются в подобном сотрудничестве. Безусловно, такой механизм отражается в соглашениях, договорах, которые носят более частный характер и основываются на федеральных либо региональных нормативно-правовых актах.

Выводы и заключение

Подводя краткий итог проведенного исследования, отметим следующее:

1. Федеральную территорию образовательного центра «Сириус» нельзя обозначить в качестве самостоятельной государственно-правовой территориальной единицы, т.к. она находится в г. Сочи, который входит в состав Краснодарского края.

2. Правовой статус образовательного центра «Сириус» позволяет ее определить, как публично-правовое образование.

3. Проанализированные нами источники, определяющие непосредственное федеральное подчинение «Сириуса» позволяют актуализировать необходимость о совершенствовании законодательства, касающегося статуса федеральных территорий.

4. Отсутствие единого статусного нормативно-правового акта, регулирующего процесс образования федеральных территорий, препятствует формированию доктринального подхода к исследуемой проблеме.

5. Отсутствие законодательно закреплённой дефиниции «федеральная территория», а также применение данного термина по западному образцу без должного научного обоснования, так же не создает должных правовых предпосылок для реализации данного проекта по совершенствованию системы государственного управления отдельными территориями.

6. Инновационный статус конституционно-правового института федеральных территорий в нашем государстве рассматривается как законодательная новелла и, безусловно, нуждается в совершенствовании и корректировке. Данные процессы необходимо реализовывать не только в законотворчестве, но и в правовой практике, что обеспечит возможность транслирования данного опыта на территории Российской Федерации.

Подобные особенности определяют перспективы совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей функционирование федеральных территорий, а также совершенствование методологического исследования проблематики.

Литература

1. Авакьян С.А. Юридический словарь // URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional> (дата обращения 16.07.2025 года);
2. В Совфеде объяснили, что понимают под «федеральными территориями» // – URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения 16.07.2025 года);
3. Дементьев А.Н. Федеральная территория «Сириус», город «Иннополис» – административно-территориальные и муниципальные единицы, географические объекты? // Гражданин и право. 2021. № 3. С. 77–86;
4. Закон Краснодарского края «об установлении границ муниципального образования го-

- родской округ Сириус Краснодарского края и наделении его статусом городского округа» от 25 марта 2020 года // – URL: <https://admkr.krasnodar.ru/> (дата обращения 16.07.2025 года);
5. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // – URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения 16.07.2025 года);
 6. Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297–1 О закрытом административно-территориальном образовании // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 20 августа 1992 г., № 33, ст. 1915;
 7. Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1 (29). С. 14–23;
 8. Клишас А.А. Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/> (дата обращения 16.07.2025 года);
 9. Конституция Российской Федерации // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 16.07.2025 года);
 10. Майборода В.А. Федеральная территория как новый субъект права: теоретико-правовое исследование: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2023. 346 с.
 11. Матвеев, А.С. Понятие и особенности федеральной территории в Российской Федерации / А.С. Матвеев // Молодой ученый. 2023. № 31 (478). С. 89–91;
 12. Неверов А. Я. К вопросу о нормативном регулировании организации публичной власти в Российской Федерации / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь. 2022. С. 128–132;
 13. Неверов А.Я. Федерация как объект государственного управления / А.Я. Неверов // «Современная школа России. Вопросы модернизации». 2021. № 4 (36, т. 1). С. 88–91;
 14. Сибилева А. Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 49–56;
 15. Стариков С. С Конституционно-правовой статус федеральных территорий в России: диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук. Саратов, 2022, – 191 с.
 16. Семенова Н.К. Федеральные территории в России: проблемы и перспективы правового регулирования / Н.К. Семенова, М.И. Лецинский, Е.А. Марченко // Юридические науки, 2022, № 12–5, С. 84–91
 17. Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ О статусе наукограда Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 12 апреля 1999 г., № 15, ст. 1750.
 18. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 2005 г. № 30 (часть II) ст. 3127;
 19. Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 16.07.2025 года);
 20. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40 ст. 3822;
 21. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 декабря 2020 г. № 50 (часть III) ст. 8039;
 22. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 52 (часть I) ст. 8973.

LEGAL STATUS OF FEDERAL TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Novikov V.B.

Law Chamber in St. Petersburg

The article is devoted to the study of the issue of the legal status of "federal territories", the creation of which became possible due to the addition of a corresponding legal norm to the Constitution of the Russian Federation. The absence of a basic comprehensive regulatory act governing the procedure for the creation and legal status of federal-subordinate territories, as well as the specific procedure for granting powers to public authorities in a particular territory, has sparked a lively discussion in the scientific community, with sometimes diametrically opposed views on the issue. The legal analysis of the legal consolidation of the federal territory status was carried out on the example of the only regulatory legal act in the Russian legal system so far – the Federal Law "On the Federal Territory of Sirius". Insufficient legal regulation of this new public-law institution for the Russian legal system may become an obstacle in the continuation of this existing.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, federal territory, territorial organization of the state, territory of the Russian Federation, public legal entity Sirius, public administration, public authorities, territorial structure.

References

1. Avakyan S.A. Legal Dictionary // URL: <https://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional> (accessed on July 16, 2025);

2. The Federation Council explained what is meant by “federal territories” // URL: <https://www.interfax.ru/> (accessed on July 16, 2025);
3. Dementyev A.N. The federal territory of Sirius, the city of Innopolis – administrative-territorial and municipal units, geographical objects? // *Citizen and law*. 2021. No. 3. pp. 77–86;
4. The Law of the Krasnodar Territory “on establishing the boundaries of the municipal formation Sirius Urban District of the Krasnodar Territory and granting it the status of an urban district” dated March 25, 2020 // – URL: <https://admkr.krasnodar.ru/> (accessed on 16.07.2025);
5. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020, No. 1-Z “On the Compliance of the Provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation with the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation “On the Council;”
6. Law of the Russian Federation No. 3297–1 dated July 14, 1992, On a Closed Administrative-Territorial Entity // *Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation* dated August 20, 1992, No. 33, Article 1915;
7. Zernov, I.V. Constitutional Features of the Status of a Federal Territory: Issues of Theory and Practice // *Prolog: a journal on law*. 2021. No. 1 (29). Pp. 14–23;
8. Klishas A.A. The initiative on the “Federal Territory” deserves special attention // URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/> (accessed on July 16, 2025);
9. Constitution of the Russian Federation // URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed on July 16, 2025);
10. Mayboroda, V.A. Federal Territory as a New Subject of Law: A Theoretical and Legal Study: Doctoral Dissertation. Moscow, 2023. 346 p.;
11. Matveyev, A.S. The Concept and Features of Federal Territory in the Russian Federation / A.S. Matveyev // *Young Scientist*. 2023. No. 31 (478). Pp. 89–91;
12. Neyverov A. Ya. On the Issue of Normative Regulation of the Organization of Public Power in the Russian Federation / Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Perm. 2022. Pp. 128–132;
13. A. Ya. Neyverov Federation as an Object of Public Administration / A. Ya. Neyverov // «Modern School of Russia. Issues of Modernization». 2021. No. 4 (36, vol. 1). Pp. 88–91;
14. Sibileva A. Yu. On the Issue of the Legal Status of Federal Territories // *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*. 2020. Vol. 6. No. 3. pp. 49–56;
15. Starikov S. With the constitutional and legal status of federal territories in Russia: dissertation for the degree of Ph D. jurid. sciences’. Saratov, 2022, – 191 p.
16. Semenova N.K. Federal territories in Russia: problems and prospects of legal regulation / N.K. Semenova, M.I. Leshchin;
17. Federal Law No. 70-FZ of April 7, 1999 On the Status of a Science City in the Russian Federation // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of April 12, 1999, No. 15, art. 1750.
18. Federal Law No. 116-FZ of July 22, 2005 “On Special Economic Zones in the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation* No. 30 dated July 25, 2005 (Part II), Article 3127;
19. Federal Law No. 437-FZ dated December 22, 2020, “On the Federal Territory of Sirius” // URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed on July 16, 2025);
20. Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003, “On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation* dated October 6, 2003, No. 40, Article 3822;
21. Federal Law No. 394-FZ dated December 8, 2020, “On the State Council of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation* dated December 14, 2020, No. 50 (Part III), Article 8039;
22. Federal Law No. 414-FZ dated December 21, 2021, “On the General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 52 (Part I), Article 8973, dated December 27, 2021.

Проблемы реализации права собственности в деятельности хозяйственных обществ

Перякин Александр Викторович,

аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин, МФЮА
E-mail: a.science@bk.ru

В статье исследуются особенности реализации права собственности в хозяйственных обществах. Отмечено, что право реализуется через коллективные решения органов управления, главным образом, общего собрания участников общества. Подчеркивается опосредованный характер данного права и зависимость его реализации от единой воли юридического лица. Выявлены ключевые проблемы: неопределенность концепции права собственности в законодательстве, ограничение прав миноритариев, а также феномен «размытия» долей, в частности в контексте семейных отношений. Дополнительно рассматриваются вопросы уголовно-правовой ответственности участников за изъятие имущества общества и проблема «спящих» акционеров, не урегулированная действующим законодательством.

Ключевые слова: хозяйственное общество, право собственности, акционер, мажоритарий, миноритарий, единая юридическая воля, кворум, собрание акционеров, «размытие» доли.

Современная социально-экономическая система во многом основывается на отношениях собственности. В обществе существует многообразие форм собственности, большинство из которых заключены в контекст корпоратизации и институционализации экономики. Еще в прошлом столетии стала зарождаться тенденция к сокращению дистанции отчуждения работников от средств производства. Данная тенденция главным образом проявляется в формах диффузии собственности, имплементации механизмов передачи собственности в руки работников предприятий, их участия в управлении [2, с. 7].

С точки зрения экономики и социологии кооперация являет собой одну из естественных стадий процесса развития социально-экономических систем, сущность которой заключается в целенаправленной аккумуляции ресурсов и усилий отдельных акторов для достижения общих целей. Кооперация, при этом, не исключает конкуренции, поскольку интересы части акторов могут оказаться противоречащими интересам других участников кооперации [6, с. 84]. Одной из наиболее эффективных и распространенных форм кооперации на современном этапе выступают хозяйственные общества. Вхождение субъекта в состав хозяйственного общества обуславливает приобретение им особого статуса участника корпоративных отношений с наделением субъекта комплексом прав и обязанностей [8, с. 104–105].

Согласно тексту ст. 2 Федерального закона РФ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», акционерным обществом признается коммерческая организация, уставный капитал которой разделен на определенное число акций, удостоверяющих обязательственные права участников общества (акционеров) по отношению к обществу. Такие общества относятся к юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют обязательственные права [11].

По мнению исследователей-теоретиков, субъективное право участника хозяйственного общества является по своей природе обязательственным [10, с. 525]. Права, возникающие в рамках подобного обязательственного правоотношения, не исчерпываются их однократным осуществлением, они существуют на протяжении всего времени существования отношений между участником и хозяйственным обществом [8, с. 105]. Права собственности, при этом, выступают центральным компонентом в структуре прав участников хозяйственных обществ.

Сущность права собственности фиксируется в положениях в п. 2 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно законодательству, собственник – лицо, которое обладает правом по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству. Право собственности предполагает право на совершение следующих действий: отчуждать свое имущество в собственность другим лицам; передавать права владения, сохраняя при этом статус собственника; пользоваться и распоряжаться имуществом; отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом [4].

Во многом содержание права собственности участника хозяйственного общества обусловлено правовым статусом и содержанием права собственности иных участников. Так, индивидуальный собственник способен самостоятельно и в своих интересах реализовать власть над имуществом, тогда как участник общества осуществляет аналогичные полномочия в особом порядке. Следовательно, реализация права собственности в хозяйственном обществе влечет необходимость в принятии его участниками общих решений о реализации данного права, а также о совершении действий, необходимых в данной связи.

При этом право собственности в деятельности хозяйственных обществ, можно сказать, опосредовано правом на управление обществом через принятие решений на общем собрании. Право собственности может быть реализовано только в ситуации, когда на это имеется единая воля юридического лица. Из этого, кроме того, следует, что участник общества реализует право собственности через полномочия пользования и распоряжения, но он при этом не может фактически владеть имуществом общества, поскольку действия, связанные с владением, санкционируются и реализуются исполнительными органами общества [7, с. 90].

Единая юридическая воля, как отмечено выше, является неотъемлемым условием при реализации права собственности в деятельности хозяйственных обществ. В хозяйственных обществах право собственности участников носит производный и опосредованный характер. Оно реализуется не в форме непосредственного обладания имуществом общества, а через реализацию корпоративных прав – прежде всего через участие в формировании и выражении единой воли юридического лица. Воля собственника как физического лица «растворяется» в юридической воле общества, что отличает право собственности хозяйственного общества от индивидуального. Именно поэтому многие современные авторы подчёркивают: корпоративная собственность не в полной мере соотносится с правом собственности в его классическом понимании, а связана скорее с участием в формировании и реализации воли юридического лица, действующего как самостоятельный субъект права.

В исследуемой нами области до сих пор имеется несколько неразрешённых вопросов. Многие хозяйственные общества сталкиваются с проблемами конкретности, определенности концепции и законодательных положений о праве собственности. По мнению специалистов, следует в ближайшее время разрешить проблемы приобретения, осуществления, прекращения и охраны собственности участников общества. Отсутствие четкой теоретической концепции права собственности хозяйственных обществ оказывает негативное влияние на развитие правоприменительной практики [9, с. 110].

Одним из проблемных аспектов в рассматриваемой нами области выступает **ограничение прав миноритариев**. Реализация правомочий участников осуществляется через органы управления, главным образом через общее собрание участников (акционеров). Именно этот орган определяет основные направления деятельности общества, одобряет крупные сделки и сделки с заинтересованностью, принимает решения о приобретении акций или увеличении уставного капитала.

В условиях мажоритарного управления правовое положение участника с незначительным числом голосов оказывается ограниченным. Формально обладая правом участвовать в голосовании, такой участник не способен с предопределённым результатом влиять на решения, поскольку закон сохраняет приоритет за решением, принятым большинством голосов.

Для обществ с ограниченной ответственностью (ООО) решения могут приниматься простым большинством, квалифицированным большинством не менее двух третей, либо единогласно. Уставные требования могут закреплять, к примеру, необходимость единогласного принятия любых решений. Для акционерных обществ (АО) крупные сделки в диапазоне от 25% до 50% балансовой стоимости активов одобряются простым большинством; сделки свыше 50% активов требуют 75% голосов акционеров. Таким образом, законодатель установил пороговые значения голосов, при которых решения, затрагивающие судьбу значительной части имущества общества, могут быть приняты только большинством, тогда как полномочия миноритариев существенно ограничиваются.

Возможность беспрепятственного осуществления права собственности путем наличия рычагов для формирования единой воли хозяйственного общества становится доступной участнику общества посредством максимального участия в уставном капитале (доли). В акционерном обществе данные права получает собственник 75% акций, в обществе с ограниченной ответственностью – 100% долей уставного капитала (ряд решений в обществе должен быть принят единогласно). Фактически, мажоритарный владелец контрольного или всего пакета акций выступает единоличным собственником имущества общества [7, с. 93].

Право собственности участников, таким образом, попадает в зависимость от волеизъявления

большинства. Миноритарий фактически утрачивает возможность влиять на распоряжение имуществом общества, даже если формально участвует в голосовании. При отсутствии механизмов защиты (например, обязательного выкупа акций у миноритариев в ряде случаев, возможности обжалования решений, компенсационных выплат) возникает угроза ущемления прав меньшинства [7, с. 91].

Еще одной проблемой в рассматриваемой нами области является **проблема «размытия» долей**. В частности, множество проблем правоприменения возникает при «размытии» доли (участия) супруга/супруги. Супруг участника корпорации обладает статусом совладельца доли в уставном капитале. Тем не менее, данный статус не наделяет супруга участника хозяйственного общества корпоративными правами [5, с. 95]. Под «размытием» доли понимается её снижение в уставном капитале либо уменьшение её стоимости (реальной ценности), вследствие корпоративных действий, и как следствие – ущемление имущественных интересов супруга, с которым доля в обществе находится в режиме совместной собственности. В ситуации, когда уставной капитал общества с ограниченной ответственностью увеличивается за счёт вклада третьих лиц, возникает проблема сокращения доли супруга-участника без его согласия.

Правовой режим совместной собственности супругов, согласно отечественному семейному законодательству, распространяется на имущество, приобретённое в браке. Тем не менее, доля в уставном капитале общества не является вещью, но является объектом гражданских прав и удостоверяет комплекс определенных прав и обязанностей.

Одним из ключевых механизмов конфликта является увеличение уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счёт новых (третьих) лиц. Такой шаг может быть формально законным с точки зрения устава и законодательства, но фактически он вредит имущественным правам супруга, уменьшать долю его долю в стоимостном выражении.

Помимо «размытия» доли проблемы в данной области затрагиваются также ограничение иных проявлений права собственности. В ситуации раздела имущества при разводе супругов, не являющийся участником общества, вправе требовать компенсацию стоимости половины доли, но не может автоматически получить статус участника. Тем не менее, **при разделе имущества суд может передать долю супругу только с согласия других участников общества**. В противном случае супруг получает денежную компенсацию, что может приводить к ущемлению его интересов – особенно если фактическая стоимость доли была случайно или намеренно оценена некорректно. Кроме того, сделки с долями (продажа, залог, дарение) часто совершаются без согласия второго супруга несмотря на то, что семейное законодательство предусматривает необходимость в получении подобного согласия.

Следует также рассмотреть **проблему уголовно-правовой ответственности участников хозяйственных обществ за изъятие имущества юридического лица**. Достаточно тяжело разграничить действия, классифицируемые как правомерная хозяйственная деятельность (включая получение дивидендов, распоряжение корпоративными правами, принятие решений органами управления) и действия, признаки которых позволяют считать их правонарушениями (злоупотребление правами, причинение убытков обществу, оспоримые сделки, хищение имущества организации, мошенничество).

Участник хозяйственного общества, с одной стороны, является его совладельцем (через долю или акции), с другой – имущество принадлежит не участнику, а самому юридическому лицу (ст. 48, 49, 56 ГК РФ [4]). Поэтому любые попытки присвоения этого имущества под видом «собственного» должны рассматриваться как завладение чужим имуществом.

Безусловно, участник юридического лица может быть привлечён к уголовной ответственности за хищение имущества организации. Ключевым критерием в данном случае является наличие умысла: если действия совершены с корыстной целью, но без правового основания, они квалифицируются как хищение; если действия связаны с управлением обществом, но имели негативные последствия, это скорее сфера гражданско-правовой или корпоративной ответственности [3, с. 63].

Наконец, следует обозначить **проблему т.н. «спящих» акционеров**. На современном этапе ни законодательные акты, ни ГК РФ не содержат критериев и дефиниции «спящих» акционеров. В реальной практике акционерные общества сталкиваются с проблемами «простаивающих» акционеров, бездействие которых выступает препятствием для реализации права собственности и для нормальной деятельности общества в целом [1, с. 99]. Согласно имеющимся данным, на данный момент в стране насчитывается около 6 млн «спящих» акционеров.

Категория «спящий» акционер обозначает лицо, «не придающие значения общим собраниям корпорации по объективным или субъективным факторам и не видящие смысла в участии в них» [1, с. 99]. Так, зачастую таковыми становятся наследники акционеров, которые не знают о владении акциями умершим. Такими лицами могут выступать также работники, получившие акции на безвозмездной основе, но не придающие этим акциями ценности.

В отечественных условиях «спящие» акционеры препятствуют реализации права собственности как минимум в двух направлениях: в области формирования единой воли юридического лица и путем усиления правомочий мажоритариев. Как известно, право собственности в хозяйственном обществе опосредуется через участие в выработке решений общего собрания. Если значительная

часть акционеров является «спящими», формирование кворума и принятие решений оказывается затруднительным. Кроме того, пассивность миноритариев укрепляет позиции контролирующего акционера или группы акционеров. Мажоритарий получает возможность фактически единолично формировать решения. В ряде случаев это приводит к злоупотреблениям – «размытию» долей, выводу активов, принятию невыгодных миноритариям решений.

Российское право не содержит эффективных механизмов принуждения акционеров к участию в собраниях, в отличие от ряда зарубежных правовых порядков. Проблема обостряется в обществах, где число участников невелико и отсутствие даже одного голосующего участника может негативно сказаться на кворуме.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

- Реализация права собственности в хозяйственном обществе опосредована реализацией права на управление обществом через принятие решений на общем собрании. Право собственности может быть реализовано только в ситуации, когда на это имеется единая воля юридического лица. В связи с этим в данной области до сих пор имеется несколько неразрешенных вопросов.
- Одним из проблемных аспектов в рассматриваемой нами области выступает ограничение прав миноритариев. Реализация правомочий участников осуществляется через органы управления, главным образом через общее собрание участников (акционеров).
- Еще одной проблемой в рассматриваемой нами области является проблема «размытия» долей. В частности, множество проблем правоприменения возникает при «размытии» доли (участия) супруга/супруги. Помимо «размытия» доли проблемы в данной области затрагиваются также ограничение иных проявлений права собственности. Так, при разделе имущества суд может передать долю супругу только с согласия других участников общества.
- Остро стоит проблема уголовно-правовой ответственности участников хозяйственных обществ за изъятие имущества юридического лица.
- Практика показывает, что наличие в обществе т.н. «спящих» акционеров приводит к возникновению значительных трудностей в управлении. Отсутствие их участия в собраниях ограничивает формирование единой воли юридического лица, затрудняет принятие важных решений и может использоваться другими участниками для манипуляций правом собственности.

Литература

1. Абдулкадиров, Т. Правовое положение «спящего» акционера в корпорации / Т. Абдулкадиров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 2. – С. 96–113.
2. Ахметов, В.Я. Экономическая реализация собственности через кооперацию / В.Я. Ахметов, А.Н. Кузашев, З.Т. Насретдинова, Г.Б. Ахмедина // Вестник евразийской науки. – 2019. – № 4. – 12 с.
3. Быкова, Е.Г. Ответственность учредителей (участников) за хищение имущества хозяйственного общества с учетом баланса интересов таких участников и юридического лица / Е.Г. Быкова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (45). – С. 61–68.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. (дата доступа: 21.09.2025).
5. Желонкин, С.С. Размытие доли в ООО: коллизионные вопросы семейных и корпоративных отношений / С.С. Желонкин, О.А. Макарова // Философия права. – 2024. – № 2 (109). – С. 91–98.
6. Комарова, И.П. Размывание прав как этап развития института собственности / И.П. Комарова, Е.В. Устюжанина, К. Ходжа // JIS. – 2023. – № 1. – С. 78–88.
7. Кондратенко, З.К. Отдельные вопросы осуществления правомочий собственника хозяйственными обществами / З.К. Кондратенко // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 3 (18). – С. 90–94.
8. Мальцев, А. А. К вопросу о юридической природе прав участников хозяйственных обществ / А.А. Мальцев // Правовое государство: теория и практика. – 2012. – № 4 (30). – С. 104–110.
9. Немчинова, И.Р. Право собственности хозяйственных субъектов: актуальные проблемы и направления их разрешения в современном российском обществе / И.Р. Немчинова // Вестник магистратуры. – 2017. – № 10 (73). – С. 109–112.
10. Примаков, В.В. Хозяйственные общества: некоторые аспекты правового регулирования / В.В. Примаков // Образование и право. – 2023. – № 5. – С. 524–526.
11. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/. (дата доступа: 21.09.2025).

PROBLEMS OF IMPLEMENTING OWNERSHIP RIGHTS IN BUSINESS COMPANIES

Peryakin A.V.

Moscow University of Finance and Law

This article presents the specific features of implementing ownership rights in business entities. It notes that ownership rights are exercised through collective decisions of management bodies, primar-

ily the general meeting of shareholders. The indirect nature of this right and its dependence on the unified will of the legal entity are emphasized. Key issues are identified: the ambiguity of the concept of ownership in legislation, limitations on minority shareholders' rights, and the phenomenon of share dilution, particularly in the context of family relationships. Additionally, the issues of criminal liability of participants for the seizure of company property and the problem of "dormant" shareholders, which is not regulated by current legislation, are considered.

Keywords: business company, ownership rights, shareholder, majority shareholder, minority shareholder, single legal will, quorum, shareholder meeting, dilution of ownership share.

References

1. Abdulkadirov, T. Legal status of a "sleeping" shareholder in a corporation / T. Abdulkadirov // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. – 2024. – № 2. – P. 96–113.
2. Akhmetov, V. Ya. Economic realization of property through cooperation / V. Ya. Akhmetov, A.N. Kuzyashev, Z.T. Nasretdinova, G.B. Akhmedina // *Bulletin of Eurasian Science*. – 2019. – № 4. – 12 p.
3. Bykova, E.G. Liability of founders (participants) for theft of property of a business entity taking into account the balance of interests of such participants and a legal entity / E.G. Bykova // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2025. – № 1 (45). – P. 61–68.
4. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // Consultant Plus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: 09/21/2025.
5. Zhelonkin, S.S. Dilution of a share in an LLC: conflict of laws issues of family and corporate relations / S.S. Zhelonkin, O.A. Makarova // *Philosophy of Law*. – 2024. – № 2 (109). – P. 91–98.
6. Komarova, I.P. Dilution of rights as a stage in the development of the institution of ownership / I.P. Komarova, E.V. Ustyuzhagina, K. Khodja // *JIS*. – 2023. – № 1. – P. 78–88.
7. Kondratenko, Z.K. Certain Issues of the Exercise of Owner's Powers by Business Entities / Z.K. Kondratenko // *Mari Legal Bulletin*. – 2016. – № 3 (18). – P. 90–94.
8. Mal'tsev, A.A. On the Legal Nature of the Rights of Participants in Business Entities / A.A. Mal'tsev // *The Rule of Law: Theory and Practice*. – 2012. – № 4 (30). – P. 104–110.
9. Nemchinova, I.R. Ownership of Business Entities: Current Issues and Directions for Their Resolution in Modern Russian Society / I.R. Nemchinova // *Bulletin of the Magistracy*. – 2017. – № 10 (73). – P. 109–112.
10. Primak, V.V. Business entities: some aspects of legal regulation / V.V. Primak // *Education and Law*. – 2023. – № 5. – P. 524–526.
11. Federal Law of 26.12.1995 № 208-FZ "On Joint-Stock Companies" (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) // Consultant Plus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/. – Access date: 21.09.2025.

Концепция развития смарт-контрактов в правовой системе Российской Федерации. Возможности реализации смарт-контракта в рамках повышения уровня цифровизации государства

Пушилина Екатерина Эдуардовна,
аспирант, Южный университет «ИУБиП»
E-mail: miamvecna@yandex.ru

Предметом исследования является смарт-контракт как вид гражданско-правового договора, определение его отличий от закрепленных в Гражданском кодексе РФ договоров, а также систематизация смарт-контрактов на основе формы их заключения. Внедрение смарт-контракта в правовую среду. В статье приводится систематизация смарт-контрактов относительно способа их заключения. Также рассматривается проблема неизменяемости смарт-контракта и предлагаются пути ее преодоления. Методологическая основа: методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых методы историзма, системности, анализа, диалектический метод научного познания, системный, формальноюридический методы исследования. Выводы: Автором предлагается системный подход к устранению правовых коллизий и пробелов при применении смарт-контракта, а также рассматривается вопрос применения реституции к последствиям оспоренных смарт-контрактов. В статье приведены примеры возможности реального применения смарт-контракта в существующей правовой системе.

Ключевые слова: смарт-контракт, право, гражданское право, правовое регулирование смарт-контрактов, понятие смарт-контрактов, смарт-контракт в праве РФ, действие смарт-контрактов в РФ, развитие применения смарт-контрактов, цифровизация.

В связи с развитием новых технологий в мире развитие получили и гражданские правоотношения, регулирование которых необходимо на уровне федерального законодательства. Смарт-контракт является одним из новшеств, порождающих развитие новых правоотношений.

Смарт-контракт представляет собой программный код, способный к самостоятельному проведению сделок и контролю за их исполнением. Смарт-контракт в традиционном понимании это договор и программный код одновременно. Он работает по принципу «домино», то есть следующее действие выполняется только при условии выполнения предыдущего. Принцип действия смарт-контракта заключается в следующем: содержание договора записывается в виде кода в компьютерной программе, отслеживающей и обеспечивающей исполнение обязательств. Стороны сделки прописывают в таком контракте условия, а также санкции за их невыполнение [1]. Важной особенностью является то, что на действие и исполнение смарт-контракта практически невозможно повлиять извне и нарушить условия этого контракта. Это является как преимуществом, так и недостатком, ведь в случае возникновения форсмажоров, при котором необходимо приостановить действие договора и действий сторон по этому же договору, программа будет продолжать выполнение заданных условий, если в программе не прописаны специальные условия, что может в результате повлечь убытки или причинить вред [2].

Рассмотрим более подробно особенности смарт-контракта, отличия его от имеющихся гражданско-правовых договоров.

Первая и наиболее важная особенность смарт-контракта заключается в его форме. В гражданском праве РФ закреплены устная и письменная формы договоров. Следует отметить, что с 01 октября 2019 года в ГК РФ были внесены изменения относительно форм договора, так письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения ли-

ца, выразившего волю [4]. Указанные изменения не могут регулировать смарт-контракт, поскольку он выражается в форме программного кода, написанного на языке программирования, и не может быть инвертирован в классическую (письменную) форму, как требует законодательство.

Вторая отличительная особенность смарт-контракта – отсутствие возможности изменить условия договора после их подписания, так как работа смарт-контракта есть исполнение специального кода, которое в свою очередь может фиксироваться в различных реестрах, например в блокчейне. Таким образом, стороны получают гарантию исполнения, однако лишаются возможности изменения и прекращения условий договора в рамках одной сделки.

Принципиальное отличие смарт-контракта от иных договоров это гарантия исполнения. Нарушить условия договора у стороны не получится, поскольку за исполнением следит специальный программный код, в который внесены условия обязательства для исполнения, а в случаях его нарушения он не позволит перейти к следующей стадии исполнения.

Например, сейчас наиболее распространенный сервис в поиске жилья онлайн, приложения с территориальной привязкой квартир и данными их наймодателей. Наниматель выбирает подходящий вариант, ознакомившись с условиями договора переводит наймодателю на счет денежные средства, в качестве задатка. При таком поиске у сторон на начальной стадии исполнения отсутствует договор в письменном виде, соответственно стороны не застрахованы от нарушения права, как например, односторонний отказ наймодателя от исполнения. При использовании смарт-контракта в описываемой ситуации, наниматель будет иметь возможность вывода своих средств, поскольку механизм, прописанный в коде смарт-контракта, не позволит при отсутствии подтверждения положительного исполнения одной стороной получить денежные средства второй стороне.

Следует отдельно отметить, что смарт-контракт нельзя рассматривать исключительно как механизм, способ исполнения договора, некоторую программу, направленную исключительно на совершение действий по принципу «если нет, то» потому, что сам смарт-контракт, несмотря на отсутствие письменной формы, содержит в себе существенные условия договора, а также сохраняет признаки гражданско-правового договора, а именно как юридический факт: имеет выражение во вне, закреплён в надлежащем виде, порождает правовые последствия.

Важно также и то, что на сегодняшний день понятие смарт-контракта не используется в законодательных актах РФ, но применяется в отдельных нормативных актах: в Распоряжении Правительства Российской Федерации от 30.09.2018 № 2101-р «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» отмечает-

ся, что «к основным сквозным технологиям работы с данными в транспортном комплексе, планируемым к применению в рамках реализации транспортной части плана, относятся: технологии самоисполняемых кодов выполнения обязательств («смарт»-контракты). В Информационном письме Банка России от 14.08.2018 № ИН014–12/54 «О национальной оценке рисков ОД/ФТ» (вместе с «Публичным отчетом. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Основные выводы 2017–2018», «Национальной оценкой рисков финансирования терроризма. Публичный отчет 2017–2018») в пункте отчета «Меры, принимаемые в Российской Федерации по управлению риском» раздела «Перемещение средств с использованием нерегулируемых субъектов» отмечено, что «ведется работа по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, их понятий (в том числе таких, как «технология распределенных реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смартконтракт») [7].

Смарт-контракт как договор является результатом свободного соглашения (волеизъявления) сторон, обеспечивающиеся принципом диспозитивности, добросовестности и защиты нарушенных прав. Стороны умного контракта, как и простого гражданско-правового договора равны, обладают равными юридическими возможностями при заключении и прекращении договора.

Одной из ключевых проблем для развития смарт-контрактов в Российской Федерации является именно отсутствие его регулирования на уровне федерального законодательства. Закрепление смарт-контракта как самостоятельной формы договора в гражданском праве обеспечит пролонгирование общих норм на действия механизма смарт-контракта, что укажет на его юридическое значение и место в системе договорного права. Фактически, смарт-контракты уже используются и защищаются законом, в рамках общего принципа свободы договора, однако, в виду различия его видов выявляется сложность в понимании сущности смарт-контракта.

Систематизируя смарт-контракты по форме заключения можно выделить три вида:

1. Полностью автоматизированные, такие смарт-контракты существуют исключительно в программном коде.
2. Смарт-контракты, условия которых прописаны в классическом договоре, а также записаны на языке программирования, в целях последующего исполнения.
3. Договоры, заключенные в письменном виде, часть которых, перенесена в программный код смарт-контракта.

Дублирование условий смарт-контракта в письменном виде обусловлены как необходимостью фиксации существенных условий на стадии со-

ставления договора, так необходимостью защиты прав, в случае нарушения кода контракта.

Такая особенность смарт-контракта, как невозможность корректировки его кода и является уникальной в концепции договорных отношений, поскольку имеющиеся в гражданском праве договоры располагают широким инструментарием для внесения изменений в условия контракта.

Отсутствие возможность исправления не может не сказывать на темпе развития распространения и внедрения в гражданско-правовой оборот технологии смарт-контракта. Однако данная проблема также может быть разрешена на законодательном уровне.

Государство, как универсальный регулятор общественных отношений должно отвечать запросам и потребностям общества и отражать их в нормах права. Для разрешения проблем, стоящих перед применением технологии смарт-контракт, необходим федеральный закон, который будет содержать определение смарт-контракта, его основные функции и фиксировать отличительные черты, превалирующие над другими контрактами. Данный закон, имеющий широкое профильное наполнение, сможет разрешить большую часть теоретических вопросов о сущности смарт-контрактов, задать вектор развития научной мысли, а главное обеспечить правовую базу для профильного применения и выработки единой правовой модели в применении технологии смарт-контракта.

Проблема невозможности корректировки кода смарт-контракта может быть разрешена комплексом мер, направленных на улучшение качества создаваемых контрактов, законодательном закреплении реституции в случае допущения ошибки в коде смарт-контракта.

Рассмотрим ситуацию, когда ошибка в коде смарт контракта повлекла убытки для одной из сторон договора. В случае с обычным договором, при отсутствии самостоятельного разрешения сложившегося спора, стороны вынуждены обратиться в суд, и уже в судебном порядке защищать свои права, а в последующем, контролировать исполнение решения суда или обращаться за принудительным исполнением. Указанный порядок действия является достаточно трудоемким, требующим от сторон специальных знаний, дополнительных трат и, что не менее важно, от момента нарушения права до его восстановления, путем исполнения решения, может пройти не один месяц. В случае со смарт-контрактом сторонам не потребуется обращаться в суд, поскольку спор о нарушении права может быть рассмотрен в рамках кода самого контракта. Поскольку код контракта сохраняется в блокчейн, то можно будет увидеть, что именно привело к нарушению, недобросовестное исполнение или реальная ошибка в коде. В случае ошибки в коде необходимо правовой механизм, федеральный закон, о содержании которого говорилось ранее, который будет закреплять в себе обязательное возмещение, незаконно полученного в результате ошибки кода контракта.

Также в законе необходимо указать на возможность реституции в случаях выявления ошибок в коде, изменяющих существенные условия сделки, или делающих исполнение условий смарт-контракта незаконными. Обязательность реституции, установленной законом, позволит сократить количество злоупотреблений в рамках использования неизменности кода смарт-контракта.

Улучшение качества создаваемых контрактов представляется путем создания государственного портала с набором наиболее востребованных кодов (вариаций) смарт-контрактов, начиная от небольших по своему объему, например, таких как двухсторонние сделки по найму жилого помещения, купли-продажи, перевозки и т.д. На портале будет представлена фактура смарт-контракта, где контрагенты смогут подобрать общие условия и при необходимости дополнить их специальными условиями, предлагаемыми перечнем. Введение предложенной системы обеспечит создание правового поля, позволяющего сторонам реализовывать гражданские права, в рамках использования смарт-контрактов, увеличит качество заключаемых мелких бытовых сделок.

Говоря о преимуществах разработки приведенной идеи нужно отметить наличие потенциала выведения части сделок, подлежащих обложению налогом из теневого (находящегося вне учета и контроля государства) сектора, например договоры найма, бытового подряда и другие. Указанный потенциал базируется на простоте оформления указанных сделок для контрагентов, а государство в свою очередь получит как возможность автоматического списания налога, так и дополнительный механизм по контролю за деятельностью, подлежащей налогообложению и регистрации налоговых органах. Внедрение такой разработки в глобальном значении приведет к повышению уровня цифровизации государственной экономики, реализации целей и задач, утвержденных постановлением правительства РФ «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Следует отметить, что такое регулирование, в рамках функционирования портала, способствует наиболее быстрому внедрению технологий смарт-контракта в повседневную правовую среду, позволит создать единую практику при разрешении возникающих споров, путем консолидации практических результатов применения смарт-контрактов в одном реестре.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. 26.11.2001 № 146-ФЗ, введен в действие с 01 января 1995 г. с изм. от 30.01.2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 г. – № 32.
2. О системе управления реализацией национальной программы Цифровая экономика Российской Федерации: постановление Пра-

вительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 13.05.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 11. – Ст. 1119.

3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.
4. Козлов, В. С. «Смарт контракты» в современном национальном и международном гражданском обороте / В.С. Козлов // Modern Science. – 2020. – № 6–3. – С. 275–279. – EDN VCV PNS.
5. Вашкевич, А.М. Смарт-контракты: что, зачем и как? / А.М. Вашкевич. – М.: Симплоер, 2018.
6. Kalinina, A.E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A.E. Kalinina, A.O. Inshakova, A.I. Goncharov // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / ed. by E.G. Popkova. – Cham: Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 205–213. – (Studies in Computational Intelligence).
7. Лапина, А. А. О подходах к юридической природе смарт-контракта / А.А. Лапина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 16 (358). – С. 268–271. – URL: <https://moluch.ru/archive/358/80070/> (дата обращения: 01.02.2024).
8. Трунцевский Ю.В., Севальнев В.В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-ot-opredeleniya-k-opredelennosti> (дата обращения: 01.02.2024).

CONCEPT OF DEVELOPMENT OF SMART CONTRACTS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION. THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF SMART CONTRACTS IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION. POSSIBILITIES OF SMART CONTRACT IMPLEMENTATION WITHIN THE FRAMEWORK OF INCREASING THE LEVEL OF DIGITALIZATION OF THE STATE

Pushilina E.E.

Southern University "Institute of Business and Law Management"

The subject of the study is a smart-contract as a type of civil law contract, the definition of its differences from the contracts enshrined in the Civil Code of the Russian Federation, as well as the

systematization of smart-contracts based on the form of their conclusion. Introduction of smart-contract in the legal environment. The article provides the systematization of smart-contracts in relation to the way of their conclusion. The problem of invariability of a smart contract is also considered and ways to overcome it are suggested. Methodological basis: the methodological basis of the study is a set of methods of scientific cognition, including methods of historicism, systematicity, analysis, dialectical method of scientific cognition, systemic, formal-legal methods of research. Conclusions: The author proposes a systematic approach to the elimination of legal conflicts and gaps in the application of smart contract, and also considers the application of restitution to the consequences of challenged smart contracts. The article provides examples of the possibility of real application of smart contract in the existing legal system.

Keywords: smart contract, law, civil law, legal regulation of smart contracts, the concept of smart contracts, smart contract in the law of the Russian Federation, the effect of smart contracts in the Russian Federation, the development of the application of smart contracts, digitalization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. November 26, 2001 No. 146-FZ, entered into force on January 1, 1995 as amended on January 30, 2024 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32.
2. On the management system for the implementation of the national program Digital Economy of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation of March 2, 2019 No. 234 (as amended on May 13, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 11. – Art. 1119.
3. On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: federal. Law of 18.03.2019 No. 34-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 12. – Art. 1224.
4. Kozlov, V. S. "Smart contracts" in modern national and international civil turnover / V.S. Kozlov // Modern Science. – 2020. – No. 6–3. – P. 275–279. – EDN VCV PNS.
5. Vashkevich, A.M. Smart contracts: what, why and how? / A.M. Vashkevich. – M.: Simplover, 2018.
6. Kalinina, A.E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A.E. Kalinina, A.O. Inshakova, A.I. Goncharov // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / ed. by E.G. Popkova. – Cham: Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 205–213. – (Studies in Computational Intelligence).
7. Lapina, A.A. On approaches to the legal nature of a smart contract / A.A. Lapina. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – No. 16 (358). – P. 268–271. – URL: <https://moluch.ru/archive/358/80070/> (date of access: 01.02.2024).
8. Truntsevskiy Yu.V., Sevalnev V.V. Smart contract: from definition to certainty // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-ot-opredeleniya-k-opredelennosti> (date of access: 01.02.2024).

К вопросу о возможности осуществления антиконкурентных согласованных действий на торгах

Сулименко Анна Дмитриевна,

соискатель кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: ya-anna-sulimenko@yandex.ru

В статье рассматриваются два антимонопольных запрета, направленных на пресечение недобросовестного ценообразования на торгах: запрет на антиконкурентные соглашения (картели) (пункт 2 части 1 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции») и запрет на согласованные действия (пункт 2 части 1 статьи 11¹ ФЗ «О защите конкуренции»). Автор кратко характеризует две соответствующие формы монополистической деятельности, а также ставит вопрос о том, возможно ли в принципе осуществление антиконкурентных согласованных действий на торгах. Обращаясь к нормативному материалу, научной литературе и правоприменительной практике, автор приходит к выводу, что осуществление согласованных действий на торгах маловероятно, поскольку схемы взаимодействия хозяйствующих субъектов на торгах предполагают сложную ролевую модель поведения участников, которую практически невозможно выработать посредством молчаливого понимания рыночной ситуации. К тому же нарушения на торгах наносят колоссальный вред национальной экономике. На основе этого автор приходит к выводу, что при обнаружении признаков недобросовестного ценообразования на торгах соответствующее поведение хозяйствующих субъектов должно рассматриваться на предмет нарушения запрета на антиконкурентные соглашения (картели) (пункт 2 части 1 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции»).

Ключевые слова: согласованные действия, антиконкурентные соглашения, соглашения на торгах, картель, торги.

Пресечение недобросовестного ценообразования на торгах всегда являлось одним из приоритетных направлений деятельности отечественных антимонопольных органов. Сохраняет свою актуальность оно и по сей день.

Так, по данным Доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации, за 2024 год нарушения были выявлены в 4369 закупочных процедурах с совокупной суммой начальных максимальных цен контрактов (НМЦК) в размере 122,4 млрд руб. на территориях 78 субъектов Российской Федерации. При этом наиболее подвержены нарушениям такие значимые отрасли, как строительство, поставка лекарственных препаратов и медицинских изделий, пассажирские перевозки, рынок недвижимости и т.д. [5]. Приведенная статистика свидетельствует о том, что недобросовестное ценообразование на торгах наносит колоссальный вред национальной экономике.

В целях пресечения таких нарушений антимонопольное законодательство предусматривает запреты на поведение хозяйствующих субъектов, которое приводит (может привести) к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах: запрет на антиконкурентные соглашения (картели) (пункт 2 части 1 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции») и запрет на согласованные действия (пункт 2 части 1 статьи 11¹ ФЗ «О защите конкуренции») [1]).

В соответствии с пунктом 18 статьи 4 ФЗ «О защите конкуренции», под соглашением понимается договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

Как отмечают ученые, определение соглашения через договоренность свидетельствует о том, что при заключении антиконкурентного соглашения происходит согласование воли его участников [13, с. 86]. Элемент согласования воли наиболее хорошо изучен в науке гражданского права. Цивилисты указывают, что он предполагает не только наличие самой воли на достижение соглашения, но и проявление этой воли вовне (волеизъявление) [11, с. 121]. В этой связи следует согласиться с тем, что антиконкурентное соглашение подразумевает наличие «плана (сценария) поведения его участников, что позволяет одному участнику соглашения с высокой точностью прогнозировать поведение других» [7, с. 190].

В то же время антимонопольное законодательство оперирует и такой категорией, как согласованные действия. Статья 8 ФЗ «О защите конкуренции» гласит, что это действия хозяйствующих субъектов на товарном рынке при отсутствии соглашения, которые характеризуются совокуп-

ностью следующих признаков: (1) результат таких действий соответствует интересам каждого из участников; (2) действия известны каждому из участников в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий; (3) действия каждого из участников вызваны действиями других участников согласованных действий и не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на все хозяйствующие субъекты на соответствующем товарном рынке.

При этом в юридической науке нет единого мнения относительно природы и содержания согласованных действий. Например, А.Я. Рыженков понимает под ними действия, совершаемые во исполнение заключенного антиконкурентного соглашения [12, с. 120]. Но в этом случае непонятно, зачем правоприменительным органам квалифицировать соглашение и действия по его реализации по различным статьям ФЗ «О защите конкуренции». Более того, закон отдельно указывает, что согласованными действиями являются действия при отсутствии соглашения.

С другой стороны, Д.А. Петров и В.Ф. Попондопуло полагают, что согласованные действия представляют собой соглашение, воля на заключение которого выражена молчанием или конклюдентными действиями [9, с. 174]. Однако при этом возникает вопрос, с какой целью законодатель вынес согласованные действия в отдельную норму, ведь любое антиконкурентное соглашение независимо от его формы подпадает под действие статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции».

В этой связи мы полагаем, что антиконкурентные соглашения и согласованные действия все-таки представляют собой две различные формы монополистической деятельности. Так, экономисты утверждают следующее: «... современная экономическая теория показывает, что для координации цен и других условий сделок между компаниями им не нужно вступать в соглашения даже тайно – достаточно взаимного понимания тех выигрышей, которые получают участники рынка, отказавшись от конкуренции между собой» [6, с. 235].

То есть фактически взаимодействие конкурентов к общей выгоде может осуществляться и без достижения договоренности. Это возможно в том случае, если хозяйствующие субъекты, имея представление о будущем поведении своих конкурентов, «подстраиваются» под него, что на практике выражается в осуществлении на товарном рынке единообразных и синхронных действий. Представляется, что законодательная категория согласованных действий описывает именно такую ситуацию. При этом очевидно, что реализация такой модели поведения становится возможной благодаря информированности участников товарного рынка о планируемом поведении друг друга. На данный момент источником такой информированности, по указанию статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», является публичное заявление инициатора согласованных действий. Таким образом, согласованные действия не предполагают согласования

воли, какое имеет место при заключении антиконкурентного соглашения. Хозяйствующие субъекты не вырабатывают четкого плана своего взаимного поведения. Более того, изначально, т.е. до начала осуществления согласованных действий, нельзя с точностью определить даже круг участников соответствующего поведения.

Когда мы возвращаемся к разговору о недобросовестном ценообразовании на торгах, возникает закономерный вопрос: если согласованные действия не предполагают выработки четкого плана взаимного поведения их участников, то могут ли они в принципе иметь место на торгах?

В литературе отмечают, что запрет на согласованные действия на торгах уже давно не применяется антимонопольными органами на практике. Причиной тому, по мнению А.В. Молчанова, является указание закона на необходимость выявления публичного заявления одного из участников согласованных действий. В случае с нарушением на торгах такое заявление крайне маловероятно [10, с. 122–123].

Соглашаясь с обозначенным тезисом, отметим: еще одна из ключевых причин практической неприменимости рассматриваемых положений, на наш взгляд, заключается в том, что схемы реализации сговора на торгах достаточно разнообразны. Все они (например, стратегии «блеф», «карусель», «таран», раздел лотов [8, с. 37–38]) предполагают сложную ролевую модель поведения участников, которую практически невозможно выработать посредством молчаливого понимания рыночной ситуации. Например, без достижения прямой договоренности невозможно скоординировать взаимоотношения сторон по поводу предоставления денежных средств или возможности заключить другой контракт хозяйствующему субъекту, который подал неконкурентоспособное предложение или воздержался от участия в торгах. В то же время без предоставления указанных возможностей хозяйствующий субъект утрачивает интерес в реализации незаконной схемы на торгах.

Практика показывает, что те случаи установления факта согласованных действий на торгах, которые все-таки имели место, связаны с отождествлением институтов согласованных действий и антиконкурентных соглашений. Обстоятельства большинства таких споров заключались в неявке на аукционы поочередно то одного, то другого участника торгов [2, 3, 4]. По мнению судов, данный факт в совокупности с тем, что информация о хозяйствующих субъектах, допущенных к участию в аукционах, публиковалась в сети «Интернет», свидетельствовал о взаимной осведомленности участников торгов о действиях друг друга.

Тем не менее, неясно, как именно хозяйствующие субъекты в отсутствие прямых контактов, т.е. молчаливым образом, скоординировали свое поведение так, что каждый из них поочередно заключал контракт по максимальной (начальной) цене. Представляется, что формирование подобной совместной стратегии возможно только посредством достижения договоренности. Таким образом, ква-

лификация поведения участников торгов по пункту 2 части 1 статьи 11¹ ФЗ «О защите конкуренции» маловероятна.

Более того, как мы уже отметили ранее, сговоры на торгах наносят значительный вред национальной экономике. В этой связи полагаем, что в случае обнаружения отдельных признаков недобросовестного ценообразования на торгах соответствующее поведение хозяйствующих субъектов необходимо рассматривать на предмет наличия между ними антиконкурентного соглашения.

Литература

1. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 126.
2. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2010 г. № КА-А40/6864–10 по делу № А40–3524/10–94–30.
3. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07 сентября 2010 г. по делу № А29–2392/2010.
4. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 октября 2010 г. по делу № А69–485/2010.
5. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/documents/689965>
6. Авдашева, С.Б., Шаститко, А.Е., Калмычкова, Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 2. – С. 234–270.
7. Антиконтурентные соглашения и недобросовестная конкуренция: учебное пособие / отв. ред. С.А. Пузыревский. – Москва: Проспект, 2016. – 287 с.
8. Вялых, С.В., Денисова, А.В. Разграничение антиконкурентных согласованных действий и соглашений (картелей) // Российское конкурентное право и экономика. – 2015. – № 4 (4). – С. 33–42.
9. Конкурентное право: учебник и практикум для вузов / Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло; под общ. ред. В.Ф. Попондопуло. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд. Юрайт, 2023. – 350 с.
10. Молчанов, А.В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 / Артем Владимирович Молчанов. – Москва, 2019. – 188 с.
11. Ойгензихт, В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права. – Душанбе: Дониш, 1983. – 256 с.
12. Рыженков, А.Я. Право и монополии в современной России: монография / А.Я. Рыженков. – М.: Юстицинформ, 2017. – 208 с.
13. Хохлов, Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве // Актуаль-

ные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов. Выпуск 1. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 75–94.

ON THE POSSIBILITY OF IMPLEMENTING ANTI-COMPETITIVE CONCERTED ACTIONS INTO THE BIDDING PROCESS

Sulimenko A.D.

Kutafin Moscow State Law University

The article deals with two antitrust prohibitions aimed at preventing unfair pricing in the bidding process: the prohibition of anti-competitive agreements (cartels) (Federal Law “On the Protection of Competition”, par. 2 part 1 Article 11) and the prohibition of concerted actions (Federal Law “On the Protection of Competition”, par. 2 part 1 Article 11¹). The author describes briefly the two forms of monopolistic activities in question and raises the issue of whether concerted actions can be implemented into the bidding process. By addressing regulatory material, scientific literature and law-enforcement practice, the author concludes that anti-competitive concerted actions are unlikely to be implemented into the bidding process. The interaction patterns of economic entities in the bidding process presuppose complicated behavioral models of the participants which are almost impossible to develop through the tacit understanding of the market situation. Besides, law violations in the bidding process inflict great damage to the national economy. On this basis, the author concludes that when the signs of unfair pricing in the bidding process are detected, the behaviour of the economic entities in question is to be considered as an anti-competitive agreement (cartel).

Keywords: concerted actions, anticompetitive agreements, cartel, bidding, tender.

References

1. Federal Law of June 26, 2006 № 135-FZ “On the Protection of Competition” // Russian newspaper. 2006. № 126.
2. Judgement of the Federal Arbitration Court of the Moscow District № КА-А40/6864–10 of July 13, 2010 on Case № А40–3524/10–94–30.
3. Judgement of the Federal Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of September 7, 2010 on Case № А29–2392/2010.
4. Judgement of the Federal Arbitration Court of the East Siberian District of October 19, 2010 on Case № А69–485/2010.
5. Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2024 [Electronic resource] // Official website of the Federal Antimonopoly Service of Russia. – Access mode: <https://fas.gov.ru/documents/689965>
6. Avdasheva S.B., Shastitko A.E., Kalmychkova E.N. Economic Foundations of Antitrust Policy: Russian Practice in the Context of Global Experience // HSE Economic Journal. – 2007. – № 2. – Pp. 234–270 (In Russ.).
7. Anti-competitive Agreements and Unfair Competition: A Study Guide / Edited by S.A. Puzyrevsky. Moscow: Prospekt, 2016. 287 p. (In Russ.).
8. Vyalykh S.V., Denisova A.V. Differentiation of Anti-Competitive Concerted Actions and Agreements (Cartels) // Russian Competition Law and Economics. – 2015. – № 4 (4). – Pp. 33–42 (In Russ.).
9. Competitive Law: Textbook and Workshop for Universities / D.A. Petrov, V.F. Popondopulo; edited by V.F. Popondopulo. – 2nd edition, revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 350 p. (In Russ.).
10. Molchanov A.V. Antimonopoly requirements for bidding: a legal aspect: thesis ... PhD: 12.00.07 / Artem Vladimirovich Molchanov. – Moscow, 2019. – 188 p. (In Russ.).
11. Oigenzicht V.A. Will and Expression of Will. Essays on the Theory, Philosophy, and Psychology of Law. – Dushanbe: Donishch, 1983. – 256 p. (In Russ.).
12. Ryzhenkov A. Ya. Law and Monopolies in Modern Russia: A Monograph / A. Ya. Ryzhenkov. – Moscow: Yustitsinform, 2017. – 208 p. (In Russ.).
13. Khokhlov E.S. Some issues of improving the concept of concerted actions in Russian competition law // Actual problems of modern competition law: collection of scientific papers. Issue 1. – M.: Yustitsinform, 2017. – Pp. 75–94 (In Russ.).

Критерии контролирующего должника лица при несостоятельности (банкротстве)

Четвериков Андрей Максимович,

аспирант, Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

E-mail: chetwerikow.andrei@yandex.ru

Ключевой признак коммерческой деятельности обусловлен наличием соответствующего коммерческого риска, что на сегодняшний день вполне четко зафиксировано в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Большинство функционирующих на сегодняшний день на рынке товаров и услуг экономических агентов зачастую сталкиваются с необходимостью предотвращения негативных событий, способствующих возникновению нежелательных последствий, в числе которых нельзя не отметить невозможность исполнения текущих кредитных обязательств.

В научном сообществе регулярно обращают внимание на отсутствии стандартных критериев для отнесения лица к вышеуказанной категории, обуславливая это тем, что множество действующих на сегодняшний день законодательных норм допускают определенные исключения. С другой стороны, устойчивость некоторых других норм вызывает сомнения из-за определенных толкований высшими судебными органами, которые могут в значительной степени видоизменять их содержание.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, бизнес, юридическое лицо, правовой институт.

С учетом того, что субсидиарная ответственность многих экономических агентов в ситуации финансовой несостоятельности является основным механизмом для защиты законных интересов кредиторов, необходимость изучения данного вопроса является очевидной. В процессе характеристики рассматриваемого в настоящем исследовании правового процесса, по мнению Н.В. Дельцовой, применение института субсидиарной ответственности экономических агентов в процедуре банкротства неизменно ориентировано на формирование необходимых возможностей для выполнения текущих кредитных обязательств, если активов должника при этом недостаточно [5, с. 363].

С точки зрения действующего на сегодняшний день законодательства нашей страны, рассматриваемый в настоящем исследовании правовой институт появился достаточно недавно. Период его возникновения составляет немного более 5 лет, так как появление гл. III.2 в ФЗ от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» [1] произошло летом 2017 г., когда непосредственно был принят ФЗ [2].

Таким образом, исходя из обозначенных положений ФЗ, можно четко указать соответствующих лиц, привлечение которых представляется возможным к анализируемой ответственности. С позиции действующего в настоящее время законодательства нашего государства, это могут быть не только частные лица, но и всевозможные экономические агенты. В последнем случае неизменно подразумеваются юридические лица. При этом важно указать, что они обозначаются в качестве контролирующих должника лиц.

Если же рассматривать отнесение конкретного лица к группе вышеуказанных лиц, то необходимо исходить при этом из соответствующего главного признака. В частности, он заключается в том, что соответствующее лицо обладает правом направлять должнику четкие указания. Важно также акцентировать внимание на том, что нельзя их игнорировать, поскольку они подлежат безусловному исполнению.

Также в рассматриваемой ситуации есть еще одно обстоятельство, которое следует учитывать. Национальное законодательство нашей страны в настоящее время закрепляет правило, согласно которому достаточно только подтвердить существование обозначенного выше права, где следует исходить из соответствующего срока – 3 года до несостоятельности.

Тем самым, закон нашего государства гласит, что наступление субсидиарной ответственности

представляется возможным, когда экономический субъект не выполняет своих обязательств перед кредиторами. Иными словами, когда такая возможность отсутствует. Здесь же необходимо учитывать еще одно обстоятельство возникновения, когда речь идет о несвоевременной подаче соответствующего заявления. Это также упомянуто в действующем законодательстве. Следует отметить, что после принятия закона осуществлялось внесение определенных поправок и корректировок, которые впоследствии успешно применялись в судебной практике ВС РФ. Все это также имело определенные последствия, среди которых необходимо отметить огромное количество привлеченных к ответственности лиц.

С другой стороны, значительные законодательные изменения обусловили возникновение дальнейших проблемных аспектов непосредственно в практической реализации определенных положений. Многие эксперты и представители современного научного сообщества неоднократно акцентировали особое внимание на проблемных аспектах формирования успешной правоприменительной практики. В основном проблемные вопросы возникали благодаря вышеуказанным законодательным изменениям. При этом, соответственно, особый интерес в данном случае неизменно вызывают все соответствующие вопросы привлечения к рассматриваемой ответственности.

Безусловно, речь непосредственно идет о контролирующих лицах, и именно поэтому важнейшим условием, по нашему мнению, обладает четкое толкование вышеуказанного термина. Иными словами, его толкование должно быть максимально корректным и четким. Это и представляется одним из наиболее значимых проблемных аспектов в анализируемой области в настоящее время. Поэтому данный вопрос необходимо рассмотреть более внимательно.

По мнению многих представителей современных научных кругов, рассмотрение такого спектра следует осуществлять, прежде всего, исходя из ключевых признаков отнесения того или иного лица к вышеуказанной категории. То есть на 1 этапе необходимо проанализировать основные признаки. Некоторые эксперты утверждают, что такой вопрос, как правило, не должен вызывать существенных затруднений, поскольку в настоящее время, как известно, существует законодательное толкование рассматриваемого в настоящем исследовании термина. Иными словами, это вполне официальное толкование (ст. 61.10 ФЗ от 26.10.2002 № 127). Поэтому, рассматривая соответствующие признаки, о которых ранее упоминалось, необходимо акцентировать особое внимание непосредственно на формально-юридических аффилированности. Но также следует понимать, что обозначенный признак не является единственным, поскольку в анализируемом аспекте необходимо также отметить длительность связи между рассматриваемыми лицами на протяжении 3 лет. Иных признаков на сегодняшний день закон не опреде-

ляет. Иными словами, на данном этапе их не существует.

С другой стороны, нельзя игнорировать сроки давности привлечения к ответственности (3 года), что, однако, не касается прочих видов ответственности, где также необходимо отметить ответственность топ менеджеров экономических агентов в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ [6].

Поэтому, по нашему мнению, достаточно интересной на данном этапе представляется позиция отдельных представителей современного научного сообщества, которые акцентируют особое внимание на том факте, что на основе функционирующего в настоящее время законодательства нашей страны, а также с учетом имеющийся в рассматриваемой области правоприменительной практики, категория контролирующих лиц может быть представлена различными лицами. Также ученые заостряют внимание на отсутствии стандартных критериев в настоящее время для отнесения лица к вышеуказанной категории. В частности, это обусловлено тем, что множество действующих на сегодняшний день законодательных норм допускают определенные исключения. С другой стороны, устойчивость некоторых других норм вызывает сомнения из-за определенных толкований высшими судебными органами, которые могут в значительной степени видоизменять их содержание.

Еще один значимый аспект, который нельзя игнорировать, неизменно относится к условиям реализации рассматриваемой ответственности относительно вышеуказанных лиц. Список данных условий, что также непосредственно касается анализируемого в настоящем исследовании термина, подлежал значительным изменениям в течение последних 20 лет, при этом наиболее существенные корректировки были вызваны принятием вышеуказанного ФЗ от 29.07.2017 № 266-ФЗ [9].

Реализация таких мер относительно рассматриваемых в настоящем исследовании лиц производится главным образом в соответствии с п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве[1]. В данном случае необходимо отметить невозможность выполнения текущих кредитных обязательств со стороны должника, которая при этом должна быть неизменно связана с действиями или бездействием КДЛ. Кроме того, крайне важно также соблюдать и другие условия, отраженные в иных правовых нормах, надлежащее толкование которых в свою очередь способствует отнесению к категории данных условий определенных обстоятельств, среди которых в первую очередь необходимо отметить наличие правонарушений, противоправность которого при этом определяется фактом невозможности исполнения текущих кредитных обязательств на протяжении последних 3 лет до момента банкротства экономического агента.

В такой ситуации следует исходить из соответствующих признаков банкротства. Как правило, в этой связи в первую очередь многие эксперты особо отмечают невозможность вышеуказанного субъекта осуществлять своевременное исполне-

ние текущих обязательств перед деловыми партнерами. Иными словами, речь идет об отсутствии такой возможности. Именно поэтому данный экономический субъект в подобном случае признается неплатежеспособным.

С другой стороны, важно также учитывать мнение Верховного суда относительно рассматриваемого аспекта, поскольку основной признак здесь заключается в том, что неплатежеспособность экономического субъекта обусловлена отсутствием соответствующих средств и ресурсов. Именно поэтому компания не может в такой ситуации выполнить свои обязательства. Всё это свидетельствует о необходимости строгого разграничения рассматриваемых ключевых признаков, на чем непосредственно также акцентировал свое внимание ВС РФ, согласно точке зрения которого, отчет трехлетнего периода необходимо осуществлять непосредственно при возникновении неоплатности.

Однако в данном случае имеется еще один определенный проблемный аспект. Его также необходимо учитывать. С одной стороны, в условиях современных рыночных отношений и инфляционных процессов многие компании сталкиваются с неплатежеспособностью, и это известный факт. С другой стороны, в этом случае также необходимо учитывать неоплатность, которая по своей сути не является характерной для коммерческих компаний, поскольку в основном обусловлена производственной деятельностью. Именно поэтому она характерна для соответствующих предприятий.

К настоящему времени произошли многие изменения в судебной практике касательно рассмотрения дел о субсидиарной ответственности, что непосредственно касается в первую очередь более разумного подхода судебных инстанций относительно поступающих доводов контролирующих лиц по совершаемым ими действиям, которые позиционируются в качестве добросовестных, что не способствовало, однако, при этом предотвращению несостоятельности экономического агента. Иными словами, для этого были предприняты все необходимые действия, и никакого бездействия, соответственно, не было. Поэтому при наличии уважительных причин судебные инстанции исходят из возможности освобождения от рассматриваемой в настоящем исследовании ответственности.

Следует отметить, что на сегодняшний день в судебной практике применяются достаточно жесткие подходы касательно систематического уклонения от выполнения вышеуказанных обязательств перед деловыми партнерами. Более того, это также непосредственно касается многочисленных злоупотреблений полномочиями. Поэтому со стороны всевозможных судебных инстанций зачастую применяется соответствующее правило по тщательному изучению осуществляемых сделок с аффилированными лицами. Более того, подобный подход фигурирует даже при отсутствии оспаривания подобных сделок со стороны конкурсного управляющего. Поэтому практика на сегодняшний день в основном демонстрирует привле-

чение к ответственности реальных собственников бизнеса.

В заключении настоящего исследования важно отметить, что анализируемый правовой институт в нашей стране представляет собой значительную важность относительно защиты прав кредиторов, что также непосредственно касается восстановления их прав. При этом нельзя игнорировать особую значимость правовой конструкции существующих законодательных норм в нашем государстве по регламентации привлечения к ответственности.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4815.
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2017 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430> (дата обращения: 26.08.2023).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2022 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 26.08.2023).
5. Дельцова, Н.В. Отдельные аспекты привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве юридических лиц / Н.В. Дельцова, Д.А. Рослякова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2023. – № 1–2. – С. 363–367.
6. Лебедев, А. А. К вопросу о субсидиарной ответственности руководителя юридического лица при банкротстве / А.А. Лебедев // Проблемы гармонизации законодательства о банкротстве с уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством: Сборник материалов всероссийского научно-практического круглого стола, Пермь, 05 апреля 2018 года / Ответственный редактор Р.В. Новиков. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 56–59.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства

- Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
 9. Постановление AC Западно-Сибирского округа от 10.07.2017 N A45–9562/2015.
 10. Постановление AC Уральского округа от 13.07.2016 N A07–11965/2014.

CRITERIA FOR A PERSON CONTROLLING A DEBTOR IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Chetverikov A.M.

Moscow University of Finance and Law

The main feature of entrepreneurial activity is the presence of entrepreneurial risk, which is clearly reflected in paragraph 1 of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation. Modern business is inevitably faced with forecasting and preventing adverse events that can lead to such negative consequences as the inability to fully repay creditors' claims.

The scientific community regularly draws attention to the lack of standard criteria for classifying a person into the above category, due to the fact that many current legal norms allow for certain exceptions. On the other hand, the stability of some other norms is questionable due to certain interpretations by higher judicial bodies, which can significantly modify their content.

Keywords: bankruptcy, insolvency, business, legal entity, legal institution.

References

1. Federal Law No. 127 "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 (as amended on August 4, 2023) // Collection of Laws of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.

2. Federal Law No. 266-FZ dated July 29, 2017, "On Amendments to the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 31 (Part I). – Article 4815.
3. Summary statistics on the activities of federal arbitration courts for 2017 [Electronic resource] // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430> (accessed on 26.08.2023).
4. Summary statistics on the activities of federal arbitration courts for 2022 [Electronic resource] // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (accessed: 26.08.2023)
5. Deltsova, N.V. Certain Aspects of Attracting Persons Controlling the Debtor to Subsidiary Liability in the Bankruptcy of Legal Entities / N.V. Deltsova, D.A. Roslyakova // Science of the 21st Century: Current Directions of Development. – 2023. – No. 1–2. – Pp. 363–367.
6. Lebedev, A.A. On the issue of subsidiary liability of the head of a legal entity in bankruptcy / A.A. Lebedev // Problems of harmonization of bankruptcy legislation with criminal, criminal procedural, and penal legislation: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical round table, Perm, April 05, 2018 / Responsible editor R.V. Novikov. – Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. – Pp. 56–59.
7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of Laws of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
8. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on March 18, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
9. Resolution of the West Siberian District Court dated July 10, 2017, No. A45–9562/2015.
10. Resolution of the Ural District Court dated July 13, 2016, No. A07–11965/2014.

Предварительная экспертиза как средство снижения нагрузки на судебную систему в рамках арбитражного и гражданского процесса

Федин Данила Александрович,

аспирант кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский университет «Синергия»
E-mail: danfed34@mail.ru

В качестве цели данной статьи выступает анализ ключевых законодательных, доктринальных и практических аспектов, отражающих использование предварительной экспертизы в качестве средства снижения нагрузки на судебную систему в контексте арбитражного и гражданского процессов, и подготовка предложений по разрешению проблем в регулировании указанной экспертизы. В рамках статьи подчеркивается необходимость следования принципу процессуальной экономии для минимизации нагрузки на судебную систему и именно предварительное (досудебное) экспертное исследование выделяется в качестве одного из инструментов реализации указанного принципа. Предпринимается попытка конкретизировать сущность и специфику указанного исследования и соотнести его с судебной экспертизой, с учетом норм арбитражно-процессуального, гражданского процессуального законодательства и законодательства о государственной судебно-экспертной деятельности. Поддерживается позиция авторов, высказывающихся за более активное использование предварительных (досудебных) исследований в арбитражном и гражданском процессе. С учетом актуальной судебной практики выделяются некоторые проблемы использования предварительных экспертных исследований в рассматриваемых сферах судопроизводства. Признается большой потенциал досудебного экспертного исследования как средства снижения нагрузки на суды при рассмотрении гражданских и арбитражных споров. На основе проведенного анализа формулируются авторские предложения по совершенствованию действующего процессуального законодательства.

Ключевые слова: арбитражный процесс; гражданский процесс; нагрузка на судебную систему; предварительная судебная экспертиза; процессуальная экономия; экспертиза в арбитражном процессе; экспертиза в гражданском процессе.

Введение

Небезосновательно в юридической литературе отмечается глобальный характер проблемы растущей нагрузки на органы отечественной системы правосудия, по крайней мере, применительно к арбитражному и гражданскому судопроизводству. И данная проблема может быть рассмотрена как одно из важнейших препятствий обеспечению надлежащего качества и оперативности правосудия в рассматриваемой сфере [14, с. 43]. Потому становится актуален и вопрос обеспечения соблюдения принципа процессуальной экономии, выделяемого в правовой доктрине [17], но, к сожалению, прямо не закреплённого в действующем процессуальном законодательстве, которое представлено Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [1] (далее – АПК РФ) и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [2] (далее – ГПК РФ).

Очевидно, что все приемлемые инструменты, которые так или иначе способствуют снижению указанной нагрузки и ориентации на принцип процессуальной экономии, заслуживают внимания, если таковые не противоречат основополагающим идеям правосудия как в целом, так и в части рассмотрения гражданских и арбитражных дел. В этой связи проблематика предварительной судебной экспертизы, используемой именно в качестве средства снижения нагрузки на судебную систему, становится чрезвычайно актуальной.

Проблематика указанной экспертизы пока не получила должного развития в нормах действующего законодательства, а также в литературе, несмотря на свою особую значимость. Вклад в решение данной проблемы призвана сделать данная статья.

Целью статьи выступает анализ ключевых законодательных, доктринальных и практических аспектов, отражающих использование предварительной судебной экспертизы в качестве средства снижения нагрузки на судебную систему в контексте арбитражного и гражданского процессов, и подготовка предложений по разрешению проблем в регулировании указанной экспертизы.

Основная часть

Терминологический вопрос, являющийся одним из базовых, следует рассмотреть в первоочередном порядке. В этой связи отметим, что сущность

и специфика судебной экспертизы в литературе рассматривается по-разному.

Так, в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) о предварительной экспертизе упоминаний не содержится, при этом упоминаются иные виды экспертиз, в том числе дополнительная, повторная (ст. 20), комиссия, комплексная (ст. 23).

В нормах АПК РФ и ГПК РФ о предварительной экспертизе также не упоминается, что, однако, не дает оснований для утверждения о том, что такого рода экспертиза отсутствует (не может быть проведена) в отечественном арбитражном и гражданском судопроизводстве, особенно с учетом возможности инициирования и организации экспертного исследования заинтересованной стороной в непроцессуальном, досудебном порядке.

В контексте изложенного следует заметить, что практика проведения досудебных экспертных исследований в настоящее время является весьма развитой [16], причем именно в рамках арбитражного и гражданского процесса, где поощряется максимальная процессуальная активность обеих сторон, а сам принцип состязательности реализуется более последовательного, нежели, например, в рамках уголовного процесса.

Подобные исследования не представляется возможным рассматривать именно в качестве разновидности судебной экспертизы, исходя из буквального смысла норм АПК РФ, ГПК РФ и Федерального закона № 73-ФЗ и сложившейся практики судебных разбирательств по арбитражным гражданским делам. Они не именуются судебными экспертизами; более того, во многих случаях и экспертизой такого рода исследования не называются, а для их обозначения принято использовать такие термины, как:

1. Предварительное экспертное исследование [7].
2. Досудебное экспертное исследование.
3. Независимая экспертиза [8].

Перечисленные исследования, безусловно, де-факто являются экспертизами (экспертными исследованиями), результаты которых могут учитываться в рамках рассмотрения соответствующих дел судами.

Интересно, что в литературе, посвященной проблематике экспертной деятельности, в том числе и весьма детально раскрывающей вопросы экспертиз, нередко упоминается о предварительном исследовании тех или иных объектов, например, следов, однако такого рода исследование не именуется предварительной экспертизой [11, с. 144].

Законные основания для проведения подобного рода экспертиз и их учёта содержатся в ряде федеральных законов, на которые стоит обратить особое внимание. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [5] в ст. 12 пред-

усматривает возможность организации независимой экспертизы транспортного средства страховщиком, а в случае его бездействия – потерпевшим. При этом соответствующий вопрос решается без привлечения суда. Соответственно, в таком случае имеет место быть именно проведение досудебной (внесудебной) экспертизы. И уже это обстоятельство даёт возможность её рассматривать в качестве предварительной экспертизы, по крайней мере условно.

Учитывая, что такого рода экспертиза проводится по установленным правилам, согласно единой методике, ее результаты могут быть учтены судом, исходя из соответствия положениям ст. 67 ГПК РФ, наравне с иными доказательствами. Очевидно, что заключение эксперта должно отвечать и требованиям, установленным ст. 86 ГПК РФ.

Здесь важно обратить внимание на сам термин «независимая экспертиза», который можно понимать совершенно по-разному, в том числе как попытку разделения экспертиз на «независимые» и «зависимые». Но думается, что законодатель, подчёркивая независимость, желал указать именно на тот факт, что проводится она именно вне зависимости от позиции суда. В этом плане порядок её назначения принципиально отличен от порядка назначения судебной экспертизы. В то же время, использование термина «независимая экспертиза» не даёт оснований именовать иные экспертизы, прежде всего судебную экспертизу, проводимую государственными учреждениями, зависимой, ведь так или иначе, любой эксперт обязан строго ориентироваться на единые принципы экспертной деятельности, в том числе оставаться независимым. Полагаем, что законодатель избрал не вполне удачный термин, но поскольку он широко употребляется в современной судебной практике, высказываться о необходимости его замены вряд ли уместно.

Действующее законодательство также наделяет нотариусов полномочиями по обеспечению доказательств, а среди этих полномочий выделяется, в том числе, и назначение экспертизы [3]. Очевидно, что такая экспертиза тоже не может быть признана судебной. Учитывая же ее доказательственное значение и возможность представления результатов в суд, она, по сути, является досудебной, иначе говоря, предварительной, как и иные перечисленные выше экспертизы, не признаваемые судебными.

Здесь надо также сказать, что соответствующие доказательства, подтверждённые результатами экспертизы, назначенной нотариусом, могут быть представлены суду в рамках любого судебного процесса, в том числе гражданского и арбитражного. Порядок их рассмотрения судом и правовой оценки в целом идентичен и в данном случае детализации не требует.

Важно подчеркнуть, что представленные выше варианты организации экспертного исследования отличаются тем, что по сути исключают возложение на суд обязанности рассмотрения вопросов,

связанных с назначением экспертизы, включая выбор эксперта или экспертного учреждения, а также постановку вопросов перед экспертом, что, очевидно, исключает возложение на суд излишних задач. Однако, подобный подход вовсе не означает, что с суда полностью снимаются проблемы, связанные с решением вопроса о судебной экспертизе, в том числе и по той причине, что организованная без участия суда экспертиза может оказаться недостаточной для разрешения все вопросов, имеющих значение для суда. Тем не менее, в качестве одного из вариантов снижения нагрузки на суд проведение подобных экспертиз представляет особую ценность.

Но на феномен предварительной экспертизы можно посмотреть и под иным ракурсом, а именно в контексте подготовки к судебному разбирательству и произведения предварительного заседания. Так, гл. 14 АПК РФ предусматривает в качестве одной из составляющих арбитражного разбирательства подготовку дела. А среди ее задач, согласно ст. 133, выделено, в частности, представление доказательственной информации. При этом п. 3 ч. 2 ст. 135 АПК РФ в части регулирования подготовительных действий суда упоминает о разрешении вопросов о назначении экспертизы и вызове экспертов. Подготовка, согласно ст. 136 АПК РФ, предполагает и проведение предварительного судебного заседания, в рамках которого решается ряд вопросов, касающихся, прежде всего, уточнения позиций сторон и оценки достаточности доказательств.

Аналогичного характера нормы содержатся и в ГПК РФ, гл. 14 которого урегулированы вопросы подготовки к разбирательству. Представление необходимых доказательств отмечается в качестве одной из задач подготовки, согласно ст. 148 ГПК РФ, а назначение экспертизы и эксперта в ст. 150 ГПК РФ предусматривается в числе действий судьи при подготовке к разбирательству. При этом и в рамках гражданского процесса проводится предварительное судебное заседание, как предписывает ст. 152 ГПК РФ.

В контексте изложенного судебную экспертизу в определенных случаях можно охарактеризовать как один из результатов подготовки к разбирательству и результатов предварительного судебного заседания. И учитывая, что во многих случаях судебная экспертиза назначается именно на предварительном судебном заседании, то есть до судебного разбирательства, то в теоретическом контексте в подобных случаях она может именоваться предварительной (предваряющей судебное разбирательство). Но такой взгляд на феномен экспертизы не является общепринятым.

Здесь уместно обратить внимание на ч. 2 ст. 84 ГПК РФ, позволяющую проводить экспертизу как в судебном заседании, как и вне его, в зависимости от наличия (отсутствия) возможностей, сложности исследования и иных значимых обстоятельств. Между тем, вопрос о возможности проведения экспертизы непосредственно в рамках предваритель-

ного судебного заседания остается не вполне конкретизированным в законе, учитывая рассмотренные выше нормы ГПК РФ и разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении от 24.06.2008 № 11 [6], п. 13 и 14 которого уточняют ряд нюансов экспертизы, но именно касающихся ее назначения, выбора эксперта, формулирования вопросов, в том числе с учетом ст. 79–84 ГПК РФ.

Определённо осложняет осмысление проблематики предварительной экспертизы и не вполне однозначное законодательное разграничение таких понятий, как «экспертиза» («судебная экспертиза») и «предварительное исследование» («предварительное экспертное исследование»). Де-юре о применении именно предварительной судебной экспертизы говорить не приходится, учитывая нормы рассмотренных ранее законодательных актов, упоминание о предварительной экспертизе как о судебной допустимо пока исключительно на уровне доктринального осмысления.

Не вполне понятным становится и статус предварительного исследования, которое в литературе чаще именуется именно исследованием, экспертным исследованием, предварительным экспертным исследованием, но не экспертизой [15]. Хотя, если абстрагироваться от формального содержания норм действующего законодательства и рассматривать то или иное исследование, проводимое экспертом в рамках формирования доказательственной базы, исключительно в контексте его сущности, то будет очевидно, что и «независимая экспертиза», и «досудебное экспертное исследование», и «предварительное экспертное исследование» являются, так или иначе, экспертизами, хотя и имеющими неодинаковый правовой статус.

Примечательно, но нередко предварительное исследование рассматривается сугубо в контексте экспертизы как некоторого целостного мероприятия, то есть как стадия (этап) экспертизы (судебной экспертизы). Причем такой подход весьма свойственен трудам уголовно-процессуальной тематики [18]. Тем не менее, такой подход представляется вполне применимым и к проблематике гражданского и арбитражного процесса. В таком случае целью предварительного экспертного исследования может быть признана оценка возможности проведения экспертизы имеющихся объектов (оценка пригодности, достаточности объектов для экспертизы).

Надо сказать, что зачастую экспертные исследования, в том или ином виде проводимые до судебного разбирательства, имеют относительно самостоятельное процессуальное значение или, по крайней мере, могут иметь. Например, имеют место ситуации, когда судебная экспертиза, уже назначенная судом, по тем или иным обстоятельствам, носящим объективный характер, не может быть выполнена. В результате эксперт вынужден вернуть материалы, предоставленные на экспертизу, обратно в суд, не проведя требуемых исследований. Поэтому не случайно в литературе высказывается идея о необходимости разрешения

вопроса о возможности производства экспертизы ещё на стадии рассмотрения вопроса о назначении экспертизы [19, с. 25].

Очевидно, что для более последовательного использования такого рода инструмента и формирования единообразной практики должны быть внесены и определённые изменения в нормы действующего процессуального законодательства. Иных механизмов внедрения такого подхода автор не видит, если говорить именно о деятельности суда.

Между тем, предварительная экспертиза может быть инициирована и какой-либо из сторон, прежде всего истцом, особенно при рассмотрении вопроса о целесообразности обращения в суд с исковым заявлением (именно применительно к арбитражному или гражданскому судопроизводству). Далее материалы экспертного исследования могут быть приобщены к доказательствам, если будут соблюдены все необходимые условия, которым должны отвечать доказательства [13, с. 33].

То есть экспертное исследование, де-факто и (или) де-юре носящее предварительный характер, может быть инициировано как заинтересованной стороной, прежде всего истцом, так и судом. Причём во многих случаях его проведение способно предотвратить неоправданные издержки, в том числе минимизировать нагрузку на органы правосудия, исключить необоснованное обращение в суд, а значит, и избежать не только оплаты услуг представителя (адвоката), но и компенсации судебных издержек другой стороны.

Вместе с тем, эти возможности часто не используются; в отдельных же случаях они используются, но не приносят ожидаемых результатов, и в этом тоже состоит некоторая часть проблем. Например, предварительное экспертное исследование, инициируемое какой-либо из сторон, оказывается недостаточным, в результате чего судом назначается судебная экспертиза [7]. Такого рода случаи имеют место, когда у суда возникают сомнения в результатах проведённых предварительных исследований либо одна из сторон заявляет обоснованное ходатайство о проведении судебной экспертизы, ставя под сомнение предварительное исследование.

Довольно распространённой является практика, когда в суд представляются результаты двух или более досудебных экспертных исследований, в том числе независимых. К таковым относится, например, экспертиза по инициативе финансового уполномоченного, представляющего (защитающего) интересы гражданина. В таком случае суд с большим доверием относится к экспертным исследованиям, и у него зачастую не появляется необходимости назначения судебной экспертизы [8], что обеспечивает процессуальную экономию и предупреждает необоснованное возложение на суд нагрузки.

Между тем, во многих случаях предварительные экспертные исследования не проводятся, и суд самостоятельно назначает соответствующие экс-

пертизы, в том числе по инициативе заинтересованной стороны [10]. В таком случае каждая из сторон, не представившая результаты предварительного экспертного исследования, заинтересована быть в рамках процесса максимально активной, особенно при рассмотрении судом вопроса о назначении экспертизы. И здесь стоит отметить, что суд не всегда считает необходимым назначение экспертизы, а сам факт её неназначения (при обжаловании какой-либо из сторон) аргументирует отсутствием соответствующих ходатайств от заинтересованных сторон.

Так, например, в рамках одного дела сторона, не удовлетворённая решением, обратилась с жалобой в апелляционный арбитражный суд. Аргументируя жалобу, заявитель указывал, что суд не назначил экспертизу, которая подлежала назначению. Однако суд, не поддержав жалобу заявителя, сослался на позицию Пленума Высшего арбитражного суда РФ, изложенную им ещё в 2014 г., из которой следует, что бремя доказывания, согласно ст. 65 АПК РФ, лежит именно на сторонах, исходя из принципа состязательности; и риск наступления последствий несовершенства тех или иных процессуальных действий лежит именно на участвующей в деле стороне, суд же правомочен назначить экспертизу по своему усмотрению лишь в том случае, когда это предписывается законом, предусмотрено договором либо опосредованно заявлением о фальсификации доказательства или необходимостью проведения дополнительной или повторной экспертизы. В иных случаях суд не должен проявлять инициативу в вопросе назначения экспертизы [9].

Безусловно, в рассматриваемой ситуации суды поступили абсолютно правомерно, в точности следуя нормам АПК РФ, хотя можно было бы задаться вопросом о том, насколько уместно оценивать ту или иную ситуацию, не полагаясь на мнение (заключение) эксперта? Но именно такова позиция отечественного законодателя в плане правового регулирования арбитражного судопроизводства. В этой связи совершенно точно в литературе подчёркивается, что именно одно из особенностей арбитражного судопроизводства является наличие жёстких ограничений инициативы суда при разрешении вопроса о назначении экспертизы. Действующий порядок арбитражного судопроизводства именно такой, что исключает «автоматическое» назначение экспертизы, за некоторыми немногочисленными исключениями. И в этой связи гражданский процесс характеризуется менее жёсткими условиями, наделяющими суд более широкими возможностями проявлять инициативу при разрешении вопроса о назначении экспертизы [12, с. 7–8].

Возможно, такой подход тоже является одним из проявлений стремления обеспечить процессуальную экономию. Однако способствует ли он полноценной оценке имеющихся в деле доказательств? Вряд ли можно ответить однозначно. В любом случае потенциал экспертных исследова-

ний в современном гражданском и арбитражном процессе представляется используемым не в полной мере.

В контексте изложенного стоит сказать, что в целом специальные (экспертные) знания как по гражданским делам, так и по делам арбитражным, используются в два этапа, если говорить именно о досудебном использовании. Первоначально проводится досудебное экспертное исследование, которое имеет лишь потенциальное доказательственное значение, обеспечиваемое юридическим оформлением результатов экспертного исследования, соответствующим актом экспертизы (актом досудебного исследования). На следующем этапе происходит судебная оценка результатов досудебных экспертных исследований, которые представляются сторонами, и данные результаты могут быть приобщены к доказательствам. В противном случае суд может назначить судебную экспертизу, если по каким-либо причинам сочтет досудебное исследование недостаточным [16, с. 81]. В этой связи становится очевидным, что вопрос использования экспертных знаний именно на первой стадии никоим образом не затрагивает деятельность суда, и именно за счёт этого может быть обеспечена процессуальная экономия.

По сути, сторона, представляющая в суд наряду с прочими доказательствами и акт (заключение) о предварительном (досудебном, внепроцессуальном) экспертном исследовании, оказывается в наибольшей мере подготовлена к судебному разбирательству уже до суда, и максимально реализует свой состязательный процессуальный потенциал. Субъект же, обращающийся в суд за защитой своих прав, никоим образом не использовавший возможности подтверждения собственных доказательств досудебным экспертным исследованием (при наличии такой возможности), по сути, подходит к разбирательству без должной подготовки.

В итоге инициатива перекладывается на суд, а это означает и возложение на него дополнительной нагрузки. И если в рамках арбитражного процесса такая инициатива минимизирована нормами АПК РФ, то ГПК РФ исходит из иного подхода.

Изложенное, однако, не означает, что автор выступает против всякой инициативы суда, связанной с инициированием и организацией экспертных исследований. Напротив, автор полагает, что такая инициатива крайне важна и именно на предварительном заседании, а тот факт, что зачастую сами заинтересованные стороны игнорируют необходимость подтверждения собственных доводов экспертными исследованиями, свидетельствует об их слабой позиции, и данную проблему важно решать не столько в рамках судебной практики, сколько в рамках законодательства.

В контексте поисков решения проблемы обратимся к нормам процессуального АПК РФ и ГПК РФ. И первый, и второй кодексы в соответствующих нормах обязывают суд в рамках подготовки к судебному разбирательству способствовать процессуальной активности сторон, в том числе путём

предложения раскрыть их доказательства и по необходимости представить дополнительные доказательства (ст. 135 АПК РФ, ст. 150 ГПК РФ). Вместе с тем, законодатель не уточняет, в каких именно формулировках должны быть сделаны такого рода предложения, насколько они должны быть конкретными и детальными. В этой связи очевидно, что судья, предлагая сторонам представить дополнительные доказательства, не обязан конкретизировать, какие именно могут (должны) быть представлены. Судья может не упоминать и о досудебных экспертных исследованиях или независимых экспертизах, которые каждая из сторон в определенных случаях может самостоятельно инициировать и представить суду.

При разъяснении сторонам их процессуальных прав и обязанностей судья также может не в полной мере детализировать определенные нюансы, в том числе отсутствие у суда обязанности назначать судебную экспертизу. В итоге участник спора, как было в одном из рассмотренных выше примеров, может добросовестно рассчитывать на то, что суд самостоятельно назначит экспертизу, но этого не произойдет.

То есть в результате не вполне детальных разъяснений судьи при подготовке дела к разбирательству участники спора могут не принять во внимание тот аспект, что определённые обстоятельства крайне важно подтвердить результатами предварительных экспертных исследований.

Проведение таких исследований укрепляет доказательственную базу и в определенных случаях исключает необходимость назначения судебной экспертизы, снимая ряд проблемных вопросов. Более того, в условиях не вполне конкретной регламентации полномочий суда экспертиза, рассматриваемая одной или обеими сторонами как необходимое и ожидаемое процессуальное мероприятие, может и вовсе быть не назначена. В таком случае предварительное экспертное исследование может оказаться также решающим.

Учитывая изложенное, представляется важным законодательно способствовать развитию практики проведения предварительных (внепроцессуальных) экспертных исследований, в том числе для снижения нагрузки на органы правосудия в рамках арбитражного и гражданского процесса. С этой целью предлагается внести следующие изменения в нормы действующего законодательства:

1. Дополнить п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ положением о том, что предлагая сторонам представить дополнительные доказательства и разъясняя их права и обязанности, он должен указать, в том числе, на право ходатайствовать о назначении судебной экспертизы, а также на отсутствие у суда обязанности самостоятельно инициировать такую экспертизу; на право сторон инициировать в непроцессуальном порядке независимую экспертизу или экспертное исследование.

2. Дополнить ч. 1 ст. 150 ГПК РФ аналогичным уточнением, обязывающим суд при подготовке к разбирательству указать сторонам, в том числе,

на право ходатайствовать о назначении судебной экспертизы и право инициировать в непроцессуальном порядке независимую экспертизу или экспертное исследование.

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод о недостаточно активном использовании в гражданском и арбитражном процессе предварительных экспертных исследований, в то время как возможности для этого весьма широкие. Причём реализация таких возможностей может определённо способствовать сокращению нагрузки на суды, в том числе исключая в определённых случаях необходимость назначения судебных экспертиз, если предварительные экспертные исследования, являющиеся внепроцессуальными, внесудебными, выполнены должным образом. И предложенные изменения в нормы АПК РФ и ГПК РФ могут способствовать совершенствованию законодательства в рассматриваемом направлении.

В целом же расширение практики использования предварительных экспертных исследований представляется крайне перспективным направлением совершенствования гражданского и арбитражного процесса.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 31.07.2025) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
5. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/#dst100029 (дата обращения: 16.09.2025).
7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2024 по делу № 8Г-504/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305102509> (дата обращения: 17.09.2025).
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2025 по делу № 8Г-13901/2025 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313546420> (дата обращения: 17.09.2025).
9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2024 по делу № А14–9612/2023 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305912919> (дата обращения: 17.09.2025).
10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07..11.2024 по делу № А32–16404/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310152709> (дата обращения: 17.09.2025).
11. Аминев Ф.Г. Современные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути их решения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 272 с.
12. Андреев А.В. К вопросу об унификации законодательства о судебной экспертизе в гражданском и административном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 6–13.
13. Галинская А.Е. Особенности использования специальных знаний в деятельности сторон и их представителей по делам о правонарушениях в сфере информационных технологий // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 30–37.
14. Гизатуллин И.А. Судебная нагрузка в российской системе правосудия и способы ее оптимизации // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 42–49.
15. Зайцев В.В. Определение характеристик новых видов строительного стекла, необходимых для предварительного и экспертного исследования // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – № 2(8). – С. 82–86.
16. Зубович М. М., Коршакова К.В., Томбулова Е.Г. Об использовании досудебных экспертных исследований по гражданским делам // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 76–85.
17. Мазуренко М.А. Принцип процессуальной экономии в практике арбитражных судов российской федерации // Юридическая наука. – 2023. – № 2. – С. 4–9.
18. Подволоцкий И.Н. Предварительное исследование видеоизображений человека в портретной экспертизе // Актуальные проблемы рос-

сийского права. – 2019. – № 9(106). – С. 115–122.

19. Чернова М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 30 с.

PRELIMINARY EXAMINATION AS A MEANS OF REDUCING THE BURDEN ON THE JUDICIAL SYSTEM IN THE FRAMEWORK OF ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS

Fedin D.A.

Moscow University "Synergy"

The purpose of this article is to analyze key legislative, doctrinal and practical aspects reflecting the use of preliminary expertise as a means of reducing the burden on the judicial system in the context of arbitration and civil proceedings, and to prepare proposals to resolve problems in regulating this expertise. The article highlights the need to follow the principle of procedural economy in order to minimize the burden on the judicial system, and it is the preliminary (pre-trial) expert study that stands out as one of the tools for implementing this principle. An attempt is being made to concretize the scope and specifics of this research and correlate it with forensic examination, taking into account the norms of arbitration procedure, civil procedure legislation and legislation on state forensic expertise. The position of the authors is supported, who advocate for more active use of preliminary (pre-trial) research in arbitration and civil proceedings. Taking into account the current judicial practice, some problems of using preliminary expert research in the considered areas of legal proceedings are highlighted. The great potential of pre-trial expert research is recognized as a means of reducing the burden on courts when considering civil and arbitration disputes. Based on the analysis, the author's proposals for improving the current procedural legislation are formulated.

Keywords: arbitration process; civil procedure; burden on the judicial system; preliminary judicial examination; procedural economy; expertise in arbitration; expertise in civil proceedings.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07/24/2002 (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
3. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462–1) (as amended on 07/31/2025) // Bulletin of the Congress of the National Assembly of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. – 1993. – No. 10. – Art. 357.
4. Federal Law No. 73-FZ dated 05/31/2001 (as amended on 07/22/2024) "On State forensic Expertise in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 23. – Art. 2291.
5. Federal Law No. 40-FZ dated 04/25/2002 (as amended on 07/31/2025) "On compulsory insurance of civil liability of owners of vehicles" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 18. – Art. 1720.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/24/2008 No. 11 (as amended on 02/09/2012) "On the preparation of civil cases for trial" // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78038/#dst100029 (date of request: 09/16/2025).
7. Ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/20/2024 in case No. 8G-504/2024 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305102509> (date of request: 09/17/2025).
8. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 06/18/2025 in case No. 8G-13901/2025 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1313546420> (date of request: 09/17/2025).
9. Resolution of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated 05/02/2024 in case no. A14–9612/2023 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1305912919> (date of request: 09/17/2025).
10. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated 07.11.2024 in case no. A32–16404/2024 // Archive of decisions of arbitration courts and courts of general jurisdiction. – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310152709> (date of request: 09/17/2025).
11. Aminev F.G. Modern problems of forensic expertise in the Russian Federation and ways to solve them: a monograph. – Moscow: YurLitinform, 2019. – 272 p.
12. Andreev A.V. On the unification of legislation on forensic examination in the civil and administrative process // Theory and practice of forensic examination. – 2024. – Vol. 19, No. 3. – pp. 6–13.
13. Galinskaya A.E. Features of the use of special knowledge in the activities of the parties and their representatives in cases of violations in the field of information technology // Theory and practice of forensic examination. – 2017. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 30–37.
14. Gizatullin I.A. Judicial burden in the Russian justice system and ways to optimize it // Law Bulletin of Samara University. – 2024. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 42–49.
15. Zaitsev V.V. Determination of the characteristics of new types of construction glass required for preliminary and expert research // Problems of criminal procedure, criminalistics and forensic examination. – 2016. – № 2(8). – Pp. 82–86.
16. Zubovich M. M., Korshakova K.V., Tombulova E.G. On the use of pre-trial expert research in civil cases // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Pp. 76–85.
17. Mazurenko M.A. The principle of procedural economy in the practice of arbitration courts of the Russian Federation // Legal Science. – 2023. – No. 2, Pp. 4–9.
18. Podvolotsky I.N. Preliminary study of human video images in portrait examination // Actual problems of Russian law. – 2019. – № 9(106). – Pp. 115–122.
19. Chernova M.N. Expert opinion as evidence in civil and arbitration proceedings: abstract of the dissertation of the cand. jurid. nauk. – Moscow, 2015. – 30 p.

Харченко Алексей Владимирович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: harcenkoa918@gmail.com

Автор исследует обязательства индемнити и возмещения имущественных потерь, проводя их сравнительный анализ. В работе рассматриваются основные элементы и признаки каждого обязательства, что позволяет выявить их общие черты и сходства. Вместе с тем, автор подчёркивает существенные различия в основаниях возникновения, предмете и субъектном составе обязательств. Анализ способствует более глубокому пониманию правовой природы данных правовых механизмов и их практического применения в гражданском праве.

Научная значимость настоящей статьи заключается в детальном анализе сущности подразумеваемого индемнити с аргументированным выводом о невозможности применения данной конструкции в российской правовой системе. Кроме того, статья обосновывает возможность расширительного толкования законодательных ограничений по субъектному составу соглашения о возмещении потерь, а также необходимость предоставления третьим лицам права заключать такие соглашения в ограниченных случаях.

Ключевые слова: индемнити, подразумеваемое индемнити, возмещение имущественных потерь, возмещение убытков.

Введение

Индемнити является важной и широко используемой англо-американской правовой конструкцией, позволяющей участникам гражданского оборота более гибко и предсказуемо регулировать свои риски.

Для российской правовой системы индемнити является значимым институтом, так как англо-американская правовая конструкция стала основой для введения в ГК РФ института возмещения имущественных потерь. В связи с этим важно рассмотреть две правовые конструкции и выделить их сходства и различия.

Материалы и методы

Для написания настоящей статьи автор использовал труды как российских ученых, так и иностранных. Среди отечественных исследователей необходимо выделить И.В. Климова как одного из немногих ученых, защитивших диссертацию по схожей теме, а также У. Кортни, написавшего единственную в своем роде книгу, посвященную нестраховому индемнити. Также доктринальной основой для настоящей статьи стали работы следующих российских ученых: О.Г. Ершов, А.Г. Карапетов, И.А. Тимофеев, а также зарубежных: Ф. Дж. Горман, Дж. Глисон, Н. Оуэнс.

При написании статьи использовались методы анализа, синтеза, телеологического толкования и сравнения.

Легального определения соглашения об индемнити нет, связи с этим его выработали в научной сфере. У. Кортни определяет индемнити как обещание должника защитить кредитора от имущественных потерь в результате наступления определенных в соглашении обстоятельств [8, с. 66]. Блэк дает иное определение конструкции индемнити. Под индемнити его словарь понимает вспомогательный договор, посредством которого одно лицо обязуется защитить другое в отношении предполагаемых потерь или предотвратить возникновение потерь в результате правовых последствий деяний стороны или третьего лица [1, с. 910].

Приведенные два определения выделяют два важнейших признака индемнити: направленность соглашения на защиту одной из сторон от имущественных потерь; условность обязательства – обязанность должника возникает при наступлении определенного обстоятельства.

Понятие соглашения о возмещении имущественных потерь закреплено законодательно в ст. 406.1 ГК РФ и уточнено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7

«О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 7). Под соглашением о возмещении имущественных потерь понимают дополнительное соглашение, в соответствии с которым одна из сторон основного обязательства (должник) обязуется возместить имущественные потери другой стороны (кредитор) на случай наступления определенных обстоятельств, связанных с основным обязательством, и не являющихся его нарушением.

Из указанного определения также следует, что российский институт направлен на защиту одной из сторон обязательства от имущественных потерь в связи с наступлением оговоренного обстоятельства.

Другое немаловажное сходство рассматриваемых институтов заключается в реализации для каждого из них принципа точной защиты. Принцип точной защиты – правило, в соответствии с которым кредитору по indemnity должна быть предоставлена защита ровно в пределах его потерь [8, с. 70–72]. Аналогичное правило для возмещения потерь закреплено в абз. 3 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 7.

Несмотря на сходство правовые конструкции имеют достаточно много значимых отличий. Проявляются они в основании возникновения, субъектном составе и предмете обязательств.

Обязательство по возмещению потерь может возникнуть только на основании соглашения сторон. Более того, предмет такого соглашения должен быть сформулирован ясно и недвусмысленно (абз. 1 п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 7). В отношении indemnity регулирование обстоит иначе.

Indemnity также возникает на основе соглашения. Однако такое соглашение может быть явно выраженным (*express*) и подразумеваемым (*implied*) [4, с. 1166]. Для российского юриста данное деление является неординарным. С явно выраженным indemnity всё понятно – такое обязательство возникает на основе зафиксированной в договоре воле сторон. Однако в отношении подразумеваемого indemnity могут возникнуть сложности в восприятии.

Дж. Глисон и Н. Оуэнс указывают, что подразумеваемое indemnity возникает в отношениях, где одно лицо действует в интересах другого. При наличии такой правовой ситуации лицо, действующее в интересах другого, имеет право на возмещение всех потерь, связанных с исполнением своих договорных обязанностей. При этом наличие права на возмещение не зависит от того, принесло ли исполнение обязанностей выгоду другой стороне отношений. Примерами таких договорных взаимоотношений выступают правоотношения между принципалом и агентом, между директором и юридическим лицом, между поручителем и должником. Агент имеет право на возмещение потерь от принципала при исполнении агентского договора, ди-

ректор при исполнении обязанностей – от юридического лица, а поручитель имеет право на возмещение уплаченного долга [2, с. 140–142].

Для indemnity в отношении формулирования предмета соглашения нет четких правил, более того, стороны могут использовать различные формулировки для фиксации обязанности должника. В целях справедливого разрешения конкретного спора судам важны не наименования отдельных слов, а содержание договора в целом (внутренний контекст) и иные обстоятельства, связанные с заключением и исполнением договора (внешний контекст) [8, с. 107–111]. Во многом по этой причине суды могут установить в правоотношениях сторон подразумеваемое соглашение об indemnity, тем самым защищая от потерь сторону, нуждающуюся в этом.

Для отечественной правовой системы в наличии института подразумеваемых соглашений нет необходимости. Большинство судебных споров может быть разрешено на основе правовых норм, а не за счет установления подразумеваемых обязательств сторон. К примеру, право на возмещение понесенных агентом/комиссионером/поверенным расходов определено ст.ст. 975, 1000 и 1001 ГК РФ. Данные положения можно неформально называть возмещением потерь по закону.

Для обязательства по indemnity не существенен вопрос о его сторонах, ими могут быть как коммерсанты, так и не коммерсанты. С соглашением о возмещении потерь регулирование осуществляется по-другому. Законодатель установил, что обязательства по возмещению потерь могут носить только предпринимательский характер. Соответственно, формально сторонами такого соглашения имеют право выступать лишь коммерческие организации и предприниматели, а также в виде исключения – участники хозяйственных обществ, если они являются стороной корпоративного договора либо договора об отчуждении акций или долей.

Цель такого ограничения, по всей видимости, заключается в защите обычных граждан от участия в столь сложных для их понимания соглашениях, несущих в себе финансовые риски для лица, берущего на себя обязательство возместить потери. Однако указанная логика работает только в отношении одной стороны соглашения о возмещении потерь – должника.

Из указанного можно сделать вывод, что на стороне кредитора вполне может выступать потребитель и тем более некоммерческая организация. По данному вопросу А.Г. Карапетов отметил: «Нет содержательных аргументов против того, чтобы обязательство по возмещению потерь приняло бы на себя лицо, осуществляющее... предпринимательскую деятельность, по договору с лицом, такую деятельность не осуществляющим» [6, с. 1544]. Данное заключение косвенно подтверждается имеющейся законодательной практикой расширения действия нормы ст. 310 ГК РФ. Согласно предыдущей редакции данной статьи право на односторонний отказ от исполнения обязательства,

основанное на соглашении сторон, могло быть только у коммерсантов. Однако в действующей редакции такое договорное право в отношениях с коммерсантом может быть предоставлено также не коммерсанту.

Возможные контраргументы, касающиеся необходимости потребителя платить за получение права на возмещение и навязывания коммерсантом таких условий, вряд ли могут быть достаточны для запрета использования конструкции возмещения потерь с потребителем на стороне кредитора. Институт возмещения потерь – это лишь дополнительный способ защиты интересов потребителя, аналогично установлению коммерсантом гарантийных сроков.

С вопросом обоснования возможности участия некоммерческой организации на стороне должника ситуация обстоит сложнее. При соблюдении определенных условий некоммерческой организации с формально-правовой точки зрения должно быть разрешено участвовать в соглашении о возмещении потерь на стороне должника. Такими условиями выступают:

- указание в учредительном документе некоммерческой организации права осуществлять деятельность, приносящую доход (абз. 3 п. 21 постановления Пленума № 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»);
- заключение соглашения о возмещении потерь в связи с осуществлением деятельности, приносящей доход, разрешенной учредительным документом.

Несмотря на юридическую стройность приведенной логики на практике могут возникнуть сложности в возложении обязанностей на некоммерческую организацию в соглашении о возмещении потерь. Рассматривая одно из дел, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа указал следующее:

«...условие [о возмещении потерь] может быть согласовано только в том случае, если обе стороны обязательства действуют при осуществлении предпринимательской деятельности, что нельзя сказать о министерстве, обладающем статусом казенного учреждения...» – постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.09.2023 по делу № А70–3526/2021.

Таким образом, суд в данном случае в принципе не допустил участие некоммерческой организации в соглашении о возмещении потерь как на стороне должника, так и на стороне кредитора.

По всей видимости, схожим образом в судебном порядке будет решаться вопрос о возможности участия публично-правовых образований в соглашении о возмещении потерь. О.Г. Ершов по смежному вопросу сделал следующее умозаключение: «...публично-правовые образования не могут быть участниками предпринимательского договора, поскольку обладают специальной правосубъектностью, не связанной с направленностью получения

прибыли при участии в договорных отношениях» [5]. Такое обоснование могут брать на вооружении и суды.

Важным отличием предмета соглашения об indemnity от предмета соглашения о возмещении потерь является признанная общим правом возможность установить обязанность по защите от потерь как по модели превентивного indemnity, так и по модели компенсаторного.

В соответствии с первым видом у должника по indemnity есть обязанность оградить кредитора от несения имущественных потерь, то есть предупредить их наступление. Согласно компенсаторному indemnity должник по indemnity обязан возместить те потери, которые уже понес кредитор [8, с. 85].

Из ст. 406.1 ГК РФ следует, что соглашение о возмещении потерь может быть составлено только по компенсаторной модели. Несмотря на это российские суды допускают возможность формулирования соглашения по превентивной модели. Данная конструкция часто используется при составлении налоговых оговорок. Одним из таких примеров является установление обязанности должника (поставщика) при выявлении признаков несформированного источника по цепочке хозяйственных операций с его участием устранить такие признаки в течение определенного срока (превентивная модель). Если должнику не удастся этого сделать, у него возникает обязанность возместить кредитору (покупателю) имущественные потери в виде потери права на налоговый вычет (компенсаторная модель). Такая оговорка поддерживается судами (Постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.03.2025 № Ф08–11247/2024 по делу № А53–28125/2023 и от 08.09.2022 по делу № А32–41754/2021).

В контексте возможности использования превентивной модели следует согласиться с мнением И.В. Климова, что данная модель не вписывается в рамки регулирования ст. 406.1 ГК РФ [7, с. 199]. Соглашение, построенное по превентивной модели защиты, является договором оказания услуг, в соответствии с которым должник обязуется не допустить возникновения на стороне кредитора потерь. Условия такого обязательства по защите могут быть конкретизированы в соглашении. К примеру, стороны могут согласовать, что при наступлении определенного обстоятельства – предъявления требования к кредитору – должник обязуется урегулировать претензию третьего лица, выступить на стороне кредитора в суде и т.д.

Возмещение потерь, как и indemnity, является условным обязательством. Однако в отличие от indemnity регулирование соглашения по возмещению потерь имеет существенные ограничения по возможности определения сторонами обстоятельств, влекущих обязанность возместить потери. Таким активирующим обстоятельством в силу прямого законодательного регулирования не может выступать нарушение основного обязательства сторонами (п. 1 ст. 406.1 ГК РФ).

Из анализа п. 1 ст. 406.1 ГК РФ и абз. 1 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 7 можно определить еще одно неявное ограничение использования отечественного института. Это ограничение заключается в том, что должник не вправе обязаться возмещать потери кредитора, при отсутствии между ними основного обязательства. Вывести данное ограничение можно из следующих предположений:

- Между сторонами соглашения о возмещении потерь должно существовать основное обязательство;
- Обстоятельство, порождающее обязанность возместить потери, должно быть связано с основным обязательством.

Такое регулирование направлено на разграничение института возмещения потерь и института страхования, однако в текущих условиях гражданского оборота оно не всегда отвечает практическим потребностям. О способах решения данной проблемы писали И.В. Климов [7, с. 230] и И.А. Тимофеев [9, с. 17–19]. Более подходящим с точки зрения автора настоящей работы является вариант решения, основанный на критерии наличия интереса третьего лица в возникновении, исполнении основного обязательства.

Одной из особенностей договора страхования является то обстоятельство, что у страховщика нет прямой заинтересованности в возникновении, исполнении обязательства между страхователем и его контрагентом. Страховщика интересует исполнение страхователем именно обязательства, предусмотренных договором страхования.

В связи с этим автор предлагает предоставить третьему лицу право заключать соглашение о возмещении имущественных потерь при наличии интереса в возникновении, исполнении основного обязательства между иными лицами. При этом такой интерес третьего лица должен быть независим от самого соглашения о возмещении потерь.

В качестве иллюстрации можно привести пример сделки по приобретению доли в обществе, когда должником по соглашению о возмещении потерь будет выступать не сам продавец, а связанное с ним лицо (например, участник компании-продавца). В таком случае у должника по возмещению потерь будет законный имущественный интерес в заключении, исполнении сделки купли-продажи доли и ввиду этого такое соглашение о возмещении потерь не будет подменять собой договор страхования.

Заключение

Подводя итог сравнения двух институтов, можно отметить их общую цель – перераспределение имущественных рисков между сторонами. Иные сходства заключаются в том, что как соглашение о возмещении потерь, так и соглашение об indemnity являются условными обязательствами, которые имеют компенсационный, а не штрафной характер. В то же время, у indemnity и возмещения по-

терь есть существенные различия: в составе субъектов, в предметах обязательств и в основаниях их возникновения. Indemnity является более гибким институтом с точки зрения свободы договора. Учитывая это, а также отечественные правовые традиции, российский законодатель не допустил использование нового института для целей упрощенного привлечения к ответственности и для целей подмены договора страхования. Однако способ разграничения института возмещения потерь и страхования с позиции автора не соответствует потребностям коммерческого оборота и нуждается в корректировке.

Литература

1. Блэк Х.С. Словарь юридических терминов: определения терминов и фраз американской и английской юриспруденции, древней и современной // Сент-Пол, Миннесота: West Publishing Co. 1968. 1882 с.
2. Глисон Дж. и Оуэнс Н. Разоблачая фикции: что делать с подразумеваемым indemnity // *Journal of Contract Law*. 2009. Т. 25.
3. Глухов Е.В. Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация // М-Логос. 2019. 1208 с.
4. Горман Ф. Дж. Indemnity и возмещение в морском праве // *Tulane Law Review*. 1981. Т. 55. № 4. С. 1165–1199.
5. Ершов О.Г. Предпринимательский договор в строительстве: о допустимости теоретической модели и основных направлениях ее исследования // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2012. № 2. С. 131–136.
6. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.Г. Архипова, В.В. Байбак, С.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1582 с.
7. Климов И.В. Договорное возмещение потерь по праву Англии и Уэльса и праву России: Диссертация кандидата юридических наук // Москва. 2024. 276 с.
8. Кортни У. Договорные indemnity // *Oxford and Portland Oregon: Bloomsbury Publishing*. 2014.
9. Тимофеев И.А. Принятие обязанности по возмещению имущественных потерь лицом, не являющимся стороной основного обязательства // *Гражданское право*. 2025. № 3. С. 17–19.

INDEMNITY AND INSTITUTE OF COMPENSATION FOR LOSSES

Kharchenko A.V.

St. Petersburg State University of Economics

The author examines indemnity and compensation for losses by conducting a comparative analysis. The work considers the main elements and characteristics of each obligation, which allows identifying their common features and similarities. At the same time, the

author emphasizes significant differences in the grounds for their emergence, the subject matter, and the composition of the parties involved. The analysis contributes to a deeper understanding of the legal nature of these legal mechanisms and their practical application in civil law.

The scientific significance of this article lies in a detailed analysis of the essence of implied indemnity, accompanied by a reasoned conclusion on the inapplicability of this concept within the Russian legal system. Furthermore, the article substantiates the possibility of an expansive interpretation of the statutory limitations regarding the parties eligible to enter into agreement of compensation for losses, as well as the necessity to grant third parties the right to conclude such agreements in certain cases.

Keywords: indemnity, implied indemnity, compensation for losses, damages.

References

1. Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern by Henry Campbell Black, M. A.. St. Paul, MINN. West Publishing Co. 1968. P. 910.
2. Gleeson J., Owens N. Dissolving Fictions: What to do with implied indemnity? // *Journal of Contract Law*. 2009. Vol. 25.
3. Glukhov E.V. Transactions of Sale and Purchase of Shares and Stock in Authorized Capitals of Business Entities: Preparation and Performance // *M-Logos*. 2019. P. 1208.
4. Gorman F.J. Indemnity and Contribution under Maritime Law // *Tulane Law Review*. 1981. Vol. 55. No. 4. pp. 1165–1199.
5. Ershov O.G. Entrepreneurial contracts in construction: on the admissibility of a theoretical model and the main directions of its research // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2012. No. 2. pp. 131–136.
6. Substitution of Parties to an Obligation and Liability for Violation of an Obligation: A Commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation / A.G. Arkhipova, V.V. Baibak, S.A. Gromov, et al.; ed. by A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2022. 1582 p.
7. Klimov, I.V. Contractual compensation for losses under English and Welsh law and Russian law: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences // *Moscow*. 2024. 276 p.
8. Courtney W. Contractual Indemnities // *Oxford and Portland Oregon: Bloomsbury Publishing*. 2014. 368 p.
9. Timofeev, I.A. Acceptance of liability for compensation for losses by a person who is not a party to the principal obligation // *Civil Law*. 2025. No. 3. pp. 17–19.

Совершенствование механизмов защиты исключительных прав: новые подходы к расчету компенсаций

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Московский университет имени С.Ю. Витте, Филиал в г. Сергеевом Посаде
E-mail: ChernaykovaS@mail.ru

В статье рассмотрено правовое регулирование института компенсации как меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, выявлены её основные функции, критерии определения размера и особенности в условиях цифровой среды. Особое внимание уделено проблеме множественности нарушений, которая влечёт риск несоразмерности взысканий, а также вопросу распределения ответственности между продавцами и онлайн-маркетплейсами при незаконном использовании товарных знаков. Автор пришёл к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, в частности – о целесообразности фиксации положений о презумпции осведомлённости операторов торговых площадок.

Ключевые слова: компенсация, исключительные права, интеллектуальная собственность, множественное нарушение, цифровизация, маркетплейс.

Анализ проблемных аспектов функционирования института компенсации в российском гражданском законодательстве и правоприменительной практике является весьма **актуальным** по ряду причин.

Во-первых, до сих пор нет единства мнений относительно правовой природы компенсации, ее задач и функций. Специалисты высказывают различные мнения о сущности компенсации – является ли она разновидностью способов возмещения убытков, способом защиты упущенной прибыли, аналогичным неустойке, штрафной санкцией, платой за неосновательное обогащение, мерой ответственности.

Во-вторых, в практике возникают сложности с расчетом объема компенсации и идентификации критериев, влияющих на его снижение или увеличение.

В-третьих, множество вопросов возникает в ситуации множественности нарушений, в т.ч. в отношении того, какое нарушение следует считать множественным и в какой степени количество нарушений влияет на размер компенсации.

В-четвертых, компенсация как средство защиты обладает рядом индивидуальных, отличающих ее от других средств защиты черт, и, как отмечают исследователи, не всегда является адекватной, максимально учитывающей интересы правообладателей, оптимальной [5, с. 123].

Наконец, *в-пятых*, на современном этапе система защиты исключительных прав подвергается существенным трансформациям как на доктринальном, так и на законодательном уровнях. При этом законодатель и правоприменители зачастую «запаздывают» за темпами изменения социально-экономических реалий. В науке и практике существует значительный объем правовых позиций по вопросам применения компенсации за нарушение исключительных прав. С учетом ряда важных правовых и неправовых факторов стало очевидно, что точечные поправки в нормы, регулирующие вопросы применения компенсации, пока не решают все существующие проблемы [6, с. 289].

В целом компенсация в контексте системы гражданско-правовых средств защиты исключительных прав является достаточно новым средством защиты, которое не всегда эффективно интегрировано в общую систему средств защиты [7, с. 60].

Прежде всего следует раскрыть основные черты и функции компенсации. Компенсация, согласно отечественному законодательству, выступает особой мерой гражданско-правовой ответственности.

ности, применяемой между юридически равными субъектами, по требованию и в пользу потерпевшей стороны. Компенсация, пишет Л.А. Новоселова, применяется с целью защиты частного имущественного права потерпевшего и, как следствие, направлена на возмещение имущественных потерь правообладателя. Следовательно, приоритетными функциями компенсации выступают компенсаторная и восстановительная [8, с. 221].

Согласно В.Ю. Коломейцевой с соавт., компенсация является альтернативным возмещению убытков способом защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Ключевым преимуществом компенсации выступает отсутствие необходимости доказывать размер причиненных убытков, и, таким образом, повышение степени защищенности правообладателей [4, с. 204].

В реализации процедуры определения размера компенсации суд руководствуется рядом критериев: характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, степень вины нарушителя, наличие предыдущих нарушений исключительного права, вероятные убытки правообладателя [4, с. 204].

Как отмечено ранее, расчет объема компенсации и связанные с этим вопросы являются одной из наиболее противоречивых областей в рассматриваемой нами законотворческой и прикладной (правоприменительной) области.

Как пишет Е.В. Боярищева, одной из проблем является «обоснованность регламентации порядка определения суммы компенсации», в т.ч. при множественности правонарушений. До сих пор не решен вопрос о том, имеет ли суд по собственному усмотрению снижать размер компенсации – в особенности в ситуации множественности нарушений [1, с. 114].

Множественность нарушений в рассматриваемом нами контексте обозначает «выражение нескольких разных объектов в одном материальном носителе» [1, с. 144]. По мнению автора, процедура и принципы расчета объема компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации являются спорными как на доктринальном уровне, так и в правоприменении.

Большинство современных нарушений интеллектуальных прав носят множественный характер. Это связано со спецификой цифровой среды, где мультипликация и распространение произведений, программ или товарных знаков значительно упрощены. Одно действие (например, загрузка файла в открытый доступ) способно породить сотни или тысячи актов нарушения. В такой ситуации возникает вопрос: квалифицировать ли каждое скачивание/копию как отдельное нарушение (что ведет к колоссальным суммам компенсации), или же рассматривать множественные акты как единое нарушение.

Одно действие пользователя (размещение файла на файлообменнике, загрузка фильма на виде-

охостинг, публикация изображения на сайте) влечет практически неограниченное количество актов воспроизведения и доведения до всеобщего сведения. В результате количество потенциальных нарушений стремится к бесконечности, так как каждая загрузка, просмотр или скачивание может трактоваться как отдельный акт нарушения. Это принципиально отличает Интернет-нарушения от «классического» пиратства (контрафактные диски, печатные копии), где каждый экземпляр можно подсчитать.

Отечественное законодательство формально допускает квалификацию каждого факта использования как отдельного нарушения, что влечет увеличение компенсации. Сегодня отсутствует единообразная практика, что требует как законодательного уточнения, так и выработки доктринальных критериев множественности. В случае, если суд будет следовать жесткому подходу (каждое нарушение – отдельная компенсация), это приведет к несоразмерности взысканий. Гибкий подход, предполагающий снижение компенсации путем объединения множества актов нарушения в одно нарушение, в большей степени соответствует принципам справедливости, но снижает превентивный эффект подобной санкции.

Текст положений ст. 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) гласит: при множественности нарушений суд имеет право взыскать за каждое такое нарушение компенсацию ниже минимального предела [3]. Тем не менее, даже если объем компенсации будет снижен, общий размер компенсации за каждое нарушение в совокупности может оказаться крайне высоким.

Таким образом, российский законодатель предусматривает интеграцию параметра мультипликации ответственности в механизм расчета компенсации. Это значит, что по общему правилу нарушение действием исключительных прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации компенсация назначается за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. В результате размер компенсации может многократно возрастать.

Параметр множественности, как отмечает Л.А. Новоселова, предполагает также учет количества способов использования объекта интеллектуальных прав, что влечет увеличение компенсации, так как каждый способ использования считается отдельным нарушением [8, с. 223].

При расчете компенсации суды принимают во внимание характер правонарушения. Так, компенсация в сфере охраны интеллектуальной собственности не сводится только к возмещению фактически понесенных имущественных убытков или даже к гипотетически возможным потерям. Она выполняет более широкий компенсаторно-превентивный функционал. В частности, если имущественные потери правообладателя невелики, но при этом ущерб для его деловой репутации значителен, то размер компенсации может быть

увеличен при учете этого обстоятельства. Суд, назначая компенсацию, учитывает не только последствия конкретного нарушения, но и возможность создания опасного прецедента. Если оставить нарушение без серьёзной санкции, это может стимулировать повторные противоправные действия как в аналогичных формах, так и со стороны иных субъектов [5, с. 126].

Снижение объема компенсации может иметь место в ситуации, когда суду становится очевидным единство намерений нарушителя. Единство намерений, по мнению ряда экспертов, позволяет прийти к выводу о единстве правонарушения. Диффузия в цифровом пространстве ответчиком нескольких защищенных объектов-результатов интеллектуальной деятельности с единой целью может служить поводом для отказа в мультипликации компенсации за множественные правонарушения.

Так, текст Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 «О некоторых вопросах применения части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» гласит: использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации одним лицом различными способами, направленными на достижение единой экономической цели, следует считать одним нарушением. К примеру, публикация чужих фотографий на трех страницах веб-сайта направлена на достижение одной экономической цели – привлечение внимания потенциальных покупателей к товару. Конституционный суд также неоднократно высказывался на предмет необходимости снижения компенсации за счет признания нескольких правонарушений единым нарушением [8, с. 225].

Существующее гражданское законодательство предусматривает возможность снижения компенсации при множественности нарушений, но, при этом, в правоприменении часто имеет место ограничительный подход, согласно которому правило о снижении применяется только тогда, когда все нарушенные исключительные права принадлежат одному правообладателю.

Соответственно, если нарушитель одним действием нарушает права нескольких лиц, то снижение размера компенсации не допускается. Если нарушенные права принадлежат одному лицу, суд может ограничить общий размер компенсации. По мнению правоприменителей, подобная конструкция способна существенно препятствовать получению справедливой компенсации. Речь идет об отсутствии ясности в том, должен ли суд рассматривать множественность нарушений по субъектному критерию (один правообладатель) или по объективному критерию (единое деяние нарушителя). Таким образом, положение закона имеет противоречивый характер, так как допускает неоднозначное толкование и не обеспечивает баланс интересов всех участников [1, с. 145].

Следует отметить, что в недавнем времени Госдума приняла закон, которым вносятся поправки в ч. 4 ГК РФ (законопроект № 348960–8). Изменения направлены на реализацию Постановле-

ний КС от 13 декабря 2016 г. № 28-П и от 24 июля 2020 г. № 40-П. Введена новая статья 1252.1 «Компенсация за нарушение исключительного права» ГК РФ. Также появился пункт 1.1 в ст. 1252, где определен простой способ нарушения: незаконное использование одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации каким-либо одним способом. Правообладатель получит выбор расчёта компенсации среди установленных: твёрдым размером; в кратном размере стоимости контрафактных материальных носителей; в кратном размере стоимости права использования результата (или средства индивидуализации), исходя из рыночной цены, «обычно взимаемой» за такое использование.

Суд получает больший объём усмотрения: компенсация определяется соразмерно объёму и характеру нарушения, а также с учётом требований разумности и справедливости. Кроме того, если выбранный истцом способ расчёта не применим, суд может перейти к применению положения о фиксированном размере компенсации. Положения о множественности нарушений также были детализированы: если в одном контрафактном материальном носителе нарушены права нескольких результатов интеллектуальной деятельности/средств индивидуализации, то компенсация может быть определена одним из трёх способов, но независимо от количества объектов этих прав. Также, если для разных объектов существуют разные пределы компенсаций (минимальные/максимальные), то берётся наибольший минимальный до наибольшего максимального.

Если нарушение происходит при предпринимательской деятельности, и нарушитель не знал и не должен был знать, что нарушал исключительное право или право использования, для некоторых категорий компенсации установлены нижние и верхние пределы – например, от 10 тыс. до 500 тыс. рублей. Если несколько лиц совершили самостоятельные нарушения с использованием одних и тех же контрафактных материальных носителей, возможно солидарное взыскание компенсации, при условии, что возбуждение исков к каждому по отдельности привело бы к неосновательному обогащению. Законодатель, кроме того, представил перечень обстоятельств, при которых использование не считается нарушением. Использование, которое объективно необходимо для применения другого способа использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, которое само не имеет самостоятельного экономического значения, не является нарушением права. Поправки призваны повысить степень защиты правообладателей, особенно в интернет-среде, и устранить пробелы в практике, которые мешали взысканию справедливой компенсации.

Тем не менее, на периферии внимания российского законодателя остается немало проблемных аспектов в области расчета компенсации. Так, многие субъекты предпринимательской деятель-

ности осуществляют торговлю товарами и услугами в онлайн-площадках – маркетплейсах («Wildberries», «Ozon», «Яндекс.Маркет», «Lamoda» и проч.). Главной особенностью маркетплейса является то, что ее владельцы и операторы не участвуют в создании реализуемой продукции. Маркетплейс предоставляет продавцам возможность размещать товары для продажи, а также получать информацию о заказах. Как отмечает А.А. Гайдаенко, сегодня на маркетплейсах все чаще встречаются случаи незаконного размещения и использования некоторыми продавцами чужих товарных знаков. Часто покупатель не может быть уверен, что товар является оригинальным поставляется настоящим правообладателем. Некоторые продавцы незаконно используют чужой товарный знак [2, с. 97].

Важно разрешить вопрос о распределении ответственности между продавцом и маркетплейсом (оператором электронной торговой площадки) в случаях незаконного использования товарных знаков и продажи контрафактной продукции.

Продавцы вводят в оборот контрафактный товар и используют чужие товарные знаки без разрешения, тогда как маркетплейсы выступают либо как продавцы (модель Wildberries, Ozon), либо как информационные посредники (модель Яндекс.Маркет). Согласно позиции Верховного Суда (Постановление Пленума от 23.04.2019 № 10, п. 78), информационный посредник отвечает только при наличии вины – если он знал или должен был знать о нарушении. Фактически это приводит к ситуации, когда маркетплейсы де-факто контролируют сделки и финансовые потоки, но юридически часто освобождаются от ответственности, перекладывая её на недобросовестных продавцов. Кроме того, они не участвуют в выплатах солидарной компенсации.

На практике взыскать компенсацию с «мелкого» продавца может быть трудно (он может быть компанией-«однодневкой» или физическим лицом без активов). Кроме того, текущее положение затрудняет превенцию нарушений: маркетплейс не обязан проверять правомерность использования товарных знаков до размещения товара. Маркетплейсы извлекают прибыль из сделок (комиссия, реклама, логистика), но не несут соразмерной ответственности за нарушение прав на товарные знаки – при расчете комиссии они исключаются судами из внимания и не участвуют в выплатах.

В данной связи можно предложить закрепить норму о том, что при продаже контрафактного товара на маркетплейсе правообладатель вправе требовать компенсацию как от продавца, так и от оператора площадки солидарно. Солидарная ответственность позволит правообладателю взыскать компенсацию с того субъекта, который действительно платежеспособен (маркетплейс). Уже после этого маркетплейс сможет предъявить соответствующее требование к продавцу.

По нашему мнению, российское право нуждается во введении конструкций, свидетельствующих

о презумпции осведомленности маркетплейса. Имеется в виду то, что если маркетплейс получает вознаграждение от сделок, участвует в расчётах или логистике, он должен считаться лицом, которое должно было знать о характере реализуемой продукции. Таким образом, его освобождение от ответственности будет возможно только при доказательстве надлежащей проверки добросовестности продавца. При солидарной ответственности возможно закрепить право суда снижать компенсацию для оператора, если он доказал, что принял все разумные меры для предотвращения нарушения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Компенсация – особая мера гражданско-правовой ответственности, применяемая между равноправными субъектами по требованию и в пользу потерпевшего, и ориентирована прежде всего на защиту имущественных интересов правообладателя. Основные её функции – компенсаторная и восстановительная. При определении размера компенсации суд учитывает характер нарушения, срок неправомерного использования, степень вины нарушителя, ситуации нарушений в прошлом, фактические или вероятные убытки правообладателя.
- Проблема множественности нарушений в сфере защиты исключительных прав остаётся одной из наиболее дискуссионных. Под множественностью понимается использование нескольких объектов или способов использования в рамках одного действия, что особенно характерно для цифровой среды, где одно действие может порождать тысячи актов нарушения. Законодательство формально допускает взыскание компенсации за каждое отдельное нарушение, что ведёт к кратному увеличению суммы и риску несоразмерности взысканий. Судебная практика демонстрирует поиск баланса: с одной стороны, при расчете компенсации требуется учитывать фактор множественности, с другой – принцип справедливости предполагает возможность снижения компенсации при единстве цели или намерений нарушителя.
- Одним из нерешённых вопросов в сфере компенсации за нарушение исключительных прав остаётся ответственность онлайн-маркетплейсов. Несмотря на то, что именно они контролируют сделки и получают прибыль, зачастую они освобождаются от ответственности, возлагая её исключительно на продавцов, которые нередко оказываются неплатёжеспособными. Такая конструкция затрудняет взыскание компенсации и снижает превентивный эффект санкций. Предлагается закрепить в законодательном массиве презумпцию осведомлённости маркетплейсов о характере продаваемых товаров и ввести норму о солидарной ответственности с продавцами.

1. Боярищева, Е.В. Сущность компенсации как способа защиты исключительных прав и некоторые спорные аспекты расчета размера компенсации / Е.В. Боярищева // Инновационная наука. – 2024. – № 6–1. – С. 143–146.
2. Гайдаенко, А.А. Гражданско-правовая охрана товарных знаков, используемых на маркетплейсах / А.А. Гайдаенко // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С. 92–104.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 25.08.2025.
4. Коломейцева, В.Ю. Возмещение убытков и компенсация как способы защиты нарушенных исключительных прав / В.Ю. Коломейцева, Е.Н. Агибалова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 3–1. – С. 203–206.
5. Ландо, Д.Д. Компенсация за нарушение исключительных прав / Д.Д. Ландо, Т.В. Авдеева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 13. – С. 123–129.
6. Лукьянов, Р.Л. Реформа института компенсации за нарушение исключительных прав в российском законодательстве / Р.Л. Лукьянов // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 288–293.
7. Москаленко, М.П. Практические вопросы применения судебного порядка защиты авторских прав в сети интернет: проблемы денежной компенсации нарушенных прав / М.П. Москаленко // Символ науки. – 2022. – № 6–1. – С. 59–63.
8. Новоселова, Л.А. Компенсация за нарушение исключительных прав: основные тенденции развития / Л.А. Новоселова // Вестник ФИПС. – 2024. – № 3 (9). – С. 220–231.

IMPROVING MECHANISMS FOR PROTECTING EXCLUSIVE RIGHTS: NEW APPROACHES TO CALCULATING COMPENSATION

Chernyakova S.A.

Witte Moscow State University, Sergiev Posad Branch

This article analyses the legal regulation of compensation as a measure of civil liability for infringement of exclusive rights, identifying its main functions, criteria for determining the amount, and its specific features in the digital environment. Particular attention is paid to the problem of multiple infringements, which entails the risk of disproportionate penalties, as well as the issue of distributing liability between sellers and online marketplaces for illegal use of trademarks. The author concludes that further legislative improvements are necessary, in particular, the advisability of establishing provisions on the presumption of knowledge of marketplace operators.

Keywords: compensation, exclusive rights, intellectual property, multiple infringements, digitalization, marketplace.

References

1. Boyarishcheva, E. V. The Essence of Compensation as a Method of Protecting Exclusive Rights and Some Controversial Aspects of Calculating the Amount of Compensation / E. V. Boyarishcheva // Innovative Science. – 2024. – No. 6–1. – Pp. 143–146.
2. Gaidaenko, A. A. Civil Law Protection of Trademarks Used on Marketplaces / A. A. Gaidaenko // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 21. – Pp. 92–104.
3. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // Consultant Plus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: 08/25/2025.
4. Kolomeytseva, V. Yu. Compensation for Damages and Compensation as Ways to Protect Violated Exclusive Rights / V. Yu. Kolomeytseva, E. N. Agibalova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – No. 3–1. – Pp. 203–206.
5. Lando, D. D. Compensation for Violation of Exclusive Rights / D. D. Lando, T. V. Avdeeva // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences. – 2021. – No. 13. – Pp. 123–129.
6. Lukyanov, R. L. Reform of the Institute of Compensation for Violation of Exclusive Rights in Russian Legislation / R. L. Lukyanov // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 3 (231). – P. 288–293.
7. Moskalenko, M. P. Practical issues of applying the judicial procedure for copyright protection on the Internet: problems of monetary compensation for violated rights / M. P. Moskalenko // Symbol of Science. – 2022. – No. 6–1. – P. 59–63.
8. Novoselova, L. A. Compensation for violation of exclusive rights: main development trends / L. A. Novoselova // FIPS Bulletin. – 2024. – No. 3 (9). – P. 220–231.

Привлечение контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности

Четвериков Андрей Максимович,

аспирант, Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

E-mail: chetwerikow.andrei@yandex.ru

Большинство функционирующих на сегодняшний день на рынке товаров и услуг экономических агентов зачастую сталкиваются с необходимостью предотвращения негативных событий, способствующих возникновению нежелательных последствий, в числе которых нельзя не отметить невозможность исполнения текущих кредитных обязательств. В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц, которая на данном этапе выступает стремительно развивающимся правовым институтом в области несостоятельности (банкротстве).

В настоящее время судебные инстанции исходят из необходимости тщательного анализа всех осуществляемых сделок с аффилированными лицами, также при отсутствии факта оспаривания таковых со стороны конкурсного управляющего в момент процедуры банкротства. За счёт этого преимущественно привлечения к ответственности производится лишь фактических собственников коммерческой структуры, которые при этом отсутствуют в группе участников общества.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, субсидиарная ответственность, деликтная ответственность, контролирующие лица.

С позиции действующего в настоящее время законодательства нашей страны рассматриваемый в настоящем исследовании правовой институт представляется новшеством, поскольку его возникновение произошло около 5 лет назад с момента введения гл. III.2 ФЗ от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» [1] летом 2017 г. Иными словами, в этот период был принят новый ФЗ [2].

Однако еще до его появления была обусловлена особая важность обеспечения соответствующей нормативно-правовой регламентации общественных отношений в анализируемой области в нашей стране. Если проанализировать статистику, то в вышеуказанный период в судебные инстанции поступило порядка 40000 заявлений от различных экономических агентов относительно необходимости признания таковых банкротами [3]. В настоящее время общее количество подобных заявлений, подача которых осуществляется в соответствующие судебные инстанции, существенно сократилось. Тем не менее, это количество до сих пор является достаточно значительным. Так, по состоянию на 2022 год их количество составило около 25000 [4].

На сегодняшний день развитие национального законодательства о банкротстве обусловлено значительными изменениями, вследствие чего необходимо отметить наличие многочисленных проблемных аспектов, непосредственно связанных с практической реализацией вышеуказанных законодательных положений. Всё это объясняется невозможностью формирования сложившейся правоприменительной практики под непосредственным влиянием слишком потенциальных законодательных изменений. При этом представляются наиболее важными различные вопросы, которые возникают при привлечении к рассматриваемой в настоящем исследовании ответственности контролирующих лиц (КДЛ), что в свою очередь косвенно подтверждается принятым в 2017 г. постановлением Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 [1].

Поэтому начало процесса привлечения к вышеуказанной ответственности обуславливает необходимость четкого выявления соответствующих потенциальных лиц. Тем самым, в анализируемом контексте необходимо обозначить основной проблемный аспект, заключающийся в необходимости четкого толкования термина «*контролирующее должника лицо*».

На сегодняшний день в нашей стране существует законодательное определение вышеуказанного понятия (ст. 61.10 ФЗ № 127). Соответственно,

не должно возникать совершенно никаких вопросов относительно толкования данного термина, который рассматривается с точки зрения наличия основных признаков отнесения определенного субъекта к категории КДЛ. Иными словами, это непосредственно формально-юридические признаки аффилированности, где в качестве соответствующего характерного примера можно привести участие в управлении компанией. Однако существует и другой признак, обязательность установления которого четко обозначена действующим законодательством нашей страны. В данном случае позиционируется необходимость наличия непосредственной связи должника с КДЛ. Другие признаки при этом, согласно вышеуказанному ФЗ № 127, не обозначаются.

Таким образом, важно акцентировать особое внимание непосредственно на том обстоятельстве, что на данном этапе фактически отсутствует соответствующий список признаков, позиционирующих определенного субъекта в качестве контролирующего лица. Именно поэтому присвоение подобного статуса может производиться относительно неограниченного круга лиц. Соответственно, на сегодняшний день представляется необходимым сформировать понятный и четкий перечень необходимых признаков с учетом его дальнейшего внесения в ст. 61.10 ФЗ № 127, что неизменно будет способствовать последующему законодательному закреплению всех ключевых признаков анализируемого в настоящем исследовании термина.

Среди соответствующих оснований привлечения к рассматриваемой в настоящем исследовании ответственности, на наш взгляд, в соответствии с действующим в настоящее время законодательством нашего государства (ст.ст. 61.11 и 61.12), представляется необходимым выделить, прежде всего, невозможность исполнения текущих кредитных обязательств по причине неправильных действий или бездействия контролирующего лица. Кроме того, здесь же необходимо указать отсутствие поступления в соответствующую судебную инстанцию необходимого заявления о банкротстве. Вторым немаловажным аспектом при этом является его несвоевременная подача в качестве соответствующего основания. Кроме того, на сегодняшний день существуют также и другие основания привлечения к вышеуказанной ответственности, среди которых можно обозначить наличие иных нарушений существующих законодательных требований.

Главным образом необходимым условием для возникновения рассматриваемой в настоящем исследовании ответственности в настоящее время непосредственно выступает недостаточность имущества должника для полноценного исполнения текущих финансовых обязательств.

Можно констатировать наличие различных изменений в судебной практике, непосредственно касающихся рассмотрения дел о субсидиарной ответственности, что в основном относится к необходимости обеспечения более объективного под-

хода судебных инстанций касательно имеющихся доводов контролирующих лиц по совершаемым действиям, которые позиционируются в качестве добросовестных. Однако при этом подобные действия не способствовали предотвращению банкротства хозяйствующего субъекта. При этом все необходимые действия со стороны вышеуказанного лица в данном случае были предприняты. Поэтому при наличии уважительных причин соответствующие судебные инстанции преимущественно исходят из возможности освобождения от анализируемой в настоящем исследовании ответственности. Подобный аспект представляется особо значимым.

Таким образом, в настоящее время судебные инстанции исходят из необходимости тщательного анализа всех осуществляемых сделок с аффилированными лицами, также при отсутствии факта оспаривания таковых со стороны конкурсного управляющего в момент процедуры банкротства. За счёт этого преимущественно привлечения к ответственности производится лишь фактических собственников коммерческой структуры, которые при этом отсутствуют в группе участников общества.

В качестве соответствующего характерного примера из судебной практики в данном случае можно привести Дело № А14–10218/2022, где судебная инстанция выявила отсутствие в материалах дела необходимых доказательств осуществления соответствующих сделок, непосредственно ориентированных на вывод активов должника в ущерб интересам кредиторов, как и признаков преднамеренной несостоятельности по вине директора данной компании. Также суд выявил отсутствие доказательств факта недобросовестности в действиях ответчиков, как непосредственно отсутствие необходимого комплекса условий, требуемых для привлечения к рассматриваемой в настоящем исследовании ответственности. Этим в свою очередь был обоснован последующий отказ в привлечении КДЛ к ответственности.

Еще одной проблемой, заслуживающей внимания, по нашему мнению, является *проблема распределения бремя доказывания в делах о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности*.

Так, из содержания ч. 2 ст. 61.11 Федерального закона № 127 следует, что изначально именно КДЛ признается виновным в невозможности должника полностью погасить долги перед кредиторами (другими словами, в данном случае действует презумпция его виновности). Соответственно, именно КДЛ вынуждено доказывать собственную невиновность.

Здесь, как представляется, следует учитывать тот факт, что кредитор (как и арбитражный управляющий) в сравнении с КДЛ располагают более обширными возможностями по ознакомлению с документами, касающимися деятельности должника (и, соответственно, потенциально располагают наибольшим объемом доказательств). Особенно ярко это проявляется в рамках конкурсного производства либо внешнего управления, поскольку

конкурсные и внешние управляющие приобретают полномочия руководителя должника, получая доступ к соответствующей документации.

Если же изучить содержание Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», можно увидеть, что в данном случае законодатель предлагает противоположный подход. В частности, из содержания ч. 3.1 ст. 3 вышеуказанного федерального закона следует, что бремя доказывания таких обстоятельств как недобросовестность (или неразумность) действий КДЛ лежит на кредиторе. Соответственно, в данном случае можно говорить о действии в отношении контролирующего должника лица презумпции невиновности несмотря на то, что у кредитора в такой ситуации практически отсутствует возможность ознакомиться с необходимыми доказательствами, в качестве которых, как правило, выступают первичные бухгалтерские документы должника и различные договоры. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о том, что именно недоказанность вины КДЛ зачастую становится основанием для отказа в иске.

Важно отметить, что в настоящее время следует акцентировать особое внимание на необходимости осуществления существенных корректировок действующего законодательства нашего государства касательно надлежащие урегулирования многочисленных аспектов привлечения к рассмотрению хозяйствующих субъектов при их несостоятельности, что обуславливает важность обращения судебных инстанций к содержанию решений КС РФ и ВС РФ, имеющих огромную значимость относительно регулирования общественных отношений в анализируемой области.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4815.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
5. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // Адвокат. 2016. N 9. С. 5–13.
6. Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия. 2015. N 7.
7. Разумов И.В. Необходимо найти разумный компромисс между прокредиторским и продолжниковым подходом в судебной процедуре банкротства // Судья. 2016. N 7. С. 4–9.

ATTRACTING A CONTROLLED DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY

Chetverikov A.M.

Moscow University of Finance and Law

Most economic agents operating in the goods and services market today often face the need to prevent negative events that can lead to undesirable consequences, including the inability to fulfill current loan obligations. In this context, it is advisable to consider the subsidiary liability of individuals who control the debtor, which is a rapidly developing legal institution in the field of insolvency (bankruptcy). Currently, judicial authorities are focused on carefully analyzing all transactions involving affiliated parties, even if they are not contested by the bankruptcy administrator during the bankruptcy proceedings. Due to this, liability is primarily imposed on the actual owners of the commercial structure, who are not included in the group of company members.

Keywords: bankruptcy, insolvency, subsidiary liability, tort liability, controlling persons.

References

1. Federal Law No. 127 “On Insolvency (Bankruptcy)” dated 26.10.2002 (as amended on 04.08.2023) // Collection of Laws of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
2. Federal Law No. 266-FZ dated July 29, 2017, “On Amendments to the Federal Law on Insolvency (Bankruptcy) and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 31 (Part I). – Article 4815.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
4. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on March 18, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
5. Gutnikov O.V. Subsidiary liability in the legislation on legal entities: the need for reforms // Advokat. 2016. N 9. Pp. 5–13.
6. Pokrovsky S.S. Subsidiary Liability: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement // Bulletin of Economic Justice. 2015. N 7.
7. Razumov I.V. It is necessary to find a reasonable compromise between the pro-creditor and pro-debtor approach in the judicial bankruptcy procedure // Judge. 2016. N 7. Pp. 4–9.

Правовое регулирование компаний с государственным участием в Законе о компаниях КНР

Чжао Лэ,

E-mail: le.zhao@yandex.ru

Закон о компаниях КНР в новой редакции предусматривает отдельную главу, регулирующую правовое положение компаний с государственным участием, которая знаменует собой трансформацию способа регулирования деятельности компаний с государственным участием от продвижения политики к законодательному регулированию. Компании с государственным участием как один из видов коммерческих компаний в Китае включают в себя государственные унитарные компании и государственные холдинговые компании, их понятие, правовые признаки, структуру организации и деятельности и отличаются от правового положения хозяйственных обществ с государственным участием в России. В статье проведено исследование правового положения компаний с государственным участием в Китае, которое будет способствовать обмену полезным законодательным опытом между двумя странами.

Ключевые слова: Компании с государственным участием в Китае, хозяйственные общества с государственным участием в России, понятие и правовые признаки и виды компаний с государственным участием.

Компании с государственным участием, выступая инструментом реализации государственных стратегий и задач, несут национальную миссию и социальную ответственность, выходящие за рамки получения коммерческих прибылей, и обслуживают национальные и общественные интересы. Особенность их учредителя определяет необходимость нахождения баланса между достижением экономической эффективности и выполнением социальных задач, возложенных государством. Правовой статус компаний с государственным участием в Китае установлен с принятием первого современного Закона о компаниях КНР 1993 г. «Компании с государственным участием в Китае в последние два десятилетия прошли через ряд последовательных рыночно-оптимизационных реформ, в результате которых оформились некоторые значимые элементы корпоративных структур «западного» типа». В КНР компании с государственным участием рассматриваются в качестве «руководящей силы национальной экономики», а также «ключевым звеном в реформировании экономической системы»¹.

Понятие и правовые признаки компаний с государственным участием в Китае предусмотрены в Законе о компаниях КНР в новой редакции, вступившем в силу с 1 июля 2024 года. Основные изменения правового регулирования в Законе о компаниях КНР сосредоточены на закреплении правового статуса партийных организаций коммунистической партии Китая (КПК) в структуре управления в компаниях с государственным участием, требования к полноте их уставов и выяснение понятия и признаков компаний с государственным участием в Китае на законодательном уровне. До введения в действие Закона о компаниях КНР в новой редакции правовое положение компаний с государственным участием в основном регулировалось Временными положениями о контроле и управлении государственными активами предприятий КНР (2003 г.)² и Законом о государственных активах предприятий КНР (2008 г.)³,

¹ М. Глотова. Роль китайских государственных компаний в инновационной политике КНР. № 1(40), 2017. Мировое и национальное хозяйство. <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-01/State-owned-enterprises-in-chines-national-innovation-policy> (дата обращения: 02.08.2025).

² 《企业国有资产监督管理暂行条例》，《企业国有资产监督管理暂行条例》是为了建立适应社会主义市场经济需要的国有资产监督管理体制，进一步搞好国有企业，推动国有经济布局和结构的战略性调整，发展和壮大国有经济，实现国有资产保值增值而制定的行政法规。自2003年5月27日起施行。

³ 《企业国有资产法》，《企业国有资产法》是为了维护国家基本经济制度，巩固和发展国有经济，加强对国有资产的保护，发挥国有经济在国民经济中的主导作用，促进社会主义市场

а также принятой государством политикой, например, часть реформы компаний с государственным участием «Общей схемы 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики на период 2016–2020 годов»¹. Компании с государственным участием в Китае признаны в КНР «руководящей силой национальной экономики» и «ключевым звеном в реформировании экономической системы»². Принятие «Закона о компаниях КНР» в новой редакции знаменует переход реформы компаний с государственным участием от политического стимулирования к этапу углубления их законодательного регулирования.

Понятие и правовые признаки компаний с государственным участием в Законе о компаниях КНР

Понятие и правовые признаки компаний с государственным участием в Китае были установлены в Законе о компаниях КНР. Согласно ст. 168 Закона о компаниях КНР, к компаниям с государственным участием относятся государственные унитарные компании и государственные холдинговые компании, созданные в форме компаний с ограниченной ответственностью (далее по тексту – КОО) или акционерных компаний с ограниченной ответственностью (далее по тексту – АКОО).

Под государственной унитарной компанией понимается компания с ограниченной ответственностью, которая финансируется исключительно государством и обязанности государства выполняет Государственный комитет по управлению государственными активами (далее по тексту – ГКУГА), уполномоченное Государственным советом или местным народным правительством³. Под государственной холдинговой компанией понимается компания, в которой государство как участник (акционер) владеет долей (акции) в капитале и обладает фактическим контрольным местом. Конкретно это включает два случая: в компании государство прямо или косвенно владеет более 50% долей (акций); хотя доля долей (акций) не превышает 50%, государство фактически управляет хозяйственной

экономикой и развитием. 由第十一届全国人民代表大会常务委员会第五次会议于2008年10月28日通过，自2009年5月1日起施行。

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要，简称“十三五”规划（2016 - 2020年），规划纲要依据《中共中央关于制定国民经济和社会发展第十三个五年规划的建议》编制，主要阐明国家战略意图，明确政府工作重点，引导市场主体行为，其中包括国有企业改革的重要规划。

² Серебряков К.Д. Специфика госкорпоративного сектора экономики Китая и Этапы формирования структуры лоббирования интересов сырьевых компаний // Русская политология. 2021. № 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-goskorporativnogo-sektora-ekonomiki-kitaya-i-etapy-formirovaniya-struktury-lobbirovaniya-interesov-syrievyh-kompaniy> (дата обращения: 02.08.2025).

³ 国有独资公司的概念. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E6%9C%89%E7%8B%AC%E8%B5%84?fromtitle=%E5%9B%BD%E6%9C%89%E7%8B%AC%E8%B5%84%E5%85%AC%E5%8F%B8&fromid=2339103&fromModule=lemma_search-box (дата обращения: 10.09.2025)

деятельностью через корпоративный договор, решения совета директоров и другие способы⁴.

Исходя из определения государственной унитарной компании и государственной холдинговой компании как компании с государственным участием, правовые признаки их в основном включают в себя следующие:

Во-первых, в состав учредителей компаний с государственным участием в Китае входит государство. Ст. 168 Закона о компаниях КНР определяет компанию с государственным капиталом как «государственно-инвестированную компанию», что является ключевым признаком её понятия. В сочетании со ст. 169 Закона о компаниях КНР ГКУГА представляют государство при осуществлении прав акционера (участника);

Во-вторых, структура капитала компаний с государственным участием отличается от обычных коммерческих компаний. Наличие государственного капитала в уставном капитале компаний не означает, что данные компании относятся к компаниям с государственным участием. Закон о компаниях КНР дополнительно предусматривает, что компания может быть классифицирована как государственная только в том случае, если государство является единственным акционером (участником) компаний с государственным участием, либо государство занимает руководящую позицию в компаниях посредством прямых или косвенных вкладов, что позволяет государству напрямую контролировать крупные решения и хозяйственную деятельность компаний;

В-третьих, компании с государственным участием создаются в форме КОО или АКОО и не могут создавать компании с государственным участием в других организационно-правовых формах. Создание государственных унитарных компаний отличается от создания государственных холдинговых компаний, которое должно быть одобрено и утверждено ГКУГА, а государственные холдинговые компании создаются в общем предусмотренном порядке;

В-четвёртых, партийная организация КПК расшифровать в структуре корпоративного управления в компаниях с государственным участием занимает руководящее место. В структуре корпоративного управления компаний с государственным участием обсуждение и исследование партийной организацией служат предпосылкой для принятия решений, чтобы обеспечить партийной организации КПК руководить деятельностью компаний с государственным участием;

Правовой статус партийных организаций КПК в структуре корпоративного управления компаний с государственным участием закрепляется в Законе о компаниях КНР

Правовой статус партийных организаций КПК в структуре корпоративного управления компаний

⁴ 国有控股公司的概念. [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%9B%BD%E6%9C%89%E6%8E%A7%E8%82%A1%E5%85%AC%E5%8F%B8/794283> (дата обращения: 10.09.2025)

с государственным участием закрепляется согласно положениям в Законе о компаниях КНР 2023 г. Ст. 170 Закона о компаниях КНР предусматривает, что «партийные организации КПК в компаниях с государственным участием, в соответствии с Уставом КПК, играют руководящую роль, изучают и обсуждают важные вопросы управления и операционной деятельности компаний с государственным участием, поддерживают осуществление полномочий органами управления компаний в соответствии с законом». Данная статья закрепляет руководящую роль и функции партийных организаций КПК в компаниях с государственным участием, обеспечивая правовую основу для деятельности КПК в компаниях с государственным участием. Важные решения компаний, а также важные кадровые назначения и увольнения должны изучаться и обсуждаться партийной организацией КПК до принятия решений советом директоров или генеральным директором. Кроме того, в ст. 9 «Правил управления уставов компаний с государственным участием (《国有企业公司章程制定管理办法》)»¹, введенных в действие 31 декабря 2020 года, были установлены конкретные положения и требования к разделу о партийных организациях КПК в уставах компаний с государственным участием. Партийные организации КПК выполняют роль политической руководящей позиции в такого рода компаниях, гарантируют соответствие курса и стратегии развития компаний с государственным участием требованиям политики КПК. Кроме того, ведение обсуждения партийной организацией КПК при рассмотрении дела таких компаний является обязательной процедурой, предшествующей принятию решений советом директоров или генеральным директором по важным вопросам, что способствует формированию единой позиции до принятия решения и повышает саму эффективность решения.

Особые требования Закона о компаниях КНР к уставам компаний с государственным участием

В отличие от государственных холдинговых компаний и других коммерческих компаний в Китае, устав государственной унитарной компании разрабатывается ГКУГА. Кроме этого, Закон о компаниях КНР устанавливает следующие специальные требования к уставам государственных унитарных компаний:

Во-первых, в уставе необходимо четко предусматривать правовой статус партийной организации КПК в структуре корпоративного управления в компаниях с государственным участием. В отношении «предварительного изучения и обсуждения» важных вопросов управления, таких как немаловажные решения хозяйственной деятельности компаний, назначения и освобождения от должности ответственных лиц, которые должны пройти

процедуру исследования и обсуждения партийной организацией КПК, после чего решения исполняются советом директоров или генеральным директором. В компаниях с государственным участием партийные организации КПК органично интегрируются в структуру корпоративного управления;

Во-вторых, устав компаний с государственным участием должен предусматривать процедуру принятия решений по важнейшим вопросам, такие как реорганизация путем слияния или разделения, ликвидация, подача заявления о банкротстве и иные, подлежащие утверждению ГКУГА (статья 169 Закона о компаниях КНР). Кроме этого, разработка и утверждение устава государственной унитарной компании осуществляется ГКУГА (статья 148 Закона о компаниях КНР). Государственные унитарные компании в Китае обязаны строго соблюдать Закон о компаниях КНР и правила управления государственными активами, чтобы избежать правовых рисков, возникающих из-за недочетов в их уставах. После вступления устава компании в силу он подлежит обязательной регистрации в ГКУГА, причем существенные изменения требуют повторного утверждения ГКУГА.

Особенности структуры управления в компаниях с государственным участием в Китае

Особая структура капитала компаний с государственным участием обуславливает отличие их структур корпоративного управления от структур управления в обычных коммерческих компаниях. Закон о компаниях КНР устанавливает императивные правила для управления в компаниях с государственным участием, которые в основном включают в себя следующие аспекты:

Во-первых, изучение и обсуждение партийной организации КПК является обязательным предшествующим этапом процедуры принятия решений по крупной деятельности высшим органом управления в компаниях с государственным участием. По статье 170 Закона о компаниях КНР обсуждение партийной организации КПК является предварительной процедурой перед принятием решений органами управления в компаниях;

Во-вторых, в государственных унитарных компаниях не создается общее собрание участников (акционеров). Согласно статье 172 Закона о компаниях КНР, в государственных унитарных компаниях не создается собрание участников (акционеров). Вместо общего собрания акционеров (участников) его функции исполняет ГКУГА. Причем ГКУГА может уполномочить совету директоров часть своих полномочий, но решения о составлении и изменении устава, слиянии, разделении, ликвидации, подаче заявления о банкротстве, увеличении или уменьшении уставного капитала и распределении прибыли должны приниматься ГКУГА;

В-третьих, в государственных унитарных компаниях создан аудиторский комитет при совете директоров, осуществляющий функции ревизионной комиссии (ревизора) компаний, которые исполня-

¹ 《国有企业公司章程制定管理办法》旨在深入贯彻习近平新时代中国特色社会主义思想 and 坚持和加强党的全面领导，建设中国特色现代企业制度及充分发挥公司章程在公司治理中的基础作用，规范公司章程管理行为；由国务院国资委、财政部制定，2020年12月31日印发，共四十条，自公布之日起施行。

ют роль мониторинга деятельности компаний с государственным участием, а ревизионная комиссия или ревизор не создаются в государственных унитарных компаниях;

В-четвертых, в совете директоров компаний с государственным участием обязательно вводятся внешние директора. Более половины членов совета директоров государственных унитарных компаний являются внешними директорами, причем в его состав обязательно включаются представители трудового коллектива компаний. Члены высшего руководящего персонала государственных унитарных компаний назначаются и освобождаются от должности ГКУГА.

Различия в правовом положении компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием в России и Китае

Хозяйственные общества с государственным участием в России и компании с государственным участием, как отдельный вид коммерческих организаций, обладают специальными правовыми статусами, обусловленные особенностями их структуры капитала. Ввиду разной модели законодательства и фона реформы компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием существуют некоторые различия между компаниями с государственным участием в Китае и хозяйственными обществами с государственным участием в России.

Во-первых, модели законодательного регулирования компаний с государственным участием в Китае и хозяйственных обществ с государственным участием в России различаются. В России законодательное регулирование таких обществ децентрализовано и реализуется через различные нормативные правовые акты. В Китае компании с государственным участием регулируются единым законодательством – седьмой главой Закона о компаниях КНР;

Во-вторых, понятие и правовые признаки компаний с государственным участием в Китае и хозяйственных обществ с государственным участием в России различаются. Для обеих стран характерно, что они создаются в форме ООО (КОО) и АО (АКОО), но их конкретные виды классифицируются по-разному. В России виды таких обществ включают в себя хозяйственные общества со 100% государственным участием, хозяйственные общества со смешанным (государственным и частным) капиталом и хозяйственные общества со специальным правом на участие в управлении. А в Китае они включают в себя государственные унитарные компании и государственные холдинговые компании;

В-третьих, государство, являясь акционером (участником) компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием в Китае и России, контролирует и управляет их деятельностью по-разному. В хозяйственных обществах со специальным правом на участие в управлении государство контролирует их через систему «золотых акций», тог-

да как в компаниях с государственным участием в Китае государство осуществляет контроль через систему «предварительного исследования и обсуждения партийной организацией КПК».

Посредством сравнительного исследования правового положения компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием в России и Китае и выявления их различий, корпоративное законодательство двух стран может заимствовать полезный опыт друг друга по правовому положению компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием. Правовое положение компаний (хозяйственных обществ) с государственным участием в Китае и России различается в связи с различиями в моделях законодательного регулирования и способах реформы государственных корпораций. Закон о компаниях КНР знаменует переход реформы компании с государственным участием от политического стимулирования к этапу углубления правового регулирования. В Законе о компаниях КНР предусмотрена отдельная глава, посвященная системе компаний с государственным участием в Китае, которая тоже обеспечивает новую правовую основу для легитимности и стандартизации компаний с государственным участием, открывает новый путь для модернизации их структуры управления, модели управления и возможностей государственного регулирования и, таким образом, становится важной правовой основой для совершенствования современной системы компаний с государственным участием¹. А ученый Ван Цинсун, придерживающийся противоположной точки зрения, считает, что Закон о компаниях КНР предусматривает отдельную главу для регулирования правового положения компаний с государственным участием, что затрудняет эффективное управление и контроль за деятельностью компаний с государственным участием. Для них следует разработать комплекс специальных систем или правовых норм, подходящих для контроля за государственными активами и управления компаниями с государственным участием. Таким образом, следует исключить из Закона о компаниях КНР отдельную главу и разработать специальный Закон о компаниях с государственным участием или Закон о унитарных (холдинговых) компаниях с государственным участием².

В отличие от других компаний, компаниям с государственным участием в процессе оптимизации структуры корпоративного управления следует уделять особое внимание таким практическим вызовам, как разграничение полномочий и ответственности между партийной организацией КПК, органом управления и исполнительным органом, чтобы найти баланс между достижением экономической эффективности в процессе рыночной деятельности и выполнением специальных задач, возложенных государством.

¹ 汪青松. 国家出资公司的范畴厘定与实践价值. 《国家检察官学院学报》2025年第1期. 第47–58页.

² 肖海军, 李理. 国家出资公司立法的路径选择与体系架构. 财经理论与实践, 2025, 46 (02): 153–160.

Литература

1. Серебряков К.Д. Специфика госкорпоративного сектора экономики Китая и Этапы формирования структуры лоббирования интересов сырьевых компаний // Русская политология. 2021. № 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-goskorporativnogo-sektora-ekonomiki-kitaya-i-etapy-formirovaniya-struktury-lobbirovaniya-interesov-syrievyh-kompaniy>.
2. М. Глотова. Роль китайских государственных компаний в инновационной политике КНР. № 1(40), 2017. Мировое и национальное хозяйство. <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-01/State-owned-enterprises-in-chines-national-innovation-policy>.
3. 汪青松. 国家出资公司的范畴厘定与实践价值. 《国家检察官学院学报》2025年第1期. 第47–58页.
4. 肖海军, 李理. 国家出资公司立法的路径选择与体系架构. 财经理论与实践, 2025, 46(02):153–160.

LEGAL REGULATION OF COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION IN THE COMPANY LAW OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Zhao Le

The Law on Companies of the People's Republic of China in the new edition provides for a separate chapter regulating the legal status of

companies with state participation, which marks the transformation of the method of regulating the activities of companies with state participation from promoting policy to legislative regulation. Companies with state participation as one of the types of commercial companies in China include state unitary companies and state holding companies, their concept, legal characteristics, organizational structure and activities and differ from the legal status of business entities with state participation in Russia. The article conducts a study of the legal status of companies with state participation in China, which will facilitate the exchange of useful legislative experience between the two countries.

Keywords: Companies with state participation in China, business entities with state participation in Russia, concept and legal characteristics and types of companies with state participation

References

1. Serebryakov K.D. Specifics of the state-corporate sector of the Chinese economy and the stages of forming a lobbying structure for the interests of raw materials companies // Russian Political Science. 2021. No. 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-goskorporativnogo-sektora-ekonomiki-kitaya-i-etapy-formirovaniya-struktury-lobbirovaniya-interesov-syrievyh-kompaniy>.
2. M. Glotova. The role of Chinese state-owned companies in China's innovation policy. No. 1 (40), 2017. World and national economy. <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-01/State-owned-enterprises-in-chines-national-innovation-policy>.
3. 汪青松. 国家出资公司的范畴厘定与实践价值. 《国家检察官学院学报》2025年第1期. 第47–58页.
4. 肖海军, 李理. 国家出资公司立法的路径选择与体系架构. 财经理论与实践, 2025, 46(02):153–160.

Разрешение проблем в применении норм процессуального права с использованием особенностей криминалистики при определении территориальности для разрешения проблем законопослушных лиц

Арзамасов Владислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного университета геодезии и картографии
E-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

Бурмистров Игорь Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденция» Российского университета кооперации
E-mail: bia962@yandex.ru

Голиков Олег Владиславович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Юриспруденция» Российского университета кооперации
E-mail: o.golikov@mail.ru

Авторы статьи на основе анализа норм законодательства Российской Федерации, судебной практики и позиций исследователей выявляет проблемы, связанные с практическим применением правил определения родовой и территориальной подсудности в судопроизводстве, и предлагает возможные пути их решения.

Сущность данной работы заключается в определении динамики правонарушений и необходимости адаптации законодательства к современным реалиям государства и общества.

Теоретической основой исследования послужили научные работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам применения норм процессуального права. Данные исследования обобщают значительный массив данных судебной практики и статистики, помогая в формулировании предложений по развитию и совершенствованию законодательства, а также профилактических мер для пресечения развития правонарушений.

Проведён криминологический анализ судебной практики и статистики, действия институтов административной и уголовной ответственности, а также проанализированы их данные.

В ходе работы определена динамика преступности, а также природа данных преступлений, названы проблемы в осуществлении превентивных мер и намечены пути их решения.

В свете увеличения правовых испытаний, особенно в области процессуального права, становится очевидной необходимость укрепления законодательной основы путём сотрудничества между государственными органами и независимыми аналитическими институтами. Это требует принятия интегрированных подходов к анализу законодательства, которые охватывают как внешние, так и внутренние аспекты и дополняются криминологическими исследованиями, направленными на обновление и укрепление доверия к правовой системе.

Параллельно, акцентируется важность осуществления законоположительных улучшений, включая разработку новых и пересмотр старых законов, что направлено на разрешение противоречий в процедурах расследования преступлений и ужесточение мер наказания для правонарушителей. Не менее важной является разработка и реализация широкомасштабных профилактических мер и программ поддержки жертв. В рамках эффективной борьбы с преступностью важно осуществлять междисциплинарную интеграцию, включая уголовное право, криминологию и социальные службы, для синхронизации их действий.

Ключевые слова: участники процесса, подсудность, потребитель, место жительства, прецедент, процессуальное законодательство.

Правовая природа закрепляет одну из гарантий разрешения проблем, возникающих у законопослушных граждан, будь то гражданские, административные или уголовные правонарушения являются правила подсудности (подследственности) как ведомственной, так и территориальной.

Статья 2 Конституции РФ, предусматривает, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». При этом, в части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации закреплено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом¹.

Наиболее надёжно этот вопрос решается Законом о защите прав потребителей. Так, ч. 2, п. 2 ст. 17 этого закона указывает, что Иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту жительства или пребывания истца, при этом п. 3 данной статьи освобождает истца от уплаты госпошлины².

В остальных случаях, если истец не относится как участник процесса к потребителям, иск с учётом ГПК РФ рассматривается по месту нахождения ответчика. Естественно для истца это зачастую создаёт определённые неудобства и дискомфорт.

Исследованием данного вопроса занимались многие правоведы, такие как Вилик О.И., Гриценко Д.В., Мусиенко Т.В., Мещерякова А.Ф., Сизов В.А., А.В. Лошкарев, А.Д. Михайлова; Парфёнов А. и др.³.

¹ Мусиенко Т.В., Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве № 2, 2015, С. 236

² Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/e38dd0dc96d081c4325d34a3d2a1cd-3d037e7fec/

³ Вилик О. И., «О проблеме разграничения подведомственности дел об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов между судами общей юрисдикции и арбитражными судами» // ЧЕТВЕРТЫЙ арбитражный апелляционный суд, 24.04.2013 11:02 Обновлено: 04.12.2013 09:49, <https://4aas.arbitr.ru/material/60332>; Мусиенко Т.В., Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве № 2, 2015; Д.В. Гриценко. Актуальные проблемы определения прокурором подследственности уголовных дел // Прокурор в системе уголовного судопроизводства, Вестник ВГУ, серия право, 2021, № 4; Актуальные вопросы отнесения дел к подведомственности и подсудности арбитражных судов / А.Ф. Мещерякова, В.А. Сизов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Об-

При этом большая часть правоведов не уделяла внимания территориальности, в частности связанной административно-территориальными границами ведомств и подразделений ведомств.

Вопросы связанные, с практическим применением норм права создаёт прецеденты, на базе которых в конечном итоге Пленумы Верховного суда формируют разъяснения, как следует толковать и применять те или иные нормативные акты и их нормы. И хотя Россия относится не к англосаксонской системе права, а романно-германской и судебные прецеденты не являются источниками права, но с учётом действующего законодательства и практики все суды, практические работники обязательно руководствуются разъяснениями Пленумов Верховного суда РФ.

Так, например, В конце декабря 2013 года было скорректировано Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Постановление)¹.

Помимо чисто технических изменений, связанных с тем, что законодательство с момента принятия постановления ушло вперед, документ дополнен рядом разъяснений, которые могут быть полезны всем участникам производства по делам об административных правонарушениях.

Разъяснен вопрос об определении территориальной подсудности дел об административных правонарушениях, объективная сторона которых выражается в бездействии в виде **неисполнения установленной правовым актом обязанности**. В таких случаях необходимо исходить из места жительства физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, места исполнения должностным лицом своих обязанностей либо места нахождения юридического лица, определяемого в соответствии со ст. 54 ГК РФ.

Однако подсудность дел об административных правонарушениях, возбужденных в отношении юридических лиц по результатам проверки их филиалов, **определяется местом нахождения филиалов**, в деятельности которых соответствующие нарушения были выявлены и должны быть устранены (абз. 3 пп. «з» п. 3 Постановления). При этом КоАП РФ не предусматривает возможность передачи дела для рассмотрения по месту нахо-

жественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 102–110; А.В. Лошкарёв, А.Д. Михайлова, Проблемы определения родовой и территориальной подсудности // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 5–3 (68), (Международный журнал гуманитарных и естественных наук) <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-opredeleniya-rodovoy-i-territorialnoy-podsudnosti> 2022 С. 103–105; А. Парфёнов. Актуальные вопросы подсудности дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам // Адвокатская палата Воронежской области // https://advpalata.vrn.ru/blogi/aktualnye_voprosy_podsudnosti_del_sudam_obwej_yurisdikcii_i_arbitrazhnyh_sudam/ 07.12.2020

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

ждения юридического лица **в случае поступления такого ходатайства от его законного представителя (защитника)** (абз. 4 пп. «з» п. 3 Постановления).

Также подчеркивается, что лицо, подающее ходатайство о рассмотрении дела по месту его жительства, **не обязано указывать причины, по которым оно просит об этом** и представлять доказательства, подтверждающие уважительность таких причин, так как это не предусмотрено КоАП РФ. Однако судья вправе отказать в удовлетворении ходатайства указанного лица с учетом конкретных обстоятельств дела, если это необходимо для обеспечения баланса прав всех участников производства по делу об административном правонарушении или защиты публичных интересов. К таким случаям, в частности, относятся:

- **возражение потерпевшего**, обладающего процессуальными правами, аналогичными правам лица, в отношении которого ведется производство по делу, привлечение которого к участию в деле является обязательным. Удовлетворение ходатайства о рассмотрении дела по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, о рассмотрении дела по месту его жительства в данном случае может повлечь нарушение права потерпевшего на судебную защиту;
- **недобросовестное пользование своими процессуальными правами** лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. В частности, речь идет о последовательном заявлении ходатайств об отложении рассмотрения дела об административном правонарушении по различным основаниям, а впоследствии – о рассмотрении дела об административном правонарушении по месту жительства;
- возбуждение в отношении лица дела об административном правонарушении, санкция за совершение которого **предусматривает назначение наказания в виде административного ареста или административного выдворения**. Из положений ч. 3 ст. 25.1, ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ следует, что такие дела должны рассматриваться в день получения протокола об административном правонарушении и с обязательным присутствием лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

В определении об отказе в удовлетворении названного выше ходатайства должны быть приведены основания, которые препятствуют рассмотрению дела по месту жительства лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (см. абз. 5–10 пп. «з» п. 3 Постановления).

«Таким образом, закреплён дополнительный элемент защиты от произвольного отказа в удовлетворении ходатайства», – комментирует описан-

ные изменения адвокат Московской коллегии адвокатов «Юстиция» Александр Дасаев¹.

Также Пленумом ВС РФ разъяснен порядок определения территориальной подсудности дел об административных правонарушениях, по которым административное расследование проводилось должностным лицом структурного подразделения территориального органа федерального органа исполнительной власти (межрайонного отдела, межрайонного отделения, отдела, подразделения, территориального пункта и т.п.). В таком случае, исходя из положений ч. 2 ст. 29.5 КоАП РФ дело подлежит рассмотрению **судей районного суда по месту нахождения структурного подразделения**, проводившего административное расследование (абз. 13 пп. «з» п. 3 Постановления).

Территориальная подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные должностными лицами, должна определяться **местом совершения правонарушения, а не местом нахождения соответствующего органа**. Аналогичный порядок применяется при определении территориальной подсудности рассмотрения жалоб на решения вышестоящих должностных лиц, вынесенные в порядке, предусмотренном (абз 2 п. 30 Постановления)².

Вопросы, связанные с защитой прав потерпевших от преступлений УПК РФ обязывает рассматривать по месту совершения преступного деяния³.

Кроме того, в интересах потерпевшего, законодатель в п.п. 4.1 п. 4 ст. 152 УПК РФ предусмотрел, что: «Если преступление совершено вне пределов Российской Федерации, уголовное дело расследуется по основаниям, предусмотренным статьей 12 Уголовного кодекса Российской Федерации, или в соответствии со статьей 459 Уголовного кодекса Российской Федерации по месту жительства или месту пребывания потерпевшего в Российской Федерации, либо по месту нахождения большинства свидетелей, либо по месту жительства или месту пребывания обвиняемого в Российской Федерации, если потерпевший проживает или пребывает вне пределов Российской Федерации, либо по месту, определенному Председателем Следственного комитета Российской Федерации, при условии, что преступление совершено иностранным гражданином или лицом без гражданства, не проживающими постоянно в Российской Федерации, и направлено против интересов Российской Федерации»⁴.

¹ Антон Филимонов, Уточненные разъяснения Пленума ВС РФ о порядке применения судами КоАП РФ // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал 24 января 2014/ 18 июня 2025

² Антон Филимонов, Уточненные разъяснения Пленума ВС РФ о порядке применения судами КоАП РФ // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал 24 января 2014/ 18 июня 2025

³ П. 1 ст. 152 УПК РФ «Место производства предварительного расследования» – «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d6e962ff81d84c6156b698e727ac823ebf7c3332/

⁴ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025), https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d6e962ff81d84c6156b698e727ac823ebf7c3332/

Но, для сотрудников занимающихся расследованием преступлений возникают определённые особенности и в первую очередь связанные с административно-территориальными границами.

Это в свою очередь затрагивает и интересы участников процесса, в связи со спорностью того, кто именно, какое ведомство, в том числе должностные лица вышестоящего или нижестоящего ведомства должны заниматься расследованием.

В связи с чем, при разрешении спора по этому поводу обращаются к прокурору. А он уже фактически по своему усмотрению определяет, какие сотрудники, какого ведомства должны будут принять дело к своему производству.

На наш взгляд, все нормативные акты, регламентирующие подведомственность и территориальность рассмотрения правовых проблем между лицами как физическими, так и юридическими, должны предусмотреть, что:

1. Должны применяться по аналогии с Законом о защите прав потребителей.

2. При установлении факта того, что деяние, а зачастую деяния произошли в разных местах административно-территориального деления, то их рассмотрение должны рассматриваться вышестоящей инстанцией соответствующего ведомства. Если же ведомства разные и по подследственности относятся к разным ведомствам (МВД, ФСБ, СК), то межведомственной надзорной инстанцией на уровне города, района, субъекта Федерации, должностным лицом межведомственной надзорной инстанции Российской Федерации. В данном случае к межведомственной организацией осуществляющей надзору за соблюдением законности является на наш взгляд прокуратура. В связи с этим необходимо вернуть право прокурору возбуждать уголовные дела и расследовать их.

Так, если были совершены преступления одним лицом или одной группой лиц в нескольких (двух и более) соседних районах населённого пункта, то расследовать это преступление (ия) должно подразделение, в состав которого входят подразделения, на территории которых были совершены отмеченные деяния.

Аналогично должны рассматриваться и административные правонарушения. Например, были совершены кражи одним лицом или группой лиц в Северном Медвеково, Южном Медвеково и Биберево г. Москвы. В такой ситуации такое преступление должно расследовать подразделение УВД СВАО г. Москвы. Если преступления совершены на территории УВД СВАО и УВД ВАО или САО, либо и других УВД г. Москвы, то подобное преступление должно расследоваться следователями ГСУ г. Москвы.

А если преступление совершено на территории разных субъектов федерации, то это преступление должен расследовать федеральный орган предварительного расследования. При этом возможно формирование следственной бригады, но руково-

www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d6e962ff81d84c6156b698e727ac823ebf7c3332/

дителем такой следственной бригады и большее количество следователей должны быть сотрудники федерального следственного подразделения.

Если же решать вопросы международного уровня при совершении преступлений транснациональной преступности, то здесь подобный уровень подследственности на наш взгляд, должен решать с учётом того следственного подразделения, чьё государство на момент расследования преступления является председательствующим.

Также возможно на наш взгляд, заключить подобное международное соглашение и со странами, входящими в БРИКС. Все эти проблемы должны на наш взгляд, аналогично разрешаться по административным, гражданским и арбитражным делам.

Это исключит волокиту, излишний бюрократизм и ускорит разрешение проблем, возникающих у законопослушных лиц.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025) ГПК РФ;
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
4. Виляк О. И., «О проблеме разграничения подведомственности дел об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов между судами общей юрисдикции и арбитражными судами» // ЧЕТВЕРТЫЙ арбитражный апелляционный суд, 24.04.2013 11:02 Обновлено: 04.12.2013 09:49, <https://4aas.arbitr.ru/material/60332>;
5. Гриценко Д. В., Актуальные проблемы определения прокурором подследственности уголовных дел //Прокурор в системе уголовного судопроизводства, Вестник ВГУ, серия право, 2021, № 4;
6. Лошкарев А.В., Михайлова А.Д., Проблемы определения родовой и территориальной подсудности // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 5–3 (68),(Международный журнал гуманитарных и естественных наук) <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-rodovoy-i-territorialnoy-podsudnosti>

opredeleniya-rodovoy-i-territorialnoy-podsudnosti 2022 С. 103–105;

7. Махмутов М.В. Разрешение спора о передаче сообщения о преступлении по подследственности // Законность. 2021 № 6 С. 48
8. Мещерякова А. Ф., Сизов В.А. Актуальные вопросы отнесения дел к подведомственности и подсудности арбитражных судов / А.Ф. Мещерякова, В.А. Сизов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 102–110;
9. Мусиенко Т.В., Правила определения территориальной подсудности уголовного дела как гарантия компетентного суда // Пробелы в российском законодательстве № 2, 2015;
10. Парфёнов А. Актуальные вопросы подсудности дел судам общей юрисдикции и арбитражным судам // Адвокатская палата Воронежской области https://advpalata.vrn.ru/blogi/aktualnye_voprosy_podsudnosti_del_sudam_obwej_yurisdikcii_i_arbitrazhnyh_sudam/ 07.12.2020

RESOLVING PROBLEMS IN THE APPLICATION OF PROCEDURAL LAW USING THE SPECIFICS OF FORENSIC SCIENCE IN DETERMINING TERRITORIALITY FOR RESOLVING THE PROBLEMS OF LAW-ABIDING PERSONS

Arzamasov V.Yu., Burmistrov I.A., Golikov O.V.

Moscow State University of Geodesy and Cartography; Russian University of Cooperation

Based on an analysis of Russian Federation legislation, judicial practice, and research positions, the authors of this article identify problems associated with the practical application of rules for determining generic and territorial jurisdiction in legal proceedings and propose possible solutions.

The purpose of this work is to determine the dynamics of offenses and the need to adapt legislation to the modern realities of the state and society.

The theoretical basis of the study is based on the work of Russian and international authors on the application of procedural law. These studies summarize a significant body of judicial practice and statistical data, assisting in the formulation of proposals for the development and improvement of legislation, as well as preventative measures to curb the development of offenses.

A criminological analysis of judicial practice and statistics, the actions of administrative and criminal liability institutions, and their data were analyzed.

This study identified crime trends and the nature of these crimes, identified challenges in implementing preventive measures, and outlined solutions.

In light of increasing legal challenges, particularly in the area of procedural law, the need to strengthen the legislative framework through collaboration between government agencies and independent analytical institutions is becoming clear. This requires the adoption of integrated approaches to legislative analysis that encompass both external and internal aspects and are complemented by criminological research aimed at updating and strengthening trust in the legal system.

At the same time, the importance of implementing legislative improvements is emphasized, including the development of new and revision of old laws aimed at resolving inconsistencies in criminal investigation procedures and increasing penalties for offenders. Equally important is the development and implementation of large-scale preventive measures and victim support programs.

In the context of effective crime control, it is essential to implement interdisciplinary integration, including criminal law, criminology, and social services, to ensure their synchronization.

Keywords: participants in the process, jurisdiction, consumer, place of residence, precedent, procedural legislation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)
2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 06.09.2025) Code of Civil Procedure of the Russian Federation;
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 31.07.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025) Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 December 2013 No. 40 "On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2005 No. 5 "On Certain Issues Arising in Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses".
4. Vilyak O. I., "On the Problem of Delimiting the Jurisdiction of Cases Contesting Decisions, Actions (Inactions) of Officials of the Bailiff Service Between Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts" // FOURTH Arbitration Court of Appeal, 24.04.2013 11:02 Updated: 04.12.2013 09:49, <https://4aas.arbitr.ru/material/60332>;
5. Gritsenko D. V., Actual problems of determining the prosecutor's jurisdiction over criminal cases // The prosecutor in the criminal proceedings system, VSU Bulletin, law series, 2021, No. 4;
6. Loshkarev A. V., Mikhailova A.D., Problems of determining generic and territorial jurisdiction // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 5–3 (68), (International Journal of Humanities and Natural Sciences) <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-rodovoy-i-territorialnoy-podsudnosti> 2022 pp. 103–105;
7. Makhmutov, M. V., Resolving a Dispute on the Transfer of a Report of a Crime Based on Investigative Jurisdiction // Legality. 2021, No. 6, p. 48
8. Meshcheryakova, A. F., Sizov, V. A., Current Issues of Assigning Cases to the Jurisdiction and Competence of Arbitration Courts / A.F. Meshcheryakova, V.A. Sizov // News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences. – 2016. – No. 1 (37). – P. 102–110;
9. Musienko, T. V., Rules for Determining the Territorial Jurisdiction of a Criminal Case as a Guarantee of a Competent Court // Gaps in Russian Legislation, No. 2, 2015;
10. Parfenov, A., Current Issues of Jurisdiction of Cases in Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts // Bar Association of the Voronezh Region https://advpalata.vrn.ru/blogi/aktualnye_voprosy_podsudnosti_del_sudam_obwej_yurisdikcii_i_arbitrazhnym_sudam/ 07.12.2020

Отсутствие страха уголовного наказания у лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с участием в специальной военной операции

Борисов Владимир Владимирович,
адъюнкт 1 курса, подполковник полиции, Академия
управления МВД России

В статье рассматривается актуальная проблема современной российской правовой системы, возникшая в связи с введением института освобождения от уголовной ответственности лиц, участвующих в Специальной военной операции (далее – СВО). Основное внимание уделяется криминологическому анализу феномена отсутствия страха перед уголовным наказанием у данной категории лиц как ключевого фактора, влияющего на их последующее противоправное поведение. Автор исследует психологические и социальные механизмы формирования «правового иммунитета», анализирует потенциальные риски рецидивной преступности и падения авторитета уголовного закона. На основе проведенного анализа делается вывод о необходимости разработки комплексных профилактических мер, направленных не на устрашение, а на ресоциализацию указанной категории граждан.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от наказания, специальная военная операция, рецидивная преступность, неотвратимость наказания, ресоциализация.

24 февраля 2022 года Российская Федерация с целью защиты жителей Донбасса от агрессии украинских властей начала проведение специальной военной операции. Согласно сведениям представителей власти на июнь 2024 года в зоне СВО службу проходили порядка 700 000 военнослужащих [1]. Данные цифры сопоставимы с населением таких городов как Тольятти, Махачкала, Ижевск.

С начала проведения специальной военной операции власти Украины прибегли к помощи стран Запада, как в поставке огромного количества вооружений, так и в привлечении большого количества наемников из стран Европы и Северной Америки. Решение задач специальной военной операции, озвученных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным потребовало полной консолидации власти и общества, глобального перестроения экономики и огромных человеческих ресурсов, способных давать отпор агрессии Украины и добывать победу. Для достижения последней цели государством принято тяжелое, но так необходимое в нынешних реалиях решение – закрепить на законодательном уровне за осужденным к лишению свободы преступниками возможность участия в боевых действиях и последующего освобождения от наказания при соблюдении ряда условий [2].

Вместе с тем исследования в области криминологии, а также исторические факты свидетельствуют о том, что любой вооруженный конфликт и преступность взаимосвязаны, и государство – участник конфликта сталкивается с ростом умышленных насильственных преступлений. Растет количество убийств, разбойных нападений, грабежей.

В настоящее время в сети интернет публикуется все больше историй, повествующих о преступлениях бывших участников боевых действий в зоне специальной военной операции, в том числе помилованных заключенных. Так, 29 марта 2023 года в городе Вятские Поляны Иван Россомехин жестоко убил 85-летнюю женщину [3], 20 апреля 2023 года Александр Мамаев убил супругу на глазах у детей [4]. Список лиц, участвовавших в боевых действиях и совершающих преступления, неуклонно растет. И правоохранительным органам все чаще приходится сталкиваться с такими случаями. И каждый случай – тяжелая задача, ведь с юридической стороны преступление совершено и его необходимо расследовать, а со стороны морали и совести преступник данной категории – человек, рисковавший жизнью в самом большом и страш-

ном конфликте современности и защищавший нашу страну.

Современное уголовное законодательство Российской Федерации претерпело значительные изменения, направленные на регулирование общественных отношений в новых социально-политических условиях. Одним из наиболее дискуссионных нововведений стало положение, закрепленное в ст. 78.1 Уголовного кодекса РФ [5], предусматривающее возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе, в связи с их участием в СВО.

Данная мера, безусловно, преследует гуманные и прагматичные цели мобилизации человеческих ресурсов. Однако ее правовые и, в особенности, криминологические последствия требуют глубокого научного осмысления. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать один из ключевых аспектов этой проблемы – формирование у указанной категории лиц устойчивого отсутствия страха перед уголовным наказанием и потенциальные риски, из этого вытекающие.

Теоретическая модель, использующая страх как инструмент социального контроля, восходит к идеям классической школы уголовного права [6, с. 112]. Основоположники данной школы рассматривали человека как рационально мыслящее существо, способное к свободному волеизъявлению и калькуляции удовольствий и страданий. В рамках этой парадигмы преступление есть результат своеобразного «гедонистического расчета», в котором ожидаемая выгода от деяния перевешивает возможные издержки. Этот психологический механизм лежит в основе общей превенции – предупреждения совершения преступлений иными лицами, и частной превенции – предупреждения рецидива со стороны самого правонарушителя [7, с. 61].

Угроза наказания создает в сознании индивида психологический барьер, который удерживает его от реализации преступного умысла. Эффективность этого барьера напрямую зависит от восприятия неотвратимости ответственности [8, с. 724]. Освобождение от уголовной ответственности по основаниям, не связанным с характеристиками самого деяния или лица его совершившего (таким как раскаяние, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние), а в силу внешнего, экстраординарного обстоятельства (участие в СВО), кардинально меняет это восприятие. Подобный правовой механизм, по своей сути, разрывает причинно-следственную связь между преступлением и наказанием, декларируя, что заслуги перед государством в военной сфере могут служить универсальным искуплением вины за совершенное ранее противоправное деяние.

У лиц, освобожденных от ответственности, можно выделить несколько психологических установок, ведущих к нивелированию страха перед уголовным законом [9, с. 145]:

Установка на условность закона: Закон перестает восприниматься как абсолютная и неизменная данность. Формируется представление о том, что правовые нормы носят ситуативный характер и могут быть «отключены» при наступлении определенных условий. Это порождает правовой нигилизм и убежденность в возможности избежать ответственности и в будущем.

Чувство безнаказанности и избранности: Совершив преступление и избежав санкции, индивид не проходит через карательную и воспитательную функции наказания [10, с. 145]. Вместо этого у него может сформироваться восприятие себя как лица, находящегося «выше закона», чьи заслуги аннулируют его противоправные действия. Это подкрепляется публичным характером освобождения, которое может трактоваться как одобрение государством самой личности, а не как акт гуманизма.

Дезориентация в системе социальных норм: Происходит смешение понятий «воинская доблесть» и «правопослушное поведение». Индивид может ошибочно полагать, что его участие в СВО автоматически искупает любые прошлые и, что более опасно, будущие проступки, не относящиеся к военной сфере. Стирается грань между долгом перед Отечеством и ответственностью перед обществом и отдельными его членами.

Отсутствие страха перед наказанием у данной группы лиц создает ряд серьезных рисков:

Риск рецидивной преступности: наиболее очевидный и опасный риск. Лицо, уже продемонстрировавшее преступную волю и не прошедшее процедуру исправления, возвращается в общество без сдерживающего психологического фактора [11, с. 69–70]. При этом речь может идти не только о повторении прежних преступлений, но и о совершении новых, возможно, более тяжких, на фоне посттравматического стрессового расстройства, адаптационных трудностей и ощущения безнаказанности.

Девальвация авторитета уголовного закона: Подобные прецеденты наносят урон общему превентивному эффекту уголовного права. У иных граждан, в том числе потенциальных правонарушителей, формируется убеждение в несправедливости и избирательности правосудия («одним можно, другим – нет») [12, с. 76]. Это подрывает одну из основ правового государства – равенство всех перед законом.

Вторичная виктимизация общества и потерпевших: Потерпевшие от первоначального преступления, видя, что виновный не понес наказания, а, более того, получил особый статус, могут испытывать чувство заброшенности государством и вторичной травмы. Это ведет к росту социальной напряженности и недоверия к правоохранительным институтам.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности в связи с участием в СВО, являясь инструментом государственной политики, порождает значительные криминологические вызовы. Ключевой из них – формирование у лиц,

подпадающих под действие этой нормы, устойчивого отсутствия страха перед уголовной репрессией, что может детерминировать их будущее противоправное поведение. В этой связи классическая уголовно-репрессивная парадигма, основанная на устрашении, в отношении данной категории лиц теряет свою эффективность. Требуется разработка иного подхода, основанного на принципах ресоциализации и восстановительного правосудия.

Представляется необходимым:

Введение обязательного пенитенциарного сопровождения: Освобождение от уголовной ответственности должно быть обусловлено не просто участием в СВО, а выполнением ряда реабилитационных и воспитательных программ (психологическая помощь, социальная адаптация, трудоустройство) как до, так и после возвращения к гражданской жизни.

Приоритет восстановительных процедур: В случаях преступлений против личности обязательным условием освобождения должно стать не просто примирение с потерпевшим, а реальное заглаживание вреда и проведение медиативных процедур.

Мониторинг и анализ постпенитенциарного поведения: Создание системы криминологического мониторинга за лицами, освобожденными по данному основанию, для оценки реальных масштабов рецидива и разработки на этой основе адекватных профилактических мер.

Только комплексный, социально-ориентированный подход позволит минимизировать риски, связанные с декриминализацией поведения данной категории лиц, и обеспечить как государственные интересы, так и безопасность общества.

Литература

1. Путин назвал численность российских войск в зоне СВО URL: <https://crimea.ria.ru/20240614/putin-nazval-chislennost-rossiyskikh-voysk-v-zone-svo-1138119264.html>
2. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // ИПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406986358/>
3. В Кировской области задержали бывшего бойца «Вагнера» за убийство женщины URL: <https://ria.ru/20230330/ubiystvo-1861983906.html>
4. Вернувшийся из Украины военный убил жену на глазах детей URL: <https://dailymedia.news/2023/04/20/vernuyshiy-sya-iz-ukrainy-voennyy-ubil-zhenyu-na-glazah-detey/>
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // ИПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408654963/>

6. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 430 с.
7. Шаламова А.А. Предупреждение преступлений как цель уголовного наказания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2. С. 60–63.
8. Шевелева С. В., Можайкина В.А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 722–753.
9. Козаченко И.Я. Криминология: учебник и практикум для вузов / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. – Москва: Юрайт, 2020. – 277 с.
10. Уголовное право. Курс лекций: учебное пособие / С.А. Галактионов, М.С. Куликова, А.В. Кулаков, О.А. Мотин. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2020–404 с.
11. Яшин Андрей Владимирович Постпреступное поведение как криминологическая проблема // Закон и право. 2020. № 4. С. 68–70
12. Уголовное право России. Особенная часть: в 2 т. Т. 1: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О.С. Капинус. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2022. – 556 с.

THE ABSENCE OF FEAR OF CRIMINAL PUNISHMENT AMONG PERSONS RELEASED FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH PARTICIPATION IN A SPECIAL MILITARY OPERATION

Borisov V.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines an urgent problem that has arisen in the Russian legal system in connection with the introduction of the institution of exemption from criminal liability of persons participating in a Special military operation. The main attention is paid to the criminological analysis of the phenomenon of lack of fear of criminal punishment in this category of persons as a key factor influencing their subsequent illegal behavior. The author explores the psychological and social mechanisms of the formation of “legal immunity”, analyzes the potential risks of recidivism and devaluation of the authority of the criminal law. Based on the analysis, it is concluded that it is necessary to develop comprehensive preventive measures aimed not at intimidation, but at the re-socialization of this category of citizens.

Keywords: criminal responsibility, release from punishment, special military operation, recidivism, inevitability of punishment, resocialization.

References

1. Putin announced the number of Russian troops in the SVO zone. URL: <https://crimea.ria.ru/20240614/putin-nazval-chislennost-rossiyskikh-voysk-v-zone-svo-1138119264.html>
2. On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation: Federal Law No. 270-FZ of June 24, 2023 // IPS “Garant” URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406986358/>
3. A former Wagner fighter was detained in the Kirov region for the murder of a woman. URL: <https://ria.ru/20230330/ubiystvo-1861983906.html>
4. A soldier returning from Ukraine killed his wife in front of their children. URL: <https://dailymedia.news/2023/04/20/vernuyshiy-sya-iz-ukrainy-voennyy-ubil-zhenyu-na-glazah-detey/>
5. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

- tion: Federal Law of March 23, 2024 No. 64-FZ // IPS "Garant" URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408654963/>
6. Kozachenko I. Ya. Criminal Law. General Part: Textbook for Universities / I. Ya. Kozachenko, G.P. Novoselov. – 6th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait, 2022. – 430 p.
 7. Shalamova A.A. Crime Prevention as the Goal of Criminal Punishment // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2021. No. 2. pp. 60–63.
 8. Sheveleva S. V., Mozhaykina V.A. The Principle of Inevitability of Punishment in Criminal-Executive Law: From Declaration to the Possibility of Implementation // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. Issue 54. pp. 722–753.
 9. Kozachenko I. Ya. Criminology: Textbook and Workshop for Universities / I. Ya. Kozachenko, K.V. Korsakov. – Moscow: Yurait, 2020. – 277 p.
 10. Criminal Law. Lecture Course: A Textbook / S.A. Galaktionov, M.S. Kulikova, A.V. Kulakov, O.A. Motin. – Samara: SF GAOU VO MGPU, 2020–404 p.
 11. Yashin, Andrey Vladimirovich. Post-Criminal Behavior as a Criminological Problem // Law and Right. 2020. No. 4. Pp. 68–70
 12. Criminal Law of Russia. Special Part: in 2 volumes. Vol. 1: Textbook for Universities / O.S. Kapinus [et al.]; edited by O.S. Kapinus. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait, 2022. – 556 p.

Предмет составов преступлений, предусматривающих ответственность за незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Галекбаров Герман Викторович,

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации

E-mail: galekbarov.ry@mail.ru

В статье осуществлен анализ предмета составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 171.1, 171.3 и 171.4 Уголовным кодексом Российской Федерации. В указанной работе автором проанализирована сложившаяся судебная практика на территории различных субъектов Российской Федерации, а также сформировавшаяся в научном сообществе позиция по указанному вопросу.

С учетом сложившейся судебной-следственной практики автор приходит к выводу о том, что предметами указанных составов преступлений является спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, в том числе пищевая, как произведенная по нормам государственных стандартов и реализуемая без соответствующей лицензии, так и не соответствующая их требованиям, в том числе произведенная в не заводских условиях.

Ключевые слова: спирт, алкогольная продукция, спиртосодержащая продукция, маркировка, государственный стандарт, пищевая продукция.

Политика государства, направленная на противодействие незаконному производству и обороту на территории Российской Федерации этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции требует не только принятия (установления) уголовно-правовых запретов, но и правильно применения положений нормативных правовых актов, регулирующих указанную сферу, на практике в целях достижения значимого результата.

В статьях 171.1, 171.3, 171.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве предметов состава преступлений, за незаконную реализацию которых предусмотрена уголовная ответственность, законодатель предусмотрел спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, в том числе пищевую.

Вместе с тем применение указанных статей вызывает немало вопросов у правоприменителей, в том числе считать ли в качестве предметов преступлений по вышеуказанным статьям УК РФ продукцию, несоответствующую требованиям государственных стандартов (далее – ГОСТ), изготовленную в не заводских условиях (фальсифицированная продукция).

Анализ судебной-следственной практики, а также имеющихся научных работ по данному вопросу свидетельствует об отсутствии единообразной позиции.

Частью 5 статьи 171.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу алкогольной, табачной и (или) никотинсодержащей продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны, совершенные в крупном размере.

В частности, ст. 12 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 № 171-ФЗ (далее – Закон № 171-ФЗ) определено, какие виды алкогольной продукции подлежат обязательной маркировке. Так, алкогольная продукция, производимая на территории Российской Федерации, за исключением алкогольной продукции, поставляемой на экспорт, маркируется федеральными специальными марками, указанные марки приобретаются организациями, осуществляющими

ми производство такой алкогольной продукции, в государственных органах, уполномоченных Правительством Российской Федерации [1].

Алкогольная продукция, ввозимая (импортируемая) на таможенную территорию Российской Федерации, маркируется акцизными марками. Указанные марки приобретаются в таможенных органах организациями, осуществляющими импорт алкогольной продукции. Маркировка иной алкогольной продукции, а также маркировка иными не предусмотренными данным Федеральным законом марками не допускается. В этом же законе дано определение алкогольной продукции (ст. 2), а также ее видов.

Цели маркировки товаров, продукции отчасти совпадают. Так, маркировка алкогольной продукции, производимых на территории Российской Федерации, специальной маркой подтверждает легальность их производства, а маркировка акцизными марками подтверждает оплату этих марок как авансовый платеж для всей суммы акциза и, следовательно, законность перемещения товаров через таможенную границу.

Объектом преступного посяательства, предусмотренного ст. 171.1 УК деяния, являются экономические интересы государства в связи с наступлением в бюджет денежных средств от реализации подакцизных товаров. Объектом преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК, является порядок осуществления предпринимательской деятельности, для выполнения которой требуется лицензия.

Сформулированные таким образом диспозиции ст. 171.1 и 171.3 УК дают основания, по мнению Закусила А.В. и Белика Е.А., для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности в случае изъятия у них продукции, качественный состав которой не соответствует требованиям, установленным ст. 2 № 171-ФЗ, поскольку, если понимать требования Закона № 171-ФЗ буквально, маркироваться акцизными марками или федеральными специальными марками должна только продукция, отвечающая установленным государственным стандартам качества и соответствия [2, С. 35–37].

Правоприменительная практика неоднозначна. Например, так в постановлении Биробиджанского районного суда от 12.05.2023 судом указано, что предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК РФ, является только легально изготовленная алкогольная продукция, которая подлежит маркировке. Учитывая, что вся изъятая продукция, инкриминируемая подсудимому органом предварительного расследования, согласно заключениям эксперта, является спиртосодержащей жидкостью, не являющейся водкой и не соответствующей ГОСТ 12712-2013, что указывает на её незаконное происхождение и исключает в силу уголовного закона её маркировку [3].

Иной взгляд прослеживается в приговоре Ишимского городского суда Тюменской области от 19.04.2023, согласно которому реализуемая алкогольная и спиртосодержащая продукция, не со-

ответствующая требованиям государственных стандартов, без средств маркировки, не свидетельствует об отсутствии состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК РФ [4].

В научной литературе встречаются диаметрально противоположные мнения. Так профессор Тюнин В.И. придерживается позиции, что к предмету ст. 171.1 УК РФ нельзя относить продукцию, которая не отвечает ГОСТам [5, С. 74–79].

Однако более убедительным представляется тезис В.Н. Винокурова о том, что уголовное право охраняет и такие отношения, которые не урегулированы нормами иных отраслей права, а указанная норма распространяет свое действие на всю продукцию и товары без маркировки и (или) нанесенной информации, произведенные как легальным, так и нелегальным способом как соответствующие качествам, свойствам, характеристикам аналогичных маркированных товаров, так и не соответствующие им [6].

Обращаясь к нормативно-правовому регулированию деятельности по реализации алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации отметим следующее.

Предметом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, является этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, реализуемая без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере.

Лицензированию подлежат производство и оборот произведенных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции по каждому поставляемому или поступающему в розничную продажу виду произведенной продукции, а также по каждому виду винодельческой продукции с защищенным географическим указанием, с защищенным наименованием места происхождения. Порядок лицензирования деятельности по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции определен в Законе № 171-ФЗ.

Исходя из анализа положений Закона № 171-ФЗ и судебной практики, предмет указанного состава преступления может как существовать до начала совершения преступления, т.е. быть легально произведен организацией при наличии соответствующей лицензии, а впоследствии приобретен лицом для его последующей незаконной реализации, так и быть созданным в результате совершения преступления, т.е. путем незаконного производства.

Обращаясь к содержанию ст. 4 Федерального закона от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» отметим, что одним из принципов стандартизации в Российской Федерации является добровольность применения документов по ней [7].

К примеру, приказом Росстандарта от 28.06.2013 № 340-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта» с 1 июля 2014 г. введен в действие для добровольного применения в Российской Федерации в качестве национально-

го стандарта Российской Федерации ГОСТ 12712-2013 «Водки и водки особые. Общие технические условия» [8].

Анализ указанной нормативной базы дает основания полагать об отсутствии на федеральном уровне императивных требований к производству алкогольной продукции.

Иная позиция сложилась в теории уголовного права.

Небесспорной является позиция К.В. Садовых, которая считает, что предметом состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, является этиловый спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, произведенные по нормам ГОСТ и реализуемые без соответствующей лицензии [9, С. 43–47].

Сложившаяся судебно-следственная практика дает основания полагать, что произведенная и реализуемая продукция не должна отвечать требованиям государственных стандартов.

Так в приговоре Октябрьского районного суда г. Омска от 30.01.2025 указано, что при определении вида спиртосодержащей продукции, изъятой у подсудимого суд исходит из того факта, что согласно заключению эксперта изъятая жидкость является спиртосодержащей жидкостью, которая содержит в своем составе этиловый спирт, количественное содержание которого составило 94–95% об. [10].

Данное обстоятельство в соответствии с п.п.4 п. 3 ст. 2 Закона № 171-ФЗ позволяет отнести изъятую жидкость к спиртосодержащей пищевой продукции. При этом суд, делая данный вывод, принимает во внимание, что данная норма Федерального закона не связывает признание продукции спиртосодержащей пищевой продукцией с требованиями ее соответствия ГОСТу.

Аналогичная позиция отражена в приговоре Волжского городского суда от 10.10.2024 по делу № 1–553/2024 [11].

Оставляя без изменений приговор Курганского городского суда областная апелляционная инстанция в своем постановлении от 13.02.2025 по делу № 22–185/2025 отметила, что первой инстанцией верно квалифицированы действия подсудимого по реализации спиртосодержащей жидкости, не соответствующей требованиям государственных стандартов, по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ [12].

Аналогичная позиция отражена в апелляционном постановлении Волгоградского областного суда от 15.01.2025 № 22–28/2025 22–5288/2024, в котором судом верно отмечено, что действия подсудимого по реализации спиртосодержащей жидкости, качество которых по проверенным показателям не соответствуют требованиям ГОСТов и сведениям, указанным на этикетках этих бутылок, верно квалифицированы первой инстанцией по ч. 5 ст. 171.1, ч. 1 ст. 171.3 УК РФ [13].

В постановлении указано, что изъятая по делу спиртосодержащая жидкость по внешнему оформлению отвечает требованиям, предъявляемым к пищевым продуктам, ее оборот осуществ-

лялся осужденной под видом алкогольных напитков, она содержалась в предусмотренной законодательством таре, на бутылках имелись этикетки с наименованием продукции (водка, коньяк, виски) и указание на крепость 40%, свидетели показали, что покупали у осужденной продукцию как водку, коньяк и бренди.

Таким образом, детальное изучение диспозиций ст. 171.1 и 171.3 УК РФ дает основание полагать, что предметами составов указанный преступлений является продукция, как соответствующая требованиям государственных стандартов, в следствии чего подлежащая маркировке акцизными марками или федеральными специальными марками, так и не обладающая признаками, установленными ст. 2 Закона № 171-ФЗ.

Диспозицией ст. 171.4 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, если это деяние совершено неоднократно.

На практике нередко возникает проблема с отнесением спиртосодержащей продукции к пищевой.

Законодателем дана дефиниция спиртосодержащей пищевой продукции, к которой относится пищевая продукция, в том числе плодовые сброженные материалы, любые растворы, эмульсии, суспензии, виноградное сусло, иное плодовое сусло, пивное сусло (за исключением алкогольной продукции) с содержанием этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, более 0,5 процента объема готовой продукции.

Несмотря на то, казалось бы наличие законодательного определения спиртосодержащей пищевой продукции на практике нередко возникают трудности, обусловленные сложностью получения доказательств, подтверждающих отнесение изъятой спиртосодержащей жидкости (самогон, другая спиртосодержащая жидкость) к «пищевой», что требуют судебные органы, ссылаясь на формулировку диспозиций соответствующих статей УК РФ и КоАП РФ.

В своей работе В.Л. Порошин, А.В. Захаров и А.С. Домченко отмечают, что экспертные учреждения, а также подразделения поднадзорных органов Роспотребнадзора, как правило, сообщают о невозможности установления вида сырья, из которого произведена изъятая спиртосодержащая продукция, и, соответственно, невозможности отнесения изымаемой продукции к пищевой [14, С. 57–60].

Изучение судебно-следственной практики других субъектов Российской Федерации свидетельствует об отсутствии единообразного подхода. Так, в Иркутской области вывод об отнесении спиртосодержащей жидкости к пищевой (возможности употребления в пищевых целях) дается врачом-токсикологом одного из медицинских учреждений по результатам изучения судебно-химической экспертизы по составу изъятной жидкости. На террито-

рии Забайкальского края в выдаче таких заключений врачами отказано.

Выработка алгоритма доказывания источника происхождения спиртосодержащей жидкости, в том числе доказывание отнесения спиртосодержащей жидкости к пищевой с привлечением экспертов ЭКЦ УМВД по Забайкальскому краю не представляется невозможным.

На наш взгляд справедливой и правильной является позиция, изложенная в кассационном постановлении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.02.2024 по делу № 77–660/2024, согласно которой по смыслу закона уголовная ответственность по ст. 171.4 УК РФ наступает за незаконную продажу как алкогольной, так и спиртосодержащей продукции для пищевых целей, то есть лицо, продающее такую жидкость должно понимать и осознавать, что данная жидкость приобретает потребителем для ее потребления в пищу. Для установления этого обстоятельства не требуется экспертного заключения, которое необходимо лишь для установления того факта, что жидкость является спиртосодержащей, то есть содержит в своем составе этиловый спирт более 0,5 процентов объема готовой продукции. Доказанность обстоятельства факта продажи данной жидкости для пищевых целей выходит за пределы компетенции эксперта и подлежит установлению судом на основании всей совокупности исследованных доказательств [15].

Аналогичный подход отражен в кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.12.2021 по делу № 77–5593/2021 [16].

Совершенное другой подход содержится в кассационном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 77–1375/2021, согласно которому для признания подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК помимо наличия вступившего в законную силу постановления суда пост. 14.17.1 КоАП достаточно установить и доказать факт реализации спиртосодержащей продукции, а также то, что реализуемая жидкость является этиловым спиртом (его раствором), на основании заключения эксперта [17].

В этом же определении судом отмечено, что нормы Закона № 171-ФЗ не связывают признание продукции алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукцией с требованиями о соответствии ее ГОСТу, в связи с чем вывод суда первой инстанции об отсутствии в данном случае предметов составов преступлений, предусмотренных ст. 171.1 и 171.4 УК РФ не верен. Несоответствие алкогольной продукции требованиям ГОСТов не влечет за собой ее отнесение к разряду непивной.

Установление умысла лица, реализующего спиртосодержащую пищевую продукцию, а именно его осведомленности о приобретении реализуемой им продукции для употребления в пищевых целях, необходимо для верной квалификации его действий по ст. 171.4 УК РФ.

К примеру, в приговоре Абазинского районного суда Республики Хакасия по уголовному делу № 1–68/2023 указано, что осужденный незаконно реализовал в целях употребления в пищу спиртосодержащую пищевую жидкость, являющуюся водно-спиртовым раствором с концентрацией этилового спирта 43,2%, полученного из пищевого сырья [18].

Из анализа приговора Быковского районного суда Волгоградской области от 13.02.2025 № 1–18/2025 следует, что осужденная 03.12.2024 находясь у себя в домовладении продала 1 бутылку спиртосодержащей жидкости (самогон) ранее знакомому лицу, который пояснил, что болен похмельным синдромом. Действия виновной судом квалифицированы по ч. 1 ст. 171.4 УК РФ. Фактически мы можем заметить, что осужденная реализовала спиртосодержащую продукцию для употребления в пищевых целях [19].

Таким образом, подводя итог всему вышеперечисленному приходим к закономерному выводу, что предметами составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 171.1, 171.3 и 171.4 УК РФ, является спирт, алкогольная и спиртосодержащая продукция, в том числе пищевая, как произведенная по нормам ГОСТ и реализуемая без соответствующей лицензии, так и не соответствующая их требованиям и созданная в результате совершения преступления, т.е. путем незаконного производства.

С учетом имеющейся судебной практики, позволяющей судам самостоятельно давать оценку доказанности факта продажи спиртосодержащей жидкости для пищевых целей, представляется возможным определять наличие в действиях подсудимого признаков состава преступления, предусмотренного ст. 171.4 УК РФ, исходя их субъективной стороны, а именно умысла на реализацию спиртосодержащей продукции для пищевых целей.

Литература

1. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (дата обращения 07.09.2025).
2. Закусилов А.В., Белик Е.А. Квалификация деяний, связанных с производством и оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Законность. 2021. № 12. С. 35–37.
3. Постановление Биробиджанского районного суда от 12.05.2023 по делу № 1–32/2023 / [Электронный ресурс] – URL: https://birobidzhansky-brb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=doc&number=7669357&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 25.08.2025).
4. Приговор Ишимского городского суда Тюменской области от 19.04.2023 по делу

- № 1–97/2023 / [Электронный ресурс] – URL: <https://судебныерешения.рф/73262728> (дата обращения 25.08.2025).
5. Тюнин В.И. Производство, хранение или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 74–79.
 6. Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2022. 368 с.
 7. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162–ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (дата обращения 07.09.2025).
 8. Приказ Росстандарта от 28.06.2013 № 340-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_268243/ (дата обращения 07.09.2025).
 9. Садовых К.В. Предмет состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 43–47.
 10. Приговор Октябрьского районного суда г. Омска от 29.01.2025 по делу № 1–11/2025 1–192/2024 / [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b8SWjNHsRMdv/> (дата обращения 25.08.2025).
 11. Приговор Волжского городского суда от 10.10.2024 по уголовному делу № 1–553/2024 / [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lvS89VS79Vob/> (дата обращения 06.09.2025).
 12. Постановление Курганского областного суда от 13.02.2025 по делу № 22–185/2025 / [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8QKUujqJQCHY/> (дата обращения 06.09.2025).
 13. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 15.01.2025 по делу № 22–28/2025 22–5288/2024 / [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vQ5iEqI2NWmZ/> (дата обращения 06.09.2025).
 14. Порошин В.Л., Захаров А.В., Домченко А.С. Ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции // Законность. 2023. № 6. С. 57–60.
 15. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.02.2024 по делу № 77–660/2024 / [Электронный ресурс] – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=42KJ0008&srv_num=1&delo_id=2450001&case_type=0&judicial_uid=75RS0025–01–2023–001764–61 (дата обращения 25.08.2025).
 16. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции 02.12.2021 по делу № 77–5593/2021 / [Электронный ресурс] – URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1066869&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 25.08.2025).
 17. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2021 по делу № 77–1375/2021 / [Электронный ресурс] – URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1066869&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения 25.08.2025).
 18. Приговор Абазинского районного суда Республики Хакасия от 04.07.2023 по уголовному делу № 1–68/2023 / [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0YRWepEn1PQt/> (дата обращения 25.08.2025).
 19. Приговор Быковского районного суда Волгоградской области от 13.02.2025 по делу № 1–18/2025 / [Электронный ресурс] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0yPm0MLNV2WX/> (дата обращения 06.09.2025).

THE SUBJECT OF THE ELEMENTS OF CRIMES INVOLVING LIABILITY FOR ILLEGAL PRODUCTION AND/OR TRAFFICKING ETHYL ALCOHOL, ALCOHOLIC AND ALCOHOL-CONTAINING PRODUCTS

Galekbarov G.V.

University of Public Prosecutor's Office Of the Russian Federation,

The article analyzes the subject of the offences provided for in Articles 171.1, 171.3 and 171.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. In this work, the author analyzes the current judicial practice in the territory of various subjects of the Russian Federation, as well as the position formed in the scientific community on this issue. Taking into account the established judicial and investigative practice, the author comes to the conclusion that the subjects of these crimes are alcohol, alcoholic and alcohol-containing products, including food, both produced according to state standards and sold without an appropriate license, and not meeting their requirements, including those produced in non-factory conditions.

Keywords: alcohol, alcoholic products, alcohol-containing products, labeling, state standard, food products.

References

1. Federal Law of 22.11.1995 No. 171-FZ “On State Regulation of the Production and Circulation of Ethyl Alcohol, Alcoholic and Alcohol-Containing Products and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products” / [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (date of access 09/07/2025).
2. Zakusilov A.V., Belik E.A. Qualification of Acts Related to the Production and Circulation of Alcoholic and Alcohol-Containing Products // Legality. 2021. No. 12. pp. 35–37.
3. Resolution of the Birobidzhan District Court dated May 12, 2023, in case No. 1–32/2023 / [Electronic resource] – URL: https://birobidzhansky-brb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7669357&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed August 25, 2025).
4. Verdict of the Ishim City Court of the Tyumen Region dated April 19, 2023, in case No. 1–97/2023 / [Electronic resource] – URL:

- <https://судебныересения.рф/73262728> (accessed August 25, 2025).
5. Tyunin V.I. Production, storage or sale of goods and products without marking and (or) applying information stipulated by the legislation of the Russian Federation (Article 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminal Law. 2015. No. 3. pp. 74–79.
 6. Vinokurov V.N. Object of the crime: doctrinal and applied research: monograph. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2022. 368 p.
 7. Federal Law of June 29, 2015 No. 162-FZ “On Standardization in the Russian Federation” / [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181810/ (date of access 09/07/2025).
 8. Order of Rosstandart dated June 28, 2013 No. 340-st “On the Implementation of the Interstate Standard” / [Electronic resource] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_268243/ (date of access September 7, 2025).
 9. Sadovykh K.V. Subject of the crime providing for liability for the illegal production and (or) circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products // Russian investigator. 2023. No. 8. pp. 43–47.
 10. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Omsk dated January 29, 2025, in case No. 1–11/2025 1–192/2024 / [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b8SWjNHsRMdv/> (accessed on August 25, 2025).
 11. Verdict of the Volzhsky City Court dated October 10, 2024, in criminal case No. 1–553/2024 / [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/lvS89VS79Vob/> (accessed on September 6, 2025).
 12. Resolution of the Kurgan Regional Court dated February 13, 2025, in case No. 22–185/2025 / [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8QKUujqJQCHY/> (accessed September 6, 2025).
 13. Appellate Resolution of the Volgograd Regional Court dated January 15, 2025, in case No. 22–28/2025 22–5288/2024 / [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vQ5iEqI2NWmZ/> (accessed September 6, 2025).
 14. Poroshin V.L., Zakharov A.V., Domchenko A.S. Liability for the illegal retail sale of alcoholic and alcohol-containing food products // Legality. 2023. No. 6. P. 57–60.
 15. Cassation ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 27, 2024 in case No. 77–660/2024/ [Electronic resource] – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=42K-J0008&srv_num=1&delo_id=2450001&case_type=0&judicial_uid=75RS0025–01–2023–001764–61 (date of access August 25, 2025).
 16. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated December 2, 2021 in case No. 77–5593/2021 / [Electronic resource] – URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1066869&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (accessed August 25, 2025).
 17. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 27, 2021 in case No. 77–1375/2021 / [Electronic resource] – URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1066869&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (accessed August 25, 2025).
 18. Verdict of the Abazinsky District Court of the Republic of Khakassia dated July 4, 2023 in criminal case No. 1–68/2023 / [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0YR-WepEn1PQt/> (date of access 08/25/2025).
 19. Verdict of the Bykovsky District Court of the Volgograd Region dated 02/13/2025 in case No. 1–18/2025 / [Electronic resource] – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0yPm0MLNV2WX/> (date of access 09/06/2025).

Уголовно-правовые последствия уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ

Евсеева Екатерина Владимировна,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, ФГКОУ ВО
Университет прокуратуры РФ
E-mail: mev-14@mail.ru

Исправительные работы в уголовно-правовой системе рассматриваются как мера, соединяющая карательные и воспитательные начала и ориентированная на сохранение занятости и социальных связей осуждённых. Их эффективность во многом определяется соблюдением установленных условий, а проблема уклонения, будучи гуманной альтернативой лишению свободы, как вид наказания при систематическом игнорировании предписаний утрачивает исправительный потенциал и приводит к переходу к более суровым санкциям, что влечёт рост социальных и финансовых издержек. Новизна данного исследования заключается в рассмотрении последствий уклонения не только через анализ уголовного права, но и с позиций социальной адаптации и психологии. В отличие от традиционного акцента на процедурах фиксации нарушений и механизмах замены наказания, затронуты темы личностных и общественных эффектов: утрата работы, дезадаптация, увеличение риска рецидива, а также возрастание нагрузки на систему исполнения наказаний и государственных расходов. Стоит отметить институт «злостного уклонения», закрепляющий основания для ужесточения санкций и совмещающий профилактическое и репрессивное значение. Его наличие демонстрирует зависимость эффективности исправительных работ от дисциплины осуждённых и чёткости правоприменения. Цель исследования – систематизация последствий уклонения и определение направлений совершенствования регулирования, а также разработка рекомендаций, включающих развитие гарантий и адресное сопровождение, что позволяет сохранить исправительные работы как результативную альтернативу изоляции и снизить вероятность рецидива.

Ключевые слова: исправительные работы, отбывание наказания, уголовно-исполнительная система, осуждённый, правоприменительная практика, меры воздействия.

Основы применения исправительных работ, как предполагается, опираются не только на положения Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации, но и на подзаконные акты, а также на официальные толкования, исходящие от органов прокуратуры и практики уголовно-исполнительной системы. В научном дискурсе, также как и в ст. 50 УК РФ [1], этот вид наказания квалифицируется как особый. Оно может назначаться лицу, уже имеющему устойчивую занятость, и одновременно – тому, кто её не имеет. В первом случае осуждённый продолжает трудиться на прежнем предприятии, а во втором – направляется по решению местных органов власти при согласовании с инспекцией, но неизменно внутри района жительства. Именно в обозначенной норме проявляется специфика меры, где, предположительно, ключевым считается сохранение трудовой деятельности и социальной вовлечённости. Закон устанавливает временные границы исправительных работ, а их структура включает удержание части дохода осуждённого, параллельно предполагая постоянные контакты с уголовно-исполнительной инспекцией [2]. Совокупность этих черт позволяет, следовательно, квалифицировать исправительные работы как особую разновидность санкции, сочетающую воспитательные и карательные элементы. Однако одних только характеристик недостаточно. Инструкции, регулирующие порядок исполнения, помещены в главу 7 УИК РФ [3]. При этом, решающим оказывается не формальное наличие норм, а точное соблюдение установленных сроков: инспекция обязана направить осуждённого к месту отбывания не позднее установленного законом периода, обычно тридцати суток со дня поступления приговора вместе с сопроводительными документами. Такое требование устраняет неопределённость, закрепляя связь между вступлением акта в силу и фактическим исполнением.

Правоприменительная практика конкретизирует эти общие положения, выделяя перечень действий, признаваемых нарушениями: игнорирование явки на регистрацию без уважительных оснований, отказ или уклонение от предписанных работ, сокрытие фактического места трудоустройства, сообщение инспекции заведомо ложных сведений. Все подобные факты документируются и могут служить основанием для запуска предусмотренных законом мер воздействия. Если рассматривать систему в целом, становится очевидно, что институт исправительных работ изначально задуман как баланс между контролем и возможностью социальной адаптации. С одной стороны,

строгие предписания обеспечивают дисциплину и предсказуемость исполнения приговора. С другой, акцент на сохранении трудовой занятости способствует ресоциализации. Однако любое нарушение этой равновесной конструкции закономерно ведёт к формальной последовательности мер, итогом которых способна стать замена наказания на более жёсткий вариант [4, 5, 6].

Понятие «злостного уклонения» от исполнения наказания в форме исправительных работ занимает в системе уголовно-исполнительного права особую позицию, поскольку именно оно становится юридическим основанием для перехода к более строгим мерам и ужесточения санкции. В ст. 46 УИК РФ закреплено, что подобный статус может быть присвоен осуждённому при систематическом нарушении правил и условий, что проявляется в игнорировании явки в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин, отказе выполнять предписанную работу или уклонении от трудовых обязанностей. Правоприменительная практика и консультативные разъяснения уточняют содержание категории «злостности»: к числу ключевых критериев относят повторность нарушений, а также игнорирование письменных предупреждений инспекции. При этом до того, как лицо признаётся злостно уклоняющимся, ему направляется официальное уведомление о возможной ответственности, что подлежит фиксации в деле и служит обязательным процессуальным условием последующего ужесточения наказания [7]. Тем самым законодатель выстраивает двухступенчатую модель: на первой стадии применяется предупредительная мера с целью профилактики, а на второй – при упорном игнорировании требований – инициируется обращение в суд с вопросом о замене наказания на более суровую меру.

Процедура вынесения предупреждения занимает центральное место в системе гарантий прав осуждённого, поскольку именно на этом этапе уголовно-исполнительная инспекция обязана не только документально зафиксировать факт нарушения, но и разъяснить последствия возможного повторного несоблюдения установленных условий. Цель подобной процедуры состоит в предоставлении осуждённому шанса изменить поведение и тем самым избежать квалификации своих действий как злостного уклонения. В основе этой конструкции лежит принцип минимальной достаточности уголовно-правового вмешательства, закреплённый в общей части УК РФ: переход к более суровой мере наказания допустим лишь тогда, когда доказана неэффективность мягких средств воздействия и невозможность достижения целей исправления иными путями. Следовательно, предупреждение выполняет роль своеобразного фильтра, отсекающего случаи, где коррекция поведения возможна без ужесточения санкций. Вместе с тем правоприменительная практика подчёркивает, что письменное предупреждение является не только содержательной, но и формальной процессуальной предпосылкой: при его отсутствии

обращение в суд с ходатайством о замене наказания квалифицируется как незаконное [8]. Таким образом, данная стадия одновременно выполняет функцию юридической гарантии и служит необходимым условием для применения последующих мер воздействия.

В уголовном праве прямо закрепляется возможность замещения оставшейся части исправительных работ более строгим наказанием. Суд, опираясь на соотношение, определённое законом, может удовлетворить представление уголовно-исполнительной инспекции и заменить их на лишение свободы либо на принудительные работы. При этом установлен эквивалент: три дня исправительных работ соответствуют одному дню лишения свободы или принудительных работ [9].

Следовательно, установленный законодателем эквивалент позволяет произвести точный перерасчёт: так, 90 дней исправительных работ равнозначны 30 дням лишения свободы либо принудительных работ. Данный механизм выражает принцип соотнесённости наказаний и их иерархии по строгости: исправительные работы выступают более мягкой мерой по сравнению с принудительными работами и тем более с лишением свободы. Следовательно, злостное уклонение не освобождает лицо от уголовной ответственности, но переводит её в более жёсткую плоскость. Подобные решения носят вынужденный характер. Их задача – сохранить авторитет судебной власти и подтвердить принцип неизбежности наказания [10]. Тем самым, практика замены наказания выступает одновременно реакцией на недобросовестность осуждённого и инструментом укрепления устойчивости уголовно-правового механизма.

Уклонение от исполнения наказания в виде исправительных работ затрагивает прежде всего сферу личной жизни осуждённого. Потеря возможности продолжать деятельность по месту прежней занятости либо в рамках работы, предоставленной уголовно-исполнительной инспекцией, как правило, ведёт к резкому снижению уровня социально-экономической стабильности. Лишение заработка или уменьшение дохода оказывает прямое воздействие на материальное положение семьи, что нередко провоцирует внутрисемейные конфликты, ослабление или разрыв социальных контактов и рост психологического напряжения. При этом, сохранение трудовой активности у осуждённых, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, выступает одним из ключевых условий успешной ресоциализации. Те лица, кто продолжает работать в период исполнения наказания, демонстрируют заметно более низкий уровень повторной преступности по сравнению с теми, кто вследствие уклонения утратил работу и столкнулся с ужесточением санкций. Следовательно, уклонение влечёт не только формальные правовые последствия, но и разрушает важнейший канал социальной интеграции, повышая вероятность рецидива.

Нарушение предписанных условий отбывания наказания отражается и на внутреннем состоянии личности. Замена исправительных работ более строгим видом санкций вызывает эффект внезапной дезадаптации: осуждённый оказывается в пространстве ограничений (принудительные работы либо лишение свободы), где резко сокращается возможность контакта с семьёй, привычным социальным окружением и каналами легального дохода. Научные публикации подтверждают, что именно разрыв с социально-полезной деятельностью и разрушение семейных связей выступают значимыми предикторами рецидива. Следовательно, последствия здесь выходят за рамки простой смены наказания: они проявляются в комплексном ухудшении жизненной ситуации, росте риска маргинализации и закреплении моделей девиантного поведения. Иными словами, уклонение трансформирует мягкий инструмент исправления, рассчитанный на сохранение трудовой интеграции, в более суровую меру, которая зачастую усиливает процесс социального отчуждения.

Для общества и государства каждое уклонение влечёт рост административных и финансовых расходов. Если при исправительных работах участие государства ограничивается организацией контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции и удержания части дохода, то при замене наказания на принудительные работы или изоляцию требуются куда более значительные ресурсы. Речь идёт о содержании осуждённых в учреждениях, обеспечении охраны, медицинской помощи и питания. Тем самым каждое уклонение автоматически увеличивает нагрузку на бюджет. Более того, по данным аналитических исследований, опубликованных в международных изданиях (doi.org), наказания без лишения свободы не только обходятся дешевле, но и демонстрируют большую эффективность в предупреждении повторной преступности. Учитывая это, становится очевидным: уклонение подрывает экономическую рациональность всей системы уголовного наказания, усиливая роль дорогостоящих и менее результативных санкций.

Кроме прочего, нагрузка на систему правоприменения распределяется неравномерно: уголовно-исполнительные инспекции вынуждены составлять дополнительные документы, фиксировать факты уклонения и инициировать обращение в суд. Последний, в свою очередь, рассматривает поступающие представления о замене наказания, что закономерно повышает его загруженность. Следовательно, уклонение не только затрудняет исполнение приговоров, но и усиливает элементы бюрократизации, поскольку ресурсы отвлекаются на второстепенные задачи вместо приоритетной профилактической и коррекционной деятельности с осуждёнными.

Социальный контекст при этом демонстрирует двойственность последствий. Предположительно, угроза трансформации мягкого наказания в более строгую меру может выполнять превентивную и устрашающую функцию. Однако анализ практи-

ки показывает иную динамику: лица, утратившие возможность работать и лишившиеся источника дохода, зачастую маргинализируются, что объективно увеличивает риск рецидива. Учитывая вышеизложенное, эффект устрашения оказывается нивелированным последствием социальной дезадаптации, а долгосрочные итоги, вопреки ожидаемому результату, приобретают в целом отрицательный характер.

Для минимизации числа уклонений необходима совокупность шагов как организационного, так и нормативного порядка. Анализ практики исполнения показывает: слабое взаимодействие между уголовно-исполнительными инспекциями и самими осуждёнными становится одной из ключевых причин проблем. При этом пропуски регистрации или работы не всегда вызваны сознательным уклонением. Нередко они объясняются бытовыми обстоятельствами: отсутствием постоянного жилья, семейными трудностями, транспортными ограничениями. Следовательно, особое значение приобретает создание системы адресного сопровождения осуждённых, включающей консультирование, регулярные профилактические беседы и информирование о правовых последствиях нарушений.

Законодательное регулирование также требует доработки. Речь идёт о необходимости дифференциации последствий нарушения порядка отбывания наказания в зависимости от их причин. При систематическом игнорировании обязанностей логично инициировать замену наказания. Однако если нарушение обусловлено объективными обстоятельствами, должны применяться более мягкие меры: временная отсрочка исполнения, пересмотр графика работы, содействие в трудоустройстве. Такой подход позволяет не допускать неоправданного ужесточения и сохранить исправительные работы в качестве действенной альтернативы лишению свободы. Кроме того, важно укрепить взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с работодателями и органами местного самоуправления. Это создаст достаточный запас рабочих мест и уменьшит вероятность ситуаций, когда у осуждённого фактически нет возможности исполнять наказание в виде исправительных работ.

На практике заметный результат способны продемонстрировать именно программы занятости и ресоциализации. Когда осуждённый вовлечён в социально значимую деятельность, которая одновременно обеспечивает источник дохода и поддерживает его общественный статус, вероятность уклонения уменьшается. Региональные инициативы показывают: временная занятость, профессиональное обучение, а также консультирование со стороны психологов и социальных работников значительно сокращают число нарушений. В итоге подобные меры позволяют превратить исправительные работы в действительно действенный инструмент исправления, а не формальную санкцию, исполнение которой часто встречает сопротивление со стороны осуждённых.

Заключение

Итоговое осмысление проблемы приводит к выводу, что уклонение от исправительных работ порождает большое число последствий, охватывающие не только личную судьбу осуждённого, но и семью, государственные структуры и общество в целом. Для самого нарушителя это утрата занятости и дохода, разрыв социальных контактов, возрастание угрозы рецидива. Для государства – дополнительные бюджетные расходы, рост нагрузки на систему исполнения наказаний и усиление процессов маргинализации. Вместе с тем именно исправительные работы обладают потенциалом исправления без изоляции от общества. Следовательно, ключевой задачей уголовно-правовой политики остаётся минимизация случаев уклонения через совершенствование процедур, укрепление системы коммуникации и развитие социальных программ. Только при таком подходе исправительные работы смогут реализовать свои функции: корректировать поведение, предупреждать преступления и сохранять социальную интеграцию осуждённых.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 50. – Электронный ресурс. – Официальный текст в действующей редакции. – (Дата принятия 13.06.1996). – Доступно на официальном правовом портале Российской Федерации. – (Дата обращения: 19.09.2025)
2. Кашкина, Е.В. Концепция трудового воспитания осужденных к исправительным работам как форма воспитательной работы / Е.В. Кашкина, А.А. Широкова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 4. – С. 45–49. – EDN NUQMYG
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.12.2024). – Электронный ресурс. – Официальный текст, с изменениями. – Доступно на портале «Консультант-Плюс». – (Дата обращения: 22.09.2025)
4. Устинов, А.А. Наказания в виде обязательных работ и исправительных работ: проблемы правовой регламентации / А.А. Устинов // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, в 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. Том 3. – Рязань: Академия ФСИН России, 2019. – С. 338–343. – EDN NIBHQM
5. Новиков, Е. Е. О некоторых проблемах уголовно-правового регулирования замены обязательных работ и исправительных работ на более строгое наказание / Е.Е. Новиков // VI

международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: Сборник тезисов выступлений и докладов участников (приуроченный к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»), Рязань, 15–17 ноября 2023 года. – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – С. 116–122. – EDN MWFFXM

6. Волынкин, Е.Е. Принудительные работы как новация Уголовного закона: отличие от исправительных и обязательных работ / Е.Е. Волынкин // Юриспруденция и современная правовая система: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 января 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 67–69. – EDN XVTLRK
7. Урусов, А.А. Обязательные работы и исправительные работы: проблемы Сисполнения / А.А. Урусов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 143–146. – EDN NIKPPM
8. Помогалова, Ю.В. Применение материальной ответственности к осужденным за отказ от выполнения работы в исправительном учреждении / Ю.В. Помогалова // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2023. – № 2. – С. 223–229. – EDN PNCDTT
9. Зауторова, Э.В. Проблемы организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях / Э.В. Зауторова // Вопросы педагогики. – 2020. – № 3–2. – С. 79–82. – EDN PIMJZK
10. Мамонтова, А.А. История становления и развития уголовного наказания в виде исправительных работ / А.А. Мамонтова // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2020. – № 1(3). – С. 43–50. – EDN QHKQXB

CRIMINAL LAW CONSEQUENCES OF EVADING SERVING A SENTENCE OF CORRECTIONAL LABOR

Evseeva E.V.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Correctional labor in the criminal justice system is viewed as a measure combining punitive and educational principles, aimed at maintaining the employment and social ties of convicted individuals. Its effectiveness is largely determined by compliance with established conditions. While evasion is a humane alternative to imprisonment, systematic disregard for regulations as a form of punishment loses its corrective potential and leads to a transition to harsher sanctions, which entails increased social and financial costs. The novelty of this study lies in its examination of the consequences of evasion not only through an analysis of criminal law but also from the perspectives of social adaptation and psychology. In contrast to the traditional emphasis on procedures for recording violations and mecha-

nisms for commutation of sentences, the study addresses personal and societal impacts: job loss, maladjustment, increased risk of recidivism, and increased burden on the penal system and public expenditures. It is worth noting the concept of “malicious evasion,” which establishes grounds for harsher sanctions and combines preventative and repressive effects. Its presence demonstrates the dependence of the effectiveness of correctional labor on the discipline of prisoners and the clarity of law enforcement. The purpose of the study is to systematize the consequences of evasion and identify areas for improving regulation, as well as to develop recommendations, including the development of safeguards and targeted support, to preserve correctional labor as an effective alternative to isolation and reduce the likelihood of recidivism.

Keywords: correctional labor, serving a sentence, penal system, convicted person, law enforcement practice, measures of influence.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: RF Code of 13.06.1996, No. 63-FZ. Art. 50. – Electronic resource. – Official text in the current version. – (Adoption date: 13.06.1996). – Available on the official legal portal of the Russian Federation. – (Accessed: 19.09.2025)
2. Kashkina, E.V. The concept of labor education of persons sentenced to correctional labor as a form of educational work / E.V. Kashkina, A.A. Shirokova // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. – 2023. – No. 4. – pp. 45–49. – EDN NUQMYG
3. Criminal Executive Code of the Russian Federation: Feder. Law of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 28.12.2024). – Electronic resource. – Official text, with amendments. – Available on the ConsultantPlus portal. – (Accessed: 22.09.2025)
4. Ustinov, A.A. Punishments in the form of compulsory labor and correctional labor: problems of legal regulation / A.A. Ustinov // IV International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction”: Materials of international scientific and practical conferences and round tables, dedicated to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, in 10 volumes, Ryazan, November 20–22, 2019. Volume 3. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019. – Pp. 338–343. – EDN NIBHQM
5. Novikov, E.E. On Some Problems of Criminal-Legal Regulation of the Replacement of Compulsory Community Service and Correctional Community Service with a More Severe Punishment / E.E. Novikov // VI International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction”: Collection of abstracts of speeches and reports of participants (dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-I “On the Institutions and Bodies of the Criminal-Executive System of the Russian Federation”), Ryazan, November 15–17, 2023. – Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2023. – Pp. 116–122. – EDN MWFFXM
6. Volynkin, E.E. Forced labor as an innovation of the Criminal Law: difference from correctional and mandatory labor / E.E. Volynkin // Jurisprudence and the modern legal system: current issues, achievements and innovations: collection of articles from the International scientific and practical conference, Penza, January 15, 2024. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2024. – 67–69. – EDN XVTLRK
7. Urusov, A.A. Mandatory labor and correctional labor: problems of execution / A.A. Urusov // Current problems of the fight against crime: issues of theory and practice: Proceedings of the XXVII international scientific and practical conference. In 2 parts, Krasnoyarsk, April 4–5, 2024. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. – pp. 143–146. – EDN NIKPPM
8. Pomogalova, Yu.V. Application of financial liability to convicts for refusing to perform work in a correctional institution / Yu.V. Pomogalova // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2023. – No. 2. – pp. 223–229. – EDN PNCDTT
9. Zautorova, E.V. Problems of organizing educational work with convicts in correctional institutions / E.V. Zautorova // Issues of pedagogy. – 2020. – No. 3–2. – pp. 79–82. – EDN PIMJZK
10. Mamontova, A.A. History of the formation and development of criminal punishment in the form of correctional labor / A.A. Mamontova // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2020. – No. 1 (3). – P. 43–50. – EDN QHKQXB

Теоретические и практические аспекты принятия решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела

Заливин Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: aleks-zalivin@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые вопросы, связанные с возбуждением уголовного дела, включая соотношение категорий «событие преступления» и «состав преступления». Автор приходит к выводу, что в правоприменительной практике наблюдается отсутствие единого подхода к разграничению этих категорий, что нередко приводит к подмене понятий и ошибочным решениям. Анализ понятий «основание» и «повод» выявляет их фактическое отождествление, несмотря на законодательное различие, при этом достаточность оснований остается оценочным критерием, требующим баланса между необоснованным возбуждением дела и игнорированием реального преступления. Отдельное внимание уделено институту отказа в возбуждении уголовного дела и квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Автор отмечает, что правильное оформление постановлений о возбуждении или отказе является ключевым элементом правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, уголовно-процессуальный кодекс, основания, повод, достаточность.

Уголовно-процессуальная и иная связанная деятельность правоохранителей начинается главным образом с принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо же с отказа от его возбуждения. Вопросы, связанные с данным этапом правоприменения, традиционно интересуют исследователей-теоретиков и практикующих специалистов правоохранительной системы [3, с. 215]. Несмотря на продолжительную историю исследования данных аспектов, многие современные специалисты заявляют о наличии множества противоречий, пробелов и проблемных вопросов, снижающих качество правоприменения в данной области. Учитывая это, а также значительное число отказов в возбуждении уголовных дел после проведения соответствующих проверочных мероприятий, представляется весьма **актуальным** обратиться к фундаментальным теоретико-прикладным аспектам данной предметной области.

Прежде всего рассмотрим первую часть изучаемого нами института (сегмента) правоприменения – возбуждение уголовного дела. Говоря о возбуждении уголовного дела, следует в первую очередь поднять вопрос о двух смежных категориях – событие преступления и состав преступления.

Событие преступления процессуалисты определяют в качестве в совокупности фактических элементов: факт совершения деяния, наличие причинной связи между деянием и его последствиями, время и локация совершения деяния [8, с. 194]. Состав преступления, в свою очередь, чаще определяется как правовая конструкция, включающая в себя объект преступления, объективную сторону, субъект и субъективную сторону [8, с. 195].

Если мы говорим об отсутствии события преступления, мы имеем в виду отсутствие факта общественно опасного деяния, тогда как отсутствие состава констатирует наличие данного факта, но отрицает в нем признаки преступной деятельности. Событие преступления реализуется на уровне эмпирического бытия, тогда как состав преступления – не эмпирическая категория, а юридическая конструкция, формализованная в уголовном и уголовно-процессуальном законе. Состав преступления, можно сказать, выполняет функцию своеобразного «фильтра» для квалификации факта деяния как преступного.

В правоприменительной практике по вопросу разграничения двух категорий единства мнений пока не наблюдается; зачастую встречается подмена понятий, выносятся ошибочные решения о возбуждении дел в отсутствие состава. Кроме того, при отсутствии факта деяния (и потому отсут-

ствия события преступления) возбуждаются дела, которые по своей природе заведомо лишены основания. В то же время ситуации, когда факт деяния имеется, но его признаки не образуют состава, ошибочно трактуются как отсутствие события. В данной связи правоведы предлагают законодательно зафиксировать обе категории на уровне законодательных актов и формализовать процедуру квалификации вышеуказанных признаков-индикаторов преступления.

Дальнейшее продолжение процессуальной деятельности направлено на поиск оснований и повода для возбуждения уголовного дела. При отсутствии состава, оснований и(или) повода разбирательство обстоятельств произошедшего прекращается, что документально фиксируется в виде постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Именно повод является «спусковым механизмом» для начала уголовного процесса. Российский законодатель в рамках ст. 140, ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального Кодекса (далее – УПК РФ) вводит две смежные категории – повод и сообщение о преступлении [9].

В некотором роде сообщение о преступлении является одной из разновидностью поводов. Согласно положениям п. 43 ст. 5 УПК РФ сообщение о преступлении может быть реализовано в следующих формах: заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления [9].

На первый взгляд, получение правоохранителями заявления о совершении преступления является наиболее простым и очевидным поводом для возбуждения уголовного дела. Тем не менее, подобное заявление должно содержать определенные данные для того, чтобы считаться поводом для возбуждения дела. Речь идет о таких критериях, как: заявление содержит просьбу привлечь кого-либо к уголовной ответственности, заявление содержит указание на состав преступления. Одним из поводов выступает сообщение о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 141–143 УПК РФ [9]).

Говоря о соотношении категорий «основания» и «повод» для возбуждения уголовного дела, можно понять, что эти два понятия фактически отождествляются, хотя в законодательном массиве они дифференцированы. В реальной практике между двумя понятиями обнаруживается причинно-следственная связь. Повод, как отмечено выше, является своеобразным «триггером», который вызывает орган дознания, следователя или прокурора реагировать. Основание же выступает внутренним результатом проверки повода, свидетельствующем о наличии или отсутствии признаков преступления.

Если в распоряжение следователя поступает постановление прокурора (повод), то это действительно ещё не означает автоматического возбуждения дела. Следователь обязан провести проверку, чтобы установить наличие основания. Лишь сочетание обоих элементов (повод и основание) позволяет принять решение о возбуждении уголовно-

го дела. Безусловно, применение системы «*повод + основание*» способно «вызвать к жизни уголовный процесс» [4, с. 5].

Открытым остается вопрос о достаточности оснований, по которым может быть возбуждено уголовное дело. Одной из причин того является отсутствие законодательной дефиниции и критериев достаточности. УПК РФ фиксирует лишь требование о «достаточных данных, указывающих на признаки преступления» (ч. 2 ст. 140) [9]. Однако, что именно следует понимать под достаточностью, закон не конкретизирует. Это порождает проблему произвольной интерпретации органами дознания, следователями и прокурорами и высокой доли субъективного усмотрения правоприменителей.

Достаточными могут считаться данные, которые раскрывают сведения о самом преступном факте, даже если подробности его совершения на данный момент неизвестны. Подобная неполнота не исключает возможности возбуждения уголовного дела [5, с. 253].

Достаточность выступает оценочным понятием; правоприменители при определении степени достаточности вынуждены искать баланс между необоснованным возбуждением дела и игнорированием реального преступления. В ряде случаев уголовные дела возбуждаются при крайне слабой доказательной базе, что ведёт к последующему прекращению расследования за отсутствием состава преступления. В других ситуациях, напротив, при наличии очевидных данных правоохранительные органы уклоняются от возбуждения дела. Зачастую сам повод содержит в себе достаточные основания. Например, постановление прокурора о направлении материалов для возбуждения дела сопровождается собранными доказательствами, фактически устраняющими необходимость дополнительной проверки. В таких случаях граница между поводом и основанием размывается. В связи с вышеописанными противоречиями в научной литературе предлагается формализовать критерии достаточности, установив минимальный перечень проверочных действий и признаков, которые должны быть зафиксированы для законного возбуждения дела. Это позволило бы снизить долю усмотрения в решениях сотрудников правоохранительных органов.

В отношении категорий «достаточность» и «достаточные сведения/данные» имеется еще один неразрешенный вопрос. Речь идет о том, что законодатель при описании оснований для возбуждения уголовного дела говорит о необходимости наличия не доказательств, а «достаточных данных», указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) [9]. Подобная формулировка приводит к тому, что правоохранители прибегают к сочетанию процессуальных и непроцессуальных способов собирания сведений, как уголовно-процессуальных доказательств, так и информации, полученной оперативно-розыскным, административным или иным путем. Подобно сочетание в правоприменительной практике порождает про-

блему повторного получения этих сведений процессуальным путем при возбуждении уголовного дела – что не всегда возможно [3, с. 215].

Следует также сказать, что для начала производства требуется не установление факта преступления, а наличие обоснованного предположения. Подобный подход отражает превентивный характер процедуры возбуждения уголовного дела: речь идёт о создании условий для проверки фактов, а не о констатации истины.

Отметим также вопрос о совпадении момента возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования. В большинстве случаев возбуждение дела и начало преследования не тождественны. Однако в ситуациях, где само событие преступления невозможно без конкретного субъекта (например, взяточничество), возбуждение дела автоматически влечёт возбуждение преследования в отношении данного лица. Это положение логически согласуется со ст. 46 УПК РФ, закрепляющей процессуальный статус подозреваемого [5, с. 252].

Вторым компонентом рассматриваемой нами правоприменительной области выступает отказ от возбуждения уголовного дела. По мнению юристов, институт отказа в возбуждении уголовного дела выступает «системой связей норм права, которые регламентируют порядок принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела» [2, с. 104]. Кроме того, под институтом отказа в возбуждении уголовного дела можно понимать и совокупность уголовного-процессуальных мер, принимаемых органами предварительного расследования по принятию процессуального решения о невозможности возбуждения уголовного дела.

Важным параметром отказа в возбуждении уголовного дела выступает констатация некоей истины, неполной, но предполагающей возможность ее расширения. Возбуждение уголовного дела в подобном контексте можно понимать как начало ее отыскания. Отказ в возбуждении уголовного дела означает, что данный процесс не может быть начат [6, с. 119].

Положения ст. 24 УПК РФ описывают основания для отказа в возбуждении уголовного дела (или его прекращения): отсутствие факта (события) преступления; отсутствие состава преступления; истечение срока давности; смерть лица, которое выступает обвиняемым или подозреваемым; отсутствие заявления потерпевшего; отсутствие заключения судебного органа о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц [9]. Особого внимания среди вышеперечисленных оснований заслуживают отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления, где прослеживается взаимосвязь описанных выше категорий (событие и состав).

Отсутствие факта преступления предполагает отсутствие общественно опасного деяния как явления объективной действительности. Так, лицо, заявившее о преступлении, может неверно интерпретировать события, которые в действительности не имели отношения к противоправным деяниям

[7, с. 70]. В случае отсутствия состава преступления, факт события установлен, но данное событие (деяние) лишено обязательных признаков преступления. Действие может быть либо правомерным, либо малозначительным. Так, качестве примера можно привести правомерное причинение вреда в рамках положений о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ [10]); причинении вреда при задержании преступника (ст. 38 УК РФ [10]); крайней необходимости (ст. 39 УК РФ); физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ); обоснованного риска (ст. 41 УК РФ) [9]. Также отказ от возбуждения уголовного дела характерен для ситуаций малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ); фактов приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ); невменяемости субъекта (ст. 21 УК РФ); недостижение возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ, ч. 3 ст. 27 УПК РФ [9; 10]); декриминализации деяния новым законом [9].

Помимо вопросов о том, какие основания и выводы, а также сведения считать достаточными, требуется также решить вопросы о квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния [1, с. 73]. Проблема квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, традиционно оказывается на периферии внимания правоведов. Это приводит к парадоксальной ситуации: нормы, прямо предусмотренные уголовным законом (ст. 37–42 УК РФ [10]), остаются слабо исследованными в процессуальном аспекте, что снижает их практическую эффективность и создаёт риски их произвольного применения. Между тем квалификация обстоятельств, исключающих преступность деяния, требует не меньшей, а возможно, и большей точности, чем квалификация самого преступления. При квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, правоприменитель сопоставляет фактическую картину с нормативными предписаниями. На данном этапе главный риск заключается в недостаточной детализации норм, что влечёт увеличение доли усмотрения следователя или суда. Например, при оценке пределов необходимой обороны нередко встаёт вопрос о «соразмерности защиты», который закон определяет в обобщенных формулировках.

Наконец, правоприменитель должен принять решение о возбуждении уголовного дела или об отказе от возбуждения. Подобное решение всегда оформляется постановлением, которое должно содержать: описание повода, установленные фактические данные, правовую оценку и вывод. При возбуждении дела указывается статья законодательства, по которой оно возбуждено. При отказе указывается конкретное основание: отсутствие события преступления; отсутствие состава преступления; истечение сроков давности; иные, прямо предусмотренные законом обстоятельства.

Ключевой проблемой в данном контексте является то, что постановления об отказе часто содержат декларативные формулировки («отсутствуют признаки преступления») без раскрытия фактической и правовой логики. Формулировка «отсутству-

ют признаки преступления», применяемая в большинстве постановлений об отказе, имеет весьма обобщенный характер. Она не раскрывает, какие именно факты были проверены; каким образом они соотносятся с признаками состава преступления; почему установленные обстоятельства исключают уголовно-правовую оценку. Иными словами, отсутствует необходимая фактическая и правовая аргументация, позволяющая проследить логику принятого решения. В результате прокурор или суд, рассматривая жалобу на отказ, лишены возможности объективно оценить обоснованность решения, так как отсутствует фактическая база для анализа. Проверка сводится к формальной констатации наличия документа, а не его содержания. Заявитель, в свою очередь, не понимает, по какой причине отказано в возбуждении дела, и лишён возможности адекватно оспорить решение.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. В российской правоприменительной практике разграничение категорий «событие преступления» и «состав преступления» остается неоднозначным, что нередко приводит к подмене понятий и вынесению ошибочных решений.

2. Понятие достаточности оснований для возбуждения уголовного дела остаётся оценочным и требует уточнения. Необходимо уточнить существующие положения и четко определить, какие сведения и доказательства могут считаться достаточными для законного возбуждения уголовного дела.

3. Момент возбуждения уголовного дела и начало уголовного преследования не всегда совпадают; тем не менее, в отдельных случаях возбуждение дела автоматически влечет начало процесса.

4. Институт отказа в возбуждении уголовного дела играет ключевую роль в регулировании процессуальных решений и предотвращении нарушений прав участников.

5. Квалификация обстоятельств, исключающих преступность деяния, остается слабо исследованной областью, что требует внимания со стороны исследователей-теоретиков и правоприменителей.

6. Постановления о возбуждении или отказе должны содержать детализированное обоснование, включая повод, фактические данные, правовую оценку и ссылку на соответствующие нормы законодательства, что обеспечит прозрачность и законность принимаемых решений.

Литература

1. Благоев, Е. В. О стадиях квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния / Е.В. Благоев // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – № 2. – С. 71–78.
2. Васильев, Ф. Ю. К вопросу о понятии института отказа в возбуждении уголовного дела в российском уголовном процессе / Ф.Ю. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского уни-

верситета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 103–106.

3. Джамиев, М.Р. Стадия возбуждения уголовного дела: быть или не быть в российском уголовном процессе? / М.Р. Джамиев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (75). – С. 214–218.
4. Калинина, В.Ю. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела / В.Ю. Калинина // StudNet. – 2021. – № 10. – С. 11.
5. Кузьмин, А.С. Основание для возбуждения уголовного дела / А.С. Кузьмин, Т.Н. Мухтасипова // Известия ОГАУ. – 2014. – № 4 (48). – С. 252–254.
6. Маслов, А.В. Отказ в возбуждении уголовного дела: правовая природа и проблемы регулирования / А.В. Маслов, А.А. Климентов // Право: история и современность. – 2019. – № 4. – С. 117–121.
7. Тарасова, О.Е. Основания для отказа в возбуждении уголовного дела / О.Е. Тарасова, М.С. Ковинько // International scientific review. – 2020. – № LXVI. – С. 68–71.
8. Тажиева, С.Н. Разграничение состава и события преступления как оснований для отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела / С.Н. Тажиева, В.А. Савенко // Сфера науки. – 2025. – № 2. – С. 193–197.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 «174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // КонсультантПлюс. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Дата доступа: 30.08.2025.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 02.09.2025.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF DECISION-MAKING ON INITIATION OR REFUSAL TO INITIATE A CRIMINAL CASE

Zalivin A.N.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyses the key issues related to the initiation of a criminal case, including the relationship between the categories of criminal event and corpus delicti. The author concludes that in law enforcement practice there is no unified approach to distinguishing between these categories, which often leads to the substitution of concepts and erroneous decisions. The analysis of the concepts of “reason” and “reason” reveals their actual identification, despite the legislative difference, while the sufficiency of the grounds remains an evaluation criterion that requires a balance between the unjustified initiation of a case and ignoring a real crime. Special attention is paid to the institution of refusal to initiate a criminal case and the qualification of circumstances that exclude the criminality of an act, which emphasizes the need for a comprehensive and systemic approach to procedural decision-making. The author notes that the correct execution of decisions on initiation or refusal is a key element of law enforcement practice.

Keywords: criminal case, initiation of a criminal case, refusal to initiate a criminal case, criminal procedure code, grounds, reason, sufficiency.

References

1. Blagov, E.V. On the stages of qualification of circumstances excluding the criminality of an act / E.V. Blagov // Legal Bulletin of Samara University. – 2023. – No. 2. – P. 71–78.
2. Vasiliev, F. Yu. On the issue of the concept of the institution of refusal to initiate a criminal case in Russian criminal proceedings / F. Yu. Vasiliev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – No. 4 (68). – P. 103–106.
3. Dzhamiev, M.R. The stage of initiation of a criminal case: to be or not to be in Russian criminal proceedings? / M.R. Dzhamiev // The rule of law: theory and practice. – 2024. – No. 1 (75). – P. 214–218.
4. Kalinina, V. Yu. Reasons and Grounds for Initiating a Criminal Case / V. Yu. Kalinina // StudNet. – 2021. – No. 10. – P. 11.
5. Kuzmin, A.S. Grounds for Initiating a Criminal Case / A.S. Kuzmin, T.N. Mukhtasipova // Izvestia of the OGAU. – 2014. – No. 4 (48). – P. 252–254.
6. Maslov, A.V. Refusal to Initiate a Criminal Case: Legal Nature and Problems of Regulation / A.V. Maslov, A.A. Klimentov // Law: History and Modernity. – 2019. – No. 4. – P. 117–121.
7. Tarasova, O.E. Grounds for Refusal to Initiate a Criminal Case / O.E. Tarasova, M.S. Kavin'ko // International scientific review. – 2020. – No. LXVI. – P. 68–71.
8. Tazhieva, S.N. Distinction between the Composition and the Event of a Crime as Grounds for Refusal to Initiate or Terminate a Criminal Case / S.N. Tazhieva, V.A. Savenko // Sphere of Science. – 2025. – No. 2. – P. 193–197.
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 “174-FZ (as amended on 29.05.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.07.2024) // ConsultantPlus. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Access date: 30.08.2025.
10. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 08.01.2025) [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Access date: 02.09.2025.

Процессуальное положение врача в освидетельствовании по Уставу уголовного судопроизводства

Зашляпин Леонид Александрович,

преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

E-mail: simple.teacher@outlook.com

Статья посвящена анализу процессуального положения врача в освидетельствовании по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. В силу консервативности правосознания юристов, заложенные в данный акт идеи, могут проявляться и в действующем уголовно-процессуальном законе, что подчеркивает актуальность тематики. Автор рассматривается нормативное регулирование процессуального положения врача в освидетельствовании и синхронные доктринальные позиции, акцентируется внимание на его роли как сведущего лица. Указанное образует объектную область исследования. Основной научной целью, реализуемой в работе, было стремление автора выявить признаки, указывающие на процессуальный статус (процессуальное положение) врача в освидетельствовании. Базовыми методами исследования выступили хронодискретный моногеографический метод и формально-юридический подход. Также в работе иллюстративно использовался лингвистический анализ. Выводы, сформулированные в итоге, сводятся к следующему. Врач в освидетельствовании по Уставу уголовного судопроизводства выступал зависимым участником, лишенным самостоятельного процессуального статуса и субъективных прав, а его участие определялось решениями властных субъектов. Процессуальное положение врача в освидетельствовании не позволяло ему проявлять уголовно-процессуальную активность в данном действии. Это же указывает на ограниченность уголовно-процессуальной дееспособности, дающее основание рассматривать положение исследованного участника как ординарного врача.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, врач, сведущее лицо, специалист, эксперт, судебно-медицинский эксперт, освидетельствование, процессуальное положение, процессуальный статус

Введение

Общепризнанной проблемой отечественного уголовного процесса является наличие участников с неопределенным или частично определенным процессуальным статусом. Уникальное положение этих лиц не позволяет конструировать гармоничные уголовно-процессуальные правоотношения, что может приводить к произволу, конфликтности и процессуальному хаосу. Одним из таких участников является врач. Устранение правовой неопределенности его положения является актуальной задачей отечественной науки. Ее разрешение возможно посредством выявления элементов процессуальной правоспособности и дееспособности врача в таком процессуальном действии, как освидетельствование.

В теории уголовного судопроизводства отдельным аспектам процессуального статуса врача посвящены работы Е.В. Сердюковой и А.А. Чуниха [1], которые занимают коллизионную позицию, одновременно констатируя отсутствие у врача процессуального статуса, но признавая его самостоятельной процессуальной фигурой; В.Ф. Васюкова, касающегося вопросов процессуального положения врача в исследовании о проблемах становления института освидетельствования [2, с. 69–72]; Н.С. Юшеевой, выделяющей особенности применения медицинский знаний в правоприменении в различные исторические периоды, но без реализации научной цели определения правового положения врача, касаясь его лишь фрагментарно [3, с. 419–423]; А.В. Кудрявцевой и А.В. Петрова, исследовавших применение медицинских знаний в период действия Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), но не рассматривавших конкретно проблематику статуса (процессуального положения) врача в уголовном процессе [18, с. 224–228]. Этой же тематике посвящено наше исследование [4, с. 352–357], в котором на основе анализа норм и доктринальных положений была предпринята попытка выявить признаки процессуального положения врача (статуса врача) в период действия УУС, советского и нынешнего уголовно-процессуального права, но в связи с проявлениями правоспособности и дееспособности врача в осмотре трупа.

Отличие настоящей статьи от уже имеющихся состоит в том, что в ней в качестве научной цели предполагается выделение признаки, указывающих на наличие процессуального статуса (процессуального положения) врача в таком процессуальном действии как «освидетельствование». При

этом объектной областью исследования является законодательство эпохи Александра II и доктринальные подходы, соответствующие этому же временному периоду, что является значимым, в связи с тем, что констатируемые проблемы современного уголовно-процессуального закона [3, с. 196] во многом связаны с дефектами законодательной конструкции, которые проявились еще в УУС. Выявление этих проблем может содействовать устранению дефектов действующего закона.

Особая объектная область исследования позволяет реализовать в качестве основного хронодискретный моногеографический метод [5], предполагающий изучение схожих процессуальных институтов (в нашем случае освидетельствования) в различные исторические периоды. Одновременно это обеспечивает системность исследования и представления его результатов в комплексе наших работ о процессуальном положении врача, проявляемом в различных процессуальных действиях (осмотре трупа, освидетельствовании и т.п.) [4, с. 352–357].

Основная часть исследования

Моделью для формирования предметного знания о статусе (положении) врача в освидетельствовании являются правила Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), формирующие исследовательский шаблон настоящей статьи. Согласно этим правилам: А) врач привлекается к освидетельствованию в случае необходимости (не является основным участником) (ч. 3 ст. 173 УПК РФ); Б) может быть заменен в освидетельствовании другим специалистом (ч. 3 ст. 179 УПК РФ); В) в действии, связанном с обнажением, врач производит освидетельствование (становится основным участником следственного действия), другой специалист в этом случае в законе не упоминается (ч. 4 ст. 179 УПК РФ); Г) проведение освидетельствования в ходе судебного следствия, связанного с обнажением освидетельствуемого лица, производится врачом (ч. 2 ст. 290 УПК РФ); Д) врач в освидетельствовании в ходе судебного следствия может быть заменен иным специалистом (ч. 2 ст. 290 УПК РФ); Е) врач или иной специалист в результате освидетельствования в судебном следствии составляет акт освидетельствования (ч. 2 ст. 290 УПК РФ).

Наложение данного шаблона на нормативный контекст УУС выявляет следующие положения.

Выявление в содержании правил об освидетельствовании живых лиц по УУС процессуального положения врача, вероятно, должно было связываться с положением сведущего лица. Нормы ст. 979 УУС выделяли сведущих людей, не являющихся врачами. Толкование этого правила позволяет считать, что существовали сведущие лица, являющиеся врачами. Эта дихотомия видится достаточно очевидной, позволяя ее аксиоматизировать для настоящей статьи и далее вести исследование о врачах как разновидности сведущего

лица. К тому же она подтверждается положениями ст. 326 УУС. Примечательно, что в советское время в теории уголовного процесса были достаточно распространены конструкции «адвокат – защитник», «адвокат – представитель», указывавшие на слияние общеправового статуса адвоката с уголовно-процессуальным статусом защитника или представителя. В этом случае словосочетание с тире во втором своем элементе выступает как апозитив, поясняющий конкретную функцию адвоката, что позволяет по аналогии использовать конструкцию «врач – сведущее лицо», в котором последняя его часть является уточнением роли врача в процедуре освидетельствования с его участием.

Примечательно, что уже в то время Л.Е. Владимиров использовал в научном обороте конструкцию с тире «врач – эксперт» [17], что создавало теоретическую перспективу развития статуса эксперта. Сегодня же предлагается восстановить статус сведущего лица. Формулируя эту идею В.Ю. Владимиров и Т.В. Фомина, одновременно указывают на то, что в дореволюционном праве сведущие люди не должны были производить экспертные исследования, а «их роль заключалась ... в выражении мнения (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Л. З.)» в ходе освидетельствования [6, с. 115]. Дореволюционные ученые понимали врачей как сведущих лиц [9, с. 78]. По этой причине конструкция «врач – сведущее лицо» видится достаточно закономерной.

Первой по очередности упоминания нормой в рассматриваемом акте могли являться правила ст. 112 УУС. Их содержание включало положение о том, что при необходимости определения характера травмы, полученной в результате совершения преступного деяния, требующего применения медицинских знаний, возможно было вовлечение в процессуальные действия врач, как носителя этих знаний. Общая правоспособность врача (вероятно, по мнению законодателя того времени) в этом случае могла транслироваться в его специальную процессуальную правоспособность как участника уголовного судопроизводства.

Приведенное положение допускало применение при производстве по уголовному делу медицинских знаний в уголовно-процессуальной форме, не связанных с юридическими нормами [15, с. 2], что привело к исторически сложившемуся парадоксу, в котором регулируемым законом средством для познания преступного события являются не только нормы уголовно-процессуального права, но и медицинская отрасль человеческого знания. Без этого была невозможна реализация многих конструкций уголовного и уголовно-процессуального законов. Медицина стала иным (параллельным) регулятором процессов познания преступных действий против личности. Даже сегодня *de visu* можно столкнуться с ситуацией, в которой следователь вместо проведения освидетельствования лица по правилам УПК РФ направляет его к врачу-травматологу «для снятия побоев» (проведения медицинского осмотра по медицинским правилам).

Современные ученые полагают, что приведенный нами выше исследовательский шаблон возможен для анализа рассматриваемого нормативного акта. Так, В.Ф. Васюков полагает, что законодатель Российской Империи видел освидетельствование в качестве обособленного процессуального действия, аналогичного современному освидетельствованию [2, с. 70]. Из этого может следовать процессуальная гомогенность институтов освидетельствования в УУС и действующем уголовно-процессуальном законе, что позволяет в дальнейшем сравнивать процессуальное положение врача в этом действии по разным законам.

При этом надо признать, что в отличие от словосочетания с тире «адвокат – защитник», содержащее уточнение, связанное с активной уголовно-процессуальной функцией защитника, требующей соответствующей процессуальной дееспособности, в конструкции «врач – сведущее лицо» имманентен иной характер. Из приведенного выше положения ст. 112 УУС было очевидно, что она адресована властным участникам правоотношений – лицам, способным принимать процессуальное решение о привлечении врача. Правило поведения (диспозиция), следовавшего за гипотезой, сводилось к тому, что уполномоченное лицо (в данном случае мировой судья) вызывало врача для участия в процессуальном действии.

И.Г. Савицкая в своей позиции, несколько отличной от точки зрения В.Ф. Васюкова, считает, что положения УУС не предусматривали очевидного участия сведущих лиц в процессуальных действиях, но допускали их фактическое участие в процессуальных действиях по инициативе судебного следователя или суда. Поэтому врач в интерпретации данного ученого являлся помощником властных участников правоотношений [7, с. 180]. Самостоятельное инициирование врачом участия в освидетельствовании было невозможным. Как отмечено в решении уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената (далее – решение кассационного департамента) № 837 от 30 марта 1873 г. врач мог стать участником процесса только после соответствующего процессуального решения об этом судебного следователя [8, с. 1316]. Если адвокат потенциально содержит в своем правовом статусе возможность быть защитником, то врач (соответственно его общей правоспособности и дееспособности лечить больных) такой ориентации не имел.

Приведенное положение формировало некоторую регулятивную модель, в которой потребность властного участника уголовно-процессуальных отношений в собирании доказательств являлась основанием для привлечения врача – сведущего лица к участию в освидетельствовании. Соответственно этой модели общее правило присутствовало во множестве норм анализируемого устава, регулирующих процессуальное положение сведущих людей (статьи 112, 325, 538, 692, 879 УУС), а также прямо упоминалось и относительно процессуального положения врача (ст. 336 УУС). Из этого

следует, что врач мог рассматриваться зависимым участником уголовного процесса не только в силу решения уполномоченного лица, но и в результате потребности, закрепленной в законе и удовлетворяемой не юристом. Его место в процессуальном действии определялось решением властного участника, что исключало претензию на правовое положение как самостоятельного участника. По этой причине нельзя согласиться с ранее приведенной позицией Е.В. Сердюковой и А.А. Чуниха, усматривающих признак самостоятельности в положении врача [1]. Зависимость являлась одним из существенных качеств данного субъекта, привлекаемого уполномоченным лицом, что предполагало и выход врача из производства по уголовному делу после завершения освидетельствования, к которому он был привлечен. Положение обычного врача оказывалось временным – только для участия в конкретном действии.

Пытаясь сконструировать процессуальный статус ординарного врача, очевидно необходимо учитывать его отличительный признак – наличие у него специальных знаний. Российский законодатель конца XIX в. обозначал это терминами «специальные сведения», «опытность» (статьи 112, 325 УУС). Однако, относительно освидетельствования указанная осведомленность и опытность в применении медицинских сведений могла толковаться двояко, влияя на определение процессуального положения обычного врача в отличие от судебного врача, проводившего исследование трупа.

Это качество рассматриваемого лица достаточно часто упоминалось в юриспруденции того времени [9, с. 77–78]. Однако, его обязательность была не вполне очевидна. Дело в том, что согласно решению кассационного департамента № 412 от 12 апреля 1869 г. выбор сведущих лиц «*совершенно предоставлен суду и проверке* (проверке – Л. З.) *не подлежит*» [14, с. 553]. В правовой позиции, сформированной указанным органом, отвергалась специализация как критерий требуемых специальных знаний. Никаких формальных процедур проверки наличия специальных компетенций УУС не содержал ни для досудебного, ни для судебного производства.

С одной стороны, что соответствует общей правоспособности врача как медицинского работника, уставные нормы обоснованно упоминали его как субъекта применения медицинских знаний. Такой нормативный контекст был очевиден в правилах ст. 336 УУС, приводящих в качестве объекта освидетельствования различного рода повреждения на теле человека, являвшиеся следами насилия, а также состояния здоровья потерпевшего или обвиняемого, соответствующих медицинской специальности; ст. 349 УУС об исследовании ран, побоев, увечья, изнасилования и т.п. Этот объект является обычным для лечебной практики. Однако для уголовного процесса было необходимым не лечение травм, а их выявление и описание для целей доказывания. Необходимы были компетенции, аналогичные компетенциям следователя, но для

собирания следов особого рода – следов на теле человека. Правила упомянутых норм ориентировали привлеченного участника уголовного процесса для такого исследования побоев, увечий, которое предполагало наличие специальных знаний судебного, а не ординарного врача. В связи с этим в законе прослеживалось развитие норм о статусе судебно-медицинского эксперте *ex officio*, привлекаемого к делу в качестве судебного эксперта для проведения соответствующих самостоятельных исследований (судебно-медицинской экспертизы живых лиц) и соответствующего доминирующего выражения в уставе признаков данного участника. Указанное одновременно минимизировало представление в уставе процессуального положения обычного врача, не позволяя категоричных утверждений о его статусе (положении).

Судебный врач, как участник «производящий экспертизу» [10, с. 20] получил в научных исследованиях того времени больше внимания, оставляя ординарного врача на периферии его изучения учеными-юристами. При этом, например, О. Вислоцкий, утверждал, что в УУС использованы «два слова: сведущее лицо, для обозначения эксперта вообще, и судебный врач, для обозначения медика эксперта» [10, с. 18], фактически не оставляя места в уголовном процессе ординарному врачу, не проводившему экспертное исследование. При этом несмотря на то, что мы приводим в настоящей работе различные решения кассационного департамента, иллюстрирующие нашу позицию, какой-либо серьезной практики понимания процессуального положения врача в освидетельствовании, данный орган не выработал за все годы его существования.

С другой стороны, в анализируемом нормативном акте присутствует ряд правил, согласно которым обычный врач не является обязательным участником освидетельствования. Это, например, очевидно из положений статей 105 и 258 УУС, предусматривающих проведение освидетельствования мировым судьей или полицейским; ст. 315 УУС, допускающей производство данного действия судебным следователем; ст. 879 УУС, устанавливавшей правило о привлечении судебной палатой сведущих людей, что должно было относиться и к ординарным врачам, лишь в тех случаях, когда палата это признавала необходимым. Совокупность имевшихся норм подчеркивала, таким образом, имманентность полномочий на проведение освидетельствований и юристам (использования ими элементов «специального знания», являющегося распространенным, бытовым, присущим многим специальностям); правило ст. 879 УУС подчеркивало недвусмысленность положения, в котором ограничительная частица «лишь» в придаточном условии «*лишь тогда, когда палата...*» указывала исключительность этого условия, связанного с решением властного субъекта. По умолчанию (в случае отсутствия решения) врач к освидетельствованию не привлекался. В такой нормативной конструкции он утрачивал свое особое качество

носителя медицинских знаний и потому не являлся обязательным участником (не статусным участником) освидетельствования. Проведение освидетельствования было возможно судебным следователем, мировым судьей, полицией с применением их профессиональных знаний.

Позиции ученых в этом случае проявляли нормозависимость. А.П. Чебышев-Дмитриев упоминал производство освидетельствования самим судебным следователем без участия врача [9, с. 77]. В решении кассационного департамента № 24 от 7 октября 1903 года указывалось, что всякое сведущее лицо (а стало быть, и врач) могло быть заменяемо [11, с. 52].

Отсутствие у ординарного врача уникального процессуального статуса следует не только из ранее приведенной нормы ст. 979 УСС о врачах – сведущих лицах, но и открытого списка сведущих лиц, задаваемый в ст. 326 УУС. В качестве таких могли привлекаться врачи, фармацевты, профессора и т.д., что предусматривало применение общих правил для определения их процессуального положения, а не для отдельной категории, например, врачей. При этом медицинские работники дополнительно дифференцировались в уставе на военных, гражданских, вольнопрактикующих (ст. 337 УУС), с особым указанием на их отличие от судебных врачей (тех лиц, которые сегодня именуются судебно-медицинскими экспертами по должности). Ординарные врачи, что подчеркивалось в ст. 337 УУС, являлись лишь лицами, замещающими судебных врачей в качестве исключения. Получалось, что даже в тех случаях, когда властный участник освидетельствования усматривал необходимость участия в этом действии носителя медицинских знаний, то прежде всего он ориентировался на судебного врача.

Вполне обоснованно Н.Г. Шурухнов полагал, что нормативные правила УУС об освидетельствовании необходимо было понимать как правила о проведении экспертизы, что предусматривало привлечение к делу врача с особым статусом – судебного врача [12, с. 219, 221]. Уместна, в связи с этим, и ранее упомянутая позиция О. Вислоцкого о понимании в уставе врачей как экспертов [10, с. 18].

Врач, привлекаемый к освидетельствованию, помимо наличия у него медицинских знаний, должен был обладать также иными качествами. Так, например, законодатель Российской Империи устанавливал для сведущих лиц такой критерий, что относилось и к ординарному врачу, как достоверность его в качестве свидетеля (ст. 327 УУС). В отличие от ныне действующего уголовно-процессуального закона этот критерий относился не к доказательству, а самому источнику доказательств – медицинскому работнику, привлеченному к освидетельствованию. Возможно, что в этом крылась идея общей правоспособности и дееспособности врача, которая могла быть преобразована в специальную правоспособность и дееспособ-

ность свидетеля, имеющего квалификацию, связанную с медициной.

На указанное положение обращалось внимание как в прошлом, так и в настоящем. Сегодня, например, доктор биологических наук Л.М. Исаева подчеркивает, что в УУС особое внимание уделялось квалификации врачей [13, с. 66]. Указанное, вероятно, более присуще правопониманию медиков, толкующих приведенную выше норму. Такой подход допускают и современные юристы [16, с. 125]. В решении же кассационного департамента № 412 от 12 апреля 1869 г. отмечалось, что властные участники являются лицами, осуществляющими выбор сведущего лица, которое должно соответствовать нормам ст. 693 УУС [14, с. 553], то есть не быть лицом, участвующим в деле, свидетелем, судьей и т.п. Одновременно уполномоченный орган в этом случае, отверг довод заявителя о профессиональной специализации сведущего лица. Схожая позиция была сформирована и в решении кассационного департамента № 24 от 7 октября 1903 года [11, с. 51], связывающая качество достоверности с отсутствием оснований для отвода сведущего лица.

Коррелирующей нормой положениям ст. 327 УУС было требование ст. 694 УУС о том, что врачи – сведущие лица должны «*приводиться к присяге* тем же порядком, как и *свидетели*». Юридически правовое положение рассматриваемого участника явно и последовательно формировалось как лица, содействующего правосудию (выполняющего соответствующую функцию), но не обладающего (по общему правилу) самостоятельностью. Ограниченность процессуального положения врача – сведущего лица рамками освидетельствования предполагала его отождествление с положением свидетеля.

В этом случае проявляется очевидное сближение правового положения свидетеля и врача по выполняемой функции содействия правосудию. Логична с связи с этим констатация И.Г. Савицкой положения сведущего лица по УУС в освидетельствовании как помощника судьи или судебного следователя [7, с. 180]. Всякое лицо, содействующее правосудию, должно предусматривать схожий порядок участия в производстве по уголовному делу.

Самостоятельность же врача – сведущего лица возникала лишь в единственном случае, когда он был привлечен к освидетельствованию женщины, связанного с ее обнажением. Судебный следователь (а он мыслился лишь лицом мужского пола), если освидетельствуемая возражала против его участия в этом действии, связанном с обнажением, не участвовал в его проведении (статьи 331 и 351 УУС), что влекло преобладание роли врача в освидетельствовании. Однако, это – экстраординарный случай, во всех иных случаях самостоятельность ординарного врача исключалась.

Последние из приведенных правил проявились в ныне действующем уголовно-процессуальном законе. Однако, необходимо учитывать существенные различия правоприменительных реалий. В пе-

риод действия УУС судебный следователь и врач всегда – лица мужского пола. Сегодня следователь и врач могут быть лицами женского пола в том числе. Прямая аналогия между нормативными актами ограничена. По судебному уставу некоторое изменение процессуального положения ординарного врача в освидетельствовании обнаженной женщины было следствием действия этических, а не юридических норм. Законодатель Российской Империи в этом случае учитывал моральные запреты, исходящие из гендерных статусов. Соответственно в этом случае можно фиксировать наличие социально-этического статуса ординарного врача в освидетельствовании, но не юридического.

Субъективные права, которые могли бы быть одним из признаков процессуального статуса врача, в содержании УУС не очевидны. Так, например, рассматриваемый нормативный акт содержал положение о том, что освидетельствование производится через сведущих людей (ст. 315 УУС), к которым мог относиться и врач (ст. 326 УУС). Такая форма нормативного регулирования подтверждала правосубъектность и процессуальную правоспособность ординарного врача. Он упоминался в законе и имел возможность участвовать в освидетельствовании, однако, анализируемый устав не предусматривал специальной дееспособности врача. Диспозиция этой нормы не упоминала субъективных прав врача, правил его поведения в освидетельствовании, а соответственно не предполагала его самостоятельности в данном процессуальном действии.

В дореволюционной литературе мы нашли критику Л.Е. Владимирова позиции И.Л. Каспера, сводимой к суждению, что участвующий в процессуальных действиях «*врач – всего лишь врач*» (17, с. 21–22). Однако сама семантика термина «врач» связывала его с лечебным делом. В освидетельствовании же никогда не ведется речи о диагностических действиях и лечебных процедурах врача, то есть о сути врачебной деятельности.

Справедливости ради необходимо упомянуть, что УУС содержал обязанность судебного следователя представлять сведущим лицам вопросы, подлежащие разрешению (ст. 332 УУС). Врач в этом случае предполагался субъектом, обладающим правом потребовать эти вопросы, поскольку без формулирования процессуальной задачи его участие в освидетельствовании утрачивало бы смысл. Опять же, и в этом случае мы можем фиксировать проявление процессуальной правоспособности и неурегулированность дееспособности врача, обязанность следования реализации процессуального интереса (процессуальным целям и задачам) судебного следователя. Интерес врача предполагался пассивным и заключался в содействии судебному следователю (суду), обеспечении реализации целей (задач) этих лиц. Одновременно, диспозиция нормы ст. 332 УУС могла связываться с участием врача в освидетельствовании, которое понималось как производство экспертизы. Большинство поло-

жений устава не применялись к освидетельствованию врачом.

В уставе Александра II присутствовали субъективные права врача в уголовном процессе, но они не касались процессуальных действий. Так, у данного участника было субъективное право на обжалование действий, связанных с его притеснением и неправильными взысканием с него (статьи 492 и 894 УУС), права на частичную компенсацию его расходов (ст. 192, 978 УУС). Указанное закономерно для предусматриваемой обязанности врача – сведущего лица явиться для участия в освидетельствовании (ст. 114, 328, 337, 690 УУС) и соответствовало модели регулирования другого участника, содействующего правосудию, свидетеля.

Вывод

Итогом из проведенного анализа норм судебного устава является предположение о реализации врачом в освидетельствовании функции содействия правосудию, констатация отсутствия процессуального интереса врача в участии в освидетельствовании, отсутствия субъективных прав, позволяющих ему активно действовать в ходе освидетельствования (процессуальной дееспособности). Речь при таком нормативном регулировании могла идти лишь о наличии у врача зависимого процессуального положения, отсутствии у него самостоятельного процессуального статуса, дающего основание говорить о соответствующем процессуальном положении ординарного врача в освидетельствовании.

Литература

1. Сердюкова, Е.В. Процессуальное положение врача в уголовном судопроизводстве / Е.В. Сердюкова, А.А. Чуниха // Бизнес и общество. – 2022. – № 4 (36). – EDN SSMQYO.
2. Васюков, В.Ф. Особенности становления института освидетельствования в российском уголовном процессе / В.Ф. Васюков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 5 (25). – С. 69–72. – EDN RFUGGP.
3. Юшеева, Н.С. Освидетельствование с использованием медицинских знаний в досудебном производстве: история и перспективы / Н.С. Юшеева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 419–423. – EDN XQNOEX.
4. Зашляпин, Л.А. Тенденции конструирования статуса врача в осмотре трупа / Л.А. Зашляпин // Юридическая наука. – 2025. – № 5. – С. 352–357.
5. Российские хронодискретные институты / А.А. Демичев, Е.А. Волосатых, Е.В. Гольцман [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2022. – 246 с. – ISBN 978-5-466-01956-8. – EDN XRWGRR.
6. Владимиров, В.Ю. Понятие носителя специальных знаний в Российском уголовном судопроизводстве. Историко-криминалистический аспект / В.Ю. Владимиров, Т.В. Фомина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 12. – С. 110–116. – DOI 10.37882/2223–2974.2022.12.04. – EDN BIDENM.
7. Савицкая, И.Г. Формы участия сведущих лиц в дореволюционном уголовном судопроизводстве / И.Г. Савицкая // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2017. – № 2. – С. 179–181. – EDN ZQJCDT.
8. Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената 1873 года, второе полугодие. – Санкт-Петербург.
9. Чебышев-Дмитриев, А.П. Курс русского уголовного процесса / А.П. Чебышев-Дмитриев. [В 2 ч.]. – Санкт-Петербург: В. Кравченко, 1868/9. – 336 с.
10. Вислоцкий Ф. В. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в применении преимущественно к русскому уставу уголовного судопроизводства / Ф.В. Вислоцкий. – Варшава: тип. И. Унгра, 1872. – 176 с.
11. Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. 1903. – Санкт-Петербург. – 87 с.
12. Шурухнов, Н.Г. Регламентация нормами устава уголовного судопроизводства (УУС) 1864 года использования специальных знаний сведущих лиц при проведении следственных действий / Н.Г. Шурухнов // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 25–26 сентября 2014 года / А.А. Протасевич (отв. ред.). – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2014. – С. 218–224. – EDN UAQFDF.
13. Исаева, Л.М. Развитие правового регулирования использования медицинских знаний в уголовном судопроизводстве царской России / Л.М. Исаева // Медицинская экспертиза и право. – 2013. – № 5. – С. 63–67. – EDN ROQDOP.
14. Решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 года, первое полугодие. – Санкт-Петербург.
15. Практическое руководство к судебной медицине И.Л. Каспера. Ч. 2 (танатологическая). Санкт-Петербург, 1878. – 52 с.
16. Латыпов, В.С. Совершенствование института содействия правосудию, путем привлечения сведущих лиц по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года: историко-правовой аспект / В.С. Латыпов // Актуальные вопросы права и правоприменения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (26 окт. 2018 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – с. 124–127.

17. Владимиров, Л. Е. О значении врачей – экспертов в уголовном судопроизводстве / Л.Е. Владимиров. Харьков, 1870. – 136 с.
18. Кудрявцева, А.В. Использование знаний сведущих лиц в дореволюционном законодательстве России: вопросы теории / А.В. Кудрявцева, А.В. Петров // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 2(39). – С. 224–228. – EDN SFIOIL.

THE PROCEDURAL STATUS OF A DOCTOR IN THE EXAMINATION UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE CODE

Zashlyapin L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is dedicated to the analysis of the procedural status of the doctor in examinations according to the Code of Criminal Procedure of 1864. Due to the conservativeness of legal consciousness among lawyers, the ideas enshrined in this act may manifest in the current criminal procedural law, which underscores the relevance of the subject matter. The author examines the normative regulation of the procedural status of the doctor in examinations and concurrent doctrinal positions, emphasising his role as an informed individual. This forms the object area of the research. The primary scientific objective of the work was to identify signs indicating the procedural status of the doctor during the assessment. The fundamental research methods employed were the chronodiscrete monogeographic method and a formal legal approach. Linguistic analysis was also illustratively used in the work. The conclusions drawn ultimately come down to the following. The doctor in the examination under the Criminal Procedure Code acted as a dependent participant, deprived of independent procedural status and subjective rights, and his participation was determined by the decisions of the authoritative subjects. The procedural status of the doctor in the examination did not allow him to exhibit any criminal procedural activity in this action. This also indicates the limitations of criminal procedural capacity, providing grounds to consider the position of the examined participant as that of an ordinary doctor.

Keywords: criminal procedure, criminal justice, doctor, witness, specialist, expert, forensic expert, examination, procedural position, procedural status

References

1. Serdyukova, E.V. The procedural status of a doctor in criminal proceedings / E.V. Serdyukova, A.A. Chunikha // Business and Society. – 2022. – No. 4 (36). – EDN SSMQYO.
2. Vasyukov, V.F. Features of the formation of the institution of medical examination in the Russian criminal process / V.F. Vasyukov // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2011. – No. 5 (25). – pp. 69–72. – EDN RFUGGP.
3. Yusheeva, N.S. Medical examination using medical knowledge in pre-trial proceedings: history and prospects / N.S. Yusheeva // Gaps in Russian Legislation. – 2018. – No. 3. – pp. 419–423. – EDN XQNOEX.
4. Zashlyapin, L.A. Trends in constructing the status of a doctor in corpse examination / L.A. Zashlyapin // Legal Science. – 2025. – No. 5. – pp. 352–357.
5. Russian Chronodiscrete Institutions / A.A. Demichev, E.A. Volosat'ykh, E.V. Goltsman [et al.]. – Moscow: Limited Liability Company "Rusains," 2022. – 246 p. – ISBN 978-5-466-01956-8. – EDN XRWGRR.
6. Vladimirov, V. Yu. The Concept of the Holder of Special Knowledge in Russian Criminal Proceedings. Historical and Forensic Aspect / V. Yu. Vladimirov, T.V. Fomina // Modern Science: Relevant Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. – 2022. – No. 12. – P. 110–116. – DOI 10.37882/2223–2974.2022.12.04. – EDN BIDENM.
7. Savitskaya, I.G. Forms of Participation of Informed Persons in Pre-Revolutionary Criminal Proceedings / I.G. Savitskaya // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2017. – No. 2. – P. 179–181. – EDN ZQJCDT.
8. Decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate of 1873, second half of the year. – Saint Petersburg.
9. Chebyshev-Dmitriev, A.P. Course on Russian Criminal Procedure / A.P. Chebyshev-Dmitriev. [In 2 parts]. – Saint Petersburg: V. Kravchenko, 1868/9. – 336 p.
10. Vyslotsky F.V. On the merits of forensic examination in criminal proceedings primarily in relation to the Russian Code of Criminal Procedure / F.V. Vyslotsky. – Warsaw: Typ. I. Ungra, 1872. – 176 p.
11. Decisions of the criminal cassation department of the Governing Senate. 1903. – St. Petersburg. – 87 p.
12. Shurukhnov, N.G. Regulation of norms of the Code of Criminal Procedure (CCP) of 1864 regarding the use of special knowledge by knowledgeable persons during investigative actions / N.G. Shurukhnov // Criminal procedural and forensic means to ensure the effectiveness of criminal proceedings: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 25–26, 2014 / A.A. Protasievich (ed.). – Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law, 2014. – P. 218–224. – EDN UAQFDF.
13. Isaeva, L.M. The development of legal regulation of the use of medical knowledge in criminal proceedings in Tsarist Russia / L.M. Isaeva // Medical Expertise and Law. – 2013. – No. 5. – P. 63–67. – EDN ROQDOP.
14. Decisions of the Criminal Cassation Department of the Governing Senate for the year 1869, first half of the year. – Saint Petersburg.
15. Practical Guide to Forensic Medicine by I.L. Kaspers. Part 2 (Thanatological). Saint Petersburg, 1878. – 52 p.
16. Latypov, V.S. Improvement of the institution of assisting justice by involving knowledgeable persons according to the Statute of Criminal Procedure of 1864: historical and legal aspect / V.S. Latypov // Current Issues of Law and Law Enforcement: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 26, 2018). – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – P. 124–127.
17. Vladimirov, L.E. On the Significance of Expert Physicians in Criminal Proceedings / L.E. Vladimirov. Kharkiv, 1870. – 136 p.
18. Kudryavtseva, A.V. The Use of Knowledge of Experts in Pre-revolutionary Legislation of Russia: Theoretical Issues / A.V. Kudryavtseva, A.V. Petrov // Herald of Omsk University. Series: Law. – 2014. – No. 2(39). – P. 224–228. – EDN SFIOIL.

Использование досудебной оценки и судебной экспертизы в процессе оспаривания нерыночных сделок в рамках дела о банкротстве

Канцер Юрий Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО
«РАНХиГС при Президенте РФ»
E-mail: yurikantser@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы использования досудебной оценки и судебной экспертизы при оспаривании нерыночных сделок в рамках дел о банкротстве. Автор подчеркивает, что ключевым критерием признания сделки оспоримой в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является факт неравноценного встречного исполнения, который носит экономический характер и требует доказывания. Анализируются правовые основы оценочной деятельности, требования к отчету оценщика, а также роль досудебной оценки как средства предотвращения оспаривания сделки или защиты от него. Особое внимание уделяется сравнению досудебной оценки и судебной экспертизы, их доказательственной силе, процессуальным особенностям и ограничениям. Отмечается, что наличие квалифицированного отчета об оценке может не только повлиять на исход судебного разбирательства, но и предотвратить подачу заявления об оспаривании. В то же время судебная экспертиза обладает повышенной доказательственной силой благодаря процессуальным гарантиям и ответственности эксперта. Также рассматриваются механизмы проверки достоверности оценки – рецензии специалистов и экспертиза отчета саморегулируемыми организациями оценщиков.

Ключевые слова: нерыночная сделка, банкротство, оспаривание сделок, досудебная оценка, судебная экспертиза, рыночная стоимость, оценочная деятельность, отчет об оценке, неравноценное встречное исполнение, конкурсная масса, арбитражный процесс.

Нерыночные сделки, как часть конкурсного права, требуют тщательного анализа, поскольку их оспаривание является одним из механизмов пополнения конкурсной массы должника и дальнейшего удовлетворения требований кредиторов.

В качестве индикаторов нерыночных сделок может служить заниженная относительно рыночной стоимости цена, изменение сроков оплаты или других условий, выгодных для одной стороны. Предполагается, что именно эти сделки, совершаемые в течение года до возбуждения дела о банкротстве, приводят к несостоятельности (банкротству) должников.

Как правило, сделки на нерыночных условиях используются для сокрытия активов во избежание их попадания в конкурсную массу, реального сохранения активов за должником и неудовлетворения требований кредиторов.

Анализируя действующее законодательство, под нерыночной сделкой следует понимать оспоримую возмездную сделку, совершенную при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки на условиях, отличающихся в существенно худшую для должника сторону по сравнению с аналогичными сделками.

Основными маркерами нерыночной сделки являются:

- Правомерные действия частных лиц;
- Волевые действия частных лиц;
- Направленность на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей;
- Неравноценное встречное исполнение.

Однако одно из ключевых обстоятельств для оспаривания сделки в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве – неравноценное встречное исполнение обязательств – носит экономический характер. В связи с этим на практике при оспаривании нерыночных сделок судья при рассмотрении заявления о признании такой сделки недействительной критически относится к доводам заявителя о том, что такая сделка имеет неравноценное встречное исполнение в условиях отсутствия каких-либо доказательств.

На практике при рассмотрении зачастую привлекается эксперт-оценщик, но иногда доводы о неравноценности можно подтвердить без его привлечения. Так, судом приняты в качестве доказательства неравноценности сведения с сайта <https://cenamashin.ru>, в соответствии с которым есть возможность рассчитать среднюю стоимость

автомобиля на основе объявлений о продаже с авито, дром.ру и других сайтов¹.

Бывшие в употреблении автомобили продаются в достаточно больших количествах с использованием данных сервисов, в связи с чем возможно отследить динамику цен. Кроме того, в приведенном примере стоимость автомобиля, указанная в договоре купли-продажи, составляла 30 000,00 рублей, в то время как судом установлено, что средняя цена на аналогичные автомобили составляет свыше 300 000,00 рублей, в связи с чем очевидно занижение стоимости в 10 раз. Однако же существует и другое специфическое имущество, которое невозможно оценить на основе объявлений о продаже аналогичного имущества (такие как водный и воздушный транспорт, самоходная техника, оборудование, недвижимость).

Например, для определения стоимости квартиры недостаточно просто сравнить стоимости в объявлениях о продаже аналогичных квартир на маркетплейсах, поскольку при оценке сложных объектов подлежат оценке факторы в их взаимосвязи с применением специальных коэффициентов. Для квартир такими факторами будут являться местоположение, тип (планировка квартиры), общая площадь, этаж, материал стен, состояние отделки, физическое состояние здания, наличие огороженной придомовой территории, видовые характеристики объекта².

Для решения задачи определения рыночной стоимости привлекают оценщиков и экспертов.

Оценочная деятельность осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации, Федеральным законом от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об оценочной деятельности), другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения, возникающие при осуществлении оценочной деятельности.

В соответствии со статьей 3 Закона об оценочной деятельности под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости³.

¹ Ивановская область. Арбитражный суд. О признании сделки должника недействительной и применении последствий недействительности сделки: Определение Арбитражного суда Ивановской области от 17.12.2024 года по делу № А17-1782/2021 / Российская Федерация. Арбитражный суд. – Доступ из СПС КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.

² Шеховцев, В. В., Дикунова, Л. М., Мاستихина, О. Ю. Анализ ценообразующих факторов, влияющих на стоимость жилых помещений (квартир) / В. В. Шеховцев, Л. М. Дикунова, О. Ю. Мастихина. – Текст: непосредственный // Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2017. – № 5. С. 58–71.

³ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Феде-

Для целей оспаривания сделки в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, как правило, определяется рыночная стоимость.

Для наиболее полного понимания стоит определить, что же является рыночной стоимостью. Законом об оценочной деятельности определено, что рыночная стоимость объекта оценки – это наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, то есть когда:

- Одна из сторон сделки не обязана отчуждать объект оценки, а другая сторона не обязана принимать исполнение;
- Стороны сделки хорошо осведомлены о предмете сделки и действуют в своих интересах;
- Объект оценки представлен на открытом рынке посредством публичной оферты, типичной для аналогичных объектов оценки;
- Цена сделки представляет собой разумное вознаграждение за объект оценки и принуждения к совершению сделки в отношении сторон сделки с чьей-либо стороны не было;
- Платеж за объект оценки выражен в денежной форме⁴.

Из вышеизложенного следует, что рыночная цена носит вероятностный характер.

Чтобы определить значение использования досудебной оценки при заключении сделок, необходимо рассмотреть более подробно общие положения об оценочной деятельности, основания и условия ее осуществления, а также ее регулирование.

Следует начать с того, кто же является оценщиком. В соответствии со ст. 4 Закона об оценочной деятельности субъект оценки – физическое лицо, являющееся членом одной из саморегулируемых организаций оценщиков и застраховавший свою ответственность в соответствии с требованиями закона. Оценщик может осуществлять оценочную деятельность как самостоятельно, так и на основании трудового договора с оценочной компанией. Оценщик может осуществлять оценочную деятельность по направлениям, указанным в квалификационном аттестате⁵.

Законом определено, что образование оценщиков осуществляется по образовательным про-

рация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

⁴ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

⁵ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

граммам высшего образования, дополнительным профессиональным программам образовательными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Помимо получения образования, оценщик для осуществления профессиональной деятельности обязан пройти квалификационный экзамен в области оценочной деятельности, при успешной сдаче которого оценщику выдается квалификационный аттестат, после чего оценщик каждые три года обязан повторно сдавать квалификационный экзамен в целях подтверждения квалификации¹.

Таким образом, оценщик имеет необходимое образование и является специалистом в области оценки.

Как уже было указано, оценщик обязан быть членом саморегулируемой организации оценщиков. Саморегулируемая организация создается для регулирования оценочной деятельности и контроля за деятельностью своих членов в части соблюдения ими требований законодательства. Помимо этого саморегулируемые организации имеют компенсационный фонд, который формируется за счет взносов ее членов в денежной форме (не менее 30 тысяч рублей с каждого члена, не менее 300 членов), кроме того размер страховой суммы по договору обязательного страхования ответственности оценщика не может быть менее 300 тысяч рублей.

Согласно сведениям из реестра квалификационных аттестатов на 05.05.2025 г., размещенном на сайте Росреестра, за период с 2017 г. по 2025 г. выдан 47751 квалификационный аттестат, из них 26736 на оценку недвижимого имущества, 14853 на оценку движимого имущества, 6162 на оценку бизнеса².

Согласно сведениям из сводного реестра членов саморегулируемых организаций оценщиков, за период с 2016 г. из 31 490 оценщиков исключены из реестра 21 858 человек, в настоящее время, согласно данному реестру, действует 9 632 оценщиков.

Объектами оценки в соответствии со ст. 5 Закона об оценочной деятельности могут быть отдельные материальные объекты (вещи), совокупность вещей (в том числе имущество определенного вида, например движимое или недвижимое имущество, предприятия), право собственности и иные вещные права на имущество или отдельные вещи из состава имущества, права требования, обязательства (долги), работы, услуги, информация, а также иные объекты гражданских прав, допущенные к участию в гражданском обороте³.

¹ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

² Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения 17.05.2025).

³ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Феде-

Оценка производится в отношении объекта оценки на основании договора, в котором должны быть указаны сведения, определенные ст. 10 Закона об оценочной деятельности. Для целей оспаривания нерыночной сделки могут иметь значение следующие сведения: цель оценки, описание объекта или объектов оценки (позволяющие произвести идентификацию), вид определяемой стоимости, дату определения стоимости объекта оценки, применяемые стандарты оценочной деятельности.

Определение источников информации, необходимой для определения стоимости объекта оценки, зависит от следующих факторов:

- Вид объекта (земельный участок, здание, оборудование);
- Определяемого вида стоимости и цели оценки (как правило, определяется рыночная стоимость на дату сделки);
- Используемых подходов и методов оценки⁴;

По результатам определения стоимости имущества оценщиком составляется отчет об оценке объекта оценки. Отчет составляется в соответствии с требованиями федеральных стандартов оценки и нормативно-правовых актов уполномоченного федерального органа.

Статьей 11 Закона об оценочной деятельности установлены обязательные требования к отчету об оценке. Наиболее значимыми для определения неравноценности встречного предоставления являются:

- точное описание объекта оценки
- цели и задачи проведения оценки,
- перечень документов, используемых оценщиком и устанавливающих количественные и качественные характеристики объекта оценки
- используемые стандарты оценки,
- принятые для проведения оценки объекта допущения
- последовательность определения стоимости объекта оценки и ее итоговая величина, ограничения и пределы применения полученного результата
- перечень использованных при проведении оценки данных с указанием источников их получения
- иные сведения, необходимые для полного и недвусмысленного толкования результатов проведения оценки,
- дата проведения оценки,
- дата определения стоимости объекта оценки⁵

рация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

⁴ Федотова, М.А. Оценка стоимости активов и бизнеса: учебник для вузов / М.А. Федотова, В.И. Бусов, О.А. Землянский; под редакцией М.А. Федотовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 539 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16679-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565007> (дата обращения: 17.05.2025).

⁵ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание зако-

В соответствии со ст. 12 Закона об оценочной деятельности итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанная в отчете, составленном по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, **признается достоверной** и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, или в судебном порядке не установлено иное¹.

Из вышеизложенного следует, что сама процедура досудебной оценки, гарантии в виде страхования ответственности оценщика, ее специфика позволяют достоверно определить стоимость объекта оценки. Таким образом, отчет оценщика является весомым доказательством при разрешении вопроса о стоимости объекта сделки.

Стоит упомянуть, что в соответствии со статьями 9, 65, 66 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при разрешении споров действует принцип состязательности сторон, а участвующие в деле лица должны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются². В связи с чем при подаче заявления о признании недействительной сделки должника в соответствии с п. 1 ст. 61.2 заявитель должен доказать, что имеется факт неравноценного исполнения, а ответчик должен опровергнуть данные доводы.

Таким образом, при отсутствии сведений, подтверждающих стоимость объекта, факт неравноценности встречного исполнения будет не доказан, а следовательно, в удовлетворении заявления будет отказано.

В процессе оспаривания определяющим фактором рыночной стоимости может стать судебная экспертиза. Однако же нередки случаи, когда денежных средств в конкурсной массе недостаточно для проведения экспертизы, в связи с чем о проведении экспертизы может быть не заявлено. В случае проведения экспертизы, доказывании факта неравноценности встречного исполнения, удовлетворения заявления о признании сделки недействительной, на ответчика могут быть возложены расходы на проведение экспертизы и применены последствия недействительности сделки.

В свою очередь наличие отчета оценщика (по результатам досудебной оценки) могло бы повернуть исход рассмотрения дела в пользу ответчика.

нодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

¹ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

² Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 16 апреля 2025 года / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 29.07.2002 г. – № 30 – ст. 3012

Кроме этого, наличие отчета оценщика может и вовсе предотвратить подачу заявления о признании сделки недействительной в суд. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

Ранее государственная пошлина за рассмотрение заявления о признании недействительной сделки составляла 6 тысяч рублей, в настоящее время размер государственной пошлины возрос. Государственная пошлина может быть оплачена за счет конкурсной массы, может быть из личных средств управляющего с последующим возмещением за счет конкурсной массы, может быть профинансирована кредиторами. Согласно закону о банкротстве арбитражный управляющий должен действовать добросовестно и разумно, а значит должен оценить перспективы оспаривания сделки, в связи с чем управляющий запрашивает максимум информации, в том числе и у потенциального ответчика. Представление потенциальным ответчиком отчета об оценке объекта сделки может убедить управляющего в том, что сделка совершена на рыночных условиях, а перспектива оспаривания сделки сводится к минимуму. Стоит также отметить, что управляющий может быть привлечен к ответственности в виде возмещения убытков за подачу заведомо бесперспективных заявлений об оспаривании сделок. С учетом того, что в делах о банкротстве физических лиц размер вознаграждения составляет 25 тысяч рублей, а в делах о банкротстве юридических лиц – 30 тысяч рублей, с учетом несения управляющим расходов по делу, перспектива возмещения которых может быть довольно смутной, возможно допустить такую ситуацию, при которой заявление не будет подано при наличии отчета.

При оспаривании сделки отчет оценщика является доказательством, оценка отчета как доказательства осуществляется судом по правилам главы 7 Арбитражного процессуального кодекса.

Утверждать о том, что отчет оценщика является неоспоримым доказательством, нельзя. В соответствии со статьей 13 Закона об оценочной деятельности в случае наличия спора о достоверности величины рыночной или иной стоимости объекта оценки, установленной в отчете, в том числе и в связи с имеющимся иным отчетом об оценке этого же объекта, указанный спор подлежит рассмотрению судом, арбитражным в соответствии с установленной компетенцией, третейским судом по соглашению сторон спора или договора или в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, регулирующим оценочную деятельность³.

30.05.2005 г. издано информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имуще-

³ Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813

ства, произведенной независимым оценщиком». Данным письмом предусмотрены следующие способы разрешения вопроса о достоверности величины стоимости объекта оценки:

- Оспаривание достоверности величины стоимости объекта оценки путем предъявления самостоятельного иска;
- Рассмотрение вопроса о достоверности величины стоимости объекта оценки в рамках рассмотрения конкретного спора по поводу сделки;¹

Стоит отметить, что оспаривание путем предъявления самостоятельного иска возможно только в случае, когда обязательность определения величины стоимости объекта предусмотрена законом или иными нормативно-правовыми актами и при условии, что оспаривание происходит до момента заключения договора (издания акта государственным органом либо принятия решения должностным лицом или органом управления юридического лица).

Таким образом, оспаривание результатов оценки путем предъявления самостоятельного иска невозможно в процессе банкротства юридического лица, а значит вопрос о достоверности определенной стоимости должен разрешаться при рассмотрении обособленного спора по заявлению о признании сделки должника недействительной.

Как уже было указано ранее, отчет оценщика является доказательством по делу и его оценка осуществляется в соответствии с главой 7 Арбитражного процессуального кодекса, а значит судом для проверки достоверности и подлинности отчета по ходатайству участвующего в деле лица или с согласия участвующих в деле лиц может быть назначена экспертиза, в том числе в виде независимой оценки.

Однако до назначения судебной экспертизы отчет об оценке по инициативе заинтересованной стороны может быть исследован другими лицами на предмет его соответствия установленным требованиям, а также для проверки правильности выводов оценщика. Как правило, это требуется для заявления мотивированного ходатайства о назначении экспертизы, а также предупреждения ошибок при проведении экспертизы.

Одним из наиболее распространенных и доступных способов проверки отчета оценщика является заключение специалиста (рецензия) на отчет. Она не является самостоятельным доказательством, однако же мотивированное мнение специалиста может сформировать у судьи убеждение о том, необходимо ли назначение экспертизы.

Статьей 17.1 Закона об оценочной деятельности предусмотрена экспертиза отчета. Суть данной экспертизы заключается в проверке отчета на со-

ответствие требованиям законодательства РФ (Закона об оценочной деятельности, федеральным стандартам оценки, другим актов уполномоченного органа) экспертом или экспертами саморегулируемой организации оценщиков. Применительно к проведению экспертизы отчета об определении рыночной стоимости объекта оценки также проверяются результат оценки – рыночная стоимость объекта оценки.

Экспертиза отчета, проводимая экспертом (экспертами) саморегулируемой организации оценщиков, производится на добровольной основе (т.е. по инициативе заказчика экспертизы) на основании договора с саморегулируемой организацией и проводится в соответствии с Федеральным стандартом оценки «Порядок проведения экспертиз, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)», утвержденному Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 г. № 328.

По результатам такой экспертизы выносятся либо положительное, либо отрицательное экспертное заключение (в соответствии с выводами о соответствии отчета требованиям законодательства, стандартов и правил оценочной деятельности, выводом о подтверждении стоимости объекта оценки).

В соответствии с Федеральным стандартом ФСО № 5 установлены некоторые ограничения²:

- Экспертиза не может проводиться экспертом, подписавшим отчет об оценке, в отношении которого проводится экспертиза;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, являющимся учредителем, собственником, акционером, должностным лицом или работником юридического лица – заказчика экспертизы, собственником объекта оценки;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, если эксперт имеет имущественный интерес в объекте оценки;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, если эксперт состоит в близком родстве или свойстве с учредителем, собственником, должностным лицом юридического лица – заказчика экспертизы;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, если эксперт состоит в близком родстве или свойстве с физическим лицом – заказчиком экспертизы;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, если эксперт состоит в близком родстве или свойстве с лицом, подписавшим проверяемый отчет об оценке;
- Экспертиза не может проводиться экспертом, если юридическое лицо – заказчик экспертизы является кредитором или страховщиком эксперта

¹ Российская Федерация. Информационные письма. О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2005 г. № 92 / Российская Федерация. Информационные письма. – Текст – непосредственный // Вестник ВАС Российской Федерации – № 7–2005 г.

² Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Порядок проведения экспертиз, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержден Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 г. № 328 / Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

В соответствии федеральным стандартом ФСО № 5 и статьей 17.1 Закона об оценочной деятельности экспертное заключение должно быть утверждено в порядке, утвержденном саморегулируемой организацией оценщиков.

Таким образом, экспертиза отчета саморегулируемой организацией оценщиков носит независимый характер и имеет большее по сравнению с рецензией специалиста значение для формирования суда убеждения о соответствии выводов результатов оценки реальным обстоятельствам.

Несмотря на данные ограничения, на практике не исключаются случаи недостоверного определения рыночной стоимости объекта оценки, недостоверной рецензии специалиста на отчет об оценке, недостоверного заключения эксперта саморегулируемой организации по результатам экспертизы отчета об оценке. Как правило, это является следствием не допущенных ошибок, а отсутствия объективности и беспристрастности субъектов.

В связи с этим последней процедурой, которая может определить исход рассмотрения заявления о признании недействительной рыночной сделки, является судебная экспертиза. В отношении необходимости проведения в судебной практике сформирована следующая позиция: «Вопрос о равноценности встречного исполнения является предметом доказывания и с учетом конкретных обстоятельств дела и необходимости оценивать ... не может быть разрешен без привлечения специалиста»¹.

Кроме того, согласно действующим положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, граждане и юридические лица свободны в заключении договора, понуждение к заключению договора не допускается (по общему правилу), условия договора определяются по усмотрению сторон (по общему правилу), исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон².

Как уже ранее было указано, каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается. В связи с этим перед заявителем требования об оспаривании сделки стоит задача доказать нерыночные условия сделки, а ответчику – опровергнуть доводы заявителя, поскольку пока не доказано иное, цена считается рыночной.

Порядок назначения и проведения судебной экспертизы регулируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной экспертной деятельности в Россий-

ской Федерации»³, иными нормативно-правовыми актами.

Судебная экспертиза имеет ряд существенных отличий:

- Проведение экспертизы и эксперт для дачи заключения назначаются судом
- За дачу заведомо ложного заключения эксперт несет уголовную ответственность, о чем предупреждается судом и дает подписку⁴
- В отношении эксперта может быть заявлен отвод по основаниям, предусмотренным статьями 21 и 23 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации
- Перед экспертом судом ставятся вопросы, по которым должна быть проведена экспертиза. Участвующие в деле лица вправе представить дополнительные вопросы для разрешения экспертом.

Этими отличиями обусловлен больший доказательственный приоритет по сравнению с досудебной оценкой при рассмотрении вопроса о неравноценного встречного исполнения.

При этом необходимо отметить, что сроки проведения судебной экспертизы больше, чем сроки проведения досудебной оценки. Срок производства судебной экспертизы устанавливается руководителем СЭУ при даче поручения эксперту в пределах 30 календарных дней с учетом объема, сложности предстоящих исследований, нормативных затрат времени на их проведение, фактическую загруженность экспертов и иные обстоятельства⁵.

В остальном же процедура проведения судебной экспертизы по оценке стоимости объекта не отличается от описанной ранее процедуры досудебной оценки и заключается в проведении тех же действий в соответствии с Законом об оценочной деятельности, федеральными стандартами оценки и другими нормативно-правовыми актами.

Федеральные стандарты оценки определяют требования к порядку проведения оценки и осуществления оценочной деятельности⁶.

³ Российская Федерация. Законы. О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 04.06.2001 г. – № 23 – ст. 2291

⁴ Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2 мая 2025 года / Российская Федерация. Законы – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 17.06.1996 г. – № 25 – ст. 2954

⁵ Российская Федерация. Приказы. Об утверждении Методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации: Приказ Минюста РФ от 20.12.2002 г. № 346 / Российская Федерация. Приказы. Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁶ Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержденному Приказ Минэкономразвития России от 14.04.2022 N 200 / Российская Федерация. Федеральный

¹ Северо-Кавказский округ. Арбитражный суд. О рассмотрении кассационный жалобы: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.03.2017 года по делу № А56–19568/2016 / Северо-Кавказский округ. Арбитражный суд. – Доступ из СПС КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.

² Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: текст с изменениями и дополнениями на 31 октября 2024 года / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 05.12.1994 г. – № 32 – ст. 3301.

Федеральные стандарты оценки делятся на общие и специальные.

К общим отнесены следующие федеральные стандарты оценки:

1. «Структура федеральных стандартов оценки и основные понятия, используемые в федеральных стандартах оценки (ФСО I)»;
2. «Виды стоимости (ФСО II)»;
3. «Процесс оценки (ФСО III)»;
4. «Задание на оценку (ФСО IV)»;
5. «Подходы и методы оценки (ФСО V)»;
6. «Отчет об оценке» (ФСО VI)»;
7. «Порядок проведения экспертизы, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)»

Специальные стандарты оценки определяют дополнительные требования к порядку проведения оценки, в том числе для отдельных видов объектов оценки (недвижимости, машин и оборудования, бизнеса, нематериальных активов и интеллектуальной собственности).

В отношении одного и того же объекта в зависимости от подхода и применяемых методов может быть определена разная стоимость, в связи с чем важно правильно определить применяемый подход и метод.

Федеральным стандартом оценки «Подходы и методы оценки (ФСО V)» определены подходы, порядок их применения, методы¹.

Стандартом предусмотрены сравнительный, доходный и затратный подходы.

- Сравнительный подход заключается в сравнении объекта оценки с идентичными или аналогичными объектами, основан на принципах ценового равновесия и замещения.
- Доходный подход заключается в определении текущей стоимости ожидаемых будущих денежных потоков от использования объекта оценки и основан на принципе ожидания выгод.
- Затратный подход заключается в определении затрат, необходимых для воспроизводства или замещения объекта оценки с учетом совокупного обесценения (износа) объекта оценки и (или) его компонентов и основан на принципе замещения.

При определении стоимости объекта оценки необходимо учитывать специфику объекта оценки, цели оценки, вид стоимости, достаточность и достоверность исходной информации, допущения и ограничения. Ни один из подходов и методов оценки не является универсальным и применимым во всех случаях оценки. Между тем, оценщик должен рассматривать возможность применения всех подходов, в том числе для подтверждения выводов, полученных при применении других подходов.

стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹ Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Подходы и методы оценки (ФСО V): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержденному Приказом Минэкономразвития России от 14.04.2022 N 200 / Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Допускается также использование оценщиком только одного подхода и метода, если их применение приводит к получению наиболее достоверного результата оценки с учетом доступной информации, допущений и ограничений.

При применении нескольких подходов и методов оценщик использует процедуру согласования их результатов. «Согласование – анализ альтернативных заключений, полученных применением трех различных подходов к оценке, с целью определения единственного (согласованного) значения»². При наличии существенных расхождений оценщик должен проанализировать возможные причины данных расхождений и применяет иные подходы и методы для получения наиболее достоверных результатов с учетом этих факторов. Оценщик может обоснованно выбрать один из полученных результатов для определения итоговой стоимости объекта оценки.

В соответствии с п. 18 Федерального стандарта оценки «Виды экспертизы, порядок ее проведения, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5)» в отношении экспертизы отчета об оценке определено следующее: «отрицательное экспертное заключение должно содержать перечень выявленных технических ошибок (описка, опечатка, грамматическая или арифметическая ошибка), которые способны ввести в заблуждение пользователей отчета об оценке, а также приводят к неоднозначному толкованию. Выявленные технические ошибки, допущенные оценщиком при составлении отчета об оценке, но не приведшие к нарушению требований законодательства Российской Федерации, в том числе требований Федерального закона, федеральных стандартов оценки и других актов уполномоченного федерального органа, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию оценочной деятельности, и (или) стандартов и правил оценочной деятельности, и не отразившиеся на стоимости объекта оценки, определенной оценщиком в отчете об оценке, не являются основанием для составления отрицательного экспертного заключения»³.

Таким образом, технические ошибки, не вызывающие неоднозначного толкования, а также не влияющие на определяемую стоимость, не могут служить основанием для назначения повторной экспертизы (оценки).

² Касьяненко, Т.Г. Оценка стоимости машин и оборудования: учебник и практикум для академического бакалавриата / Т.Г. Касьяненко, Г.А. Маховикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 495 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-2948-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/478314> (дата обращения: 17.05.2025)

³ Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Порядок проведения экспертиз, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержден Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 г. № 328 / Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

В соответствии с пунктом 2 статьи 87 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в случае возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или комиссии экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, проведение которой поручается другому эксперту или другой комиссии экспертов¹.

Как следует из текста вышеизложенной нормы, для проверки результатов экспертизы (оценки) необходимо одно из обстоятельств:

- Сомнения в обоснованности заключения эксперта
- Наличие противоречий в выводах эксперта

Судья не является экспертом в области оценки, соответственно к результатам экспертизы (оценки) судья по умолчанию относится как к достоверным и обоснованным. В таком случае сторона, которая не согласна с результатами экспертизы (оценки), может ходатайствовать о проведении повторной экспертизы, при этом сторона должна обосновать возникновение сомнений или указать на наличие выявленных противоречий. При этом сторона, которая не согласна с выводами эксперта, может обратиться к специалистам, которые составят мотивированную рецензию на экспертное заключение после проверки основных положений исследования. Как правило, специалист проверяет:

- Полноту и объективность проведенной оценки
- Правильность расчетов и достоверность информации
- Соответствие требованиям законодательства
- Правильность выбора подхода и методов оценки
- Обоснованность полученных результатов
- Правильность выбора идентичных и аналогичных объектов

Рецензия эксперта в случае, если оно имеет существенные замечания к заключению, обосновывает необходимость проведения повторной экспертизы (оценки).

Стоит отметить, что для целей оспаривания сделки и применения последствий недействительности сделки оценка рыночной стоимости имущества производится по состоянию на дату совершения сделки, то есть ретроспективно, для чего необходимо иметь документальное подтверждение состояния объекта оценки, а также стоимость идентичных или аналогичных объектов.

Обобщая изложенную в данном параграфе информацию, можно сделать следующие выводы:

Для определения критерия неравноценности как правило необходимо установить соотношение стоимости объекта по сделке и его реальной рыночной стоимости, в связи с чем предопределена необходимость определения рыночной стои-

мости объекта. Достаточно много факторов влияют на формирование рыночной стоимости, в связи с чем при отсутствии очевидного несоответствия стоимости по сделке с ценами по аналогичным сделкам для определения рыночной стоимости необходимо привлечение квалифицированного специалиста, который сможет определить рыночную стоимость имущества с учетом всех фактических обстоятельств.

Участники сделки до момента заключения сделки могут воспользоваться услугами оценщика, который в силу своего специального образования и профессионализма определит рыночную стоимость имущества и составит отчет об оценке, имеющий доказательственное значение. Наличие такого отчета может предотвратить саму процедуру оспаривания сделки на этапе сбора заявителем доказательств, а в случае подачи такого заявления – доказывает добросовестность сторон сделки и реальную рыночную стоимость имущества на момент заключения сделки, пока оно не будет опровергнуто или подвергнуто сомнению.

Судебная экспертиза по определению рыночной стоимости имущества заключается в применении подходов и методов, которые могут применяться и при проведении досудебной оценки, то есть руководствуется законодательством и другими нормативно-правовыми актами, регулирующими оценочную деятельность. Существенными отличиями судебной экспертизы являются законодательно установленные ограничения, обусловленные процессуальным законодательством, и более строгие меры ответственности эксперта. Это в свою очередь обеспечивает большую приоритетность заключению эксперта при оценке доказательств.

Отчет оценщика и заключение эксперта являются письменными доказательствами по делу, что предполагает их оценку судом. В отношении доказательств стороны могут заявлять мотивированные возражения (в том числе с помощью рецензии специалиста), что может являться основанием для проведения повторной экспертизы.

Судебная экспертиза, как правило, проводится по истечении длительного временного периода с даты совершения, а поскольку рыночная стоимость должна быть определена на момент совершения сделки, ретроспективный характер оценки может не в полной мере отражать реальную стоимость имущества и идентичных (аналогичных) ему объектов.

Литература

1. Ивановская область. Арбитражный суд. О признании сделки должника недействительной и применении последствий недействительности сделки: Определение Арбитражного суда Ивановской области от 17.12.2024 года по делу № А17–1782/2021 / Российская Федерация. Арбитражный суд. – Доступ из СПС КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.

¹ Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 16 апреля 2025 года / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 29.07.2002 г. – № 30 – ст. 3012

2. Шеховцев, В. В., Дикунова, Л. М., Мاستихина, О.Ю. Анализ ценообразующих факторов, влияющих на стоимость жилых помещений (квартир) / В.В. Шеховцев, Л.М. Дикунова, О.Ю. Мастихина. – Текст: непосредственный // Вестник белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2017. – № 5. С. 58–71.
3. Российская Федерация. Законы. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 03.08.1998 г. – № 31 – ст. 3813
4. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (дата обращения 17.05.2025).
5. Федотова, М.А. Оценка стоимости активов и бизнеса: учебник для вузов / М.А. Федотова, В.И. Бусов, О.А. Землянский; под редакцией М.А. Федотовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 539 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-16679-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565007> (дата обращения: 17.05.2025).
6. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 16 апреля 2025 года / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 29.07.2002 г. – № 30 – ст. 3012
7. Российская Федерация. Информационные письма. О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.05.2005 г. № 92 / Российская Федерация. Информационные письма. – Текст – непосредственный // Вестник ВАС Российской Федерации – № 7–2005 г.
8. Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Порядок проведения экспертиз, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержден Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 г. № 328 / Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
9. Северо-Кавказский округ. Арбитражный суд. О рассмотрении кассационный жалобы: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.03.2017 года по делу № А56–19568/2016 / Северо-Кавказский округ. Арбитражный суд. – Доступ из СПС КонсультантПлюс. – Текст: Электронный.
10. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая: текст с изменениями и дополнениями на 31 октября 2024 года / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 05.12.1994 г. – № 32 – ст. 3301.
11. Российская Федерация. Законы. О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Текст – непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 04.06.2001 г. – № 23 – ст. 2291
12. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2 мая 2025 года / Российская Федерация. Законы – Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации – 17.06.1996 г. – № 25 – ст. 2954
13. Касьяненко, Т.Г. Оценка стоимости машин и оборудования: учебник и практикум для академического бакалавриата / Т.Г. Касьяненко, Г.А. Маховикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 495 с. – (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-2948-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/478314> (дата обращения: 17.05.2025)
14. Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. Порядок проведения экспертиз, требования к экспертному заключению и порядку его утверждения (ФСО № 5): текст с изменениями и дополнениями на 14 апреля 2022 года: утвержден Приказом Минэкономразвития России от 04.07.2011 г. № 328 / Российская Федерация. Федеральный стандарт оценки. – Текст: электронный // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

THE USE OF PRE-TRIAL VALUATION AND FORENSIC EXPERTISE IN CHALLENGING NON-MARKET TRANSACTIONS IN BANKRUPTCY CASES.

Kantser Yu.A.

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the use of pre-trial valuation and forensic expertise when challenging non-market transactions in bankruptcy cases. The author emphasizes that the key criterion for recognizing a transaction as voidable in accordance with Clause 1 of Article 61.2 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" is the fact of unequal consideration, which is of an economic nature and requires proof. The article analyzes the legal basis for appraisal activities, the requirements for appraiser reports, and the role of pre-trial valuations as a means of preventing or defending against transaction challenges. Particular attention is paid to the comparison of pre-trial valuations and forensic examinations, their evidentiary value, procedural features, and limitations. It is noted that the availability of a qualified appraisal report can not only influence the outcome of litigation but also prevent the filing of a challenge. At the same time, a forensic examination has increased evidentiary value due to procedural guarantees and the expert's liability. Mechanisms for verify-

ing the accuracy of an appraisal, including expert reviews and report examination by self-regulatory organizations of appraisers, are also discussed.

Keywords: non-market transaction, bankruptcy, transaction challenges, pre-trial valuation, forensic examination, market value, appraisal activities, appraisal report, unequal consideration, bankruptcy estate, arbitration proceedings.

References

1. Ivanovo Region. Arbitration Court. On Recognizing a Debtor's Transaction as Invalid and Applying the Consequences of Such Invalidity: Determination of the Arbitration Court of Ivanovo Region dated 17.12.2024 in Case No. A17-1782/2021 / Russian Federation. Arbitration Court. – Accessed from the Consultant-Plus SPS. – Text: Electronic.
2. Shekhovtsev, V. V., Dikunova, L. M., Mastikhina, O. Yu. Analysis of Price-Forming Factors Affecting the Value of Residential Premises (Apartments) / V.V. Shekhovtsev, L.M. Dikunova, O. Yu. – Text: Direct // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2017. – No. 5. pp. 58–71.
3. Russian Federation. Laws. On appraisal activities in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of July 29, 1998, No. 135-FZ / Russian Federation. Laws. – Direct text // Collected Legislation of the Russian Federation – August 3, 1998 – No. 31 – Art. 3813
4. Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/> (date of access May 17, 2025).
5. Fedotova, M.A. Asset and Business Valuation: textbook for universities / M.A. Fedotova, V.I. Busov, O.A. Zemlyansky; edited by M.A. Fedotova. – 2nd ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 539 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-16679-8. – Text: electronic // Educational platform URAYT [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565007> (date of access: 17.05.2025).
6. Russian Federation. Laws. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: text with amendments and additions as of April 16, 2025 / Russian Federation. Laws. – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation – July 29, 2002 – No. 30 – Art. 3012
7. Russian Federation. Information Letters. On the consideration by arbitration courts of cases challenging property valuations performed by independent appraisers: Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated May 30, 2005, No. 92 / Russian Federation. Information Letters. – Text – direct // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation – No. 7–2005
8. Russian Federation. Federal Valuation Standard. Procedure for Conducting Expertise, Requirements for an Expert Opinion and the Procedure for Approving It (FSO No. 5): text with amendments and additions as of April 14, 2022: approved by Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated July 4, 2011, No. 328 / Russian Federation. Federal Valuation Standard. – Text: electronic // Access from the ConsultantPlus SPS.
9. North Caucasus District. Arbitration Court. On the consideration of the cassation appeal: Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of March 27, 2017 in case No. A56–19568/2016 / North Caucasian District. Arbitration Court. – Access from the ConsultantPlus SPS. – Text: Electronic.
10. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation: Part One: text with amendments and additions as of October 31, 2024 / Russian Federation. Laws. – Text: direct // Collected Legislation of the Russian Federation – December 5, 1994 – No. 32 – Art. 3301.
11. Russian Federation. Laws. On state expert activity in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of May 31, 2001 No. 73-FZ / Russian Federation. Laws. – Direct text // Collected Legislation of the Russian Federation – 04.06.2001 – No. 23 – Art. 2291
12. Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: text with amendments and additions as of May 2, 2025 / Russian Federation. Laws – Direct text // Collected Legislation of the Russian Federation – 17.06.1996 – No. 25 – Art. 2954
13. Kasyanenko, T.G. Valuation of Machinery and Equipment: textbook and practical training for the academic bachelor's degree / T.G. Kasyanenko, G.A. Makhovikova. – 2nd ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2021. – 495 p. – (Bachelor's. Academic course). – ISBN 978-5-9916-2948-5. – Text: electronic // Educational platform URAYT [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/478314> (date of access: 17.05.2025)
14. Russian Federation. Federal Assessment Standard. Procedure for Conducting Expertise, Requirements for an Expert Opinion and the Procedure for its Approval (FSO No. 5): text with amendments and additions as of April 14, 2022: approved by Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated July 4, 2011, No. 328 / Russian Federation. Federal Assessment Standard. – Text: electronic // Access from the Consultant-Plus SPS.

К вопросу о расположении статьи 207.3 УК РФ в главе 24 «Преступления против общественной безопасности»

Климов Платон Ильич,

аспирант, напр. «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
E-mail: kirillignatov98@mail.ru

В статье автор поднимает вопрос о принадлежности ст. 207.3 УК РФ к главе 24 «Преступления против общественной безопасности». Целью работы является поиск ответа на вопрос о верности расположения законодателем названной статьи в структуре уголовного законодательства. В работе анализируются диспозиции статей из той же главы, проводится сравнение со статьями главы 29 «Преступления против конституционного строя и безопасности государства». Изучаются научные труды на рассматриваемую тему и иные публикации, затрагивающие смежные с темой статьи вопросы. Результатом проделанной работы стало получение достаточного количества аргументов о неверном расположении анализируемой статьи в структуре УК РФ. В следствие чего, делается вывод о необходимости переноса ст. 207.3 УК РФ в главу 29.

Ключевые слова: уголовный кодекс, структура, ложная информация, преступление, государственная безопасность, общественная безопасность.

Введение

Течение времени неизбежно ставит уголовное законодательство перед новыми вызовами, связанными с возникновением новых или обострением уже существующих общественных отношений. Дополнение Уголовного кодекса РФ новыми статьями – это не только вопрос обоснованности применения самого строго законодательного института; составления конкретной диспозиции; и установление справедливого наказания, но и сохранение согласованности его внутренней структуры.

Материалы и методы

В качестве научного материала были использованы публикации отечественных ученых по рассматриваемой проблеме. Объектом исследования стала совокупность и взаимосвязь структурных элементов УК РФ. Предмет исследования – структурное расположение ст. 207. УК РФ.

В работе использованы сравнительно-правовые и формально-логические методы.

Результаты исследования

В 2022 году УК РФ дополнили две статьи: 207.3 и 280.3 УК РФ [2]. Несмотря на то, что появились они на фоне начала специальной военной операции, и регулировали схожие общественные отношения, их поместили в разные главы особенной части УК РФ. И если относительно нахождения статьи 280.3 УК РФ в главе 29 – «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» – вопросов не возникает, то причисление статьи 207.3 УК РФ к главе 24 – «Преступления против общественной безопасности» – вызывает сомнения.

С одной стороны, это объясняется последовательностью. «207-ые» статьи отвечают за преступления, связанные с распространением заведомо ложной информации.

Однако, если обратиться даже к названиям статей, а именно:

1) статья 207.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан;

2) статья 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия;

3) статья 207.3. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполне-

нии государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации.

То становится заметно, что статьи 207.1 и 207.2 – это посягательство на объект главы – общественную безопасность. В статье 207.3 же в качестве объекта посягательства указано, обобщая, государство.

С одной стороны, посягательство на государство – это и посягательство на общество в целом. Но с другой стороны, такой логике подчиняется любое преступление, а значит вся Особенная часть УК РФ может состоять ровно из одной главы.

В реальность же, УК РФ включает в себя раздел «Преступления против государственной власти», и в частности глава 29 – «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», куда была включена концептуально похожая статья 280.3 УК РФ – «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации».

Даже наименование статей используют похожие конструкции. Более того, их объективные стороны могут пересекаться. Оба деяния имеют, по сути, одинаковую цель – они направлены против необходимости использования ВС РФ, также исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях, и тем самым, на подрыв их авторитета [5, с. 24]. Обратимся к диспозиции статьи 207.3 УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан...».

И, в качестве сравнения, к диспозиции статьи 207.1 УК РФ: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств».

Мы видим, что ключевая формулировка – непосредственно действие – в них идентична, а отличия наблюдаются в объекте посягательства. Однако, это не такая же разница в объекте, как, например, у убийства (ст. 105 УК РФ) и причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Несмотря

на то, что объект посягательства у этих преступлений разный, глава подразумевает это отличие, указывая оба: и жизнь, и здоровье.

В рассматриваемом нами случае, кажется, что объект посягательства ст. 207.3 УК РФ – это безопасность государства, а не общественная безопасность. Можно рассмотреть гипотетический сценарий, в котором некоторое лицо распространяет ложные сведения о действиях ВС РФ. Например, оно сделает ложное заявление о том, что солдаты российской армии не щадят гражданское население по приказу своих командиров. Опасность заключается в том, что граждане России, справедливо, возмущаются такими действиями собственной армии (что уже в какой-то мере вредит безопасности государства). Это может привести к порче государственного имущества, беспорядкам, усложнению деятельности государственных органов, например, если служащие начнут саботировать свою деятельность в качестве протеста против таких действий со стороны ВС РФ.

А также, именно государству придется использовать дополнительные ресурсы на то, чтобы опровергнуть эту информацию. Как кажется, самые прямые, а не косвенные, последствия рассматриваемого преступления направлены против безопасности государства. При этом общественная безопасность вполне может оказаться невредимой.

Обращаясь к Конституции РФ, в ст. 10 мы видим, что Вооруженные Силы Российской Федерации – это государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации [1]. Так почему при распространении ложных сведений о государственной организации (не говоря уже непосредственно о государственных органах) страдает, прежде всего, общественная безопасность, а не государство? Конечно, если следовать логике, что, раз уж ВС РФ применяются в интересах граждан страны, то именно они (то есть общество) и получают от этого вред, то расположение статьи в главе 24 стоит признать верным. Однако, как уже говорилось выше, применяя такой подход, любое преступление можно свести к покушению на общественную безопасность, тем самым сократив Особенную часть до одного раздела.

Одобрив структурное расположение ст. 207.3 УК РФ, А.Ф. Абдулвалиев говорит: «публичное распространение заведомо ложной информации несет угрозу общественной безопасности, подвергая разрушению здравомыслие не только одного человека, но и населения в целом» [3, с. 6]. С самим утверждением спорить совершенно не хочется, оно кажется абсолютно верным. Однако, ошибочным видится сделанный из него вывод. Во-первых, как мы уже выяснили, абсолютно любое преступное деяние несет угрозу общественной безопасности. А во-вторых, нарушенное здравомыслие относительно различных областей нашей жизни, посягает, собственно, на разные институты.

Например, элемент нарушенного здравомыслия можно зафиксировать и в мошенничестве (ст. 159

УК РФ). В анализируемой же нами статье это нарушение переносится на суждения относительно государства. А следовательно, нарушает его институциональные интересы.

Анализируя социальную обусловленность криминализации деяния, Е.С. Чижова говорит, что распространение заведомо ложной информации может привести к может привести к недопониманию хода СВО, нанести ущерб и ослабить государственные институты, власть, особенно основы государственного военного управления [10, с. 528].

В своей работе, посвященной разграничению статей 207.3 УК РФ и 280.3 УК РФ, А.Д. Ермакович и М.А. Скорбин говорят: «цели и защищаемые блага этих двух статей схожи и затрагивают вопросы нанесения ущерба или возникновения угрозы нанесения ущерба государственной безопасности Российской Федерации» [6, с. 107]. Делая вывод о необходимости включения обоих в гл. 29 УК РФ.

С другой стороны, если мы представим гипотетическую ситуацию, которая соответствует объективной стороне ст. 207.1 УК РФ, то мы увидим прямое посягательство на общественную безопасность. Данная статья была принята на фоне пандемии коронавируса. И распространение ложной информации о болезни вызывало отказ от профилактики, лечения или, наоборот, подталкивало людей к спорным способам борьбы с вирусом. Налицо, посягательство, прежде всего, на общественную безопасность.

Таким образом, мы видим, что цель преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, направлены на создание опасного состояния общества. А цель преступления, предусмотренного статьей 207.3 УК РФ, – на формирование недоверия к государству и общественного возмущения в его сторону.

В своей работе Кудратов Н.А. вывел определение такого объекта как «безопасность государства» – это составная часть национальной безопасности, направленная на защиту конституционного строя, государственного суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности, обороноспособности, информационной и экономической безопасности и других жизненно важных национальных интересов от реальных и потенциальных угроз, исходящих от внутренних и внешних источников опасности [8, с. 30].

Разве распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ не посягает, как минимум, на информационную безопасность? Как в своей работе говорил Н.Г. Иванов: «деяние, предусмотренное ст. 207.3 УК РФ, посягает, скорее, на действия правителя, который полномочен принимать решение об использовании государственных организаций и в этом ценностном аспекте следовало бы рассматривать видовой генез данной нормы» [7, с. 221].

Показательной статьёй в главе 29 УК РФ, в контексте темы данной работы, видится статья 277 – «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля». Непосредственным ее

объектом является жизнь человека, но, несмотря на то, что норма является специальной по отношению к ст. 105 УК РФ, она не располагается в той же главе. Очевидно потому, что объект посягательства – это система государственного устройства. Личность деятеля здесь выступает не в качестве собственно человека, а в качестве звена всей государственной деятельности.

И как кажется, посягая на чистоту информационного поля, касающегося действий ВС РФ, и возмущая общество, преступник преследует цель нанести вред именно государству. Пусть и посредством недовольства его жителей или даже иностранных граждан, находящихся за пределами Российской Федерации.

В частности, если исходит из официальной позиции Российской Федерации, санкции, накладываемые на страну представителями Европейского Союза, США и ряда других стран, исходят как раз из ложных сведений о применении ВС РФ. Иностранные добровольцы в рядах вооруженных сил Украины, выбирая такой путь, исходят из ложных сведений о действиях ВС РФ. Таким образом, прямое следствие распространения ложных сведений о ВС РФ наносит вред, прежде всего и непосредственно, Российской Федерации.

Обращаясь к теории объекта, как таковой, мы вспоминаем, что под ним принято понимать какие-либо общественные отношения [4, с. 11]. Используя этот подход, мы можем проанализировать, какие общественные отношения охраняют статьи 207.1 и 207.3 УК РФ. Возвращаясь к формулировке ст. 207.1 УК РФ, хочется сказать, что она наказывает за посягательства на общественные отношения, связанные с информационным обменом, касающимся общественно значимых событий и фактов. Таким образом, при посягательстве, ввиду нарушения чистоты информационного обмена, страдает общественная безопасность. Как мы видим, государства как институт здесь не задействовано.

Переходя к ст. 207.3 УК РФ, мы также можем сказать, что посягательство осуществляется на общественные отношения, связанные с информационным обменом [9, с. 96]. Однако, касается он уже деятельности Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности. И в случае загрязнения информационного поля относительно этих тем, страдает прежде всего имидж, авторитет, а возможно и легитимность действующей государственной власти.

Все это свидетельствует, что объектом посягательства преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ является именно безопасность государства.

Собрать статьи с одинаковой конструкцией в одной главе, как это реализовано в действующей редакции УК, – достаточно практичное решение. Однако, юридическая чистота требует их распределения не по схожести диспозиции, а по объекту

посягательства. Из этого следует, что ст. 207.3 УК РФ должна быть перенесена в главу 29 УК РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2025). – Режим доступа: свободный. – Текст: электронный.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (в ред. 31.07.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. – правовая система / Компания «КонсультантПлюс».
3. Абдулвалиев А.Ф. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы // Новеллы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: проблемы содержания и реализации. – 2023. Статья в сборнике трудов конференции. С. 5–10.
4. Векленко С.В., Семченков И.П., Сорокин И.С., Бурдейный В.В. Учение об объекте преступления: кризис переходного и возможность как объект любого преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (70). С. 9–13.
5. Грошев В.В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях, совершенных в период военного конфликта, военных действий или иных действий с участием Российской Федерации // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальный и криминалистические вопросы борьбы с преступностью. – 2023. Статья в сборнике трудов конференции. С. 22–31.
6. Ермакович А.Д., Скорбин М.А. Вопросы квалификации и разграничения статей 207.3 и 280.3 УК РФ // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. – 2025. Статья в сборнике трудов конференции. С. 104–109.
7. Иванов Н.Г. Аксиологическая парадигма свободы слова в УК РФ (статьи 207.3 и 280.3 УК РФ) // Пробелы в российской законодательстве. – 2022. – № 3. С. 218–226.
8. Кудратов Н.А. Национальная и государственная безопасность как видовой объект преступления против основ конституционного строя и безопасности государства // Уголовная юстиция. – 2019. – № 13. С. 29–33.
9. Намазов Э.С. Проблемы правового регулирования ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации

об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, предусмотренной ст. 207.3 УК РФ // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 2 (37). С. 94–105.

10. Чижова Е.С. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ // Юридические записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – № 3. С. 526–535.

ON THE ISSUE OF THE LOCATION OF ARTICLE 207.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CHAPTER 24 “CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY”

Klimov P.I.

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

In the article, the author raises the question of whether Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation belongs to Chapter 24 “Crimes against public safety”. The purpose of the work is to find an answer to the question of the correctness of the location of the mentioned article by the legislator in the structure of criminal legislation. The paper analyzes the dispositions of articles from the same chapter, and compares them with articles in chapter 29, “Crimes against the constitutional order and State security.” Scientific papers on the topic under consideration and other publications dealing with issues related to the topic of the article are being studied. The result of the work done was to obtain a sufficient number of arguments about the incorrect location of the analyzed article in the structure of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result, it is concluded that it is necessary to transfer Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation to Chapter 29.

Keywords: criminal code, structure, false information, crime, state security, public safety.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 01.09.2025). – Access mode: free. – Text: electronic.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 31.07.2022) [Electronic resource] // ConsultantPlus: reference – legal system / ConsultantPlus Company.
3. Abdulvaliev A.F. Public Dissemination of Deliberately False Information about the Use of the Armed Forces of the Russian Federation and the Exercise of Powers by State Bodies of the Russian Federation: Criminal Law and Criminal Procedure Issues // Amendments to Criminal and Criminal Procedure Legislation: Issues of Content and Implementation. – 2023. Article in the conference proceedings. Pp. 5–10.
4. Veklenko S.V., Semchenkov I.P., Sorokin I.S., Burdeyny V.V. The Theory of the Object of Crime: The Crisis of Transition and Opportunity as the Object of Any Crime // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 4 (70). Pp. 9–13.
5. Groshev V.V. Amendments to the Criminal Legislation on Crimes Committed During a Military Conflict, Military Actions, or Other Actions Involving the Russian Federation // Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Issues in Combating Crime. 2023. Article in the Conference Proceedings. pp. 22–31.
6. Ermakovich A.D., Skorbin M.A. Qualification and Distinction of Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Investigative Activity: Problems, Their Solutions, and Development Prospects. 2025. Article in the Conference Proceedings. pp. 104–109.

7. Ivanov N.G. Axiological Paradigm of Freedom of Speech in the Criminal Code of the Russian Federation (Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Gaps in Russian Legislation. 2022. No. 3. pp. 218–226.
8. Kudratov N.A. National and state security as a specific object of a crime against the foundations of the constitutional system and state security // Criminal Justice. – 2019. – No. 13. Pp. 29–33.
9. Namazov E.S. Problems of legal regulation of liability for public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the execution of powers by state bodies of the Russian Federation, provided for by Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Law and Order: History, Theory, Practice. – 2023. – No. 2 (37). Pp. 94–105.
10. Chizhova E.S. Social determination of the establishment of criminal liability for the crime provided for by Art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Legal notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2024. – No. 3. P. 526–535.

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России,
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации и привлечения к уголовной ответственности по ст. 214 УК РФ «Вандализм» за нанесение на стены зданий и сооружений рисунков граффити. По мнению автора, это деяние, в силу своей массовости и постоянства, наносит существенный ущерб охраняемым законом отношениям, создавая в городах обстановку общей заброшенности, вседозволенности и мешая отдыху граждан. Автор указывает, что в практической деятельности правоохранительных органов имеет место значительная неопределенность в оценке действий лиц, создающих подобные рисунки. Как это бывает достаточно часто, закон не раскрывает отличия вандализма, как преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.1 КоАП РФ – «Мелкое хулиганство», статьей 7.17 КоАП РФ – «Уничтожение или повреждение чужого имущества» или же предусмотренных региональными административными кодексами. Трактовка указанных понятий почти всегда дается достаточно субъективно, на основании индивидуального восприятия правоприменителя. Согласно выводам статьи, когда даже большой рисунок граффити, созданный автором самостоятельно, без согласования с кем – либо, визуально имеет смысл и содержит понятные художественные изображения людей, животных, предметов или пейзажей, то уголовная статья не применяется. В подобных случаях автору или соответствующей организации может грозить только административный штраф по региональному административному закону.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, вандализм, граффити, общественный порядок, уголовная ответственность, административная ответственность, художественная ценность.

В жизни любого современного города неизбежна проблема вандализма, выражающегося, чаще всего, в нанесении на здания, сооружения и общественный транспорт рисунков граффити. Безусловно, данное преступление, предусмотренное ст. 214 УК РФ и направленное против общественного порядка, относится к категории небольшой тяжести и не представляет такой общественной опасности как преступления против личности, против собственности или против здоровья населения. В то же время это деяние, в силу своей массовости и постоянства, также наносит существенный ущерб охраняемым законом отношениям, создавая в городах обстановку общей заброшенности, вседозволенности и мешая отдыху граждан.

Термин граффити происходит от итальянского слово *graffiato* – «нацарапанный». Чаще всего граффити представляют собой абстрактные рисунки, наносимые краской из аэрозольных баллончиков и несущие в себе символы, понятные только самому автору.

В практической деятельности правоохранительных органов имеет место значительная неопределенность в оценке действий лиц, создающих подобные рисунки. Исключение представляют рисунки граффити экстремистского характера, квалифицируемые по части 2 ст. 214 УК РФ. Характер, способ исполнения и художественная ценность подобных рисунков значения не имеют, для их квалификации достаточно установления соответствующего мотива.

В отношении же прочих рисунков чаще всего сотрудники полиции ограничиваются квалификацией их как правонарушения, предусмотренного Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Мировой суд Ленинского района Перми [1] квалифицировал действия художника Ж., который нарисовал граффити с «распятым» Гагариным на здании многоэтажного дома, по ст. 20.1 ч. 1 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа. В суде Ж. пояснил, что смысл этого рисунка – предостеречь от ошибок науку и религию. Помимо этого рисунка, на здании имелись и иные граффити. Уголовное дело по ст. 214 УК РФ не возбуждалось.

В то же время, Центральным районным судом г. Сочи рассмотрено уголовное дело, возбужденное в отношении лица 2001 года рождения, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 214 УК РФ, то есть в совершении вандализма – порчи имущества в иных общественных местах. [2]

Суд установил, что в январе 2021 года подсудимый наносил рисунки в стиле граффити на объек-

ты городской инфраструктуры. Тем самым молодой человек испортил внешний вид шести зданий и сооружений, причинив ущерб администрации Центрального внутригородского района города Сочи на общую сумму 263 943 рубля 60 копеек.

Подсудимый вину признал полностью, приговором суда ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 25 000 рублей.

В декабре 2022 г. Мосгордума приняла Закон г. Москвы от 14 декабря 2022 г. № 37 «О внесении изменений в Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» [3]. Согласно этому закону, за нанесение на дома и здания запрещенных соответствующими правилами рисунков граффити устанавливается штраф до 300 тысяч рублей. В частности, запрещаются рисунки, несущие призывы к противоправным действиям, насилию, содержащие нецензурную лексику, изображения порнографического свойства.

Как следует из п. 11 ст. 20 Закона Санкт-Петербурга «Об административных нарушениях в Санкт-Петербурге» (ред. от 14.07.2025 г.), [4] административную ответственность в виде штрафа за граффити на стенах домов несут управляющие компании – ЖСК или ТСЖ. Данным административным правонарушением охватываются любые рисунки на стенах домов, при этом их характер значения не имеет.

Таким образом, как это бывает достаточно часто, закон не раскрывает отличия вандализма, как преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных статьями 20.1 КоАП РФ – «Мелкое хулиганство», статьей 7.17 КоАП РФ – «Уничтожение или повреждение чужого имущества» или же предусмотренных региональными административными кодексами. Трактовка указанных понятий почти всегда дается достаточно субъективно, на основании индивидуального восприятия правоприменителя.

Согласно тексту уголовного закона, вандализмом признается осквернение зданий или сооружений, а также порча имущества в общественных местах и на транспорте.

Указанная трактовка неизбежно влечет вопрос о том, что же является порчей и осквернением и в чем их отличие от уничтожения и повреждения.

Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, к которому чаще всего обращаются при толковании общественно опасных деяний, «осквернить» – означает опозорить, подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-нибудь, опакостить, обесчестить, поругать; «порча, портить» – приводить в негодность делать плохим. [5]

Очевидно, что рисунок граффити подходит под понятие «осквернить», так как он, по своему характеру, способен запятнать и опакостить вид любого здания или сооружения.

В то же время при квалификации соответствующих деяний зачастую возникает проблема: а если рисунок на здании или сооружении выполнен

автором так, что объективно представляет собой определенную художественную ценность?

Так, например, в Москве АО «Объединенная энергетическая компания», обеспечивающая эксплуатацию сетей наружного освещения и архитектурно-художественной подсветки Москвы, вполне официально сотрудничает с художниками граффити. [6] Эти художники оформляют обычные здания трансформаторных подстанций, придавая им эстетическую привлекательность.

Таким образом, картины, выполненные на стенах, отнюдь не обязательно оскверняют общий облик здания или сооружения, а, напротив, могут значительно его улучшить.

В ходе изучения судебной практики нам не удалось найти ни одного приговора, которым выполненная на стене здания или сооружения картина, имеющая смысл и хотя бы минимальную художественную ценность, квалифицируется как преступление, предусмотренное ст. 214 УК РФ. Соответственно, также ни по одному подобному уголовному делу не проводилась искусствоведческая экспертиза на предмет установления художественной ценности определенного рисунка граффити.

В то же время имеется большое количество информации о художниках, которые рисуют свои картины или копируют фрагменты картин известных авторов на стенах старых заброшенных зданий. Так, в Ростове профессиональная художница Л. Ж. уже длительное время, не скрываясь, рисует фрагменты шедевров мировой живописи на полуразвалившихся и обшарпанных стенах домов. [7] При этом к уголовной ответственности ее ни разу не привлекали, хотя она занимается своим творчеством самостоятельно, без согласования с городскими властями. Подобные случаи имеют место практически во всех крупных городах России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правоприменительная практика относительно вандализма идет по пути признания рисунка граффити преступлением в случаях наличия в нем призывов к экстремизму, насилию, обценной лексики, порнографии или же когда визуально не представляется возможным установить смысл и художественную ценность подобного рисунка. В таких случаях и при достаточно больших размерах граффити возможно привлечение автора к уголовной ответственности по ст. 214 УК РФ. При сравнительно небольших размерах рисунка, при отсутствии экстремистского мотива, деяние квалифицируется как административное правонарушение по статьям 20.1 или 7.17 КоАП РФ или по региональному административному закону.

В случаях же, когда даже большой рисунок граффити, созданный автором самостоятельно, без согласования с кем-либо, визуально имеет смысл и содержит понятные художественные изображения людей, животных, предметов или пейзажей, то уголовная статья не применяется. В подобных случаях автору или соответствующей организации может грозить только административный штраф по региональному административному за-

кону, а возможно и просто замазывание рисунка краской.

Очевидно, подобное противоречие объясняется тем, что рисунок, имеющий художественную или культурную ценность, в сознании людей не укладывается в понятие «осквернения», а тем более в понятие «порчи» имущества. Поэтому любой правоприменитель полагает невозможным применение в таких случаях уголовной статьи. Со своей точки зрения полагаем, что такое «интуитивное» толкование закона не лишено смысла и, в конечном итоге, способствует выполнению основных задач уголовного права.

В заключение можно отметить, что, по изложенным основаниям, статья о вандализме, имеющая огромное значение для защиты общественного порядка и нормального развития общества в целом, нуждается в дальнейшем совершенствовании, связанном с тщательным научным и законотворческим толкованием.

Литература

1. Официальный сайт РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/557fdf219a79478bcec2dd4c> (дата обращения 14.09.2025 г.)
2. Официальный сайт прокуратуры Краснодарского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/mass-media/news?item=69278032 (дата обращения 17.09.2025 г.)
3. Доступ из системы «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/405972349/> (дата обращения 18.09.2025 г.)
4. Официальный сайт «Электронный фонд правовых и нормативно – технических документов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/891831166?ysclid=m7yn6cvauj461279450> (дата обращения 19.09.2025 г.)
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
6. Официальный сайт «Комплекс городского хозяйства Москвы». URL: <https://kgh.moscow/projects/energiya-graffiti-kak-v-moskve-oformlyayut-podstantsii> (дата обращения 19.09.2025 г.)
7. Официальный новостной сайт Ростов. ru. URL: <https://rostov.ru/society/rostovskaya-hudozhnica-risuet-shedevry-mirovogo-iskusstva-na-obsharpannyh-stenah.html> (дата обращения 19.09.2025 г.)

na-obsharpannyh-stenah.html (дата обращения 19.09.2025 г.)

GRAPHITE DRAWINGS AS A CRIMINAL ACT

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification and criminal liability under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation for vandalism, which involves the drawing of graffiti on the walls of buildings and structures. According to the author, this act, due to its widespread and persistent nature, causes significant damage to legally protected relations, creating an atmosphere of general neglect, permissiveness, and hindering the leisure activities of citizens. The author points out that there is significant uncertainty in the assessment of the actions of individuals who create such drawings in the practical activities of law enforcement agencies. As is often the case, the law does not distinguish between vandalism as a crime under Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation and administrative offenses under Article 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation – “Petty Hooliganism”, Article 7.17 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation – “Destruction or Damage to Someone Else’s Property” or provided by regional administrative codes. The interpretation of these concepts is almost always given quite subjectively, based on the individual perception of the law enforcement officer. According to the conclusions of the article, when even a large graffiti drawing created by the author independently, without any coordination with anyone, visually makes sense and contains understandable artistic images of people, animals, objects or landscapes, then the criminal article is not applied. In such cases, the author or the relevant organization may only be subject to an administrative fine under the regional administrative law.

Keywords: Crime classification, criminal liability, vandalism, graffiti, public order, criminal liability, administrative liability, and artistic value.

References

1. Official website of RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/557fdf219a79478bcec2dd4c> (accessed on 14.09.2025).
2. Official website of the Prosecutor’s Office of the Krasnodar Territory. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_23/mass-media/news?item=69278032 (accessed on 17.09.2025).
3. Access from the Garant system URL: <https://base.garant.ru/405972349/> (accessed on 18.09.2025).
4. Official website of the Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/891831166?ysclid=m7yn6cvauj461279450> (accessed on 19.09.2025)
5. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. Moscow, 1986. 797 p.
6. Official website of the Moscow Urban Economy Complex. URL: <https://kgh.moscow/projects/energiya-graffiti-kak-v-moskve-oformlyayut-podstantsii> (accessed on 19.09.2025)
7. Official news website Rostov.ru. URL: <https://rostov.ru/society/rostovskaya-hudozhnica-risuet-shedevry-mirovogo-iskusstva-na-obsharpannyh-stenah.html> (accessed on 19.09.2025)

Уголовно-правовая оценка деяний общего субъекта в составе должностных преступлений: противоречия теории и практики

Левин Дмитрий Игоревич,

аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

E-mail: LevinDProfession@yandex.ru

В статье анализируются проблемы уголовно-правовой квалификации деяний общего субъекта (не являющегося должностным лицом) при совершении преступлений против государственной власти (гл. 30 УК РФ). Обоснован тезис о несоответствии законодательной конструкции, современным реалиям, в которых субъекты не обладающие специальными признаками часто играют ключевую организационную роль.

Выявлено противоречие между реальной общественной опасностью деяний совершаемых общим субъектом преступления и их формальной квалификацией как пособничества, что не отражает истинной роли виновного лица и нарушает принципы справедливости и соразмерности наказания. На основе трудов ведущих российских учёных – в области уголовного права критикуется формальный подход к определению объекта и субъекта анализируемой в работе группы преступлений.

В ходе исследования автором сделан вывод о необходимости пересмотра и расширения доктринального понятия субъекта должностных преступлений, а также внесения изменений в уголовное законодательство для обеспечения адекватной квалификации деяний и назначения справедливого наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность общего субъекта за должностные преступления, должностные преступления совершаемые общим субъектом, соучастие общего и специального субъекта при совершении должностного преступления.

В научном сообществе исследование проблемных вопросов теории и практики преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления преступлений является классическим направлением, а в условиях активного реформирования отечественным уголовным законодательством актуально как никогда ранее. В связи с новыми вызовами, стоящими перед нашим государством особую актуальность, приобретают давно назревшие проблемные вопросы пересмотра доктринального подхода к должностным преступлениям. О вопросах фактического расширения объекта преступлений главы 30 Уголовного кодекса Российской Федерации в научном сообществе периодически идут споры, но в месте с расширением объекта преступлений, не менее актуальным является вопрос пересмотра субъекта этих преступлений [1, с. 24–25].

Полагаем что работа над доктринальным пересмотром заявленной темы требует в первую очередь постановки теоретических и практических проблем, актуализацию основных направлений научной деятельности, которая требует внимания всего научного сообщества.

Основная доктринальная проблема и проблема правоприменения состоит в том, что большинство преступлений главы 30 УК РФ в соответствии с действующим законодательством требует наличия специального субъекта, то есть должностного лица, выполняющего организационно-распределительные или административные хозяйственные функции, однако в реальности общий субъект, не обладающий статусом должностного лица часто играет ключевую роль в совершении таких преступлений. Например, общий субъект предлагает передать взятку, а затем и подкупает, изготавливает подложные документы, оказывает давление, разрабатывает общую с должностным лицом преступную схему и т.д.

Проблемным вопросом участия общего субъекта в преступлениях главы 30 УК РФ является юридическая природа участия общего субъекта, в частности определение его роли в конкретных обстоятельствах как исполнителя или пособника. По формальной логике действующего УК РФ если преступление требует специального субъекта, то общий субъект не может быть исполнителем, только пособником или подстрекателем, но в реальности общий субъект может фактически осуществлять руководство, инициировать, организовывать и финансировать преступление, а должностное лицо в свою очередь лишь формально

«подписывать», либо «не препятствовать» в силу своего положения. В это же время при таких обстоятельствах имеется практическая проблема формальной квалификации деяний по ч. 3 ст. 33 УК РФ, поскольку последняя не отражает реальную степень общественной опасности деяния общего субъекта: он может быть главным выгодоприобретателем или организатором, но юридически остаётся лишь пособником, более того существует риск непривлечения такого участника преступления к ответственности в связи с высокой латентностью его действий, поскольку специальный субъект в приведенных обстоятельствах заинтересован в квалификации своих деяний по менее строгой статье УК РФ, то есть заинтересован в сокрытии соучастников и организатора в виду отягчения ответственности.

Таким образом, имеется несоответствие между реально совершённым деянием и стоящим за ним общественно опасными последствиями, а также уголовно-правовой оценкой в действующем законодательстве. Отдельного внимания заслуживает проблема недо- и пере- оценивания реального вклада в совершении противоправных действий. Вклад общего субъекта может обесцениваться формальным подходом к квалификации его деяний, что ведёт к нарушению принципа справедливости ст. 6 УК РФ, принципа вины ст. 5 УК РФ и общих начал назначения наказания ст. 60 УК РФ, в частности ответственность лица за непосредственно совершенные деяния. Иными словами, в настоящее время законодателем, в зависимости от подхода к квалификации преступления, фактически установлена гораздо более мягкая уголовная ответственность общего субъекта за преступления, предусмотренные главой 30 УК РФ, чем за преступления должностного лица несмотря на соразмерность роли и вклада в противоправное деяние, общественной опасности действий общего и специального субъектов [5, с. 27–29]. В случае более формального подхода правоприменителя к квалификации деяний, может и вовсе исключать преступность в действиях общего субъекта. В таких обстоятельствах можно и нужно исследовать проблему уголовной ответственности общего субъекта за преступления, установленные главой 30 УК РФ.

Не менее интересна и проблематика соучастия в целом, и в частности при совершении должностных преступлений. основополагающим в общей проблематике соучастия является вопрос: «может ли соучастие быть самостоятельной формой преступления или оно неразрывно связано с деянием исполнителя?». В контексте заявленной проблематики актуализируется и тема пособничества как самостоятельного преступления. С тезисами о необходимости доктринальной переработки подхода к пособничеству как к самостоятельному преступлению в российском уголовном праве выступали такие видные российский ученые как доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Б.В. Яценко и доктор юридических наук, доцент Е.В. Фоменко, ко-

торые рассмотрели особенности законодательной регламентации пособничества как самостоятельного преступления [8, с. 53–55]. Вместе с тем полагаем, что внимание отечественных правоведов к проблеме лишним раз подчеркивает важность разработки проблематики. Отметим, что в контексте преступлений, закрепленных главой 30 УК РФ при вынесении пособничества как самостоятельного преступления не будет учитываться общественно опасные последствия деяний каждого из субъектов, то есть такой подход не позволяет объективно оценить роль и вклад всех участников преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

Существует и проблема практики правоприменения, когда деяние соучастника при применении ч. 4 ст. 33 УК РФ не получает должной квалификации. Например, сотрудник полиции (специальный субъект) может пособничать в мошенничестве, совершенном гражданином (неспециальный субъект). Сотрудник полиции по части 4 ст. 33 УК РФ будет квалифицирован как пособник по статье мошенничества, но его должностной статус и роль в преступлении не находят отражения в квалификации. Мы не согласны с тем, что такие направления как реформирование статьи 34 УК РФ [2, с. 195–197] и институт посредственного исполнения полностью исчерпывают проблематику квалификации соучастия специального и общего субъектов при совершении преступлений, в частности по преступлениям главы 30 УК РФ [4].

Вопреки классическому пониманию субъектов должностных преступлений, их уголовно-правовых характеристик, игнорирование самой возможности фактического участия общего субъекта в совершении преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, считаем некорректным, подлежащим доктринальному пересмотру. Считать, что все эти преступления совершаются изнутри системы государственных или муниципальных органов и утверждений и самими работниками этих органов, военнослужащими и просто лицами наделёнными специальными полномочиями [3, с. 55], означает только актуализировать проблему сужения объектов посяательства должностных преступлений о чём в своих работах писал, например доктор юридических наук, профессор П.С. Яни. Он продолжительное время обращает внимание научного сообщества на целый ряд проблем, создаваемых в теории уголовного права мнением о том, что название разделов уголовного кодекса обозначают родовой, а главы видовой объект преступлений. По мнению Яни недопустимым является формально определять названием объекты преступлений, исходя лишь из указанных наименований, поскольку строгое следование такому подходу сужает действие норм об уголовной ответственности.

П.С. Яни отмечает, что, применяя такой подход к преступлениям главы 30 УК РФ, родовой объект преступлений должен определяться как госу-

дарственная власть или как общественные отношения в сфере реализации полномочий органов гос. власти, при этом если исходить из того что видовой объект неотъемлемая часть объекта родового, то за пределами непосредственно видового объекта должностных преступлений остаются посягательства на интересы муниципальной службы, поскольку согласно ст. 12 Конституции РФ они не входят в систему органов государственной власти [7, с. 20–22].

По аналогии, мы можем сделать вывод, о том, что если ограничивать видовой объект должностных преступлений исключительно в области реализации государственного властных полномочий и сферы государственной службы, то за пределами остаются иные отношения как например преступление врачей или научно-педагогических работников, которые в виду специфики их деятельности фактические обретают статус должностных лиц, что на практике обнаруживает проблему определения субъекта преступления не через нормы уголовного закона, а через полномочия, игнорируя тем самым саму возможность совершения деяний общим субъектом.

Критикой формального подхода к толкованию уголовного закона П.С. Яни фактически ставится вопрос не только о фактическом расширении объекта преступлений главы 30 УК РФ, но и о проблемах в определении субъекта, о необходимости расширения субъектов преступлений главы 30 УК РФ.

Научный интерес представляет и латентное соучастие при классических преступлениях. Например, анализируя научные работы доктора юридических наук Е.В. Фоменко, в частности работу, посвященную цифровым активам как предмету подкупа [6, с. 54], интересным выглядит проблема латентности соучастия общего субъекта при совершении подкупа. Например, возникают вопросы о технической квалификации участников преступного деяния. Иными словами, если должностное лицо в качестве корыстного мотива имеет умысел получить цифровой актив, либо аналогичный ему актив, то такое должностное лицо должно обладать знаниями о технической части по работе с цифровыми активами, их передаче хранении, конвертировании в материальные блага. Иными словами, в таких обстоятельствах также вскрывается проблемный вопрос о возможном, либо необходимом соучастии лица, обладающего конкретными знаниями технической части по совершению операций с цифровыми активами. При этом отметим, что считаем ошибочным мнение о необходимости получения специального образования для работы с цифровыми активами и их аналогами, поскольку с развитием цифровизации информация находится в открытом доступе по запросу в информационной сети «Интернет».

Таким образом, мы рассмотрели лишь некоторые вопросы связанные с концептуальными и практическими проблемами как соучастия при совершении должностных преступлений, так и вопросов определения субъектов преступлений, за-

крепленных главой 30 УК РФ. В свою очередь, рассмотренные проблемные вопросы и противоречия в действующем законодательстве, а также научные подходы к проблемам уголовной ответственности общего субъекта за совершение должностных преступлений свидетельствует о необходимости доктринальной переработки главы 30 УК РФ, пересмотра подхода к пониманию преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, расширения понятия «субъект должностного преступления».

Литература

1. Аснис А.Я. Служебное преступление: понятие и субъект / А.Я. Аснис; А.Я. Аснис. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 128 с.
2. Борисевич М.М. Некоторые проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом и пути их разрешения / М.М. Борисевич // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 6А. С. 192–203.
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления [Учеб.-практ. пособие] / Б.В. Волженкин. М.: Юрист, 2000. 367 с.
4. Ковригина А. Р., Мезенцева А.И. Посредственное исполнение как вид совместной преступной деятельности без признаков соучастия // Вестник науки. 2021. № 6–1 (39).
5. Никонов П.В. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ) / П.В. Никонов, В.Н. Шиханов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2019. 179 с.
6. Фоменко Е.В. Цифровые активы как предмет подкупа: отдельные проблемы законодательного закрепления и правоприменительной практики / Е.В. Фоменко // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 7. С. 51–54.
7. Яни П.С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей / П.С. Яни // Законность. 2011. № 10(924). С. 19–23.
8. Яцеленко Б.В. Пособничество как самостоятельное преступление в российском уголовном праве и особенности его законодательной регламентации / Б.В. Яцеленко, Е.В. Фоменко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 10 (257). С. 46–55.

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF THE ACTS OF A COMMON SUBJECT AS PART OF OFFICIAL OFFENSES: CONTRADICTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Levin D.I.

All-Russian State University of justice

The article analyzes the problems of criminal law qualification of acts of a common subject (who is not an official) when committing crimes against state power (Chapter 30 of the Criminal Code of the Rus-

sian Federation). The thesis about the inconsistency of the legislative structure with modern realities, in which subjects without special features often play a key organizational role, is substantiated.

A contradiction has been revealed between the real social danger of acts committed by the common subject of the crime and their formal qualification as complicity, which does not reflect the true role of the perpetrator and violates the principles of justice and proportionality of punishment. Based on the works of leading Russian scientists in the field of criminal law, the formal approach to defining the object and subject of the group of crimes analyzed in the work is criticized. In the course of the study, the author concluded that it is necessary to revise and expand the doctrinal concept of the subject of official crimes, as well as to amend criminal legislation to ensure adequate qualification of acts and the imposition of fair punishment.

Keywords: criminal liability of a common entity for official offenses, official offenses committed by a common entity, complicity of a common and special entity in the commission of an official offense.

References

1. Asnis A.Y. Official crime: concept and subject / A. Ya. Asnis; A. Ya. Asnis. Moscow: Yurinform Center, 2003. 128 p.
2. Borisevich M.M. Some problems of complicity in a crime with a special subject and ways to resolve them / M.M. Borisevich // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12, No. 6A. pp. 192–203.
3. Volzhenkin B.V. Official crimes [Textbook. manual] / B.V. Volzhenkin. Moscow: Jurist, 2000. 367 p.
4. Kovrigina A. R., Mezentsева A.I. Mediocre execution as a type of joint criminal activity without signs of complicity // Bulletin of Science. 2021. № 6–1 (39).
5. Nikonov P.V. Theory and practice of qualification of official offenses (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation) / P.V. Nikonov, V.N. Shikhanov. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State-funded Educational Institution of Higher Education "University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation", 2019. 179 p.
6. Fomenko E.V. Digital assets as a subject of bribery: selected problems of legislative consolidation and law enforcement practice / E.V. Fomenko // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. No. 7. pp. 51–54.
7. Yani P.S. Qualification of official offenses: overcoming theoretical inaccuracies / P.S. Yani // Legality. 2011. No. 10(924). pp. 19–23.
8. Yatselenko B.V. Aiding and abetting as an independent crime in Russian criminal law and the specifics of its legislative regulation / B.V. Yatselenko, E.V. Fomenko // Bulletin of the penal enforcement system. 2023. No. 10 (257). pp. 46–55.

Негосударственная судебно-экспертная деятельность: проблемные аспекты в уголовном судопроизводстве

Лях Лариса Анатольевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: larisa_skf_88@mail.ru

Печеричкина Карина Васильевна,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: kariinapecherichkina@gmail.com

Тарасов Анатолий Вячеславович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, заслуженный юрист Кубани, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: tarasov-av@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы негосударственной судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве. Анализируется нормативно-правовое регулирование данного института, выявляются пробелы законодательства и недостатки правоприменительной практики, усложняющие отправление правосудия. На основе проведенного анализа предлагаются изменения в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение выявленных проблем.

Ключевые слова: суд, защитник, следователь, экспертиза, судопроизводство, негосударственная судебно-экспертная деятельность.

Стремительное всестороннее развитие общественных отношений на современном этапе привело к росту потребности в совершенствовании различных отраслей законодательства. Особенно остро стоит вопрос о регулировании деятельности негосударственных экспертных учреждений.

Динамика роста количества проведенных негосударственными экспертными учреждениями исследований свидетельствует о существенном вкладе негосударственных экспертов в осуществление судопроизводства современной России. Заявленный тезис подтверждается данными из «Отчета судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз» за 12 месяцев 2023 г., в соответствии с которыми всего было вынесено постановлений о назначении государственных экспертиз 106 230, в то время как негосударственных – 170 999, то есть в данном случае мы можем наблюдать прирост примерно на 61%, что достаточно весомо¹.

На сегодняшний день основой регулирования судебно-экспертной деятельности являются Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»² и другие процессуальные кодексы. Так, например, в диссертации Эпштейна В.А. правильно указано «Следует, однако обратить внимание на то, что данные кодексы используют термин «экспертное учреждение», не указывая на его государственный или негосударственный статус»³. Таким образом, какого-либо единого специализированного законодательного акта, который бы регулировал деятельность негосударственных экспертных учреждений, на данный момент не существует.

Данная проблема активно обсуждается в научной литературе, особенно в условиях реформиро-

¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба, взысканий, издержек и экспертиз за 2023 год (Форма № 4). URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/F4-svod_vse_sudy-2023.xls

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/>

³ Эпштейн В.А. Теоретические и методические основы негосударственной судебно-экспертной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. РУДН. – М., 2024. – С. 26 CQYcT-VSO1Z3cdYqGcZm6sAliqWIAZnVuORCT5qO0.pdf

вания экспертной деятельности и повышения требований к качеству судебных заключений.

Само понятие «негосударственное экспертное учреждение» приведено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам». Так п. 2 гласит: «Под негосударственными судебно-экспертными учреждениями следует понимать некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами». В п.п. 3 и 5 названного постановления указывается, что «возможность проведения экспертизы у иных экспертов должно отражаться в постановлении о назначении такой экспертизы и что должен сделать суд при поручении исследования. Так при поручении производства экспертизы негосударственному судебному эксперту необходимо запрашивать данные о нём, проверить сведения о компетентности эксперта и отражать их в постановлении о назначении экспертизы, а в постановлении о назначении экспертизы должны быть отражены мотивы поручения негосударственному судебному эксперту»¹. Данные требования нашли свое отражение в судебной практике, например, в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2022 N 77–4377/2022 по кассационной жалобе на приговор Октябрьского районного суда г. Липецка от 1 октября 2021 года и апелляционное определение Липецкого областного суда от 22 декабря 2021 года².

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» также частично затрагивает вопрос саморегулируемых сообществ судебных экспертов, предпринимающих попытки урегулировать деятельность рассматриваемых учреждений, вызванных практическими проблемами функционирования данной системы, однако совершенно не дает ответов на возникающие по данному поводу многочисленные вопросы.

Проводя аналогии между уголовным и арбитражным процессом следует обратить внимание на некоторые спорные моменты проведения экспертизы в негосударственных судебно-экспертных учреждениях. Так, в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах

практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», предпринята попытка установления некоторых мер ответственности, таких как «возможность наложения судебного штрафа при непредставлении заключения в суд в установленный срок, невыплаты вознаграждения эксперту при признании заключения недостоверным доказательством»³. Помимо этого, Пленум обращает внимание суда на необходимость выяснения до поручения проведения экспертизы вопросов о профессиональных данных эксперта.

Вопрос о компетенции экспертов негосударственных экспертных учреждений стоит особенно остро. Единственной легитимной формой подтверждения компетентности негосударственных судебных экспертов в России в настоящее время может считаться добровольная сертификация экспертной деятельности. Критерии оценки компетентности лиц, обладающих специальными знаниями, но не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, достоверности используемых ими экспертных методик и их научной обоснованности законодательно не закреплены, что является причиной низкого качества проводимых этими лицами экспертиз и, как следствие, судебных ошибок, увеличения количества повторных и дополнительных экспертиз, увеличения сроков судопроизводства в целом. Недостаток нормативного регулирования приводит к усложнению проверки и оценки заключений негосударственных экспертов как доказательств в процессе. Например, практика показывает, что отсутствие специальных знаний у негосударственного судебного эксперта – повод для отмены приговора.

Так Московским городским судом было рассмотрено дело 2–83/2022 от 21.11.2022, которое в последующем Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям: требование о наличии при производстве экспертизы специальных знаний распространяется и на лиц, не являющихся государственными судебными экспертами; суды должны проверять сведения об эксперте, в том числе его образование, специальность и стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации; если комплексная судебная экспертиза проводилась одним экспертом, то он должен был обладать необходимыми специальными познаниями в областях науки, в рамках которых проводилась экспертиза; документы, свидетельствующие о повышении квалификации или профессиональной переподготовке, дающие право эксперту на проведение исследования в рамках той области, по которой он не обладает образованием, в материалах уголовного дела отсутствуют; суды первой и апел-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2013. – № 296. – 30 декабря.

² Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 августа 2022 г. по делу № 7У-9176/2022 [77–4377/2022]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38643113&case_uid=0e83a1df-00df-4324-ac3f-a33d-99982de1&delo_id=2450001&new=2450001

³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СудАкт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-04042014-n_1/

ляционной инстанции должным образом не проверили данные о компетентности и квалификации эксперта, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела¹.

Можно констатировать, что в России фактически сложилась гибридная модель, государственные экспертные подразделения (при Следственном комитете РФ, МВД РФ, Министерстве юстиции РФ и Министерстве здравоохранения РФ) работают рядом с частными экспертами – аккредитованными центрами и «самозанятыми» специалистами.

Такая конкуренция стимулирует рост качества и расширение узких профилей (например: криминалистическая баллистика, судебная токсикология, компьютерно-технические исследования, почерковедческие, оценочные, строительно-технические, психолого-физиологические, молекулярно-генетическая и т.д.), но одновременно порождает риски «рыночного демпинга», то есть установления доминирующего положения на рынке различными способами, и конфликта интересов – лица могут обращаться к тем экспертам, кто гарантирует удобный для них вывод, далеко не всегда в рамках закона.

Так Верховный Суд Чувашской Республики рассматривал дело За-47/2023 от 12 мая 2023 года. В дальнейшем в ходе пересмотра судебной коллегией по административным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции было вынесено апелляционное определение о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. По уголовному делу первоначально была назначена негосударственная экспертиза ООО «Центр оценки, экспертизы, консалтинга «Автопрогресс» и частного эксперта. Однако выяснилось, что частный эксперт имел личную связь с обвиняемыми и при данном факте не заявила самоотвод, что было признано нарушением УПК РФ. После этого было назначено производство повторной судебно-бухгалтерской экспертизы, которую официально назначили уже АНО «Новгородский центр судебных экспертиз и оценки», а затем – новой государственной организацией с госаккредитацией, что затянуло сроки судопроизводства².

В следственно-судебной практике нередко встречаются случаи, когда возникают сомнения в обоснованности заключения негосударственных экспертов.

Причинами могут являться: некомпетентность эксперта (несоответствие образования проведенному виду исследования); недостаточный стаж ра-

боты экспертом (низкий уровень подготовки); ошибочный выбор методики исследования; использование не рекомендованной методикой литературы (нормативной, научной или учебной); несоблюдение утвержденного порядка исследования (расчетов); отсутствие обоснования вывода, дача экспертом заведомо ложного заключения и многие другие нарушения.

Необходимо отметить, что заключение эксперта, как и любое доказательство, представленное в суд, оценивается в судебном процессе по общим правилам ст. 88 УПК РФ. Лицо, назначившее экспертизу, руководствуется законом и оценивает заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности³.

Согласно п. 19. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам», «При оценке судом заключения эксперта следует иметь в виду, что оно не имеет заранее установленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и, как все иные доказательства, оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования»⁴.

По результатам оценки заключений эксперта, судом могут быть выявлены факты предоставления заведомо ложных заключений.

Кроме того, важно добавить, что «многочисленное количество функционирующих на территории Российской Федерации негосударственных судебно-экспертных организаций привело к тому, что их работа, в основной массе, ориентирована на получение денежного вознаграждения, а не достоверного, правильного и качественного результата. Это подкрепляется также несовершенством механизмов привлечения к ответственности за недостоверность заключения эксперта. В соответствии со ст. 307 УК РФ эксперт при даче заключения предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, однако сложность состоит в возможности доказывания «криминального» умысла при составлении выводов проведенного исследования, что приводит к тому, что в судебной практике обвинительные приговоры по указанной статье в отношении экспертов выносятся редко»⁵, а административной и профессиональной ответственности практически нет.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2023 г. по делу № 5-УД23-93-А1. URL: <https://www.vsr.ru/lk/practice/cases/11908531>

² Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 августа 2023 г. по делу № 66а-1534/2023. URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5751027&case_uid=6146f068-80c0-41d3-a3cd-defca1acb179&delo_id=42&new=0

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2013. – № 296. – 30 декабря.

⁵ Замараева Н. А., Сальников В.П. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Юридическая техника. – 2022. – № 16. URL: <https://>

В судебной практике последних лет, имеются факты возбуждения уголовных дел в отношении негосударственных экспертов и вынесение приговора, что свидетельствует о попытке создания прецедента в вопросе повышения ответственности негосударственных экспертов за результаты проводимых исследований. Так, например, Хостинским районным судом г. Сочи Краснодарского края был вынесен обвинительный приговор в отношении эксперта К. по ч. 1 ст. 307 УК РФ за предоставление заведомо ложного заключения по почерковедческой экспертизе. В настоящий момент продолжается разбирательство в апелляционной инстанции. Но сам факт возбуждения уголовного дела в отношении негосударственного эксперта и вынесение приговора свидетельствует о попытке создания прецедента в вопросе повышения ответственности негосударственных экспертов за результаты проводимых исследований¹.

«Полная неопределенность в правовом статусе негосударственных судебно-экспертных учреждений, отсутствие целостных понятных требований к компетенции судебного эксперта негосударственного судебно-экспертного учреждения является серьезным препятствием для достижения целей правосудия и функционирования судебной системы в целом»².

Крупные шаги в сторону создания единого нормативного правового акта, регулирующего деятельность экспертных учреждений, в том числе негосударственных, были сделаны еще в 2013 году, когда в государственную думу был внесен Проект федерального закона N 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»³. В связи с необходимостью значительной переработки законопроекта дальнейшее его рассмотрение было перенесено на более поздний срок. Последние законодательные движения были в 2021 году, на данный момент законопроект по-прежнему на стадии рассмотрения. Помимо прочего в предлагаемый законопроект включаются перечень как новых, так и дополненных основополагающих терминов судебно-экспертной деятельности, определяются механизмы сертификации компетентности судебного эксперта, а также планируется ввести механизмы оценки пригод-

ности использования методических материалов по производству судебной экспертизы.

Последнее особенно важно в свете того, что «в заключении негосударственного эксперта ссылки на использование методики, разработанной в Российском федеральном центре судебной экспертизы (РФЦСЭ) при Минюсте России, вовсе не означают, что та или иная методика действительно использовалась при производстве исследования. Так, например, согласно утвержденным данным, исследование может занимать до шести месяцев, но негосударственные эксперты вполне способны сократить срок вплоть до одного месяца»⁴. Некоторые негосударственные эксперты и вовсе применяют непроверенные, авторские методики. При этом встает вопрос о качестве проведенной экспертизы, вследствие чего может потребоваться повторная экспертиза, проводимая уже, как водится, в государственном экспертном учреждении. В худшем же случае некачественная судебная экспертиза может повлечь вынесение неверного судебного решения.

Так, например Верховным суде республики Башкортостан от 2 ноября 2023 г. рассматривалось дело № 3ГА 764/2023 от 2 ноября 2023 г. Изначально при доследственной проверке были представлены негосударственные комплексные судебно-медицинские заключения от 11 февраля 2019 и 11 июня 2020 года, в которых указывалось, что причина смерти не носит криминальный характер и нет оснований возбуждать уголовное дело. После неоднократных ходатайств потерпевшего, 13 октября 2021 года суд назначил повторную государственную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу. В заключении от 8 ноября 2022 года выдвинут криминальный характер событий – что подтвердило необходимость возбуждения уголовного дела⁵.

В Шестом кассационном суде общей юрисдикции было рассмотрено уголовное дело № 7У-13531/2022 [77–5550/2022] по кассационной жалобе на постановление Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 01 апреля 2022 года и апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 15 июня 2022 года в рамках уголовного процесса по факту причинения смерти по неосторожности. Первоначально были представлены два заключения негосударственных судебно-медицинских экспертиз: № 170-М (31 октября 2019 г.) и № 057-МД (15 мая 2020 г.). Они содержали противоречивые выводы в отношении наличия дефектов диагностики и тактики лечения, а также их причинно-следственной связи с летальным исходом. Это вызвало сомнения у суда и сторон, что препятствовало объективному и справед-

cyberleninka.ru/article/n/problems-provedeniya-ekspertizy-v-negosudarstvennoy-ekspertnoy-organizatsii

¹ Приговор Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 17 декабря 2024 г. по делу № 1–490/2024. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.05.2025). https://sochi-xostinsky-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvcnum=1&name_op=case&case_id=458747537&case_uid=e581114f-9d0b-4455-b55b-525c94d0a5ec&delo_id=1540006

² Зайнуллин Р. И. К вопросу о концептуальных основах создания единой системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualnyh-osnovah-sozdaniya-edinoy-sistemy-sudebno-ekspertnyh-uchrezhdeniy-v-rossiyskoy-federatsii>

³ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6>

⁴ Замараева Н. А., Сальников В.П. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Юридическая техника. – 2022. – № 16. –С.428 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-provedeniya-ekspertizy-v-negosudarstvennoy-ekspertnoy-organizatsii>

⁵ Решение Верховного Суда Республики Башкортостан от 2 ноября 2023 г. по делу № 3ГА-764/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ytv2laGWbnnR>

ливому разрешению дела. В связи с выявленными противоречиями суд по ходатайству сторон назначил повторную, уже государственную комиссионную судебно-медицинскую экспертизу, которая уже и устранила ранее возникшие противоречия, обеспечив единое мнение по делу, а суд прекратил уголовное дело и уголовное преследование в отношении подсудимого¹.

До 2021 года в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в п. 19 был закреплён абзац согласно которому «для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист даёт в форме устных показаний или письменного заключения». Согласно действовавшим на тот момент разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Данные положения повлекли за собой рост количества рецензий на заключения экспертиз².

Инициатором производства таких рецензий, как правило, выступали адвокаты в соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»³.

Из нескольких сот рецензий, проведенных рецензентами НП «СРО судебных экспертов», с целью обоснования ходатайств о назначении повторных экспертиз, более 80% ходатайств были удовлетворены судами⁴.

Судьи неохотно назначают повторные экспертизы из-за нежелания затягивать сроки судебного разбирательства и зачастую не принимают во внимание доводы стороны по делу о нарушениях, допущенных при производстве судебной экспертизы. В сложившейся судебной практике сторона подает ходатайство о назначении повторной экспертизы и все выявленные недостатки экспертизы указывает именно в нем или в приложенном возражении на судебную экспертизу. В данной ситуации суду не составляет труда отказать в удовлетворении такого ходатайства со ссылкой на то, что заключение эксперта получено с соблюдением процессуаль-

ных норм, компетенция эксперта подтверждена, он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Однако при наличии рецензии на заключение эксперта суду трудно мотивированно отказать в удовлетворении данного ходатайства, так как лицу, назначавшему экспертизу, крайне сложно закрыть глаза на обнаруженные в заключении эксперта нарушения, отраженные не юристом, а другим лицом, обладающим специальными познаниями. Таким образом, суд осознает, что решение, принятое на основании выводов оспариваемого заключения эксперта, без учета доводов рецензии, приобщенной к делу, с большей долей вероятности может быть отменено в суде апелляционной инстанции.

После внесения изменения в Постановление Пленума ВС возможности адвокатов сократились, суды вернули себе право отказа в приобщении рецензии специалистов на экспертное заключение со ссылкой на отсутствие в УПК РФ подобного вида доказательств.

На наш взгляд оптимальным решением проблемы может быть законодательное закрепление права адвоката на назначение экспертизы с механизмом предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 УК за дачу заведомо ложного заключения⁵. Именно адвокаты сталкиваются с необходимостью проведения экспертных исследований негосударственными экспертными учреждениями, возможности их обращения в государственные судебно-экспертные учреждения существенно ограничены. А суд, после его приобщения к материалам дела, в соответствии с действующим законодательством вправе дать оценку заключению негосударственного эксперта по общим правилам в совокупности с другими доказательствами.

Исследование позволило выделить ряд системных проблем, препятствующих эффективному использованию негосударственных судебных экспертиз – отсутствие единого законодательного акта, регламентирующего деятельность негосударственных экспертов; недостаточные критерии компетентности и механизмов контроля квалификации частных экспертов; слабая ответственность за недобросовестное или непрофессиональное заключение; проблемы с методическим обеспечением: отсутствие реестра утверждённых методик и единых стандартов; риски нарушения процессуальных сроков из-за повторных экспертиз, вызванных некачественными частными заключениями.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод – в условиях активного использования негосударственных экспертов в судебной практике отсутствие нормативного регулирования создает угрозу правосудию. В целях повышения качества экспертиз и минимизации судебных ошибок требуется принятие специального закона, регламентирующего деятельность всех видов экспертных уч-

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 3 ноября 2022 г. по делу № 7У-13531/2022 [77–5550/2022]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2908144&case_uid=b5f1028c-6148-48be-a1be-0e9eefea6bfa&delo_id=2450001&new=2450001

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2013. – № 296. – 30 декабря.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22.04.2024) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/

⁴ Рецензия на судебную экспертизу – процессуальное обоснование. – М., 2025. URL: <https://recense.exprus.ru/recenziya-na-sudebnuyu-eksperizu-processualnoe-obosnovanie/>

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

реждений. Рекомендуется: разработать и принять единый федеральный закон о судебно-экспертной деятельности; внести в УПК РФ положения, закрепляющие механизм назначения негосударственной экспертизы с предупреждением об ответственности; ввести обязательное повышение квалификации и сертификацию экспертов; создать публичный реестр утвержденных экспертных методик с обязательным использованием.

В качестве конкретной меры по совершенствованию негосударственной судебно-экспертной деятельности предлагаем внести в ч. 3 ст. 86 УПК РФ положения, которые будут закреплять право адвоката на назначение экспертизы с обязательным предупреждением об уголовной ответственности по ст. 307 УК за дачу заведомо ложного заключения.

Предложенные меры направлены на повышение достоверности заключений, сокращение судебных ошибок и укрепление доверия к судебной системе в целом.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 16.07.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2013. – № 296. – 30 декабря.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СудАкт. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-04042014-n_1/ (дата обращения: 19.06.2025).
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2023 г. по делу № 5-УД23–93-А1. URL: <https://www.vsrfl.ru/lk/practice/cases/11908531> (дата обращения: 19.06.2025).
8. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 августа 2022 г. по делу № 7У-9176/2022 [77–4377/2022]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38643113&case_uid=0e83a1df-00df-4324-ac3f-a33d-99982de1&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.07.2025).
9. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 3 ноября 2022 г. по делу № 7У-13531/2022 [77–5550/2022]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2908144&case_uid=b-5f1028c-6148-48be-a1be-0e9eefea6bfa&delo_id=2450001&new=2450001 (дата обращения: 16.07.2025).
10. Решение Верховного Суда Республики Башкортостан от 2 ноября 2023 г. по делу № 3ГА-764/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ytv2laGWbnmR> (дата обращения: 19.06.2025).
11. Апелляционное определение Четвёртого апелляционного суда общей юрисдикции от 16 августа 2023 г. по делу № 66а-1534/2023. URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5751027&case_uid=6146f068-80c0-41d3-a3cd-defca1acb179&delo_id=42&new=0 (дата обращения: 16.07.2025).
12. Приговор Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 17 декабря 2024 г. по делу № 1–49/2024. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.05.2025). https://sochi-xostinsky-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=458747537&case_uid=e581114f-9d0b-4455-b55b-525c94d0a5ec&delo_id=1540006
13. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 10.05.2025).
14. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба, взысканий, издержек и экспертиз за 2023 год (Форма № 4). URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/F4-svod_vse-sudy-2023.xls (дата обращения: 16.07.2025).
15. Эпштейн В.А. Теоретические и методические основы негосударственной судебно-экспертной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – М., 2024. – 339 с.
16. Зайнуллин Р. И. К вопросу о концептуальных основах создания единой системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontseptualnyh-osnovah-sozdaniya-edinoj-sistemy-sudebno-ekspertnyh-uchrezhdeniy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.07.2025).

17. Замараева Н. А., Сальников В.П. Проблемы проведения экспертизы в негосударственной экспертной организации // Юридическая техника. – 2022. – № 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-provedeniya-ekspertizy-v-negosudarstvennoy-ekspertnoy-organizatsii> (дата обращения: 16.07.2025).
18. Рецензия на судебную экспертизу – процессуальное обоснование. – М., 2025. URL: <https://recense.exprus.ru/recenziya-na-sudebnuyu-ekspertizu-processualnoe-obosnovanie/> (дата обращения: 16.07.2025).

NON-GOVERNMENTAL FORENSIC ACTIVITY: PROBLEMATIC ASPECTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Lyakh L.A., Pecherichkina K.V., Tarasov A.V.

North Caucasian branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the problems of non-governmental forensic activity in legal proceedings. The legal regulation of this institution is analyzed, gaps in legislation and shortcomings in law enforcement practice that complicate the administration of justice are identified. Based on the analysis, amendments to the criminal procedure legislation are proposed aimed at eliminating the identified problems.

Keywords: court, defense attorney, investigator, examination, legal proceedings, non-governmental forensic activity.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 23, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.
3. On State Forensic Activity in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation of May 31, 2001 No. 73-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/> (accessed: June 10, 2025).
4. On Advocacy and the Bar in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation of May 31, 2002 No. 63-FZ // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (accessed: July 16, 2025).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 (as amended on June 29, 2021) "On Forensic Examination in Criminal Cases" // Rossiyskaya Gazeta. – 2013. – No. 296. – December 30.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 4, 2014, No. 23 "On Certain Issues of the Practice of Applying Legislation on Expertise by Arbitration Courts" // SudAkt. URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-vas-rf-ot-04042014-n_1/ (date of access: June 19, 2025).

7. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 16, 2023, in Case No. 5-UD23–93-A1. URL: <https://www.vsr.ru/lk/practice/cases/11908531> (date of access: June 19, 2025).
8. Cassation ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated August 23, 2022 in case No. 7U-9176/2022 [77–4377/2022]. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38643113&case_uid=0e83a1df-00df-4324-ac3f-a33d-99982de1&delo_id=2450001&new=2450001 (date of access: July 16, 2025).
9. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 3, 2022, in case No. 7U-13531/2022 [77–5550/2022]. URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2908144&case_uid=b5f1028c-6148-48be-a1be-0e9eefe-a6bfa&delo_id=2450001&new=2450001 (accessed: July 16, 2025).
10. Decision of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated November 2, 2023, in case No. 3GA-764/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ytv2laGWbnmR> (accessed: June 19, 2025).
11. Appellate ruling of the Fourth Appellate Court of General Jurisdiction dated August 16, 2023, in case No. 66a-1534/2023. URL: https://4ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5751027&case_uid=6146f068-80c0-41d3-a3cd-defca1acb179&delo_id=42&new=0 (accessed: July 16, 2025).
12. Verdict of the Khostinsky District Court of Sochi, Krasnodar Krai, dated December 17, 2024, in case No. 1–49/2024. URL: <https://sudact.ru> (accessed: May 10, 2025). https://sochi-xostinsky-krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=458747537&case_uid=e581114f-9d0b-4455-b55b-525c94d0a5ec&delo_id=1540006
13. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (accessed: 10.05.2025).
14. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Report of courts of general jurisdiction on the amounts of damages, penalties, costs, and expert assessments for 2023 (Form No. 4). URL: https://cdcp.ru/userimages/Statistika_2023/F4-svod_vse_sudy-2023.xls (accessed: 16.07.2025).
15. Epshteyn, V.A. Theoretical and Methodological Foundations of Non-State Forensic Activities: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 5.1.4. Moscow, 2024, 339 p.
16. Zaynullin R.I. On the Question of the Conceptual Foundations of Creating a Unified System of Forensic Institutions in the Russian Federation // The Rule of Law: Theory and Practice. – 2016. – No. 4 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-okontseptualnyh-osnovah-sozdaniya-edinoy-sistemy-sudebno-ekspertnyh-uchrezhdeniy-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 16.07.2025).
17. Zamarayeva N. A., Salnikov V.P. Problems of Conducting Expertise in a Non-State Expert Organization // Legal Technique. – 2022. – No. 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-provedeniya-ekspertizy-v-negosudarstvennoy-ekspertnoy-organizatsii> (date of access: 16.07.2025).
18. Review of a forensic examination – procedural justification. – Moscow, 2025. URL: <https://recense.exprus.ru/recenziya-na-sudebnuyu-ekspertizu-processualnoe-obosnovanie/> (date of access: 16.07.2025).

Проблемы судебного обжалования незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса

Масной Елисей Алексеевич,

аспирант, кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: i@masnoy.ru.

Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования и практического применения статьи 125 УПК РФ, регламентирующей порядок судебного обжалования незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса. Автором рассматриваются основные проблемы, возникающие при реализации механизма последующего судебного контроля, включая противоречие между принципом состязательности и необходимостью оценки судом фактических обстоятельств дела. Особое внимание уделяется вопросам нарушения принципа беспристрастности судей при последующем рассмотрении уголовного дела по существу, проблемам территориальной подсудности жалоб, недостаткам правового регулирования порядка оформления жалоб и распределения бремени доказывания. Рассматривается проблематика неоднократных злоупотреблений процессуальным правом подачи жалоб, а также несовершенство актуальной нормативно-правовой базы в аспектах регламентации объекта обжалования и временных ограничений для подачи апелляций. По итогам проведенного научного анализа формулируются практические рекомендации по устранению выявленных недостатков. Предлагается законодательно закрепить безусловный запрет на вовлечение судебных представителей в дальнейшее производство по делу, регламентировать унифицированную процедуру направления жалоб через уполномоченных должностных лиц, ввести ограничительные меры касательно подачи повторных аналогичных обращений, установить конкретные сроки реализации права на обжалование. Разработанный комплекс мероприятий ориентирован на оптимизацию механизмов судебного контроля при одновременном соблюдении баланса процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и предупреждении возможных злоупотреблений.

Ключевые слова: судебный контроль, статья 125 УПК РФ, досудебные стадии, обжалование, должностные лица, принцип состязательности, беспристрастность суда, злоупотребление правом.

Фундаментальной составляющей механизма обеспечения законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений признается осуществление судебного надзора за действиями представителей власти в период доследственной проверки сообщений о преступлениях и проведения предварительного следствия.

Традиционно, в зависимости от цели такого контроля, выделяют две формы его осуществления: предварительный – когда суд проверяет соблюдение конституционных прав и свобод перед тем, как дать согласие на выполнение процессуальных действий, затрагивающих конкретное лицо, – и последующий – когда предметом проверки выступает выявление уже допущенных нарушений с целью их устранения и восстановления лица в законных правах [8].

Процессуальный регламент и правовые основания судебного обжалования противоправных действий (бездействия) и решений представителей власти закреплены в статье 125 УПК РФ. Нормативное положение распространяется на дознавателей, начальников подразделений дознания, начальников органов дознания, органы дознания, следователей, руководителей следственных органов и прокуроров. Производство по указанной статье обеспечивает последующий судебный контроль за деятельностью должностных лиц. Статья 125 УПК РФ выступает специальной нормой, детализирующей общеправовую гарантию статьи 46 Конституции РФ в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Несмотря на то, что статья, регулирующая условия и порядок судебного обжалования противоправной деятельности должностных лиц на досудебных стадиях, давно включена в отечественное законодательство и неоднократно являлась предметом научного анализа [3; 6; 7], разъяснений со стороны Верховного Суда РФ [11] и оценки Конституционного Суда РФ [12], с ней по-прежнему связано немало теоретических и практических проблем, от правильного решения которых зависит качество защиты прав участников уголовного процесса.

Возникают сложности, когда оценка правомерности обжалуемого постановления следователя или дознавателя невозможна без изучения фактической стороны конкретных отношений. Это вынуждает суд делать предварительные выводы по существу дела уже на стадии его возбуждения.

В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ рассматривается ситуация, когда при поступлении жалобы на неправомерный отказ следователя в возбуждении уголовного дела суд обязан изучить

обоснованность выбранных оснований через исследование фактических материалов, послуживших базой для принятия решения [10]. Практическое значение приобретает возможность отмены судом постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 2 ст. 24 УПК РФ при обнаружении признаков преступного деяния в исследуемых материалах.

Рассмотрение механизма судебного контроля выявляет двойственную правовую коллизию. С одной стороны, встает вопрос о соотношении данного института с принципом состязательности сторон по статье 15 УПК РФ, разделяющим обвинительную и судебную функции. С другой – возможность судебного обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела представляет базовую гарантию защиты прав граждан.

При отмене судом постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления производится предварительная правовая квалификация деяния. Подобное судебное решение не устанавливает причастность определенного лица к преступлению. Соответственно, нельзя сделать вывод о присвоении судом обвинительной функции согласно п. 22 ст. 5 УПК РФ.

Однако то обстоятельство, что судья, хотя и вынужденно, но оценивает фактическую сторону совершенного деяния и, вопреки позиции должностного лица, приходит к выводу о наличии признаков преступления, позволяет сомневаться в его непредвзятости при последующем рассмотрении того же дела уже на этапе судебного разбирательства. Как минимум, может возникнуть обоснованное сомнение в его объективности при решении вопроса относительно преступности совершённого деяния, поскольку ранее им уже один раз был сделан вывод о наличии криминообразующих признаков в деятельности подсудимого.

Изложенное противоречие отсылает к давнему спору между сторонниками и противниками введения института «следственных судей» [4]. Аргументы обеих сторон этой научной дискуссии достаточно широко освещены в уголовно-процессуальной литературе, поэтому нет необходимости в очередной раз специально на них останавливаться. Представляется, что для предотвращения ситуаций, когда судьи, рассматривавшие жалобу по статье 125 УПК РФ, при последующем разрешении уголовного дела по существу могут оказаться под влиянием ранее сложившегося убеждения относительно существа рассматриваемого дела и негативной характеристики подсудимого, достаточно предусмотреть специальное ограничение, аналогичное тому, что закреплено в ст. 63 УПК РФ. (недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела). Тем более, если принять во внимание тот факт, что в рамках действующего законодательства участники уголовного процесса обладают возможностью заявить отвод судье, ссылаясь на указанные обстоятельства, но диспозитивный характер этого института не всегда позволяет обе-

спечить соблюдение процессуальных гарантий [9]. Исходя из этого, наиболее эффективным выходом из сложившейся ситуации видится включение в УПК РФ императивного положения о недопустимости участия такого судьи в случае дальнейшего рассмотрения уголовного дела по существу.

Законодательство содержит пробел в регулировании процессуальных последствий нарушения территориальной подсудности при обжаловании действий (бездействия) и решений должностных лиц. Часть 1 статьи 125 УПК РФ закрепляет правило рассмотрения жалоб районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело. При этом ни УПК РФ, ни Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» не регламентируют алгоритм действий суда при поступлении жалобы, подсудной другому районному суду.

В теории высказывается позиция, согласно которой подобные ситуации должны разрешаться путем реализации механизма передачи жалобы по подсудности судом, принявшим жалобу к производству, при условии недопустимости споров о подсудности между судами [9]. Сторонники указанного подхода усматривают в нем эффективный способ обеспечения своевременного судебного контроля за деятельностью должностных лиц [8].

Однако, на наш взгляд, несмотря на безусловно положительную перспективу предлагаемого решения проблем, связанных с подачей жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в суды с нарушением специального правила территориальной подсудности, следует отметить, что оно скорее направлено на нивелирование возможных негативных последствий от такого рода процессуальных ошибок, чем на устранение корневой причины их возникновения. Между тем, думается, что во многом их появление связано с попытками заявителей, у которых нередко отсутствуют специальные знания в области юриспруденции, самостоятельно определять, юрисдикция какого именно районного суда распространяется на место нахождения органа, в производстве которого находится дело, или на место совершения деяния, содержащего признаки преступления, что и приводит к данным нарушениям.

Наиболее простым выходом из сложившейся ситуации является установление единого порядка обращения с жалобой в рамках ст. 125 УПК РФ посредством ее передачи через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора. В таком случае необходимость специального регулирования порядка устранения нарушений правила территориальной подсудности при обращении с рассматриваемой разновидностью жалоб отпадет естественным образом.

На практике встречаются спорные ситуации, обусловленные отсутствием строгих требований к оформлению жалобы, подаваемой в порядке ст. 125 УПК РФ. С одной стороны, данный пробел

объясняется тем, что введение большого количества таких предписаний может сказаться на доступности использования данного инструмента защиты своих прав рядовыми гражданами, не искушенными в тонкостях составления юридических текстов. С другой стороны, минимальные правила оформления данных жалоб все же необходимы во избежание чрезмерно вольной трактовки ст. 125 УПК РФ, что может затруднить рассмотрение жалобы по существу и привести к нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда гражданину, пытавшемуся оспорить в суде решение начальника ВСУ СК России по г. Москве, судом была возвращена жалоба, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, по причине отсутствия в ней подписи заявителя. При этом, как впоследствии было установлено в суде апелляционной инстанции, данная жалоба была подана посредством государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие», специфика которой предполагает, во-первых, обязательную идентификацию личности заявителя, во-вторых, наличие электронной подписи, достаточной для того, чтобы не требовалось расписываться на бумажном носителе [10].

Полагаем, что появление подобных ситуаций в судебной практике можно было бы существенно сократить, включив в статью 125 УПК РФ четкие указания на формы подачи жалоб, а также минимальные требования к их содержанию.

Особое место в проблематике обжалования незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса занимает вопрос распределения бремени доказывания между сторонами. Сложность этого вопроса обусловлена двойственным характером рассматриваемых отношений.

Хотя заявительный характер производства по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ на первый взгляд предполагает применение общего правила о возложении на заявителя обязанности подтверждать свои доводы, а на должностное лицо – обосновывать законность своих действий, публично-правовая природа этих отношений в определенной мере снижает остроту этой обязанности для заявителя [9]. Таким образом, основная обязанность заявителя состоит не в подтверждении фактов, упомянутых в жалобе, а в изложении обстоятельств нарушения его прав и законных интересов в том виде, в каком он сам их воспринимает [1].

В то же время не вызывает сомнений наличие обязанности у должностного лица обосновать законность собственных действий. Причиной тому является особый юридический статус данных субъектов, определяемый спецификой их публично-правовой природы, из которой следует, что они являются носителями обязанности защищать права и законные интересы участников уголовного процесса, а также представляют собой сильную сторону указанных отношений [5].

Немало практических трудностей связано со случаями систематического злоупотребле-

ния правом на обращение с жалобами в порядке ст. 125 УПК РФ. Речь идет о ситуациях, когда недобросовестные заявители систематически обращаются в суд с жалобами на действия должностных лиц по одному и тому же основанию, искусственным образом повышая и без того высокую нагрузку на отечественную судебную систему, причиняя вред правам и законным интересам других субъектов. При этом причины злоупотреблений правом на обжалование кроются в самом законодательстве, которое предоставляет чрезмерно широкую свободу обжалования. Это выражается в отсутствии четких критериев для определения предмета обжалования и установления сроков подачи жалобы [2].

Широкое определение предмета обжалования в статье 125 УПК РФ создает ситуацию, при которой заявитель может оспорить практически любое действие должностного лица, ссылаясь на нарушение своих конституционных прав и свобод. Вместе с тем, непредсказуемость реальных жизненных ситуаций, когда эти права действительно нарушаются, затрудняет конкретизацию их перечня таким образом, чтобы не лишить участников уголовного процесса необходимых гарантий. Однако представляется целесообразным ограничить право заявителя на повторное обращение с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ в случае, если он уже обращался с жалобой, идентичной по содержанию той, которая уже находится в производстве суда или была рассмотрена ранее. При этом следует сделать оговорку, что реализация такого ограничения должна обязательно осуществляться в судебном порядке после всестороннего изучения мотива повторного обращения заявителя и содержания поданной им жалобы на предмет идентичности с предыдущими. Только в том случае, если по итогам данной проверки суд придет к выводу о наличии недобросовестности в действиях заявителя, он может отказать в повторном рассмотрении жалобы.

Отсутствие четких сроков обжалования создает благоприятную почву для злоупотреблений правом. Так, пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» определяет пресекательный срок для подачи жалобы как момент окончания предварительного расследования. Это открывает возможность для обжалования, например, постановления о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям сразу после утраты вещественных доказательств, что является следствием недостаточной регламентации сроков обжалования.

Выходом из сложившейся ситуации представляется привязка срока не к границам досудебных стадий уголовного процесса, а к установлению четко определенного разумного срока, выраженного в фиксированных временных показателях. Этот срок должен исчисляться с момента совершения должностным лицом незаконных действий (или бездействия) и принятия решений. Важно, чтобы срок был достаточным для подачи жалобы, но при

этом не давал возможности для злоупотребления правом.

Таким образом, анализ современного состояния регулирования отношений по обжалованию незаконных действий (бездействия) и решений должностных лиц на досудебных стадиях уголовного процесса позволил выявить некоторые пробелы в законодательстве и сложности в практическом применении данной нормы. В результате были намечены оптимальные пути преодоления сложившихся противоречий, а именно:

Представляется целесообразным включить в УПК РФ положение, устанавливающее, что судьи, рассматривавшие жалобу по статье 125 УПК РФ, не могут осуществлять последующее рассмотрение связанного с ней уголовного дела по существу, поскольку в противном случае возникают основания сомневаться в их непредвзятости;

Совершенствование процессуального механизма обжалования требует установления унифицированного порядка подачи жалоб по статье 125 УПК РФ. Предлагается закрепить обязательную процедуру направления жалоб через уполномоченных должностных лиц – дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора. Подобный механизм позволит предотвратить нарушения правил территориальной подсудности.

Дополнительной мерой оптимизации выступает ограничение права заявителя на повторное обращение с идентичной жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ при наличии аналогичного обращения, находящегося в производстве суда либо ранее рассмотренного. Данное положение направлено на предупреждение злоупотребления процессуальными правами.

Литература

1. Боруленков Ю.П. Довод как категория доказательственного права. Часть 1. Довод как риторическая конструкция системы судебного доказывания // Российский судья. 2019. № 3. С. 25.
2. Желева О.В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 168–172. DOI: 10.17223/15617793/405/24.
3. Карташов И.И., Городилина В.В. Рассмотрение жалоб в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ: проблемы и перспективы // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 4. С. 70–77.
4. Каретников А. С., Коретников С.А. Следственный судья – институт, в котором нет необходимости // Российский судья. 2020. № 10. С. 56–61; Глобенко О.А., Портная Е.Б. Следственный судья: новое – хорошо забытое старое // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 13–17.
5. Лукьянов С.С. Проблемные вопросы определения компетенции суда по принятию процессуальных решений при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. 2024. № 5. С. 17–22.
6. Малинин В.Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ // Пенитенциарная наука. 2012. № 18. С. 47–50.
7. Миргородская Э.Р. Распределение бремени доказывания при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. 2022. № 9. С. 43–46.
8. Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 10–11.
9. Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: Монография. Томск: Изд-во ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»; Западно-Сибирский филиал, 2013. С. 55; Носкова Е.В. Суд, рассматривающий жалобы в порядке статьи 125 УПК РФ, и институт следственного судьи// Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 42.
10. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западно-му окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 года. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=75 (дата обращения: 31.03.2025); «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2022)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 N 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 11 (ред. от 29.06.2021) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.12.2021 N 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

по заключению прокурора»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 N 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна».
13. Воскобойник И.О. Проблемы и перспективы судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ // Российский судья. 2016. № 8. С. 20–24.
14. Ласточкина Р. Н., Язева Е.Е., Кулев А.Г. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 6.

PROBLEMS OF JUDICIAL APPEAL OF ILLEGAL ACTIONS (INACTION) AND DECISIONS OF OFFICIALS AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

Masnoy Ye.A.,

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article is devoted to the analysis of actual problems of legal regulation and practical application of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates the procedure for judicial appeal of illegal actions (inaction) and decisions of officials at the pre-trial stages of the criminal process. The author examines the main problems that arise in the implementation of the mechanism of subsequent judicial control, including the contradiction between the principle of competition and the need for the court to assess the factual circumstances of the case. Special attention is paid to the issues of violation of the principle of judicial impartiality during the subsequent consideration of a criminal case on its merits, problems of territorial jurisdiction of complaints, shortcomings in the legal regulation of the procedure for filing complaints and the distribution of the burden of proof. The article considers the problems of repeated abuses of the procedural right to file complaints, as well as the imperfection of the current regulatory framework in terms of regulating the object of appeal and time limits for filing appeals. Based on the results of the scientific analysis, practical recommendations are formulated to eliminate the identified shortcomings. It is proposed to legislate an unconditional ban on the involvement of judicial representatives in further proceedings, regulate the unified procedure for sending complaints through authorized officials, introduce restrictive measures regarding the filing of repeated similar appeals, and set specific deadlines for the exercise of the right to appeal. The developed set of measures is aimed at optimizing judicial control mechanisms while maintaining a balance of procedural rights of participants in criminal proceedings and preventing possible abuses.

Keywords: judicial control, Article 125 of the Code of Criminal Procedure, pre-trial stages, appeal, officials, the principle of competition, impartiality of the court, abuse of law.

References

1. Borulenkova Yu.P. Argument as a Category of Evidence Law. Part 1. Argument as a Rhetorical Construction of the System of Judicial Evidence // Russian Judge. 2019. No. 3. P. 25.
2. Zheleva O.V. Abuse of the Right to Appeal to Court Actions (Inactions) and Decisions of State Bodies and Officials Conducting Criminal Prosecution // Bulletin of Tomsk State University. 2016. No. 405. Pp. 168–172. DOI: 10.17223/15617793/405/24.
3. Kartashov I.I., Gorodilina V.V. Consideration of Complaints in the Procedure Prescribed by Article 125 of the Criminal Pro-

cedure Code of the Russian Federation: Problems and Prospects // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 70–77.

4. Karetnikov A. S., Koretnikov S.A. Investigative Judge – an Institution That Is Not Necessary // Russian Judge. 2020. No. 10. Pp. 56–61; Globenko O.A., Portnaya E.B. Investigative Judge: New – Well Forgotten Old // Criminal Procedure. 2020. No. 2. Pp. 13–17.
5. Lukyanov S.S. Problematic Issues of Determining the Court's Competence to Make Procedural Decisions in the Exercise of Judicial Review at Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings // Russian Investigator. 2024. No. 5. Pp. 17–22.
6. Malinin V.B. Problems of Applying Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Penitentiary Science. 2012. No. 18. Pp. 47–50.
7. Mirgorodskaya E.R. Distribution of the Burden of Proof in Considering Complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Russian Judge. 2022. No. 9. Pp. 43–46.
8. Noskova E.V. Proceedings for Consideration and Resolution of Complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Abstract of a Cand. Sci. (Law) Dissertation. Tomsk, 2011. Pp. 10–11.
9. Noskova E.V. Proceedings for Consideration and Resolution of Complaints by the Court under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Monograph. Tomsk: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian Academy of Justice"; West Siberian Branch, 2013. P. 55; Noskova E.V. The court considering complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the institution of an investigating judge// Criminal Justice. 2014. No. 1(3). P. 42.
10. Review of the judicial practice of garrison military courts under the jurisdiction of the 2nd Western District Military Court, on criminal cases and materials for the second half of 2022. URL: <http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=document&id=75> (date of access: 31.03.2025); "Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2022)" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.12.2022).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.02.2009 N 1 (as amended on 28.06.2022) "On the practice of considering complaints by courts in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.03.2016 N 11 (as amended on 29.06.2021) "On certain issues arising when considering cases on awarding compensation for violation of the right to a trial within a reasonable time or the right to enforcement of a judicial act within a reasonable time; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2016 N 48 (as amended on 11.06.2020) "On the practice of applying by courts the legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities"; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.12.2021 No. 43 "On the Application by Courts of the Provisions of Chapter 49 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Governing the Resumption of Criminal Proceedings Due to New or Newly Discovered Circumstances, as Concluded by the Prosecutor"; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 21 "On Certain Issues of the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation".
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2023 No. 3-P "On the Case Concerning the Review of the Constitutional Validity of Part One of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen V. A. Sargsyan".
13. Voskoboinik I.O. Problems and Prospects of Judicial Review in the Consideration of Complaints in the Procedure Provided by Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Russian Judge. 2016. No. 8. pp. 20–24.
14. Lastochkina R. N., Yazeva E.E., Kulev A.G. Judicial Review in Criminal Proceedings: A Textbook and Methodological Manual. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2017. p. 6.

Особенности установления размера, как признака преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, в теории и правоприменительной практике

Огарь Татьяна Андреевна,

к.ю.н., доцент, кафедра уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: tat-kap@yandex.ru

Представленная статья посвящена особенностям установления размера действий, составляющих незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции для целей ст. 171.3 УК РФ с учетом современных решений судов различного уровня, в том числе определений Конституционного Суда РФ по указанному вопросу, вынесенных в 2022–2025 и доктринальных предложений, направленных на совершенствование указанной уголовно-правовой нормы. Обозначен преобладающий в правоприменительной практике подход к установлению рассматриваемого признака, который при этом не в полном объеме соответствует буквальному толкованию ст. 171.3 УК РФ, однако соответствует тому смыслу, который закладывался законодателем при включении ее в текст уголовного закона. Предложен авторский вариант разрешения противоречий, возникающих в процессе установления размера незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Ключевые слова: спирт, алкогольная продукция, спиртосодержащая продукция, крупный размер, стоимость, акциз, налог на добавленную стоимость.

В 2017 году в качестве специальной нормы¹ по отношению к составу незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) была выделена ст. 171.3 УК РФ, предусматривающая ответственность в первоначальном виде за незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в крупном размере. Однако в связи с принятием Федерального закона от 13.06.2023 № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», рассматриваемая статья была дополнена ч. 1.1, устанавливающей ответственность за незаконный (без лицензии) оборот табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства, осуществляемый в крупном размере². С момента появления в уголовном законодательстве ст. 171.3 УК РФ начала активно применяться. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 году по ст. 171.3 УК РФ был привлечен к уголовной ответственности 81 человек, в 2019–156 человек, в 2020–187 человек, в 2021 году – 232 человека, в 2022 году 244 человека, в 2023 году 292 человека, в 2024 году – 251 человек. С момента дополнения рассматриваемой статьи новой частью 1.1 и по настоящее время информации о привлечении к уголовной ответственности по ней не имеется [Отчеты].

Особенности практики применения указанной нормы неоднократно подвергались анализу в научной литературе, обозначались трудности в толковании и применении отдельных признаков состава рассматриваемого преступления. Изучение научных публикаций и судебных решений по ст. 171.3 УК РФ показало, что у правоприменителей существуют трудности вызывает установление такого признака состава преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ как размер, который является для основного состава криминообразующим, а для части второй квалифицирующим признаком.

¹ Роль нормы, предусмотренной в ст. 171.3 УК РФ как специальной была специально обозначена в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 50030–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 08.12.2016.

² Федеральный закон от 31.07.2023 № 390-ФЗ «О внесении изменений в статьи 171.3 и 322 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Диспозиция ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, описывая закрепленное в ней преступление, перечисляет конкретные общественно-опасные деяния и в качестве обязательного признака указывает на совершение этих деяний в крупном размере, то есть размер описан как признак объективной стороны преступления. Однако в примечании к статье законодатель, устанавливая денежные границы размера, его содержание связывает уже со стоимостью предмета рассматриваемого преступления, то есть с признаком объекта. Ограничившись указанием на стоимость предмета преступления, законодатель не указал какую именно стоимость следует брать за основу установления рассматриваемого признака, что не дает правоприменителям ориентира в установлении указанного признака.

Изучение научной литературы показало, что сформировались различные подходы к определению содержания стоимости предмета преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ. Так в 2021 году Н.А. Карпенко, изучив правоприменительные решения, выделила следующие способы установления размера для ст. 171.3 УК РФ на основе: минимальных цен, установленных государственными органами, регулирующими оборот предмета преступления¹; рыночной (розничной) стоимости предмета преступления, определяемой с учетом суммы налогов; фактической стоимости (по которой был реализован предмет преступления) [Карп., с. 96–98]. В 2023 году на рассматриваемую проблему обратила внимание А.В. Капустина, которая отметила, что на процедуру установления стоимости в первую очередь влияет разновидность предмета преступления, предусмотренного в ст. 171.3 УК РФ, который бывает трех видов: спирт, спиртосодержащая и алкогольная продукция, для каждого из которых имеются свои особенности. Автор также анализирует различные способы установления стоимости, указывает предпочтительный, по ее мнению, способ для каждой разновидности предмета преступления. В частности, отмечает, что при определении стоимости спирта следует исходить из минимальных цен, установленных государством, однако о необходимости учета акциза и НДС при определении стоимости спирта автор умалчивает [Капустина, с. 380].

При этом указанные авторы описывают конкретные правоприменительные решения, когда в ходе апелляции или кассации был изменен

¹ В настоящее время действующим являются: Приказ Минфина России от 12.12.2024 № 189н «Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья» // СПС «КонсультантПлюс», Приказ Минфина России от 12.12.2024 № 191н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов» // СПС «КонсультантПлюс», а также Приказ Минфина России от 25.11.2022 № 180н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа игристого вина и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 232н» // СПС «КонсультантПлюс».

подход к определению стоимости предмета преступления, что привело к ее уменьшению и исчезновению в содеянном криминообразующего признака и, соответственно, основания уголовной ответственности. С целью унификации правоприменительной деятельности они предлагают различные пути по совершенствованию примечания к ст. 171.3 УК РФ. Так, Н.А. Карпенко полагает, что нецелесообразно при определении стоимости ориентироваться на цены, установленные государством, необходимо принимать во внимание доход, получаемый лицом от реализации предмета преступления, так как предусмотренная в ст. 171.3 УК РФ деятельность является специальным случаем осуществления предпринимательской деятельности. В связи с чем предлагает внести изменения в примечание к ст. 171.3 УК РФ, заменив стоимость предмета на доход от реализации предмета преступления, по аналогии с признаком, предусмотренным на тот момент в ст. 171 УК РФ [Карп., с. 96–98]. А.В. Капустина предложила связывать размер не со стоимостью, а с объемом изъятой продукции, что потребует соответствующей дифференциации в зависимости от вида и крепости предмета преступления [Капустина, с. 380]. Рассмотренные предложения представляют существенный интерес, однако до настоящего времени они так и не были реализованы в ст. 171.3 УК РФ.

Анализ кассационных решений судов с 2022 года по настоящее время года показал, что исследуемая проблема продолжает оставаться актуальной, несогласие осужденных с установленным в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства размером совершенного деяния регулярно становится причиной пересмотра решений судов первой инстанции. Большинство решений о пересмотре связано с оспариванием включения в стоимость предмета преступления акцизов и НДС и указания на необходимость установления стоимости на основании минимальных цен, установленных государством. Так, в кассационных постановлениях описываются схожие аргументы защитников о том, что «налоги не могут быть включены в стоимость этилового спирта, оборот которого осуществляется незаконно»², «спирт запрещен к реализации, в связи с чем не имеет рыночной стоимости и акцизов», а «стоимость изъятой ... спиртосодержащей жидкости следует определять с учетом минимальной стоимости этилового спирта»³. Также в качестве аргумента используют показания эксперта о том, что «методика определения рыночной стоимости спиртосодержащей продукции отсутствует, так как спирт запрещен к реализации, ... при оценке изъятого ... спирта неприменимы сравнительный, затратный и доходный подходы для определения рыночной стоимости, так как

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2022 № 77–4784/2022 (УИД 57RS0026–01–2021–002008–82) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2024 № 77–4498/2024 (УИД 57RS0022–01–2023–003734–95) // СПС «КонсультантПлюс».

цены на этот товар регулируются государством, ... стоимость изъятой спиртосодержащей жидкости определила с учётом минимальной стоимости этилового спирта из непищевого сырья, установленной приказом Министерства Финансов»¹.

Вопрос о необходимости включения стоимости акциза и НДС в стоимость предмета преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в определении от 06.12.2024 № 3127-О² констатировал, что отсутствие в рассматриваемой статье указания на порядок определения стоимости соответствующей продукции само по себе не может рассматриваться как свидетельство неопределённости правового регулирования. С учетом положений письма Минфина России от 20.04.2018 № 03–14–11/26736 было указано, что установление стоимости алкогольной и спиртосодержащей продукции, предполагает включение сумм акциза и НДС и в случае необходимости подлежит установлению посредством применения специальных познаний (заключения и показания эксперта и специалиста). Также в п. 2.2 рассматриваемого определения отмечается, что при отсутствии в ст. 171.3 УК РФ методики расчета стоимости соответствующей продукции, таковая оценивается органами предварительного расследования и судом с учетом всех факторов, влияющих на данный показатель, что не исключает возможности учета при квалификации содеянного нормативных актов уполномоченных органов государственной власти.

Несмотря на то, что правовая позиция по вопросу о необходимости включения в стоимость предмета преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, акцизов и НДС была сформулирована Конституционным Судом РФ в конце 2024 года, данное обстоятельство все равно оспаривается в кассационных жалобах более позднего периода с аргументацией, подобной приведенным выше³.

Также следует отметить, в рассматриваемом решении Конституционного суда РФ, а также в упоминаемом в нем письме Минфина России от 20.04.2018 № 03–14–11/26736 не говорится о таком предмете преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ как спирт, в отношении которого также складывается противоречивая практика. В связи с этим интересно определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 2983-О об отказе в принятии жалобы осужденного по ст. 286 УК РФ, который просил признать не соответствующей

Конституции РФ ст. 171.3 УК РФ, в той части, что она не позволяет точно определить каким образом (путем включения либо не включения в стоимость спирта акциза и НДС) следует определить размер, как признак рассматриваемого преступления. Осужденный, будучи должностным лицом, намеренно повлиял на установление в ходе расследования стоимости изъятого у другого лица этилового спирта без учета сумм акциза и налога на добавленную стоимость, в результате чего установленный размер соответствовал крупному, а не особо крупному, что было расценено как превышение должностных полномочий⁴. В то же время по одному из уголовных дел, разрешенных в 2025 году стоимость спирта была установлена на основе действовавшего на момент совершения преступления приказа Министерства Финансов РФ⁵ по цене 73 рубля за литр, без учета налогов, не смотря на наличие в материалах дела информации о фактической стоимости спирта (лицо незаконно приобрело его по цене 100 рублей за литр)⁶.

Представляется, что отчасти причиной противоречивой судебной практики является то обстоятельство, что в нормативных документах, посвященных установлению минимальных цен на предметы рассматриваемого преступления по-разному определяется цена, в одних минимальная цена указана с учетом акциза и НДС⁷, в других⁸ (в частности, устанавливающих цены на спирт⁹) без их учета. Также, вводя в ст. 171.3 УК РФ норму, специальную по отношению к ст. 171 УК РФ, законодатель предусмотрел в них различные признаки состава: в ст. 171.3 – размер деяния как стоимость предмета преступления, а в ст. 171 УК РФ доход и ущерб.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 29.11.2024 № 2983-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петухова Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ Министерства Финансов Российской Федерации от 05.06.2024 № 78н «О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 07.10.2020 г. № 233н «Об установлении цены, не ниже которой осуществляется закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья» // СПС «КонсультантПлюс». В настоящий момент документ утратил силу.

⁶ Приговор Джанкойский районный суд Республики Крым от 25 февраля 2025 г. по делу № 1–102/2025 // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ» URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vqOUSq2pnGdp/> (дата обращения: 06.09.2025).

⁷ Приказ Минфина России от 12.12.2024 № 191н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приказ Минфина России от 25.11.2022 № 180н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа игристого вина и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 232н» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Приказ Минфина России от 12.12.2024 № 189н «Об установлении цены, не ниже которой осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) этилового спирта, произведенного из пищевого сырья» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.05.2024 № 77–1123/2024 (УИД 77RS0016–02–2023–007656–28) // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2024 № 3127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Арзамасова Алексея Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктами 1, 2 и 4 части первой статьи 73 и частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2025 № 77–1500/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

В пояснительных записках к проектам федеральных законов, которыми в УК РФ были внесена ст. 171.3 УК РФ¹, а также новая ч. 1.1 рассматриваемой статьи, расширившая предмет рассматриваемого преступления², общественная опасность криминализуемых деяний обосновывалась путем указания на потери бюджетной системы в результате непоступления акцизов и НДС. То есть речь идет об ущербе в виде упущенной выгоды, который является признаком незаконного предпринимательства [Тюнин, с. 44]. В упомянутом письме Минфина России от 20.04.2018 № 03–14–11/26736 речь идет только об алкогольной и спиртосодержащей продукции, спирт в указанном письме не упоминается. Также в нем отмечается, что при реализации контрафактной продукции акцизы и НДС не исчисляются и не уплачиваются, что уменьшает доходы бюджета, соответственно, при установлении размера **ущерба** (выделено автором) должна учитываться цена алкогольной продукции, включая акцизы и НДС. То есть обоснование необходимости включения в стоимость алкогольной и спиртосодержащей продукции акциза и НДС относится к установлению такого признака как ущерб, который в ст. 171.3 УК РФ отсутствует.

Относительно табачной продукции и иных предметов, перечисленных в ч. 1.1 ст. 171.3 УК РФ судебная практика пока отсутствует, однако относительно содержания размера (стоимости предмета) рассматриваемого преступления можно взять за основу определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2025 № 5-О, посвященное табачной продукции как предмету преступления, предусмотренного в ч. 5 ст. 171.1 УК РФ, который схож с предметом рассматриваемого преступления. Так, Конституционный Суд РФ проанализировал пункт 2 примечаний к статье 171.1 УК РФ и ссылаясь на рассмотренное выше определение от 06.12.2024 № 3127-О пояснил, что в ст. 171.1 УК РФ, так и в ст. 171.3 УК РФ размер деяния соответствует размеру предмета преступления и не может принципиально по-разному определяться в части включения в нее акциза и налога на добавленную стоимость для целей привлечения к уголовной ответственности, в связи с однородностью регулируемых общественных отношений. Таки образом, в отношении табачной продукции также сформирована позиция о необходимости включения налогов в стоимость предмета преступления³.

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 50030–7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 08.12.2016.

² Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 310855–8 «О внесении изменений в статью 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 09.03.2023.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 5-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоркина Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2

Таким образом, сформированная Конституционным Судом РФ в представленных решениях правовая позиция относительно необходимости включения в стоимость предмета преступления акциза и НДС затрагивает не весь спектр предметов, предусмотренных в ст. 171.3 УК РФ. Кроме того, в нем указывается на наличие возможности правоприменителям самостоятельно оценивать методику установления стоимости с учетом всех факторов, что может приводить к злоупотреблениям. Также продолжающееся в современной правоприменительной деятельности разночтение по определению стоимости предмета рассматриваемого преступления свидетельствует о необходимости закрепления сформировавшегося в судебной практике правила об обязательном учете акциза и НДС при определении стоимости различных видов предмета преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, в виде конкретной рекомендации правоприменителям с необходимостью распространения на все виды предметов преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, что возможно в рамках включения дополнительных разъяснений в ППВС РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». Тем более, что по иной категории уголовных дел вопрос о включении налогов в размер ущерба (стоимость имущества) решается иначе⁴. Также в качестве одного из направлений законодательного совершенствования ст. 171.3 УК РФ следует обозначить включение в нее термина ущерб, для более точного понимания содержания размера, как признака состава преступления.

Литература

1. Капустина, А.В. Проблемы установления стоимости этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции как предметов преступлений // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 7(223). С. 378–380.
2. Карпенко, Н.А. Правоприменительная практика по уголовным делам о преступлении, предусмотренном статьей 171.3 УК РФ (в части установления признака «крупный размер») / Н.А. Карпенко // *Юридическая наука и практика*. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 94–100. – DOI 10.25205/2542–0410–2021–17–3–94–100. – EDN AZXFPW.
3. Отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2017–2024 годы (форма № 10-а) [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 25.08.2025).

примечаний к статье 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2025 года // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например, пункт 5 примечаний к ст. 158 УК РФ.

4. Тюнин, В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учебник для вузов / В.И. Тюнин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 322 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19269-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/563096/> (дата обращения: 06.09.2025).

PECULIARITIES OF ESTABLISHING THE SIZE AS A SIGN OF A CRIME UNDER ARTICLE 171.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Ogar T.A.

Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The presented article is devoted to the features of establishing the amount of actions constituting illegal production and (or) circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products for the purposes of Art. 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account modern decisions of courts of various levels, including the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue, issued in 2022–2025 and doctrinal proposals aimed at improving this criminal law norm. The prevailing approach to establishing the feature under consideration in law enforcement practice is outlined, which does not fully correspond to the literal interpretation of Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, but corresponds to the meaning that was intended by the legislator when including it in the text of the criminal

law. The author's version of resolving contradictions arising in the process of establishing the size of illegal production and (or) circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products is proposed.

Keywords: alcohol, alcoholic products, alcohol-containing products, large size, cost, excise tax, value added tax.

References

1. Kapustina, A.V. Problems of establishing the cost of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products as objects of crimes // Law and state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). P. 378–380.
2. Karpenko, N.A. Law enforcement practice in criminal cases on a crime under Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of establishing the feature of “large size”) / N.A. Karpenko // Legal Science and Practice. – 2021. – Vol. 17, No. 3. – P. 94–100. – DOI 10.25205/2542-0410-2021-17-3-94-100.
3. Reports on the number of persons convicted of all crimes under the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts were issued in criminal cases for 2017–2024 (form No. 10-a) [Electronic resource] // Website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation URL: <https://cdep.ru/?id=79> (date of access: 08/25/2025).
4. Tyunin, V.I. Crimes in the Sphere of Economic Activity: textbook for universities / V.I. Tyunin. – 4th ed., revised. and additional. – Moscow: Publishing house Yurait, 2025. – 322 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-19269-8. – Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/563096/> (date of access: 06.09.2025).

Криминалистическое исследование цифровых изображений, изменённых ИИ: применимость новых и классических методов анализа

Пономарев Виталий Евгеньевич,

старший преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» Россия
E-mail: 9529788272@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы установления подлинности цифровых изображений и выявления признаков их изменения в условиях широкого распространения генеративных систем искусственного интеллекта. Анализируются особенности визуального и инструментального исследования цифровых фотографий, включая оценку метаданных, структуры файлов и параметров сжатия. Особое внимание уделено ограничениям традиционных методов, таким как визуальный осмотр и метод ELA, а также перспективам применения специализированных нейросетевых детекторов контента. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, сочетающего различные методики, а также о значении установления происхождения файлов и соблюдения технической дисциплины при работе с цифровыми изображениями в судебной и экспертной практике.

Ключевые слова: цифровое изображение; электронное доказательство; искусственный интеллект; генеративные модели; метаданные; ELA.

Цифровые изображения на сегодняшний день существуют во всех сферах и широко используются при построении коммуникации в электронной сфере – переписке по электронной почте, социальных сетях и мессенджерах, сохраняются и пересылаются, публикуются в открытом доступе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Вместе с тем, бурное развитие генеративных и редактирующих систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) резко усложнило задачу установления подлинности таких изображений и выявления внесенных изменений. Если ранее основной массив правок осуществлялся вручную традиционными графическими редакторами (например, всем известный Adobe Photoshop [1]), то сегодня корректировки – от локальной «ретуши» до синтетической дорисовки и замены объектов на фотографии – выполняются алгоритмами, которые одновременно улучшают качество, пересохраняют файл и нередко (не всегда специально) «заматают следы» внесенных изменений.

Под цифровым изображением мы понимаем визуальную информацию, представленную в форме массива данных, интерпретируемых отображающей системой как двумерная (или многослойная) сцена, как правило, это растровая матрица пикселей со значениями яркости и цвета в заданном цветовом пространстве, закодированная (без потерь или с потерями) и снабжённая служебными данными (метаданными), хранящаяся в файле.

Для целей нашей статьи уточним рамки: под «цифровым изображением» мы далее понимаем растровые фотоснимки и их производные (включая скриншоты, копии после пересжатия и материалы, отредактированные или синтезированные ИИ), представленные как графические файлы (JPEG/PNG/HEIC и др.). При этом различаем собственно изображение (содержащий массив пиксельных значений) и файл изображения (контейнер, в котором помимо пикселей могут быть метаданные и структурные сегменты, влияющие на методику исследования).

Отметим, что в российской судебной практике по-прежнему превалирует обращение к бумажной форме представления изображений. Цифровые фотографии и иные изображения нередко приобщаются в виде распечаток или нотариально удостоверенных протоколов осмотра [2, с.215.]. Суды чаще рассматривают в качестве допустимых доказательств нотариальные протоколы осмотра интернет-страниц и переписки и зачастую предпочитают такие распечатки «оригинальным» электронным файлам [3, с. 152.]. Обращение к исход-

ным файлам цифровых изображений и их технико-криминалистическому анализу путем назначения соответствующей экспертизы используется существенно реже.

С одной стороны, суды можно понять, поскольку судьи не обладают специальными знаниями и не располагают техническими возможностями для проверки подлинности цифровых изображений. С другой стороны, такая практика приводит к тому, что большинство методов, описанных в настоящей статье, вообще становятся неприменимыми, поскольку могут быть использованы только для цифровых фотоизображений и привязаны только к цифровой форме.

Общепринятого определения ИИ на сегодняшний день не существует, как нет и юридического определения ИИ. В прикладном смысле под ИИ обычно принято понимать программные продукты, созданные на основе нейронных сетей. Генеративные модели ИИ – это модели, создающие новые данные (изображения/текст/видео) на основе вероятностных распределений, обученные на блоках данных, в частности позволяющие создать или изменить цифровое изображение, например, DALL-E (OpenAI) [4], Midjourney [5], Stable Diffusion (Stability AI) [6] и др. Под изображениями, измененными ИИ мы понимаем любые цифровые изображения, в которые были внесены изменения с использованием генеративных ИИ, либо изображения, полностью созданные с использованием таких ИИ.

Визуальный анализ остаётся исходной и обязательной стадией фототехнического исследования любых цифровых изображений: он позволяет выявить несоответствия, которые позволяют сориентировать дальнейшее исследование и определить используемые в дальнейшем методы. Для целей визуального осмотра применяются соответствующие программные средства, позволяющие увеличить или уменьшить изображение, обнаружение признаков способов изготовления цифрового изображения.

Визуальная идентификация изображений, созданных генеративными моделями ИИ, представляет собой аналитическую процедуру, направленную на фиксацию несоответствий, возникающих при синтетическом формировании сцены: нарушения анатомии людей и топологии иных объектов (форма, расположения); ошибки или иные несоответствия мелких структур и прежде всего надписей; рассогласование освещения, теней и отражений; ошибки перспективы и контакта объектов со средой; локальные сглаживания фактуры и неестественный глянец в зонах кожи и бликов; повторяющиеся или сшитые фоны, а также явные признаки, указывающие на искусственность изображения. Примеры выявления цифровых изображений по аналогичным признакам встречаются в литературе [7].

Однако, необходимо отметить, что нейросети непрерывно совершенствуются, так, известный еще некоторое время назад артефакт анатомии

в виде «шести пальцев» на сегодняшний день уже практически невозможно встретить.

Отдельно задачу усложняет наличие возможности, предоставляемой некоторыми генеративными ИИ (например, ChatGPT) не создать новое изображение, а изменить уже существующее, что само по себе обнаруживает проблему, когда указанные несоответствия могут быть не на всем изображении, а лишь на его отдельных элементах, что усложняет и так непростую задачу.

Визуальное исследование изображений также сильно зависит от качества изображения. Чем хуже качество цифровой фотографии, тем сложнее становится визуальное определение наличия признаков подделки.

Обнаружение совокупности указанных ранее признаков повышает относительную вероятность синтетической природы изображения, однако не образует достаточной основы для окончательного вывода и требует последующей проверки. Тем не менее некоторые визуальные признаки все же могут с высокой степенью вероятности указывать на то, что изображение сгенерировано, но такие выводы остаются субъективными, что в свою очередь усложняет их использование в качестве доказательств. Именно поэтому дополнительно к визуальным методам исследования идут инструментальные.

Самый перспективный на сегодня способ определения изображений, сгенерированных ИИ это использование других ИИ, в свою очередь заточенных на определение изображений, сгенерированных с использованием искусственного интеллекта. Согласно проведенным исследованиям, такой метод показывает высокий (>90%) результат при анализе изображений, сгенерированных с использованием нейросетей. В частности, авторами была самостоятельно обучена отдельная нейросеть, заточенная на определение подделок [8, с. 95].

Современные детекторы ИИ-контента демонстрируют высокие показатели на тестовых выборках (специально подготовленных), однако их надёжность резко снижается при повторном сжатии, масштабировании, постобработке и регенерации фрагментов цифровых изображений. Поэтому заявленные показатели нельзя автоматически переносить в криминалистическую практику.

Наши эксперименты с онлайн-сервисами определения вмешательства ИИ на изображениях, с изображением, измененным с использованием ChatGPT 5 показали неудовлетворительный результат. Самый успешный сервис показал только 60% вероятности того, что изображение изменено с использованием ИИ [9]. Другие сервисы показали и того меньше или не увидели изменений вовсе.

Таким образом, методы анализа на предмет подделки цифровых изображений с применением ИИ на сегодня является перспективным, но все еще недостаточно развито и показывает результаты, непригодные для использования в качестве доказательства в суде или экспертной практике. Что в свою очередь требует обращений к иным

методам, оценка любого цифрового изображения не ограничивается только визуальными данными.

Метаданные – это сопутствующие изображению сведения о способе и условиях его получения, задействованном оборудовании, авторстве, а нередко и координатах съёмки. Они сохраняются в стандартизированных форматах (EXIF, XMP, IPTC и др.), однако сами по себе не защищены: такие поля легко редактируются или удаляются, что существенно ограничивает их идентификационное значение. По сути, это текстовые записи в электронном виде, которые без труда можно изменить, скопировать или удалить.

Ввиду этого криминалистический анализ метаданных может быть основан только на совокупности двух факторов – внутреннего, то есть содержания тех самых метаданных и внешнего, то есть анализа иной информации, например, об источниках получения цифрового изображения, его носителе (носителе электронной информации) и иной информации. Любые несоответствия, ошибки заполнения или отсутствие тех полей, которые ожидаемы для данного способа получения изображения, могут указывать на вмешательство либо на попытку скрыть его следы. Вместе с тем отсутствие метаданных не является безусловным признаком подделки: при пересылке через социальные сети и мессенджеры метаданные часто автоматически удаляются.

По данным о происхождении цифрового изображения можно судить, был ли он создан аппаратным комплексом (камерой, сканером) либо сформирован или изменён программно (текст, сохранённый как изображение, скриншоты, результаты работы графических редакторов). Отметки о применённом программном обеспечении нередко фиксируются в метаданных (например, сведения о сохранении в редакторе Adobe Photoshop). Кроме того, характерные следы редактирования остаются в самом контейнере файла: специфические наборы тегов, структура заголовков. Наконец, любое создание, изменение, пересохранение и пересылка изображений сопровождаются повторным сжатием, различные сервисы используют собственные параметры. Совокупность этих признаков позволяет судить об истории формирования файла и делать выводы о возможном вмешательстве даже при минимуме или полном отсутствии метаданных.

Однако нейросети вполне способны симитировать необходимые метаданные. Так ChatGPT 5 смог без проблем создать поддельные метаданные для изображения, якобы отредактированного с использованием Adobe Photoshop, не только указав текст и поля, необходимые для заполнения, но и успешно добавив необходимые данные к сгенерированному файлу.

Отдельно рассмотрим примеры добавления водяных знаков, записей в метаданные или иные случаи, когда сама генеративная модель ИИ сама указывает на то, что изображение было сгенерировано, несомненно для целей анализа изображений необходимо помнить о существовании такой

возможностей, а также отдельно исследовать способы обнаружения соответствующих пометок генеративного ИИ. Примеры таких добавлений встречаются, как с использованием метаданных у нейросети DALL-E [10], так и добавлением на само изображение невидимых водяных знаков, которые могут быть обнаружены только при использовании специального программного обеспечения Google [11]. Следует отметить, что такая защита далека от абсолютной – метаданные легко изменить либо потерять просто при пересылке изображения через сеть Интернет, а водяные знаки можно повредить или убрать (пересохранение, изменения или путем регенерации картинке с использованием другой нейросети). Отсутствие метки само по себе не является доказательством того, что изображение не является созданным с использованием ИИ.

До широкого распространения нейросетей в качестве одного из самых перспективных методов, использовавшихся для анализа цифровых изображений являлся метод, разработанный доктором Нилом Кравцем – ELA (Error Level Analysis) [12]. Перспективы применения ELA к изображениям, созданным генеративными моделями, видятся прежде всего как вспомогательные. Сам метод опирается на повторное сжатие JPEG с известным качеством и анализ «карты ошибок» как индикатора неоднородностей сжатия.

Следует отметить, что такой метод применим только к изображениям, сжимаемым с потерями качества, что уже ограничивает зону применения практически только форматом JPEG, однако, это без преувеличения самый популярный формат фотоизображений, кроме того, сложность состоит в том, что при пересылке через известные мессенджеры изображение пережимается заново, уничтожая возможные следы. При форматах без потерь (PNG/HEIF-lossless) метод нерелевантен.

Тем не менее практическое применение метода, хоть и остается ситуационным, но дает некоторые положительные результаты. Например, как раз вмешательство в изображение (например, добавление объекта) данным методом можно определять вполне успешно [8, с.96–99.]. Во-вторых, ELA можно использовать не как финальный критерий, а как источник признаков, учитываемых в совокупности иных методов.

Метод ELA далеко не единственный признак, существуют и другие косвенные методы. Так, определенные марки цифровых камер или сканеров используют конкретные цветовые модели, которые могут быть изменены при редактировании изображения. Среди иных свойств, позволяющих ассоциировать изображение с конкретным устройством, можно назвать настройки, содержащиеся в устройстве и используемые для формирования изображения – таблицы Хаффмана, размер изображения, таблицы квантования. Таблицы Хаффмана и таблицы квантования задаются для каждого устройства производителями фототехники и их набор характерен для конкретного производителя и модели устройства [13, с. 69–73.].

В зарубежных источниках обсуждаются и иные методы, связанные только с изображениями, сгенерированными с использованием ИИ. Так, авторы уже давно говорят о наличии у контента, сгенерированного ИИ своеобразного отпечатка (англ. fingerprint), который позволяет установить не только факт того, что изображение сгенерировано, но и указывают на источник такой генерации, то есть на конкретную генеративную нейросеть [14]. Также развивается идея, что необходимо анализировать отдельные пиксели для выявления признаков частичного изменения изображений [15]. Итогом исследований должно стать появление специального программного обеспечения, заточенного на выявление изображений, сгенерированных ИИ, однако на сегодняшний день такие методы остаются предметом обсуждения.

Проведённый нами анализ методов подтверждает, что надёжная проверка подлинности цифровых изображений (выявления признаков, указывающих на то, что изображение сгенерировано ИИ) возможна только при комплексном подходе, объединяющем визуальный осмотр, исследование самого файла изображения и метаданных, изучение параметров метаданных и их структуры, а также применение специальных методик. Кроме того, определяющее значение имеет внешняя информация об источнике (происхождении) файла. Каждый из указанных компонентов по отдельности даёт ограниченную информацию и в реальной экспертной практике не может служить самостоятельным основанием для категоричного вывода.

Визуальное исследование остаётся обязательной исходной стадией. Оно позволяет быстро выявить противоречия в геометрии сцены, освещении, тенях, фактуре и микрообъектах (надписи, мелкие орнаменты), выдвинуть гипотезы о характере вмешательства и определить приоритеты для дальнейшего инструментального анализа. Вместе с тем визуальная диагностика зависит от качества исходного файла и неизбежно содержит долю субъективности, её выводы нуждаются в подтверждении.

Метаданные пригодны для установления версии программного обеспечения, предполагаемых условий формирования кадра и отдельных технологических следов, однако не обладают идентификационной устойчивостью: они легко редактируются, теряются при пересжатии и пересылке, а их отсутствие не доказывает ни подлинности, ни подделки. Более информативным оказывается сопоставление структурных характеристик и особенностей сжатия изображения: таблиц квантования и Хаффмана, параметров кодирования, особенностей заголовков и тегов в метаданных. В совокупности эти признаки позволяют судить о применявшихся устройствах и программном обеспечении, а также о факте повторного сохранения и возможных изменениях изображения.

Обобщая результаты, можно сделать следующие выводы. Во-первых, при работе с доказательствами в виде цифровых изображений необходимо отдавать приоритет файлам цифровых изображе-

ний. Во-вторых, при работе с доказательствами – цифровыми изображениями необходимо соблюдение технической дисциплины: файл не должен изменяться или пересохраняться, его источник должен быть известен. В-третьих, методики, ориентированные на традиционные методы подделки изображений, требуют систематического обновления с учётом стремительно развивающихся генеративных технологий.

Литература

1. Adobe Photoshop [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.adobe.com/products/photoshop.html> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Новицкий В. А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С.213–220.
3. Затева Д.А. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве в эпоху цифровизации правосудия: теоретические и практические аспекты // Вестник СГЮА. 2023. № 4 (153). С. 152.
4. OpenAI. DALL-E [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openai.com/dall-e> (дата обращения: 21.08.2025).
5. Midjourney [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.midjourney.com> (дата обращения: 21.08.2025).
6. Stability AI. Stable Diffusion [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stability.ai> (дата обращения: 21.08.2025).
7. Гришаев Д.А., Бурукина И.П., Фельдман Г.О. Выявление изображений, сгенерированных нейросетями // Вестник ПензГ У. 2025. № 1 (49).
8. Бабичева М. В., Третьяков И.А. Автоматизация процедуры распознавания фальшивых изображений посредством нейронных сетей // Проблемы искусственного интеллекта. 2025. № 1. С. 94–105.
9. Hive Moderation // Hive Moderation: [сайт]. – URL: <https://hivemoderation.com/ai-generated-content-detection> (дата обращения: 22.08.2025).
10. Habr. OpenAI добавит водяные знаки в DALL-E 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/news/791958/> (дата обращения: 22.08.2025).
11. Hi-Tech.Mail.ru. Google разработала инструмент для проверки сгенерированного контента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/news/127516-google-razrabotala-novyy-instrument-dlya-proverki-kontenta-na-ii/> (дата обращения: 22.08.2025).
12. Krawetz, N., A Picture's Worth: Digital Image Analysis and Forensics. Black Hat Briefings DC. 2008.[Электронный ресурс] <http://blackhat.com/presentations/bh-dc-08/Krawetz/Whitepaper/bh-dc-08-krawetz-WP.pdf> (дата обращения 22.08.2025).

13. Хатунцев Н.А., Лизоркин А.М. Метод доказательства неизменности фотоизображений в рамках компьютерно-технической экспертизы (на примере из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2014;(3(35)) С. 69–73.
14. Yu N., Davis L., Fritz M. Attributing Fake Images to GANs: Learning and Analyzing GAN Fingerprints [Электронный ресурс] // IEEE/CVF International Conference on Computer Vision (ICCV), 2019. Режим доступа: https://openaccess.thecvf.com/content_ICCV_2019/papers/Yu_Attributing_Fake_Images_to_GANs_Learning_and_Analyzing_GAN_Fingerprints_ICCV_2019_paper.pdf (дата обращения: 22.08.2025).
15. Epstein D. C., Jain I., Wang O., Zhang R. Online Detection of AI-Generated Images [Электронный ресурс] // ICCV Workshops, DeepFake Analysis and Detection (DFAD), 2023. – Режим доступа: https://openaccess.thecvf.com/content/ICCV2023W/DFAD/papers/Epstein_Online_Detection_of_AI-Generated_Images_ICCVW_2023_paper.pdf (дата обращения: 22.08.2025).

FORENSIC EXAMINATION OF DIGITAL IMAGES ALTERED BY AI: APPLICABILITY OF NEW AND CLASSICAL ANALYSIS METHODS

Ponomarev V.E.

Kuban State University

The article examines the challenges of establishing the authenticity of digital images and detecting signs of their alteration in the context of the widespread use of generative artificial intelligence systems. The study analyzes the specifics of visual and instrumental examination of digital photographs, including the evaluation of metadata, file structure, and compression parameters. Particular attention is paid to the limitations of traditional methods, such as visual inspection and Error Level Analysis (ELA), as well as to the prospects of applying specialized neural network-based content detectors. The conclusion emphasizes the necessity of a comprehensive approach that combines multiple techniques, along with the importance of establishing the origin of files and maintaining technical discipline when handling digital images in judicial and forensic practice.

Keywords: digital image; electronic evidence; artificial intelligence; generative models; metadata; ELA.

References

1. Adobe Photoshop [Electronic resource]. Available at: <https://www.adobe.com/products/photoshop.html> (accessed 21.08.2025).
2. Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu. The concept and types of digital evidence. Leningrad Law Journal. 2019. No. 1 (55), pp. 213–220.
3. Zateeva D.A. Electronic evidence in civil proceedings in the era of digitalization of justice: theoretical and practical aspects. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 4 (153), p. 152.
4. OpenAI. DALL-E [Electronic resource]. Available at: <https://openai.com/dall-e> (accessed 21.08.2025).
5. Midjourney [Electronic resource]. Available at: <https://www.midjourney.com> (accessed 21.08.2025).
6. Stability AI. Stable Diffusion [Electronic resource]. Available at: <https://stability.ai> (accessed 21.08.2025).
7. Grishaev D. A., Burukina I.P., Feldman G.O. Detection of images generated by neural networks. Bulletin of Penza State University. 2025. No. 1 (49).
8. Babicheva M. V., Tretyakov I.A. Automation of fake image recognition using neural networks. Problems of Artificial Intelligence. 2025. No. 1, pp. 94–105.
9. Hive Moderation. Hive Moderation: [website]. Available at: <https://hivemoderation.com/ai-generated-content-detection> (accessed 22.08.2025).
10. Habr. OpenAI to add watermarks in DALL-E 3 [Electronic resource]. Available at: <https://habr.com/ru/news/791958/> (accessed 22.08.2025).
11. Hi-Tech.Mail.ru. Google developed a tool for detecting AI-generated content [Electronic resource]. Available at: <https://hi-tech.mail.ru/news/127516-google-razrabotala-novyyj-instrument-dlya-proverki-kontenta-na-ii/> (accessed 22.08.2025).
12. Krawetz N. A Picture's Worth: Digital Image Analysis and Forensics. Black Hat Briefings DC, 2008. [Electronic resource]. Available at: <http://blackhat.com/presentations/bh-dc-08/Krawetz/Whitepaper/bh-dc-08-krawetz-WP.pdf> (accessed 22.08.2025).
13. Khatuntsev N. A., Lizorkin A.M. A method for proving the immutability of photographic images within computer forensic examination (from expert practice). Theory and Practice of Forensic Science. 2014. No. 3 (35), pp. 69–73.
14. Yu N., Davis L., Fritz M. Attributing Fake Images to GANs: Learning and Analyzing GAN Fingerprints [Electronic resource]. In: IEEE/CVF International Conference on Computer Vision (ICCV), 2019. Available at: https://openaccess.thecvf.com/content_ICCV_2019/papers/Yu_Attributing_Fake_Images_to_GANs_Learning_and_Analyzing_GAN_Fingerprints_ICCV_2019_paper.pdf (accessed 22.08.2025).
15. Epstein D. C., Jain I., Wang O., Zhang R. Online Detection of AI-Generated Images [Electronic resource]. In: ICCV Workshops, DeepFake Analysis and Detection (DFAD), 2023. Available at: https://openaccess.thecvf.com/content/ICCV2023W/DFAD/papers/Epstein_Online_Detection_of_AI-Generated_Images_ICCVW_2023_paper.pdf (accessed 22.08.2025).

Серов Никита Геннадьевич,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владимирского государственного университета им. А.Г.
и Н.Г. Столетовых (ВлГУ)
E-mail: nikitaserov550@gmail.com

В статье производится подробный анализ причин возникновения и совершения адвокатами уголовных деяний. Не каждый адвокат способен нарушить установленные Кодексом адвокатской этики правила поведения, но неопределенное количество адвокатов сталкивается с трудностями в своей деятельности, подталкивающими их на совершение преступлений. Растущее с каждым годом количество совершенных адвокатами преступлений требует детального изучения детерминантов, в том числе экономических, социально-психологических и организационно-управленческих причин, с целью их успешного предотвращения. Возможное введение адвокатской монополии на судебное представительство требует исследования негативных причин и условий, оказывающих влияние на адвоката и его поведение, для предотвращения роста числа преступлений и создания эффективных мер профилактики в будущем в условиях многократного роста сообщества.

Цель исследования – выявление причин адвокатской преступности, достигаемая через решение перечня поставленных задач, а именно: изучение статистики совершения преступлений адвокатами в Российской Федерации; определение причин и условий, способствующих совершению преступлений со стороны адвокатов. В первую очередь в работе производится анализ количества адвокатских преступлений за последние пять лет, и делается вывод о росте их числа. Также проводится подробный анализ причин адвокатской преступности, параллельно делается вывод о наличии в профессии адвоката экономических, социально-психологических и организационно-управленческих детерминантов, подталкивающих адвокатов к совершению преступлений.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская этика, преступность, причины преступности, условия совершения преступлений, негативные последствия преступности, факторы преступности.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в отсутствии должного анализа причин адвокатской преступности при возможном развороте российского процессуального законодательства к профессиональному судебному представительству, предлагаемому Министерством юстиции Российской Федерации. Целью работы является исследование причин адвокатской преступности для дальнейшего эффективного противодействия, для её достижения поставлен ряд задач: изучение статистики совершения адвокатами преступлений в Российской Федерации; определение причин и условий, способствующих совершению преступлений со стороны адвокатов.

Отсутствие каких-либо актуальных исследований, опубликованных по данной тематике, делает данную работу и проведенные в ней исследования теоретически и практически важными для основы противодействия адвокатской преступности. Попытки провести анализ причин совершения адвокатами преступлений и предложить механизм по их противодействию предпринимались Козьякиным Н.Я. в его работе «Криминогенные факторы в сфере деятельности адвокатов в отражении законодательных и правовых актов».

Состояние адвокатской преступности в Российской Федерации

Фойницкий И.Я. еще в 1873 г. в своей статье «Влияние времен года на распределение преступности» отмечал, что преступление определяется совместным действием условий физических, общественных и индивидуальных [6, с. 51]. Совершение преступлений адвокатами в своей сущности обуславливается теми же обстоятельствами, которые побуждают к их возникновению, как и преступление, совершенное иным лицом. Однако одна из главных причин совершения преступлений лежит в психико-ориентировочных ценностях, заложенных в убеждениях и поведении адвоката, нередко деформированных в связи с осуществляемой профессиональной деятельностью. Адвокат, как лицо, профессия которого связана с постоянным общением и взаимодействием с людьми, склонными к совершению преступлений, подвержен деформации личности и принятию некоторых ценностей и правил поведения как своих собственных. Данный факт в совокупности с высшим образованием, наличием весьма успешного механизма убеждения и психологического воздействия, а также иными чертами характера, которыми наделен опытный адвокат, характеризует

эту категорию лиц, совершающих преступления, как достаточно опасную.

Проведенный Федеральной палатой и Министерством юстиции анализ преступлений, совершаемых адвокатами, выявил, что большая часть из них относится к мошенничеству и даче взяток, то есть к корыстным преступлениям. Нередко преступления совершаются в связи с переоценкой своих знаний адвокатами, имеющими солидный опыт работы, в результате сознательного пренебрежения правилами, установленными Кодексом профессиональной этики, обещающей положительный результат исхода дела доверителя и взаимодействия с денежными средствами в обход кассы адвокатского образования. Вследствие этого адвокаты сталкиваются с возбужденными в отношении них уголовными делами.

Однако, как указывают исследования Федеральной адвокатской палаты, большинство лиц, имеющих статус адвоката и совершивших уголовные деяния имеют адвокатский стаж менее десяти лет. Примечательно, что в данную категорию лиц входят адвокаты, считающиеся молодыми, так как имеют менее трех лет адвокатского стажа.

Проведенный анализ выявил, что в 2020 году адвокатского статуса за совершение уголовных преступлений лишилось 91 человек[8], в 2021 году – 98[7]. За 2023 год в отношении 67 лиц, имеющих статус адвоката, были возбуждены уголовные дела. В 2024 году к уголовной ответственности было привлечено 150 адвокатов. Проанализированная статистика говорит о росте количества преступлений, совершаемых адвокатами.

Детерминанты адвокатской преступности

Указанные обстоятельства означают необходимость исследования причин и условий возникновения адвокатской преступности для решения задач, поставленных перед криминологией с целью предотвращения совершения преступлений. Чтобы объяснить причины преступности, надо понять саму преступность и преступное поведение, уяснить, ради чего она существует, ради чего совершают преступления, в чем их личностный и в целом человеческий смысл[2, с. 9]. Причины преступного поведения индивидуальны и могут существенно различаться в каждом конкретном случае[3, с. 45].

Различают детерминанты преступности: – политические, экономические, идеологические, социально-психологические, организационно-управленческие[5, с. 45]. Перечисленные детерминанты не являются эксклюзивными для каждого преступления, а больше зависят от субъективных обстоятельств лиц, совершивших преступления. Именно внутреннее принятие решения на совершение уголовно-правового деяния и психическое состояние лица и задают отправную точку начала действий или бездействий, а совокупность перечисленных причин лишь подталкивает к совершению деяния.

Детальное исследование каждой из причин совершения преступления позволит более детально

подойти к решению поставленных в исследовании задач:

1. Экономические детерминанты совершения преступлений. Адвокаты, как и все остальные граждане государства, подвержены влиянию негативных факторов в экономике, будь то мировой кризис, инфляция или санкции. Все это сильно отражается на уровне доходов лиц, имеющих адвокатский статус, так как единственный источник дохода адвоката – денежные средства, выплаченные доверителем в качестве гонорара за оказанную юридическую помощь. Причинно-следственная связь между отсутствием денежных средств и доходов у доверителя естественным образом отражается на адвокате. Члены общества неспособные приобрести товары и услуги в силу ограниченности материальных средств в значительной мере остаются неудовлетворенными, а это повышает социальную напряженность в обществе[1, с. 2].

Стоит не забывать, что начинающие адвокаты, пришедшие в профессию и зарабатывающие практику, осуществляют это с помощью защиты по назначению в уголовных делах. Учитывая разную политику адвокатских палат субъектов по распределению дел по назначению, в некоторых регионах у молодого адвоката существует возможность принятия от двух до трех заявок в месяц. В совокупности с низкой оплатой труда адвоката по назначению это может ставить определенную категорию адвокатов в трудное финансовое положение. Проведенные в 2024 году Министерством юстиции исследования показали, что 2/3 адвокатов работают по назначению. Доход в данном случае составляет в среднем от 17 до 42 тысяч рублей в месяц. Однако необходимо учитывать, что каждый адвокат ежемесячно несет расходы на содержание региональной палаты и своего адвокатского образования – около 10 тысяч рублей, и обязан ежегодно отчислять денежные средства в размере чуть более 50 тысяч рублей на пенсионное страхование. Большинство российских ученых придерживается мнения о том, что зависимость между уровнем преступности и значениями социально-экономических детерминант носит обратный характер: чем лучше значения этих детерминант, тем ниже уровень преступности[4, с. 64]. Таким образом, экономическая составляющая главным образом влияет на совершение адвокатами преступлений; низкие доходы можно считать одним из главных детерминирующих факторов.

2. Вторым немаловажным фактором, детерминирующим, совершение преступлений, являются социально-психологические факторы. К числу таких детерминантов характерных для адвокатских преступлений, следует отнести: 1) мотивы и желания адвоката, заключающиеся в быстром и значительном обогащении за счет доверителя. В структуре личности нельзя выделить именно преступные черты. Можно лишь обратить внимание на преобладание определенных мотиваций, влияющих на формирование у человека решения пренебречь социальными (в том числе и уголовно-

правовыми) нормами[9, с. 263]. Адвокат свободен в назначении суммы гонорара за защиту доверителя и представление его интересов во всех процессах. Данная сумма прописывается в соглашении и впоследствии перечисляется на расчетный счет адвокатского образования. Однако существует некоторое количество адвокатов, сознательно нарушающих установленные этические правила и положения действующего законодательства, получающих денежные средства не в виде вознаграждения за оказанную юридическую помощь, а требующих их с целью их дальнейшей передачи в виде взятки суду или иному должностному лицу для благоприятного исхода дела. В большинстве случаев переданные адвокату денежные средства становятся предметом личного обогащения и не передаются в качестве взятки. Согласно действующей судебной практике, данный состав преступления принято относить к мошенничеству.

2) Модель поведения, изучаемая через наблюдение. Адвокат, занимающийся уголовной практикой длительное время, взаимодействуя с лицами, склонными к совершению уголовно-правовых деяний, сам оказывается под влиянием уголовной культуры и ценностей. Причиной этому может послужить как не совсем крепкое нравственное и психическое развитие, находящееся под угрозой деформации более агрессивной субкультурой, так и сформировавшееся чувство вседозволенности ввиду малоэффективной работы правоохранительных органов и латентности многих преступлений. Все эти обстоятельства негативно влияют на адвоката и могут становятся причинами совершения преступлений.

3. Организационно-управленческие детерминанты, способствующие адвокатской преступности. К данным факторам, способствующим совершению преступлений со стороны адвокатов необходимо отнести фактическое отсутствие механизма контроля при заключении соглашения и денежных взаимоотношений между доверителем и адвокатом. Согласно п. 6 ст. 25 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением[10]. Получаемые адвокатом денежные средства в качестве взятки для дальнейшей передачи должностному лицу передаются в наличной форме, не отражаются в приходно-кассовых ордерах и квитанциях, что в дальнейшем ставит доверителя в затруднительное положение при доказывании обстоятельств совершения в отношении него мошенничества.

Дисциплинарная практика адвокатских палат наполнена множеством случаев, в которых доверители не знали элементарного порядка оплаты юри-

дической помощи. На примере дисциплинарной практики адвокатской палаты Санкт-Петербурга за январь—июнь 2019 года можно проанализировать несколько подобных случаев.

Например, в одном из дисциплинарных производств указывалось, что гражданин, проходящая подозреваемым по уголовному делу, при взаимоотношениях с адвокатом перечисляла на счет некоего юридического лица, являющегося обществом с ограниченной ответственностью, денежные средства на оказание ей юридической помощи со стороны адвоката в размере 50 000 рублей, что является нарушением действующего законодательства и адвокатской этики.

Следующее дисциплинарное производство рассматривает аналогичную ситуацию, в которой адвокат не оформил должным образом соглашение на защиту доверителя по уголовному делу в апелляционной инстанции и получил денежные средства в размере 30 000 рублей на личную банковскую карту. Указанные действия также являются нарушением действующих положений подпунктов 1 и 2 статьи 25 Закона об адвокатуре, согласно которым адвокат обязан заключать соглашение с доверителем в письменной форме с обязательным указанием существенных условий, а также выдавать квитанцию в случае передачи наличных денежных средств с последующей передачей их в кассу адвокатского образования.

Однако, как стало известно, не все доверители знают порядок заключения соглашений и дальнейшее взаимодействие с адвокатом, чем последний может воспользоваться. Нередки ситуации, когда адвокат в наличной форме забирает денежные средства на основании устного обещания оказания помощи без намерения дальнейшего исполнения поручения. Правоохранительная система, а также квалификационная комиссия адвокатской палаты в таком случае не смогут подтвердить наличие возникших взаимоотношений между доверителем и адвокатом, а значит, и добиться восстановления нарушенных прав. Это также является детерминантом и мотивацией адвоката к возможному совершению деяния.

Вывод

Подводя итоги исследования можно отметить, что адвокатская деятельность связана с множеством факторов, косвенно влияющих на преступность. Сюда можно включить высокую стрессовую нагрузку, сложность судебных процессов, необходимость соблюдения установленных этических правил, наличие воздействия со стороны доверителя. Однако адвокатской преступности предшествует своя уникальная система детерминант, подталкивающих лиц на совершение уголовных преступлений. К ним относятся экономические, социально-психологические, организационно-управленческие факторы. Таким образом, исследованная классификация поможет созданию эффективного механизма противодействия совершению преступлений. Выяв-

ленное на основании обобщения статистики публикуемой Федеральной палатой адвокатов, о количестве лиц, лишенных статуса за совершение уголовного преступления, говорит о наличии целого ряда проблем и причин возникновения преступности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении ряда причин адвокатской преступности, не становившихся предметом исследования в других работах. В ходе исследования выявлено, что в перечень экономических причин совершения адвокатами преступлений входит низкий размер гонораров, в том числе оплата труда адвоката по назначению. Наличие ежемесячных обязательных отчислений на общие нужды адвокатской палаты может на первоначальном этапе адвокатской деятельности сильно ухудшить экономическое положение.

Социально-психологические факторы также способны оказать воздействие на адвоката, в виде мотивов и желаний адвоката, заключающихся в быстром и значительном обогащении за счет доверителя, что может обуславливать субъективную сторону совершения уголовных преступлений.

Организационно-управленческие детерминанты ярко выражены слабым контролем со стороны адвокатской палаты и её органов за взаимоотношением между адвокатом и его доверителем. Правовая неграмотность доверителя и незнание элементарных правил финансового взаимодействия с адвокатом способны причинить ему ущерб.

Необходимо отметить немаловажный факт: наличие одной из перечисленных причин не означает обязательное совершение адвокатом преступления. Рассмотренные детерминанты в большинстве случаев оказывают совместное воздействие, создавая некий упорядоченный механизм, который и приводит адвоката на уголовный путь юридической деятельности.

Литература

1. Авдеев Руслан Викторович Причины преступности в России // Вестник ТГУ. 2014. № 11 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 06.08.2025).
2. Антонян Юрий Миранович Причины преступности // Общество и право. 2023. № 1 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-2> (дата обращения: 06.08.2025).
3. Гомонов Николай Дмитриевич, Труш Владимир Михайлович, Пирогов Павел Павлович, Тимохов Виктор Петрович Детерминанты преступного поведения // Юридическая наука. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupnogo-povedeniya> (дата обращения: 06.08.2025).
4. Зубова Юлия Анатольевна Социально-экономические детерминанты современной российской преступности // Финансы и управление. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-determinanty>

sovremennoy-rossiyskoy-prestupnosti (дата обращения: 06.08.2025).

5. Криминология: учеб. пособие / авт.-сост. М.Л. Гачава; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н.Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. – 266 с
6. Прокументов Лев Михайлович, Шеслер Александр Викторович Отечественные научные концепции причин преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-nauchnye-kontseptsii-prichin-prestupnosti> (дата обращения: 06.08.2025).
7. Сведения о составе адвокатского сообщества в Российской Федерации за 2021 год. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/svedeniya-o-sostave-advokatskogo-soobshchestva-v-rossiyskoy-federatsii-za-2021-god> (дата обращения: 06.08.2025).
8. Сведения о составе адвокатского сообщества в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/obshchaya-chislennost-advokatskogo-soobshchestva-rossii> (дата обращения: 06.08.2025).
9. Сергей Алексеевич Шоткинов К вопросу о детерминации индивидуального преступного поведения и учения о личности преступника в криминологии // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-determinatsii-individualnogo-prestupnogo-povedeniya-i-ucheniya-o-lichnosti-prestupnika-v-kriminologii> (дата обращения: 06.08.2025).
10. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 2002 г. N 23 ст. 2102

CAUSES OF LAWYER CRIME

Serov N.G.

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

The article provides a detailed analysis of the causes and consequences of criminal acts committed by lawyers. While not every lawyer is likely to violate the rules of conduct established by the Code of Professional Conduct, an unknown number of lawyers face challenges in their work that may lead them to commit crimes. The increasing number of crimes committed by lawyers requires a comprehensive understanding of the underlying factors, including economic, socio-psychological, and organizational-managerial reasons, in order to effectively prevent them. The possible introduction of a lawyer's monopoly on legal representation requires research into the negative causes and conditions that affect lawyers and their behavior, in order to prevent an increase in crime and create effective preventive measures in the future, given the rapid growth of the community.

The purpose of the study is to identify the causes of lawyer crime, which is achieved through the solution of a set of tasks, namely: studying the statistics of crimes committed by lawyers in the Russian Federation; identifying the causes and conditions that contribute to the commission of crimes by lawyers. The study primarily analyzes the number of lawyer crimes over the past five years and concludes that there has been an increase in their number. It also provides a detailed analysis of the causes of lawyer crime, concluding

that there are economic, socio-psychological, and organizational-managerial determinants in the profession of a lawyer that encourage them to commit crimes.

Keywords: lawyer, lawyer ethics, crime, causes of crime, conditions for committing crimes, negative consequences of crime, and factors of crime.

References

1. Avdeev Ruslan Viktorovich Causes of crime in Russia // Bulletin of TSU. 2014. No. 11 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-v-rossii> (access date: 08/06/2025).
2. Antonyan Yuri Miranovich Causes of crime // Society and law. 2023. No. 1 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-prestupnosti-2> (access date: 08/06/2025).
3. Gomonov Nikolay Dmitrievich, Trush Vladimir Mikhailovich, Pirogov Pavel Pavlovich, Timokhov Viktor Petrovich Determinants of criminal behavior // Legal science. 2020. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-prestupnogo-povedeniya> (accessed: 06.08.2025).
4. Yulia Anatolyevna Zubova. Socio-economic determinants of modern Russian crime // Finance and Management. 2021. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-determinanty-sovremennoy-rossiyskoy-prestupnosti> (accessed: 06.08.2025).
5. Criminology: textbook / compiled by M.L. Gachava; Vladimir State University named after A. G. and N.G. Stoletov. – Vladimir: VISU Publishing House, 2022. – 266 p.
6. Lev Mikhailovich Prozumentov, Aleksandr Viktorovich Shesler. Domestic Scientific Concepts of the Causes of Crime // All-Russian Criminological Journal. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennye-nauchnye-kontseptsii-prichin-prestupnosti> (accessed: 06.08.2025).
7. Information on the Composition of the Bar Association in the Russian Federation for 2021. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/svedeniya-o-sostave-advokatskogo-soobshchestva-v-rossiyskoy-federatsii-za-2021-god> (accessed: 06.08.2025).
8. Information on the composition of the legal community in the Russian Federation for 2020. URL: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/obshchaya-chislennost-advokatskogo-soobshchestva-rossii> (date of access: 06.08.2025).
9. Sergey Alekseevich Shotkinov On the issue of determination of individual criminal behavior and the doctrine of the personality of the criminal in criminology // Public service and personnel. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-determinatsii-individualnogo-prestupnogo-povedeniya-i-ucheniya-o-lichnosti-prestupnika-v-kriminologii> (date of access: 06.08.2025).
10. Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ (as amended on April 22, 2024) "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on October 20, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of June 10, 2002 N 23, Art. 2102

Шиханов Сергей Николаевич,

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: sergeynikolaevi4@mail.ru

Автором проведен сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за неисполнение приказа на примере законодательства США, КНР и КНДР в сопоставлении с Российской Федерацией. Выбор стран обусловлен наличием у перечисленных стран самых больших территорий, требующих охраны; высокой плотностью войск на границах; численностью постоянных вооруженных сил; мгновенной боевой готовности и дисциплины.

Цель исследования – выявить специфику национальных моделей правового регулирования зарубежных стран. Методологической основой послужил сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства этих стран, регламентирующих ответственность за неисполнение приказа.

В статье нормы национального уголовного законодательства зарубежных стран сопоставляются с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации и между собой, по результатам чего формулируется вывод об особенностях правового регулирования ответственности за неисполнение приказа в разных странах.

Ключевые слова: неисполнение приказа, уголовная ответственность, оборона, вооруженные силы, граница государства, США, КНР, КНДР, РФ.

Введение

Уголовная ответственность за неисполнение приказа – это крайняя необходимая мера, назначаемая по приговору суда, которая защищает вооруженные силы от произвола, обязанности в исполнении противозаконных военных приказов, от злоупотребления командирами своими полномочиями, поддерживает дисциплину армии, ее боеготовность и само общество от посягательств других стран на территориальную целостность страны.

На сегодняшний день неисполнение приказа начальника занимает нишу одного из наиболее деструктивных для военной службы деяний [1, с. 390].

Актуальность настоящего исследования продиктована современными геополитическими вызовами, требующими укрепления обороноспособности России. Особенно актуально пересмотреть и детализировать уголовную ответственность за неисполнение и отказ от выполнения приказа как в военном деле, так и в сферах военно-промышленного комплекса, анализируя опыт зарубежных стран.

Основная часть

Как известно, основной внешней функцией государства является защита территориальных границ страны. «Функция обороны страны имеет первостепенное значение во все времена. Она базируется на принципе поддержания достаточного уровня обороноспособности общества, отвечающего требованиям его государственной безопасности, предназначена для защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, пресечения угрожающих жизненно важным интересам России вооруженных конфликтов. Оборона страны предполагает выработку четкой оборонительной стратегии, укрепление оборонной мощи, совершенствование вооруженных сил, охрану государственной границы и т.п. [2, с. 18].

На сегодняшний день Российская Федерация граничит с 16 странами мира по суше и с 2 странами имеет общую морскую границу. По количеству стран-соседей, наша страна является лидером, следом за ней идет Китай и Бразилия. У России, самой большой по площади страны мира, есть 18 соседей по сухопутной и морской границе: США и Япония (только по морской границе), Азербайджан, Беларусь, Китай, Эстония, Финляндия, Грузия, Казахстан, Латвия, Литва, Монголия, Северная Корея, Норвегия, Польша, Абхазия, Южная Осетия и Украина. Обращаясь к истории становления и развития нашего государства, а также изучая

историю зарубежных стран понятно, что сегодняшние друзья-соседи, могут быть вчерашними или завтрашними геополитическими противниками [3].

Канада, вторая по площади страна в мире, граничит по сухопутной границе только с США, и имеет морские границы с Данией, Францией, Гренландией (Дания), Россией, Норвегией, Исландией и Швецией. У США, третьей по площади страны в мире, всего 3 соседа по суше – Канада и Мексика, по морской – только Россия.

Таблица 1. Данные о странах мира с самыми протяженными сухопутными границами на 2022 год

Страна	Территория, тыс.км ²	Сухопутная граница, тыс. км	Вооруженные силы		
			Постоянные, тыс. чел	Резерв, тыс. чел.	на 1 км сух. границы, чел.
Россия	17125	20	1 320	3 874	65
Канада	9 985	9	67	105	7
США	9 834	12	1 395	2 239	116
Китай	9 599	22	2 035	3 045	92
Бразилия	8 516	17	367	2 102	22
Индия	3 287	14	1 460	5 165	104
Аргентина	2 780	10	72	103	7
Казахстан	2 725	12	39	71	3
Конго	2 345	11	10	12	1
Монголия	1 567	8	10	154	1
КНДР	121	2	1 280	7 769	765

В таблице 1 проиллюстрировано соотношение площади территории стран и их сухопутных границ, численностью вооруженных сил для необходимости охраны последних, в большинстве случаев, протяженность сухопутных границ и наличие соседей определяет и объясняет необходимость в большой численности вооруженных сил.

Объяснить низкую численность ВС Канады можно тем, что она граничит по суше только с Соединёнными Штатами Америки и с 1949 года Канада, как и США, является одной из стран основателей НАТО.

Представляется целесообразным проанализировать страны, у которых высокая концентрация вооруженных сил по отношению к численности всей страны и чья постоянная армия превышает более 1 млн человек, то есть страны способные вести боевые действия в течение длительного времени.

Всем известно, что высокая численность армии требует больших экономических затрат, но с увеличением численности армии растут не только военные бюджеты, но и сложность управления ею и ее координация. Управление столь многочисленной армией, требует высокого уровня организации и дисциплины личного состава и исполнения приказов.

Чтобы сравнить и оценить уголовную ответственность за неисполнение военного приказа, предлагаем оценить численность вооруженных сил на 2022 г. В таблице 2 приведены данные по со-

стоянию на 2022 г, как мы видим самая крупная армия насчитывается в Китае, Индии, США, КНДР и России.

Бразилия имеет 10 соседей: Гайана, Парагвай, Уругвай, Перу, Венесуэла, Аргентина, Боливия, Колумбия, Французская Гвиана и Суринам (табл. 1).

Китай, четвертая по величине страна в мире после России, Канады и США, имеет 14 соседей: Россия, Таджикистан, Вьетнам, Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Мьянма, Лаос, Непал, Северная Корея, Индия, Пакистан и Бутан.

Соединенные Штаты Америки, Китай, Российская Федерация входят в тройку стран с самой большой территорией, границы которой необходимо охранять, что объясняет наличие многочисленной армии, КНДР в этом случае является исключением, не обладая большой территорией, расходы на оборону составляют 15,9% ВВП и численность военнослужащих на 1000 человек населения в этой стране самая высокая. Эти страны по праву можно назвать «миллионниками» – в соответствии с численностью постоянных вооруженных сил.

Также эти страны объединяет то, что все они имеют высокую численность военнослужащих на 1 км сухопутной границы, к примеру если в США, Китае и России эти цифры близки к друг другу и составляют от 65 до 100 человек на 1 км границы, то в КНДР эта цифра свыше 700 человек.

Управление столь многочисленной армией в данных странах, в том числе обладающими ядерным оружием в арсенале, требует высокого уровня организации, точности, мгновенной боевой готовности и дисциплины личного состава и исполнения приказов. Таким образом, предлагается проанализировать законодательство, устанавливающее уголовную ответственность за неисполнение военного приказа в следующих зарубежных странах: США, КНР и КНДР.

Таблица 2. Численность населения и армии стран в 2022 году

	Страна	Население, чел.	ВВП, млн дол США	Армия, чел	Территория, кв км	расходы на оборону к ВВП	военнослужащих на 1000 чел
1	Россия	144 444 359	5 326 855	1 320 000	17 098 242	3,13%	9,1
2	США	339 996 564	25 462 700	1 328 000	9 826 675	3,5%	3,9
3	Китай	1 425 671 352	30 327 320	2 035 000	9 596 961	1,0%	1,4
4	Бразилия	216 422 446	3 837 261	360 000	8 514 877	0%	1,7
5	Индия	1 428 627 663	11 874 583	1 455 550	3 287 263	1%	1,0
6	Мексика	128 455 567	2 742 903	412 000	1 964 375	0%	3,2
7	Индонезия	277 534 123	4 036 901	400 000	1 904 569	0%	1,4
9	Иран	89 172 767	1 600 556	610 000	1 648 195	0%	6,8
10	Египет	112 716 599	1 674 951	440 000	1 001 450	0%	3,9
12	Нигерия	223 804 632	32 917	230 000	923 768	0%	1,0
14	Пакистан	240 485 658	1 518 100	654 000	796 095	1%	2,7
16	Турция	85 816 199	3 613 540	355 200	783 562	0%	4,1
17	Япония	123 294 513	5 702 287	247 150	377 915	1%	2,0
18	Германия	83 294 633	5 309 606	183 400	357 022	1%	2,2
19	Вьетнам	98 858 950	1 321 256	600 000	331 210	0%	6,1
20	Северная Корея	25 995 143	48 300	1 280 000	120 538	15,9%	49,2

Соединенные Штаты Америки (США)

Правовую основу военной юстиции в США составляет Единый кодекс военной юстиции (Uniform Code of Military Justice, UCMJ), являющийся федеральным законом. Ключевой нормой, устанавливающей ответственность за неисполнение приказа, является Статья 92 UCMJ (10 U.S.C. § 892) «Невыполнение приказа или распоряжения». Данная статья отличается своей широтой и является одним из наиболее часто применяемых инструментов для поддержания воинской дисциплины.

Правовая норма статьи 92 UCMJ предусматривает ответственность для любого подпадающего под действие Кодекса лица, которое совершает одно из трех деяний:

- 1) нарушает или не выполняет какой-либо законный общий приказ или распоряжение;
- 2) зная о любом другом законном приказе, отданном военнослужащим вооруженных сил, которому он обязан подчиняться, не выполняет этот приказ;
- 3) бездействует при исполнении своих обязанностей [4].

Под общим приказом («general order») в американской военной доктрине понимается приказ, изданный высшим командованием (например, на уровне министра обороны, министра вооруженных сил или старшего генеральского состава) и имеющий общеобязательную силу для всей или значительной части воинской структуры. Примерами могут служить приказы, регулирующие ношение формы одежды, правила поведения на военной базе, запрет на употребление определенных веществ.

Состав преступления, предусмотренный п. 2 ст. 92 UCMJ охватывает неисполнение иных приказов, которые могут быть как письменные, так и устные, отданные конкретному военнослужащему или группе лиц их непосредственным или вышестоя-

щим командиром (например, «заступить в наряд» или «прибыть в указанную точку»).

В России в то же время, как отмечается Д.К. Трухачевым, «невыполнение военнослужащими общих предписаний из уставов, наставлений, инструкций и т.п. не подпадает под действие ст. 332 УК РФ, хотя может быть признаком других преступлений против военной службы (нарушений правил несения караульной, пограничной, внутренней службы и т.п.)» [5, с. 104].

Таким образом, американский законодатель разделит ответственность за нарушение общих приказов и распоряжений и за неисполнение конкретных команд (приказов), что отлично от правового регулирования России.

Пункт 3 ст. 92 UCMJ охватывает ситуации, когда военнослужащий не выполняет свои служебные обязанности, даже без прямого приказа. Неисполнение может выражаться как в умышленном уклонении, так и в небрежном или халатном исполнении. Например, часовой, заснувший на посту, или техник, не проверивший должным образом оборудование, могут быть привлечены к уголовной ответственности по этому пункту.

Хотя и военные законы США имеют большой объем, в них не конкретизируются деяния военных преступлений, их тяжесть и последствия, оставляя этот вопрос на решение военным судам – трибуналам.

В США за неисполнение приказа могут применять уголовные наказания в виде штрафа, лишения звания или классности, лишения свободы на определенный срок (до 20 лет) или пожизненно, смертной казни.

При этом вне военного времени или при исполнении служебных обязанностей вне военных действий максимальным наказанием обычно является увольнение с позором, лишение всего денежного довольствия и арест до 1 года или 10 лет для военных, получающих особое денежное доволь-

ствование (раздел 37 USC 310) [6]. Во время военных действий неисполнение военного приказа карается ограничение свободы вплоть до пожизненного заключения или смертной казни [7]. Применение смертной казни военными США является законным в уголовном правосудии США, решение о смертной казни выносятся судами, однако фактически приговоры не приводились в исполнение порядка 60 лет.

Китай (КНР)

Правовое регулирование ответственности за воинские преступления в Китае демонстрирует подход, кардинально отличающийся от англосаксонской модели. Если в США акцент сделан на факте неповиновения законному приказу, то китайский законодатель ставит во главу угла наступление общественно опасных последствий. Данный принцип является системообразующим для всей главы 10 Уголовного кодекса КНР «Преступления против воинского долга». Например, в силу ст. 421 УК КНР неповиновение приказу в военное время наказуемо, если оно нанесло ущерб военным действиям. Уголовно наказуемыми являются предоставление заведомо ложных сведений об обстановке на фронте или отказ от передачи военного приказа, а также передача военного приказа в искаженном виде (ст. 422 УК КНР).

Неподчинение приказу командира, проявление трусости перед сражением, недостойное, пассивное поведение во время боя, приведшие к серьезным последствиям, в т.ч. приведшие к тяжелым потерям при ведении боя, операции, военных действий или совершенные при иных особо отягчающих обстоятельствах, наказываются лишением свободы (ст. 428 УК КНР).

Оставление оружия или предметов военной техники в нарушение приказа квалифицируется по ст. 440 УК КНР.

Минимальным наказанием за неисполнение приказа является срок от 3 до 5 лет, максимальным – смертная казнь [8].

Отметим, что в России также уголовная ответственность за неисполнение приказа наступает лишь при условии, когда неисполнение приказа привело к причинению существенного вреда интересам службы [9, с. 67].

Северная Корея (КНДР)

Уголовная ответственность за военные преступления предусматривается главой 4 Уголовного кодекса КНДР. Подход КНДР к ответственности за неисполнение приказа носит ярко выраженный политико-идеологический характер. Статья 73 УК КНДР защищает не столько воинскую дисциплину в ее классическом понимании, сколько абсолютный авторитет и непререкаемость воли высшего партийно-государственного руководства. Норма предусматривает уголовную ответственность за неисполнение должным образом или с нарушением

сроков приказа Председателя Государственного комитета обороны, распоряжения Верховного командования, решения Государственного комитета обороны, инструкции, приказы, решения и распоряжения Центрального военного совета Трудовой партии Кореи [10].

Следуя букве закона, в Северной Корее не требуется наступление вредных последствий, как в Китае и России. Преступление считается оконченным в момент, когда приказ был не исполнен должным образом или исполнен с нарушением сроков.

В отличие от США или России, где объектом является порядок подчиненности, здесь объект – авторитет высшей власти. Модель КНДР – это крайняя форма защиты тоталитарной вертикали власти, где любое отклонение от идеального исполнения воли высшего руководства рассматривается как уголовно наказуемое деяние, направленное против основ государства.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта уголовной ответственности за неисполнение приказа позволяет заключить, что в мире не существует единой универсальной модели правового регулирования. Напротив, подходы различных государств к криминализации данного деяния фундаментально отличаются, отражая особенности их правовых систем, военно-политических доктрин и государственной идеологии. Существующие в мире правовые модели предлагают различные решения одной и той же задачи – обеспечения управляемости войск.

Литература

1. Белик Ю.С. Неисполнение приказа (распоряжения) военнослужащим как основание для уголовной ответственности по законодательству Российской Федерации / Ю.С. Белик, А.С. Андреев // Обществознание и социальная психология. 2022. № 9–2(39). С. 388–394.
2. Шаблова Е.Г. Правоведение: учеб. пособие / Е.Г. Шаблова, О.В. Жевняк, Т.П. Шишулина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е.Г. Шабловой. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2016. 192 с.
3. У какой страны больше всего границ с другими странами [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://agro-sss.ru/how/u-kakoy-strany-bolshe-vsego-granits-s-drugimi-stranami.html> (дата обращения: 22.06.2025).
4. Appendix 2. Uniform Code of Military Justice [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jsc.defense.gov/Portals/99/Documents/UCMJ%20-%2020December2019.pdf> (дата обращения: 25.06.2025).
5. Трухачев Д.К. Проблема уголовно-правового регулирования неисполнения приказа / Д.К. Трухачев // Марафон знаний: Сборник

научных трудов по итогам комплекса научных мероприятий, Новокузнецк, 01–05 апреля 2024 года. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 104–106.

6. Social Security [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ssa.gov (дата обращения: 24.06.2025).
7. Uniform Code of Military Justice [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ucmj.us (дата обращения: 24.06.2025).
8. Уголовный кодекс Китая / под ред. проф. А.И. Коробеева и проф. А.И. Чучаева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. 256 с.
9. Изекеев Н.Н. Применение мер уголовной ответственности за неисполнение приказа в свете новелл законодательства / Н.Н. Изекеев, М.А. Кириллов, К.В. Фадеева // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 2(56). С. 66–69.
10. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/ko/kp/kp018ko.pdf> (дата обращения: 26.06.2025).

FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINAL LIABILITY FOR NON-EXECUTION OF AN ORDER

Shikhanov S.N.

Kutafin Moscow State Law University

The author has conducted a comparative legal analysis of criminal liability for failure to comply with an order using the example of the legislation of the United States, China and the DPRK in comparison with the Russian Federation. The choice of countries is determined by the presence of the largest territories in the listed countries that require protection; high density of troops on the borders; the number of permanent armed forces; instant combat readiness and discipline.

The purpose of the study is to identify the specifics of national models of legal regulation in foreign countries. The methodological basis

was a comparative legal analysis of the criminal laws of these countries governing liability for non-compliance with orders.

In the article, the norms of the national criminal legislation of foreign countries are compared with the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and among themselves, as a result of which a conclusion is drawn about the specifics of the legal regulation of liability for non-compliance with an order in different countries.

Keywords: non-execution of an order, criminal liability, defense, armed forces, state border, USA, China, DPRK, Russian Federation.

References

1. Belik Yu.S. Non-fulfillment of an order (instruction) by a military man as a basis for criminal liability under the legislation of the Russian Federation / Yu.S. Belik, A.S. Andreev // Social Studies and social Psychology. 2022. No. 9–2(39). pp. 388–394.
2. Shablova E.G. Jurisprudence: textbook. manual / E.G. Shablova, O.V. Zhevnyak, T.P. Shishulina; under the general editorship of Dr. Yurid. Sciences, professor E.G. Shablova. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2016. 192 p.
3. Which country has the most borders with other countries [Electronic resource]. Access mode: <https://agro-sss.ru/how/u-kakoy-strany-bolshe-vsego-granits-s-drugimi-stranami.html> (access date: 06/22/2025).
4. Social Security [Electronic resource]. Access mode: www.ssa.gov (access date: 06/24/2025).
5. Uniform Code of Military Justice [Electronic resource]. Access mode: www.ucmj.us (date of request: 06/24/2025).
6. Appendix 2. Uniform Code of Military Justice [Electronic resource]. Access mode: <https://jsc.defense.gov/Portals/99/Documents/UCMJ%20-%202020December2019.pdf> (access date: 06/25/2025).
7. Trukhachev D.K. The problem of criminal law regulation of non-fulfillment of orders / D.K. Trukhachev // Marathon of knowledge: A collection of scientific papers based on the results of a complex of scientific events, Novokuznetsk, April 01–05, 2024. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. pp. 104–106.
8. The Criminal Code of China / edited by prof. A.I. Korobeev and prof. A.I. Chuchaev, translated from Chinese by prof. Huang Daoxu, Moscow: KONTRAKT LAW FIRM LLC, 2017. 256 p.
9. Izekeev N.N. Application of criminal liability measures for failure to comply with an order in the light of new legislation / N.N. Izekeev, M.A. Kirillov, K.V. Fadeeva // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2024. No. 2(56). pp. 66–69.
10. The Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea [Electronic resource]. Access mode: <https://wipolex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/ko/kp/kp018ko.pdf> (access date: 26/06/2025).

Вопросы определения и классификации преступлений экстремистской направленности в юридической теории

Суховацкая Елена Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, НВИ ВНГ РФ

E-mail: suhoveckaya74@mail.ru

Статья посвящена уточнению понятийных границ и построению современной системы классификации преступлений экстремистской направленности в уголовно-правовой доктрине. Актуальность обусловлена различным толкованием квалификационных подходов и ростом доли данных преступлений в сети интернет. Новизна выражена в интеграции двух линий – специальных составов преступлений экстремистской направленности и «общих» составов при доказанном идеологическом мотиве – в единую трёхмерную модель (объект охраны, конструкция деяния, среда совершения) и в верифицируемый алгоритм квалификации. В рамках работы описаны критерии отнесения к экстремистской направленности, изучены особенности разграничения с террористическими составами и с «общекриминальными» деяниями. Особое внимание уделено признакам публичности и «адресности» сообщения, повторяемости нарратива и организованности аудитории. Работа ставит цель унифицировать доктринальные и прикладные решения. Для её достижения применены сравнительный, формально-юридический, контент-аналитический методы и синтез нормативных и эмпирических материалов. В заключении показана применимость двухступенчатого теста в следственной и судебной практике. Статья будет полезна исследователям уголовного права, экспертам-лингвистам, практическим работникам органов дознания и предварительного следствия, а также преподавателям.

Ключевые слова: экстремизм; преступления экстремистской направленности; квалификация; мотив ненависти; публичные призывы; конституционный строй; цифровая среда; лингвистическая экспертиза.

Введение

Различное толкование трактовок в уголовно-правовой науке и правоприменении формирует расхождения при определении состава, усложнением доказательственной картины по экстремистским деяниям. Разнородные подходы к включению «общих» составов при наличии идеологического мотива создают риск избыточного роста общего количества экстремистской направленности. Дополнительную нагрузку вносит конкуренция норм с преступлениями террористической направленности, где решающим выступает целевой эффект и «адресат воздействия» сообщения. Требуется стройная схема, совместимая с судебными стандартами.

Цель – выработать целостную модель определения и классификации преступлений экстремистской направленности, согласованную с доктринальными позициями и актуальной практикой. Задачи:

проанализировать понятийный аппарат в отечественной литературе последних лет и нормативную базу, описывающую экстремистскую деятельность;

выстроить классификацию по трём измерениям: объект охраны, конструкция деяния, среда и способ совершения;

сформулировать алгоритм квалификации и разграничения с террористическими составами и «общекриминальными» деяниями при доказанном идеологическом мотиве.

Новизна связана с объединением толкования в «узком» и «широком» смысле в единую модель, включающую коммуникативно-прагматический фильтр (публичность, «адресность», повторяемость, организованность аудитории) и двухступенчатый тест: приоритет специального состава; при его отсутствии – оценка цели и мотива в «общем» составе с определением целевого эффекта.

Материалы и методы

Эмпирическую и доктринальную основу составили публикации 2021–2025 годов, охватывающий теоретические дефиниции, классификации различных авторов и прикладные разработки по выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. Для представления обзора использованы работы: Р.Р. Абидова [1] – анализ проблем квалификации и общих признаков преступлений экстремистской направленности; А.С. Ахметшина [2] – критерии отнесения и разграничение с экстремистской деятельностью; Б.Б. Бидовой [3] – поста-

новка вопроса о формировании самостоятельного уголовно-правового института; П.А. Шетогутова [4] – уточнение содержания экстремистской деятельности; В.Е. Зварыгина, А.С. Кондакова [5] – разработка классификационных тестов и приоритета специального состава; Л.А. Кодзоковой [6] – виды и квалификационные признаки; С.А. Коноваленко, М.Н. Трофимова [7] – прикладные процедуры выявления и раскрытия преступлений, опора на цифровые следы; Д.Е. Некрасова [8] – группировка по мотивационно-целевым параметрам; О.С. Омегиной [9] – сопоставление Стратегии до 2025 года и зарубежной практики; В.А. Хабарова [10] – понятийный и классификационный аппарат.

Методы: сравнительный анализ, формально-юридический подход, контент-анализ публикаций и нормативных актов, логико-структурная систематизация, элементы правоприменительного моделирования.

Результаты

Фиксация совокупности признаков, по которым судопроизводство относит деяния к преступлениям экстремистской направленности, по-прежнему остаётся неоднородной в теории и правоприменении. В доктринальных работах встречаются два конкурирующих подхода: первый связывает категорию с «родовой» конструкцией экстремистской деятельности (114-ФЗ) и кругом специальных составов главы 29 УК РФ, второй – с любым составом, в котором доказан специальный мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, либо цель подрыва конституционного строя [2; 4; 10]. В результате одно и то же деяние при сходных фактических обстоятельствах квалифицируется по разным моделям – как «экстремистское» в узком смысле (ст. 280, 280.1, 282.1–282.3 УК РФ) либо как «экстремистской направленности» при наличии особого мотива в составах общей части Особенной части УК РФ [1; 5].

Содержательно обоснованный перечень классификационных критериев складывается из четырех блоков: общественная опасность и объект охраны (конституционный строй, основы национальной безопасности, межнациональный мир), конструкция объективной стороны (публичные призывы, организация и финансирование объединений, вовлечение и вербовка), структура субъективной стороны (прямой умысел, идеологически нагруженная цель, мотив ненависти/вражды), а также канал распространения действий и материалов (оффлайн/онлайн, трансграничные платформы, мессенджеры) [1; 5; 6; 7]. Этот набор параметров удобен для систематизации предлагаемых в литературе классификаций и для унификации практики установления признаков экстремистской направленности.

Предложенная систематизация. По способу законодательной фиксации:

- специальные составы экстремистских преступлений (публичные призывы, оправдание, организация и финансирование экстремистской деятельности, создание и участие в экстремистском сообществе) [5; 6];
- общеуголовные составы с установленным экстремистским мотивом/целью (убийство, хулиганство, вандализм, повреждение имущества, посягательство на избирательные права и др.) [1; 8].

По объекту охраны: посягательства на основы конституционного строя и безопасность государства; на общественный порядок и общественную безопасность; на равенство прав и свобод человека и гражданина [5; 6; 8].

По способу совершения и среде: оффлайн-формы (собрания, печатная продукция, символика) и онлайн-формы (социальные сети, мессенджеры, платформы видеохостинга), включая закрытые каналы коммуникации [1; 7; 9].

В научных работах прослеживается консенсус относительно обязательности доказывания интеллектуального элемента, отражающего идеологическую окраску целей – без него квалификация в качестве «экстремистской направленности» утрачивает методологическую значимость и сводится к простой фиксации агрессивного поведения. На этом настаивают как авторы, признающие парадигму «узкой» категории (специальные составы), так и сторонники «широкой» конструкции (любой состав при наличии мотива) [2; 4]. Одновременно в научной литературе подчёркивается, что для отграничения от террористических преступлений решающее значение приобретают направленность воздействия и ожидаемый эффект: при экстремизме – подрыв конституционных основ и межнационального мира через возбуждение ненависти/вражды и организацию соответствующей деятельности, при терроризме – устрашение населения и воздействие на принятие решений властью через насилие либо угрозу насилия [4; 7; 9].

Исследования, посвящённые теоретическому определению категории (А.С. Ахметшин [2], П.А. Шетогутов [4]), сопоставляются с работами, где предлагаются практико-ориентированные тесты для квалификации (В.Е. Зварыгин, А.С. Кондаков [5]) и доктринальными обзорами о границах понятия [10]. Обобщение различных подходов позволило сформировать определение: к преступлениям экстремистской направленности отнесены как деяния, прямо сконструированные законодателем в форме специальных составов экстремистской деятельности (призывы, организация, финансирование), так и деяния общей криминальной природы, при расследовании которых достоверно установлены идеологическая цель и мотив ненависти/вражды, доказанные по стандартам уголовного судопроизводства с учётом речевого и поведенческого контекста коммуникаций. Такое понимание снижает пробелы в судебной практике при разграничении «экстремистского» и «террористического» блоков, устраняя коллизию. [2; 4; 5; 10].

В литературе подчёркивается, что включение в перечень преступлений «экстремистской направленности» общеуголовных составов оправдано только при наличии доказанной идеологической цели и мотива; иначе повышается риск неправильной квалификации и расширительного толкования публичных призывов [2; 8]. К этому добавляется методическая проблема: в цифровой среде граница между «призывом», «одобрением», «репостом» и «дискуссией» требует экспертной верификации лингвистическими, семиотическими и психолого-лингвистическими средствами, включая проверку коммуникативной роли автора, прагматику высказывания и характеристики аудитории [1; 7]. Отдельное внимание к формальным признакам (наличие символики, ключевых слов) без анализа коммуникативной цели ведёт к деформации статистики и перегрузке следственной практики [9].

Критерии отнесения к «экстремистской направленности» (результаты доктринального анализа):

- Объект: подрыв основ конституционного строя и безопасности государства; нарушение равенства и межнационального мира; дестабилизация публичного порядка [5; 6].
- Объективная сторона: публичные призывы/оправдание; создание/участие в объединении; финансирование; вовлечение и вербовка; распространение материалов, в том числе сетевыми способами [5; 6; 7].
- Субъективная сторона: прямой умысел, цель изменения конституционных основ или угрозы межнациональному миру, мотив ненависти/вражды; связь убеждений с действиями, выраженная в содержании и форме коммуникаций [2; 4].
- Канал совершения: оффлайн и онлайн; для сетевой среды добавляются признаки организованности и управляемости аудитории, повторяемость и укоренённость нарратива, кроссплатформенность [1; 7; 9].

При конкуренции норм предпочтение отдаётся специальному составу (призывы/оправдание/организация), при этом мотив ненависти/вражды учитывается как признак субъективной стороны либо как квалифицирующий признак в «общих» составах. В случае совокупности (например, хулиганство с мотивом ненависти при одновременном распространении экстремистских материалов в сети) требуется разграничить эпизоды по целям и объективным признакам действий [2; 5; 8]. Для онлайн-поведения на первый план выходят признаки публичности и «адресности» сообщения: закрытые чаты без намерения донести призыв до неопределённого круга лиц оцениваются иначе, чем открытые площадки [1; 7].

По данным контент-и нормативно-правовых обзоров, в последние годы усилилось смещение к сетевым формам распространения материалов и вербовки, что стимулировало развитие методик выявления и раскрытия с опорой на цифровые следы, лингвистическую экспертизу и аналитические панели мониторинга [7; 9]. Отмечается рост доли

дел, где решающее значение приобретает экспертиза высказываний на предмет наличия призывов и идеологической цели, тогда как фактические доказательства (носители символики, печатные материалы) отступают на второй план [7; 9].

Материалы прикладного блока – о выявлении и раскрытии деяний [7], о стратегиях противодействия до 2025 г. [9] – хорошо коррелируют с доктринальными разработками о классификации по объекту и каналу совершения [5; 6] и с криминологическими предложениями группировать составы по мотивационно-целевым параметрам [8]. Анализ данных подходов способствует правильной квалификации: первичная проверка на специальный состав; при отрицательном результате – оценка установленных цели/мотива в общем составе; в цифровой среде – дополнительная верификация публичности и «адресности» сообщения по лингвистическому и прагматическому профилю. Такой подход уменьшает проблемы квалификации и способствует правильному разграничению между «экстремистским» и «террористическим» деяниями [5; 6; 7; 9].

В новейших публикациях подчёркивается потребность доктринальной кодификации признаков направленности как самостоятельного уголовно-правового института: требуется стабилизировать терминологию, разграничить «деяния экстремистской деятельности» и «преступления с экстремистским мотивом», задать единые правила конкуренции норм и учёта мотива в квалификации [3]. В противном случае сохранятся расхождения между доктринальными конструкциями и практикой, особенно в деяниях, где мотив проявляется через «слабые сигналы» сетевой коммуникации [1; 2; 7].

Для онлайн-эпизодов классификационная группа дополняется параметрами «распространённости нарратива» и «степени организованности аудитории». Следственная практика рекомендует фиксировать: архитектуру каналов распространения (платформа, доступность, подписки), устойчивость семантических паттернов в сообщениях, частоту и повторяемость призывов, признаки координации между аккаунтами [7; 9]. В сочетании с лингвистической экспертизой это облегчает установление направленности поведения, а не только наличия спорной лексики [7].

Удобным для правоприменения видится «двухступенчатый тест»:

Шаг 1. Проверка на специальный состав (призывы/оправдание/организация/финансирование; участие в экстремистском сообществе) с учётом канала (оффлайн/онлайн) [5; 6; 7].

Шаг 2. При отсутствии специального состава – оценка цели и мотива в общем составе; проверка публичности и направленности сообщения на неопределённый круг лиц; разграничение с террористическими составами по ожидаемому эффекту и «адресату воздействия» [2; 4; 9].

Такой порядок согласуется с выводами доктринальных работ последних лет и снижает вероят-

ность произвольного расширительного толкования.

Обсуждение

Сопоставление «узкой» конструкции – ориентированной на специальные составы главы особенной части – и «широкой» модели, включающей обще-криминальные деяния с доказанным экстремистским мотивом, вызывает проблемы в правоприменении. Разъяснения Пленума Верховного Суда указывают на требование прямого умысла и побудительной направленности коммуникации для статей о публичных призывах и иных форм вербальной активности, что задаёт более жёсткий критерий по интеллектуальным признакам деяния и снижает риск подмены идеологической цели простой агрессией речи. Анализ 114-ФЗ, где перечислены формы экстремистской деятельности, указывает на данный критерий, но не снимает вопрос о границах включения «общих» составов при наличии мотива ненависти или вражды.

Разграничение с террористическими составами требует отдельного внимания к формулировке цели. Судебные разъяснения отделяют по ожидаемому эффекту: для террористических составов – устрашение и воздействие на решения власти через насилие либо угрозу насилия; для экстремистских – идеологически окрашенная деструкция конституционных основ и межнационального мира через возбуждение ненависти, организацию объединений, финансирование и вербовку. Особенности в речи и символике при сходных фактических действиях требуют акцентировать «адресата воздействия» и характер призыва: дифференциация по аудитории и целевому эффекту снижает конкуренцию норм, позволяя удерживать единый стандарт квалификации.

Сетевая среда изменила доказательственную архитектуру. Для квалификации речевых актов публичности недостаточно; решает прагматика коммуникации: кому сообщается, как оформляется побуждение, какова повторяемость и сценарий распространения. Публикации по судебной практике в Интернете подчёркивают нагрузку на лингвистическую и психолого-лингвистическую экспертизу: требуются анализ речевых ролей, жанра и интенции, выявление побудительной семантики и маркировок, отграничение «репоста» и «одобрения» от призыва. Обзор материалов судебной практики по 280 УК РФ свидетельствует о переходе к доказательствам цифрового следа: маршруты репликации, кроссплатформенность, чаты с разной степенью доступности, координация аккаунтов.

Стратегия противодействия экстремизму в новой редакции ориентирует правоохранительный цикл на мониторинг сетевых экосистем, профилактику радикализации и повышение правильной квалификации экстремистских деяний. Такой управленческий вектор стимулирует переориентацию классификации по каналной и организационной осям: офлайн/онлайн формы, открытые/за-

крытые каналы, индивидуальное действие/координированная группа, низовая пропаганда/сетевые «влиятельные». Встроенность этих параметров в правоприменение поддерживает единые критерии публичности, тиражируемости и «адресности». Доктрина предлагает несколько групп классификации. Первая – по способу законодательной конструкции: специальные составы против «общих» составов с мотивом. Вторая – по объекту охраны: конституционный строй и безопасность государства; общественный порядок и безопасность; равенство прав и свобод. Третья – по среде и способу совершения: офлайн формы и цифровые каналы с разной степенью доступности.

Ключ к разграничению специальных составов и «общих» составов с мотивом – проверка целевой установки. Пленум ориентирует суды на выявление мотивации, а не только на фиксацию формулировок. При отсутствии явной формулировки призыва следует учитывать доказательства поведения: согласованные действия в чате, распределение ролей, признаки управляемости аудитории. Такой подход уменьшает зависимость от отдельных словесных маркеров и ближе к анализу поведения в целом.

Линия законодательной конструкции просматривается в двух направлениях. Во-первых, кодифицировать термин «преступления экстремистской направленности» на уровне общей части через дефиницию, которая объединяет специальные составы и «общие» составы при наличии установленной идеологической цели и мотива ненависти/вражды. Во-вторых, задать приоритет конкуренции: первичный тест на специальный состав, затем – оценка цели/мотива в «общем» составе, причём решение по конкуренции фиксируется мотивировкой с опорой на целевой эффект и аудиторию сообщения. Такая конструкция снимает большую часть коллизий, описанных в исследованиях.

Экспертная методика нуждается в стандартизации. Для сетевых кейсов практический минимум включает: выделение коммуникативной роли автора (инициатор, модератор, ретранслятор), картирование каналов распространения (платформа, настройки приватности, охват, репликация), лингвистический анализ прагматики высказывания (императивы, перформативы, речевые акты побуждения), оценку устойчивости и повторяемости идеологического нарратива.

Судебные разъяснения 2011 года в редакции 2021 года закрыли часть вопросов по речевым конструкциям, однако развитие платформ, закрытых чатов и алгоритмических лент формирует новые узкие вопросы: публичность в полукрытых сообществах, «адресность» через таргет, коллективные «рейды», гибриды «мем + призыв». Обновление разъяснений с учётом цифровых механизмов распространения дало бы судам и экспертам более чёткие ориентиры по публичности и побудительной семантике.

Стратегический документ 2024 года предлагает управленческие решения: приоритизация профи-

лактики в сети, проактивная аналитика, унификация понятийного аппарата. Разъяснения судебной практики обеспечат согласование целей государственной политики и техники квалификации, включая уточнение составов 280 и 280.1 по признакам публичности и «адресности», а также оговорки для «репоста без принятия цели».

Заключение

Сформирован понятийный аппарат, который объединяет специальные составы преступлений экстремистской направленности и «общие» составы при установленном идеологическом мотиве в единую классификацию по трём группам: объект охраны, конструкция деяния, среда и способ совершения. Выполнен аналитический разбор доктринальных позиций и нормативной базы, что дало основу для унифицированных критериев отнесения к экстремистской направленности: общественная опасность в плоскости конституционного строя и международного мира; публичные призывы, организация/финансирование, вовлечение и распространение материалов; прямой умысел и целевая установка, подтверждённая речевыми и поведенческими индикаторами; канал совершения с учётом сетевой специфики. Предложен алгоритм квалификации, нацеленный на снижение произвольности: первичная проверка на специальный состав, затем оценка цели и мотива в «общем» составе, с обязательной верификацией публичности и «адресности» для цифровых эпизодов и чётким разграничением с террористическими преступлениями по ожидаемому эффекту и адресату воздействия. Показана применимость двухступенчатого теста в следственной и судебной практике, что закрывает поставленные во введении задачи и обеспечивает согласованность научной модели с процедурой правоприменения.

Литература

1. Абидов Р.Р. Преступления экстремистской направленности: проблемы квалификации и уголовно-правового анализа // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3.
2. Ахметшин А.С. Проблемы определения признаков преступлений экстремистской направленности и преступлений с признаками экстремистской деятельности // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 4. С. 9–13.
3. Бидова Б.Б. Преступления экстремистской направленности: проблема формирования уголовно-правового института // Аграрное и земельное право. 2025. № 2.
4. Шетогубов П.А. К вопросу о понятии экстремистской деятельности // Вестник СГЮА. 2024. № 2 (157).
5. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы классификации преступлений экстремистской направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32. № 2. С. 363–369.
6. Кодзокова Л.А. Проблема квалификации и виды преступлений экстремистской направленности // Право и управление. 2024. № 11.
7. Коноваленко С.А., Трофимов М.Н. Выявление и раскрытие преступлений экстремистской направленности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. Т. 51. № 3. С. 146–154.
8. Некрасов Д.Е. Классификация преступлений, совершаемых по мотивам экстремизма // Право: история и современность. 2022. Т. 6. № 2. С. 230–240.
9. Омелина О.С. Сравнительный анализ Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года и зарубежного опыта // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 62–65.
10. Хабаров В.А. К вопросу о понятии и классификации преступлений экстремистской направленности // Вестник КРУ МВД России. 2023. № 2 (60).

DEFINITION AND CLASSIFICATION OF EXTREMIST CRIMES IN LEGAL THEORY

Sukhovetskaya E.Yu.

Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops

This article clarifies the conceptual boundaries and develops a working classification scheme for extremist crimes in criminal law doctrine. Its relevance stems from the diversity of classification approaches and the growing share of online speech acts. Its novelty lies in the integration of two lines of thought—specific extremist offenses and “general” offenses with proven ideological motivation—into a single three-dimensional model (object of protection, act structure, and environment of commission) and a verifiable classification algorithm with a communicative-pragmatic filter for digital incidents. The article describes the criteria for classifying crimes as extremist in nature and examines the boundaries between terrorist offenses and “general” criminal offenses. Particular attention is paid to the publicity and targeted nature of the message, narrative repetition, and audience organization. The study aims to unify doctrinal and applied solutions. To achieve this, comparative, formal-legal, and content-analytical methods, as well as a synthesis of normative and empirical materials, were applied. The conclusion demonstrates the applicability of the two-stage test in investigative and judicial practice. The article will be useful for criminal law researchers, linguistic experts, investigators and pretrial investigators, and teachers.

Keywords: extremism; extremist crimes; qualification; hate motive; public appeals; constitutional order; digital environment; linguistic expertise; distinction from terrorism.

References

1. Abidov, R.R. “Extremist Crimes: Problems of Qualification and Criminal-Law Analysis” // Journal of Applied Research. 2021. No. 3.
2. Akhmetshin, A.S. “Problems of Defining the Features of Extremist Crimes and Crimes with Features of Extremist Activity” // Lobbying in Legislation. 2023. Vol. 2. No. 4. pp. 9–13.
3. Bidova, B.B. “Extremist Crimes: Problems of Forming a Criminal-Law Institution” // Agrarian and Land Law. 2025. No. 2.
4. Shetogubov, Pavel Andreevich “On the Concept of Extremist Activity” // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. No. 2 (157).
5. Zvarygin, V.E., Kondakov, A.S. “Criminal-Law Problems of Classifying Extremist Crimes” // Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law. 2022. Vol. 32. No. 2. pp. 363–369.

6. Kodzokova, L. A. "The Problem of Qualification and Types of Extremist-Oriented Crimes" // Law and Management. 2024. No. 11.
7. Konovalenko, S. A., Trofimov, M. N. "Detection and Solving of Extremist-Oriented Crimes" // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2024. Vol. 51. No. 3. pp. 146–154.
8. Nekrasov, D. E. "Classification of Crimes Committed with Extremist Motivations" // Law: History and Modernity. 2022. Vol. 6. No. 2. pp. 230–240.
9. Omelina, O. S. "Comparative Analysis of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025 and Foreign Experience" // Eurasian Law Journal. 2024. No. 4 (191). P. 62–65.
10. Khabarov V.A. On the concept and classification of crimes of an extremist nature // Bulletin of the Control and Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (60).

Информационный терроризм: особенности, проблемы борьбы и меры противодействия

Трухин Никита Николаевич,

аспирант, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: ui@ranepa.ru

В статье рассматривается феномен информационного терроризма как одной из современных угроз безопасности в цифровую эпоху. Анализ основных методов и инструментов, используемых информационными террористами, включая кибератаки, распространение дезинформации, манипуляция общественным мнением и использование социальных сетей для дестабилизации обстановки приводит к предложению возможных мер противодействия, включая укрепление кибербезопасности, развития международного сотрудничества и повышения осведомленности населения.

Исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к борьбе с информационным терроризмом в условиях глобализации и цифровизации.

Ключевые слова: технологии, преступления, информация, меры противодействия, проблемы, законодательство, медиа пространство, угроза.

В эпоху развития технологий и искусственного интеллекта, активно развивается медиа пространство. Люди получают информацию из всевозможных источников, что позволяет быть осведомленным абсолютно в разных сферах жизни общества. В последние годы меняется не только количество преступлений террористической направленности, но также и их качественные характеристики. Благодаря прогрессу в информационной среде, появляется такой вид терроризма, как информационный терроризм – это явление достаточно новое, но не менее опасное, которое стало возможным благодаря стремительному развитию информационных технологий и появлению искусственного интеллекта. В отличие от видов терроризма, которые привыкли называть традиционными, информационный терроризм не предполагает реального контакта с потерпевшим и физического насилия над ним, но способен нанести значительный ущерб обществу, экономике и государственным структурам. Суть информационного терроризма заключается в том, что злоумышленники используют возможности информационных технологий и киберпространства для дестабилизации обстановки, распространения паники, манипуляции общественным мнением и нарушения работы критически важных систем и инфраструктур. Актуальность данной статьи состоит в том, что несмотря на быстрое развитие информационных технологий и наряду с ними такого явления, как информационный терроризм, государству необходимо разрабатывать и принимать меры и способы противодействия данной угрозе, а также решать проблемы с которыми может столкнуться государство и общество в будущем.

Для полного понимания того, что из себя представляет информационный терроризм, следует выделить следующие особенности:

1. Наличие признаков анонимности и глобальности. Как правило, вся деятельность террористов в режиме онлайн осуществляется под псевдонимами и о том, кто скрывается под «ником» ничего неизвестно, а точка выхода в сеть может быть скрыта и недоступна для отслеживания. Для этого используются такие инструменты скрытия точек выхода в сеть, как VPN. Под VPN понимается такая технология, которая позволяет установить подключение безопасно и зашифровано с какой-либо сетью.

Глобальность в свою очередь определена возможностью максимально расширять то пространство, внутри которого происходит коммуникация.

Таким образом, анонимность создаёт комфортную среду для террористов, а глобальность опре-

деляет возможность расширять пространство для коммуникации между ними. В связи с этим, террористы в информационной среде могут осуществлять свои действия из любой точки мира, оставаясь при этом анонимными. Это значительно усложняет их идентификацию и привлечение к ответственности.

2. Использование современных технологий. Основными способами воздействия на общество и государство в информационной среде являются хакерские атаки – это действия, направленные на распространение вредоносных программ, взлом базы данных и использование социальных сетей для дезинформации. Такие хакерские атаки могут привести к причинению крупного ущерба экономике государства и оказать большое влияние на обычное функционирование жизни общества [1]. В современных реалиях хакерские атаки наносят крупные ущербы компаниям, а суммы, которые теряют данные компании исчисляются десятками миллионов.

3. Психологическое воздействие. Одной из самых приоритетных и основных целей информационного терроризма является не применение физического насилия, а создание атмосферы страха, недоверия и хаоса, путем информационного воздействия. Всем известно, что люди очень подвержены психологическому давлению и в связи с этим, злоумышленники целью номер один ставят возможность повлиять на человека и его психику, тем самым запугать его и показать, что он очень уязвим.

4. Масштабность последствий. Результатом информационного терроризма на критически важные объекты инфраструктуры (энергетика, транспорт, финансовая система) могут являться катастрофические последствия для целых стран [5]. Одной из самых известных за последнее время хакерских атак, является кибератака на «Аэрофлот», которая напомнила об уязвимости современной инфраструктуры, а данная проблема только сильнее обостряется, так как интернет становится одной из площадок международного конфликта

Для того, чтобы противостоять такой угрозе, государствам необходимо разрабатывать и внедрять в систему меры противодействия информационному терроризму. Среди мер противодействия можно выделить следующие:

1. Развитие законодательной базы. В законодательной системе необходимо уделять внимание разработке и внедрению отдельных законов, которые позволят эффективно бороться с киберпреступностью и информационным терроризмом. Для данных целей предлагается расширить понятие терроризма, добавив в него «информационный терроризм» как отдельную форму.

Кроме того, необходимо включить в перечень методов совершения преступлений террористической направленности такой термин, как «кибератака» для того, чтобы закрепить единое понимание данного рода действия.

2. Создание специализированных органов. Государство должно создавать и поддерживать структуры, деятельность которых будет направлена на борьбу с информационным терроризмом. Кроме создания необходимо проводить обучение правоохранительных органов, повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов, которые занимаются иными категориями преступлений, так как знания, полученные сотрудниками в информационной сфере, будут оказывать помощь по их направлениям деятельности.

Кроме этого, предлагается усилить полномочия Национального антитеррористического комитета и дать им право блокировать сайты, распространяющие пропаганду террористической направленности.

3. Техническая защита. Имеется необходимость внедрение современных систем защиты информации, включая установку антивирусных программ, систем обнаружения вторжений и многоуровневое шифрование данных.

4. Международное сотрудничество. Информационный терроризм распространяется по всему миру и не ограничен какими-либо рамками, поэтому борьба с ним требует совместных усилий стран, обмену опытом, координации действий и в целом очень тесного сотрудничества между правоохранительными органами. Важно обеспечить сотрудничество путем создания базы, в которой будут отбраковываться данные о всех серверах для возможности отследить и идентифицировать любую подозрительную активность в сети Интернет.

5. Блокировка вредоносного контента. Проведение работ по созданию программ, которые будут направлены на удаление или ограничение доступа к сайтам, распространяющим дезинформацию или вредоносные программы или иным образом оказывающим негативное влияние. [2]. Помимо этого, предлагается обязать компании, ответственные за работу мессенджеров и социальных сетей, выявлять и удалять контент, который связан с информационным терроризмом, а также передавать данные об этом в Федеральную службу безопасности Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации.

В виду того, что прогресс не стоит на месте и информационные технологии каждый год претерпевают масштабные изменения, процесс разработки и внедрения мер противодействия информационному терроризму может привести к тому, что правоохранительные органы столкнутся с рядом конкретных проблем:

1. Быстрое развитие технологий. Технологии активно развиваются, в том числе и те, которые используются террористами, методы защиты от данного преступления также необходимо регулярно обновлять, что может быть проблемой. Каждый год появляются новые средства взаимодействия людей между собой, начиная от мобильных устройств и заканчивая огромным количеством социальных сетей, в связи с этим необходимо осуществлять постоянный контроль за активностью в информаци-

онном пространстве для того, чтобы своевременно принимать меры по предотвращению угроз.

2. Недостаток квалифицированных кадров. Так как технологии начали свое быстрое развитие относительно недавно, то в правоохранительных органах наблюдается дефицит специалистов в области кибербезопасности, в связи с чем необходимо постоянное проведение семинаров, конференций и факультативов, где будут подробно разобраны сложности, возникающие в информационном поле, а также методы изучения и предотвращения негативных последствий от проведения хакерских и террористических атак.

3. Этические и правовые дилеммы. Борьба с информационным терроризмом может привести к ограничению свободы слова, но тем не менее данные действия позволят применять жесткие меры против распространения фейковой информации. [3].

4. Международные разногласия. В виду того, что каждое государство имеет разные подходы к решению проблемы, возникают определенные трудности в сотрудничестве, поэтому отсутствие единого подхода затрудняет глобальное противодействие.

5. Сложность идентификации. Так как в информационном пространстве террористы действуют анонимно, то очень сложно разработать систему, которая давала бы полный доступ к информации о точках выхода в сеть, о переходах лица на разные страницы и совершаемых действиях. [4].

Как итог, стоит сказать, что информационный терроризм представляет собой серьезную угрозу для современного общества. Его особенности требуют комплексного подхода к противодействию, включающего технические, правовые и образовательные меры. Однако борьба с этим явлением сопряжена с рядом проблем, которые необходимо решать на национальном и международном уровнях. Только объединив усилия, государства смогут эффективно противостоять информационному терроризму и минимизировать его последствия.

В условиях цифровой эпохи безопасность информационного пространства становится не менее важной, чем физическая безопасность. Поэтому вопросы противодействия информационному терроризму должны оставаться в центре внимания как государственных структур, так и гражданского общества.

Литература

1. Дауров А.И. Информационный терроризм как реальная угроза национальной безопасности России // Юридические исследования. – 2023. – № 2. – С. 129–133.
2. Серебренникова А.В. Понятие и признаки кибертерроризма // Московский юридический форум онлайн 2020: сборник тезисов докладов: в 4 ч. – 2020. – С. 199–200.
3. Улезько С.И., Овсянников В.А. Кибертерроризм в сетевом пространстве: актуальность квалификации и способы предупреждения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 2 (141). – С. 115–119.
4. Гедгафов М.М. Меры противодействия кибертеррористическим угрозам в условиях глобализации информационного пространства // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 4. – С. 112–115.
5. Геворгян Е.М. Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки – 2021. – № 6 (58). – С. 118–122.

INFORMATION TERRORISM: FEATURES, PROBLEMS OF STRUGGLE AND COUNTERACTION MEASURES

Trukhin N.N.

Ural Institute of Management, Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the phenomenon of information terrorism as one of the modern threats to security in the digital age. An analysis of the main methods and tools used by information terrorists, including cyber attacks, the spread of disinformation, manipulation of public opinion, and the use of social media to destabilize the situation leads to a proposal for possible countermeasures, including strengthening cybersecurity, developing international cooperation, and raising public awareness. The study highlights the need for an integrated approach to combating information terrorism in the context of globalization and digitalization.

Keywords: technologies, crimes, information, counteraction measures, problems, legislation, media space, threat.

References

1. Daurov A.I. Information terrorism as a real threat to Russia's national security // Legal studies. – 2023. – No. 2. – P. 129–133.
2. Serebrennikova A.V. Concept and characteristics of cyberterrorism // Moscow Legal Forum Online 2020: collection of abstracts: in 4 parts. – 2020. – P. 199–200.
3. Ulezko S.I., Ovsyannikov V.A. Cyberterrorism in the online space: relevance of qualification and prevention methods // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2022. – No. 2 (141). – P. 115–119.
4. Gedgafov M.M. Countermeasures against cyber-terrorist threats in the context of globalization of the information space // Gaps in Russian legislation. – 2021. – No. 4. – P. 112–115.
5. Gevorgyan E.M. Cyberterrorism as a threat to the information security of the Russian Federation // Skif. Issues of student science – 2021. – No. 6 (58). – P. 118–122.

Об эффективности производства неотложных следственных действий в современных условиях

Федюкина Анна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

На основе норм уголовно-процессуального законодательства, ведомственных нормативных правовых актов в научной статье рассмотрены факторы, влияющие на повышение эффективности неотложных следственных действий, производимых должностными лицами органов дознания. Автором подчеркивается важность применения современных технических средств и электронных ресурсов, обладающих искусственным интеллектом, при сборе и сохранении следов преступления. На разрешение ставится проблема технического оснащения правоохранительных органов, а также процессуальной и организационной подготовки сотрудников органов дознания, обладающих «эпизодической компетенцией» по производству неотложных следственных действий. На примере правоприменительной практики в статье приводятся положительные примеры использования возможности камер видеонаблюдения и иных технических средств на первоначальном этапе расследования преступлений. Делается вывод о необходимости дальнейшего законодательного регулирования применения современных технологий при производстве неотложных следственных действий.

Ключевые слова: неотложное следственное действие, орган дознания, техническое средство, место происшествия, следы, доказательство.

В современном уголовном процессе ключевую роль играют своевременность и быстрота собирания доказательств по уголовным делам. Напомним, что неотложные следственные действия призваны обеспечить незамедлительное обнаружение и фиксацию следов преступления, а также оперативный сбор доказательств по уголовным делам, подследственным следователям (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Они производятся, в десятисуточный срок с момента возбуждения уголовного дела, органами дознания, с последующей передачей материалов неотложного расследования соответствующему руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 157 УПК РФ).

Приоритетность неотложных следственных действий заключается в том, что полномочия на их осуществление принадлежат достаточно обширному кругу должностных лиц органов дознания, указанных в ст. 40 УПК РФ. К ним относятся все сотрудники органов внутренних дел (включая сотрудников полиции); должностные лица органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность; командиры воинских частей и иных воинских формирований, сотрудники органов принудительного исполнения ФССП России, органы государственного пожарного надзора, а также капитаны судов, находящихся в дальнем плавании; руководители геолого-разведочных партий и зимовок; главы дипломатических представительств. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 157 УПК РФ неотложные следственные действия вправе производить органы федеральной службы безопасности, начальники учреждений уголовно-исполнительной системы ФСИН России, таможенные органы и иные органы дознания, указанные в п.п. 1 и 8, ч. 3 ст. 151 УПК РФ.

Получается, что помимо своих прямых обязанностей, перечисленные должностные лица и органы несут дополнительную нагрузку, в виде неотложных следственных действий, необходимость в производстве которых возникает ввиду территориальной удаленности органов предварительного следствия от места происшествия.

Понятно, что в таких крупных городах как Москва и в других городах федерального или областного значения, в основном, отсутствует потребность в производстве неотложных следственных действий органами дознания. Однако, небольшие населенные пункты, поселки, деревни, отдаленные от районных центров лишены возможности экстренного выезда следователей на место происшествия, поэтому первыми обнаруживают признаки преступления рядовые сотрудники полиции

в лице участковых уполномоченных, сотрудников оперативных подразделений и иных служб органов дознания.

Основной особенностью неотложных следственных действий является то, что они могут производиться на ограниченной территории, либо на территории, значительно удаленной от мест расположения органов предварительного следствия. Так, согласно ч. 3 ст. 40 УПК РФ капитаны судов дальнего плавания, руководители геолого-разведывательных партий и зимовок вправе, на подконтрольной им территории, производить неотложное расследование.

Командир воинской части, как представитель органа дознания, уполномочен самостоятельно, либо уполномочивать своим приказом подчиненных ему военнослужащих, прошедших соответствующую юридическую подготовку, осуществлять неотложные следственные действия на территории соответствующей воинской части, соединения, гарнизона [1].

Встает вопрос, как можно облегчить работу перечисленных должностных лиц и с помощью чего можно повысить эффективность производства ими неотложных следственных действий?

На примере капитанов кораблей, можно предположить, что помимо правовой подготовки, такие субъекты должны обладать навыками и умениями в применении современного оборудования, технических и электронных ресурсов, а не только ограничиваться записями в судовой журнал, как это сказано в приказе Минтранса относительно действий капитана корабля, например [2]. Развитие информационных технологий и внедрение на судах различных приборов регистрации, камер видеонаблюдения, позволяет говорить, что эти устройства, при расследовании происшествия на судне, могут предоставить в будущее распоряжение следователя значительный объем объективной информации о совершенном преступлении. Поэтому, в процессе подготовки к проведению неотложного следственного действия капитан должен определить необходимые технические средства для максимального извлечения искомой информации.

В местах, связанных с опасностью для участников следственных действий, в зоне военных действий, горной местности и пр., целесообразно использовать ресурсы беспилотных летательных аппаратов, в том числе дронов, в целях фотофиксации и видеофиксации следов преступления. Возможности квадрокоптера позволяют лицу, проводящему осмотр места дорожно-транспортного происшествия, видеть обстановку на месте в реальном времени, ориентироваться с учетом обстоятельств на проведение того или иного дополнительного действия, регулировать дорожное движение на месте, оценивать масштабы произошедшего.

Одним из ключевых аспектов использования ресурсов современных технологий, в ходе производства неотложных следственных действий, является своевременная подготовка сотрудников ор-

ганов дознания, особенно тех, которые выполняют служебные задачи в особых условиях. В настоящее время, грамотно реализовать возможности электронных средств и оборудования может только специально обученное лицо. Однако, не все субъекты органов дознания обладают соответствующими знаниями. Кроме того, зачастую у них отсутствует опыт расследования преступлений, так как в силу занимаемой должности, они могут быть далеки от уголовного процесса и связанных с ним процедур.

Например, прежде чем использовать беспилотную аппаратуру, необходимо оценить ее технические характеристики, уровень заряда батареи, удостовериться в работоспособности фото и видео приборов, проверить связь беспилотного аппарата с компьютером или иным электронным устройством управления, определить границы зоны полета (зону места происшествия), разрешенную высоту съемки и пр. Стоит также учитывать действующие запреты на использование беспилотного воздушного технического средства в определенных зонах, установленных приказом Минтранса России от 11.05.2022 № 173 «Об установлении постоянных зон ограничения полетов и временных зарезервированных зон ограничения полетов» [3]. Для решения перечисленных задач требуются определенные навыки, так как в неотложной ситуации к помощи специалиста прибегнуть затруднительно.

Выходом из сложившейся ситуации является совершенствование профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, направленной на овладение навыками работы с беспилотными системами и оборудованием включая как теоретическую подготовку, так и практическую отработку приобретенных навыков и умений на тренажерах в условиях, приближенных к реальности.

Значимую роль при раскрытии преступлений «по горячим следам» играют камеры видеонаблюдения, которые фиксируют действия преступника и могут отследить его маршрут от места совершения преступления до места, где он пытается скрыться, что обеспечивает оперативное реагирование органов дознания и способствует качественному производству неотложных следственных действий.

Так, в августе 2025 года сотрудниками уголовного розыска УМВД России по г. Калуге по подозрению в грабеже задержан ранее судимый 23-летний местный житель. Просмотрев запись камер видеонаблюдения, оперативники установили личность подозреваемого и маршрут его передвижения. Выяснив, где тот может находиться, полицейские задержали молодого человека [4]. И таких примеров не мало.

Как следует из доклада начальника Главного управления на транспорте МВД России генерал-лейтенанта полиции Олег Калинкина: «только в первом полугодии 2025 года с использованием аппаратно-программных комплексов и систем видеонаблюдения раскрыто 305 преступлений, в том числе 23 – категории «прошлых лет» [5].

Вместе с тем, стоит отметить недостаточную законодательную урегулированность процессуального порядка использования современных технических ресурсов в ходе неотложного расследования. В УПК РФ не закреплено понятие «техническое средство», в результате чего, под ним можно подразумевать любое устройство, в том числе, предназначенное для копирования материалов уголовного дела участниками процесса (ч. 3 ст. 81.1 УПК РФ), изготовления протокола следственного действия (ч. 2 ст. 166 УПК РФ) либо, средство контроля за обвиняемым, находящимся под домашним арестом (ч. 14 ст. 107 УПК РФ) и пр. И только в нормах ч. 5 ст. 166 УПК РФ, ч. 6 ст. 164 УПК РФ, и некоторых других статьях уголовно-процессуального закона, правоприменитель может найти упоминание о технических средствах, применяемых для обнаружения, сбора и фиксации информации при производстве следственных действий.

Вместе с тем, в силу стремительного развития информационных технологий, требуется более тщательная проработка понятия и процессуального использования соответствующих технических ресурсов при производстве не только неотложных следственных действий, но и расследования в целом.

Необходимо дополнительно регламентировать особенности производства отдельных неотложных следственных действий, при производстве которых может быть задействована беспилотная аппаратура и иные современные технические устройства, на примере допроса, очной ставки и предъявления для опознания с использованием систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ). Речь может идти о более подробной регламентации производства следственного осмотра (ст. 177 УПК РФ), в ходе которого чаще всего возникает такая потребность.

Литература

1. Инструкция органам дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба» (утв. Генпрокуратурой РФ 05.06.2002) (ред. от 01.10.2003) // СПС Консультант Плюс.
2. Приказ Минтранса РФ от 23 ноября 2012 г. № 407 «Об утверждении Порядка и особенностей выполнения капитаном судна действий, не относящихся к процессуальным, в случае возбуждения уголовного дела публичного обвинения» // СПС Консультант Плюс.
3. Приказ Минтранса России от 11.05.2022 № 173 (ред. от 11.11.2024) «Об установлении постоянных зон ограничения полетов и временных зарезервированных зон ограничения полетов» (Зарегистрировано в Минюсте России

14.06.2022 № 68854) Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт // СПС Консультант Плюс.

4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения 15.09.2025).
5. В УТ МВД России по ЦФО подведены итоги оперативно-служебной деятельности за первое полугодие 2025 года. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_na_transporte/новости/item/67846157 (дата обращения 15.09.2025).

ON THE EFFECTIVENESS OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS IN MODERN CONDITIONS

Fedyukina A.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Based on the norms of criminal procedure legislation and departmental regulatory legal acts, the scientific article examines the factors influencing the effectiveness of urgent investigative actions carried out by officials of the bodies of inquiry. The author emphasizes the importance of using modern technical means and electronic resources with artificial intelligence in collecting and preserving traces of a crime. The issue of technical equipment of law enforcement agencies, as well as procedural and organizational training of employees of the bodies of inquiry, who have "episodic competence" to carry out urgent investigative actions, is being addressed. Using the example of law enforcement practice, the article provides positive examples of using the capabilities of unmanned systems, video surveillance cameras and other technical means at the initial stage of crime investigation. The conclusion is made about the need for further legislative regulation of the use of modern technologies in the production of urgent investigative actions.

Keywords: urgent investigative action, body of inquiry, technical means, scene of the incident, traces, evidence.

References

1. Instructions to the bodies of inquiry of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies in which military service is provided by law" (approved by the Prosecutor General's Office of the Russian Federation 05.06.2002) (as amended on 01.10.2003) // SPS Consultant Plus.
2. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated November 23, 2012 No. 407 "On approval of the Procedure and specifics of the execution by the captain of a vessel of actions not related to procedural in the event of a criminal case of public accusation" // SPS Consultant Plus.
3. Order of the Ministry of Transport of Russia dated 05/11/2022 No. 173 (as amended on 11/11/2024) "On the Establishment of Permanent flight Restriction Zones and Temporary Reserved flight restriction Zones" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 06/14/2022 No. 68854) Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Official website // SPS Consultant Plus.
4. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The official website. URL: <https://мвд.рф/> (accessed 09/15/2025).
5. The Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Central Federal District summed up the results of operational activities for the first half of 2025. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The official website. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_na_transporte/новости/item/67846157 (accessed 15.09.2025).

Исторический очерк уголовной ответственности за неисполнение приказа в отечественном законодательстве

Шиханов Сергей Николаевич,

аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: sergeynikolaevi4@mail.ru

Статья исследует историческое развитие правового регулирования уголовной ответственности за неисполнение приказа в России. Анализируется период с начала XVIII века, начиная с «Артикула воинского» 1715 года как первого систематизированного источника военно-уголовного права, через последующие воинские уставы Российской империи до Уголовных кодексов РСФСР раннего советского периода.

В работе прослеживается эволюция подходов к определению составов воинских преступлений, связанных с неподчинением (неисполнение, неповиновение, сопротивление), дифференциации ответственности в зависимости от формы вины, последствий и обстоятельств (боевая обстановка, военное время).

По результатам формулируется вывод о последовательном переходе от первоначального принципа жесткого и относительно недифференцированного наказания за любое неповиновение к более сложной, систематизированной и учитывающей различные факторы правовой модели, которая стремилась сбалансировать требования строгой воинской дисциплины с принципами гуманности, законности и справедливости, адаптируясь к меняющимся государственным и военным реалиям.

Ключевые слова: неисполнение приказа, уголовная ответственность, воинские преступления, Артикул воинский, Устав воинский, Уголовный кодекс РСФСР, история российского права, военное право, неповиновение, сопротивление.

Введение

Военный приказ как властное распоряжение начальника является фундаментальным элементом системы управления и функционирования любых вооруженных сил. Его неукоснительное исполнение выступает в качестве ключевого условия воинской дисциплины и субординации, без которых невозможно обеспечить боеспособность, организованность и эффективность действий армии. Нарушение этого принципа, в особенности в форме невыполнения или открытого отказа от выполнения приказа начальника, всегда рассматривалось как одно из наиболее серьезных воинских преступлений, способное повлечь самые тяжелые последствия как для отдельных воинских формирований, так и для безопасности всего государства.

В связи с этим, правовое регулирование исполнения военных приказов и установление ответственности за их неисполнение являлось одной из приоритетных задач законодателя на различных этапах развития российской государственности и ее вооруженных сил. Эволюция подходов к определению состава этого деяния, дифференциации ответственности в зависимости от обстоятельств и формы вины, а также изменению системы наказаний напрямую отражает как трансформацию структуры и задач армии, так и развитие отечественной правовой мысли.

Данная статья имеет целью проследить историческую эволюцию уголовной ответственности за неисполнение воинского приказа в российском законодательстве, начиная с периода первых кодификаций при Петре I и заканчивая правовыми актами середины XX века. Анализ ключевых законодательных источников позволит выявить основные этапы становления данного правового института, определить характерные черты регулирования ответственности в различные исторические эпохи и понять логику изменений, произошедших в подходах к обеспечению воинской дисциплины через механизмы уголовного права.

Основная часть

Во времена Древней Руси укреплению дисциплины в военных рядах и выполнению военных приказов способствовали отношения между племенами, в основе которых лежало безукоризненное подчинение старшему поколению.

Во времена феодальной раздробленности (XVII век) исполнение военных приказов было регламентировано кодексом чести и превознесением

клятвы верности (которую давал каждый солдат). Тех, кто уклонялся от исполнения военного приказа, подвергали различным наказаниям, а в некоторых случаях в качестве меры наказания назначалась смертная казнь. Вся военная деятельность периода феодальной раздробленности держалась на строгой дисциплине, а жесткая система наказаний способствовала обеспечению организованности и эффективности боевых действий.

Неисполнение военного приказа несло массу негативных последствий, не только для общественной безопасности, но и для целостности государства; к примеру, своевольное изменение дистанций и интервалов, открытие огня против воли главнокомандующего могло привести к поражению. Таким образом в XVII веке наблюдается усиление ответственности за выполнение военного приказа.

Период правления Петра I ознаменовался кардинальными преобразованиями во всех сферах жизни российского государства, ключевой из которых стало создание регулярной армии и флота. Эффективность новых вооруженных сил напрямую зависела от дисциплины и строгой субординации. В этих условиях возникла необходимость в создании комплексного военно-правового законодательства, четко регламентирующего обязанности военнослужащих и виды ответственности за их нарушения. Таким фундаментальным документом стал «*Артикул воинский*» 1715 года.

Артикул 27 отражает абсолютный приоритет выполнения приказа в военной среде. Законодатель эпохи Петра I не допускал никаких компромиссов, когда речь шла о сознательном саботаже или противостоянии воле начальника, мотивированном злостью или упрямством. Этот артикул устанавливал максимально суровую ответственность за наиболее опасный вид неподчинения. В его тексте прямо говорится: «Буде офицеру или салдату в его величества службе от начальника своего что управить повелено будет, а он того из злости или упрямства не учинит, но тому нарочно и с умыслом противиться будет, оный имеет хотя вышний, или нижний, всемерно живота лишен быть» [1].

Для квалификации по этому артикулу требовалось установить наличие прямого умысла на невыполнение приказа, а также мотива «из злости или упрямства». Наказание было безальтернативным и предусматривало высшую меру наказания – смертную казнь («живота лишен быть»). Требование беспрекословного подчинения распространялось на всех военнослужащих без исключения, закон не делал различий по рангу виновного, что было жизненно важно для слома старых представлений о службе и внедрения принципов жесткой централизованной воинской иерархии, где любые проявления своеволия высших или низших чинов, ведущие к саботажу приказа, должны были пресекаться самым решительным образом.

Уголовная ответственность в «Артикуле воинском» дифференцируется в зависимости от формы вины, законодатель понимал, что невыполнение приказа может быть вызвано и иными причи-

нами, не связанными со злым умыслом, что нашло отражение в Артикуле 28. Причинами неисполнения указываются пассивные состояния или качества виновного: «леность, глупость или медление». В этом случае наказание становится менее суровым и вариативным. Оно зависит от «состояния и важности дела», то есть от конкретных последствий невыполнения приказа. Предусмотрены такие санкции, как полное или временное отстранение от службы, а также снижение в звании («за рядового служить»). По сути, Артикул 28 регулирует ответственность за неисполнение приказа по неосторожности или из-за ненадлежащего исполнения обязанностей, что является важным шагом в развитии уголовного права.

«Артикул воинский» регулировал не только само невыполнение приказа, но и допустимое отношение к нему. Артикул 29 строго запрещал подчиненным критическое обсуждение или «непристойное разсуждение» об указах начальника. Законодательство было направлено на пресечение подрыва авторитета командиров и поддержание незыблемости их решений, особенно в условиях боевой обстановки.

При всей строгости запрета на критику и требования безусловного подчинения, нельзя согласиться с тем, что в это время в российском уголовном праве преобладала «концепция слепого повиновения», согласно которой «солдат должен не рассуждать, а только повиноваться всякому без разбора» [2, с. 126]. Артикул 30 все же предусматривал ограниченную возможность для подчиненных высказать свои соображения, если они считали, что это может улучшить ситуацию или предотвратить вред. Однако это не давало права на невыполнение приказа, а устанавливало строгую процедуру представления предложений. Артикул гласит: «Есть ли от вышних офицеров указами что повелено будет, а против того кто имеет припомнить нечто, чрез которое он чаёт его величества интересу более вспомоши, или опасаемое какое нещастие и вред отвратить, тогда он должен сие честно своему командиру донести, или когда он время к тому иметь может, мнение свое фелтмаршалу или генералу самому с покорностию объявить. Буде его припомнение не за благо изобретено будет, тогда долженствует он то чинить, что ему повелено» [1]. Таким образом, Артикул 30 не разрешал ослушание под видом разумной инициативы, но предусматривал ограниченную процедуру конструктивного взаимодействия, подтверждая при этом абсолютное право начальника принимать окончательное решение и требовать его исполнения.

Важной гарантией служили нормы, устанавливающие пределы послушания и даже обязывающие подчиненного не исполнять приказ начальника, если он противоречил основным принципам службы или являлся явно преступным. Данная норма была сформулирована в Артикуле 53 следующим образом: «Ежели кто из офицеров салдатам, под командою его сущим, что нибудь прикажет, которое к службе его величества не касается, и служ-

бе солдатской непристойно, тогда солдат не должен офицера в том слушать, и имеет сие в военном суде объявить; за сие оный офицер, по состоянию дела, от воинского суда накажется» [1].

Переходя к более серьезным случаям, «Артикул воинский» также четко устанавливал ответственность за исполнение приказов, содержащих в себе явное преступление. В таких ситуациях ответственность несли не только сторона, отдавшая приказ, но и та, что его исполнила. Наиболее ярким примером является Артикул 160, касающийся приказа о совершении убийства:

«Ежели кто кому прикажет кого смертно убить, оный також яко убийца сам имеет казнен быть смертию, а имянно голову ему отсечь» [1].

Данные нормы стали зачатками принципа ответственности за исполнение незаконного приказа, что является существенным элементом развития правовой мысли в России.

С течением времени, по мере эволюции государственного устройства и правовой мысли, нормы, касающиеся неисполнения приказа, претерпевали изменения, которые отражали меняющиеся представления о пределах власти и обязанностях в военной иерархии.

Идеи «Артикула воинского» получили дальнейшее развитие в последующих военно-правовых актах. Одним из значимых документов стал «Устав военно-уголовный» 1839 года. Являясь крупной кодификацией военно-уголовного права Российской

империи, он сохранил и развил многие базовые подходы «Артикула воинского», но при этом внес существенные коррективы, в частности, в систему наказаний и определение пределов повиновения.

В вопросе ответственности за неисполнение приказа Устав 1839 года, подобно «Артикулу воинскому», проводил различие между умышленным и неосторожным деянием, но существенно смягчил наказания, особенно за умышленное неисполнение. Если в 1715 году за злостное неповиновение полагалась смертная казнь (Артикул 27), то Устав 1839 года предусматривал менее репрессивные меры: лишение чинов до выслуги или лишение чинов и дворянского достоинства, или особых прав состояния; нижние чины наказывались шпицрутенами и ссылкой в арестантские роты на срок или пожизненно. Неосторожное неисполнение приказаний влекло за собой арест с содержанием на гауптвахте или с отрешением от должности [2].

На данном этапе делается значительный шаг в сторону гуманизации (отмены смертной казни за этот вид преступления) и дифференциации наказания в зависимости от статуса виновного.

Воинский устав о наказаниях 1868 года демонстрирует стремление к более детальной классификации деяний и соответствующей дифференциации наказаний, учитывая не только форму вины, но и обстоятельства совершения преступления, а также возможные или наступившие последствия (см. Таблица 1).

Таблица 1. Уголовная ответственности за неисполнение наказания по Воинскому уставу о наказаниях 1868 года [4, с. 24–25]

за неисполнение общих или лично до кого-либо относящихся приказаний начальника по нерадению или невнимательности, если дисциплинарное взыскание окажется не соответствующим важности вины (абз. 1 ст. 104).	отставлению от службы или отрешению от должности, или содержанию на гауптвахте от одного до трех месяцев; или же одиночному заключению в военной тюрьме от одного до четырех месяцев, или переводу в разряд штрафovaných (абз. 1 ст. 104).
за неисполнение же какого-либо важного по службе приказания, если от сего могли произойти вредные для службы последствия (абз. 2 ст. 104).	исключению из службы, или заключению в крепости от двух месяцев до одного года и четырех месяцев, или разжалованию в рядовые; или же лишению некоторых особых прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от одного года до двух лет, или одиночному заключению в военной тюрьме от двух месяцев и двух недель до четырех месяцев (абз. 2 ст. 104).
в виду неприятеля, когда неисполнение приказаний могло иметь важные последствия для безопасности армии, или влияние на успех предпринятой операции, или на успех снабжения армии или отряда боевыми, продовольственными или другими припасами (абз. 3 ст. 104)	как за неповиновение, на основании последующей статьи (абз. 3 ст. 104), т.е. подвергаются исключению из службы с лишением чинов, или заключению в крепости от одного года и четырех месяцев до четырех лет; или же лишению некоторых особых прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от двух до трех лет
за неповиновение, т.е. умышленное неисполнение приказаний начальника (ст. 105)	исключению из службы с лишением чинов, или заключению в крепости от одного года и четырех месяцев до четырех лет; или же лишению некоторых особых прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от двух до трех лет (ст. 105)
за сопротивление исполнению приказаний или распоряжений начальника, однако без употребления оружия или иного орудия в мирное время (п. «а» ст. 106)	лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до восьми лет, или ссылке в Сибирь на поселение, или заключению в крепости от двух лет и восьми месяцев до четырех лет; или же лишению некоторых особых прав и преимуществ и отдаче в дисциплинарные батальоны или роты от двух лет и шести месяцев до трех лет (п. «а» ст. 106)
за сопротивление исполнению приказаний или распоряжений начальника, однако без употребления оружия или иного орудия в военное время (п. «б» ст. 106)	лишению всех прав состояния и смертной казни, или ссылке в каторжную работу в рудниках без срока или на время от двенадцати до двадцати лет (п. «б» ст. 106)

за неисполнение общих или лично до кого-либо относящихся приказаний начальника по нерадѣнію или невнимательности, если дисциплинарное взыскание окажется не соответствующимъ важности вины (абз. 1 ст. 104).	отставленію отъ службы или отрѣшенію отъ должности, или содержанію на гауптвахтѣ отъ одного до трехъ мѣсяцев; или же одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ отъ одного до четырехъ мѣсяцев, или переводу въ разрядъ штрафованныхъ (абз. 1 ст. 104).
за сопротивление исполненію приказаний или распоряженій начальника, однако без употребленія оружія или инаго орудія въ виду непріятели (п. «в» ст. 106)	лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни разстрѣляніемъ (п. «в» ст. 106)

Во-первых, Устав регулировал неисполнение приказа, совершенное вследствие небрежности или невнимательности. Согласно нормам (абз. 1 и 2 ст. 104), ответственность за такое деяние наступала, если дисциплинарного взыскания было недостаточно, или если неисполнение касалось важного по службе приказа и могло повлечь вредные для службы последствия. Санкции за небрежное неисполнение варьировались от мер, близких к дисциплинарным (отставка, отрешение от должности, содержание на гауптвахте, одиночное заключение на срок до нескольких месяцев), до более строгих уголовных наказаний (исключение из службы, заключение в крепости, разжалование, направление в дисциплинарные батальоны/роты), тяжесть которых зависела от важности приказа и потенциальных последствий.

Во-вторых, Устав 1868 года продолжал дифференцировать ответственность по форме вины, выделяя умышленное неисполнение приказа – «неповоленіе» (ст. 105) в отдельную норму с более строгим наказанием.

В-третьих, Устав отдельно регулировал сопротивление исполнению приказаний (ст. 106), при этом в военное время санкции становились максимально суровыми, включая смертную казнь.

Кроме того, впервые вводится ответственность за подговор или подстрекательство к неисполнению приказа (ст. 112) [4, с. 26]. Это расширяло сферу уголовной ответственности, включая в нее лиц, непосредственно не совершающих неисполнение приказа, но активно способствующих его совершению другими. Данная норма является ярким примером развития представлений о соучастии в воинских преступлениях и стремления законодателя защитить воинскую иерархию и единоначалие от внутренних деструктивных влияний на более ранних стадиях.

Справедливо отмечает А.А. Щербаков: «достаточно отчетливо проявилась тенденция совершенствования законодательной техники и стремление к более четкому формулированию нормативных положений, затрагивающих, помимо прочего, и институт исполнения приказа» [5, с. 89].

В период дооктябрьской революции требования к дисциплине военнослужащих, в том числе требование об беспрекословном исполнении военного приказа, нашли свое отражение в законодательных актах, в следствии законодательное закрепление благоприятно отразилось на дисциплине армии, однако в тот же момент деятельность офи-

церов и главнокомандующих не была регламентирована законодательно, что повлекло проявление беззакония в отношении солдат (грубости, физические расправы, унижения).

Смена общественно-политического строя, произошедшая в России в 1917 году, неизбежно повлекла за собой коренное изменение правовой системы. Военное законодательство, в том числе нормы, регулирующие ответственность за воинские преступления, также подверглось существенному пересмотру. В условиях формирования Красной Армии и продолжающейся борьбы за власть потребовалось новое законодательное закрепление основ воинской дисциплины. Таким документом стал *Уголовный кодекс РСФСР 1922 года*, который включил в себя и раздел о воинских преступлениях.

Кодекс, подобно предшествующим Уставам, различал умышленное и неосторожное неисполнение. В силу ст. 202 УК РСФСР 1922 года «неисполнение военнотружачим приказа, законно отданного ему по службе начальником, карается лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией. То же деяние, совершенное в боевой обстановке, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет или высшей мерой наказания. Если неисполнение приказа было учинено по явной неосознанности или невежеству, то оно карается по правилам устава дисциплинарного» [6].

Главным отличием от дореволюционного законодательства (например, Устава 1839 или 1868 гг.) является возврат к возможности применения высшей меры наказания (смертной казни) за неисполнение приказа, но только в условиях боевой обстановки, что отражало жесткость военного времени и приоритет поддержания дисциплины в критических ситуациях. Кроме того, кодекс ввел новое понятие – «строгая изоляция», подчеркивая карательный характер лишения свободы. Важно и то, что неосторожное неисполнение при определенных условиях (неосознанность, невежество) выводилось из сферы уголовного права и становилось предметом дисциплинарной ответственности, что можно рассматривать как определенную гуманизацию или, по меньшей мере, более тонкое разграничение уголовно наказуемого и дисциплинарного проступка.

УК РСФСР 1922 года сохранил выделение сопротивления как особого, более тяжкого вида неповиновения. Санкция при этом отсылает к общей

норме УК РСФСР 1922 года, регулирующей сопротивление представителям власти (ст. 86). Особо жестко, как и в случае простого неисполнения, каралось сопротивление в боевой обстановке.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года продолжил регулировать ответственность за неисполнение приказа, внося при этом некоторые уточнения и изменения. Ст. 193.2 УК РСФСР 1926 года статья была посвящена сопротивлению [7]. В отличие от УК РСФСР 1922 года, который отсылал к общей норме о сопротивлении представителям власти, в новой редакции санкции изложены непосредственно в рамках воинских преступлений.

Согласно ст. 193.3 УК РСФСР 1926 года «неисполнение военным служащим законного приказа по службе, если это неисполнение имело место в боевой обстановке, влечет за собой применение меры социальной защиты в виде лишения свободы на срок не менее трех лет, а если оно повлекло за собой вредные последствия для боевых действий – высшую меру социальной защиты. Те же действия, совершенные не в боевой обстановке, влекут за собой применение меры социальной защиты – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года. Если неисполнение законного приказа было учинено по явной неосознанности, то применяются правила Устава дисциплинарного» [7].

В 1926 году законодатель посчитал необходимым связать крайнюю меру наказания не просто с фактом неисполнения в бою, а с его реальным негативным влиянием на ход боевых действий, что свидетельствует о более взвешенном подходе к применению смертной казни, хотя и сохраняет ее как потенциальную санкцию за особо опасные воинские преступления.

Примечательной особенностью УК 1926 года стало широкое использование терминологии «меры социальной защиты вместо традиционных наказаний, что было характерно для доминировавшей в тот период теории о роли права в защите интересов пролетарского государства.

В период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) большая работа командующих была направлена на поддержании дисциплины военнослужащих, укреплению боевого духа, однако в этом историческом этапе имелись и негативные явления, как усиление репрессий по отношению к военнослужащему, а также очень была очень тонкая черта между дисциплинарными проступками и воинскими преступлениями и др.

Следующим важным этапом в развитии советского военно-уголовного законодательства стал *Уголовный кодекс РСФСР 1960 года*. Этот кодекс, действовавший на протяжении нескольких десятилетий, во многом систематизировал и усовершенствовал нормы, регулирующие воинские преступления, основываясь на опыте применения предшествующих уголовных кодексов и уставов. Основное регулирование ответственности за неподчинение и неисполнение приказа в УК РСФСР 1960 года нашло отражение в ст. 238 («Непови-

новение») и ст. 239 («Неисполнение приказа») [8]. Такое разделение само по себе является важным шагом, позволяющим более точно квалифицировать действия виновного.

Под неповиновением понимался открытый отказ от исполнения приказа начальника, а равно иное умышленное неисполнение приказа, который карался лишением свободы на срок от одного года до пяти лет. Квалифицирующими признаками являлись совершение группой лиц либо повлекшее тяжкие последствия (п. «б» ст. 238) и неповиновение, совершенное в военное время или в боевой обстановке (п. «в» ст. 238). Максимальное наказание по п. «в» ст. 238 – смертная казнь.

Статья 239 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года регулировала ответственность за неисполнение приказа в более широком смысле, охватывая случаи, не подпадающие под признаки неповиновения (ст. 238), например, совершенные без явного отказа и без прямого умысла на противодействие, то есть, возможно, по неосторожности или вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей. Наказание за такой вид неисполнения было значительно мягче, чем за неповиновение: лишение свободы на срок от трех месяцев до трех лет, а при совершении деяния в военное время или в боевой обстановке – от трех до десяти лет лишения свободы.

Кроме этого, в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года произошло важное уточнение. Если в предшествующих советских кодексах говорилось о «сопротивлении исполнению приказа или распоряжения» (ст. 203 УК РСФСР 1922 года и ст. 193.2 УК РСФСР 1926 года), то в УК РСФСР 1960 года уголовно наказуемым становилось «сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей» [8].

В юридической литературе высказывались мнения об определенной фрагментарности и несовершенстве регулирования ответственности за неисполнение приказа, а также о недостаточной четкости определения пределов воинского повиновения [9, с. 399]. В частности, несмотря на длительные дискуссии и наличие отдельных норм, указывающих на недопустимость исполнения явно незаконных приказов, норма, прямо закрепляющая правомерность или даже обязанность подчиненного не исполнять любой незаконный приказ начальника (не только явно преступный или не относящийся к службе), так и не получила своего исчерпывающего законодательного закрепления в предшествующих кодификациях.

С принятием же Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, состав преступления, связанный с неисполнением приказа, нашел свое закрепление в статье 332 УК РФ и получил иную форму выражения. В отличие от ранее применявшихся конструкций, основной состав неисполнения приказа в части 1 статьи 332 УК РФ был сформулирован законодателем как материальный состав [10]. Таким образом, с точки зрения законодательной техники, был сделан акцент на общественную

опасность деяния, определяемую не только формой вины, но и фактически наступившими вредными последствиями.

Заключение

Таким образом, эволюция уголовной ответственности за неисполнение приказа в отечественном законодательстве представляет собой движение от относительно простых и крайне суровых норм петровской эпохи к более сложной, дифференцированной и систематизированной правовой модели, которая, адаптируясь к изменяющимся историческим условиям и правовым концепциям, стремилась найти оптимальный баланс между необходимостью поддержания жесткой воинской дисциплины и принципами законности, вины и справедливости. Период до середины XX века заложил основные структурные и содержательные основы для последующего развития законодательства в этой сфере.

Литература

1. Артикул Воинский с кратким толкованием и с процессами, напечатается повелением ея Императорского Величества. – Москва, 1804. – 147 с.
2. Шулепов, И.Н. Развитие института исполнения приказа в российском уголовном праве / И.Н. Шулепов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 629. – С. 124–135.
3. Устав военно-уголовный 1839 года // СВП. Ч. V. – СПб., 1839. – 127 с.
4. Свод военных постановлений 1869 года: гос. тип. 1879. Ч. 6: Военно-уголовные уставы. [Кн. 22–24]: (по 1 июля 1879 г.). – СПб., 1879. – 267 с.
5. Щербakov А.А. К вопросу о становлении института правовой регламентации оснований и порядка неисполнения незаконного приказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2018. – № 24. – С. 87–94.
6. Уголовный кодекс РСФСР 26 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 80. Ст. 153 (утратил силу).
7. Постановление ВЦИК 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г.» // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600 (утратил силу).
8. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1960. № 50. Ст. 462 (утратил силу).
9. Белик Ю. С. К вопросу о генезисе и дальнейшем развитии института уголовной ответственности военнослужащих за неисполнение приказа (распоряжения) / Ю.С. Белик, А.С. Ан-

дреев // Обществознание и социальная психология. – 2022. – № 9–2(39). – С. 395–401.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. 1996. Ст. 2954.

HISTORICAL OUTLINE OF CRIMINAL LIABILITY FOR NON-EXECUTION OF AN ORDER IN RUSSIAN LEGISLATION

Shikhanov S.N.

Kutafin Moscow State Law University

This article examines the historical development of the legal regulation of criminal liability for failure to comply with an order in Russia. The period from the beginning of the XVIII century is analyzed, starting with the "Military Article" of 1715 as the first systematic source of military criminal law, through subsequent military charters of the Russian Empire to the Criminal Codes of the RSFSR of the early Soviet period.

The paper traces the evolution of approaches to the definition of military crimes related to insubordination (non-performance, disobedience, resistance), differentiation of responsibility depending on the form of guilt, consequences and circumstances (combat situation, wartime).

Based on the results, a conclusion is drawn about the consistent transition from the initial principle of harsh and relatively undifferentiated punishment for any disobedience to a more complex, systematic and factor-based legal model that sought to balance the requirements of strict military discipline with the principles of humanity, legality and justice, adapting to changing state and military realities.

Keywords: non-fulfillment of an order, criminal liability, military crimes, Military Article, Military Charter, Criminal Code of the RSFSR, history of Russian law, military law, disobedience, resistance.

References

1. Artikel Voinskij s kratkim tolkovaniem i s processami, napechataetsja poveleniem eja Imperatorskago Velichestva. – Moscow, 1804. – 147 p.
2. Shulepov, I.N. The development of the institution of execution of orders in Russian criminal law / I.N. Shulepov // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. – 2011. – No 629. – P. 124–135.
3. Ustav voenno-ugolovnyj 1839 goda // SVP. Ch. V. – SPb., 1839. – 127 p.
4. Svod voennyh postanovlenij 1869 goda: gos. tip. 1879. Ch. 6: Voенно-ugolovnye ustavy. [Kn. 22–24]: (po 1 ijulja 1879 g.). – SPb., 1879. – 267 p.
5. Shherbakov A.A. On the issue of the establishment of the institution of legal regulation of the grounds and procedure for non-execution of an illegal order // News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences. – 2018. – No 24. – P. 87–94.
6. Ugolovnyj kodeks RSFSR 26 maja 1922 g. // Sbranie uzakonenij i rasporjazhenij RKP RSFSR. 1922. No 80. St. 153 (utratil silu).
7. Postanovlenie VCIK 22 nojabrja 1926 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo kodeksa RSFSR v redakcii 1926 g.» // Sbranie uzakonenij i rasporjazhenij RKP RSFSR. 1926. No 80. St. 600 (utratil silu).
8. Ugolovnyj kodeks RSFSR 1960 g. // Vedomosti S#ezda narodnyh deputatov RSFSR i Verhovnogo Soveta RSFSR. 1960. No 50. St. 462 (utratil silu).
9. Belik Ju.S. On the question of the genesis and further development of the institute of criminal liability of military personnel for non-fulfillment of orders / Yu.S. Belik, A.S. Andreev // Social Studies and social Psychology. – 2022. – No 9–2(39). – P. 395–401.
10. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 No 63-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. No 25. 1996. St. 2954.

Международно-правовые основы сотрудничества государств по обеспечению безопасности морского судоходства

Кривашенок Мирослав Петрович,

аспирант кафедры международного и интеграционного права
Российской академии народного хозяйства и гражданской
службы при Президенте РФ
E-mail: krivashenok2001@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу международно-правовых основ сотрудничества государств в сфере обеспечения безопасности морского судоходства. Исследуются универсальные и региональные международные договоры, а также роль Международной морской организации. Выявляются системные проблемы, включая киберугрозы, правовые вызовы автономного судоходства, неравенство потенциалов государств и сложности уголовного преследования. На основе сравнительно-правового, формально-юридического и системно-структурного методов доказываем, что существующая система требует адаптации к современным реалиям. Основная цель – выявление пробелов и разработка конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования, ключевым из которых является инициатива по разработке в рамках ИМО обязательного Международного кодекса по кибербезопасности. Делается вывод о необходимости развития новых обязательных режимов и усиления многоуровневого международного сотрудничества для противодействия современным вызовам.

Ключевые слова: международное морское право, безопасность морского судоходства, международная морская организация, сотрудничество государств, кибербезопасность, пиратство.

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной ролью морского судоходства в функционировании глобальной экономики. По данным ЮНКТАД, морским транспортом осуществляется свыше 80% объема мировой торговли, что делает его критически важным элементом международной экономической системы и устойчивого развития [1]. Однако глобализация и интенсивность судоходства сопровождаются ростом многообразных угроз, носящих транснациональный характер. Традиционные вызовы, такие как пиратство и вооруженный разбой на море, эволюционируют и сохраняют актуальность, о чем свидетельствует ситуация в Гвинейском заливе и в районе Африканского Рога [2, с. 48]. Параллельно с этим возникают принципиально новые риски, включая киберугрозы критической инфраструктуре портов и судов, использование морского пространства для финансирования терроризма, а также вызовы, связанные с развитием автономного судоходства. Ни одно государство, независимо от мощи его военно-морского флота или развитости правовой системы, не в состоянии эффективно противодействовать этим угрозам в одиночку. Это объективно обуславливает необходимость тесного международного сотрудничества.

Степень научной разработанности проблемы является высокой, однако динамично меняющаяся практика выявляет новые аспекты, требующие научного осмысления. Теоретической основой исследования выступают фундаментальные труды отечественных ученых в области международного морского права: В.Н. Гуцуляка, Г.Г. Иванова, Р.А. Клименко, С.А. Малинина. Среди зарубежных исследователей значительный вклад в разработку вопросов безопасности мореплавания внесли R. Churchill и A. Lowe, J. Kraska. Несмотря на значительный массив научных работ, большинство из них сосредоточено на анализе классических угроз и универсального регулирования. В меньшей степени проанализированы в системном ключе проблемы имплементации международных норм в национальные законодательства, вопросы гармонизации региональных режимов и, что важно, правовые механизмы в сфере противодействия киберугрозам и регулирования новых технологий. Таким образом, сохраняется потребность в исследованиях, направленных не только на констатацию, но и на выработку конкретных предложений по его совершенствованию с учетом современных вызовов.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ системы международно-правовых ос-

нов сотрудничества государств в обеспечении безопасности морского судоходства, выявление ее системных пробелов и коллизий в контексте современных вызовов и формулирование на этой основе конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования в указанной сфере.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частично-научные методы познания. Основными выступили формально-юридический метод (для анализа нормативного содержания международных конвенций и резолюций) и сравнительно-правовой метод (для сопоставления эффективности различных международных и региональных подходов к решению общих проблем). Также применялись системно-структурный метод (для рассмотрения международно-правового регулирования как целостной системы) и метод правового прогнозирования (при формулировании предложений по развитию права).

Ключевой категорией исследования является понятие «безопасность морского судоходства». Его сложность и многогранность обуславливают отсутствие единого, универсального и закрепленного в международном договоре определения. В различных правовых контекстах и доктринальных источниках его содержание может существенно варьироваться, что создает терминологическую неопределенность и потенциально затрудняет межгосударственное сотрудничество.

В современной международно-правовой доктрине и практике прочно утвердилась дифференциация двух аспектов безопасности, выраженная англоязычными терминами «safety» и «security», которые в русском языке часто передаются как «техническая безопасность» и «защита от актов незаконного вмешательства» соответственно [3, с. 15].

«Safety» относится к области предотвращения аварий, инцидентов и происшествий, вызванных непреднамеренными, техногенными или природными факторами. Этот аспект направлен внутрь судна и системы судоходства в целом. Его цель – минимизация рисков, связанных с конструкцией судов, их технической исправностью, профессиональной подготовкой экипажей, безопасностью мореплавания и защитой морской среды. Правовое регулирование «safety» в основном сосредоточено в рамках компетенции Международной морской организации (далее – ИМО) и воплощено в таких договорах, как Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (далее – СОЛАС), Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты (далее – ПДНВ), Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (далее – МАРПОЛ) [4].

«Security» нацелена на противодействие умышленным, злонамеренным противоправным актам, исходящим извне. Речь идет о защите судоходства как от традиционных угроз (пиратство, вооруженный разбой, терроризм, незаконный оборот наркотиков, работорговля), так и от современных

вызовов (кибератаки, использование морского пространства для финансирования терроризма). Правовой режим «security» формируется под эгидой ИМО. Прежде всего, Международный кодекс по охране судов и портовых средств (далее – Кодекс ОСПС), так и в рамках других институтов, включая Совет Безопасности ООН (борьба с пиратством и терроризмом) и национальных правоохранительных систем [5].

Несмотря на четкую концептуальную дифференциацию, на практике граница между «safety» и «security» становится все более размытой. Кибератака на систему навигации судна (акт, подпадающий под «security») может напрямую привести к кораблекрушению (инцидент «safety»). Авария танкера, вызванная технической неисправностью («safety»), может создать экологическую катастрофу, которую способны использовать террористические организации для шантажа или дестабилизации обстановки («security»). Таким образом, эти понятия находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, образуя комплексную систему обеспечения безопасности [6, с. 112].

Учитывая выявленную терминологическую лаку и комплексный характер современных угроз, представляется научно и практически обоснованным предложить следующее авторское определение:

«Безопасность морского судоходства» – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства и международного сообщества от совокупности внутренних и внешних угроз в морской сфере, достигаемое через комплекс взаимосвязанных мер правового, технико-технологического, организационного и оперативного характера, направленных на предотвращение аварийности и обеспечение надлежащей эксплуатации судов, безопасности человеческой жизни и защиты морской среды, включая защиту от актов незаконного вмешательства.

Данное определение интегрирует оба аспекта, подчеркивает их равную значимость и отражает комплексный подход, необходимый для эффективного международно-правового регулирования в XXI веке. Оно может служить концептуальной основой для дальнейшего совершенствования как международных, так и национальных правовых режимов.

Универсальный уровень международно-правового регулирования сотрудничества в области безопасности судоходства формируется вокруг системы многосторонних договоров, разработанных преимущественно под эгидой Международной морской организации. ИМО, как специализированное учреждение ООН, выполняет ключевую координирующую и нормотворческую функцию, выступая центром для выработки универсальных стандартов.

Ядро этой системы образуют несколько фундаментальных конвенций:

1. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74) является

краеугольным камнем режима технической безопасности (safety). Ее значение выходит далеко за рамки первоначальной цели предотвращения кораблекрушений. Глава XI-2 СОЛАС – 74 «Особые меры по повышению безопасности на море», введенная в 2002 году, делает прямым образом обязательным для государств-участников Кодекс ОСПС. Именно Кодекс ОСПС закладывает детализированные правовые основы международного сотрудничества в сфере security, обязывая договаривающиеся правительства обеспечивать разработку планов охраны судов и портовых средств, назначать офицеров по охране судна и компании, а также налаживать обмен информацией об угрозах между государствами [7, с. 91]. Таким образом, СОЛАС-74 трансформировалась из чисто технического документа в комплексный акт, опосредующий сотрудничество по противодействию противоправным актам.

2. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты вносит вклад в безопасность через «человеческий фактор». Она устанавливает унифицированные стандарты подготовки и квалификации моряков, что является обязательным условием не только для предотвращения аварий, но и для релевантного противодействия угрозам безопасности. Компетентный экипаж – это первый и ключевой элемент системы защиты судна от любых инцидентов, будь то ошибка в навигации или отражение атаки пиратов [8].

3. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов опосредует экологический аспект безопасности. Предотвращение преднамеренного или непреднамеренного загрязнения морской среды напрямую связано с защитой морских экосистем, которые являются критической инфраструктурой человечества. Кроме того, экологические катастрофы, вызванные авариями танкеров, могут быть использованы для дестабилизации обстановки в прибрежных государствах, что относит их к сфере гибридных угроз security.

Особое место в системе универсального регулирования занимает Конвенция ООН по морскому праву (далее – UNCLOS), по праву именуемая «конституцией морей». Она устанавливает всеобъемлющие рамки для любого вида деятельности в Мировом океане и содержит прямые нормы, обязывающие государства сотрудничать. Таким образом, UNCLOS служит общим правовым фундаментом, предоставляющим государствам права и налагающим на них обязанности, которые конкретизируются в специализированных конвенциях ИМО.

Однако универсальный уровень сталкивается с проблемами. К ним относятся: фрагментарность регулирования новых угроз, проблема «удобных флагов» и разный уровень имплементации стандартов ИМО в национальные законодательства, что создает правовые лакуны, используемые преступными группами.

Наряду с универсальным, стремительно развивается региональное и отраслевое сотрудничество, которое позволяет учитывать специфику конкретных районов мореплавания и оперативно реагировать на локальные вызовы. Это свидетельствует о многоуровневом характере современного правового регулирования.

Региональные режимы создаются для противодействия угрозам, наиболее актуальным в определенном географическом районе. Ярким примером являются Региональное соглашение о сотрудничестве по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии (далее – ReCAAP). Это первое в своем роде официальное многостороннее соглашение, учрежденное в 2006 году. Его ключевым элементом является создание Совместного координационного центра в Сингапуре, который служит узлом обмена информацией в режиме реального времени между государствами-участниками, что значительно повышает эффективность предупреждения и пресечения актов пиратства [9].

Отраслевое сотрудничество возникает в ответ на конкретные вызовы и часто санкционируется Советом Безопасности ООН в рамках его полномочий по гл. VII Устава ООН. Ярчайший пример – борьба с сомалийским пиратством.

Резолюции СБ ООН (например, 1816 (2008)) сыграли революционную роль, предоставив государствам, сотрудничающим с переходным федеральным правительством Сомали, право на преследование пиратов в территориальном море Сомали. Эти резолюции, по сути, временно изменили обычный режим юрисдикции в территориальном море, позволив военным кораблям иностранных государств действовать эффективно [10].

На основе мандатов были развернуты совместные военно-морские операции, такие как «Атланта» (ЕС), операция «Океанский щит» (НАТО). Правовой режим этих операций базируется на сложном переплетении международного права и национального права участвующих государств.

Данные формы сотрудничества демонстрируют гибкость международного права. Однако они же порождают различные проблемы: согласования действий различных сил, работающих под разными командами и правилами, а также сложности с передачей задержанных пиратов для судебного преследования, что требует заключения множества двусторонних соглашений.

Несмотря на развитую систему международно-правовых инструментов, динамичная природа угроз и быстрое технологическое развитие выявляют существенные пробелы и вызовы в существующем правовом регулировании, требующие безотлагательного внимания со стороны международного сообщества.

Все более глубокая цифровизация и автоматизация судоходства создают беспрецедентные уязвимости. Кибератака может привести к потере управления судном, манипуляциям с грузом или парализации работы порта, что представляет прямую угрозу безопасности человеческой жизни,

окружающей среде и экономической стабильности [11].

Основная проблема правового регулирования заключается в отсутствии обязательного международно-правового режима. Действующие документы ИМО, такие как Резолюция MSC.428(98) «Руководство по управлению киберрисками», носят сугубо рекомендательный характер. Они не устанавливают юридически обязательных стандартов кибербезопасности, не определяют четких требований к отчетности об инцидентах и не регламентируют вопросы юрисдикции и ответственности в киберпространстве. Это создает правовой вакуум и приводит к фрагментированному и зачастую неадекватному подходу к управлению киберрисками на уровне судоходных компаний и государств флага. Существующие конвенции, такие как СОЛАС, не охватывают кибер-инциденты, что делает необходимым разработку нового специализированного обязательного инструмента по аналогии с Кодексом ОСПС.

Развитие технологий автономного судоходства ставит под сомнение применимость целого ряда фундаментальных принципов и норм международного морского права, сформированных вокруг присутствия экипажа на борту судна.

Проблема определения статуса: Кто будет считаться «капитаном» или «морьяком» применительно к автономным судам? Как будет обеспечиваться выполнение требований ПДНВ?

Проблема применения конвенций: Требования таких конвенций, как СОЛАС, МППСС-72 (Международные правила предупреждения столкновений судов в море) и КОЛАП-72 (Конвенция о международных правилах предупреждения столкновений судов в море), исходя из наличия на мостике человека. Как автономные суда смогут выполнять требование «вести надлежащее визуальное наблюдение» или проявлять «добрую морскую практику»?

Проблема ответственности: В случае аварии или инцидента с участием автономных судов крайне сложно будет распределить ответственность между владельцем судна, оператором, разработчиком программного обеспечения и производителем оборудования [12, с. 75].

Устойчивой проблемой остается значительный разрыв в технических, финансовых и административных возможностях между развитыми и развивающимися государствами, особенно малыми островными государствами и государствами без выхода к морю. Многие страны не имеют адекватных ресурсов для:

- Эффективного выполнения функций государства порта и государства флага (проведение инспекций, расследование инцидентов).
- Создания и поддержания патрульных сил береговой охраны для мониторинга своих обширных исключительных экономических зон.
- Имплементации сложных требований конвенций ИМО в национальное законодательство и обеспечения их соблюдения [13].

Это неравенство создает «серые зоны» безопасности, где преступные элементы могут пользоваться слабостью национальных правовых и правоохранительных систем (феномен «удобных флагов» в части security, а не только safety). Это подрывает универсальность международного правового режима и требует усиления международного сотрудничества и кооперации.

Несмотря на развитие международного сотрудничества, сохраняются фундаментальные сложности в области уголовного преследования лиц, совершивших преступления в море, сложность сбора доказательств в морской среде.

Нежелание государств принимать задержанных пиратов или террористов для судебного преследования из-за высоких финансовых затрат, политических рисков и сложностей с репатриацией после отбытия наказания.

Коллизии юрисдикций: юрисдикция на море определяется сложным взаимодействием законов государства флага, государства гражданства преступников, прибрежного государства и универсальной юрисдикции (для пиратства). На практике это часто приводит к правовой неопределенности и бездействию [14].

Пробелы в квалификации: Действия морских террористов не всегда четко подпадают под классическое определение пиратства, которое требует, чтобы акт совершался в частных целях и в открытом море. Это создает сложности для привлечения их к ответственности.

Таким образом, современная система международно-правового регулирования, несмотря на свою развитость, демонстрирует ряд системных пробелов, обусловленных как появлением принципиально новых вызовов, так и сохраняющимися старыми проблемами, требующими инновационных правовых решений.

Выявленные системные пробелы и современные вызовы требуют не констатации, а выработки конкретных, научно обоснованных и практически реализуемых предложений по совершенствованию международно-правовой базы.

Целесообразно инициировать в рамках Комитета по безопасности на море ИМО процесс разработки комплексного обязательного правового инструмента – Международного кодекса по кибербезопасности морского судоходства, который будет принят в качестве поправки к СОЛАС-74. Это обеспечит его обязательную юридическую силу для всех государств-участников Конвенции и создаст единое правовое поле для противодействия киберугрозам.

Современные киберугрозы представляют системный риск для глобальной морской инфраструктуры, однако существующие руководства ИМО (в частности, Резолюция MSC.428(98)) носят рекомендательный характер и не обеспечивают должного уровня защиты. Фрагментарность национальных регуляторных подходов создает уязвимости в цепочке поставок и ограничивает эффективность

международного сотрудничества. Принятие обязательного кодекса позволит:

- Установить унифицированные стандарты киберзащиты для критических судовых систем;
- Четко распределить ответственность между государствами флага, порта и береговыми службами;
- Создать механизмы оперативного обмена информацией об инцидентах.

Разработка и принятие подобного документа в рамках ИМО представляет собой наиболее комплексный и системный ответ на современные вызовы в области морской безопасности. Реализация данного предложения потребует политической воли государств-членов ИМО и активного участия заинтересованных сторон отрасли, однако именно такой комплексный подход способен обеспечить релевантный уровень защиты критической морской инфраструктуры в цифровую эпоху.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что международно-правовое регулирование сотрудничества государств в обеспечении безопасности морского судоходства представляет собой сложную, многоуровневую и развитую систему, сформированную вокруг универсальных норм, закрепленных в конвенциях ИМО и дополненную региональными и отраслевыми режимами. Универсальный уровень задает глобальные стандарты в сфере как технической безопасности (safety), так и защиты от противоправных актов (security). Региональные соглашения и мандаты СБ ООН демонстрируют способность международного сообщества гибко и оперативно реагировать на специфические вызовы в различных районах мирового океана.

Вместе с тем, анализ выявил, что существующая система носит фрагментированный характер и отстает от динамично развивающихся угроз. Ключевыми проблемами являются отсутствие обязательного регулирования в области кибербезопасности, несмотря на принятие Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям в 2024 г.[15], она носит универсальный характер, ее положения напрямую не регулируют специфические риски кибербезопасности морской критической инфраструктуры. Правовая неопределенность в отношении автономных судов, сохраняющееся неравенство потенциалов государств и проблемы с осуществлением юрисдикции и преследованием преступников – эти пробелы снижают общую эффективность международного сотрудничества и создают уязвимости, которыми могут воспользоваться злоумышленники.

Таким образом, несмотря на существующие вызовы, международное право обладает необходимым потенциалом для развития и адаптации.

Дальнейшая конвергенция универсальных и региональных подходов, а также своевременное реагирование на технологические инновации являются залогом поддержания устойчивой и безопасной глобальной морской деятельности в будущем.

Литература

1. Обзор морского транспорта 2022 года [Электронный ресурс] // Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). – 2022. – URL: <https://unctad.org/rmt2022> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Клименко Р.А. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море: международно-правовые аспекты // Московский журнал международного права. – 2019. – № 3. – С. 45–62.
3. Churchill R. R., Lowe A.V. The Law of the Sea. – 3rd ed. – Manchester: Manchester University Press, 2022. – 524 p.
4. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) 1974 года [Электронный ресурс] // Международная морская организация (ИМО). – 1974. – URL: [https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-\(SOLAS\)-1974.aspx](https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-(SOLAS)-1974.aspx) (дата обращения: 14.09.2025).
5. Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС) [Электронный ресурс]: принят 12 декабря 2002 г. // Международная морская организация (ИМО). – 2002. – URL: <https://www.imo.org/ru/OurWork/Security/Pages/SOLAS-XI-2%20ISPS%20Code.aspx> (дата обращения: 14.09.2025).
6. Гуцуляк В.Н. Международное морское право: современные проблемы. – М.: Статут, 2018. – 543 с.
7. Малинин С.А. Правовое регулирование морской деятельности: избранные труды. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. – 321 с.
8. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты (ПДНВ) [Электронный ресурс] // Международная морская организация (ИМО). – 1978. – URL: <https://www.imo.org/en/OurWork/HumanElement/Pages/STCW-Convention.aspx> (дата обращения: 14.09.2025).
9. Региональное соглашение о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии (ReCAAP) [Электронный ресурс] // Центр обмена информацией ReCAAP P. – 2006. – URL: <https://www.recaap.org/> (дата обращения: 14.09.2025).
10. Резолюция 1816 (2008), принятая Советом Безопасности ООН на его 5902-м заседании 2 июня 2008 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2008. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1816\(2008\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1816(2008)) (дата обращения: 14.09.2025). – Загл. с экрана.
11. Pavliha M., Martinez L. Cyber Security and Cyber Defence in the Maritime Domain: A Review of

EU and International Law // Croatian Yearbook of European Law and Policy. – 2020. – Vol. 16. – P. 125–150.

12. Гришин С.В. Правовые вызовы автономного судоходства: взгляд в будущее // Транспортное право. – 2022. – № 1. – С. 70–78.
13. Hiranandani V. Modern Maritime Law: Volume 3: Marine Pollution and the Law of the Sea. – L.: Informa Law from Routledge, 2021. – 345 p.
14. Ковалев А.А. Современное международное право о борьбе с пиратством и вооруженным разбоем на море // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – № 4. – С. 112–120.
15. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [Электронный ресурс]: [принята резолюцией 78/247 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 мая 2024 г.] // Организация Объединенных Наций. – 2024. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-21&chapter=18&clang=_ru (дата обращения: 14.09.2025).

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR STATE COOPERATION IN ENSURING MARITIME NAVIGATION SECURITY

Krivashenok M.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to a comprehensive analysis of the international legal framework for state cooperation in ensuring the safety of maritime navigation. It examines universal and regional international treaties, as well as the role of the International Maritime Organization. The article identifies systemic issues, including cyber threats, legal challenges of autonomous navigation, disparities in state capabilities, and difficulties in criminal prosecution. Based on comparative legal, formal legal, and systemic-structural methods, the article argues that the existing system requires adaptation to modern realities. The main goal is to identify gaps and develop specific proposals for improving legal regulation, with a key focus on the IMO's initiative to develop a mandatory International Code on Cybersecurity. The paper concludes that there is a need to develop new mandatory regimes and strengthen multilevel international cooperation to address current challenges.

Keywords: international maritime law, maritime security, International Maritime Organization, state cooperation, cybersecurity, piracy.

References

1. Review of Maritime Transport 2022 [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). – 2022. – URL: <https://unctad.org/rmt2022> (date of access: 14.09.2025).
2. Klimenko R.A. Combating Piracy and Armed Robbery at Sea: International Legal Aspects // Moscow Journal of International Law. – 2019. – No. 3. – Pp. 45–62.
3. Churchill R. R., Lowe A.V. The Law of the Sea. – 3rd ed. – Manchester: Manchester University Press, 2022. – 524 p.
4. International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS), 1974 [Electronic resource] // International Maritime Organization (IMO). – 1974. – URL: [https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-\(SOLAS\),-1974.aspx](https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-(SOLAS),-1974.aspx) (date of access: 14.09.2025).
5. International Ship and Port Facility Security Code (ISPS Code) [Electronic resource]: adopted on 12 December 2002 // International Maritime Organization (IMO). – 2002. – URL: <https://www.imo.org/ru/OurWork/Security/Pages/SOLAS-XI-2%20ISPS%20Code.aspx> (date of access: 14.09.2025).
6. Gutsulyak V.N. International Maritime Law: Modern Problems. – Moscow: Statut, 2018. – 543 p.
7. Malinin S.A. Legal regulation of maritime activities: selected works. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2019. – 321 p.
8. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers (STCW) [Electronic resource] // International Maritime Organization (IMO). – 1978. – URL: <https://www.imo.org/en/OurWork/HumanElement/Pages/STCW-Convention.aspx> (date of access: 14.09.2025).
9. Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia (ReCAAP) [Electronic resource] // ReCAAP Information Exchange Center. – 2006. – URL: <https://www.recaap.org/> (date of access: 14.09.2025).
10. Resolution 1816 (2008), adopted by the UN Security Council at its 5902nd meeting, on 2 June 2008 [Electronic resource] // United Nations. – 2008. – URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1816\(2008\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1816(2008)) (date of access: 14.09.2025). – Title from the screen.
11. Pavliha M., Martinez L. Cyber Security and Cyber Defence in the Maritime Domain: A Review of EU and International Law // Croatian Yearbook of European Law and Policy. – 2020. – Vol. 16. – P. 125–150.
12. Grishin S.V. Legal Challenges of Autonomous Shipping: A Look into the Future // Transport Law. – 2022. – No. 1. – P. 70–78.
13. Hiranandani V. Modern Maritime Law: Volume 3: Marine Pollution and the Law of the Sea. – L.: Informa Law from Routledge, 2021. – 345 p.
14. Kovalev A.A. Modern International Law on Combating Piracy and Armed Robbery at Sea // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2021. – No. 4. – P. 112–120.
15. United Nations Convention against Cybercrime: Strengthening International Cooperation to Combat Certain Offences Committed through Information and Communications Systems and in the Exchange of Evidence in Electronic Form Relating to Serious Crimes [Electronic resource]: [adopted by UN General Assembly resolution 78/247 of 25 May 2024] // United Nations. – 2024. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-21&chapter=18&clang=_ru (date accessed: 14.09.2025).

Кузьменко Светлана Сергеевна,

доцент кафедры международной экономики, ФГБОУ ВО
«Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: svetlanakuzmenko@mail.ru

В статье исследованы особенности мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности. Подтверждается приоритетность оценки показателей объема, результативности и структуры международной торговли мебелью, учитывая основные конъюнктурообразующие факторы мирового рынка мебели, в т.ч. мебельного рынка Российской Федерации. Представлены результаты совершенствования предмета исследования, интегрируя стратегические аспекты функционирования мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности и рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке мебели.

Ключевые слова: мировой рынок, международная торговля, рынок мебели, конъюнктура, ESG-стратегия, геополитическая турбулентность, цифровизация отрасли.

В условиях геополитической турбулентности основные тенденции функционирования хозяйствующих субъектов на мировом рынке мебели представлены следующими общими характеристиками: инновационные технологии в мебельной индустрии: повышение комфорта и функциональности; умные домашние системы; интеграция USB-портов и беспроводной зарядки; складывающиеся и модульные решения; эргономика и поддержка здоровья; 3D-печать и новые материалы; тренды в мебельном дизайне, ориентированные на устойчивость и экологичность; использование экологически чистых материалов; модульная и долговечная мебель; мебель с нулевым отходом; энергосберегающие и солнечные технологии; упаковка и транспортировка и др.

Основные тенденции функционирования российских предприятий на мировом рынке мебели в условиях геополитической турбулентности представлены следующими характеристиками: рост объемов продаж мебели посредством российских онлайн-ритейлеров и маркетплейсов; повышенный спрос на услуги по ремонту и реставрации мебели, т.е. стремление потребителей к экономии в силу инфляции и роста цен на новую мебель; актуализация производства российскими предприятиями мебели на заказ; выраженный запрос на экологичность российского производства мебели со стороны миллениалов и зумеров, чтобы мебельный бизнес следовал принципам ESG-стратегии (environment, social, governance), и др., что в совокупности приобретает особую значимость и подтверждает актуальность и необходимость исследований.

Особенности международной торговли мебелью рассмотрели следующие отечественные и зарубежные ученые: Иваненко И.А., Аблязова С.Н. [1, с. 98–102], Аджимет Г.Х. [2, с. 195–200], Строков К.А., Рожкова Л.В. [3, с. 247–251], Калинина А.А. [4, с. 98–102], Прокопьева Н.В., Черкашина М.В. [5, с. 43–53], Афанасьева Е.С., Михалев Д.А. [6, с. 26–28] и др. Вопросы конкурентоспособности предприятий Российской Федерации на мировом рынке мебели исследовали Васильев А., Куксов И., Швец Ю., Шестаков А. [7] и др. Отсутствует комплексная оценка показателей функционирования мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности, что подтверждает актуальность и необходимость дальнейших исследований научного вопроса.

Целью работы является исследование мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности. Основа логики исследования содержит сочетание теоретического и эмпирического анализа воздействия комплекса конъюнктурных факто-

ров на мировой рынок, как специфики внешнеторговой деятельности предприятий на рынке мебели в условиях глобальной геополитической турбулентности.

ОСНОВНЫЕ КОНЬЮНКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ МИРОВОГО РЫНКА МЕБЕЛИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ
Осознанное, рациональное потребление: на потребителей влияют рациональные причины при выборе и покупке мебели. Большинство покупателей меняет мебель по причине поломки или ее устаревания, докупают недостающие предметы интерьера. 2 основных фактора, влияющих на выбор магазина для покупки мебельных товаров, – это их стоимость и ассортимент, поэтому компаниям целесообразно уделять внимание конкурентоспособным ценам и наличию достаточного количества выбора товаров в своих магазинах
Фокус на ценовой политике и лояльности к магазину: пользователи стали реже покупать дорогостоящую мебель, что привело к снижению среднего чека. Потребители приддают значение цене; скидки, акции и распродажи остаются наиболее эффективными способами привлечения клиентов. С ростом онлайн-покупок становится важнее иметь отзывы от других покупателей о товарах. Бренды активно развивают коммуникацию с потребителями, работают над клиентским опытом
Экономия времени покупателя: пользователи обращаются за услугами дизайнеров интерьеров, чтобы сэкономить время на выборе и покупке мебели. Удобство формата и места покупки мебели остается важным фактором для аудитории. Тренд на оптимизацию процесса покупки и экономии времени становится актуальным. Несмотря на рост онлайн-покупок, большая часть покупок мебели осуществляется в офлайн-магазинах
Цифровизация процесса покупки: цифровизация отрасли является непрерывным трендом. Цифровизация связана с другими трендами и является инструментом для их реализации. Одно из основных векторов работы в этом направлении – улучшение юзабилити сайтов. Качество и удобство использования веб-сайта являются важными требованиями для потребителей. Становится популярным размещение товаров на маркетплейсах, которые предлагают дополнительные каналы распространения товара. На маркетплейсах представлены отдельные товары, которые отличаются от ассортимента на официальных сайтах брендов или являются суббрендами

Рис. 1. Основные конъюнктурообразующие факторы мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности

Составлено по данным [1, с. 98–102; 2, с. 195–200; 3, с. 247–251; 8]

Основные конъюнктурообразующие факторы мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности [1, с. 98–102; 2, с. 195–200; 3, с. 247–251; 8] представлена на рис. 1. Совокупность основных конъюнктурообразующих факто-

ров рынка мебели Российской Федерации в условиях геополитической турбулентности [4, с. 96–101; 5, с. 43–52; 6, с. 26–28; 9] представлена на рис. 2. Комплекс основных конъюнктурообразующих факторов мирового рынка мебели, в т.ч. мебельного рынка Российской Федерации, следует учитывать при расчёте показателей международной торговли мебелью и интерпретации результатов исследований.

Динамика основных показателей международной торговли мебелью в соответствии с номенклатурной позицией ГС ВТамО 94 «Мебель; постельные принадлежности, матрасы, основы матрацные, диванные подушки и аналогичные набивные принадлежности мебели; лампы и осветительное оборудование, в другом месте не поименованные или не включенные; световые вывески, световые таблички с именем или названием, или адресом и аналогичные изделия; сборные строительные конструкции» [10; 11, с. 65; 12, с. 54; 13] представлена в табл. 1.

ОСНОВНЫЕ КОНЬЮНКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА МЕБЕЛИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ
Увеличение денежной массы из-за инфляции
Удержание капиталов внутри страны
Увеличение количества новостроек, которые введутся в эксплуатацию
Рост потребительской лояльности к российским производителям мебели

Рис. 2. Основные конъюнктурообразующие факторы рынка мебели Российской Федерации в условиях геополитической турбулентности

Составлено по данным [4, с. 96–101; 5, с. 43–52; 6, с. 26–28; 9]

Таблица 1. Динамика основных показателей международной торговли мебелью в 2014–2023 гг., млрд долл.

Показатели / Годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изм. 2023 / 2014, %
Мировой экспорт мебели	239,48	234,88	225,6	237,2	254,46	257,57	261,02	315,71	306,26	268,14	+11,97
Мировой импорт мебели	215,21	210,33	213,93	229,48	244,02	238,62	227,92	281,13	278,63	222,67	+3,47
Мировой товарооборот	454,69	445,21	439,53	466,68	498,48	496,19	488,94	596,84	584,89	490,81	+7,94
Сальдо торгового баланса	24,27	24,55	11,67	7,72	10,44	18,95	33,1	34,58	27,63	45,47	+21,2 млрд долл.

Составлено по данным [14]

Наблюдается значительный рост объёмов мирового экспорта мебели в 2023 г. на 11,97% по сравнению с 2014 г. (до 268,14 млрд долл.), а также рост мирового товарооборота на 7,94% до 490,81 млрд.

долл. 2023 г. характеризуется ростом мирового импорта мебели на 3,47% по сравнению с 2014 г. до 222,67 млрд. долл. Сальдо торгового баланса имеет положительные значения [14]. Динамика объёмов экспорта мебели стран мира в 2014–2023 гг. [14] представлена в табл. 2.

Таблица 2. Динамика объёмов экспорта мебели стран мира в 2014–2023 гг., млрд долл.

Страны / годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изм. 2023 / 2014, %
Китай	93,37	98,53	87,51	88,97	95,45	99,06	109,37	139,48	130,89	121,47	+30,1
Германия	18,09	16,29	16,82	17,32	18,69	17,89	16,51	19,46	18,76	18,66	+3,15

Страны / годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изм. 2023 / 2014, %
Италия	14,4	12,81	13,02	13,66	14,65	14	12,65	15,88	16,05	15,8	+9,72
Мексика	9,67	9,9	10,36	10,68	10,6	10,3	9,11	11,07	12,78	12,9	+33,4
Польша	11,94	10,92	11,78	12,87	14,83	14,69	14,39	17,64	12,09	11,89	-0,42
США	11,84	11,56	11,02	10,81	10,84	10,22	8,48	9,25	10,09	10,06	-15,03
Канада	4,94	5,28	5,67	5,72	5,75	5,89	4,94	5,58	6,56	6,4	+29,56
Чехия	4,35	4,26	4,95	5,35	5,68	5,39	5,15	5,81	5,74	6,12	+40,69
Нидерланды	3,83	3,82	4	4,56	4,93	4,9	5,12	6,67	5,97	5,52	+44,13
Турция	3,06	2,85	н/д	2,89	3,48	3,87	3,9	н/д	5,26	5,15	+68,3
Франция	4,13	3,74	3,8	3,99	4,17	4,04	3,79	4,36	4,38	4,47	+8,23
Испания	3,28	3,03	3,42	3,65	3,83	3,91	3,47	4,34	4,25	4,45	+35,67
Великобритания	3,65	3,6	3,59	3,99	4,04	4,26	3,25	3,35	3,49	3,94	+7,95
Дания	2,94	2,69	2,77	2,92	3,08	3,07	3,15	3,91	3,7	3,45	+17,35
Литва	2,08	1,8	1,93	2,16	2,51	2,56	2,65	3,35	3,51	3,2	+53,85
Малайзия	2,87	2,67	2,58	2,65	2,74	3,11	3,46	3,47	3,62	3,15	+9,76
Румыния	2,71	2,44	2,61	2,71	2,98	2,97	2,56	2,93	3,06	3,08	+13,65
Швеция	2,99	2,6	2,52	2,68	2,85	2,72	2,78	3,14	2,89	2,78	-7,02
Португалия	2,06	1,89	2,02	2,2	2,48	2,23	1,96	2,28	2,29	2,59	+25,73
Индия	1,2	1,26	1,35	1,44	1,66	1,84	1,81	2,79	2,61	2,34	+95

Составлено по данным [14]

Основными странами-экспортёрами мебели являются Китай, Германия, Италия, Мексика, Польша, США, Канада, Чехия, Нидерланды, Турция, Франция, Испания, Великобритания, Дания, Литва, Малайзия, Румыния, Швеция, Португалия, Индия и др. Наблюдается положительная динамика исследуемого показателя в большинстве рассматриваемых стран за исключением Польши, США, Швеции.

Динамика объёмов импорта мебели странами мира в 2014–2023 гг. [14] представлена в табл. 3. Основными странами-импортёрами мебели являются США, Германия, Франция, Великобритания, Канада, Нидерланды, Япония, Испания, Швейцария, Австралия, Италия, Мексика, Чехия, Бельгия, Швеция, Дания, Норвегия, Китай, Польша, Словакия и др. Наблюдается рост объёмов исследуемого показателя в большинстве рассматриваемых стран за исключением Японии, Бельгии, Швеции, Норвегии, Китая, Польши.

Таблица 3. Динамика объёмов импорта мебели странами мира в 2014–2023 гг., млрд долл.

Страны / годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изм. 2023 / 2014, %
США	55,78	61,16	63,15	66,96	72,06	67,17	65,48	81,39	86,74	69,01	+23,72
Германия	21,28	19,33	20,33	20,66	21,76	21,11	21,19	25,66	24,58	22,7	+6,67
Франция	10,59	9,6	10,16	11,01	11,99	11,86	11,4	14,74	14,48	13,1	+23,7
Великобритания	11,4	11,46	11,11	11,59	11,78	11,87	10,55	14,17	14,47	12,54	+10
Канада	9,22	8,74	8,78	9,27	9,34	9,18	8,29	9,9	10,64	9,56	+3,69
Нидерланды	5,13	5,11	5,54	6,38	7,24	7,53	7,94	10,22	9,56	8,28	+61,4
Япония	8,24	7,5	7,61	7,82	8,16	8,35	8,06	8,96	8,8	7,93	-3,76
Испания	4	3,89	4,19	4,42	4,8	4,63	4,21	5,55	5,52	5,27	+31,75
Швейцария	4,72	4,31	4,31	4,39	4,62	4,43	4,54	5,32	5,19	5,17	+9,53
Австралия	4,42	4,39	4,29	4,61	5,12	4,81	5	6,36	6,73	5,09	+15,16
Италия	3,82	3,51	3,72	3,89	4,22	3,94	3,68	4,85	5,19	4,89	+28,01
Мексика	3,78	3,88	3,75	3,83	4	3,76	3,02	4,05	4,61	4,4	+16,4
Чехия	2,38	2,46	2,91	3,39	3,65	3,57	3,34	4,07	4,07	4,31	+81,09
Бельгия	3,61	2,82	2,9	2,93	3,08	3,06	2,97	3,75	3,55	3,28	-9,14

Страны / годы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Изм. 2023 / 2014, %
Швеция	3,21	2,98	3,05	3,35	3,49	3,35	3,4	4,31	4,11	3,19	-0,62
Дания	2,26	2,1	2,1	2,32	2,55	2,52	2,64	3,54	3,4	2,84	+25,66
Норвегия	3,26	2,86	2,84	3,09	3,06	3,01	2,85	3,4	3,32	2,75	-15,64
Китай	3,37	3,23	3,22	3,7	3,97	3,52	2,9	3,2	2,83	2,45	-27,3
Польша	2,63	2,49	2,66	3,22	3,84	3,98	4,11	5,71	2,56	2,21	-15,97
Словакия	1,44	1,5	1,79	1,89	2,25	2,39	1,94	2,18	2,1	2,13	+47,92

Составлено по данным [14]

Изменение географической структуры международной торговли на исследуемом рынке харак-

теризуется экспортными и импортными потоками в контексте региональной (территориальной) направленности и времени (рис. 3) [14].

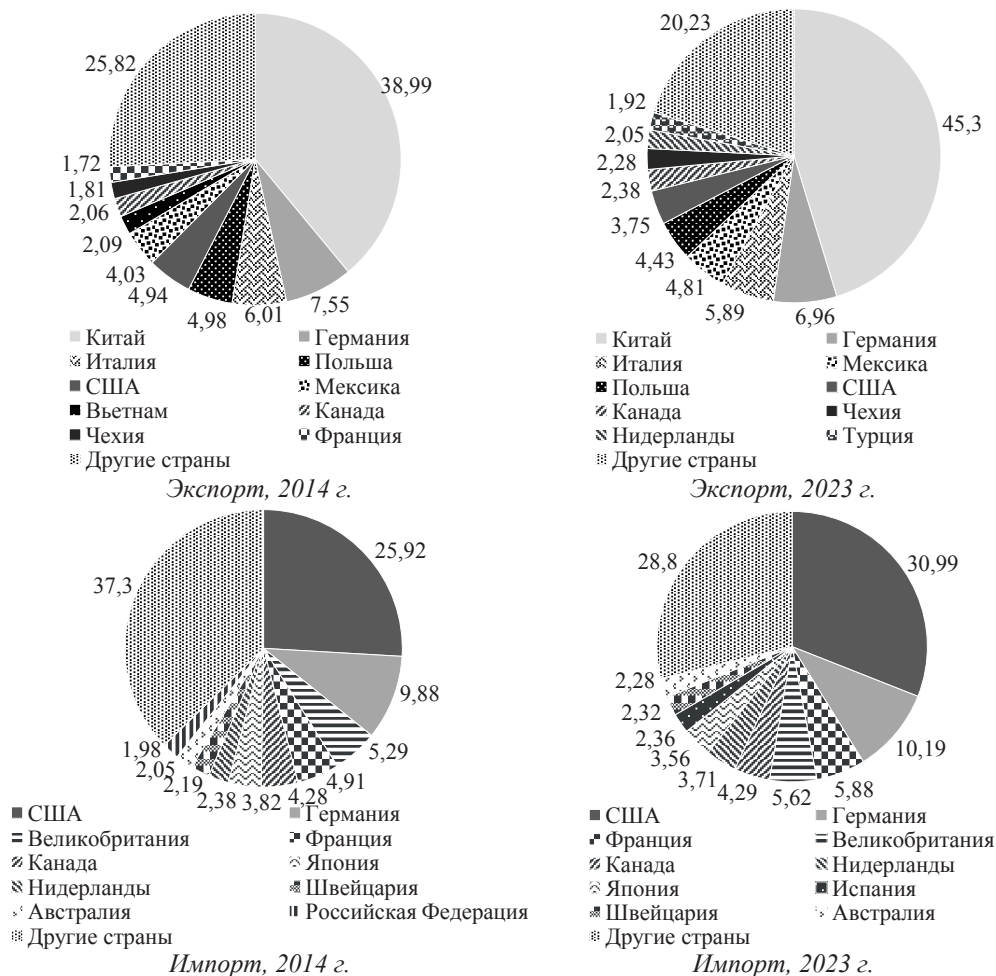

Рис. 3. Изменение географической структуры международной торговли на рынке мебели в 2014–2023 гг., %

Составлено по данным [14]

В 2023 г. экспортная структура международной торговли на рынке мебели представлена следующими странами: Китай (45,3%), Германия (6,96%), Италия (5,89%), Мексика (4,81%), Польша (4,43%), США (3,75%), Канада (2,38%), Чехия (2,28%), Нидерланды (2,05%), Турция (1,92%) и др. По сравнению с 2014 г. наблюдается увеличение доли большинства рассматриваемых стран в экспортной структуре международной торговли мебелью за исключением Германии, Италии, Польши, США и др.

В 2023 г. импортная структура международной торговли на рынке мебели представлена следую-

щими странами: США (30,99%), Германия (10,19%), Франция (5,88%), Великобритания (5,62%), Канада (4,29%), Нидерланды (3,71%), Япония (3,56%), Испания (2,36%), Швейцария (2,32%), Австралия (2,28%) и др. По сравнению с 2014 г. наблюдается увеличение доли большинства рассматриваемых стран в импортной структуре международной торговли мебелью за исключением Японии и др.

Наблюдается значительный рост объемов российского экспорта мебели, а также рост российско-го внешнеторгового оборота мебели, что в совокупности подтверждает положительную динамику, является благоприятной тенденцией. Внешнеторговое сальдо сохраняется отрицательным, т.е. внеш-

няя торговля мебелью Российской Федерации характеризуется превышением объёмов импорта над объёмами экспорта, что является неблагоприятной тенденцией, показывает импортную зависимость страны по исследуемым товарным позициям. Наблюдается положительное изменение значений внешнеторгового сальдо [15]. Российский экспорт мебели представлен следующими основными географическими векторами: Казахстан, Беларусь, Германия, США, Италия и др. Российский импорт представлен следующими основными географическими векторами: Китай, Беларусь, Италия, Южная Корея, Германия, Польша, США, Турция и др. Внешняя торговля предприятий Российской Феде-

рации на рынке мебели характеризуется как неэффективная. Динамика показателя имеет характер колебаний ежегодных темпов роста.

Реализация перспективных направлений совершенствования функционирования мирового рынка мебели актуализируется в соответствии с основными стратегическими аспектами функционирования исследуемого рынка в условиях геополитической турбулентности (табл. 4): влияние мировых тенденций на рынке мебели; учёт потребительских предпочтений; инновационный вектор развития предприятий отрасли; цифровая трансформация рынка; социальная ответственность бизнеса и др.

Таблица 4. Стратегические аспекты функционирования мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности

Аспекты	Компоненты
Влияние мировых тенденций рынка мебели	Реализация перспективных направлений совершенствования функционирования мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности относительно основных составляющих: объёмы рынка; результативность международной торговли; структура мирового рынка; финансовые результаты
Учёт потребительских предпочтений	1. Тщательная проработка ассортиментной политики предприятий на рынке мебели. 2. Расширение ассортимента предприятиями рынка мебели, что позволяет удовлетворить предпочтения потребителей и размывает границы между категориями
Инновационный вектор развития предприятий отрасли	1. Внедрение новых технологий и проведение технологических исследований относительно тестирования качества мебели. 2. Актуализация сектора высоких технологий на рынке мебели, что ведёт к реструктуризации отрасли в силу конкурентоспособности продукции на мировом рынке, в т.ч. предложение предприятиями отрасли инновационных технологий в мебельной индустрии (повышение комфорта и функциональности; умные домашние системы; интеграция USB-портов и беспроводной зарядки; складывающиеся и модульные решения; эргономика и поддержка здоровья; 3D-печать и новые материалы)
Цифровая трансформация рынка	1. Расширение каналов реализации мебели (онлайн-магазин и другие каналы продаж). 2. Развитие продаж мебели и сопутствующих товаров в цифровом пространстве, что ведёт к увеличению количества продавцов, расширению и усложнению спектра применяемых бизнес-моделей, размывает границы между каналами цифровых продаж
Социальная ответственность бизнеса	1. Повышение осведомлённости о происхождении исследуемых товаров и цепочках их поставок. 2. Контроль сертификации продукции на мировом рынке мебели и соответствующие проверки качества продукции мебельной отрасли на мировом рынке. 3. Поддержка инициатив экологичности и устойчивого развития предприятий на рынке мебели (тренды в мебельном дизайне, ориентированные на устойчивость и экологичность; использование экологически чистых материалов; модульная и долговечная мебель; мебель с нулевым отходом; энергосберегающие и солнечные технологии)

Составлено автором

Рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке мебели представлены в табл. 5. Следует уточнить, что реализация направлений повышения эффективности внеш-

ней торговли Российской Федерации на рынке мебели имеет рекомендательный характер в условиях неоднородности и асимметрии макроэкономического развития стран, глобальной геополитической турбулентности, а также мировой многополярности.

Таблица 5. Рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке мебели

Аспекты	Рекомендации
Объёмы рынка	Сохранение положительной динамики внешней торговли мебелью Российской Федерации посредством дальнейшего роста объёмов российского экспорта и дальнейшего уменьшения российского импорта мебели, дальнейшего роста объёмов внешнеторгового оборота мебели
	Обеспечение дальнейшего увеличения объёмов российского экспорта мебели посредством учёта базовых прогнозных сценариев роста показателей при планировании финансовых результатов хозяйствующих субъектов
Результативность торговли	Постепенное преодоление импортной зависимости российских предприятий на рынке мебели посредством стабилизации ежегодных значений и сохранения положительной динамики внешнеторгового сальдо

Аспекты	Рекомендации
Структура внешней торговли	Сглаживание структурного дисбаланса во внешней торговле мебелью посредством дальнейшего наращивания объёмов экспорта мебели российскими предприятиями отрасли
	Оптимизация географической структуры внешней торговли российских предприятий на рынке мебели посредством дальнейшего наращивания объёмов экспорта в Италию, Польшу, Узбекистан, Литву, Армению и др.; постепенного роста доли экспорта мебели в Казахстан, Беларусь, Германию; постепенного уменьшения объёмов российского импорта мебели из Китая, США, Чехии
	Оптимизация товарной структуры внешней торговли российских предприятий на исследуемом рынке посредством дальнейшего роста доли экспорта мебели для сидения, трансформируемой или не трансформируемой в кровати, и её частей; основ матрацных; принадлежностей постельных и аналогичных изделий мебелировки с пружинами или набитых любыми материалами или состоящих из пористой резины или пластмасс; мебели прочей и её частей; постепенного роста доли экспорта конструкций строительных сборных; ламп и осветительного оборудования, включая прожекторов, ламп узконаправленного света, фар и их частей, в другом месте не поименованных или не включённых; световых вывесок, световых табличек с именем или названием, или адресом и аналогичных изделий, имеющих постоянный источник освещения; мебели медицинской, хирургической, стоматологической или ветеринарной; парикмахерских кресел и аналогичных кресел с приспособлениями для вращения, а также наклонных и поднимающихся; частей вышеизложенных позиций
Финансовые результаты	Постепенное достижение эффективного уровня внешней торговли российских предприятий на рынке мебели посредством преодоления динамики колебаний ежегодных темпов роста показателя, сохранения положительной динамики в долгосрочном периоде
	Сохранение положительной динамики значений выручки ООО «Мебельная фабрика Мария», ООО Производственная компания «Ангстрем», ЗАО «Первая мебельная фабрика», ООО «Глазовская мебельная фабрика», ООО «Живые диваны»; преодоление негативной динамики значений выручки АО «Мебельная компания «Шатура», ООО «Витра»; сохранение положительной динамики значений чистой прибыли ООО «Мебельная фабрика Мария», ООО Производственная компания «Ангстрем», ООО «Живые диваны»; преодоление негативной динамики чистой прибыли ЗАО «Первая мебельная фабрика», ООО «Глазовская мебельная фабрика» посредством адаптации комплекса мер по модернизации производства мебели, роста объёмов инвестиций, в т.ч. в НИОКР, оптимизации географии внешней торговли российских предприятий на рынке мебели, позиционирования брендов и соответствия потребительским предпочтениям

Составлено автором

Таким образом, обобщая материалы исследования мирового рынка мебели в условиях геополитической турбулентности, целесообразно заключить следующие выводы:

1. Основными конъюнктурообразующими факторами мирового рынка мебели являются следующие: осознанное, рациональное потребление; фокус на ценовой политике и лояльности к магазину; экономия времени покупателя; цифровизация процесса покупки. Конъюнктурообразующие факторы рынка мебели Российской Федерации: увеличение денежной массы из-за инфляции; удержание капиталов внутри страны; увеличение количества новостроек, которые введутся в эксплуатацию; рост потребительской лояльности к российским производителям мебели.

2. Наблюдается значительный рост объёмов мирового экспорта мебели, а также рост мирового товарооборота, что в совокупности подтверждает положительную динамику и является благоприятной тенденцией. Сальдо торгового баланса имеет положительные значения. Динамику исследуемого результирующего показателя следует охарактеризовать как положительную. Внешняя торговля предприятий Российской Федерации на рынке мебели характеризуется как неэффективная.

3. В условиях геополитической турбулентности перспективные направления совершенствования функционирования мирового рынка мебели включают следующие компоненты: сохранение поло-

жительной динамики международной торговли мебелью посредством дальнейшего роста объёмов мирового экспорта и мирового товарооборота, постепенного уменьшения объёмов мирового импорта мебели; сохранение положительных значений сальдо торгового баланса и положительной долгосрочной динамики посредством дальнейшего роста мировых объёмов экспорта мебели, постепенного уменьшения объёмов мирового импорта мебели; дальнейшее сохранение структурного баланса в международной торговле мебелью посредством дальнейшего роста объёмов экспорта предприятий на рынке мебели; оптимизация географической структуры международной торговли на рынке мебели посредством дальнейшего наращивания объёмов экспорта Китая, Мексики, Канады, Чехии, а также Нидерландов, Турции; постепенного роста доли экспорта мебели Германии, Италии, Польши, США и др.; постепенного уменьшения объёмов импорта мебели из Франции, Великобритании, Испании, Швейцарии, Австралии посредством адаптации комплекса мер по оптимизации географии международной торговли мебелью; цифровизации мировой мебельной отрасли; привлечению инвестиций, в т.ч. в НИОКР; геолокации ТНК; геосегментации мирового рынка мебели; геопозиционированию мебели, в т.ч. сопутствующей продукции и соответствующего сырья, на основе комплекса геомаркетинга и т.п.

4. Рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке мебели содер-

жат следующие составляющие: сохранение положительной динамики внешней торговли мебелью Российской Федерации посредством дальнейшего роста объёмов российского экспорта и дальнейшего уменьшения российского импорта мебели, дальнейшего роста объёмов внешнеторгового оборота мебели; постепенное преодоление импортной зависимости российских предприятий на рынке мебели посредством стабилизации ежегодных значений и сохранения положительной динамики внешнеторгового сальдо; сглаживание структурного дисбаланса во внешней торговле мебелью посредством дальнейшего наращивания объёмов экспорта мебели российскими предприятиями отрасли; оптимизация географической структуры внешней торговли российских предприятий на рынке мебели посредством дальнейшего наращивания объёмов экспорта в Италию, Польшу, Узбекистан, Литву, Армению и др.; постепенного роста доли экспорта мебели в Казахстан, Беларусь, Германию; постепенного уменьшения объёмов российского импорта мебели из Китая, США, Чехии.

Мировой рынок мебели характеризуется функционированием значительного количества ТНК (Saatva, Floyd Home, Castlery, Novogratz, Burrow, Ikea и др.), диагностика показателей прибыльности которых остаётся актуальным научным вопросом в качестве задач для дальнейших исследований рассматриваемого рынка.

Литература

1. Иваненко, И.А. Состояние и тенденции развития мирового рынка мебели / И.А. Иваненко, С.Н. Аблязова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2021, № 4 (74). – С. 97–103.
2. Аджимет, Г.Х. Особенности спроса и ценообразования на мировом рынке мебели / Г.Х. Аджимет, С.Н. Аблязова // Социально-экономические и финансовые аспекты развития Российской Федерации и ее регионов в современных условиях. Грозный, 2022. – С. 194–201.
3. Строков, К.А. Современные тенденции развития мирового рынка мебельной продукции / К.А. Строков, Л.В. Рожкова // Экономика и международные отношения: проблемы, тенденции, перспективы. Пенза, 2022. – С. 246–252.
4. Калинина, А.А. Современные тенденции и перспективы развития России на мировом рынке мебели в условиях геоэкономической напряженности / А.А. Калинина // Особенности развития мировой экономики в современных условиях: реинтеграция и новый мировой порядок. Ростов-на-Дону, 2023. – С. 97–103.
5. Прокопьева, Н.В. Инновационные подходы к дизайну мебели, отражающие православные традиции: анализ, ограничения и стратегии / Н.В. Прокопьева, М.В. Черкашина // Труды Барнаульской духовной семинарии. 2023. № 12. – С. 42–54.
6. Афанасьева, Е.С. Методические подходы к оценке маркетинговых рисков на мебельном рынке / Е.С. Афанасьева, Д.А. Михалев // Наука, бизнес, власть – триада регионального развития. Великий Новгород, 2022. – С. 25–29.
7. Куксов, И. 11 лучших мебельных фабрик в России и мире в 2024 году / И. Куксов, А. Шестаков, А. Васильев, Ю. Швец // Выбор экспертов. – URL: <https://www.kp.ru/expert/proizvoditeli/luchshie-mebelnye-fabriki/> (дата обращения: 22.09.2025).
8. Аналитика мебельного рынка: главные тренды и направления развития в 2023–2024 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sloros.ru/stati-obzory/stati/analitika-mebelnogo-rynka-glavnye-trendy-i-napravleniya-razvitiya-v-2023-2024-godah/> (дата обращения: 22.09.2025).
9. Декор, Г. Мебельный рынок 2024: рекордные объемы производства, рост цен и другие тренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZYLMqIFkjjVTvx6C> (дата обращения: 22.09.2025).
10. Кузнецова, М.Л. Международная торговля и государственное регулирование международной торговли [Электронный ресурс]: учеб.-метод. пособие / М.Л. Кузнецова, Л.М. Марченкова, Е.М. Самородова; М-во науки и высш. образования РФ, Орлов. гос. ун-т экономики и торговли. Орел: ОрелГУЭТ, 2020 Лок. компьютер. сеть НБ ДонНУЭ Т.
11. Азарян, Е.М. Теоретические основы и моделирование механизма цифрового маркетинга для розничного торгового оператора / Е.М. Азарян, Д.Э. Возиянов // Вестник Института экономических исследований. – 2020. – № 1 (17). – С. 62–70.
12. Шпилько, Т.Ф. Анализ спроса и предложения, влияющих на конъюнктуру товарного рынка / Т.Ф. Шпилько // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2021. – № 15. – С. 53–57.
13. Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации. – URL: <https://customs.gov.tm/pdf/nomenclature.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
14. Мебель | Импорт и Экспорт | 2023. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=94&indicator=TV, tv_wrlld_share&trade_flow=Export, Import&time_period=2023 (дата обращения: 22.09.2025).
15. Россия | Импорт и Экспорт | Весь мир | Furniture; bedding, mattresses, mattress supports, cushions and similar stuffed furnishings; lamps and lighting fittings; illuminated signs, illuminated name-plates and the like; prefabricated buildings | Стоимость (долл. США) и Изменение стоимости, г/г (%) | 2014–2021. – URL: https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=94&reporter=Russia&trade_flow=Export, Import&part

ner=World&indicator=TV, YoY&time_peri-
od=2014,2015,2016,2017,2018,2019,2020,2021
(дата обращения: 22.09.2025).

THE GLOBAL FURNITURE MARKET IN THE GEOPOLITICAL TURBULENCE CONDITIONS

Kuzmenko S.S.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky

In the article global furniture market peculiarities in the geopolitical turbulence conditions are examined. The priority of the international furniture trade volume, effectiveness, and structure assessing is confirmed, taking into account the main conjuncture-forming factors of the global furniture market, including Russian Federation furniture market. The results of the research subject improving are presented by integrating the global furniture market strategic aspects in the geopolitical turbulence conditions and providing recommendations for improving the Russian Federation's foreign trade efficiency in the furniture market.

Keywords: global market, international trade, furniture market, conjuncture, ESG-strategy, geopolitical turbulence, industry digitalization.

References

1. Ivanenko, I.A. State and development trends of the global furniture market / I.A. Ivanenko, S.N. Ablyazova // Scientific notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. 2021, No. 4 (74). – P. 97–103.
2. Adzhimet, G. Kh. Features of demand and pricing in the global furniture market / G. Kh. Adzhimet, S.N. Ablyazova // Socio-economic and financial aspects of the development of the Russian Federation and its regions in modern conditions. Grozny, 2022. – P. 194–201.
3. Stokov, K.A. Modern trends in the development of the global furniture market / K.A. Stokov, L.V. Rozhkova // Economy and international relations: problems, trends, prospects. Penza, 2022. – P. 246–252.
4. Kalinina, A.A. Current trends and prospects for Russia's development in the global furniture market in the context of geoeconomic tension / A.A. Kalinina // Features of the development of the world economy in modern conditions: reintegration and the new world order. Rostov-on-Don, 2023. – Pp. 97–103.
5. Prokopyeva, N.V. Innovative approaches to furniture design reflecting Orthodox traditions: analysis, limitations and strategies / N.V. Prokopyeva, M.V. Cherkashina // Works of the Barnaul Theological Seminary. 2023. No. 12. – Pp. 42–54.
6. Afanasyeva, E.S. Methodological approaches to assessing marketing risks in the furniture market / E.S. Afanasyeva, D.A. Mikhalev // Science, business, power – the triad of regional development. Veliky Novgorod, 2022. – Pp. 25–29.
7. Kuksov, I. 11 Best Furniture Factories in Russia and the World in 2024 / I. Kuksov, A. Shestakov, A. Vasiliev, Yu. Shvets // Experts' Choice. – URL: <https://www.kp.ru/expert/proizvoditeli/luchshie-mebelnye-fabriki/> (date of access: 09/22/2025).
8. Furniture Market Analysis: Main Trends and Development Directions in 2023–2024 [Electronic resource]. – Access mode: <https://sloros.ru/stati-obzory/stati/analitika-mebel'nogo-rynka-glavnye-trendy-i-napravleniya-razvitiya-v-2023-2024-godah/> (date of access: 09/22/2025).
9. Decor, G. Furniture Market 2024: Record Production Volumes, Price Rising, and Other Trends [Electronic resource]. – Access mode: <https://dzen.ru/a/ZYLMqIFkjiVTvx6C> (accessed: 09/22/2025).
10. Kuznetsova, M.L. International Trade and State Regulation of International Trade [Electronic resource]: textbook. and methodological manual / M.L. Kuznetsova, L.M. Marchenkova, E.M. Samorodova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Orel State University of Economics and Trade. Orel: OrelSUET, 2020 Local computer network of the National Library of DonNUE T.
11. Azaryan, E.M. Theoretical Foundations and Modeling of the Digital Marketing Mechanism for a Retail Trade Operator / E.M. Azaryan, D.E. Voziyanov // Bulletin of the Institute of Economic Research. – 2020. – No. 1 (17). – P. 62–70.
12. Shpilko, T.F. Analysis of Supply and Demand Affecting the Commodity Market Conditions / T.F. Shpilko // Education and Science Without Borders: Social and Humanitarian Sciences. – 2021. – No. 15. – P. 53–57.
13. Harmonized Commodity Description and Coding System of the World Customs Organization. – URL: <https://customs.gov.tm/pdf/nomenclature.pdf> (accessed: 22.09.2025).
14. Furniture | Import and Export | 2023. – URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=94&indicator=TV, tv_wrl_d_share&trade_flow=Export, Import&time_period=2023 (accessed: September 22, 2025).
15. Russia | Import and Export | Worldwide | Furniture; bedding, mattresses, mattress supports, cushions, and similar stuffed furnishings; lamps and lighting fittings; illuminated signs, illuminated nameplates, and the like; prefabricated buildings | Value (US\$) and Value Change, YoY (%) | 2014–2021. – URL: https://trendeconomy.ru/data/h2?commodity=94&reporter=Russia&trade_flow=Export, Import&partner=World&indicator=TV, YoY&time_period=2014,2015,2016,2017,2018,2019,2020,2021 (accessed: 22.09.2025).

О политико-правовых идеалах в некоторых древних восточных цивилизациях (Египет, Месопотамия, Индия)

Лыков Андрей Юрьевич,

соискатель кафедры теории, истории государства и права
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

E-mail: lykov.science@gmail.com

Предметом исследования явилась эволюция представлений о политико-правовых идеалах в древнейших цивилизациях Востока – Египте, Месопотамии и Индии – в период с IV тыс. до н.э. по первые века н.э. На основе анализа широкого круга источников (указов и законов, философско-этических учений, религиозных текстов, эпических произведений, политических трактатов и др.) выявлены общие черты имевших место политико-правовых идеалов: глубокая связь с религиозно-космологическими представлениями, сакрализация верховной власти правителя как гаранта порядка и защитника слабых, закрепление социальной иерархии; усложнения и диверсификации политико-правовых идеалов (критика существующих порядков и предложение альтернативных моделей, рост прагматизма и элементов секуляризации в управлении, развитие этики власти и представлений о справедливом суде), обоснован фундаментальный характер вклада древневосточных цивилизаций в мировую политико-правовую мысль.

Ключевые слова: политико-правовой идеал, политическая организация общества, Древний Восток, эволюция политико-правовых идеалов, история учений о праве и государстве.

Постановка проблемы

Для обеспечения сохранения и прогресса государства посредством правового регулирования общественных отношений правовая наука разрабатывает теоретические концепции. Их создание предполагает государственно-правовое моделирование и выработку соответствующего содержания общеобязательных правил поведения (права). Результатом этих усилий становятся целевые ориентиры, образцы, на достижение которых следует прилагать усилия как суверенной власти, так и всех членов политически организованных обществ – политико-правовые идеалы. Последние прошли исторический путь вместе с человечеством, и из дошедших до нас письменных источников полезной является реконструкция политико-правовых идеалов прошлого, попытка которой на материале цивилизаций Древнего Востока предпринята в настоящем исследовании.

Содержание исследования

Представления о политико-правовом идеале несомненно присутствовали в Древнем Египте IV тыс. до н.э. – I в.н.э. Сохранившиеся фрагменты указа древнеегипетского царя Шепсескафа, а также указ Нефериркары свидетельствуют о закреплении в период XXVI–XXV вв. до н.э. в нормативно-правовом регулировании древнеегипетского общества привилегированного положения правителя, который мог ограничивать действия чиновников¹. Модели социального регулирования были тесно связаны с образом божественных существ, в особенности с Маат². Как замечает В.А. Томсинов, «согласно древнеегипетской мифологии именно эта богиня совершала главное судебное действие – взвешивала сердце умершего человека»³. Правила Маат подразумевали образец поведения в обществе на основе дисциплины, сдержанности и скромности, а также осознании ценности индивида, с одной стороны, и его ответственности перед другими людьми – с другой⁴. Лучший правитель представлялся в качестве того, кто обеспечивает справедливый правопорядок и защиту обездоленных и слабых⁵. Как правило, он обожествлялся населением и рас-

¹ Томсинов В.А. Государство и право Древнего Египта: монография. М. 2011. С. 370–371.

² Там же. С. 377.

³ Там же. С. 378.

⁴ Скорев В.А. Милосердие в системе предфилософских категорий древнеегипетской культуры // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 1 (147). С. 60.

⁵ Там же. С. 61.

сма­три­вал­ся как ис­точ­ник пра­ва¹. Прин­ци­пы Маат не раз­гра­ни­чи­ва­ли бо­же­ствен­ную и че­ло­ве­че­скую спра­вед­ли­вость².

Сог­лас­но Мак­си­мам Птах­хо­те­па XXIV в. до н.э. иде­алом чи­нов­ни­ка ви­дел­ся пи­сец, как че­ло­век «зна­ю­щий», «уме­лец», муд­рый и спра­вед­ли­вый³. Мыс­ли­тель счи­тал не­об­хо­ди­мым ру­ко­во­ди­те­лям вы­слу­ши­вать лю­дей, для «об­лег­че­ния их душ», а управ­ле­ние ос­но­вы­вать не на на­си­лии, а «на тра­ди­ци­он­ном за­ко­не и на че­ло­ве­ко­лю­би­вом от­но­ше­нии»⁴. И ес­ли в иде­ях Птах­хо­те­па от­ра­же­ны взгля­ды на эти­ку управ­ле­ния, то по­уче­ния Ах­то­я (Хе­ти) XX в. до н.э.⁵, как ре­зул­тат влия­ния сло­жив­ших­ся ис­то­ри­че­ских ус­ло­вий об­ще­ства, праг­ма­тич­но воз­вы­ша­ли роль ин­тел­лек­ту­аль­но­го тру­да. В Ре­че­ниях Ипу­ве­ра XVIII в. до н.э., с од­ной сто­ро­ны, фик­си­ру­ют­ся про­бле­мы с ро­ждае­мостью, на­ру­ше­ние сло­жив­шей­ся со­ци­аль­ной ие­ра­рхии, об­е­д­не­ние со­сто­я­тель­ной ча­сти на­се­ле­ния, прене­бре­же­ние за­ко­ном, рост ко­личес­тва ми­гран­тов и др.⁶, а с дру­гой – прос­ле­жи­ва­ется по­ли­ти­ко-пра­во­вой иде­ал, фак­ти­че­ски пред­по­ла­га­ю­щий со­ци­аль­ное не­рав­ен­ство.

В Египетско-хеттском договоре XIII в. до н.э. – одном из первых исторически документированных международных соглашений⁷, была закреплена идея «мира и братства»⁸, а в «Туринском» судебном папирусе XII в. до н.э.⁹ – о коллективной ответственности при отправлении правосудия, где правитель также не признавал за собой право назначать наказание в виде смертной казни¹⁰. Поучения Аменемопе XIII–XI вв. до н.э. определяли идеальный образ жизни человека, который должен быть скромным и не тщеславным¹¹, уважать границы земель¹², не применять насилие к слабым и не завидовать сильным¹³. Сборник ряда правовых актов VI в. до н.э. – Саисский декрет, включал положения защиты религиозных институтов от государствен-

ного аппарата¹⁴, которые отчасти отражены в идеях Уджагорресента о необходимости в жреческих привилегиях и сотрудничестве с персидскими завоевателями того времени для сохранения египетской культуры¹⁵.

Есть и другие источники, по которым можно судить о политико-правовых идеалах древнеегипетского общества¹⁶. Их содержание определяется условиями того или иного исторического этапа. Например, в греко-римский период мыслитель I в. – Херемон Александрийский, рассматривал деятельность египетских жрецов в стоической традиции¹⁷. Позднее в произведениях Гермеса Трисмегиста¹⁸ II–III вв. н.э. «Асклепий» и «Герметический корпус»¹⁹ в отличие от традиционной религиозной системы делался акцент на моральной и теологической функциях знания, где создатель «изначально составляет собой предмет ума, ибо знание, как и бог, бестелесно, а ум – орудие его»²⁰. «Благочестие тождественно знанию бога, а зло – незнанию о нем»²¹. Гермес Трисмегист определил основу космогенеза как триединство субстанции (огонь, воздух, вода, земля), «прекрасного космоса» и божественной воли²². Человек был создан по той причине, что сцена без зрителя потеряла бы «свой смысл»²³. В работе этого автора «Зеница космоса» была выдви-

¹⁴ Wilkinson T. The Rise and Fall of the Ancient Egypt. London, 2010. Part: Fortune's Fickle Wheel; Clayton P. Chronicle of the Pharaohs. London, 1994. P. 195.

¹⁵ Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985. С. 60; see also: Lloyd A.B. The inscription of Udjahorresnet. A collaborator's testamen // Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 166–190.

¹⁶ Например, судебные остраконы из Дейр-эль-Медины X–VII вв. до н.э. (штрафы и наказания за кражу, регулирование трудовых споров), Демотические кодексы VI–IV вв. до н.э. (договорные, наследственные и земельные отношения), Птолемеовские налоговые папирусы, Розеттский камень II в. до н.э., история Египта Манефона (III в. до н.э.), Гномон Идиолога II в. (запрет браков римских граждан и египтян) и др. See: Archaeologists find massive collection of Egyptian pottery sherds [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. 20.02.2022. URL: <https://www.jpost.com/archaeology/article-697072> (дата обращения: 04.01.2025); Manning J.G. Land and Power in Ptolemaic Egypt. Cambridge, 2003; Sweeney D. Family gods at Deir el-Medina // Rich and Great: Studies in honour of Anthony J. Spalinger on the Occasion of his 70th Feast of Thoth / eds. R. Landgrafova and J. Mynarova. Prague, 2016. P. 299–312; Струве В.В. Манефон и его время. СПб., 2003; Фридманн А.М. Предметно-художественное оформление египетского погребального обряда в Римский период: дис. ... канд. искусств. М., 2018. С. 61, 69–70, 105.

¹⁷ Horst P.W. The Way of Life of the Egyptian Priests According to Chaeremon // Studies in Egyptian Religion: dedicated to professor Jan Zandee / ed. M. Heerma van Voss, D.J. Hoens ... [et al]. Leiden, 1982. P. 63–71; см. также: Ямвлих. О египетских мистериях / пер. с древнегреч., комментарий и предисловие И.Ю. Мельниковой. М., 2004. С. 172, 178.

¹⁸ По словам Л.Ю. Лукомского, «Гермес Трисмегист – фигура мифическая; трактаты, якобы принадлежащие ему, написаны разными людьми в первые века новой эры; содержание их представляет собой синтез египетских, греческих, иудейских и христианских идей, который произошел ... в сердце римского Египта – в Александрии». См.: Высокий герметизм / пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб., 2001. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 17–18.

²³ Там же. С. 18.

¹ Blerk N.J. Emergence of Law in Ancient Egypt: The Role of Maat // Fundamina. 2018. Vol. 24, № 1. P. 72.

² Ibidem. P. 70.

³ Коростовцев М.А. Литература Древнего Египта // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 54–82.

⁴ Там же.

⁵ Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 209.

⁶ Акимов В.В. Древнеегипетские «Речения Ипувера» и библейская Книга Екклесиаста // Скрижали. 2012. Т. 3. С. 65.

⁷ Раджабов С.А. Генезис и сущность международного права в Древнем мире // Академический юридический журнал. 2014. № 4 (12). С. 70.

⁸ Mynarova J. Lost in Translation. An Egyptological Perspective on the Egyptian-Hittite Treaties // Annals of the Naprstek Museum. 2014. Vol. 35, № 2. P. 3–8.

⁹ See: Buck A. The Judicial Papyrus of Turin. // The Journal of Egyptian Archaeology. 1937. Vol. 23, № 2. P. 152–164.

¹⁰ Томсинов В.А. Государство и право Древнего Египта: монография. М. 2011. С. 478.

¹¹ Яковлев В.О. Дидактическая поэзия Древнего Египта в свете библеистики: «Поучение Аменемопе». К 130-летию открытия папируса с текстом «Поучения Аменемопе» // Труды и переводы. 2018. № 1 (1). С. 142.

¹² Fox M.V. From Amenemope to Proverbs: Editorial Art in Proverbs 22,17–23,11 // Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft. 2014. Vol. 126, № 1. P. 82.

¹³ Ibidem. P. 82, 86.

нута вторая версия антропогенеза, согласно которой люди представляют собой «чистые души», заточённые в телесную оболочку, которые будучи самостоятельными отказались реализовывать предназначенный для них божественный замысел по сотворению других живых существ¹. Как замечает Л.Ю. Лукомский, по Гермесу Трисмегисту, создатель «невидим и непознаваем», но «в высшей мере явен», так как есть чистая энергия, «чистое действие и деятельность»².

Политико-правовые идеалы Древних государств Месопотамии конца IV тыс. – VI в. до н.э. характеризуются рядом похожих черт, присутствовавших в древнеегипетском обществе³. Анализ протоклинописи хозяйственных архивов Урука, Лагаша и др. позволяет говорить о закреплении идей централизованного царского управления, культа женского божества, важной роли общественных работ, писцов и религиозной бюрократии⁴. Правда, по мнению А.И. Тюменева, ввиду географических особенностей роль «местного самоуправления» долгое время обуславливала большую самостоятельность в сравнении с Древним Египтом⁵. В «Эпосе о Гильгамеше», который создавался с XVIII–XVII вв. до н.э., отражена идея власти как посредничества между богами и людьми⁶, которая на практике была реализована Саргоном Древним уже в XXIV–XXIII вв. до н.э., объединившим города-государства Шумера и Аккада под одной империей и назвавшим себя «царём вселенной»⁷. Присутствовали и более прогрессивные модели. Реформы Уруинимгины XXIV в. до н.э. отражали концепцию ограничения произвола чиновников, запрета спекуляций в торговле, либерализации налогов, защиты бедных слоёв населения и повышения самостоятельности храмов⁸. Некоторые такие положения содержались в законах Шульги XXI в. до н.э.⁹

Позднее царями крупных городов Южной Месопотамии были составлены «правовые сборники»,

включая такие Эшнунны и Исины, среди которых ключевое место в XVIII в. до н.э. занимают «Законы Хаммурапи»¹⁰. Этот историко-правовой памятник помимо отраслевых норм содержит пролог, который, по сути, описывает политико-правовой идеал. Согласно прологу необходимо обеспечить «благоденствие людей», «установить справедливость» и «искоренить преступность»¹¹. Содержание эпилога, как замечает Н.В. Козырева, «во многом повторяет тему защиты слабых и установления справедливости, затронутые в прологе»¹². Кроме того, несмотря на отсылки к божествам, признание царя божественным избранником и использование клятвы в качестве юридического средства в сложных случаях, законы не стоят на теократической основе¹³, а «царская власть имеет характер патриархального абсолютизма»¹⁴. Тем не менее роль религии оставалась весомой на протяжении всей истории Древней Месопотамии. Тиглатпаласар I в XII–XI вв. до н.э. ставил акцент на воинской доблести и культе бога Ашшура¹⁵, Навуходоносор II в VI в. до н.э. – на идеи вечного царства бога Мардука¹⁶, а в текстах Шурпу преступление и грех были взаимосвязаны¹⁷.

Археологические исследования Хараппской цивилизации IV–II тыс. до н.э., а также доступные протоиндийские надписи на разных объектах позволяют сделать вывод, что политико-правовые идеалы этого социального организма включали идею о том, что защита подданных считалась «основной обязанностью царя»¹⁸. Сама же закрепляемая модель социального регулирования, по предположению М.Ф. Альбедилья, возможно предусматривала процедуру избрания компетентных лиц одной возрастной категории посредством ритуалов посвящения их в сан¹⁹. Как замечает Н.Г. Осипова, с религиозной активностью протоиндийских цивилизаций Хараппа и Мохенджо-Даро в II–III тыс. до н.э. сегодня связывают с индуизмом, хотя «религиозная эволюция ... началась» с вторжения и «распространения арийской цивилизации» в XVII в. до н.э.» в Пенджаб²⁰. Классический индуизм оформился,

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 20.

³ См.: Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего двуречья. Шумер. М., 1959; Архипов И.С. Писцы Месопотамии в протописменном и раннединастическом периоды // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 76–101.

⁴ Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего шумера. М.-Л., 1956. С. 20–23, 34, 47–48.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Акимов В.В. Аккадский «Эпос о Гильгамеше» и библейская Книга Екклесиаста // Скрижали. 2013. Т. 5. С. 45–47.

⁷ Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего двуречья. Шумер. М., 1959. С. 202.

⁸ Ercument Y. The Power Struggle Between Government Officials and Clergymen in The Ancient History // Journal of Ancient History and Archeology. 2007. Vol. 4, № 3. P. 11–12; Козырева Н.В. Законы Хаммурапи в контексте истории Южной Месопотамии периода ранней древности // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. № 18–1. С. 229; см. также: Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего двуречья. Шумер. М., 1959. С. 195.

⁹ Филимонова И.В. Общественный, государственный строй и правовая система Шумера // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 (37). С. 74–80.

¹⁰ Козырева Н.В. «Законы Хаммурапи» в контексте истории Южной Месопотамии периода ранней древности // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. № 18–1. С. 242.

¹¹ Там же. С. 243.

¹² Там же.

¹³ Тураев Б.А. Законы Хаммурапи. М., Берлин, 2018. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Odorico M. Compositional and Editorial Processes of Annalistic and Summary Texts of Tiglath-pileser I // State Archives of Assyria Bulletin. 1994. Vol. 8. P. 76.

¹⁶ Арно Д. Навуходоносор II Царь Вавилонский / пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М., 2009. С. 143.

¹⁷ Geller M.J. The Surpu incantations and lev.V.1–5 // Journal of Semitic Studies. Vol. 25. № 2. P. 181–192.

¹⁸ Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М., 1994. С. 142.

¹⁹ Там же. С. 187.

²⁰ Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 1. С. 134.

конечно, ещё позже, синтезируя различные идеи, в том числе представленные в ведах¹.

В Ведический период XV–VI вв. до н.э. представления о политико-правовом идеале содержались в религиозных гимнах и ритуалах, а начиная с IX в. до н.э. присутствовали в их толкованиях – упанишадах. Веда закрепляли неразрывную связь верховной власти и божественных сил², сословно-кастовое деление населения³, а также включали зачатки идей о «Рите» как едином порядке Вселенной, установленном «Абсолютом»⁴. Причём, как замечает Е.Н. Аникеева, одним из свойств ведических богов является их «слабовластие»⁵. Несмотря на традиционно называемого главой божественного пантеона Индру, последний соперничал с Варуном, и никто из них не имел статуса «абсолютного самодержца или верховного правителя над другими богами по типу Зевса»⁶. В более поздних упанишадах были и другие идеи. Например, Шветашватара «носит теистический характер и отражает воззрения шиваизма», то есть отождествляет «высшего Брахмана (в данном случае имеется в виду «Абсолют». – А.Л.) с Шивой»⁷. Упанишады отражали не только идеалистическое, но и материалистическое мировоззрение⁸, а также «одними из первых ... достаточно определённо» дали понятие кармы⁹.

В VII–VI вв. до н.э. в Древней Индии появляются учения Сиддхарты Гаутамы¹⁰, которые заложили основы буддизма, неоднократно повлиявшего на представления о наилучшем политико-правовом устройстве общества в различных регионах мира¹¹. Как отмечено исследователями, в определённый

момент «именно Будда сместил на территории Индии брахманскую идеологию»¹² кастовой системы. Любой человек в процессе совершенствования мог достичь определённого статуса и избавиться от страданий путём познания себя как части вселенной¹³. Ранний буддизм предусматривал возможность избрания и изгнания правителя народом, а позднему «присуща политика не сопротивления, покорности»¹⁴. Идеальный правитель, по мнению мыслителя, тот, кто правит справедливо в соответствии с Дхармой, руководствуется нравственностью и справедливостью. Будда выступал за равенство и непричинение вреда окружающим¹⁵, критически относился к эксплуатации и угнетению, связывал преступность с бедностью¹⁶, а также «первым на земле учил веротерпимости»¹⁷. Человек в процессе достижения просветления должен осознать четыре истины¹⁸ и пройти восьмеричный путь¹⁹.

Критиковалась кастовая система и школой Локаята, которая была основана Брихаспати в VI в. до н.э. Традиционно её связывают с материализмом, критикой вед и других идеалистических теорий, включая буддизм, а также с идеями о том, что эмпирическое познание есть главный способ достижения истины²⁰, а смысл жизни – избегание страданий и наслаждение. В свою очередь законы должны выступать воплощением морали как результата социального соглашения. «У предшественников локайаты атеизм составлял часть ясного и последовательного материалистического мировоззрения»²¹. Рядом учёных, тем не менее, доказывалось, что их учение нельзя назвать безрелигиозным²², «но мистический (как и этический) потолок их трактовки брахманизма снижен до крайности по сравнению с прочими учениями»²³.

¹ Там же. С. 134–135.

² Карев Е.А. К вопросу о политико-правовой мысли Древней Индии // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 34. С. 67–68.

³ Там же. С. 69.

⁴ Тимошук А.С. Государственно-правовая идеология Древней Индии как протоправо // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 2 (38). С. 72; Аникеева Е.Н. Источники индийского теизма в предфилософии: Веда и Упанишады // Религиоведение. 2013. № 3. С. 115.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Там же.

⁷ Сыркин А.Я. Упанишады (перевод с санскр., предисл. и комм.). В 3-х кн. Кн. 1. М., 1992. С. 24.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ См. подробнее: Армстронг К. Будда. М., 2016; Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: буддизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 104–127.

¹¹ См., например: Ванчикова Ц.П., Базаров А.А. Исследование проблем формирования буддийской философии и генезиса буддийской цивилизации в работах профессора С.Ю. Лепехова (к 70-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 2 (38). С. 53; Почекаев Р.Ю. Правовые аспекты распространения буддизма в Монголии в XIII–XVIII вв. // Страны и народы Востока. 2013. № 34. С. 16; Кунь В. Буддизм в современном Китае // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 2. С. 202–211.

¹² Айбатов М.М., Шугаибова К.Р., Гасанова К.М. Политико-правовая концепция буддизма // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 19.

¹⁷ Андросов В.В. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001. С. 11.

¹⁸ Имеется в виду страдание («боль», «мука» и т.д.); причина страдания (жажда, страстное желание / сладострастие, неведение и зависть); прекращение страдания и нирвана (забвение желаний, умиротворение посредством «культивирования любви, дружелюбия, милосердия, сострадания к другим существам», а также путь, который приведёт к такому прекращению. См. там же. С. 148–152.

¹⁹ Там же. С. 153; см. также: Урбанаева И.С., Лощенков А.В. Проблема систематизации буддийских учений и практик и стадийный подход // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 142.

²⁰ See: Gokhale P.P. Carvaka Materialism: Some issues concerning its nature, knowledge and justification // Debiprasad Chattopadhyaya and Lokayata / ed. Mohanta D. Kolkata, 2019. P. 1–22.

²¹ Чаттопадхья Д. Индийский атеизм / пер. с англ. В.П. Липеровского и М.З. Шкундина; под ред. Н.А. Аникеева. М., 1973. С. 14.

²² Вырщиков Е.Г. Локаята и локайтики в древних источниках (палийский канон и «Артхашастра») // Ориенталистика. 2019. Т. 2, № 2. С. 285.

²³ Там же.

Позднее в работе Каутильи IV в. до н.э. – Артхашастра, были изложены идеи об идеальном государственном управлении. Согласно трактату цель государства состоит в обеспечении благосостояния¹, безопасности подданных² и правильном распределении ресурсов³. Следуя закону⁴, руководитель при этом может использовать любые средства для достижения целей⁵, включая таковые в международной политике. Например, дипломатию⁶, соглашения, шпионаж⁷ и др. «Идеал государя является следующим: он должен быть высокого рода ..., обладающим умом и положительными качествами, обращающим внимание на (совет) старых и опытных людей, справедливым, правдивым, не изменяющим своему слову, благодарным, щедрым, в высшей степени энергичным ..., с сильной волей ..., охотно принимающим наставления»⁸. Определяются четыре средства политики – «мирные переговоры, подкуп, сеяние раздора и открытое нападение»⁹, а также шесть методов внешней политики¹⁰. Присутствуют здесь и идеи соразмерности наказаний совершённым преступлениям¹¹. Отдельно в трактате упомянуты различные идеалы, в том числе «идеал казны», «идеал городов», «идеал министров», «идеал войска», «идеал союзников» и «идеал врагов»¹². Например, «идеальные враги» должны быть «нецарского рода, корыстными, окружёнными ничтожными советниками», быть ненавистными подданными, без энергии, беспутными, наносящими вред другим¹³. Несмотря на сохранение кастовой традиции в Артхашастре широко используются прагматические подходы, а сам историко-правовой памятник является одним из фундаментальных прародителей современных доктрин реализма в политических науках.

Одними из важнейших источников для анализа политико-правовых идеалов Древней Индии являются сборники религиозно-правовых предписаний – дхармашастры¹⁴. Например, Яджнавалкья-смирти¹⁵, Нарада-смирти¹⁶ и др.¹⁷, а также извест-

ные с Древней Индии II в. до н.э. – II в.н.э. Законы Ману. В последних определялась важная роль царя, который отвечает за защиту людей, порядок в обществе, судопроизводство, налогообложение, но который при этом ограничен Дхармой – «вечным космическим порядком ..., включающим природные и моральные нормы ..., нормы обычного права и установления государства, не расходящиеся с первыми двумя разрядами норм»¹⁸. Кроме того, несмотря на наличие положений, согласно которым необходимо всегда быть готовым к войне¹⁹, в Законах Ману прослеживается политико-правовой идеал мира, и подчёркивается ценность переговоров между людьми²⁰.

Заключение

На основе анализа упомянутых источников в качестве общих черт политико-правовых идеалов рассматриваемых времени и локаций следует выделить связь с религией и космологией – политико-правовые идеалы были глубоко укоренены в религиозных представлениях и представлениях о миропорядке, справедливость и законность воспринимались как отражение божественной или космической гармонии; центральную роль правителя как гаранта справедливости, защитника слабых, посредника между божественным и человеческим мирами, источника закона и порядка, власть которого часто сакрализуется; идею справедливости и защиты слабых – несмотря на социальное неравенство, во многих источниках (реформы Урунимгины, Законы Хаммурапи, поучения Аменемопе, буддизм) подчеркивается обязанность власти защищать бедных, вдов, сирот и ограничивать произвол сильных; закрепление в политико-правовых идеалах существующей в тех обществах социальной стратификации (касты в Индии, привилегированное положение знати и жречества в Египте и Месопотамии) при появлении критических в этом отношении по этому предмету моделей и предлагающих альтернативные проекты общества, основанные на равенстве (буддизм), материализме и социальном договоре (локаята), или чисто прагматическом управлении (Артхашастра). Наблюдается постепенное (хотя и неполное) отделение права от чисто религиозной основы. Так, Артхашастра вполне может быть квалифицирована как древневосточный образец прагматического, почти «макиавеллистского» подхода к государственному управлению и внешней политике.

Из текстов исторических источников усматриваются: усложнение представлений о власти от сакрализации (фараон-бог) к идеям ограничения произвола чиновников (реформы Урунимгины, указы Шепсескафа и Нефериркары), ответственности правителя перед высшим законом (Дхарма в Ин-

¹ Кальянов В.И. Артхашастра или наука о политике / пер. с санскрита. М.-Л., 1959. С. 19, 22.

² Там же. С. 45.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 25–26.

⁶ Там же. С. 38–40.

⁷ Там же. С. 27–35.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 292.

¹¹ Там же. С. 250, 255.

¹² Там же. С. 285–287.

¹³ Там же. С. 286.

¹⁴ О подходах к определению их правового значения см.: Пашкова С.Г. Дхармашастры и их значение в качестве источника права [Электронный ресурс] // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dharmashastry-i-ih-znachenie-v-kachestve-istochnika-prava> (дата обращения: 06.02.2025).

¹⁵ Olivelle P. Dharmasastra: a textual history // *Hinduism and Law: An Introduction* / ed. T. Lubin, R. Donald, Jr. Davis; J.K. Krishnan. Cambridge, 2010. P. 44–46.

¹⁶ Ibidem. P. 47.

¹⁷ Ibidem. P. 40–52.

¹⁸ Цит. по: Байрамкулова Т.Д., Тамбиева М.Б. Памятник древнеиндийского права – Законы Ману // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 12 (29). С. 136.

¹⁹ Законы Ману. М., 2002. С. 244.

²⁰ Там же. С. 245.

дии), а в некоторых теориях – даже возможности народного контроля (ранний буддизм); развитие этики управления – представлений об идеальном чиновнике (Птаххотеп), о справедливом суде (Маат, коллективная ответственность в «Туринском папирусе») и нравственных качествах правителя (справедливость, мудрость, забота о подданных).

Всё изложенное позволяет утверждать, что политико-правовые идеалы отмеченных цивилизаций Древнего Востока не были статичны, а развивались, отражая усложнение социальных структур, накопление исторического опыта и интеллектуальные поиски, хотя религия оставалась фундаментом, происходила постепенная рационализация и диверсификация представлений о власти, праве и общественном устройстве. Появлялись светские, прагматические и даже отчасти материалистические концепции. Центральным противоречием являлось соотношение власти (часто сакрализованной и абсолютной) и справедливости (требующей защиты слабых и ограничения произвола), которое в различных учениях разрешалось по-разному: через концепцию высшего закона (Маат, Дхарма), идею ответственности правителя перед богами/подданными, а в некоторых учениях – через критику самой системы. Проведенное исследование позволяет утверждать о присутствии уже в то время разнообразия политико-правовых идеалов – от теологических до прагматически-реалистических, от иерархических до эгалитарных, которые заложили основы для дальнейшего развития политико-правовой мысли во всем мире.

Литература

1. Archaeologists find massive collection of Egyptian pottery sherds [Электронный ресурс] // The Jerusalem Post. 20.02.2022. URL: <https://www.jpost.com/archaeology/article-697072> (дата обращения: 04.01.2025).
2. Blerk N.J. Emergence of Law in Ancient Egypt: The Role of Maat // *Fundamina*. 2018. Vol. 24, № 1. P. 67–83.
3. Buck A. The Judicial Papyrus of Turin // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1937. Vol. 23, № 2. P. 152–164.
4. Clayton P. *Chronicle of the Pharaohs*. London, 1994.
5. Ercument Y. The Power Struggle Between Government Officials and Clergymen in The Ancient History // *Journal of Ancient History and Archeology*. 2007. Vol. 4, № 3. P. 3–14.
6. Fox M.V. From Amenemope to Proverbs: Editorial Art in Proverbs 22,17–23,11 // *Zeitschrift fur die Alttestamentliche Wissenschaft*. 2014. Vol. 126, № 1. P. 76–91.
7. Geller M.J. The Surpu incantations and lev.V.1–5 // *Journal of Semitic Studies*. Vol. 25. № 2. P. 181–192.
8. Gokhale P.P. Carvaka Materialism: Some issues concerning its nature, knowledge and justification // *Debiprasad Chattopadhyaya and Lokayata* / ed. Mohanta D. Kolkata, 2019. P. 1–22.
9. Horst P.W. The Way of Life of the Egyptian Priests According to Chaeremon // *Studies in Egyptian Religion: dedicated to professor Jan Zandee* / ed. M. Heerma van Voss, D.J. Hoens ... [et al]. Leiden, 1982. P. 63–71.
10. Lloyd A.B. The inscription of Udjahorresnet. A collaborator's testament // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1982. Vol. 68. P. 166–180.
11. Manning J.G. *Land and Power in Ptolemaic Egypt*. Cambridge, 2003.
12. Mynarova J. Lost in Translation. An Egyptological Perspective on the Egyptian-Hittite Treaties // *Annals of the Naprstek Museum*. 2014. Vol. 35, № 2. P. 3–8.
13. Odorico M. Compositional and Editorial Processes of Annalistic and Summary Texts of Tiglath-pileser I // *State Archives of Assyria Bulletin*. 1994. Vol. 8. P. 67–86.
14. Olivelle P. *Dharmasastra: a textual history* // *Hinduism and Law: An Introduction* / ed. T. Lubin, R. Donald, Jr. Davis; J.K. Krishnan. Cambridge, 2010. P. 28–57.
15. Sweeney D. Family gods at Deir el-Medina // *Rich and Great: Studies in honour of Anthony J. Spalinger on the Occasion of his 70th Feast of Thoth* / eds. R. Landgraffova and J. Mynarova. Prague, 2016. P. 299–312.
16. Wilkinson T. *The Rise and Fall of the Ancient Egypt*. London, 2010.
17. Айбатов М.М., Шугаинова К.Р., Гасанова К.М. Политико-правовая концепция буддизма // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021. № 1. С. 18–21.
18. Акимов В.В. Аккадский «Эпос о Гильгамеше» и библейская Книга Екклесиаста // *Скрижали*. 2013. Т. 5. С. 45–47.
19. Акимов В.В. Древнеегипетские «Речения Ипувера» и библейская Книга Екклесиаста // *Скрижали*. 2012. Т. 3. С. 65–68.
20. Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М., 1994.
21. Андросов В.В. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М., 2001.
22. Аникеева Е.Н. Источники индийского теизма в предфилософии: Веды и Упанишады // *Религиоведение*. 2013. № 3. С. 115–120.
23. Арно Д. Навуходоносор II Царь Вавилонский / пер. с фр. Н.Н. Зубкова. М., 2009.
24. Архипов И.С. Писцы Месопотамии в протописьменный и раннединастический периоды // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2013. № 17 (118). С. 76–101.
25. Байрамкулова Т.Д., Тамбиева М.Б. Памятник древнеиндийского права – Законы Ману // *Современные научные исследования и разработки*. 2018. № 12 (29). С. 136–140.
26. Высокий герметизм / пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб., 2001.

27. Вырщикова Е.Г. Локаята и локаятики в древних источниках (палийский канон и «Артхашастра») // Ориенталистика. 2019. Т. 2, № 2. С. 281–292.
28. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
29. Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего двуречья. Шумер. М., 1959.
30. Законы Ману. М., 2002.
31. Кальянов В.И. Артхашастра или наука о политике / пер. с санскрита. М.-Л., 1959.
32. Карев Е.А. К вопросу о политико-правовой мысли Древней Индии // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 34. С. 67–71.
33. Козырева Н.В. Законы Хаммурапи в контексте истории Южной Месопотамии периода ранней древности // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2018. № 18–1. С. 229–248.
34. Коростовцев М.А. Литература Древнего Египта // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 54–82.
35. Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001.
36. Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: буддизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 3. С. 104–127.
37. Осипова Н.Г. Социальные аспекты ведущих религиозных доктрин: индуизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 1. С. 130–143.
38. Пашкова С.Г. Дхармашастры и их значение в качестве источника права [Электронный ресурс] // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dharmashastry-i-ih-znachenie-v-kachestve-istochnika-prava> (дата обращения: 06.02.2025).
39. Раджабов С.А. Генезис и сущность международного права в Древнем мире // Академический юридический журнал. 2014. № 4 (12). С. 68–73.
40. Скорев В.А. Милосердие в системе предфилософских категорий древнеегипетской культуры // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 1 (147). С. 60–64.
41. Сыркин А.Я. Упанишады (перевод с санскр., предисл. и комм.). В 3-х кн. Кн. 1. М., 1992.
42. Тимошук А.С. Государственно-правовая идеология Древней Индии как протоправо // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 2 (38). С. 71–76.
43. Томсинов В.А. Государство и право Древнего Египта: монография. М., 2011.
44. Тураев Б.А. Законы Хаммурапи. М., Берлин, 2018.
45. Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего шумера. М.-Л., 1956.
46. Филимонова И.В. Общественный, государственный строй и правовая система Шумера // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 (37). С. 74–80.
47. Фридрих А.М. Предметно-художественное оформление египетского погребального обряда в Римский период: дисс. ... канд. искусств. М., 2018.
48. Чаттопадхья Д. Индийский атеизм / пер. с англ. В.П. Липеровского и М.З. Шкундина; под ред. Н.А. Аникеева. М., 1973.
49. Яковлев В.О. Дидактическая поэзия Древнего Египта в свете библеистики: «Поучение Аменемопе». К 130-летию открытия папируса с текстом «Поучения Аменемопе» // Труды и переводы. 2018. № 1 (1). С. 138–152.
50. Ямвлих. О египетских мистериях / пер. с древнегреч., комментарий и предисловие И.Ю. Мельниковой. М., 2004.

ON POLITICAL AND LEGAL IDEALS IN SOME ANCIENT EASTERN CIVILIZATIONS (EGYPT, MESOPOTAMIA, INDIA)

Lykov A.Yu.

All-Russian State University of Justice

The subject of the study was the evolution of ideas about political and legal ideals in the most ancient civilizations of the East – Egypt, Mesopotamia and India – in the period from the 4th millennium BC to the first centuries AD. Based on the analysis of a wide range of sources (decrees and laws, philosophical and ethical teachings, religious texts, epic works, political treatises, etc.), the common features of the existing political and legal ideals were identified: a deep connection with religious and cosmological ideas, the sacralization of the supreme power of the ruler as a guarantor of order and protector of the weak, the consolidation of social hierarchy; the complication and diversification of political and legal ideals (criticism of existing orders and the proposal of alternative models, the growth of pragmatism and elements of secularization in governance, the development of the ethics of power and ideas about a fair trial), the fundamental nature of the contribution of ancient Eastern civilizations to world political and legal thought was substantiated.

Keywords: political and legal ideal, political organization of society, Ancient East, evolution of political and legal ideals, history of teachings on law and the state

References

1. Archaeologists find massive collection of Egyptian pottery sherds [Elektronnyj resurs] // The Jerusalem Post. 20.02.2022. URL: <https://www.jpost.com/archaeology/article-697072> (data obrashcheniya: 04.01.2025).
2. Blerk N.J. Emergence of Law in Ancient Egypt: The Role of Maat // Fundamina. 2018. Vol. 24, № 1. P. 67–83.
3. Buck A. The Judicial Papyrus of Turin // The Journal of Egyptian Archaeology. 1937. Vol. 23, № 2. P. 152–164.
4. Clayton P. Chronicle of the Pharaohs. London, 1994.
5. Ercument Y. The Power Struggle Between Government Officials and Clergymen in The Ancient History // Journal of Ancient History and Archeology. 2007. Vol. 4, № 3. P. 3–14.
6. Fox M.V. From Amenemope to Proverbs: Editorial Art in Proverbs 22,17–23,11 // Zeitschrift fur die Alttestamentliche Wissenschaft. 2014. Vol. 126, № 1. P. 76–91.
7. Geller M.J. The Surpu incantations and lev.V.1–5 // Journal of Semitic Studies. Vol. 25. № 2. P. 181–192.

8. Gokhale P.P. Carvaka Materialism: Some issues concerning its nature, knowledge and justification // Debiprasad Chattopadhyaya and Lokayata / ed. Mohanta D. Kolkata, 2019. P. 1–22.
9. Horst P.W. The Way of Life of the Egyptian Priests According to Chaeremon // Studies in Egyptian Religion: dedicated to professor Jan Zandee / ed. M. Heerma van Voss, D.J. Hoens ... [et al]. Leiden, 1982. P. 63–71.
10. Lloyd A.B. The inscription of Udjahorresnet. A collaborator's testamen // Journal of Egyptian Archaeology. 1982. Vol. 68. P. 166–180.
11. Manning J.G. Land and Power in Ptolemaic Egypt. Cambridge, 2003.
12. Mynarova J. Lost in Translation. An Egyptological Perspective on the Egyptian-Hittite Treaties // Annals of the Naprstek Museum. 2014. Vol. 35, № 2. P. 3–8.
13. Odorico M. Compositional and Editorial Processes of Annalistic and Summary Texts of Tiglath-pileser I // State Archives of Assyria Bulletin. 1994. Vol. 8. P. 67–86.
14. Olivelle P. Dharmasastra: a textual history // Hinduism and Law: An Introduction / ed. T. Lubin, R. Donald, Jr. Davis; J.K. Krishnan. Cambridge, 2010. P. 28–57.
15. Sweeney D. Family gods at Deir el-Medina // Rich and Great: Studies in honour of Anthony J. Spalinger on the Occasion of his 70th Feast of Thoth / eds. R. Landgrafova and J. Mynarova. Prague, 2016. P. 299–312.
16. Wilkinson T. The Rise and Fall of the Ancient Egypt. London, 2010.
17. Ajbatov M.M., Shugaibova K.R., Gasanova K.M. Politiko-pravovaya koncepciya buddizma // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2021. № 1. S. 18–21.
18. Akimov V.V. Akkadskij «Epos o Gilgameshe» i biblejskaya Kniga Ekkleziasta // Skrizhali. 2013. T. 5. S. 45–47.
19. Akimov V.V. Drevneegipetskie «Recheniya Ipuvera» i biblejskaya Kniga Ekkleziasta // Skrizhali. 2012. T. 3. S. 65–68.
20. Al'bedil' M.F. Protoindijskaya civilizaciya. Ocherki kul'tury. M., 1994.
21. Androsov V.V. Budda Shak'yamuni i indijskij buddizm. Sovremennoe istolkovanie drevnih tekstov. M., 2001.
22. Anikeeva E.N. Istochniki indijskogo teizma v predfilosofii: Vedy i Upanishady // Religiovedenie. 2013. № 3. S. 115–120.
23. Arno D. Navuhodonosor II Car' Vavilonskij / per. c fr. N.N. Zubkova. M., 2009.
24. Arhipov I.S. Pisky Mesopotamii v protopis'mennyj i rannedinasticheskiy periody // Vestnik RGGU. Seriya: Istorija. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2013. № 17 (118). S. 76–101.
25. Bajramkulova T.D., Tambieva M.B. Pamyatnik drevneindijskogo prava – Zakony Manu // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 12 (29). S. 136–140.
26. Vysokij germetizm / per. s drevnegrech. i lat. L. Yu. Lukomskogo. SPb., 2001.
27. Vyrshchikov E.G. Lokayata i lokayatiki v drevnih istochnikah (palijskij kanon i «Arthashastra») // Orientalistika. 2019. T. 2, № 2. S. 281–292.
28. Dandamaev M.A. Politicheskaya istoriya Ahemenidskoj derzhavy. M., 1985.
29. D'yakonov I.M. Obshchestvennyj i gosudarstvennyj stroj drevnego dvurech'ya. Shumer. M., 1959.
30. Zakony Manu. M., 2002.
31. Kal'yanov V.I. Arthashastra ili nauka o politike / per. s sanskrita. M.-L., 1959.
32. Karev E.A. K voprosu o politiko-pravovoj mysli Drevnej Indii // Vestnik obshchestvennoj nauchno-issledovatel'skoj laboratorii «Vzaimodejstvie ugovorno-ispolnitel'noj sistemy s institutami grazhdanskogo obshchestva: istoriko-pravovye i teoretiko-metodologicheskie aspekty». 2024. № 34. S. 67–71.
33. Kozyreva N.V. Zakony Hammurapi v kontekste istorii Yuzhnoj Mesopotamii perioda rannej drevnosti // Mnemon: Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. 2018. № 18–1. S. 229–248.
34. Korostovcev M.A. Literatura Drevnego Egipta // Istoriya vseмирnoj literatury. T. 1. M., 1983. C. 54–82.
35. Korostovcev M.A. Pisky Drevnego Egipta. SPb., 2001.
36. Osipova N.G. Social'nye aspekty vedushchih religioznych doktrin: buddizm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27, № 3. S. 104–127.
37. Osipova N.G. Social'nye aspekty vedushchih religioznych doktrin: induizm // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2021. T. 27, № 1. S. 130–143.
38. Pashkova S.G. Dharmashastry i ih znachenie v kachestve istochnika prava [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj vestnik Kryma. 2021. № 1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dharmashastry-i-ih-znachenie-v-kachestve-istochnika-prava> (data obrashcheniya: 06.02.2025).
39. Radzhabov S.A. Genezis i sushchnost' mezhdunarodnogo prava v Drevnem mire // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 4 (12). S. 68–73.
40. Skorev V.A. Miloserdie v sisteme predfilosofskih kategorij drevneegipetskoj kul'tury // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 1 (147). S. 60–64.
41. Syrkina A. Ya. Upanishady (perevod s sanskr., predisl. i komm.). V 3-h kn. Kn. 1. M., 1992.
42. Timoshchuk A.S. Gosudarstvenno-pravovaya ideologiya Drevnej Indii kak protopravo // Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovyh. Seriya: Social'nye i gumanitarnye nauki. 2023. № 2 (38). S. 71–76.
43. Tomsinov V.A. Gosudarstvo i pravo Drevnego Egipta: monografiya. M., 2011.
44. Turaev B.A. Zakony Hammurapi. M., Berlin, 2018.
45. Tyumenev A.I. Gosudarstvennoe hozyajstvo drevnego shumera. M.-L., 1956.
46. Filimonova I.V. Obshchestvennyj, gosudarstvennyj stroj i pravovaya sistema Shumera // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2014. № 9 (37). S. 74–80.
47. Fridmann A.M. Predmetno-hudozhestvennoe oformlenie egipetskogo pogrebal'nogo obryada v Rimskij period: diss. ... kand. iskusstv. M., 2018.
48. Chattopadhyaya D. Indijskij ateizm / per. s angl. V.P. Liperovskogo i M.Z. Shkundina; pod red. N.A. Anikeeva. M., 1973.
49. Yakovlev V.O. Didakticheskaya poeziya Drevnego Egipta v svete bibleistiki: «Pouchenie Amenemope». K 130-letiyu otkrytiya papirusa s tekstem «Poucheniya Amenemope» // Trudy i perevody. 2018. № 1 (1). S. 138–152.
50. Yamvli. O egipetskih misteriyah / per. s drevnegrech., komentarij i predislovie I. Yu. Mel'nikovoj. M., 2004.

Проблемы подзаконного нормотворчества органов федеральной исполнительной власти в США в практике Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в.

Шулус Алексей Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права, МГУ им. М.В. Ломоносова

В статье рассмотрена практика Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в. касательно вопроса подзаконного нормотворчества. Изучена проблема трактовки законов со стороны исполнительной власти. Приводится предыстория вопроса, объясняющая изменение высшей судебной инстанцией государства подхода при разборе соответствующих дел. Изучена проблематика последних, особенно с точки зрения доверия агентствам в их толковании актов Конгресса. Рассматриваются общие и особенные черты установленных прецедентов. Приведены особые мнения судей с аргументированным разбором их позиций.

Ключевые слова: Конституция США, судебный прецедент, доктрина судебного прецедента, Верховный суд США, подзаконное нормотворчество, административное государство.

Как рассматривалось автором ранее [1], в деле «Гарланд против Каргилла» Верховный суд США признал распоряжение Бюро по контролю за оборотом алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатки о запрете «скользящих прикладов» неконституционным на том основании, что этот орган по сути переписал текст акта Конгресса [2]. Причем в данном случае существование доктрины Шеврона [3], предписывавшем судам полагаться на интерпретацию спорных положений законов со стороны агентств, никак этому не помешало, по причине ряда особенностей этого конкретного спора.

В то же время во многих других разбирательствах на прецедент 1984 г. «Шеврон против Совета по защите природных ресурсов» продолжали ссылаться, и это создавало многочисленные трудности истцам в защите их интересов от произвола исполнительной власти. И данная проблема также не осталась без внимания высшей судебной инстанции государства. Решив более точечный спор в деле Каргилла, в конце того же месяца (в июне 2024 г.) Верховный суд США поставил точку в более масштабном вопросе о самом доверии агентствам в их трактовке спорных положений законов.

В новом разбирательстве, названном «Loper Bright Enterprises против Раймондо» [4], истцы оспаривали распоряжение Национальной службы морского рыболовства, в соответствии с которым в рамках государственной программы именно на них возлагалась обязанность по несению обязательных расходов. Суть дела такова. В 1976 году в целях рационального управления рыбными ресурсами Конгресс принял Закон Магнусона-Стивенса «О сохранении рыбных запасов и управлении рыболовством» [5]. Данный Акт и последующие поправки к нему расширили юрисдикцию Соединенных Штатов до 200 морских миль за пределами территориального моря США и заявили об «исключительных полномочиях» по вылову всех рыб в пределах данной исключительной экономической зоны. Законом было учреждено восемь региональных советов по управлению рыболовством. На них ложилась функция разработки планов по ведению данной деятельности, которые в дальнейшем утверждались Национальной службой морского рыболовства в качестве окончательных распоряжений. В соответствии с требованием Закона касательно механизма установления ежегодных лимитов вылова на определенном уровне, на борту американских судов на практике за-

частую стали требовать присутствия одного или нескольких наблюдателей для сбора данных, необходимых для управления промыслом. Хотя Акт Конгресса 1976 г. прямо ограничивает соответствующие расходы (на уровне двух или трех процентов от стоимости выловленной рыбы), он не решает вопрос о том, ложатся ли они на самих рыбаков. Одно время Служба полностью финансировала покрытие соответствующих затрат, которые Совет по управлению рыболовством Новой Англии учитывал в своем плане для промысла атлантической сельди. Однако в 2013 году Совет предложил внести поправки и наделить самого себя полномочиями требовать от рыбаков оплаты наблюдателей в случае нехватки федерального финансирования. И несколько лет спустя Служба все-таки обнародовала распоряжение, утверждающее эту поправку. Проблема была острой по причине того, что Министр уполномочивался налагать на рыбаков санкции в случае отсутствия необходимого платежа [4] [6, С. 78].

В соответствии с государственной программой по промыслу атлантической сельди, которой занимались истцы, наблюдатели присутствовали на 50 процентах рыболовных рейсов. В рамках установленных правил представители судна должны заранее проинформировать Службу о выходе в море. Если последняя требует наличия наблюдателя, но отказывается назначить его за счет бюджета, судно должно заключить договор с сертифицированным независимым специалистом и оплатить его услуги. По подсчетам Службы, расходы на такого работника составляли до 710 долларов в день, по какой причине годовой доход владельца судна мог сокращаться на 20 процентов [4].

Истцы, будучи представителями небольшого семейного предприятия, в феврале 2020 года оспорили распоряжение Службы, ссылаясь на Акт 1976 г. Было заявлено, что он не уполномочивает власти требовать от рыбаков оплаты за работу наблюдателей, необходимость наличия которых была установлена планом управления рыболовством. Суд первой инстанции удовлетворил решение Правительства в порядке упрощенного судопроизводства. Он пришел к выводу, что Закон 1976 г. все-таки санкционировал такое распоряжение. При этом было отмечено: даже если бы статут и был признан двусмысленным, его толкование агентством все равно было бы оправдано в соответствии с доктриной Шеврона [7]. Коллегия Апелляционного суда округа Колумбия двумя голосами против одного также выступила на стороне ответчика. Большинство пришло к следующему выводу: нельзя однозначно утверждать, что Закон требует от рыболовов, занимающихся ловлей атлантической сельди, оплаты услуг наблюдателей, как на том настаивает Служба. Но поскольку намерения Конгресса до конца прояснить не удалось, нужно было, руководствуясь доктриной Шеврона, признать «разумную» трактовку агентства в качестве верной [8].

Таким образом, можно заметить следующее: суды при разборе дел, связанных с нечетким положением статута, руководствовались специфичным подходом. Первым шагом было определение того, дал ли Конгресс точный ответ на поставленный вопрос. Если ответ положительный – тогда спор прекращался. Но если выяснялось, что все-таки была оставлена двусмысленность или пробел, переходили ко второму шагу. И здесь суды должны были, согласно прецеденту 1984 г., принять во внимание толкование органа исполнительной власти, если оно «основано на допустимом толковании закона» [4]. И в случае сохранения доктрины «Шеврона» решение, скорее всего, было бы вынесено в пользу ответчика, как это и происходило в подавляющем большинстве случаев.

Теперь же Верховный суд пересмотрел вышеупомянутый прецедент, расценив его в качестве ошибочного. В решении за авторством председателя Дж. Робертса, к которому присоединились еще пять консервативных судей, со ссылкой на «Закон об административных процедурах» 1946 г. было указано следующее: суды более не обязаны, как ранее, следовать трактовке статута со стороны исполнительной власти – вместо этого они должны выступать в качестве независимых арбитров [4].

Обосновывая данную позицию, Дж. Робертс приводил множество аргументов. Во-первых, делал ссылку на 3 статью Конституции США, согласно которой именно судам отводится роль в решении спорных вопросов. Эта точка зрения соответствовала представлениям отцов-основателей, а также прецеденту по делу «Марбери против Мэдисона» 1803 г. [9], согласно которому именно суды должны были определять, каков закон. Подчеркивалось: эти органы независимые, в отличие от агентств, и данное обстоятельство особенно важно, когда спор касается пределов власти последних. Иными словами, суды должны всегда, даже когда ведомству прямо делегируется полномочие по толкованию статута, осуществлять независимый надзор и следить за тем, чтобы действия данного органа были обоснованными.

Во-вторых, в рамках исторического экскурса отмечалось следующее: ранее, даже во времена «Нового курса», суды ограничивались лишь тем, что просто уважали трактовку статута со стороны исполнительной власти. То есть о безусловном доверии не было речи. Поддержка позиции исполнительной власти могла иметь место только после исследований обстоятельств конкретного дела и подтверждения того факта, что статут, во-первых, недостаточно четкий, и, во-вторых, профильное агентство было уполномочено на его толкование. И лишь доктрина Шеврона, будучи принципиально новой, потребовала практически всегда слепо верить интерпретации закона со стороны агентства, даже если судебный орган был сам готов оценивать его текст иным образом, если трактовка являлась непоследовательной (как то было в случае споров по поводу «скользящих прикладов»), либо существовал предыдущий судебный

прецедент, толкующий конкретное спорное положение иным образом.

В-третьих, отмечалось, что суды используют весь набор методов для оценивания актов Конгресса, тогда как исполнительная власть может просто издать распоряжение и назвать новую трактовку «обоснованной».

В-четвертых, указывалось следующее: Закон 1946 г. «Об административных процедурах» преследовал цель ограничить (а не расширить) роль агентств, и для них были установлены определенные правила и границы [10]. По этой причине доктрина Шеврона не может соответствовать данному Акту, несмотря на утверждения Правительства об обратном.

В-пятых, пересмотренное определение 1984 г. было оценено в качестве фикции. Указывалось, что в течение десятков лет различные суды выносили решения, призванные ограничить сферу его применения. В частности, если возникали сомнения в том, действительно ли Конгресс намеревался делегировать агентству определенные полномочия по толкованию законов, доктрина Шеврона объявлялась «неприменимой». Из-за этого Верховный суд был вынужден постоянно разяснять ее, что лишний раз говорило о ее неработоспособности.

Верховный суд отверг многочисленные доводы ответчиков в защиту их позиции. В частности, касательно проблемы законодательных двусмысленностей, которые самим фактом своего существования якобы означают неявное делегирование полномочий по их разрешению агентствам. В мнении большинства по этому поводу отмечалось следующее. Во-первых, неопределенность сама по себе не означает безусловного делегирования функций по трактовке статутов ведомствам, и что в прецеденте по делу Шеврона просто путаются эти два понятия. Во-вторых, двусмысленности зачастую могут быть непреднамеренными. В-третьих, неопределенности в статутах присутствуют повсеместно – даже по вопросам, не имеющих никакого отношения к доктрине Шеврона, т.е. не связанных с подзаконным толкованием или делегированием агентствам полномочий. В-четвертых, подчеркивалась следующая принципиальная позиция: законы, какими бы нечеткими они ни были, на самом деле должны иметь единственное, наилучшее значение. Поэтому вместо того, чтобы объявить норму размытой и признать толкование со стороны агентства «допустимым», судам следует использовать все имеющиеся в их распоряжении инструменты, чтобы определить наилучшую трактовку статута и разрешить двусмысленность наиболее подходящим образом.

Были отвергнуты и прочие аргументы ответчиков, которые, стремясь оставить доктрину Шеврона нетронутой, заявляли следующее: 1) у агентств имеется профессиональный статус, что подтверждается их постоянной практикой предварительного проведения экспертиз своих будущих НПА; 2) следует сохранить приверженность принципу единообразной трактовки законов; 3) процесс

толкования актов Конгресса приводит к возникновению далеко идущих политических последствий, по какой причине такая роль больше подходит исполнительной власти, чем судам. Суд отверг эти аргументы как небезупречные и недостаточные. Так, было отмечено, что с 1984 г. исполнительной власти доверие оказывалось практически во всех случаях, даже если агентствами не было проведено должной экспертизы. Кроме того, Верховный суд также выразил сомнение, что прецедент 1984 г. в значительной мере способствовал процессу унификации в деле интерпретации статутов; и вдобавок указал, что интерпретация ради нее самой в ущерб правильному толкованию – это не лучшее решение. Наконец, подчеркивалось следующее: взгляд ответчиков на проблему трактовки законов является в корне неверным, поскольку такие действия порождают в первую очередь юридические последствия. Из-за этого требуется правовое (а не политически выгодное) толкование, а здесь именно судам традиционно отводилась ведущая роль.

На основании всего вышеизложенного Верховный суд решил: единственный способ гарантировать отсутствие хаоса в толковании статутов заключается именно в отказе от доктрины Шеврона. В то же время высшая судебная инстанция не стала ставить под сомнение предыдущие дела, которые основывались на ней, включая «Шеврон против Совета по защите природных ресурсов» 1984 г. Т.е. они по-прежнему рассматривались в рамках доктрины судебного прецедента (*stare decisis*). Применительно к сказанному выше, данная позиция видится, мягко говоря, спорной, но ее можно объяснить с чисто прагматических соображений, стремлением кардинально не менять уже сложившуюся практику в нижестоящих судебных инстанциях.

Свои особые мнения в поддержку вынесенного определения написали судьи К. Томас и Н. Горсач. Так, первым отмечалась следующая фундаментальная проблема: доктрина Шеврона нарушает систему разделения властей и механизм сдержек и противовесов, поскольку ограничивает судебную власть и одновременно расширяет полномочия агентств за пределы конституционных ограничений. Судья подчеркивал: отцы-основатели США предполагали, что именно «суды [будут] проверять исполнительную власть, применяя правильное толкование закона» [4].

Н. Горсач, помимо прочего, обращал внимание на то, что принцип *stare decisis* не нарушается в новом решении, а – наоборот – поддерживается. Во-первых, по причине того, что ранее вынесенное решение может связывать стороны будущего спора, но при этом оно не дает (как, по сути, утверждала доктрина Шеврона) полномочий отступать от Конституции или законов Соединенных Штатов. Во-вторых, указывалось на тот факт, что *stare decisis* не является «непреложным приказом» и Верховный суд время от времени исправлял свои прошлые ошибки – например, в период с между

1960-ми и 1980-ми годами были пересмотрены десятки ранее вынесенных решений, многие из которых были не менее важными, чем прецедент 1984 г. В-третьих, подчеркивалось следующее: смотреть на судебные определения как на законы было бы ошибкой, поскольку последние принимаются в рамках надежного и демократического процесса с расчетом на широкое действие норм, тогда как судьи выносят решения, основанные только на фактических данных и юридических аргументах, которые стороны смогли представить на слушаниях. В последующих же спорах суд должен учитывать возможность того, что иные сведения могут привести к совершенно другому результату.

Помимо этого, Н. Горсач отмечал, что в прецеденте по делу Шеврона суд «даже не потрудился процитировать» Закон 1946 г., не говоря уже о том, чтобы попытаться применить его нормы. Вместо этого, что признали даже самые ярые защитники, доктрина Шеврона основывалась лишь на «придуманном заявлении о желании законодателя», что Конгресс якобы неявно решил делегировать функцию толкования статутов агентствам. Данное решение 1984 г., как говорит судья, пересмотрело традиционную роль судов и, по сути, подрывало принцип конституционного надзора, установленный еще прецедентом «Марбери против Мэдисона» 1803 г. [4]

Э. Кейган выступила против нового решения, к ней присоединились С. Сотомайор и, отчасти, К. Джексон (которая не принимала участия в решении дела по существу из-за конфликта интересов и присоединилась лишь постольку, поскольку приводимые аргументы относились к другому сопутствующему спору, по которому Верховный суд вынес то же самое определение [11, С. 78–79]). Было указано, что в течение 40 лет прецедент 1984 г. служил краеугольным камнем административного права, распределяя ответственность за толкование закона между судами и агентствами. Данная доктрина сформировала фон, на котором Конгресс, суды и исполнительная власть работали десятилетиями. Это было частью основы современного правительства в регулировании многих вопросов – в частности, в сохранении чистоты воздуха и воды, безопасности продуктов питания и лекарств, прозрачности финансовых рынков и т.д.

Появление доктрины Шеврона, как отмечала Э. Кейган, было обусловлено рядом причин. Во-первых, из-за того, что агентства обладают экспертными знаниями в профильных областях, тогда как суды – нет. Так, у последних могут возникать трудности по поводу следующих вопросов: какие полимеры альфа-аминокислот следует классифицировать в качестве белков, каков уровень «естественной тишины», что следует классифицировать в качестве «стационарного источника» загрязнения воздуха и т.д. Во-вторых, исполнительные органы отвечают перед президентом, а он – перед общественностью. Суды же ни перед кем не отчитываются, по какой причине передача им соответствующих полномочий якобы будет более опасной.

Все это позволяет прийти к выводу, что оказание доверия агентствам является практически очевидным выбором.

Как гласило особое мнение, прецедент по делу Шеврона не просто являлся укоренившимся и имеющим право на защиту *stare decisis*, а по ряду причин заслуживает даже усиленной версии этой доктрины: во-первых, потому, что Конгресс всегда может отменить свое решение о неявном делегировании полномочий агентствам; во-вторых, так как правительство и частные лица уже в течение долгого времени и в значительной мере полагались на нее.

Отчасти было выражено согласие с мнением большинства, что Конгресс не всегда планировал передавать полномочия по толкованию статутов ведомствам. Но при этом судьей было отмечено следующее: когда законодатель не выбирает явно один или другой подход, нужно иметь правило по умолчанию, лучшее из которых – это делегирование соответствующих функций исполнительной власти [4].

Следует подробнее остановиться на некоторых спорных моментах данного особого мнения. Во-первых, утверждение, что решение вопроса об оценке подзаконных НПА судами якобы более опасно, чем агентствами, вызывает серьезные возражения. Безусловно, привлечь чиновников к ответственности за свои действия значительно проще, чем судей. Но дело в том, что последние сами по себе не издают подзаконных НПА – они лишь оценивают чужие в рамках состязательного процесса. А доктрина Шеврона подразумевает, что агентства одновременно и издают распоряжения, и – фактически – обеспечивают себе победу в случае возникновения спора.

Во-вторых, пересмотр решения 1984 г. вовсе не означал отказа от практики подзаконного нормотворчества. Отменяя старый прецедент, Верховный суд США все-таки оставил в силе предыдущий по делу «Скидмор против Свифт и компании» 1944 г., согласно которому интерпретация статутов агентствами принимается во внимание и к ней относятся с уважением [12]. Суд учитывает такие факторы, как тщательность рассмотрения вопроса, обоснованность доводов ведомства и его последовательность в собственной практике. Т.е. суд по-прежнему может поддерживать трактовку закона, если она соответствует указанным требованиям. Представляется, что такой шаг является разумным компромиссом: с одной стороны, граждане будут защищены от произвола агентств, а – с другой – удастся избежать непредсказуемого изменения ситуации в рассматриваемой сфере.

В-третьих, если принять доктрину Шеврона в качестве правильной, становится непонятным, как поступать в тех случаях, когда агентства резко меняют свое мнение на противоположное – как то было, например, в случае со «скользящими прикладами». Неужели будет получаться, что и прошлое его распоряжение верное, и новое – при том, что они прямо противоречат друг другу? Прецедент 1984 г.

не дает ответа на этот вопрос и не защищает истцов от подобного государственного произвола.

Дело 2024 г. оказалось весьма значительным. Оно, как предположили специалисты, должно привести к более осторожному и предсказуемому подзаконному нормотворчеству со стороны агентств. И в случае возникновения споров последним придется прилагать значительно больше усилий для обоснования своей позиции в суде. Иными словами, новый прецедент поставил ответчиков в лице Правительства на один уровень с истцами [12]. В данных новых условиях многие подзаконные акты оказались под реальной угрозой пересмотра. Это позволяло предположить, что Верховный суд в принципе выступает против широкой практики подзаконного нормотворчества со стороны Правительства. Однако данное предположение, по мнению автора, не является верным, что будет далее проиллюстрировано на примере дела «Гарланд против Вандерстока» (позднее – «Бонди против Вандерстока») [14].

Еще в 2022 г. администрация Дж. Байдена, наблюдая за тем, как суды на тот момент отказывались признавать неконституционным запрет на «скользящие приклады», решила принять ряд новых распоряжений в области регулирования оборота огнестрельного оружия. Одно из них относилось к принятию измененной трактовки статутного определения последнего. Согласно «Закону о контроле за оружием» 1968 г., термин «огнестрельное оружие» включает в себя в том числе и его рамку или ствольную коробку, даже если они представлены отдельно от остальных частей. Бюро приняло постановление, интерпретирующее упомянутый Акт Конгресса более широко, и включающее, в частности, комплекты деталей оружия, которые созданы или могут быть легко переделаны для выброса снаряда [15], равно как и «частично завершенные, разобранные или нефункциональные» рамки или ствольные коробки (часто неофициально называемые «80-процентными») [16]. Соответственно, для производства и официальной реализации этих предметов стали требоваться действующая лицензия, маркировка выпущенной продукции, осуществление проверки покупателя на благонадежность и ведение записей продаж [17, С. 305]. Публикуя подзаконный акт, власти обосновывали его принятие резким ростом преступлений с применением такого оружия за последние годы.

Прежде чем распоряжение Бюро вступило в силу, производители и прочие заинтересованные лица иск в соответствии с «Законом об административных процедурах» 1946 г., утверждая, что Акт 1968 г. не распространяется на комплекты деталей оружия, а также на незаконченные рамки или ствольные коробки [18]. В федеральном суде по Пятому апелляционному округу согласились с этими доводами и признали распоряжение Бюро неконституционным. Подтверждалось, что упомянутый Акт Конгресса не распространяется на данные предметы независимо от полноты комплекта или простоты сборки – ограничения действуют

лишь в отношении уже готовых рамок и ствольных коробок [19].

Дело поступило в Верховный суд США в 2024 году, тогда же были заслушаны аргументы сторон. В отличие от ранее разобранных похожих споров, на этот раз, в 2025 г., он 7 голосами против 2 встал уже на сторону ответчика. В определении за авторством консерватора Н. Горсача было указано, что распоряжение Бюро не является несовместимым с Законом 1968 г., поскольку с точки зрения последнего огнестрельным оружием считаются и те предметы, которые могут быть легко преобразованы в работоспособный образец. По этой причине к нему могут быть приравнены некоторые комплекты деталей – например, набор «Buy, Build, Shoot» от Polymer80, содержащий все необходимые компоненты для сборки полуавтоматического пистолета за 20 минут с использованием обычных инструментов. Другая же трактовка Бюро – о частично завершенных рамках и ствольных коробках – также объявлялась допустимой, поскольку с точки зрения Закона, по мнению большинства, незавершенным может быть не только оружие в целом, но и вышеперечисленные его части [14].

Обосновывая решение, Верховный суд указывал на следующие обстоятельства. Во-первых, на то, что по Закону 1968 г. оружие – не только предмет, способный «выстрелить снарядом под действием взрывчатого вещества», но и тот, что *разработан* для выполнения данной функции, либо «может быть легко переделан» для этого. Указывалось, что в соответствии с данным Актом термин «огнестрельное оружие» очень широкий и включает в себя даже стартовый пистолет. Не предназначенный для метания поражающего снаряда, он технически все же может быть модифицирован для воспроизводства выстрелов боевыми патронами. Однако, по мнению автора, стоит указать на недостаточную убедительность приведенного аргумента: стартовый пистолет в Законе прямо назван огнестрельным образцом, тогда как многие другие категории неполноценного или недоделанного оружия – нет.

Во-вторых, указывалось, что рамки и ствольные коробки – это самые важные части оружия и в соответствии с Актом 1968 г. они, даже будучи представленными отдельно, подлежат такому же регулированию. Хотя упомянутый документ не содержит определения данных терминов, оно в том же 1968 году было дано исполнительной властью. Согласно ему, рамка или ствольная коробка – это «[та] часть... которая обеспечивает размещение курка, затвора или затворной группы и ударно-спускового механизма, и которая обычно имеет резьбу ... для установки ствола» [16]. По этой причине был отвергнут довод истцов, согласно которому распоряжение Бюро о комплектах деталей в принципе не соответствует Закону – в частности, потому, что у них отсутствуют как таковые функциональные рамки или ствольные коробки. Суд заявил следующее: в Акте 1968 г. нигде не говорится, чтобы эти части должны быть полностью рабочи-

ми и непонятно, как можно вывести такое правило из статута; при этом согласно нему регулированию подлежит любой образец, который может «быть легко переделан» в боевой [18]. И оружие, которое полностью работоспособно, за исключением рамки, в которой отсутствует лишь один легко добавляемый винт, несомненно, соответствует этому описанию. Кроме того, даже если бы Закон требовал, чтобы огнестрельный образец имел полностью функциональную рамку или ствольную коробку, некоторые отдельные комплекты деталей, по мнению Суда, все равно могут соответствовать определению оружия.

В-третьих, говорилось об особенностях т.н. «артефактных» существительных (*artifact nouns*), которые с точки зрения английского языка «характеризуются предполагаемой функцией», а не «какой-то невыразимой «природной сущностью»». Данная категория часто используется для обозначения незаконченных объектов, по крайней мере, когда их предполагаемая функция ясна. Например, можно говорить о романе в виде незаконченной рукописи, о столе как комплекте деталей из магазина IKEA и т.д. Аналогично и под «оружием» следует понимать разобранный или не готовый к бою огнестрельный образец. Даже более того, комплект необходимых деталей можно рассматривать в таком же качестве, если он включает в себя все необходимые компоненты и его предполагаемое назначение очевидно.

В-четвертых, отмечалось следующее важное обстоятельство: претензий к предыдущей подзаконной практике агентства как таковой у истцов не было, хотя ранее оно уже принимало другие распоряжения, также признававшие некоторые другие частично завершённые изделия в качестве готового оружия. Таким образом, по мнению Суда, Закон уполномочивает Бюро регулировать по крайней мере некоторые разновидности деталей и комплектов, если на доведение их до работоспособного состояния уходит несколько минут работы с обычными инструментами.

В-пятых, указывалось и на изменение в области науки и техники. Если во время принятия Закона 1968 г. фрезерное оборудование, необходимые материалы и конструкции были слишком дорогими для самостоятельного изготовления отдельными лицами надежного огнестрельного оружия, то появление новых технологий (включая 3D-печать) позволяет уже широким категориям населения собирать функциональные огнестрельные образцы у себя дома.

В-шестых, обозначалось, что распоряжение Бюро служит как минимум двум полезным целям. Первое – требование проверки биографических данных – позволяет предотвратить попадание оружия в руки преступников. Второе – положения о лицензировании, ведении учета и нанесения маркировки – помогают правоохранительным органам в расследовании серьезных преступлений (например, позволяя им определять, где, кем или когда

был изготовлен огнестрельный образец и кому он был передан).

Что же касается аргументов истцов о том, что принятие решения в пользу ответчика может повлечь за собой официальную переоценку некоторых категорий оружия (в частности, признание винтовок AR-15 в качестве автоматического оружия), то этот довод был признан неубедительным. Правительство, как отвечал Суд, само утверждало, что ствольные коробки AR-15 не квалифицируются в качестве деталей автоматического оружия, и анализ Закона 1968 г. не предполагает, что Бюро имеет полномочия издать соответствующее распоряжение. Подчеркивалось, что в подобных случаях текст и контекст закона имеют решающее значение для определения намерения Конгресса. По мнению автора, видна некоторая непоследовательность подобного утверждения: автоматическим оружием по Закону 1934 г. считается не только оно само, но и те образцы, которое можно быстро привести в соответствующее состояние [20]. И если превратить, скажем, винтовку в автомат проще, чем обработать недоделанную рамку или ствольную коробку, становится не очень понятным, почему в первом случае потенциальная трактовка недопустима, а во втором – позволительна.

Доктрина же снисходительности, на которую рассчитывали истцы, по мнению Суда не применяется, когда текст, контекст и структура статута ясно дают понять, что он все-таки включает в себя некоторые комплекты и детали оружия. Т.е. Закон 1968 г. распространяет на данные предметы свое действие и позволяет Бюро их регулировать.

При этом Верховный суд отмечал, что распоряжения агентства не могут распространяться на те детали, которые «не достигли стадии изготовления, на которой его можно четко идентифицировать как незаконченную составную часть оружия». Например, в принципе необработанная ствольная коробка не подлежит регулированию. Чтобы решить, можно ли «легко переделать» комплект в работоспособное оружие, Бюро должно учитывать несколько факторов, включая время, простоту, опыт, наличие оборудования, а также доступность других необходимых деталей.

С. Сотомайор написала мнение в поддержку решения Суда. Было отмечено: опасения истцов по поводу того, когда и как соблюдать требования по продаже оружия в соответствии с Законом 1968 г., являются необоснованными, поскольку они хорошо знакомы лицензированным продавцам. И что распоряжение Бюро просто прикрывает лазейку, позволявшую обходить статут [14].

Б. Кавано также полностью присоединился к вынесенному определению. И вдобавок отметил следующий момент: хотя граница дозволенного не совсем ясна и ответственность за нарушение правил ведения продаж установлена суровая (вплоть до тюремного заключения), она грозит лишь в случае умышленной формы вины. И именно на Правительстве лежит бремя доказывания ее

наличия. Таким образом, текст Закона служит дополнительной гарантией от произвола Бюро [14].

В особом мнении с критикой позиции большинства К. Томас отметил следующее: Правительство за год до того просило Верховный суд «переписать» статутный текст и позволить регулировать полуавтоматическое оружие в качестве самострельного. Хотя в этом было отказано, президентская администрация захотела изменить уже иной закон и признать комплекты деталей в качестве готового оружия. К. Томас отмечает, что упоминание незавершенности по Акту Конгресса 1968 г. присутствует – но только по отношению к оружию в целом и ни в коем случае не к его отдельным деталям, включая рамки и ствольные коробки [14]. Как представляется, с данным аргументом можно согласиться по следующей причине: поскольку Закон 1968 г., обходящий молчанием вопрос о недоделанности отдельных частей огнестрельных образцов, является частью Уголовного Кодекса (т.е. 18 части Кодекса США), возникающие сомнения стоит толковать в пользу обвиняемого в соответствии с «доктриной снисходительности». Хотя в данном случае высшая судебная инстанция ее отвергла, такая позиция не была, на взгляд автора, сколь-либо подробно и исчерпывающе обоснована – в тексте решения ее лишь обозначили.

Как можно заметить, пересмотр прецедента по делу Шеврона не помешал Верховному суду в вышеописанном случае встать на сторону исполнительной власти и принять ее трактовку определения термина «огнестрельное оружие». Причем это было сделано с учетом фактора развития технологий в обществе, что свойственно доктрине т.н. «Живой Конституции».

Могут возникнуть вопросы по поводу того, почему в деле Каргилла высшая судебная инстанция государства выступила на стороне истца, а в похожем на него споре «Бонди против Вандерстока» решение было уже в пользу ответчика. На взгляд автора, есть две значимые причины. Первая – это существенные отличия между данными разбирательствами с точки зрения соответствия распоряжений агентства статуту. В случае споров по поводу «скользящих прикладов» в действиях Бюро было явное противоречие тексту Закона 1934 г., где определение автоматического оружия давалось достаточно полно и исчерпывающе. Во втором же деле однозначного нарушения не было: в Акте Конгресса 1968 г. определений рамок и ствольных не содержится, и данная проблема всегда решалась в рамках подзаконного нормотворчества. То же касается и спорного момента о незавершенности рамок и ствольных коробок – Акт 1968 г. об этой проблеме также умалчивает.

Второе – это существенная разница в тяжести последствий для истцов. Хотя формально это не было основанием для вынесения любого из упомянутых прецедентов, данное обстоятельство все-таки по факту принималось во внимание, как о том можно было судить по прошедшим слушаниям [21], а также некоторым особым мне-

ниям отдельных судей. В случае со «скользящими прикладами» грозила уголовная ответственность даже за простое продолжение владения предметами. Что же касается отдельных частей оружия и комплектов деталей к нему в деле Вандерстока, то здесь ограничения распространялись, по сути, лишь на производителей и продавцов, которые даже в случае проигрыша дела все равно могли продолжать реализовывать свою продукцию, пусть и в рамках ограничений, установленных Законом 1968 г.

Несмотря на то, что в этот раз Верховный суд США выступил против истцов, его не стоит оценивать как однозначную победу доктрины административного регулирования. Во-первых, этот вопрос оказался относительно узким по своим последствиям: в нем оспаривалась не сама возможность изготовления оружия в домашних условиях и не регулирование любых недоделанных его частей, а лишь соответствие некоторых комплектов деталей, а также недоделанных рамок и ствольных коробок законному определению огнестрельного образца. Во-вторых, не все подобные предметы (комплекты и заготовки рамок или ствольных коробок), согласно решению, подпадают под определение оружия – эти вопросы могут решаться по-разному в каждом отдельном случае. В-третьих, установленная уголовная ответственность за нарушения правил продажи и производства огнестрельных образцов будет наступать лишь в случае наличия у действующего лица умысла. В-четвертых, вынесенное решение не препятствует новой администрации США отказаться от принятой их предшественниками запрета и издать новое распоряжение, где термин «оружие» будет трактоваться более узко.

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы. Новое консервативное большинство Верховного суда США пересмотрело подход, принятый ранее этим же органом в 80-х гг. прошлого века, и отказалось от практики оказания презумпции доверия исполнительной власти в их трактовке нечетких положений статутных норм, когда соответствующие нормы расплывчаты или в них содержатся пробелы. Было отказано и в попытках Правительства переписать уголовный закон, поскольку в последнем давалось достаточно четкое и понятное определение ключевого термина. В то же время высшая судебная инстанция не отказывается от подзаконного регулирования как такового. В частности, она продолжает оказывать определенное почтение агентствам в их трактовке спорных положений статутных норм, пусть и не в такой мере, как это происходило ранее. И даже в уголовной сфере толкование законов со стороны исполнительной власти по-прежнему может найти поддержку со стороны суда, что было видно на примере последнего разобранного дела. Отныне, как можно предполагать, высшая судебная инстанция и нижестоящие по отношению к ней органы будут тщательно исследовать обстоятельства каждого конкретного спора, связанного с трактовкой не-

четких положений статутах, и выносить решение в пользу той стороны, которая предоставит более убедительные доказательства.

Литература

1. Шулуc A.A. Некоторые вопросы подзаконного нормотворчества органов федеральной исполнительной власти в США в практике Верховного суда США в начале 20-х гг. XXI в. // Юридическая наука. – Москва. – № (). – 2025. – С.
2. 602 US 406 *Garland v. Cargill* (2024)
3. 467 U.S. 837 *Chevron U.S.A. v. Natural Res. Def. Council* (1984)
4. 603 U.S. 369 *Loper Bright Enterprises v. Raimondo* (2024)
5. 16 U.S.C. Ch. 38. § 1801
6. SCOTUS2024: Major Decisions and Developments of the US Supreme Court (под ред. H. Schweber). Springer Nature Switzerland. 2025. P. 78 162 p.
7. DC DC Case 1:20-cv-00466-EGS *Loper Bright Enterprises, Inc v. Gina Raimondo* (2021)
8. CA DC No. 21–5166 *Loper Bright Enterprises, Inc v. Gina Raimondo* (2022)
9. 5 US 137 *Marbury v. Madison* (1803)
10. 5 U.S.C. § § 551–559
11. SCOTUS2024: Major Decisions and Developments of the US Supreme Court (под ред. H. Schweber). Springer Nature Switzerland. 2025. 162 p.
12. 323 U.S. 134 *Skidmore v. Swift & Co.* (1944)
13. After *Chevron*: What the Supreme Court's *Loper Bright* Decision Changed, and What It Didn't. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (дата обращения 03.08.2025)
14. 604 U.S. ____ *Bondi v. VanDerStok* (2025)
15. 27 CFR § 478.11
16. 27 CFR § 478.12
17. Greenberg, M.A. Youth Involvement in Public Safety in the United States: Mitigating Youth Violence Through Community Programming. Springer Nature Switzerland. 2024. P. 305 332 p.
18. 18 U.S.C. § 921(a)(3)(A)
19. CA5 Case 23–10718 *VanDerStok v. Garland* (2023)
20. 26 U.S.C. § 5845(b)
21. Howe A. Supreme Court split over bump-stock ban. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (дата обращения 03.08.2025)

ISSUES OF SUBORDINATE RULE-MAKING BY THE FEDERAL EXECUTIVE BRANCH IN THE USA IN THE JURISPRUDENCE OF THE UNITED STATES SUPREME COURT IN THE EARLY 20S OF THE 21ST CENTURY

Shulus A.

Lomonosov Moscow State University,

In the article, the author examines the practice of the US Supreme Court in the early 20s of the 21st century regarding the issue of regulatory rule-making. The issue of interpretation of laws by the executive branch is studied. A backstory that explains the problem of deploying a new approach to the examination of relevant cases by the highest court in the US is provided. The issues of the latter are studied, especially in terms of deference to agencies' interpretation of Congressional acts. General and specific features of the established precedents are examined. Furthermore, the author reflects justices' concurrences and dissents with their reasoning.

Keywords: US Constitution, judicial precedent, stare decises, US Supreme Court, rulemaking, administrative state.

References

1. Shulus, A.A. "Some Issues of Subordinate Rulemaking by Federal Executive Bodies in the United States in the Practice of the US Supreme Court in the Early 1920s" // *Yuridicheskaya Nauka*. – Moscow. – No. (). – 2025. – P.
2. 602 US 406 *Garland v. Cargill* (2024)
3. 467 U.S. 837 *Chevron U.S.A. v. Natural Res. Def. Council* (1984)
4. 603 U.S. 369 *Loper Bright Enterprises v. Raimondo* (2024)
5. 16 U.S.C. Ch. 38. § 1801
6. SCOTUS 2024: Major Decisions and Developments of the US Supreme Court (ed. H. Schweber). Springer Nature Switzerland. 2025. P. 78, 162 p.
7. DC DC Case 1:20-cv-00466-EGS *Loper Bright Enterprises, Inc v. Gina Raimondo* (2021)
8. CA DC No. 21–5166 *Loper Bright Enterprises, Inc v. Gina Raimondo* (2022)
9. 5 US 137 *Marbury v. Madison* (1803)
10. 5 U.S.C. § § 551–559
11. SCOTUS 2024: Major Decisions and Developments of the US Supreme Court (ed. H. Schweber). Springer Nature Switzerland. 2025. 162 p.
12. 323 U.S. 134 *Skidmore v. Swift & Co.* (1944)
13. After *Chevron*: What the Supreme Court's *Loper Bright* Decision Changed, and What It Didn't. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (accessed 08/03/2025)
14. 604 U.S. ____ *Bondi v. VanDerStok* (2025)
15. 27 CFR § 478.11
16. 27 CFR § 478.12
17. Greenberg, M.A. Youth Involvement in Public Safety in the United States: Mitigating Youth Violence Through Community Programming. Springer Nature Switzerland. 2024. p. 305 332 p.
18. 18 U.S.C. § 921(a)(3)(A)
19. CA5 Case 23–10718 *VanDerStok v. Garland* (2023)
20. 26 U.S.C. § 5845(b)
21. Howe A. Supreme Court split over bump-stock ban. URL: <https://www.scotusblog.com/2024/02/supreme-court-split-over-bump-stock-ban/> (accessed August 3, 2025)

О специальных принципах взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС

Яцко Татьяна Петровна,

соискатель, Национального центра законодательства
и правовой информации
E-mail: tattyana@mail.ru

В статье рассматриваются специальные принципы взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС. Таможенным кодексом ЕАЭС определено взаимодействие таможенных органов государств – членов ЕАЭС. Это позволяет такое взаимодействие рассматривать, как согласованное и направленное на выполнение задач и функций, поставленных в Таможенном Кодексе ЕАЭС. Эффективность такого взаимодействия выступает важной составляющей для успешной реализации целей ЕАЭС. Взаимодействие таможенных органов в рамках ЕАЭС базируется на принципах, вытекающих прежде всего из положений наднационального права. Интеграционные процессы, которые привели к формированию механизма взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС. Наряду с общими принципами следует выделять и специальные принципы взаимодействия таможенных органов государств – членов ЕАЭС, которые представляют собой многоаспектное правовое явление и выступают регулятором процесса взаимоотношений таможенных органов в рамках ЕАЭС. Дальнейшее развитие интеграционных процессов будет способствовать эволюционированию таких принципов. Наряду с этим, следует отметить и влияние правоприменительной практики и практической деятельности на развитие специальных принципов.

Ключевые слова: таможенное регулирование, таможенное сотрудничество, взаимодействие таможенных органов.

Введение

Оптимальное взаимодействие таможенных органов государств – членов ЕАЭС (далее – взаимодействие таможенных органов) является важным составляющим для успешной реализации целей ЕАЭС. Функционированию ЕАЭС предшествовал интеграционный опыт в рамках ЕврАзЭС, и практический опыт таможенного регулирования в рамках функционировавшего Таможенного союза. Таможенный союз ЕАЭС – это единое таможенное регулирование в соответствии с Договором о ЕАЭС, ТК ЕАЭС и регулируемыми таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза (ст. ст. 25, 32 Договора о ЕАЭС). Единое таможенное регулирование способствовало установлению единообразия порядка перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, таможенных процедур, форм таможенного контроля, таможенных платежей, таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, режимы торговли с третьими странами.

Процессе взаимодействия таможенных органов восприимчив ко многим составляющим деятельности таможенных органов: имеющимся различиям в материально – техническом базе, компетенциях, полномочиях и структуре таможенных органов. Также следует отметить, что односторонние санкции, вводимые в отношении некоторых государств – членов ЕАЭС, а также принимаемые ответные меры на них, корректировка национальных обязательств по регулированию внешнеэкономической деятельности, таможенного тарифа в связи с взятыми обязательствами по присоединению к ВТО оказали влияние на процесс взаимодействия таможенных органов.

В работе российских ученых А.А. Костина, О.В. Костиной, О.А. Москаленко, Л.И. Ануфриевой рассмотрены теоретические и практические аспекты развития международного таможенного сотрудничества как в рамках международных организаций, так и в рамках двухстороннего межгосударственного сотрудничества. Отдельные аспекты международного таможенного сотрудничества отражены в работах белорусских ученых А.А. Головки, А.З. Игнатьюка, А.Ф. Вишневого, Е.Н. Мартюшевской, Т.Н. Михалевой, В.А. Остроги, Е.В. Ребицкой, С.В. Рыбака, И.И. Шматкова. Однако, в данных научных публикациях недостаточно рассмотрены принципы взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС. Вместе с тем принципы играют первостепенную роль в построении механизма взаимодействия таможенных органов государств –

членов ЕАЭС, выступая основой, на которой строится такое взаимодействие. Таким образом, значимость исследования специальных принципов взаимодействия таможенных органов в рамках ЕАЭС обусловлена и недостаточной теоретической проработанностью вопроса специфических принципов взаимодействия таможенных органов государств – членов ЕАЭС, и нормативном закреплении таких принципов.

Основная часть

Всякое взаимодействие государств – членов ЕАЭС и их компетентных органов нуждается в правовом закреплении формы и порядка такого взаимодействия в нормах актов ЕАЭС. Подготовка таких актов базируется в силу положений Договора о ЕАЭС на нормах и принципах международного права, опыта сотрудничества в рамках международных организаций и интеграционных объединений.

Нормы – принципы права ЕАЭС закреплены в Договоре о ЕАЭС. В преамбуле Договора о ЕАЭС закреплены общепризнанные принципы – суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, которым следуют государства – члены ЕАЭС и ЕАЭС. Также в Договоре о ЕАЭС обозначены и принципы всемирной торговой организации, как принципы, которые учитываются ЕАЭС и государствами – членами ЕАЭС. Принципы, на основе которых ЕАЭС основывает свою деятельность, сформулированы в ст. 3 Договора о ЕАЭС: уважение общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности; уважение особенностей политического устройства государств-членов; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон; соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции; функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

ЕАЭС наделен компетенциями в пределах и объемах, установленных в первую очередь Договором о ЕАЭС, что реализуется посредством проведения скоординированной или согласованной политик государствами – членами ЕАЭС. Общие принципы права ЕАЭС позволяют определять вектор развития интеграционных процессов права ЕАЭС и его базис. Наряду с этим отраслевые принципы права ЕАЭС определяют формирование и деятельность отдельных институтов ЕАЭС (принципы таможенного регулирования, регулирования обращения лекарственных средств и медицинских изделий, технического регулирования и т.д.). Деятельность ЕАЭС, формирование органов и институтов ЕАЭС основывается на Договоре о ЕАЭС, который содержит основные нормы-принципы. Таким образом, общие нормы-принципы, характерные для права ЕАЭС найдут свое преломление в инсти-

тутах ЕАЭС, отражают специфику регулирования отдельных институт ЕАЭС специальные принципы.

Единое таможенное регулирование в ЕАЭС базируется на принципах таможенного регулирования. Эффективность единого таможенного регулирования во многом зависит от координации деятельности таможенных органов государств – членов ЕАЭС, которая выражается во взаимодействии таможенных органов государств – членов ЕАЭС. Характерные черты такого взаимодействия показаны в специальных принципах.

Рассмотрение специальных принципов взаимодействия таможенных органов государств – членов ЕАЭС вызвано потребностью разрешения таких задач как:

- построение механизма взаимодействия таможенных органов государств – членов ЕАЭС в области единого таможенного регулирования в рамках ЕАЭС и дальнейших интеграционных процессов;

- необходимость использования международного опыта таможенного сотрудничества для формирования новых подходов к регулированию новых торговых отношений в условиях глобализации и санкционного давления;

- гармонизация законодательства о таможенных правонарушениях;

- обеспечение эффективности проведения таможенного контроля;

- проведение целенаправленной работы по обеспечению экономической безопасности, как составляющей национальной безопасности Республики Беларусь;

- выстраивание механизма защиты прав и законных интересов субъектов хозяйствования Республики Беларусь, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Специальные принципы определяют сущность взаимодействия таможенных органов. Специальные принципы взаимодействия таможенных органов необходимо рассматривать с учетом принципов таможенного сотрудничества, принципов, сформированных в таможенном и международном таможенном праве.

С.Г. Дробязко подчеркивал, что термин «принцип» (от лат. *principium* – начало, первооснова) воспринят всеми науками, в том числе юриспруденцией. Теоретическую и практическую значимость этого понятия, а точнее категории – переоценить невозможно. Понятие «принципы права» является одной из базовых юридических категорий [1, с. 27]. Выступают в качестве несущей конструкции, на которой покоятся и реализуются не только отдельные нормы права, институты или отрасли, но и вся система права [2, с. 193]. В обобщенной форме принципы права выражают сущность нормативной системы, ее характерные черты и целенаправленность [3, с. 84]. Так же принципы права, можно рассматривать, как «основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни» [4, с. 213].

А.А. Костин, О.В. Костина и О.А. Москаленко рассматривают таможенное сотрудничество как

вид международного сотрудничества, обозначают, что международное таможенное сотрудничество представлено, в виде международных отношений, направленных совместное участие таможенных органов в решении вопросов, направленных на оказание взаимной помощи в таможенной сфере, совершенствование средств (правовых, технических и административных), на упрощение таможенных операций и процедур [5].

И.И. Шматов и Е.В. Ребицкая анализируют международное таможенное сотрудничество, определяют его, как составляющую часть международного сотрудничества, и, которое направлено на решение политических и экономических задач, стоящих перед государством государства и призванного способствовать установлению международных связей [6].

Е.Н. Мартюшевская рассматривает международно-правовое сотрудничество в контексте международного таможенного права, то есть, как систему принципов и норм, непосредственно регулирующих отношения между государствами и субъектами международного таможенного права [7, с. 202].

Это подтверждает, что таможенное сотрудничество и взаимодействие, как неотделимая часть международных отношений строится в соответствии с общепризнанными принципами международного права (принципа сотрудничества государств, принцип добросовестного исполнения обязательств, принцип мирного разрешения споров, принцип невмешательства во внутренние дела государств и др.).

В науке международного права не сформирована единая позиция касательно классификации принципов международного таможенного права. К.Г. Борисов обозначает такие принципы, как принцип таможенного содействия становлению международного экономического порядка, принцип запрещения прямых или косвенных действий, препятствующих таможенному суверенитету; принцип независимости таможенного обложения [8]. К принципам в области международного таможенного сотрудничества, обусловленных практической деятельностью по реализации международных связей К.Г. Борисов относит принцип общности интересов, взаимности в таможенном сотрудничестве; принцип обеспечения развития международной торговли; принцип содействия экономическому росту развивающихся стран; принцип совершенствования организационного механизма международного таможенного сотрудничества [8].

С.В. Рыбак и Л.И. Ануфриева отмечают, что специальные принципы международного таможенного сотрудничества, складывались в ходе практического осуществления таможенного сотрудничества и направлены на закрепление такого сотрудничества [9]. С.В. Рыбак и Л.И. Ануфриева выделяют такие принципы международного таможенного сотрудничества как принцип наибольшего благоприятствования (предоставление преференций одному государству в объеме, предоставлен-

ных преференций третьему государству), принцип национального режима (иностранцы лица имеют тот же правовой режим, что и национальные лица), принцип гармонизации и унификации таможенных систем (применение универсальных таможенных правил и процедур), принцип взаимной выгоды (отношения между государствами должны носить взаимовыгодный характер).

Таможенному праву присущи его характерные принципы: принцип законности (определяющий, что все участники таможенных правоотношений должны действовать в соответствии с законодательством о таможенном регулировании), принцип равноправия (закрепляющим равные возможности на перемещение товаров), принцип сочетания публичных и частных интересов (предписывающий действовать таможенным органам сообразно интересам государства не нарушая прав и свобод лиц, участников таможенных правоотношений), принцип соблюдения интересов государства (обуславливающий обеспечение национальной безопасности), принцип обоснованности требований таможенных органов (который определяет проведение таможенного контроля в формах, которых достаточно для обеспечения соблюдения законодательства о таможенном регулировании), принцип свободы выбора таможенной процедуры (закрепляет возможность лица свободно выбрать любую таможенную процедуру, изменить ее вне зависимости от количества товара, его наименования и страны происхождения), принцип обязательности соблюдения запретов и ограничений (устанавливает обязательность вводимых запретов и ограничений на ввоз или вывоз товаров, включая меры нетарифного регулирования, отдельные ограничения для некоторых товаров (такие как ветеринарные, санитарно-эпидемиологические и иные).

Принципы таможенного регулирования, применяемые в ЕАЭС, закреплены в ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС. Таможенное регулирование в ЕАЭС основывается на принципах равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их гармонизации с нормами международного права, а также на применении современных методов таможенного контроля и максимальном использовании информационных технологий в деятельности таможенных органов. Принцип выборочности объектов таможенного контроля, то есть при проведении таможенного контроля таможенные органы исходят из принципа выборочности объектов таможенного контроля, форм таможенного контроля и (или) мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля, принцип применения общепринятых принципов бухгалтерского учета, принцип взаимности (в частности, предусматривает предоставление преимуществ отдельным категориям лиц на основе взаимности), принцип применения национального законодательства (определяет слу-

чаи такого применения) также определены в Таможенном кодексе ЕАЭС. (ст. ст. 38, 40. 300, 301, 310, 354). Тем самым, Таможенный кодекс ЕАЭС сформировал принципы, определяющие содержание единого таможенного регулирования в ЕАЭС.

Как отмечалось ЕАЭС в своей деятельности придерживается общепризнанных принципов международного права, принципы международного права выстраивают отношения между государствами в сфере таможенного дела, также на основываются на общепризнанных принципах международного права и включают в себя также специальные принципы. Принципы таможенного регулирования в ЕАЭС обуславливают применение международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их гармонизации с нормами международного права. Законодательства о таможенном регулировании Республики Беларусь также основывается на общепризнанных принципах международного права, что нашло свое отражение в ст. 4 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». Тем самым общепризнанные принципы международного права выступают своеобразным «стандартом», принимаемыми государствами и отклонение от которых не допустимо в том числе и в таможенном деле. Общепризнанные принципы международного права обеспечивают взаимопонимание и направленность сотрудничества государств в сфере таможенного дела. Вместе с тем, определение содержания отдельных отраслей права и институтов возможно посредством специальных принципов.

Таможенный кодекс ЕАЭС закрепил, что таможенные органы государств – членов ЕАЭС для выполнения возложенных на них задач и выполняемых функций, взаимодействуют, что не исключает также взаимодействия (и сотрудничества) с иными таможенными органами (ст. ст. 368, 369).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что коммуникации таможенных органов в рамках ЕАЭС вышли за пределы таможенного сотрудничества. Стоящие перед таможенными органами задачи и функции определены наднациональным правом, а именно Таможенным кодексом ЕАЭС и в своей деятельности таможенные органы обеспечивают единое таможенное регулирование в ЕАЭС. Это обуславливает переход от таможенного сотрудничества к взаимодействию таможенных органов. Процесс взаимодействия таможенных органов начинается с их непосредственного функционирования на таможенной границе ЕАЭС границе и сопровождает всю деятельность таможенных органов в сфере таможенного дела.

Положения ст. 368 ТК ЕАЭС раскрывают содержание взаимодействия таможенных органов. Такое взаимодействие осуществляется посредством обмена информацией, соответствии с общими процессами ЕАЭС; обмена информацией на регулярной основе в электронной форме; исполнения запросов о представлении копий документов и (или) сведений; направления таможенным органом од-

ного государства-члена информации таможенному органу другого государства-члена; осуществления взаимной административной помощи и присутствия при проведении таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом или по линиям электропередачи, в местах установки приборов учета. Следует отметить, что указанный перечень не является исчерпывающим и взаимодействие таможенных органов в рамках ЕАЭС может осуществляться иными способами.

Заключение

Взаимодействие таможенных органов государств – членов ЕАЭС продиктовано интеграционными процессами, приведшими к образованию. Такое взаимодействие согласуется с сотрудничеством с международными организациями и таможенными органами государств, которые не являются членами ЕАЭС. Взаимодействие таможенных органов в рамках единого таможенного регулирования в ЕАЭС должно базироваться на наработанном опыте взаимодействия и сотрудничества, а также учитывать тенденции международного таможенного сотрудничества.

Можно выделить следующие специальные принципы взаимодействия таможенных органов государств – членов ЕАЭС:

- содействия развития единого таможенного регулирования (основан на необходимости реализации положений ТК ЕАЭС и актов в сфере таможенного регулирования ЕАЭС);

- единстве задач и функций таможенных органов (обусловлен определением деятельности таможенных органов Таможенным кодексом ЕАЭС и актами в сфере таможенного регулирования ЕАЭС);

- соблюдения прав и законных интересов лиц в таможенном деле (исходит из необходимости соблюдения прав и законных интересов всех участников таможенных правоотношений);

- информированности по вопросам таможенного регулирования (направлен на предоставление информации по вопросам таможенного регулирования в ЕАЭС);

- необходимости взаимодействия таможенных органов (направлен на реализацию единого таможенного регулирования);

- оперативности (свидетельствует о значимости осуществления взаимодействия таможенных органов в определенные сроки);

- обязательности участия в процессе взаимодействия во всех, определенных формах (выстраивает механизм взаимодействия как неотъемлемую составляющую единого таможенного регулирования);

- цифровизации (способствует определению взаимодействия в электронной форме на постоянной основе, как основной формы взаимодействия);

- совершенствования механизма взаимодействия таможенных органов (направлен на исполь-

зование международного опыта сотрудничества в таможенной сфере).

Специальные принципы взаимодействия таможенных органов представляют собой многоаспектное правовое явление. Они выступают регулятором процесса взаимоотношений таможенных органов в рамках ЕАЭС. Формирование специальных принципов взаимодействия таможенных органов непосредственно взаимосвязано с интеграционными процессами в ЕАЭС

Литература

1. Дробязко, С.Г. Принципы в праве / С.Г. Дробязко // Проблемы развития юр. науки и совершенствование правопр. практики: сб. науч. тр. – Минск: БГУ, 2005. – с. 27–33.
2. Ромашев, Ю.С., Е.В. Постникова Принципы в международном праве / Ромашев, Ю.С., Е.В. Постникова – М.: Право. Журнал Высшей школы экономики, 2023. – с. 192–220.
3. Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. – Москва: Спарк, 1997. – 321 с.
4. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под редакцией профессора В.Г. Стрекозова – М.: Издательство «Инстрстиль», «Омега-Л», 2008. – 384 с.
5. Костин А.А. / А.А. Костин, О.В. Костина, О.А. Москаленко – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: ИЦ «Интермедия», 2021–388с.
6. Шматков, И.И. Таможенное право: курс лекций / сост. И.И. Шматков, В.А. Самоштенкова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 55 с.
7. Мартюшевская, Е.Н. опорный конспект по курсу «Таможенное право» [электронный ресурс] – Режим доступа <http://elib.bsu.by/handle/123456789/157739>. – дата доступа 25.02.2025.
8. Борисов, В.Г. Международное таможенное право: Учеб.пособие. Изд. 2-е. доп.. – М.: Издательство РУДН, 2001. –616 с.
9. Рыбак, С.В. Международное таможенное сотрудничество: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., стер./ С.В. Рыбак, А.И. Ануфриева. – Спб.: Троицкий мост, 2017. – 384 с.

ON SPECIAL PRINCIPLES OF INTERACTION BETWEEN CUSTOMS AUTHORITIES WITHIN THE EAEU

Yatsko T.P.

National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus

The article discusses the basic principles and forms of interaction between customs authorities within the EAEU. The Customs Code of the EAEU defines the interaction of the customs authorities of the EAEU member states. This allows us to consider such interaction as coordinated and aimed at fulfilling the tasks and functions set in the EAEU Customs Code. The effectiveness of such interaction is an important component for the successful implementation of the goals of the EAEU. The interaction of customs authorities within the EAEU is based on certain principles arising primarily from the provisions of supranational law. Integration processes led to the development of the mechanism of interaction between customs authorities within the EAEU. Along with the general principles, special principles of interaction between the customs authorities of the EAEU member states should be distinguished, which are a multifaceted legal phenomenon and act as a regulator of the process of relations between customs authorities within the EAEU. Further development of integration processes will contribute to the evolution of such principles. Along with these, it should be noted the influence of law enforcement practice and practical activities on the development of special principles.

Keywords: customs regulation, customs cooperation, interaction of customs authorities.

References

1. Droblyazko, S.G. Principles in law/S.G. Droblyazko//Problems of the development of Jurassic science and the improvement of law. practices: Sat. scientific. tr. – Minsk: BSU, 2005. – p. 27–33.
2. Romashev, Yu. S., E.V. Postnikova Principles in International Law/Romashev, Yu. S., E.V. Postnikova – M.: Right. Journal of the Higher School of Economics, 2023. – p. 192–220.
3. Lukashuk I.I. Norms of international law in the international normative system /I.I. Lukashuk; Grew. acad. sciences, Institute of State and Law. – Moscow: Spark, 1997. – 321 s.
4. Khropanyuk V.N. Theory of state and law: a textbook for higher educational institutions/edited by Professor V.G. Strekozov – M.: Publishing house “Intsrstil,” “Omega- L.” 2008. – 384 p.
5. Kostin A.A./A.A. Kostin, O.V. Kostina, O.A. Moskalenko – 2nd ed., Add. And revised. – St. Petersburg: IC “Sideshow,” 2021–388s.
6. Shmatkov, I.I. Customs law: course of lectures/comp. I.I. Shmatkov, V.A. Samotoshenkova. – Vitebsk: VSU named after P.M. Masherova, 2023. – 55 s.
7. Martyushevskaya, E.N. reference note at the rate “Customs law” [electronic resource] – Access mode <http://elib.bsu.by/handle/123456789/157739>. – 25.02.2025 access date.
8. Borisov, V.G. International Customs Law: Tutorial. Ed. 2nd. add.. – M.: RUDN Publishing House, 2001. –616 s.
9. Rybak, S.V. International Customs Cooperation: A Textbook for Universities. – 2nd ed., Erased/S.V. Rybak, A.I. Anufrieva. – St. Petersburg: Trinity Bridge, 2017. – 384 p.

Недобросовестная конкуренция при использовании «клонированных» интернет-магазинов: квалификация и способы правовой защиты

Абрикосова Ольга Андреевна,
генеральный директор ООО «Абрикосовы и партнёры»

В статье рассматривается явление недобросовестной конкуренции в сфере электронной коммерции, проявляющееся в создании и использовании «клонированных» интернет-магазинов. Под клонированием понимается полное или частичное воспроизведение дизайна, структуры и фирменного стиля действующего онлайн-ресурса с целью введения потребителей в заблуждение и извлечения конкурентных преимуществ. Автор проводит разграничение между клонированными сайтами и смежными явлениями, такими как фишинг, киберсквоттинг и подделка бренда, обосновывая самостоятельность исследуемого феномена.

Особое внимание уделено правовой квалификации сайтов-клонов в российском законодательстве. Анализируются положения Федерального закона «О защите конкуренции», нормы Гражданского кодекса РФ, а также административные и гражданско-правовые механизмы защиты. На основе обзора практики ФАС России и судебных решений, включая позицию Верховного Суда РФ, показано, что использование сайтов-двойников может квалифицироваться как недобросовестная конкуренция через введение в заблуждение и незаконное использование средств индивидуализации.

Выявлены трудности правоприменения: необходимость доказательства конкурентных отношений, сложности в оценке степени сходства сайтов и умысла нарушителя. Рассматриваются механизмы блокировки доменов, обращения в ФАС, гражданско-правовой защиты, а также международный опыт противодействия клонированию сайтов.

Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства: введения прямой нормы о запрете сайтов-клонов, усиления санкций и развития межгосударственного сотрудничества. Практическая значимость работы заключается в формировании рекомендаций для бизнеса и правоприменительных органов по выявлению и пресечению деятельности клонированных интернет-магазинов, что способствует повышению доверия потребителей и укреплению добросовестной конкуренции.

Ключевые слова: электронная коммерция; клонированный интернет-магазин; недобросовестная конкуренция; средства индивидуализации; киберсквоттинг; антимонопольное регулирование; правовая защита.

В современную эпоху цифровой экономики электронная коммерция стала неотъемлемой частью рынка товаров и услуг. Онлайн-магазины обеспечивают удобство для потребителей и широкий охват для бизнеса, однако рост присутствия бизнеса в интернете сопровождается и новыми угрозами для добросовестной конкуренции. Одним из таких явлений является появление «клонированных» интернет-магазинов, то есть веб-сайтов, копирующих дизайн, контент и брендовую атрибутику действующих магазинов с целью ввести потребителей в заблуждение. Распространение сайтов-дубликатов представляет опасность как для самих предпринимателей, так и для потребителей: добросовестные компании могут терять клиентов и репутацию, а пользователи рискуют стать жертвами мошенничества или приобрести контрафактный товар.

Прежде всего необходимо определить, что понимается под клонированием сайта интернет-магазина и чем такое поведение отличается от смежных явлений – фишинга, киберсквоттинга и подделки бренда¹. Клонированный интернет-магазин – это сайт, создающий ложное впечатление, что он принадлежит определенной известной компании, путем копирования внешнего оформления, товарных знаков, контента и иных элементов оригинального ресурса². В отличие от обычного фишинга, где основная цель – хищение персональных данных посредством поддельной страницы входа, сайт-клон чаще нацелен на незаконное завладение клиентурой или выручкой конкурента, либо на продажу под видом оригинала некачественных или поддельных товаров. Иными словами, клон интернет-магазина обеспечивает мошеннику незаконное конкурентное преимущество за счет эксплуатации чужого делового имиджа. Это сближает явление с несанкционированным использованием средств индивидуализации, что в российском праве напрямую квалифицируется как акт недобросовестной конкуренции. При этом сайт-клон следует отличать от киберсквоттинга – практики регистрации сходных доменных имен. Киберсквоттер обычно преследует цель перепродать домен или перенаправить трафик, не обязательно копируя контент оригинального сайта³. Как отмечают специалисты,

¹ Полтарыхин, А.Л. Особенности недобросовестной конкуренции цифровых платформ // Прикладные экономические исследования. – 2023. – № 3. – С. 138–147.

² Лучанинов, Р.С. Маркетинговые аспекты идентификации недобросовестной конкуренции // Практический маркетинг. – 2020. – № 11. – С. 29–36.

³ Дамбаева, И.В. К вопросу о правовой защите от киберсквоттинга // Право и государство: теория и практика. – 2023. –

киберсквоттинг и фишинг схожи в аспекте обмана и имитации, однако киберсквоттерство не всегда направлено на получение личных данных, а может выражаться просто в использовании схожих доменов или логотипов в коммерческих целях. В случае же сайта-двойника присутствует полноценная имитация всей веб-страницы, создающая у среднестатистического посетителя убеждение, что ресурс является официальным сайтом известного продавца. Наконец, подделка бренда фокусируется на незаконном изготовлении и продаже товаров с использованием чужого товарного знака. Клонированный интернет-магазин может служить каналом сбыта таких контрафактных товаров, но характерный признак именно «сайта-клона» – имитация целостного образа чужого бизнеса онлайн, включая фирменный стиль, каталог товаров и контактные данные. Клонированный интернет-магазин комбинирует признаки сразу нескольких противоправных практик, но отличается своим обманным представлением чужой предпринимательской деятельности как собственной.

Правовое регулирование недобросовестной конкуренции в российском законодательстве. Российское право содержит специальный механизм противодействия недобросовестной конкуренции, в первую очередь, в нормах антимонопольного законодательства. Базовым актом является Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ (Далее – Закон), пункт 2.1 которого посвящен запрету недобросовестной конкуренции. Закон определяет недобросовестную конкуренцию как любые действия хозяйствующего субъекта, направленные на получение преимуществ в предпринимательской деятельности, противоречащие законодательству и обычаям делового оборота и причинившие или могущие причинить убытки другим хозяйствующим субъектам либо нанести вред деловой репутации. В контексте сайтов-клонов наиболее релевантны следующие положения. Статья 14.2 запрещает конкуренцию путем введения в заблуждение, то есть распространения ложных или неточных сведений, способных вызвать у потребителей неправильное представление о характере или качестве товара, или о личности производителя. Очевидно, что поддельный сайт вводит в заблуждение потребителей относительно того, кто предлагает им товары или услуги. Еще более непосредственно на случаи имитации чужого сайта нацелена статья 14.6, которая устанавливает запрет на использование чужих средств индивидуализации и создание смешения в оформлении деятельности конкурента. Статья предусматривает ответственность за незаконное использование чужого товарного знака, фирменного наименования, коммерческого обозначения, доменного имени и сходных обозначений, если такие действия совершаются с целью извлечения

преимуществ на том же товарном рынке². Данная норма охватывает копирование дизайна, внешнего вида товара, упаковки и других элементов фирменного стиля конкурента, создающее у потребителя ощущение принадлежности сайтов или продукции одному предприятию³. Воспроизведение чужого интернет-магазина с целью переманивания покупателей прямо подпадает под критерии недобросовестной конкуренции, если доказано, что нарушитель действует в рамках того же рынка и стремится извлечь необоснованное конкурентное преимущество. Важно отметить, что антимонопольные нормы о недобросовестной конкуренции дополняют гражданско-правовые средства защиты исключительных прав. Статья 1515 ГК РФ⁴ охраняет средства индивидуализации – товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения, названия доменов – предоставляя их правообладателям возможность требовать пресечения неправомерного использования и взыскания компенсации. Незаконное использование зарегистрированного товарного знака влечет гражданско-правовую ответственность в виде компенсации от 10 тысяч до 5 миллионов рублей или в размере двойной стоимости нелегально реализованных товаров⁵. Однако законодательство о конкуренции позволяет воздействовать на нарушителей даже в случаях, когда формально исключительное право может и не принадлежать потерпевшей стороне. Антимонопольные меры применимы быстрее и шире: подать заявление в Федеральную антимонопольную службу (Далее – ФАС) может любое лицо, заметившее признаки недобросовестной конкуренции, даже если его собственные права не нарушены. В то же время, судебная защита по гражданскому праву инициируется самим правообладателем, чьи права нарушены, и требует доказать факт незаконного использования охраняемого обозначения или произведения. Нормы о недобросовестной конкуренции выступают параллельным и зачастую более широким инструментом защиты от сайтов-клонов, дополняющим институты охраны товарных знаков и противодействия мошенничеству.

Несмотря на относительную новизну этого явления, в российских правоприменительных органах уже нарабатаны прецеденты, подтверждающие квалификацию использования сайтов-дублеров как недобросовестной конкуренции. Ярким примером стала ситуация в Санкт-Петербурге вокруг компании «ЕИРЦ СПб» (Единый информационно-

№ 10. – С. 306–309.

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

² Шайдуллин, Р.М. Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 2. – С. 220–226.

³ Джэндубаева, С.А. Проблемы защиты прав на объекты дизайнерского творчества в сети интернет // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 1. – С. 121–125.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

⁵ Статья 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

расчетный центр)¹. В 2024 году конкурент данной организации – ООО «Учет-Сервис» – создал сайт-двойник с идентичным содержанием и оформлением, отличавшийся лишь доменным именем. На клонированном сайте дублировались даже юридические реквизиты и информация об услугах, что явно было направлено на введение в заблуждение потребителя. Петербургское УФАС установило, что ответчик намеренно создает впечатление у потребителей о тождественности сайтов, вследствие чего возникает риск смешения деятельности двух организаций. Действия ООО «Учет-Сервис» были квалифицированы как акт недобросовестной конкуренции, нарушающий п. 2 ч. 1 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции. Антимонопольный орган выдал предписание о прекращении нарушения, обязывающее нарушителя удалить сайт-клон. Данный случай подтверждает, что копирование сайта конкурента, вводящее потребителей в заблуждение относительно производителя услуг, рассматривается надзорными органами как противоправное деяние, посягающее на деловую репутацию оригинальной компании. Кроме того, в решении было отмечено, что действия нарушителя наносили ущерб деловой репутации «ЕИРЦ СПб», что усиливает квалификацию по критерию возможного вреда конкуренту.

Еще один резонансный случай, связанный с клонированным сайтом, рассматривался уже на уровне Верховного Суда РФ (Далее – ВС РФ). Речь идет о деле № 5-КГ25–30-К2², где заявительницей выступила потребитель – жительница Москвы, обманутая через фальшивый сайт сервисного центра по ремонту техники. Женщина передала ноутбук курьеру, заказанному через сайт, как она полагала, официального сервис-центра производителя, однако в итоге устройство исчезло: поддельный курьер не имел отношения к реальной компании и утилизировал технику без согласия владелицы. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали истце в иске к реальному сервисному центру, посчитав, что ответственность не может нести компания, к которой фактически клиентка не обращалась (документы и чек, выданные мошенником, были подделкой). Однако ВС РФ занял противоположную позицию, указав на формальный подход нижестоящих судов. В Определении ВС РФ от 24.06.2025³ было подчеркнуто, что бизнес несет обязанность контролировать использование своего имени и бренда в интернете и не вправе перекладывать на потребителей бремя проверки подлинности сайтов. Поскольку услу-

ги предлагались от имени ООО с тем же названием, что и у ответчика, ВС РФ указал, что компания должна доказывать непричастность к спорному сайту и номеру телефона. Добросовестный участник рынка самостоятельно выявлять в интернете сайты-дубликаты, предлагающие услуги от его имени. Высшая судебная инстанция возложила на легальный бизнес должную осмотрительность в сфере мониторинга онлайн-пространства. Это беспрецедентное для российской практики решение усилило защиту прав потребителей: теперь компания, чье имя эксплуатируется мошенниками, не может просто отмежеваться от клона, она должна активно реагировать на случаи имитации чтобы предотвратить введение клиентов в заблуждение. Данное постановление ВС РФ не столько напрямую квалифицирует клонирование сайта как недобросовестную конкуренцию, сколько указывает на смежную проблему – пробел в защите потребителей при наличии сайтов-двойников. Тем не менее, позиция ВС РФ имеет косвенное влияние и на сферу конкурентных отношений: если компании обязаны отслеживать сайты-клоны под угрозой гражданско-правовой ответственности перед потребителями, то тем более очевидно наличие противоправности в действиях самих инициаторов клонирования. Решение ВС РФ вызвало активное обсуждение в юридическом сообществе и фактически стимулирует бизнес теснее сотрудничать с правоохранительными и надзорными органами в выявлении и пресечении сайтов-двойников.

Несмотря на формальную определенность законодательных запретов, на практике квалификация клонирования сайта в качестве недобросовестной конкуренции сопряжена с рядом трудностей. Во-первых, требуется установить, что действие осуществляется именно конкурентом в пределах одного товарного рынка. ФАС при поступлении жалобы прежде всего проверяет наличие конкурентных отношений между сторонами – сходство вида деятельности, работу в одной географической области, обращение к пересекающейся группе потребителей. Если сайт-клон создан просто мошенниками, не занимающимися легальной предпринимательской деятельностью на данном рынке, формально отсутствует «хозяйствующий субъект-конкурент», а значит, применение ст. 14.6 затруднительно. В таких случаях защита прав смещается в плоскость либо уголовного преследования⁴, либо гражданско-правовых мер по защите деловой репутации и товарного знака. Для признания же недобросовестной конкуренцией необходимо подтвердить, что лицо, организовавшее сайт-двойник, само осуществляет коммерческую деятельность на том же рынке и стремится за счет обмана потребителей улучшить свои позиции. Во многих слу-

¹ В Петербурге завели дело на «двойника» Единого информационно-расчетного центра // ЗАКС.ру: сайт. – URL: <https://bfmspb.ru/novosti/peterburgskoe-ufas-rassmotrit-delo-o-dvojnike-sajta-ao-eircz-spb/> (дата обращения: 28.08.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 5-КГ25–30-К2 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=860852#0HIZAvUqd26IWI5B1> (дата обращения: 28.08.2025).

³ Там же.

⁴ Статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

⁵ Статья 272 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

чаях это очевидно – например, но бывают и пограничные ситуации, когда конкурент действует через номинально отдельное лицо или когда сходство сайтов не столь явное. Критерии сходства до степени смешения также могут быть предметом спора. Закон указывает на тождество или сходство элементов фирменного стиля, способное вызвать путаницу. На практике это требует экспертной оценки: насколько дизайн клона ассоциируется у среднего потребителя с дизайном оригинального сайта. В делах о сходстве товарных знаков суды нередко прибегают к социологическим опросам потребителей и экспертизам специалистов по интеллектуальной собственности¹. Подобные методы доказательства могут потребоваться и при разборе дела о сайте-клоне, особенно если копирование не буквальное, а с некоторыми отличиями. Доказывание умысла на введение в заблуждение – еще один аспект: антимонопольному органу или суду важно установить, что сходство создано не случайно. В большинстве случаев сам характер действий свидетельствует о намеренном характере нарушения. Тем не менее, ответчики могут пытаться утверждать, что заимствовали лишь «общие идеи» оформления сайта, не защищенные авторским правом, или что сходство доменного имени случайно. Здесь встает вопрос разграничения добросовестного параллельного существования в интернет-пространстве и недобросовестной имитации. Например, если две фирмы имеют схожие названия (но не идентичные) и случайно выбрали близкий стиль сайтов – это может оказаться областью спора. Закон же требует наличия недобросовестного намерения извлечь выгоду из чужой деловой репутации. Таким образом, ключевыми критериями квалификации являются:

- Доказательство, что нарушитель и потерпевший конкурируют на одном рынке;
- Установление факта имитации средств индивидуализации либо дизайна, вызывающей ассоциацию у потребителей;
- Наличие у нарушителя цели получить преимущество.

Доказательственная база складывается из скриншотов сайтов, данных WHOIS о владельце домена, сведений о пересечении аудитории, а также результатов экспертиз на сходство обозначений. На практике некоторые сложности вызывала ситуация, когда конкурент регистрирует на себя исключительные права с целью воспрепятствовать деятельности оригинальной компании. Российское законодательство и эту уловку квалифицирует как недобросовестную конкуренцию: п. 1 ст. 14.4 Закона № 135-ФЗ² запрещает приобретение и использование исключительного права на средство индивидуализации другого лица с недобросовестной

целью³. Если конкурент регистрирует сходный товарный знак и будет требовать от оригинального магазина прекратить деятельность, ФАС может аннулировать правовую охрану такого знака, признав регистрацию злоупотреблением правом⁴. Однако выявление подобных схем требует времени и взаимодействия с Роспатентом. Проблематика квалификации сводится к разграничению добросовестных параллельных действий и намеренного паразитирования. Закон и судебная практика постепенно формируют подход, по которому совокупность признаков имитации однозначно указывает на недобросовестную конкуренцию, даже если каждое отдельное заимствование по отдельности могло бы объясняться случайностью.

При обнаружении клонированного сайта, выдающего себя за легитимный интернет-магазин, правообладатель и иные заинтересованные лица могут воспользоваться несколькими правовыми механизмами защиты. Основные из них – антимонопольные меры, гражданско-правовые иски, защита прав на доменные имена и административно-технические меры по блокировке сайта.

1. Обращение в антимонопольный орган. Как отмечалось, ФАС уполномочена рассматривать дела о недобросовестной конкуренции. Заявление о признаках нарушения может подать как пострадавшая компания, так и любое другое лицо или орган. В заявлении следует подробно описать ситуацию: указать адреса оригинального сайта и клона, в чем выражается схожесть, почему заявитель считает сайты связанными с одним рынком и как это наносит вред. Полезно приложить заверенные скриншоты веб-страниц. Важное преимущество разбирательства в ФАС – отсутствие госпошлины и активная роль самого антимонопольного органа в сборе доказательств. После принятия заявления территориальное управление ФАС запрашивает у сторон необходимые документы, проводит заседания комиссии с участием нарушителя и заявителя. Процесс может длиться до 9 месяцев, но в случае выявления нарушения заканчивается выдачей предписания о прекращении недобросовестной конкуренции. Предписание ФАС носит обязательный характер; нарушителю дается срок устранить нарушения. Кроме того, ФАС может привлечь виновное лицо к административной ответственности: налагается штраф по ст. 14.33 КоАП РФ⁵ за недобросовестную конкуренцию, а также может быть обращено взыскание в доход государства прибыли, полученной от деятельности сайта-двойника. Такой комплекс мер служит серьезным сдержива-

¹ Лепешин, Д.А. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Правосудие. – 2024. – № 6. – С. 108–131.

² Статья 14.4 Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.

³ Гринцевич, Л.В. Создание конкурентного преимущества продуктов за счет дизайнерских решений и защиты интеллектуальной собственности // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2024. – № 1. – С. 158–174.

⁴ Минакова, А.И. Правовая охрана фирменного стиля: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 9. – С. 68–81.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

ющим фактором. Примером эффективности антимонопольного вмешательства является упомянутое решение УФАС по Санкт-Петербургу – сайт-двойник был удален именно вследствие предписания службы.

2. Защита гражданско-правовыми средствами. Параллельно или независимо от обращения в ФАС, правообладатель может подать иск в суд. В зависимости от характера нарушенных прав возможны различные основания и требования. Иск о нарушении исключительных прав – если на клоне незаконно использован зарегистрированный товарный знак, логотип, литерально скопирован текст, фото или программный код, правообладатель может требовать от интернет-ресурса-нарушителя компенсации и удаления контента. Так, за незаконное использование товарного знака можно взыскать компенсацию. Если клон реализует контрафактные товары под чужим брендом, дополнительно возможно взыскание убытков за ущерб репутации и упущенную выгоду. Иск о защите деловой репутации – оригинальная компания может защищаться от распространения клеветнических или порочащих сведений, если на сайте-клоне публикуются какие-либо негативные или ложные заявления от имени компании. Если дублирующий сайт размещает недостоверную информацию, бросающую тень на фирму, это подпадает под ст. 152 ГК РФ¹. Впрочем, чаще сайты-клоны стараются копировать, а не порочить, поэтому данный вид исков менее характерен. Российское законодательство допускает и судебное разбирательство по факту недобросовестной конкуренции – занимается арбитражный суд с участием непосредственных конкурентов. Но по сложившейся практике сами суды обычно опираются на заключение ФАС: сначала орган устанавливает факт нарушения, и уже на основе его решения пострадавший конкурент может требовать в суде возмещения убытков, причиненных недобросовестной конкуренцией. В случае, если в результате деятельности клона оригинальный интернет-магазин понес снижение выручки, можно попытаться исчислить и взыскать эту разницу как убытки. Важным преимуществом гражданско-правовой защиты является возможность блокировки сайта по решению суда. С 2017–2018 годов в российском законодательстве появились механизмы обезвреживания интернет-нарушений через судебные решения о блокировке. В частности, статья 1252 ГК РФ позволяет суду в решении по делу о нарушении интеллектуальных прав указать об удалении информации из интернета или ограничении доступа к ней². Суды, особенно в Москве

(где действует подсудность дел по блокировке пиратского контента), распространили эту практику и на товарные знаки. По жалобе правообладателя товарного знака суд может обязать прекратить работу сайта, торгующего контрафактом или незаконно использующего бренд, путем включения сайта в реестр Роскомнадзора для блокировки. Практика показывает, что интернет-магазины и аккаунты нарушителей блокируются по жалобам брендов – одновременно с взысканием компенсации и штрафов. Поэтому обращение в суд позволяет не только получить денежное возмещение, но и прекратить доступ пользователей к сайту-клону на территории страны.

3. Защита прав на доменные имена. Отдельного внимания заслуживает проблема домена клонированного сайта. Часто мошенники регистрируют доменное имя, максимально похожее на официальное (например, вариант в другой доменной зоне, как «.рф» вместо «.ru», либо с незначительной опечаткой – «тайпсквоттинг»). Для правообладателя бренда существуют юридические инструменты вернуть контроль над таким доменом. Если домен совпадает с зарегистрированным товарным знаком, целесообразно подать иск о запрете использования товарного знака в доменном имени и прекращении администрирования домена. Российские арбитражные суды и Суд по интеллектуальным правам в ряде решений удовлетворяли требования о передаче прав на доменное имя владельцу соответствующего товарного знака, исходя из приоритета исключительного права над принципом «первой регистрации» домена. Кроме того, при наличии решения ФАС о недобросовестной конкуренции, регистратор домена может добровольно аннулировать делегирование доменного имени нарушителя. Существуют и внесудебные процедуры: для международных доменных зон разработан Унифицированный порядок разрешения доменных споров через Арбитраж при WHOIS. Бренд, столкнувшийся с киберсквоттером, может подать жалобу в арбитражную комиссию и, доказав недобросовестность регистрации, добиться передачи домена себе. В России для национальных доменов «.ru» и «.рф» формально UDRP не применяется, однако при грубых нарушениях Координационный центр доменов может блокировать ресурс по запросу правоохранительных органов. В целом же защита доменных прав сводится к превентивным мерам, а также оперативному реагированию на случаи сквоттинга через судебные и внесудебные механизмы.

4. Блокировка и иные административные меры. Помимо описанных мер юридического характера, критически важно быстро пресечь функционирование клонированного сайта, поскольку каждый день его работы может увеличивать круг пострадавших потребителей. Если выявлен сайт-клон, вовлеченный в мошеннические операции, правоохранительные органы могут инициировать блокировку ресурса через внесение в реестр запрещенных сайтов. В случаях нарушения авторских и смежных прав действует отлаженный механизм блокировки че-

¹ Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

² Статья 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

рез Московский городской суд, но для товарных знаков и контрафакта процедура также развивается. Как указывалось, суды все чаще напрямую включают предписание о блокировке в свои решения. Кроме того, сами площадки постепенно внедряют политику противодействия фейковым ресурсам. Так, поисковые сервисы могут по уведомлению правообладателя понижать в выдаче или помечать как опасный сайт, имитирующий другой. Владельцы легальных маркетплейсов и соцсетей предоставляют формы жалоб для блокировки мошеннических аккаунтов, выдающих себя за официальные бренды. Тем не менее, наибольшую эффективность обеспечивает именно комплексный юридический подход: одновременное обращение в ФАС, подача иска и уведомление регистраторов/поисковиков. Такая стратегия повышает шансы на быстрое устранение угрозы и предупреждение ее повторения.

Зарубежный опыт противодействия клонированию сайтов и возможность его использования в России. Проблематика «торговых клонов» интернета носит международный характер, и многие страны выработали свои подходы к борьбе с этим явлением.

Проведенный анализ выявляет, что, несмотря на наличие правовых инструментов, практика борьбы с клонированными интернет-магазинами сталкивается с определенными затруднениями. Во-первых, права потребителей при появлении сайтов-дублеров защищены недостаточно эффективно. Если потребитель понес ущерб от действий мошенников, выдававших себя за известный магазин, прямая ответственность конкурента может и не наступить, а доказывание причастности легального бизнеса бывает проблематичным. ВС РФ создал прецедент, фактически стимулирующий возложение части рисков на самих добросовестных предпринимателей. Однако это скорее вынужденная мера, призванная компенсировать недоработки системы: по-хорошему, необходимо усилить превентивные механизмы блокировки и выявления мошеннических сайтов до того, как пострадают потребители. Во-вторых, в законодательстве РФ пока нет прямого указания на ответственность за создание сайта-двойника как такового. Антимонопольные нормы охватывают это явление лишь косвенно через призму использования средств индивидуализации и введения в заблуждение. Целесообразно дополнить Закон о защите конкуренции отдельной нормой, прямо указывающей на запрещенность копирования внешнего вида интернет-ресурсов конкурента. Например, закрепить термин «электронное мошенничество в сфере конкуренции» или расширить понятие недобросовестной конкуренции в цифровой среде. В-третьих, требует внимания вопрос юрисдикции и трансграничности. Злоумышленники часто регистрируют сайты-клоны на иностранных хостингах, домены в зонах, не подвластных российским регистраторам. ФАС и российские суды ограничены пределами страны; даже блокировка сайта в РФ не мешает ему дей-

ствовать за рубежом. Для решения этой проблемы необходимо международное сотрудничество и, возможно, заключение соглашений об обмене информацией и блокировке мошеннических сайтов между странами. В-четвертых, санкции за недобросовестную конкуренцию в России пока нельзя назвать сверхстрогими: штрафы по КоАП для юридических лиц не всегда сопоставимы с выгодой, которую может получить нарушитель. Также следовало бы рассмотреть возможность конфискации оборудования или выручки от деятельности сайта-клона в большем объеме, чем просто изъятие прибыли. Наконец, в законодательстве о рекламе и информации можно ввести положения, прямо квалифицирующие создание сайта, имитирующего другой, как запрещенную информацию или как недопустимую рекламу. Это дало бы Роскомнадзору более четкое основание для быстрой блокировки таких ресурсов без длительного судебного процесса.

Подводя итоги, следует констатировать, что клонированные интернет-магазины представляют серьезную проблему для рынка электронной коммерции, объединяя в себе черты интеллектуального пиратства, обмана потребителей и недобросовестной конкуренции. Анализ показал, что российское законодательство в целом позволяет квалифицировать подобные действия как противоправные: антимонопольные нормы прямо запрещают имитацию чужого бренда и смешение в сознании потребителей, а гражданско-правовые механизмы дополняют эту охрану. Практика ФАС и судов уже делает первые уверенные шаги: есть прецеденты успешного пресечения деятельности сайтов-дублеров путем выдачи предписаний и вынесения судебных решений. Тем не менее, развитие электронных технологий ставит новые вызовы, и правоприменителям приходится адаптироваться. Предложенные направления совершенствования законодательства – прямое закрепление ответственности за создание сайтов-клонов, усиление санкций, улучшение межведомственной координации – призваны восполнить выявленные пробелы. Особенно важно усилить превенцию: стимулировать компании регистрировать свои цифровые атрибуты, мониторить интернет-пространство на наличие двойников и оперативно реагировать на первые признаки их появления. От этого зависит доверие потребителей к электронной коммерции и стабильность делового оборота. Практическое значение исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы как рекомендация для юридических отделов компаний – выработать внутренние процедуры по защите от сайтов-клонов. Для правоприменителей же данная работа подтверждает необходимость трактовать использование клонированных интернет-магазинов именно как форму недобросовестной конкуренции, сопряженную с введением в заблуждение потребителей и посягательством на репутацию конкурента. Только при таком подходе можно обеспечить всестороннюю охрану интересов участников рын-

ка. В перспективе дальнейшего развития законодательства и правоприменения видится усиление международного сотрудничества в области кибербезопасности и конкуренции, создание глобальных «черных списков» мошеннических сайтов, а также повышение цифровой грамотности потребителей. Сочетание этих мер позволит эффективнее противостоять клонированию сайтов и тем самым усилить защиту всех участников электронной коммерции – от крупных брендов до рядовых онлайн-покупателей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2025 № 5-КГ25–30-К2 // КонсультантПлюс: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-B&n=860852#0HIZAvUqd26IW5B1> (дата обращения: 28.08.2025).
6. В Петербурге завели дело на «двойника» Единого информационно-расчетного центра // ЗАКС.ру: сайт. – URL: <https://bfmspb.ru/novosti/peterburgskoe-ufas-rassmotrit-delo-o-dvojnike-sajta-ao-eircz-spb/> (дата обращения: 28.08.2025).
7. Гринцевич, Л.В. Создание конкурентного преимущества продуктов за счет дизайнерских решений и защиты интеллектуальной собственности // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2024. – № 1. – С. 158–174.
8. Дамбаева, И.В. К вопросу о правовой защите от киберсквоттинга // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10. – С. 306–309.
9. Джендубаева, С.А. Проблемы защиты прав на объекты дизайнерского творчества в сети интернет // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 1. – С. 121–125.
10. Лепешин, Д.А. Роль судебной экспертизы в спорах о защите авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Правосудие. – 2024. – № 6. – С. 108–131.
11. Лучанинов, Р.С. Маркетинговые аспекты идентификации недобросовестной конкуренции //

Практический маркетинг. – 2020. – № 11. – С. 29–36.

12. Минакова, А.И. Правовая охрана фирменного стиля: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 9. – С. 68–81.
13. Полтарыхин, А.Л. Особенности недобросовестной конкуренции цифровых платформ // Прикладные экономические исследования. – 2023. – № 3. – С. 138–147.
14. Шайдуллин, Р.М. Особенности правовой охраны и защиты прав на дизайн сайта в сети Интернет // Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № 2. – С. 220–226.

UNFAIR COMPETITION USING ‘CLONED’ ONLINE STORES: CLASSIFICATION AND METHODS OF LEGAL PROTECTION.

Abrikosova O.A.

Abrikosov & Partners

The article examines the phenomenon of unfair competition in the field of e-commerce, manifested in the creation and use of “cloned” online stores. Cloning is understood as the complete or partial reproduction of the design, structure and corporate identity of an existing online resource in order to mislead consumers and gain competitive advantages. The author makes a distinction between cloned sites and related phenomena such as phishing, cybersquatting and brand counterfeiting, justifying the independence of the phenomenon under study. Special attention is paid to the legal qualification of clone sites in Russian legislation. The provisions of the Federal Law “On Protection of Competition”, the norms of the Civil Code of the Russian Federation, as well as administrative and civil law protection mechanisms are analyzed. Based on a review of the practice of the FAS of Russia and court decisions, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation, it is shown that the use of duplicate sites can qualify as unfair competition through misleading and illegal use of means of individualization. The difficulties of law enforcement are revealed: the need to prove competitive relations, difficulties in assessing the degree of similarity of sites and the intent of the violator. The mechanisms of domain blocking, appeals to the Federal Antimonopoly Service, civil protection, as well as international experience in countering website cloning are considered. The conclusion is made about the need to improve legislation: the introduction of a direct rule on the prohibition of clone sites, the strengthening of sanctions and the development of interstate cooperation. The practical significance of the work lies in the formation of recommendations for businesses and law enforcement agencies to identify and suppress the activities of cloned online stores, which helps to increase consumer confidence and strengthen fair competition.

Keywords: e-commerce; cloned online store; unfair competition; means of individualization; cybersquatting; antitrust regulation; legal protection.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 25.12.2006, No. 52 (Part 1), Art. 5496.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (Part 1), Art. 1.
3. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 17.06.1996, No. 25, Article 2954.
4. Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ (as amended on 24.06.2025) “On Protection of Competition” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 31.07.2006, No. 31 (part 1), Article 3434.
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.06.2025

- No. 5-KG25–30-K2 // ConsultantPlus: website. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=860852#0HIZAvUqd26IWl5B1> (date of access: 28.08.2025).
6. In St. Petersburg, a case was opened against a “doppelganger” of the Unified Information and Settlement Center // ZAKS.ru: website. – URL: <https://bfmspb.ru/novosti/peterburgskoe-ufas-rassmotrit-delo-o-dvojnike-sajta-ao-eircz-spb/> (date of access: 28.08.2025).
7. Grintsevich, L.V. Creating a competitive advantage for products through design solutions and intellectual property protection // Bulletin of the Vitebsk State Technological University. – 2024. – No. 1. – P. 158–174.
8. Dambaeva, I.V. On the Issue of Legal Protection from Cyber-squatting // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – No. 10. – P. 306–309.
9. Dzhendubaeva, S.A. Problems of Protecting Rights to Designer Creativity on the Internet // Problems of Economics and Legal Practice. – 2020. – No. 1. – P. 121–125.
10. Lepeshin, D.A. The Role of Forensic Expertise in Disputes over the Protection of Copyright and Related Rights on the Internet // Justice. – 2024. – No. 6. – P. 108–131.
11. Luchaninov, R.S. Marketing Aspects of Identifying Unfair Competition // Practical Marketing. – 2020. – No. 11. – Pp. 29–36.
12. Minakova, A.I. Legal Protection of Corporate Identity: Russian and Foreign Experience // Current Issues of Russian Law. – 2024. – No. 9. – Pp. 68–81.
13. Poltarykhin, A.L. Features of Unfair Competition of Digital Platforms // Applied Economic Research. – 2023. – No. 3. – Pp. 138–147.
14. Shaidullin, R.M. Features of Legal Protection and Defense of Rights to Website Design on the Internet // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2025. – No. 2. – Pp. 220–226.

Международный опыт борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике (ЕС, США, Китай)

Бабоян Лаврентий Манвелович,

аспирант Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации

Цифровые преобразования экономики требуют особого подхода с точки зрения регулирования конкуренции. Это объясняется тем, что появление новых субъектов конкурентных отношений, потребность целевого стимулирования инновационного развития, необходимость защиты интересов всех участников цифрового рынка и др. – формируют обновленные условия хозяйствования, а значит требуется новый подход к регламентации отношений, в частности в рамках противодействия недобросовестной конкуренции. В статье представлен анализ международного опыта борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике, на примере крупнейших стран-лидеров цифровых преобразований, а именно: страны-участницы Европейского союза, США и Китай.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, конкуренция, регламентация, правовое регулирование.

В настоящее время цифровая трансформация и внедрение цифровых решений становятся современным инновационным вектором развития (наравне с ESG-практиками, формированием экосистем, чеболизацией и др.). Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте фонда «Росконгресс», рост инвестиций в цифровую экономику в мире характеризуется стремительными темпами изменения: более 120 млрд долл. в год [1].

За последние несколько лет объем прямых иностранных инвестиций в цифровую экономику в мировых масштабах составлял порядка 8,0% всех категорий инвестиций. Для сравнения – в период 2012–2014 гг. показатель составлял около 5,5% [1]. Такой интенсивный рост связан с рядом причин, в частности: стремлением стран мира в рамках электронного правительства расширить перечень государственных услуг, активный рост спроса на инновационные цифровые платформенные решения как в коммерческом, так и в государственном секторах экономики. Наблюдаемый прирост инвестиций в цифровую экономику повышает эффективность бизнес-систем, данные и информация систематизируются и обрабатываются максимально оперативно и качественно, наблюдается качественный экономический рост за счет инновационного развития и повышения производительности. В данных условиях повышается привлекательность указанного сектора экономики для отдельных хозяйствующих субъектов, что указывает на потребность государственного регулирования с точки зрения обеспечения «здоровой» конкуренции и борьбы с проявлением недобросовестности.

В рамках указанного исследования рассмотрен мировой опыт регламентации рассматриваемого вопроса в практике стран, которые признаются мировыми инновационными лидерами и «передовиками». На рисунке 1 наглядно представлен рейтинг стран мира в сфере цифровых преобразований национальных экономик за 2024 год.

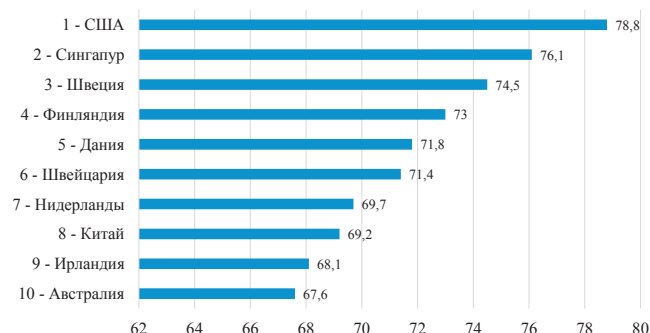

Рис. 1. Global Digitalization Index (2024 год), балл

Источник: составлено автором на основании данных [2]

Например, одним из лидеров в сфере цифровизации экономики являются США. Это объясняется тем, что высокотехнологичный сектор занимает существенный удельный вес в ВВП страны. Заслуживает внимания передовой опыт Китая в вопросах цифровизации экономики: цифровое развитие в стране осуществляется в рамках реализации соответствующих национальных проектов и программ. Для стран Европейского Союза характерен приоритет развития цифровой инфраструктуры и внедрение инновационных технологий [3, с. 154].

Представленный в таблице 1 массив макроэкономических показателей доказывает цифровое первенство выделенных для анализа стран, а значит их опыт борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике заслуживает особого внимания.

Таблицы 1. Макроэкономические показатели цифровой экономики ЕС, США и Китая

Страна/ группа стран	Доля цифровой экономики в ВВП, %	Инвестиции в цифровую экономику, млрд долл. США	Занятость в цифровых секторах, %	Ключевые направления развития
Страны ЕС	8	100	10	Искусственный интеллект, блокчейн, автоматизация
США	10	550	15	Искусственный интеллект, финтех, облачные технологии
Китай	9	600	14	Электронная коммерция, 5G, цифровой юань

Источник: составлено автором на основании данных [3, с. 155]

Представленная в таблице информация указывает на то, что анализируемые страны существенно превосходят иные страны мира не только по инвестиционной активности в цифровую экономику, но и по удельному весу занятых в цифровых секторах экономики (более 10%). Для сравнения: даже в Японии показатель не превышает 7%.

Представленный статистический обзор цифровой активности подтверждает актуальность более детального исследования практики анализируемых стран в вопросах государственного регулирования и борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике.

В первую очередь необходимо отметить, что правовые интерпретации понятия «недобросовестная конкуренция» в рассматриваемых странах мира основываются на ключевом первоисточнике – Парижской конвенции по охране промышленной собственности, ст. 10-bis которой определено, что «Актом недобросовестной конкуренции считается

всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах» [4].

Указанным правовым актом зафиксированы действия, которые признаются запрещенными и в наибольшей степени отражают сущностные основы недобросовестной конкуренции в мировой практике (рисунок 2).

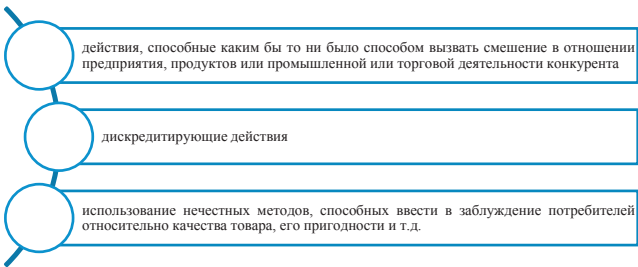

Рис. 2. Действия, запрещенные Парижской конвенцией по охране промышленной собственности

Источник: составлено автором на основании данных [4]

Выделение указанных действий в рамках исследования представляет интерес с точки зрения того, что именно указанные положения стали основой для развития национального законодательства стран мира в сфере борьбы с недобросовестной конкуренцией.

Рассмотрим более подробно аспекты борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике в практике стран Европейского союза, США и Китая.

В странах Европейского союза противодействие недобросовестной конкуренции осуществляется через антимонопольное регулирование, целевыми ориентирами которого выступают: обеспечение справедливой конкуренции и защита прав потребителей. Целью борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике признается ограничение доминирования крупных платформ на цифровых рынках для формирования условий функционирования небольших хозяйствующих субъектов [5, с. 47]. На рисунке 3 сгруппированы ключевые законодательные акты, имеющие отношение к регламентации противодействия недобросовестной конкуренции в цифровой среде в странах-участницах Европейского союза.

Рис. 3. Законодательная основа борьбы с недобросовестной конкуренцией в странах ЕС

Источник: составлено автором на основании данных [5]

Так, например, в настоящее время страны ЕС находятся в стадии выявления фактов недобросовестной конкуренции со стороны Google. Основанием для этого послужило выявленное доминирующее положение компании на рынке интернет-рекламы, что ограничивает конкурентные возможности иных хозяйствующих субъектов и нарушает законодательство стран Европейского союза [6]. По мнению Еврокомиссии, Google приоритизирует собственные технологии, ущемляя, тем самым, интересы иных операторов онлайн-рекламы. Как отмечается, указанное противодействие Еврокомиссии и Google может происходить на протяжении нескольких лет, так как доказательная база в настоящее время только формируется: «Если Еврокомиссия придет к выводу о наличии достаточных доказательств нарушения после того, как Google получит возможность защититься, может быть принято решение о запрете нарушающих закон действий и штрафе в размере до 10% от годовой общемировой выручки компании, заявила комиссия» [6].

Еще одним примером борьбы стран ЕС с недобросовестной конкуренцией является выявление факта использования паритета цен платформами Expedia и Booking. Так, Федеральный офис по картелям Германии и Немецкое конкурентное ведомство стали инициаторами проверки, по итогам которой было вынесено решение об устранении условия паритета цен из всех договоров в объектах размещения на территории Германии [7, с. 63].

Таким образом, рассмотренная практика борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой среде в практике стран ЕС указывает на наличие специальных законодательных основ с отражением ряда требований (прозрачность, модерация платформенных решений, надзор и др.).

Основой борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой среде в практике США выступает формирование системы, элементами которой являются: специальное законодательство, формирование регулирующих органов в рассматриваемой сфере, принятие и следование этическим нормам и международное сотрудничество. Целью борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой среде с США определено следующее: «предотвратить злоупотребления доминирующим положением на рынке и защитить интересы предпринимателей и потребителей» [8].

На рисунке 4 наглядно систематизированы законодательные акты в рассматриваемой сфере. В практике США применяются следующие меры противодействия недобросовестной конкуренции:

1. Специальные меры в отношении отдельных практик: выявление и исключение ложной рекламы в цифровой среде, диагностика фактов незаконного использования коммерческой информации на отдельных цифровых площадках и пр.

2. Совершенствование антимонопольных запретов в цифровом пространстве: отслеживание соглашений (например, между торговыми цифровыми площадками), ограничивающих конкуренцию

(ценовые сговоры, контроль доступа к цифровым ресурсам и пр.).

3. Расширение цифровых полномочий институциональных субъектов, например, Федеральная Торговая Комиссия (FTC), специализирующаяся на борьбе с недобросовестной конкуренцией и защите прав потребителей, наделена новыми полномочиями в сфере диагностики недобросовестной конкуренции в цифровой экономике.

Закон о недобросовестной конкуренции (The Unfair Competition Act)	•Предусматривает запрет на различные виды действий, которые могут быть признаны недобросовестными и антиконкурентными. К ним относятся ложная реклама (в частности в цифровой среде), нарушение авторских прав, незаконное использование коммерческой информации и другие запрещенные практики.
Закон о защите прав потребителей от киберсквоттинга (Anticybersquatting Consumer Protection Act, АСРА, 1999)	•Запрещает незаконное присвоение, искажение и коммерциализацию доменных имён. Суд вправе обязать нарушителя передать домен законному владельцу и возместить причинённый ущерб.
Закон о защите справедливой торговли	•Регулирует понятие ложной рекламы, запрещает обман потребителей и устанавливает требования к ясности и достоверности информации, предоставляемой компаниями о своих товарах и услугах.

Рис. 4. Законодательная основа борьбы с недобросовестной конкуренцией в США

Источник: составлено автором на основании данных [8]

Отличительной особенностью борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой среде в практике США выступает формирование институциональной основы противодействия через функционирование федеральных и штатных антимонопольных органов специального цифрового назначения.

Следующей особенностью борьбы с недобросовестной конкуренцией в практике США стоит признать наличие этических норм конкуренции в цифровой среде, которые включают в себя стандарты, корпоративные кодексы и иные специальные положения, направленные, например, на: обеспечение защиты персональных данных и конфиденциальности информации в цифровом пространстве, гарантию безопасности данных (экономическая цифровая безопасность от кибератак и несанкционированного доступа), прозрачность деятельности, в частности в рамках построения бизнес-процессов в цифровой среде и др.

Важным инструментом борьбы с недобросовестной конкуренцией на уровне отдельных хозяйствующих субъектов США являются заключенные между конкурентами специальные «конкурентные договоры», которые представляют собой соглашения, гарантирующие исключение сторонами сделки практики недобросовестного конкурентного взаимодействия в их деятельности.

Борьба с недобросовестной конкуренцией в Китае также нацелена на пресечение злоупотребления отдельными субъектами цифровой экономики своим положением на рынке, исключение их доминирующей позиции, что должно стать основой для инновационного развития экономики страны. Для этого, в первую очередь, в стране приняты специальные нормы посредством принятия новых зако-

нов и внесения корректировок в действующие нормативные правовые акты, например:

1. Ключевые основы антимонопольного регулирования сферы цифровой экономики заложены нормами Закона КНР «Об электронной коммерции» посредством не только регламентации понятий в рассматриваемой сфере, но и отражения прав, а также обязанностей операторов платформ. Например, указанным правовым актом установлено, что «операторы не должны использовать правила транзакций и технологии для необоснованного ограничения конкуренции» [10].

2. Разъяснения по различным проявлениям и формам недобросовестного конкурентного в цифровой экономике представлены во Временном положении о борьбе с недобросовестной конкуренцией в интернет-индустрии (выпущено Государственной администрацией по регулированию рынка Китая (SAMR) в мае 2024 года). Предметной областью положения выступает характеристика ложной информации и рекламы в цифровом пространстве, перехват трафика и иные аспекты функционирования хозяйствующих субъектов в цифровой экономике. Помимо этого, положением регламентируются специальные недобросовестные практики, в частности: клик-фермы, незаконный сбор данных и дискриминация пользователей.

3. В середине 2025 года дополнительно были внесены поправки и действующий закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией, затрагивающие «манипулятивные транзакции», «накрутку» продаж через манипуляции правилами платформ, фальшивые отзывы, необоснованные возвраты товаров и др.

Аналогично практике США, в Китае особое место занимают специальные органы (институциональные субъекты) по борьбе с недобросовестной конкуренцией. Например, надзорные и контрольные функции в сфере выявления и пресечения недобросовестной конкуренции в цифровой экономике в Китае осуществляют:

- SAMR – орган, формирующий специальные антимонопольные правила и рекомендации для онлайн-операторов, платформ;
- Антимонопольная комиссия Госсовета КНР – осуществляет разработку и корректировку соответствующих инструкций и положений [10].

В таблице 2 систематизирована характеристика основ борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике в практике проанализированных стран. Стоит отметить, что в практике ЕС, США и Китая именно законодательная регламентация основ конкурентного функционирования субъектов в цифровой экономике выступает базой для борьбы с недобросовестной конкуренцией.

В проанализированных странах осуществлены не только корректировки действующих правовых актов с отражением аспектов цифровых преобразований и обновленных форм цифровых отношений, но и осуществлено издание специальных законов, регламентирующих отдельные аспекты деятельность субъектов и операторов интернет-

платформ. Следование новым цифровым нормам осуществляется посредством контроля со стороны специальных антимонопольных органов.

Таблицы 2. Сравнительная характеристика основ борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике в практике ЕС, США и Китая

Показатель	Страны ЕС	США	Китай
Основа борьбы	Антимонопольное законодательство	Синтез законодательства, специальных органов, международного сотрудничества	Антимонопольное регулирование
Цель борьбы	Исключение доминирования крупных платформ на цифровых рынках	Предотвратить злоупотребления доминирующим положением на рынке и защитить интересы предпринимателей и потребителей	Предотвратить злоупотребление доминирующим положением платформ, защитить конкуренцию и стимулировать инновации
Система законодательной регламентации	+	+	+
Наличие специальных органов контроля	Только в отдельных странах, например, Немецкое конкурентное ведомство	Сформированы федеральные и штатные антимонопольные органы со специальными цифровыми полномочиями	SAMR, Антимонопольная комиссия Госсовета КНР
Основные меры	Обеспечение прозрачности деятельности, надзор и аудит и др.	Внедрение этических норм, усиленный контроль, требования к платформам и др.	Совершенствование законодательных основ, контрольно-надзорные мероприятия

Источник: составлено автором по итогам проведенного исследования

В целом представленная информация позволяет заключить, что международный опыт борьбы с недобросовестной конкуренцией в цифровой экономике (на примере практики ЕС, США и Китая) характеризуется наличием сформированной системы, элементами которой выступает не только законодательные нормы конкуренции в цифровом пространстве, но и развитие специальных институтов контроля, внедрение практики этических норм (на корпоративном уровне хозяйствующих субъектов), а также расширение возможностей международного сотрудничества в борьбе с недобросовестной конкуренцией.

1. Доклад о мировых инвестициях в 2025 году: международные инвестиции в цифровую экономику // Росконгресс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-v-2025-godu-mezhdunarodnye-investitsii-v-tsifrovuyu-ekonomiku/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 03.09.2025).
2. Global Digitalization Index 2024 // ICT.Moscow. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ict.moscow/projects/ai/research/global-digitalization-index-2024/> (дата обращения: 03.09.2025).
3. Текеев М.Э., Уртенев А.Б., Текеева Х.Э. Влияние цифровой экономики на ВВП и экономический рост // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № S1. – С. 151–157.
4. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/d3ec94178377c9da4574b43ba4e069cd38f0b80a/ (дата обращения: 03.09.2025).
5. Чинарян Е.А. Защита конкуренции в условиях цифровой экономики на примере стран Европейского Союза // Закон и власть. – 2022. – № 5. С. 46–48.
6. Евросоюз обвинил Google в злоупотреблении доминирующим положением на рынке рекламы // Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/490930-evrosouz-obvinil-google-v-zloupotreblenii-dominiruyusim-polozeniem-na-rynke-reklamy> (дата обращения: 03.09.2025).
7. Томилова Л.Н., Корниенко А.В. Антиконтентные действия на цифровых платформах // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 59–67.
8. Законодательство о недобросовестной конкуренции в США – защита честных бизнесов и основы борьбы с незаконными практиками. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clienta.com.by/9086.html> (дата обращения: 03.09.2025).
9. Власти КНР пересмотрели законы о борьбе с недобросовестной конкуренцией // Большая Азия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigasia.ru/vlasti-kr-peresmotreli-zakony-o-borbe-s-nedobrosovestnoj-konkurenciej/> (дата обращения: 03.09.2025).
10. Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Политика Китайской Народной Республики в сфере регулирования цифровых платформ // Вестник между-

народных организаций. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 145–160

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN COMBATING UNFAIR COMPETITION IN THE DIGITAL ECONOMY (EU, USA, CHINA)

Baboyan L.M.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Digital transformations of the economy require a special approach in terms of competition regulation. This is explained by the fact that the emergence of new subjects of competitive relations, the need for targeted stimulation of innovative development, the need to protect the interests of all participants in the digital market, etc. – form updated business conditions, which means a new approach to regulating relations is required, in particular in the context of counteracting unfair competition. The article presents an analysis of international experience in combating unfair competition in the digital economy, using the example of the largest countries leading digital transformations, namely: the member states of the European Union, the United States and China.

Keywords: digital economy, digitalization, digital transformation, competition, regulation, legal regulation.

References

1. World Investment Report in 2025: International investments in the digital economy // Roscongress. [electronic resource]. Access mode: https://roscongress.org/materials/doklad-o-mirovykh-investitsiyakh-v-2025-godu-mezhdunarodnye-investitsii-v-tsifrovuyu-ekonomiku/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 09/03/2025).
2. Global Digitalization Index 2024 // ICT.Moscow. [electronic resource]. Access mode: <https://ict.moscow/projects/ai/research/global-digitalization-index-2024/> (date of access: 09/03/2025).
3. Tekeev M.E., Urtenov A.B., Tekeeva Kh.E. The impact of the digital economy on GDP and economic growth // Regional and sectoral economics. – 2024. – No. S1. – pp. 151–157.
4. Convention for the Protection of Industrial Property (Concluded in Paris on 03/20/1883) (as amended on 10/02/1979) // ATP "ConsultantPlus". [electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/d3ec94178377c9da4574b43ba4e069cd38f0b80a/ (date of access: 09/03/2025).
5. Chinaryan E.A. Protection of competition in the digital economy on the example of the European Union countries // Law and Power. – 2022. – No. 5. pp. 46–48.
6. The European Union accused Google of abusing its dominant position in the advertising market // Forbes. [electronic resource]. Access mode: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/490930-evrosouz-obvinil-google-v-zloupotreblenii-dominiruyusim-polozeniem-na-rynke-reklamy> (date of request: 09/03/2025).
7. Tomilova L.N., Kornienko A.V. Anticompetitive actions on digital platforms // Law Bulletin of Kuban State University. – 2022. – No. 3. – pp. 59–67.
8. Legislation on unfair competition in the USA – protection of honest businesses and the basis for combating illegal practices. [electronic resource]. Access mode: <https://clienta.com.by/9086.html> (date of request: 09/03/2025).
9. The Chinese authorities have revised the laws on combating unfair competition // Greater Asia. [electronic resource]. Access mode: <https://bigasia.ru/vlasti-kr-peresmotreli-zakony-o-borbe-s-nedobrosovestnoj-konkurenciej/> (date of access: 09/03/2025).
10. Sakharov A.G., Shelepov A.V. Policy of the People's Republic of China in the field of regulation of digital platforms // Bulletin of International Organizations. – 2024. – Vol. 19. – No. 2. – pp. 145–160

Понятие, признаки, виды договоров в сфере инновационной деятельности и их место в системе гражданско-правовых договоров

Балибардина Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Себряковский филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

В статье речь идет о договорах в сфере инновационной деятельности, их месте в системе гражданско-правовых договоров. Доказано, что гражданско-правовой договор перестал выполнять лишь функцию юридического факта как основания возникновения правоотношений, самого правоотношения и документа, а занимает важное место в архитектуре источников правового регулирования инновационной деятельности. Договор является источником правового регулирования локального характера, эффективным правовым средством определения прав и обязанностей сторон, в частности в сфере инновационной деятельности. Сделан вывод о том, что договором инновационного характера является договоренность двух или больше сторон, на основании которой возникают, изменяются или прекращаются их права и обязанности в сфере инновационной деятельности.

Ключевые слова: договор, инновации, регулирование, механизм, специфика.

Наиболее часто в литературе обсуждается вопрос о соотношении договора и закона как регуляторов общественных отношений. По мнению В.Л. Ярошенко, использование положений этих двух регулятивных уровней составляет специфику механизма гражданско-правового регулирования в целом [5].

Раньше в науке договора определялась лишь роль юридического факта, его возможность регулировать социальные отношения, тем самым конкурируя с государственной властью. В доктрине гражданского права договор также стал рассматриваться не только как юридический факт, но и как источник правового регулирования.

Одной из первых договор в таком разрезе начала рассматривать З.В. Ромовская, определяя договор как нормативно-правовой акт локальный, двусторонне – или многостороннего регулятивного, обязывающего действия [9].

Похожего мнения придерживается С.А. Погребной, определяющий договор как нормативный регулятор общественных отношений [7].

У такого подхода, конечно, есть и оппоненты. А.А. Беляневич отметила, что регулятивная функция, которую выполняет договор, не дает оснований для признания за ним статуса нормотворческого (правотворческого) акта [1].

И.В. Фатеева соглашается с тем, что договор является средством фиксации воли лиц, содержанием их договоренности, что уже само по себе свидетельствует о его правоустанавливающем значении – он устанавливает право лиц и, соответственно, их обязанности (в подавляющем большинстве договорных правоотношений) [2].

Исследуя отношения по передаче имущества в пользование И.Р. Калаур отмечает, что договор играет не только роль юридического факта, который является первичным «импульсом» в динамике указанных отношений, но и выполняет функцию основного инструментария индивидуального регулирования частноправового сегмента исследуемой сферы имущественного оборота. Будучи юридическим регулятором поведения лиц, вступающих в договорные отношения, договор «во имя» их интересов обеспечивает объективную возможность урегулировать те сферы их договорного сотрудничества, которые не опосредованы нормативной регламентацией [6].

Считаем целесообразным уточнить позицию автора. Договор не только позволяет урегулировать те аспекты отношений сторон, которые не урегулированы нормами права, но и изменить законодательное регулирование отношений, если законо-

дательный акт не содержит прямого запрета на отступление от его положений.

По нашему мнению, в сегодняшних реалиях суть и правовая природа договора явно выходит за рамки его традиционного понимания как основания возникновения правоотношений и самого правоотношения. Договор является источником правового регулирования локального характера, эффективным правовым средством определения прав и обязанностей сторон, в частности в сфере инновационной деятельности. Стороны посредством договора устанавливают исключительно для себя правила, определяющие меру возможного поведения в договорном правоотношении, тем самым дополняя недостающие нормы актов законодательства или даже изменяя существующие нормы.

Занимая позицию, что договор-это регулятор, необходимо также исследовать его иерархическое соотношение с нормами актов гражданского законодательства. Относительно этого в литературе можно встретить различные подходы.

С.А. Погребной рассматривает договор как форму закрепления норм гражданского права, при этом участники гражданских отношений признаются субъектами их договорного регулирования наравне с государством [1].

З.В. Ромовская указывает, что суд, рассматривая спор между участниками договора, должен ссылаться на его соответствующие пункты как на форму права [3].

А.П. Стасов отмечает, что договор является тем универсальным правовым инструментом, который действительно позволяет участникам отношений очертить в нем те условия, которые являются востребованными именно ими. Соответственно, договор приобретает признаки индивидуального акта правообразования. При этом, автор акцентирует внимание именно на функциональном назначении такого регулятора как созидание права, а не нормы закона, поскольку последнее однозначно находится уже в плоскости положительного права – нормативно-правовых актов действующего законодательства [5].

Договор является эффективным регулятором во всех отношениях, которые сопровождают инновационную деятельность в Российской Федерации.

Инновационные отношения являются комплексными и включают в себя немало институтов. В литературе нет единого подхода относительно того, договоры, которые заключаются в этой сфере составляют самостоятельную договорную группу, или нет. По нашему мнению, целесообразно выделять договоры инновационного характера, которым присущ ряд самостоятельных признаков.

К таким договорам в литературе традиционно относят договоры: на выполнение научно-исследовательских или опытно-конструкторских и технологических работ, на создание и передачу научно-технической продукции, договоры по распоряжению правами интеллектуальной собственности, отдельные договоры об оказании услуг, до-

говоры подряда на изготовление опытных образцов изделий, договоры купли-продажи (в частности, договор об исключительной продаже инновационной продукции) и т.д. К тому же к ним относят и определенные группы договоров, например, договоры о трансфере технологии: критерием выделения этой группы договоров является их объект-технология или ее составляющие [6].

Стоит поддержать позицию А.П. Стасива, который отметил, что гражданский договор как «регулятор» инновационных отношений опосредует все возможные сегменты их возникновения, реализации, изменения или прекращения. По мнению автора, инновационные отношения в рамках своей частноправовой составляющей включают в себя как имущественные так и неимущественные отношения, связанные с имущественными. В частности, предметом частноправового регулирования гражданского договора в сфере инновационных отношений являются: отношения в сфере права интеллектуальной собственности и, связанные с ними информационные отношения; организационные отношения, направленные на упорядочение правовых связей между участниками инновационных отношений; имущественные отношения по созданию и реализации инноваций [4].

Договорное регулирование применяется и при выполнении научно-исследовательских работ, передаче инновационного продукта, его реализации, при передаче прав интеллектуальной собственности, при финансировании инновационной деятельности и прочее.

Следует согласиться с мнением И.Е. Якубовского, что важным при исследовании договора в механизме регулирования общественных отношений является также установление его действия на всех стадиях правового регулирования [7].

К примеру, при заключении договора на выполнение научно-исследовательских или опытно-конструкторских и технологических работ его стороны определяют условия будущего сотрудничества, объем, виды и цену работ и тому подобное. При выполнении договора стороны также руководствуются положениями договора. Также стороны могут предусмотреть в договоре способы защиты нарушенных прав и интересов, или установить третейское предостережение). Как видим, гражданско-правовой договор выступает эффективным источником правового регулирования отношений участников инновационной деятельности на всех стадиях ее осуществления.

Сегодня гражданско-правовой договор перестал выполнять лишь функцию юридического факта как основания возникновения правоотношений, самого правоотношения и документа, а занимает важное место в архитектуре источников правового регулирования инновационной деятельности. Договор является источником правового регулирования локального характера, эффективным правовым средством определения прав и обязанностей

сторон, в частности в сфере инновационной деятельности.

Гражданско-правовой договор выступает эффективным источником правового регулирования отношений участников инновационной деятельности во всех формах и на всех стадиях ее осуществления: при юридической регламентации отношений сторон в сфере инновационной деятельности, при осуществлении сторонами такой деятельности и исполнении обязанностей, а также при защите прав и интересов субъектов инновационных отношений.

К.Ю. Иванова отмечает, что договоры, которые направлены на урегулирование отношений в инновационной сфере, обозначаются по-разному: «договоры инновационного характера», «инновационные договоры», «инновационные контракты» и считает наиболее удачным именно термин «договоры инновационного характера» [8].

Стоит заметить, что в российской науке этот термин нашел наибольшую поддержку, и мы также присоединяемся к такой позиции.

О.Э. Симсон предлагает такое определение договоров в инновационной сфере: «это гражданско-правовые договоры, которые закрепляют факт осуществления инновационной деятельности» [2].

Считаем, что предложенное определение не в полной мере отражает признаки исследуемой группы договоров, поскольку некоторые договоры инновационного характера не закрепляют факт, а, наоборот, выступают предпосылкой для осуществления инновационной деятельности или основанием возникновения прав и обязанностей субъектов инновационной деятельности.

К.Ю. Иванова отмечает, что в доктрине права к договорам инновационного характера сложилось неоднозначное отношение. Наряду с учеными, которые считают целесообразным выделение специальной группы указанных есть группа ученых, которые относятся к этому негативно, считая, что термин «инновационные отношения» имеет условный характер, поскольку он охватывает известные гражданскому праву явления. Эти авторы приходят к выводу, что не существует так называемых «инновационных договоров», поскольку в своем большинстве это гражданско-правовые договоры [3].

Вполне очевидным является то, что для урегулирования правоотношений между участниками инновационной деятельности может применяться гражданско-правовой инструментарий, в частности договорной. К примеру, всем хорошо известный «классический» договор купли-продажи может приобретать признаки договора инновационного характера, если им опосредуется передача в собственность новейшего высокотехнологичного оборудования. В то же время нельзя отрицать достаточности существенных признаков договоров в исследуемой сфере для заключения о том, что они составляют собой отдельную договорную группу.

Систематизация договоров инновационного характера и определения места этого института сре-

ди системы гражданско-правовых договоров имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Исследуя договоры об оказании услуг, А.А. Телестаква предлагает определять систему договоров о предоставлении услуг как целостное единство, состоящее из совокупности обязательственных правоотношений по предоставлению услуг, которые взаимосвязаны между собой множественностью элементов и признаков, имеют четкую внутреннюю структуру и регулируются общими правовыми нормами [9].

Несмотря на разнообразие договоров в сфере инновационной деятельности и на то, что все они по своей правовой природе являются гражданско-правовыми договорами, можно с уверенностью утверждать, что этой группе договоров присуще единство и взаимосвязь, которые обуславливают выделение их в отдельный элемент системы договорного права – договоры инновационного характера. При этом системообразующими признаками будут выступать юридическая направленность, сфера применения и предмет договора.

Среди ученых встречается мнение, что в договорах, которые опосредуют отношения в сфере инновационной деятельности невозможно выделить единую юридическую направленность, поскольку одни договоры будут направлены на создание инноваций (к примеру, договор об исполнении научно-исследовательских работ), другие – на передачу прав интеллектуальной собственности (лицензионный договор), отдельные – вообще на передачу имущества или предоставление услуг [2].

По нашему мнению, следует рассматривать юридическую направленность как критерий отнесения договора к категории инновационного не столько в более широком смысле.

В частности, А.Н. Винник, давая правовую характеристику договоров инновационного характера в сфере инновационного инвестирования, конструктивным признаком называет как раз особую направленность этих договоров на разработку инновационного проекта, на проведение соответствующих исследований, на реализацию инновационного проекта и т.д. Следует обратить внимание, что к договорам инновационного характера, которые являются основанием для возникновения инновационной деятельности, автор относит не только классическую договорную форму инновационной деятельности, но и корпоративную (учредительные договоры) [3].

Соглашаясь с позицией о возможности отнесения договоров о совместной деятельности к договорам инновационного характера (в частности, в случае начала на основании такого договора деятельности технопарка) следует предостеречь, что такой договор ни в коем случае нельзя относить к корпоративному, поскольку принципиальным отличием является отсутствие создания юридического лица.

Учитывая, что инвестиционное и финансовое обеспечение необходимо для создания, разработ-

ки и внедрение инноваций, то договоры, которыми оно опосредуется, также можно отнести к договорам инновационного характера.

Инвестиционная составляющая очень часто присуща инновационной деятельности, поскольку создание инновации и ее внедрение и коммерциализация предусматривают вложение соответствующих средств и других благ.

Договорная форма инвестиционной инновационной деятельности имеет ряд преимуществ, к которым можно отнести гибкость, возможность заключения для выполнения одноразовой операции, отсутствие затрат на содержание организационно-правовой формы юридического лица и другие.

Инновационная деятельность может быть связанной с получением прибыли, а может иметь целью улучшение социальной сферы и достижения другого социального или экологического эффекта. Одним из наиболее распространенных оснований осуществления инновационной инвестиционной деятельности является договор. Договорная форма инвестиционной инновационной деятельности имеет ряд преимуществ, к которым можно отнести гибкость, возможность заключения для выполнения одноразовой операции, отсутствие затрат на содержание организационно-правовой формы юридического лица и другие.

К основным видам инновационной деятельности, относят, в том числе: приобретение знаний из внешних источников, включая приобретение технологий и ноу-хау в различных формах и из различных источников в связи с разработкой и внедрением инноваций: приобретение машин, оборудования и других капитальных товаров, как тех, что имеют улучшенную технологическую производительность, так и тех, которые без улучшения технологической производительности являются необходимыми для внедрения новых или усовершенствованных продуктов или процессов; другие виды инновационной деятельности, связанные с выполнением работ и предоставлением услуг (в частности, техническое и промышленное проектирование, пусконаладочные работы, маркетинг, обучение и подготовка кадров и другое) [1].

К.Ю. Иванова рассматривает договоры инновационного характера в узком и в широком смысле. В широком смысле договорами инновационного характера являются все те договоры, заключаемые на протяжении всего инновационного цикла: от создания объекта интеллектуального результата, оформления его как объекта права интеллектуальной собственности (или сохранении в режиме ноу-хау) до внедрения последнего как инновации в производственную сферу. Узкий подход основывается на выделении только тех договорных форм, которые опосредуют инновационную деятельность (инновационный цикл как часть научно-технического цикла), что как процесс берет свое начало с момента принятия мер для доработки объектов права интеллектуальной собственности до состояния инновационного продукта, пригодного для внедрения [4].

По нашему мнению, к договорам инновационного характера следует относить не только договоры, которыми опосредуется доказывание объекта права интеллектуальной собственности или другого результата интеллектуальной деятельности человека до уровня инновационного продукта.

Считаем, что следует классифицировать договоры инновационного характера по критерию их юридической направленности на договоры инновационного характера и сопутствующие договоры в сфере инновационной деятельности.

Предлагаем выделять договоры инновационного характера, направлены на: создание инноваций (договоры о проведении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, договоры о создании инновационного продукта и другие); трансфер инноваций (лицензионные договоры и другие) и договоры о совместной инновационной деятельности.

Сопутствующие договоры в сфере инновационной деятельности могут быть направлены на: приобретение основных средств, необходимых для создания и внедрения инноваций (купля-продажа высокотехнологичного оборудования, компьютерных программ и т.п.); выполнение работ и предоставление услуг, необходимых для создания и внедрения инноваций (предоставление маркетинговых услуг и т.д.).

Отнесение определенного гражданско-правового договора к категории договоров инновационного характера возможно при условии его заключения в сфере инновационной деятельности, а его предмет должен быть связанным с инновациями.

Соответственно, если определенный гражданско-правовой договор является основанием разработки нового конкурентоспособного продукта, трансфера технологий, инвестиционного финансирования научных исследований или иным образом опосредует динамику инновационной деятельности, то его следует относить к договорам инновационного характера.

По мнению Н.Ю. Молчанова, предметом инновационного договора могут быть: а) объект интеллектуальной собственности; б) товары (вещи), которые произведены впервые с использованием результатов инновационной деятельности; в) инновационные информации, программы и организационно-технические решения [10].

По нашему мнению, указанный подход несколько широк, поскольку договоры, предметом которых является товар или вещь можно признать лишь сопутствующим договором в сфере инновационной деятельности. Можно предположить, что в обращение производителем введена партия товара, при изготовлении которого была использована инновационный продукт (был растиражирован инновационный продукт). Несмотря на то, что сам введенный в обращение товар может быть новым и созданным с применением инноваций, договор купли-продажи такого товара потребителем нельзя считать договором инновационного характера

исходя из предложенных признаков такой категории договоров.

Подводя итог, можно сделать вывод, что среди массива гражданско-правовых договоров следует выделять договоры инновационного характера.

Договором инновационного характера является договоренность двух или больше сторон, на основании которой возникают, изменяются или прекращаются их права и обязанности в сфере инновационной деятельности.

Системообразующими признаками договоров инновационного характера являются наличие в предмете договора инновационной составляющей, направленность на создание инновации, ее внедрение и коммерциализацию, цель достижения экономического, социального или экологического эффекта.

Литература

1. Азисов К.Н. Договорные отношения в области научно-технического прогресса. // Российский юридический журнал. 2021. № 8. С. 13–24.
2. Балабанов С.В. Договоры на выполнение НИ-ОКР: Комментарий судебной практики // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 54–60.
3. Вавилов В.П. Договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Российская юстиция. 2022. № 6. 21–28.
4. Голубев И.И. Правовое регулирование договоров на выполнение опытно-конструкторских работ. М. 2022. 189 с.
5. Законодательство о науке: Современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. д.ю.н. В.В. Лапаева. М.: Норма, 2024. 400 с.
6. Лыжин Н. А. К созданию системы правового регулирования инноваций // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 15–20.
7. Попов В.Н. Проблемы совершенствования законодательства об инновациях // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 18–24.
8. Рассказов Л.А. Правовое регулирование инновационной деятельности М., 2023. 290 с.

9. Сергеев Н.М. Стимулы к инновации // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3. С. 83–93.
10. Янковский С.П. Введение в инновационное предпринимательство. СПб., 2024. – 189 с.

CONCEPT, CHARACTERISTICS, TYPES OF CONTRACTS IN INNOVATION ACTIVITIES, AND THEIR PLACE IN THE SYSTEM OF CIVIL CONTRACTS

Balibardina N.G.

Sebryakovsky Branch of Volgograd State Technical University

This article discusses contracts in innovation activities and their place in the system of civil contracts. It is proven that a civil contract is no longer executed solely as a legal fact, as the emergence of legal relations, the legal relationship itself, and a document that occupies a decisive place in the architectural sources of legal regulation of innovation activities. A contract is the basis for local regulation, effective law, determining rights, and recognizing a party, particularly in the field of innovation. It is concluded that an innovative contract is an agreement between two or more parties, under which their rights and obligations in the field of innovative activity are modified or terminated.

Keywords: contract, innovation, regulation, mechanism, specification.

References

1. Azisov K.N. Contractual Relations in the Field of Scientific and Technological Progress. // Russian Law Journal. 2021. No. 8. pp. 13–24.
2. Balabanov S.V. Contracts for the Performance of R & D: Commentary on Judicial Practice // Business and Law. 2023. No. 1. pp. 54–60.
3. Vavilov V.P. Contract for the Performance of Research, Development, and Technological Work // Russian Justice. 2022. No. 6. pp. 21–28.
4. Golubev I.I. Legal Regulation of Contracts for the Performance of Development Work. Moscow, 2022. 189 p.
5. Legislation on Science: Current State and Development Prospects / Ed. Doctor of Law. V.V. Lapaeva. Moscow: Norma, 2024. 400 p.
6. Lyzhin N.A. Towards Creating a System of Legal Regulation of Innovations // Russian Law Journal. 2023. No. 2. pp. 15–20.
7. Popov V.N. Problems of Improving Legislation on Innovations // Entrepreneurial Law. 2024. No. 1. pp. 18–24.
8. Rasskazov L.A. Legal Regulation of Innovative Activity Moscow, 2023. 290 p.
9. Sergeev N.M. Incentives for Innovation // Problems of Forecasting. 2022. No. 3. pp. 83–93.
10. Yankovsky S.P. Introduction to Innovative Entrepreneurship. St. Petersburg, 2024. – 189 p.

Эволюция международно-правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг

Гришин Лев Петрович,

аспирант кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева»

E-mail: grisinlev@gmail.com

В статье рассматривается историческая эволюция международно-правового регулирования оборота ценных бумаг: от ранних межгосударственных двусторонних соглашений, касающихся отдельных видов ценных бумаг, к универсальным глобальным конвенциям и, в конечном итоге, к современным интеграционным механизмам регионального уровня, правовому регулированию при помощи «мягкого права» и рекомендаций международных организаций. Анализируются ключевые международные договоры на универсальном и региональном уровнях, касающиеся трансграничного обращения ценных бумаг.

Ключевые слова: ценные бумаги, трансграничный оборот, международные договоры, «мягкое право», интеграция, ЕАЭС, ЕС, МОКЦБ.

Введение

Развитие международного рынка ценных бумаг отражает общую тенденцию интернационализации финансовых отношений и усложнение форм и методов правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг, обеспечивающих международное движение капитала. Эволюция международно-правового регулирования ценных бумаг демонстрирует закономерный переход от разрозненных обычаев и двусторонних договоров к универсальным международным конвенциям, которые, показали ограниченную жизнеспособность, а затем к современной смешанной модели регулирования, которая характеризуется многоуровневой организационной структурой, где наряду с международными договорами ключевую роль играет право региональных интеграционных объединений и нормы «мягкого права». Ниже рассматриваются ключевые этапы этой эволюции – доконвенционный, договорно-конвенционный и современный смешанный.

Доконвенционный этап: торговые обычаи и первые соглашения (до начала XX века)

На раннем этапе международно-правовое регулирование трансграничного оборота ценных бумаг носило преимущественно обычный и договорный характер. В эпоху Средневековья именно в рамках Lex Mercatoria (совокупности международных торговых обычаев) появились первые унифицированные правила вексельного обращения, которые признавались и исполнялись торговыми судами различных стран, независимо от национальной юрисдикции [1].

Важнейшей вехой стало становление организованных фондовых рынков. В XIV веке в Брюгге начала складываться практика торговли долговыми обязательствами, которая в XVI веке получила институциональное оформление в открывшейся в 1531 году Антверпенской бирже [2]. В XVII веке центр мировой фондовой торговли переместился в Амстердам, где с 1602 года акции Голландской Ост-Индской компании стали предметом активного биржевого обращения. Амстердамская биржа не только создала стандарты торгов, но и закрепила принципы защиты прав инвесторов, положив начало современным механизмам биржевого регулирования [5].

Однако первые кризисы показали слабость исключительно обычного регулирования – крах «Компании Южных морей» в Англии в 1720 году привёл к принятию парламентом так называемого

закона «О мыльных пузырях»¹, который впервые ограничил деятельность акционерных обществ без специального разрешения государства. Подобные меры были предприняты и во Франции после краха «Миссисипской компании» [6]. Эти примеры иллюстрируют, что уже в XVIII веке государства осознали необходимость регулирования рынков ценных бумаг, хотя межгосударственной координации в полном объеме ещё не существовало.

XIX век ознаменовался развитием национальных рынков капитала, прежде всего в Европе и США. Биржевые обычаи, национальные кодексы и первые специальные законы о компаниях постепенно создавали правовую базу, однако международная унификация оставалась минимальной, так как регулирование носило внутренний характер, а трансграничные вопросы решались через двусторонние соглашения о взаимном признании и исполнении обязательств по ценным бумагам, соглашения о взаимной правовой помощи или путем проведения дипломатических переговоров (например, в случае дефолтов по государственным облигациям).

Исходя из этого, доконвенционный этап характеризовался доминированием национального права и обычаев, при почти полном отсутствии универсальных международных норм. Лишь практика международной торговли постепенно готовила почву для перехода к следующему этапу.

Договорно-конвенционный этап: первые универсальные международные конвенции (с начала XX века до второй половины XX века)

Попытки выработать общие правовые нормы предпринимались в ходе международных конференций, примером могут служить Гаагские конференции 1910–1912 годов, посвященные вопросам унификации вексельного права, заложившие основу для будущих конвенций. Переломным моментом стали межвоенные годы, мировой экономический кризис 1929 года продемонстрировал уязвимость мирового финансового рынка и необходимость создания единых правил. Под эгидой Лиги Наций были приняты Женевские вексельные и чековые конвенции 1930–1931 гг.: «Конвенция о единообразном законе о переводном и простом векселе 1930 г.»² и «Конвенция, устанавливающая единообразный закон о чеках 1931 г.»³. Эти акты вступили в силу

¹ Bubble Act 1720 (6 Geo. I. c.18). An Act for better securing certain Powers and Privileges intended to be granted by His Majesty by two Charters for Assurance of Ships and Merchandizes at Sea, and for lending Money upon Bottomry; and for restraining several extravagant and unwarrantable Practices therein mentioned. 1720 // Legislation.gov.uk. The National Archives. URL: <https://www.legislation.gov.uk/apgb/Geo1/6/18/contents/enacted> (дата обращения: 15.09.2025).

² Convention providing a Uniform Law for Bills of Exchange and Promissory Notes. Geneva, 7 June 1930 // League of Nations Treaty Series. 1934. Vol. 143. P. 257. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280166585> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Convention providing a Uniform Law for Cheques. Geneva, 19 March 1931 // League of Nations Treaty Series. 1934. Vol. 163.

в 1934 году и заложили основы «женевской системы» вексельно-чекового права. Их значение заключалось в том, что впервые на международном уровне были унифицированы материально-правовые нормы по основным платежным инструментам, что повысило предсказуемость трансграничных расчетов. В результате к середине XX века трансграничное обращение векселей и чеков осуществлялось на общепринятых условиях, стороны могли рассчитывать на единообразие требований к форме, индоссированию, акцепту и оплате этих инструментов. Конвенции заложили фундамент международного унифицированного режима обращения отдельных видов ценных бумаг, однако их сфера применения была ограничена бумажными формами ценных бумаг, и с развитием бездокументарного оборота, появлением новых финансовых инструментов потребовались новые решения.

Несмотря на то, что со второй половины XX наступил смешанный этап международно-правового регулирования, в конце XX века международное сообщество предприняло новые попытки унификации. В 1988 году была принята «Нью-Йоркская конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о международных переводных и простых векселях»⁴, подготовленная Комиссией ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ). Целью этой конвенции было устранение серьезных расхождений в регулировании платежных инструментов и предложение современного набора унифицированных правил для международных векселей. Конвенция предусматривала диспозитивный характер применения, что позволяло сторонам сделки самим решать, распространяются ли на их отношения правила конвенции или нет, однако из-за недостатка ратификаций (требуемый порог так и не был достигнут) этот договор так и не вступил в силу, подтвердив трудности глобальной унификации.

Таким образом, договорно-конвенционный этап продемонстрировал важность договорной унификации, но также показал её ограничения, ведь универсальные конвенции оказались сложны для ратификации и применения, особенно в условиях роста объемов финансовых рынков и стремительного развития технологий.

Современный смешанный этап: интеграционное право и нормы «мягкого права» (с середины XX века по настоящее время)

Если бы государствам удалось ратифицировать унифицированные договоры и имплементировать их нормы в национальное законодательство, то договорно-конвенционный этап мог бы распро-

P. 389. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=0800000280167087> (дата обращения: 15.09.2025).

⁴ United Nations Convention on International Bills of Exchange and International Promissory Notes. New York, 9 December 1988 // United Nations Treaty Series. Vol. 1927. P. 3. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/payments/international_bills_promissory_notes/convention_1988 (дата обращения: 15.09.2025).

страниться на вторую половину XX века в полном объеме и, может быть, продолжаться вплоть до первого десятилетия XXI века. Однако государствам не удалось договориться о таких единых правовых нормах.

Ключевым достижением в области коллизивно-правового регулирования стала «Гагская конвенция о праве, применимом к определённым правам в отношении ценных бумаг, находящихся у посредника 2006 г.»¹ Она закрепила важный принцип PRIMA (Place of the Relevant Intermediary Approach), определяющий применимое право по месту нахождения депозитария или посредника, ведущего учёт. Конвенция вступила в силу в 2017 году после ратификации США, Швейцарией и Маврикием, однако отсутствие единой позиции Европейского союза существенно ограничило её потенциал [3].

Следующим шагом стала «Женевская конвенция УНИДРУА о материально-правовых нормах, касающихся опосредованно удерживаемых ценных бумаг 2009 г.»² Она регламентировала права инвесторов, порядок передачи и залога ценных бумаг, защиту добросовестного приобретателя и механизм защиты в случае банкротства посредника. Несмотря на то, что конвенция не вступила в силу, она широко используется как модельный акт и оказала значительное влияние на практику и доктрину, являясь, по сути, международным правовым обычаем [2].

Следует отметить, что на региональном уровне государствам удается более успешно урегулировать правила трансграничного обращения ценных бумаг в рамках интеграционных объединений. Наиболее развитая система на текущий момент действует в Европейском союзе (далее – ЕС), где приняты соответствующие Регламенты и Директивы [4], которые уже создали единый рынок ценных бумаг, обеспечив унификацию требований к эмиссии, раскрытию информации, клирингу и расчетам. Деятельность Европейского управления по ценным бумагам и рынкам придаёт наднациональный характер регулированию, что делает модель ЕС примером успешной глубокой экономической интеграции.

В рамках интеграционных объединений, членом которых является Российская Федерация, ведётся активная работа по разработке и принятию международных договоров, регулирующих трансграничный оборот ценных бумаг. Особую значимость приобретает опыт Евразийского экономического союза (далее – ЕЭАС), где в 2025 году было подписано «Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организо-

ванных торгах в государствах – членах ЕАЭС»³, устраняющее дублирование процедур при кросс-листинге и являющееся предпосылкой к формируемому единому биржевому пространству в рамках ЕАЭС, а также к созданию общего финансового рынка Союза [3].

Наряду с правовыми нормами интеграционных объединений, большое значение для международно-правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг имеют нормы «мягкого права», среди которых первенство по имплементации в национальное законодательство занимает Международная организация комиссий по ценным бумагам (далее – МОКЦБ). Под эгидой данной организации разработаны важнейшие принципы регулирования рынков ценных бумаг, одобренные и признанные в качестве глобального стандарта «Группой двадцати» (G20) и Советом по финансовой стабильности, а Международный валютный фонд начал использовать их при оценке национальных финансовых систем. Фактически сформировалось «мягкое право» международного рынка ценных бумаг, так как государства стали ориентироваться на принципы МОКЦБ при принятии национальных законов, таким образом превращая добровольные стандарты в нормы «твёрдого права». Необходимо подчеркнуть, что хотя наиболее весомое и широкое распространение и имплементационное влияние оказывают именно принципы МОКЦБ, тем не менее разработка механизмов «мягкого права» осуществляется и другими международными институтами. Так, значительный вклад внесли Международный институт по унификации частного права (УНИДРУА) и Гагская конференция по международному частному праву, чьи ключевые документы были рассмотрены выше.

Отсюда следует, что современный этап демонстрирует формирование смешанной многоуровневой модели регулирования, где интеграционные механизмы обеспечивают унификацию и гармонизацию на региональном уровне, а нормы «мягкого права» на универсальном уровне. Кроме того, вместе с этим рекомендательные нормы международных организаций, по сути, приобретают форму международных правовых обычаев.

Заключение

Эволюция международно-правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг подтверждает закономерный переход от обычного и двустороннего регулирования к универсальным конвенциям, а затем к смешанной модели, основанной на региональных соглашениях в рамках интеграционных объединений и нормах «мягкого права». Универсальные конвенции сыграли значительную роль в формировании единых подходов, но их ограниченная ратификация продемонстриро-

¹ Hague Convention on the Law Applicable to Certain Rights in Respect of Securities held with an Intermediary. The Hague, 5 July 2006 // Hague Conference on Private International Law (HCCH). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> (дата обращения: 15.09.2025).

² UNIDROIT Convention on Substantive Rules for Intermediated Securities. Geneva, 9 October 2009 // International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/instruments/capital-markets/geneva-convention/> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Соглашение о трансграничном допуске к размещению и обращению ценных бумаг на организованных торгах в государствах – членах Евразийского экономического союза (Подписано в г. Алматы 31.01.2025) // СПС КонсультантПлюс.

вала пределы глобальной унификации. Наиболее применимыми стали региональные интеграционные формы правового регулирования (в особенности на примере ЕС и ЕАЭС), которые обеспечивают эффективное правоприменение и адаптацию к современным условиям. А «мягкое право» выполняет роль международного стандарта, который государства имплементируют в своё законодательство и придают ему форму «твёрдого права». Перспективы дальнейшего развития международно-правового регулирования связаны с цифровизацией, токенизацией активов и внедрением распределённых реестров. Эти процессы требуют от международного сообщества выработки новых договорных решений, однако на ближайшее время именно сочетание норм интеграционного права и «мягкого права» остаётся наиболее эффективной формой международно-правового регулирования трансграничного оборота ценных бумаг.

Литература

1. Берман Г. Право и революция. Формирование западной правовой традиции / Гарольд Дж. Берман. — Кембридж (Массачусетс), Лондон: Harvard univ. press, 1983. — XI, 657 с.
2. Габов А.В. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка / А.В. Габов; Рецензент Е.П. Губин и др. — Москва: Статут, 2011. — 1104 с. ISBN 978-5-8354-0726-2, 1000 экз. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/306495> (дата обращения: 15.09.2025).
3. Гришин Л.П. Новый этап евразийской экономической интеграции: Соглашение ЕАЭС о трансграничном допуске ценных бумаг 2025 года // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 209–213.
4. Гришин Л.П. Роль международных организаций и объединений в формировании новой системы учёта ценных бумаг при совершении трансграничных операций // Евразийский юридический журнал. 2024. № . 12(199). С. 102–103.
5. Мошенский С.З. Зарождение финансового капитализма: рынок ценных бумаг доиндустриальной эпохи. Киев. Планета, 2016. — 278 с.
6. Харрис Р. Закон «О мыльных пузырях»: его принятие и влияние на организацию бизнеса // The Journal of Economic History. — 1994. — Т. 54, № 3. — С. 610–627. — DOI: 10.1017/s0022050700015059.

THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER SECURITIES TRADING

Grishin L.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the historical evolution of international legal regulation of securities trading: from early bilateral agreements between states concerning specific types of securities to universal global conventions and, ultimately, to modern regional integration mechanisms and regulation through 'soft law' and recommendations from international organisations. Key international treaties at the universal and regional levels concerning cross-border securities trading are analysed.

Keywords: securities, cross-border trading, international treaties, 'soft law', integration, EAEU, EU, IOSCO.

References

1. Berman H.J. Law and revolution The formation of the Western legal tradition / Harold J. Berman. — Cambridge (Mass.), London: Harvard univ. press, 1983. — XI, 657 с. карт.; 24 см. — ISBN 0-674-51774-1.
2. Gabov, A.V. Securities: Issues of Theory and Legal Regulation of the Market / A.V. Gabov; Reviewer E.P. Gubin et al. — Moscow: Statut, 2011. — 1104 p. ISBN 978-5-8354-0726-2, 1000 copies. — Text: electronic. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/306495> (accessed: 15.09.2025).
3. Grishin L.P. A new stage in Eurasian economic integration: the EAEU Agreement on Cross-Border Admission of Securities 2025 // Legal Science. 2025. No. 6. Pp. 209–213.
4. Grishin L.P. The Role of International Organisations and Associations in the Formation of a New Securities Accounting System for Cross-Border Transactions // Eurasian Law Journal. 2024. No. 12(199). P. 102–103.
5. Moshensky, S.Z. The Emergence of Financial Capitalism: The Securities Market in the Pre-Industrial Era. Kyiv: Planeta, 2016. — 278 p.
6. Harris, R. (1994). The Bubble Act: Its Passage and Its Effects on Business Organization. The Journal of Economic History, 54(03), 610–627. DOI: 10.1017/s0022050700015059

Гарантия стабильности условий инвестиционной деятельности по праву Вьетнама

Дао Ле Минь Чанг,

аспирант, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
E-mail: trangdaoleminh@gmail.com

В статье разъясняются положения стабилизационной оговорки, которые появились в законодательстве Вьетнама и Российской Федерации. Кроме того, в статье рассматриваются ограничения стабилизационной оговорки. Международное инвестиционное соглашение, участником которого является Вьетнам, содержит положения о нестабильности, подтверждающие право правительства изменять нормативные акты в интересах общественного здравоохранения, безопасности, окружающей среды, общественной этики, социальной защиты или защиты прав потребителей.

Автор отмечает, что «Положение о замораживании» в правовой системе Вьетнама стало менее актуальным, поскольку современная договорная и законодательная практика сосредоточена на оговорки об экономическом равновесии. Современные положения о стабилизации ограничены такими факторами, как сфера применения нормативного акта, характер общественных интересов и временные рамки оговорки. Это делает современную вьетнамскую модель стабилизационной оговорки гибкой, обеспечивая предсказуемость инвестиционных условий при сохранении суверенных прерогатив государства в сфере государственного регулирования.

Ключевые слова: Иностранные инвестиции, Стабилизационная оговорка, дедушкина оговорка, условие о пересмотре, оговорки об «окаменелости», оговорки о замораживании, оговорки об экономическом равновесии, Соглашение о свободной торговле, двусторонние соглашения о поощрении и защите инвестиций.

Введение

Инвесторы требуют гарантий от изменений в законодательстве принимающих государств. Одним из таких инструментов является «дедушкина оговорка», стабилизирующая правовой режим для инвестора. Такие положения особенно популярны в развивающихся странах, как Вьетнам, где инвесторы сталкиваются с нестабильным и противоречивым законодательством.

Национальное законодательство

Меры по защите интересов инвесторов в случае изменений в политике и законодательстве впервые были признаны в Законе СРВ «Об иностранных инвестициях», измененном и дополненном в 1992 г. (ст. 21) [3].

По сути, статья 13 законов СРВ «Об инвестициях» 2020 г., обеспечивая стабильную правовую среду, предусматривает более высокие инвестиционные льготы для инвесторов, стимулируя их вкладывать средства в отрасли, в отношении которых применяются такие льготы, а именно в новые, полезные для общества или реализуемые в областях с трудными (исключительно трудными) социально-экономическими условиями. Вместе с тем чрезмерное стремление вьетнамского правительства предоставить соответствующие гарантии может быть связано скорее со стимулированием инвестиций, чем с разумной оценкой своих обязательств, поскольку в настоящее время Вьетнам нуждается в иностранном инвестиционном капитале. «Если мы посмотрим на распределение капитальных ресурсов, то увидим, что они не рассчитаны на очень долгий срок; как мы думаем, иногда Вьетнам рассматривается просто как место для эксплуатации ресурсов, дешевой рабочей силы и для легкого внедрения технологий, загрязняющих окружающую среду. Мы должны оценивать все таким образом, чтобы увидеть проблему в целом, а не просто радоваться большому объему средств» [12]

Гарантированные инвестиционные преференции включают: 1) инвестиционные льготы, указанные в инвестиционной лицензии, лицензии на ведение бизнеса, свидетельстве об инвестиционных льготах, инвестиционном сертификате, свидетельстве о регистрации инвестиций, решении об инвестиционных рекомендациях, решении об утверждении инвестиционных рекомендаций или других документах, выданных и применяемых компетентными лицами или компетентными органами в соответствии с законом; 2) иные инвестиционные льго-

ты помимо тех, на которые инвестор имеет право в соответствии с законом Пункт 2 ст. 4 Декрет от 26.03.2021 № : 31/2021/ND-CP «О разработке некоторых статей Закона об инвестициях» [2].

Впрочем, Закон СРВ «Об инвестициях» 2020 г. добавил исключения из этого принципа, в частности проекты, в отношении которых были получены инвестиционные сертификаты, свидетельства о регистрации инвестиций или одобрение инвестиционной политики до даты инвестирования. При вступлении Закона СРВ «Об инвестициях» 2020 г. в силу инвестор не будет иметь право на специальные инвестиционные стимулы и поддержку. Правительство любой принимающей страны обладает настоящим арсеналом юридических и политических инструментов, которые можно использовать против действующего инвестора. Оно может принять новые законы, указы или постановления, которые повлияют на правовую и экономическую среду для иностранных инвесторов.

Вьетнамская правовая система ввела косвенные меры, такие как утверждение государством планов развития, право выдавать другие необходимые лицензии и право государства во многих проектах накладывать вето на бюджеты, ответственность инвесторов за соблюдение экологических требований и др. Обычно указанные преференции предоставляются в форме налоговых льгот, освобождения от уплаты земельного налога на определенный период времени или других видов стимулирования в инвестиционной лицензии [8]. Стабилизационная оговорка инвестиционного законодательства Вьетнама применима ко всем иностранным инвесторам в соответствии с положениями вьетнамского законодательства.

В случае если правительство Вьетнама вводит новый налог, но в инвестиционной лицензии не указана ставка налога для иностранных инвесторов, данное законодательное изменение не гарантируется из-за льготной арендной платы, не включенной в инвестиционную лицензию. Следовательно, Вьетнаму необходимо четко определить виды льгот (налоги, страховые взносы, приоритетные проекты и т.д.), их масштаб, продолжительность, а также уровень и стоимость инвестиционного проекта, чтобы обеспечить прозрачность и стабильность для инвесторов.

Согласно пункту 2 статьи 13 Закона СРВ «Об инвестициях» 2020 г.: «В случае, если вновь изданным правовым актом предусмотрены инвестиционные льготы, более низкие, чем инвестиционные льготы, которыми инвестор пользовался ранее, инвестор может продолжать пользоваться инвестиционными льготами в соответствии с предыдущими правилами в течение оставшегося периода действия проекта».

Пункт 2 ст. 13 Закона СРВ «Об инвестициях» 2020 г. не применяется в случаях изменения законодательных положений по соображениям национальной обороны, национальной безопасности, общественного порядка, социальной этики и здо-

ровья общества, защиты окружающей среды (п. 3 названной статьи).

Таким образом, вьетнамское законодательство использует перераспределение льгот (один из видов стабилизационной оговорки), которое направлено не на предотвращение изменений в законодательстве, а на устранение их экономических последствий для инвестора и сохранение условий первоначальной сделки. При этом вьетнамское инвестиционное законодательство прямо устанавливает определённые исключения из сферы применения данного принципа.

Самое большое отличие заключается в том, что инвестиционное законодательство Вьетнама содержит положения, которые направлены на то, чтобы переложить бремя ответственности на иностранных инвесторов.

В принципе, в случае внесения изменений в закон Стабилизационная оговорка переносит бремя финансирования и налогообложения на правительство Вьетнама [11]. Если инвестор не может продолжать пользоваться инвестиционными льготами в соответствии с п. 3 ст. 13 Закона СРВ «Об инвестициях» 2020 г., то применяется стабилизационная оговорка, которая заключается в распределении бремени, принимается решение рассмотреть ситуацию с использованием одной или нескольких из следующих мер: а) вычитание фактических убытков инвестора из налогооблагаемого дохода; б) корректировка операционных целей инвестиционного проекта; в) поддержка инвесторов в возмещении ущерба.

Правительство Вьетнама имеет в своем распоряжении широкий набор инструментов для введения односторонних мер. Однако риски для самого вьетнамского правительства, связанные с односторонними действиями (например, ущерб его репутации как места для инвестиций), предлагают потенциальные решения.

Положения Закон СРВ «Об инвестициях в рамках государственно-частного партнерства» (Закона СРВ о ГЧП)

В соответствии с п. 18 ст. 3 Закона СРВ о ГЧП «инвестор в рамках ГЧП – это независимое юридическое лицо, созданное в соответствии с положениями закона или путем создания партнерства между несколькими юридическими лицами, участвующими в инвестициях в рамках ГЧП». В отличие от российского законодательства, иностранные инвесторы имеют право напрямую заключать соответствующие соглашения с государственными партнерами во Вьетнаме.

Впервые в инвестиционном законодательстве Вьетнама появилось так называемое изменение условий инвестиционного договора в целях обеспечения баланса имущественных интересов сторон. В соответствии с п. 1(а) ст. 50 «Пересмотр контрактов ГЧП» Закона СРВ о ГЧП «Пересмотр контракта проекта ГЧП должно быть указано в кон-

тракте и рассмотрено договаривающимися сторонами в одном из следующих случаев: при возникновении форс-мажорных обстоятельств, влияющих на проект; при существенном изменении обстоятельств; при каких-либо изменениях в соответствующем планировании, политике или законах, которые серьезно влияют на технические и финансовые планы проекта, цены и расходы на общественные продукты и услуги, поставляемые проектом предприятием ГЧП». Таким образом, стабилизационное положение вьетнамского Закона о ГЧП не является конкретным. Согласно Закона СРВ о ГЧП, в случае внесения изменений в законодательство, затрагивающих иностранных инвесторов, инвестор и государство рассмотрят вопрос о внесении изменений в контракт. Иностранный инвестор и Вьетнам проводят переговоры о содержании контракта, которое, как ожидается, будет пересмотрено, включая цену, плату за продукт, государственные услуги; срок действия контракта; другое содержание контракта в случае внесения изменений [4]. Кроме того, согласно п. 1 ст. 80 «Инвестиционные гарантии» Закона СРВ о ГЧП «инвесторы и предприятия проектов ГЧП имеют право на инвестиционные гарантии в соответствии с положениями настоящего Закона и инвестиционным законодательством». Однако законы СРВ «Об инвестициях» 2020 г. и о ГЧП предоставляют инвесторам разные гарантии. Таким образом, в случае, если договор не может быть изменен, инвестор может подать заявление на получение гарантии инвестиций в бизнес в случае изменения законодательства в соответствии со статьей 13 Закона СРВ «Об инвестициях» 2020 г (принцип аналогии).

Исключение из стабилизационной оговорки также четко не прописано в Закона СРВ о ГЧП. Однако в Закона СРВ о ГЧП всегда требуют проектов, которые должны обеспечивать требования обороны, национальной безопасности, защиты государственной тайны [4].

Пересмотр контрактов иностранными и национальными инвесторами – это открытый подход к переговорам по экономическим вопросам, однако это также стратегия балансировки высокого риска. Его следует дополнить установлением временных ограничений в отношении переговоров, признанием того, что компенсация должна последовать за убытками или ущербом, и правом на обращение в арбитраж в случае неудачи переговоров. Целью положения об экономическом балансе не является противодействие акту экспроприации со стороны правительства принимающей страны, однако другие подходы к стабилизации учитывают это.

Контракты о разделе продукции

В отличие от России, во Вьетнаме нет отдельных законов, посвященных соглашениям о разделе продукции и концессионным соглашениям. Вьетнамские закон и декрет о нефти предусматривают только контракты о разделе нефти и газа. Таким

образом, вопросы, связанные с другими видами соглашений о разделе продукции или иными контрактами с иностранными инвесторами, будут регулироваться во Вьетнаме положениями Закона СРВ о ГЧП.

В соответствии с п. 5 ст. 3 Закона о нефти № 12/2022/QН15 «контракт о разделе нефти и газа» означает «нефтяной контракт», включая положения о распределении между сторонами на основе добычи нефти, полученной из нефтяных месторождений в пределах соответствующей контрактной территории; подрядчик имеет право на возмещение затрат от добычи нефти, осуществляемой на свой страх и риск, и отвечает за все финансовые и технические аспекты.

Согласно Закону о нефти 2022 г., рассматриваемому в рамках контракта о разделе продукции, иностранный инвестор инвестирует в поиск и разработку месторождений нефти и газа. Таким образом, этот Закон также является инвестиционным. Как связаны друг с другом Закон о нефти 2022 г., Закон «Об инвестициях» 2020 г. и Закон СРВ о ГЧП? Какие гарантии предоставляются иностранным инвесторам при подписании контракта о разделе продукции, регулируемого Законом «Об инвестициях» 2020 г.? В соответствии с п. 3 ст. 26 «Об утверждении нефтегазового контракта» Закона о нефти 2022 г. «одобрение премьер-министром содержания нефтегазового контракта является основанием для подрядчика заключить нефтегазовый контракт, а не утверждать инвестиционную политику нефтегазового проекта в соответствии с законом об инвестициях и законом о государственных инвестициях». Таким образом, участие государства в нефтегазовом проекте может быть приостановлено. Контракты о разделе нефти и газа по Закону о нефти 2022 г. – это форма контрактной гарантии, а в соответствии с Законом об инвестициях 2020 г. гарантия предоставляется группе неопределенных инвесторов, которые не имеют договорных отношений с государством. Вьетнам подписал контракты о разделе нефти и газа со многими известными нефтяными корпорациями мира [6]. Таким образом, по своей юридической природе контракты о разделе нефти и газа, заключаемые с иностранными инвесторами, являются гражданско-правовыми договорами с иностранным элементом.

Стабилизационная оговорка также предусмотрена в ст. 18.1.3 Типового контракта, содержащегося в Приложении, утверждённом вместе с Декретом № 45/2023/НД-СР, который детализирует некоторые статьи Закона о нефти и газе 2022 года [1].

Можно видеть, что в настоящее время вьетнамская модель контракта о разделе продукции предлагает сбалансированный подход, предусматривающий пересмотр условий контракта в случае возникновения особых обстоятельств. Однако такой пересмотр может не достигать своей цели, что зависит главным образом от фактических обстоятельств каждого конкретного случая (взаимоотно-

шений сторон, их позиций на переговорах в данный момент времени и т.д.).

Тем не менее формулировки многих положений об изменении законодательства подразумевают, что восстановление баланса должно быть привязано не к исходным условиям контракта (дате вступления в силу) в качестве экономического показателя для оценки последствий неблагоприятного изменения, а к периоду, непосредственно предшествующему этому изменению. Примером положений, использующих исходные условия контракта в качестве соответствующего экономического компаратора, является статья 18.1.3 Модельного контракта Вьетнама.

Исключение из положения о стабилизации также четко не указано в Закона о нефти 2022, однако, согласно статье 6, пункт 3 Правил проведения фундаментальных исследований нефти и связанных с ней операций: «Организации и частные лица, проводящие фундаментальные исследования нефти и связанных с ней операций, должны соблюдать положения вьетнамского законодательства о национальной безопасности». оборона, безопасность, общественный порядок и безопасность, здоровье населения, охрана окружающей среды, реагирование на изменение климата, реагирование на разливы нефти, охрана природных ресурсов и культурного наследия, а также сохранение историко-культурных реликвий и живописных мест».

Применимое право контракта является важным фактором при анализе возможности приведения в исполнение стабилизационной оговорки. Хотя и по-разному, стабилизационная оговорка и применимое право связаны с законодательством, регулирующим данный договор.

Согласно ст. 20.2 «Применимое право» Модельного контракта Вьетнама (Декрет № 45/2023/ND-CP о разработке закона о нефти) [1] «настоящий Контракт должен толковаться и регулироваться в соответствии с законодательством Социалистической Республики Вьетнам. При отсутствии специального вьетнамского законодательства, регулирующего любой вопрос, который может быть поднят, применяются соответствующие положения иностранного законодательства (стороны могут согласовать это в Контракте) или международной практики нефтяной промышленности, при условии, что такие положения иностранного законодательства и международной практики нефтяной промышленности не противоречат основополагающим принципам международного права и принципам вьетнамского законодательства». Таким образом, рассматриваемый контракт регулируется внутренним законодательством, допуская при необходимости обращение к международному праву или как к внутреннему законодательству, так и к международному праву, решениям международных трибуналов или международной практики нефтяной промышленности. Однако применение национального законодательства принимающей страны и международного права сопряжено с некоторыми ограничениями.

Во-первых, предполагаемый юридический эффект строгих стабилизационных положений будет аннулирован, если будет применяться законодательство принимающей страны. Государство, вероятно, внесет в него поправки в целях осуществления своего суверенитета. Исключением из гарантий для инвесторов, предусмотренных стабилизационной оговоркой, является пункт 3 ст. 6 «Принцип проведения фундаментального исследования нефтегазовой деятельности» Закона о нефти 2022 г.: «Организации и частные лица, проводящие фундаментальные исследования в области нефти и связанных с ней операций, должны соблюдать положения законов Вьетнама о национальной обороне, безопасности, общественном порядке и безопасности, общественном здравоохранении, охране окружающей среды, реагировании на изменение климата, ликвидации разливов нефти, защите природных ресурсов и культурного наследия, а также сохранении историко-культурных реликвий и живописных мест».

Во-вторых, при применении международного права, общих принципов права, принципов и практики нефтяной промышленности государство не может вносить в них поправки; кроме того, исходя из них, также трудно разрабатывать новые правила по сравнению с национальным законодательством. Однако существуют две основные причины, по которым международное право и общие принципы права не обеспечивают гарантии стабильности: 1) императивные нормы публичного права всегда имеют преимущественную силу, поскольку государство может вмешиваться в договорный процесс, когда на карту поставлены его жизненно важные интересы, такие как охрана природы, загрязнение окружающей среды, импорт-экспорт, обмен валюты, конкуренция, налогообложение, эмбарго, блокада или бойкот, экспроприация, национализация и конфискация [10]; 2) международное право признает законодательную власть и регулирование принимающего государства и право на национализацию независимо от каких-либо гарантий, содержащихся в контракте.

В-третьих, выбор иностранного материального права (*lex voluntatis*) невозможен для контрактов о разделе продукции в нефтегазовой сфере Вьетнама. Согласно пункту 4 статьи 683 Гражданского кодекса СРВ, к сделкам в отношении недвижимого имущества, включая участки недр, применяется исключительно вьетнамское право. Таким образом, данные контракты подчиняются императивной норме о праве страны места нахождения имущества (*lex rei sitae*). Следует также отметить, что даже гипотетическое применение иностранного права в таких соглашениях было бы ограничено действием норм публичного порядка и сверхимперативных предписаний Вьетнама [5]. Это можно ясно увидеть, основываясь на убедительном аргументе о том, что применение иностранных законов всегда ограничено публичным порядком и сверхимперативными нормами принимающей страны.

В-четвертых, существует разница между стабилизационными оговорками, предусмотренными в общих законах и нормативных актах, и теми, которые закреплены в контрактах или нормативных актах, специально предназначенных для инвестора. Обеспечение соблюдения стабилизационных оговорок также может зависеть от документа, в котором они содержатся.

Положения международных договоров, стороной которых является Вьетнам

Положения стабилизационной оговорки отражают два противоположных интереса, которые заслуживают равного рассмотрения: интерес государства в том, чтобы не отказываться от своих законодательных полномочий в интересах общества, и интерес частного инвестора в том, чтобы не лишиться существенной выгоды от своих инвестиций. Эти потребности были удовлетворены с помощью справедливого и равного обращения и законных ожиданий в договорном праве, а также с помощью положений о стабилизации в договорных условиях.

Стандартные соглашения (об окружающей среде, интеллектуальной собственности, защите инвестиций) в международных инвестиционных соглашениях нового поколения повысят вероятность разбирательств между иностранными инвесторами и правительствами принимающих государств из-за изменений во внутреннем законодательстве, тем самым ограничивая возможность изменения внутренней политики стран – участниц таких соглашений, особенно Вьетнама.

Согласно ст. 2.2 ЕС – Вьетнам соглашение о зоне свободной торговле «подтверждают свое право осуществлять регулирование на своих территориях для достижения законных политических целей, таких как защита общественного здоровья, безопасности, окружающей среды или общественной морали, социальная защита или защита потребителей», а также поощрение и защита культурного разнообразия. Это положение подтверждает право принимающего государства осуществлять контроль на своей территории для достижения целей государственной политики в общественных интересах.

Ряд новых международных инвестиционных соглашений, участником которых является Вьетнам, запрещают стабилизационные положения, известные как «нестабилизационные положения». Нестабилизационная оговорка обычно содержит следующее содержание: что положения о защите инвестиций не следует толковать как обязательство государства не менять нормативно-правовую базу для инвестиций, даже если такие изменения могут оказать негативное влияние на функционирование защищенных инвестиций или ожидания инвесторов относительно прибыли [7]. Другими словами, не существует общей обязанности государства компенсировать изменения в нормативно-правовой базе, которые негативно влияют на эко-

номические интересы инвесторов или ожидания, связанные с их инвестициями.

Государство имеет право регулировать на своей территории принятие, поддержание или применение любых мер, которые оно считает необходимыми для обеспечения достижения законных политических целей, таких как охрана здоровья населения, безопасности, окружающей среды или общественной морали, социальная защита или защищенность.

Необходимо будет четко определить концепцию стабилизационных положений, и будущий документ должен содержать указания относительно исключений и ограничений из этих положений. три основных компонента «стабилизационных» положений в будущем документе: (i) существенное положение о сфере применения этого положения, (ii) процедурное положение, содержащее «инициирующие события», и (iii) исключения. Цель должна состоять в том, чтобы прояснить, что произойдет в сложных ситуациях, например, в случае, если принимающее государство примет международные климатические обязательства, которые повлияют на нормативно-правовую базу.

Заключение

Классическая «оговорка о замораживании» правового режима (freezing clause) как механизм абсолютной стабилизации договорных обязательств государства утратила свою актуальность в правовой системе Вьетнама. Современная договорная и законодательная практика демонстрирует переход к более сложным и сбалансированным моделям стабилизационных оговорок, ориентированным на принцип экономического равновесия (economic equilibrium) и справедливое распределение рисков между инвестором и государством-реципиентом, что находит свое выражение во включении в договоры адаптивных механизмов и положений о пересмотре условий (renegotiation clauses).

Выявлена система имманентных ограничений действия современных стабилизационных оговорок во вьетнамском праве, детерминирующих их относительный, а не абсолютный характер. Установлено, что масштабы предоставляемой защиты лимитированы следующими императивными факторами: 1) Сфера действия вновь принятого нормативного акта, при этом интенсивность стабилизации варьируется в зависимости от конкретной отрасли права, которой касается новое регулирование; 2) Временные рамки действия оговорок, которые привязываются к жизненному циклу инвестиционного проекта и не носят бессрочного характера; 3) Характер публичного интереса, лежащего в основе нового регулирования.

Литература

1. Декрет от 01.07.2023 № 45/2023/ND-CP «О разработке закона о нефти» (Nghị định số 45/2023/

НД-CP của Chính phủ: Quy định chi tiết một số điều của Luật Dầu khí, ngày 01 tháng 7 năm 2023).

2. Декрет от 26.03.2021 № : 31/2021/ND-CP «О разработке некоторых статей Закона об инвестициях» (Nghị định số: 31/2021/NĐ-CP quy định chi tiết và hướng dẫn thi hành một số điều của Luật Đầu tư, ngày 26 tháng 03 năm 2021).
3. Закон Национальной ассамблеи от 23.12.1992 № 6-L/CTN о внесении изменений и дополнений в ряд статей Закона СРВ «Об иностранных инвестициях».
4. Закон СРВ «Об инвестициях в рамках государственно-частного партнерства» 2020 г.
5. Международное частное право: учебник/ отв. ред. Г.К. Дмитриева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022.
6. Đỗ Văn Hà. Những đóng góp của các công ty dầu khí nước ngoài ở Việt Nam. Hiệp hội xăng dầu Việt Nam, 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://hiephoixangdau.org/nd/kien-thuc/nhung-dong-gop-cua-cac-cong-ty-dau-khi-nuoc-ngoai-o-viet-nam.html#:~:text=Công%20ty%20dầu%20kh%C3%AD%20nước%20ngoài%20ở%20Việt%20Nam,Sau%20khi%20Miền&text=Năm%201978%2C%20Petrovietnam%20đã%20ký,thêm%20lực%20địa%20ph%C3%A4%20Nam> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Free Trade Agreement between the Government of the State of Israel and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam signed 25/07/2023.
8. Hop Dang. Legal Issues in Vietnam's FDI Protections under Domestic Law, Bilateral Investment Treaties and Sovereign Guarantees // Foreign Investment and Dispute Resolution Law and Practice in Asia / V. Bath, L. Nottage (eds.). 2011.
9. Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019.
10. Maniruzzaman A. F.M. International Arbitration and Mandatory Public Law Rules in the Context of State Contracts: An Overview // Journal of International Arbitration. 1990. Vol. 7. No. 3.
11. Peter D Cameron. International Energy Investment Law. The Pursuit of Stability. Oxford University Press. 2021.
12. PGS.TS Trần Đình Thiên. Đã qua thời “khát” vốn đầu tư. Phòng vấn. 17/11/2008 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://mof.gov.vn/webcenter/portal/btcvn/pages_r//tin-bo-tai-chinh?dDocName=BTC333885 (дата обращения: 18.01.2025).

GUARANTEE OF STABILITY OF INVESTMENT CONDITIONS UNDER VIETNAMESE LAW

Dao Le Minh Trang

Kutafin Moscow State Law University

The paper explains the provisions of the stabilization clause, which appeared in laws of Vietnam and the Russian Federation. In addition, The article examines the limitations of the stabilization clause. International investment agreement to which Vietnam is a party contain provisions on instability that affirm the Government's right to change regulations in the interests of public health, safety, the environment, or public ethics, social protection, or consumer protection. The author notes that The “freezing clause” in Vietnam's legal system has become less relevant, with modern contractual and legislative practices focusing economic equilibrium clauses. Modern stabilization clauses are limited by factors such as the scope of the normative act, the nature of the public interest, and the time frame of the reservation. This makes the modern Vietnamese model of the stabilization clause flexible, ensuring predictability of investment conditions while preserving the state's sovereign prerogatives in public regulation.

Keywords: Foreign investment, stabilization clause, grandfather's clause, renegotiation clause / adaptation clause, freezing clause, economic equilibrium clauses, Free Trade Agreement, bilateral agreements on investment protection and promotion.

References

1. Dekret ot 01.07.2023 № 45/2023/ND-CP «O razrabotke zakona o nefti» (Nghị định số 45/2023/NĐ-CP của Chính phủ: Quy định chi tiết một số điều của Luật Dầu khí, ngày 01 tháng 7 năm 2023).
2. Dekret ot 26.03.2021 № : 31/2021/ND-CP «O razrabotke nekotoryh statej Zakona ob investicijah» (Nghị định số: 31/2021/NĐ-CP quy định chi tiết và hướng dẫn thi hành một số điều của Luật Đầu tư, ngày 26 tháng 03 năm 2021).
3. Zakon Nacionalnoj assamblei ot 23.12.1992 № 6-L/CTN o vnesenii izmenenij i dopolnenij v rjad statej Zakona SRV «Ob inostrannyh investicijah».
4. Zakon SRV «Ob investicijah v ramkah gosudarstvenno-chastnogo partnerstva» 2020 g.
5. Mezhdunarodnoe castnoe pravo: ucebnyk/ otv. red. G.K. Dmitrieva. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2022.
6. Đỗ Văn Hà. Những đóng góp của các công ty dầu khí nước ngoài ở Việt Nam. Hiệp hội xăng dầu Việt Nam, 2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://hiephoixangdau.org/nd/kien-thuc/nhung-dong-gop-cua-cac-cong-ty-dau-khi-nuoc-ngoai-o-viet-nam.html#:~:text=Công%20ty%20dầu%20kh%C3%AD%20nước%20ngoài%20ở%20Việt%20Nam,Sau%20khi%20Miền&text=Năm%201978%2C%20Petrovietnam%20đã%20ký,thêm%20lực%20địa%20ph%C3%A4%20Nam> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Free Trade Agreement between the Government of the State of Israel and the Government of the Socialist Republic of Viet Nam signed 25/07/2023.
8. Hop Dang. Legal Issues in Vietnam's FDI Protections under Domestic Law, Bilateral Investment Treaties and Sovereign Guarantees // Foreign Investment and Dispute Resolution Law and Practice in Asia / V. Bath, L. Nottage (eds.). 2011.
9. Investment Protection Agreement between the European Union and the Socialist Republic of Viet Nam signed 30/06/2019.
10. Maniruzzaman A. F.M. International Arbitration and Mandatory Public Law Rules in the Context of State Contracts: An Overview // Journal of International Arbitration. 1990. Vol. 7. No. 3.
11. Peter D Cameron. International Energy Investment Law. The Pursuit of Stability. Oxford University Press. 2021.
12. PGS.TS Trần Đình Thiên. Đã qua thời “khát” vốn đầu tư. Phòng vấn. 17/11/2008 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://mof.gov.vn/webcenter/portal/btcvn/pages_r//tin-bo-tai-chinh?dDocName=BTC333885 (дата обращения: 18.01.2025).

Егоров Андрей Николаевич,

аспирант кафедры уголовного права Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: 8120@apmo.ru

Статья отражает эволюцию доктринальных подходов к пониманию множественности лиц в преступлении и ее видов, начиная с ее первых научных осмыслений до современных концепций. Делается вывод о том, что множественность лиц в преступлении может быть рассмотрена в двух аспектах – в фактическом и нормативном. На фактическом уровне речь идет о любом объективном стечении двух или более лиц в совершении одного преступления. На нормативном – о том, как это стечение отражено в действующем уголовном законе.

Исходя из этого все виды множественности лиц автором классифицированы на две группы: 1) виды, нашедшие отражение в уголовном законодательстве (соучастие; посредственное причинение вреда; специальные виды соучастия); 2) виды, не закрепленные на законодательном уровне (одностороннее участие в преступлении другого лица; совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления; неосторожное сопричинение вреда).

Формулируется вывод о том, что прикосновенность к преступлению не образует множественности лиц в преступлении, а также выделяются иные уголовно-правовые явления, имеющие сходство с множественностью, но фактически ей не являющиеся.

Ключевые слова: множественность лиц в преступлении, стечение нескольких лиц, соучастие, посредственное исполнение, одностороннее участие, специальные виды соучастия, неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что уголовно-правовой феномен множественности лиц в преступлении, несмотря на многовековую историю изучения, так и не получил единого теоретического осмысления. Уголовное законодательство, в свою очередь, всегда ограничивалось лишь дифференциацией ответственности соучастников, не устанавливая правил квалификации для лиц, участвующих в иных формах стечения в преступлении.

Вместе с тем социальная природа данного явления проявляется в повышенной общественной опасности, поскольку объединение усилий, знаний и ресурсов нескольких лиц зачастую облегчает совершение преступления и позволяет преодолевать препятствия, которые были бы непреодолимы одним лицом. Возрастание общественной опасности требует своевременного уголовно-правового реагирования, обусловленного научно обоснованной концепцией множественности лиц в преступлении.

Литературный обзор

Терминология множественности лиц в преступлении не использовалась учеными вплоть до 1987 года, когда Р.Р. Галиакбаров ввел в научный оборот понятие «множественность участников одного преступления», рассматривая ее только в правовом аспекте в качестве вида института множественности в уголовном праве, наряду с множественностью в преступлении и определяя его как «прямо предусмотренное уголовным законом стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно-неответственных лиц) в рамках одного преступления» [3, с. 14]. К множественности участников автор относил соучастие, неосторожное сопричинение и групповое совершение посягательства, «когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невменяемого или лица, не достигшего возраста, с достижения которого возможна уголовная ответственность» [3, с. 15].

Хотя стечение нескольких лиц в одном преступлении уже становилось предметом монографического исследования А.С. Жиряева в 1850 году. Под ним он понимал «такое нескольких лиц к одному и тому же преступлению отношение, вследствие коего каждое из них является или заведомо участвовавшим в его совершении, или же учинившим другое какое-либо противозаконное деяние, но по поводу и в интересах первого» [4, с. 15]. Ученый относил к нему участие в преступлении и прикосновенность к преступлению.

Следующее монографическое исследование, посвященное множественности лиц в преступлении, было написано лишь в 2013 году Н.А. Бабиным, понимавшим под ней «участие двух или более лиц в совершении преступления или в организованной преступной деятельности, а также прикосновенность к преступлению или организованной преступной деятельности» [2, с. 36]. Классификация видов множественности лиц была представлена ученым следующим образом:

«1) участие в преступлении (наряду с совершением преступления в соучастии к данному виду автор относит одностороннее участие в совершении преступления другим лицом; участие в преступлении лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности; участие в неосторожном преступлении);

2) участие в организованной преступной деятельности (организованная группа; преступная организация; иные преступные формирования);

3) прикосновенность к преступлению или организованной преступной деятельности: недонесение, укрывательство, попустительство, одобрение, пользование результатами преступления)» [2, с. 36–41].

В настоящее время множественность лиц в преступлении продолжает активно исследоваться. Д.М. Молчанов предложил развернутую классификацию видов множественности лиц в преступлении:

1) соучастие как институт Общей части УК РФ [6, с. 8];

2) специальные случаи соучастия в нормах Особенной части УК РФ, к которым относит:

– «во-первых, нормы, в которых устанавливается ответственность для разных видов соучастников², вследствие чего квалификация их действий не требует ссылки на ст. 33 УК РФ (специальные нормы о ролевом сообщничестве). К этому же типу норм можно отнести и нормы о посредничестве в двусторонних преступлениях. Хотя посредник в преступлении и не рассматривается в ст. 33 УК РФ в качестве отдельного вида соучастника, однако можно утверждать, что посредник очень схож с пособником, хотя посредничество имеет и свои отличительные черты;

– во-вторых, нормы, запрещающие объединение нескольких лиц вне связи с каким-либо определенным преступлением, когда наказуемым становится само объединение в группу (например, ст. 208, 209, 210 УК РФ). Это второй тип специальных норм о соучастии (специальные нормы о преступных объединениях)» [8, с. 65].

3) множественность лиц в преступлении, не обременяющая соучастия:

– неосторожное сопричинение;

– традиционные виды прикосновенности к преступлению (недоносительство, укрывательство и попустительство);

– иные виды прикосновенности к преступлению (ст. 174, 175 УК РФ и др.) [6, с. 17].

В таблице отражены ключевые доктринальные подходы к классификации видов множественности лиц в преступлении, что позволяет продемонстрировать как общие точки соприкосновения, так и различия во взглядах ведущих ученых на разных исторических этапах развития уголовно-правовой науки (см. Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ классификаций видов множественности лиц в преступлении в доктрине уголовного права

Виды множественности лиц в преступлении	Авторы			
	А.С. Жиряев 1850 г.	Р.Р. Галиакбаров 1987 г.	Н.А. Бабий 2013 г.	Д.М. Молчанов 2018–2022 гг.
Соучастие	Отнесено	Отнесено	Отнесено	Отнесено
Посредственное исполнение (причинение)	Не отнесено	Не отнесено	Не отнесено	Отнесено
Групповое совершение посягательства	Не отнесено	Отнесено	Отнесено	Отнесено
Неосторожное сопричинение	Не отнесено	Отнесено	Отнесено	Отнесено
Одностороннее участие в совершении преступления другим лицом	Не отнесено	Не отнесено	Отнесено	Не отнесено
Специальные случаи соучастия в нормах Особенной части УК РФ	Не отнесены	Не отнесены	Отнесено участие в организованной преступной деятельности	Отнесены
Прикосновенность к преступлению (попустительство, укрывательство, недоносительство)	Отнесена	Не отнесена	Отнесена	Отнесена
Иные виды прикосновенности к преступлению	Не отнесены	Не отнесены	Отнесены одобрение, пользование результатами преступления	Отнесены ст. 174, 175 УК РФ, а также присоединение к предшествующей преступной деятельности

Проведенный анализ позволяет заключить, что единственным видом, чья принадлежность к множественности лиц в преступлении не вызывает научных споров и признается всеми исследователями, является соучастие. В отношении же иных форм совместной преступной деятельности в доктрине отсутствует единый подход.

Основная часть

Институт соучастия – вид множественности лиц, закреплённый в главе 7 УК РФ. Он обладает следующими специфическими признаками, позволяющими отграничить его от иных видов множественности лиц: умышленное совместное участие; участие двух или более лиц, обладающих признаками субъекта преступления; участие в совершении умышленного преступления.

Исходя из этого в качестве самостоятельного вида множественности лиц, будет рассмотрено *посредственное причинение*. Часть 2 ст. 33 УК РФ описывает роль посредственного исполнителя, совершающего преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств. А.Н. Трайнин совершение преступления подлинным преступником, использующим в качестве слепого оружия человека, называл «мнимым соучастием», которое не влечет уголовной ответственности для того, кто действовал под чужим непреодолимым физическим или психическим давлением [16, с. 121–123].

Посредственное причинение представляет собой форму преступной деятельности, обладающую повышенной общественной опасностью, которая проистекает из специфического способа его реализации. Виновный использует другое лицо, не подлежащее уголовной ответственности, в качестве невиновного «орудия» для достижения своих преступных целей. На практике это часто выражается в ситуации, когда взрослый, пользуясь своим авторитетом или доверием, побуждает ребенка, не достигшего возраста уголовной ответственности, проникнуть через окно в жилище для совершения кражи.

Ключевая опасность такого способа заключается в том, что посредственный исполнитель не просто совершает преступление, он вовлекает в него и морально развращает невиновного, превращая его в инструмент своей преступной воли. Часто виновное лицо характеризуется намеренным стремлением избежать ответственности, поскольку оно умышленно дистанцируется от непосредственного совершения деяния.

Таким образом, фактически не являясь соучастником преступления, посредственный исполнитель вовлекает в преступную деятельность как минимум еще одно лицо, что не позволяет рассматривать посредственное причинение как единолично совершенное преступление. Следовательно, его следует классифицировать как самостоятельный

вид в рамках более широкого понятия – множественности лиц в преступлении.

Учитывая, что сущность данного вида множественности принципиально отличается от соучастия, логично отказаться от заимствования терминологии последнего и ввести самостоятельное понятие – «посредственное причинение», а норму о посредственном исполнителе изъять из ч. 2 ст. 33 УК РФ, предусмотрев исполнение преступления посредством другого лица, не подлежащего уголовной ответственности, в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, дополнив соответствующим образом пункт «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При этом в ст. 32 УК РФ, содержащей понятие соучастия, предлагается указать, что соучастниками могут быть только лица, обладающие признаками субъекта преступления, и их должно быть не менее двух.

Еще один вариант фактического стечения нескольких лиц в преступлении, не позволяющий отнести его к соучастию по тем же причинам, – *совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления*.

Повышенная общественная опасность здесь формируется за счет нескольких факторов. Ключевым аспектом является то, что в таком случае происходит прямое сложение физических и интеллектуальных усилий. Один участник может следить за обстановкой, другой – взламывать замок; один – отвлекать жертву, другой – совершать хищение. Это позволяет реализовывать более сложные преступные замыслы, преодолевать препятствия и нейтрализовывать сопротивление, что было бы невозможно для одного человека. Более того, между такими лицами может быть двусторонняя субъективная связь, что делает их еще более похожими на соучастие.

В судебной практике сформировалось два противоположных подхода на квалификацию действий лица, обладающего признаками субъекта преступления. В одних случаях квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору» не вменяется, суды ссылаются на то, что совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору предполагает совместное участие в этом в преступлении не менее двух исполнителей, а лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности не может являться субъектом и соисполнителем данного преступления [10, 14]. Однако, следуя этой логике, суд фактически игнорирует повышенную общественную опасность деяния, оценивая его как единолично совершенное.

В других же случаях суды, стремясь отразить повышенную общественную опасность, все же вменяют групповой признак, указывая, что ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц или группой лиц

по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности [1, 5, 9].

Такая практика, хотя и понятна с точки зрения достижения справедливости, является юридически уязвимой, поскольку она противоречит законодательному определению соучастия.

Полагаем, что разрешение данного противоречия лежит не в плоскости расширительного толкования института соучастия, а в создании нормы, регламентирующей уголовную ответственность нескольких лиц при таком варианте стечения в преступлении. В связи с этим предлагается признание факта совместного совершения преступления с лицом (лицами), не подлежащим(-щими) уголовной ответственности, обстоятельством, отягчающим наказание, дополнив соответствующим образом пункт «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Такой подход позволяет, с одной стороны, не нарушать целостность института соучастия, а с другой – дать адекватную уголовно-правовую оценку повышенной общественной опасности подобных деяний.

Соучастие как институт Общей части УК РФ является универсальным, но не единственным механизмом правовой оценки совместных преступных действий. *Специальные виды соучастия, изложенные в нормах Особенной части УК РФ*, предусматривают особые случаи совместного совершения преступления несколькими лицами, к которым не применяются правила квалификации и назначения наказания при соучастии. Такие случаи условно можно разделить на 3 группы:

- организация и участие в преступных объединениях (законодательная конструкция составов преступлений, предусматривающих ответственность за организацию преступных формирований или участие в них, предполагает совместное участие в преступлении минимум двух лиц, обладающих признаками субъектами преступления);
- специальное ролевое сообщничество (законодатель включает выполнение определенной роли соучастника в объективную сторону преступления, в результате чего лицо становится исполнителем);
- двусторонние и трехсторонние преступления (совершается единый преступный эпизод, но законодатель разделяет ответственность его участников, квалифицируя их действия по разным статьям УК РФ; в преступлении участвуют минимум два исполнителя, между которыми возможен посредник).

Соучастие предполагает двустороннюю субъективную связь между участниками преступления, а потому оно не может охватить случаи *одностороннего участия в совершении преступления другим лицом*, которое Н.А. Бабий определяет как «сознательное участие одного субъекта в совершении умышленного преступления другим субъектом, который не осведомлен о таком сознательном участии» [2, с. 208]. Одностороннее участие представляет собой ситуацию, когда в одном

и том же преступлении задействовано несколько лиц, совместными усилиями которых причиняется единое последствие. Такое возможно, например, в следующем случае: работник склада, зная, что его сменщик планирует совершить кражу, и имея личные причины для нанесения ущерба руководителю склада, намеренно отключает камеру видеонаблюдения, тем самым тайно способствуя совершению преступления. Сменщик совершает хищение, думая, что камера сломана, не зная о содействии коллеги.

С объективной стороны такой участник вносит реальный и порой решающий вклад в совершение преступления: он создает благоприятные условия, устраняет препятствия и объективно находится в причинной связи с наступившим преступным результатом. С субъективной же стороны его вина проявляется в форме прямого или косвенного умысла – он осознает характер своих действий, предвидит их общественно опасные последствия и желает либо сознательно допускает их наступление. По сути, его умысел идентичен умыслу пособника в классическом соучастии. Единственное отличие – неосведомленность исполнителя, однако это не снижает степени общественной опасности совершающегося деяния.

Таким образом, множественность лиц в преступлении может характеризоваться и наличием односторонней субъективной связи между участниками преступления. Однако такой вид множественности лиц в преступлении никогда не имел правового закрепления, что исключало возможность дать правовую оценку тайному вкладу лица, умышленно содействовавшего совершению преступления. Преступник, действующий тайно, оказывается в более привилегированном положении, чем тот, кто действует открыто, хотя их вклад в причинение вреда может быть абсолютно идентичен.

В связи с этим уголовная ответственность такого лица требует самостоятельного законодательного закрепления. С нашей точки зрения, действия лица, осуществившего одностороннее участие в совершении преступления, подлежат квалификации по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 УК РФ.

Участие в преступлении нескольких лиц может быть не только умышленным, но и неосторожным, о чем ученые начали говорить еще в XIX веке [15, с. 85; 7, с. 51]. Доктринальное признание *неосторожного сопричинения* как вида множественности лиц в преступлении, отличного от соучастия, допускающего только умышленную форму вины, не повлекло его законодательной регламентации. Между тем, такие случаи часто встречаются на практике и могут быть дифференцированы на следующие виды.

1. Неосторожное сопричинение одного общественно опасного последствия несколькими лицами при отсутствии какой-либо субъективной связи между виновными лицами, когда действия виновных лиц квалифицируются по одной статье (или

разным статьям) УК РФ, предусматривающей ответственность за неосторожные преступления.

Примером может послужить распространенный на практике случай: несколько водителей нарушают Правила дорожного движения (например, один превысил скорость, другой проехал на красный свет), что в результате становится причиной одного дорожно-транспортного происшествия, в результате которого наступает смерть потерпевшего.

2. Неосторожное сопричинение одного общественно опасного последствия несколькими лицами при наличии субъективной связи между виновными лицами, когда действия виновных лиц квалифицируются по одной статье (или разным статьям) УК РФ, предусматривающей ответственность за неосторожные преступления.

Например, водители А. и Б. решают устроить импровизированную гонку на оживленной загородной трассе в ночное время. Они договариваются стартовать одновременно от светофора и соревноваться, кто быстрее доедет до следующего пункта назначения. В процессе гонки, двигаясь с многократным превышением скорости и совершая опасные маневры, водитель А., чтобы обогнать водителя Б., создает аварийную ситуацию для третьего автомобиля. Водитель Б., в свою очередь, пытаясь не отстать от А. и избежать столкновения с подрезанным им автомобилем, резко перестраивается и совершает столкновение с автомобилем, двигавшимся в попутном направлении, что повлекло смерть пассажира этого автомобиля.

3. Неосторожное сопричинение одного общественно опасного последствия несколькими лицами при наличии субъективной связи между виновными лицами, когда действия виновных лиц квалифицируются по одной статье (части статьи) УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление с двумя формами вины.

Примером может послужить групповое изнасилование, по неосторожности повлекшее смерть потерпевшей (ч. 4 ст. 131 УК РФ). В такой ситуации участники умышленно применяют насилие к потерпевшей, но ее смерть умыслом не охватывается, являясь неосторожным последствием.

4. Неосторожное сопричинение одного общественно опасного последствия несколькими лицами при отсутствии какой-либо субъективной связи между виновными лицами, когда действия одного виновного лица квалифицируются по статье УК РФ, предусматривающей ответственность за неосторожное преступление, а действия другого виновного лица по статье УК РФ, описывающей преступление с двумя формами вины.

В отличие от первых трех видов неосторожного сопричинения, последнее нельзя отнести к множественности лиц в преступлении. Рассмотрим пример из практики. Смерть трех велосипедистов стала результатом действий двух лиц: водителя К., совершившего неосторожное преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 264 УК РФ [11], и тренера, чьи умышленные действия, повлекшие те же последствия по неосторожности, за что она осу-

ждена по ч. 3 ст. 238 УК РФ [12]. Поскольку одно лицо участвовало в неосторожном преступлении, а другое – в умышленном, нельзя говорить о множественности лиц в преступлении. Верно отмечает И.Ю. Янина, что все неосторожные исполнители должны осуществлять объективную сторону одного и того же неосторожного преступления [17, с. 115].

Что касается общественной опасности неосторожного сопричинения, не во всех случаях можно однозначно утверждать о ее повышении. Приведем два примера.

В первом случае рассмотрим пример из судебной практики. Персонал ГЭС в течение длительного времени допускал эксплуатацию гидроагрегата № 2 в опасном состоянии с повышенным уровнем вибрации. При этом ответственные за ремонт и обслуживание лица не принимали необходимых мер по замене изношенного, не соответствующего требованиям безопасности оборудования, а руководство не обеспечило организацию своевременного проведения необходимых испытаний и технического освидетельствования гидротурбинного оборудования. В итоге, бездействие нескольких лиц, функционально распределенных по своим обязанностям в рамках единого объекта повышенной опасности, оказались взаимосвязанными и взаимообусловленными – их совокупная неосторожность привела к разрушению гидроагрегата, затоплению машинного зала, гибели 75 человек и масштабному экологическому и экономическому ущербу [13].

Совершенно иная картина наблюдается во втором случае, демонстрирующем простое случайное стечение независимых неосторожных действий. Например, водитель А., отвлекшись на телефон, не заметил водителя Б., совершающего поворот, не уступил ему дорогу из-за невнимательности, в результате чего два независимых нарушения приводят к столкновению со смертельным исходом. В таком поведении отсутствует взаимообусловленность действий, поскольку водитель А. не мог предусмотреть невнимательность со стороны водителя Б., и наоборот; их нарушения Правил дорожного движения являются независимыми нарушениями, случайно совпавшими в пространстве и времени.

Несмотря на то, что неосторожные действия нескольких лиц в своей совокупности повлекли один преступный результат, их общественная опасность не усиливалась взаимообусловленностью или взаимосвязью. Следовательно, в таких обстоятельствах повышенное наказание для каждого из них, по сравнению с лицом, совершившим аналогичное преступление единолично, представляется необоснованным.

Таким образом, оценка общественной опасности неосторожного сопричинения должна производиться дифференцированно, с учетом наличия или отсутствия взаимообусловленности и взаимосвязанности в поведении участников. Исходя из этого, следует законодательно урегулировать правила квалификации действий и бездействия

неосторожных сопричинителей, установив, что они подлежат квалификации по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления. При этом, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, обусловившее наступление преступного результата, целесообразно назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично.

Исходя из вышеизложенного, множественность лиц в преступлении понимается в двух аспектах – в фактическом и нормативном. На фактическом уровне речь идет о любом объективном стечении двух или более лиц в совершении одного преступления. На нормативном – о том, как это стечение отражено и урегулировано в действующем уголовном законе.

Независимо от того, имеют ли виды законодательную регламентацию или нет, все они, как правило, обладают повышенной общественной опасностью, чем обосновывается необходимость их законодательного закрепления и дифференциации уголовной ответственности при всех вариантах фактического стечения нескольких лиц в преступлении.

Для того чтобы конкретизировать понятие фактической множественности и придать ему юридическую определенность, следует выделить его обязательные признаки:

- два или более лица;
- хотя бы одно из них обладает признаками субъекта преступления;
- участие в одном и том же преступлении;
- преступление может быть как умышленным, так и неосторожным;
- субъективная связь между участниками может быть односторонней, многосторонней или отсутствовать вообще.

Исходя из этого, множественностью лиц не является *прикосновенность к преступлению*, как не отвечающая признаку множественности «участие в одном и том же преступлении». Лицо, совершающее прикосновенное деяние, не вносит никакого вклада в объективную сторону предикатного преступления. Например, когда укрыватель прячет похищенное имущество, он совершает новое преступление, посягающее на иной объект – интересы правосудия, в то время как вор посягал на собственность. Таким образом, речь идет не о совместном совершении одного преступления, а о двух самостоятельных, хотя и связанных, последовательных преступных деяниях.

Кроме того, множественностью лиц в преступлении не являются *специальные виды соучастия*, изложенные в ст. 205⁵ и 282² УК РФ, поскольку по данным составам преступлений единоличных действий будет достаточно для квалификации содеянного как оконченного преступления, их обязательным конструктивным признаком множественность участников не является.

Также множественностью лиц в преступлении не является «*параллельное соисполнительство*», предполагающее совершение несколькими лицами самостоятельных преступлений в одно и то же время и в одном и том же пространстве, и *процессуальное соучастие*, характеризующееся объединением уголовных дел в отношении нескольких лиц в одно производство, ввиду отсутствия в них признака множественности лиц в преступлении «участие в одном и том же преступлении».

Заключение

Таким образом, под множественностью лиц в преступлении необходимо понимать фактическое стечение нескольких лиц в одном и том же умышленном или неосторожном преступлении, как минимум одно из которых подлежит уголовной ответственности. Виды множественности лиц в преступлении классифицированы следующим образом:

1. Виды множественности лиц, получившие законодательное закрепление в УК РФ:

- соучастие в преступлении;
- посредственное причинение вреда;
- специальные виды соучастия:
 - а) организация и участие в преступных объединениях;
 - б) специальное ролевое сообщничество;
 - с) двусторонние и трехсторонние преступления.

2. Виды множественности лиц в преступлении, не закрепленные в законодательстве, но нуждающиеся в правовой регламентации:

- одностороннее участие в преступлении другого лица;
- совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления;
- неосторожное сопричинение вреда.

Множественность лиц в преступлении, как правило, обладает большей общественной опасностью по сравнению с единоличным совершением аналогичных деяний, что обуславливает необходимость законодательной регламентации правил квалификации при основных формах стечения нескольких лиц в одном преступлении в главе 7 УК РФ с новым названием «*Множественность лиц в преступлении*». В качестве ключевых направлений предлагаются следующие правила квалификации и назначения наказания при множественности лиц в преступлении:

1) лицам, совершившим преступление совместно с лицами или посредством других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, не инкриминировать квалифицирующий признак «группой лиц» или «группой лиц по предварительному сговору», при назначении наказания учитывать отягчающее обстоятельство наказания, предусмотренное п. «в» и «д» ст. 63 УК РФ;

2) действия лица, осуществившего одностороннее участие в совершении преступления другим лицом, квалифицировать со ссылкой на ч. 4 или

ч. 5 ст. 33 УК РФ и назначать наказание по правилам ст. 67 УК РФ, если его действия не охватываются специальными составами преступлений, предусмотренными в нормах Особенной части УК РФ;

3) действия неосторожных сопричинителей квалифицировать по соответствующей статье (статьям) Особенной части УК РФ с учетом характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, а в случае, если имело место взаимообусловленное и взаимосвязанное поведение, обусловившее наступление преступного результата, назначать более строгое наказание, чем лицу, действовавшему единолично.

Литература

1. Апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 25 сентября 2023 года по делу № 22–4090/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBR1GurFqYn/> (дата обращения: 17.09.2025).
2. Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 720 с.
3. Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / МВД СССР. Хабаровская высшая школа милиции. – Хабаровск, 1987. – 96 с.
4. Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 152 с.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 мая 2021 года по делу № 75-УДП21–8-КЗ //СПС «КонсультантПлюс».
6. Клименко Ю. А., Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении: учеб. пособие. М.: Издательство «Проспект», 2018. – 144 с.
7. Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1881. – 211 с.
8. Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10 (98). – С. 62–71.
9. Приговор Городищенского районного суда Волгоградской области от 25 апреля 2024 года по делу № 1–52/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/19wysAtXlmLP/> (дата обращения: 17.09.2025).
10. Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 06 февраля 2024 года по делу № 1–74/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/23RWyEwGsKNe/> (дата обращения: 15.09.2025).
11. Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 12 июля 2024 года по делу № 1–108/2024. URL: https://predgorny-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=428337766&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.09.2025).
12. Приговор Предгорного районного суда Ставропольского края от 18 октября 2024 года по делу № 1–134/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ccplD8QWMZJJ/> (дата обращения: 20.09.2025).
13. Приговор Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 23.12.2024 по делу № 1–4/2014. URL: https://saianogorsky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5673420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 26.09.2025).
14. Приговор Шарыповского городского суда Красноярского края от 08 сентября 2020 года по делу № 1–176/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WBsQISJ12mrj/> (дата обращения: 15.09.2025).
15. Российское уголовное право / Солнцев Г.И.; Под ред.: Фельдштейн Г.С.; Вступ. ст.: Солнцев Г.И. Под ред. Г.С. Фельдштейна. – Ярославль: Демидовский юридический лицей, 1820. – 302 с.
16. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 160 с.
17. Янина И.Ю. Причинение и специальное причинение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2018. – 269 с.

THE PLURALITY OF PERSONS IN A CRIME: THEORY AND LEGISLATION

Egorov A.N.

Kutafin University

The article reflects the evolution of doctrinal approaches to understanding the plurality of persons in crime and its types, from its first scientific conceptions to modern concepts.

It is concluded that the plurality of persons in a crime can be considered in two aspects – in fact and in the normative. At the factual level, we are talking about any objective combination of two or more persons involved in the commission of a crime. On the normative level, it is about how this confluence is reflected and regulated in the current criminal law.

Based on this, all types of plurality of persons are classified by the author into two groups: 1) types that are reflected in criminal legislation (complicity; mediocre execution; special types of complicity); 2) types that are not fixed at the legislative level, but need to be fixed (unilateral participation in a crime by another person; joint commission of a crime by several persons, only one of whom has the characteristics of the subject of the crime; careless co-cause).

The conclusion is formulated that attachment to a crime does not form a plurality of persons in a crime, and other criminal law phenomena that resemble plurality but are not actually pluralities are highlighted.

Keywords: plurality of persons in a crime, confluence of several persons, complicity, mediocre execution, unilateral participation, special types of complicity, careless co-cause, attachment to a crime.

References

1. Appellate verdict of the Kemerovo Regional Court dated September 25, 2023, in case No. 22–4090/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qBR1GurFqYn/> (date of access: September 17, 2025).
2. Babiy N.A. Plurality of Persons in a Crime and Problems of the Doctrine of Complicity. Monograph. Moscow: YurLitinform, 2013. 720 p.

3. Galiakbarov R.R. Qualification of Multi-Subject Crimes without Elements of Complicity / USSR Ministry of Internal Affairs. Khabarovsk Higher Police School. Khabarovsk, 1987. 96 p.
4. Zhiryaev A.S. On the Confluence of Several Criminals in the Same Crime. Publ. 2nd. – M.: LENAND, 2017. – 152 p.
5. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 27, 2021 in case No. 75-UDP21–8-KZ // SPS “ConsultantPlus”.
6. Klimenko Yu. A., Molchanov D.M. Plurality of persons in a crime: a textbook. manual. Moscow: Prospect Publishing House, 2018. – 144 p.
7. Kolokolov G.E. On complicity in a crime. Moscow: University Press (M. Katkov), 1881. – 211 p.
8. Molchanov D.M. Plurality of persons in a crime as a new institution of criminal law in Russia // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). – 2022. – No. 10 (98). – P. 62–71.
9. Verdict of the Gorodishchensky District Court of the Volgograd Region dated April 25, 2024 in case No. 1–52/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/19wysAtXlmlP/> (date of access: September 17, 2025).
10. Verdict of the Novotroitsky City Court of the Orenburg Region dated February 6, 2024 in case No. 1–74/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/23RWyEwGsKNe/> (date of access: September 15, 2025).
11. Verdict of the Predgorny District Court of Stavropol Krai dated July 12, 2024, in case No. 1–108/2024. URL: https://predgorny-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=428337766&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed: September 20, 2025).
12. Verdict of the Predgorny District Court of Stavropol Krai dated October 18, 2024, in case No. 1–134/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ccplD8QWMZJJ/> (accessed: September 20, 2025).
13. Verdict of the Sayanogorsk City Court of the Republic of Khakassia dated December 23, 2024, in case No. 1–4/2014. URL: https://saianogorsky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5673420&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed on September 26, 2025).
14. Verdict of the Sharypovsky City Court of Krasnoyarsk Krai dated September 8, 2020, in case No. 1–176/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WBsQISJ12mrj/> (accessed on September 15, 2025).
15. Russian criminal law / Solntsev G.I.; Ed. by Feldshtein G.S.; Introduction: Solntsev G.I. Ed. by G.S. Feldshtein. – Yaroslavl: Demidov Law Lyceum, 1820. – 302 p.
16. Trainin A.N. The Doctrine of Complicity. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. – 160 p.
17. Yanina I. Yu. Causation and Special Causation in Criminal Law: Dis. ... Cand. of Law. Saransk, 2018. – 269 p.

Жохова Наталья Александровна,

магистрант Юридического института Национального
исследовательского Томского государственного университета
E-mail: nata.zhoxova.02@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые проблемы, связанные с применением оценочных понятий в уголовном праве. Особое внимание уделяется вопросам правовой неопределённости, возникающей из-за субъективизма при толковании и использовании таких понятий в рамках деятельности по квалификации преступлений. Анализируются трудности, с которыми сталкиваются правоприменители при реализации норм, содержащих оценочные признаки и категории, а также влияние этих проблем на правоприменительную практику и на незыблемость принципов уголовного права. Автор предлагает пути преодоления проблем, связанных с нарушениями принципов равенства перед законом и справедливости, через совершенствование судебной практики и разработку стандартов правовой интерпретации. Статья будет полезна для юристов, исследователей и практиков, занимающихся уголовным правом и правоприменением.

Ключевые слова: Оценочные понятия, правоприменитель, уголовное право, состав преступления, квалификация деяния, юридическая техника, общественная опасность деяния, значительный ущерб, аффект, общественный способ.

Оценочные понятия – это юридические категории (в уголовном праве наиболее распространены оценочные признаки составов преступлений), которые не имеют однозначного определения и требуют уточнения правоприменителем, с учётом конкретных обстоятельств дела. В уголовном праве такие понятия служат для описания характеристик деяния, личности виновного или условий совершения преступления, которые не могут быть выражены только объективными, количественными или качественными критериями. Фабрика И.В. сформулировала, что оценочное понятие – это выраженное в нормах права положение, в котором закрепляются наиболее существенные признаки явлений, не разъясняемые законодателем с тем, чтобы они конкретизировались путем оценки в процессе применения права для его целесообразного использования. [1. С. 21]

Жеребкин В.Е. отмечал, что содержание каждого оценочного понятия выработано правовой наукой. В.Н. Кудрявцев к числу признаков относил формулирование правоприменителем понятия, при этом содержание определяет правосознание конкретного лица. О.Е. Фетисова обращает внимание на то, что оценочная категория – правовое явление, санкционируемое государством. Д.Н. Левина описывает потребность в применении оценочных понятий для описания уникальности каждой правоприменительной ситуации. По словам А.Ф. Черданцева, вместе с изменением социально-политических и экономических условий меняется и содержание понятия, и его объем. [1. С. 19]

Можно выделять ряд характеристик, присущих оценочным категориям: оценочные категории не имеют исчерпывающего определения в законе. Их содержание обусловлено обстоятельствами и требует интерпретации; содержание оценочной категории меняется с учетом социального, экономического и других контекстов, в которых она применяется; использование таких категорий предполагает участие правоприменителя, который должен сделать оценку на основании своего опыта и знаний; оценочные понятия могут развиваться и изменяться со временем, отражая изменения в обществе, они служат для адаптации закона к конкретным ситуациям и обеспечивают возможность учёта особенностей общественно-опасного деяния; оценочные понятия не могут иметь заранее определенного объема; оценочные понятия могут иметь как количественное, так и качественное содержание. [2. С. 5–7]

Оценочные понятия преимущественно влияют на квалификацию деяния, поскольку содержатся в нормах о назначении наказания в общей части

уголовного закона и описаниях составов в особенной.

Выступают в качестве правомочия уполномоченного лица, на признание нормы права относимой к тому или иному явлению, деянию, либо наоборот не относимой. В рамках уголовного права данным правомочием обладают органы предварительного расследования при квалификации деяния в обвинении, а также суд при окончательной квалификации деяния. [3. С. 967]

Ограничивающие субъективизм критерии, которые вырабатываются наукой, при помощи разъяснений ВС РФ и КС РФ, а также самим законодателем.

Олицетворяющее социальную справедливость применение оценочных понятий в праве, так как каждый признак общественно-опасного деяния благодаря этому учитывается. [4. С. 193]

В науке выработаны различные виды оценочных понятий:

по содержанию: количественные (значительный ущерб), качественные (малозначительность) и смешанные (справедливость наказания). · В зависимости от расположения в системе норм уголовного права: касающиеся Общей части (влияние назначенного наказания на исправление осужденного), касающиеся Особенной части правового акта (венерическая болезнь), смешанные (особая жестокость).

В зависимости от структуры: простые (хулиганские побуждения), сложносоставные (явное неуважение к обществу).

В зависимости от того, где в норме права содержатся: содержащиеся в гипотезе (садизм), диспозиции (жестокое обращение).

В зависимости от сферы использования: юридического употребления (общественная опасность), общеупотребительного характера (материальная зависимость), специально-научного употребления (венерическая болезнь).

В зависимости от характеризуемого оценочным понятием элемента состава преступления: описывающие объект преступления (близкие), объективную сторону (общепасный способ), субъективную сторону (внезапно возникшее). · В зависимости от свойств предмета оценки: ситуации и состояния, действия, результаты действий (значительный ущерб), мотивы и побуждения к действиям (тяжелые жизненные условия), причины поступков (систематическое аморальное поведение), способы (общепасный способ), предметы и вещи, свойства вещей (особая историческая, научная, художественная или культурная ценность) и результаты какой-либо деятельности.

Имеет ли официальные разъяснения: обладающие (аффект) и не обладающие таковыми (новожденный).

По сфере распространенности в уголовном законе подразделяет их на общие (содержащиеся и в общей, и в особенной частях УК РФ) (особая жестокость), групповые (присущие определенным группам преступлений) (значительный ущерб)

и одиночные (существенное изменение радиоактивного фона).

Исходя из специфики содержания: характеризующие разновидность и степень (размер) вреда (ущерба) (критические местообитания), насильственный метод совершения преступления (иные действия, причинившие физическую боль), злость деяния (явное неуважение к обществу).

С учетом характера описываемых обстоятельств: характеризующие преступное деяние (общественный долг), постпреступное поведение виновного лица (активное содействие раскрытию и расследованию преступления), пенологические (злостное уклонение), смешанные (оставление без присмотра). [5. С. 70–89] В литературе можно встретить классификацию по степени определенности: на абсолютные и относительные. Данная классификация не имеет места быть, поскольку абсолютно определенные понятия не могут быть оценочными, как указывалось ранее ограничение недопустимо.

Использование оценочных понятий в праве обусловлено несколькими причинами: нормативные правовые акты не способны предусмотреть все возможные варианты преступных деяний и ситуаций их совершения. Во избежание пробелов используются понятия с допустимой долей усмотрения. Оценочные понятия позволяют учитывать конкретные детали дела, которые влияют на уровень общественной опасности и виновности.

Понятие «важнейший» в отношении одного из принципов уголовного права выступает как условное обозначение. Соответствие наказания тяжести совершенного преступления – один из основополагающих постулатов. Правоприменителю важно дифференцировать наказание исходя из характеристик правонарушения. Оценочные понятия помогают определить, соответствуют ли признаки преступного деяния, признакам определенного состава преступления. Благодаря понятиям, которые не имеют четкого определения, закон применяется гибко, в каждом отдельном случае виновное лицо может рассчитывать на индивидуальный подход. Например, понятие «значительный ущерб» может варьироваться в зависимости от социального и экономического контекста. [6. С. 164]

Понятия, которые не определены четко, применяются при невозможности установить определенную категорию в определенный момент. Например, в случае введения новой дефиниции, определение будет закреплено после формирования однообразной судебной практики или критерии его определения могут остаться прежними. [7. С. 165]

Применение оценочных понятий и законодателем и правоприменителем сопровождается рядом проблем. Поскольку у оценочных понятий лишь некоторые критерии-ограничения, их толкование может быть различным. Это может стать причиной непоследовательности решений и правовой неопределенности.

Если отсутствуют четкие критерии или стандарты, выработанные, например, путем толкования

в решениях высших судов РФ, судьи могут допускать произвольные решения, что нарушает принцип равенства перед законом и может привести к злоупотреблениям.

Чтобы уменьшить риски, важна систематизация судебных решений и выработка единых подходов к применению оценочных понятий. Это помогает создать правовые стандарты и повысить предсказуемость правоприменения. [8. С. 736]

Многие ученые сходятся во мнении, что проблемы применения оценочных понятий, признаков возможно решить при должном обосновании каждым субъектом правоприменения почему то или иное понятие относимо к определенной ситуации или нет. Поскольку большое количество примеров поможет сформировать единообразную практику, минимизируя субъективизм. [9. С. 360]

Примеры критериев оценочных понятий

Общественная опасность деяния – оценивается не только по фактам, но и с учётом последствий, мотивов, обстоятельств совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, от вида умысла либо неосторожности. Хищение денежных средств может иметь разную степень опасности для общества: способ, размер, направленность умысла.

Значительный ущерб – в уголовных делах, имеющих отношение к экономическим правонарушениям, оценивается финансовое положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества, его значимость для потерпевшего. Категория значительности изменяется исходя из экономической ситуации.

Аффект – это состояние, зачастую спровоцированное действиями потерпевшего. Данное состояние психики ограничивает осознание своих действий и их последствий. Состояние аффекта определяется экспертизой и иными факторами.

Общепасный способ – способ причинения смерти, представляющий опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица, например, путем поджога.

Стоит отметить, что нормы содержащие оценочные признаки не тождественны бланкетным. Отличия заключаются в их природе, способе применения и уровне конкретизации. Оба типа понятий относятся к средствам юридической техники, которые помогают праву быть более гибким и адаптивным, но они имеют разные функции и механизмы использования. Бланкетные понятия – это понятия, которые отсылают к нормам другого правового акта. Содержание определенных категорий не находит отражения в данном акте, а требует «заполнения» ссылкой на другой нормативный источник. Функция: позволяют использовать нормы из других источников без их повторного изложения.

Оценочные понятия требуют активного участия правоприменителя в оценке и интерпретации, а бланкетные служат для включения в норму содержания из других нормативных актов. [10. С. 89]

Также не тождественны: категория, понятие и признак. Категория – это наиболее обобщённое понятие, выражающее идею или принцип, который требует учёта в праве. Понятие задаёт общий ориентир для анализа правовых явлений, но не содержит конкретных критериев. Это своего рода «философская» или «методологическая» основа учёта, например, «справедливость». Оценочный признак – это отдельный элемент (свойство), подлежащий учёту. Оценочный признак – это конкретный признак, по которому проводится квалификация правонарушения, например, значительный ущерб.

Наличие оценочных понятий в праве – это необходимый и важный инструмент, обеспечивающий справедливость судопроизводства. Они позволяют учитывать многообразие обстоятельств и индивидуальные характеристики каждого общественно-опасного деяния. Вместе с тем, такие понятия требуют чёткой методологии применения, развитой судебной практики и постоянного контроля за соблюдением принципов объективности и равенства перед законом, чтобы минимизировать риски субъективизма и произвола. Таким образом, оценочные понятия адаптируют формальные нормы под множество уникальных правоприменительных ситуаций. [11. С. 21].

Литература

1. Фабрика И.В. Некоторые вопросы определения оценочного понятия в современной юридической науке // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 43 (302). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-opredeleniya-otsenochного-ponyatiya-v-sovremennoy-yuridicheskoy-nauke> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Бегоян Л.А. Содержание и признаки оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации // Криминалист Ъ. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-priznaki-otsenochnyh-ponyatiy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.09.2025).
3. Шкапров Г.А. Оценочные признаки состава преступления и квалификация преступлений / Г.А. Шкапров, С.А. Дробот // Аллея науки. – 2023. – Т. 1, № 6(81). – С. 966–972.
4. Данилов М.В. Институт оценочных признаков в уголовном законе как один из инструментов реализации социальной справедливости / М.В. Данилов // Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 16 февраля 2024 года. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2024. – С. 193–196.
5. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Р. Касимов. – Ижевск, 2022. – 235 с.

6. Зиньков Б.В. Проблема использования оценочных понятий в уголовном праве России / Б.В. Зиньков // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности: Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 29 марта 2019 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. – С. 163–167.
7. Коробец Б.Н. Причины законодательного использования оценочных понятий в уголовном праве России / Б.Н. Коробец // Юридические науки. – 2007. – № 2. – С. 165–168.
8. Гармышев Я. В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России / Я.В. Гармышев, И.М. Егереv, С.В. Пархоменко // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732–739.
9. Бегоян Л.А. Оценочные понятия в уголовном праве: дискуссии и решения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 4 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-ponyatiya-v-ugolovnom-prave-diskussii-i-resheniya> (дата обращения: 19.09.2025).
10. Трунцевский Ю.В. Формальные и оценочные признаки составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2021. № 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-i-otsenochnye-priznaki-sostavov-prestupleniy-sovershaemyh-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 22.09.2025).
11. Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.Е. Фетисов. – Ижевск, 2009. – 24 с.

PROBLEMS OF USING EVALUATIVE CONCEPTS IN CRIMINAL LAW

Zhokhova N.A.
Tomsk State University

This article examines key issues related to the application of evaluative concepts in criminal law. Particular attention is paid to the legal uncertainty arising from subjectivity in the interpretation and use of such concepts in the classification of crimes. It analyzes the difficulties law enforcement agencies face in implementing norms containing evaluative characteristics and categories, as well as the impact of these issues on law enforcement practice and the inviolability of criminal law principles. The author suggests ways to overcome problems associated with violations of the principles of equal-

ity before the law and fairness through improving judicial practice and developing standards of legal interpretation. This article will be useful for lawyers, researchers, and practitioners involved in criminal law and law enforcement.

Keywords: Evaluative concepts, law enforcement officer, criminal law, elements of a crime, qualification of an act, legal technique, social danger of an act, significant damage, affect, generally dangerous method.

References

1. Fabrika I.V. Some issues of defining the concept of evaluative law in modern legal science // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2012. No. 43 (302). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-opredeleniya-otsenochnogo-ponyatiya-v-sovremennoy-yuridicheskoy-nauke> (date of access: 20.09.2025).
2. Begoyan L.A. Content And Features Of Evaluation Concepts In The Criminal Legislation Of The Russian Federation // Kriminalist. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-priznaki-otsenochnyh-ponyatiy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 18.09.2025).
3. Shkaprov G.A. Evaluative features of the corpus delicti and qualification of crimes / G.A. Shkaprov, S.A. Drobot // Alley of Science. – 2023. – Vol. 1, No. 6 (81). – Pp. 966–972.
4. Danilov M.V. Institute of evaluative features in criminal law as one of the instruments for implementing social justice / M.V. Danilov // Legal support of social justice and state sovereignty: Proceedings of the International scientific and practical conference, Moscow, February 16, 2024. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2024. – P. 193–196.
5. Kasimov D.R. Theoretical and Applied Aspects of Evaluative Concepts in Criminal Law: Diss. ... Cand. of Law: 12.00.01 / D.R. Kasimov. – Izhevsk, 2022. – 235 p.
6. Zinkov B.V. The Problem of Using Evaluative Concepts in the Criminal Law of Russia / B.V. Zinkov // Criminal-Law and Criminological Directions of Combating Crime: Collection of Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference of Faculty, Postgraduate Students and Students, Simferopol, March 29, 2019. – Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2019. – P. 163–167.
7. Korobets B.N. Reasons for the Legislative Use of Evaluative Concepts in the Criminal Law of Russia / B.N. Korobets // Legal Sciences. – 2007. – No. 2. – Pp. 165–168.
8. Garmyshev Ya.V. On the Issue of Qualification of Some Evaluative Concepts in the Criminal Law of Russia / Ya.V. Garmyshev, I.M. Egerev, S.V. Parkhomenko // All-Russian Criminological Journal. – 2016. – Vol. 10, No. 4. – Pp. 732–739.
9. Begoyan L.A. Evaluative Concepts in Criminal Law: Discussions and Solutions // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (95). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-ponyatiya-v-ugolovnom-prave-diskussii-i-resheniya> (date accessed: 19.09.2025).
10. Truntsevskiy Yu.V. Formal And Evaluation Features Of The Compositions Of Crimes Committed In The Sphere Of Economic Activities // Vestn. Tomsk. state University. Law. 2021. No. 41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-i-otsenochnye-priznaki-sostavov-prestupleniy-sovershaemyh-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti> (date accessed: 22.09.2025).
11. Fetisov O.E. Evaluation concepts in law: problems of theory and practice: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / O.E. Fetisov. – Izhevsk, 2009. – 24 p.

Зорина Елена Михайловна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
E-mail: zorinaem@bk.ru

Кузьмин Андрей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
E-mail: ak78rus@gmail.com;

Малый Максим Владимирович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
E-mail: kolmogorovmv@mail.ru;

Тихонравов Леонид Владимирович,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
E-mail: stl66@mail.ru

В статье обосновывается тезис о возможности трансформации правового нигилизма в необратимое состояние в праве. Авторы анализируют сущность и формы правового нигилизма, выделяя его активные и пассивные проявления. Рассматриваются различные научные подходы к пониманию необратимых состояний в праве, при этом в фокусе исследования находится психологический подход, связывающий нигилизм с утратой гражданской идентичности. Выявляются механизмы, способствующие закреплению нигилизма как самовоспроизводящейся системной нормы. На основе анализа научных данных и результатов собственного опроса студентов-юристов делается вывод, что правовой нигилизм приобретает черты необратимого состояния при системном расхождении официального права и массового правосознания, а также кристаллизации нигилизма в устойчивые неформальные институты.

Ключевые слова: правовой нигилизм, необратимые состояния, правовая культура, правосознание, гражданская идентичность, цифровизация.

В современном социуме правовой нигилизм является серьезной проблемой, которая может привести к разрушению правовой системы и дестабилизации общества. Однако при наличии политической воли и системных реформ в первую очередь в сфере образования и просвещения его можно преодолеть, даже если он кажется глубоко укорененным в правосознании граждан.

Целью настоящего исследования является обоснование тезиса о том, что правовой нигилизм при определенных исторических и социально-политических условиях может приобретать качества необратимого состояния. Под необратимостью понимается такая интеграция нигилистических установок в структуру общественных отношений, при которой возврат к состоянию «здорового» правосознания и уважения к закону как к первичному социальному регулятору становится невозможным в рамках существующей системы координат.

Задачи исследования:

1. Проанализировать сущность правового нигилизма, выйдя за рамки его стандартного определения как неуважения к праву.
2. Исследовать различные подходы к пониманию необратимых состояний, позволяющие говорить о нигилизме как социальном явлении.
3. Выявить механизмы, которые делают правовой нигилизм самовоспроизводящейся и необратимой системной нормой, с учетом вызовов современности.

Мы рассматриваем правовой нигилизм не только как антоним правовой культуры, но и как явление, характеризующееся отрицанием или пренебрежительным отношением к правовым нормам, законам и правовым институтам. В первую очередь в молодежной среде он проявляется в неверии в эффективность права, в игнорировании законов или в убеждении, что правовые нормы не имеют реального значения для регулирования общественных отношений.

Правовой нигилизм может проявляться в различных формах:

- **Активный нигилизм:** осознанное игнорирование законов.
- **Пассивный нигилизм:** отсутствие уважения к праву, зачастую вызванное незнанием норм.
- **Бытовой нигилизм:** пренебрежение законами в повседневной жизни.
- **Философский нигилизм:** построение мировоззрения, отрицающего социальную роль права.

Однако следует отметить, что есть другой взгляд на пассивный нигилизм, который часто выражает-

ся «не в пренебрежении к праву как ценности или конкретным законам, а в бездумном соглашательстве с предложенными вариантами поведения, которые предоставляются субъекту правоотношения как в цифровом, так и в реальном мире» [1]. Такая пассивная форма правового нигилизма, по мнению Е.Е. Букиной [2, с. 193], проявляется в пассивной покорности без критического анализа, что приносит существенный вред социуму. Если человек слепо следует установленным нормам, не задумываясь об их правомерности или целесообразности, то это только внешне кажется законопослушанием, а на самом деле это форма отказа от критического восприятия права.

Основные черты правового нигилизма:

1. Отрицание авторитета права: люди или группы, подверженные правовому нигилизму, считают, что законы несправедливы, неэффективны или не имеют значения.

2. Игнорирование законов: это может проявляться в уклонении от соблюдения правовых норм, в нарушении законов или в убеждении, что их можно обойти без последствий.

3. Циничное отношение к праву: правовой нигилизм часто сопровождается убеждением, что право служит лишь инструментом манипуляции в руках власти или элит.

4. Подмена права иными регуляторами: вместо права могут использоваться неформальные нормы, коррупционные схемы, сила или традиции.

Причины правового нигилизма:

1. Исторические факторы. В странах с длительной историей авторитаризма или тоталитаризма право часто воспринималось как инструмент подавления, что способствовало формированию нигилистического отношения.

2. Несовершенство законодательства. Противоречивые, несправедливые или неэффективные законы могут вызывать недоверие к правовой системе.

3. Коррупция и беззаконие. Если государственные органы или представители власти сами нарушают законы, это подрывает веру в право у граждан.

4. Низкая правовая культура. Недостаток знаний о праве, его роли и функциях может способствовать формированию нигилистического отношения.

Отсутствие четкого и признанного всеми духовно-нравственного кодекса поведения (как в советское время был «Моральный кодекс строителя коммунизма», а в дореволюционной России – «Домострой») не только не позволяет говорить «о каком-то значительном рывке в развитии России, но и вызывает опасения в сохранении элементарной социальной стабильности» [3]. Именно правовой нигилизм современных студентов вызывает особое беспокойство российского общества и правового государства. По мнению Е.В. Семеновой, «профилактика правового нигилизма должна быть ориентирована на то, чтобы правовая информация, полученная в процессе обучения, служила

созданию системы устойчивых привычек действовать при любых условиях и в любых ситуациях только правомерно» [4].

В некоторых случаях правовой нигилизм может приобретать характер необратимого состояния, особенно если он глубоко укоренен в общественном сознании и оказывает влияние на правосознание и правовую культуру общества.

Термин «необратимые состояния» в праве может интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста и научного подхода. В юридической науке и практике этот термин используется для описания ситуаций, которые невозможно вернуть в исходное состояние или которые имеют долгосрочные, а иногда и перманентные последствия. Рассмотрим различные взгляды на понимание этого термина:

1. Философско-правовой подход

- Необратимость как утрата легитимности. В этом контексте необратимое состояние может означать утрату доверия к правовой системе или государству. Например, если граждане перестают верить в справедливость закона, это состояние может стать необратимым, так как восстановление доверия требует значительных усилий и времени.

- Необратимость как изменение правовой культуры. Если в обществе формируется устойчивая культура правового нигилизма, это может считаться необратимым состоянием, так как изменение менталитета и ценностей требует поколений.

2. Социологический подход

- Необратимость как социальный факт. В социологии права необратимое состояние может пониматься как ситуация, когда право перестает выполнять свою регулятивную функцию в обществе. Например, если право становится инструментом подавления, а не защиты, это может привести к необратимым изменениям в социальной структуре.

- Необратимость как кризис правосознания. Когда общество массово игнорирует законы или воспринимает их как нечто формальное, это состояние может стать необратимым, если не предпринимаются меры по восстановлению правового порядка.

3. Экономико-правовой подход

- Необратимость как экономический ущерб. В этом контексте необратимое состояние может означать экономические последствия, которые невозможно компенсировать. Например, если из-за правового нигилизма страна теряет инвестиции или экономическую стабильность, это может иметь долгосрочные последствия.

- Необратимость как утрата правовых гарантий. Если право перестает обеспечивать защиту собственности или контрактов, это может привести к необратимым изменениям в экономической системе.

4. Практико-правовой подход

- Необратимость как юридический факт. В правоприменительной практике необратимое состояние может означать ситуацию, когда последствия правонарушения или правового акта невозможно исправить. Например, смерть человека, уничтожение имущества или утрата доказательств в судебном процессе.
 - Необратимость как невозможность восстановления статус-кво. В гражданском праве это может быть связано с невозможностью вернуть стороны в исходное положение (например, при расторжении договора с необратимыми последствиями).
5. *Историко-правовой подход*
- Необратимость как исторический процесс. В истории права необратимое состояние может пониматься как переход к новой правовой системе, которая уже не может быть возвращена к предыдущей. Например, переход от обычного права к кодифицированному.
 - Необратимость как утрата традиций. Если правовые традиции и обычаи утрачиваются, это состояние может считаться необратимым, так как восстановление традиций требует значительных усилий.
6. *Психологический подход*
- Необратимость как изменение правосознания. Если у индивида или общества формируется устойчивое негативное отношение к праву, это может считаться необратимым состоянием, так как изменение установок требует длительного времени и усилий.
 - Необратимость как травма. В случае массовых нарушений прав человека (например, при тоталитарных режимах) последствия могут быть настолько глубокими, что их преодоление становится невозможным.
7. *Международно-правовой подход*
- Необратимость как утрата суверенитета. В международном праве необратимое состояние может означать утрату государством части своей территории или суверенитета, что невозможно восстановить.
 - Необратимость как глобальные последствия. Например, экологические катастрофы или войны могут привести к необратимым изменениям в международном правопорядке.
8. *Технологический подход*
- Необратимость как влияние технологий. С развитием технологий (например, блокчейн, искусственный интеллект) некоторые правовые процессы становятся необратимыми. Например, смарт-контракты автоматически исполняются без возможности отмены.
 - Необратимость как цифровая реальность. В киберпространстве некоторые действия (например, утечка данных) имеют необратимые последствия для права и общества.
- В нашем исследовании мы склоняемся к психологическому подходу, так как правовая культура и правовой нигилизм напрямую связаны с правосознанием граждан, и будем рассматривать не-

обратимые состояния в праве как утрату гражданской идентичности личности.

Кроме того, мы будем придерживаться мнения, что правовой нигилизм – это отсутствие необходимых ценностных установок и знаний о праве, социально пассивное или активно-негативное поведение, основанное на искажении правосознания и отрицании необходимости моральных и правовых норм для социализации в обществе.

На наш взгляд, негативные изменения в мировоззрении граждан (особенно молодежи) происходят, когда:

- правовой нигилизм становится нормой. Если нарушение законов становится привычным и общественно приемлемым, это может привести к системному кризису правовой системы.
- отсутствует доверие к государству. Если граждане не верят в способность государства обеспечивать соблюдение законов, это может привести к полному отрицанию права.
- присутствует цикличность нарушений. Когда правовой нигилизм становится самовоспроизводящимся явлением, он может привести к разрушению правовой системы, так как каждый новый закон будет восприниматься как нечто формальное и необязательное к исполнению.

Мы считаем, что правовой нигилизм можно рассматривать как необратимое состояние в праве, то есть как явление, во время которого происходит деструктивное разрушение личности гражданина и это может отрицательно влиять как на индивидуума, так и на государство в целом. Например:

1. Разрушение психики человека. Противоречия между моральными нормами и вседозволенностью меняет особенно неокрепшую психику молодежи. По мнению А.В. Кузьмина, «именно благодаря ограничениям может достигаться главная цель существования цивилизованного общества – социальное совместное проживание и взаимодействие людей для достижения наиболее высокого уровня индивидуального развития каждого» [5, С. 118].

2. Правосознание. Отрицание ценности права, его важности для личности и государства приводит к изменению правосознания личности, допускающей приоритет своих желаний и прав над всеми другими людьми. Молодежь формирует правосознание не только в семье и образовательном учреждении, но и в Интернете, где доминируют упрощенные, зачастую циничные представления о праве.

3. Гражданская идентичность. Именно умение нести ответственность за свои поступки служит основой для гражданской идентичности, и отрицание связи с государством порождает и отрицание личностью своей гражданственности.

4. Традиционные ценности. Правовой нигилизм отрицает и традиционные ценности как устаревшие и мешающие прогрессу.

5. Деструктивное поведение. Маргинальное поведение, основанное только на страхе, не может способствовать полноценному развитию личности.

6. Дестабилизация общества. Отсутствие уважения к праву ведет к росту преступности, коррупции и социальной несправедливости.

7. Эрозия правового государства. Правовой нигилизм подрывает основы правового государства, где закон должен быть превыше всего [6].

8. Экономические потери. Нестабильная правовая среда отпугивает инвестиции и препятствует экономическому развитию.

9. Утрата легитимности власти. Если граждане не верят в право, они перестают доверять и государственным институтам.

10. Утрата суверенитета. Государство, где преобладают граждане с правовым нигилизмом, подвержено влиянию извне и очень скоро уже не может самостоятельно решать внутренние и внешние политические вопросы.

11. Механизм отрицательной селекции. Связан с цифровым нигилизмом, который характеризуется целенаправленным использованием цифровых технологий для дискредитации правовых институтов через манипуляцию информацией, создание фейков, мешающих киберсоциализации. Феномен Интернет-социализации связан еще и с тем, что с раннего возраста формируются типизированные личности индивидов, ассоциирующих себя с теми или иными персонажами игр или аватарами соцсетей. Отсюда феномены цифрового аутизма и размывание идентичности [7; 8].

12. Механизм уничтожения доверия. Цифровая среда ускоряет эрозию доверия, а социальные сети и мессенджеры становятся катализаторами распространения нигилистических установок. Как показывают исследования, в цифровых сообществах формируются «эхо-камеры», где негативный опыт взаимодействия с правом, часто гиперболизированный или вырванный из контекста, тиражируется и усиливается, создавая устойчивое коллективное недоверие к государственным институтам [9].

13. Механизм подмены регуляторов. Появление децентрализованных систем (блокчейн, смарт-контракты) порождает новый феномен – «технологический нигилизм», при котором доверие переносится с государственных правовых институтов на алгоритмический код. Самостоятельное разрешение споров в таких системах (например, через децентрализованные арбитражи) представляет собой прямую конкуренцию официальному праву и может расцениваться как высшая форма нигилизма по отношению к нему [10].

Стоит отметить, что в отличие от других разновидностей необратимых состояний (например, смерти или утраты), правовой нигилизм можно обратить в правовую культуру, если повысить прозрачность законов, проводить мероприятия по правовому просвещению и патриотическому воспитанию.

В рамках практической части нашего исследования нами был проведен опрос 56 студентов 2 курса юридического факультета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Им были заданы вопросы:

1. Знаете ли вы, что такое правовой нигилизм? (да / нет / частично, но сомневаюсь / немного)

2. Какие необратимые состояния в праве вы знаете?

3. Можно ли рассматривать правовой нигилизм, как необратимое состояние в праве? (да / нет / частично)

4. Что разрушает правовой нигилизм? (психику человека / правосознание личности / общество / государство / традиционные ценности / ничего)

5. Как можно обратить правовой нигилизм в правовую культуру?

На первый вопрос 90% респондентов ответили утвердительно, что не удивительно для будущих юристов. Следующий вопрос показал, что студенты знают только типичные необратимые состояния: смерть (95%), тяжкий вред здоровью (73%), обстоятельства непреодолимой силы (67%). Можно было написать несколько вариантов, чем воспользовались большинство испытуемых. Также 7% назвали такие состояния, которые нельзя юридически признать необратимыми. При ответе на третий вопрос опрашиваемые были осторожны и поэтому мнения разделились: да (23%), нет (10%), частично (67%). Ответ на четвертый вопрос показал, что студенты понимают, что правовой нигилизм – это разрушающая идеология, которая влияет на психику человека (25%) и правосознание личности (67%). Остальные варианты ответа суммарно набрали около 8%. Результат ответа на пятый вопрос оказался вполне предсказуемым – 77% респондентов пришли к выводу, что необходимо правовое просвещение и воспитание молодежи. При этом, 20% посчитали, что это невозможно сделать, а 3% решили, что этому поспособствует наказание.

Полученные результаты позволили нам сделать вывод, что будущие юристы понимают, что правовой нигилизм может быть как необратимым, так и обратимым явлением в праве, но склоняются ко второму варианту.

На наш взгляд, в первую очередь преодоление правового нигилизма в молодежной среде должно быть связано с образовательными реформами. Например, для формирования правовой культуры студентов в вузах во исполнение подпункта «а» пункта 11 перечня поручений Президента Российской Федерации от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС и с учетом письма Минобрнауки России от 21 апреля 2023 г. № МН-11/1516-ПК (с приложением проекта концепции учебно-методического комплекса модуля «Основы российской государственности») была введена новая дисциплина – «Основы российской государственности», обязательная для всех направлений подготовки на первом курсе. Кроме того, в отдельных высших школах также была трансформирована дисциплина «Правоведение / Право» в «Правовую культуру». Такое изменение образовательной парадигмы направлено не только на развитие правовой культуры и гражданской грамотности, но на обеспечение необходимого уровня личностного правосознания и навыков правового поведения.

Проведенный анализ с привлечением актуальных научных данных позволяет сделать вывод, что правовой нигилизм не всегда является временной аномалией. При определенных условиях, когда он становится системообразующим элементом общественных отношений, он приобретает черты необратимого состояния. Это происходит, когда:

1. Право утрачивает свои внутренние моральные качества, что усугубляется современными вызовами, таким как цифровизация.

2. Официальное право радикально расходится с массовым правосознанием, которое формируется под влиянием новых медиа и цифровых технологий.

3. Нигилизм кристаллизуется в устойчивые неформальные и цифровые институты, создающие эффект блокировки.

Современная реальность, характеризующаяся кризисом легитимности традиционных институтов, ростом популизма и цифровой трансформацией, создает благодатную почву для развития правового нигилизма. Выход из этого состояния лежит не в плоскости юридических техник, а в области фундаментальных изменений: восстановления процессуальной справедливости, обеспечения реального, а не декларативного равенства перед законом и выработки новых форм легитимации права в цифровую эпоху. Это процесс очень важен для сферы образования и средств массовой информации, потому что необходима глубокая трансформация общественного сознания, связанная с обретением духовно-нравственных ценностей, закрепленных в указе Президента РФ № 809. До тех пор, пока этого не произойдет, правовой нигилизм будет оставаться не «болезнью роста», а хроническим и необратимым состоянием правовой системы.

Литература

- Белкин В. В. К вопросу об отдельных аспектах проблемы правового нигилизма в цифровом мире. Социально-философский взгляд // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 171–180. doi: 10.21685/2307-9525-2025-133-16
- Букина Е.Е. Философское осмысление форм правового отчуждения: правовой нигилизм, правовой фетишизм, правовой инфантилизм // Философия, социология, право: традиции и перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч. конф., посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г.). Новосибирск: Офсет, 2020. С. 191–196. doi: 10.47850/S.2020.1.55
- Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник. М.: Норма, 2008.
- Семенова Е.В. Правовой нигилизм и его профилактика в студенческой среде // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (31). С. 73–77
- Кузьмин А.В. Попытка интегративного подхода к определению понятия «правовые ограни-

чения» // Проблемы экономики и управления в торговле и промышленности. 2014. № 1 (5). С. 118

- Лафитский В.И. Эрозия Конституции и конституционной правоприменительной практики (критические заметки в преддверии юбилея Конституции РФ 1993 г.) // Конституционный вестник. 2019. № 4 (22). С. 140–151.
- Щеглов И.А. Киберсоциализация как предмет социально-философского осмысления // Гуманитарный вестник. 2019. № 5 (79). С. 4. doi: 10.18698/2306-8477-2019-5-625.
- Плешаков В.А. Основы религиозного воспитания в контексте киберсоциализации человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2013. № 4 (31). С. 9–17.
- Бадмацыренов Т.Б., Цыденов А.Б., Хандаров Ф.В. «Третье пространство», «эхо-камеры» и онлайн-сообщества: воспроизводство политических идеологий в социальных сетях // Политическая наука. 2021. № 1. С. 183–204.
- Шапсугова М.Д. Децентрализованная технология как инновационная среда защиты прав субъектов // Метанаука. 2024. Т.1. № 1. С. 1–22.

LEGAL NIHILISM AS AN IRREVERSIBLE STATE IN LAW

Zorina E.M., Kuzmin A.V., Maly M.V., Tikhonravov L.V.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article substantiates the thesis about the possibility of transforming legal nihilism into an irreversible state in law. The authors analyze the essence and forms of legal nihilism, highlighting its active and passive manifestations. Various scientific approaches to understanding irreversible states in law are considered, with a focus on the psychological approach that links nihilism to the loss of civic identity. The article identifies the mechanisms that contribute to the consolidation of nihilism as a self-replicating systemic norm. Based on the analysis of scientific data and the results of a survey of law students, it is concluded that legal nihilism is becoming an irreversible state due to the systemic divergence between official law and mass legal consciousness, as well as the crystallization of nihilism into stable informal institutions.

Keywords: legal nihilism, irreversible states, legal culture, legal consciousness, civil identity, digitalization.

References

- Belkin, V. V. "On Certain Aspects of Legal Nihilism in the Digital World: A Socio-Philosophical View" // Electronic Scientific Journal "Science. Society. State". 2025. Vol. 13, No. 3. pp. 171–180. doi: 10.21685/2307-9525-2025-133-16
- Bukina, E. E. "Philosophical Understanding of Forms of Legal Alienation: Legal Nihilism, Legal Fetishism, Legal Infantilism" // Philosophy, Sociology, Law: Traditions and Prospects: Coll. of Scientific Papers of the All-Russian Scientific Conf., dedicated to the 30th anniversary of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, November 19–20, 2020). Novosibirsk: Ofset, 2020. Pp. 191–196. doi: 10.47850/S.2020.1.55
- Levitani K.M. Legal Pedagogy: Textbook. Moscow: Norma, 2008.
- Semenova E.V. Legal Nihilism and Its Prevention among Students // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2016. No. 3 (31). Pp. 73–77
- Kuzmin A.V. An Attempt of an Integrative Approach to Defining the Concept of "Legal Restrictions" // Problems of Economics and Management in Trade and Industry. 2014. No. 1 (5). P. 118
- Lafitsky V.I. The Erosion of the Constitution and Constitutional Law Enforcement Practice (Critical Notes on the Eve of the An-

- niversary of the 1993 Constitution of the Russian Federation) // Constitutional Bulletin. 2019. No. 4 (22). Pp. 140–151.
7. Shcheglov I.A. Cybersocialization as a Subject of Social and Philosophical Understanding // Humanitarian Bulletin. 2019. No. 5 (79). P. 4. doi: 10.18698/2306-8477-2019-5-625.
 8. Pleshakov V.A. Fundamentals of Religious Education in the Context of Human Cybersocialization // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4, Pedagogy. Psychology. 2013. No. 4 (31). Pp. 9–17.
 9. Badmatsyrenov T.B., Tsydenov A.B., Khandarov F.V. "Third Space", "Echo Chambers", and Online Communities: Reproduction of Political Ideologies in Social Networks // Political Science. 2021. No. 1. pp. 183–204.
 10. Shapsugova M.D. Decentralized Technology as an Innovative Environment for Protecting the Rights of Subjects // Metascience. 2024. Vol. 1. No. 1. pp. 1–22.

Об обеспечении прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц требовать досрочного исполнения обязательств, либо прекращения обязательств и возмещения связанных с этим убытков, а также его роли в достижении целей устойчивого развития

Ихаров Михаил Михайлович,

младший научный сотрудник, Центр исследований и экспертиз, Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: maikl.ikh@mail.ru

В статье рассматривается зависимость реализации прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц требовать досрочного исполнения обязательств, либо прекращения обязательств и возмещения связанных с этим убытков, от ряда факторов, включая, финансово-экономическое положение юридического лица (лиц), возникающего (возникающих) в результате такой реорганизации и его приверженность целям устойчивого развития. Результаты. Рассмотрен генезис и ключевые особенности обеспечения прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц, предусмотренного пунктом 2 статьи 60 ГК РФ. Дана субъективная оценка преимуществ и недостаткам отдельных особенностей реализации данного механизма в Российской Федерации, исследуется зависимость реализации указанного права кредиторов от ряда факторов, в том числе финансово-экономического положения реорганизуемого юридического лица. Выводы. Реализация права кредиторов реорганизуемых юридических лиц, предусмотренного пунктом 2 статьи 60 ГК РФ, не может ставиться в зависимость не только от финансово-экономического положения юридического лица, но и от любого иного ограниченного спектра характеристик реорганизуемого юридического лица, так как в основе обозначенного права кредиторов лежит соблюдение широкого круга их интересов, не ограниченных платежеспособностью должника.

Ключевые слова: реорганизация должника, реорганизация эмитента облигаций, гарантии прав кредиторов, досрочное исполнение обязательств, прекращение обязательств, устойчивое развитие.

В текущих условиях осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, перед российскими юридическими лицами и их контрагентами порой достаточно остро встает вопрос реорганизации первых, связанной не только с оптимизацией структуры владения, корпоративного управления, получения налоговых выгод или перераспределения потоков финансирования, но и с попытками нивелировать негативные эффекты от недружественного воздействия иностранных государств.

Вместе с тем, многие ученые-юристы сходятся во мнении, что одной из основ правоотношений, складывающихся в частноправовом секторе, является соблюдение баланса интересов участников этих правоотношений¹, с. 19., и реорганизация должников, например заемщиков (в том числе выступающих эмитентами облигаций), в данном случае не является исключением. В частности, поддержание такого баланса должно касаться как интересов должников, привлекающих заемные денежные средства, так и кредиторов, выступающих таковыми под «угрозой» реорганизации.

Начиная с первой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) от 30.11.1994 года², ключевым механизмом защиты прав кредиторов юридического лица при его реорганизации являлось право таких кредиторов требовать прекращения или досрочного исполнения обязательства, должником по которому является это юридическое лицо, а также возмещения убытков. Стоит также отметить, что такое право не ставится в зависимость от последствий реорганизации, лишь от её формы, в установленных законом случаях.

Предпосылки к генезису этого права, заложенного в пункте 2 статьи 60 ГК РФ, лежат в его редакции от 30.12.2008 года, в которой был установлен ряд уточнений:

Включено условие о том, что такие права требований должны возникнуть до опубликования уведомления о реорганизации юридического лица;

Нивелировано возникновение противоречия между ГК РФ и рядом других Федеральных законов, указывающих на неприменимость статьи 60 ГК РФ к той или иной реорганизации (например, подпункт 5 пункта 2 статьи 18.1 Федерального закона от 23.11.2007 № 270-ФЗ «О государственной корпорации по содействию разработке, производ-

ству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех», или пункт 2 статьи 41 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Оба этих дополнения на положении кредиторов сказались скорее негативно, так как в первом случае был четко формализован элемент «добросовестности», то есть однозначно установлена обязанность кредитора самостоятельно проверять, находится ли контрагент в процессе реорганизации на момент совершения сделки. В качестве положительного эффекта от произведенной корректировки можно определить, что исключена воля толкования, существовавшая в более ранней редакции пункта 2 статьи 60 ГК РФ, а также достигнуто единообразие правоприменения и большинство других целей, поставленных перед законодателем в рамках данной реформы 3..

В случае со вторым нововведением (гармонизация законодательства в части исключений применения статьи 60 ГК РФ для реорганизаций поименованных в соответствующих законах юридических лиц) по сей день сложно дать однозначную экономико-правовую характеристику целесообразности такого регулирования, однако, в рамках существовавшей с того момента правовой модели и до настоящего времени – указанная формализация, привнесенная в ГК РФ из отраслевого законодательства, являлась не более, чем приведением нормативно-правовых актов в соответствие устоявшемуся регулированию.

В свою очередь, само по себе введение ряда исключений для неприменения пункта 2 статьи 60 ГК РФ, в других федеральных законах хотя и видится достаточно целесообразным в случае с такими организационно-правовыми формами юридических лиц, как госкорпорации, государственные компании и, позднее, публично-правовые компании (финансирование которых по большей части возложено на государство), но в представленном виде такая юридическая конструкция может существовать лишь в условиях стабильного экономического развития и в отсутствии выявленных, заявленных или объективно подразумеваемых кредиторами факторов существенности для них персональных характеристик должника, его признаков (осуществляемая деятельность, особенности управления, доля на рынке, финансовое положение, приверженность целям устойчивого развития). Тем не менее, введение такого рода исключений для реорганизаций отдельных юридических лиц неизбежно породило дискриминацию, так как законом не были установлены объективные и понятные финансово-экономические рамки, позволяющие любому другому юридическому лицу (а не только конкретным государственным корпорациям и государственным компаниям), при должном уровне платежеспособности и финансовой устойчивости «отказаться» от досрочного исполнения обязательства в одностороннем порядке.

Однако и у обозначенного недостатка есть вполне внятное обоснование – устойчивая конъюнктура экономических отношений порождает несколько иную правовую оценку любой реорганизации юридических лиц с публичным элементом 4, с. 26.. Также считается, что по своему существу шансы, например, каскадной реорганизации таких юридических лиц без сохранения возможности кредиторов определить правопреемника или иные нарушения прав и законных интересов контрагентов в случае с такими юридическими лицами близится к нулю, так как основной целью их реорганизации не может выступать уход такого должника от исполнения обязательств. Также предполагается, что в описанной ситуации кредитору не столь важно, какая именно «государственная» организация выступает его контрагентом, для него определяющими факторами представлялось сохранение прежнего уровня платежеспособности и соблюдение прочих его прав по соответствующей сделке. Исходя из этого презюмировалось, что исключение применения пункта 2 статьи 60 ГК РФ для реорганизации отдельных юридических лиц не могло привести к нарушению прав кредиторов.

В ходе реформы гражданского законодательства 2014 года, а именно с вступлением в законную силу Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ 5., конструкция пункта 2 статьи 60 ГК РФ была значительно переработана. В первый абзац, ранее являвшийся единственным, включена возможность заключения соглашения между кредитором и реорганизуемым юридическим лицом, посредством которого стороны могут как установить отказ кредитора от права потребовать в судебном порядке досрочного исполнения обязательств должником, так и иным образом урегулировать отношения по сделкам, контрагентами по которым они являлись до опубликования первого уведомления о реорганизации юридического лица. Впрочем, зависимость такого урегулирования от момента опубликования уведомления о реорганизации видится весьма условной и может свидетельствовать лишь о формальной относимости такого соглашения к пункту 2 статьи 60 ГК РФ, хотя в указанном случае вполне достаточным видится и реализация принципа свободы договора, заложенного в 421 статье ГК РФ, так как закон и ранее не ограничивал урегулирование соответствующих отношений при реорганизации в частном порядке.

Введение новых абзацев рассматриваемого пункта (со второго по шестой), а также новая редакция пункта 5 статьи 58 ГК РФ устанавливают группу дополнительных условий, в которые включаются:

- ограничение действия рассматриваемых гарантий прав кредиторов, установленных статьей 60 ГК РФ, в случае реорганизации юридического лица в форме преобразования;
- установление предельного срока на предъявление требования о досрочном исполнении обязательств или его прекращении и возмещении убытков (тридцать дней после даты опу-

бликования последнего уведомления о реорганизации);

- исключение права лиц, которые уже имеют достаточное обеспечение по соответствующему обязательству и (или) лиц, которым в течение тридцати дней с даты предъявления ими соответствующих требований такое достаточное обеспечение предоставлено кредитором, предъявлять требования о досрочном исполнении обязательств или его прекращении и возмещении убытков (например, если обязательство обеспечено залогом, банковской гарантией);
- конкретизация влияния данной правовой конструкции на процедуру реорганизации. В частности установлено, что предъявленные в пределах установленного срока требования должны быть исполнены до завершения процедуры реорганизации, а также закреплено, что предъявление таких требований само по себе не является основанием для приостановления процедуры реорганизации должника.

При этом в рамках рассмотрения последней особенности стоит отметить, что процедура реорганизации может быть приостановлена судом в ходе рассмотрения предъявленных кредиторами требований. Вместе с тем, данная правовая конструкция в указанной части сохраняет неопределенность, ведь в случае, если судом не будут введены обеспечительные меры в виде приостановления реорганизации должника, это формально могло бы сделать невозможным исполнение требований после завершения процедуры реорганизации, в том числе по решению суда, ведь в таком случае исполнение судебного решения противоречило бы требованиям абзаца четвертого пункта 2 статьи 60 ГК РФ. При этом в описанной ситуации признание реорганизации недействительной по такому самостоятельному основанию видится иррациональным и избыточным, так как по существу не способствует защите прав кредиторов при условии, что правопреемник реорганизованного общества-должника, и соответственно ответчик, установлен или может быть установлен.

В рамках указанной проблемы представляется рациональным дифференцирование процедур исполнения предъявленных требований и исполнения решений судов, которым отдается закономерный приоритет. Вместе с тем, неопределенной представляется категория исполнения требований, так как в рамках указанной конструкции реализация соответствующего права осуществляется в судебном порядке, а не по самостоятельному требованию одной из сторон, формально не влияющему непосредственно на досрочное исполнение возникших ранее обязательств за пределами гражданско-правовых соглашений. В свою очередь сузить указанное ограничение до регулирования договорного порядка также видится неправомерным в силу того, что такой формализованный подход нецелесообразно ограничит права сторон на урегулирование досрочного исполнения обяза-

тельств и возмещения убытков в частном порядке после проведения реорганизации.

Однако, ни предшествующее, ни текущее регулирование не устанавливает четких критериев, согласно которым суд принимает соответствующее решение и обязывает должника досрочно исполнить обязательства, а при каких условиях соответствующее требование может быть признано, например, нарушающим принцип добросовестности, – эти параметры были и остаются оценочными, однако, также заслуживают доктринального осмысления на особом примере.

Таким примером служит достаточно резонансная группа споров, связанная с реорганизацией публичного акционерного общества «Федеральная сетевая компания – Россети», у кредиторов которого возникло соответствующее право требовать в связи с этим досрочного исполнения обязательств (например, в рамках дела № А40–247616/2022 6.,7.). Как уже отмечалось ранее, возникновение у кредиторов соответствующего права обратиться в суд не ставится в зависимость от последствий реорганизации, финансового состояния должника до и после её проведения, структуры корпоративного управления, вида осуществляемой им деятельности, состава контрагентов этого лица или введения в отношении юридического лица каких-либо ограничений (например, «санкций» – мер ограничительного характера со стороны иностранных государств или организаций), и так далее – все эти признаки могут лишь учитываться судом при вынесении соответствующего решения в рамках предъявленных требований и на сегодняшний день лежат исключительно в плоскости судебного усмотрения.

Вместе с тем, хотелось бы дополнительно отметить и то, что изменение любого из указанных признаков в действительности может иметь существенное значение для кредиторов, подтверждением чему служит и указанный спор, где ответчик (реорганизуемое общество) ссылался на цели реорганизации и стабильное финансовое состояние, которые не создавали рисков для кредиторов, однако судом было отмечено, что «основанием возникновения у истца права требовать досрочного исполнения обязательств является в силу пункта 2 статьи 60 ГК РФ сам факт реорганизации ответчика, а не его последствия, в т.ч. в виде неудовлетворительного финансового положения реорганизуемого лица или его способности/неспособности исполнения своих обязательств», а соответствующее право «может быть ограничено лишь обстоятельствами, поименованными в законе». Данная правовая конструкция сформулирована именно таким образом не случайно – являя собой многоступенчатый и многогранный процесс. Реорганизация юридического лица может затрагивать практически все аспекты осуществляемой им деятельности, коренным образом изменяя сущностное содержание соответствующей организации (организаций), что приводит к невозможности достоверного уста-

новления значимых для кредиторов характеристик такого должника.

В контексте приводимого примера, показательным является и то, что окончательное решение было вынесено после реорганизации ответчика, что также иллюстрирует особенности правоприменения абзаца четвертого, устанавливающего предельный срок исполнения требований до окончания реорганизации.

Похожие решения нижестоящих судов поддержал и Верховный Суд Российской Федерации, так в Определении от 29.05.2024 № 305-ЭС23–28628 по делу № А40–247242/2022 8. было отмечено, что оснований для пересмотра судебных актов по доводам кассационной жалобы ПАО «Россети» не установлено, отмечалось, что доводы кассационной жалобы об удовлетворительном финансовом положении и высоком кредитном рейтинге эмитента были обоснованно признаны судами противоречащими пункту 4 статьи 60 ГК РФ.

В то же время, особый интерес в контексте настоящего исследования представляют решения судов общей юрисдикции по делам № 33–6489/2024 и № 88–24083/2024. В частности, следует обратить внимание на Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу от 08.10.2024 № 8Г-25470/2024, 88–24083/2024 9., в котором суд фактически поддержал позицию ПАО «Россети» и отказал в удовлетворении кассационной жалобы Херсонцева И.И. Реализация в дальнейшем подобного подхода констатировала бы прямую зависимость реализации положений пункта 2 статьи 60 ГК РФ от тех или иных обстоятельств, субъективная «уважительность» которых оценивалась бы судом, а не контрагентами реорганизуемого лица.

Особым образом иррациональность указанного подхода, реализованного судами общей юрисдикции, в перспективе была бы способна проявиться за границами финансово-экономической оценки – при анализе иных факторов, существенных для кредиторов, однако в меньшей степени поддающихся определению точных количественных и качественных характеристик, например маркеров устойчивого развития реорганизуемого общества (его ESG-рейтинга, иных показателей устойчивого развития, информация о которых раскрывалась или должна была раскрываться обществом, например, как эмитентом облигаций устойчивого развития).

Безусловно, на сегодняшний день нет однозначного ответа на вопрос, насколько «серьезно» компании воспринимают ESG-практики, например, по оценке аналитиков рейтингового агентства «Эксперт РА» порядка 80% компаний из реального сектора не воспринимали ESG-практики всерьез в 2021 году. При этом уже на тот момент многие крупнейшие банки уже ввели KPI на ESG-метрики в процедурах принятия решений об инвестировании и при принятии кредитных решений.

В то же время, очевидно, что за прошедшие четыре года подходы к инструментам устойчивого развития были значительно скорректированы,

а сопоставимая статистика значительно отклонилась от конъюнктуры 2021 года. Вместе с тем, о популярности реализации ESG-практик можно судить лишь по косвенным признакам. К таким косвенным признакам предлагается отнести сопоставление ESG-рэнкингов российских компаний (упорядоченных списков юридических лиц, сформированных на основании ранжирования по присвоенным им ESG-рейтингам).

Так, при сопоставлении ESG-рэнкинга рейтинговой группы RAEX за январь 2021 года (рэнкинг состоял из 68 компаний) и за январь 2025 года (рэнкинг состоит из 144 компаний) 10. становится очевидно, что число компаний, заинтересованных в получении оценки в контексте ESG-практик за обозначенный период выросло на 112,5%. Безусловно, данная цифра напрямую не свидетельствует о том, что каждый кредитор заинтересован в реализации контрагентом ESG-практик, однако она иллюстрирует тенденцию, состоящую в росте общей заинтересованности участников общественных отношений метриками устойчивого развития.

Исходя из этого мы констатируем, что год к году, в той или иной степени наблюдается номинальный рост числа организаций, придерживающихся реализации целей устойчивого развития, о чем ими раскрывается соответствующая информация, которая может как учитываться, так и игнорироваться кредиторами, однако презюмировать последнее – невозможно. При этом естественно, что такие организации вправе осуществлять реорганизацию, обладающую всеми сопутствующими признаками, и порождающую возникновение всех сопутствующих прав у кредиторов. Таким образом, установление зависимости прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц требовать досрочного исполнения обязательств, либо прекращения обязательств и возмещения связанных с этим убытков, только лишь от финансового положения должника, возникающего в результате такой реорганизации – видится недопустимым, так как возникновение соответствующего права обуславливается лишь совокупностью факторов, одним из которых может выступать, например, приверженность возникающего в результате реорганизации юридического лица реализации практик устойчивого развития или иные обстоятельства, существенные для кредитора.

В свою очередь игнорирование указанных особенностей обеспечения прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц и установление прямой зависимости между досрочным исполнением обязательства, либо прекращением обязательств и возмещения связанных с этим убытков, и исключительно финансово-экономическими показателями юридического лица (лиц), возникающих в результате такой реорганизации, с высокой долей вероятности оказало бы негативный эффект как на стабильность гражданского оборота в целом, так и финансового рынка в частности.

1. Актуальные проблемы гражданского права: монография. – Москва: Российская академия адвокатуры и нотариата, 2017. – 195 с. – ISBN 978-5-93858-090-9.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/100324-5> режим доступа: открытый. (дата обращения: 20.08.2025).
4. Зайцев О.В., Зайцев В.В. (2017). Некоторые аспекты реорганизации государственных корпораций. Государственная служба, 19 (6 (110)), 25–28.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации», 12.05.2014, № 19, ст. 2304.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.06.2023 № Ф05–7820/2023 по делу № А40–247616/2022 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=478409#jxgTEwUQhXQq-Z23w1> режим доступа: открытый. (дата обращения: 20.08.2025).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2024 № 305-ЭС24–15349 по делу № А40–247616/2022 // <https://base.garant.ru/410510569/> режим доступа: по подписке. (дата обращения: 20.08.2025).
8. Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2024 № 305-ЭС23–28628 по делу № А40–247242/2022 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=812706#UbiVEwUYhZTE9CE82> режим доступа: открытый. (дата обращения: 20.08.2025).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 октября 2024 г. по делу № 8Г-25470/2024 88–24083/2024. // <https://base.garant.ru/343998030/> режим доступа: по подписке. (дата обращения: 20.08.2025).
10. Сайт рейтинговой группы RAEX, ESG-рэнкинг компаний // https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2025.1/ режим доступа: открытый. (дата обращения: 20.08.2025).

ON ENSURING THE RIGHTS OF CREDITORS OF REORGANIZED LEGAL ENTITIES TO DEMAND EARLY FULFILLMENT OF OBLIGATIONS, OR TERMINATION OF OBLIGATIONS AND COMPENSATION FOR RELATED LOSSES, AS WELL AS ITS ROLE IN ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Ikharov M.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the dependence of the exercise of the rights of creditors of reorganized legal entities to demand early fulfillment of obligations, or termination of obligations and compensation for related losses, on several factors, including the financial and economic situation of the legal entity(s) resulting from such reorganization and its commitment to sustainable development goals. Results. The genesis and key features of ensuring the rights of creditors of reorganized legal entities provided for in paragraph 2 of Article 60 of the Civil Code of the Russian Federation are considered. A subjective assessment of the advantages and disadvantages of certain features of the implementation of this mechanism in the Russian Federation is given, and the dependence of the implementation of this creditors' right on several factors, including the financial and economic situation of the reorganized legal entity, is investigated. Conclusions. The realization of the creditors' right of reorganized legal entities, provided for in paragraph 2 of Article 60 of the Civil Code of the Russian Federation, cannot depend not only on the financial and economic situation of the legal entity, but also on any other limited range of characteristics of the reorganized legal entity, since the basis of the indicated creditors' right is the observance of a wide range of their interests, not limited by the debtor's solvency.

Keywords: reorganization of the debtor, reorganization of the bond issuer, guarantors of creditors' rights, early fulfillment of obligations, termination of obligations, sustainable development.

References

1. Aktual'ny'e problemy` grazhdanskogo prava: monografiya. – Moskva: Rossijskaya akademiya advokatury` i notariata, 2017. – 195 c. – ISBN 978-5-93858-090-9.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) // «Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii», 05.12.1994, № 32, st. 3301.
3. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O bankax i bankovskoj deyatel'nosti» i nekotorye` drugie zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/100324-5> rezhim dostupa: otkry`ty`j. (data obrashheniya: 20.08.2025).
4. Zajcev O.V., Zajcev V.V. (2017). Nekotorye` aspekty` reorganizacii gosudarstvenny`x korporacij. Gosudarstvennaya sluzhba, 19 (6 (110)), 25–28.
5. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v glavu 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otdel'ny`x polozhenij zakonodatel'ny`x aktov Rossijskoj Federacii» // «Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii», 12.05.2014, № 19, st. 2304.
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 06.06.2023 № F05–7820/2023 po delu № А40–247616/2022 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=478409#jxgTEwUQhXQqZ23w1> rezhim dostupa: otkry`ty`j. (data obrashheniya: 20.08.2025).
7. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 07.10.2024 № 305-E`S24–15349 po delu № А40–247616/2022 // <https://base.garant.ru/410510569/> rezhim dostupa: po podpiske. (data obrashheniya: 20.08.2025).
8. Opredelenie Verxovnogo Suda RF ot 29.05.2024 № 305-E`S23–28628 po delu № А40–247242/2022 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=812706#UbiVEwUYhZTE9CE82> rezhim dostupa: otkry`ty`j. (data obrashheniya: 20.08.2025).
9. Opredelenie Sudebnoj kolegii po grazhdanskim delam Vtorogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 8 oktyabrya 2024 g. po delu № 8G-25470/2024 88–24083/2024. // <https://base.garant.ru/343998030/> rezhim dostupa: po podpiske. (data obrashheniya: 20.08.2025).
10. Sajt rejtingovoj gruppy` RAEX, ESG-re`nking kompanij // https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/ESG_rating_companies/2025.1/ rezhim dostupa: otkry`ty`j. (data obrashheniya: 20.08.2025).

Патентоспособность изобретений и полезных моделей в соответствии с законодательством региональных организаций интеллектуальной собственности

Кожихметова Гульдана Каиржановна,

магистрант, ФГБОУВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»; руководитель управления патентной экспертизы, РГП «Национальный институт интеллектуальной собственности» Министерства юстиции Республики Казахстан
E-mail: guldana_kz.82@mail.ru

Статья посвящена результатам изучения и сравнительного анализа Европейской патентной конвенции, Евразийской патентной конвенции, Харарского протокола о патентах, полезных моделях и промышленных образцах Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO) и Бангийского соглашения о создании Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI). Задача исследования заключается в проведении сравнительного анализа условий патентоспособности изобретений и полезных моделей в региональных организациях ИС, выявление общих характеристик, различий и особенностей с целью внесения предложений по совершенствованию патентного законодательства стран Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Региональное патентное законодательство, Европейская патентная конвенция, Евразийская патентная конвенция, Харарский протокол, Бангийское соглашение, патентоспособность изобретения, исключения из патентоспособных объектов, охрана полезных моделей.

Введение

В условиях динамичного развития технологии региональные системы регистрации объектов интеллектуальной собственности играют важнейшую роль в обеспечении эффективной охраны изобретений. Региональные патентные системы, часто создаваемые для удовлетворения потребностей конкретных географических регионов, направлены на упрощение процедуры подачи и выдачи патентов, одновременно стимулируя развитие и распространение инновации.

Правовой основой создания региональных патентных организаций является Парижская конвенция и Договор о патентной кооперации (РСТ). В частности, статья 19 Парижской конвенции предоставляет странам право заключать между собой специальные соглашения об охране промышленной собственности, если эти соглашения не противоречат положениям Парижской конвенции. В соответствии со статьей 45 Договора о патентной кооперации предусматривается возможность подачи международной заявки как заявки на региональные патенты в рамках договора о региональных патентах.

Выбор изобретателями той или иной региональной патентной системы зависит от стратегических задач патентообладателя, включая коммерческие интересы и возможности для реализации изобретения на территории выбранных государств, языковых предпочтений и конкретных потребностей заявителя.

В настоящей статье представлен анализ законодательства четырех региональных организаций, созданных в целях упрощения процесса получения региональных патентов – Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO), Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI), Европейской патентной организации (ЕПО) и Евразийской патентной организации (ЕАПО).

Обзор литературы

Региональные договоры в сфере интеллектуальной собственности и аспекты развития региональных патентных систем стали предметом исследования множества публикаций российских и зарубежных ученых.

Анализ патентного законодательства в рамках Харарского протокола Африканской региональ-

ной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO) и Бангийского соглашения Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI) подробно рассмотрены в публикации В.И. Еременко [1]. Особенности регионального патентования по законодательству Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO) и африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI) посвящены статьи Р.А. Курбанова [2]), Г.П. Ивлиева [3], М.Э. Мпаме [4]. Аспекты международного патентования изобретений подробно представлены в книге О.В. Ревинского [5]. Региональная система охраны изобретений и защиты патентных прав в Европейском союзе описана в монографии И.В. Шугуровой, М.В. Шугурова [6]. Углубленный анализ региональных систем Европейской патентной организации, Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO) и Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI) представлен в работе А.Трана [7]. Сравнительно-правовой анализ европейской и евразийской региональных систем приведен в диссертации Н.Н. Пилькиной [8]. Вопросы, посвященные системе охраны полезных моделей опубликованы в статьях В.А. Мещерякова [9], М. Нхоквара [10], М. Стирле [11], Чжэнь Сун, Лэй Чэн [12].

Кроме того, в отчете НИР ГУ НЦИС РБ [13], опубликованы предложения по вопросу создания евразийской системы правовой охраны полезных моделей. Сравнительный анализ системы охраны полезных моделей в Европе и Китае представлен в работе Д. Прюдомма [14]. Тематическое исследование полезной модели, как инструмента экономического и технологического развития представлено в работе К.С. Кардам [15].

Указанные работы содержат обзор отдельных аспектов регионального законодательства по изобретениям и особенностей регулирования системы охраны полезных моделей в странах. Однако, анализ законодательства всех четырех региональных патентных организаций – Европейской патентной организации, Евразийской патентной организации, Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO) и Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI) в отношении анализа патентоспособности изобретений и полезных моделей с целью внесения предложений по совершенствованию патентного законодательства стран ЕАЭС, не проведен. В этой связи, цель настоящей статьи – восполнить этот пробел.

Методологическая основа исследования: Сравнительно-правовой метод, формально-логический метод, системный анализ.

История создания и развития четырех региональных патентных организаций – Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO), Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI), Европейской патентной организации (ЕПО) и Евразийской патентной организации (ЕАПО), показала,

что региональные патентные организации в первую очередь упрощают процесс получения региональных патентов, в отдельных случаях предоставляют возможность на основании единой подачи заявки и единой процедуры экспертизы получить правовую охрану, действующую на территории нескольких государств. Функционирование региональных патентных организаций также направлено и на гармонизацию патентного законодательства и создание экспертного потенциала, что позволяет создать патентный орган с квалифицированными экспертами, которыми не могут располагать небольшие страны.

Так, например, из двух региональных патентных организаций африканского региона Африканская организация интеллектуальной собственности (OAPI) имеет основную особенность: в государствах-членах OAPI отсутствуют национальные патентные ведомства. В этой связи, OAPI централизованно осуществляет все функции по приему заявок, проведению экспертизы и выдаче охранных документов. Все выданные OAPI охранные документы имеют единый характер и действуют одновременно на территории всех государств-членов.

Африканская организация интеллектуальной собственности (OAPI) была создана 13 сентября 1962 г. в Либревиле (Габон), где 12 глав государств и правительства подписали соглашение о создании Африканского и Малагасийского бюро промышленной собственности (OAMPI) [16]. 2 марта 1977 г. указанное соглашение было пересмотрено и подписано Бангийское соглашение и OAMPI было преобразовано в OAPI. Бангийское соглашение действует в качестве национального законодательства в области интеллектуальной собственности в 17 государствах-членах OAPI.

В преамбуле Бангийского соглашения государства-члены присоединяются к соглашению с желанием содействовать эффективному вкладу интеллектуальной собственности в развитие своих государств путем поощрения технологических инноваций, передачи и распространении технологий, поощрения творчества и взаимной выгоды тех лиц, которые их создают и используют, а также желая обеспечить максимально эффективную и единообразную защиту прав ИС на своей территории, насколько это возможно, и содействовать обучению и распространению знаний об интеллектуальной собственности.

В настоящее время в OAPI входят 17 франкоговорящих государств африканского региона: Бенин, Буркино-Фасо, Камерун, Чад, Конго, Кот-Д'Ивуар, Центрально-африканская Республика, Габон, Гвинея, Гвинея-Бисау, Экваториальная Гвинея, Мали, Мавритания, Нигер, Сенегал, Того, Коморские Острова. Штаб-квартира OAPI расположена в г. Яунде (Камерун).

В 1999 и 2015 гг. Бангийское соглашение было пересмотрено в целях его адаптации к новой правовой среде с учетом влияния международных актов в сфере интеллектуальной собственности,

в частности, Дохинской декларации об ИС и общественном здравоохранении, Договора о патентном праве и т.д.

В соответствии с Бангийским соглашением заявки на получение патентов должны быть поданы в OAPI. Если заявка подана в компетентное министерство государства-члена, на территории которого находится местожительство заявителя, то министерство направляет заявки в течение пяти рабочих дней в OAPI.

В соответствии со статьей 25 Бангийского соглашения, если OAPI считает, что все условия для выдачи патента выполнены, и отчет о поиске согласно статье 23(2) Соглашения подготовлен, OAPI выдает патент. При этом, в любом случае патенты выдаются на риск заявителя и без какой-либо гарантий в отношении патентоспособности изобретения и достоверности, точности описания.

Что касается Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO), то история создания ARIPO берет начало от результатов Регионального семинара по патентам и авторским правам в африканских странах, организованного в Найроби. По рекомендациям участников семинара было предложено создать региональную организацию промышленной собственности, и в 1973 г. Экономическая Комиссия по Африке и Всемирная организация интеллектуальной собственности ВОИС на основании запроса англоязычных стран африканского региона, начала работы по оказанию помощи в объединении их ресурсов в вопросах промышленной собственности для создания региональной организации [17].

В целях объединения ресурсов своих стран-членов в области интеллектуальной собственности, 9 декабря 1976 г. в Лусаке, Замбия, на Дипломатической конференции было принято Лусакское соглашение о создании ARIPO.

В настоящее время членами ARIPO являются 22 государства: Ботсвана, Гамбия, Гана, Кабо-Верде, Кения, Лесото, Либерия, Маврикий, Малави, Мозамбик, Намибия, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Сьерра-Леоне, Сейшельские острова, Сомали, Судан, Танзания, Уганда, Эсватини, Замбия, Зимбабве [18]. Штаб-квартира ARIPO находится в Хараре, Зимбабве.

Правовую базу по патентам на изобретения и полезные модели ARIPO составляют:

- Харарский протокол о патентах, полезных моделях и промышленных образцах в рамках ARIPO, принятый 10.12.1982 г. в Хараре (Зимбабве), с дополнениями и изменениями по решению Административного совета;
- Правила осуществления Харарского протокола о патентах, полезных моделях и промышленных образцах в рамках ARIPO, введенные в действие с 25.04.1984 г., с изменениями согласно решениям Административного совета.

Харарский протокол предусматривает основные положения по условиям патентоспособности изобретений и полезных моделей, процедуры подачи и регистрации патентов. Требования к доку-

ментам заявки, а также сроки и детализация процедуры подачи, экспертизы и регистрации патентов предусмотрены в Правилах осуществления Харарского протокола.

Следует отметить, что Харарский протокол в редакции 1982 г. первоначально предоставлял охрану только изобретениям и промышленным образцам, но позднее в 1999 г. в этот протокол был включен новый объект – полезная модель.

Процедура получения патента в ARIPO предусматривает возможность подачи заявки как в ARIPO, так и в национальное ведомство, которое пересылает заявку в ARIPO, после чего проводится экспертиза, о результатах которой ARIPO уведомляет заявителя и все указанные ведомства.

После получении уведомления, каждое указанное государство может в течение шести месяцев направить в ARIPO письменное сообщение о том, что в случае выдачи патента ARIPO патент:

- (а) имеют силу на его территории; или
- (б) не имеют силы на его территории по следующим причинам:
 - (i) изобретение не подлежит патентованию в соответствии с настоящим Протоколом; или
 - (ii) в силу характера изобретения патент не может быть выдан или не имеет силы в соответствии с национальным законодательством этого государства.

Таким образом, существенным отличием от процедуры экспертизы в OAPI, где решение принимается централизованно ведомством, в ARIPO процедура принятия решения экспертизы децентрализована и зависит от решения договаривающегося государства с учетом его национального законодательства.

Процедура экспертизы в Европейском патентном ведомстве, являющемся органом Европейской патентной организации, осуществляется ведомством самостоятельно, и по результатам экспертизы принимается решение в соответствии с положениями Европейской патентной конвенции, вступившей в силу в 1977 г.

В настоящее время членами Европейской патентной организации являются 39 государств: Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Северная Македония, Сербия, Словакия, Словения, Турция, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония. Кроме того, европейские патенты признаются в одном европейском государстве распространения действия и шести государствах путем валидации. Штаб-квартира ЕПО расположена в Мюнхене, филиал в Гааге и представительства в Берлине, Вене и Брюсселе.

В 2012 г. Европейский Парламент одобрил законодательство о создании единого (унитарного) патента в соответствии с Регламентом ЕС № 1257/2013 о расширенном сотрудничестве в об-

ласти создания единой системы патентной защиты. Решением Специального Комитета Административного совета были утверждены: Соглашение о едином патентном суде от 19.02.2013 г., Правила, касающиеся сборов за единую патентную защиту от 15.12.2015 г., Правила единой патентной защиты от 13.11.2023 г. были утверждены Правила единой патентной защиты [19].

Первое издание Руководящих принципов по унитарному патенту, вступило в силу с 1 апреля 2025 г. Руководство по унитарному патенту содержит рекомендации по практике и процедуре обеспечения унитарной патентной охраны в соответствии с применимыми актами Европейского союза [20].

Что касается Евразийского патентного ведомства, являющегося органом Евразийской патентной организации, то в соответствии с положениями Евразийской патентной конвенции, экспертиза заявки и выдача евразийского патента осуществляется централизованно Евразийским патентным ведомством.

В настоящее время государствами-участниками Евразийской патентной конвенции являются 8 стран: Туркменистан, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Российская Федерация, Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика и Республика Армения.

Евразийская патентная конвенция была подписана 9 сентября 1994 г. в г. Москва и вступила в силу 12 августа 1995 г.

В связи с вступлением в силу Евразийской патентной конвенции сформировано единое патентное пространство на территории государств-участников, которое упрощает процедуру получения регионального патента: подается одна заявка, по которой проводится одна экспертиза, и выдается евразийский патент, действующий на территории всех государств-участников ЕАПК.

Условия патентоспособности изобретений в соответствии с Харарским протоколом (ARIPO), Бангийским соглашением (OAPI), европейской патентной конвенцией и евразийской патентной конвенцией

Определение того, что является изобретением в Харарском протоколе, Бангийском соглашении, Европейской патентной конвенции и Евразийской патентной конвенции, отсутствует. В тексте указанных региональных соглашений и конвенций содержатся лишь указание на условия патентоспособности изобретения «новизна», «изобретательский уровень» и «промышленная применимость», при условии соответствия которым выдается патент. Только Бангийское соглашение прямо указывает виды объектов, которые могут быть отнесены к изобретениям – продукт, процесс или их использование, связанное с ними.

Как известно, в качестве патентуемых объектов согласно пункту 1 статьи 27 Соглашения ТРИПС указаны любые изобретения независимо от того, являются ли они продуктом или способом, во всех областях техники при условии, что они обладают новизной, содержат изобретательский уровень и являются промышленно применимыми.

Если обратить внимание на патентное законодательство стран ЕАЭС, то в отличие от законодательства указанных региональных организаций можно заметить, что оно в качестве изобретения охраняет «техническое решение в любой области...», и несмотря на вступление стран ЕАЭС (за исключением Республики Беларусь) в ВТО, они не внесли изменения в законодательство своих стран согласно редакции пункта 1 статьи 27 Соглашения ТРИПС.

Вопрос того, что означает «техническое решение» и в каких случаях решение является техническим согласно российскому законодательству, подробно рассмотрен О.В. Ревинским [5]. В своей работе О.В. Ревинский отмечал, что Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий для госрегистрации изобретений ФИПС, предусматривают только то, что «Заявленное изобретение, выраженной формулой, признается техническим решением, относящимся к продукту или способу..., если формула на изобретение содержит совокупность существенных признаков, относящихся к продукту или способу...», и не имеет явного определения того, что такое техническое решение. Исходя из определения термина «техника», к техническому решению отнесено «...*решение технической проблемы, возникшей из технического противоречия, и это решение осуществляется техническими средствами и даёт технический результат*».

К сожалению, общедоступная литература по анализу «технического решения» по патентному законодательству других стран ЕАЭС не обнаружена.

Что касается перечня объектов, не признаваемых в качестве изобретений, то в Харарском протоколе, Бангийском соглашении, Европейской патентной конвенции и Евразийской патентной конвенции они в основном совпадают. К ним относятся такие объекты, как открытия, научные теории и математические методы, эстетические творения, схемы, правила и методы выполнения умственных действий, игр или ведения бизнеса, а также программы для компьютеров, представления информации и т.д.

Однако, имеются и отличия, которые являются существенными при применении на практике. Например, в соответствии с Европейской патентной конвенцией и Бангийским соглашением исключены из охраны изобретения, коммерческое использование которых противоречило бы общественному порядку или морали, при этом такое использование не должно рассматриваться как противоречащее только потому, что оно запрещено законом

или нормативными актами в некоторых или во всех Договаривающихся Государствах.

С учетом того, что страны могут иметь различные критерии общественного порядка и морали с учетом культурных, религиозных и исторических традиций, есть понимание, что и законодательство может иметь существенные отличия, что приведет к трудностям при рассмотрении вопросов предоставления охраны в виде европейского патента.

В этой связи, использование в статье 53 (а) ЕПК [21] условия, что *«при этом такое использование не должно рассматриваться как противоречащее только потому, что оно запрещено законом или нормативными актами в некоторых или во всех Договаривающихся Государствах»* выглядит вполне оправданным и основано на положениях пункта 2 статьи 27 Соглашения ТРИПС.

Как отмечает Парфенчик О.С. [22], на указанные положения ЕПК также повлияла Директива Европейского союза 98/44 по правовой охране биотехнологических изобретений, в которой предусмотрен перечень объектов, которые не могут быть зарегистрированы из-за противоречия принципам морали и общественного порядка.

В то время как, согласно положениям Харарского протокола, аналогичное положение представлено, как **«изобретения, коммерческое использование которых противоречит общественному порядку или морали»**, без уточнения, связано ли это с запретом согласно законодательству договаривающихся государств или нет.

В соответствии с Евразийской патентной конвенцией вышеуказанное положение исключения из-под охраны объектов содержит иную формулировку, которая частично предусмотрена в пункте 2 статьи 27 Соглашения ТРИПС: *«изобретения, коммерческое использование которых необходимо предотвратить в целях охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни и здоровья людей и животных или охрану растений, либо во избежание нанесения серьезного ущерба окружающей среде»*. При этом, ЕАПК не содержит указания на соблюдение условия, когда такое исключение не делается только в силу того, что использование запрещено законодательством.

В странах ЕАЭС только в Республике Армения указанное положение патентного законодательства практически полностью совпадает с пунктом 2 статьи 27 Соглашения ТРИПС и запрещает правовую охрану изобретений, коммерческое использование которых на территории Республики Армении необходимо предотвратить в целях сохранения общественного порядка или моральных принципов (включая охрану жизни и здоровья людей, животных или охрану растений) или для избегания нанесения серьезного вреда окружающей среде, если такое исключение не обусловлено только тем обстоятельством, что их использование запрещено законом [23].

В то время как по законодательству Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, если решения противоречат обще-

ственным интересам (*общественный порядок – Казахстан*), принципам гуманности и морали, то такие объекты не могут быть объектами патентных прав и патенты на такие изобретения, не выдаются. Между тем, в законодательстве Кыргызской Республики кроме указанных объектов, указаны и решения, наносящие ущерб окружающей среде.

Как видно из анализа Харарского протокола, Бангийского соглашения, Европейской патентной конвенции, Евразийской патентной конвенции, условия для исключения из охраны изобретений, коммерческое использование которых противоречило бы общественному порядку или морали, отличаются и применяются по-разному. Законодательство стран ЕАЭС по этому вопросу не содержит отдельных подходов, как это предусмотрено в законодательстве рассмотренных региональных организаций, за исключением Республики Армения. Таким образом, законодательство стран ЕАЭС требует дальнейшего совершенствования в части регулирования регистрации биотехнологических изобретений, основываясь, и не ограничиваясь опытом Европейского союза.

Система охраны полезных моделей

Защита небольших инноваций посредством второго уровня системы охраны в форме полезных моделей (краткосрочные патенты, инновационные патенты и т.п.) осуществляется многими странами, включая такие страны, как Германия, Япония, Китай, Дания, Италия, Нидерланды и т.д.

Как известно, система выдачи патента на полезную модель впервые разработана в Германии. В 1877 г. был принят Закон Германии о патентах. В соответствии со строгими требованиями патентоспособности к изобретениям, решения, имеющие более низкий изобретательский уровень, не подлежали регистрации.

С учетом необходимости охраны малых технических решений, но имеющих ценность для промышленности, Ассоциация немецких инженеров потребовала принятия закона для таких изобретений. И в 1891 г. Закон о полезных моделях был принят [15], и с тех пор аналогичные законы были введены в законодательство многих стран.

Требования к регистрации полезных моделей менее строгие, чем на изобретения, и во многих странах патенты на полезные модели выдаются без проверки патентоспособности (Германия, Япония, Китай и т.д.) [24], [25], [26].

В качестве полезных моделей могут быть защищены не только устройства, как это предусмотрено в Японии [27] и Китае [28], но другие объекты, например, в Германии [24], кроме устройства могут быть защищены и химические вещества, продукты питания и лекарственные препараты, исключением являются способы.

В настоящее время Европейское патентное ведомство и Евразийское патентное ведомство не предоставляют охрану полезным моделям.

Между тем, в 1995 г. Европейская комиссия проводила масштабные консультации о возможности введения системы предоставления охраны полезным моделям посредством Зеленой книги по охране полезных моделей. Еврокомиссия исходила из позиции того, что полезная модель является хорошим инструментом для повышения конкурентоспособности малого и среднего предпринимательства, и улучшит положение на рынке по коммерческому использованию технических изобретений. При этом, по проекту предполагалось введение списка исключений из охраны полезных моделей: биологические материалы, химические и фармацевтические субстанции, способы и компьютерные программы. Однако, по результатам обсуждений, предложение о введении европейской региональной системы полезных моделей было отозвано [15].

Кроме того, последние годы на повестке Евразийского патентного ведомства также обсуждается вопрос создания регионального евразийского патента на полезную модель [13].

Среди региональных патентных организаций охрана полезных моделей предоставляется Африканской региональной организацией по интеллектуальной собственности (ARIPO) и Африканской организацией интеллектуальной собственности (OAPI).

Регистрация полезных моделей в африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (ARIPO)

В соответствии с положениями Харарского протокола полезные модели ARIPO подлежат регистрации для любых изобретений во всех областях техники, при условии, что они являются новыми и пригодными для промышленного применения. При этом, перечень объектов, не признаваемых в качестве изобретения, также применяется и к полезным моделям [29].

В соответствии со статьей 59 Харарского протокола полезная модель ARIPO в каждом из Договаривающихся государств, в которых она зарегистрирована, имеет ту же силу и подчиняется тем же условиям, что и национальная полезная модель, зарегистрированная в этом государстве.

В соответствии со статьей 63 Харарского протокола ARIPO проводит или организует поиск и экспертизу по существу заявки на полезную модель в соответствии с Правилами.

Так же, как и в случае экспертизы по патентам на изобретение, если ARIPO считает, что заявка на полезную модель ARIPO соответствует требованиям Протокола, принимает решение о выдаче патента, оно уведомляет об этом заявителя и каждое указанное государство.

По получении уведомления, каждое указанное государство может в течение шести месяцев направить в ARIPO письменное сообщение о том, что в случае выдачи патента ARIPO патент:

(а) имеют силу на его территории; или

(б) не имеют силы на его территории по следующим причинам:

(i) изобретение не подлежит патентованию в соответствии с настоящим Протоколом; или

(ii) в силу характера изобретения патент не может быть выдан или не имеет силы в соответствии с национальным законодательством этого государства.

Следует отметить, что в африканских странах, где предусмотрено национальное законодательство по полезным моделям, законодательство имеет свои отличия [30].

Например, в соответствии с Законом Мозамбика (член ARIPO) № 47 от 2015 г. полезная модель определена как изобретение, которое придает объекту или его части конфигурацию, структуру, механизм или компоновку, что приводит к функциональному улучшению его полезности или производства. При этом, Закон Мозамбика исключает из охраны полезных моделей фармацевтические и агрофармацевтические продукты. Такое же исключение имеется и в законодательстве Руанды.

Еще одно государство-член ARIPO Уганда в соответствии с национальным законодательством исключает из сферы охраны полезной модели решения, связанные с биологическим материалом, и решения, связанные с химическими или фармацевтическими веществами, или процессами.

Срок охраны полезной модели ARIPO составляет 10 лет с даты подачи заявки при условии уплаты пошлины за поддержание в силе.

Для указанных государств с более коротким или более длительным сроком охраны срок действия регистрации истекает в конце года, в котором истекает срок охраны в этом государстве. Для государств, в которых срок охраны более короткий или более длинный, регистрация истекает в конце срока охраны, предусмотренного их соответствующим национальным законодательством о полезных моделях.

Например, законодательство Мозамбика предусматривает один из самых длительных сроков охраны полезных моделей – 15 лет, в то время как в Уганде этот срок составляет 5 лет с даты подачи заявки.

Регистрация полезных моделей в Африканской организации интеллектуальной собственности (OAPI)

В соответствии со статьей 1 Раздела «Полезные модели» Бангийского соглашения в качестве полезных моделей охраняются орудия труда или предметы, предназначенные для использования, или части таких инструментов или предметов, при условии, что они полезны для работы или применения, для которых они предназначены, благодаря новой конфигурации, новому расположению или новому составному устройству, и имеют промышленное применение [31].

К условиям патентоспособности полезной модели отнесены «новизна» и «промышленная применимость».

Заявка на регистрацию полезной модели ОАПИ публикуется в течение 18 месяцев со дня подачи заявки или даты приоритета, за исключением международных заявок.

В соответствии со статьей 18 Бангийского соглашения любая заинтересованная сторона может возразить против выдачи свидетельства о регистрации полезной модели, направив в ОАПИ в течение трех месяцев с момента публикации заявки, упомянутой в статье 17 выше, письменное заявление с изложением причин своего возражения.

В соответствии со статьей 21 Бангийского соглашения все заявки на регистрацию полезных моделей подлежат рассмотрению с целью установления следующего:

(а) решение, являющееся предметом заявки на получение свидетельства о регистрации, не исключено из охраны, предоставляемой полезной моделью в соответствии с положениями статьи 4 Приложения;

(b) любые заявленные требования соответствуют положениям статьи 11(2)(d)(iv) Приложения; и

(с) соблюдены положения статьи 12 Приложения.

Также подготавливается отчет о поиске для установления следующего:

(а) на момент подачи заявки на получение свидетельства о регистрации заявка на получение свидетельства о регистрации, поданная ранее или пользующаяся более ранним приоритетом, который действительно заявлен, в отношении того же изобретения не находилась в процессе выдачи;

(b) решение:

(i) является новым; и

(ii) имеет промышленную применимость.

Если ОАПИ установит, что все условия для выдачи свидетельства о регистрации выполнены и что отчет подготовлен, она должна выдать свидетельство о регистрации полезной модели. Тем не менее, выдача свидетельства о регистрации полезной модели осуществляется исключительно на риск заявителей и без каких-либо гарантий относительно существования, новизны или достоинств решения, а также точности описания.

Таким образом, две региональные африканские организации предусматривают возможность регистрации полезных моделей, при этом имея свои существенные отличия: в АРИПО решение о выдаче и действие патента на полезную модель зависит от национального законодательства договаривающегося государства, кроме того, объекты, регистрируемые в качестве полезных моделей, и срок действия патента отличается по странам, а в случае ОАПИ – в качестве полезной модели охраняются устройства, и полезная модель регистрируется ОАПИ централизованно на основании Бангийского соглашения, которое действует в качестве национального законодательства в 17 государствах-членах ОАПИ.

Если обратиться к законодательству стран ЕАЭС, то в Российской Федерации, Республике Беларусь и Кыргызской Республике в качестве полезной модели охраняется только устройство. В Республике Казахстан к полезной модели отнесены такие же объекты, как и на изобретения (продукт, способ, применение), за исключением способов лечения людей или животных. В Республике Армения в качестве полезной модели охраняется продукт (в частности, принадлежности, устройства, инструменты или их части, вещества) или способ. При этом, так же, как и в некоторых договаривающихся-государствах АРИПО, например, как Уганда, Мозамбик, Руанда, согласно законодательству Республики Армения, решения, относящиеся к биологическому материалу, химические и фармакологические вещества и способы, а также способы лечения людей или животных не признаются патентоспособными в качестве полезной модели. Проверка патентоспособности полезных моделей на стадии экспертизы не проводится в Республике Беларусь и Республике Казахстан, а в остальных странах ЕАЭС такая проверка предусмотрена со своими особенностями.

Таким образом, законодательство стран ЕАЭС в том виде, как в настоящее время существует, не имеет общего знаменателя для введения региональной – евразийской полезной модели, требуется существенный пересмотр патентного законодательства этих стран, как в части патентуемых объектов, так и в части содержания экспертизы. Одним из вариантов может быть рассмотрение опыта АРИПО, когда государство может в течение определенного срока направить в ЕАПВ письменное сообщение о том, что в случае выдачи регионального патента на полезную модель ЕАПВ такой патент при соблюдении условий национального законодательства будет иметь силу на его территории или нет.

Заключение

Проведен анализ законодательства всех четырех региональных патентных организаций – Европейской патентной организации, Евразийской патентной организации, Африканской региональной организации по интеллектуальной собственности (АРИПО) и Африканской организации интеллектуальной собственности (ОАПИ) в отношении патентоспособности изобретений и полезных моделей, а также проведено сравнение с патентным законодательством стран ЕАЭС.

В отличие от законодательства указанных региональных организаций, по законодательству стран ЕАЭС в качестве изобретения охраняется «*техническое решение в любой области...*», и несмотря на вступление стран ЕАЭС (за исключением Республики Беларусь) в ВТО, они не внесли изменения в законодательство своих стран согласно редакции пункта 1 статьи 27 Соглашения ТРИПС.

Что касается перечня объектов, не признаваемых в качестве изобретений, то в Харарском про-

токоле, Бангийском соглашении, Европейской патентной конвенции и Евразийской патентной конвенции они в основном совпадают. При этом, условия для исключения из охраны изобретений, коммерческое использование которых противоречило бы общественному порядку или морали, отличаются и применяются по-разному. Законодательство стран ЕАЭС по этому вопросу не содержит отдельных подходов, как это предусмотрено в законодательстве рассмотренных региональных организаций, за исключением Республики Армения. Таким образом, законодательство стран ЕАЭС требует дальнейшего совершенствования в части регулирования регистрации биотехнологических изобретений, основываясь, и не ограничиваясь опытом Европейского союза.

Две региональные африканские организации ARIPO и OAPI предусматривают возможность регистрации полезных моделей, при этом имея свои существенные отличия. Законодательство стран ЕАЭС по охране полезных моделей имеет свои отличия как по патентуемым объектам, так и по содержанию экспертизы. Опыт ARIPO может быть полезен при рассмотрении вопроса введения региональной евразийской полезной модели, когда договаривающееся государство может в течение определенного срока направить в ЕАПВ письменное сообщение о том, что в случае выдачи регионального патента на полезную модель ЕАПВ такой патент при соблюдении условий национального законодательства будет иметь силу на его территории или нет.

Литература

- Ерёменко В.И. Региональные и универсальные международные договоры в сфере интеллектуальной собственности. – М.: «Юрсервитум», 2020. – 860 с.
- Курбанов Р.А. Африканская региональная организация по интеллектуальной собственности и интеграционные процессы в Африке // Международное право. 2015. № 2, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14676, Дата обращения: 07.09.2025 г.
- Африканские региональные организации в сфере интеллектуальной собственности, Г. Ивлиев, 2023 г., [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2782>, Дата обращения: 07.09.2025 г.
- Regional Intellectual Property Integration in Developed and Developing Countries: The Cases of the European Patent Office (EPO) and the African Intellectual Property Organization (OAPI) Patent Systems, Mario Egbe Mpame, Ministry of External Relations of the Republic of Cameroon, September 12, 2018, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3436851, Дата обращения: 08.09.2025 г.
- Ревинский О.В. Право промышленной собственности. Курс лекций. (3-е изд., переработанное и дополненное) – М.: Юрсервитум, 2020. – 446 с.
- Шугурова И.В., Шугуров М.В. Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики. – Саратов: ИЦ «Наука», 2022. – 803 с.
- Regional Patent Systems: An In-depth Analysis of EPO, ARIPO, OAPI, and Beyond, By Alex Tran, on December 4, 2023, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://powerpatent.com/blog/regional-patent-systems-an-in-depth-analysis-of-eipo-aripo-oapi-and-beyond>, Дата обращения: 10.09.2025 г.
- Европейская и евразийская региональные патентные системы: сравнительно-правовой анализ, 2007 г., Пилькина, Н.Н., [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/evropeiskaya-i-evraziiskaya-regionalnye-patentnye-sistemy-sravnitelno-pravovoi-analiz>, Дата обращения: 10.09.2025 г.
- Евразийская полезная модель: за и против, В.А. Мещеряков, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gorodissky.ru/upload/iblock/8ea/ev1as2lflklvdf59pb7ibjhd01z70ujzw/PL_2024_9_Mescheryakov.pdf, Дата обращения: 11.09.2025 г.
- Использование защиты полезных моделей как способ раскрытия творческого потенциала среди производственных малых и средних предприятий в регионе ARIPO, М.Нхоквара, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aripo.org/success-stories/use-of-utility-model-protection-as-a-way-of-unlocking-creativity-amongst-manufacturing-smes-in-the-aripo-region-8537>, Дата обращения: 12.09.2025 г.
- Sub-patent Innovation Rights, Utility Models, Petty Patents and Innovation Patents Around the World, By Martin Stierle, Edited by Jorge L. Contreras, Cambridge University Press, 2025, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/books/subpatent-innovation-rights/future-of-subpatent-innovation-rights/1AA607B823627644B5EAB94AA23A5266>, Дата обращения: 11.09.2025 г.
- Strategic use of the second-tier patent system for short life-cycle technologies – Evidence from parallel filings in China, Zhen Sun, Lei Cheng, Journal of Economic Behavior & Organization, Volume 229, January 2025, URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106838>, Дата обращения: 12.09.2025 г.
- «Научно-обоснованные предложения по вопросу создания евразийской системы правовой охраны полезных моделей», отчет НИР ГУ НЦИС, 2023, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-nauchno-obosnovannyye-predlozheniya-po-voprosu-sozdaniya-evrazijskoj>

- sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej.pdf, Дата обращения: 15.09.2025 г.
14. Creating a “model” utility model patent system A comparative analysis of the utility model patent systems in Europe and China, Dan Prud’homme, 2014, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/ip-key_comparative_analysis_ums_europe_china_en_cl.pdf, Дата обращения: 15.09.2025 г.
 15. Utility model – a tool for economic and technological development: A case study of JAPAN, 2007, Dr.K.S.Kardam, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/export/sites/www/about-wipo/en/offices/japan/docs/research/india_2007.pdf, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 16. История создания ОАПИ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oapi.int/en/presentation/historical/>, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 17. История создания АРИПО, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aripo.org/browse/about-us/our-history>, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 18. Список договаривающихся государств АРИПО, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aripo.org/member-states>, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 19. Правила единой патентной защиты Европейского патентного ведомства, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epo.org/en/legal/up-урс>, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 20. Руководящие принципы по унитарному патенту Европейского патентного ведомства, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.epo.org/en/legal/guidelines-up/2025/index.html>, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 21. Европейская патентная конвенция, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf, Дата обращения: 18.09.2025 г.
 22. Директива о правовой охране биотехнологических изобретений: анализ основных противоречий, О. Парфенчик, Журнал международного права и международных отношений 2011, № 4, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2011–4/2011–4-parfenchik>, Дата обращения: 20.09.2025 г.
 23. Закон Республики Армения «О патентах, полезных моделях и промышленных образцах», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.aipa.am/ru/PatentLaw/>, Дата обращения: 22.09.2025 г.
 24. Защита полезных моделей в Германии, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dpma.de/english/utility_models/utility_model_protection/index.html, Дата обращения: 22.09.2025 г.
 25. Процедура получения патента на полезную модель в Японии, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jpo.go.jp/e/system/utility/gayo-utility.html>, Дата обращения: 24.09.2025 г.
 26. Патенты на полезную модель, Китайская патентная система, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.afdip.com/insights/Articles/Patent/2025/0605/2084.html>, Дата обращения: 24.09.2025 г.
 27. Закон о полезных моделях Японии № 123 от 1959 г., [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4005>, Дата обращения: 24.09.2025 г.
 28. Патентный закон КНР, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.cnipa.gov.cn/transfer/lawpolicy/patentlawsregulations/915574.html>, Дата обращения: 24.09.2025 г.
 29. Харарский протокол по патентам, полезным моделям и промышленным образцам, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.aripo.org/storage/resources-protocols/1740752895_Harare%20Protocol%20on%20Patents,%20Utility%20Models%20and%20Industrial%20Designs%20\(2025\).pdf](https://www.aripo.org/storage/resources-protocols/1740752895_Harare%20Protocol%20on%20Patents,%20Utility%20Models%20and%20Industrial%20Designs%20(2025).pdf), Дата обращения: 24.09.2025 г.
 30. Utility Models and Innovation in Developing Countries, Uma Suthersanen, 2006, UNCTAD-ICTSD Project on IPRs and Sustainable Development, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/iteipc20066_en.pdf, Дата обращения: 24.09.2025 г.
 31. Бангийское соглашение ОАПИ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oapi.int/wp-content/uploads/2023/11/anglais.pdf?_gl=1*1jm1irf*_ga*MTU4NzU3MzU2OS4xNzU2MzYyOTc1*_ga_QFZP7F0VVF*czE3NTYzNjI5NzUkbzEkZzEkdDE3NTYzNjMwNjMkajM3JG-wwJGgw, Дата обращения: 24.09.2025 г.

PATENTABILITY OF INVENTIONS AND UTILITY MODELS IN ACCORDANCE WITH THE LEGISLATION OF REGIONAL INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATIONS

Kozakhmetova G.K.

Russian State Academy of Intellectual Property, National Institute of Intellectual Property

The article is devoted to the results of the study and comparative analysis of the European Patent Convention, the Eurasian Patent Convention, the Harare Protocol on patents, utility models and industrial designs of the African Regional Intellectual Property Organization and Bangui agreement instituting an African intellectual property organization. The purpose of the research is to conduct a comparative analysis of the conditions of patentability of the inventions and utility models in regional IP organizations, identifying common characteristics, differences and features in order to make proposals for improving the patent legislation of the countries of the Eurasian Economic Union.

Keywords: Regional patent legislation, European Patent Convention, Eurasian Patent Convention, Harare Protocol, Bangui Agreement, patentability of the invention, exclusions from patentable subject matter, protection of utility models.

References

1. Eremenko V.I. Regional and Universal International Treaties in the Sphere of Intellectual Property. – Moscow: “Yurservitum”, 2020, – 860 p.

2. Kurbanov R.A. African Regional Organization on Intellectual Property and Integration Processes in Africa // International Law. 2015. No. 2, [Electronic resource]. – Access mode: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14676, Date of access: 09/07/2025
3. African Regional Organizations in the Sphere of Intellectual Property, G. Ivliev, 2023, [Electronic resource]. – Access mode: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2782>, Date of access: 09/07/2025
4. Regional Intellectual Property Integration in Developed and Developing Countries: The Cases of the European Patent Office (EPO) and the African Intellectual Property Organization (OAPI) Patent Systems, Mario Egbe Mpame, Ministry of External Relations of the Republic of Cameroon, September 12, 2018, [Electronic resource]. – Access mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3436851, Date of access: 09/08/2025
5. Revinsky, O.V. Industrial Property Law. Lecture Course. (3rd ed., revised and supplemented) – Moscow: Yurservitum, 2020. – 446 p.
6. Shugurova I.V., Shugurov M.V. Development of Intellectual Property Law of the EAEU and the EU within the Framework of Regional Models of Digital Transformation of the Economy. – Saratov: IC "Science", 2022. – 803 p.
7. Regional Patent Systems: An In-depth Analysis of EPO, ARIPO, OAPI, and Beyond, By Alex Tran, on December 4, 2023, [Electronic resource]. – Access mode: <https://powerpatent.com/blog/regional-patent-systems-an-in-depth-analysis-of-epo-aripo-oapi-and-beyond>, Date of access: 10.09.2025
8. European and Eurasian Regional Patent Systems: Comparative Legal Analysis, 2007, Pilkina, N.N., [Electronic resource]. – Available at: <https://www.dissercat.com/content/evropeiskaya-i-evraziiskaya-regionalnye-patentnye-sistemy-sravnitelno-pravovoi-analiz>, Accessed on: 10.09.2025
9. The Eurasian Utility Model: Pros and Cons, V.A. Meshcheryakov, [Electronic resource]. – Available at: https://www.gorodisky.ru/upload/iblock/8ea/ev1as2lflklvdf59pb7ibjhd0z70ujzw/PL_2024_9_Mescheryakov.pdf, Accessed on: 11.09.2025
10. Using Utility Model Protection as a Way to Unlock Creative Potential among Small and Medium-Sized Manufacturing Enterprises in the ARIPO Region, M. Nhokwara, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.aripo.org/success-stories/use-of-utility-model-protection-as-a-way-of-unlocking-creativity-amongst-manufacturing-smes-in-the-aripo-region-8537>, Accessed: 12.09.2025
11. Sub-patent Innovation Rights, Utility Models, Petty Patents and Innovation Patents Around the World, By Martin Stierle, Edited by Jorge L. Contreras, Cambridge University Press, 2025, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cambridge.org/core/books/subpatent-innovation-rights/future-of-subpatent-innovation-rights/1AA607B823627644B5EAB94AA23A5266>, Date of access: 11.09.2025
12. Strategic use of the second-tier patent system for short life-cycle technologies – Evidence from parallel filings in China, Zhen Sun, Lei Cheng, Journal of Economic Behavior & Organization, Volume 229, January 2025, URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.106838>, Date of access: 12.09.2025
13. "Scientifically based proposals for the creation of a Eurasian system of legal protection of utility models," research report of the State Institution NCIS, 2023, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/12/nir-nauchno-obosnovannyye-predlozheniya-po-voprosu-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelej.pdf>, Access date: 15.09.2025
14. Creating a "model" utility model patent system A comparative analysis of the utility model patent systems in Europe and China, Dan Prud'homme, 2014, [Electronic resource]. – Access mode: https://ipkey.eu/sites/default/files/legacy-ipkey-docs/ip-key_comparative_analysis_ums_europe_china_en_cl.pdf, Accessed: 15.09.2025
15. Utility model – a tool for economic and technological development: A case study of JAPAN, 2007, Dr. K.S. Kardam, [Electronic resource]. – Access mode: https://www.wipo.int/export/sites/www/about-wipo/en/offices/japan/docs/research/india_2007.pdf, Accessed: 18.09.2025
16. History of the creation of OAPI, [Electronic resource]. – Available at: <https://oapi.int/en/presentation/historical/>, Accessed on: 18.09.2025
17. History of the creation of ARIPO, [Electronic resource]. – Available at: <https://www.aripo.org/browse/about-us/our-history>, Accessed on: 18.09.2025
18. List of ARIPO contracting states, [Electronic resource]. – Available at: <https://www.aripo.org/member-states>, Accessed on: 18.09.2025
19. Rules for unitary patent protection of the European Patent Office, [Electronic resource]. – Available at: <https://www.epo.org/en/legal/up-upc>, Accessed on: 18.09.2025
20. Guidelines on Unitary Patent of the European Patent Office, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.epo.org/en/legal/guidelines-up/2025/index.html>, Date of access: 18.09.2025.
21. European Patent Convention, [Electronic resource]. – Access mode: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf, Date of access: 18.09.2025.
22. Directive on the legal protection of biotechnological inventions: an analysis of the main contradictions, O. Parfenchik, Journal of International Law and International Relations 2011, No. 4, [Electronic resource]. – Available at: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2011-4/2011-4-parfenchik>, Accessed on: 20.09.2025.
23. Law of the Republic of Armenia "On Patents, Utility Models, and Industrial Designs", [Electronic resource]. – Available at: <https://old.aipa.am/ru/PatentLaw/>, Accessed on: 22.09.2025.
24. Utility Model Protection in Germany, [Electronic resource]. – Available at: https://www.dpma.de/english/utility_models/utility_model_protection/index.html, Accessed on: 22.09.2025.
25. Procedure for Obtaining a Patent for a Utility Model in Japan, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.jpo.go.jp/e/system/utility/gayo-utility.html>, Access date: September 24, 2025.
26. Utility Model Patents, Chinese Patent System, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.afdip.com/insights/Articles/Patent/2025/0605/2084.html>, Access date: September 24, 2025.
27. Utility Model Act of Japan No. 123 of 1959, [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4005>, Access date: September 24, 2025.
28. Patent Law of the PRC, [Electronic resource]. – Access mode: <https://english.cnipa.gov.cn/transfer/lawpolicy/patentlawsregulations/915574.html>, Accessed: 24.09.2025
29. Harare Protocol on Patents, Utility Models and Industrial Designs, [Electronic resource]. – Available at: [https://www.aripo.org/storage/resources-protocols/1740752895_Harare%20Protocol%20on%20Patents,%20Utility%20Models%20and%20Industrial%20Designs%20\(2025\).pdf](https://www.aripo.org/storage/resources-protocols/1740752895_Harare%20Protocol%20on%20Patents,%20Utility%20Models%20and%20Industrial%20Designs%20(2025).pdf), Accessed: 24.09.2025.
30. Utility Models and Innovation in Developing Countries, Uma Suthersanen, 2006, UNCTAD-ICTSD Project on IPRs and Sustainable Development, [Electronic resource]. – Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/iteipc20066_en.pdf, Accessed: 24.09.2025.
31. OAPI Bangui Agreement, [Electronic resource]. – Access mode: https://www.oapi.int/wp-content/uploads/2023/11/anglais.pdf?_gl=1*1jm1irf*_ga*MTU4NzU3MzU2OS4xNzU2MzYyOTc1*_ga_QFZP7F0VVF*czE3NTYzNjI5NzUkbzEkZzEkdDE3NTYzNjMwNjMkajM3JGwwJGgw, Access date: 24.09.2025.

Кустарёв Роман Алексеевич,

адъюнкт 3 Академии управления МВД России

E-mail: kustarev01@gmail.com

Текст раскрывает концепцию интерпретационных правоотношений как нового самостоятельного класса правоотношений, возникшего в рамках современного правопонимания, подчеркивая важность интерпретации правовых норм для правового регулирования. Основная мысль статьи заключается в том, что в условиях динамично меняющегося общества традиционные подходы к правопониманию теряют свою значимость, и происходит необходимость в переосмыслении роли интерпретации не только как процесса, но и как отдельного вида правоотношений.

Одним из ключевых аспектов, рассматриваемых в тексте, является институциональная природа интерпретации. Автор аргументирует, что интерпретация стала необходимым компонентом правового регулирования, который позволяет устранять правовую неопределенность и создает предсказуемость в правоприменении. Устанавливаются четкие стадии и компоненты процесса разъяснения нормы, подчеркивающие необходимость действий со стороны уполномоченных органов. В заключении подчеркивается, что интерпретационные правоотношения возникают из потребности преодолеть правовую неопределенность и играют важную роль в формировании правосознания и правовой стабильности, действуя как механизм, обеспечивающий легитимность и согласование воли государства с действительностью.

Ключевые слова: интерпретационные правоотношения, правопонимание, правоприменение, правовые нормы.

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis (лат. «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»). Это суждение стремится отразить истину о динамичности развития общества: то, что несколько десятилетий назад, казалось, объясняло всё, сегодня уже не вписывается в жизнь человека. Подтверждением тому является постпозитивистская философская мысль, согласно которой знание динамично: оно не столько отражает реально существующую действительность, сколько служит инструментом для её осознания в конкретный период истории человечества [1, С. 23–24]. Знание о праве не стало исключением, в связи с чем общество решило переосмыслить не только значимые правовые явления, но и саму сущность права. Классические школы правопонимания (естественно-правовая, нормативистская, историческая и др.) становятся всё более и более не способными представлять интересы права обществу, потому возникают новые школы: герменевтическое правопонимание, правовой реализм, интегративное правопонимание и др. [2, С. 5–6]. Отличительной чертой последних является их ориентированность на усиление роли личности и учёт субъективного компонента.

Связующим звеном между правом и отдельным человеком становится интерпретация, заключающаяся в осознании смысла правовой нормы [3, С. 73–74]. Человек всегда будет действовать правомерно в определенной ситуации, если для себя уяснит, что правовое поведение в данном случае повлечёт более положительные последствия, чем неправомерное – так происходит претворение в жизнь нормы права, её актуализация.

Однако ввиду того, что данный процесс тяжело контролируем со стороны государства, а также слишком вариативен из-за многообразия человеческого мышления, предпочтение всё же отдаётся иной форме отражения связи права и реальности. Таковой выступают процессы разъяснения смысла правовой нормы непосредственно государством, которое, словно от лица каждого члена общества, декларирует, как именно нужно понимать определенную норму права на данный момент.

Необходимость рассмотрения процессов интерпретации в качестве отдельного вида правоотношений обусловлена следующими причинами:

Во-первых, интерпретация приобретает всё более институционализированный вид, поскольку:

1) разъяснение смысла правовой нормы фигурирует в отдельных нормативных правовых актах как самостоятельный юридический процесс, осуществляемый в соответствии с определенными правовыми предписаниями (нормативный компонент);

2) государственные органы, осуществляющие интерпретацию правовых норм, действуют постоянно, а разъяснение смысла соответствующих норм права является их обязанностью в соответствии с законодательством (институциональный компонент);

3) устраняет правовую неопределённость, позволяет однозначно понимать норму права, вносит предсказуемость в механизм правового регулирования, а также обеспечивает стройность правовой конструкции, тем самым стабилизируя право как социальный регулятор (функциональный компонент);

4) осуществляется в определенной последовательности согласованных между собой стадий – инициирование процедуры разъяснения, непосредственное разъяснение, включение результатов разъяснения в правовую систему (процессуальный компонент).

Совокупность приведённых компонентов позволяет рассматривать интерпретацию не столько как одномоментный когнитивный акт, сколько как автономное правовое явление, обладающее собственной юридической природой.

Во-вторых, интерпретация играет ключевую роль в современных концепциях правопонимания [4, С. 240–242]. В правовом реализме интерпретация – предшествующая правоприменению интеллектуальная деятельность, обеспечивающая уяснение смысла нормы права правоприменителем, которая отражает правовую действительность в конкретных правоприменительных актах. В коммуникативном (дискурсивном) правопонимании интерпретация – средство достижения правовой определенности, которая достигается путём конфронтации различных субъективных размышлений о смысле правовой нормы. В интегративном правопонимании интерпретация – связующий элемент между различными аспектами права (нормативным, поведенческим, ценностным и др.). Таким образом, интерпретация приобретает особое юридическое значение в свете современного правопонимания.

На основании приведенного, а также в целях формирования ясного представления о функционировании механизма правового регулирования предлагается выделить в качестве самостоятельного вида интерпретационных правоотношений.

В целях формирования понятия интерпретационных правоотношений предлагается проанализировать интерпретацию через призму состава правоотношений.

Понимание объекта правоотношения определяет характер правоотношений и его структуру [5, С. 202–217]. Так, в юридической науке в наиболее обобщенном виде объектом правоотношений принято считать то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности взаимодействующих субъектов права.

Применительно к интерпретационным правоотношениям под объектом предлагается понимать смысл правовой нормы. Поскольку необходимость

обособления интерпретационных правоотношений изначально возникает ввиду негативного влияния правовой неопределенности на право, то и элементы состава интерпретационных правоотношений должны отражать те характеристики, благодаря которым интерпретационные правоотношения полноценно выступают средством удовлетворения общественной потребности в нормальном функционировании социального регулятора – права.

Смысл правовой нормы как общественное благо характеризуют по-разному. Какими свойствами он должен обладать по результатам функционирования интерпретационных правоотношений?

Единый смысл правовой нормы – свойство, которое устраняет многозначность его понимания. Право должно быть предсказуемым и стабильным с точки зрения различных правоприменительных ситуаций. Однако важно иметь в виду, что акцент на данном свойстве значительно повышает риски инерционности правовой системы: если правовые элементы будут всё менее подвержены изменениям в обществе, значит закрепившийся правовой порядок будет всё менее соответствовать социальной действительности на этапах её преобразования.

Обязательность смысла правовой нормы – интерпретация является не вариантом понимания, а обязательным ориентиром для правоприменителя. Это свойство необходимо для упорядочивания элементов правовой системы.

Правильность смысла правовой нормы означает, что интерпретация определяет волю законодателя в интерпретируемой норме права, то есть такой смысл правовой нормы, который законодатель хотел бы видеть непосредственно в конкретных правовых ситуациях [6, С. 111]. Это важно, поскольку с этой точки зрения обеспечивается легитимность самих процессов интерпретации, поэтому наряду с определением воли законодателя интерпретация решает вопросы соответствия искомого смысла с правовыми принципами и общей логикой функционирования правовой системы.

Свойство «правильности» субъективно ввиду множественности правоприменителя, поэтому существуют риски споров о том, какой смысл правовой нормы действительно правильный. Институциональное закрепление интерпретации на уровне интерпретационных правоотношений позволило бы минимизировать эти риски.

Функциональность смысла правовой нормы – смысл должен существовать не ради знания о нём, а для возможности реального правоприменения. В противном случае норма остаётся формально действующей, но в то же время «мёртвой» в практическом применении.

Таким образом, смысл правовой нормы как объект интерпретационных отношений, то есть результат, по итогу которых он должен быть получен, должен быть одновременно единым, обязательным, правильным и функциональным.

Под субъектами интерпретационных правоотношений предлагается понимать интерпретатора и адресатов интерпретации.

Под интерпретатором предлагается понимать орган или должностное лицо, исполняющее свои полномочия по выявлению, разъяснению и закреплению смысла правовой нормы от имени государства. В этом случае действия по разъяснению такого интерпретатора обладают юридической значимостью, позволяющей воспринимать разъясняемый смысл правовой нормы как легальный результат интерпретации.

Официальное разъяснение права через призму интерпретационных правоотношений отличается от научной, доктринальной и обыденной интерпретации. Несомненно, последние могут способствовать пониманию права, формируя правосознание, однако лишь государство уполномочено формировать общеобязательный смысл правовой нормы. Поэтому исключительно органы и должностные лица, действующие от имени государства, должны рассматриваться в качестве субъектов интерпретационных правоотношений – интерпретаторов [7, С. 70–72]. Только в этом случае интерпретация становится институционализированной и выступает как элемент механизма правового регулирования, как самостоятельный вид правоотношений.

Регулярность исполнения полномочий интерпретатором и постоянство его функционирования – ключевые признаки институционализации интерпретационных правоотношений, обеспечивающие единообразность, устойчивость, юридическую значимость и стабильность процессов разъяснения смысла правовой нормы.

Адресаты интерпретации – это субъекты, которые обязаны учитывать в своей деятельности смысл правовой нормы, разъяснённый интерпретатором. Это могут быть как отдельные государственные органы (суды, органы исполнительной власти, правоохранительные органы и т.п.), должностные лица, так и юридические и физические лица, которые уясняют смысл нормы права и реализуют его в конкретных правовых ситуациях в том виде, в котором он был разъяснён.

Связь «интерпретатор – адресат интерпретации» можно охарактеризовать как связь «разъяснение – уяснение», что свидетельствует о социально-правовой природе интерпретационных правоотношений, поскольку посредством их происходит официальное институциональное закрепление обязательного смысла правовой нормы и его восприятие правоприменителем. Таким образом, интерпретация предстаёт не только в виде формальной юридической процедуры, но и средством достижения социальной значимости права, выраженном в согласовании воли государства с поведением участников общественных отношений.

Основанием, порождающим интерпретационные правоотношения, выступает правовая неопределённость, вернее необходимость её преодоления. Так, обнаружение факта наличия правового пробела, коллизии права, иными словами, форм правовой неопределённости, выступает обстоятельством возникновения интерпретационных правоотношений, а устранение правовой неопре-

делённости – обстоятельством их прекращения [8, С. 37]. Юридический факт как элемент состава интерпретационных правоотношений может быть представлен в виде запроса в уполномоченный интерпретировать орган с просьбой о разъяснении определенных правовых норм или самостоятельной инициативы уполномоченного интерпретировать органа [9, С. 611–614].

Содержание интерпретационных правоотношений составляют обязанность интерпретатора дать разъяснение и обязанность адресата интерпретации исполнять данное ему разъяснение. В рамках исполнения интерпретатором и адресатами интерпретации своих обязанностей они могут реализовывать некоторые субъективные права, в основном касающиеся процедуры непосредственной интерпретации. Так, в качестве примера, Конституционный Суд Российской Федерации как государственный орган, выполняющий интерпретационные функции, в соответствии со статьей 63 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» вправе привлекать к процессу интерпретации эксперта – лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся интерпретации, чьё заключение в дальнейшем может быть положено в основу смысла правовой нормы.

Таким образом, произведенный комплексный анализ позволяет сформулировать понятие исследуемого явления: «интерпретационные правоотношения – общественные отношения, охраняемые государством, возникающие в связи с наличием правовой неопределённости и направленные на её устранение уполномоченными государственными органами и должностными лицами посредством разъяснения смысла правовой нормы».

Литература

1. Летов, О.В. Проблема научной объективности: от постпозитивизма к постмодернизму. (Аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2010. – № 3.
2. Овчинников, А.И. Правопонимание и его классификация: основные подходы // ЮП. – 2015. – № 1 (68).
3. Терехов, Е.М. Интерпретационные нормы: понятие и правовая природа // Legal Concept. – 2021. – № 1.
4. Лапаева, В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. – М., 2012.
5. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. – М., 1974.
6. Жигитов, А.А. Истинный смысл как объект толкования права // Теория государства и права. – 2023. – № 3(32).
7. Ивлиева, Т.А. Субъекты и виды официального толкования права // Контентус. – 2019. – № 8(85).

8. Власенко, Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. – 2013. – № 2 (194).
9. Помозова, Ю.П. Значение толкования Конституции по запросам судов // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. – Симферополь, 2024.
10. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

THE CONCEPT OF INTERPRETATIVE LEGAL RELATIONS

Kustarev R.A.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The text reveals the concept of interpretative legal relations as a new independent class of legal relations that arose within the framework of modern legal understanding, emphasizing the importance of interpretation of legal norms for legal regulation. The main idea of the article is that in a dynamically changing society, traditional approaches to legal understanding are losing their importance, and there is a need to rethink the role of interpretation not only as a process, but also as a separate type of legal relationship.

One of the key aspects considered in the text is the institutional nature of interpretation. The author argues that interpretation has become a necessary component of legal regulation, which eliminates legal uncertainty and creates predictability in law enforcement. Clear stages and components of the process of clarifying the norm are established, emphasizing the need for action by authorized bodies. In

conclusion, it is emphasized that interpretative legal relations arise from the need to overcome legal uncertainty and play an important role in the formation of legal awareness and legal stability, acting as a mechanism that ensures the legitimacy and alignment of the will of the state with reality.

Keywords: interpretative legal relations, legal understanding, law enforcement, legal norms.

References

1. Letov, O.V. The Problem of Scientific Objectivity: From Postpositivism to Postmodernism. (Analytical Review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 3, Philosophy: Abstract Journal. – 2010. – No. 3.
2. Ovchinnikov, A.I. Legal Understanding and Its Classification: Main Approaches // UP. – 2015. – No. 1 (68).
3. Terekhov, E.M. Interpretive Norms: Concept and Legal Nature // Legal Concept. – 2021. – No. 1.
4. Lapaeva, V.V. Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice: Monograph. – Moscow, 2012.
5. Khalfina, R.O. General Doctrine of Legal Relations. – M., 1974.
6. Zhigitov, A.A. True Meaning as an Object of Interpretation of Law // Theory of State and Law. – 2023. – No. 3 (32).
7. Ivlieva, T.A. Subjects and Types of Official Interpretation of Law // Contentus. – 2019. – No. 8 (85).
8. Vlasenko, N.A. Uncertainty in Law: Nature and Forms of Expression // Journal of Russian Law. – 2013. – No. 2 (194).
9. Pomozova, Yu.P. The Significance of Interpretation of the Constitution at the Request of the Courts // Protection and Defense of Rights and Legitimate Interests in Modern Law. – Simferopol, 2024.
10. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation".

Лернер Семён Дмитриевич,
аспирант, МГЮА
E-mail: lerner0268@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию и сопоставлению института наследственного договора в рамках российского и французского права. Автор детально рассматривает основные положения, регулирующие наследственный договор в обеих юрисдикциях, и проводит сравнительный анализ, определяя общие черты данного правового явления.

Ключевые слова: наследственный договор, наследственное право, наследование, российское право, французское право, правопреемство, правообладатель, собственник.

Динамика развития экономических отношений, усиление процессов глобализации и их трансграничное измерение обуславливают объективную необходимость в совершенствовании правовой регламентации наследственных отношений на национальном уровне. При этом повышенный государственный и общественный интерес выступает в качестве имманентного фактора, способствующего эффективному правовому регулированию данной сферы.

В последнее время российское наследственное право пережило существенную трансформацию. С 1 июня 2019 года граждане получили возможность заключать наследственный договор – новый правовой институт, открывающий более гибкие пути управления своим имуществом после ухода из жизни. Однако, несмотря на свою новизну, наследственный договор имеет глубокие исторические корни. Он является возрождением древнего института римского частного права, известного как «*pactum fiduciae*» (договор доверия). В постклассический период римского права этот договор позволял главе семейства, например, при эмансипации сыновей, заранее договориться о том, кто станет его наследником. Со временем, благодаря работе римских юристов, этот институт был усовершенствован и трансформировался в «*pactum de hereditate*» – формальный акт передачи наследства [7, с. 70].

Хотя договор о наследовании – относительно новое понятие для российского права, его определение уже согласовано в европейском законодательстве. В соответствии с Регламентом ЕС № 650/2012, регулирующим вопросы наследования, распоряжение имуществом после смерти может быть осуществлено через завещание (в том числе совместное) или договор о наследовании. Последний, по сути, представляет собой соглашение (включая соглашения, вытекающие из взаимных завещаний), которое, вне зависимости от наступления смерти, влияет на права собственности участников, устанавливая, изменяя или прекращая их [4].

Для правовых систем Франции, Италии и Испании, входящих в романскую семью, характерно не признание юридической силы договоров, затрагивающих вопросы наследования. Это объясняется принципом неограниченной свободы завещания, позволяющей будущему наследодателю в любой момент менять свои посмертные распоряжения. Однако, в последние годы, под влиянием процессов унификации права в ЕС, французское законодательство стало склоняться к признанию наследственных договоров.

Французское право предусматривает инструменты, которые по своей сути напоминают наследственный договор. В частности, речь идет о последовательных и остаточных благодеяниях.

В соответствии со ст. 1048 ФГК «последовательное благодеяние» означает акт безвозмездного распоряжения имуществом или правами, который устанавливает для бенефициара (получателя по договору дарения или наследства по завещанию) обязанность по сохранению данного имущества или прав и их последующей передаче другому лицу (выгодоприобретателю), указанному в том же правовом акте, после смерти самого бенефициара [5].

Французская правовая доктрина определяет три ключевых элемента, характеризующих этот тип сделки:

1. Сначала происходит безвозмездное предоставление, а затем – еще одно, что можно назвать двойным благодеянием;
2. Первый получатель имущества несет двойную ответственность, так как он обязан как сохранить полученное имущество, так и в дальнейшем передать его;
3. Право на получение имущества переходит ко второму получателю только после прекращения жизни первого получателя [10, с. 197].

Данная сделка может быть оформлена двумя способами: посредством договора дарения или завещания. Классификация сделки как договора или односторонней сделки будет зависеть от выбранного варианта оформления.

Французское право предусматривает возможность заключения супругами наследственного договора. Этот договор позволяет им определить судьбу своего имущества после смерти одного из них. Если у супругов нет других наследников, они могут договориться о полной передаче всего своего имущества в собственность оставшемуся в живых супругу. Однако, если у них есть другие наследники, то наследственный договор может быть заключен только в отношении части имущества: либо супруг получает право пожизненного пользования всем имуществом (узуфрукт), либо ему передается в собственность одна четверть имущества, а еще одна четверть предоставляется ему в непосредственное пользование [8, с. 67].

Основная особенность договорного назначения состоит в том, что оно становится юридически значимым только после кончины его инициатора. Пока инициатор жив, он обладает неограниченным правом собственности на имущество, которое он назначил, и может свободно им распоряжаться. Лицо, которому предназначено имущество, не приобретает никаких прав на него до момента смерти инициатора. Следует подчеркнуть, что назначенное лицо не имеет возможности ни отказаться от своего будущего права, ни передать его другому до наступления смерти инициатора. Все права и обязательства, вытекающие из договорного назначения, возникают исключительно после смерти лица, совершившего данное распоряжение.

Права наследников по наследственному договору и по завещанию регулируются одними и теми же нормами, поскольку оба вида наследования основаны на волеизъявлении наследодателя. Однако, существенным отличием является то, что наследственный договор, заключенный супругами, может быть аннулирован одним из них в любое время и без необходимости обоснования такого решения. Также стоит упомянуть, что супруги могут заключать взаимные распоряжения на случай смерти [11, с. 35].

Низкая популярность наследственных договоров во Франции обуславливает их редкое применение, которое, как правило, связано с брачными отношениями.

Для Российской Федерации наследственный договор представляет собой совершенно новый правовой институт, чего нельзя сказать о Франции. В результате внесения Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ значительных изменений в ч. 3 ГК РФ, с 1 июня 2019 года вступила в силу новая норма, позволяющая распоряжаться имуществом после смерти. Помимо завещания, теперь возможно заключение наследственного договора, регулируемого ст. 1140.1 ГК РФ, которая носит название «Наследственный договор» [3].

Первая часть указанной статьи предоставляет наследодателю право заключить с потенциальными наследниками (перечисленными в ст. 1116 ГК РФ) особый договор – наследственный. Наследственный договор предоставляет наследодателю широкую свободу в распоряжении своим имуществом после смерти. Он может самостоятельно определить, кто станет его наследником, будь то другая сторона договора или любое другое лицо, имеющее право на наследство, и установить конкретный порядок передачи имущества. Определение наследников и способа передачи имущества – обязательные элементы договора. Кроме того, наследодатель может предусмотреть в договоре назначение душеприказчика и возложить на другую сторону определенные обязанности, как связанные с имуществом, так и не связанные с ним.

Гибкость наследственного договора позволяет сторонам свободно определять его содержание, включая любые условия, которые они сочтут необходимыми.

Ст. 1140.1 ГК РФ определяет круг лиц, которые могут потребовать исполнения наследственного договора. К ним относятся: наследники, назначенный наследодателем душеприказчик, стороны самого договора, пережившие наследодателя, а также любые третьи лица, также пережившие наследодателя. Помимо этого, нотариус, занимающийся наследственным делом, также уполномочен требовать исполнения. В случае отказа одного из участников договора от наследства, договор продолжает действовать в отношении остальных сторон, если есть основания полагать, что он был бы заключен и без участия отказавшегося. Важно помнить, что права и обязанности, вытекающие из наслед-

ственного договора, не могут быть переданы или уступлены другим лицам.

При сопоставлении наследственных договоров в России и Франции обнаруживается общая черта – возможность их заключения между супругами. Однако ключевое различие заключается в том, что французское право делает наличие брака обязательным условием для такого договора, в то время как российское законодательство рассматривает это как частный случай, расширяя тем самым права граждан. Ст. 1140.1 ГК РФ позволяет заключать договоры, определяющие судьбу общего или индивидуального имущества после смерти, не только супругам, но и другим потенциальным наследникам. Такой договор может также касаться состава наследства каждого из супругов (при условии соблюдения прав третьих лиц) и предусматривать назначение исполнителя завещания. Следует особо отметить, что прекращение брака или его недействительность до момента смерти одного из супругов автоматически влечет за собой прекращение действия наследственного договора [6, с. 74].

Важно помнить, что наследственный договор, так же как и завещание, не обладает полномочиями для отмены или изменения императивных предписаний закона. В частности, он не может отказывать в наследстве тем, кто имеет законное право на обязательную долю, или тех, кто признан недостойным наследником (ч. 6 ст. 1140.1 ГК РФ) [2].

Подобно французскому законодательству, российское право обязывает нотариально удостоверить наследственный договор (ч. 7 ст. 1140.1 ГК РФ). Однако, в отличие от Франции, в России установлено дополнительное требование – обязательная видеофиксация процедуры его заключения, если стороны не выразили явного несогласия с такой записью.

Как и в случае с завещаниями, где более позднее завещание отменяет или изменяет предыдущие в противоречащих частях, наследодатель может заключить несколько наследственных договоров (согласно ч. 8 ст. 1140.1 ГК РФ). Однако если один и тот же объект наследования фигурирует в нескольких подобных договорах, заключенных с разными наследниками, то юридическую силу будет иметь исключительно тот договор, который был оформлен раньше.

Закон о наследственных договорах позволяет изменить или расторгнуть договор, если все его участники согласны, но только пока они живы. Помимо этого, договор можно расторгнуть через суд, если обстоятельства, которые послужили причиной его заключения, существенно изменились (ст. 1140.1 ГК РФ).

Отдельно стоит отметить право наследодателя (человека, который оставляет наследство) в любой момент отказаться от договора в одностороннем порядке. Для этого он должен сообщить о своем решении всем участникам договора. Важно, чтобы такое уведомление было заверено нотариусом (ст. 1140.1 ГК РФ).

Исследователь С. Бudyлин обращает внимание на необычность этого положения, подчеркивая, что подобное право, вероятно, не встречается в других странах, включая Францию [9].

Ст. 1140.1 ГК РФ устанавливает правила, как можно оспорить наследственный договор. Пока наследодатель жив, оспорить договор может только та сторона, которая его заключила. После смерти наследодателя оспорить договор может любой, чьи права были нарушены этим договором. Ключевым моментом является то, что, согласно части 12 этой же статьи, наследодатель сохраняет полное право распоряжаться своим имуществом, как ему заблагорассудится, даже после подписания наследственного договора. Он вправе заключить сделки как пожелает, даже и в том случае, когда это приведет к тому, что лицо, которое могло бы наследовать, утратит на него права. Любые попытки ограничить это право наследодателя через соглашение признаются ничтожными. Это положение аналогично нормам французского права [12, с. 13].

Завершая рассмотрение наследственного договора как новейшего правового института в России, необходимо констатировать, что данный вид распоряжения имуществом при наступлении смерти влечет существенные изменения в российском наследственном праве. Очевидно, что правоприменение столкнется с определенными сложностями, а формирование соответствующей судебной практики займет десятилетия. В свете этого, представляется целесообразным, чтобы наследодатели на начальном этапе либо воздерживались от использования данного новшества, либо применяли его, осознавая все сопутствующие риски.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что институт наследственного договора существует как во французском, так и в российском праве, хотя и с существенными различиями. Во Франции его применение ограничено брачными отношениями, в то время как в России он ведён сравнительно недавно, правоприменительная практика по наследственным договорам в России находится лишь на начальном этапе формирования, что объясняется новизной такого механизма наследования, так и осторожностью граждан при его использовании. Проведенный анализ показывает, что сходств между российским и французским подходами к наследственному договору немного, что, вероятно, объясняется ориентацией российского законодательства на германское, а не на французское гражданское право. Тем не менее, определенные общие черты все же прослеживаются, например, возможность заключения договора между супругами, обязательное нотариальное удостоверение и сохранение права собственности на имущество за наследодателем до его смерти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4552.
4. Регламент (ЕС) № 650/2012 Европейского парламента и Совета от 04.07.2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании // Официальный журнал Европейского союза. – 2012. – L 201. – С. 107–134.
5. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) 1804 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/
6. Бердегулова, Л.А. Сравнительный анализ наследственного договора в России и во Франции // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 8 (176). – С. 45–52.
7. Братухина, Е.В. Проблемы законодательного регулирования наследственного договора в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 1 (103). – С. 78–82.
8. Бокарева, А.В. Наследственный договор как новый способ распоряжения имуществом на случай смерти в России и его аналоги во Франции // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 98–101.
9. Будылин, С. Наследственный договор: новый договор с покойником [Электронный ресурс] // zakon.ru. – 2018.
10. Гаджиев, А.А., Гудименко, Г.В. Наследственный договор в правовом порядке различных стран // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 3–2. – С. 120–125.
11. Кархалев, Д.Н. Наследственный договор // Нотариус. – 2020. – № 2. – С. 34–38.
12. Логинова, К.Ю. Наследственный договор: правовые механизмы применения в действующем

законодательстве Российской Федерации // Наследственное право. – 2019. – № 1. – С. 15–20.

INSTITUTE OF HEREDITARY CONTRACT IN RUSSIA AND FRANCE

Lerner S.D.

State Law University

This article is devoted to the study and comparison of the institute of inheritance contract in the framework of Russian and French law. The author examines in detail the main provisions governing the inheritance contract in both jurisdictions and conducts a comparative analysis, identifying the common features of this legal phenomenon.

Keywords: inheritance contract, inheritance law, inheritance, Russian law, French law, succession, copyright holder, owner.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – December 25.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552.
3. Federal Law of 19.07.2018 No. 217-FZ “On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 30. – Art. 4552.
4. Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, the recognition and enforcement of decisions, the adoption and enforcement of notarial acts in matters of succession and the establishment of a European certificate of succession // Official Journal of the European Union. – 2012. – L 201. – P. 107–134.
5. The French Civil Code (Napoleonic Code) of 1804 [Electronic resource]. – Access mode: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/
6. Berdegulova, L.A. Comparative analysis of the inheritance contract in Russia and France // Law and State: Theory and Practice. – 2019. – No. 8 (176). – P. 45–52.
7. Bratukhina, E.V. Problems of legislative regulation of the inheritance contract in the Russian Federation // International Research Journal. – 2021. – No. 1 (103). – P. 78–82.
8. Bokareva, A.V. Inheritance contract as a new way of disposing of property in the event of death in Russia and its analogues in France // Young scientist. – 2019. – No. 51 (289). – P. 98–101.
9. Budylin, S. Inheritance contract: a new contract with the deceased [Electronic resource] // zakon.ru. – 2018.
10. Gadzhiev, A.A., Gudimenko, G.V. Inheritance Contract in the Legal Systems of Various Countries // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2019. – No. 3–2. – P. 120–125.
11. Karkhalev, D.N. Inheritance Contract // Notary. – 2020. – No. 2. – P. 34–38.
12. Loginova, K. Yu. Inheritance Contract: Legal Mechanisms of Application in the Current Legislation of the Russian Federation // Inheritance Law. – 2019. – No. 1. – P. 15–20.

Лещинский Станислав Валерьевич,

аспирант, кафедра конституционного и административного права, Московский университет им. А.С. Грибоедова
E-mail: Stas777s1@ya.ru

Тема высокодоходных операций вообще, и таких операций, совершаемых банками в недостаточной мере освещена в научной литературе. В то же время в условиях сложной и нестабильной экономической ситуации риски таких операций являются повышенными. В статье рассматриваются различные аспекты совершения банками высокодоходных операций.

Ключевые слова: банк, предпринимательская деятельность, прибыль, высокодоходные операции, риски.

В современной экономике банки являются одним из ключевых элементов, обеспечивающих интенсивное и бесперебойное функционирование других экономических субъектов. С этой точки зрения, банки играют важную общественную роль для всей экономической системы, не замыкаясь только на собственные интересы.

С другой стороны, согласно действующего законодательства банки могут создаваться в форме хозяйствующих обществ¹. Хозяйствующие общества представляют собой корпоративные коммерческие организации². Гражданским кодексом РФ создание хозяйствующих обществ предусмотрено в форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью.

Таким образом, банки представляют собой коммерческие организации, т.е. организации осуществляющие предпринимательскую деятельность. В соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ такая деятельность осуществляется самостоятельно, на свой риск и направлена на систематическое получение прибыли. И, следовательно, чем выше прибыль, которая является величиной, определяемой как доход, уменьшенный на величину расходов, тем успешнее деятельность банка.

Данное обстоятельство определяет значительный интерес обычного банка к высокодоходным операциям. Высокодоходная операция в экономическом смысле по цели совершения таких операций – это финансовая или инвестиционная деятельность, которая позволяет получить значительную большую прибыль на вложенные ресурсы в сравнении с обычными операциями.

Такие операции характеризуются высоким уровнем риска, поскольку потенциальная доходность часто связана с нестабильностью рынка или другими неопределенными факторами.

В современных экономических отношениях примерами высокодоходных операций могут служить:

1. Инвестиции в акции. Покупка акций быстрорастущих компаний, которые могут обеспечить высокий рост капитала.
2. Вложения в недвижимость. Инвестиции в коммерческую или жилую недвижимость, которая может приносить доход от аренды и увеличивать свою стоимость.
3. Вложения в стартапы. Вложение средств в новые компании с высоким потенциалом роста, хотя риск потери капитала также высок.
4. Совершение операций на рынке форекс.

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ

5. Операции с криптовалютами. Торговля валютами или криптовалютами, которые могут иметь высокую волатильность и, соответственно, высокий доход.

Правовые аспекты высокодоходных банковских инструментов охватывают множество тем, включая регулирование финансовых рынков, защиту прав инвесторов и соблюдение норм антимонопольного законодательства. Важно учитывать, что такие инструменты могут быть связаны с повышенными рисками, что требует тщательного анализа и понимания правовых последствий для участников рынка.

Российское законодательство на сегодня не предусматривает нормативного регулирования, что подобного рода операций, не выделяет их в отдельную категорию, что не ограничивает деятельность банков по совершению таких операций.

Последнее обстоятельство, наряду с отсутствием научного экономического и правового осмысления такой деятельности обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Современное российское законодательство не содержит норм, регулирующих высокодоходные операции банков или устанавливающее критерии высокодоходных операций. Но нельзя говорить о том, что правовое воздействие на данную сферу полностью отсутствует. По нашему мнению, правовое воздействие на лиц, совершающих высокодоходные операции осуществляется косвенно и представляет собой комплексное межотраслевое воздействие.

Такое комплексное межотраслевое воздействие осуществляется банковским законодательством, законодательными актами о финансовом рынке, другими законодательными и подзаконными актами.

Специальное банковское законодательство, состоящее из закона о Центральном банке Российской Федерации¹, упомянутого выше закона о банках и банковской деятельности и других правовых актов, включая правовые акты Банка России.

Регулирование деятельности банков состоит в установлении норм и правил, которые обеспечивают стабильность финансовой системы, защиту интересов вкладчиков и предотвращение финансовых преступлений.

Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования споры о правомерности участников отношений, которые могут быть определены как высокорисковые операции, являются все более и более частыми предметами судебных споров.

Значительная часть таких споров вытекает из действий банков по приостановке операций по счетам или из-за блокировки банковской карты.

Потребительский кооператив социальных программ для пайщиков обратился в арбитражный суд с иском к банку о признании незаконными действий банка, выраженных в применении к истцу мер, предусмотренных пунктом 5 статьи 7.7 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О про-

¹ Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»

тиводействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), введении ограничений по распоряжению денежными средствами на расчетном счете и об обязанности банка снять ограничения по распоряжению денежными средствами на расчетном счете².

Признавая законность и обоснованность решений нижестоящих судов, кассационная инстанция отметила, что решение о приостановке операций по счету основано на детальной информации, подтвержденной представленными в суд письменными пояснениями Банка России. Кроме того, суд отметил, что заявитель не обжаловал в суд решение полномочной межведомственной комиссии, в которую кооператив обратился за разрешением спора во внесудебном порядке.

Аналогичный порядок рассмотрения судебного спора имеет место и при ином формулировании требований истца. Так, общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к банку с требованием восстановить доступ к системе дистанционного банковского обслуживания в отношении основного и резервного расчетных счетов, открытых обществу, путем электронного документооборота, и разблокировать банковскую карту к расчетному счету³.

Несмотря на то, что операции с использованием указанного счета и привязанной к нему карты проводились между физическими лицами, и истец, по его мнению, представил доказательства обоснованности операций, суды признали операции общества высокорисковыми и оставили в силе ограничительные меры.

В контексте рассматриваемого вопроса наиболее важными представляются следующие направления правового регулирования:

1. Лицензирование. Банки должны получать лицензии для ведения своей деятельности, что подразумевает соблюдение определенных требований.

2. Капитализация. Установление минимальных требований к капиталу, чтобы банки могли выдерживать финансовые потери.

Регулирование финансовых рынков включает в себя множество аспектов, направленных на обеспечение стабильности, прозрачности и честности в финансовых операциях.

Основные элементы регулирования финансовых рынков могут быть изложены следующим образом:

1. Формирование законодательной базы, т.е. установление правовых норм, регулирующих деятельность участников финансового рынка, включая банки, инвестиционные компании и другие финансовые институты.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2025 г. № Ф05-11506/2025 по делу № А40-158918/2024

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.05.2024 г. № Ф09-2281/24 по делу № А60-43705/2023

2. Осуществление надзора и контроля путем создания регулирующих органов, таких как центральные банки и финансовые регуляторы, которые следят за соблюдением законодательства и предотвращают финансовые преступления.

3. Лицензирование соответствующих видов деятельности, т.е. регламентация требований к деятельности финансовых учреждений, что призвано обеспечить защиту интересов инвесторов и клиентов.

4. Установление требований к раскрытию информации. Обязанность компаний предоставлять полную и достоверную информацию о своей финансовой деятельности, что позволяет инвесторам принимать обоснованные решения.

5. Защита инвесторов, что представляет собой меры, направленные на защиту прав инвесторов, включая механизмы компенсации в случае банкротства финансовых учреждений.

6. Регулирование торговли высокодоходными активами, т.е. установление правил для проведения сделок, включая запреты на манипуляции рынком и противодействие инсайдерской торговле.

Регулирование финансовых рынков играет ключевую роль в предотвращении финансовых кризисов и поддержании доверия к финансовым системам в целом, частью которых являются и банковские системы.

Регулирование финансовых рынков включает в себя установление правил и норм, которые способствуют стабильности и прозрачности финансовых систем. Основные аспекты этого направления регулирования включают в себя:

1. Контроль за рыночной деятельностью – государственные органы следят за тем, чтобы участники рынка действовали в рамках закона.

2. Защита инвесторов – создание механизмов, которые обеспечивают безопасность средств и прав инвесторов.

3. Предотвращение манипуляций – меры по предотвращению мошенничества и манипуляций на рынке.

4. Установление стандартов – правила и стандарты для финансовых инструментов и участников рынка.

5. Мониторинг и отчетность – обязательства по предоставлению информации о финансовых операциях и состоянии рынков.

Таким образом, регулирование финансовых рынков играет ключевую роль в обеспечении их функционирования и защиты интересов и всех участников в связи с совершением высокодоходных операций.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы правового регулирования защиты прав инвесторов.

Правовое регулирование защиты прав инвесторов – это система норм и правил, направленных на обеспечение безопасности и правомерности вложений инвесторов в различные финансовые инструменты и предприятия. Оно включает в себя законодательные акты, регулирующие деятель-

ность инвестиционных фондов, бирж, компаний и других участников рынка, а также механизмы, обеспечивающие защиту прав инвесторов от мошенничества, манипуляций и других неправомерных действий.

Основные аспекты правового регулирования включают:

1. Регистрация и лицензирование. Обязательно для финансовых учреждений и компаний, чтобы гарантировать их надежность.

2. Информационная прозрачность. Компании обязаны предоставлять полную и достоверную информацию о своей деятельности и финансовом состоянии.

3. Механизмы разрешения споров. Наличие четких процедур для решения конфликтов между инвесторами и компаниями.

4. Механизмы обеспечения права на получение возмещения убытков.

Эффективное правовое регулирование способствует формированию доверия к инвестиционному рынку и увеличивает приток капитала, что в свою очередь способствует экономическому развитию.

Еще одним важным аспектом в рамках рассматриваемой тематики является правовое регулирование взаимоотношений банков и инвесторов.

Взаимодействие между банками и инвесторами является ключевым элементом финансовой системы.

Основная проблема в данной сфере относится к вопросам кредитования и инвестирования. Банки предоставляют кредиты компаниям и частным лицам, которые затем могут использовать эти средства для инвестиций в различные проекты. Инвесторы, в свою очередь, могут вкладывать средства в банки через депозиты или другие финансовые инструменты.

Банки играют важную роль в финансовой системе, и их поведение как инвесторов может быть многогранным. Для того чтобы понять банки в этой роли, следует рассмотреть несколько ключевых аспектов:

1. Роль банков в экономике: Банки не только хранят деньги и выдают кредиты, но и активно участвуют в инвестировании. Они могут вкладывать средства в различные активы, чтобы увеличить свою прибыль.

2. Типы инвестиций: Банки могут инвестировать в облигации, акции, недвижимость и другие активы. Их инвестиционная стратегия может зависеть от рыночной ситуации и внутренней политики.

3. Управление рисками: Как инвесторы, банки должны оценивать риски, связанные с их инвестициями. Это включает в себя анализ финансовых показателей компаний и макроэкономических факторов. Важно учитывать, что высокодоходные операции требуют тщательного анализа и понимания рисков, связанных с ними.

4. Регулирование: Банки подвержены строгому регулированию, что влияет на их инвестиционные решения. Знание этих регуляторных рамок важно для понимания их действий на рынке.

5. Инвестиционные фонды: Многие банки создают инвестиционные фонды, которые позволяют клиентам вкладывать деньги в разнообразные активы. Это также отражает их роль как инвесторов.

Изучение этих аспектов поможет лучше понять, как банки действуют как инвесторы и какую роль они играют на финансовых рынках.

Для России важным вопросом является соблюдение норм антимонопольного законодательства.

Соблюдение норм антимонопольного законодательства означает выполнение правил и требований, направленных на предотвращение монополизации рынка и защиту конкуренции. Антимонопольное законодательство регулирует действия компаний, чтобы обеспечить честные условия для всех участников рынка.

Антимонопольное регулирование включает в себя:

1. Запрет на злоупотребление доминирующим положением: Компании не могут использовать свое влияние для устранения конкурентов или манипулирования ценами.

2. Контроль за слияниями и поглощениями: Необходима проверка сделок, которые могут привести к созданию монополий или значительному уменьшению конкуренции.

3. Запрет на картели: Компании не могут вступать в соглашения, направленные на фиксирование цен или разделение рынков.

Соблюдение этих норм важно для обеспечения справедливой конкуренции и защиты интересов потребителей.

Антимонопольное регулирование банковской деятельности представляет собой систему мер и правил, направленных на предотвращение монополизации рынка банковских услуг и обеспечение справедливой конкуренции среди финансовых учреждений. Основная цель антимонопольного регулирования заключается в защите интересов потребителей и создании условий, при которых различные банки могут свободно конкурировать друг с другом.

Ключевые аспекты антимонопольного регулирования в банковской сфере включают в себя:

1. Предотвращение слияний и поглощений: Регуляторы могут блокировать сделки, которые могут привести к значительному сокращению конкуренции на рынке.

2. Контроль за ценами: Регулирование цен на банковские услуги с целью предотвращения злоупотреблений и установления несправедливых тарифов.

3. Обеспечение прозрачности: Создание правил, которые требуют от банков раскрытия информации о своих услугах и тарифах, что позволяет потребителям делать осознанный выбор.

4. Защита прав потребителей: Антимонопольное регулирование также направлено на защиту интересов клиентов банков, обеспечивая им доступ к разнообразным финансовым продуктам и услугам.

Эти меры помогают создать более стабильную и конкурентоспособную финансовую систему, что в свою очередь способствует экономическому росту и развитию.

Поскольку высокодоходные операции связаны со значительными коммерческими и финансовыми рисками, то необходимо выделить еще ряд особенностей, характерных именно для высокорисковых операций банков.

Высокорисковые банковские операции – это финансовые транзакции, которые связаны с высоким уровнем риска потерь. К таким операциям могут относиться:

1. Кредитование – предоставление займов клиентам с низким кредитным рейтингом.

2. Инвестиции – вложение средств в высоковолатильные активы, такие как акции или криптовалюты.

3. Торговля деривативами – операции с финансовыми инструментами, стоимость которых зависит от базовых активов.

Хотя в российское законодательство не разделяет банки по видам деятельности (сберегательные и другие виды), однако в контексте рассматриваемой темы целесообразно выделить особенности так называемых инвестиционных и инновационных банков. Данная проблематика заслуживает внимания и в связи с тем, что внимание, которое российское правительство уделяет инвестициям и инновациям. При этом инвестиционной и инновационной деятельностью могут заниматься не только банки, но и иные кредитные организации.

Инновационные банки традиционно работают с венчурными предприятиями и венчурными проектами. Венчурный бизнес направлен на внедрение в практику новейших технических и технологических разработок, результатов научных исследований и изысканий, срок окупаемости которых достаточно может быть различен.

В сравнении с банками, рассмотренными выше, инновационные кредитные организации представляют собой высокорискованные предприятия, поэтому основная доля пассивов формируется в виде взноса учредителя.

В большинстве стран национальное банковское законодательство существенно ограничивает для них возможность привлечения средств из иных источников, тогда как в России этот вопрос законодательно не урегулирован.

Добросовестные банки и финансовые учреждения самостоятельно тщательно анализируют риски, связанные с такими операциями, чтобы минимизировать потенциальные убытки.

Инновационные банки, которые работают с венчурными предприятиями и проектами, имеют особый подход к анализу рисков. Венчурный бизнес направлен на внедрение в практику новейших технических и технологических разработок, а также результатов научных исследований и изысканий, при этом срок окупаемости таких инвестиций зачастую бывает достаточно высоким.

В отличие от традиционных банков, инновационные кредитные организации считаются высокорискованными предприятиями. Основная доля их пассивов формируется в виде вклада учредителя, что делает их финансовую структуру более уязвимой. Как уже было сказано выше, в большинстве стран национальное банковское законодательство существенно ограничивает для них возможность привлечения средств из иных источников, что дополнительно усложняет процесс управления рисками.

Анализ рисков в инновационных банках включает в себя:

1. Оценку инновационного потенциала проектов: Исследование технологических новшеств и их коммерческой жизнеспособности.

2. Анализ финансовой устойчивости: Оценка структуры капитала и зависимости от учредительских взносов.

3. Регуляторные ограничения: Учет законодательно установленных рамок для привлечения внешнего финансирования.

Эти факторы делают инновационные банки уникальными в контексте анализа и управления рисками, требуя специфических методов и подходов.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51
2. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности»
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.07.2025 г. № Ф05–11506/2025 по делу № А40–158918/2024
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.05.2024 г. № Ф09–2281/24 по делу № А60–43705/2023

LEGAL ASPECTS OF HIGH-YIELD BANKING OPERATIONS

Leshchinsky S.V.

A.S. Griboyedov Moscow State University

The topic of high-yield operations in general, and such operations conducted by banks, is insufficiently covered in the academic literature. At the same time, in a complex and unstable economic environment, the risks of such operations are heightened. This article examines various aspects of high-yield operations conducted by banks.

Keywords: bank, entrepreneurial activity, profit, high-yield operations, risks.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, No. 51
2. Federal Law of December 2, 1990, No. 395–1 “On Banks and Banking Activities”
3. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of July 31, 2025, No. F05–11506/2025 in Case No. A40–158918/2024
4. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of May 13, 2024, No. F09–2281/24 in Case No. A60–43705/2023

Мельников Даниил Геннадьевич,

аспирант, Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: biuk250@gmail.com

Актуальность данного исследования обусловлена интенсивными процессами экономической интеграции на пространстве СНГ, которые требуют гармонизации национальных законодательств, в том числе в сфере технического регулирования и обеспечения качества продукции. Целью раздела является анализ эволюции и выявление современных тенденций развития законодательных подходов к регулированию вопросов качества в Российской Федерации и странах Содружества. В работе проведено сравнительно-правовое исследование ключевых нормативных актов, прослежена их трансформация от советских стандартов (ГОСТ) к современным системам, основанным на принципах международных стандартов ИСО серии 9000. Основной вывод авторов заключается в том, что, несмотря на общую тенденцию к унификации и сближению с глобальными требованиями, в законодательстве каждой страны сохраняется уникальная национальная специфика, отражающая особенности экономического развития. Результатом исследования стала систематизация основных моделей законодательного регулирования, что имеет практическую ценность для выработки дальнейших шагов по сближению правовых систем и успешному функционированию института уполномоченных по качеству.

Ключевые слова: качество, законодательство, техническое регулирование, стандартизация, система менеджмента качества, уполномоченный по качеству, страны СНГ, гармонизация.

Введение

Современное экономическое пространство Содружества Независимых Государств (СНГ) характеризуется активными процессами интеграции, важнейшим элементом которых является сближение национальных законодательных баз. Особую значимость этот процесс приобретает в сфере технического регулирования и управления качеством, поскольку именно единые и понятные правила определяют возможности для роста товарооборота, кооперации и повышения конкурентоспособности продукции на внутреннем и международном рынках.

Как справедливо отмечают эксперты, «создание согласованной нормативной правовой базы является фундаментом для формирования общего рынка товаров и услуг» [1, с. 35]. Несмотря на общее советское прошлое и изначально унифицированную систему ГОСТ, после распада СССР страны СНГ избрали различные пути развития своего законодательства о качестве [2, с. 42]. Данное исследование ставит своей целью провести сравнительный анализ эволюции этих подходов, выявить общие тенденции, национальные особенности и перспективы дальнейшей гармонизации.

Материалы и методы

В качестве основного материала для исследования выступила нормативно-правовая база Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Беларусь и других стран СНГ, регулирующая вопросы стандартизации, технического регулирования и внедрения систем менеджмента качества. Были проанализированы ключевые законы, такие как Федеральный закон РФ № 184-ФЗ «О техническом регулировании», Закон РК «О техническом регулировании», Закон РБ «О оценке соответствия требованиям технических нормативных правовых актов», а также подзаконные акты и национальные стандарты [3, с. 51].

Основным методом исследования выступил сравнительно-правовой анализ, в рамках которого было проведено детальное сопоставление законодательных подходов различных стран по ряду ключевых критериев. В первую очередь анализировалась степень гармонизации национальных норм с международными стандартами, в частности, соответствие принципам, изложенным в руководствах ВТО, стандартах ИСО серии 9000 и принципах Всеобщего управления качеством (TQM). Важное внимание уделялось роли института уполномоченного по качеству, а именно изучению правового статуса, функций и степени ответственности данных специалистов в разных юрисдикциях [4, с. 35].

Также предметом изучения стала структура и иерархия нормативных документов, в том числе сравнение соотношения обязательных технических регламентов и добровольных национальных стандартов. Кроме того, анализировались механизмы подтверждения соответствия, включая преобладающие формы, такие как сертификация и декларирование, и их правовые последствия [5, с. 27]. Дополнительно в работе применялись историко-правовой метод для ретроспективного анализа трансформации законодательства и системный подход для рассмотрения национального законодательства как целостного явления.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ позволил выявить три условные модели развития законодательства о качестве в странах СНГ.

1. Модель активной гармонизации (Российская Федерация, Казахстан). Данные страны предприняли наиболее радикальные шаги по реформированию унаследованной от СССР системы. Принятие законов о техническом регулировании ознаменовало переход от системы обязательной стандартизации к системе, основанной на принципах ВТО: разделение требований на обязательные (технические регламенты, обеспечивающие безопасность) и добровольные (стандарты, обеспечивающие качество). Институт уполномоченного по качеству в данной модели развивается преимущественно в рамках корпоративных систем менеджмента качества, стимулируемых международными стандартами ИСО 9001 [6, с. 75].

2. Модель постепенной адаптации (Республика Беларусь, Армения). Для этих стран характерно более плавное реформирование и сохранение элементов традиционной системы. While также происходит внедрение принципов технического регулирования, роль государственного контроля и обязательной сертификации остается более значимой. Законодательство в большей степени ориентировано на защиту внутреннего рынка, но при этом постепенно интегрирует международные стандарты [7, с. 52].

3. Модель фрагментарного регулирования (ряд других стран СНГ). В некоторых государствах Содружества процесс системного реформирования законодательства о качестве еще не завершен. Нормативная база может представлять собой сочетание устаревших советских ГОСТов и отдельных современных законов, что создает правовую неопределенность для бизнеса [8, с. 56].

Обсуждение результатов выявило ключевое противоречие. С одной стороны, существует очевидный вектор на унификацию, диктуемый экономической целесообразностью и необходимостью интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. С другой стороны, каждая страна сталкивается с уникальными вызовами: особенностями структуры экономики, уровнем развития промышленности, давлением со стороны местного бизне-

са, что и обуславливает сохранение национальной специфики. [9, с. 5]

Важным результатом является также вывод о том, что эффективность законодательства напрямую связана с развитием профессиональных кадров. В странах, где правовой статус уполномоченного по качеству и поддерживается профессиональными стандартами (например, через национальные сертификации по аналогии с IRCA), внедрение современных подходов к управлению качеством происходит значительно успешнее [10, с. 3].

Заключение

Таким образом, эволюция законодательных подходов в России и странах СНГ демонстрирует общую направленность на гармонизацию с международными нормами, но различную скорость и глубину проводимых преобразований. Разрыв между «передовой» и «традиционной» моделями регулирования остается значительным, что продолжает создавать барьеры для взаимной торговли. [11, с. 35] В связи с этим перспективы дальнейшего сближения видятся в углублении работы по принятию межгосударственных технических регламентов в рамках ЕАЭС. Не менее важным направлением является развитие института уполномоченных по качеству и признание их ключевой роли на законодательном уровне [12, с. 36]. Также существенный потенциал содержит активный обмен лучшими практиками между странами СНГ в области стандартизации и оценки соответствия. Что касается дальнейших исследований, то они могут быть посвящены анализу эффективности конкретных межгосударственных регламентов и их влияния на реальные показатели качества продукции.

Литература

1. Акаев А. А., Кефели И.Ф. Проекты и реалии формирования Большого евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 10–25. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25.
2. Агамагомедова С.А. Общий финансовый рынок ЕАЭС: понятие, структура и проблемы формирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 90–97. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-90-97.
3. Мельникова Л.А. Конвергенция правового регулирования искусственного интеллекта в ЕАЭС и ЕС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 98–106. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-98-106.
4. Семянникова Д.А. Некоторые особенности установления правового статуса военных добровольцев в странах – членах ЕАЭС и БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 81–89. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-81-89.

5. Мосейко В.В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 63–74. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74.
6. Дроздова М.А. Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 75–82. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-75-82.
7. Торопыгин А. В., Николаенко А.В. Некоторые тренды сотрудничества ЕАЭС с Латинско-Карибской Америкой // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 167–177. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-167-177.
8. Михневич С. В., Аксенов П.В. Место евразийского бизнеса в процессах формирования Большого Евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 140–152. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-140-152.
9. Колобова Е.Ю. Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского медиапространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 122–132. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-122-132.
10. Погребцова Е.А. Стратегия социально-экономического приграничного сотрудничества в региональном разрезе (на примере Омской области и Республики Казахстан) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 25–37. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-25-37.
11. Торопыгин А. В., Николаенко А.В., Михневич С.В. Роль ЕАЭС в становлении многополярного устройства в мировой политике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 154–164. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-154-164.
12. Обура Ж.-К. О. Роль БРИКС в Африке: результаты и ожидания (правовые и институциональные аспекты) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 2. С. 107–116. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-107-116.

EVOLUTION OF LEGISLATIVE APPROACHES IN RUSSIA AND CIS COUNTRIES

Melnikov D.G.

All Russian state University of justice

The relevance of this study is driven by the intensive processes of economic integration within the CIS space, which require the harmonization of national legislations, including in the field of technical regulation and product quality assurance. The purpose of the section is to analyze the evolution and identify current trends in the develop-

ment of legislative approaches to quality regulation in the Russian Federation and the Commonwealth countries. The work conducts a comparative legal study of key regulatory acts, tracing their transformation from Soviet standards (GOST) to modern systems based on the principles of international ISO 9000 series standards. The authors' main conclusion is that, despite a general trend towards unification and alignment with global requirements, the legislation of each country retains a unique national specificity reflecting the peculiarities of economic development. The result of the study is a systematization of the main models of legislative regulation, which is of practical value for developing further steps to converge legal systems and the successful functioning of the institution of quality commissioners.

Keywords: quality, legislation, technical regulation, standardization, quality management system (QMS), quality commissioner, CIS countries, harmonization.

References

1. Akaev, A. A., Kefeli, I.F. Projects and Realities of Forming the Greater Eurasian Space. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 10–25. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25.
2. Agamagomedova, S.A. The Common Financial Market of the EAEU: Concept, Structure, and Formation Problems. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 90–97. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-90-97.
3. Melnikova, L.A. Convergence of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the EAEU and the EU. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 98–106. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-98-106.
4. Semyannikova, D.A. Some Features of Establishing the Legal Status of Military Volunteers in the EAEU and BRICS Countries. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 81–89. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-81-89.
5. Moseiko, V.V. International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Prospects for Development. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 63–74. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74.
6. Drozdova, M.A. Current Trends in International Legal Regulation of Railway Transport within the EAEU. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 3, pp. 75–82. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-75-82.
7. Toropygin, A. V., Nikolaenko, A.V. Some Trends in EAEU Cooperation with Latin Caribbean America. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 167–177. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-167-177.
8. Mikhnevich, S. V., Aksenov, P.V. The Role of Eurasian Business in the Processes of Forming the Greater Eurasian Space. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 1, pp. 140–152. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-140-152.
9. Kolobova, E. Yu. Political PR in International Digital Communications: Experience of the Eurasian Media Space. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 3, pp. 122–132. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-122-132.
10. Pogrebtsova, E. A. Socio-Economic Border Cooperation Strategy in a Regional Context (Case of Omsk Region and the Republic of Kazakhstan). Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 1, pp. 25–37. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-25-37.
11. Toropygin, A. V., Nikolaenko, A. V., Mikhnevich, S.V. The Role of the EAEU in the Formation of a Multipolar World Order in World Politics. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 3, pp. 154–164. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-154-164.
12. Obura, J.-C. O. The Role of BRICS in Africa: Results and Expectations (Legal and Institutional Aspects). Eurasian Integration: Economics, Law, Politics, 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 107–116. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-107-116.

Административные процедуры в системе государственного контроля (надзора) за соблюдением требований по обеспечению безопасности дорожного движения

Новикова Надежда Владимировна,

адъюнкт кафедры административная деятельность органов внутренних дел, Московский университет МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя; начальник смены 6 отделения (по регистрационной работе и выдаче водительских удостоверений) 4 межрайонного регистрационно-экзаменационного отдела Государственной инспекции безопасности дорожного движения Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Москве, майор полиции
E-mail: vacena2011@mai.ru

Работа посвящена изучению специфических черт административно-процедурных механизмов, которые используются при реализации государственного контроля (надзора) в сфере обеспечения соблюдения норм безопасности дорожного движения. Проводится анализ нормативно-правовой базы функционирования Госавтоинспекции в части выполнения функций по контролю (надзору), исследуются категории контрольно-надзорных процедур и операций. Приоритетное внимание сосредоточено на процессуальных особенностях осуществления властных полномочий в области контроля (надзора), в том числе при выполнении дорожного надзора в отношении организаций, ведущих деятельность в дорожной сфере. Исследуются проблемы правового регулирования административных процедур в данной сфере, анализируются недостатки действующего законодательства. Автором предлагаются направления совершенствования процедурных основ деятельности по контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения, обосновывается необходимость унификации терминологии и процедурной регламентации контрольных (надзорных) действий. Делается вывод о важности четкого правового регулирования административных процедур для обеспечения законности деятельности Госавтоинспекции и защиты прав участников дорожного движения.

Ключевые слова: административные процедуры, государственный контроль, государственный надзор, безопасность дорожного движения, Госавтоинспекция, контрольные мероприятия, дорожный надзор, правовое регулирование, обязательные требования.

Современные условия развития российского государства характеризуются активной трансформацией системы государственного управления, в том числе в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Реформирование контрольной (надзорной) деятельности государственных органов затронуло и полномочия Госавтоинспекции, что актуализирует вопросы совершенствования административных процедур в данной области.

Деятельность по контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения представляет собой сложную систему взаимосвязанных административных процедур, направленных на обеспечение соблюдения обязательных требований различными субъектами. Особую значимость приобретает дорожный надзор как специфическая форма контроля (надзора) за субъектами, осуществляющими дорожную деятельность.

Правовую основу административных процедур в рассматриваемой сфере составляет комплекс нормативных правовых актов, включающий федеральные законы, подзаконные акты и ведомственные нормативные документы. Однако анализ действующего законодательства свидетельствует о наличии существенных пробелов в процедурном регулировании деятельности по контролю (надзору).

Центральное место в системе контроля (надзора) занимают контрольные (надзорные) мероприятия, которые представляют собой совокупность взаимосвязанных контрольных (надзорных) действий, осуществляемых должностными лицами Госавтоинспекции. К числу основных видов таких мероприятий относятся плановые и внеплановые проверки, рейдовые мероприятия, а также постоянные рейды при осуществлении федерального надзора в области безопасности дорожного движения [1].

Алгоритмические характеристики осуществления контрольно-надзорных процедур органами Госавтоинспекции обуславливаются их уникальными чертами и нормативным регулированием, зафиксированным в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [2] и постановлении Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1101 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения» [3]. Как отмечают К.С. Баканов, С.Н. Антонов и М.М. Исаев, актуальная структура процедур по контролю (надзору)

охватывает мероприятия, реализуемые посредством различных функций по контролю (надзору): осмотра, опроса, получения письменных разъяснений, технического исследования, запроса документации, а в ходе профилактического обследования – также досмотра [4]. Вместе с тем проверочное посещение ограничивается продолжительностью одного трудового дня и может осуществляться с применением технических средств удаленного взаимодействия, включая звуковую и визуальную связь, в то время как профилактическое обследование исключается в отсутствие подконтрольного субъекта или его уполномоченного лица, однако предполагает возможность применения фотография, звукозаписи и видеофиксации для документирования свидетельств нарушений императивных норм. Исследователи акцентируют внимание на том, что функциональное предназначение контрольно-надзорных операций состоит в сборе информации, подтверждающей наличие либо отсутствие правонарушения в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, при неукоснительном выполнении процедурных норм, определенных федеральным законодательством и регламентами о соответствующих формах контроля (надзора).

Существенным элементом административной процедуры является документирование результатов контрольных (надзорных) мероприятий Госавтоинспекции, которое в соответствии с реформированным законодательством претерпело значительные изменения, направленные на повышение прозрачности и процедурной определенности контрольно-надзорной деятельности. Согласно исследованиям В.В. Радчишиной, по итогам проведения контрольно-надзорного мероприятия должностное лицо Госавтоинспекции составляет акт контрольного (надзорного) мероприятия, который оформляется непосредственно на месте его проведения в день окончания мероприятия и содержит сведения о проведенных контрольно-надзорных действиях, выявленных нарушениях обязательных требований, лицах, допустивших такие нарушения, а также о мерах, которые должны быть приняты контролируемым лицом для устранения выявленных нарушений [5]. К документу присоединяются журналы контрольных (надзорных) действий, документирующие осуществление таких мероприятий как верификация удостоверений, идентификационных символов, официальных номерных табличек, эксплуатационного состояния автотранспорта, интервьюирование субъектов дорожного трафика, а также предписания о ликвидации обнаруженных правонарушений и прочие сопутствующие документальные материалы, охватывающие данные фотографической, звуковой и видеозаписи.

Особого внимания заслуживает проблема терминологической неопределенности в правовом регулировании рассматриваемой сферы. В научной литературе и нормативных актах встречается использование различных терминов для обозначения

деятельности Госавтоинспекции: «контрольно-надзорная деятельность», «контроль (надзор)», «государственный контроль» и другие. Такая терминологическая разнородность создает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику, поскольку отсутствие единообразного понятийного аппарата приводит к различному толкованию полномочий контролирующих органов, неоднозначному применению процедурных норм и усложнению взаимодействия между различными субъектами контрольно-надзорных отношений [6].

Анализ современного состояния правового регулирования свидетельствует о необходимости унификации понятийного аппарата. Представляется целесообразным использование термина «контроль (надзор)» как тождественного понятия, что соответствует современным тенденциям развития российского законодательства. Соответственно, следует говорить о деятельности по контролю (надзору), а не о контрольно-надзорной деятельности.

Важным направлением совершенствования административных процедур является развитие правовых основ дорожного надзора. Данный вид контроля (надзора) характеризуется специфическими особенностями, обусловленными особенностями объекта контроля – дорожной деятельности. Субъекты дорожной деятельности должны соблюдать широкий круг обязательных требований, контроль за выполнением которых требует применения специальных процедур и методов [7].

Практическая реализация полномочий по контролю (надзору) в области безопасности дорожного движения сталкивается с рядом проблем процедурного характера. К числу основных можно отнести недостаточную детализацию процедур проведения отдельных контрольных (надзорных) действий, отсутствие четких критериев оценки соблюдения обязательных требований, а также проблемы в регулировании порядка применения мер реагирования [8].

Решение указанных проблем требует комплексного подхода к совершенствованию правового регулирования. Необходима разработка детализированных процедурных стандартов, определяющих порядок проведения каждого вида контрольных (надзорных) действий. Особое внимание следует уделить обеспечению баланса между эффективностью контроля (надзора) и защитой прав подконтрольных субъектов [9].

Перспективным направлением развития является внедрение цифровых технологий в процедуры контроля (надзора). Использование современных информационных систем позволит оптимизировать административные процедуры, повысить их прозрачность и объективность. Однако внедрение таких технологий должно сопровождаться соответствующими изменениями в процедурном регулировании [10].

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о важности развития превентивных мер в системе контроля (надзора). Институт официального пре-

достережения, активно развивающийся в российском административном праве, может найти эффективное применение в сфере обеспечения безопасности дорожного движения [11]. Данная мера позволяет предотвратить правонарушения и снизить административную нагрузку на бизнес.

Существенное значение для совершенствования административных процедур имеет развитие административно-правовых режимов в области безопасности дорожного движения. Четкое определение правового статуса участников правоотношений, их прав и обязанностей является необходимым условием эффективного функционирования системы контроля (надзора) [12].

Современные вызовы, связанные с обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия, также оказывают влияние на процедуры контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, что потребовало от Госавтоинспекции существенной корректировки традиционных административных процедур и внедрения новых форм взаимодействия с участниками дорожного движения [13]. Как отмечают В.М. Редкоус, необходимость учета эпидемиологических требований при проведении контрольных (надзорных) мероприятий привела к активному внедрению бесконтактных форм контроля, включая расширение применения автоматических технических средств фиксации административных правонарушений, использование цифровых технологий для проверки документов и дистанционного взаимодействия с водителями [14]. Исследователи В.И. Майорова и А.Ю. Петров подчеркивают, что в рамках адаптации к новым условиям должностные лица Госавтоинспекции были вынуждены модифицировать процедуры документирования результатов контрольно-надзорных мероприятий, внедрив электронное оформление административных материалов, использование QR-кодов для передачи информации о нарушениях, а также бесконтактные способы вручения процессуальных документов через портал государственных услуг и мобильные приложения [13].

Важным аспектом совершенствования административных процедур является обеспечение их соответствия принципам административной реформы. Снижение административных барьеров, повышение качества государственных услуг и внедрение риск-ориентированного подхода должны найти отражение в процедурах контроля (надзора) [15].

Развитие института административных процедур в рассматриваемой сфере требует учета особенностей различных категорий подконтрольных субъектов. Процедуры контроля (надзора) в отношении индивидуальных предпринимателей должны отличаться от процедур, применяемых к крупным организациям, осуществляющим дорожную деятельность.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости комплексного совершенствования административных процедур в системе государственного контроля (надзора)

за соблюдением требований по обеспечению безопасности дорожного движения. Основными направлениями такого совершенствования должны стать: унификация терминологии с использованием понятия «контроль (надзор)» как тождественного; детализация процедурных стандартов проведения контрольных (надзорных) мероприятий и действий; развитие правовых основ дорожного надзора как специфической формы контроля (надзора); внедрение превентивных мер и цифровых технологий в административные процедуры.

Реализация указанных направлений будет способствовать повышению эффективности деятельности Госавтоинспекции, обеспечению законности применения административно-правовых мер и защите прав участников дорожного движения. Дальнейшее развитие административных процедур должно осуществляться с учетом современных тенденций административной реформы и лучших зарубежных практик.

Литература

1. Былинин, И.А. Контроль (надзор) за безопасностью дорожного движения в парадигме проводимой административной реформы / И.А. Былинин // *Вестник административного права и практики администрирования*. – 2022. – № 2. – С. 26–37.
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ: ред. от 28.12.2024: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1101: ред. от 03.11.2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.06.2025).
4. Баканов, К.С. Реформа законодательства о контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения в части дорожного надзора / К.С. Баканов, С.Н. Антонов, М.М. Исаев // *Безопасность дорожного движения*. – 2023. – № 1. – С. 40–51.
5. Радчишина, В.В. Правовые основы государственного контроля и надзора в области безопасности дорожного движения / В.В. Радчишина // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2023. – № 1–3 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-v-oblasti-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya> (дата обращения: 14.06.2025).

6. Калинина, С.В. Нормативно-правовые основы контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения / С.В. Калинина // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2021. – № 1. – С. 64–66.
7. Гнездилова, Д.М. Генезис понятия «деятельность по контролю (надзору)» в компетенции госавтоинспекции / Д.М. Гнездилова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 118–122.
8. Сидоряк, Н.В. Некоторые аспекты реализации государственной функции по контролю и надзору в области обеспечения безопасности дорожного движения / Н.В. Сидоряк // Российская юстиция. – 2011. – № 3. – С. 73–75.
9. Макеева, И.А. Административный надзор за безопасностью дорожного движения в России и зарубежных странах: проблемы и решения / И.А. Макеева // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 9(98). – С. 84–87.
10. Завитова, С.В. Проблемы правового регулирования административных процедур / С.В. Завитова, Т.С. Филиппова // Актуальные вопросы права: Сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава ВИПЭ ФСИН России / под общ. ред. В.Н. Некрасова. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 65–69.
11. Ситникова, В.Ф. Цифровые технологии в контрольно-надзорной деятельности / В.Ф. Ситникова // Современная наука: проблемы и перспективы развития: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. В 3-х частях / под ред. А.Э. Еремеева. – Омск: Омская гуманитарная академия, 2020. – Ч. 1. – С. 100–105.
12. Палазин, С.А. Административные регламенты в сфере безопасности дорожного движения / С.А. Палазин, Ю.И. Чернов, А.А. Щербаков // Эпомен. – 2021. – № 57. – С. 301–307.
13. Майоров, В.И. Государственный контроль и надзор в сфере обеспечения безопасности дорожного движения / В.И. Майоров, А.Ю. Петров // Вестник ННГУ. – 2015. – № 5–6. – С. 249–255.
14. Редкоус, В.М. Некоторые методологические подходы к изучению административно-правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения / В.М. Редкоус // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2021. – № 1 (4). – С. 360–366.
15. Актуальные вопросы состояния и тренды правового регулирования контрольно-надзорной деятельности / А.А. Минина, С.М. Перепадя, О.А. Перепадя, Н.В. Иванча // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9(213). – С. 139–142.

ADMINISTRATIVE PROCEDURES IN THE SYSTEM OF STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER COMPLIANCE WITH REQUIREMENTS FOR ROAD SAFETY

Novikova N.V.

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

This research investigates the characteristics of bureaucratic processes utilized in governmental oversight (monitoring) regarding adherence to regulations within traffic safety domains. The study analyzes the juridical foundation for State Traffic Inspectorate operations in executing oversight (monitoring) functions, while examining categories of supervisory measures and interventions. Particular emphasis is devoted to the procedural dimensions of implementing oversight (monitoring) authorities, encompassing highway supervision of organizations involved in transportation activities. The problems of legal regulation of administrative procedures in this area are investigated, the shortcomings of current legislation are analyzed. The author proposes directions for improving the procedural foundations of control (supervision) activities in the field of road safety, substantiates the need for unification of terminology and procedural regulation of control (supervisory) actions. The conclusion is made about the importance of clear legal regulation of administrative procedures to ensure the legality of the State Traffic Inspectorate activities and protect the rights of road users.

Keywords: administrative procedures, state control, state supervision, road safety, State Traffic Inspectorate, control measures, road supervision, legal regulation, mandatory requirements.

References

1. Bylinin, I.A. Road Safety Control (Supervision) in the Context of the Ongoing Administrative Reform / I.A. Bylinin // NB: Administrative Law and Administration Practice. – 2022. – No. 2. – Pp. 26–37.
2. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ: as amended on December 28, 2024: with amendments and additions, entered into force on June 1, 2025 // SPS "ConsultantPlus". – URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: June 14, 2025).
3. On approval of the Regulation on federal state control (supervision) in the field of road safety and the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation: RF Government Resolution of 30.06.2021 No. 1101: as amended on 03.11.2023 // SPS "ConsultantPlus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 14.06.2025).
4. Bakanov, K.S. Reform of legislation on control (supervision) in the field of road safety in terms of road supervision / K.S. Bakanov, S.N. Antonov, M.M. Isaev // Road Safety. – 2023. – No. 1. – P. 40–51.
5. Radchishina, V.V. Legal basis for state control and supervision in the field of road safety / V.V. Radchishina // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2023. – No. 1–3 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-gosudarstvennogo-kontrolya-i-nadzora-v-oblasti-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya> (date of access: 14.06.2025).
6. Kalinina, S.V. Normative and legal basis for control and supervisory activities in the field of road safety / S.V. Kalinina // Actual problems of administrative law and process. – 2021. – No. 1. – P. 64–66.
7. Gnezdilova, D.M. Genesis of the concept of "control (supervision) activities" in the competence of the state traffic safety inspectorate / D.M. Gnezdilova // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 4 (52). – P. 118–122.
8. Sidoryak, N.V. Some aspects of the implementation of the state function of control and supervision in the field of road safety / N.V. Sidoryak // Russian justice. – 2011. – No. 3. – P. 73–75.
9. Makeeva, I.A. Administrative supervision of road safety in Russia and foreign countries: problems and solutions / I.A. Makeeva // Society: politics, economics, law. – 2021. – No. 9 (98). – P. 84–87.

10. Zavitova, S.V. Problems of legal regulation of administrative procedures / S.V. Zavitova, T.S. Filippova // Current issues of law: Collection of scientific papers of the faculty of the VIPE FSIN of Russia / under the general editorship of V.N. Nekrasov. – Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2020. – P. 65–69.
11. Sitnikova, V.F. Digital technologies in control and supervisory activities / V.F. Sitnikova // Modern science: problems and development prospects: collection of articles from the IV International scientific and practical conference. In 3 parts / edited by A.E. Ereemeev. – Omsk: Omsk Humanitarian Academy, 2020. – Part 1. – P. 100–105.
12. Palazin, S.A. Administrative regulations in the field of road safety / S.A. Palazin, Yu.I. Chernov, A.A. Shcherbakov // Epomen. – 2021. – No. 57. – Pp. 301–307.
13. Mayorov, V.I. State control and supervision in the field of road safety / V.I. Mayorov, A. Yu. Petrov // Bulletin of UNN. – 2015. – No. 5–6. – Pp. 249–255.
14. Redkous, V.M. Some methodological approaches to the study of the administrative and legal foundations of road safety / V.M. Redkous // Management of road safety activities: status, problems, ways of improvement. – 2021. – No. 1 (4). – Pp. 360–366.
15. Current issues of the state and trends in legal regulation of control and supervisory activities / A.A. Minina, S.M. Perepadya, O.A. Perepadya, N.V. Ivancha // Agrarian and land law. – 2022. – No. 9 (213). – P. 139–142.

Транспортная и авиационная безопасность: перевозка предметов и оружия в ручной клади, в багаже, в спецусловиях

Павлов Иван Сергеевич,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации; ассистент кафедры публичного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

Павлов Сергей Иванович,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Грозин Андрей Николаевич,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Трифонов Виктор Александрович,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Дробышевская Марина Владимировна,

старший преподаватель кафедры дерматовенерологии и безопасности жизнедеятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

В статье исследуются правовые нормы в сфере транспортной безопасности. Подвергнута изучению часть правовой системы, которая относится к регулированию правоотношений, возникающих при транспортировке, перевозке и хранению холодного оружия на территории РФ. В начале исследования проведен анализ нормативных правовых документов, регулирующих оборот оружия. Уточнены основные понятия и категории. Рассмотрены определенные исключения, выводящие некоторые объекты из-под действия ФЗ от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Проведен детальный разбор и анализ холодного оружия, как важнейшего объекта научного интереса исследования. Представлены основные критерии переводящие объекты в категорию холодного оружия. При рассмотрении подзаконных актов, представлены варианты правомерного владения, пользования и распоряжения определенными моделями холодного оружия. Причем, разобраны как варианты для граждан (в том числе иностранцев), так и для организаций. Авторами исследования проанализированы угрозы транспортной безопасности, с которыми сталкивается личность, общество и государство. Также рассмотрено лицензирование, как комплекс правовых мероприятий и действий. Различным формам лицензий, даны разъяснения их функционального предназначения. Отдельный блок исследования посвящён изменениям транспортировке холодного оружия и транспортной безопасности в условиях цифровой экономики, развитии технологии интеллектуальных систем, различной степени автоматизации, применения искусственного интеллекта и систем глобального позиционирования (ГЛОНАСС, GPS и их аналогов).

Ключевые слова: транспортная безопасность; авиационная безопасность; правовое регулирование; перевозка; оружие.

Введение

Анализ законодательства Российской Федерации в области транспортной и авиационной безопасности, включая специфику гражданско-правовых договоров перевозки, транспортной экспедиции и хранения, выявляет множественные проблемные аспекты регулирования оборота оружия, боеприпасов и патронов к нему (ООБп). Масштабность выявленных правовых вопросов обусловила необходимость сконцентрировать исследовательское внимание на узком сегменте правоотношений – процессах транспортировки и хранения холодного оружия в пределах РФ [1].

Материалы и методы

Методологическую основу работы составил анализ научных публикаций печатного и электронного формата в открытом доступе. Исследование базируется на сочетании эмпирического метода описания, теоретических методов (гипотетико-дедуктивный, системный, идеализация) и общелогических инструментов (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия).

Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» в абз. 1 ч. 1 ст. 1 определяет оружие как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Согласно абз. 4 ч. 1 ст. 1 закона, холодное оружие характеризуется как средство поражения, действующее посредством мускульной силы человека при непосредственном контакте с целью.

Существенное значение имеет понятие метательного оружия, закрепленное в абз. 5 ч. 1 ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии». Законодатель разграничивает бросковое оружие, использующее мускульную силу для поражения удаленной цели, и стрелковое, применяющее механическую энергию при метании поражающих снарядов.

Метательные ножи и аналогичные предметы, не входящие в группу метаемых снарядов, относятся к бросковому оружию. Абз. 30 ч. 1 ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» определяет метательное бросковое оружие как средство механического поражения удаленной цели броском с применением мускульной силы.

Принципиальное значение имеет разграничение оружия и конструктивно сходных изделий. Абзацы 20–24 ч. 1 ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» выделяют категории: «оружие, имеющее культурную ценность», «старинное (антиквар-

ное) оружие», «копия старинного (антикварного) оружия», «реплика старинного (антикварного) оружия», «списанное оружие». Неточное понимание классификации приводит к ошибкам правовой квалификации.

Часть 2 ст. 1 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» исключает из категории оружия сертифицированные изделия хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды при наличии конструктивного сходства. Законодательство запрещает включение основных частей огнестрельного оружия в конструктивно сходные предметы. Корректная идентификация статуса изделий критически важна для обеспечения транспортной и авиационной безопасности.

С учётом понимания того, что выше были отмечены исключения из правового регулирования оборота собственно оружия, стоит уяснить и разъяснить, что в силу крайне большого возраста и установления даты изготовления оного к XIX в. или ранее, мы можем столкнуться с общественными отношениями, опосредованными нормами права в части трансграничных, международных, межрегиональных и внутригосударственных перевозок исследуемых объектов между территориями с разным правовым режимом, особенностями регулируемыми не только национальным отечественным законодательством и международными договорами, но и коллизионными привязками международного частного права или обычаями и обыкновениями делового оборота. К таким объектам могут относиться в т.ч. те, что имеют культурную ценность.

Определение оружия культурной ценности основано на критериях абз. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», включающих движимые материальные объекты с историческим, художественным, научным или культурным значением независимо от времени создания [2].

Регулирование Музейного фонда РФ осуществляется согласно ч. 5 ст. 5 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ через Положение, утверждаемое Минкультуры России [4]. Процедура включения музейных предметов в фонд регламентирована п. 3.1–3.8 Приказа Минкультуры России от 15.01.2019 № 17.

Закон РФ от 15.04.1993 № 4804–1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» в ч. 7 ст. 1 устанавливает особый порядок трансграничного перемещения оружия культурной ценности [3]. ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения» классифицирует антикварное холодное оружие (старше 50 лет) и историческое (произведенное до 1891 года) [7].

Правовое регулирование специальных категорий оружия формируется системой взаимосвязанных актов. Согласно ч. 8 ст. 14 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», обязательной регистрации подлежит оружие, упомянутое в Законе РФ от 15.04.1993 № 4804–1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей».

Специальный порядок регистрации распространяется на оружие культурной ценности, копии и реплики старинного (антикварного) оружия при временном ввозе иностранными гражданами для участия в историко-культурных мероприятиях. Регламентация включает возможность экспонирования и демонстрации оружия согласно нормам о перемещении культурных ценностей.

Оформление разрешительных документов требует наличия приглашения на мероприятие либо договора с организатором, располагающим разрешением на хранение оружия. Обязательно заверение перечня ввозимого оружия Министерством культуры РФ. Разрешения на временный ввоз-вывоз выдаются Росгвардией или территориальными подразделениями [5, 6].

Начиная дискурс о холодном оружии, которое может быть одной из угроз транспортной, в т.ч. авиационной безопасности, стоит условно разделить его на 2 категории: 1) те модели, которые в рамках действующего законодательства предусмотрены нормами права разрешительного типа правового регулирования – только те модели, которые прямо предусмотрены правовыми нормами, т.е. это те экземпляры холодного оружия, на которые может быть получено разрешение от Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии), – назовём их «холодное разрешённое оружие»; 2) те модели, которые в рамках функционирующей правовой системы прямо запрещены к использованию правовыми нормами и на них невозможно получить в рамках разрешительного порядка никакой документ по типу лицензии, патента или их аналога, – назовём их «запрещённое холодное оружие».

Стоит отметить, что нашей целью не является анализ всех видов оружия, мы не рассматриваем огнестрельное оружие, поэтому лишь единожды считаем значимым упомянуть, что холодное оружие не всегда запрещено, а запрещённое не всегда холодное, что вы могли уяснить на примере вышеупомянутой классификации. Вид юридической ответственности, вменяемой правонарушителю и серьёзность применяемого у нему наказания варьируется.

Часть 1 статьи 6 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» классифицирует метательное бросковое оружие, кистени, кастеты и иные предметы ударно-дробящего и метательного действия, конструктивно созданные как оружие. Исключение составляют спортивный инвентарь и предметы культурной ценности для культурно-образовательных целей.

Отдельную группу формирует холодное клинковое оружие с автоматическим механизмом извлечения. Нормы охватывают изделия с выдвижением клинка при нажатии кнопки или рычага, а также клинки с гравитационным или инерционным извлечением и автофиксацией длиной более 90 мм. Ограничения не распространяются на холодное оружие культурной ценности, включая старинное, антикварное, копии и реплики.

Согласно п. 3.3. ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения», ключевым признаком клинкового холодного оружия служит боевая часть в виде стационарно закрепленного на рукояти клинка [7]. К распространенным образцам относятся телескопические дубинки, кастеты, нунчаки.

Следовательно, складные ножи не могут быть признаны холодным оружием.

Одним из примеров габаритного клинкового (холодного) оружия может выступать модель «охотничий нож Муэла Скорпион», которая соответствует всем признакам холодного оружия: длина клинка, острие, травмобезопасная рукоять, толщина обуха и т.д. Изначально данная модель позиционировалась как охотничий нож, поэтому он предназначен для колющих действий, наподобие древнеримского меча гладиуса, но на удивление не приспособлен для свежевания туши или режущих действий и ничем не превосходит по функциональности кулинарные ножи. Исходя из нормативных требований п. 4.12. ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения», данное изделие не соответствует критериям боевого ножа. Согласно стандарту, боевой нож определяется как контактное и (или) метаемое клинковое колюще-режущее оружие, характеризующееся коротким однолезвийным клинком.

Пункт 4.1 ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения» содержит детальную характеристику кинжала как разновидности контактного клинкового оружия колюще-режущего и рубяще-режущего действия. Технические параметры кинжала предусматривают наличие короткого или среднего клинка, допускающего прямую или изогнутую форму, с обязательным двухлезвийным исполнением. Конструктивная специфика данного оружия обеспечивает значительную проникающую способность за счет узкого протяженного клинка с двусторонней заточкой, при этом эффективность режущего действия может иметь определенные ограничения.

Модель «Бёкер Аппл» представляет собой кинжал особой конструкции: одна сторона имеет двусторонние спуски, другая выполнена в виде плоского лезвия. Согласно п. Б.8.17 указанного ГОСТа, данная модель классифицируется как охотничий нож – разновидность боевого ножа для поражения зверя на охоте. Правовой статус охотничьего ножа как холодного оружия определяется соответствием критериям, установленным в приложении В стандарта.

Нормативные требования приложения В устанавливают комплексную систему признаков холодного оружия: наличие конструктивных элементов поражающего действия (острие, лезвие, сосредоточенная масса с твердой поверхностью); соответствие массогабаритных характеристик физическим возможностям человека; достаточность мускульной силы для эффективного поражения цели; отсутствие прямого хозяйственно-бытового или производственного назначения; наличие специ-

альных конструктивных элементов, затрудняющих хозяйственное использование; избыточная прочность и надежность для бытового применения.

Таким образом, не смотря на конструктивные особенности и являясь охотничьим ножом, он также считается боевым ножом, а значит – холодным клинковым (холодным) оружием.

Ещё одной проанализированной моделью в рамках нашей работы выступит т.н. «Сог Пентагон», производимый в нескольких версиях. С точки зрения российского законодательства считается кинжалом, изготовленным по военному образцу, и относится к оружию, оборот которого в качестве гражданского холодного оружия, ограничен только коллекционированием. В соответствии с п. 3.27. Государственного стандарта РФ ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения» (введен в действие постановлением Госстандарта России от 17 декабря 1998 г. № 401), *коллекционное холодное оружие* – холодное оружие, являющееся (являвшееся) элементом коллекции.

Говоря про варианты правомерного владения, пользования и распоряжения теми модели холодного оружия, которые прямо предусмотрены правовыми нормами, т.е. говоря про те экземпляры, на которые может быть получено разрешение от Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии), – ранее мы называли их «*холодное разрешённое оружие*» – стоит упомянуть разрешительные документы для этого. Классификация таких разрешений дифференцируется значительным образом в зависимости от субъектного состава, объекта пользования и действий с ним [8].

Так, для граждан предусмотрены такие варианты, как:

РОХА – разрешение на хранение и ношение охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия, спортивного огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, охотничьего пневматического оружия или огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему.

Также физическим лицам доступны РХ, РСОА, РКСА, РНГА, РСПА, РТГ, РСПО, РВГ, РНИ.

Иностранцы могут оформить только РВИ – разрешение на вывоз из России приобретённого гражданского оружия.

Для организаций предусмотрены такие варианты, как:

РХ, РПЮ, РХТ, РСЛА, РТЮ, РХИ, РФ, РВЮ.

Считаем необходимым в рамках нашей работы упомянуть в основном лишь первый вариант.

Итак, универсальной лицензии на ношение холодного оружия не существует, что видно из вышеперечисленных вариантов. Именно РОХА после сдачи экзамена, доказывающего наличие требуемых знаний, позволяет приобретать охотничьи оружие. Этот документ в т.ч. даёт право приобрести охотничий нож или кинжал, как в ранее приведённых примерах, т.е. право на холодное оружие.

Иные, предусмотренные ранее аббревиатуры не предоставляют такого права. Даже обладатель

РОХИ может купить, но не может носить оружие. Это разрешение даёт право на транспортировку, но не на ношение оружия.

Нормативная база коллекционирования оружия базируется на п. 30–42 раздела VIII Постановления Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» [9].

Механизм коллекционирования реализуется через п. 30 Постановления во взаимосвязи со ст. 13 ФЗ от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии». Лицензирование осуществляется Росгвардией и территориальными подразделениями по установленному регламенту.

Приказ Росгвардии от 11 мая 2018 г. № 172 регламентирует выдачу гражданам РФ лицензий на приобретение газового, сигнального, холодного клинкового оружия для национальных костюмов и унаследованных кортиков [10]. Приказ Росгвардии от 24 апреля 2018 г. № 148 устанавливает порядок лицензирования коллекционирования и экспонирования оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов для физических и юридических лиц [11].

«Лицензию коллекционера», упомянутую выше оформить не менее трудоёмко, как и РОХА. Её невозможно оформить ради одной единицы холодного оружия, на момент оформления заявителю необходимо владеть несколькими единицами огнестрельного оружия.

Продолжая анализ угроз транспортной, в т.ч. авиационной безопасности, с которыми сталкивается личность, общество и государство, хотим остановиться на том, что получение лицензии определённого вида для холодного оружия – пример правомерной реализации права. Но вместе с этим, установленные законом запреты могут не соблюдаться, и тогда мы будем иметь дело не с использованием субъективного права, когда лицо захотело приобрести оружие или не с исполнением обязанности оформить лицензию при получении такого оружия в наследство, а четвёртой формой реализации – правоприменением, которые будет происходить в рамках административного или уголовного судопроизводства, в случае совершения правонарушения, в т.ч. преступления в сфере оборота оружия.

Так, при отсутствии любой лицензии сотрудники транспортной полиции могут остановить лицо для досмотра на объектах воздушного, железнодорожного, речного, морского транспорта, метрополитена и т.д. В случае выявления факта отсутствия разрешения на оружие, лицо будет привлечено к административной ответственности в виде штрафа с изъятием оружия.

При наличии лицензии владелец холодного оружия может использовать толкование права, квалифицируя свои действия как транспортировку на поясе, а не ношение, но тут итог спора будет зависеть от правоприменителя: судьи, если дела будет рассматриваться в суде, или сотрудника правоохрани-

тельных органов, если спор будет рассматриваться во внесудебном, административном порядке.

Далее, нам видится целесообразным продолжить дискурс применительно ко 2 виду холодного оружия, о котором мы писали выше: те модели, которые в рамках функционирующей правовой системы прямо запрещены к использованию правовыми нормами и на них невозможно получить в рамках разрешительного порядка никакой документ по типу лицензии, патента или их аналога, – которые мы именовали «запрещённое холодное оружие».

К ним относятся ножи-бабочки и автоматические (фронтальные или с кнопкой), а также гравиационные ножи с длиной клинка более 90 мм (не считая упор, ст. 6 ФЗ «об оружии») [1].

Уголовное законодательство РФ определяет два ключевых состава преступлений в сфере оборота холодного оружия: незаконную продажу (ст. 222 УК РФ) и незаконное изготовление (ст. 223 УК РФ) [12].

Постановление Правительства РФ от 15.10.1997 № 1314 «Об утверждении Правил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях» [13] формирует базовый механизм обеспечения транспортной и авиационной безопасности. Документ регламентирует весь спектр операций с оружием: производство, реализацию, передачу, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозку, транспортирование, изъятие, уничтожение и международное перемещение.

Раздел IV данного Постановления регламентирует коллекционирование и экспонирование оружия. Пункт 13 определяет круг субъектов, уполномоченных осуществлять данную деятельность: музеи, экспертные учреждения и специализированные подразделения государственных военизированных организаций.

Абзац 1 пункта 14 Постановления предоставляет государственным военизированным организациям право передачи или продажи оружия для целей коллекционирования и экспонирования. Существенным ограничением выступает запрет на передачу оружия, информация о котором отнесена к сведениям, составляющим государственную тайну.

Абзац 2 пункта 14 Постановления устанавливает дифференцированный подход к передаче оружия различным субъектам. Музеи, экспертные учреждения и специализированные подразделения государственных военизированных организаций могут получать оружие в исходном состоянии, без охлаждения или учебной модификации. Юридическим лицам и гражданам, обладающим лицензией на коллекционирование и экспонирование, передается преимущественно охлажденное или учебное оружие.

Раздел VI Постановления регламентирует процедуры перевозки и транспортировки оружия.

Пункт 23 устанавливает обязательное сопровождение вооруженной охраной при транспортировке любым видом транспорта: воздушным, железнодорожным, водным, автомобильным. Процесс документального оформления регулируется нормативными актами государственных военизированных организаций [14, 15, 19].

Постановление Правительства РФ от 15.10.1997 № 1314 в абзаце 1 пункта 24 предписывает раздельную транспортировку оружия и боеприпасов, причем оружие должно находиться в разряженном состоянии. Дополнительно установлено требование об упаковке оружия и боеприпасов в специальную опечатанную или опломбированную тару.

Пункт 25 Постановления регламентирует действия при обнаружении нарушений целостности транспортного средства, тары, печатей или пломб. В таких случаях старший вооруженной охраны обязан незамедлительно информировать военного коменданта участка или станции, начальника станции, транспортную полицию, документально зафиксировать происшествие и обеспечить охрану места инцидента.

Отдельные правоведы, говоря про проблемы, вызовы и угрозы в сфере транспортной, в т.ч. авиационной безопасности, отмечают в качестве причин усугубления ситуации в анализируемой сфере глобализацию, растущую мобильность населения и развитие транспортной инфраструктуры, благодаря чему создаются условия для «реализации незаконных операционных схем, в том числе оборота оружия» [16]. Рядом источников отмечается, что незаконный оборот оружия, в т.ч. на транспорте, всё ещё выступает одной из передовых вызовов общественному порядку, общественной безопасности [17], правопорядку, гармоничному развитию гражданского общества и транснациональной безопасности. Транспортные средства выступают значимым фактором национальных, региональных и мировой экономик.

Тем не менее, слабости транспортной инфраструктуры могут быть использованы преступными сообществами и отдельными правонарушителями в целях нарушения режима государственной границы, избегания таможенных проверочных мероприятий и непривлечения к отраслевым видам юридической ответственности.

Любой из компонентов системы транспорта, охраняемый управлениями, отделами и иными структурными подразделениями транспортной полиции может быть охарактеризован как объект интереса для преступных сообществ, способных предпринять действия для совершения правонарушений с использованием транспорта любого вида как средства и орудия преступления, в т.ч. в целях перевозки оружия. Практика показывает, чем масштабнее, более дифференцированно, сложнее система транспорта, тем больше слабо охраняемых, технически недостаточно изолированных от противоправных акторов сегментов. Следовательно, правонарушители будут стремиться миновать любые монито-

ринговые действия, административные барьеры, досмотровые и таможенные мероприятия, а также добиваться своих целей при помощи подделки документов. Так, ряд правоведов упоминает «контейнерные перевозки, транзитные грузы и многократные смены видов транспорта» [16].

Федеральные органы государственной власти РФ создали эффективную систему межведомственного взаимодействия правоохранительных структур и силовых ведомств. Данная система обеспечивает комплексный контроль оборота оружия и противодействие его нелегальному распространению [17].

Практическая реализация контрольных функций осуществляется на региональном уровне через проведение скоординированных операций различными ведомствами. Основной целью таких мероприятий выступает пресечение деятельности криминальных группировок, вовлеченных в незаконный оборот оружия [18].

На сегодняшний день преступные сообщества пользуются сложным алгоритмом операций и действий, в рамках которых применяются цифровые технологии для отслеживания перемещения грузов, поддельные документы, уникальные для перевозок разными типами транспорта, что исторически сложилось (накладные, дорожные ведомости, квитанции, ордера, чартеры, коносаменты, путевые листы и др.), увеличение участников транспортных договоров. Излюбленной зоной интереса правонарушителей становятся транзитные зоны, на территории которых контроль и надзор за исполнением норм права и намного ниже, чем в других местах. Они используются при попустительстве или посредничестве коррумпированных чиновников для сокрытия нелегальных товаров в грузопотоке и пассажиропотоке.

Прогресс виден в формировании цифровой экономики, развитии технологии интеллектуальных систем различной степени автоматизации, в т.ч. ИИ, появлении и усложнении таких вариантов персональных данных, как геолокации при помощи ГЛОНАСС или GPS позволяют отслеживать перемещение транспорта во времени и пространстве. Азиатский путь обработки Больших данных (Big data) вкупе с системой распознавания лица вывел использование системы видеонаблюдения на новый уровень. Пользуются благами научно-технического прогресса в т.ч. правонарушители. Несмотря на то, что интеллектуальные системы используются для поиска нетипичных примеров перевозки, выбивающихся из привычной логики особенностей гражданского и предпринимательского оборота, тем не менее, преступники так же пытаются оставаться не пойманными при помощи новаций в области науки и техники: средства криптографии и ключи шифрования переписки помогают преступным сообществам в этом.

Вышеперечисленное приводит нас к однозначному выводу: в XXI веке правоохранительные органы обязаны уметь осуществлять следственную деятельность, дознание и иные правоохранительные

действия в альтернативной реальности, дополненной реальности, в ИТС Интернет и других сферах общественных отношений для поддержания транспортной, в т.ч. авиационной безопасности. Противодействие противоправному обороту оружия – одно из необходимых направлений в комплексе мероприятий для достижения данной цели.

Результаты

В данном исследовании, во-первых, рассмотрено правовое регулирование оборота холодного оружия с акцентом на проблемы транспортировки его разными транспортными системами, во-вторых, углубленно изучен такой блок, непосредственно связанный с холодным оружием, как лицензирование и получение различных форм лицензий как физическим лицом, так и организациям, в-третьих, приведены существенные изменения транспортировки оружия (в т.ч. холодного) в условиях цифровой экономики, широком развитии интеллектуальных систем, различной степени автоматизации, применение искусственного интеллекта и систем глобального позиционирования (ГЛОНАСС, GPS и аналоги).

Заключения и выводы

Исследование показало, что эволюция государства (в нашем случае РФ) приводит в многочисленным изменениям в обществе и развитию экономики. Как следствие, мы прогнозируем рост транспортной системы и как следствие увеличение количества проблем в области транспортной безопасности.

Результаты проведенного исследования существенно расширяют теоретическую базу знаний в области правового регулирования оборота холодного оружия. Полученные данные предоставляют детальные разъяснения процедур лицензирования холодного оружия в современных условиях.

Авторский коллектив осуществил комплексный анализ актуального состояния различных аспектов оборота холодного оружия в контексте развития цифровой экономики. Проведенное исследование включало всестороннее изучение нормативной правовой базы данной области как в теоретическом аспекте юридической науки, так и в практическом применении российского национального права.

Литература

1. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ
2. Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ
3. Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804–1
4. Приказ Минкультуры России от 15.01.2019 № 17 «Об утверждении Положения о Музейном фонде Российской Федерации» (Заре-

гистрировано в Минюсте России 17.04.2019 № 54410)

5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»
6. Приказ Росгвардии № 216, МВД России № 440 от 23.06.2023 «Об утверждении Порядка взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.07.2023 № 74159)
7. Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51215–98 «Оружие холодное. Термины и определения» (введен в действие постановлением Госстандарта России от 17 декабря 1998 г. № 401)
8. Виды разрешений на оружие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/weapon_permit/101559, свободный. – (дата обращения 27.07.2025)
9. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему»)
10. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 11 мая 2018 г. № 172 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче гражданину Российской Федерации лицензии на приобретение газовых пистолетов, револьверов, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов Российской Федерации или казачьей формой, а также лицензии на приобретение отдельной модели боевого холодного клинкового оружия (кортика), унаследованной в соответствии с законодательством Российской Федерации»
11. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 24 апреля 2018 г. № 148 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче юридическому или физическому лицу лицензий на коллекционирование и (или) экспонирование оружия, основных частей огнестрельного оружия, патронов к оружию»
12. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ
13. Постановление Правительства РФ от 15.10.1997 № 1314 «Об утверждении Пра-

вил оборота боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, а также холодного оружия в государственных военизированных организациях»

14. Приказ Министра обороны РФ от 8 июля 2020 г. № 299 «Об утверждении Требований к хранению боевого ручного стрелкового и иного оружия, боеприпасов и патронов к нему, холодного оружия в зависимости от их предназначения, порядка ведения их учета, транспортирования и перевозки воздушным, железнодорожным, водным, автомобильным транспортом под вооруженной охраной в Вооруженных Силах Российской Федерации»
15. Приказ Министерства транспорта РФ от 16 августа 2021 г. № 275 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «О воздушной перевозке оружия и патронов»
16. Троицкий А.О. Незаконный оборот оружия на транспорте как актуальная криминальная угроза // Транспортное право и безопасность. 2025. № 1 (53). С. 112–117.
17. Шаров К.В. Противодействие незаконному обороту оружия в Рос-сийской Федерации /// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 191–198.
18. Башилов В.В. Борьба с организованными формами преступного оборота огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 207 с.
19. Приказ Минтранса России от 28.06.2007 № 82 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»

TRANSPORT SECURITY. AVIATION SAFETY. TRANSIT AND TRANSPORTATION OF WEAPONS OF ANY KIND AND RELATED ITEMS IN HAND LUGGAGE, IN BAGGAGE, IN SPECIAL RULES

Grozin A.N., Pavlov I.S., Pavlov S.I., Trifonov V.A., Drobyshevskaya M.V.
Ural State Medical University, Ural State University of Economics

The article examines the legal norms in the field of transport security. It studies a part of the legal system that relates to the regulation of legal relations arising during the transportation, carriage, and storage of cold weapons on the territory of the Russian Federation. At the beginning of the study, an analysis of the regulatory legal documents governing the circulation of weapons is conducted. The main concepts and categories are clarified. Certain exceptions are considered, which exempt certain objects from the Federal Law No. 150-FZ «On Weapons» dated December 13, 1996. A detailed analysis of edged weapons as the most important object of scientific research has been conducted. The main criteria for classifying objects as edged weapons have been presented. When considering by-laws, options for the legal possession, use, and disposal of certain models of edged weapons have been presented. Moreover, both options for citizens (including foreigners) and for organizations are analyzed. The authors of the study have analyzed the threats to transport security faced by individuals, society, and the state. Licensing is also considered as a set of legal measures and actions. Various forms of licenses are explained in terms of their functional purpose. A separate section of the study focuses on changes in the

transportation of cold weapons and transport security in the context of the digital economy, the development of intelligent systems technology, varying degrees of automation, the use of artificial intelligence, and global positioning systems (GLONASS, GPS, and their analogues).

Keywords: transport security; aviation safety; legal regulation; transit and transportation; weapons.

References

1. Federal Law “On Weapons” of 13.12.1996 No. 150-FZ
2. Federal Law “On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation” of 26.05.1996 No. 54-FZ
3. Law of the Russian Federation “On the Export and Import of Cultural Valuables” of 15.04.1993 No. 4804–1
4. Order of the Ministry of Culture of Russia of 15.01.2019 No. 17 “On Approval of the Regulation on the Museum Fund of the Russian Federation” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 17.04.2019 No. 54410)
5. Federal Law of 03.07.2016 No. 226-FZ “On the Troops of the National Guard of the Russian Federation”
6. Order Rosgvardia No. 216, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 440 of June 23, 2023 “On Approval of the Procedure for Interaction between the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, its Territorial Bodies, and the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation on Issues Within Their Competence in the Sphere of Arms Circulation” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on July 6, 2023, No. 74159)
7. State Standard of the Russian Federation GOST R 51215–98 “Bladed Weapons. Terms and Definitions” (effective from Resolution of the State Standard of Russia dated December 17, 1998, No. 401)
8. Types of Weapons Permits [Electronic resource]. – Access mode: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/weapon_permit/101559, free. – (date accessed 27.07.2025)
9. RF Government Resolution of 21.07.1998 No. 814 “On measures to regulate the circulation of civilian and service weapons and ammunition for them on the territory of the Russian Federation” (together with the “Rules for the circulation of civilian and service weapons and ammunition for them on the territory of the Russian Federation”, “Regulations on the maintenance and publication of the State Cadastre of civilian and service weapons and ammunition for them”)
10. Order of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation of 11 May 2018 No. 172 “On approval of the Administrative Regulations of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation for the provision of a public service for issuing a license to a citizen of the Russian Federation for the acquisition of gas pistols, revolvers, flare weapons, bladed weapons intended for wearing with national costumes of the peoples of the Russian Federation or Cossack uniforms, as well as a license for the acquisition a separate model of combat cold bladed weapons (daggers), inherited in accordance with the legislation of the Russian Federation”
11. Order of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation dated April 24, 2018 No. 148 “On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation for the Provision of a Public Service for Issuing Licenses to Legal Entities or Individuals for the Collection and/or Display of Weapons, Main Parts of Firearms, and Cartridges for Weapons”
12. “Criminal Code of the Russian Federation” dated June 13, 1996 No. 63-FZ
13. Resolution of the Government of the Russian Federation dated October 15, 1997 No. 1314 “On Approval of the Rules for the Circulation of Combat Small Arms and Other Weapons, Ammunition and Cartridges Therefor, as well as Bladed Weapons in State Paramilitary Organizations”
14. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation dated July 2020, No. 299 “On Approval of the Requirements for the Storage of Combat Small Arms and Other Weapons, Ammunition and Cartridges Therefor, Bladed Weapons Depending on Their Intended Purpose, the Procedure for Maintaining Their Records, Transportation, and Carriage by Air, Rail, Water, and

- Road Transport under Armed Guard in the Armed Forces of the Russian Federation”
15. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated August 16, 2021, No. 275 “On Approval of the Federal Aviation Regulations “On the Air Transportation of Weapons and Cartridges”
 16. Troitsky, A. O. “Illegal Arms Trafficking in Transport as a Current Criminal Threat” // Transport Law and Security. 2025. No. 1 (53). pp. 112–117.
 17. Sharov, K. V. “Combating Illegal Arms Trafficking in the Russian Federation” /// Uchen. zap. Kazan. University. Series: Humanitarian Sciences. – 2019. – Vol. 161, Book 1. – Pp. 191–198.
 18. Bashilov, V.V. Combating Organized Forms of Criminal Trafficking in Firearms, Their Main Parts, Ammunition, Explosives, and Explosive Devices: Criminal-Legal and Criminological Aspects: Diss. ... Cand. Sciences (Law). – Moscow, 2000. – 207 p.
 19. Order of the Ministry of Transport of Russia dated June 28, 2007, No. 82 “On Approval of the Federal Aviation Regulations ‘General Rules for the Air Transportation of Passengers, Baggage, Cargo, and Requirements for Servicing Passengers, Shippers, and Consignees”

Система органов обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации

Серков Максим Алексеевич,

соискатель кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: maximserkov1@gmail.com

В статье проводится анализ системы органов обеспечения комплексной безопасности арктической зоны Российской Федерации, выявляются проблемы их функционирования и предлагаются меры по повышению ее эффективности. Автор приходит к выводу, что Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что вопросам развития Арктической зоны уделяется более пристальное внимание, нежели вопросам безопасности в части определения функций и полномочий соответствующих органов.

Ключевые слова: национальная безопасность; комплексная безопасность Арктической зоны; органы государственной власти; Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики; Морская коллегия.

Широта и многогранность системы комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации обуславливает значительное количество различных органов, в полномочия которых входит ее обеспечение.

Органы обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации можно классифицировать по следующим основаниям.

По уровню публичной власти можно выделить федеральные органы государственной власти, органы публичной власти субъектов Российской Федерации и федеральных территорий и органы местного самоуправления. Стоит оговориться, что на уровне федеральных округов также имеются соответствующие полномочия. Так, в компетенцию полномочного представителя Президента в федеральном округе входит представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе¹.

По функциональному назначению федеральные органы власти можно классифицировать на конституционные органы (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации и др.), органы государственной безопасности, общественной безопасности и правоохранительные органы (Федеральная служба безопасности, Федеральная служба войск национальной гвардии, Полиция, МЧС России и др.); иные федеральные органы исполнительной власти (Министерство природных ресурсов и др.), а также совещательные органы (Совет Безопасности Российской Федерации)² и координационные органы (Государственная комиссия по вопросам развития Арктики).

По видам безопасности, составляющим комплексную безопасность Арктической зоны России, можно выделить органы, в полномочия которых входит обеспечение государственной безопасности (ФСБ России), общественной безопасности (МВД России), транспортной безопасности (Ространснадзор) экологической безопасности (Минприроды) и т.п.

По компетенции в сфере обеспечения безопасности можно выделить органы общей компетенции, в задачи которых в том числе входят во-

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»

² Правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации не совсем однозначен. Согласно конституционно-правовому статусу он является совещательным органом, при этом наделён законом координационными полномочиями.

просы обеспечения безопасности (Правительство Российской Федерации) и специальные органы, основное предназначение которых состоит в обеспечении национальной безопасности (ФСБ России).

По территориальной компетенции можно выделить органы, в полномочия которых входит обеспечение безопасности на территории всей страны (ФСБ, Полиция, Росгвардия и др.) органы, созданные для реализации своих полномочий в Арктической зоне (Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики, Государственная комиссия по вопросам развития Арктики), а также органы, в составе которых созданы структурные единицы, посвященные вопросам обеспечения безопасности в Арктике (Совет по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике в составе Морской коллегии).

По порядку принятия решений можно выделить единоначальные органы и коллегиальные. К последним можно отнести, например, Национальный антитеррористический комитет, Морскую коллегию.

Предложенная классификация позволяет проиллюстрировать разветвленную систему органов обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, проследить их функциональную взаимосвязь и взаимодействие.

Специфика обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, учитывая национальные интересы Российской Федерации в макрорегионе, предполагает учет арктической специфики в полномочиях органов, наделенных полномочиями в сфере обеспечения безопасности. Без учета такой специфики сегодня невозможно в полной мере обеспечить безопасность личности, общества и государства в российской Арктике.

Рассматривая полномочия высших органов государственной власти, следует отметить, что в Совете Федерации действует Экспертный совет по Арктике и Антарктике, который является постоянно действующим консультативным органом и рассматривает вопросы формирования и реализации государственной политики и обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике в следующих сферах: социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации, военная безопасность, защита и охрана государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне Российской Федерации, экологическая безопасность, информационные технологии и связь, наука и технологии, культура, предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций¹. Функционирование экспертного совета еще раз указывает о важности и значимости проблематики по обеспечению комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

¹ Распоряжение Председателя СФ ФС РФ от 11.12.2014 № 227рп-СФ «Об Экспертном совете по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

Рассматривая систему органов государственной безопасности, общественной безопасности и других правоохранительных органов следует отметить, что особые полномочия по защите суверенитета и обеспечению государственной безопасности в Арктической зоне Российской Федерации имеет федеральная служба безопасности Российской Федерации.

Органы ФСБ России осуществляют деятельность по защите и охране государственной границы в Арктической зоне Российской Федерации, имеют полномочия по обеспечению безопасности на континентальном шельфе и исключительной экономической зоне Российской Федерации, обеспечивают режим ЗАТО, в том числе меры по защите государственной тайны и другие полномочия.

Немаловажный аспект – участие Росгвардии в обеспечении государственной и общественной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

Учитывая предназначение и задачи, стоящие перед Росгвардией В.М. Шеншин акцентирует внимание на активном наращивании Федеральной службой своего присутствия в Арктическом регионе. Такая деятельность зачастую выражается в защите региона от существующих угроз различного характера, внесение вклада в формирование в Арктике стабильной системы безопасности².

Полиция – наиболее «приближенный» к населению правоохранительный орган, в задачи которого входит широкий круг вопросов в сфере внутренних дел и, прежде всего, обеспечение общественной безопасности и общественного порядка. Любой населенный пункт Арктической зоны не может остаться без обеспечения безопасности граждан и общественного порядка на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах.

Специфика Арктики не может не накладывать отпечаток и на деятельность полиции в регионе.

В условиях Арктической зоны Российской Федерации, в том числе суровых климатических условий, полярной ночи, труднодоступности некоторых населенных пунктов и сложности транспортных коммуникаций и т.п. необходимо учитывать это в организации деятельности Полиции в Российской Арктике, в том числе в надлежащих условиях реализации социальных гарантий сотрудников полиции и членов их семей, что в свою очередь сказывается на уровне обеспечения общественной безопасности. Активное социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации предполагает повышение потребности в обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка. Так, А.Н. Казаков справедливо отмечает, что «оперативное сопровождение процессов строительства и реконструкции объектов транспортного комплекса, наряду с потребностью в обеспечении безопасности граждан от пре-

² Шеншин В.М. Арктика под защитой Росгвардии // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8. С. 37.

ступных посягательств, предполагает расширение сферы ответственности органов внутренних дел на транспорте и создание новых линейных подразделений в Арктике¹.

В части обеспечения защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Арктической зоне Российской Федерации основными полномочиями обладает МЧС России, которое является органом исполнительной власти, реализующим государственную политику и осуществляющие контроль по вопросам гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах.

Среди правоохранительных органов следует выделить Прокуратуру Российской Федерации, которую как конституционный надзорный орган, играющий ключевую роль в обеспечении исполнения закона, с полной уверенностью можно включить в систему органов обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

Отраслевые виды прокурорского надзора, в том числе осуществляемого специализированными прокуратурами, имеют особую значимость в деятельности по обеспечению комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации. К ним можно отнести, например, прокурорский надзор за исполнением законов в сфере обеспечения экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации², в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций³ и другие.

В контексте вектора государственной правовой политики, направленной на развитие Арктической зоны Российской Федерации, представляет интерес такое направление прокурорского надзора, как прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации, который был исследован И.Л. Зеновьевым⁴.

Рассматривая федеральные органы исполнительной власти, следует отметить, что абсолютное большинство из них непосредственно либо опосредованно задействованы в обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской

Федерации с учетом многогранности и широты содержания системы комплексной безопасности российской Арктики, включая государственную, общественную, экономическую, энергетическую, экологическую, информационную, транспортную безопасность, безопасность личности и иные виды.

При этом следует особенно отметить федеральный орган исполнительной власти с территориальной компетенцией – Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, образованное в 2019 году путем переименования Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики⁵.

Анализируя функции и полномочия министерства применительно к настоящему исследованию следует отметить, что они, исходя из названия и предназначения федерального органа исполнительной власти, сконцентрированы, прежде всего, на развитии Арктики, в том числе функции в области создания и функционирования территорий опережающего развития на территории Арктической зоны Российской Федерации, функции федерального координатора северного завоза⁶. Эти функции коррелируют с вопросами обеспечения социально-экономического развития и экономической безопасности Арктической зоны Российской Федерации. Иные виды комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации Министерство не обеспечивает, что, в принципе, логично.

Вместе с тем следует отметить, что к полномочиям министерства нормативный правовой акт относит разработку документов стратегического планирования (концепций, доктрин, стратегий и других документов) развития территорий Дальневосточного федерального округа и Арктической зоны Российской Федерации. При этом к функциям Совета Безопасности Федеральный закон «О безопасности» относит разработку и уточнение стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, а также критериев и показателей обеспечения национальной безопасности, а также осуществление стратегического планирования в области обеспечения безопасности.

Таким образом получается, что документы стратегического планирования в сфере *развития* Арктической зоны Российской Федерации разрабатываются Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, а документы в сфере *безопасности* Арктического регио-

¹ Казаков А.Н. О проблемных вопросах создания подразделений транспортной полиции и организации несения службы в Арктической зоне // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42). С. 106.

² Чернов С.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере охраны окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации // Экологическое право. 2024. № 4. С. 36–38; Зиновьев И.Л. Надзор за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха в Арктической зоне // Законность. 2025. № 1. С. 17–22.

³ См. например: Фокина М.М. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025.

⁴ Зиновьев И.Л. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6 (118). С. 37–50.

⁵ Указ Президента РФ от 26.02.2019 № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»

⁶ Постановление Правительства РФ от 30.06.2012 № 664 «О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики» (вместе с «Положением о Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики») // СПС «КонсультантПлюс»

на – Советом Безопасности Российской Федерации.

При этом действующий документ стратегического планирования – Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года объединяет в себе вопросы развития и безопасности.

В этой связи видится коллизия между Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики и Советом Безопасности Российской Федерации в части разработки таких документов особенно в контексте упразднения в структуре последнего специальной межведомственной комиссии.

Представляется необходимым в этой связи пересмотреть функции и полномочия Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, дополнив их в части обеспечения безопасности в Арктике.

Применительно к координационным органам, в полномочия которых входят вопросы обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, следует рассмотреть созданную в 2024 году Морскую коллегию и Государственную комиссию по вопросам развития Арктики.

Морская коллегия была создана с одновременным упразднением Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике, которая существовала в структуре Совета Безопасности с 2020 года.

Задачи и функции Морской коллегии сосредоточены в Мировом океане, Арктике и Антарктике, при этом исходя из названия органа, а также по смыслу его задач и функций, они не распространяются на сухопутные территории в Арктике, затрагивая, прежде всего, арктическое морское пространство. Применительно к сфере обеспечения безопасности в числе задач и функций коллегии фигурируют: «национальная безопасность в сфере морской деятельности»; «безопасность мореплавания и судоходства», а также «оборона страны и безопасность государства в Мировом океане».

При этом согласно положению о Совете по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике, созданном при Морской коллегии, в его компетенцию входят вопросы, выходящие за пределы функций и задач самой коллегии и не входящих в сферу морской деятельности, среди которых, например: выявление внутренних и внешних угроз национальной безопасности Российской Федерации в Арктике и т.п.¹

Таким образом, Совет по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике при Морской коллегии видится немного «инородным

телом», поскольку его задачи и функции в сфере обеспечения безопасности в Арктике выходят за сферу морской деятельности.

В качестве координационного органа территориальной компетенции следует рассмотреть Государственную комиссию по вопросам развития Арктики. Комиссия обеспечивает взаимодействие федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций при решении социально-экономических и других задач, касающихся развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности².

Несмотря на то, что вопросы национальной безопасности прописаны в функционале Государственной комиссии и раскрываются в ряде ее полномочий, основное предназначение комиссии, исходя из ее названия – развитие Арктики, вопросы безопасности комиссией решаются лишь постольку, поскольку это связано с развитием Арктической зоны Российской Федерации.

Таким образом, на сегодняшний день координационными органами в сфере обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации являются Морская коллегия (в лице функционирующего в ее структуре Совета по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике) и Государственная комиссия по вопросам развития Арктики.

При этом исходя из специфики данных органов, вопросы безопасности не находятся в их непосредственном функционале.

Проведенный анализ деятельности координационных органов в сфере безопасности российской Арктики дал основание сделать вывод о том, что упразднение Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике в связи с образованием Морской коллегии было ошибочным решением, поскольку на сегодняшний день ни один из существующих координационных органов в сфере Арктической зоны не сконцентрирован исключительно на вопросах безопасности.

Целый ряд полномочий упраздненной Межведомственной комиссии Совета Безопасности не перешел в юрисдикцию существующих координационных органов. Кроме того, имеются существенные отличия в составе сравниваемых органов. Так, состав упраздненной Межведомственной комиссии при Совете Безопасности отличался наличием первых лиц органов «силового блока». Состав Совета по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике при Морской коллегии в большей степени отражает специфику морской политики, в то время как состав Государственной комиссии по вопросам развития

¹ Совет по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Официальный сайт // Режим доступа: <https://marine.org.ru/structure/convocation/16346/?ysclid=mf2nitavc119028293> (дата обращения 02.09.2025 г.)

² Постановление Правительства РФ от 14.03.2015 № 228 «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики» // СПС «КонсультантПлюс»

Арктики, соответственно, специфику социально-экономического развития.

Думается, что упразднение Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике негативно скажется на взаимосвязанной деятельности органов публичной власти по обеспечению комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

Поскольку при обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации речь идет о части территории страны, рядом соответствующих полномочий обладают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Рассматривая систему органов обеспечения региональной безопасности, нельзя не отметить созданные в большинстве субъектов Российской Федерации органы исполнительной власти по обеспечению региональной безопасности.

Проведенный анализ функционирующих в системе органов исполнительной власти девяти субъектов Российской Федерации, которые (или части которых) находятся в Арктической зоне России органов обеспечения региональной безопасности, дал основание выделить 3 основных модели.

Первая модель – функционирование в субъекте Российской Федерации органа исполнительной власти, осуществляющего задачи и функции по гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Архангельская область). Данные органы в своем названии, как правило, имеют словосочетание «гражданская защита», «гражданская оборона», «защита населения» и т.п. При этом орган региональной безопасности с компетенциями, выходящими за сферу гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций в этих регионах отсутствует.

Вторая модель – функционирование в субъекте Российской Федерации органа региональной безопасности, включающего в свой функционал гражданскую оборону, защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности, а также иные вопросы региональной безопасности, например профилактика терроризма и экстремизма. (Мурманская область).

Третья модель – наличие в субъекте Российской Федерации двух органов исполнительной власти в сфере безопасности, при этом один из них имеет полномочия в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а второй является органом региональной безопасности в широком смысле (Ямало-Ненецкий автономный округ, Красноярский край¹).

¹ Управление Губернатора Красноярского края по безопасности является структурным подразделением Администрации

Оптимальной с точки зрения нормативного регулирования, административных процедур, контроля и надзора, представляется третья модель системы органов региональной безопасности. Так, например, в системе органов исполнительной власти Ямало-Ненецкого автономного округа самостоятельно функционируют департамент гражданской защиты и пожарной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа, а также Департамент региональной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа². Последний обладает широкими полномочиями в сфере обеспечения региональной безопасности, предоставленными федеральным законодательством в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов. Среди них и противодействие терроризму и экстремизму, в том числе полномочия в сфере антитеррористической защищенности объектов (территорий), и охрана общественного порядка и деятельность в сфере народных дружин и т.п.³.

Проведенный анализ задач, функций и полномочий органов исполнительной власти по обеспечению региональной безопасности арктических субъектов Российской Федерации дает основание сделать вывод, что специфика Арктической зоны Российской Федерации, в том числе вопросы защиты национальных интересов России в Арктике практически не учитывается в их функционировании.

В виде исключения можно отметить вопросы в сфере содействия защите Государственной границы Российской Федерации в числе полномочий Департамента региональной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа⁴, а также координацию северного завоза как одно из полномочий Министерства по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия)⁵.

В части системы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, территории которых входят в Арктическую зону можно предложить создать органы обеспечения региональ-

Губернатора Красноярского края, а не отдельным органом исполнительной власти (Распоряжение Администрации Губернатора Красноярского края от 02.03.2020 № 65-ра «Об утверждении Положения об управлении Губернатора Красноярского края по безопасности». // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс»)

² Постановление губернатора Ямало-ненецкого автономного округа от 5 августа 2024 года № 60-ПГ «О некоторых вопросах системы, структуры и предельной штатной численности исполнительных органов Ямало-Ненецкого автономного округа» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс»

³ Постановление Правительства Ямало-ненецкого автономного округа от 22 ноября 2021 года № 1024-П «О департаменте региональной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс»

⁴ Там же.

⁵ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 12 ноября 2021 года № 468 «Об утверждении положений о Министерстве по делам гражданской обороны и обеспечению безопасности жизнедеятельности населения Республики Саха (Якутия) и его коллегии» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс»

ной безопасности в тех субъектах, в которых они отсутствуют, предусмотрев в их полномочиях вопросы обеспечения комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации, входящие в предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Важный вопрос в части деятельности органов региональной безопасности в арктических субъектах Российской Федерации – организация межрегионального взаимодействия в сфере безопасности, о чем также отмечают исследователи¹. Однако в связи с описанной выше реформой координационных органов перспективы организации такого взаимодействия вызывают сомнения.

Вопросы региональной безопасности можно рассматривать также на уровне местного самоуправления. Следует согласиться с Е.С. Фадеевой в том, что «Вопросы правового регулирования и осуществления местного самоуправления в Арктической зоне Российской Федерации остаются недостаточно изученными в науке»². Особую актуальность соответствующие исследования представляют в части участия органов местного самоуправления в обеспечении комплексной безопасности российской Арктики.

Представляется, что закреплённая на федеральном уровне³ возможность ввести федеральным законом особенности осуществления отдельных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в Арктической зоне Российской Федерации должна распространиться на сферу обеспечения безопасности в условиях Арктики, что может положительно сказаться на реализации правовых режимов Арктической зоны Российской Федерации.

Помимо федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, в обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации участвуют государственные корпорации. Так, например, организацию плавания судов в акватории Северного морского пути осуществляется Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом»⁴.

¹ Ивченко Б.П. Актуальные вопросы правового регулирования в Арктической зоне Российской Федерации / Б.П. Ивченко, С.Е. Алешичев. – Санкт-Петербург: Изд-во БГТУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, 2024. С. 20.

² Фадеева Е.С. Правовые аспекты развития местного самоуправления в Арктической зоне России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 24.

³ См. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» // СПС «КонсультантПлюс»

При обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации важным аспектом является взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества, в том числе некоммерческими организациями, общественными объединениями, религиозными организациями и т.п.

В настоящее время действующее российское законодательство включает ряд различных форм такого взаимодействия. К ним можно отнести участие граждан в охране общественного порядка⁵, в том числе посредством деятельности народных дружин, участие казачества в обеспечении правопорядка и общественной безопасности⁶, деятельность добровольных пожарных дружин⁷ как серьезное подспорье в работе МЧС России в Арктическом регионе⁸ и т.п.

Одним из важнейших направлений участия институтов гражданского общества в обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации можно назвать участия граждан в защите Государственной границы Российской Федерации.

Федеральное законодательство очерчивает границы участия граждан в защите Государственной границы Российской Федерации. Законодательство субъектов Российской Федерации закрепляет в качестве формы участия граждан – членов добровольных народных дружин в защите Государственной границы Российской Федерации взаимодействия с пограничными органами ФСБ России. При этом как справедливо отмечает Ю.Г. Федотова, в законодательстве субъектов Российской Федерации существуют определенные особенности правового регулирования деятельности добровольных народных дружин, которое с учетом специфики конкретного региона может повысить эффективность привлечения граждан к защите Государственной границы Российской Федерации⁹.

В качестве примера можно привести законодательную инициативу Министерства региональной безопасности Мурманской области 15 мая 2025 года о привлечении добровольцев к охране Государственной границы Российской Федерации на территории Мурманской области¹⁰. В настоящее время

⁵ Федеральный закон от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СПС «КонсультантПлюс»

⁶ Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // СПС «КонсультантПлюс»

⁷ Федеральный закон от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» // СПС «КонсультантПлюс»

⁸ Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И. О месте МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в арктической зоне Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). С. 52.

⁹ Федотова Ю.Г. Формы и виды участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства, не связанные с включением в состав военной организации государства // Современное право. 2016. № 2. С. 22.

¹⁰ Проект Закона Мурманской области «О регулировании отдельных вопросов отношений, связанных с участием граждан в защите Государственной границы Российской Федерации на территории Мурманской области» // Открытый элект-

мя проект закона находится на стадии обсуждения. Если нормативный правовой акт будет принят, он выступит нормативной основой для совершенствования детальности по охране Государственной границы в Кольском Заполярье в рамках обеспечения национальных интересов и безопасности в Арктической зоне Российской Федерации.

Представляется необходимым введение подобного нормативного регулирования в тех арктических регионах Российской Федерации, в которых оно отсутствует и, соответственно, использование положительного опыта тех регионов, которые внедриli данную практику в деятельность пограничных органов.

Помимо этого, необходимо создавать новые и совершенствовать существующие механизмы участия институтов гражданского общества в обеспечении комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации в целях создания эффективного механизма взаимодействия граждан и общественных объединений в деятельности по защите интересов личности, общества и государства в Российской Арктике.

Нельзя не отметить создание в 2020 году Общественного совета Арктической зоны учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, проживающих в Арктической зоне, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений, некоммерческих организаций при осуществлении государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере развития Арктической зоны¹. Представляется важным расширение функций Общественного совета и привлечение его к участию в вопросах обеспечения различных видов безопасности в системе комплексной безопасности Арктической зоны Российской Федерации.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что исходя из двух глобальных интересов Российской Федерации в Арктике – социально-экономического развития и безопасности, лежащих в основе современной арктической политики, вопросам развития Арктической зоны уделяется более пристальное внимание, нежели вопросам безопасности в части определения фикций и полномочий соответствующих органов (Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, Морская коллегия).

В этой связи представляется необходимым совершенствование системы органов, наделённых полномочиями в сфере обеспечения безопасности в Арктической зоне Российской Федерации, в том числе в рамках координационной деятельности в указанном направлении.

ронный регион «Портал Мурманской области». Режим доступа: <https://openregion.gov-murman.ru/npa/546745/> (дата обращения 18.05.2025 г.)

¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»

Литература

1. Зиновьев И.Л. Надзор за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха в Арктической зоне // Законность. 2025. № 1.
2. Ивченко Б.П. Актуальные вопросы правового регулирования в Арктической зоне Российской Федерации / Б.П. Ивченко, С.Е. Алешичев. – Санкт-Петербург: Изд-во БГТУ «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, 2024.
3. Казаков А.Н. О проблемных вопросах создания подразделений транспортной полиции и организации несения службы в Арктической зоне // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42).
4. Фадеева Е.С. Правовые аспекты развития местного самоуправления в Арктической зоне России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1.
5. Федотова Ю.Г. Формы и виды участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства, не связанные с включением в состав военной организации государства // Современное право. 2016. № 2.
6. Фокина М.М. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2025.
7. Чернов С.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере охраны окружающей среды в Арктической зоне Российской Федерации // Экологическое право. 2024. № 4.
8. Шеншин В.М. Арктика под защитой Росгвардии // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8.
9. Шеншин В.М., Назарова И.С., Уткин Н.И. О месте МЧС России в системе обеспечения национальной безопасности в арктической зоне Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221).

SYSTEM OF ORGANS PROVIDING COMPLEX SECURITY IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Serkov M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the system of bodies responsible for ensuring the comprehensive security of the Arctic zone of the Russian Federation, identifies problems in their functioning, and proposes measures to improve their effectiveness. The author concludes that the study has shown that the development of the Arctic zone is given more attention than the security aspects in terms of defining the functions and powers of the relevant bodies.

Keywords: national security; comprehensive security of the Arctic zone; government bodies; Ministry for the Development of the Far East and the Arctic; Maritime Collegium.

References

1. Zinoviev I.L. Supervision of Compliance with Legislation on Atmospheric Air Protection in the Arctic Zone // Legality. 2025. No. 1.
2. Ivchenko B.P. Current Issues of Legal Regulation in the Arctic Zone of the Russian Federation / B.P. Ivchenko, S.E. Aleshichev. – St. Petersburg: Publishing House of BSTU "Voennemkh" named after D.F. Ustinov, 2024.

3. Kazakov A.N. On the Problematic Issues of Creating Transport Police Units and Organizing Their Service in the Arctic Zone // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (42).
4. Fadeeva E.S. Legal Aspects of Local Self-Government Development in the Arctic Zone of Russia // State Power and Local Self-Government. 2023. No. 1.
5. Fedotova Yu.G. Forms and Types of Citizen Participation in Ensuring National Defense and State Security Not Related to Inclusion in the State Military Organization // Modern Law. 2016. No. 2.
6. Fokina M.M. Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws in the Sphere of Protecting the Population and Territories from Emergencies. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2025.
7. Chernov S.N. Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws in the Sphere of Environmental Protection in the Arctic Zone of the Russian Federation // Environmental Law. 2024. No. 4.
8. Shenshin V.M. The Arctic under the Protection of the Russian National Guard // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 8.
9. Shenshin V.M., Nazarova I.S., Utkin N.I. On the Place of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the System of Ensuring National Security in the Arctic Zone of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 5 (221).

Проблемы квалификации фальсификации доказательств: вопросы разграничения со смежными составами и совершенствования диспозиции ст. 303 УК РФ

Скороходов Артём Константинович,

ассистент академического департамента Школы права
и управления, Тюменский государственный университет
E-mail: skorohodoff.artem@yandex.ru

В настоящей статье автором проводится критический анализ предложений по совершенствованию диспозиции части 1 статьи 303 УК РФ в части характеристики предмета преступления путем указания на «арбитражные дела». Также исследование посвящено разграничению фальсификации доказательств от смежных составов преступления, предусматривающих ответственность за подлоги. Дана оценка позиции Верховного Суда РФ относительно квалификации деяний, предусмотренных частью 2 и 3 статьи 303 УК РФ, по совокупности с деяниями, предусмотренными статьями 299 и 300 УК РФ. В результате проведенного исследования сформулированы предложения по квалификации фальсификации доказательств в условиях конкуренции уголовно-правовых норм и по совокупности преступлений, а также выявлены отдельные проблемы в законодательной регламентации признаков субъекта исследуемых составов преступлений и предложены доктринальные проекты изменений в части 1–3 статьи 303 УК РФ.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, момент окончания фальсификации доказательств, квалификация преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм, совокупность преступлений.

Любой вид судопроизводства неразрывно связан с установленным порядком доказывания. Важность уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в этой сфере, не вызывает сомнений. Охране установленного порядка доказывания посвящены уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за фальсификацию доказательств (части 1–3 статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). Так, согласно части 1 статьи 303 УК РФ предусмотрена ответственность за фальсификацию доказательств по гражданским и административным делам, а также по делам об административных правонарушениях.

При этом в литературе встречаются предложения, касающиеся необходимости указания, помимо прочего, на «арбитражные дела» [1, С. 89]. И.С. Благодарь предлагает «установить в ч. 1 ст. 303 УК уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому (арбитражному) делу...» [2, С. 19]. По нашему мнению, к таким предложениям следует отнестись критически в виду следующего.

Не вызывает сомнений, что важно уделять внимание точным формулировкам диспозиции части 1 статьи 303 УК РФ в части описания видов процессуальных дел, поскольку законодательные конструкции «по гражданскому, административному делу», «по делу об административном правонарушении» наряду с термином «доказательство» (понимаемым и как информация, и как форма, поскольку может быть сфальсифицирован источник доказательства без искажения его содержания) характеризуют предмет преступления. Однако, касаясь оценки указанных выше предложений, обозначим, что арбитражные суды рассматривают и разрешают гражданские дела, возникающие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [3]. Сама дефиниция «арбитражное дело» отсутствует в употреблении в арбитражном процессе как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Дела, рассматриваемые арбитражными судами, могут быть только гражданскими, административными либо же делами об административных правонарушениях [4, С. 48].

Кроме того, в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» прямо указано на то, что процедура доказывания в арби-

тражном судопроизводстве уже является предметом уголовно-правовой охраны¹.

Таким образом, выдвинутое в теории уголовного права предложение о необходимости расширения перечня предметов уголовно-правовой охраны части 1 статьи 303 УК РФ путем включения в диспозицию статьи указания на «арбитражные дела» представляется избыточным, поскольку установленный порядок доказывания по таким делам уже взят под охрану указанной уголовно-правовой нормой с учетом взаимосвязанных положений арбитражного процессуального законодательства, трактующего «арбитражные дела» как гражданские, административные дела и дела об административных правонарушениях, которые рассматриваются в порядке арбитражного судопроизводства (статьи 27–31, 202–211 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)).

Особенности предмета фальсификации доказательств имеет важное значение для квалификации такого деяния, в том числе и для его разграничения от смежных составов преступлений. Так следует отметить случаи, когда предмет фальсификации доказательств одновременно является предметом иного подлога: к примеру, государственная награда РФ (статья 327 УК РФ), документы на лекарственные средства (статья 327.2 УК РФ), регистры бухгалтерского учета кредитной организации (статья 172.1 УК РФ) и иные.

И.А. Волкова при разрешении перечисленных выше вопросов предлагает осуществлять квалификацию в зависимости от направленности умысла: в случае фальсификации доказательств, выступающих при этом предметами иных составов преступлений, если такой подлог совершен с целью фальсификации доказательств, а не использования подложных документов с иной целью, – по правилам конкуренции общей и специальной нормы по соответствующей части статьи 303 УК РФ. В случае, если предмет фальсификации доказательств и иного вида подлога каким-либо образом сочетаются, то квалификацию деяния следует производить по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за специальный вид подлога в случаях, когда такой подлог был до момента возбуждения уголовного дела, либо по соответствующей части статьи 303 УК РФ в случаях, когда такой подлог был осуществлен после возбуждения уголовного дела (при наличии иных признаков состава преступления) [5, С. 122].

Общественная опасность фальсификации доказательств заключается не в создании какого-либо подложного предмета материального мира, а в его последующем использовании в процессе доказывания в рамках соответствующего вида судопроизводства.

Таким образом, если фальсификация доказательств сопряжена с иным видом подлога, но умысел виновного направлен именно на нарушение установленного порядка доказывания, то содеянное следует квалифицировать только по соответствующей части статьи 303 УК РФ. В случае же, если данный предмет использован виновным лицом иным образом, кроме как с целью фальсификации доказательств, то может иметь место реальная совокупность преступлений.

Продолжая рассматривать вопросы квалификации фальсификации доказательств, полагаем, что уголовно-правовая норма, устанавливающая уголовную ответственность за принуждение к даче показаний (статья 302 УК РФ), является смежным составом преступления с фальсификацией доказательств (статья 303 УК РФ). Данный вывод основан на тождественности непосредственных основных объектов данных деяний, а также на предмете, в качестве которого в случае со статьей 302 УК РФ выступают доказательства, представленные показаниями подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля, а также заключением эксперта или специалиста. При этом принуждение к даче показаний имеет специфичный способ совершения данного преступления, поскольку воздействие на предмет преступного посягательства происходит опосредованно путем дачи показаний другим лицом [6].

Данный вывод основан на тождественности непосредственных основных объектов данных деяний, а также на предмете, в качестве которого в случае со статьей 302 УК РФ выступают доказательства, представленные показаниями подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля, а также заключением эксперта или специалиста. При этом принуждение к даче показаний имеет специфичный способ совершения данного преступления, поскольку воздействие на предмет преступного посягательства происходит опосредованно путем дачи показаний другим лицом

Вызывает вопросы квалификация случаев, когда должностное лицо, например, следователь, выполняет объективную сторону принуждения к даче показаний, а в последующем формирует протокол следственного действия, содержащий в себе заведомо ложные сведения, полученные из таких показаний (протокол допроса). Предполагается, что следователем совершается фальсификация доказательств одновременно с использованием иного лица (его принуждение к даче показаний) и последующее процессуальное закрепление этого доказательства посредством формирования сфальсифицированного протокола допроса.

На практике трудно представить принуждение к даче показаний без последующего их закрепления в процессуальном виде в силу того, что такое закрепление и будет являться целью принуждения (или подкупа) к даче показаний. Однако за фальсификацию доказательств по уголовному делу законодателем предусмотрена более строгая уголов-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ная ответственность, чем за принуждение к даче показаний.

Полагаем, что совокупность преступлений, предусмотренных статьями 302 и 303 УК РФ, может быть только в случае, когда следователь осуществляет посредственное причинение вреда общественным отношениям (часть 2 статьи 33 УК РФ): путем принуждения (статья 302 УК РФ) фальсифицирует протокол допроса (статья 303 УК РФ). Например, умысел следователя состоит одновременно и в принуждении допрашиваемого лица к даче показаний, и в фальсификации протокола допроса этого лица путем внесения в протокол необходимых следователю сведений, которые допрашиваемое лицо говорит с указания следователя, либо подписания допрашиваемым лицом уже изготовленного следователем протокола допроса.

Отметим, что момент окончания фальсификации доказательств определяется особенностями способа, субъекта и предмета преступления:

- фальсификацию в форме представления в дело поддельных предметов или документов, имеющих доказательственное значение, со стороны участника судопроизводства следует считать оконченным преступлением с момента совершения им всех необходимых для представления действий;
- фальсификацию в форме приобщения к делу поддельных предметов или документов, имеющих доказательственное значение, со стороны должностного лица, в производстве которого находится дело (следователь, лицо, производящее дознание, должностное лицо, уполномоченное рассматривать дела об административных правонарушениях, либо должностное лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях), следует считать оконченным преступлением с момента принятия процессуального решения о приобщении;
- фальсификацию в форме подлога имеющихся в деле доказательств следует считать оконченным преступлением с момента внесения ложных сведений или исправлений, искажающих действительное содержание;
- фальсификацию в форме уничтожения и сокрытия доказательств следует считать оконченным преступлением с момента изъятия предмета или документа из доказательственной базы.

Исходя из этого, приобщение к материалам уголовного дела сфальсифицированного протокола допроса лица, принужденного к даче показаний, образует оконченный состав фальсификации доказательств по уголовному делу (часть 2 статьи 303 УК РФ). В данном случае, принуждение к даче показаний может выступать как приготовление к фальсификации доказательств.

Таким образом, с учетом того, что подкуп и принуждение к даче показаний (статьи 302, 309 УК РФ) в некоторых случаях являются уголовно-наказуемыми способами приготовления к фальсификации доказательств, следует квалифицировать

составление и подписание сфальсифицированного в результате подкупа или принуждения допрашиваемого лица протокола допроса лицом, производящим дознание, следователем, прокурором по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 303 и статьей 302 или статьей 309 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 изложена позиция относительно того, что действия должностного лица, которое на основании сфальсифицированных или доказательств привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или 3 статьи 303 УК РФ и статьей 299 либо статьей 300 УК РФ.

В качестве примера можно привести уголовное дело, описанное в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 за 2016 год, по которому должностное лицо, сфальсифицировавшее доказательства с целью привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности, осуждено по совокупности статей. 299 и 303 УК РФ¹.

Полагаем, что исследуемые составы преступлений достаточно прочно связаны друг с другом, выполнение объективной стороны статьи 299 УК РФ трудно представить без фальсификации доказательств. Так, привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного считается оконченным преступлением с момента вынесения соответствующим должностным лицом постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого [7, С. 110]. Данный порядок регламентирован процессуальным законодательством: в статье 171 УПК РФ предусмотрено, что привлечение лица в качестве обвиняемого возможно при наличии достаточного количества доказательств его причастности к совершению преступления.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что фальсификация доказательств возможна с целью привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности, поскольку для реализации обозначенной цели, в ряде случаев, требуется осуществить фальсификацию доказательств по уголовному делу.

Более того, наблюдаются противоречия в позиции, изложенной Верховным Судом РФ в ранее упомянутом постановлении Пленума, относительно тяжких последствий, предусмотренных в части 3 статьи 303 УК РФ, к которым относится, в частности, привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица.

Данная позиция также ставит под сомнение возможность наличия идеальной совокупности между составами преступлений, предусмотренных статьями 303 и 299 УК РФ. Это обусловлено тем, что при наличии таких последствий, согласно дей-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2016) [Электронный ресурс] // URL: <http://ivo.garant.ru/#/-document/71571246> (дата обращения: 13.09.2024).

ствующей правоприменительной практике, следует квалификация по совокупности преступлений, что, по своей сути, образует двойное вменение, недопустимое действующим уголовным законом.

Безусловно, такое тяжкое последствие, как привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, возможно и при фальсификации доказательств, поскольку признаки субъекта фальсификации доказательств шире, чем у деяния, предусмотренного статьей 299 УК РФ. Кроме того, следует обратить внимание на различия в субъективной стороне этих двух составов преступлений.

Кроме того, обращаем внимание, что деяния, предусмотренные статьями 299 УК РФ и 303 УК РФ, могут образовывать совокупность преступлений, но только реальную. Однако, по нашему мнению, такая квалификация возможна в условиях, когда фальсификация доказательств осуществляется отдельно от объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 299 УК РФ, и образует самостоятельный состав преступления, при этом не являясь способом совершения незаконного привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности. В противном же случае считаем, что фальсификация доказательств, преследуя цель незаконного привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности, является имманентным ей составом преступления, и необходима учтенная совокупность, как это было в соответствии с положениями статьи 176 УК РСФСР 1960 года [8].

На практике трудно представить деяние по незаконному привлечению заведомо невиновного лица к уголовной ответственности без фальсификации доказательств, поскольку в большинстве случаев эти преступления настолько сопряжены друг с другом, что выполнение объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 299 УК РФ, в большинстве случаев невозможно без имманентного ей состава преступления, предусмотренного статьей 303 УК РФ.

Также стоит обратить внимание на санкции частей 2 и 3 статьи 303 УК РФ и части 1 статьи 299 УК РФ. Так, за совершение деяния, предусмотренного частью 2 статьи 303 УК РФ, предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет, а за совершение деяния, предусмотренного частью 3 статьи 303 УК РФ, – сроком до 7 лет. При этом часть 1 статьи 299 УК РФ предусматривает альтернативное наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет.

Считаем, что конструкция санкции статьи 299 УК РФ предусматривает, что привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности включает в себя и фальсификацию доказательств, поэтому устанавливается более строгое наказание за совершение данного преступления.

Полагаем, что вопрос квалификации в условиях конкуренции указанных норм должен разрешаться аналогично положениям, приведенным в пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Как следует из указанного постановления, мошенничество с использованием поддельного официального документа, изготовленного другим лицом, охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ¹.

По нашему мнению, из изложенного следует вывод, что при совершении деяния, предусмотренного статьей 299, при наличии признаков деяния, предусмотренного статьей 303 УК РФ, необходимо с учетом положительного советского опыта сконструировать диспозицию состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 299 УК РФ, с указанием на квалифицирующий признак – фальсификацию доказательств.

Аналогично рассмотренному выше вопросу следует разрешать и вопрос квалификации деяния, содержащего в себе признаки фальсификации доказательств, но направленного на незаконное освобождение от уголовной ответственности (статья 300 УК РФ). В рассматриваемом случае так же, как и в отношении состава преступления, предусмотренного статьей 299 УК РФ, следует указать на квалифицирующий признак – фальсификацию доказательств, что будет свидетельствовать об учтенной совокупности.

В данной части также следует считать противоречащими уголовному закону разъяснения, данные Верховным Судом РФ, поскольку в них предлагается разрешать вопрос конкуренции уголовно-правовых норм неестественным для этого способом – посредством квалификации по совокупности преступлений.

Деяние, направленное на незаконное освобождение от уголовной ответственности, относится к категории тяжких преступлений, за него предусмотрено более строгое наказание, чем за фальсификацию доказательств по уголовному делу, – лишение свободы сроком до 7 лет.

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать вывод, что, устанавливая такую меру ответственности, законодатель также учел, что данная норма является специальной по отношению к статье 303 УК РФ и охватывает собой фальсификацию доказательств, поскольку нормальный порядок сбора доказательств будет выступать факультативным объектом незаконного освобождения от уголовной ответственности. Так, фальсификация доказательств по уголовному делу по праву может считаться стадией совершения деяния, направленного на незаконное освобождение от уголовной ответственности.

С целью недопущения неверной интерпретации уголовно-правовых норм, а следовательно, неверного их применения, по нашему мнению, следует внести изменения в уголовный закон посред-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ством изложения части 2 статьи 299 УК РФ с указанием на квалифицирующий признак: «а равно сопряженное с фальсификацией доказательств». Данная редакция позволит обеспечить надлежащую уголовно-правовую охрану общественных отношений, а также дифференцировать уголовную ответственность лиц, виновных в совершении исследуемых деяний.

Кроме того, для дифференциации уголовной ответственности, по нашему мнению, необходимо увеличить санкцию, предусмотренную за деяние, указанное в части 1 статьи 299 УК РФ, установив максимальный порог наказания в виде лишения свободы на срок до восьми лет. Таким образом, деяние, предусмотренное частью 1 статьи 299 УК РФ, будет содержать наказание более строгое, чем предусмотренное статьей 303 УК РФ наказание за фальсификацию доказательств.

Данное изменение позволит в полном объеме обеспечить уголовно-правую охрану интересов правосудия как в случае фальсификации доказательств, совершенных с целью незаконного привлечения заведомо невиновного лица к уголовной ответственности, так и в случае самого деяния.

Также наблюдаются некоторые проблемы при квалификации фальсификации доказательств, совершаемой некоторыми участниками уголовного судопроизводства. Из анализа положений уголовно-процессуального законодательства следует вывод, что в процедуре доказывания по уголовному делу задействованы и иные участники судопроизводства, кроме перечисленных в диспозиции части 2 статьи 303 УК РФ.

В частности, следует отметить отдельно таких участников процесса, как гражданский истец и гражданский ответчик (статьи 44, 54 УПК РФ). Отсутствие данных лиц в перечне субъектов фальсификации доказательств (в части 1 или 2 статьи 303 УК РФ), на наш взгляд, необоснованно в виду следующего.

В силу положений указанных выше статей, оба эти участника наделены правом собирать и представлять доказательства. Таким образом, представляется возможным совершение фальсификации доказательств, к примеру, гражданским истцом при представлении в подтверждение требований гражданского иска заведомо сфальсифицированного отчета об оценке. Однако, с точки зрения действующего уголовного закона, такие действия не образуют состав фальсификации доказательств.

В то же время, требования гражданско-правового характера могут не заявляться во время производства по уголовному делу. А лицо, имеющее соответствующее право, может обратиться с иском к причинителю вреда с требованием о его возмещении в соответствии с правилами, установленными гражданско-процессуальным законодательством. В таком случае, дело будет рассмотрено в порядке, предусмотренном ГПК РФ, что означает, в приведенном выше примере, наличие

у лица всех признаков состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 303 УК РФ.

Таким образом, столь выборочная охрана общественных отношений, позволяет в одном случае привлечь лицо к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, а в другом – не позволяет, поскольку отсутствуют признаки субъекта фальсификации доказательств.

При разрешении этого вопроса, полагаем, что характер и степень общественной опасности фальсификации доказательств, совершаемой гражданским истцом и гражданским ответчиком в части гражданского иска в уголовном судопроизводстве, является такой же, как и при фальсификации доказательств по гражданскому делу (часть 1 статьи 303 УК РФ). На основании изложенного, полагаем целесообразным указать в диспозиции части 1 статьи 303 УК РФ на признаки субъекта преступления – гражданского истца и гражданского ответчика, а также их представителей, что позволит обеспечить полноту уголовно-правовой охраны установленного порядка доказывания [9, С. 227].

Кроме изложенного, по нашему мнению, с учетом предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством множественности субъектов, уполномоченных на производство следственных действий по уголовному делу наряду с лицом, производящим дознание, и следователем (следователь-криминалист, участник следственной группы, уполномоченные на производство отдельных следственных действий без принятия уголовного дела к своему производству, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, выполняющее отдельное поручение следователя или дознавателя), в целях обеспечения полноты законодательной регламентации основания уголовной ответственности указанных лиц за фальсификацию доказательств внести изменение в диспозицию части 2 статьи 303 УК РФ, заменив формулировку «лицом, производящим дознание, следователем» на фразу «лицом, уполномоченным на производство следственных действий».

Литература

1. Петрухин, Г.В. Проблемы законодательной регламентации фальсификации доказательств и результатов ОРД (ст. 303 УК РФ) / Г.В. Петрухин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4–2 (91). – С. 88–90.
2. Благодарь И.С. Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 19.
3. Михайлова, Е.В. О критериях разграничения процессуальных форм защиты субъективных гражданских прав и законных интересов в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Е.В. Михайлова // Российская юстиция – 2024. – № 2 // Консультант Плюс: справочно-

правовая система. – Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ.

4. Жижина, М.В. Противодействие фальсификации документов в арбитражном судопроизводстве / М.В. Жижина // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2008. – № 3. – С. 45–50.
5. Волкова, И.А. Ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Волкова. – Москва, 2005. – 159 с.
6. Чекмезова, Е.И. Преступления против правосудия [Электронный ресурс]: монография / Е.И. Чекмезова. – Омск: Сибирский юридический университет, – 2024 // Консультант Плюс: справочно-правовая система. – Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. В 4 томах. Т. 4. Особенная часть. Разделы X–XII / В.М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В.М. Лебедев. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 276 с.
8. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (в редакции от 30 июля 1996 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. – Утратил силу с 1 января 1997 г. в связи с введением в действие Уголовного кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ).
9. Скороходов, А.К. Фальсификация доказательств гражданским истцом, гражданским ответчиком в части гражданского иска по уголовному делу / А.К. Скороходов // Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла: Материалы II Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 11 апреля 2025 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. – С. 224–228.

ISSUES IN THE CRIMINAL QUALIFICATION OF EVIDENCE FALSIFICATION: DELINEATION FROM ADJACENT CRIMES AND THE ENHANCEMENT OF THE ELEMENTS OF THE CRIME UNDER ARTICLE 303 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Skorokhodov A.K.

Tyumen State University, Tyumen, Russia,

This article provides a critical analysis of proposals to improve the statutory wording of Part 1 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, specifically concerning the definition of the

criminal subject matter through the introduction of the term “arbitration cases.” The study is also devoted to distinguishing evidence tampering from related offenses that criminalize forgery. It assesses the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the qualification of acts under Parts 2 and 3 of Article 303 of the Criminal Code as an aggregate of crimes with acts under Articles 299 and 300 of the Criminal Code. Based on the research, the author formulates recommendations for qualifying evidence tampering in situations of conflict of criminal law rules and as an aggregate of crimes. Furthermore, specific problems in the legislative definition of the subject of these crimes are identified, and doctrinal proposals for amending Parts 1–3 of Article 303 of the Criminal Code are put forward.

Keywords: evidence tampering, moment of completion of the crime, criminal qualification, conflict of criminal law rules, aggregate of crimes.

References

1. Petrukhin, G.V. (2024). Problems of Legislative Regulation of the Falsification of Evidence and the Results of Operational Search Activities (Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 4–2(91), 88–90. (In Russ.).
2. Blagodar', I.S. (2008). Falsification of Evidence: Responsibility and Issues of Qualification. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow. P. 19. (In Russ.).
3. Mikhailova, E.V. (2024). On the Criteria for Differentiating Procedural Forms of Protection of Subjective Civil Rights and Legitimate Interests in the Russian Federation. *Rossiiskaya Yustitsiya* [Russian Justice], (2). Retrieved from ConsultantPlus legal reference system: Tyumen State University local network. (In Russ.).
4. Zhizhina, M.V. (2008). Countering the Falsification of Documents in Arbitration Proceedings. *Vestnik Arbitrazhnogo Suda Goroda Moskvy* [Bulletin of the Arbitration Court of Moscow], (3), 45–50. (In Russ.).
5. Volkova, I.A. (2005). Liability for Falsification of Evidence in a Criminal Case. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow. 159 p. (In Russ.).
6. Chekmезova, E.I. (2024). Crimes Against Justice. Monograph. Omsk: Siberian Law University. Retrieved from ConsultantPlus legal reference system: Tyumen State University local network. (In Russ.).
7. Lebedev, V.M. (Ed.) (2025). *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 Vols. Vol. 4. Special Part. Sections X–XII*. Moscow: Yurait Publishing House. 276 p. (In Russ.).
8. Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960 (as amended on July 30, 1996). (1960). *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR], (40), Art. 591. Lost force on January 1, 1997, due to the enactment of the Criminal Code of the Russian Federation (Federal Law No. 64-FZ of June 13, 1996).
9. Skorokhodov, A.K. (2025). Falsification of Evidence by a Civil Plaintiff and a Civil Defendant in the Part of the Civil Claim in a Criminal Case. In *Conceptual and Categorical Apparatus of Criminal Law Sciences: Materials of the II International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 11, 2025* (pp. 224–228). Yekaterinburg: V.F. Yakovlev Ural State Law University. (In Russ.).

Основы системы гражданско-правового образования: принципы компетенции

Сморгунова Валентина Юрьевна,

доктор философских наук, профессор? кафедра теории права и гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: prof_smorgunova@mail.ru

Мухадаев Магомед Османович,

доктор политических наук, доцент, кафедра теории права и гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: theorylaw02@mail.ru

Садакова Диана Анатольевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра теории права и гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: sadakovadiana@rambler.ru

Метелёва Любовь Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории права и гражданско-правового образования
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: lubfr@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к осмыслению феномена гражданско-правового образования, принципы, положенные в основу его содержания. В статье отражены ключевые компетенции, которые необходимо сформировать в процессе освоения комплекса дисциплин гражданско-правовой направленности.

Ключевые слова: гражданско-правовое образование, компетенции, гражданская идентичность, патриотизм, правосознание, правовая культура, конфликтологическая компетенция.

Развитие и совершенствование гражданско-правового образования как теоретико-правовой отрасли и комплекса дисциплин предполагает осмысление принципов, положенных в основу его содержания и компетенций, формирующих теоретические и практические составляющие полученных знаний. Ключевыми принципами являются многоуровневость, практикоориентированность, региональная особенность и всеобщность.

Практикоориентированность гражданско-правового образования означает, что оно ни в коем случае не может быть исключительно теоретическим. Сама его суть в том, чтобы сформировать компетенции, то есть, в том числе, мотивацию к деятельности и основы успешной деятельности в профессиональной сфере и в социальном взаимодействии. Педагогам нужно использовать реальные правовые данные, предлагать для решения профессиональные задачи, кейсы, рассматривать законодательство и практику его применения в контексте проблем обыденной жизни и профессиональной деятельности. Преемственность позволяет рассматривать развитие государственно-правовой системы в динамике.

Многоуровневость позволяет разрабатывать последовательные программы, пользуясь которыми обучающийся будет подниматься всё выше в своём образовательном уровне и достигать желаемых результатов. Эти принципы также позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся. Всеобщность гражданско-правового образования – это залог единства нашей страны. Региональная особенность позволяет принять во внимание этнические традиции, социальные, экономические, политические условия, религиозные и культурные особенности. Этот принцип нацелен на формирование заинтересованности у обучающихся к культурному разнообразию и национальной идентичности народов России.

Разработанная на основе данных принципов система гражданско-правового образования способствует формированию высокой правовой культуры и развитого правосознания, гражданственности и патриотизма, нравственных основ, правовых убеждений, этико-правовых критериев самооценки и оценки государственно-правовых фактов окружающей действительности.

Все эти необходимые для жизни и профессиональной деятельности условия формируются на разных уровнях. На исходном у обучающихся можно диагностировать обрывочные несистематизированные эпизодические знания и умения в сфере социального взаимодействия. Эти знания

не всегда связаны с реальными ситуациями. Чаще всего на этом уровне люди не умеют пользоваться полученными знаниями, реализовывать их в жизненных ситуациях. На базисном уровне правосознание становится более оформленным, знания – более устойчивыми и систематизированными. Обучающиеся могут небезуспешно пытаться применять их в стандартных жизненных обстоятельствах. Профессиональный уровень характеризуется наличием сформированной правовой культуры и развитым правосознанием, а также возможностью применять полученные знания, решая сложные задачи в профессиональной деятельности или в нестандартных ситуациях.

Можно выделить дидактические, методические и организационные подходы к воплощению гражданско-правового образования. К дидактическим относят вопросы формирования мотивации и личной заинтересованности обучающихся; учёт личностных и индивидуальных особенностей различных категорий обучающихся; сочетание практических и теоретических навыков в рамках гражданско-правового образования; вопросы сочетания аудиторной и разных форм внеаудиторной работы, в том числе, самостоятельную работу, производственную практику, волонёрскую и иную общественно-полезную деятельность; разработку и использование новых образовательных технологий и т.п.

К методическим условиям гражданско-правового образования относят разработку образовательных программ, которые обеспечивали потребности самых разных категорий обучающихся; создание научно-методической базы и т.п.

К организационным условиям можно отнести вопросы управления образованием во всех формах (государственное, общественное, государственно-общественное и т.п.); координацию органов власти в сфере осуществления образовательной деятельности; разработку нормативно-правовых актов в образовательной сфере; решение кадровых вопросов, в том числе, повышение квалификации педагогов в современной ситуации; создание сети образовательных организаций или структурных подразделений существующих образовательных организаций, направленных на решение вопросов в области обеспечения гражданско-правового образования.

В процессе гражданско-правового образования формируется следующая система основополагающих компетенций:

- когнитивная – способность и готовность получать знания и усваивать их, в том числе, осуществлять отбор информации, осуществлять её рациональную обработку, запоминать, хранить и воспроизводить при необходимости, демонстрировать знания о том, как действовать в той или иной правовой ситуации, понимать, как устроена политико-правовая система, как в ней функционирует отдельная личность, каковы взаимосвязи человека, государства и об-

щества, что такое закон и как он работает, как происходит политическое участие и т.п.;

- аффективная – сформированное личное позитивное эмоциональное отношение к государству и праву, готовность действовать не только во имя личного благополучия, но и во благо государства и общества;
- познавательная – способность к приобретению и усвоению общественно-политических и правовых знаний из разных источников информации, сопоставления, выделения главного и готовность действовать в соответствии с результатом, в том числе, разрешать проблемы правового характера, конфликты, осуществлять самостоятельные исследования, анализ полученных данных и т.п.;
- коммуникативная – это способность общаться, то есть устанавливать социальные связи, поддерживать взаимодействия, быть реальным субъектом правоотношений, способность устанавливать сотрудничество, позитивные связи с другими участниками общественных отношений, опыт работать в группе и организовывать работу в группе, обладание навыками социальной мобильности, способности регулирования социальных взаимодействий;
- межкультурная – как продолжение коммуникативной означает возможность налаживания межкультурных связей на основе знания и уважения культуры, традиций, национальных особенностей других людей; умение эффективно и позитивно общаться даже в условиях недостаточности информации о культурных особенностях и стандартах собеседника;
- креативная – способность к активизации и развитию творческого мышления, способностей, возможность разработать инициативный и инновационный проект, нестандартно подойти к решению задач;
- социально-политическая и правовая – ответственное поведение, участие в политико-правовых процессах, требующих принятия групповых солидарных решений, выполнение социальной роли гражданина;
- обучение на протяжении всей жизни – готовность и способность самостоятельно обучаться и постоянно расширять свои знания в контексте постоянно меняющейся реальности.

Фундаментальной компетенцией, которая формируется в процессе гражданско-правового образования, является гражданская идентичность, составляющая ядро гражданственности, взаимной связи со своим государством, которая стала частью личности через понимание, эмоционального отношения, интернализации знания, мотивации и готовности к правомерному поведению в связи с этим знанием. Гражданская идентичность – это «свободное отождествление человека с российской нацией (народом); включённость человека в общественную, культурную жизнь страны, осознание себя россиянином; ощущение причастности прошлому, настоящему и будущему российской на-

ции»¹. Нередко возникает вопрос о том, что гораздо более значимое явление – это идентификация со своим национально-этническим сообществом, то есть локальная или региональная идентичность. С другой стороны, существует множество наднациональных объединений. Граждане каждой европейской страны одновременно ощущают себя европейцами, в том числе, в политико-правовом смысле принадлежности. В ряде стран Европы исследователи фиксируют наличие тройной идентичности: своей национально-этнической или культурно-исторической общности (баски, кельты, корсиканцы и т.п.), государственной (французы, немцы, британцы любой национальности и расы), наднациональной (европейцы, латиноамериканцы, африканцы). Представляется, что «гражданином мира» невозможно стать, отрекаясь от своей государственной идентичности, коренной связи со своим народом, страной. Гражданская идентичность, гражданственность, лояльность своему государству даёт ощущение устойчивой основы, опоры, позволяющей объективно и рационально (не на основе фантазий, не подкреплённых личными впечатлениями или проверенными данными) судить о разнообразных возможностях, которые нам предоставляет современный мир. Если неполностью сформирована гражданско-правовая компетенция, если отсутствует или неполна интернализация, то человек не сможет полностью воспользоваться предоставляемыми государством правовыми возможностями.

Представляется, что именно этому и стоит учить в наших школах и университетах, дошкольных образовательных организациях и средних профессиональных учебных заведениях, а также в рамках дополнительного образования и правового просвещения, в том числе, для взрослых. Но для этого должна быть основа в виде программы гражданско-правового образования на всех уровнях.

Формирование гражданской идентичности не может происходить в рамках трансляции определённого набора знаний. «Воспитательный эффект в рамках формирования гражданской идентичности будет достигнут лишь в том случае, когда когнитивные знания будут увязаны с чувствами, когда вводятся элементы проблемно-ценностного общения»². Речь идёт о просветительских мероприятиях, в рамках которых человек, обладая свободной волей и сознанием, воспринимает информацию и мыслит и действует на ее основании.

Поскольку нередко обучаемые относятся с недоверием и даже отторжением по отношению к попыткам сформировать гражданские качества, то необходимо сопровождать гражданско-

правовое образование получением позитивных эмоций, которые способствуют усвоению и интернализации информации, формированию компетенций. Помимо этого, педагогический механизм становления гражданской идентичности включает в себя процесс формирования волевых качеств (особенно это важно впоследствии, когда человек включается в самообразование и самовоспитание). Реализация таких внутренних черт, как ответственность, решительность, открытость новому знанию, эмоциональный интеллект формируют личность, способную создавать правовую реальность, наполненную ценностями патриотизма, развитого правосознания, духовной сопричастности судьбе своей страны.

Позтому существует следующая модель формирования гражданской идентичности в процессе правового обучения и гражданско-правового образования³:

- обучающиеся получают определённую сумму знаний (когнитивный компонент);
- определяют эмоциональное отношение к данной информации (аффективный компонент);
- формируют способность и готовность реализовывать себя как гражданина на практике, например, готовы пойти на выборы, участвуют в волонтерских акциях и т.п. (деятельностный компонент).

Одной из задач гражданско-правового образования можно считать формирование коммуникативной компетенции. Она означает способность организовать пространство для общения, в котором субъект способен, в частности, управлять конфликтами. Структура конфликтологической компетентности включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов⁴: коммуникативного (умение организовывать бесконфликтное общение и вовремя реагировать на конфликтогены); нормативного (владение разными нормативными системами для управления конфликтом); когнитивного (наличие системы конфликтологических знаний и умений и готовности реализовывать их в своём поведении); регулятивного (умение оказывать структурированное, логичное воздействие на конфликт и его участников с целью его предотвращения или разрешения, а также умение организовывать профилактические мероприятия); прогностический (умение предвидеть конфликтные ситуации и реакции его участников).

Конфликтологическая составляющая представляет собой важную компетенцию в гражданско-правовом образовании. Она играет огромную роль как в профессиональной жизни, так и в повседневности. Это часть и образовательного, и воспитательного проекта. Обучаясь основам конфликтологической культуры в школе и вузе, а также за их

¹ Цит. по: Беляева М.В. Гражданская идентичность как вектор развития географического образования и условие устойчивого развития общества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 12.

² Махинин А.Н. Проблема эффективности формирования российской гражданской идентичности у старшеклассников // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, Т. 17, № 2, 2011, с. 13.

³ Тебенькова Е.А., Несговорова Н.П., Савельев В.Г. Методическая система формирования гражданской идентичности младших школьников // Вестник Курганского государственного университета, № 3 (50), 2018, с. 88–92.

⁴ Никулина И.В.. Конфликтологическая компетентность преподавателя вуза // Вестник Самарского государственного университета, № 9 (120), 2014, с. 222–226.

пределами в рамках самообразования, люди получают навыки, которые можно применять в любой сфере в любой момент времени, настолько они универсальны и полезны. Но при этом важно, чтобы в процессе обучения конфликтологическая компетенция была реально интернализирована, стала действительно частью правовой культуры, а не просто набором теоретических знаний. К сожалению, нередко знания, которые даются в образовательном учреждении, не усваиваются, поскольку программа обучения выстроена неверно, без учёта современной специфики и педагогических технологий. В этом случае большая часть информации может быть забыта, а часть не будет использоваться, поскольку не формируются деятельностные основы компетенции. Это одна из самых значимых проблем современного образования. Современные исследования показывают «неравномерность развития отдельных структурных компонентов конфликтологической компетентности в подростковом возрасте: когнитивный компонент опережает в своем развитии эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, т.е. подростки, в основном, понимают сущность конфликта, знают о причинах его возникновения и развития, но им трудно отразить собственное поведение и поведение другого человека в конфликтной ситуации и выбрать конструктивный для саморазвития и для сохранения взаимоотношений способ поведения в конфликте»¹. Оказывается, что подростки не только склонны к конфликтному поведению, но ориентированы и на разрешение конфликта. Другое дело, что они не всегда понимают, как это можно сделать.

Конфликтологическая компетенция включает:

1. Понимание предпосылок и сущности и объективности существования конфликтов;
2. Умение видеть потенциальные и конкретные конфликтные ситуации;
3. Личностный навык бесконфликтного взаимодействия;
4. Умение управлять конфликтами и переводить их в русло бесконфликтного разрешения;
5. Способность устранять отрицательные последствия конфликтов.

Низкий уровень конфликтологической компетенции заключается в том, что у человека сформирован высокий уровень конфликтности. Он нередко имеет затяжные конфликтные отношения с окружающими; не способен контролировать эмоции в конфликтных ситуациях; не склонен анализировать конфликт, не стремится к его конструктивному разрешению. В конфликтном взаимодействии проявляет некорректность, вспыльчивость, категоричность, нетерпимость к мнению других. Не учитывает психологические и возрастные особенности участников конфликта. Не способен предвидеть возможный конфликт и его послед-

ствия. Часто нуждается в посреднической помощи в разрешении конфликтов.

Средний уровень конфликтологической компетенции выражается в следующем: человек имеет конфликтные отношения с окружающими, но принимает самостоятельные усилия для их разрешения, у него сформированы умения самокритично оценивать ситуацию, анализировать конфликтную ситуацию, предвидеть возможные последствия ее разрешения; в большинстве случаев ориентирован на учет мнения конфликтующей стороны, проявляет гибкость и тактичность, готовность идти на компромисс; адекватно воспринимает конфликтную ситуацию, ориентирован на совместный поиск решения; однако не всегда имеет аргументы для конструктивного ведения спора, бывает несдержанным, категоричным.

Высокий уровень конфликтологической компетенции связан с тем, что человек предвидит возникновение предконфликтной ситуации, возможный конфликт, анализирует причинно-следственные связи и движущие силы конфликтного противоборства, умеет предотвращать конфликтные ситуации, гибко реагирует на изменение ситуации, может предвидеть впечатление, которое производит на окружающих, учитывает эмоциональное состояние участников конфликта, владеет собой, ориентирован на сотрудничество, отличается высокой культурой спора, прислушивается к мнению других людей, обладает такими качествами, как тактичность, дружелюбие².

Важным показателем сформированной конфликтологической компетенции можно считать ясное понимание того, когда конфликт требует решения, а когда нужно использовать иные инструменты для урегулирования ситуации. Бывает ситуация, когда конфликта можно избежать, используя стратегию ухода, а бывает, наоборот, что его игнорирование, стремление избежать любым способом приводит к перерастанию в более трудно разрешимые формы. В подобных ситуациях гораздо разумнее дать возможность конфликту вызреть, проявиться в открытой форме с тем, чтобы, управляя его ходом, можно было бы прийти к конструктивному решению проблемы и позитивному результату³. Можно использовать механизмы коллективной рефлексии для профилактики конфликтов⁴.

Конфликтологическую компетенцию стоит начать формировать как можно раньше, ещё в дошкольном возрасте. Особое значение она начинает приобретать в период подростковых кризисов,

² Сморгунова В.Ю., Рукинов В.А., Калинина Е.Ю., Садакова Д.А. История, теория и практика гражданско-правового образования. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – 175 с.

³ Эрнazarова Г.О., Хазиева Э.Д. Необходимость конфликтологической компетентности педагога // Национальная ассоциация ученых, № 69–2, 2021, с. 33–36.

⁴ Абдуллазаде Н.Р.О. Методика коллективной рефлексии как инструмент профилактики конфликтов в студенческой группе // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня завтра. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 4–8

¹ Худяева М.Ю. Психологические особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, Т. 16, № 24 (143), 2012, с. 227.

и ребёнка необходимо подготовить к этой нелёгкой ситуации в его жизни. Если у него не будут сформированы основы конфликтологической компетенции, то склонность к конфликтности будет протекать более тяжело, вызывая сложные взаимоотношения даже с близкими людьми. Подростки наиболее страдают в этот период становления психики, становятся более чуткими ко всему, что может их обидеть, более эмоциональными, глубоко ранимыми и реагирующими на всё, что им кажется конфликтным. Они склонны всеми возможными способами защищать формирующиеся ценности. Недостаточная сформированность конфликтологической компетенции препятствует эффективной социализации, адаптации в обществе, что нередко становится причиной девиантного поведения, носящего негативный, деструктивный характер. Параллельно они сталкиваются с расстройствами психической деятельности, становясь замкнутыми или раздражительными, угрюмыми, подавленными или озлобленными, тревожными, депрессивными, у него может появиться склонность к суициду, он может демонстрировать недовольство собой и окружающими. «...дефицитное состояние конфликтной компетентности может привести подростка к различным негативным проявлениям: расстройству психики, возрастанию уровня тревожности, отсутствию желания взаимодействовать с окружающими»¹.

Представляется очень важным в ходе становления конфликтологической компетенции детей и подростков плотно взаимодействовать с родителями. Правда, часто оказывается, что такая компетенция не сформирована и у самих родителей, что является подтверждением необходимости развития дополнительного гражданско-правового образования и просвещения.

Гражданско-правовое образование обладает фундаментальной ролью в системе образования. Гражданско-правовое образование необходимо, чтобы человек стал в полной мере гражданином, стал полноценной частью правового пространства, правового мира, который разнообразен, сложен, предоставляет большие возможности, имеет свои ценностные рамки. Благодаря грамотно осуществляемому гражданско-правовому образованию человек становится не пассивным наблюдателем в политико-правовом пространстве, а активным ответственным творцом, осознающим свои поступки, контролирующим их и осознающим их последствия. Без гражданско-правового образования ни юридическое образование, ни педагогическое, ни какое-либо другое не сможет считаться полным, комплексным, многоаспектным.

Для развития современного государства, которое можно обозначить как правовое², огромное

значение имеет гражданско-правовое образование³. Современная модель гражданско-правового образования в своей основе имеет идею «образования в течение всей жизни», что означает необходимость наличия разных образовательных программ, которые бы различались по срокам, по степени сложности, чтобы на них могли обучаться люди разного уровня изначального образования и профессий, возраста и благосостояния. Важно, чтобы такие программы отвечали потребности людей: кому-то нужно повышение квалификации, профессиональная подготовка, а кому-то нужно решить конкретную проблему, например, в процессе развода при минимальном уровне конфликтности разрешить имущественные споры или мирно решить вопрос о месте проживания ребёнка и т.п. Программы должны быть направлены и на общее развитие людей, повышение их общей и правовой культуры и расширение кругозора. Дополнительное образование взрослых направлено на изучение основных социальных проблем, которые граждане могли бы решить самостоятельно, не прибегая к помощи компетентных органов. В конце концов это могло бы решить проблему загруженности судов и работников правоохранительной сферы. Могла бы повыситься культура общественного поведения, вырасти уровень знаний, сформироваться правовое мышление. Следовательно, у юридических факультетов педагогических вузов существует огромный простор для развития подобного рода общественной деятельности.

Литература

1. Беляева М.В. Гражданская идентичность как вектор развития географического образования и условие устойчивого развития общества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 12.
2. Махинин А.Н. Проблема эффективности формирования российской гражданской идентичности у старшеклассников // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, Т. 17, № 2, 2011, с. 13.
3. Тебенькова Е.А., Несговорова Н.П., Савельев В.Г. Методическая система формирования гражданской идентичности младших школьников // Вестник Курганского государственного университета, № 3 (50), 2018, с. 88–92.
4. Никулина И.В.. Конфликтологическая компетентность преподавателя вуза // Вестник Самарского государственного университета, № 9 (120), 2014, с. 222–226.

¹ Антилогова Л.Н., Евтихов О.В. Конфликтная некомпетентность как фактор деструктивного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах, Т. 26, № 2 (85), 2021, с. 164.

² Глушаченко С.Б., Биляшенко Е.В., Зуев А.В. Исторические предпосылки возникновения и развития концепции право-

вого государства // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 32–26

³ Глушаченко С.Б., Метелева Л.В., Морозова Э.В. Высшее юридическое образование в Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 191. С. 7–14

5. Худаева М.Ю. Психологические особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, Т. 16, № 24 (143), 2012, с. 227.
6. Сморгунова В.Ю., Рукинов В.А., Калинина Е.Ю., Садакова Д.А. История, теория и практика гражданско-правового образования. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – 175 с.
7. Эрнazarова Г.О., Хазиева Э.Д. Необходимость конфликтологической компетентности педагога // Национальная ассоциация ученых, № 69–2, 2021, с. 33–36.
8. Абдуллазаде Н.Р.О. Методика коллективной рефлексии как инструмент профилактики конфликтов в студенческой группе // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 4–8
9. Антилогова Л.Н., Евтихов О.В. Конфликтная некомпетентность как фактор деструктивного поведения подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах, Т. 26, № 2 (85), 2021, с. 164.
10. Глушаченко С.Б., Билашенко Е.В., Зувев А.В. Исторические предпосылки возникновения и развития концепции правового государства // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 32–26
11. Глушаченко С.Б., Метелева Л.В., Морозова Э.В. Высшее юридическое образование в Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2019. № 191. С. 7–14

FUNDAMENTALS OF THE CIVIL LAW EDUCATION SYSTEM: COMPETENCE PRINCIPLES

Smorgunova V.Yu., Mukhudadaev M.O., Sadakova D.A., Meteleva L.V.
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia

This article examines theoretical approaches to understanding the phenomenon of civil law education and the principles underlying its content. It also highlights key competencies that must be developed in the process of mastering a set of civil law disciplines.

Keywords: civil and legal education, competencies, civic identity, patriotism, legal consciousness, legal culture, conflictological competence.

References

1. Belyaeva M.V. Civic Identity as a Vector of Development of Geographical Education and a Condition for Sustainable Development of Society // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2017. No. 4. P. 12.
2. Makhinin A.N. The Problem of the Efficiency of Forming Russian Civic Identity among High School Students // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, Vol. 17, No. 2, 2011, p. 13.
3. Tebenkova E. A., Nesgovorova N.P., Savelyev V.G. Methodical System for Forming Civic Identity in Primary School Students // Bulletin of Kurgan State University, No. 3 (50), 2018, pp. 88–92.
4. Nikulina I.V. Conflictological competence of a university teacher // Bulletin of Samara State University, No. 9 (120), 2014, pp. 222–226.
5. Khudaeva M. Yu. Psychological features of the development of conflictological competence in adolescence // Issues of journalism, pedagogy, linguistics, Vol. 16, No. 24 (143), 2012, p. 227.
6. Smorgunova V.Yu., Rukinov V.A., Kalinina E.Yu., Sadakova D.A. History, theory and practice of civil-law education. Textbook. – St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical Univ., 2022. – 175 p.
7. Ernazarova G.O., Khazieva E.D. The Need for Teachers' Conflictological Competence // National Association of Scientists, No. 69–2, 2021, pp. 33–36.
8. Abdullazade N.R.O. Methodology of Collective Reflection as a Tool for Preventing Conflicts in a Student Group // Humanities in a Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, 2024. pp. 4–8
9. Antilogova L.N., Evtikhov O.V. Conflict Incompetence as a Factor in Destructive Behavior of Adolescents // Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies, Vol. 26, No. 2 (85), 2021, p. 164.
10. Glushachenko S.B., Bilashenko E.V., Zuev A.V. Historical Prerequisites for the Emergence and Development of the Concept of the Rule of Law // Journal of Legal and Economic Research. 2024. No. 1. pp. 32–26
11. Glushachenko S.B., Meteleva L.V., Morozova E.V. Higher Legal Education in the Russian Federation // Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia. 2019. No. 191. pp. 7–14

Налоговые правоотношения как важное звено современной конституционной культуры общества

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Панфилов Андрей Анатольевич,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: apanfilov@nescospb.ru

В статье авторами проводится научный анализ, связанный с особенностями регулирования налоговых правоотношений в системе современной конституционной культуры общества. Недостаточный уровень конституционной культуры влечет общую деформацию правосознания и поведения субъектов отношений, в том числе это способно повлечь за собой совершение налоговых правонарушений. Во многих ситуациях граждане с низким уровнем правовой грамотности не могут дать адекватную оценку существующей правовой действительности в сфере налогового законодательства, их культура постепенно скатывается к правовому нигилизму.

Ключевые слова: конституционная культура, налоговые правоотношения, конституция, Российская Федерация, государство, рыночные отношения, нормы права.

В соответствии со статьей 57 Конституции РФ, каждый гражданин России обязан платить законно установленные налоги и сборы. Законы устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют [1].

Данная статья впервые в нашей стране была включена в текст Конституции по причине вступления РФ в сферу рыночных отношений, когда экономический сектор нашей страны в значительной степени пополнился различными видами экономической деятельности.

Конституционная обязанность платить налоги и сборы является всеобщей и распространяется на всех граждан, кроме тех, кто имеет субъективные права в силу своего правового статуса их не платить или платить частично.

По мысли В.Д. Зорькина, принятие Конституции РФ подразумевало подчинение государства, его органов и должностных лиц, требованиям правовых предписаний и, тем самым, вывело его на путь конституционной государственности, тесно связанной с идеями и практикой законности. Значение Конституции подчеркивается тем фактом, что она является гарантом пресечения волюнтаристских действий. Потенциально они могут предприниматься многими субъектами, включая недобросовестных представителей государственной власти. Основным призванием Конституции представляется обеспечение стабильности, динамизма в развитии государства, существующего в условиях новых вызовов современного глобального мира [1].

Одна из ключевых идей, которая может быть вычленена из приведенных рассуждений, заключается в том, что нормы Конституции РФ осуществляются не в некой идеальной среде, но в условиях объективной реальности, для которой характерны многочисленные противоречия, закономерно возникающие в ходе государственного развития, в том числе в сфере налогового права.

Конституция РФ в настоящем занимает центральное место во всей правовой системе государства, определяя, как модель поведения субъектов отношений в области налоговых правоотношений, образующие облик современного российского государства. Рассматриваемый нормативный акт является базой для формирования иерархической структуры налогового законодательства, которая представлена в форме пирамиды, вершину которой она сама и занимает, определяя обязательность соответствия закрепленным в ней нормам всех других действующих в государстве норматив-

ных правовых актов, решений органов публичной власти, действий конкретных физических и юридических лиц. В изложенном аспекте проявляется такая характеристика Конституции России как прямой характер действия закрепленных в ее тексте требований и предписаний.

В контексте изложенного надлежит обратить внимание на в достаточной мере справедливое мнение О.Л. Коваленко, который говорил, что государство, полностью подчиненное праву и законности, не только на формальном уровне, но в реально существующих общественных отношениях, руководствующееся в своей деятельности созданными его же органами законодательными актами, может с большой долей уверенности характеризоваться как конституционное. При этом основным механизмом реализации данного требования на практике исследователь называет разделение властей [2, с. 25].

В отличие от советского государства, в котором названный принцип на протяжении длительного времени имел формальный характер, для Российской Федерации он представляется реально действующим правовым механизмом и эффективным инструментом, который призван не допустить злоупотреблений со стороны отдельных должностных лиц и органов публичной власти в сфере налогов и сборов. Нужно иметь в виду, что функциональность данного механизма, по существу, сегодня не подвергается сомнению, хотя отдельные составляющие его элементы могут подвергаться обоснованной критике и даже становиться предметом отдельных научных исследований, направленных на улучшение существующей системы сдержек и противовесов в публичной власти.

Тем не менее, объективная реальность на данный момент времени такова, что не все указанные положения реализованы должным образом. Например, для повышения доверия населения государства к органам публичной власти следует обеспечить полноценное осуществление требований ст. 7 Конституции РФ, которая провозглашает Россию социальным государством.

Получившие закрепление в соответствующей норме-принципе понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие» сегодня не получили не только полноценного воплощения, но и не были должным образом осмыслены с точки зрения теории. Также это заметно в положениях «социальных» статей в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина».

Сегодня, часть налогоплательщиков с низким уровнем конституционной и правовой культуры уклоняются от выплаты причитающихся государству налогов и сборов.

Авторы данной статьи, считают, что конституционная культура представляет из себя основанную на формальной (как писанной, так и неписанной) конституции модель государственно-правового развития, объединяющую в своей содержательной структуре юридические формы национального конституционного права, организа-

ционные основы национального конституционного устройства, субъектный состав, конституционно-правовые отношения, являющиеся субстанциональной составляющей национальной конституционной традиции.

Перед Российским государством в актуальных политических, правовых и общественных условиях сегодня стоит задача проводить целенаправленную работу по повышению уровня конституционной культуры и правовой грамотности населения, которые пока не достигают тех стандартов, что представляются нормой для развитых стран. Отметим, что данная работа должна проводиться не только среди государственных служащих или лиц, чья профессиональная деятельность каким-либо образом связана с налоговыми правоотношениями, но и среди рядовых обывателей и особенно среди молодежи. Работа по просвещению граждан должна быть массовой, а уровень правосознания не должен находиться в зависимости от субъективных показателей, включая, к примеру, материальную обеспеченность лица, его социальный статус и т.д.

Значимым представляется то, что повышение уровня правовой культуры в рамках конкретного общества не всегда способствует образованию именно конституционной культуры, но оно повышает шансы развития в этой области.

В свою очередь недостаточный уровень конституционной культуры влечет общую деформацию правосознания и поведения субъектов отношений, в том числе это способно повлечь за собой совершение налоговых правонарушений. Во многих ситуациях граждане с низким уровнем правовой грамотности не могут дать адекватную оценку существующей правовой действительности в сфере налогового законодательства, их культура постепенно скатывается к правовому нигилизму.

Поэтому, можно утверждать, что налоговые правоотношения сегодня являются в социальной структуре социума очень важным звеном конституционной культуры общества, именно на налоговых поступлениях и сборах держится бюджетная составляющая страны, а своевременность уплаты налогов и сборов со стороны физических и юридических лиц формируют законопослушность граждан страны, что сегодня столь необходимо для нашей страны в условиях санкций со стороны стран коллективного Запада.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Коноваленко О.Л. Становление и развитие конституционализма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

TAX RELATIONS AS AN IMPORTANT PART OF MODERN CONSTITUTIONAL CULTURE

Kalandarishvili Z.N. Panfilov A.A.

St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities, A.I. Herzen
Russian State Pedagogical University

Abstract In this article, the authors conduct a scientific analysis of the peculiarities of regulating tax legal relations in the system of modern constitutional culture. A lack of constitutional culture leads to a general deformation of legal consciousness and behavior, which can result in the commission of tax offenses. In many cases, individuals with low levels of legal literacy are unable to adequately assess the

existing legal reality in the field of tax legislation, and their culture gradually descends into legal nihilism.

Keywords: constitutional culture, tax legal relations, constitution, Russian Federation, state, market relations, legal norms.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the Parliament by voting on 12.12.1993, as amended, approved. during the all-Russian voting on 07/01/2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. St. 4398.
2. Konovalenko O.L. Formation and development of constitutionalism: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 2005.